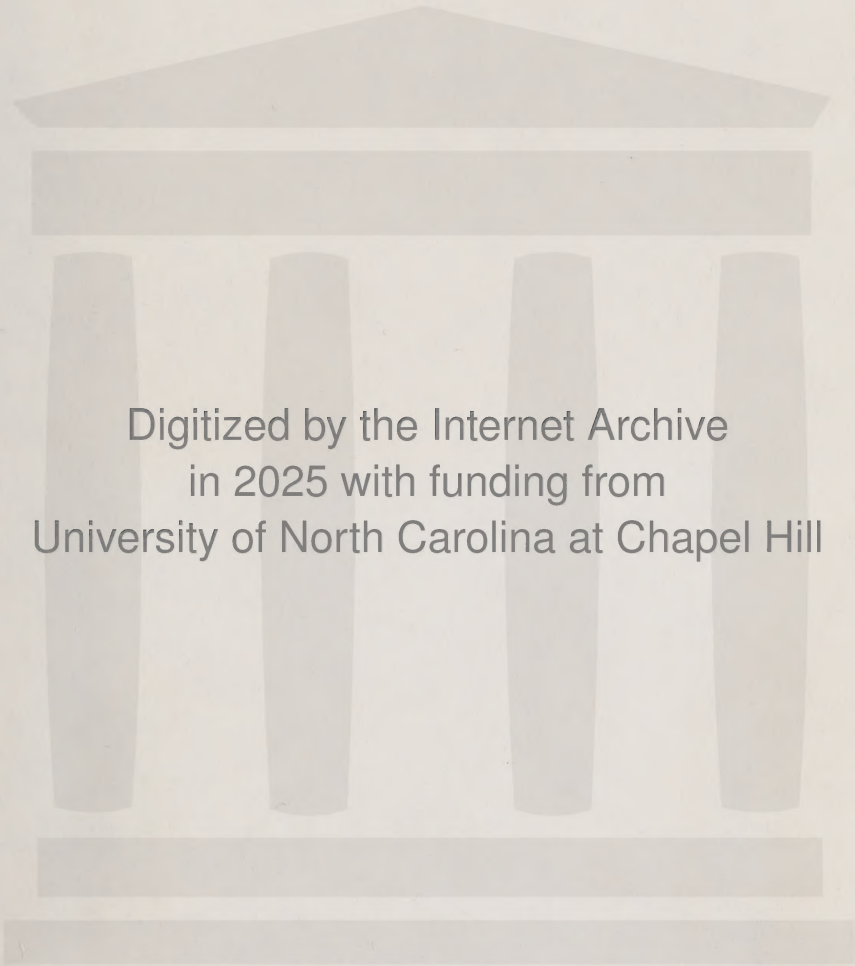
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

D449
.P6


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/slavianskmrpolit00pogo

А. Л. Погодинъ,
ординарный профессоръ Императорскаго
Харьковскаго университета.

СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ.

Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 года.

MW
C

DUPLICATE
HOOVER LIBRARY

D479
.P6

А. Л. Погодинъ,
ординарный профессоръ Императорскаго
Харьковскаго университета.

SLAVIANSKII MIR

СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ 1914 ГОДА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1915.

Вмѣсто введенія.

Я думаю, что въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать необходимость привести въ ясность важнѣйшія наши свѣдѣнія объ экономическомъ и политическомъ бытѣ славянскихъ народовъ. Попытку именно этого рода я рѣшаюсь предложить русскому обществу, сознавая ея неполноту и несовершенство. Но выполнить такой трудъ во всемъ его объемѣ едва ли доступно одному человѣку, да еще въ условіяхъ работы въ провинціальномъ городѣ. Поэтому я могу сказать съ чистой совѣстью: «faciant meliora potentes». Все то, что я могъ собрать во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по славянскимъ странамъ, все то, что на мой призывъ, напечатанный въ славянскихъ газетахъ въ августѣ прошлаго года, прислали мнѣ (особ. изъ Польши и Чехіи), я использовалъ такъ же, какъ обширную книжную и газетную литературу, которую мнѣ удалось собрать за многіе годы. Я писалъ о томъ, что есть, но не о томъ, чего я хотѣлъ бы, и потому я не избѣгалъ касаться тѣхъ больныхъ вопросовъ, которыхъ такъ много въ славянскомъ мірѣ. Этнографія славянства прекрасно изложена въ трудахъ проф. Флоринскаго и проф. Нидерле, и я не считалъ нужнымъ подробно останавливаться на ней въ этой книгѣ. Я предназначалъ свою книгу не только для образованнаго общества, желающаго познакомиться съ современнымъ славянствомъ, но и для высшей школы, гдѣ преподается такъ наз. «введеніе въ славяновѣдѣніе». Выражая глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ, кто помогалъ мнѣ въ этой трудной и сложной работѣ, повторяю: feci quod potui...

Харьковъ. 22 декабря, 1914 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава I.	КАКЪ ОБРАЗОВАЛАСЬ АВСТРО-ВЕНГРІЯ?	1—17
	Принципы австро-венгерской государственности	3
	Основное ядро австрійскаго конгломерата	4
	Борьба за первенство между Чехіей и Австріей	6
	Побѣда Австріи и послѣдующее усиленіе ея	7
	Новое распаденіе Австріи въ 1458 г.	9
	Объединительная дѣятельность имп. Максимиліана	10
	Соединеніе Австріи съ Чехіей и Венгріей	11
	Новыя земельныя пріобрѣтенія Австріи	14
	Созданіе Австрійской имперіи	16
	Образованіе территоріи Австро-Венгріи въ XIX вѣкѣ	17
	Исторія образованія Венгріи и Транслейтаніи	—
Глава II.	АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЙ ДУАЛИЗМЪ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ.	18—30
	Борьба мадьяръ за политическія права Венгріи до 1867 г.	20
	Законъ 21 декабря 1867 г. о дуализмѣ	25
	Правленіе олигархіи въ Венгріи	27
	Ея стремленія къ полному обособленію Венгріи отъ Австріи	28
	Соотношеніе національностей въ Венгріи	30
Глава III.	НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ АВСТРІИ ПОСЛѢ 1848 ГОДА	31—64
	Статистика національностей въ Австріи	33
	Національное законодательство въ Австріи до 1867 г.	34
	Конституція 21 декабря 1867 года	37
	Національная проблема въ Австріи послѣ 1867 г. до 1879 г.	40
	Національныя коллизіи послѣ 1879 г. до Бадени (1895)	44
	Отъ министерства Бадени до 1903 г.	49
	Отъ 1903 г. до проведенія новаго избирательнаго закона	53
	Новый курсъ въ Австріи съ 1907 г. и парламентскій застой	56
	Новые выборы въ рейхсратъ (1911) и полная остановка политической жизни въ Чехіи и Галиціи	63
	Выводы объ австрійской государственности	—
Глава IV.	ПОЛЯКИ ВЪ ПРУССІИ. ПОЗНАНЬ И (ПРУССКАЯ) СИЛЕЗІЯ	65—94
	Прусскія пріобрѣтенія и политика въ Польшѣ до 1840 г.	66
	Общественное движеніе въ Познани и прусская политика съ 40-ыхъ годовъ до 70-ыхъ	69
	Политическая жизнь польскихъ провинцій въ составѣ Германской имперіи	73
	Лозунгъ полнаго «истребленія» всего польскаго въ Пруссіи съ 1908 года	79
	Оборонительная политика польскаго населенія въ Пруссіи въ области аграрныхъ отношеній	80
	Итоги дѣятельности прусской колонизаціонной комиссіи	83
	Преслѣдованія польской экономической жизни въ Пруссіи	85
	Результаты прусской политики въ Познани	86
	Польская политическая жизнь въ Познани	—
	Поляки и мазуры въ Зап. и Восточ. Пруссіи, въ Силезіи и въ Вестфаліи	90
Глава V.	ПОЛЯКИ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. ПОЛЯКИ ВЪ РОС. ИМПЕРІИ	95—140
	Русская политика въ Ц. Польскомъ съ 1815 года и развитіе общественныхъ и политическихъ настроеній въ польскомъ обществѣ	95
	Статистика польскаго населенія въ Россіи	99

Стр.

Польскія отношенія къ бѣлоруссамъ, малороссамъ, литовцамъ и евреямъ . . 104
Общественныя настроенія въ Польшѣ въ 1912—14 г. 110
Общее финансовое положеніе Царства Польскаго 112
Аграрный вопросъ въ Ц. Польскомъ 114
Состояніе фабрично-заводской промышленности въ Ц. Польскомъ 119
Общее положеніе торговли въ Ц. Польскомъ 123
Рабочій вопросъ въ Ц. Польскомъ 124
Статистика эмиграціи изъ Ц. Польскаго 127
Кредитныя и промышленныя организаціи въ Ц. Польскомъ . . . . . —
Кооперативное движеніе въ Ц. Польскомъ 131
Культурныя и просвѣтительныя организаціи, а также школьный вопросъ въ Ц. Польскомъ 134
Маріавитизмъ 139

Глава VI. ПОЛЯКИ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ. ГАЛИЦІЯ И СИЛЕЗІЯ. ПОЛЯКИ ВЪ ВЕНГРІИ . . . . . 141—168
Статистика поляковъ въ Австро-Венгріи 141
Статистика населенія Галиціи 142
Польская политическая жизнь въ Галиціи 145
Польская экономическая жизнь въ Галиціи 153
Аграрный вопросъ въ Галиціи 154
Производительность Галиціи 156
Крестьянскія кооперацiи въ Галиціи 157
Добывающая и обрабатывающая промышленность въ Галиціи 158
Вопросъ о каналахъ въ Галиціи 161
Положеніе мѣстечекъ въ Галиціи . . . . . —
Экономическій кризисъ въ Галиціи въ 1913—14 г. 162
Эмиграція изъ Галиціи 163
Просвѣщеніе и культурныя общества въ Галиціи 164
Польское населеніе въ Венгріи 166
Польскіе колонисты въ Босніи 167
Польское населеніе въ Силезіи 168

Глава VII. РУССКОЕ ПЛЕМЯ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ. ГАЛИЦІЯ. БУКОВИНА. ВЕНГРІЯ . . . . . 169—197
Украинцы и русскіе въ Галиціи 169
Развитіе національнаго и политическаго сознанія русскаго населенія въ Галиціи 170
Культурное и экономическое положеніе русскаго населенія въ Галиціи . . 184
Русское населеніе въ Буковинѣ 192
Русское населеніе въ Венгріи 195

Глава VIII. КАШУБЫ И ОСТАТКИ ПОМОРСКИХЪ СЛАВЯНЪ . . . . . 198—206
Историческое прошлое кашубовъ и поморскихъ славянъ 198
Территорія и названіе кашубовъ 200
Національная жизнь кашубовъ съ XVI в. 202

Глава IX. ЛУЖИЦКІЕ СЕРБЫ . . . . . 207—216
Историческое прошлое лужицкихъ сербовъ 207
Статистика лужицкихъ сербовъ 210
Ихъ національное возрожденіе и современная національная жизнь 211

Глава X. ЧЕХИ ВЪ ЧЕХІИ И МОРАВІИ. ЧЕХИ ВЪ СИЛЕЗІИ . . . . . 217—264
Историческое прошлое чешскаго народа 217
Чешское національное возрожденіе до 1848 г. 220
Чешская національная политика послѣ 1848 г. до 1867 г. 225
Національная политика чеховъ послѣ 1867 г. до 1891 г. 231
Политика и партійныя отношенія чеховъ съ 1891 г. по 1914 г. 233
Національная и классовая статистика чеховъ въ Чехіи. 238
Аграрный вопросъ и сельское хозяйство въ Чехіи 239
Сельско-хозяйственныя организаціи въ Чехіи 240
Добывающая и обрабатывающая промышленность въ Чехіи 241
Рабочій вопросъ въ Чехіи 244
Пражская торговая палата 245
Промышленныя и финансовыя организаціи чеховъ въ Чехіи 246
Чешская эмиграція 248
Чешскій общенародный совѣтъ 249
Защита чешскихъ національныхъ меньшинствъ 250
Организація національнаго образованія въ Чехіи 253
Сокольская организація въ Чехіи. 256

Стр.
Чешская журналистика и научныя и литературныя организаціи 257
Моравія. Культурная и политическая жизнь чеховъ въ Моравіи 258
Чешская жизнь въ Австрійской Силезіи 263

Глава XI. СЛОВАКИ . . . . . 265—275
Положеніе и статистика словаковъ 265
Историческое прошлое словацкаго народа 267
Національное возрожденіе и жизнь словаковъ 268
Экономическія отношенія словаковъ 272

Глава XII ТРІЕДИНОЕ КОРОЛЕВСТВО ХОРВАТІЯ, СЛАВОНІЯ И ДАЛМАЦІЯ 276—314
Хорваты и сербы 276
Исторія соединенія хорватовъ съ Венгріей и Австріей 277
Хорватское возрожденіе и иллиризмъ 283
Хорватско-венгерское соглашеніе 1868 г. 286
Хорватская политика послѣ 1868 г. 289
Статистика населенія въ Хорватіи и Славоніи 296
Землевладѣніе и земледѣліе въ Хорватіи и Славоніи 297
Сельское хозяйство и организація сельско-хозяйственнаго кредита въ Хорватіи и Славоніи 300
Промышленность и торговля въ Хорватіи и Славоніи 301
Банковскія учрежденія въ Хорватіи и Славоніи 303
Народное просвѣщеніе въ Хорватіи и Славоніи 304
Эмиграція изъ Хорватіи и Славоніи 306
Нѣмецкія организаціи въ Харватіи, Славоніи и Далмаціи. 306
Военная граница 307
Сербы и ихъ политическій бытъ въ Хорватіи и Славоніи. . . . . —
Далмація, ея экономическое и политическое положеніе. 309

Глава XIII. СЕРБЫ ВЪ ВЕНГРІИ. БОСНІЯ И ГЕРЦЕГОВИНА. . . . . 315—332
Сербы въ Венгріи, ихъ политическій и экономическій бытъ. 315
Положеніе провинцій Босніи и Герцеговины. 320
Исторія Босніи и Герцеговины до оккупаціи ихъ Австро-Венгріей. . . . 322
Провинціи въ эпоху оккупаціи. 326
Аннексія и жизнь провинцій съ 1908 года 328

Глава XIV. СЕРБСКОЕ КОРОЛЕВСТВО. . . . . 333—368
Образованіе и исторія Сербіи до 1804 г. 333
Созданіе и развитіе сербскаго государства въ 19 вѣкѣ. 335
Сербскія конституціи 338
Статистика населенія 343
Сельско-хозяйственный бытъ и задруга въ Сербіи. . . . . —
Кооперація въ Сербіи 349
Дѣло народнаго просвѣщенія въ Сербіи. 350
Церковное устройство въ Сербіи. 353
Сербскіе финансы, промышленность и торговля. . . . . —
Сербско-австрійская таможенная война 1906—1909 г. 356
Кредитныя учрежденія Сербіи 357
Славянская политика Сербіи послѣ 1905 г. и Македонскій вопросъ. . . . 358
Балканскій союзъ и двѣ Балканскія войны 1912—13 г. 359
Стремленія Сербіи къ гавани на открытомъ морѣ. 364
Вопросъ о конституціи въ новоприсоединенныхъ областяхъ. 365
Столкновеніе съ Австріей изъ-за желѣзныхъ дорогъ. 366
Конвенція съ Ватиканомъ 367
Парламентскій кризисъ въ Сербіи въ 1913—4 г. . . . . —

Глава XV. ЧЕРНОГОРСКОЕ КОРОЛЕВСТВО . . . . . 369—377
Историческое прошлое Черногоріи 369
Статистика и экономическій бытъ Черногоріи. 371
Государственный строй въ Черногоріи. 372
Политическая жизнь Черногоріи въ 1906—1912 г. 374
Балканская война. 375
Культура Черногоріи 376

Глава XVI. СЛОВИНЦЫ, ХОРВАТЫ ВЪ ИСТРІИ И ИТАЛІИ. . . . . 378—394
Статистика и историческое прошлое словинцевъ. 378
Эпоха національнаго пробужденія и политическаго образованія 380
Экономическое положеніе словинцевъ. 384
Національныя организаціи словинцевъ. 387
Національная борьба словинцевъ за право. 388

Стр.
Славяне въ Истріи и Тріестѣ 393
Словинскія и сербо-хорватскія поселенія въ Венгріи и Италіи 394

Глава XVII. БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО . . . . . 395—421
Историческое прошлое болгарскаго народа 396
Возрожденіе болгарской народности и борьба за свободу 399
Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса 401
Государственный строй Болгаріи 403
Статистика населенія въ Болгаріи 404
Болгарская церковь и судебныя учрежденія 405
Сельско-хозяйственная промышленность въ Болгаріи 406
Организація сельско-хозяйственнаго кредита 409
Скотоводство и животноводство въ Болгаріи 410
Промышленность Болгаріи 411
Торговля Болгаріи 412
Народное просвѣщеніе въ Болгаріи 414
Финансы и бюджетъ Болгаріи 415
Македонскій вопросъ въ Болгаріи 416
Балканскія войны и участіе въ нихъ Болгаріи 418
Послѣдствія Балканскихъ войнъ въ Болгаріи 420

I.

Какъ образовалась Австро-Венгрія?

Современная Австро-Венгрія представляетъ, какъ извѣстно, сложное государственное соединеніе народовъ германскаго, славянскаго и финноугорскаго происхожденія. Это единственная въ мірѣ монархія, въ которой нѣтъ господствующей народности. Въ Европѣ вообще нѣтъ государства, населеніе котораго представляло бы единство по своему происхожденію. Повсюду, въ Испаніи, какъ въ Норвегіи или Швеціи, первоначальные этническіе элементы переплелись или слились съ пришлыми, или же первоначально разнородные исконные элементы соединились въ созданіи болѣе или менѣе однороднаго населенія. Кельтъ и германецъ въ своемъ соединеніи дали француза, кельтъ, германецъ и арабъ—испанца, германецъ и славянинъ или литовецъ — прусскаго нѣмца и т. д. И повсюду этотъ процессъ объединенія, сліянія, скрещенія въ главной своей массѣ закончился. Остались «инородческіе» элементы, вошедшіе въ государство позже, какъ поляки Познани или датчане Шлезвигъ-Гольштейна, или французы Эльзаса въ современной Германіи, и на перевоплощеніе этихъ проникнутыхъ національнымъ сознаніемъ элементовъ у господствующей народности уже не хватило силъ. Въ сущности во всей теперешней Германіи одни только лужицкіе сербы представляютъ этническую группу, аналогичную по своему древнему вступленію въ чуждое государственное цѣлое австрійскимъ славянамъ среди нѣмцевъ, во всей Россіи развѣ только казанскіе или крымскіе татары занимаютъ такое же положеніе. Грузины, поляки представляютъ позднѣйшіе ингредіенты, какъ русины въ Австріи. При представленіи о современной Германіи мы думаемъ объ ея нѣмецкомъ населеніи; въ Россіи живутъ русскіе; и сколько бы еще народовъ ни было въ Германіи или Россіи, мы отчетливо сознаемъ, что государственность въ Германіи нѣмецкая, въ Россіи—русская. Тѣ или другія права, которыми пользуются въ своемъ національномъ существованіи различныя «недержавныя» народности, нисколько не измѣняютъ существа дѣла: этимъ народностямъ принадлежитъ все же второстепенное положеніе. Другими словами, какъ граждане, онѣ всѣ должны быть равны, но не ихъ языку, не ихъ историческимъ традиціямъ принадлежитъ верховное право въ государствѣ. Государственная спайка производится въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки англосаксами-американцами, во Франціи—французами (а не провансальцами), въ Германіи—нѣмцами, въ Россіи—русскими. Воть всего этого нѣтъ въ Австро-Венгріи или, поскольку къ этому стремятся нѣмцы въ Австріи и мадьяры въ Венгріи, постольку это вызываетъ законный отпоръ въ народностяхъ, постольку это является нарушеніемъ принциповъ австро-венгерской государственности. Такимъ образомъ, исторически возникшій австро-венгерскій государственный строй представляетъ своего рода unicum и несравнимъ съ государственностью другихъ державъ міра.

Поэтому для пониманія политическаго положенія отдѣльныхъ земель, входящихъ въ составъ современной Австро-Венгріи, необходимо обратиться къ исторіи образованія этого сложнаго конгломерата [1]). Эта исторія начинается съ 804 года, когда было разрушено аварское государство, и на его развалинахъ императоромъ Карломъ Великимъ созданы двѣ области-марки: Фріульская и Австрійская. Первая обнимала Каринтію и Штирію по правую сторону рѣки Дравы, Крайну, Истрію, хорватское побережье Адріатическаго моря и собственный Фріуль. Въ теченіе IX вѣка событія разорвали связь этихъ областей, и часть ихъ была присоединена къ Баваріи. Вторая марка, называвшаяся то Панноніей, то просто восточной маркой (ostmark), заходила на сѣверѣ и югѣ въ глухіе лѣса, гдѣ пропадала ея граница, на западѣ достигала рѣки Энса, на востокѣ терялась въ холмистой мѣстности около Вѣны. Напоръ мадьяръ въ началѣ X вѣка, разрушивъ образовавшееся въ Паннониі великоморавское королевство, сокрушилъ и возникавшее австрійское государство; восточная марка до самаго Энса попала подъ власть мадьяръ, а нѣмецкія поселенія сохранились только въ альпійскихъ странахъ, и лишь къ половинѣ X в. опять начинаютъ появляться въ Придунавьѣ. Битва при Аугсбургѣ (955), оттѣснивъ мадьяръ, позволила возстановить австрійскую марку, которая была присоединена сначала къ Баваріи, а съ 976 г. получила собственнаго маркграфа въ лицѣ Люитпольда Бабенберга. Около этого же времени впервые упоминается и названіе страны (in regione vulgari vocabulo O s t a r r i c h i dicto), которая совпадала приблизительно съ нынѣшней Нижней Австріей (Erzherzogtum Niederösterreich). Важное значеніе этой пограничнои области для имперіи заставило дать ей извѣстную независимость и признать наслѣдственное право титула за ея маркграфами изъ дома Бабенберговъ, которые подъ конецъ XI в. уже торжественно величаютъ себя маркграфами Божьей милостью. Они вступаютъ въ родственныя связи съ императорской фамиліей и вообще пріобрѣтаютъ все большее значеніе въ имперіи. Въ 1138 г., въ эпоху борьбы гвельфа Генриха Гордаго съ Гогенштауфенами, герцогство Баварское досталось маркграфу Леопольду IV, а послѣ его смерти его братъ Генрихъ II наслѣдовалъ Австрію, которая была сдѣлана (1156) изъ скромнаго маркграфства герцогствомъ. Но зато Генриху пришлось отказаться отъ Баваріи. Императорская привилегія 1156 г., устанавливавшая наслѣдственный герцогскій титулъ, даже по женской линіи, среди Бабенберговъ, давала послѣднимъ важныя права. Между прочимъ, они получили право сами называть себѣ преемника въ томъ случаѣ, если бы ихъ династія стала угасать вслѣдствіе отсутствія потомства.

Въ XII и слѣдующемъ вѣкѣ австрійское герцогство дѣлаетъ рядъ важныхъ пріобрѣтеній. Такъ, маркграфство Штирія, которое въ 1180 г. также было возведено въ рангъ герцогства, досталось Австріи. Такъ какъ въ Штиріи жило славянство, то слѣдуетъ нѣсколько словъ посвятить и этой области. Она принадлежала герцогству Каринтіи, часть котораго составляла съ IX вѣка. Мало-по-малу выдѣлилось отсюда графство Штирское, названное такъ по замку S t e i e r или S t e y r, упомянутому впервые около 985 года. Въ началѣ XII ст. появляется названіе маркграфства Штиріи, которая получила наименованіе марки Штиріи (Steiermark). Какъ создалось ея обособленіе отъ Каринтіи, доподлинно неизвѣстно (F. Mayer. I, 72). Во всякомъ случаѣ, Штирія была присоеди-

---

[1]) Ср. K. Kretschmer. Historische Geographie von Mitteleuropa, 1904, а также труды по исторіи Австріи F. Mayer. Geschichte Oesterreichs. 1899—1901. Huber. 1885—1896 и др. Удачный краткій очеркъ Louis Leger, Histoire de l'Autriche-Hongrie. 5 изд. 1907.

пена къ Баваріи, а послѣ разгрома послѣдней Фридрихомъ Барбароссой въ 1180 г. была возведена въ санъ герцогства, которое на сѣверѣ доходило до Дуная. Обладатель его, герцогъ Оттокаръ (1164—1192), не имѣлъ преемниковъ и (1186 г.) завѣщалъ свои владѣнія австрійскому герцогу Леопольду V. Такимъ образомъ, послѣ смерти Оттокара Австрія соединилась со Штиріей въ однѣхъ рукахъ. Маленькое герцогство сразу выросло, благодаря этому пріобрѣтенію.

Австрійскіе герцоги начинаютъ принимать видное участіе въ политикѣ князей; они примыкаютъ къ различнымъ враждующимъ партіямъ, усиливая ихъ удѣльный вѣсъ въ тогдашней потстоянной междусобной борьбѣ; они вмѣшиваются въ борьбу между папами и императора и принимаютъ дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ. При Леопольдѣ VI (1198—1230) крупнымъ портовымъ городомъ становится Вѣна, получившая весьма цѣнимое въ средніе вѣка складочное право. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія дѣлается однимъ изъ культурныхъ центровъ имперіи; ко двору Леопольда съѣзжаются миннезингеры. Забота о «собираніи» земли наслѣдственна въ домѣ Бабенберговъ: Леопольдъ путемъ покупки пріобрѣтаетъ обширныя помѣстья въ Карніоліи, что подготовляетъ будущее соединеніе этой страны съ Австріей. Сынъ Леопольда, Фридрихъ Воитель (1230—1246), былъ послѣднимъ изъ Бабенберговъ. Онъ велъ настолько самостоятельную политику, что пришелъ въ столкновеніе и съ Чехіей, и съ Баваріей, и съ Венгріей и Браденбургомъ Императоръ Фридрихъ II также долго воевалъ съ непокорнымъ вассаломъ. Герцогство австрійское становится могущественно и страшно. Его центральное положеніе, которое впослѣдствіи позволило австрійскимъ государямъ объединить столько земель, вмѣстѣ съ тѣмъ навлекло на него много враговъ. Всѣ тѣ, кто потомъ примкнулъ къ Вѣнѣ, были теперь ея врагами или, вѣрнѣе, стремились въ ней водвориться. Послѣ смерти послѣдняго изъ Бабенберговъ началась борьба за его наслѣдство, въ которой приняли участіе двѣ партіи, наполнявшія своимъ соперничествомъ содержаніе тогдашней политики католической Европы: папская и императорская. Эта борьба привела къ рѣзкому конфликту отца съ сыномъ. Король чешскій Вацлавъ, сторонникъ папы, присоединилъ австрійское герцогство къ своимъ владѣніямъ. Его сынъ, Пржемыслъ Оттокаръ, маркграфъ моравскій, возсталъ противъ отца. Борьба окончилась благопріятно для этого послѣдняго, и до его смерти въ 1253 г. Австрія принадлежала чешскому королю.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей исторіи борьбы за австрійское герцогство, необходимо упомянуть о судьбахъ другихъ нѣмецкихъ частей современной Австріи, Тироля и Зальцбурга (Fr. Mayer. I, 103—110). «Когда римляне завоевали долины и высоты, которыя теперь составляютъ Тироль, здѣсь жили многочисленныя ретійскія и кельтскія племена. Переселеніе народовъ точно такъ же задѣло Тироль. Когда алеманны были побѣждены Хлодвигомъ, часть ихъ бѣжала въ Форарльбергъ, въ долину верхняго Инна и въ Винчгау. Остатки остготовъ, которые были разбиты полководцами Юстиніана, укрылись въ тирольскихъ долинахъ. Когда затѣмъ лонгобарды основали свое государство въ Италіи, горный Тироль составилъ лонгобардское герцогство Тріентъ. Въ то же время съ сѣвера надвинулись сюда баювары, а съ востока (въ Пустерталь)—славяне. Этимъ и завершился процессъ заселенія страны». Тироль попалъ во власть франковъ и былъ раздѣленъ на нѣсколько административныхъ округовъ (Gau). Позже, въ XI в., въ Тиролѣ достигли наибольшаго развитія два обширныя епископства, Зебенъ (Бриксенъ) и Тріентъ. Императоры чрезвычайно дорожили Тиролемъ, открывавшимъ путь изъ Германіи въ Италію, и старались имѣть здѣсь вѣрныхъ людей. Таковыми были епископы, въ рукахъ которыхъ императоры соединяли

обширныя владѣнія. Въ первой половинѣ XI в. возникли такимъ образомъ два духовныя княжества, Тріентъ и Бриксенъ. Затѣмъ въ теченіе XII вѣка графства, связанныя съ Бриксеномъ, перешли въ свѣтскія руки. Бертольдъ III, происходившій изъ дома графовъ Андексъ, имѣвшій въ ленномъ владѣніи Истрію и Крайну и нѣсколько графствъ и замковъ въ Франконіи, Каринтіи и Крайнѣ, освободился (1180 г.) отъ зависимости отъ Баваріи и получилъ отъ брата, епископа Бриксенскаго, нѣсколько новыхъ владѣній въ долинахъ рѣки Пустрицы и нижняго Инна. Аналогичный процессъ произошелъ съ епископствомъ Тріентскимъ. Здѣсь выдвинулись фамилія графовъ Эппанскихъ, и съ 1140 г. графы тирольскіе (по замку Тироль, около Мерана), которые къ концу XII стол. занимаютъ первенствующее положеніе въ Тиролѣ. Образовавшіяся такимъ образомъ два свѣтскія государства, Бриксенское и Тирольское, были объединены съ помощью брачныхъ узъ (1248) Альбертомъ тирольскимъ. Отдѣльное графство Горицкое (Görz), существовавшее уже около 1000 г., выступаетъ послѣ смерти Альберта съ претензіей на наслѣдованіе его владѣній, и (1271) горицкіе графы, Мейнгардъ и Альбертъ, раздѣлили его между собою. Мейнгарду достался Тироль, а въ1286 г. и Каринтія. Въ эту пору выдвигается городъ Инсбрукъ. Архіепископы Зальцбургскіе, получившіе отъ имп. Оттона I (945) графскую власть, ревностно трудились надъ округленіемъ своихъ владѣній. Особенно удачна въ этомъ отношеніи была дѣятельность архіепископа Эбергарда II (1200—1246), который пріобрѣлъ въ Баваріи нѣсколько графствъ. Такъ возникли въ половинѣ XIII в. сравнительно крупныя государственныя единицы: Тироль и Зальцбургъ.

Послѣ прекращенія династіи Бабенберговъ въ Австріи наступила эпоха смутъ, въ теченіе которой произошелъ даже разрывъ ея съ Штиріей, впрочемъ непродолжительный. Въ 1260 г. эти герцогства опять соединились крѣпкой связью. Въ 1272 г. на престолъ Германіи былъ избранъ графъ Габсбургскій Рудольфъ, который владѣлъ крѣпкимъ замкомъ «Орлинымъ гнѣздомъ» (Habsburg) на Аарѣ и унаслѣдовалъ отъ своего отца нѣсколько земель въ нынѣшней Швейцаріи. Унаслѣдованное онъ пріумножилъ собственными пріобрѣтеніями въ разныхъ кантонахъ Швейцаріи. Такъ какъ Рудольфъ, кромѣ владѣній по обѣимъ сторонамъ верхняго Рейна, обладалъ еще почти всѣмъ лѣвымъ швейцарскимъ побережьемъ Рейна, отъ Вогезъ до Боденскаго озера и къ югу до Гларуса и до Фирвальдштетскаго озера, то онъ былъ могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ юго-западной Германіи, когда былъ призванъ на тронъ (F. Mayer. 126). На земли, связанныя съ Австріей, претендовалъ соперникъ Фридриха Габсбургскаго, чешскій король Пржемыслъ Оттокаръ, и между ними началась борьба, которая привела къ полной побѣдѣ Фридриха въ 1276 г. и затѣмъ въ 1278 г.

Въ эти годы рѣшался важнѣйшій вопросъ Австріи: кому будетъ принадлежать верховенство въ томъ объединеніи земель, которое все опредѣленнѣе намѣчалось исторіей, Австріи или Чехіи. Соперничество этихъ государствъ указывало на то, что ихъ центральное положеніе въ Европѣ служитъ важнѣйшимъ объединяющимъ моментомъ. Чешскій король претендовалъ на австрійскія земли; австрійскій герцогъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ—на Чехію. Слияніе этихъ земель должно было рано или поздно наступить. На сторонѣ Австріи оказалась теперь Венгрія, и именно ея участіе рѣшило въ 1276 году исходъ войны въ пользу Австріи. Такимъ образомъ, въ концѣ XIII в. уже выяснился перевѣсъ Австріи, опиравшейся на свои горныя страны, надъ Чехіей и Венгріей. При этомъ вскорѣ погибъ послѣдній чешскій Пржемысловичъ, и чешская корона, которую Пржe-

мыслъ Оттокаръ послѣ своихъ пораженій въ битвахъ съ Рудольфомъ получилъ отъ него въ ленное владѣніе, перешла въ домъ Габсбурговъ. Сынъ и преемникъ основателя габсбургской династіи, Альбрехтъ I, добился того, что чешскій престолъ достался его сыну Рудольфу (18 янв. 1307 г.), но въ томъ же году Рудольфъ умеръ, и изъ-за чешскаго трона опять началась борьба. Вскорѣ погибъ и самъ Альбрехтъ, а сыновьямъ его оказалось не подъ силу ни добиться императорской короны, ни удержать въ своихъ рукахъ Чехію. И то, и другое переходитъ теперь къ Люксембургской династіи. Габсбурги отходятъ на второй планъ, и въ исконномъ соперничествѣ между Австріей и Чехіей счастье опять поворачивается къ послѣдней. Теперь король чешскій, Янъ Люксембургскій, задумываетъ путемъ брачныхъ узъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Тироль и Каринтію. Впрочемъ, все это были кратковременные эпизоды въ исторіи Австріи, которые лишь на время задерживали движеніе центростремительное. Сама Австрія уже настолько окрѣпла къ XIV вѣку, что выдержала, не потерявъ своей независимости, соперничество Чехіи даже во времена блестящаго императора Карла IV. Въ это время герцогомъ здѣсь былъ мудрый Альбрехтъ II (1330—1358), который заклиналъ своихъ сыновей передъ смертью (такъ назыв. «Домашнее распоряженіе» 1355 года) жить въ мирѣ и сообща управлять и пользоваться австрійскими владѣніями. Его преемникомъ явился не менѣе способный сынъ, Рудольфъ IV, который породнился съ Люксембургской династіей, женившись на дочери Карла IV. Однако этотъ послѣдній старался держать своего австрійскаго соперника въ загонѣ и не думалъ добиться для него права участія въ избраніи императора, что являлось, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, признаніемъ одного изъ первенствующихъ мѣстъ въ имперіи за государемъ страны. Рудольфъ прибѣгъ къ средству, бывшему въ большомъ ходу въ средніе вѣка. Онъ самъ составилъ коллекцію документовъ, которые были имъ будто бы найдены и представляли австрійскому герцогу привилегированное положеніе въ имперіи. Въ силу Privilegium maius герцогъ австрійскій становился почти въ независимое положеніе по отношенію къ имперіи. Естественно, что Карлъ IV не могъ примириться съ этимъ; онъ объявилъ себя наслѣдникомъ Пржемысла Оттокара и предъявилъ въ силу этого права притязанія на герцогство и связанныя съ нимъ земли. Благодаря посредничеству венгерскаго короля, дѣло закончилось на этотъ разъ компромиссомъ. Этотъ послѣдній имѣлъ громадное принципіальное значеніе, такъ какъ ознаменовывалъ собою путь, на который уже стремилась встать политика обоихъ государствъ средней Европы. Соединеніе Австріи и Чехіи все болѣе диктовалось обоюдными интересами, и вотъ соглашеніе 1364 г. устанавливало право взаимнаго наслѣдованія за династіями Габсбургской и Люксембургской въ случаѣ прекращенія одной изъ нихъ. Такой же договоръ былъ заключенъ между Австріей и Венгріей. Видимо, уже приближалось время соединенія Австріи, Чехіи и Венгріи въ одно государство; Анжуйская династія въ Венгріи и Люксембургская въ Чехіи оказались гораздо менѣе долговѣчны, чѣмъ Габсбурги, и этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется успѣхъ послѣднихъ. Но въ той или иной формѣ объединеніе этихъ трехъ государствъ должно было совершиться: своими интересами, религіозной ревностью, бытомъ они были слишкомъ сближены для того, чтобы долго вести раздѣльное существованіе. Земледѣльческая и равнинная Польша, примыкавшая къ Чехіи и Венгріи, тянула въ своей политикѣ болѣе на Востокъ, и ея объединеніе съ Чехіей и Венгріей, произошедшее въ концѣ XV вѣка, оказалось въ силу этого менѣе прочнымъ. Связь Польши съ Венгріей образовалась въ XIV в. на почвѣ общихъ стремленій къ галиц-

кому княжеству, но, когда эта связь при первыхъ Ягеллонахъ прекратилась, ничто не содѣйствовало ея возстановленію, и потому потомству Казиміра Ягеллоновича недолго пришлось удержаться на венгерскомъ престолѣ.

Въ томъ же, памятномъ въ австрійской исторіи, 1364 году перешелъ во владѣнія Габсбурговъ Тироль, на который претендовали и баварскіе герцоги. За 116 тыс. гульденовъ они отказались въ 1369 году отъ всякихъ притязаній на эту страну. Десять лѣтъ спустя австрійскіе герцоги, царствовавшіе согласно семейному договору вмѣстѣ, рѣшили раздѣлить свои владѣнія: одинъ получилъ Австрію, уже раздѣлявшуюся на Верхнюю и Нижнюю, другой—все остальное, т.-е. Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль и др. Такое раздѣленіе сохранялось болѣе ста лѣтъ и сильно задержало на время дальнѣйшее развитіе Австріи. Императору Карлу IV приписываютъ сказанныя по этому поводу характерныя слова: «Мы долго старались унизить австрійскихъ герцоговъ, но не знали, какъ это сдѣлать. Теперь они сами показали намъ путь». Однако присоединенія отдѣльныхъ земель къ обѣимъ частямъ Австріи продолжались. Пришлось бы слишкомъ углубляться въ подробности, чтобы прослѣдить этотъ процессъ. Достаточно сказать, что, несмотря на нѣкоторыя удачи, положеніе Австріи въ концѣ XIV в. было довольно печально. Власть герцоговъ расшаталась, и рыцари занимались разбоями, «всѣ они были ворами и измѣнниками», какъ энергично выражается современникъ. Такая же смута происходила и въ сосѣднемъ Чешскомъ королевствѣ, гдѣ уже подготовлялось національное и религіозное гуситское движеніе. «Въ Люксембургской династіи господствовали тогда постоянные раздоры. Въ 1402 г. король венгерскій Сигизмундъ взялъ въ плѣнъ своего брата Вацлава и провезъ его черезъ Верхнюю Австрію въ Вѣну, гдѣ передалъ его подъ надзоръ герцоговъ Альбрехта и Вильгельма. Въ то же время Сигизмундъ возобновилъ съ этими герцогами договоръ о наслѣдованіи между Австріей и Чехіей и обѣщалъ назвать одного изъ Габсбурговъ своимъ преемникомъ въ Венгріи, если онъ умретъ безъ сыновей. 14 сентября того же года онъ объявилъ на рейхстагѣ въ Пресбургѣ, что въ случаѣ смерти безъ сыновей онъ даруетъ Венгрію съ согласія «прелатовъ, бароновъ, дворянъ и городовъ» герцогу Альбрехту IV. Въ отвѣтъ на это сословія обѣщали «принять и короновать» королемъ названнаго герцога въ упомянутомъ случаѣ. Всякій разъ, когда Сигизмундъ выѣзжалъ изъ Венгріи, Альбрехтъ долженъ былъ являться его замѣстителемъ» (Fr. Mayer. I, 364). Надо ли говорить о принципіальномъ значеніи этого договора, хотя фактически онъ и не былъ выполненъ.

Но сынъ этого герцога, Альбрехтъ V, дѣйствительно, уже объединилъ подъ скипетромъ Габсбурговъ Австрію, Чехію и Венгрію. Онъ былъ зятемъ послѣдняго короля изъ Люксембургской династіи, Сигизмунда, и этотъ послѣдній передъ смертью своей представилъ Альбрехта чешскимъ и венгерскимъ вельможамъ въ качествѣ своего наслѣдника. Онъ умеръ 9 декабря 1437 года, и Альбрехтъ V, избранный сверхъ того императоромъ, объединилъ Австрію, Чехію и Венгрію. Монархія достигла сразу почти современныхъ своихъ границъ, но это продолжалось очень короткій срокъ. Отправившись на войну съ турками, осаждавшими послѣднее прибѣжище сербской свободы Смедерево, Альбрехтъ заразился дизентеріей, господствовавшей въ его войскѣ, и по дорогѣ домой умеръ.

Наслѣдникъ его, сынъ Владиславъ (Ladislaus Posthumus), родился уже послѣ смерти отца, въ 1440 г. Онъ прожилъ недолго; трагедія его положенія заключалась въ томъ, что и Венгрія, и Чехія въ эту пору переживали чрезвычайно сложныя эпохи: гуситскія войны всколебали эти страны, и здѣсь выступили сильныя и даровитыя личности, Юрій Подѣбрадъ и

Янъ Гуніади. Въ самой Австріи молодой герцогъ долженъ былъ передать власть представителямъ сословій, такъ что ни въ Чехіи, ни въ Венгріи, ни въ герцогствѣ Австрійскомъ онъ не пользовался властью. Вельможи захватили эту послѣднюю въ свои руки и въ свою пользу собирали доходы съ земель. Когда же Владиславъ Постумъ, достигнувъ 16-лѣтняго возраста, задумалъ прекратить господство регентствъ Чехіи и Венгріи, онъ поднялъ во всемъ государствѣ такую смуту, съ которой не могъ справиться, и въ 1458 г. неожиданно умеръ, какъ полагали въ народѣ, отъ отравы. Съ его смертью опять прекратилась связь между Чехіей, Венгріей и Австріей. Въ первой былъ избранъ королемъ Юрій, который добился въ 1459 г. отреченія Габсбурговъ отъ чешской короны; во второй военная партія избрала королемъ Матвѣя Корвина, и въ 1463 г. это избраніе было признано императоромъ. Въ австрійскихъ земляхъ наступила смута. Съ притязаніями на престолъ выступило три Габсбурга, которые пришли къ соглашенію и раздѣлили между собою наслѣдство такъ, что одинъ получилъ Нижнюю Австрію, другой—Верхнюю, а третій—извѣстную часть доходовъ, взимаемыхъ съ Нижней и Верхней Австріи. Такой раздѣлъ никого не удовлетворилъ и послужилъ поводомъ къ новымъ смутамъ, тяжесть которыхъ еще увеличивалась отъ недостатка безопасности въ странѣ, гдѣ повсюду бродили разбойники. Императоръ Фридрихъ, происходившій изъ другой линіи Габсбурговъ, сумѣлъ, наконецъ, завладѣть Австріей, но въ странѣ продолжались волненія. Въ эту смутную пору перепутываются всѣ отношенія, отъ успѣха люди переходятъ къ величайшимъ неудачамъ. Но въ исторіи Австріи продолжаетъ обнаруживаться все та же тенденція къ соединенію съ Чехіей и Венгріей, которое должно было осуществиться тѣмъ или инымъ способомъ, съ перевѣсомъ въ пользу того или другого соперника. Еще ничто, однако, не указывало на то, что этотъ перевѣсъ долженъ достаться непремѣнно Габсбургамъ. Такъ, борьба Фридриха съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ завершилась въ 1485 г. побѣдой послѣдняго. Вѣна сдалась ему, не получая никакой помощи отъ императора; точно такъ же одинъ за другимъ перешли подъ его власть другіе города Нижней Австріи. Матвѣй завелъ пышный дворъ въ Вѣнѣ, собираясь, повидимому, навсегда соединить Австрію съ Венгріей. Но нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1490 г. онъ умеръ. Его честолюбивый планъ пріобрѣсти корону римскаго короля, чтобы послѣ смерти Фридриха сдѣлаться императоромъ, не осуществился. Послѣ его смерти въ Венгріи начались раздоры изъ-за престола. Чешскій король Владиславъ, сынъ Казиміра Ягеллоновича, былъ избранъ и на венгерскій престолъ, но оставались и другіе претенденты. О господствѣ въ Нижней Австріи некому было и помышлять, и король Максиміліанъ, сынъ императора, безъ труда возвратилъ Австріи Вѣну и другіе города, открывавшіе передъ нимъ свои ворота.

По миру 1491 года Владиславъ Ягеллоновичъ и его наслѣдники по мужской линіи оставались королями Венгріи, но въ случаѣ, если бы Владиславъ не оставилъ сыновей, или эти послѣдніе умерли безъ мужского потомства, то корона должна была перейти къ Максиміліану, который могъ носить титулъ венгерскаго короля, или его мужскому потомству. Этотъ договоръ былъ подтвержденъ въ слѣдующемъ году магнатами Венгріи, Седмиградія, Кроатіи и Славоніи. Такимъ образомъ, актъ, на которомъ было построено послѣдующее соединеніе Австріи съ Венгріей, восходитъ къ концу XV вѣка,—къ той порѣ, когда Германія распадалась на множество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ. Императоръ Фридрихъ хранилъ глубокую вѣру въ будущее предназначеніе его династіи. На воздвигаемыхъ имъ постройкахъ онъ велѣлъ ставить буквы:

A, E, J, O, U, что означало: Austriae est imperare orbi universo (Австріи принадлежитъ власть надъ всѣмъ міромъ). Его сынъ и преемникъ, императоръ Максимиліанъ I (1493—1519), положилъ блестящее завершеніе начатому его отцомъ. Онъ расширялъ границы своего австрійскаго государства новыми пріобрѣтеніями: именно, въ 1500 г. умеръ графъ Горицкій Леонардъ (graf Leonhard von Görz) и его владѣнія (городъ Линцъ, долина р. Пустрицы—Пустерталь, графства Герцъ и Градиска и др.), по предварительному соглашенію, перешли къ Максимиліану. Въ 1504 г., послѣ смерти герцога Баварскаго, Максимиліанъ выступилъ съ притязаніями на нѣкоторыя его земли, вслѣдствіе чего вспыхнула война между Австріей и Баваріей. Она закончилась благопріятно для императора: Куфштейнъ, Китцбюгель и Раттенбергъ вмѣстѣ съ частью долины р. Циллеръ, впадающей въ Иннъ, достались Австріи и были присоединены къ Тиролю. О господствѣ Максимиліана въ Испаніи и Бургундіи я здѣсь не говорю, потому что въ составъ современной Австріи эти государства не вошли и представляли вообще временное владѣніе въ самыя удачливыя времена Габсбургской династіи. Послѣ долгихъ лѣтъ войны съ Венеціей императору удалось ок. 1518 г. сдѣлать нѣсколько мелкихъ пріобрѣтеній въ южномъ Тиролѣ (Rovereto, Riva, Ala, Torbole и др.), но въ наслѣдственныхъ славянскихъ земляхъ австрійской короны происходили крупныя крестьянскія волненія, мѣшавшія политикѣ Максимиліана. Въ 1515 г. въ Вѣнѣ собрался конгрессъ, имѣвшій громадное значеніе для укрѣпленія притязаній австрійскихъ императоровъ на Чехію и Венгрію. Король польскій Сигизмундъ I и его братъ Владиславъ, король чешскій и венгерскій, съѣхались въ Вѣнѣ и вступили въ ближайшее родство между собой. Императоръ принялъ сына Владислава, Людвига, въ сыновья, назначилъ его на случай своей смерти генеральнымъ викаріемъ нѣмецкой имперіи и издалъ приказъ курфирстамъ избрать въ этомъ случаѣ Людвига итальянскимъ королемъ. При этомъ Людвигъ былъ обрученъ съ внучкой императора, Маріей, а самъ императоръ—съ дочерью Владислава, Анной. Однако это вѣнчаніе должно было считаться несуществующимъ, если бы въ теченіе года на руку Анны выступилъ претендентомъ одинъ изъ внуковъ императора. Такъ оно и случилось: въ 1516 г. изъявилъ желаніе жениться на Аннѣ Фердинандъ. Соединеніе Чехіи и Венгріи съ Австріей было такимъ образомъ подготовлено. Венгерскіе магнаты давно уже опасались такого объединенія земель и приняли свои мѣры противъ него. Національная партія, собравшаяся около Іоанна Запольи, постановила на съѣздѣ 1505 г., что въ случаѣ смерти Владислава или другого короля безъ мужскихъ наслѣдниковъ престолъ долженъ перейти непремѣнно къ венгерцамъ. Этимъ думали пресѣчь Габсбургамъ всякую возможность вступленія на венгерскій престолъ. Это движеніе національной партіи и борьба Владислава съ Запольей привели къ особенно тѣсному сближенію короля съ Габсбургами. Черезъ годъ послѣ Вѣнскаго конгресса онъ умеръ (1516 г.), завѣщавъ своему сыну и близкимъ крѣпко держаться заключеннаго договора съ императоромъ. Поддерживать порядокъ въ своихъ королевствахъ Владиславъ не былъ въ состояніи, и современный ему писатель, восхваляя его благочестіе и душевную мягкость, прибавляетъ, что подданные совершенно не повиновались ему.

Въ Венгріи и Чехіи кипѣла анархія на сословной или религіозной почвѣ, тогда какъ австрійскіе герцоги, нѣмецкіе императоры, сумѣли объединить страну и выдвинуть выдающихся людей. Перевѣсъ Австріи въ исторически диктовавшемся соединеніи ея съ Чехіей и Венгріей обусловливался, такимъ образомъ, силою вещей. Въ роковую минуту, когда опустѣлъ престолъ этихъ королевствъ, въ Австріи появляется такой выдающійся человѣкъ, какъ императоръ Карлъ V (1519—

1558), передавшій въ ближайшее управленіе своему брату Фердинанду, какъ королю, часть австрійскихъ земель. Между тѣмъ въ обоихъ королевствахъ, перешедшихъ по наслѣдству отъ Владислава Ягеллоновича къ его сыну, малолѣтнему Людвику, происходили распри и велась эгоистическая и корыстолюбивая политика вельможъ. Въ Венгріи боролись изъ-за регентства, которое въ 1519 г. досталось Стефану Баторію. Страна сильно страдала отъ турецкихъ нашествій, а между тѣмъ внутренняя неурядица не давала возможности организовать достаточную оборону. Замѣчаніе папскаго нунція: «Эта страна не въ состояніи сама себя защитить», было выраженіемъ, несомнѣнно, настроенія, которое раздѣлялось многими. Не лучше обстояло дѣло и въ Чехіи, гдѣ религіозные раздоры продолжали терзать на части народъ. Это напряженное положеніе оборвалось сразу. На Венгрію надвигался съ огромнымъ войскомъ султанъ Солиманъ, которому король могъ противопоставить всего рать въ 30.000 человѣкъ. Короля и лучшихъ людей поставили впереди, какъ жалуется одинъ современникъ. Они погибли съ большей частью арміи. Венгрія подверглась страшному разгрому.

При королѣ Фердинандѣ (1526—1564) совершилось, наконецъ, давно подготовлявшееся соединеніе Чехіи и Венгріи съ Австріей. Способъ этого соединенія заслуживаетъ вниманія, такъ какъ не лишенъ значенія въ опредѣленіи политическаго положенія этихъ государствъ. Въ Чехіи собрался сеймъ для выбора короля, но Фердинандъ былъ увѣренъ въ законности своихъ правъ на престолъ, и потому считалъ ненужнымъ спеціальный избирательный сеймъ. Черезъ своихъ уполномоченныхъ онъ потребовалъ отъ сейма, чтобы этотъ послѣдній призналъ австрійскаго эрцгерцога чешскимъ королемъ на основаніи ранѣе заключенныхъ договоровъ. Однако на сторонѣ Фердинанда сначала было лишь меньшинство, и вліятельнѣйшіе чешскіе магнаты, какъ, напр., Левъ изъ Розенталя (Рожмиталя), выступили противниками австрійскихъ притязаній. Поэтому приверженцы этихъ притязаній посовѣтовали посламъ Фердинанда не слишкомъ подчеркивать наслѣдственныя права австрійскаго эрцгерцога, но упомянуть о нихъ лишь мимоходомъ, напирая преимущественно на особую любовь Фердинанда къ Чехіи, на сосѣдство австрійскихъ и чешскихъ земель, на королевское происхожденіе австрійскаго герцога и на помощь, которую въ случаѣ надобности можетъ оказать землямъ Фердинанда его братъ, императоръ Карлъ V (F. Mayer. II, 7). Такимъ образомъ основное право австрійскаго герцога, покоившееся на договорахъ и разсматривавшее Чехію, какъ пассивную величину, не было выдвинуто, и, кромѣ Фердинанда, выступили другіе претенденты на чешскую корону. Это были два саксонскіе князя, польскій король Сигизмундъ, браденбургскій курфирстъ Іоахимъ, французскій король и др. Особенно опасны для Фердинанда были два претендента изъ древней баварской и пфальцской династіи Вителъсбаховъ, которые не жалѣли средствъ для подкупа приверженцевъ. Фердинанду также пришлось израсходовать большія суммы на эти цѣли, и ему удалось склонить на свою сторону важнѣйшихъ магнатовъ. Были составлены выборныя условія, которыя заключали въ себѣ подтвержденіе земскихъ привилегій, обѣщаніе добиться у папы подтвержденія религіознаго соглашенія гуситовъ съ католической церковью (компактаты), обѣщаніе назначать на земскія должности только уроженцевъ страны, уплатить государственный долгъ Чехіи и т. д. Признавая за чешскимъ сеймомъ право избранія короля и идя на соглашеніе, Фердинандъ этимъ самымъ устанавливалъ принципъ государственнаго права Чешскаго королевства, а также законность и религіозныхъ требованій чеховъ. Фердинандъ былъ избранъ на чешскій престолъ 23 октября 1526 г.

и письменно подтвердилъ, что сословія избрали его по своей волѣ, а не по обязанности. Но и сословіямъ пришлось пойти на нѣкоторыя существенныя уступки: такъ, они признали, что совѣтниками короля по чешскимъ дѣламъ могутъ быть и иностранцы, и что еще при жизни короля можетъ быть коронованъ (во избѣжаніе осложненій впослѣдствіи) его совершеннолѣтній сынъ.

Соединеніе Австріи съ Венгріей прошло не такъ гладко. Около седмиградскаго воеводы, Іоанна Запольи, собралась сильная католическая партія, проникнутая сознаніемъ національной независимости, и 10 ноября 1526 г. она избрала Заполью на венгерскій престолъ. Два мѣсяца спустя и вельможи Хорватіи признали права воеводы на хорватскій престолъ и избрали его своимъ наслѣдственнымъ государемъ. Однако Габсбурги не такъ-то легко отказывались отъ своихъ правъ, хотя борьба съ Запольей была для нихъ тяжела. Этому послѣднему обѣщали свою поддержку Франція, Англія, Венгрія и папа. «Можно сказать, что никогда не было болѣе опаснаго времени для развитія габсбургской династіи» (Fr. Mayer. II, 11). На этотъ разъ Габсбурги блестяще доказали еще присущую имъ тогда жизненную силу. Не ожидая нападеній со стороны Запольи и его союзниковъ, они сами перешли къ активнымъ дѣйствіямъ и отправили въ Венгрію войско, которое нанесло Запольѣ нѣсколько пораженій, такъ что уже въ ноябрѣ 1527 г. Фердинандъ былъ коронованъ венгерской короной. Когда же Заполья при содѣйствіи польскаго авантюриста, Іеронима Ласкаго, задумалъ прибѣгнуть къ союзу съ Турціей, то династія Габсбурговъ представилась въ новомъ, чрезвычайно выгодномъ для нея свѣтѣ защитницы христіанства и христіанской культуры. Дѣйствительно, въ маѣ 1529 года султанъ Солиманъ двинулъ свои войска въ Венгрію и лѣтомъ занялъ Офенъ (часть Будапешта). Король австрійскій Фердинандъ проявилъ энергичную дѣятельность по организаціи обороны, но турки этого времени были непобѣдимы. Осенью 1529 г. они осадили Вѣну, которая была доведена почти до необходимости сдаться, но у турокъ не хватило пищи и фуража, и они удалились. Однако Венгрія осталась во власти Запольи, который получилъ ее отъ султана. Въ Будапештѣ, занятомъ турками, оставались ихъ войска, которыя отражали попытки Фердинанда завоевать этотъ городъ. Турецкій султанъ смотрѣлъ и на Австрію, какъ на свое владѣніе, и въ 1532 году предпринялъ новый страшный походъ на Австрію и Хорватію, который, однако, не оказалъ вліянія на политическую борьбу между Австріей и Венгріей. Въ этой борьбѣ важнымъ моментомъ явилось соглашеніе 1538 г. между Фердинандомъ и Запольей, который удерживалъ венгерскія земли по ту сторону Тисы и сохранялъ титулъ короля, но умирая соединялъ ихъ съ Австріей, предоставляя извѣстную часть владѣній своему потомству. Заполья умеръ вскорѣ послѣ этого, и опять началась смута изъ-за обладанія Венгріей: одна партія стояла на сторонѣ Фердинанда, другая—на сторонѣ новорожденнаго сына Запольи. Кончилось дѣло опять-таки торжествомъ турокъ, которые (1541) совершенно уничтожили австрійское войско, захватили Офенъ (Буду) и держали его въ своей власти около полутораста лѣтъ, а въ 1543 г. завоевали еще рядъ венгерскихъ городовъ. По договору съ Турціей 1547 г. Венгрія была раздѣлена на три части: Седмиградіе досталось сыну Запольи, Іоанну Сигизмунду, Фердинанду—часть Хорватіи, а также западъ и сѣверъ Венгріи, тогда какъ султанъ удержалъ среднюю часть Венгріи и города по обѣимъ сторонамъ Дуная.

На этомъ, однако, дѣло не кончилось. Венгрія продолжала оставаться страной турецкаго произвола и политическихъ интригъ христіанскихъ государей. Осенью 1564 г. молодой Іоаннъ Сигизмундъ Заполья рѣшилъ

увеличить свои владѣнія и началъ войну съ Австріей; султанъ Солиманъ обѣщалъ ему поддержку и королевскій титулъ и самъ выступилъ въ походъ, во время котораго умеръ. Такимъ образомъ (1568 г.) былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, установившій прежнія границы владѣній, а три года спустя умеръ и Заполья, не оставивъ наслѣдниковъ. Вслѣдствіе страшной неурядицы въ странѣ «въ Венгріи господствовало поистинѣ ужасное состояніе» (Fr. Mayer. II, 81). Въ Седмиградіи смѣнившая Заполью династія Баторіевъ колебалась между передачей страны императору австрійскому (1599) и сохраненіемъ въ ней своей власти, что служило источникомъ всяческихъ междоусобій. По договору 1602 г. Седмиградіе перешло во владѣніе австрійскаго императора, независимо отъ судебъ Венгріи. Однако и этотъ договоръ не прекратилъ борьбы за обладаніе Седмиградіемъ, въ которую здѣсь было бы трудно входить. Достаточно сказать, что въ 1613 г. въ Седмиградіи утвердился на престолѣ, благодаря покровительству турокъ, опять одинъ изъ отпрысковъ рода Баторіевъ. Вскорѣ послѣ того началась тридцатилѣтняя война, измѣнившая политическія отношенія въ Европѣ и положеніе отдѣльныхъ земель внутри государствъ.

Въ Венгріи сложилась національная партія, которая относилась къ австрійскому владычеству чрезвычайно враждебно. Когда въ 1664 г. турки потерпѣли сильное пораженіе отъ австрійскихъ войскъ въ битвѣ при С.-Готардѣ, имп. Леопольдъ I заключилъ съ ними миръ, вызвавшій большое неудовольствіе среди венгерскихъ магнатовъ. По этому договору Седмиградіе оставалось независимо отъ императора, но турки сохраняли одну крѣпость въ этой странѣ. Въ Венгріи было распространено убѣжденіе, что императоръ стремится уничтожить старую конституцію ея, а среди австрійцевъ утверждали, что только страхъ передъ турками удерживаетъ венгерцевъ въ повиновеніи Австріи, и что при первомъ удобномъ случаѣ они объявятъ свою независимость. Такое настроеніе привело къ заговору нѣсколькихъ венгерскихъ вельможъ (Зрини, Франкопапа и др.) противъ имперіи; заговоръ не удался и плачевно закончился казнью участниковъ въ 1671 г. Въ странѣ искореняли съ чрезвычайнымъ рвеніемъ слѣды реформаціи, и (1675) императоръ Леопольдъ I заявилъ, что къ Венгріи, не составляющей части имперіи, не относятся постановленія Вестфальскаго мира, и что здѣсь протестантское духовенство должно караться не за вѣру, но за свою преступную дѣятельность, т.-е. самую проповѣдь протестантства. Съ 1673 г. Венгрія трактовалась, какъ завоеванная страна, и бѣглецы изъ нея отправлялись къ туркамъ или въ Седмиградіе и оттуда дѣлали набѣги на габсбургскія владѣнія, «чтобы бороться за свободу, которую иноземцы совершенно попрали ногами». Партія недовольныхъ опять прибѣгла къ помощи турокъ, и въ 1683 году огромное турецкое войско угрожало Вѣнѣ. Спасителемъ Австріи явился польскій король, Янъ Собѣсскій. Значеніе этого событія для Европы охарактеризовано однимъ изъ историковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Великое значеніе этой эпохи, опредѣлившей ходъ мірового историческаго процесса, заключается вовсе не въ личности Людовика XIV, но въ тѣхъ путяхъ, на которые вступила австрійская монархія вмѣстѣ со своими союзниками. Въ эту пору были начаты дѣла, основаны отношенія, которыя имѣли громадную важность въ теченіе цѣлыхъ столѣтій». Справедливость этого заключенія обнаруживается прежде всего на судьбахъ Венгріи. Вскорѣ послѣ освобожденія Вѣны австрійскими союзниками былъ отвоеванъ венгерскій городъ Гранъ, находившійся свыше 70 лѣтъ въ турецкомъ обладаніи, а 12 сент. 1686 г. герцогъ Лотарингскій Карлъ и курфирстъ Баварскій Максъ Эмануэль во главѣ 80-тысячнаго войска взяли Офенъ. Венгерскія

войска (всего 12 тыс. чел.) приняли весьма скромное участіе въ этомъ событіи, которое на всемъ католическомъ западѣ было встрѣчено, какъ новая великая побѣда христіанства. Вмѣстѣ съ тѣмъ было подготовлено завоеваніе Седмиградія, которое (1688) признало императора своимъ верховнымъ повелителемъ (Oberlehensherr). Для устройства будущихъ южно-славянскихъ отношеній монархіи выдающееся значеніе имѣло перенесеніе военныхъ дѣйствій на почву Сербіи. Бѣлградъ, считавшійся ключомъ османской имперіи, былъ взятъ; христіанское населеніе Балканскаго полуострова призывалось къ возстанію противъ турокъ. Маркграфъ Баденскій Людвигъ двинулся въ Болгарію и взялъ Видинъ, его генералъ Пиколомини долженъ былъ привлечь къ возстанію босняковъ, герцеговинцевъ и албанцевъ и пробиться въ южную Македонію, до Солуни. Но это предпріятіе оказалось неуспѣшнымъ: Пиколомини умеръ, взявъ Призренъ, преемникъ его не обладалъ необходимыми качествами полководца для веденія столь сложнаго предпріятія. Турки перешли въ наступленіе. Въ то же время французскій король, Людовикъ XIV, воспользовавшись труднымъ положеніемъ Австріи, объявилъ ей войну, такъ что монархіи пришлось сосредоточить всѣ силы на сѣверѣ. Лѣтомъ 1690 года Австрія потеряла всѣ свои завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ, Нишъ, Видинъ и Бѣлградъ, а сербы, опасаясь жестокой расправы со стороны турокъ, огромными массами переселились въ Австрію, положивъ такимъ образомъ начало сербской колонизаціи, о которой будетъ рѣчь въ 13 главѣ этой книги. Въ послѣдніе годы XVII столѣтія совершилось, наконецъ, окончательное соединеніе Седмиградія съ Австріей: на ландтагѣ 1692 г. въ Германштадтѣ управленіе этой страной было поручено австрійскому губернатору, въ 1694 г. въ Вѣнѣ была учреждена спеціальная придворная канцелярія для Седмиградія. По Карловацкому договору съ турками 26 янв. 1699 г. императоръ Леопольдъ I получилъ Седмиградіе, Венгрію (за исключеніемъ Темешварскаго баната, оставшагося пока въ рукахъ турокъ), Хорватію и Славонію; Венеція пріобрѣла Морею и Далматію. Такъ въ главныхъ чертахъ въ концѣ XVII в. сложилась Австрія.

Стремленія Австріи пріобрѣсти и удержать сѣверную часть задунайской Сербіи возобновлялись нѣсколько разъ, но никогда еще не приводили къ прочному завоеванію. Такъ, по Пожаревацкому миру съ турками въ 1718 г., Австрія пріобрѣла, кромѣ другихъ турецкихъ владѣній, и Бѣлградъ, но новая война съ Турціей оказалась для Австріи неудачной; Бѣлградскій миръ 1740 г. возстановилъ прежнюю границу, которая проходила по Дунаю и Савѣ. Никакъ не могли соединиться органически съ Австріей и итальянскія владѣнія ея, обязанныя своимъ происхожденіемъ по преимуществу дипломатическимъ договорамъ. Такъ, императоръ Карлъ VI утратилъ южно-итальянскія владѣнія Австріи, но зато пріобрѣлъ Парму, Пьяченцу и герцогство Тосканское. Зато прочнымъ оказалось сдѣланное въ 1718 г. пріобрѣтеніе баната Темешвара, завершившее объединеніе Венгріи въ рукахъ Габсбурговъ. Династія ихъ обнаруживала въ эту пору неисчерпаемые источники жизненныхъ силъ, и нѣмецкій элементъ, поддерживаемый Габсбургами, пріобрѣталъ все большее господство въ странѣ. Прагматическая санкція, установившая во всѣхъ австрійскихъ земляхъ единство права наслѣдованія и нераздѣльность имперіи, была принята сословіями различныхъ земель въ промежутокъ между 1720 и 1723 годами. Въ силу той же санкціи престолъ перешелъ послѣ смерти имп. Карла VI (1711—1740) по женской линіи къ Маріи Терезіи (1740—1780). При этой императрицѣ Пруссія впервые выступила въ качествѣ великой державы и соперницы Австріи въ гегемоніи между нѣмецкими государствами. Уже въ началѣ царствованія Маріи Терезіи

война изъ-за Силезіи закончилась Берлинскимъ миромъ 1742 г., по которому часть Силезіи отошла къ Пруссіи. Семилѣтняя война (1756—1763) закрѣпила за Пруссіей это пріобрѣтеніе. Зато и сама Австрія значительно расширила свои предѣлы. Еще до перваго раздѣла Польши, во время русско-турецкой войны 1769 г., Австрія поставила свои войска на границѣ отъ Тешена до Молдавіи и заняла Сепешскій (Ципсскій) комитатъ, который когда-то былъ отданъ въ залогъ Польшѣ. Въ слѣдующемъ году австрійскія войска оккупировали округа южной Галиціи, примыкавшіе къ Сепешскому комитату, при чемъ новоприсоединенныя области разсматривались, какъ «возсоединенныя», и получили печать, съ надписью: Sigillum administrationis terrarum recuperatarum. Этотъ процессъ разложенія обезсилѣвшей Рѣчи Посполитой продолжался: въ 1772 году состоялся первый раздѣлъ ея между Россіей, Пруссіей и Австріей. Послѣдняя получила всю Галицію, кромѣ Кракова. Естественнымъ продолженіемъ этой политики, которая включила въ составъ монархіи Габсбурговъ часть русскаго населенія, было присоединеніе къ ней той части Молдавіи, которая называется Буковиной и составляетъ промежуточную область между Галиціей и Седмиградіемъ. Молдавія въ это время была занята русскими войсками. Россія соглашалась на аннексію Буковины Австріей при условіи, что эта послѣдняя займетъ угрожающее положеніе по отношенію къ Турціи и поможетъ Россіи заключить съ Портой желательный для первой договоръ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 года обезпечилъ Австріи присоединеніе Буковины, которое было оформлено турецко-австрійскимъ соглашеніемъ 1775 г.

Вскорѣ послѣ этого Австрія расширила свои владѣнія и на сѣверозападѣ имперіи. Въ Баваріи была близка къ прекращенію династія курфирста Максимиліана Іосифа, находившаяся въ родствѣ съ Габсбургами. Императоръ Іосифъ II выступилъ съ притязаніями на нѣкоторыя области въ нижней Баваріи, къ которымъ Австрія стремилась уже давно. Наслѣдникомъ курфирста долженъ былъ сдѣлаться пфальцскій курфирстъ Карлъ Теодоръ, также не имѣвшій законнаго мужского потомства. и Австрія желала получить и отъ него нѣсколько графствъ въ Верхнемъ Пфальцѣ, которыя нѣкогда входили въ составъ Чехіи. Послѣ долгихъ переговоровъ между заинтересованными сторонами состоялось соглашеніе 3 янв. 1778 г., которое привело къ новой войнѣ между Австріей и Пруссіей, не желавшей допускать увеличенія своей сосѣдки. Однако война шла чрезвычайно вяло; «больше маневрировали, чѣмъ сражались», и уже 13 мая былъ подписанъ мирный договоръ, предоставившій Австріи область между Дунаемъ, Инномъ и Зальцахомъ въ 2000 кв. килом. съ 60 тыс. населенія. Имп. Іосифъ II разсчитывалъ получить больше. чуть не всю нижнюю Баварію, и былъ недоволенъ договоромъ, но достаточно взглянуть на карту Австріи, чтобы увидѣть, какъ важны были новыя пріобрѣтенія для образованія естественной границы Австріи, получившей новую часть Дуная. Зато отдаленные отъ Австріи и совершенно ничѣмъ не связанные съ ней Нидерланды, наконецъ, окончательно отдѣлились отъ нея въ послѣдніе годы XVIII вѣка, въ ту знаменательную эпоху, когда складывались именно естественныя національныя и географическія границы европейскихъ государствъ. 19 декабря 1789 г. сословія Брабанта провозгласили независимость Нидерландовъ, которые вслѣдъ за тѣмъ провозгласили республику. Герцогство Люксембургское еще оставалось пока вѣрнымъ Австріи. Правда, на этомъ еще не окончились попытки Австріи сохранить за собой Бельгію, но въ сущности разрывъ былъ полный, и Австрія утратила Нидерланды. Временное возстановленіе власти Австріи, имп. Леопольда II, въ Бельгіи (10 дек. 1790) ничего не значило передъ отсутствіемъ всякой внутренней связи

между этими государствами, а французская революція и затѣмъ Наполеонъ уничтожили всѣ эти искусственныя соединенія, основанныя еще на средневѣковыхъ отношеніяхъ. По третьему раздѣлу Рѣчи Посполитой (3 янв. 1795 г.) Австрія получила воеводства Люблинское, Холмское, Краковское и Сандомирское, изъ которыхъ она не удержала послѣ Вѣнскаго конгресса 1815 г. ни одного. Чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ для Австріи было присоединеніе къ ней владѣній Венеціанской республики по восточному берегу Адріатическаго моря. Именно, австрійско-французская война 1797 года завершилась миромъ (17 окт. 1797 г.) въ Кампо Форміо, въ силу котораго Австрія уступала Франціи Бельгію и Ломбардію, а зато получала Венецію, часть территоріи Италіи до рѣки Эча, Истрію, Далмацію съ островами и заливъ Которскій (Bocche di Cattaro). Отреченіе Австріи отъ Милана, Мантуи и Бельгіи было закрѣплено нѣсколько лѣтъ спустя новымъ договоромъ съ Франціей въ Люневилѣ (9 февр. 1801 г.). Наконецъ въ это же время совершилось пріобрѣтеніе Зальцбургскаго архіепископства, этого средневѣковаго анахронизма, Габсбургами. Австрія (1803) включила въ составъ имперіи епископства Трієнтское и Бриксенское, а эрцгерцогъ Фердинандъ Тосканскій, сынъ покойнаго императора Леопольда II и братъ царствующаго Франца II, получилъ титулъ курфирста Зальцбургскаго, архіепископство Зальцбургское и прилегающія къ нему земли.

Учрежденіе французской имперіи Наполеона, ниспровергшее всѣ традиціи средневѣковыхъ представленій объ императорскомъ титулѣ, вынудило Габсбурговъ, такъ давно носившихъ этотъ титулъ, на весьма важный шагъ. 10 авг. 1804 г. на государственной конференціи императоръ Францъ II объявилъ, что онъ принимаетъ титулъ наслѣдственнаго императора Австріи, при чемъ «всѣ королевства, княжества и провинціи неизмѣнно сохраняютъ и на будущее время свои прежніе титулы, установленія, привилегіи и отношенія».

Такъ возникла въ 1804 году Австрійская имперія, а два года спустя прекратила свое существованіе священная нѣмецкая имперія, разложившаяся въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ на отдѣльныя организаціи: такъ, Рейнскій союзъ 16 государей южной и западной Германіи призналъ своимъ покровителемъ Наполеона. Это произошло 12 іюля, а уже 6 августа (1806) Францъ II отрекся отъ титула нѣмецкаго императора и въ качествѣ австрійскаго сталъ называться Францемъ I. Событія австрійско-французской войны 1805 года нанесли Австріи рядъ тяжелыхъ пораженій; Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, союзники Наполеона, получили свои доли изъ земель Австріи и превратились частью въ королевства (Баварія и Вюртембергъ), частью въ великія герцогства (Баденъ). Венеція съ Фріулемъ, Истрія и Далмація тоже были утеряны для нея. Впрочемъ, не надолго: Вѣнскій конгрессъ 1815 года вновь возстановилъ связь этихъ земель съ Австріей. Теперь, въ 1815 г., Австрія отказывалась отъ Бельгіи, которая входила въ составъ новоучрежденнаго Нидерландскаго королевства, и отъ части западной Галиціи, входившей въ составъ Царства Польскаго, соединеннаго съ Россіей. Краковъ образовалъ свободный городъ, «Краковскую республику». Нѣсколько городовъ къ сѣверу отъ оз. Комо, пріобрѣтенныхъ отъ Граубюндена, и возвращенные Баваріей Тироль, Форарльбергъ, области по р. Инну, Зальцбургъ возстановили сѣверныя владѣнія Австріи, а на югѣ она вернула все отнятое у нея и, кромѣ того, территорію, составлявшую прежнюю Дубровницкую республику (Рагузу). Изъ герцогствъ Миланскаго и Мантуанскаго вмѣстѣ съ Венеціанской областью имп. Францъ I образовалъ 7 апр. 1815 г. ломбардско-венеціанское королевство, а изъ иллирійскихъ провинцій (Крайны, Горицы, части Хорватіи и т. д.)—

королевство Иллирійское (10 авг. 1816 г.) Точно такъ же отдѣльное королевство составила Далмація съ Дубровникомъ (Рагузой) и Которомъ (Каттаро).

За истекшія послѣ этого сто лѣтъ составъ Австро-Венгерской монархіи подвергся нѣкоторымъ новымъ перемѣнамъ. Ломбардія съ ненавистью переносила австрійское иго; стремленія въ объединенію Италіи уже глубоко пустили корни въ умахъ молодого поколѣнія въ началѣ XIX в., но еще не выразились въ планомѣрномъ движеніи, не воплотились въ лицѣ выдающихся вождей, какими явились позже Гарибальди, Кавуръ, король Викторъ-Эммануилъ и др. Возстаніе въ Пармѣ и Моденѣ было подавлено австрійскими войсками въ мартѣ 1831 г.; походъ Радецкаго въ Ломбардію въ мартѣ 1849 г. окончился также полнымъ пораженіемъ итальянскихъ инсургентовъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, вступившій на Австрійскій престолъ въ 1848 году, пытался внести миръ и ладъ въ Ломбардско-венеціанскомъ королевствѣ и предпринялъ въ 1856 г. путешествіе въ эту страну, осыпая населеніе милостями и даруя амнистію всѣмъ замѣшаннымъ въ политическихъ дѣлахъ. Въ слѣдующемъ году онъ назначилъ генералъ-губернаторомъ этой провинціи своего либеральнаго брата, эрцгерцога Фердинанда Макса. Но, тѣмъ не менѣе, Ломбардія все болѣе тяготѣла къ Сардинскому королевству, на престолѣ котораго находился Викторъ-Эммануилъ, проводившій съ помощью Кавура важнѣйшія либеральныя реформы. Популярность объединительной идеи возрастала; императоръ французскій, Наполеонъ III, сочувствовалъ ей, желая замѣнить въ Италіи австрійское вліяніе французскимъ. Онъ носился съ планомъ объ увеличеніи Сардинскаго королевства Миланомъ, Венеціей и др.; и весной 1859 года между Франціей и Сардиніей, съ одной стороны, и Австріей—съ другой, вспыхнула война. 4 іюня произошло главное сраженіе у Маджженты, къ западу отъ Милана; Миланъ былъ взятъ союзниками. Въ слѣдующемъ сраженіи у Сольферино (у озера Гарда) австрійцы опять были разбиты; въ самой Австро-Венгріи господствовало революціонное настроеніе, и императору Францу-Іосифу не оставалось ничего иного, какъ отказаться отъ Ломбардіи, которая присоединилась къ Сардинскому королевству. За Австріей остались только города Мантуя и Пескьера, которые составили вмѣстѣ съ Венеціей послѣднія австрійскія владѣнія въ Италіи. Но процессъ объединенія Италіи, продолжавшійся со стихійной силой, конечно, не могъ миновать и этихъ городовъ. Въ 1866 гг. Пруссія и Италія объявили Австріи войну, которая закончилась для Италіи присоединеніемъ указанной выше итальянской области. Южный Тироль Австріи удалось отстоять; городъ Тренто (Тридентъ), несмотря на усилія добровольцевъ Гарибальди, не былъ взятъ. Послѣ этого въ самой Австріи наступила новая эра государственной жизни, ознаменовавшаяся образованіемъ дуализма. Русско-турецкая война, закончившаяся Берлинскимъ конгрессомъ 1878 г., толкнула Австро-Венгрію въ путь балканской политики. Оккупація Босніи и Герцоговины, объяснявшаяся на Берлинскомъ конгрессѣ необходимостью устроить земельныя отношенія въ этихъ турецкихъ провинціяхъ, свелась къ полному хозяйничанью здѣсь Австріи, и когда въ 1908 году монархія Габсбурговъ задумала совершить новый шагъ на пути къ завоеванію торговыхъ путей и политическаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, то оккупація была замѣнена въ сентябрѣ 1908 года аннексіей, т.-е. полнымъ присоединеніемъ.

Выяснивъ ходъ территоріальнаго образованія Австро-Венгріи, намъ остается еще указать, какъ возникла вторая составная часть дуалистической монархи, Венгерское королевство. Начало его, какъ извѣстно, относится къ послѣднимъ годамъ IX столѣтія, когда полудикіе кочевники-

мадьяры нахлынули на паннонскія степи. Они проникли далеко на западъ Европы, опустошили Чехію, Саксонію, Баварію и Тюрингію и представляли постоянную угрозу европейскому культурному развитію. Дальнѣйшему распространенію мадьяръ положило конецъ страшное пораженіе ихъ войсками императора Оттона Великаго и его союзниковъ на баварской равнинѣ Лехфельдѣ (10 авг. 955 г.). Мадьяры были оттѣснены на Востокъ, заняли современную Венгрію, здѣсь приняли христіанство и пріобщились къ западно-европейской цивилизаціи. Король св. Стефанъ (997—1038) преобразовалъ государство и создалъ новое законодательство «Decretum St. Stephani». Ходъ завоевательной политики Венгерскаго королевства обратился теперь на православныя государства Балканскаго полуострова, гдѣ съ начала XIII вѣка Венгрія пытается играть первенствующую роль. Завоеваніе придунайскихъ областей Сербіи и Болгаріи составляетъ одну изъ постоянныхъ задачъ венгерскихъ королей и въ XIV вѣкѣ, заканчиваясь только неизбѣжнымъ прекращеніемъ этихъ усилій послѣ покоренія всего полуострова турками. Боснія, Хорватія и Трансильванія также рано входятъ въ кругозоръ венгерской политики. Послѣдняя изъ перечисленныхъ областей уже въ концѣ XI вѣка, при королѣ Владиславѣ, слилась съ Венгріей и была заселена мадьярскимъ племенемъ секлеровъ. «Съ конца XIII вѣка въ этой странѣ поселяются такъ называемые *секлеры*, тоже причисляющіеся къ мадьярской націи, но считающіе себя потомками воиновъ Аттилы; ихъ обязанностью было оберегать границы и защищать ихъ отъ вторженія чужеземцевъ. Организованные сначала на военныхъ началахъ, секлеры впослѣдствіи составляютъ въ Трансильваніи съ другими поселившимися тамъ народностями, какъ, напр., съ саксонцами, маленькое государство, управляемое намѣстникомъ по назначенію короля» (Н. Борецкій-Бергфельдъ: «Исторія Венгріи въ Средніе вѣка и Новое время». Спб. 1908, стр. 29).

Что касается Хорватіи, то здѣсь уже въ концѣ X вѣка возникло самостоятельное славянское государство Мойтимира, называвшаго себя герцогомъ (dux) Хорватіи Божьей милостью. Его преемникъ, Томиславъ, принялъ титулъ короля Хорватіи и Далмаціи, и до конца XI вѣка мы видимъ здѣсь непрерывный рядъ королей, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является Дмитрій Звонимиръ. Этотъ послѣдній, пользуясь расположеніемъ римской куріи, получилъ отъ папы Григорія VII въ 1076 году королевскую діадему, шпагу, скипетръ и корону, вслѣдствіе чего историческія права хорватскаго народа на государственную независимость обосновываются ссылками на корону Звонимира, подобно тому, какъ владѣнія Венгріи называются землями короны св. Стефана,—короля, получившаго свою королевскую санкцію, корону, отъ папы Сильвестра II. Династія Мойтимира угасла въ 1092 году: послѣдній король Стефанъ II умеръ, не оставивъ мужского потомства. Въ Хорватіи началась смута, борьба областныхъ начальниковъ, *becовъ*, за королевскую корону. Со своими притязаніями на нее выступилъ свякъ Звонимира, венгерскій король Владиславъ, который двинулся въ походъ на хорватовъ, но не дойдя даже до столицы королевства, далматинскаго города Салоны, долженъ былъ поспѣшить домой, гдѣ ему самому угрожали враги. Анархія въ странѣ достигла такихъ размѣровъ, что часть городовъ отдѣлилась и подчинилась Венеціи. Естественное тяготѣніе далматинскаго побережья къ могущественной повелительницѣ Адріатическаго моря, Венеціанской республикѣ, было настолько велико, что въ борьбѣ за обладаніе далматинскимъ побережьемъ, которая велась уже съ IX вѣка, императоръ Византійскій долженъ былъ передать верховныя права на Далмацію Венеціи (1085). Другая часть хорватскихъ земель шла роковымъ образомъ подъ власть Венгріи. Преемникъ и сынъ Владислава, Коломанъ, ссыла-

ясь на свое родство съ прежней хорватской династіей, предъявилъ опять свои притязанія на корону хорватскаго королевства и во главѣ войска пошелъ въ 1102 году въ Хорватію. До битвы дѣло не дошло. Коломанъ предпочелъ прибѣгнуть къ переговорамъ, и по одному изъ трактатовъ, заключенному съ Венеціей, онъ отрекся отъ притязаній на часть далматинскаго побережья, предложивъ дожу титулъ «dux» Венеціи, Далмаціи и Кроаціи, по другому же, съ хорватскими вельможами, Коломанъ, признавая національныя и государственныя права хорватскаго королевства, получалъ его корону на принципѣ личной уніи. Въ 1102 г. онъ короновался хорватской короной и принялъ титулъ Dei gratia rex Hungariae, Croatiae atque Dalmatiae. При этомъ въ договорѣ отмѣчалось свободное согласіе (salvo habito consilio) хорватовъ на присоединеніе къ Венгріи. Преемники Владислава подчеркивали внутреннюю независимость Хорватіи, связь которой съ Венгріей сводилась долго къ праву короля утверждать избраннаго хорватскаго бана (comes), называвшагося также dux (или banus) totius Slavoniae. Когда династія Арпадовичей угасла, личная унія, связывавшая Венгрію съ Хорватіей, также должна была прекратиться; но эти государства уже такъ крѣпко соединились, что хорваты легко признали новаго венгерскаго короля, Карла Роберта. Однако права хорватовъ становились все болѣе и болѣе юридической декораціей: уже въ 1403 г. Венгерскій король Сигизмундъ отказался короноваться хорватской короной; право избранія короля продолжало номинально осуществляться до 1492 г., когда былъ избранъ Владиславъ Ягеллоновичъ. Но въ 1526 г., когда Венгрія была завоевана турками, выборы пріобрѣли снова реальный характеръ. Императоръ Фердинандъ Австрійскій былъ избранъ съ большимъ воодушевленіемъ 1 янв. 1527 г. на хорватскій престолъ. Непосредственная связь между Хорватіей и Венгріей была, такимъ образомъ, разрушена. Такъ продолжалось съ 1527 по 1593 годъ, но сами Габсбурги своими притязаніями на хорватскія права толкнули опять Хорватію въ объятія мадьяръ, у которыхъ она надѣялась найти защиту. Съ 1593 г. хорватскіе представители (solemnes oratores) стали ѣздить на венгерскіе сеймы, изъ чего развилась въ скоромъ времени теорія зависимости Хорватіи отъ Венгріи. Уже въ 1655 г. фактическое положеніе вещей было формулировано имп. Леопольдомъ I въ терминѣ, не имѣвшемъ законнаго оправданія и вызвавшемъ протестъ въ Хорватіи: Hungaria et partes ejus annexae.

II.

Австро-Венгерскій дуализмъ, его происхожденіе и развитіе.

Царствованіе имп. Іосифа II ознаменовалось для Венгріи рядомъ реформъ, измѣнявшихъ юридическое положеніе венгерскаго королевства. Императоръ стремился къ объединенію всѣхъ земель Австріи въ системѣ централизма и германизаціи и мечталъ провести либеральныя реформы въ области народнаго управленія и просвѣщенія. Въ примѣненіи къ Венгріи предполагалась отмѣна ея самостоятельной государственной жизни, и въ 1782 г. императоръ сдѣлалъ нѣсколько соотвѣтствующихъ административныхъ распоряженій, уничтожавшихъ прежде всего самостоятельное хозяйственное управленіе страной. Два года спустя послѣдовало новое распоряженіе, имѣвшее весьма грозный для Венгріи смыслъ: корона св. Стефана былъ перевезена въ Вѣну, въ управленіи и ссудопроизводствѣ въ Венгріи вводился нѣмецкій языкъ, и каждый чиновникъ обязывался въ теченіе трехъ лѣтъ научиться ему. Эта мѣра должна была примѣняться и къ членамъ сейма (Reichstag). Все это мотивировалось съ лицемѣрнымъ прекраснодушіемъ соображеніями общаго блага. «Сколько выгодъ проистечетъ для всеобщаго блага, если во всей монархіи будетъ употребляться одинъ единственный языкъ». Это вызвало только, какъ отпоръ, сильнѣйшій подъемъ національнаго чувства въ мадьярскомъ обществѣ. Какъ говоритъ историкъ Венгріи въ концѣ XVIII вѣка, «дѣло дошло до того, что всѣ принялись говорить по-мадьярски, а тѣ, кто не зналъ этого языка, стали ему учиться». Въ 1785 г. было уничтожено раздѣленіе Венгріи на комитаты; вмѣсто нихъ учреждались округа, находившіеся подъ управленіемъ королевскихъ комиссаровъ, затѣмъ было приказано замѣнить венгерскіе законы въ судебномъ дѣлѣ австрійскими. Всѣ эти мѣры вызвали въ мадьярскомъ обществѣ большое раздраженіе, и среди магнатовъ началось движеніе въ пользу низложенія съ венгерскаго престола императора Іосифа II и приглашенія на его мѣсто одного изъ нѣмецкихъ принцевъ. Въ этомъ духѣ и велись переговоры съ прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Іосифъ II вовремя узналъ о нихъ и спохватился. Въ январѣ 1790 г. онъ подписалъ документъ, отмѣнявшій всѣ новшества; нѣсколько недѣль спустя онъ скончался, оставивъ своему наслѣднику и брату Леопольду II венгерскую неурядицу.

На первомъ же сеймѣ, открытомъ 10 іюня 1790 г., обнаружилась тенденція мадьярскихъ политиковъ. Правда, подъ вліяніемъ антимадьярскаго настроенія среди венгерскихъ сербовъ, мадьяры должны были пойти на уступки и признали имп. Леопольда венгерскимъ королемъ. Однако съ открытіемъ дѣловыхъ засѣданій сейма на сцену сейчасъ же были выдвинуты государственныя права Венгріи, которыя должны были обезпечить ее отъ централизма и германизаціи. Эти права получили удовле-

твореніе въ отмѣнѣ тѣхъ мѣръ, которыя проектировалъ имп. Іосифъ II. Въ наступившую затѣмъ эпоху наполеоновскихъ войнъ было, конечно, не до соперничества между Австріей и Венгріей и не до политики ограниченія правъ этой послѣдней. Австрія пережила годы такого государственнаго униженія, что авторитетъ нѣмецкой власти былъ сильно поколебленъ. Повсюду начались симптомы національнаго возрожденія народностей монархіи Габсбурговъ. Въ Венгріи господствовала реакція. Сеймы фактически были отмѣнены, такъ что за время съ 1812 по 1825 г. не собирались ни разу. Съ 1820 г. начинается борьба отдѣльныхъ комитатовъ противъ абсолютизма, и императоръ Францъ I былъ вынужденъ созвать въ Пресбургѣ рейхстагъ. Стала образовываться оппозиціонная либеральная партія, стремившаяся къ представительной системѣ, и съ 1832 г. здѣсь выдвигается молодой адвокатъ Кошутъ, а во главѣ партіи становится Деакъ. Партія ставитъ своей задачей освобожденіе крестьянъ, противъ чего правительство борется. Точно такъ же оно возстаетъ и противъ задуманнаго рейхстагомъ въ 1844 году введенія мадьярскаго языка во внутреннемъ управленіи страной. Между тѣмъ недовольство въ Венгріи возрастаетъ, и Кошутъ вмѣстѣ съ Деакомъ вырабатываютъ программу реформъ: они требуютъ независимаго отвѣтственнаго министерства, народнаго представительства въ парламентѣ, уничтоженія крѣпостной зависимости, свободы печати и проч. Вѣна стала поддаваться. Въ концѣ 1847 года король венгерскій, императоръ австрійскій Фердинандъ открылъ рейхстагъ рѣчью на мадьярскомъ языкѣ, которой теперь былъ признанъ государственнымъ. Когда же въ Парижѣ вспыхнула мартовская революція, то венгерская оппозиція представила коронѣ адресъ, въ которомъ требовала для Венгріи самостоятельнаго управленія. Племянникъ императора, палатинъ эрцгерцогъ Стефанъ, поручившись за исполненіе желаній рейхстага, отправился во главѣ депутаціи въ Вѣну. Дѣйствительно, эта депутація прибыла въ столицу Австріи въ такой моментъ, когда здѣсь все было охвачено броженіемъ, и торговаться было поздно. Императоръ принялъ условія Венгріи, которая получила собственное министерство и сдѣлалась «самостоятельнымъ государствомъ», связаннымъ съ остальными частями имперіи лишь особой общаго монарха, но обладающимъ собственнымъ министерствомъ военнымъ, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Какъ справедливо утверждаетъ историкъ Австріи, «это было состояніе переходное, которое должно было привести или къ полному распаденію монархіи, или къ политической гибели Венгріи». Между тѣмъ въ Австріи была провозглашена конституція, императоръ покинулъ Вѣну и переѣхалъ въ Инсбрукъ. Въ Венгріи господствовалъ неудержимый мадьярскій шовинизмъ, и ему должны были подчиниться хорваты. Однако здѣсь мадьяры столкнулись съ рѣшительнымъ отпоромъ: хорваты, какъ они сами утверждали, не хотѣли ни отказаться отъ своей національности, ни нарушить долга вѣрности по отношенію къ династіи. Собравшійся въ Прагѣ въ 1848 г. первый славянскій съѣздъ высоко поднялъ знамя славянской взаимности и національной близости и точно такъ же сталъ на почвѣ вѣрности Габсбургамъ. Такимъ образомъ, мадьяры въ своемъ стремленіи оторваться отъ имперіи встрѣтились съ враждебнымъ къ нимъ настроеніемъ въ остальномъ населеніи монархіи. Въ Хорватіи сейчасъ же послѣ образованія самостоятельнаго венгерскаго министерства былъ избранъ баномъ баронъ Іелачичъ, признавшій себя подчиненнымъ непосредственно вѣнскому правительству, которое, однако, только послѣ долгихъ колебаній рѣшило признать Іелачича законноизбраннымъ баномъ. Въ половинѣ сентября 1848 года онъ вступилъ въ Венгрію, чтобы избавить страну «отъ ига неспособнаго, и ненавистнаго правительства мятежниковъ». Въ Венгріи началось настоящее возстаніе. 2 дек. 1848 г.

императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола въ пользу своего племянника Франца-Іосифа, который 18-лѣтнимъ юношей началъ свое долгое царствованіе, совершенно преобразовавшее внутреннія отношенія въ имперіи и закончившееся такъ трагически для судебъ Австро-Венгріи. Въ первомъ же манифестѣ молодого императора подчеркивалось отрицательное отношеніе къ венгерскимъ стремленіямъ, такъ какъ здѣсь говорилось о «соединеніи всѣхъ земель и племенъ монархіи въ одно большое государственное цѣлое».

Венгерское возстаніе было усмирено съ помощью войскъ, посланныхъ имп. Николаемъ I. У насъ принято относиться къ этому выступленію импер. Николая въ чужой странѣ, какъ къ вмѣшательству въ чужія дѣла, какъ къ дѣлу неразумной и реакціонной политики. Однако, если имѣть въ виду, что венгерское возстаніе преслѣдовало цѣли узко-эгоистическія, внушенныя мадьярскимъ шовинизмомъ, то усмиреніе этого движенія можно разсматривать, какъ актъ, для славянскаго населенія Венгріи вообще Транслейтаніи благопріятный, обезпечившій хоть нѣкоторую долю гражданскихъ правъ за словаками, а также румынами въ Венгріи, и за хорватами и сербами въ хорватскомъ королевствѣ. Изученіе дѣйствительности, созданной австро-венгерскимъ соглашеніемъ 1867 года, обнаруживаетъ, какъ давитъ на эти народы мадьярское преобладаніе въ странѣ. Сербы Венгріи были правы, когда въ своемъ манифестѣ 1848 года мотивировали свое враждебное отношеніе къ мадьярамъ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы сражаемся противъ тѣхъ, кто нарушаетъ конституцію, кто требуетъ свободы только для себя, кто стремится использовать для мадьярскаго меньшинства сокровище, добытое трудами славянъ, румынъ и нѣмцевъ». Вѣнское правительство широко использовало побѣду, одержанную чужими войсками. Казни, всяческія запрещенія, заключенія въ тюрьмы слѣдовали другъ за другомъ. Прибѣгли даже къ такой нелѣпой мѣрѣ, какъ преданіе смертной казни черезъ повѣшеніе портретовъ 29 мадьярскихъ вождей (въ томъ числѣ Андраши). Только вмѣшательству Россіи венгерскіе плѣнники были обязаны смягченіемъ своей участи [1]). До 1859 года въ Австріи наступила эпоха абсолютизма. Берта, историкъ Венгріи, отказывается даже называть ее какой-нибудь «системой»: это просто было господство произвола, преслѣдовавшее, однако, опредѣленныя цѣли централизаціи и германизаціи. Можно прибавить, что усмиреніе Венгріи было для Вѣнскаго правительства прекрасной отговоркой на требованіе осуществить въ имперіи обѣщанную конституцію. «Какъ можно говорить о конституціи, когда въ Венгріи безпорядки!» говорили въ Вѣнѣ. И эту же систему успокоенія примѣняли къ тѣмъ народностямъ, которыя какъ разъ помогали въ борьбѣ съ венгерскимъ возстаніемъ. Естественно, что эти народности опять волновались, какъ передъ 1848 годомъ!

Въ самой Венгріи взяло верхъ умѣренное направленіе, которое уже не преслѣдовало цѣлей государственнаго обособленія Венгріи, но довольствовалось широкой автономіей [2]). Приходилось отстаивать основныя права народности противъ гнета германизаціи и чувство гражданственности отъ страшно развившагося повсюду шпіонства. Консервативная партія, опиравшаяся на придворныя связи, стремилась возстановить отношенія, бывшія до 1848 года, но, когда переговоры съ правительствомъ окончились неудачей, она смѣло выступила противъ господствовавшей въ это время системы Баха, министра внутреннихъ

---

[1]) A. de Bertha. La Hongrie moderne de 1849 à 1901. Paris. 1901.

[2]) См. яркую картину состоянія Венгріи въ эту эпоху въ книгѣ E. v. Wertheimer Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. I (1910), гл. IV.

дѣлъ въ реакціонномъ кабинетѣ принца Шварценберга. Для этой цѣли императору была подана въ апрѣлѣ 1850 г. записка, настаивавшая на соблюденіи прагматической санкціи, конституціи въ Венгріи и введеніи такого управленія страной, «которое представляло бы прочныя гарантіи противъ возобновленія недавно пережитыхъ безпорядковъ». При этомъ записка подчеркивала единство и недѣлимость государства. Австрійское правительство не захотѣло принять протянутую ему руку, и политика объединенія монархіи получила, такимъ образомъ, новый ударъ, который впослѣдствіи отразился очень тяжело на судьбахъ Австріи. Консерваторы не признали себя побѣжденными, но стремились войти въ непосредственныя отношенія съ монархомъ, помимо министерства. Это было время, когда императора Франца-Іосифа пытались убѣдить въ необходимости отмѣнить мартовскую конституцію 1849 года. Но и послѣ августовскаго манифеста (1852), провозгласившаго абсолютизмъ, положеніе Венгріи улучшалось очень медленно, такъ какъ Бахъ сумѣлъ удержаться на своемъ посту. Но въ 1857 г., когда молодой императоръ совершилъ поѣздку по Венгріи, ему была подана записка, подписанная 130 представителями мадьярскаго магнатства. Стоя на почвѣ единства монархіи («наше отечество чувствуетъ и вполнѣ признаетъ обязанности, налагаемыя на него В. Величествомъ и единствомъ монархіи»), записка защищала національную жизнь Венгріи. По тайнымъ донесеніямъ этого времени (см. Wertheimer I. 88—89), вся страна опять была охвачена сильнымъ націоналистическимъ настроеніемъ, и именно «дворянство и такъ называемая староконсервативная партія признавались главными защитниками этихъ сепаративныхъ стремленій». Слабохарактернаго императора уговорили не принимать записки, и все осталось пока попрежнему.

Падающій авторитетъ Австріи за границей, броженіе внутри страны,— таково было положеніе монархіи Габсбурговъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Угрожала война съ Франціей, а «настроеніе (въ Венгріи) значительно ухудшилось», какъ сообщалъ начальникъ полиціи императору. Въ 1859 г. началась неудачная для Австріи война съ Италіей. Въ Венгріи можно было ожидать каждый день возстанія; въ самой Вѣнѣ, уже не боясь всемогущей полиціи, громили реакцію, приведшую страну къ новому пораженію. Поэтому, поспѣшно заключивъ миръ въ Виллафранкѣ, императоръ далъ понять въ своемъ манифестѣ 15 іюня 1859 г., что его внутренняя политика приметъ новое направленіе. Въ исторіи Венгріи наступила эпоха, которую Берта называетъ временемъ «provisorium». Улучшенія въ положеніи Венгріи наступали медленно и имѣли характеръ неизбѣжныхъ уступокъ со стороны власти, которыя подстрекали противниковъ ея на новыя энергическія дѣйствія. Сначала появился «усиленный рейхсратъ» (1860), въ которомъ заняли мѣста десять мадьяръ. Императоръ обратился къ содѣйствію консервативной партіи, желая умиротворить Венгрію, и ея представители, отставъ отъ господствовавшихъ въ странѣ новыхъ стремленій, посовѣтовали ввести здѣсь провинціальную автономію, сохраняя, однако, единство имперіи въ законодательномъ собраніи. Обнародованный въ этомъ смыслѣ «дипломъ» (20 окт. 1860 г.) не удовлетворилъ мадьярскихъ политиковъ, которые стремились уже къ большему. 26 февр. 1861 г. былъ изданъ «патентъ», въ которомъ были развиты основныя положенія «диплома» 1860 г.; число членовъ рейхстага опредѣлялось въ 343, при чемъ земли короны св. Стефана посылали 120: изъ Венгріи 85, изъ Трансильваніи 26, изъ Хорватіи 9. Но теперь мадьяры опять требовали полной политической независимости. 13 мая 1861 г. въ засѣданіи венгерскаго сейма Деакъ формулировалъ требованія мадьярской политики: признаніе политической независимости Венгріи, возвращеніе этой

послѣдней земель, съ ней соединенныхъ, т.-е. Трансильваніи, Хорватіи, Военной Границы и Фіуме. Поднимался уже вопросъ о незаконности престолонаслѣдія, давшаго имп. Францу-Іосифу корону. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ принятый незначительнымъ большинствомъ «адресъ», который, избѣгая титулованія императора, ограничился глухимъ обращеніемъ къ нему: «Ваше Величество». Адресъ не былъ принятъ императоромъ. Радикальное теченіе въ рядахъ мадьярскихъ депутатовъ торжествовало побѣду; умѣренное, въ лицѣ Деака и его послѣдователей, получало какъ бы новое указаніе на то, что на этомъ пути переговоровъ Венгрія ничего не добьется. Деакъ составилъ новый адресъ, въ которомъ съ большой рѣшительностью отстаивалъ конституціонныя права мадьяръ. Обѣ палаты венгерскаго сейма единогласно приняли «адресъ» Деака. Въ той же сессіи палаты разработали проектъ объ устройствѣ національныхъ отношеній въ Венгріи. Въ основу закона были положены два принципа, сулившіе немадьярскимъ національностямъ Венгріи такъ много горя въ будущемъ: 1) что граждане всей Венгріи могутъ составлять только единую и недѣлимую венгерскую націю, и 2) что всѣмъ этимъ національностямъ должны быть предоставлены одинаковыя права для развитія своей индивидуальности. Законъ этотъ, въ которомъ центръ тяжести лежалъ, конечно, на первомъ пунктѣ, не прошелъ, такъ какъ «діэта» была распущена. Вѣна принялась работать надъ привлеченіемъ мадьяръ въ австрійскій «рейхстагъ», но всѣ попытки министра Шмерлинга разбивались о господствовавшее въ странѣ оппозиціонное настроеніе. Съ другой стороны, и въ средѣ ближайшихъ лицъ, окружавшихъ императора, господствовало настолько антимадьярское настроеніе, что, когда въ началѣ 1865 года онъ заговорилъ о полномъ примиреніи съ Венгріей, онъ встрѣтилъ лишь возмущенныя воспоминанія о постоянныхъ выступленіяхъ мадьярскихъ вождей противъ Габсбурговъ.

Надо отдать справедливость императору Францу-Іосифу, что въ критическія минуты жизни государства онъ умѣлъ проявлять настойчивость, которой ему такъ не хватало въ обыкновенныхъ условіяхъ. И теперь онъ вывелъ имперію изъ состоянія постояннаго броженія, рѣшительно выступивъ навстрѣчу національнымъ требованіямъ народовъ имперіи, прежде всего мадьяръ, съ которыми примиреніе ему было необходимо. Францъ-Іосифъ умѣлъ сходиться съ людьми, забывая раздѣлявшее ихъ прошлое [1]). Такъ, лѣтомъ 1865 г. онъ посѣтилъ Будапештъ и приблизилъ къ себѣ Деака, давъ ему понять, что видитъ въ немъ авторитетнаго выразителя общественнаго мнѣнія. Если вспомнить, что незадолго до этого Деакъ напечаталъ въ пасхальномъ номерѣ своей газеты «Народъ» (Napló) обращеніе непосредственно къ государю, то значеніе этого шага императора не подлежало сомнѣнію. Дѣйствительно, въ августѣ того же года, во исполненіе желаній мадьярскихъ политиковъ, Седмиградіе было исключено изъ состава австрійскихъ земель и включено, несмотря на протесты тамошнихъ саксонцевъ и румыновъ, въ составъ Венгріи. Вслѣдъ за тѣмъ со стороны мадьяръ возобновились настойчивыя требованія въ духѣ 1848 г. Такъ, въ январѣ 1866 г. сеймъ обратился къ императору съ адресомъ, въ которомъ заключались прежнія требованія: парламентаризмъ, отвѣтственное министерство и т. п., т.-е. фактически опять-таки государственное отдѣленіе Венгріи, хотя теперь уже не говорилось о личной уніи, но, напротивъ, утверждалось

---

[1]) По исторіи австро-венгерскаго соглашенія 1867 г. основнымъ сочиненіемъ является книга L. Eisenmann. Le compromis austro-hongrois de 1867. Paris. 1904. Изъ остальной обширной литературы слѣдуетъ назвать прекрасный сжатый очеркъ Ф. Фидлера въ изданіи «Česká Politika», т. II, 1907.

единство земель подъ властью Габсбурговъ. Адресъ и на этотъ разъ былъ принятъ холодно. Внѣшнія событія ускорили, однако, ходъ вещей. Прусско-австрійская война, вспыхнувшая въ іюнѣ 1866 г., закончилась уже черезъ мѣсяцъ полнымъ разгромомъ Австріи. Венгерцы находились въ это время опять въ конфликтѣ съ имперіей. Парламентская комиссія выработала большинствомъ голосовъ основы соглашенія съ Австріей, которыя потомъ и были приняты, но теперь, передъ войной, казались австрійской власти непріемлемыми. Мадьяры (какъ выражается ихъ историкъ Берта) рѣшили нѣкоторое время подождать, «прежде чѣмъ рискнуть революціей»: вѣдь ихъ дѣло находилось въ рукахъ такого опытнаго «адвоката», какимъ былъ Деакъ. Поэтому они оказали сердечный пріемъ императрицѣ съ дѣтьми, переѣхавшей въ Будапештъ, и сумѣли сдѣлать изъ нея приверженку ихъ стремленій. Въ іюлѣ 1866 г. Деакъ былъ вызванъ къ императору, и долго съ нимъ бесѣдовалъ съ глазу на глазъ. Въ итогѣ совѣщанія Францъ-Іосифъ обѣщалъ исполнить требованія резолюціи 1848 г., короноваться венгерскимъ королемъ и назначить отдѣльное министерство для Венгріи. Съ другой стороны, и часть нѣмецкихъ партій, именно нѣмецкіе штирійскіе автономисты, допускали принципъ дуалистическаго устройства имперіи, хотя и при сохраненіи общаго парламента. Но нѣмецкіе централисты (изъ Чехіи, Моравіи, нижней Австріи) отстаивали принципъ единства.

Въ самомъ австрійскомъ правительствѣ не было согласія относительно дальнѣйшей венгерской политики. Министръ-президентъ Белькреди былъ противникомъ дуализма, тогда какъ министръ иностранныхъ дѣлъ Бейстъ стоялъ за него, и ему удалось быстро двинуть дѣло впередъ. На венгерскомъ сеймѣ, собравшемся 19 ноября 1866 г., король своимъ рескриптомъ призналъ пріемлемость постановленій комиссіи и ограничивалъ ихъ тремя требованіями: 1) сохраненіемъ единства войска; 2) единствомъ государственнаго долга, кредитной и денежной системъ; 3) единствомъ управленія таможенными сборами и косвенными налогами. Такимъ образомъ, единство войска, финансоваго управленія и отсутствіе таможни между Австріей и Венгріей: внѣ этихъ рамокъ, правительство допускало дуализмъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1867 года законопроектъ прошелъ черезъ обѣ палаты венгерскаго сейма и былъ утвержденъ верховной властью. *Законъ 21 декабря 1867 г.* опредѣлилъ дуалистическія отношенія двухъ половинъ имперіи. Въ Австріи онъ далеко не вызвалъ восторга. Одинъ изъ современниковъ отмѣтилъ, что «извѣстная апатія въ большинствѣ цислейтанскаго населенія представляетъ рѣзкій контрастъ съ оживленіемъ, господствующимъ по ту сторону Лейты». Мадьярскіе политики, со своей стороны, видѣли въ законѣ только новый исходный пунктъ для своихъ плановъ, злорадствовали по поводу несбыточныхъ надеждъ сохранить единство Австріи, очень скоро заговорили о недостаткахъ и неполнотѣ закона [1]). Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ сводится къ слѣдующему.

Общими для всей имперіи остаются дѣла военныя, иностранныя и финансовыя. Единство управленія въ этихъ областяхъ признавалось несокрушимой основой дуализма; министры военный, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ назначаются для всей имперіи. По венгерскому закону («Статья XII закона 1867 г.», устанавливающая основы дуализма и санкціонированная королемъ), «международные договоры заключаетъ каждое министерство со своимъ собственнымъ законодательнымъ собраніемъ». Армія и военное законодательство предоставлены всецѣло волѣ

---

[1]) Ср. любопытныя заявленія современниковъ, собранныя въ названной выше книгѣ Вертгеймера объ Андраши. Т. I, стр. 318—322.

императора, при чемъ венгерская армія была признана «дополнительной частью всей арміи». Эта абсолютная власть монарха въ военныхъ дѣлахъ включала и понятіе коммандпаго языка, и въ 1903 году, когда этотъ послѣдній вопросъ всталъ особенно остро въ венгерской политикѣ, большинству венгерскаго парламента, поддержавшему правительство, пришлось сослаться именно на эту статью конституціи. Наконецъ къ обязательному общему законодательству отнесены слѣдующія финансовыя дѣла: установленіе бюджета въ области общей для обѣихъ половинъ монархіи политики, принятіе государственныхъ займовъ и т. д. Какъ доказываетъ на основаніи изученія этого финансоваго законодательства Ф. Фидлеръ, обѣ стороны молчаливо признали существованіе общаго для всей имперіи казначейства.

Къ другой группѣ общихъ дѣлъ были отнесены такія, которыя по обоюдному согласію сторонъ могли подлежать измѣненіямъ. Сюда входятъ законы о делегаціяхъ и объ общихъ министерствахъ. При этомъ, что весьма характерно для венгерскаго текста закона о компромиссѣ, различеніе между двумя основными группами общихъ дѣлъ, неизмѣняемой и подлежащей въ извѣстныхъ случаяхъ измѣненіямъ, извѣстно именно только венгерскому, а не австрійскому тексту закона о компромиссѣ. Австрійскій законъ говоритъ о делегаціяхъ слѣдующее: «Законодательное право, принадлежащее представительнымъ собраніямъ обѣихъ половинъ имперіи, будетъ осуществляться ими въ общихъ дѣлахъ избираемыми делегаціями». Венгерскій законъ предпосылаетъ постановленіямъ о делегаціяхъ слѣдующія характерныя замѣчанія: «По отношенію къ той части общихъ дѣлъ, которая не принадлежитъ исключительной компетенціи власти, Венгрія не признаетъ цѣлесообразности ни полнаго рейхсрата, ни общаго или центральнаго парламента, какое бы названіе онъ ни носилъ, и ничего изъ этого не принимаетъ, но настаиваетъ, что на основаніи и Высочайшей тронной рѣчи Его Величества прагматическая санкція является общимъ исходнымъ пунктомъ, и потому, съ одной стороны, земли короны венгерской въ своей совокупности, съ другой стороны, остальныя земли и провинціи Его Величества въ совокупности должны признаваться двумя отдѣльными и совершенно равноправными частями». Эта формула разрѣшенія общеимперскихъ дѣлъ съ помощью делегацій оказалась чрезвычайно неудачной и послужила однимъ изъ источникомъ позднѣйшихъ австро-венгерскихъ раздоровъ, уже потому, что австрійскій законъ силится сохранить хотя бы иллюзію общаго парламента, а венгерскій принципіально отрицаетъ его, стремясь къ государственному отдѣленію Венгріи отъ Австріи. Предметами компетенціи делегацій оказываются слѣдующіе: установленіе бюджетовъ по общимъ дѣламъ, изслѣдованіе и одобреніе займовъ, контроль по общимъ дѣламъ, предложеніе вопросовъ и мѣръ по общимъ дѣламъ, привлеченіе къ отвѣтственности общихъ министровъ. Венгерская точка зрѣнія, ограничившая компетенцію делегацій, побѣдила и въ томъ отношеніи, что делегаціи не явились общимъ парламентомъ. Правда, и австрійская, и венгерская делегаціи собираются въ одномъ городѣ (одинъ годъ въ Вѣнѣ, другой въ Будапештѣ), но засѣдаютъ онѣ порознь и сносятся между собой письменно, устраивая общія засѣданія только въ исключительныхъ случаяхъ. Составъ ихъ таковъ: въ Цислейтаніи 20 представителей отъ палаты господъ, избираемыхъ изъ полнаго состава палаты, и 40 представителей отъ рейхсрата по отдѣльнымъ землямъ, въ Венгріи же общія собранія палаты магнатовъ выбираютъ 20, парламентъ—40 представителей. При этомъ палата магнатовъ должна избрать 1, парламентъ—4 представителей хорватскаго сейма.

Компетенціи общихъ министровъ принадлежатъ: министру иностранныхъ дѣлъ—веденіе заграничной политики, заключеніе торговыхъ договоровъ (между прочимъ, и торговаго договора между Австріей и Венгріей), управленіе посольствами и консульствами и т. д., министру финансовъ—составленіе общаго бюджета, заключеніе займовъ, пріемъ соотвѣтствующихъ взносовъ отъ обѣихъ половинъ имперіи и т. д. [1]) (финансовое же управленіе въ каждой изъ половинъ относится къ вѣдѣнію отдѣльныхъ министровъ), наконецъ министру военному—исполненіе высочайшей воли въ области военнаго дѣла.

Далѣе, идутъ такія дѣла, которыя признаются общими лишь по обоюдостороннему соглашенію. Прежде всего это установленіе размѣровъ той части, которую должны взносить обѣ половины имперіи на общегосударственныя нужды. *Квоты*, какъ называютъ эти части, опредѣлялись различно: въ 1867 году въ отношеніи 70 (для Австріи) къ 30 (для Венгріи); затѣмъ, послѣ присоединенія Военной Границы къ Венгріи, въ 1871 г. Венгрія повысила свою квоту до 31,4%. До 1896 г. въ установленіи квоты дѣло шло довольно мирно, въ 1896 г. началась упорная борьба, которая закончилась лишь въ 1899 г. въ пользу Австріи. Размѣры были установлены 65,6 : 34,4%. Борьба разгорѣлась вновь въ 1907 году: Австрія настаивала на новомъ уменьшеніи своей доли, на что Венгрія, естественно, не соглашалась. Именно, квота Австріи должна была составлять 57,6% общаго бюджета. Въ силу компромисса, заключеннаго сторонами, удалось достигнуть соглашенія, и отношенія составляютъ въ настоящее время 36,4% для Венгріи и 63,6 для Австріи, т.-е. въ 1912 г. Австрія внесла 182.823.000 кронъ, а Венгрія—104.634.000.

Весьма важную общую группу дѣлъ составляютъ такія, которыя разрѣшаются спеціальными договорами. Сюда относятся законодательство о таможенныхъ сборахъ и торговыхъ договорахъ, законы о косвенныхъ налогахъ, установленіе мѣръ и монетъ, мѣры, принимаемыя по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, интересы которыхъ важны для обѣихъ половинъ имперіи. Что касается таможеннаго и торговаго договора между Австріей и Венгріей, то онъ заключается на десять лѣтъ. Въ первый разъ онъ былъ заключенъ въ 1867 году, и до 1897 г. возобновленіе его проходило совершенно спокойно, но съ этого времени, когда начинается въ исторіи австро-венгерскаго дуализма новая эпоха, все измѣнилось. Заключеніе договора послужило источникомъ для возобновленія политическихъ раздоровъ. Въ 1897 г. пришлось прибѣгнуть къ временному продолженію (provisorium), при чемъ съ этого времени торговыя и таможенныя отношенія основывались на самостоятельности и взаимности (reciprocitas) каждой половины, и договоры разсматривались въ качествѣ ихъ самостоятельныхъ актовъ. «Примирительный провизоріумъ» 1899 г. былъ продолженъ до 1907 г., когда вспыхнула острая борьба, о которой будетъ рѣчь ниже. Такимъ образомъ, компромиссъ 1867 г., самый текстъ котораго не вполнѣ совпадаетъ въ австрійской и венгерской редакціяхъ, послужилъ въ дальнѣйшемъ развитіи австро-венгерскаго дуализма источникомъ различныхъ несогласій.

Законъ о дуалистическомъ устройствѣ монархіи предоставилъ Венгріи возможность совершенно самостоятельнаго устройства своей внутренней жизни. Картина этой жизни представляетъ печальныя и отталкивающія черты крайняго насилія господствующей олигархіи какъ надъ

---

[1]) Дѣятельности общаго австро-венгерскаго банка посвящена монографія И. Силина «Австро-венгерскій банкъ. Изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между центральнымъ эмиссіоннымъ банкомъ и государствомъ». Москва, 1913.

низшими классами самого мадьярскаго народа, такъ и надъ немадьярскими народами. Соглашеніе съ хорватами, заключенное въ 1868 году, тоже было принесено въ жертву экономическимъ и шовинистическимъ интересамъ мадьярскихъ магнатовъ и ихъ приверженцевъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется еще не разъ возвращаться къ тому угнетенію, которому подвергаются хорваты, словаки, сербы и русскіе въ Венгріи. Но и помимо этого политическая жизнь Венгерскаго королевства ознаменовалась системой такой моральной испорченности, такого антигосударственнаго эгоизма правящаго класса, при которомъ дуализмъ обнаружилъ всю свою неприспособленность къ современнымъ венгерскимъ отношеніямъ и грозилъ рухнуть въ ближайшемъ будущемъ. Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ наблюдателей современной Венгріи, англійскій публицистъ Сетонъ Ватсонъ (Scotus Viator) отмѣчаетъ, что засѣданіе австрійскаго рейхсрата 18 апр. 1912 г., въ которомъ австрійскіе политики и государственные люди выступили съ рѣшительнымъ осужденіемъ внутренняго управленія въ Венгріи, составитъ поворотный пунктъ въ исторіи австро-венгерскаго дуализма [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что дуализмъ, ослабившій Австро-Венгрію, какъ цѣлое, и вызвавшій постоянные безпорядки въ самой Венгріи, а также чрезвычайное обостреніе южно-славянскаго вопроса въ имперіи Габсбурговъ, представлялъ зло, съ которымъ государственные люди монархіи должны были такъ или иначе покончить. И въ этомъ смыслѣ уже часто раздавались компетентные голоса. Такъ, въ книгѣ П. Самассы, являющейся выраженіемъ вліятельныхъ нѣмецкихъ круговъ въ Австріи, разоблачается фактическая слабость господствующей мадьярской партіи. Въ 1906 году «достаточно было одного батальона гонведовъ (венгерской арміи), чтобы разогнать парламентъ», и «народъ» отвѣчалъ на эту мѣру полнѣйшимъ равнодушіемъ къ «средневѣково-феодальной партіи, которая деспотически распоряжалась подъ маской либерализма». Императоръ долженъ былъ, настаиваетъ Самасса, проявить свою мощь, чтобы «корона въ Венгріи снова сдѣлалась силой». Престарѣлый Францъ-Іосифъ не былъ способенъ на такой шагъ, но «на долгое время вещи не могутъ остаться въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи; нужно или свалить камень съ горы, или опять втащить его наверхъ. Это рѣшеніе долженъ осуществить, самое позднее, будущій обладатель престола, и вся Венгрія ожидаетъ его частью съ надеждами, частью съ тревогой» [2]). Такимъ образомъ, Европа стояла передъ войной 1914 года передъ новымъ кризисомъ въ австро-венгерскомъ дуализмѣ.

Постепенное назрѣваніе этого кризиса представляетъ интересную главу въ новѣйшей исторіи Европы, но въ рамкахъ настоящаго труда я долженъ ограничиться характеристикой лишь нѣсколькихъ моментовъ [3]). Въ 1896 году истекало тысячелѣтіе появленія въ Европѣ мадьярскихъ ордъ, прошедшихъ, подобно гуннскимъ полчищамъ Атиллы, какъ огненный ураганъ, по культурнымъ странамъ Европы и всюду внесшихъ ужасъ и разореніе. Тысячелѣтіе «основанія Венгерскаго королевства» послужило поводомъ къ торжественнымъ манифестаціямъ, въ которыхъ принялъ участіе и имп. Францъ-Іосифъ. Эти манифестаціи, подробно изложенныя въ книгѣ Берта «La Hongrie moderne», были торжествомъ мадьярскаго шовинизма. Немадьярскія народности были къ этому времени уже достаточно усмирены, и въ рѣчи предсѣдателя палаты де-

---

[1]) R. W. Seton-Watson (Scotus Viator). Die Südslawische Frage im Habsburger Reiche. 1913, стр. 410—411.

[2]) Paul Samassa. Der Völkerstreit im Habsburgerstaat. 1910. Стр. 121—122.

[3]) Общая характеристика мадьярской политики и литература по исторіи Венгріи въ XIX в. приведены проф. И. И. Карѣевымъ въ его «Исторіи Западной Европы въ новое время». Т. VI. Часть II (1910), Стр. 321—325. Ср. также названную ниже книгу Бела Катона.

путатовъ, Дидье Силяги, обращенной къ императору, господствовали мажорныя ноты. «Опытъ истекшихъ годовъ доказываетъ намъ,—утверждалъ ораторъ,—что мы видимъ здѣсь единое государство, сильное и объединенное для того, чтобы исполнять свои обязанности ко всеобщему удовлетворенію. Единство государства и народа представляетъ силу сохраняющую. Ни эта сила, ни патріотизмъ не требуютъ исчезновенія различныхъ національностей, которыя населяютъ Венгрію; они обязываютъ ихъ лишь къ тому, чтобы каждая изъ нихъ посвящала интересамъ и стремленіямъ отечества наиболѣе возвышенную сторону своихъ мыслей и чувствъ!» О дуализмѣ тотъ же ораторъ высказался въ такомъ смыслѣ, будто бы «австро-венгерская монархія почерпаетъ свое могущество въ силахъ двухъ государствъ, составляющихъ ее». Отвѣтъ императора заключалъ въ себѣ намекъ на тѣ стремленія разложить монархію на двѣ половины, которыя уже проявлялись въ это время. Онъ упомянулъ о «монархіи, существованіе которой представляетъ европейскую необходимость, которую онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ и обязанъ и хочетъ передать ненарушимой своимъ преемникамъ, какъ этого, впрочемъ, требуютъ интересы каждаго изъ двухъ государствъ». Очень настойчиво императоръ подчеркнулъ въ дальнѣйшей рѣчи необходимость сохраненія узъ, связующихъ Австрію и Венгрію.

Торжества 1896 года усилили самоувѣренность мадьярской олигархіи и еще больше толкнули впередъ политику мадьяризаціи и борьбы съ соціализмомъ. Берта съ самодовольствомъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ развитіе этой политики вскорѣ послѣ торжествъ 1896 года. Мадьяризація распространилась даже на фамиліи. Венгерскіе евреи, которые сыграли столь видную роль въ мадьярской политикѣ XIX в., и о которыхъ придется сказать ниже, охотно принимали мадьярскія фамиліи. «Распространить это стремленіе въ лонѣ рабочаго класса по случаю тысячелѣтней годовщины представляло съ этого времени одну изъ важнѣйшихъ задачъ министерства. Не обращая вниманія на вопли *шовинистическихъ* газетъ, баронъ Банфи возстановилъ въ нѣсколькихъ саксонскихъ коммунахъ Трансильваніи венгерскія имена, которыми онѣ назывались до прибытія нѣмецкихъ колонистовъ (въ концѣ XIII в.). Съ той же энергіей онъ сталъ обуздывать развитіе аграрнаго соціализма, который со времени его вступленія въ должность началъ свирѣпствовать въ Южной Венгріи...» Какъ тонъ, такъ и факты, изложенные въ этомъ извлеченіи изъ книги типичнѣйшаго мадьярскаго шовиниста, показываютъ, въ какомъ направленіи развивалось внутреннее управленіе въ Венгріи. Вскорѣ послѣ торжественныхъ манифестацій, связанныхъ съ тысячелѣтіемъ Венгріи, начались усиленныя стремленія мадьярской олигархіи использовать дуализмъ для односторонней выгоды Венгерскаго королевства. Исходнымъ пунктомъ для новой борьбы послужила необходимость заключить новое десятилѣтнее соглашеніе съ Австріей на почвѣ финансоваго договора и опредѣленія «квоты». Когда, наконецъ, былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, поднялись другіе, и съ этого времени спокойствіе въ Венгріи не возстанавливалось вплоть до 1914 года, когда здѣсь попрежнему происходила ожесточенная, не передъ чѣмъ не останавливавшаяся борьба партій. Если ихъ что-нибудь объединяло, то это только всеобщее стремленіе сдѣлать Венгрію совершенно независимой отъ Австріи. Для достиженія этой цѣли велась борьба за созданіе венгерской арміи съ мадьярскимъ языкомъ командованія, за раздѣленіе государственнаго банка и за проведеніе таможенной границы. Такъ, въ 1903 году мадьяры добились отъ императора согласія на то, чтобы офицеры, венгерскіе подданные, были размѣщаемы въ полкахъ, расположенныхъ въ Венгріи. Слѣдствіемъ этого былъ переходъ массы офицеровъ въ австрійское под-

данство. Король императоръ готовъ былъ сдѣлать много уступокъ въ другихъ областяхъ, но отъ своихъ верховныхъ правъ на армію онъ не хотѣлъ отказаться. Въ 1905 г. на этой почвѣ произошелъ кризисъ, и министерство Тисы вышло въ отставку [1]). Былъ составленъ временный кабинетъ изъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ ген. Фейервари, но онъ оказался безсиленъ бороться съ парламентомъ и, какъ единственный выходъ изъ положенія, предложилъ измѣненіе избирательнаго закона, съ чѣмъ согласился и Францъ-Іосифъ. При этомъ реформы, задуманныя Фейервари, создавали для Венгріи такое юридическое положеніе, при которомъ она становилась почти совершенно отдѣльнымъ государствомъ. Характерно, что на это соглашался и императоръ. Оказалось, однако, что угроза всеобщаго и тайнаго избирательнаго права была настолько страшна для господствующей мадьярской олигархіи, что эта послѣдняя пошла на новую борьбу съ министерствомъ. Парламентъ рѣзко столкнулся и съ требованіями народныхъ массъ, стоявшихъ на сторонѣ министерства. Въ февралѣ 1906 г. парламентъ былъ насильственно «очищенъ» отъ депутатовъ, не желавшихъ признать роспуска палаты императоромъ. Вскорѣ, однако, примиреніе мадьярскихъ политиковъ съ Францемъ-Іосифомъ наступило, такъ какъ угроза провести въ самомъ близкомъ будущемъ новые выборы была слишкомъ реальна. Олигархія знала, что съ примиреніемъ она возстановитъ всѣ свои права и преимущества, и уже 7 апр. 1906 г. ея вожди были опять у власти. Вопросъ военный сошелъ со сцены (по соглашенію 4 апр. 1906 г.), но банковскій и таможенный остались въ полной силѣ. Компромиссъ 1907 г. замѣнилъ прежнюю таможенную унію таможеннымъ трактатомъ срокомъ на 10 лѣтъ. Избирательный законъ, составлявшійся съ чрезвычайной медленностью, «чтобы не скомпрометировать мадьярскій характеръ венгерскаго королевства» (какъ выразился Андраши), былъ, наконецъ, выработанъ въ такомъ духѣ, что представлялъ только новое орудіе мадьяризаціи населенія и былъ построенъ на принципѣ множественности голосовъ. Въ парламентѣ этотъ законъ встрѣтилъ бурную оппозицію со стороны немадьярскихъ депутатовъ Венгріи, а такъ какъ и мадьярскіе предпочитали оставить прежній избирательный законъ въ неприкосновенности, то кризисъ избирательной реформы затянулся. Онъ такъ и не разрѣшился поднесь. То же слѣдуетъ сказать и про другіе вопросы, связанные съ дуализмомъ. Такъ, въ 1909 г. опять возобновились со стороны мадьяръ попытки выговорить извѣстныя національныя права въ военномъ дѣлѣ. Но императоръ, прекрасно понимая, что у него хотятъ вырвать послѣднее орудіе борьбы съ мадьярской олигархіей, съ прежней рѣшительностью отвергъ всѣ эти попытки. Въ концѣ 1910 года истекалъ срокъ привилегій общаго австро-венгерскаго эмиссіоннаго банка, и венгерская партія независимости воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы возобновить свои стремленія къ полному финансовому обособленію Венгріи. Предложено было создать два банка: австрійскій и венгерскій, находящіеся между собою въ соглашеніи (картель). Въ Австріи справедливо увидѣли въ этомъ проектѣ новый шагъ на пути къ отдѣленію Венгріи, и вліятельная въ это время партія христіанскихъ соціалистовъ (въ Вѣнскомъ парламентѣ) рѣшительно воспротивилась уступкамъ на финансовой почвѣ. А такъ какъ реальной силы у мадьярскихъ партій не было, и все ихъ вліяніе основывалось на молчаливой уступчивости престарѣлаго императора, то въ результатѣ были выполнены всѣ требованія этого послѣдняго: австро-венгерскій банкъ сохранилъ свои полномочія. Бурныя сцены около Венгерскаго парламента весной 1912 г., ознаменовав-

[1]) См. René Henry. Des Monts de Bohême au Golfe Persique. 1908.

шія глубокое возмущеніе народныхъ массъ Венгріи деспотической и узкоклассовой политикой мадьярской олигархіи, показали лишній разъ всему міру, на какихъ слабыхъ основаніяхъ покоился австро-венгерскій дуализмъ. Ни для рабочихъ и земледѣльческихъ слоевъ самого мадьярскаго народа, ни для немадьярскихъ народностей не представляла никакой надобности государственная самостоятельность Венгріи, для цѣлой же монархіи это было несомнѣнное зло, задерживавшее превращеніе ея въ федералистическое тѣло и ослаблявшее имперію и при системѣ централизма.

Статистика національностей, населяющихъ Венгрію, вмѣстѣ съ Хорватіей и Славоніей представляется по даннымъ венгерской офиціальной статистики въ слѣдующемъ видѣ:

	1910 г.	1900 г.
Мадьяры	10.050.575.	8.742.301.
Нѣмцы	2.037.435.	2.135.181.
Словаки	1.967.976.	2.019.641.
Румыны	2.949.032.	2.799.479.
Русины	472.587.	429.447.
Хорваты	1.833.162.	1.682.104.
Сербы	1.106.471.	1.048.645.
Другія національности	469.255.	397.761
Всего.	20.886.787.	19.254.559

Эта таблица показываетъ, что процентное отношеніе мадьярской національности къ другимъ значительно возросло, такъ какъ въ 1910 году оно составляло въ собственной Венгріи (безъ королевства Хорватіи и Славоніи) 54,5% населенія, а въ 1900 г. лишь 51,4, въ 1890 г. всего 48,61%. Такой прогрессъ былъ достигнутъ какъ успѣхами мадьяризаціи и усиліями правительственной статистики, такъ и дѣйствительными грустными фактами массовой эмиграціи славянскаго населенія Венгріи, отъ чего вмѣсто прибыли получилось уменьшеніе числа славаковъ и сербовъ. Мадьярскіе политики могутъ быть довольны достигнутыми результатами. Бела Катона [1]) констатируетъ, что «перевѣсъ венгерской расы и ея языка не подлежитъ сомнѣнію», такъ какъ число лицъ, владѣющихъ мадьярскимъ языкомъ, составило 57,4% всего населенія въ 1910 г. Разумѣется, по существу такое незначительное большинство владѣющихъ мадьярскимъ языкомъ (если даже это «владѣніе» не было придумано статистиками или не ограничивалось весьма слабымъ знакомствомъ съ языкомъ) не даетъ права на тѣ мѣры въ области избирательнаго закона, которыя основаны на презумпціи, будто все населеніе должно знать мадьярскій языкъ. «Культурное, сильное, преобладающее *специфическое* значеніе венгерскаго элемента,—продолжаетъ Бела Катона,—обнаруживается и въ томъ, что онъ широко господствуетъ въ высшихъ и среднихъ школахъ, что всѣ культурныя, литературныя учрежденія и общества, а также и всѣ болѣе значительныя экономическія предпріятія, учрежденія и представительства за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ—дѣйствуютъ всецѣло въ венгерскомъ духѣ. Еще одна подробность. Въ 1911 г. въ собственной Венгріи выходило 1860 газетъ, изъ которыхъ 80,27% на венгерскомъ языкѣ».

То умноженіе числа мадьяръ, которое производитъ столь импонирующее впечатлѣніе, происходитъ въ значительной мѣрѣ отъ того факта, что мадьярами признаютъ себя въ большинствѣ евреи, селящіеся въ Венгріи. Р. Анри («Des Monts de Bohême au Golfe Persique» 1908) ха-

[1]) Béla Katona. Die Volkswirtschaft Ungarns. 1912. Budapest, 1913.

рактеризуетъ этотъ классъ населенія въ слѣдующихъ, вѣроятно, не лишенныхъ нѣкотораго пристрастія выраженіяхъ: «Евреи представляютъ, по большей части, выходцевъ изъ Галиціи. Сначала разносчики, они становятся потомъ кабатчиками и въ венгерской деревнѣ занимаются продажей алкоголя и ростовщичествомъ. Путемъ непрерывныхъ усилій они поднимаются, становятся покупателями, уполномоченными въ дѣлахъ и лицами, финансирующими мадьярское дворянство, которое ихъ ненавидитъ, но бережетъ. Въ ихъ рукахъ находятся торговля, банки и значительная часть печати. Будапештъ является городомъ еврейско-мадьярскимъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе могущественныхъ устраиваются въ Вѣнѣ, но не забываютъ своихъ венгерскихъ собратьевъ. Законъ заставляетъ вселяющихся евревъ принимать какую-нибудь фамилію, но представляетъ имъ по желанію выбирать какую-нибудь знаменитую въ исторіи или литературѣ фамилію; отсюда получаются удивительныя смѣшенія, которыя устраняются многочисленными пожалованіями въ дворянство. Еврейско-масонское могущество (утверждаетъ далѣе Анри), повидимому, ставитъ своей задачей постепенное замѣщеніе венгерскаго дворянства». Въ послѣднее время въ этой мадьяризаціи еврейской интеллигенціи и мелкихъ промышленныхъ классовъ наблюдается, повидимому, нѣкоторый застой. При той враждебности, съ которой немадьярскія національности Венгріи относятся къ мадьярамъ, представляется опасность развитія антисеметизма, о которой уже говорятъ еврейскія газеты («Jüdisches Volksblatt». Ср. P. Samassa. 114—115). [1]). Самая мадьярская народность возрастаетъ довольно слабо, а въ нѣкоторыхъ округахъ находится даже въ состояніи если не уменьшенія, то во всякомъ случаѣ застоя въ увеличеніи населенія.

За послѣднія 50 лѣтъ венгерскіе законы нѣсколько разъ шли навстрѣчу законнымъ стремленіямъ національностей. Но эти законы оставались мертвой буквой или сталкивались съ такими, которые откровенно выступали съ цѣлями мадьяризаціи. Эта политика породила множество политическихъ процессовъ, направленныхъ противъ словацкихъ, румынскихъ, русскихъ, сербскихъ и хорватскихъ дѣятелей, а будучи распространена на автономное хорватское королевство, она отразилась и на международныхъ отношеніяхъ австро-венгерской монархіи. Въ изложеніи исторіи и предшествовавшаго войнѣ 1914 г. положенія славянскихъ народностей Венгріи мы увидимъ, къ какому ущербу для развитія имперіи привелъ дуализмъ, предоставляющій одностороннія выгоды только для мадьяръ.

---

[1]) Ср. о положеніи евреевъ въ Венгріи Н. И. Карѣевъ, назв. соч. 324—325.

III.

Національная проблема въ Австріи послѣ 1848 года.

«Королевства и земли, представленныя въ рейхсратѣ»—таково офиціальное названіе современной Австріи. Населеніе ея, по даннымъ 1910 года, составляетъ 28.567.898 человѣкъ; за десятилѣтіе съ 1900 года произошелъ приростъ въ 9,2 процента (26.150.708) [1]). По національностямъ это населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	1900		1910	
Нѣмцы	9.170.000	или 35 проц.,	9.950.266	или 35,1 проц.
Чехи и словаки .	5.955.000	» 23 »	6.435.983	» 22,8 »
Поляки.	4.252.000	» 16 »	4.967.984	» 17,5 »
Русины.	3.381.000	» 13 »	3.518.854	» 12,4 »
Словинцы	1.192.000	» 4,6 »	1.252.940	» 4,4 »
Сербы и хорваты .	711.000	» 2,7 »	783.334	» 2,8 »
Итальянцы. . . .	727.000	» 2,8 »	768.422	» 2,7 »
Румыны.	250.000	» 0,9 »	275.115	около 1 проц.

Эта таблица показываетъ, что національныя отношенія въ Цислейтаніи или Австріи представляютъ гораздо болѣе благопріятныя условія для развитія народностей, чѣмъ въ Венгріи. Соотношенія національностей остаются болѣе или менѣе однообразными, по крайней мѣрѣ, ни одна изъ нихъ не подверглась умаленію за послѣднія десять лѣтъ. Если съ помощью мадьяризаціи и статистическаго нажима при переписи населенія въ Венгріи удалось получить перевѣсъ въ пользу мадьяръ, то въ Австріи нѣтъ никакой возможности утверждать, что нѣмцы имѣютъ здѣсь право на политическое преобладаніе въ силу своего численнаго превосходства. Наоборотъ, на такое превосходство могутъ, скорѣе, претендовать славяне, такъ какъ они составляютъ около 62 проц. всего населенія. Взаимные раздоры славянства между собой и въ предѣлахъ одной народности умаляютъ значеніе этого факта и даютъ нѣмцамъ возможность на основаніи принципа: «divide et impera» поддерживать нѣмецкое господство въ общегосударственныхъ дѣлахъ Австріи, однако, какъ приведенныя статистическія данныя, такъ и факты изъ исторіи образованія современной Австріи обнаруживаютъ невозможность здѣсь той политики централизаціи, которая проводится въ Венгріи, благодаря малой культурной и политической развитости немадьярскихъ народностей и исторіи ихъ подчиненія Венгріи. За исключеніемъ хорватскаго королевства, заключившаго унію съ Венгріей, эти народности была покорены мадьярами. Въ Австріи же господствовалъ принципъ добровольнаго соединенія нѣкогда самостоя-

---

[1]) Эти данныя, не вполнѣ совпадающія съ приведенными въ «The Statesmans Year-Book», заимствованы изъ офиціальнаго изданія: Vorläufige Ergebnisse der Volkszählung vom 31 Dezember 1910... Brünn. 1911.

тельныхъ герцогствъ, королевствъ и т. д., и современное подраздѣленіе австрійскихъ земель на 17 областей съ сеймами отвѣчаетъ исторіи ихъ объединенія въ одно цѣлое. На этомъ же основана и сложность національной проблемы въ Австріи,—проблемы, которая составила предметъ многочисленныхъ изслѣдованій, выходящихъ за предѣлы настоящаго моего сочиненія. Впрочемъ, нѣкоторыхъ попытокъ разрѣшить національный вопросъ въ Австріи коснусь и я въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь же я приведу нѣкоторыя историческія данныя о развитіи національнаго законодательства въ Австріи. Исторію его необходимо начинать съ 1848 года, когда революція заставила пересмотрѣть всѣ прежнія отношенія. До 1848 г. во всѣхъ нѣмецкихъ союзныхъ государствахъ, исключая итальянскія области, находившіяся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, нѣмецкій языкъ пользовался почти неограниченнымъ господствомъ въ качествѣ государственнаго языка. Хотя чиновники были обязаны сноситься съ народомъ на его языкѣ и отвѣчать на устно приносимыя жалобы на томъ же языкѣ, но власти переписывались между собой исключительно по-нѣмецки; судебныя установленія первой и второй инстанціи—низшій судъ вершился магистратами и земельными собственниками — произносили свои приговоры также по-нѣмецки; хотя обвиняемый славянинъ допрашивался на его родномъ языкѣ, но протоколы составлялись на нѣмецкомъ; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ гимназіяхъ, а также въ такъ называемыхъ главныхъ школахъ преподаваніе велось по-нѣмецки; національные языки нашли себѣ прибѣжище только въ низшихъ училищахъ (Trivialschulen). Въ такомъ положеніи находилось дѣло со временъ Маріи Терезіи и Іосифа II [1]). Революція 1848 г. въ славянскихъ земляхъ Австріи выставила на первый планъ національныя требованія. 8 апр. 1848 г. чехи добились отъ короны обѣщанія признать равноправіе ихъ языка съ нѣмецкимъ въ школѣ, судѣ и администраціи въ Чехіи, Моравіи и Силезіи. Правительство шло навстрѣчу этимъ національнымъ запросамъ населенія и создало спеціальную комиссію подъ предсѣдательствомъ знаменитаго ученаго Шафарика для выработки юридической терминологіи славянскихъ языковъ для законодательныхъ цѣлей; правительственная газета стала издаваться на нѣсколькихъ языкахъ и т. под. Какъ отмѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нѣмецкаго націонализма въ Австріи, Р. Хармацъ, эти уступки національнымъ чувствамъ ненѣмецкихъ народовъ вытекали изъ глубоко вкоренившагося въ сознаніи австрійскихъ руководящихъ политическихъ круговъ убѣжденія, что гегемонія нѣмецкой стихіи въ Австріи не подлежитъ и никогда не можетъ подлежать сомнѣніямъ и какому-либо потрясенію, а потому и эти національныя уступки нѣмецкой гегемоніи не грозятъ. Національныя отношенія, которыя становились дома все болѣе жгучими и напряженными, не встрѣчали съ ихъ стороны достаточнаго пониманія.

Передъ ихъ глазами стояло только союзное нѣмецкое государство Австрія, и специфически внутренне-австрійской національной проблемѣ они удѣляли лишь постольку вниманія, поскольку его возбуждали вспыхивавшіе раздоры и взаимныя тренія. Нѣмецкая окраска Австріи, казалось имъ, подразумѣвается сама собой настолько, что нѣтъ никакой надобности вносить въ сводъ законовъ нѣмецкій государственный языкъ. Національныя стремленія славянъ не слишкомъ принимались въ

[1]) H. Friedjung. Oesterreich von 1848 bis 1860. 3 Auflage. 1908. Изъ другихъ сочиненій по новѣйшей исторіи Австріи см. R. Charmatz. Oesterreichs innere geschichte von 1848 bis 1907. 1909. G. Kolmer. Parlament und Verfassung in Oesterreich. 1902 и дал. R. Charmatz. Deutsch-Oesterreichische Politik. 1907. Charmatz въ дальнѣйшихъ цитатахъ означаетъ сочиненіе Хармаца по исторіи внутренней политики въ Австріи до 1907 года.

серьезъ, такъ какъ господствовало убѣжденіе, что было бы пустой попыткой поколебать нѣмецкое господство въ государствѣ, а мадьяры думали взять измором (Harmatz. 66). Изъ этихъ правильныхъ и мѣткихъ замѣчаній вытекаетъ вся сущность національной проблемы въ Австріи: постепенное разочарованіе нѣмцевъ въ своемъ единовластіи въ Австріи, нежеланіе славянскихъ народовъ Цислейтаніи считаться съ этой нѣмецкой «традиціей», всеобщая національная борьба. Нѣмецкое прекраснодушіе 1848 года, которое такъ рѣзко осуждаетъ Фридьюнгъ, смѣнилось величайшимъ ожесточеніемъ и образованіемъ партіи пангерманистовъ (всенѣмцевъ), которые, не довѣряя способности австрійскаго правительства отстоять нѣмецкое политическое преобладаніе въ странѣ, мечтали о соединеніи нѣмецкихъ областей Австріи, а также Чехіи, съ германской имперіей [1]). Развитіе пангерманизма, которому суждено было сыграть видную роль во второй половинѣ XIX вѣка, начинается, собственно, только съ 1859 года, когда послѣ реакціи, сопровождавшей революцію 1848 года, императоръ былъ вынужденъ начать конституціонную политику. Это было въ 1859 г., въ эпоху австрійскихъ пораженій отъ французскаго и итальянскаго оружія. Въ это время Шмерлингъ, бывшій уже въ 1851 г. министромъ юстиціи, произнесъ въ годовщину смерти Шиллера рѣчь, которую закончилъ пожеланіемъ: «Да осуществится идея сильнаго союза прекрасной единой Германіи, старой имперіи съ новой Австріей». 20 окт. 1860 г. былъ обнародованъ манифестъ, положившій конецъ австрійскому абсолютизму. Въ слѣдующемъ году учреждается вѣнскій Turnverein, въ которомъ объединяются австрійско-нѣмецкіе націоналисты. Еще неясныя всенѣмецкія стремленія начинаютъ формулироваться. Октябрьскій дипломъ такъ же нерѣшительно порывалъ съ системой централизаціи, какъ и конституція 1848 года. Мѣстнымъ представительнымъ собраніямъ, ландтагамъ (или сеймамъ, какъ ихъ называютъ по-польски, по-чешски sněm), были даны широкія законодательныя права, выдвигавшія ихъ на первый планъ въ государственной жизни. За гос. совѣтомъ (Reichsrat) были оставлены лишь совѣщательныя права. Графъ Голуховскій, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ 22 авг. 1859 г., былъ выразителемъ федералистическихъ теченій, которыя въ это время побѣдили въ Австріи. Но и теперь дѣло остановилось на полпути.

15 дек. 1860 г. графа Голуховскаго смѣнилъ Шмерлингъ, а предсѣдателемъ новаго кабинета былъ назначенъ дядя императора, эрцгерцогъ Райнеръ. Задачей правительства служило созданіе такой конституціонной системы, въ основу которой былъ бы положенъ централизмъ. Октябрьскій дипломъ былъ замѣненъ новымъ «императорскимъ патентомъ» 26 февр. 1861 г., въ которомъ компетенція мѣстныхъ сеймовъ подверглась точной регламентаціи, и главная роль въ государственной жизни возлагалась на центральное законодательное учрежденіе. «Дѣломъ Шмерлинга является хартія нѣмецкаго централизма, которая хотѣла укрѣпить и устроить, къ ущербу отдѣльныхъ странъ и народовъ объединенное въ себѣ, расшатавшееся государство», (Charmatz. 49). Эта попытка оказалась неудачной: она вызвала упорную національную борьбу со стороны чеховъ, поляковъ, итальянцевъ, словинцевъ. Зато торжествовали нѣмцы, которые видѣли въ законопроектахъ и политикѣ Шмерлинга возстановленіе нѣмецкой гегемоніи въ странѣ. Отношенія Австріи къ Пруссіи становились все болѣе натянуты, но Шмерлингъ еще не учитывалъ растущаго значенія Пруссіи и предполагалъ, что Австрія можетъ со-

1) Ср. G. Weil. Le Pangermanisme en Autriche. 1904. Ср. также сочиненія Шерадама, Р. Анри и др.

хранить свое первенствующее значеніе среди нѣмецкихъ государствъ. Дѣйствительность очень скоро разоблачила самообманъ Шмерлинга: венгерская оппозиція заставила его выйти 24 іюля 1865 г. въ отставку, а прусско-австрійская война 1866 г. исключила Австрію изъ числа нѣмецкихъ государствъ. Императоръ Францъ-Іосифъ обнаружилъ и на этотъ разъ свою большую политическую чуткость, которая покинула его только въ глубокой старости. Онъ, одинъ изъ первыхъ, разувѣрился въ возможности централизма, и когда кабинетъ эрцгерцога Райнера подалъ въ отставку, онъ призвалъ къ власти гр. Рих. Белькреди, рекомендованнаго императору вліятельнымъ мадьярскимъ магнатомъ, гр. Эстергази, который былъ извѣстенъ, какъ большой славянофилъ. Эра Белькреди ознаменовывается рѣшительнымъ движеніемъ въ сторону дуализма, такъ какъ онъ не приписывалъ никакого дѣйствительнаго значенія общему для обѣихъ половинъ рейхсрату. 20 сент. 1865 г. правительство получило отъ императора полномочія принимать до созыва рейхсрата «неотложныя мѣры». Такъ какъ въ это понятіе возможно было вложить любое содержаніе, то мѣстные сеймы, угадывая общее направленіе политики Белькреди, проявили чрезвычайную чуткость. Въ Чехіи партія «государственнаго права» выступила съ требованіемъ коронаціи императора чешской королевской короной. Пражскій университетъ получилъ право экзаменовать студентовъ на чешскомъ языкѣ, а доценты университета и преподавать по-чешски. Чешскій, галиційскій, истрійскій и буковинскій сеймы благодарили императора за сентябрьскій патентъ, давшій Белькреди извѣстныя полномочія, нѣмецкіе сеймы австрійскихъ земель протестовали, въ нѣкоторыхъ другихъ (Краинскомъ и Моравскомъ) сеймахъ національныя разногласія были такъ велики, что къ опредѣленному рѣшенію нельзя было прійти. Страшные удары въ войнахъ съ Пруссіей и Италіей отдѣлили Австрію отъ Европы, поставили ее въ положеніе полной изоляціи и принудили сосредоточить всѣ свои усилія дома для возстановленія внутри страны государственнаго престижа и денежныхъ средствъ. Въ это же время увѣнчались успѣхомъ давнишнія стремленія мадьяръ, и въ Австріи это почувствовали, какъ еще одно униженіе. Остановка парламентской жизни, которой добился Белькреди для проведенія своей національной программы, а также сильное озлобленіе противъ него въ нѣмецкихъ кругахъ вызвали необходимость новой смѣны кабинета, и къ власти былъ призванъ 7 февр. 1867 г. гр. Бейстъ (Beust). Этотъ государственный дѣятель, родомъ саксонецъ, былъ прежде министромъ въ Саксоніи; впослѣдствіи онъ перешелъ на австрійскую службу и здѣсь рѣзко столкнулся съ Бисмаркомъ. Послѣ войны онъ былъ призванъ къ власти и поставилъ своей задачей помѣшать подготовлявшемуся объединенію Германіи. Этой идеѣ Бисмарка Бейстъ противопоставилъ мысль о созданіи союза Австріи съ южными нѣмецкими государствами, которыя и сами шли навстрѣчу этой идеѣ, опасаясь могущества Пруссіи. Со своей стороны, Бисмаркъ сталъ работать надъ тѣмъ, чтобы втянуть Австрію въ войну съ Франціей, и стремился привлечь ее къ союзу съ Пруссіей. Но Бейстъ быстро разгадалъ, къ чему клонится дѣло, и отвѣчалъ отрицательно на предложенія прусской дипломатіи.

Новый курсъ обнаружился и во внутренней политикѣ Австріи, гдѣ Бейстъ повелъ дѣло энергично къ разрѣшенію австро-венгерскаго конфликта съ помощью созданія дуализма. Но съ федералистическими стремленіями славянъ, нашедшими поддержку у Белькреди, Бейстъ сталъ бороться. Ландтаги (сеймы) Чехіи, Моравіи и Крайны были распущены. На новыхъ выборахъ въ рейхсратъ прошло лишь 57 федералистовъ противъ 118 представителей нѣмецкой либеральной партіи. Предстояло про-

вести важнѣйшія государственныя реформы, и отстраненіе Венгріи отъ участія въ разрѣшеніи внутренно-австрійскихъ дѣлъ было чрезвычайно благопріятнымъ моментомъ въ этой политикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дуализмъ открывалъ двери для тѣхъ широкихъ замысловъ, которые лелѣялъ Бейстъ, задумавъ привлечь южно-нѣмецкія государства на сторону Австріи. Отдѣленіе Венгріи давало перевѣсъ нѣмецкому элементу въ Цислейтаніи, и, удовлетворяя притязанія мадьяръ, правительство не рѣшалось согласиться на признаніе такихъ же правъ за чехами. Средній путь, который избрало правительство Бейста, допускалъ извѣстнаго рода децентрализмъ, не къ ущербу для нѣмцевъ, но рѣшительно отвергалъ федерализмъ. Въ результатѣ этой политики въ 1867 году Австрія получила новую конституцію, сохранившую свое значеніе въ главныхъ чертахъ донынѣ. Для выясненія національнаго строя въ Цислейтаніи необходимо остановиться на этой конституціи 21 декабря 1867 года. Минуя обычныя конституціонныя гражданскія положенія, я имѣю въ виду разсмотрѣть здѣсь установленныя этимъ актомъ національныя отношенія въ Австріи, пользуясь для этой цѣли весьма обстоятельнымъ разборомъ чешскаго ученаго Фр. Вавржинека (Česká politika. Díl II. 1 стр. 450—722). О сеймахъ отдѣльныхъ земель Австріи рѣчь будетъ въ главахъ, посвященныхъ этимъ землямъ.

Съ установленіемъ принципа дуализма австро-венгерская монархія является союзомъ двухъ самостоятельныхъ государствъ, при чемъ Цислейтанія въ настоящее время не имѣетъ единаго офиціальнаго названія, которое замѣняется общимъ титуломъ «королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ». Это названіе входило постепенно въ офиціальный австрійскій языкъ уже съ начала 60-хъ годовъ, при чемъ иногда употреблялось и въ формѣ отрицательной («земли, не принадлежащія венгерской коронѣ», «королевства и земли, исключая земли венгерской короны» и т. п.). «Иного законнаго наименованія для совокупности цислейтанскихъ земель донынѣ нѣтъ, и самое это названіе донынѣ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что первоначальнымъ государственно-правовымъ звеномъ, соединяющимъ цислейтанскія земли, было ихъ совмѣстное представительство въ прежнемъ ограниченномъ рейхсратѣ» (Vavřinek. 466). Однако на ряду съ этимъ совокупность этихъ земель называется обыкновенно австрійской имперіей, что вытекаетъ изъ титула австрійскаго императора, принятаго Габсбургами послѣ уничтоженія Священной Римской имперіи [1]). Во всякомъ случаѣ, названіе Австрійская имперія или просто Австрія, хотя оно все болѣе входитъ въ употребленіе, не признано еще закономъ въ качествѣ офиціальнаго названія Цислейтаніи. Представляетъ интересъ прослѣдить, какъ постепенно титулъ «императорскій» распространяется на различныя учрежденія и проявленія государственной власти въ Австріи. «Этотъ титулъ употребляется и внѣ круга почетныхъ правъ монарха и внѣ круга международнаго представительства. Императорскій титулъ начинаетъ употребляться уже и при осуществленіи *правительственныхъ* правъ, принадлежащихъ государю въ предѣлахъ отдѣльныхъ земель. Права государственной власти, которыя осуществляетъ общій монархъ ихъ, начинаютъ признаваться за выраженія императорской общеимперской власти и за правительственныя функціи императора, какъ монарха всей имперіи». Въ нѣсколькихъ актахъ 1868 года

[1]) Споръ о значеніи императорскаго австрійскаго титула велся до послѣдняго времени. Мадьяры утверждали, что императорскій титулъ не могъ имѣть примѣненія къ Венгріи, тогда какъ австрійскіе юристы настаивали, что Monarchia austriaca, созданная актомъ 1804 г. въ отличіе отъ священной имперіи, представляла во всей своей совокупности имперію. О существѣ этого спора и литературу его см. *Fr. Tezner.* Der österreichische Kaisertitel und der Dualismus. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. XX т. 1911.

ими. Францъ-Іосифъ установилъ какъ новый титулъ монарха («Императоръ Австрійскій, король Чешскій и т. д. и апостольскій король Венгерскій»), такъ и названіе совокупности земель, объединенныхъ подъ его скипетромъ (Австро-Венгерская монархія или Австро-Венгерская имперія). Въ наукѣ австрійскаго государственнаго права закономѣрность этого установленія не признается стоящей внѣ сомнѣній, и, напр., Гаврякинекъ, какъ и другіе авторитеты въ этой области, считаютъ не отмѣненнымъ старое названіе: «Австрійская имперія» для совокупности *всѣхъ* земель, какъ австрійскихъ, такъ и венгерскихъ. Повидимому, юридическое опредѣленіе совокупности австрійскихъ и венгерскихъ земель будетъ связано съ измѣненіемъ ихъ юридическаго взаимоотношенія, что слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ Австріей я буду подразумѣвать, такимъ образомъ, соединеніе земель, представленныхъ въ рейхсратѣ. Австрія состоитъ изъ 17 отдѣльныхъ составныхъ частей. Эти земли слѣдующія: Чехія, Далмація, Галиція, Нижняя Австрія, Верхняя Австрія, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія, Крайна, Буковина, Моравія, Силезія, Тироль, Форальбергъ, Истрія, Горица (Görz) съ Градишкою (Gradiska) и Тріестъ, при чемъ каждая земля сохраняетъ свои историческіе титулы, являясь отдѣльной частью государства. Конституція 1867 года признала, что формально всѣмъ землямъ принадлежитъ полнота законодательной власти, что вмѣстѣ съ тѣмъ эти земли являются лишь «историко-политическими индивидуальностями». Отсюда неизбѣжно вытекала коллизія между централизаціей и унитаризмомъ, съ одной стороны, и широкой автономіей отдѣльныхъ странъ—съ другой. Надъ тѣмъ, какъ достигнуть компромисса между этими двумя стремленіями, для которыхъ дано одинаково законное основаніе въ декабрьской конституціи, донынѣ билась государственная жизнь Австріи. Въ доконституціонную пору земли объединялись особой монарха, представляя своего рода монархическую организацію, потомъ этому «династическому, искусственно созданному государственному образованію была насильственно придана конституціонная форма по чужимъ шаблоннымъ образцамъ» (Vavřinek. 479).

Тѣ 17 королевствъ и земель, которыя соединеніемъ своимъ образуютъ государство, обладаютъ собственными конституціями и представляютъ отдѣльныя государственныя единицы, между собой порознь не связанныя, но только объединенныя представительствомъ въ рейхсратѣ. Однако для гражданъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ земель признается достаточнымъ лишь «австрійское» подданство, такъ что отдѣльнаго чешскаго или моравскаго гражданства не существуетъ. Въ понятіе равноправія гражданъ входитъ и равноправіе народностей, которое предоставляетъ каждой народности ненарушимое право отстаивать свою національность и языкъ. Такимъ образомъ, государство признаетъ принципъ равноправія всѣхъ языковъ, употребляющихся въ той или другой области, и употребленіе ихъ въ школѣ, администраціи и общественной жизни.

Положенія конституціи 1867 года устанавливали равноправіе всѣхъ языковъ не во всей имперіи, но только въ каждой изъ отдѣльныхъ разноязычныхъ областей, при чемъ область понималась не какъ отдѣльный округъ или городъ, но какъ земля, представляющая цѣлое, часть государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, конституція не признавала народностей за одно цѣлое, и отдѣльныя народности не представляютъ теперь организацій, какъ извѣстныя правовыя цѣлыя, какъ публично правовыя корпораціи, которыя могутъ имѣть *права*, самостоятельно осуществлять ихъ и совершать дѣйствія съ юридическими послѣдствіями (Vavřin. 519). Это отсутствіе юридической регламентаціи правъ народностей послужило источникомъ для послѣдующей многолѣтней борьбы національностей.

Между тѣмъ ни въ одномъ изъ королевствъ и земель Австріи, населенныхъ славянами, нѣтъ единаго въ этнографическомъ отношеніи населенія. Такимъ образомъ, отсутствіе конституціоннаго признанія правъ за народностями, которыя стремятся представлять собою юридическія лица, восполняется до извѣстной степени признаніемъ автономныхъ правъ за землями. Эти послѣднія обладаютъ собственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, сеймомъ или по-нѣмецки ландстагомъ, въ компетенцію котораго входитъ все то, что не составляетъ согласно конституціи круга вѣдѣнія центральнаго законодательнаго учрежденія, рейхсрата. Однако стремленіе къ объединенію законодательства во всей Австріи было настолько велико, что кругъ вѣдѣнія рейхсрата оказался очень широкъ по сравненію съ кругомъ вѣдѣнія сеймовъ, такъ что первому принадлежало законодательство по всѣмъ вопросамъ, касающимся всей Австріи, общимъ всѣмъ ея землямъ. Самое же опредѣленіе законодательной компетенціи земель, какъ и вообще «земская конституція», представляетъ нѣчто незавершенное, открываетъ поле для всяческихъ недоумѣній. Сеймы признаются законными представителями страны, призванными замѣнять страну во всѣхъ дѣлахъ ея: поэтому они слѣдятъ за земскимъ хозяйствомъ, контролируютъ органы, избираемые сеймами, избираютъ свой исполнительный органъ—«земскій выборъ» (Landes-Ausschuss) или исполнительную комиссію. Императоръ назначаетъ предсѣдателя сейма, который является вмѣстѣ съ тѣмъ главою «выбора» и обладаетъ рядомъ самостоятельныхъ правъ. «Компетенція сейма ограничена весьма узкими, прямо мизерными предѣлами. Кромѣ дѣлъ самаго узкаго домашняго значенія, а также земскихъ финансовъ, построекъ и благотворительныхъ учрежденій, содержимыхъ на земскіе финансы, сеймамъ предоставлена полная свобода рѣшенія только въ дѣлахъ, касающихся земледѣлія, а также имъ милостиво разрѣшено въ границахъ, опредѣленныхъ имперскимъ законодательствомъ, издавать болѣе подробныя предписанія въ вопросахъ гминныхъ, церковныхъ и школьныхъ, а также въ отношеніи размѣщенія и снабженія войскъ» [1]). Такъ была понята компетенція сейма въ 1860 году, но дальнѣйшее развитіе децентрализаціи въ Австріи значительно расширило компетенцію сейма, и согласно установленной въ декабрѣ 1867 г. конституціи здѣсь долженъ былъ восторжествовать принципъ сотрудничества сейма въ законодательной работѣ рейхсрата. Но повторилось почти то же, что въ 1860 году. Тогда дипломъ 20 окт. утверждалъ, какъ правило, что безъ согласія сейма не можетъ пройти ни одинъ законъ, касающійся земли, а патентъ 21 февр. 1861 г. свелъ его дѣятельность къ весьма скромнымъ размѣрамъ. Теперь, въ 1867 г., признавая ту же широту законодательной компетенціи земскихъ сеймовъ, конституція вьела столько исключеній изъ этого правила, что кругъ вѣдѣнія сеймовъ оказался опять суженымъ. Онъ былъ опредѣленъ въ отрицательныхъ выраженіяхъ: «Компетенціи сейма принадлежатъ всѣ остальные предметы законодательства, которые въ этомъ законѣ не предоставлены поименно государственному совѣту» (рейхсрату). Такимъ образомъ, законодательная власть сеймовъ двоякаго рода: въ однихъ дѣлахъ сеймъ раздѣляетъ эту власть только съ монархомъ, въ другихъ онъ только развиваетъ тѣ принципы, которые начертаны общеимперскимъ законодательствомъ съ помощью рейхсрата. При этомъ избраніе членовъ сейма и членовъ рейхсрата происходитъ (съ 1873 г., т.-е. послѣ введенія выборовъ прямо въ рейхсратъ) независимо одно отъ другого и по разнымъ избирательнымъ законамъ, такъ что членъ рейхсрата можетъ и не быть членомъ сейма, и наоборотъ. По конституціи же 1867 г. члены сейма только

---

[1]) Статья Крейчаго въ изданіи «Česká politika». Т. II. 1.

делегировались въ рейхсратъ. Сеймъ обладаетъ неполной законодательной компетенціей въ дѣлахъ снабженія и размѣщенія войскъ, обученія въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ и въ организаціи судебныхъ и исполнительныхъ органовъ. Полнота законодательной власти ему принадлежитъ во многихъ дѣлахъ, какъ спеціально не ограниченныхъ конституціей 1867 года, такъ и возникшихъ по естественному ходу вещей послѣ 1867 года. Сюда относятся, какъ наиболѣе важныя дѣла, земскій уставъ и избирательные законы, опредѣляющіе выборы въ сеймъ, всѣ гминныя дѣла, исключая права приписки, окружное представительство, окружныя ссудныя кассы, опредѣленіе юридическаго положенія автономнаго чиновничества, организація санитарной службы въ гминахъ, проведеніе и содержаніе шоссе и другихъ путей сообщенія мѣстнаго значенія и т. д. Далѣе, неограниченной законодательной властью сеймы пользуются въ области школьнаго обученія, кромѣ университетовъ и основныхъ установленій о народныхъ школахъ и гимназіяхъ. Такимъ образомъ, реальныя училища, политехники, земледѣльческія, промышленныя, торговыя и художественныя академіи, горныя, музыкальныя и др. училища входятъ всецѣло въ компетенцію сеймовъ такъ же, какъ и всѣ вопросы, касающіеся обработки и эксплоатаціи земли, водное и охотничье законодательство и т. д. Самое право толкованія общегосударственныхъ законовъ предоставляетъ сеймамъ иногда довольно широкую компетенцію, такъ какъ во многихъ случаяхъ дѣло идетъ о принципіальномъ пониманіи этихъ законовъ (напр., въ національныхъ вопросахъ). Во всякомъ случаѣ, австрійская конституція остановилась въ развитіи децентрализаціи на половинѣ пути, не дала ничего законченнаго въ разграниченіи правъ государства и отдѣльныхъ земель и создала источникъ для постоянной національной борьбы въ предѣлахъ отдѣльныхъ областей.

Неопредѣленность національнаго вопроса, какъ онъ былъ поставленъ въ декабрьской конституціи 1867 г., открывала широкій просторъ правительственнымъ толкованіямъ, и тѣ національныя распри, которыя съ тѣхъ поръ не прекращались на почвѣ Австріи, такъ и не были регламентированы никакимъ закономъ. Императоръ постоянно велъ переговоры то съ одной, то съ другой національностью, но успѣхъ ихъ разрушался отъ невозможности достигнуть соглашенія между всѣми народностями имперіи, а пока оставался хоть одинъ неудовлетворенный народъ, національная проблема въ Австріи не могла быть разрѣшена. Это заключеніе примѣнимо къ событіямъ 1868 года такъ же, какъ и къ ближайшему къ событіямъ 1914 года моменту, когда велась борьба между чехами и нѣмцами въ Чехіи, поляками и русинами въ Галиціи. Въ исторіи отдѣльныхъ народностей Австріи придется вернуться къ этой борьбѣ. Здѣсь же я ограничусь указаніями на правительственный курсъ въ національной политикѣ Австріи съ 1867 года.

Въ іюнѣ 1868 г. императоръ прибылъ въ Прагу для участія въ освященіи новаго моста черезъ Волтаву. День торжества, 21 іюня, совпадалъ съ печальнымъ для чеховъ юбилеемъ казни чешскихъ патріотовъ, и чешское общество, вообще недовольное половинчатымъ характеромъ декабрьской конституціи, устроило манифестацію своихъ чувствъ, отсутствуя на торжествѣ. Францъ-Іосифъ черезъ канцлера Бейста вступилъ въ сношенія съ вождями чешской политики, Ригеромъ и Палацкимъ. Министръ-президентъ Ауэрспергъ, оскорбленный тѣмъ, что его миновали въ этихъ переговорахъ, подалъ въ отставку и былъ замѣненъ гр. Таффе (26 сент. 1868 г.). Въ Прагѣ возникли безпорядки, вызванные тѣмъ, что «декларація» чеховъ, предъявленная сеймомъ и настаивавшая на возстановленіи тріединаго королевства Чехіи, Моравіи и

Силезіи, была отклонена, и обязательное преподаваніе чешскаго языка въ нѣмецкихъ школахъ Чехіи подверглось отмѣнѣ. Въ Прагѣ было объявлено 10 окт. 1868 г. исключительное положеніе. Въ Далмаціи, въ Бокѣ-ди-Каттаро (Которъ), жители которой были лишены прежнихъ привилегій (освобожденія отъ податей и воинской повинности), вспыхнуло возстаніе, прекращенное только вооруженной силой въ маѣ 1869 г. Тааффе и нѣкоторые министры его кабинета (полякъ Потоцкій и нѣмецъ Бюргеръ) настаивали на примиреніи съ національностями, но императоръ рѣшительно сталъ на сторону остальной консервативной части кабинета, и 15 янв. 1870 г. былъ созданъ кабинетъ Хаснера, просуществовавшій весьма недолго. Рейхсратъ переживалъ тяжелый кризисъ: представители ненѣмецкихъ народностей Австріи, протестуя противъ централистическаго курса правительства, складывали свои мандаты. Чехи, за ними поляки, потомъ румыны, словинцы, итальянцы покидали парламентъ. Наконецъ ушли нѣмецкіе клерикалы, столкнувшіеся на почвѣ партійныхъ отношеній съ либералами, и во всемъ рейхсратѣ оставалось всего 129 делегатовъ. 4 апр. 1870 г. министерство Хаснера подало въ отставку: вліяніе Бейста опять одержало верхъ. Составленіе новаго кабинета было поручено польскому магнату, Альфреду Потоцкому, и въ составъ кабинета опять вошелъ гр. Тааффе.

Однако и теперь дѣло не пошло на ладъ: не только нѣмцы, но и чехи, продолжавшіе настаивать на своей декларации, и даже поляки, требовавшіе выдѣленія Галиціи въ отдѣльное государственное цѣлое, отказывались отъ примиренія съ правительствомъ. 28 мая 1870 г. рейхсратъ и всѣ сеймы были распущены, кромѣ чешскаго, который, впрочемъ, 30 іюля подвергся общей участи. Особенно непримиримую позицію заняли именно чехи, настаивавшіе на созданіи для чешскаго королевства такого же юридическаго положенія, какимъ пользовалась Венгрія. Собравшійся съ большимъ трудомъ и не въ полномъ видѣ рейхсратъ приступилъ къ дебатамъ объ адресѣ. Незначительнымъ большинствомъ (90 противъ 70) былъ принятъ адресъ, въ которомъ выражалось полное недовѣріе къ министерству, воодушевленному, казалось бы, наилучшими стремленіями всѣмъ обезпечить миръ и право. Потоцкому оставалось только подать въ отставку, что онъ и сдѣлалъ 24 ноября 1870 г., но лишь въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ уволенъ. Въ это время императоръ въ глубокой тайнѣ велъ переговоры объ образованіи новаго министерства, которое было бы чуждо идеѣ реванша Пруссіи, — идеѣ, близкой сердцу Бейста. Императоръ задумалъ двинуть государство по пути федерализма, и для осуществленія этой задачи пригласилъ проф. Шефле, убѣжденнаго федералиста и противника капитализма, и графа Гогенварта, намѣстника Верхней Австріи. Министерство Гогенварта, въ которое Шефле вошелъ въ качествѣ одного изъ министровъ, составилось 5 февр. 1871 г. Оно было встрѣчено въ политическихъ кругахъ нѣмцевъ, чеховъ и отчасти поляковъ такъ же враждебно, какъ предшествующіе кабинеты, и поспѣшило ознаменовать новую эру амнистіей соціалистамъ и по дѣламъ печати. Затѣмъ въ апрѣлѣ Гогенвартъ внесъ законопроектъ о расширеніи круга дѣятельности сеймовъ. Именно, эти послѣдніе должны были получить право вырабатывать собственное законодательство по ряду вопросовъ, которое, послѣ одобренія его рейхсратомъ и императоромъ, получало силу закона для данной области. Нѣмецкіе либералы провалили этотъ законопроектъ. Тогда Гогенвартъ вступилъ на путь политики уступокъ отдѣльнымъ народамъ. 11 апр. 1871 г. былъ назначенъ отдѣльный министръ для Галиціи, гр. Грохольскій; 29 апрѣля того же года въ рейхсратъ былъ внесенъ новый законопроектъ, обезпечивавшій Галиціи широкую автономію. Однако и этотъ проектъ провалился, какъ предыдущій. Тѣмъ не

менѣе, путемъ рескриптовъ и министерскихъ распоряженій можно было провести рядъ важныхъ реформъ въ административномъ порядкѣ; введеніе польскаго языка въ университетахъ Краковскомъ и Львовскомъ, основаніе Академіи наукъ въ Краковѣ, назначеніе гр. Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи были выраженіемъ этой правительственной политики. Таафе и гр. Хотекъ, приверженцы Гогенварта, сдѣлались намѣстниками Тироля и Чехіи. 10 авг. рейхсратъ опять былъ распущенъ. Съ помощью новыхъ выборовъ, въ которыхъ правительство приняло энергичное участіе, предполагалось сломить оппозицію нѣмецкихъ либераловъ. Въ Чехіи, какъ и въ Галиціи, министерство Гогенварта стремилось къ умиротворенію національныхъ и политическихъ требованій господствующихъ партій.

12 сент. 1871 г. былъ обнародованъ императорскій рескриптъ чешскому сейму. «Помня государственно-правовое положеніе короны Чехіи и тотъ блескъ и могущество, которые она доставила Габсбургамъ», императоръ обѣщалъ подтвердить своимъ короноваціемъ автономныя права Чехіи и просилъ сеймъ дѣйствовать въ «духѣ умѣренности и примиренія». Вмѣстѣ съ тѣмъ сейму былъ предложенъ законопроектъ о національностяхъ, устанавливавшій полное равноправіе нѣмецкой и чешской народностей въ королевствѣ и требовавшій отъ всѣхъ правительственныхъ лицъ въ Чехіи знанія обоихъ земскихъ языковъ. Сеймъ раздѣлялся на національныя куріи, которыя большинствомъ двухъ третей голосовъ могли отвергнуть всякій законопроектъ, представлявшійся имъ вреднымъ для ихъ народности. Одновременно съ законопроектомъ Гогенварта на обсужденіе сейма была внесена «основная статья» (Fundamentalartikel), представлявшая результатъ совѣщаній Шефле съ чешскими вождями и устанавливавшая принципъ федералистическаго соединенія Чехіи съ имперіей. Именно, кругъ общихъ дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію рейхсрата, куда делегировались члены сейма, ограничивался немногими общегосударственными. Чехія участвовала въ расходахъ государства путемъ внесенія извѣстной доли расходнаго бюджета; для примиренія споровъ, возникающихъ между отдѣльными землями, для обсужденія государственныхъ договоровъ и т. д. долженъ быть учрежденъ сенатъ... Эти положенія устанавливали федеративный принципъ въ имперіи и ставили Чехію, какъ и другія земли, въ положеніе, аналогичное Венгріи. Само собою разумѣется, что нѣмецкій націонализмъ не могъ такъ легко примириться съ программой, созданной чешской партіей государственнаго права. Онъ обратился за защитой въ Берлинъ, а въ самой Австріи къ Ауерспергу. Членъ рейхсрата отъ Верхней Австріи, бар. Вейхсъ, писалъ въ это время гр. Герберту Бисмарку, будто бы министерство Гогенварта стремится окончательно отстранить нѣмецкій элементъ въ Западной Австріи отъ руководящей роли и замѣнить его славянскимъ. Далѣе Вейхсъ подчеркивалъ, что въ интересахъ Германской имперіи лежитъ сохраненіе Австро-Венгріи подъ властью нѣмцевъ и мадьяръ [1]). Въ этихъ сношеніяхъ австрійско-нѣмецкихъ націоналистовъ съ прусскимъ правительствомъ,—сношеніяхъ, которыя привели нѣсколько позже къ подчиненію Австріи прусской политикѣ и заключенію Тройственнаго союза, теперь, лѣтомъ 1871 г., австрійскій дворъ видѣлъ для себя обиду и опасность. Какъ писалъ въ это время въ своемъ дневникѣ венгерскій баронъ Орчи, «чешско-феодальные господа имѣютъ, къ сожалѣнію, большое вліяніе въ средѣ, окружающей Его Величество; ненависть къ Пруссіи еще не остыла, и обсужденіе чешскихъ дѣлъ выступаетъ подъ покровомъ лоялизма, въ то время, какъ нѣмецкая конституціонная пар-

[1]) Ср. Wertheimer. Graf Julius Andrassy. I. 560 и дал.

тія обвиняется въ мечтаніяхъ о Германіи». Работа прусской дипломатіи и нѣмецко-австрійскихъ націоналистовъ не прошла даромъ. Въ августѣ 1871 г. произошло свиданіе въ Ишлѣ императоровъ Франца-Іосифа и Вильгельма I, въ чемъ австрійская аристократія видѣла «униженіе достоинства» Австріи. Такимъ образомъ, въ Вѣнѣ боролись весьма сложныя вліянія, но побѣдило то, которое видѣло въ сохраненіи нѣмецкаго и мадьярскаго господства лучшую гарантію для существованія Австро-Венгріи. Горячо поддерживали это теченіе и мадьяры. Противъ совокупности этихъ разнообразныхъ и сильныхъ вліяній имп. Францъ-Іосифъ, всегда уступавшій силѣ, бороться не могъ. 27 окт. 1871 г. министерство Гогенварта пало, и федералистическія тенденціи въ Австріи прекратились надолго. Однако, для Чехіи эта эра имѣла немаловажное значеніе: и въ Чехіи, и въ Моравіи было введено преподаваніе на чешскомъ языкѣ въ средней школѣ, въ столицѣ Моравіи, Брнѣ (Брюннѣ), была основана чешская учительская семинарія, въ Пражскомъ университетѣ была заведена чешская доцентура, подготовившая созданіе полнаго чешскаго университета. Быстрый переворотъ въ политикѣ императора вызвалъ въ Чехіи волненія.

На смѣну кабинета Гогенварта пришло министерство Ауерсперга (послѣ короткаго, продолжавшагося лишь 25 дней правительства кабинета бар. Хольцгетана). Князь Адольфъ Ауерспергъ, назначенный министромъ-президентомъ 26 нояб. 1871 г., занималъ уже до этого назначенія нѣсколько разъ высокія административныя должности и считался строгимъ конституціоналистомъ. Свой кабинетъ онъ составилъ изъ профессоровъ и людей теоріи, по большей части людей безъ придворныхъ и аристократическихъ связей, которыя въ тогдашней Австріи были особенно нужны. Министерство Ауерсперга старалось строго держаться декабрьской конституціи, и въ своей борьбѣ за нее распустило земскіе сеймы, собравшіеся подъ флагомъ федерализма. Въ Чехіи воцарился военный режимъ, стремившійся возстановить порядокъ съ помощью репрессій. Вѣнское правительство стремилось освободить центральный законодательный органъ, рейхсратъ, отъ зависимости отъ сеймовъ и провело законъ (Notwahlgesetz) о прямыхъ выборахъ въ рейхсратъ, впрочемъ, только въ случаѣ необходимости (напр., отказа сейма послать делегатовъ). Этотъ законъ, конечно, наносилъ сильный ударъ федералистическому принципу, и правительство уже подумывало вообще о введеніи выборовъ непосредственно въ рейхсратъ. 15 февр. 1873 г. оно, дѣйствительно, внесло соотвѣтствующій законопроектъ въ рейхсратъ. Несмотря на противодѣйствіе федералистовъ, этотъ проектъ былъ принятъ 6 марта громаднымъ большинствомъ, а 27 марта онъ прошелъ и въ палатѣ господъ. Новый избирательный законъ (извѣстный подъ именемъ закона 2 апр. 1873 г.) увеличивалъ число депутатовъ (до 353) и дѣлалъ рейхсратъ, благодаря системѣ выборовъ въ него безъ участія ландтаговъ - сеймовъ, учрежденіемъ обще-австрійскимъ.

При всемъ своемъ конституціонализмѣ министерство Ауерсперга не внесло порядка въ Австрію. Страшный денежный кризисъ 1873 г., «крахъ» банковъ, взяточничество среди чиновниковъ, неустройство католической церкви, всеобщій государственный развалъ угнетали Австрію. Въ эту пору развивается среди нѣмцевъ антисемитизмъ, появляются принципы будущей христіанско-соціалистической партіи Люэгера; нѣмецкій націонализмъ становится болѣе выразительнымъ и проникается стремленіемъ сблизить Австрію въ государственныхъ учрежденіяхъ, организаціи арміи, школы, денежной системы съ Германской имперіей.

Тѣмъ не менѣе, кабинетъ Ауерсперга продержался необычайно долго для Австріи; онъ палъ вслѣдствіе розни въ лонѣ нѣмецкихъ пар-

тій только 22 окт. 1878 г. Императоръ долго колебался, слѣдуетъ ли ему принять отставку Ауерсперга, который уже въ іюлѣ обратился съ просьбой объ увольненіи. Миссія составить новый кабинетъ была поручена Де-Претису, который въ министерствѣ Ауерсперга завѣдывалъ финансами. Прежде чѣмъ приступить къ своей задачѣ, Де-Претисъ внесъ на обсужденіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ парламентскихъ партій вопросы, которые вызывали особенно сильную оппозицію. Такъ, уже въ это время поднималась рѣчь объ аннексіи Босніи и Герцеговины,—провинцій, оккупированныхъ Австро-Венгріей въ силу Берлинскаго трактата. Оппозиція не желала ихъ аннексіи и требовала возможнаго ограниченія расходовъ, связанныхъ съ управленіемъ этими областями. Захватная политика Андраши, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, возмущала большинство вліятельнѣйшихъ нѣмецкихъ политиковъ, между тѣмъ какъ императоръ подчеркивалъ свою полную солидарность съ ней и называлъ политику Андраши своей. Между тѣмъ итти на Балканскій полуостровъ тогдашняя нѣмецкая Австрія еще вовсе не хотѣла, какъ она не поощряла и милитаристическихъ стремленій. Де-Претисъ натолкнулся на такую неуступчивость, что долженъ былъ отказаться отъ намѣренія составить кабинетъ. Министерство Ауерсперга, уже получившее отставку, продолжало по необходимости нести бремя правленія, такъ какъ не удалась и другая попытка образовать кабинетъ, которую сдѣлалъ Тааффе. Желающихъ разъяснять то положеніе, въ которое попала Австрія послѣ Берлинскаго конгресса, благодаря Бисмарку и Андраши, повидимому, не было. Императору не оставалось другого выхода, какъ произвести частичную перемѣну въ составѣ прежняго кабинета. Одинъ изъ прежнихъ министровъ, Штремайръ, получилъ портфель президента, Эдуардъ Тааффе былъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и долженъ былъ выработать основу для соглашенія съ парламентомъ. Это происходило въ февралѣ 1879 года, когда заканчивались полномочія перваго парламента, избраннаго непосредственно народной волей безъ участія сеймовъ. Чехи въ немъ не засѣдали, не признавая рейхсрата своимъ законнымъ представительствомъ, но противъ партіи государственнаго права, требовавшей для Чехіи такого же положенія, какое занимала Австрія, уже поднималась оппозиція въ самой странѣ. Въ сентябрѣ 1878 г. чехи вступили въ мѣстный сеймъ. Годъ спустя Тааффе удалось привести ихъ въ рейхсратъ. «Благодаря вступленію чеховъ,—говоритъ Харматцъ (т. II, стр. 10),—борьба за конституцію приняла иныя формы. Такъ какъ теперь всѣ народы стояли на *одной* почвѣ и стремились устроиться на ней, то исчезла необходимость защищать эту почву, рейхсратъ, отъ стоящихъ внѣ его элементовъ государства. Нѣмецкая конституціонная партія въ своей вѣрности конституціонному началу одержала нравственную побѣду надъ противниками февральско-декабрьской конституціи, но это была такая побѣда, въ которой она сама потеряла все: и руководящее положеніе въ парламентѣ, и господство въ имперіи. Вѣдь, теперь въ рейхсратѣ засѣдало 179 феодаловъ, клерикаловъ и славянскихъ націоналистовъ, а меньшинство, 174 человѣка, состояло изъ нѣмецкихъ либераловъ и другихъ противниковъ политики Тааффе».

Министерство Штремайра продержалось недолго. 14 авг. 1879 г. его мѣсто занялъ кабинетъ графа Эдуарда Тааффе, который съ нѣкоторыми перемѣнами внутри министерства продержался нѣсколько лѣтъ. Въ это время Австрія начинаетъ уже приходить въ состояніе внутренняго застоя: столкновеніе бурныхъ національныхъ стремленій, подготовлявшееся уже давно, теперь ставитъ государство въ положеніе длительнаго кризиса, который не миновалъ до самой войны 1914 года. Въ окт. 1879 г. чехи подали императору докладную записку, въ которой настаивали на равноправіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Пражскомъ университетѣ,

въ среднихъ школахъ, судахъ и администраціи. Правительство отвѣтило на этотъ актъ 19 апр. 1880 г. распоряженіями (Sprachenverordnungen), устанавливавшими въ Чехіи и Моравіи равноправное положеніе обоихъ мѣстныхъ языковъ въ сношеніяхъ власти съ населеніемъ. Въ силу этихъ распоряженій, суды и администрація должны были отвѣчать сторонамъ на томъ языкѣ, на какомъ онѣ обращались. Эти распоряженія не удовлетворили, однако, ни нѣмцевъ, ни чеховъ: первые увидѣли въ нихъ обязательство для себя изучать чешскій языкъ и фактическое предпочтеніе чешскихъ чиновниковъ, которые и безъ того знали по-нѣмецки, вторые почувствовали, что они еще очень далеки отъ настоящаго равноправія языковъ. Въ парламентѣ поднялась буря; начались запросы (Хербста, гр. Вурмбранда); была образована комиссія для составленія законопроекта объ употребленіи мѣстныхъ языковъ въ земляхъ Австріи. Только въ янв. 1884 г. комиссія закончила свои работы и выступила передъ рейхсратомъ со своими принципіальными заключеніями, развитыми секретаремъ комиссіи, полякомъ Мадейскимъ, въ отдѣльной брошюрѣ и въ парламентской рѣчи. Смыслъ этой послѣдней заключался въ томъ, что Австрія не представляетъ собою государственнаго образованія одного недѣлимаго нѣмецкаго народа, и что послѣ того, какъ въ Австріи провозглашенъ принципъ свободы національностей, не можетъ быть уже и рѣчи объ исключительномъ употребленіи нѣмецкаго государственнаго языка. Послѣ четырехдневныхъ страстныхъ преній предложеніе Вурмбранда относительно необходимости выработать законъ о національностяхъ было отклонено. Такимъ образомъ, такъ называемыя «языковыя распоряженія», связанныя съ именемъ министра Штремайра, остались въ силѣ.

Для чеховъ это было несомнѣннымъ завоеваніемъ, какъ и чехизація пражскаго университета, которая совершалась постепенно съ 1864 года и закончилась въ мартѣ 1881 г. созданіемъ двухъ отдѣльныхъ, нѣмецкаго и чешскаго университетовъ. Это новое завоеваніе чеховъ было признано послѣ нѣкоторой борьбы обѣими палатами рейхсрата. Національное сознаніе въ чешскомъ народѣ уже принимало форму непримиримой борьбы съ нѣмцами за преобладаніе въ чешскихъ округахъ королевства и равноправіе съ нѣмцами въ остальныхъ. Эта борьба велась съ тѣмъ же упорствомъ, свойственнымъ чешскому національному характеру, до послѣдняго времени. Въ восьмидесятыхъ годахъ наблюдается уже любопытное явленіе перехода нѣмцевъ отъ наступательнаго въ оборонительное положеніе. Націоналистамъ нѣмцамъ оставалось только мечтать объ идеѣ Великой Германіи, которая когда-нибудь охватитъ своими мощными объятіями и сирыхъ нѣмцевъ Австріи. «Я думаю, что при настоящихъ условіяхъ,—заявилъ въ 1883 г. Менгеръ,—мы должны направить всѣ свои силы, на что онѣ предназначены, именно на то, чтобы требовать, развивать, усиливать великую нѣмецкую національную идею». Эти слова служили въ теченіе послѣдующихъ 30 лѣтъ лозунгомъ нѣмецкихъ націоналистовъ въ Австріи, которые доходили не разъ до самаго грубаго шовинизма. Съ другой же стороны, всѣ силы чешской политики были устремлены на національную борьбу, что создавало спертую и нездоровую политическую атмосферу въ жизни Австріи. При этомъ славянскіе голоса въ рейхсратѣ не разъ поддерживали чешскія національныя требованія. Такъ, въ 1886 г. бар. Шаршмидъ внесъ въ палату депутатовъ законопроектъ, подписанный 116 депутатами. Онъ требовалъ введенія нѣмецкаго языка во внутреннюю переписку всѣхъ вѣдомствъ, въ пренія рейхсрата и въ изданіе офиціальныхъ книгъ, а также настаивалъ на проведеніи закона объ употребленіи мѣстныхъ, земскихъ языковъ. Противъ этого законопроекта высказались поляки, чехи и словинцы, послѣ чего онъ былъ

передань въ комиссію, гдѣ и былъ погребенъ. Въ томъ же самомъ году, всего шесть мѣсяцевъ спустя послѣ этого пораженія нѣмецкаго національнализма, чешскія стремленія получили новое удовлетвореніе. Министръ финансовъ, выдающійся чешскій ученый Пражакъ, издалъ предписаніе верховнымъ судамъ въ Прагѣ и Брнѣ, чтобы, согласно указу имп. Фердинанда III (1637—1657), въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ приговоръ произносится на одномъ языкѣ, и все дѣлопроизводство велось на томъ же языкѣ. Фактически это означало введеніе чешскаго языка въ судопроизводство пражскаго и брискаго судебныхъ округовъ. Парламентская оппозиція, выступившая противъ этихъ распоряженій, не привела ни къ чему. Усиливающееся положеніе чеховъ заставило нѣмцевъ выступить въ мѣстномъ сеймѣ въ 1884 году съ предложеніемъ раздѣлить королевство на двѣ административныя области. Когда это предложеніе было отклонено, то въ 1886 г. нѣмцы его вновь внесли. Когда и на этотъ разъ сеймъ просто перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, депутаты-нѣмцы покинули его и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бойкотировали сеймъ. Это была такая же побѣда чеховъ, какую въ Галиціи одержали поляки надъ украинцами.

Въ эту же пору улучшается національное положеніе словинцевъ: министръ Пражакъ добивается для нихъ въ 1882 г. извѣстныхъ національныхъ уступокъ, въ слѣдующемъ году словинцы получаютъ большинство въ сеймѣ Крайны. Въ итальянскихъ областяхъ южнаго Тироля и въ Тріестѣ росло ирредентское движеніе. Вслѣдствіе этого въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Австріи уже стояли другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя партіи, нѣмцы и нѣмецкія національности. Такъ, въ 1885 г. въ рейхсратѣ образовалась многочисленная и рѣзко націоналистическая группа «Deutscher Club», которая насчитывала 50 членовъ и написала на своемъ знаменіи требованіе нѣмецкаго преобладанія въ имперіи: Вскорѣ послышались уже прямыя угрозы по адресу Тааффе и политики уступокъ національностямъ; мечта о соединеніи съ Пруссіей стала высказываться открыто (Weil. loc. cit. 158—159). Въ 1888 г. возникла новая многочисленная и важная парламентская группа «Detsch-österreichischer Club», которая вмѣстѣ съ примыкавшими къ ней депутатами составила въ цѣломъ 113 человѣкъ. При общемъ числѣ депутатовъ въ 353 человѣка это представляло меньшинство, но, во всякомъ случаѣ, уже значительное. Преклоненіе передъ личностью имп. Вильгельма I здѣсь было всеобще; потомъ оно было перенесено на его внука, имп. Вильгельма II. Такъ закончилось первое десятилѣтіе министерства Тааффе, которое было восхвалено полуофиціозной печатью Австріи.

Между тѣмъ уже въ 1887 году положеніе въ Чехіи становилось невыносимо, такъ какъ бойкотъ сейма со стороны нѣмецкихъ депутатовъ непрерывно напоминалъ австрійскому правительству о ненормальности политической жизни въ этой важной части государства. Но всѣ попытки примиренія, которыя предпринялъ маршалъ сейма, князь Лобковицъ, разбивались о рѣшительное требованіе нѣмцевъ раздѣлить Чехію на двѣ административныя части. Одинъ только изъ чешскихъ нѣмцевъ, Фишгофъ тщетно призывалъ къ примиренію, увѣряя, что нѣмцы при благосклонномъ отношеніи къ другимъ народностямъ имперіи всегда сохранятъ свою руководящую роль. Положеніе настолько обострилось, что въ декабрѣ 1889 г. высказывалась мысль, не слѣдуетъ ли всѣмъ австрійскимъ нѣмцамъ пойти по стопамъ чешскихъ земляковъ и выйти въ полномъ составѣ изъ рейхсрата. Это принудило Тааффе предпринять рѣшительные шаги для примиренія враждующихъ національностей. Въ началѣ 1890 года собралась парламентская комиссія, которая выработала нѣкоторыя, какъ казалось, пріемлемыя положенія въ духѣ раздѣленія

національной жизни чеховъ и нѣмцевъ. Именно, школьный совѣтъ, вѣдавшій дѣло народнаго образованія въ Чехіи, раздѣлялся на два отдѣленія. Въ областяхъ, гдѣ имѣлось національное меньшинство, допускалось образованіе отдѣльной школы для него, если число дѣтей школьнаго возраста, принадлежавшихъ къ этому національному меньшинству, достигало 40 (вводились при этомъ нѣкоторыя ограниченія, касавшіяся числа лѣтъ пребыванія дѣтей въ данной мѣстности). Другія предложенія согласительной комиссіи относились къ устройству новыхъ торговыхъ и промышленныхъ палатъ въ Чехіи и къ такому разграниченію судебныхъ и административныхъ округовъ, при которомъ эти послѣдніе охватывали бы только населеніе одной національности, а также къ нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ вопросамъ. Однако и это соглашеніе встрѣтилось съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ младочешской партіи, которая не считала возможнымъ допустить соглашеніе, заключенное чешской феодальной партіей безъ одобренія демократическихъ партій. Между тѣмъ правительство признало соглашеніе осуществившимся и начало проводить его въ жизнь. Такъ, была назначена комиссія для опредѣленія новыхъ границъ округовъ согласно національному принципу, указанному чешско-нѣмецкимъ компромиссомъ. На сеймъ, собравшійся 19 мая 1890 г. при участіи и нѣмецкихъ депутатовъ, Тааффе внесъ нѣсколько законопроектовъ въ духѣ того же акта. Въ іюнѣ прошелъ и былъ утвержденъ императоромъ законъ о раздѣленіи школьнаго совѣта королевства на два національные отдѣла. Затѣмъ въ январѣ 1891 г. большинствомъ 153 противъ 53 голосовъ, несмотря на противодѣйствіе нѣмцевъ, прошелъ законъ, по которому во главѣ земскаго совѣта по дѣламъ народнаго просвѣщенія могли стоять только лица, владѣющія обоими земскими языками.

Снова начались бурныя сцены въ сеймѣ. Такая же участь угрожала рейхсрату, который собрался 20 дек. 1890 г. Въ правительствѣ произошелъ расколъ по поводу дальнѣйшаго политическаго курса: бар. Гаучъ, министръ народнаго просвѣщенія (впослѣдствіи министръ-президентъ), настаивалъ на примиреніи съ нѣмецкими либералами, которые могли образовать большинство; полякъ Дунаевскій, способный и вліятельный министръ финансовъ, требовалъ продолженія стараго политическаго курса. Но эра Тааффе уже, видимо, заканчивалась, Дунаевскій оставался въ меньшинствѣ и вышелъ въ отставку. Вскорѣ послѣ этого, съ 27 февр. по 21 марта 1891 г., происходили новые выборы въ рейхсратъ, которые не дали правительству прочнаго большинства, и оно рѣшило опереться на нѣмецкихъ націоналистовъ, составлявшихъ нѣмецкую либеральную партію. Вслѣдствіе этого Тааффе заявилъ, что, вопреки требованіямъ чеховъ ввести чешскій языкъ во внутреннюю переписку властей въ этой странѣ, правительство твердо рѣшило удержать нѣмецкій языкъ. Новое непримиримое положеніе, которое заняли обѣ національности въ сеймѣ въ 1892 г., сдѣлало дальнѣйшія попытки кабинета Тааффе безплодными, и подъ вліяніемъ своихъ новыхъ нѣмецкихъ союзниковъ правительство приступило къ созданію національныхъ судебныхъ округовъ. Протестъ чеховъ въ рейхсратѣ остался безуспѣшнымъ, и тогда чешскій министръ—«родакъ» (Landsmannminister) Пражакъ вышелъ въ отставку. Въ Чехіи происходили сильныя волненія. Въ парламентской жизни Австріи партія нѣмецкихъ либераловъ теряла всякій престижъ, и вообще положеніе государственной власти становилось совсѣмъ безвыходнымъ вслѣдствіе все возраставшей бури національныхъ распрь. Въ сеймѣ Чехіи борьба вылилась въ такія формы, что пришлось прекратить сессію. Въ самой Прагѣ на улицахъ происходили постоянныя стычки между чехами и нѣмцами; демонстраціи по разнымъ поводамъ

не прекращались. Правительство отвѣтило объявленіемъ (13 сент. 1893 г.) исключительнаго положенія въ Прагѣ и ея окрестностяхъ. Не лучше обстояло дѣло и въ парламентѣ, гдѣ на почвѣ преній по поводу внесеннаго правительствомъ избирательнаго закона опять разгорѣлись партійныя страсти. Тааффе оставалось только добиться отсрочки засѣданій рейхсрата, что и было объявлено 28 окт. 1893 г. Но и самъ Тааффе былъ уже конченымъ человѣкомъ. Императоръ уже не вѣрилъ въ его способность разрѣшить кризисъ. Печальны были итоги его 14-лѣтняго правленія въ Австріи. «Бюрократія стала всемогуща,—говоритъ Харматцъ (II, 81),—и не могла примѣниться къ новымъ отношеніямъ. Австрія образовала полицейское государство, тѣсныя стѣны котораго бѣшено штурмовали народныя массы, сдѣлавшіяся способными къ борьбѣ вслѣдствіе индустріализаціи страны и подъема культуры. Но въ канцеляріяхъ люди были совершенно лишены соціальнаго сознанія, и рабочая печать должна была ввести постоянную рубрику съ заголовкомъ: «Какъ съ нами обращаются!..» Пресса находилась въ такомъ же угнетеніи, какъ и раньше, и въ парламентъ было внесено нѣсколько предложеній для устраненія репрессій. Но прошелъ всего лишь одинъ законъ, важнѣйшимъ нововведеніемъ котораго явилась отмѣна газетнаго залога. Для официозной печати у гр. Тааффе попрежнему былъ широко раскрытъ карманъ, а деньги, необходимыя для пополненія фонда на подкупъ печати (Reptilienfond), доставлялись самой безудержной торговлей титулами и орденами. По довольно справедливому замѣчанію проф. Масарика, министръ-президентъ превратилъ палату депутатовъ въ толкучій рынокъ. Тонъ въ этомъ «высокомъ собраніи» становился изъ года въ годъ все болѣе низменнымъ. Точно такъ же политика улицы пріобрѣла въ началѣ девяностыхъ годовъ гораздо большее значеніе. Національная вражда, разгорѣвшаяся въ Чехіи, теряла всю свою остроту по сравненію съ тѣми вспышками конфессіональной ненависти, которыя происходили въ Вѣнѣ» (на почвѣ антисемитизма, выставленнаго христіанско-соціалистической партіей, руководимой популярнѣйшимъ бургомистромъ Вѣны, др-омъ Люегеромъ). Финансовое хозяйство Австріи находилось точно такъ же въ довольно плачевномъ положеніи. Полная неурядица во внутреннихъ дѣлахъ имперіи такъ же, какъ партійная борьба, начавшаяся противъ сравнительно либеральнаго избирательнаго закона, нарушавшаго интересы привилегированныхъ классовъ, привели кабинетъ Тааффе къ паденію. 11 ноября 1893 г. онъ былъ замѣненъ княземъ Альфредомъ Виндишгретцомъ, которому было поручено составить коалиціонное министерство. Въ немъ нашелъ для себя портфель и лидеръ нѣмецкихъ либераловъ, Пленеръ. Новый кабинетъ сразу оказался чрезвычайно непопулярнымъ, особенно вслѣдствіе гоненій на печать, которыя были предприняты въ широкихъ размѣрахъ. Парламенту было представлено нѣсколько законовъ, имѣвшихъ общегосударственное значеніе: увеличеніе службы ополченія (Landwehrgesetz) до двухъ лѣтъ; новый избирательный законъ, вводившій представительство нѣсколькихъ новыхъ буржуазныхъ классовъ, минуя, однако, рабочій классъ, какъ таковой; новый ростъ налоговъ. Таковы были тѣ реформы, которыя намѣревалось провести коалиціонное министерство. Соціалисты устроили 18 окт. 1894 г. бурный митингъ на Рингѣ, и дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній съ полиціей.

Насколько уже въ эту пору вопросы національной жизни перевѣшивали всѣ остальныя проблемы государственной жизни Австріи, видно изъ судьбы коалиціоннаго министерства. Этому послѣднему удалось удержаться при самыхъ бурныхъ преніяхъ по поводу новыхъ налоговъ и предпринимаемой избирательной реформы, но оно разбилось о мелкій національный вопросъ относительно введенія словинскихъ параллель-

ныхъ классовъ въ нѣмецкой гимназіи Цилли. Въ виду значительнаго преобладанія словинскихъ учениковъ надъ нѣмецкими въ этомъ городѣ требованіе словинцевъ было вполнѣ законно, и еще министерство Таффе готовилось осуществить ихъ требованіе, а Гогенвартъ далъ въ этомъ смыслѣ положительныя завѣренія словинцамъ. По этому ничтожному поводу партійная борьба дошла до такого ожесточенія, что даже нѣмецкіе либералы голосовали противъ своего бывшаго вождя, теперь министра Пленера. 19 іюня 1895 г. коалиціонный кабинетъ былъ уволенъ въ отставку, а 10 іюля въ полномъ собраніи рейхсрата прошла бюджетная статья, ассигновавшая на открытіе словинскихъ классовъ въ Цилли 1500 гульденовъ. Мѣсто коалиціоннаго министерства занялъ кабинетъ намѣстника Нижней Австріи, графа Кильмансэгга, который просуществовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ попытался внести нѣкоторый миръ въ возбужденную политическую жизнь Австріи, обратившись къ чиновникамъ, профессорамъ и учителямъ съ напоминаніемъ объ ихъ служебномъ положеніи. Конечно, какъ всѣ подобныя напоминанія, оно не имѣло никакого реальнаго значенія.

Теперь императоръ обратился къ полякамъ, которые успѣли за послѣднія пятнадцать лѣтъ обнаружить силу и значеніе своей преданности государю, ввѣрившему ихъ управленію Галицію и даровавшему имъ свободу національной жизни. Выборъ Франца-Іосифа палъ на намѣстника Галиціи, графа Казиміра Бадени, который былъ назначенъ премьеръ-министромъ 29 сент. 1895 г. Выдающуюся роль въ его министерствѣ игралъ министръ финансовъ, также полякъ Билинскій, министерство иностранныхъ дѣлъ находилось въ рукахъ поляка же Голуховскаго. Изъ другихъ министровъ слѣдуетъ назвать Гауча, впослѣдствіи премьера. Однимъ изъ первыхъ шаговъ кабинета была отмѣна исключительнаго положенія въ Прагѣ, которое держалось здѣсь свыше 2 лѣтъ. Такой же примирительной тактики новое министерство хотѣло держаться и по отношенію къ нѣмцамъ, и по отношенію къ политическимъ партіямъ. Война объявлялась только партіямъ, мечтавшимъ о пересозданіи общественнаго строя. Конечно, имѣлся въ виду прежде всего соціализмъ, противъ котораго и вооружался представитель польскаго галиційскаго консерватизма. Бадени удалось, благодаря его несомнѣнному умѣнію лавировать между партіями, провести такую важную реформу, какъ избирательную, значительно демократизовавшую избирательный законъ. По отзыву Хармана (II. 105), «въ общемъ господствовало убѣжденіе, что австрійское феодальное государство на большой кусокъ пододвинулось къ народному государству или, собственно, къ государству народовъ».

Дальнѣйшей задачей министерства Бадени, какъ и многихъ послѣдующихъ, явилось созданіе сколько-нибудь сносныхъ государственныхъ отношеній въ Чехіи. Для этой цѣли онъ обратился къ содѣйствію вліятельнѣйшей изъ тогдашнихъ чешскихъ партій, младочехамъ, которые посовѣтовали министру издать собственной властью постановленія объ употребленіи обоихъ мѣстныхъ языковъ въ Чехіи и Моравіи. Бадени переговорилъ по этому поводу съ нѣмецкими депутатами, не открывая имъ, однако, всѣхъ своихъ картъ, и привлекши на свою сторону христіанскихъ соціалистовъ съ помощью ихъ вождя Люэгера, издалъ 5 апр. 1897 г. рядъ постановленій (Sprachverordnungen). Въ основу этихъ послѣднихъ былъ положенъ проектъ, предложенный чешскому сейму депутатомъ Пацакомъ. Постановленія Бадени распространялись на всѣ учрежденія, подвѣдомственныя министерствамъ финансовъ, торговли и земледѣлія, а также на суды [1]). Въ силу ихъ эти учрежденія должны

[1]) См. статью Кернера въ книгѣ «Česká politika. Т. I.

были пользоваться въ своей перепискѣ тѣмъ языкомъ, на какомъ было подано прошеніе или сдѣлано устное заявленіе. Такимъ образомъ, вводился въ управленіи чешскимъ королевствомъ «внутренній» чешскій языкъ, и отъ чиновниковъ въ предѣлахъ всего чешскаго королевства и моравскаго маркграфства требовалось практическое знаніе обоихъ мѣстныхъ языковъ. Для нѣмцевъ эти постановленія Бадени представляли сильный ударъ, такъ какъ сразу лишали ихъ господствующаго положенія въ двухъ чешскихъ краяхъ. Поэтому нѣмецкія партіи рѣшили дать отпоръ этому покушенію на нѣмецкій характеръ Австріи. Въ Теплицѣ собрался многолюдный нѣмецкій митингъ, на которомъ произносились отчаянныя рѣчи. «Неужели мы перестали быть вѣчно свѣжей и зеленѣющей вѣтвью великаго братскаго народа,—нѣмецкаго народа, который живетъ за тѣми горами, составляющими нашу границу?» патетически вопрошалъ бургомистръ Теплица (Weil. loc. cit. 184). Въ Дрезденѣ въ маѣ того же года собралось другое совѣщаніе, съѣздъ всенѣмецкой (пангерманистской) партіи подъ предсѣдательствомъ ея шумливаго и демагогическаго лидера Шёнерера; въ Эгерѣ, Клагенфуртѣ и другихъ городахъ происходили такія же бурныя собранія, протестовавшія противъ политики Бадени. Разумѣется, эта борьба была перенесена и въ стѣны рейхсрата, хотя Бадени, во избѣжаніе ея, отложилъ сессію парламента. Въ ноябрѣ 1897 г. разыгрались такіе политическіе скандалы, какихъ еще не бывало въ парламентской жизни Австріи. Обструкціонныя рѣчи, стучаніе въ пюпитры, перебранки и даже драки, постоянный шумъ, наконецъ необходимость очистить президентскую трибуну отъ обструкціонистовъ сдѣлали продолженіе парламентской сессіи совершенно невозможнымъ. Безпорядки перенеслись на улицу, гдѣ передъ парламентомъ въ продолженіе трехъ дней устраивались грандіозныя манифестаціи. Толпы народа требовали отставки Бадени; популярный бургомистръ столицы, Люэгеръ, не ручался за спокойствіе въ городѣ, который производилъ впечатлѣніе охваченнаго революціей. Императору не оставалось ничего другого, какъ принять отставку Бадени и отложить засѣданія рейхсрата. 28 ноября 1897 г. эта эра національныхъ уступокъ завершилась.

Составленіе новаго кабинета было возложено на барона Павла Гауча, въ министерство котораго вошелъ будущій премьеръ Керберъ, теперь въ качествѣ министра торговли. Гаучъ, чрезвычайно уравновѣшенный и трезвый политикъ, какъ нельзя болѣе подходилъ для успокоенія умовъ въ настоящую тревожную минуту, и его назначеніе быстро утихомирило Вѣну. Но въ Прагѣ паденіе Бадени вызвало чрезвычайныя волненія; національная борьба была перенесена съ почвы парламентскихъ преній на улицу, гдѣ происходили схватки съ полиціей и войсками; нѣмецкія лавки и зданія подвергались нападеніямъ, и 2 дек. 1897 г. въ Прагѣ и окрестностяхъ было опять объявлено исключительное положеніе, которое, однако, вскорѣ было снято, такъ какъ Гаучъ желалъ править строго конституціонно, что въ тогдашней Австріи было довольно затруднительно. Такъ, самому Гаучу пришлось прибѣгнуть къ § 14 конституціи, который разрѣшалъ проводить въ междупарламентское время законы волей императора. Въ чешскомъ сеймѣ, созванномъ въ январѣ 1898 г., разгорѣлся опять-таки споръ изъ-за Баденіевскихъ языковыхъ постановленій. Нѣмцы, особенно пангерманистъ Вольфъ, настаивали на ихъ полной отмѣнѣ, чехи требовали ихъ полнаго сохраненія; примирительное предложеніе передать дѣло въ комиссію прошло большинствомъ сейма, но при создавшихся настроеніяхъ не представляло никакихъ видовъ на успѣхъ. Нѣмецкіе студенты-корпоранты вели себя вызывающе, и между студенчествомъ двухъ національностей происходили побоища. Нѣмецкихъ поддерживало студенчество всѣхъ

нѣмецкихъ университетовъ Австріи, грозившее забастовкой, отчасти уже и возникшей. Въ чешскомъ сеймѣ нѣмцы были вынуждены 26 февр. 1898 г. покинуть засѣданіе, такъ какъ чешское большинство хотѣло провести адресъ коронѣ, выражавшій пожеланія чеховъ и пренебрегавшій требованіями нѣмцевъ. Тогда Гаучъ своей властью, «предварительно законодательнаго разрѣшенія», издалъ въ отмѣну постановленій Бадени распоряженія объ употребленіи мѣстныхъ языковъ (5 марта 1898 г.) въ Чехіи и Моравіи.

Здѣсь впервые вводился новый принципъ, который потомъ игралъ значительную роль въ попыткахъ разрѣшенія языковой проблемы въ Чехіи: именно, понятіе о смѣшанныхъ двуязычныхъ округахъ. § 7 распоряженій Гауча гласилъ слѣдующее: «Офиціальнымъ и служебнымъ языкомъ (Amts und Dienstsprache) властей... служитъ тотъ земскій языкъ, который признаетъ своимъ, на основаніи послѣдней переписи, наличное населеніе административнаго округа. Въ округахъ смѣшанныхъ (in sprachlich gemischten Bezirken) употребляются равномѣрно оба земскіе языка». Такимъ образомъ, Чехію предполагалось подраздѣлить на три языковыя области: нѣмецкую, чешскую и смѣшанную. Такой компромиссъ, однако, въ данную минуту одинаково не удовлетворилъ ни нѣмцевъ, ни чеховъ: первые требовали полнаго возвращенія къ прежнему порядку вещей, послѣдніе видѣли въ распоряженіяхъ Гауча нарушеніе того равноправія языковъ во всемъ чешскомъ королевствѣ, которое было установлено Бадени. Не достигнувъ примиренія, Гаучъ вышелъ въ отставку, и 7 марта 1898 г. на постъ премьера былъ призванъ бывшій намѣстникъ Чехіи, графъ Францъ Тунъ, нѣмецъ по происхожденію, но одинъ изъ магнатовъ Чехіи, поддерживавшій національныя стремленія чешскаго народа. Нѣмецкія партіи немедленно отвѣтили на это назначеніе объявленіемъ парламентской обструкціи и нѣсколькими шумными съѣздами, для которыхъ были мобилизованы даже толпы нѣмецкаго крестьянства. Программная рѣчь новаго премьера (21 марта 1898 г.) вызвала новую бурю пангерманистовъ, которые дошли до того, что выражали надежды на иностранную державу, если они не найдутъ помощи въ Австріи. Подъ этой державой подразумѣвалась, конечно, Германія, которая весьма благосклонно встрѣчала эти знаки преданности со стороны австрійско-нѣмецкихъ патріотовъ. Потомъ въ началѣ апрѣля рейхсратъ былъ распущенъ на пасхальныя каникулы, а 21 апрѣля возобновились такія же страстныя засѣданія. Къ прежнимъ неудовольствіямъ присоединилось новое. Во время безпорядковъ въ Грацѣ, въ ноябрѣ 1897 г., войска стрѣляли въ народъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ господствовало сильное негодованіе противъ одного полка, особенно усилившееся послѣ того, какъ студенты, офицеры запаса, замѣшанные въ безпорядкахъ, были разжалованы полковымъ судомъ въ рядовые. Дѣло приняло такіе размѣры и такой оборотъ, что дошло до рейхсрата. Когда гр. Тунъ хотѣлъ сдѣлать по этому поводу заявленіе, то пангерманистъ Шёнереръ началъ перечислять полученныя имъ заявленія протеста, а послѣ того, какъ предсѣдатель лишилъ его голоса, въ рейхсратѣ поднялся страшный шумъ. Гр. Тунъ не могъ сказать ни слова, и вслѣдъ за тѣмъ парламентъ былъ распущенъ на неопредѣленное время.

Въ Чехіи лѣтомъ 1898 г. происходила закладка памятника Палацкому, которая пріобрѣла характеръ всеславянскаго торжества. Въ Краковѣ столѣтіе со дня рожденія Мицкевича также ознаменовалось торжествами, имѣвшими характеръ славянскаго единенія, особенно между чехами и поляками. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ государственной жизни Австріи, Венгрія выставляла свои требованія въ категорическомъ тонѣ, и вопросъ о «квотѣ», требовавшій разрѣшенія въ 1898 г.,

показалъ, какъ тяжко бремя дуализма для Австріи. Національная проблема доминировала надо всѣмъ и парализовала дѣятельность рейхсрата. Этотъ послѣдній, собравшись въ половинѣ января 1899 г., уже черезъ двѣ недѣли былъ опять отложенъ, такъ какъ грозилъ забастовкой и обструкціей. Однако эта отсрочка нисколько не улучшила положенія вещей, такъ какъ общественное настроеніе, не находя для себя выраженія въ парламентѣ, искало другихъ способовъ проявленія и выливалось въ видѣ множества митинговъ, рѣзкихъ газетныхъ статей и т. под. 19 мая 1899 г. нѣмецкія партіи выработали единую національную программу, которая признавала нѣмецкій языкъ «Vermittlungssprache», т.-е. языкомъ сношеній между собой властей разныхъ земель. Но и во внутреннемъ земскомъ управленіи, кромѣ Галиціи и южнаго Тироля, программа требовала только нѣмецкаго языка. Что же касается употребленія чешскаго языка «въ качествѣ внутренняго служебнаго языка» въ «предстоящихъ чешскихъ округахъ Богеміи», то этотъ вопросъ національная программа считала нужнымъ подвергнуть еще обсужденію. Такимъ образомъ, чешскія требованія были отвергнуты, и среди нѣмцевъ господствовало ликованіе.

«Однако общія желанія вскорѣ опять оказались болѣе слабыми, чѣмъ раздѣляющіе интересы», не безъ язвительности замѣчаетъ Хармацъ объ этомъ единеніи вѣчно борющихся между собою нѣмецкихъ національныхъ партій. Эти интересы, совпадавшіе въ области національной политики, оказывались непримиримыми, когда рѣчь шла о политикѣ соціальной или экономической, или даже въ области общенѣмецкихъ культурныхъ отношеній. Кабинетъ графа Туна разбился о народное негодованіе, вспыхнувшее во всей Австріи, когда онъ вздумалъ въ порядкѣ 14 статьи увеличить косвенное обложеніе. Повсюду начались безпорядки, грозившіе перейти въ настоящую революцію, и Тунъ былъ вынужденъ подать въ отставку, которая была принята 2 окт. 1899 г. Положеніе страны было такъ сложно, и политическія страсти до такой степени разгорѣлись, что не было возможности призвать къ власти кого-нибудь изъ видныхъ политиковъ, и императоръ обратился къ намѣстнику Штиріи, гр. Клари Альдрингену. Было образовано дѣловое министерство, въ которое опять вошелъ Керберъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Новый кабинетъ началъ съ того, что отмѣнилъ языковыя постановленія Гауча, подобно тому, какъ самъ Гаучъ началъ свою дѣятельность съ отмѣны постановленій Бадени. Уже 14 окт. 1899 г. вышли пресловутыя «языковыя распоряженія» Клари, которыя, возстановляя положеніе вещей, существовавшее до Бадени, обѣщали въ ближайшемъ будущемъ установить новыя языковыя отношенія въ законодательномъ порядкѣ. Ни Клари, ни одному изъ его преемниковъ эта задача оказалась не подъ силу. Нечего и говорить о томъ, какой хаосъ эти постоянныя постановленія и отмѣны вносили въ государственную жизнь Австріи. Это отразилось даже на отношеніи населенія къ арміи, которая во время маневровъ не разъ встрѣчалась съ явной враждебностью со стороны чеховъ. Борьба національностей въ Чехіи и Моравіи распространилась и на евреевъ, которые по своей культурѣ и политическимъ убѣжденіямъ примыкали къ нѣмцамъ. Осенью 1899 г. въ Моравіи происходили антиеврейскіе безпорядки, въ которые вмѣшалась полиція. И эта борьба была перенесена въ парламентъ, гдѣ чехи, обвиняемые въ поддержкѣ травли евреевъ и въ отвѣтъ на эти обвиненія рѣзко выступившіе противъ германизаторской роли евреевъ въ Чехіи и Моравіи, объявили обструкцію. Эта послѣдняя была перенесена и въ комиссіи рейхсрата, гдѣ вслѣдствіе этого оказалось невозможнымъ провести даже бюджетъ. Правда, открывалась возможность прибѣгнуть къ спасительному § 14, но предшественники Клари настолько злоупо-

требляли этимъ и вызвали, благодаря этому, въ обществѣ такое отвращеніе къ этому параграфу, что Клари при вступленіи въ должность обѣщалъ не прибѣгать къ нему. Такимъ образомъ, у него не было иного выхода, кромѣ отставки, и 21 дек. 1899 г. недолговѣчный кабинетъ гр. Клари былъ уже дѣломъ прошлаго. На нѣсколько дней премьеромъ сдѣлался одинъ изъ членовъ этого кабинета, Виттекъ, который спасъ бюджетъ съ помощью пресловутой 14 статьи и потомъ также вышелъ въ отставку.

Теперь очередь составить новое министерство дошла до Кербера (18 янв. 1900). Это былъ человѣкъ прогрессивныхъ политическихъ взглядовъ, чуждый феодальныхъ или клерикальныхъ традицій. Среди безчисленныхъ попытокъ императора Франца-Іосифа какъ-нибудь двинуть впередъ застрявшій на мели государственный корабль Австріи это была, казалось, одна изъ удачнѣйшихъ попытокъ. Омолодить австрійскую бюрократію, облегчить положеніе печати, вступить въ добрыя отношенія съ рабочимъ классомъ: таковы были задачи новаго правительства въ области гражданской политики. Но и здѣсь нельзя было создать ничего прочнаго, пока не былъ разрѣшенъ національный вопросъ. Уже предшественники Кербера пытались привести враждующія націи къ соглашенію и на этой почвѣ выстроить сколько-нибудь крѣпкое зданіе государственнаго единства. Керберъ, какъ человѣкъ современныхъ прогрессивныхъ взглядовъ, конечно, не могъ поступить иначе. Политику отдѣльныхъ уступокъ то нѣмцамъ, то чехамъ или другимъ народностямъ онъ оставилъ, чѣмъ еще больше возбудилъ противъ себя нѣмецкихъ націоналистовъ, но не привлекъ къ себѣ и чеховъ. Первая такая проба примиренія была сдѣлана почти тотчасъ же послѣ вступленія Кербера въ должность, но не привела ни къ чему. Тѣмъ не менѣе, въ маѣ того же года министръ-президентъ внесъ въ рейхсратъ нѣсколько законопроектовъ объ употребленіи мѣстныхъ языковъ въ управленіи въ Чехіи и Моравіи. Парламентская обструкція сдѣлала проведеніе этихъ проектовъ невозможнымъ. Новыя попытки соглашенія закончились прежними неудачами. Въ октябрѣ 1902 г. Керберъ выдвинулъ уже нѣкогда разсматривавшійся проектъ о раздѣленіи Чехіи въ языковомъ отношеніи на три района, но лидеры партій не захотѣли даже разсматривать этотъ проектъ. Начались тренія и между министерствомъ и польскимъ «коло». Въ Галиціи отношенія между поляками и русинами обострились такъ же, какъ въ Чехіи отношенія между двумя земскими народностями, и съ этого времени галиційскій вопросъ такъ же не сходилъ съ арены внутренно-австрійской политической борьбы, какъ и чешскій, а въ послѣдніе годы передъ войной 1914 г. и словинскій. Если прибавить, что Керберу пришлось имѣть дѣло еще и съ рѣзкимъ столкновеніемъ между итальянцами и нѣмцами по поводу открытія итальянскаго юридическаго факультета въ Инсбрукѣ, и съ венгерскими событіями, изложенными въ предшествующей главѣ, то безысходность этой всеобщей взаимной національной ненависти станетъ ясна. Политика обструкціи была перенесена изъ имперскаго парламента въ мѣстные сеймы. «Безграничное одичаніе парламентскихъ нравовъ» — такъ охарактеризовала въ апрѣлѣ 1903 г. дѣятельность рейхсрата одна изъ его комиссій. Постоянные временные роспуски парламента, неудачныя попытки снова наладить дѣло, и въ результатѣ полный упадокъ интереса къ рейхсрату въ массахъ населенія: таковы были печальные результаты этой «конституціонной» эры.

«Палата депутатовъ все глубже увязала въ болото обструкціи. Чехи все болѣе уходили въ политику протеста, и такъ проходили годы, а позорная картина парламентской дѣятельности не измѣнялась. Д-ръ фонъ-Керберъ не унывалъ и не прекращалъ своихъ попытокъ нала-

дить ее, но, въ концѣ-концовъ, и его рѣчи перестали дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, и дѣло свелось къ тупому бездѣйствію отчаянія. Обычныя средства перестали дѣйствовать вообще, а прибѣгнуть къ какимъ-нибудь необычайнымъ не хватало духа. Однако, раньше чѣмъ истекъ пятый годъ правительственной дѣятельности министра президента, совершилось паденіе д-ра фонъ-Кербера» (Charmatz. II. 158). Паденіе его совершилось на почвѣ не національной, но экономической политики. Разрушеніе правильной государственной жизни отразилось роковымъ образомъ и на финансовомъ состояніи Австріи. Керберъ предложилъ бюджетной комиссіи рейхсрата свой финансовый планъ, который не терпѣлъ здѣсь настолько внушительный кризисъ, получивъ всего 14 голосовъ противъ 29, что Керберъ долженъ былъ подать въ отставку. Онъ опять прибѣгъ къ уже обычной въ это время мѣрѣ, отсрочкѣ засѣданій парламента, и 30 дек. 1904 г. подалъ императору прошеніе объ отставкѣ. Къ кому было обратиться теперь послѣ прежнихъ пробъ? Такое лицо у императора имѣлось въ запасѣ: это былъ баронъ Гаучъ, вновь призванный къ власти (1 янв. 1905 г.). Составъ его кабинета, заключавшій въ себѣ первоначально нѣкоторыхъ членовъ прежняго министерства, измѣнялся частями нѣсколько разъ во время его 15-мѣсячнаго министерства. При одной изъ такихъ перемѣнъ въ него вошелъ и баронъ Бинертъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Новый кабинетъ былъ встрѣченъ довольно сочувственно обоими элементами, непримиримость которыхъ разрушала въ это время парламентскую жизнь въ Австріи: чехи были довольны низверженіемъ Кербера, нѣмцы же вообще относились съ довѣріемъ къ Гаучу.

Въ концѣ января 1905 г. возобновилась дѣятельность рейхсрата, которая сначала пошла довольно гладко. При этомъ венгерскія событія, грозившія самому существованію дуалистической имперіи, естественно объединяли представителей Австріи. Была образована комиссія со спеціальной задачей изучить отношенія, связующія Транслейтанію съ Цислейтаніей. Хотя практически изъ дѣятельности этой комиссіи ничего не вышло, но все же она явилась объединительницей общеавстрійскихъ настроеній и выразительницей того «австрійскаго патріотизма», который обнаружилъ свое существованіе и значеніе въ послѣдующее министерство Бинерта. Весенняя сессія рейхсрата въ 1905 году ознаменовалась чрезвычайно энергичной законодательной дѣятельностью. Къ Пасхѣ прошелъ даже въ первомъ чтеніи бюджетъ. Въ чешскомъ сеймѣ также намѣчалась эра успокоенія: вслѣдствіе убѣжденій бар. Гауча нѣмцы отказались отъ сеймовой обструкціи. Съ осени во всей Австріи началось сильное рабочее движеніе, написавшее на своемъ знамени всеобщее, равное и прямое избирательное право. Когда 28 сент. возобновилась дѣятельность рейхсрата, то Гаучъ, встрѣченный соціалъ-демократами враждебно, коснулся въ своей программной рѣчи и расширенія избирательныхъ правъ народа съ цѣлью привлеченія къ выраженію народнаго мнѣнія новыхъ массъ. Однако, по его мнѣнію, введенію всеобщаго избирательнаго права въ Австріи должно предшествовать урегулированіе національныхъ отношеній. Начались пренія, въ теченіе которыхъ былъ поданъ рядъ спѣшныхъ законопроектовъ съ требованіями всеобщаго голосованія; въ пользу демократической реформы избирательнаго права высказывалось 155 депутатовъ противъ 114. Но вопросъ былъ разрѣшенъ не этимъ путемъ. Событія, происходившія въ Россіи, и манифестъ 17 октября ускорили развязку кризиса въ Австріи. 18 окт. ст. ст. (31 окт. нов. ст.) на улицахъ Вѣны произошли рабочія демонстраціи. То же повторилось дважды въ теченіе одной недѣли, и вотъ бар. Гаучъ высказался въ пользу избирательной реформы, которой требовалъ народъ; имп. Францъ-

Іосифъ также рѣшительно всталъ на сторону послѣдняго, обнаруживъ прежде не оставлявшую его въ критическіе моменты рѣшимость и настойчивость. Въ концѣ ноября Гаучъ подтвердилъ въ парламентѣ, что законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ уже разрабатывается, а въ февралѣ 1906 года онъ предложилъ на обсужденія рейхсрата и самый законопроектъ.

Этотъ послѣдній, опредѣляя число депутатовъ въ 455 человѣкъ (въ прежнемъ было 425), отводилъ нѣмцамъ столько же мѣстъ, сколько и прежде, т.-е. 205. Пангерманизмъ потерпѣлъ сильный уронъ, не были совершенно удовлетворены и другія нѣмецкія и ненѣмецкія партіи, но правительство твердо отстаивало необходимость компромисса между національностями и партіями. Число ораторовъ, записавшихся въ рейхсратѣ по этому вопросу, превышало 200. Изъ лицъ, говорившихъ противъ законопроекта и угрожавшихъ при его осуществленіи опасностями династіи и монархіи, слѣдуетъ отмѣтить графа Штюрка, который впослѣдствіи занялъ постъ министра-президента въ Австріи. Вопросъ былъ переданъ въ комиссію, гдѣ онъ обострился прежде всего опять на почвѣ національныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что избирательная реформа рѣзко измѣняла представительныя отношенія въ отдѣльныхъ земляхъ имперіи: такъ, крупное польское землевладѣніе въ Галиціи должно было примириться съ созданіемъ новыхъ мандатовъ отъ русскаго населенія этой области, что грозило ему утратой его политическаго преобладанія въ Галиціи. Не будучи въ состояніи преодолѣть сопротивленіе польскаго кола, бар. Гаучъ въ апрѣлѣ 1906 года вышелъ въ отставку. Съ его именемъ связанъ не только законопроектъ избирательной реформы, но и уцѣлѣвшій до войны 1914 г. компромиссъ въ Моравіи между чехами и нѣмцами [1]). Надъ подготовкой къ этой реформѣ моравскіе чехи работали уже много лѣтъ и въ 1898 г. добились того, что и крупное землевладѣніе стало на ихъ сторону и убѣдило нѣмцевъ въ необходимости соглашенія съ чехами. Въ 1898 г. была избрана комиссія, которая провозгласила своимъ девизомъ полную лояльность съ обѣихъ сторонъ. Въ 1905 г. дѣло не обошлось безъ столкновеній толпы, и уличные безпорядки настолько обезпокоили членовъ комиссіи, что было рѣшено приступить къ окончательному договору.

Согласно сообщенію одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой комиссіи, д-ра Перка, «было признано, что въ сеймѣ и его правительственной комиссіи слѣдуетъ допустить образованіе чешскаго большинства, что необходимо провести равноправіе обоихъ мѣстныхъ языковъ въ автономныхъ учрежденіяхъ, дополнить школьное законодательство у обоихъ народовъ, охранивъ отъ германизаціи чешскихъ дѣтей, съ одной стороны, а съ другой—гарантировавъ нѣмецкому меньшинству возможность спокойнаго существованія». На этихъ принципіальныхъ основаніяхъ и было проведено моравское соглашеніе, которое, правда, не разъ нарушалось впослѣдствіи нѣмецкими элементами сейма, но все же дало возможность моравскому сейму существовать въ то время, когда въ другихъ австрійскихъ земляхъ господствовала анархія, а между тѣмъ въ силу этого компромисса число чеховъ въ Моравскомъ сеймѣ достигало 75 человѣкъ, а число нѣмцевъ 46.

Гаучъ вышелъ въ отставку съ той же спокойной увѣренностью въ себѣ и непоколебимой корректностью, съ какими онъ вступилъ на свой отвѣтственный постъ. 3 мая 1906 г. министромъ президентомъ былъ назначенъ принцъ Конрадъ Гогенлоэ, считавшійся большимъ радикаломъ и демократомъ. И въ Чехіи, и въ Буковинѣ, гдѣ онъ служилъ

1) См. статью объ этомъ «пактѣ» въ журналѣ «Świat słowiański». Янв. 1912.

раньше, онъ снискалъ величайшую популярность. Такому человѣку было легче, чѣмъ кому-либо другому, провести демократическую реформу избирательнаго права. 15 мая собрался парламентъ, которому Гогенлоэ изложилъ свою программу, посвященную преимущественно избирательной реформѣ. Въ эту послѣднюю онъ вносилъ нѣкоторое измѣненіе по сравненію съ предположеніями Гауча: именно, онъ опредѣлялъ число нѣмецкихъ мандатовъ въ 223 на общее число 495 депутатовъ, такъ что противъ 246 не славянъ (нѣмцевъ, итальянцевъ и румынъ) стояло славянское большинство въ 249 человѣкъ. Хотя этотъ проектъ не вызвалъ особеннаго сочувствія въ парламентѣ, однако онъ имѣлъ извѣстные шансы пройти, несмотря на сопротивленіе противниковъ, когда совершенно неожиданно принцъ Гогенлоэ вышелъ въ отставку. Борясь со стремленіями венгерскаго правительства къ заключенію самостоятельнаго таможеннаго тарифа, что должно было обозначать полную государственную независимость Венгріи, Гогенлоэ столкнулся съ такой нерѣшительностью короны, что счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ власти и вернуться на прежнюю свою должность намѣстника Тріеста. Въ кругахъ австрійскихъ политиковъ эта неожиданная отставка вызвала сильное волненіе, и рейхсратъ рѣшилъ оказать поддержку политикѣ сохраненія австрійскаго достоинства въ конфликтѣ съ Венгріей. Нѣсколько дней спустя на постъ президента кабинета былъ назначенъ баронъ Бекъ, директоръ департамента въ министерствѣ земледѣлія, считавшійся креатурой престолонаслѣдника эрцгерцога Франца-Фердинанда, который съ этого времени оказывалъ все болѣе видное вліяніе на австрійскую внѣшнюю и внутреннюю политику. Бекъ уже имѣлъ репутацію прекраснаго дипломата, умѣвшаго ладить съ различными политическими партіями, и свой кабинетъ онъ составилъ отчасти изъ представителей парламентскихъ партій. Сюда вошли и нѣмецкій либералъ Мархетъ, и нѣмецкій народный депутатъ Дершатта, и младочехъ Форжтъ и др. Получилась настоящая «концентрація рабочихъ силъ», какъ назвалъ свой кабинетъ бар. Бекъ въ программной рѣчи 7 іюня 1906 г. На первый планъ и теперь выступала избирательная реформа, проведеніе которой встрѣчалось съ чрезвычайными трудностями. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ октября комиссія закончила свои труды, и 1 дек. представила проектъ въ полное собраніе рейхсрата. Черезъ обѣ палаты парламента онъ прошелъ въ теченіе декабря и января и 26 янв. 1907 г. удостоился одобренія и санкціи императора. По новому закону, число депутатовъ было установлено 516; на долю нѣмцевъ приходилось 233 мѣста; ненѣмецкія національности получали 283 депутатскихъ мѣста, такъ что ихъ совмѣстная дѣятельность могла парализовать всѣ усилія германизаціи. Почти всѣ мужчины 24-лѣтняго возраста получали пассивное избирательное право и 30-лѣтняго—активное. На 14 мая 1907 г. была назначены новые выборы въ рейхсратъ, который теперь получилъ значеніе народнаго и демократическаго представительства. Такая перемѣна соотвѣтствовала тѣмъ крупнымъ предпріятіямъ международнаго характера, которыя замышлялъ престолонаслѣдникъ со своими приближенными. Для этой цѣли министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Голуховскій, стоявшій на сторонѣ русско-австрійскаго компромисса, мирнаго устройства балканскихъ дѣлъ и спокойнаго развитія Македонскаго вопроса, оказывался лицомъ не подходящимъ. Вслѣдъ за Бекомъ достигъ власти и другой министръ, креатура эрцгерцога Франца-Фердинанда, бар. Эренталь, бывшій ранѣе австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и хорошо знакомый съ направленіями русской политики.

Правительство Австріи надѣялось внести миръ во внутреннія національныя отношенія съ помощью созданія новаго избирательнаго закона [1]). Ту же цѣль преслѣдовала поѣздка имп. Франца-Іосифа въ Прагу въ апрѣлѣ 1907 г., сопровождавшаяся рескриптомъ на имя намѣстника Чехіи, Кудендхофа. Здѣсь говорилось о томъ, будто бы «пришло время, когда оба народа, укрѣпленные въ своей національной обособленности, могутъ подать другъ другу руки для совмѣстной работы». Императоръ взывалъ къ забвенію всего того, что раздѣляетъ народы, и что мѣшаетъ имъ развить во всей полнотѣ свои силы къ великому ущербу для государства. Слова старца прозвучали безъ отвѣта: чехи не хотѣли и слышать о нѣмецкихъ требованіяхъ раздѣла Чехіи, нѣмцы отказывались вѣрить въ примирительное настроеніе среди чеховъ. Не оправдалась и надежда правительства на народный парламентъ, хотя группировка партій оказалась здѣсь новой. Изъ нѣмецкихъ партій сильное и многочисленное представительство получили соціалъ-демократы и близкіе къ престолонаслѣднику христіанскіе соціалисты. Обѣ эти націи насчитывали приблизительно по 80 членовъ; такимъ же количествомъ голосовъ располагали чехи, нѣсколько меньшимъ числомъ—нѣмецкіе націоналисты и почти столько же было польскихъ депутатовъ, объединившихся въ апрѣлѣ 1908 г. въ «коло». Въ общемъ этотъ первый «народный» парламентъ представлялъ такъ же мало шансовъ для спокойной и плодотворной работы, какъ и его предшественники, сословные и классовые рейхсраты.

Національныя распри еще обострились вслѣдствіе того, что въ іюнѣ 1908 года въ Прагѣ собрался первый славянскій съѣздъ, поставившій своей задачей культурное и экономическое объединеніе славянства. Хотя и въ предшествовавшіе годы по тѣмъ или другимъ поводамъ чехи устраивали съѣзды представителей различныхъ славянскихъ народовъ, «слеты» соколовъ, манифестаціи закладки или открытія національныхъ памятниковъ, въ которыхъ участвовали и иные славяне, однако то, что произошло въ іюнѣ 1908 г., представляло совершенно исключительное явленіе. Правда, уже въ 1848 г. въ Прагѣ собрались для выясненія своихъ политическихъ отношеній къ Австріи выдающіеся славянскіе дѣятели, но и это были представители лишь австро-венгерскихъ славянскихъ народовъ, тогда какъ въ 1908 г. сюда съѣхались, за исключеніемъ нѣсколькихъ поляковъ изъ Познани, сербы, и болгары, и русскіе. Хотя единеніе всѣхъ славянъ предполагалось только на почвѣ культурной взаимности, однако не подлежало сомнѣнію, что за культурной должна послѣдовать и политическая взаимность. Уже усилія устроителей съѣзда, направленныя къ улаженію польско-русскихъ политическихъ отношеній, достаточно краснорѣчиво говорили о настоящей, конечной цѣли «неославизма», какъ было названо это новое славянское движеніе. Правда, дѣйствительность уже въ ближайшіе послѣдующіе годы показала, что для такого единенія еще не было подготовлено почвы, что между сербами и болгарами, русскими и поляками осталось и послѣ съѣзда много непорѣшенныхъ вопросовъ, что политика Австріи на Балканскомъ полуостровѣ находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизненными интересами южнаго славянства, однако все это обнаружилось не сразу. Было естественно, что нѣмецкіе круги Австріи увидѣли въ «неославизмѣ» старинную угрозу панславизма, и это не могло не отразиться на парламентской жизни всего государства. Сеймъ въ Чехіи опять палъ жертвою со стороны нѣмецкихъ обструкціонистовъ, которые

1) Для послѣдующаго см. A. Viallate. La vie politique dans les deux Mondes, изданіе, выходящее ежегодно съ 1908 г. Schieman. Deutschland und die grosse Politik im Jahre... (ежегодно). K. Ehrenberg. Czasy teraźniejsze. Shkic historyi wydarzeń politycznychwostatniem ćwierćwieczu aż do dni dzisiejsze. Warszawa. 1913.

не желали допустить обсужденіе избирательной реформы для выборовъ въ сеймъ. Еще въ мартѣ 1908 г. произошло небольшое событіе, которое, однако, въ условіяхъ національной борьбы произвело чрезвычайное возбужденіе въ чешскомъ общественномъ мнѣніи. Именно, на запросъ чешскаго уѣзднаго суда (Bezirksgericht) окружной нѣмецкій судъ (Kreisgericht) отвѣтилъ по-нѣмецки. Чехи, которыхъ младочешскій лидеръ Крамаржъ сумѣлъ объединить въ отдѣльную парламентскую группу, внесли запросъ министру юстиціи и грозили отказать кабинету въ своей поддержкѣ. Бар. Беку удалось избѣгнуть кризиса съ помощью обѣщанія внести въ ближайшемъ будущемъ законопроектъ объ употребленіи мѣстныхъ языковъ въ Чехіи. И въ Галиціи весна 1908 г. прошла неспокойно: національная распря между поляками и украинцами, уже давно принявшая характеръ крайняго взаимнаго раздраженія, привела къ убійству намѣстника Галиціи, гр. Андрея Потоцкаго, украинскимъ студентомъ М. Сичинскимъ, который въ глазахъ радикальныхъ украинскихъ партій явился національнымъ героемъ и борцомъ за свободу. Съ осени начались безпорядки и въ Крайнѣ и Штиріи. Въ этой послѣдней странѣ словинцы стали подвергаться нападкамъ со стороны нѣмцевъ, на что словинцы отвѣчали въ Любляпѣ, гдѣ они составляютъ огромное большинство населенія, битьемъ стеколъ и срываніемъ вывѣсокъ въ нѣмецкихъ магазинахъ. Противъ высланнаго войска были пущены въ ходъ камни; войско стрѣляло въ толпу; оказались убитые и раненые; это еще болѣе возбудило массы, такъ что осенью 1908 г. въ Крайнѣ господствовало крайне враждебное къ нѣмцамъ настроеніе. Въ Прагѣ сеймъ пришлось 16 окт. 1908 г. отсрочить, такъ какъ здѣсь не прекращалась обструкція нѣмцевъ. Такимъ образомъ, внутреннее положеніе Австріи было очень тяжело.

Между тѣмъ иностранная политика двойной монархіи принимала опредѣленно агрессивный характеръ. Еще въ январѣ 1908 г. бар. Эренталь объявилъ о намѣреніи Австріи соединить австрійскую желѣзнодорожную сѣть въ Босніи съ турецкой линіей, ведущей къ Солуни. Такое соединеніе, проходившее черезъ Новобазарскій санджакъ, грозило новой бѣдой Сербіи и усиліемъ австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ въ ущербъ свободѣ національнаго и экономическаго развитія балканскаго славянства. Когда же въ іюлѣ 1908 г. въ Турціи была провозглашена конституція, то подъ предлогомъ необходимости даровать конституціонный строй и оккупированнымъ въ 1878 г. провинціямъ, Босніи и Герцеговинѣ, имп. Францъ-Іосифъ объявилъ аннексію этихъ провинцій (23 сент.—6 окт. 1908 г.). 25 сент. бар. Эренталь давалъ делегаціямъ объясненіе этого шага, который послѣ продолжительныхъ преній былъ одобренъ и славянскими депутатами Австріи, что вызвало полный расколъ въ рядахъ неославистовъ. Провозглашеніе аннексіи имѣло еще одно внутренно-австрійское послѣдствіе. Для поддержанія ея требовалось, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое единеніе національностей Цислейтаніи, между тѣмъ какъ кабинетъ Бека не сумѣлъ достичь ничего, кромѣ крайняго всеобщаго озлобленія народностей. Поэтому сначала изъ него вышли чешскіе министры, Фидлеръ и Прашекъ, а 7 ноября подалъ въ отставку и весь кабинетъ, съ бар. Бекомъ во главѣ. Теперь императоръ призвалъ къ власти одного изъ членовъ прежняго министерства, бар. Бинерта, которому не удалось вслѣдствіе оппозиціи младо-чеховъ составить кабинетъ изъ парламентскихъ дѣятелей. Новое министерство состояло изъ чиновниковъ, по большей части бывшихъ директоровъ департаментовъ, которымъ теперь было поручено вести дѣла цѣлыхъ министерствъ.

Въ Прагѣ аннексія вызвала сильное негодованіе среди нѣкоторыхъ партій. Возможность войны Австріи съ Сербіей и Россіей возбудила въ

чешскомъ народѣ новый взрывъ возмущенія противъ нѣмецкаго режима. Аннексія представлялась новымъ этапомъ на пути Германіи на Востокъ, Drang nach Osten; Австрія играла только роль пассивнаго орудія въ рукахъ нѣмецкой дипломатіи, а славянамъ выпадала, стало-быть, печальная роль служить пособниками пангерманизму въ осуществленіи его замысловъ. Въ концѣ ноября 1908 г. безпорядки въ Прагѣ приняли такіе размѣры, что правительство сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ объявленію военнаго положенія (со 2 по 15 дек.). Въ рейхсратѣ часть чешскихъ депутатовъ устраивала обструкцію, но большинство было на сторонѣ серьезной парламентской работы и провело нѣсколько законовъ; между прочимъ, былъ признанъ предварительный торговый договоръ съ Сербіей. Въ тогдашнихъ напряженныхъ обстоятельствахъ и это имѣло большое значеніе. Съ цѣлью умиротворить чеховъ и нѣмцевъ и составить парламентарный кабинетъ бар. Бинертъ организовалъ совѣщанія чешскихъ и нѣмецкихъ политиковъ, которые должны были выработать законъ объ употребленіи мѣстныхъ языковъ въ Чехіи и объ ея административномъ раздѣленіи. Противодѣйствіе нѣмцевъ, требовавшихъ гарантій относительно употребленія нѣмецкаго языка въ дѣлѣ почтоваго управленія, разбило и эту попытку компромисса. Тогда правительство, по примѣру многихъ предшествовавшихъ министровъ, рѣшило своей властью издать соотвѣтствующее распоряженіе, и 23 янв. 1909 г. вышло постановленіе о языкахъ на почтовой службѣ, исходившее изъ того принципа, который чехи выставили въ 1907 г., но теперь не удовлетворившее ни этихъ послѣднихъ, ни, тѣмъ болѣе, нѣмцевъ. Это немедленно отразилось на жизни парламента, который собрался 20 янв., и которому предстояло разрѣшить рядъ важнѣйшихъ дѣлъ о контингентѣ новобранцевъ, бюджетѣ, аннексіи Босніи и Герцеговины и т. д. Не работали даже комиссіи, и положеніе вещей становилось опять плачевно. И вся эта неурядица происходила въ такую пору, когда государству было необходимо показать свою мощь на страхъ сосѣдямъ, возмущеннымъ австрійской политикой захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Бар. Бинертъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, не прибѣгая къ національнымъ конференціямъ, и 3 февр. 1909 г. внесъ на обсужденіе рейхсрата законопроектъ объ употребленіи языковъ въ Чехіи. Просьба его, обращенная къ парламенту, отнестись дѣловымъ образомъ къ законопроекту не была исполнена, и на скамьяхъ чешскихъ демократовъ началась «музыкальная» обструкція. Младочехи, не производя обструкціи, выступили, однако, также принципіальными противниками законопроекта, уже въ силу того, что, по ихъ мнѣнію, этотъ послѣдній подлежалъ компетенціи не рейхсрата, но земскаго сейма. Вслѣдствіе неосторожности министра торговли Матая, сказавшаго, что на нѣкоторыхъ почтахъ допускается (zulässig) чешскій языкъ, вмѣсто того, чтобы сказать объ его законности (berechtigt), въ парламентѣ начались новые скандалы, и 5 февр. Бинертъ призналъ необходимымъ отсрочить сессію его. Тѣмъ временемъ онъ составилъ новый кабинетъ, въ который вошелъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія послѣдній передъ войной 1914 года президентъ кабинета, гр. Штюркъ. Главными задачами правительства Бинертъ объявилъ соціальныя реформы и національное примиреніе. 10 марта возобновилась сессія рейхсрата, въ которомъ теперь господствовало сознаніе важности минуты, такъ какъ напряженныя отношенія съ Россіей достигли высшей точки развитія. Въ виду возможности военныхъ осложненій было необходимо провести законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ, и эта задача удалась Бинерту; съ національными же реформами дѣло затянулось. Въ февралѣ 1909 г. въ австрійскомъ парламентѣ впервые образовалась крупная національ-

ная славянская группа, охватывавшая представителей разныхъ славянскихъ народовъ. Это была «Славянская унія» (Slovanská jednota), во главѣ которой стали чехъ Крамаржъ и словинецъ Шустершицъ, и которая охватила 125 депутатовъ. Внѣ ея остались поляки, организованные въ собственное «коло» и не примыкавшіе къ оппозиціи, и украинцы, относившіеся вообще враждебно къ попыткамъ славянскаго единенія и не видѣвшіе въ немъ (въ виду отношенія русскихъ «неославистовъ» къ малорусскимъ національнымъ требованіямъ) поддержки для своихъ запросовъ. Славянской уніи удалось двинуть впередъ парламентскую работу и, несмотря на свое оппозиціонное настроеніе, вылившееся въ осужденіи политики бар. Биперта, унія приняла рядъ законопроектовъ. Однако въ ея лонѣ произошелъ расколъ, когда въ рейхсратѣ стали обсуждаться торговые договоры съ Румыніей и балканскими государствами: чешскіе аграріи стояли на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ, напр., младочехи. Не будучи въ состояніи справиться съ оппозиціей, правительство закрыло 11 іюля сессію рейхсрата.

Каникулярнымъ временемъ хотѣли воспользоваться для улаженія чешско-нѣмецкихъ отношеній, такъ какъ чехи грозили обструкціей въ рейхсратѣ, если нѣмцы не дадутъ имъ работать въ сеймѣ. Но время для соглашенія было самое неподходящее: національная борьба между чехами и нѣмцами была перенесена уже въ исконныя, нѣмецкія земли Австріи, гдѣ колонисты-чехи, достигши значительнаго числа, открыли чешскія школы. Взаимныя угрозы, опасенія, ненависть—такова была атмосфера, господствовавшая въ политической жизни Австріи лѣтомъ 1909 года. Чешскій сеймъ оказался неспособнымъ работать, 9 окт. былъ снова отсроченъ, а 20 окт. была открыта новая сессія рейхсрата. Всего черезъ 10 дней чешскіе министры, входившіе въ кабинетъ Биперта, Брафъ и Зачекъ, вышли въ отставку, протестуя противъ «языковыхъ» законовъ, принятыхъ ландтагами Верхней и Нижней Австріи, Зальцбурга и Форарльберга: эти законы гарантировали сохраненіе нѣмецкаго языка въ административной жизни этихъ округовъ и ихъ школьномъ обиходѣ, даже въ случаѣ значительной славянской колонизаціи, грозившей измѣнить національныя соотношенія въ населеніи тѣхъ или другихъ округовъ. Въ «Славянской уніи» эти законы возбудили живѣйшее негодованіе; чехи были возмущены не только противъ премьера, но и противъ отдѣльныхъ министровъ его кабинета, которые поддерживали нѣмцевъ въ ущербъ чехамъ. Положеніе парламента опять становилось безвыходнымъ, такъ какъ чехи, соглашаясь принять временный бюджетъ, требовали послѣ этого немедленной отставки двухъ ненавистныхъ имъ министровъ. Нѣмцы не соглашались ни на одного славянскаго министра и т. д. Тогда чешскіе аграріи возобновили обструкцію и внесли 37 спѣшныхъ законопроектовъ. По предложенію партій, враждебныхъ обструкціи, началось непрерывное засѣданіе, которое продолжалось 86 часовъ, при чемъ эти партіи выставляли достаточное число членовъ для поддержанія кворума (15—18 дек. 1909 г.). Тогда изъ лона самой «Славянской уніи» вышло предложеніе (Крамаржа) измѣнить наказъ парламента въ такомъ духѣ, чтобы предоставить его президенту власть прекращать всякую забастовку съ помощью цѣлаго ряда мѣръ. Это предложеніе чрезвычайно быстро прошло черезъ обѣ палаты и уже 20 дек. было санкціонировано императоромъ. Въ отвѣтъ на эту поддержку, оказанную правительству чехами, Бипертъ обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы сдвинуть чешскій сеймъ съ мертвой точки. Дѣйствительно, на 3 февр. 1910 г. была назначена сессія сейма. Однако добрыя пожеланія правительства оказались и на этотъ разъ неосуществимыми; нѣмцы продолжали обструкцію, и уже 8 февр. сеймъ опять былъ отложенъ.

Исполнительный органъ сейма, завѣдующій хозяйствомъ страны, увидѣлъ себя въ весьма тяжеломъ положеніи въ виду отсутствія вотированнаго сеймомъ бюджета. Ему пришлось прибѣгнуть къ различнымъ сокращеніямъ, чувствительнымъ для населенія, уменьшить поддержку, которою пользовались отдѣльныя учрежденія, школы и т. д. Матеріальное положеніе страны становилось уже весной 1910 г. критическимъ; оно стало безвыходнымъ лѣтомъ 1913 года, такъ какъ политическое положеніе не улучшилось. Въ другихъ земляхъ имперіи въ эту пору, въ началѣ 1910 г., такого кризиса еще не было. Вѣрнѣе, въ Галиціи онъ уже назрѣвалъ, уже приводилъ къ рѣзкимъ проявленіямъ взаимной національной ненависти, но политическая жизнь страны еще не останавливалась. Надо отдать справедливость центральному правительству, что оно употребляло немало усилій на смягченіе этихъ конфликтовъ. Такъ, когда 24 февр. 1910 г. возобновилась сессія парламента, бар. Бинертъ уволилъ въ отставку министра національно-нѣмецкаго, др. Шрейнера, который своей нетерпимостью по отношенію къ чехамъ, главнымъ образомъ и, препятствовалъ чешско-нѣмецкому соглашенію въ Прагѣ.

Столкновеніе съ поляками произошло на почвѣ законопроекта о каналахъ. Въ 1901 г. кабинетъ Кербера, желая создать общую политическую работу для враждующихъ партій и націй, предложилъ грандіозный проектъ соединенія рѣчныхъ путей Австріи съ помощью сѣти каналовъ. Особенно заинтересована въ осуществленіи этого проекта была бѣдная Галиція, надѣявшаяся, благодаря этимъ каналамъ, поднять свою промышленность и торговлю. Но предварительный, составленный въ 1901 году подсчетъ расходовъ, связанныхъ съ этимъ грандіознымъ предпріятіемъ, оказывался неправильнымъ: вмѣсто предположенныхъ 750 милл. кронъ (въ три срока) сооруженіе каналовъ должно было обойтись въ 1200 милл., а для покрытія этой огромной суммы требовалось изыскать особые источники средствъ. Между тѣмъ матеріальное положеніе Австріи было далеко не блестяще; требовался заемъ почти въ 200 милл. кронъ на погашеніе мобилизаціонныхъ расходовъ, связанныхъ съ аннексіей. Въ виду этого палата господъ отвергла совсѣмъ законопроектъ, а партіи въ нижней палатѣ рейхсрата отнеслись къ нему равнодушно. Однако поляки не могли такъ легко примириться съ проваломъ важнѣйшаго для нихъ законопроекта и грозили перейти въ оппозицію. Кромѣ поляковъ, выступили противъ кабинета Бинерта итальянцы, настаивавшіе на открытіи итальянскаго юридическаго факультета, который послѣ безпорядковъ въ Инсбрукѣ въ 1904 г. былъ закрытъ. Бинертъ предлагалъ перенести этотъ факультетъ въ южно-тирольскій городокъ Роверето, но итальянцы не соглашались и требовали перенесенія его въ Тріестъ. Но въ этомъ послѣднемъ городѣ шла упорная борьба между словинцами и итальянцами. Кромѣ того, экономическое и политическое значеніе этой гавани на Адріатическомъ морѣ настолько велико, что Австрія не могла допустить итальянизаціи Тріеста. Итальянцы обѣщали настоять на открытіи словинскаго университета въ Люблянѣ, если словинцы поддержатъ ихъ требованіе относительно Тріеста. Подобное соглашеніе прежде враждовавшихъ народностей, конечно, было чрезвычайно нежелательно правительству, такъ какъ направлялось противъ нѣмецкаго господства въ Австріи. Бинерту пришлось воспользоваться испытаннымъ средствомъ, и, когда рейхсратъ вотировалъ бюджетъ, его сессія была отложена (5 іюля), хотя неразрѣшенныхъ вопросовъ оставалось еще много.

«Результатъ сессіи не былъ блестящъ,—справедливо замѣчаетъ Бомонъ («La vie politique dans les deux mondes». IV. 167):—кассы государства

были пусты; автономная жизнь австрійскихъ земель парализована финансовымъ крахомъ, чешскій сеймъ прерванъ,—вотъ что оставила за собой палата депутатовъ. А къ этой, и безъ того печальной картинѣ надо прибавить еще острый кризисъ въ польско-русинскихъ отношеніяхъ, вызванный новыми безпорядками въ Львовскомъ университетѣ (1 іюля 1910 г.). Въ началѣ сентября бар. Бинертъ возобновилъ переговоры, чтобы достигнуть соглашенія между чехами и нѣмцами и сдѣлать возможной осеннюю сессію чешскаго сейма. Совѣщанія происходили въ Прагѣ и дали довольно удовлетворительные результаты. Въ виду плачевнаго состоянія финансовъ представители обѣихъ національностей, включая сюда и чешскихъ радикаловъ, обнаружили нѣкоторую умѣренность и установили даже извѣстную очередь дѣлъ. Первое засѣданіе чешскаго сейма происходило 30 сентября, но, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, опять всплыли несогласія и, какъ и въ прошломъ году, сеймъ пришлось отложить. Соглашеніе чеховъ и нѣмцевъ еще дѣло будущаго, но, пока оно не будетъ заключено. всякая нормальная политическая жизнь въ Австріи будетъ невозможна». Справедливость этого замѣчанія, высказаннаго въ 1911 году, сохранила все свое значеніе до самаго послѣдняго времени.

Въ связи съ крахомъ неославизма младочешскому лидеру, Карлу Крамаржу, пришлось отказаться отъ своей руководящей роли въ чешскомъ политическомъ клубѣ въ рейхсратѣ, и 25 ноября 1910 г. его мѣсто занялъ д-ръ Фидлеръ, одинъ изъ выдающихся чешскихъ политиковъ и бывшій министръ. Эта перемѣна, сама по себѣ не приведшая къ измѣненію чешскаго политическаго курса, во всякомъ случаѣ, представляла симптомъ въ славянскихъ настроеніяхъ чеховъ. Казалось, что съ этой перемѣной станетъ возможно чешско-нѣмецкое соглашеніе. Дѣло въ томъ, что въ нѣмецкихъ кругахъ Австріи неудачу первой попытки соглашенія чеховъ съ нѣмцами объясняли тѣмъ, будто бы Крамаржъ получаетъ директивы изъ политическихъ круговъ Россіи, близкихъ къ партіямъ націоналистовъ и октябристовъ, и ссылались на настойчивыя указанія «Новаго Времени», что чехи не должны терять упорство въ преслѣдованіи своихъ національныхъ цѣлей. Фидлеру, совершенно свободному отъ русскихъ вліяній, трудная задача примиренія, казалось, можетъ удасться лучше. Однако въ концѣ 1910 г. (11 дек.) Австрія едва опять не стала передъ министерскимъ кризисомъ: польское коло, возмущенное поворотомъ дѣла о постройкѣ каналовъ въ Галиціи, направило свои удары на министра финансовъ Бѣлинскаго. Бинертъ подалъ въ отставку, но все свелось къ нѣкоторой реконструкціи кабинета, которая произошла въ январѣ 1911 г. Въ эту же пору въ Австріи стало наблюдаться теченіе въ пользу возстановленія пріязненныхъ отношеній съ Россіей, сильно подорванныхъ аннексіоннымъ кризисомъ. Отставка русскаго министра иностр. дѣлъ Извольскаго должна была вызвать, какъ естественное соотвѣтствіе, отставку австрійскаго министра Эренталя, который 28 февраля 1911 г. получилъ продолжительный отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Нѣмецкое національное чувство было возмущено тѣмъ, будто бы австрійское правительство покровительствуетъ анти-нѣмецкимъ выходкамъ въ чешскомъ сеймѣ [1]), что, конечно, не соотвѣтствуетъ истинѣ, но характерно для настроеній, господствовавшихъ въ Австріи. При такихъ условіяхъ политическая жизнь остановилась. 30 марта первый «народный» парламентъ былъ распущенъ. Такимъ образомъ, и Бинертова попытка

[1]) См. Th. Schiemann. Deutschland und die grosse Politik anno 1911. Berlin. 1912. Стр. 142.

разрѣшить языковой вопросъ въ Чехіи оказалась неосуществимой. Эта попытка сводилась къ раздѣленію Чехіи на три пояса: чешскій, нѣмецкій и смѣшанный (3 февр. 1909 г.), при чемъ чехи ставили въ вину законопроекту неравномѣрность въ распредѣленіи чешскихъ и нѣмецкихъ округовъ: первыхъ оказывалось 138, вторыхъ—95, хотя чехи составляли $^3/_4$ въ населеніи королевства. Помимо этого, законопроектъ бар. Бинерта касался только Чехіи, но ничего не говорилъ о Моравіи и Силезіи, гдѣ чехи также вели упорную борьбу за свои національныя права. На этомъ столкновеніи національныхъ интересовъ потерпѣлъ крушеніе и рейхсратъ, такъ какъ чехи устроили новую форму обструкціи, заливая парламентъ множествомъ рѣчей по всякому вопросу, такъ что правительству угрожала опасность остаться безъ бюджета, безъ необходимаго займа, безъ войска. Бинертъ распустилъ парламентъ и провелъ неотложные законы въ порядкѣ 14-ой статьи. На іюнь 1911 года были назначены выборы, которые начались 13 іюня. Они привели къ полному провалу правительственной партіи христіанскихъ соціалистовъ, которая давала тонъ въ прежнемъ парламентѣ. Общее недовольство политической жизнью, распространенное въ широкихъ массахъ населенія, вылилось во вражду, главнымъ образомъ, противъ вліятельной партіи, близкой къ престолонаслѣднику. «Пора покончить съ политическимъ мошенничествомъ, какого еще не бывало въ исторіи! Пора вырваться изъ болота!» такъ говорила австрійская печать, и Вѣна оказалась представлена соціалъ-демократами и свободомыслящими. Изъ чеховъ побѣду на выборахъ одержали аграріи, возросшіе въ числѣ съ 28 до 34; младочехи остались почти въ прежнемъ положеніи (19 вмѣсто 18), изъ старочеховъ остался только одинъ, клерикалы (7 вмѣсто 17) потеряли большую часть голосовъ, какъ и родственные имъ нѣмецкіе христіанскіе соціалисты.

Такимъ образомъ правительство получило явное доказательство несочувствія и недовѣрія со стороны обширнѣйшихъ массъ австрійскихъ избирателей. Одинъ изъ министровъ, Вейскирхнеръ, не прошелъ даже на выборахъ въ рейхсратъ. Кабинетъ Бинерта при этихъ условіяхъ не могъ оставаться у власти, и 28 іюня 1911 г. онъ былъ замѣненъ довѣреннымъ человѣкомъ императора, бар. Гаучомъ, который уже въ третій разъ удостоился избранія на этотъ отвѣтственный постъ со стороны престарѣлаго Франца-Іосифа. На этотъ разъ, однако, нельзя было утверждать (какъ это дѣлаетъ Шиманъ), что кризисъ произошелъ только на почвѣ національныхъ отношеній. Онъ осложнился еще вопросами конституціонной жизни, соціальной политики и т. д. Во всѣхъ этихъ областяхъ Австрія дошла до тупика. Попытка чешско-нѣмецкаго соглашенія, предпринятая и Гаучемъ, оказалась опять-таки безуспѣшной, и, продержавшись всего четыре мѣсяца, кабинетъ Гауча вышелъ въ отставку (31 окт. 1911 г). Между тѣмъ надвигались событія огромнаго международнаго значенія, задѣвавшія непосредственно интересы Австро-Венгріи. 29 сент. 1911 г. началась война между Италіей и Турціей [1]). Въ то же самое время усилились волненія на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, и Австрія имѣла основаніе опасаться, что такъ или иначе ей придется вмѣшаться въ событія. Положеніе внѣшнее оказывалось настолько серьезнымъ, что внутри страны нужно было имѣть твердое правительство. Такимъ лицомъ, которому должна была достаться неисполнимая задача примиренія австрійскихъ національностей, явился графъ Штюргкъ. Энергія правительства, императора и обоихъ министровъ-президентовъ,

1) Объ этой войнѣ и ея международномъ значеніи см. «Jahrbuch des Völkerrechts». I. Band. 1913.

сосредоточилась теперь на улаженіи венгерскихъ отношеній и на проведеніи военныхъ законовъ, имѣвшихъ особенное значеніе въ это бурное время. Только въ іюнѣ 1912 г. прошелъ всѣ инстанціи законъ о двухлѣтнемъ срокѣ службы и сохраненіи за нѣмецкимъ языкомъ правъ командного языка во всей австро-венгерской арміи. Императоръ принималъ дѣятельное участіе въ судьбахъ этихъ законовъ, бесѣдовалъ съ лидерами парламентскихъ партій, поощрялъ добрымъ словомъ однихъ, мягко упрекалъ другихъ. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ національнаго антагонизма. Стоило похвалить украинцевъ, чтобы обидѣлись поляки,—обидѣлись до такой степени, что ихъ министръ Длугошъ считалъ себя вынужденнымъ выйти въ отставку. Императору пришлось успокаивать польское общественное мнѣніе, обратившись къ польскому колу съ такими же милостивыми словами. Если этого ничтожнаго предлога было достаточно для того, чтобы вызвать чуть не министерскій кризисъ, было видно, какого напряженія достигало національное соперничество въ Австріи и въ это тревожное время. Осенью того же года вспыхнула давно ожидавшаяся война на Балканахъ. Посредничество австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Берхтольда, оказалось безуспѣшнымъ и обнаружило какъ въ самомъ началѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ теченіи войны упадокъ политическаго престижа Австро-Венгріи на Балканахъ, гдѣ монархіи приходилось все время угрожать и угрожать сербамъ. Внутренній упадокъ авторитета австрійской власти сопровождался и внѣшнимъ; и то, что при другихъ условіяхъ Австрія смогла бы осуществить съ помощью дружественныхъ указаній, теперь ей давалось только послѣ запугиваній и многомилліонныхъ затратъ на мобилизацію. Парламентъ функціонировалъ плохо, съ перерывами, среди ожесточенной національной борьбы. Чешскій сеймъ не могъ быть созванъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, въ Галиціи господствовала такая же неурядица. Наконецъ австрійское правительство прибѣгло къ крайней мѣрѣ, которой уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ воспользовалось венгерское для «обузданія» хорватскаго сепаратизма: именно, прекращеніемъ функцій чешскаго сейма и назначеніемъ правительственнаго комиссара.

26 іюля 1913 г. имп. Францъ-Іосифъ обратился къ министру-президенту, гр. Штюргку, съ рескриптомъ, въ которомъ сообщалъ объ утвержденіи въ Чехіи вмѣсто сеймовыхъ властей королевскаго комиссаріата. Въ самомъ «патентѣ» указывалось, что сеймъ чешскаго королевства въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не исполняетъ своихъ законныхъ обязанностей, а теперь и земская комиссія его лишена матеріальныхъ средствъ и не можетъ законнымъ способомъ осуществлять свои обязанности. «Въ виду этого,—говорилось далѣе,—для выполненія дѣлъ, которыя по существующимъ законамъ надлежитъ вѣдать земской комиссіи чешскаго королевства, мы учреждаемъ земскую исполнительную комиссію, члены которой будутъ нами назначены. Правомочія этой комиссіи будутъ сохраняться до тѣхъ поръ, пока начнетъ свою дѣятельность новоизбранная земскимъ сеймомъ земская комиссія». Срокъ новыхъ выборовъ въ сеймъ не былъ опредѣленъ точно; «патентъ» ограничился указаніемъ, что выборы должны быть произведены въ надлежащее время, подъ которымъ, очевидно, подразумѣвалось достигнутое соглашеніе между нѣмцами и чехами. Гр. Шенборнъ, вице-предсѣдатель имперскаго суда и совѣтникъ верховнаго земскаго суда, былъ назначенъ предсѣдателемъ названной выше земской исполнительной комиссіи, членами ея—чиновники. Одновременно повышались нѣкоторые земскіе налоги и вводился спеціальный налогъ на пиво (4 кроны за гектолитръ) для избѣжанія финансоваго кризиса. Повидимому, назначеніе комиссіи было, дѣйствительно, единственнымъ средствомъ для выхода изъ положенія,

неудобства котораго чувствовали всѣ. Комиссія сохранила свое существованіе до самой войны 1914 г.

Тѣмъ не менѣе, признать отмѣну земской автономіи за нѣчто желательное и допустимое не хотѣли ни чехи, ни нѣмцы. Послѣдніе особенно были обижены тѣмъ, что правительство хранило нейтралитетъ и не шло на уступки имъ, представителямъ «господствующей» въ Австріи народности. Одинъ изъ лидеровъ чешскихъ нѣмцевъ, Турнвальдъ, писалъ въ вѣнскихъ газетахъ, что «эта комиссія самымъ своимъ существованіемъ и назначеніемъ знаменуетъ не что иное, какъ совершенное нежеланіе правительства считаться съ нѣмецкой обструкціей. Нѣмцы въ Чехіи должны признавать это правительственное распоряженіе за актъ враждебный по отношенію къ нимъ и за ударъ, нанесенный имъ». Не были, со своей стороны, довольны и чехи. Исполнительный комитетъ народной свободомыслящей партіи обратился въ своемъ органѣ «Národní Listy» къ чешскому народу съ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ говорилось, что «такой способъ разрѣшенія (кризиса), потакая стремленіямъ нѣмцевъ уничтожить земскую исполнительную комиссію, является для чеховъ незаслуженной обидой. Ибо чешскія партіи, несмотря на агрессивную нѣмецкую политику, охотно вступали въ переговоры о національномъ примиреніи и новомъ политическомъ устройствѣ отношеній въ Чешскомъ королевствѣ». Прошелъ рядъ мѣсяцевъ послѣ учрежденія въ Чехіи королевской исполнительной комиссіи, а дѣло соглашенія чешскихъ и нѣмецкихъ требованій не подвигалось впередъ. Нѣсколько разъ въ теченіе осени 1913 г. кабинетъ гр. Штюргка предпринималъ шаги для улаженія этихъ отношеній, но все оставалось тщетно: о тотъ или другой пунктъ программы соглашенія переговоры разбивались. Еще въ іюнѣ 1914 г. чешскія газеты сообщали предположенія и слухи о новыхъ попыткахъ правительства устроить соглашеніе между чехами и нѣмцами. Но до этого соглашенія такъ и не дошло, а война застала Прагу въ настроеніи, крайне враждебномъ правительству и нѣмцамъ. Если мобилизація прошла сравнительно спокойно при сдержанномъ и сосредоточенномъ настроеніи чешскаго населенія, то уже въ ближайшее послѣдующее время Прага превратилась въ арену крайне бурныхъ революціонныхъ настроеній. Чешскаго вопроса австрійская политика такъ и не могла разрѣшить до роковыхъ дней монархіи. Почти въ такомъ же положеніи находилась и Галиція: правда, комиссаріатъ здѣсь не былъ установленъ, но сеймовая дѣятельность также тормозилась, застрявъ на вопросѣ о выборномъ законѣ. Законопроектъ, предложенный польскимъ коло въ сеймѣ, встрѣтился съ непримиримой оппозиціей со стороны украинскихъ партій. Въ ноябрѣ 1913 г. украинцы требовали введенія въ Галиціи также исполнительной комиссіи (назло полякамъ) и грозили обструкціей въ рейхсратѣ. Въ Галиціи, какъ это будетъ изложено въ послѣдующихъ главахъ, видимый миръ былъ достигнутъ, хотя пропасть между поляками и украинцами осталась попрежнему широкой. Неудача постигла, какъ мы увидимъ далѣе, и словинскій сеймъ. Государственная машина остановилась въ бездѣятельности. Автономія земель при господствующихъ въ нихъ національныхъ отношеніяхъ оказалась неисполнимой мечтой. Будущее Австріи стало внушать серьезныя опасенія.

Въ чемъ же заключалось разрѣшеніе австрійскаго кризиса? Какъ можно было уладить отношенія враждующихъ славянскихъ и неславянскихъ народностей имперіи? На эти вопросы было предложено много отвѣтовъ: одни рекомендовали ввести въ Австріи строгій федеративный строй, отказавшись отъ требованій единаго государственнаго языка; другіе видѣли спасеніе государства въ отмѣнѣ автономій, въ выдѣленіи Галиціи въ особое положеніе и подчиненіи остальныхъ земель центра-

листическому правительству; третьи думали, что и безъ принципіальной ломки возможно съ помощью тѣхъ или иныхъ улучшеній достигнуть соглашенія между народами. Соціалистическая литература выставила новый принципъ національной автономіи, не связанной съ территоріей. Государственная мысль Австріи долго работала надъ созданіемъ такой формы сожитія народовъ, при которой ни одна изъ народностей не чувствовала бы себя угнетенной. Но всѣ попытки не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, хотя громадное принципіальное значеніе ихъ не подлежитъ сомнѣнію: нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ міра, національная проблема не была поставлена въ такой формѣ и на такой почвѣ, какъ въ Австріи, а эта проблема, представляющая выраженіе общей идеи о равноправіи человѣчества, является сама по себѣ прогрессивной и заключаетъ зерно новыхъ взаимоотношеній среди человѣчества. Естественно, что при важности и сложности проблемы и при отсутствіи прецедентовъ въ прошломъ развитіи человѣчества Австрія оказалась вынуждена одиноко и съ великими усиліями выходить на новый путь, который обѣщалъ ей въ будущемъ новое развитіе. Война положила предѣлъ этому процессу.

Не означалъ ли онъ, однако, что Австрія просто разваливается? Со стороны людей, хорошо знакомыхъ съ національными и государственными отношеніями въ монархіи Габсбурговъ, мы постоянно слышали категорическія заявленія, что Австро-Венгрія далека отъ гибели и разложенія. Дѣйствительно, уже въ XIII в. намѣтилось столь прочное единеніе Венгріи, Австріи и Чехіи, что судьбы этихъ государствъ оказались тѣсно связаны между собой. Могло лишь быть сомнѣніе относительно того, кому изъ нихъ достанется первенство въ борьбѣ, и то Чехія (въ половинѣ XIII в.), то Венгрія, то Австрія брали верхъ. Но политическое и географическое объединеніе этихъ земель диктовалось съ такой же настойчивостью, съ какой Польша и Москва протягивали руки къ Литвѣ, и съ какой сами литовскіе князья шли къ завоеванію русскихъ или польскихъ земель. О такія крѣпкія историческія образованія разбивались волны временныхъ политическихъ бурь.

IV.

Поляки въ Пруссіи. Познань и (прусская) Силезія.

Литература: Dr. K. Rakowski. Dzieje W. Księstwa Poznańskiego w zarysie (1815—1900). Kraków. 1904. Dr. I. Buzek. Historya polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych z r. 1908. Lwów. 1909. F. Morawski. Z zachodnich kresów. Szkice i rozpatrywania. Kraków. 1906. Dr. R. Komierowski. Koła Polskie w Berlinie. Poznań. 1910. Его же. Koła Polskie w Berlinie. 1861—1866. Poznań. 1913. *Его же.* Koła Polskie w Berlinie. Poznań. 1905. L. W. Ziemie polskie pod berłem pruskim. Warszawa. 1904. I. Huret. En Allemagne. De Hambourg aux marches de Pologne. Paris. 1908. W. Mitscherlich. Die Ausbreitung der Polen in Preussen. Leipzig. 1913. *А. Башмаковъ.* Прусская политика въ Познани и борьба поляковъ за обладаніе землею. Славянскія извѣстія. 1909. Dr. Paweł Spandowski. Towarzystwa przemysłowe. Die polnischen Gewerbevereine im Rahmen der Entwicklung eines polnischen gewerblichen Mittelstandes. 1909. L. Bernhardt. Die Städtepolitik im Gebiet des deutschenpolnischen Nationalitätenkampfes. 1909. W. Pawlicki. Das Genossenschaftswesen in der Provinz Posen. 1912. Cardinal von Widdern. Polnische Eroberungszüge im heutigen Deutschland und deutsche Abwehr. Lissa. 1913. A. Czechowski. Prusy wschodnie i zachodnie. W. Księstwo Poznańskie. Śląsk Pruski. 1904. (въ изданіи «Opis ziem zamieszkałych przez polaków. Tom. I.). St. Karwowski. Czasopisma wielkopolskie. Część pierwsza. 1796 — 1859. Poznań. 1908. Wł. Tomaszewski. Pół wieku polskich spółek zarobkowych i gospodarczych w W. Ks. Poznańskiem, Prusach zachodnich i na Górnym Śląsku. Jch powstanie, organizacya i rozwój od r. 1861—1910. 2 тома. Poznań. 1912 (здѣсь приведена обширная литература объ экономическомъ и культурномъ развитіи польскаго народа въ Пруссіи). L. Bernhard. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staate. 2 изд. 1910. I. Marchlewski. Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskim. Lwow. 1903. Księżka jubileuszowa «Dziennika Poznańskiego» 1859—1909. Poznań. 1909. (обзоръ дѣятельности культурныхъ учрежденій прусскихъ поляковъ за 50 лѣтъ). K. Rzepecki. Pobudka wyborcza. Wedle źródeł autentycznych zestawił i opracował... Poznań. 1907. *Его же.* Historya ustawy wyborczej pruskiej oraz wyniki wyborów do sejmu pruskiego z 1903 i 1908 r na ziemiach polskich, Poznań. 1913. *Его же.* Naprzód czy wstecz. Poznań. 1912. Zitzlaff, Vosberg, Karpiński. Preussische Städte im Gebiete des polnischen Nationalitätenkampfes. Leipzig. 1909. B. Limanowski. Historya ruchu rewolucyjnego w Polsce w r. 1846. Kraków. 1913. A. Guttry. W przededniu wiosny ludów. Wspomnienia z r. 1846—1848 (Bibl. pamiętników. 1913). K. Dmowski. Niemcy, Rosya i kwestya polska. Lwów. 1908. Много статей объ экономической и политической борьбѣ поляковъ въ Пруссіи въ журналахъ:

«Biblioteka Warszawska» (особенно отдѣлъ «Praca społeczna»), «Przegląd narodowy», «Ekonomista» и т. д., а изъ газетъ особенно въ познанскихъ газетахъ: «Dziennik Poznański» (направленія умѣреннаго, консервативнаго) и «Kurjer Poznański» (направленія болѣе радикальнаго въ національномъ отношеніи), а также въ газетѣ, предназначенной для болѣе широкихъ слоевъ народа: «Goniec Wielkopolski» (направленія чрезвычайно примирительнаго по отношенію къ Россіи, крайне враждебнаго германизаціи). Въ Штетинѣ издается готическимъ шрифтомъ простонародная газета: «Mazur. Pismo z obrazkami, poświęcone Mazurom wyznania ewangielickiego» (направленія также руссофильскаго; такъ, въ № 42 за 1913 г., 28 мая, какой-то 80-лѣтній старецъ-Мазуръ заявляетъ, что въ Россіи данъ пароль: «миръ съ поляками», а въ Пруссіи раздается пароль: «борьба съ поляками»). Внимательно слѣдитъ за польскими дѣлами въ Пруссіи и вся остальная польская печать какъ въ Галиціи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Не смотря на всѣ преслѣдованія польской національной жизни въ Пруссіи, здѣсь издавалось множество польскихъ газетъ.

За время съ 1772 г. по 1796 г., въ эпоху трехъ раздѣловъ Рѣчи Посполитой, Пруссія пріобрѣла громадную область, охватывавшую свыше 2700 кв. миль, съ населеніемъ 2,300 тыс. человѣкъ. Сюда вошли прежнее польское Поморье, вся Великопольша, часть Моравіи съ Варшавой и т. д. На этихъ новопріобрѣтенныхъ земляхъ прусское правительство немедленно начало политику изгнанія и истребленія польскаго элемента и замѣны его нѣмецкимъ съ помощью привлеченія нѣмецкихъ колонистовъ на земли, скупаемыя или конфискуемыя у поляковъ. Въ это положеніе вещей внесли измѣненія войны Наполеона съ Пруссіей, вызвавшія созданіе въ 1807 г. герцогства Варшавскаго, въ составъ котораго вошли Варшава и Познань. Затѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ въ обладаніе Пруссіи была вновь передана часть ея прежнихъ пріобрѣтеній, составлявшая въ совокупности своей 526 кв. миль съ населеніемъ въ 779 тыс. человѣкъ и образовавшая герцогство или княжество Познанское. При этомъ Вѣнскій договоръ гарантировалъ польскому населенію сохраненіе учрежденій, обезпечивающихъ развитіе его національныхъ правъ. Однако сдѣланная при этомъ оговорка: «въ такой формѣ, которую каждое изъ государствъ найдетъ наиболѣе подходящей», фактически уничтожала все значеніе этого общаго постановленія. Тѣмъ не менѣе, сразу возобновить антипольскую политику было неудобно и неприлично; въ учебныхъ заведеніяхъ герцогства (княжества) Познанскаго было оставлено преподаваніе на польскомъ языкѣ; въ мѣстномъ управленіи сношенія съ населеніемъ велись на языкѣ просителей, въ судебныхъ учрежденіяхъ свободно раздавалась польская рѣчь. Много говорили также объ учрежденіи польской арміи, но проектъ не пошелъ дальше разговоровъ. Прусская политика, вообще, колебалась между либерализмомъ Штейна и его единомышленниковъ и реакціонными стремленіями и вліяніями Меттерниха. На польскихъ отношеніяхъ эти колебанія отражались особенно рѣзко и скоро, и когда въ 20-ыхъ годахъ реакціонное теченіе взяло верхъ, польскія національныя права стали подвергаться преслѣдованіямъ. Однако, стали уже организоваться и поляки, прежде всего на почвѣ экономической. Польское землевладѣніе къ 1815 году было чрезвычайно задолжено, и вотъ въ 1821 г. возникло первое польское кредитное учрежденіе въ Познанскомъ герцогствѣ, земское кредитное общество. Оно не могло удержать въ польскихъ рукахъ цѣлый рядъ крупныхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя перешли къ нѣмцамъ. Впрочемъ, въ ту

пору въ польскомъ обществѣ еще не существовало развитого національнаго сознанія, которое стремилось бы, какъ теперь, основать будущее народа на его національной земельной собственности. Какъ важнѣйшій актъ своей дѣятельности, земское кредитное общество провело, начиная съ 1823 г., освобожденіе крестьянъ съ землей. Для объединенія народа эта реформа представляла необходимѣйшую предпосылку, и послѣдствія освобожденія обнаружились уже очень скоро въ подъемѣ экономическаго и культурнаго уровня крестьянства. «Судьба страны его не касалась, пока сама страна не признавала крестьянина гражданиномъ; теперь онъ начинаетъ выходить изъ сферы только домашнихъ отношеній, принадлежитъ къ составу церковнаго управленія, бываетъ опекуномъ школы, собирателемъ и казначеемъ ея средствъ, присутствуетъ ежегодно на экзаменѣ учениковъ, опекаетъ малолѣтнихъ, завѣдуетъ ихъ имуществомъ и отсчитывается въ расходованіи его передъ судомъ, наконецъ посылаетъ депутатовъ на провинціальные сеймы». Такъ писалъ современникъ, безсознательно отдавая должное тому демократическому духу, который ввела тогдашняя прусская власть. Но къ національнымъ стремленіямъ поляковъ эта власть относилась подозрительно, и въ 1825 г. начальникъ провинціи, Зербони да Спосетти, долженъ былъ выйти въ отставку, такъ какъ не сочувствовалъ германизаторскимъ стремленіямъ правительства. То въ той, то въ другой формѣ это послѣднее тѣснило поляковъ, и въ 1827 году польскіе представители въ сеймѣ, составлявшіе здѣсь незначительное меньшинство, рѣшили напомнить королю о «забытыхъ» имъ обѣщаніяхъ, а депутатъ Неголевскій сдѣлалъ запросъ, почему изгоняется польскій языкъ изъ учебныхъ заведеній. Правительство уклончиво обѣщало не отступать отъ законовъ, но новый главный президентъ Бауманъ, замѣнившій Зербони, вводилъ все новыя ограниченія польскаго языка, вызывая уже и соотвѣтствующій отпоръ.

Сеймъ 1830 года сталъ уже болѣе настойчиво домогаться выполненія королевскихъ обѣщаній и предъявилъ рѣшительное требованіе, чтобы судьи въ Познани владѣли польскимъ языкомъ. Въ Берлинъ поѣхала депутація, чтобы представить лично королю пожеланія сейма. Правда, герцогство Познанское имѣло собственнаго намѣстника въ лицѣ поляка, князя Радзивилла, но фактически вся власть находилась въ рукахъ главнаго президента, а такимъ являлся нѣмецкій чиновникъ. Въ 1830 г. Бауманъ умеръ. Если и нельзя было ожидать общей перемѣны курса, то все же едва ли послѣдовало бы усиленіе его, если бы въ это время не разразилось возстаніе въ Царствѣ Польскомъ. Тогда на мѣсто Баумана былъ назначенъ Флотвель, намѣстникъ Радзивиллъ вышелъ въ отставку и не былъ никѣмъ замѣненъ. Главная забота правительства теперь заключалась въ томъ, чтобы не дать перекинуться возстанію по другую сторону русской границы: конфискаціи имѣній тѣхъ, кто ушелъ въ возстаніе, «казнь» портретовъ тѣхъ, кто это сдѣлалъ, на висѣлицѣ и т. д. должны были устрашить неблагонадежныхъ. А съ 1832 г. начались и иныя мѣры воздѣйствія на польское населеніе Познанскаго герцогства: во внутренней перепискѣ всѣхъ властей, общественныхъ и казенныхъ учрежденій вводился одинъ нѣмецкій языкъ; на петицію представителей сейма король отвѣчалъ грознымъ посланіемъ, удивляясь стремленіямъ населенія «къ политическому отдѣленію» отъ Пруссіи и заявляя, что и впредь будетъ видѣть въ Познанской провинціи только составную часть своего государства.

Съ этого времени возобновилась неутомимая и неумолимая борьба правительства съ польскимъ населеніемъ Познанскаго герцогства, для которой не было даже иного объясненія, кромѣ того, что поляки будто

бы не желаютъ примириться съ прусской государственностью. Сначала ихъ обвиняли въ пассивномъ сопротивленіи, но потомъ, со временъ Бисмарка, стали обвинять уже въ преслѣдованіи нѣмцевъ, сначала въ Познани, а потомъ и во всей Германіи, особенно въ Вестафаліи. Въ продолженіе почти ста лѣтъ велась эта борьба. Вступленіемъ къ ней служила мѣра, предложенная Флотвелемъ и одобренная королемъ въ 1833 г. Именно, было ассигновано 3 милл. марокъ на пріобрѣтеніе имѣній изъ польскихъ рукъ и продажу ихъ нѣмцамъ съ условіемъ, чтобы эти послѣдніе могли перепродавать купленныя такимъ образомъ имѣнія только опять въ нѣмецкія руки. Цѣль этой мѣры опредѣлялась меморіаломъ Флотвеля, поданнымъ королю Фридриху Вильгельму IV въ 1841 г., какъ «укрѣпленіе и утвержденіе тѣсной связи герцогства съ прусскимъ государствомъ путемъ постепеннаго устраненія свойственныхъ польскимъ жителямъ провинціи направленій, обычаевъ и наклонностей, противящихся таковой связи, а также путемъ все болѣе интенсивнаго распространенія въ герцогствѣ факторовъ нѣмецкой жизни какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ, чтобы достигнуть наконецъ, какъ полнаго осуществленія этой задачи, совершеннаго соединенія обѣихъ народностей съ опредѣленно выраженнымъ перевѣсомъ нѣмецкой культуры». Дѣйствительно, все нѣмецкое находило энергичную поддержку въ лицѣ Флотвеля: помѣщики арендовали казенныя имѣнія, между нѣмецкими крестьянами парцеллировались удѣльныя земли, нѣмецкіе рабочіе употреблялись на постройку крѣпостей и всяческихъ казенныхъ сооруженій. Нѣмецкое поощрялось, польское все сильнѣе угнеталось. Польскій языкъ былъ изгнанъ изъ служебныхъ отношеній. «Взаимная переписка всѣхъ административныхъ властей герцогства, включая сюда духовныя и земскія учрежденія, совершается на нѣмецкомъ языкѣ», какъ это было указано въ установленіяхъ 1832 года. Въ сношеніяхъ властей съ населеніемъ главная роль принадлежала также нѣмецкому языку, польскій же допускался лишь въ видѣ переводовъ. Только при устныхъ разборахъ дѣлъ сторонамъ предоставлялось право говорить на томъ или другомъ языкѣ, и на этомъ же языкѣ составлялся протоколъ. Эта послѣдняя мѣра диктовалась осторожностью правительства, не желавшаго дразнить широкихъ массъ населенія (Buzek. 65). Въ судѣ очень искусно былъ введенъ нѣмецкій языкъ, въ нѣкоторыхъ школахъ (на основаніе учебныхъ заведеній Флотвель обратилъ серьезное вниманіе) преподаваніе велось въ низшихъ классахъ по-польски, въ высшихъ по-нѣмецки, но во многихъ учебныхъ заведеніяхъ уже *только* по-нѣмецки. Народныхъ школъ, какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ было основано свыше 200, и общій уровень крестьянской жизни сильно поднялся.

Правительство стремилось уронить значеніе шляхты и создать классъ состоятельныхъ крестьянъ-собственниковъ въ убѣжденіи, что этотъ классъ станетъ опорой германизаціи. Въ концѣ концовъ, цѣль эта не была достигнута, и наоборотъ, окрѣпнувъ, крестьянство само обратилось противъ нѣмецкой власти. Однако, для подъема экономической и гражданской жизни въ герцогствѣ Познанскомъ эра Флотвеля сдѣлала не мало: къ концу 1837 г. было создано до $21^1/_2$ тыс. крестьянскихъ хозяйствъ; для привлеченія горожанъ къ общественной работѣ было введено самоуправленіе въ 40 городкахъ, шляхта была лишена нѣкоторыхъ своихъ устарѣлыхъ экономическихъ привилегій, что привлекало къ торговлѣ и промышленности новые элементы населенія. Естественно, что при всей своей антипольской подкладкѣ политика Флотвеля воспитывала въ массахъ населенія извѣстный прусскій патріотизмъ. Пробуждается польская пресса въ Познани, и съ 1834 г.

въ Лешнѣ (Лиссѣ) начинаетъ выходить иллюстрированный еженедѣльный журналъ «Przyjaciel Ludu», который имѣлъ сильное вліяніе на общество своимъ національнымъ направленіемъ. Для народныхъ массъ издавался другой еженедѣльный журналъ «Szkółka Niedzielna». Въ цѣломъ рядѣ городовъ возникаютъ общества для устройства развлеченій (Towarzystwa Zabaw); благодаря своимъ библіотекамъ, они были очень полезны. Конфликтъ общества съ правительствомъ произошелъ въ 1837 г. на почвѣ столкновенія духовенства съ Флотвелемъ. Архіепископъ Дунинъ противился смѣшаннымъ бракамъ протестантовъ съ католиками, ссылаясь на папское бреве 1830 г. Король настаивалъ на незаконности этого бреве и епископскаго отказа въ признаніи своего требованія. Папа поддержалъ Дунина, который въ 1838 г. категорически предписалъ духовенству соблюдать приказъ папы. Архіепископъ былъ преданъ суду и въ 1839 г. приговоренъ къ увольненію отъ должности и 6-мѣсячному заключенію въ крѣпости. Приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, но Дунина, тѣмъ не менѣе, не выпускали изъ Берлина. Одно это уже вызывало броженіе среди интеллигенціи, которая поговаривала о подготовкѣ къ возстанію, мало считаясь съ настроеніями народныхъ массъ. Появились и энергичные дѣятели среди интеллигенціи. Таковы были К. Марцинковскій, основавшій въ 1841 г. «Общество научной помощи» для поддержки учащейся молодежи и создавшій центръ для развитія польской торговли, нѣчто вродѣ гостиннаго двора въ Познани, «Базаръ», а также Либельтъ, направившій свои усилія на національное воспитаніе молодежи. Вмѣстѣ они основали въ 1838 году журналъ, который имѣлъ огромное вліяніе на общество, «Tygodnik Literacki». Наконецъ, на сеймѣ 1830 г. депутаты поляки выступили съ петиціей о сохраненіи правъ польскаго языка. 7 іюня 1840 г. умеръ король Фридрихъ Вильгельмъ III, и престолъ перешелъ къ Фридриху Вильгельму IV. Годы 1841—1843 Бузекъ характеризуетъ, какъ періодъ національныхъ пріобрѣтеній поляковъ. Молодой король былъ рѣшительнымъ противникомъ германизаціи, имѣлъ друзей среди поляковъ; онъ поспѣшилъ помиловать архіепископа Дунина и удалилъ въ отставку Флотвеля, на мѣсто котораго были назначены лица, дружественныя полякамъ.

До 1843 г. поляки получили нѣсколько уступокъ въ своихъ національныхъ требованіяхъ, касающихся языка преподаванія въ школахъ. Польскому языку были предоставлены повсюду большія или меньшія права, при чемъ все таки подчеркивалась лишь его вспомогательная роль. Въ судебной процедурѣ былъ установленъ такой порядокъ, что языкъ, на которомъ составлена жалоба, долженъ былъ служить языкомъ судебнаго разбирательства. Однако, эти уступки, нѣсколько улучшившія національное положеніе польскаго народа въ Пруссіи, не могли остановить процессъ революціоннаго броженія, которое распространялось въ Познани, подъ вліяніемъ польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ, съ 1836 г. Новый толчокъ для своего развитія это движеніе получило съ 1840 годовъ, когда стали возникать повсюду революціонные кружки. «Демократическія идеи распространялись и между старшимъ поколѣніемъ помѣщиковъ, а средствомъ для агитаціи служила общественная жизнь, къ которой привлекали и горожанъ. Только простой народъ оставался равнодушенъ, и даже съ непріязнью относился къ возстанію и шляхтѣ, такъ какъ при освобожденіи крестьянъ правительство распространяло убѣжденіе, что только прусскій король явился истиннымъ благодѣтелемъ крестьянъ, давая имъ собственность, несмотря на сопротивленіе господъ, желающихъ возстановить крѣпостное право» (Rakowski. 52). Въ 1841—42 г. познанскій книгопродавецъ Стефанскій основалъ революціонный кружокъ изъ познан-

скихъ мѣщанъ и унтеръ-офицеровъ. Этотъ кружокъ стоялъ уже внѣ эмиграціонныхъ вліяній, внѣ тамошнихъ споровъ между демократами и аристократами, и мечталъ только о скорѣйшемъ началѣ возстанія. Стефанскій былъ заподозрѣнъ и арестованъ въ январѣ 1845 г., но дѣло его продолжали другіе. Близкое участіе въ революціонной работѣ принялъ Мѣрославскій, прибывшій изъ Франціи въ концѣ 1845 г. Правительство уже нащупывало революціонную организацію, такъ что повстанцамъ приходилось спѣшить. Сначала ничего не удавалось, и 4 марта 1846 г. были произведены многочисленные аресты среди главарей движенія. Всего было арестовано около 700 человѣкъ, но къ суду привлечено лишь 254 человѣка. Арестованный Мѣрославскій на слѣдствіи далъ себя обмануть и раскрылъ слишкомъ много. 2 дек. 1847 г. былъ вынесенъ приговоръ, присудившій 9 человѣкъ къ смертной казни и 50 къ заключенію въ крѣпости. Но когда въ Берлинѣ вспыхнула революція, всѣ осужденные были помилованы. Революція перекинулась и въ Познань. Въ Берлинъ была отправлена депутація съ широкими національными и государственными требованіями. Въ самомъ княжествѣ Познанскомъ образовался центральный комитетъ, который, пользуясь растерянностью власти, организовалъ вооруженное возстаніе. Какъ ни слабы были силы повстанцевъ, имъ удалось нанести въ нѣсколькихъ стычкахъ пораженія нѣмецкимъ отрядамъ. Но, само собою разумѣется, никакихъ шансовъ на длительный и окончательный успѣхъ у возстанія не было и, продержавшись около мѣсяца (съ половины апрѣля до половины мая), оно совершенно упало. Войска и мѣстные зрители нѣмцы жестоко расправились съ нимъ.

Наступаетъ эпоха реакціи противъ польскихъ требованій, нашедшая себѣ особенно благопріятныя условія въ томъ обстоятельствѣ, что въ 1848 г. на 779 тыс. поляковъ въ Познани приходилась 571 тыс. нѣмцевъ. Организація управленія, основанная на польскомъ характерѣ края, встрѣчала оппозицію со стороны послѣднихъ, а Франкфуртскій парламентъ, со своимъ ярко выраженнымъ національнымъ направленіемъ, объявилъ включеніе въ составъ нѣмецкаго союза польскихъ провинцій Пруссіи. Когда въ маѣ съѣхалось въ Берлинѣ первое прусское національное собраніе, на немъ господствовало враждебное полякамъ настроеніе. Правительство сочло за наиболѣе благоразумное объявить всеобщую амнистію и предать дѣло забвенію, а польскіе депутаты въ прусскомъ ландтагѣ спѣшили подчеркнуть свою лояльность. Въ ландтагѣ лѣвыя партіи пробовали поддержать поляковъ; когда онъ былъ распущенъ, то при открытіи новаго ландтага поляки отказались принести присягу, не заключавшую въ себѣ гарантій національной свободы для поляковъ, и сложили свои полномочія. Франкфуртскій парламентъ одобрилъ раздѣленіе Познанскаго герцогства на двѣ половины, польскую и нѣмецкую, но противъ этого дѣленія оказались и поляки, и нѣмцы. Революціонный угаръ еще не прошелъ; правительство публично отрекалось отъ плановъ германизаціи, но уже въ концѣ 1849 г. ландтагъ провалилъ законопроектъ поляковъ объ автономіи Познани.

Съ 1850 г. начинается явно враждебная полякамъ политика прусскаго ландтага, который въ засѣданіи 13 февр. 1850 г. отказался гарантировать въ конституціонномъ порядкѣ права польскаго народа. 3 окт. 1851 г. союзный совѣтъ исключилъ изъ союза восточную и западную Пруссію и связь всей Познани была возстановлена. Въ польскомъ населеніи Познанскаго княжества господствовалъ перепугъ. Возникшая въ 1848 г. «Польская лига», ставившая своей задачей борьбу за права польскаго языка, теперь казалась опаснымъ сообществомъ; принадлежавшіе къ ней боялись въ этомъ признаться и не ходили на засѣданія,

а 9 окт. 1850 г. правительство и само закрыло ее. Суровый законъ о печати (5 іюня 1850 г.) убилъ польскую прессу («Dziennik Polski» и «Gazeta Polska»), которая только послѣ изданія новыхъ правилъ о печати (15 дек 1858 г.) получила возможность существованія. Въ среднихъ школахъ вводился нѣмецкій языкъ; лишь въ немногихъ гимназіяхъ преподаваніе шло по-польски въ четырехъ младшихъ классахъ. Только польскій языкъ и Законъ Божій еще преподавались въ то время на родномъ языкѣ учащихся. Къ этому присоединились еще бѣдствія экономическаго характера.

Въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ Познанское герцогство постигло нѣсколько стихійныхъ несчастій, то засухъ, то наводненій; къ тому же падалъ скотъ, появилась какая-то болѣзнь среди овецъ и т. п. Помѣщики разорялись, продавали свои имѣнія, уѣзжали въ Галицію или Царство Польское, гдѣ такого экономическаго кризиса не было. Въ 1856—57 г. до 150 тыс. морговъ польской земли перешли въ нѣмецкія руки. Вообще, паденіе крупной земельной собственности вызвало въ періодъ между 1848 и 1860 г. переходъ въ нѣмецкія руки до полумилліона морговъ земли. Въ обществѣ царили застой, глухая апатія и отчаяніе. Прежняя партійная жизнь потеряла всякое значеніе въ тѣхъ новыхъ условіяхъ безусловнаго нѣмецкаго господства, которыя обрисовались теперь, въ эпоху быстраго развитія нѣмецкаго національнаго націонализма. Вмѣсто партій, имѣющихъ извѣстное право на существованіе въ обстановкѣ автономіи, должны были образоваться два основныя теченія политической мысли: одно стояло за полнѣйшій лоялизмъ, который одинъ можетъ обезпечить народу покровительство власти, поощряющей разумныхъ и благонамѣренныхъ; другое полагало, что только непрерывная борьба за національныя права можетъ оградить народъ отъ опасности почить въ апатіи, чтобы уже больше не проснуться. Эти два теченія, съ извѣстными оттѣнками, продолжали свою борьбу до послѣдняго времени. Правительство смотрѣло подозрительно на всякія попытки польскаго населенія соргапизоваться, хотя бы эти усилія производились на самой легальной почвѣ. Старое польское кредитное общество было доведено до краха запрещеніемъ издать третью серію своихъ листовъ. Взамѣнъ его въ 1857 г. правительство организовало новое кредитное общество, которое пріобрѣло характеръ правительственной, и при томъ опредѣленно политической операціи. Старое кредитное общество послѣ нѣсколькихъ лѣтъ довольно слабой борьбы было вынуждено слиться съ новымъ. Трагизмъ положенія Познани заключался и въ томъ, что край стоялъ передъ дилеммой: улучшеніе матеріальныхъ условій, значитъ наплывъ свѣжихъ силъ въ нѣмецкой колонизаціи, а прежній застой промышленности и культуры, значитъ еще большее обнищаніе національной жизни, еще меньшая сопротивляемость населенія германизаціи. Положеніе страны было отчаянное, и только созданіе крѣпкаго національнаго сознанія, несокрушимаго духа общественности могло спасти польскій народъ въ Пруссіи отъ грозящаго вымиранія. А между тѣмъ упущено было уже очень много.

Приближалось, однако, нѣчто еще горшее,—эпоха Бисмарка. Въ окт. 1858 г. принцъ Вильгельмъ Прусскій, будущій императоръ германскій Вильгельмъ I, объявилъ себя регентомъ, такъ какъ братъ его, король Фридрихъ Вильгельмъ IV, обнаруживалъ явственные признаки душевной болѣзни. Новое правительство, смѣнившее реакціонный кабинетъ Мантейфеля, начало эру либерализма, крохи котораго перепали и полякамъ. Именно, были смягчены цензурныя правила, и допущена бо́льшая свобода организацій. Гр. Т. Дзялынскій основываетъ «Общество любителей науки»; Цегельскій, который уже въ 1848 г. учредилъ первую независимую польскую газету («Gazeta Polska»), просуществовавшую,

правда, недолго, опять приступаетъ съ присущей ему несокрушимой энергіей къ издательству и съ 1 янв. 1859 г. выпускаетъ «Dziennik Poznański» съ приложеніемъ «Dodatek Rolniczy». Исторія этой газеты является въ значительной мѣрѣ исторіей національной борьбы познанскихъ поляковъ за послѣдніе полвѣка. Либеральное движеніе, пробивавшееся въ эту пору въ Европѣ, принесло извѣстный идейный подъемъ и въ Познани. Когда же вспыхнуло возстаніе 1863 г. въ Царствѣ Польскомъ, прусское правительство, во главѣ котораго уже стоялъ Бисмаркъ, приняло рѣшительныя мѣры, чтобы не допустить ничего подобнаго въ Познанскомъ герцогствѣ. Вызвать какіе-нибудь признаки недовольства со стороны польскаго населенія этой провинціи было тѣмъ болѣе нежелательно для Бисмарка, что онъ подготовлялъ новое государственное образованіе, сѣверо-нѣмецкій союзъ, въ который должна была войти и Познань. Дата возникновенія этого союза—15 дек. 1866 г., а въ январѣ слѣдующаго года правительство обратилось къ населенію герцогства съ широковѣщательными прокламаціями, призывающими къ довѣрію и сотрудничеству. «И въ сѣверно-нѣмецкомъ союзѣ, говорилось въ нихъ, вы останетесь безъ всякихъ помѣхъ поляками, будете говорить вашимъ языкомъ, сохранять ваши обычаи». Однако, поляки не такъ-то легко шли на эти нашептыванія. Какъ и въ 1848 г., они продолжали и въ новомъ парламентѣ настаивать на своей политической обособленности, чѣмъ возбудили въ нѣмецкомъ общественномъ мнѣніи большое неудовольствіе. То же самое утверждали польскіе депутаты и въ 1871 г., когда возникло уже нѣчто совсѣмъ новое, Германская имперія, включившая въ свой составъ вмѣстѣ съ Пруссіей и ея польскія провинціи. О Вѣнскомъ трактатѣ 1815 г. и объ усвоенномъ имъ государственно-правовомъ принципѣ въ устройствѣ польскихъ провинцій никто уже больше и не вспоминалъ, кромѣ поляковъ, которые и въ Бисмаркѣ, и въ націоналистическихъ кругахъ нѣмецкаго общества возбуждали все бо́льшую ненависть.

Уже въ 1866 г. картина польско-нѣмецкихъ отношеній рисуется однимъ изъ современниковъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Польскихъ и католическихъ учебныхъ заведеній все меньше; открывать новыя школы власти не позволяютъ, несмотря на требованія населенія. Для образованія молодежи не имѣется польскаго университета, но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; въ духовныхъ семинаріяхъ польскій языкъ уступаетъ свое мѣсто нѣмецкому и латинскому; получить разрѣшеніе на изданіе новой газеты трудно; устроить постоянный польскій театръ въ Познани нельзя. Общество любителей наукъ не подвергается открытому преслѣдованію, но находится въ постоянномъ подозрѣніи; судьямъ польскаго происхожденія даютъ мѣста на Рейнѣ, а рейнскихъ переводятъ сюда».

Несмотря, однако, на это, въ политической жизни Познани брало верхъ убѣжденіе, что плетью обуха не перешибешь, и что такъ или иначе съ прусскимъ правительствомъ приходится ладить. Во главѣ этого направленія, которое могло итти на большія уступки, но только настаивало на сохраненіи за польской церковью и польскимъ народомъ началъ національнаго существованія, сталъ съ 1865 г. новый архіепископъ Ледоховскій. Какъ это часто бываетъ при неравной борьбѣ, уступчивость съ одной стороны вызывала тѣмъ большую жажду окончательной побѣды на другой сторонѣ, и политика Ледоховскаго испытала на себѣ справедливость этого правила. Болѣе плачевнаго исхода, чѣмъ какой имѣла познанская «угода» (примиреніе), пожалуй, и не найти въ исторіи Европы въ XIX в. Правда, еще въ 1866 г. поляки протестовали, при разсмотрѣніи вопроса объ образованіи территоріи нѣмецкаго союза,

противъ «аннексіи» Познани[1]), однако уже къ 1870 году обнаруживается перевѣсъ примирительнаго направленія. Примѣръ Галиціи дѣйствовалъ заразительнымъ образомъ на познанскихъ политиковъ, хотя условія ихъ дѣятельности были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ Австріи. Побѣда консервативной идеи принесла Познани, во всякомъ случаѣ, одно драгоцѣнное пріобрѣтеніе; она создала идею «органическаго труда», которая въ это время завоевала себѣ общество и въ Царствѣ Польскомъ, благодаря усиліямъ талантливаго А. Свентоховскаго и его сторонниковъ. Въ Познани возникаютъ земледѣльческіе кружки и другія организаціи, о которыхъ мы будемъ говорить ниже; въ печати («Dziennik Poznański», «Nadwiślanin», «Gazeta Toruńska») проводятся «угодовыя» программы.

1 января 1871 г. была учреждена Германская имперія. Эпоха собиранія нѣмецкихъ земель около Пруссіи была кончена, и поляки, которые при всей своей лояльности обнаруживали стремленія видѣть въ себѣ отдѣльный народъ съ отдѣльнымъ государственнымъ правомъ, подлежали въ глазахъ правительства, добившагося объединенія, политикѣ каръ и усмиренія. Бисмаркъ выступилъ уже въ 1872 г. съ заявленіемъ, что поляки въ Пруссіи представляютъ опасный для государства элементъ: «почва подъ нами... до такой степени минирована, что можетъ взорваться тотчасъ же, какъ только въ иностранныхъ отношеніяхъ возникнетъ политика польско-католическо-австрійская». Отъ словъ скоро перешли къ дѣлу, чему способствовало явное антипольское настроеніе нѣмецкихъ партій. По статистическимъ даннымъ, приведеннымъ въ книгѣ Бузека, въ составѣ прусскаго ландага за время съ 1870 по 1908 годъ число поляковъ ни разу не превышало 19 (на общее число 432—443 депутата), а въ германскомъ рейхстагѣ за 1871—1908 гг. антипольскія партіи составляли всегда весьма значительную величину (minimum въ 1881 г.: 125 изъ общаго числа 397, maximum 249 изъ 382 въ 1871 г.; въ 1907 г. 168 изъ 397).

Заклятымъ врагомъ поляковъ выступилъ всемогущій Бисмаркъ, который преслѣдовалъ ихъ въ области религіозной, національной и экономической. Эпоха 1872—85 г. ознаменовывается борьбой правительства съ католической церковью, которая, признавая своей главой не императора, но папу, этимъ какъ бы ставилась въ государствѣ въ особое положеніе и являлась «крамольной». По отношенію къ полякамъ эта борьба (Kulturkampf) обострялась тѣмъ, что она осложнялась національнымъ элементомъ и распространялась не только на духовенство, но и на языкъ обученія катехизису и т. под. Съ 1885 г., когда Kulturkampf закончился, противъ поляковъ были выдвинуты средства экономической борьбы. Рѣшительно не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ вооруженной силы, Бисмаркъ обнаружилъ полное презрѣніе къ примирительному направленію польской общественной мысли. Ея представитель, архіепископъ Ледоховскій, испыталъ это на себѣ одинъ изъ первыхъ. Правительство шло быстрыми шагами къ полной германизаціи школы (1872—74). 16 ноября 1872 г. было издано распоряженіе, чтобы преподаваніе и Закона Божія, какъ всѣхъ другихъ предметовъ, происходило на нѣмецкомъ языкѣ. Это переполнило чашу терпѣнія, и Ледоховскій отвѣтилъ на это новое ограниченіе польскихъ національныхъ правъ предписаніемъ духовенству своей эпархіи, чтобы ксендзы въ низшихъ классахъ учили дѣтей Зак. Божьему по-польски. Папа подтвердилъ

[1]) «Мы протестуемъ противъ всякаго политическаго акта, который имѣетъ тенденцію разсматривать польское населеніе въ прусскомъ государствѣ, какъ нѣмецкое, и исключить изъ государственнаго права Пруссіи гарантированное ему національное существованіе; вообще, мы протестуемъ противъ компетенціи палаты представителей измѣнять своимъ односторонимъ рѣшеніемъ международные договоры, которые установила цѣлая Европа». Komierowski. 184.

предписаніе Познанскаго архіепископа, которое сдѣлалось такимъ образомъ обязательнымъ для всего духовенства эпархіи. Разумѣется, Бисмаркъ не думалъ уступать, и завязалась борьба, драматическая исторія которой выходитъ, впрочемъ, за предѣлы этой книги. Ледоховскій былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму; затѣмъ той же участи подвергся и его суфраганъ, еписк. Янишевскій, затѣмъ цѣлый рядъ ксендзовъ. Монастыри были закрыты, ихъ имущества отобраны въ казну; приходы стояли пустыми, а ксендзы, которые шли на призывъ власти и насильственно водворялись на своихъ мѣстахъ ландратами, не признавались населеніемъ. Въ самый разгаръ этой борьбы, въ 1878—79 г., положеніе вещей въ Познанскомъ герцогствѣ было, по истинѣ, трагическимъ; 97 приходовъ были лишены ксендзовъ, изъ 40 декановъ 35 сидѣло въ тюрьмахъ, архіепископъ былъ высланъ изъ предѣловъ Германіи, изъ епископовъ одинъ былъ высланъ, другой находился въ заточеніи и т. д. Все это было слишкомъ противокультурно и скандально, и даже вѣрные сподвижники Бисмарка, національ-либералы, начинали роптать и переходить въ оппозицію. Но правительство не останавливалось на половинѣ пути: мѣра 1872 г., имѣвшая примѣненіе первоначально только къ среднимъ школамъ, была распространена въ 1883 г. и на низшія городскія училища, и на тѣ деревенскія школы, въ которыхъ половина дѣтей признавала своимъ роднымъ языкомъ нѣмецкій. Только борьба съ католической церковью нѣсколько смягчалась. Фактически уже въ 1883 г. наступалъ конецъ «культуркампфа», а въ Познани онъ завершился въ 1886 г. отказомъ Ледоховскаго отъ архіепископской каѳедры и назначеніемъ архіепископомъ нѣмца Диндера. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ одержалъ полную побѣду. Теперь предстояло перенести борьбу на другую почву.

«Полная германизація управленія и суда нанесла польскому населенію страшный ущербъ, моральный, политическій и матеріальный. Вслѣдствіе германизаціи самоуправленія умерла всякая жизнь самоуправленія въ польскихъ провинціяхъ, вслѣдствіе же германизаціи суда для польскаго населенія утратили всякую свою цѣнность новѣйшія судебныя реформы (публичность и устность разбирательства, суды присяжныхъ и т. д.)» (Buzek. 161). Комеровскій отмѣчаетъ въ 1881 г. не только моральный, но и матеріальный упадокъ познанскаго общества, хотя, повидимому, въ эту печальную оцѣнку надо внести нѣкоторую поправку: понятенъ пессимизмъ современника, пережившаго все усиливающіяся респрессіи со стороны правительства; естественно также, что мѣры этого послѣдняго, направленныя на угнетеніе польскаго населенія, вызывали страхъ передъ матеріальнымъ упадкомъ края. Но дѣйствительные результаты оказались иными: благодаря общему подъему промышленности и торговли въ Пруссіи, выгодами его воспользовались и поляки, и въ то же самое время возникаетъ жажда обороны, увѣренность въ своихъ силахъ. Если бы польская Познань шла быстрыми шагами къ обнищанію и вымиранію, Бисмарку не было бы надобности прибѣгнуть къ той «реформѣ», которую онъ провелъ въ 80-ыхъ годахъ. Именно, правительство пришло къ убѣжденію, что, начиная съ 1870 г., Познанское герцогство стало сильно «полонизоваться», т. е. процентъ возрастанія польскаго населенія оказался выше соотвѣтственныхъ данныхъ для нѣмецкаго, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (регентствахъ) даже и значительно выше. Происходило это, въ дѣйствительности, вслѣдствіе большей эмиграціи нѣмцевъ на промышленный германскій западъ, но правительству этотъ фактъ далъ поводъ говорить о вытѣсненіи нѣмцевъ поляками. Этихъ послѣднихъ и было рѣшено теперь «истреблять» (ausrotten). Поэтому съ 1886 г. политика Пруссіи по отношенію къ полякамъ пошла въ

одномъ направленіи, но по двумъ путямъ. Первый заключался во внѣдреніи и усиленіи нѣмцкаго элемента, второй въ усиленной германизаціи и искорененіи поляковъ. Съ марта 1885 г. стали выселять изъ княжества Познанскаго поляковъ не прусскихъ подданныхъ; это выселеніе до конца года принесло уже болѣе 30 тыс. жертвъ. 26 апр. 1886 г. былъ утвержденъ уставъ колонизаціонной комиссіи, задачей которой служило пріобрѣтеніе польской земли изъ рукъ шляхты для распродажи нѣмецкимъ крестьянамъ. Избавиться отъ польской шляхты Бисмарку хотѣлось и для того, чтобы оставить польскую массу безъ идейнаго руководительства, и ему казалось, что этого достигнуть будетъ очень легко. Прусскій ландтагъ ассигновалъ на эту цѣль 100 мил. марокъ, и сначала дѣло пошло очень быстро: за одинъ 1886 г. комиссія скупила 12 тыс. гект. почти исключительно польской земли за 7 милл. марокъ. Такъ же успѣшна была дѣятельность колонизаціонной комиссіи и въ слѣдующемъ году, но затѣмъ она стала проходить все въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, пока, наконецъ, въ началѣ новаго вѣка почти совсѣмъ прекратились предложенія польской земли, и пришлось довольствоваться скупкой нѣмецкихъ земель или распродажей на участки удѣльныхъ имѣній. За время 1886—1890 г. было устроено 690 нѣмецкихъ колонистовъ, изъ которыхъ свыше 300 происходило изъ Познани или Зап. Пруссіи, т. е. нисколько не усиливало нѣмецкаго элемента въ населеніи.

Изъ мѣръ германизаціи слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно одіозное средство борьбы, запрещеніе вообще преподавать польскій языкъ во всѣхъ народныхъ школахъ Познанской провинціи (7 сент. 1887 г.). Преемникъ Ледоховскаго, нѣмецъ Диндеръ въ согласіи съ германизаторской дѣятельностью правительства издалъ (22 окт. 1887 г.) распоряженіе о преподаваніи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ. Но особенное вниманіе власть обратила на начальную школу: за школой въ польскихъ мѣстностяхъ былъ учрежденъ особенно тщательный полицейскій надзоръ, а школѣ въ нѣмецкихъ приходахъ оказывалась всяческая поддержка. Съ чисто нѣмецкой систематичностью не было упущено ни одного случая, чтобы придавить еще больше польское населеніе Познани: давались стипендіи нѣмцамъ, обязывавшимся впослѣдствіи служить въ этой области, назначались субсидіи для различныхъ германизаторскихъ цѣлей и т. д. При этомъ правительство просто отказывалось вѣрить, что кто-нибудь изъ познанскихъ поляковъ не знаетъ нѣмецкаго языка. Даже судъ былъ употребленъ въ качествѣ средства для той же самой цѣли: отъ поляковъ стали требовать присяги и показаній на нѣмецкомъ языкѣ, переводчики вызывались все рѣже. На выборахъ вся избирательная процедура велась на нѣмецкомъ же языкѣ. Общества, книжки, газеты на польскомъ языкѣ подвергались преслѣдованіямъ.

Смерть императора Вильгельма не принесла полякамъ никакихъ облегченій, такъ какъ въ короткое царствованіе его преемника, больного, умирающаго имп. Фридриха, Бисмаркъ продолжалъ сохранять свое вліяніе. Лишь вступленіе на престолъ въ 1888 г. молодого имп. Вильгельма II открывало, казалось, новую эру и въ прусско-польскихъ отношеніяхъ. Императоръ былъ близокъ съ однимъ изъ польскихъ магнатовъ, Косцельскимъ. Онъ назначилъ архіепископомъ опять поляка, кс. Стаблевскаго, который былъ извѣстенъ уже ранѣе своей энергичной дѣятельностью въ ландтагѣ, гдѣ онъ принадлежалъ къ лидерамъ польской оппозиціи. Далѣе императоръ порвалъ отношенія съ ненавистнымъ для поляковъ Бисмаркомъ и назначилъ канцлеромъ умѣреннаго и осторожнаго Каприви. Въ польской политикѣ Пруссіи наступило

на нѣсколько лѣтъ (1890—94) смягченіе германизаторской системы. Однако, поляки прекрасно понимали, что на широкія уступки, касающіяся существа сложившихся отношеній, нельзя разсчитывать, такъ какъ, идя въ этомъ направленіи, правительство столкнулось бы съ рѣзкимъ сопротивленіемъ палатъ. Поляки были благодарны за прекращеніе политики мелкихъ раздраженій и за то, что въ сферѣ мѣръ, необходимыхъ для экономическаго развитія края, власть держалась нейтрально. Между тѣмъ, въ ландтагѣ, избранномъ въ 1893 г., партійныя соотношенія сложились такъ, что отъ голосовъ поляковъ зависѣло проведеніе весьма важныхъ для правительства военныхъ законопроектовъ. Поляки обнаружили большую лояльность и поддержали правительство, но скоро убѣдились, что уступки, которыя согласно сдѣлать это послѣднее, минимальны.

Онѣ свелись за весь этотъ сравнительно счастливый періодъ къ слѣдующему: перестали удалять изъ Пруссіи поляковъ, подданныхъ другихъ государствъ, такъ какъ допущеніе иностранныхъ рабочихъ оказалось необходимымъ и для нѣмецкаго сельскаго хозяйства; разрѣшили учителямъ въ герцогствѣ Познанскомъ давать дѣтямъ частные уроки польскаго языка, при чемъ, съ согласія волостного начальства, эти уроки могли происходить и въ школьномъ помѣщеніи, хотя содержаніе ихъ ограничивалось чтеніемъ и писаніемъ по-польски; нѣсколько позже въ программу народныхъ школъ было опять введено преподаваніе польскаго языка; при развитіи польскихъ кооперацій въ Познани чрезвычайно важное значеніе имѣло разрѣшеніе, данное Союзу польскихъ экономическихъ организацій, подчинять свои операціи надзору собственныхъ, а не правительственныхъ ревизіонныхъ комиссій.

Эра примирительной политики Каприви продолжалась короткое время, и въ слѣдующіе три года (1894—1897) постепенно возстановляется и усиливается прежняя система истребленія всего польскаго. Эпоха Каприви вызвала страшный переполохъ среди нѣмецкихъ шовинистовъ, и въ апрѣлѣ 1894 г. былъ основанъ «Всенѣмецкій союзъ», въ задачи котораго, какъ одна изъ главныхъ цѣлей, входила антипольская агитація. Вожди этого движевія обратились, какъ къ своему патрону, къ кн. Бисмарку, который, принимая многочисленныя депутаціи «паломниковъ», шедшихъ къ нему, произносилъ громовыя рѣчи противъ поляковъ. Это не прошло безслѣдно и въ настроеніи императора, раздраженнаго польскимъ патріотическимъ съѣздомъ во Львовѣ, и онъ сталъ въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ предупреждать поляковъ, что умѣетъ быть и очень непріятнымъ. Осенью же 1894 г. въ Познани было основано «Общество для укрѣпленія нѣмецкаго элемента въ восточныхъ провинціяхъ», которое въ просторѣчіи получило названіе гакаты отъ начальныхъ буквъ фамилій трехъ его основателей, Ганземана, Кенемана и Тидемана. Усиленіе нѣмецкаго національнаго сознанія, умноженіе и укрѣпленіе нѣмецкаго населенія восточныхъ провинцій въ экономическомъ отношеніи, развитіе широкой антипольской агитаціи съ помощью прессы (органъ «Die Ostmark») и странствующихъ ораторовъ: таковы были задачи новаго общества. Всякое проявленіе національной жизни среди поляковъ разсматривалось, какъ сепаратизмъ, и по поводу него начинался крикъ, а такъ какъ въ 1895 г. имп. Вильгельмъ II идейно окончательно примирился съ Бисмаркомъ, то онъ оказался всецѣло подъ вліяніемъ гакатистовъ. Съ этого времени, за послѣднія 19 лѣтъ, прусское правительство уже ни разу не сворачивало съ избраннаго имъ пути, и все крѣпче завертывало винтъ германизаціи, измышляя новыя и новыя мѣры и совершенно переставъ считаться съ конституціонными

сдержками. Сначала, однако, ограничивались возстановленіемъ всѣхъ тѣхъ антипольскихъ мѣръ, которыя примѣнялись въ эпоху Бисмарка: опять удаляли изъ предѣловъ государства негерманскихъ поляковъ, какъ «тягостныхъ иностранцевъ»; вступленіе на государственную службу для поляка становилось все болѣе затруднительно; польскій языкъ не разрѣшался даже при продажѣ желѣзнодорожныхъ билетовъ; польскія фамиліи и мѣстныя названія передѣлывались на нѣмецкій языкъ; познанскій національный флагъ съ «польскими» цвѣтами подвергся измѣненію и т. д. Трудно перечислить здѣсь тѣ мелкія и крупныя притѣсненія, которымъ подвергалось въ эти годы все польское въ Познани, тѣ усилія замѣнить польскаго крестьянина нѣмецкимъ, которыя исходили не только отъ правительства, но и изъ лона прусскаго ландтага. Не разъ цитированная мною книга Бузека представляетъ настоящій мартирологъ польской жизни въ Познани, и къ ней мнѣ приходится направить за ближайшими подробностями читателя. Нѣкоторое представленіе о всесторонности этой политики преслѣдованія даетъ перечисленіе тѣхъ рубрикъ, на которыя названный авторъ распредѣляетъ антипольскія мѣры правительства съ 1898 года. Онъ насчиталъ цѣлыя восемь рубрикъ: 1) колонизаціонная комиссія и борьба за землю, 2) средства для усиленія нѣмецкаго элемента въ городахъ, 3) задерживаніе наплыва польскаго населенія изъ-заграницы, 4) уменьшеніе численнаго прироста мѣстнаго польскаго населенія, 5) преслѣдованіе польскихъ сообществъ, собраній и печати, 6) уничтоженіе или ограниченіе права собраній и союзовъ для польскаго населенія, 7) германизація и притѣсненія въ области употребленія польскаго языка, 8) злоупотребленія администраціи и суда съ цѣлью борьбы съ поляками. Исчерпавъ всѣ легальные способы истребленія поляковъ, прусское правительство приступило въ началѣ 20 столѣтія, какъ бы въ насмѣшку надъ стремленіями человѣчества къ равноправію, какъ бы намѣренно рѣзко противопоставляя себя Россіи и Австріи, гдѣ было создано начало представительнаго строя 17 окт. 1905 г. (въ Россіи) и всеобщаго избирательнаго права (въ Австріи), приступило къ мѣрамъ необычнымъ и вполнѣ антикультурнымъ. Въ самомъ началѣ новаго вѣка подвергся изгнанію польскій языкъ изъ преподаванія даже Закона Божія въ народныхъ школахъ, гдѣ онъ до того времени еще сохранялъ кое-какія права. Результаты этого новаго ограниченія создали дѣло, отзвуки котораго поразили весь цивилизованный міръ. Это знаменитое Вжесенское дѣло, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Протестъ населенія противъ внѣдренія нѣмецкаго языка въ интимнѣйшую область школьной жизни вылился въ стихійныя формы. Въ маленькомъ мѣстечкѣ Вжеснѣ, гдѣ введеніе новаго правила должно было наступить 1 апр. 1901 г., родители отказались покупать нѣмецкіе катехизисы и велѣли отвѣчать на нѣмецкіе вопросы по Закону Божію по-польски. Дѣти выполнили приказъ и такъ упорно стояли на своемъ, что школьное начальство оказалось не въ силахъ сломить сопротивленіе и прибѣгло къ наказаніямъ. 20 мая 1901 г. 14 мальчиковъ и дѣвочекъ учитель и инспекторъ избили линейками по ладонямъ; на крики дѣтей сбѣжались родители, которые ворвались въ классъ и отняли дѣтей у расходившихся педагоговъ. За это судъ приговорилъ 24 человѣка къ тюремному заключенію на сроки отъ 2 до 30 мѣсяцевъ.

Вжесенская исторія облетѣла весь культурный міръ и вызвала въ Европѣ живое чувство состраданія къ угнетенному народу. Даже нѣмецкая печать возстала противъ жестокихъ мѣръ расправы съ польскими дѣтьми и ихъ родителями; и въ прусскомъ ландтагѣ послышались на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ скамьяхъ протесты противъ этой политики. Но правительство, не считаясь съ ними, рѣшило, во что бы то ни ста-

ло, сломить упорство дѣтей и, незаконно воспользовавшись одной статьей въ школьномъ уставѣ, заставило 40 дѣтей остаться въ школѣ, хотя имъ уже минуло 14 лѣтъ, возрастъ, обязательный для посѣщенія школы. Когда эта мѣра удалась, и дѣти склонились подъ ея тяжестью, правительство рѣшило распространить правило о нѣмецкомъ преподаваніи Закона Божія и на другія народныя школы Познани. Но въ 1906 г. вспыхнула безпримѣрная на свѣтѣ забастовка школьныхъ дѣтей, которая въ концѣ октября охватила уже 733 школы и 46,868 польскихъ дѣтей. Правительство отвѣтило на это новыми репрессіями: родителей, публицистовъ, духовенство привлекали къ суду за подстрекательство, дѣтей заставляли учиться нѣмецкому языку въ часы, предназначенные для З. Божія, оставляли въ школѣ послѣ уроковъ, сѣкли; гимназистовъ исключали за то, что ихъ братья, ученики низшихъ школъ, бастовали и т. д. Но польскія дѣти проявили необычайную душевную стойкость: еще въ маѣ 1907 г. бастовало около 17,400 дѣтей, и только за лѣто стрейкъ прекратился, оставивъ неизгладимые слѣды въ дѣтскихъ душахъ.

Все болѣе насильственный характеръ принимала и земельная политика прусскаго правительства. До 1896 г. колонизаціонная комиссія успѣла выкупить изъ польскихъ рукъ 40 тыс. гект., но тутъ, уже въ 1895—6 г., стало ясно, что дальнѣйшая дѣятельность комиссіи обречена на застой. Въ томъ же 1896 году поляки приступили къ оборонѣ своей земли съ помощью основаннаго Сикорскимъ банка, который сталъ самъ скупать нѣмецкія земли и распродавать ихъ участками польскимъ крестьянамъ. Результаты этой дѣятельности банка, къ которой мы еще вернемся, были поразительны; за десять лѣтъ до 1905 г. поляки не только покрыли всѣ свои національныя потери въ области землевладѣнія, но еще пріобрѣли лишнихъ 14 тыс. гектаровъ въ приморскихъ областяхъ къ западу отъ Данцига, и при томъ еще преимущественно при посредствѣ нѣмецкихъ же банковъ, которымъ польскіе крестьяне платили хорошія деньги. Правительство выступило въ походъ и, вспомнивъ уставъ 1876 г. о поселеніяхъ, гдѣ разрѣшеніе на постройку жилья давалось мѣстной властью при условіи безопасности постройки въ пожарномъ отношеніи, внесло въ авг. 1904 г. въ ландтагъ законъ о постройкахъ, направленный, по совершенно откровенному заявленію министра, противъ поляковъ. При раздѣленіи земли на участки естественно создаются новыя мелкія поселенія, но именно этихъ послѣднихъ правительство и не хотѣло допускать. По новому закону уѣздная власть «должна отказывать въ Познанскомъ герцогствѣ и въ Западной Пруссіи въ разрѣшеніи строить жилище, если проситель не представитъ отъ президента регентства свидѣтельства относительно того, что постройка не противорѣчитъ цѣлямъ устава 26 апр. 1886 г. о поддержкѣ нѣмецкой колонизаціи противъ тенденцій полонизаціи». Проведеніе и этого закона сопровождалось жестокостями. Извѣстенъ случай съ крестьяниномъ Држималой, который, не получивъ разрѣшенія на постройку дома, поселился со всей своей семьей въ крытомъ фургонѣ, за что и былъ подвергнутъ судебному преслѣдованію. Наряду съ колонизаціонной комиссіей и съ той же цѣлью работаютъ еще два другія учрежденія, дѣятельность которыхъ менѣе обращала на себя вниманіе европейскаго общественнаго мнѣнія. Это Mittelstandkasse (съ 1904 года) и Bauernbank (съ 1906 г.). Оба эти учрежденія, изъ которыхъ первое дѣйствуетъ въ Познани, второе въ Данцигѣ, имѣютъ одинаковую задачу: они посредничаютъ между крестьяниномъ и Колонизаціонной Комиссіей, доставляя первому отъ послѣдней ссуду по низкому проценту. Съ помощью различныхъ манипуляцій сомнительной юридической честности ссуда оказывается «остат-

комъ отъ платы», за которую участокъ земли будто бы купленъ Колониз. Комиссіей. Общество «Straż», о которомъ уже было упомянуто, собрало много свѣдѣній о дѣятельности этихъ учрежденій и разработало ихъ въ обширномъ докладѣ, но здѣсь я не буду входить въ эти подробности.

Когда, однако, и вся эта дѣятельность не остановила дальнѣйшаго роста польскаго землевладѣнія, правительство внесло 23 ноября 1907 г. въ прусскій ландтагъ законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель. Послѣ долгихъ острыхъ преній палата приняла (18 янв. 1908 г.) предложенный законъ въ слѣдующихъ формахъ: правительство можетъ пріобрѣсти путемъ отчужденія не болѣе 70 тыс. гект. При этомъ отчужденіе можетъ имѣть мѣсто только въ округахъ, гдѣ безопасность нѣмецкаго элемента не можетъ быть ограждена иначе, какъ съ помощью усиленія и округленія уже существующихъ нѣмецкихъ поселеній путемъ созданія (новыхъ) поселеній; только необходимую для этого землю правительство и можетъ отчудить, но право отчужденія, ни въ коемъ случаѣ, не распространяется на церковныя строенія и на земли, принадлежащія церкви или благотворительнымъ учрежденіямъ и пріобрѣтенныя имп до 26 февраля 1908 г. Въ такой формѣ приняла законъ и палата господъ. До сихъ поръ, однако, правительство мало использовало этотъ законъ. [1]) Онъ еще болѣе обострилъ отношенія между поляками и властью, и, если и прежде предложенія со стороны поляковъ земли колонизаціонной комиссіи отмѣчались съ возмущеніемъ польскимъ общественнымъ мнѣніемъ, то теперь всякое такое предложеніе вызываетъ особенно глубокое негодованіе въ польскомъ обществѣ. Оно стало почти невозможнымъ или, во всякомъ случаѣ, очень рѣдкимъ явленіемъ [2]) въ условіяхъ этой борьбы.

Наконецъ, съ цѣлью сломить противодѣйствіе со стороны польскаго общественнаго мнѣнія, правительство рѣшило лишить поляковъ основного конституціоннаго права собраній. Въ 1907 г. канцлеръ кн. Бюловъ внесъ въ рейхстагъ новый законъ объ обществахъ и собраніяхъ. § 7 этого законопроекта гласилъ, что «пренія на публичныхъ собраніяхъ должны вестись на нѣмецкомъ языкѣ. Исключенія допускаются съ разрѣшенія мѣстной власти». И здѣсь, при обсужденіи законопроекта, представители правительства безъ стѣсненія проводили грубую и циничную антипольскую тенденцію. Этотъ параграфъ прошелъ 4 апр. 1908 г. 200 голосовъ противъ 179, но съ нѣкоторыми поправками, изъ которыхъ самая важная давала «давно поселившемуся не нѣмецкому населенію» право говорить на собраніяхъ на своемъ языкѣ еще въ продолженіи 20 лѣтъ, если этотъ не нѣмецкій элементъ превышаетъ 60 проц. въ населеніи. Практически это лишало 45 проц. польскаго населенія Пруссіи права говорить на собраніяхъ по-польски. Въ самомъ городѣ Познани оказалось менѣе 60 проц. поляковъ, но законъ стали обходить тѣмъ, что собранія устраивались въ окрестностяхъ Познани, гдѣ имѣется нужный процентъ поляковъ.

Не довольствуясь приведенными способами пріобрѣтенія польской земли въ нѣмецкія руки, прусское правительство внесло весной 1914 года въ прусскій ландтагъ проектъ новаго закона, получившаго назва-

---

[1]) 10 октября 1912 г. колонизаціонная комиссія постановила пріобрѣсти по праву принудительнаго отчужденія четыре польскія имѣнія: Kołdrąb (въ Жнинскомъ уѣздѣ), Złotniki (въ Познанскомъ), Dębska (въ Стрѣлинскомъ) и Lipienki (въ Свѣцкомъ уѣздѣ), всего около 2 тыс. гект. См. брошюру «Ziemię nam zabierają!» (изданіе газеты «Dziennik Bydgoski»). Въ маѣ 1914 г. военное управленіе предприняло шаги къ принудительному отчужденію еще одного имѣнія, Bojechowo, хотя и не въ цѣлости.

[2]) Такъ, въ іюнѣ 1914 г. одинъ польскій землевладѣлецъ продалъ калонизаціонной комиссіи очень цѣнное имѣніе въ 900 морговъ за 570 тыс. марокъ, самъ же онъ купилъ его въ 1912 г. за 480 тыс. Вся польская печать омѣтила этотъ фактъ.

ніе устава о парцелляціи. Этотъ законъ, на видъ очень либеральный, представлялъ опаснѣйшее оружіе противъ сохраненія польскаго землевладѣнія. Именно, онъ проектировалъ предоставленіе правительству права преимущественнаго пріобрѣтенія всякаго продаваемаго земельнаго имущества свыше 10 гект. въ цѣляхъ перепродажи его крестьянамъ. Отстаивая этотъ законъ, министръ земледѣлія подчеркивалъ его значеніе для «внутренней колонизаціи». Въ первомъ чтеніи законопроектъ прошелъ быстро, и затѣмъ онъ былъ переданъ въ комиссію. Дальнѣйшее движеніе его задержалось начавшейся въ іюлѣ того же года войной.

Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ итоговъ этой печальной національной борьбы, остановимся на тѣхъ средствахъ обороны, которыя выработало польское населеніе Познанскаго княжества и Пруссіи. Эти средства распадаются на экономическія, чисто культурныя и политическія. Начало первыхъ относится къ 1848 г., когда великопольскій помѣщичій классъ основалъ общество «Лига» съ отдѣломъ, посвященнымъ интересамъ сельскаго хозяйства и крестьянства. Одинъ изъ основателей лиги, Эстковскій, при составленіи программы ея указалъ на важность учрежденія среди крестьянскаго населенія обществъ кредитныхъ, потребительныхъ и производительныхъ. Въ Зап. Пруссіи Ю. Кразевичъ основалъ въ 1862 г. чисто крестьянское общество, которое сразу пошло такъ хорошо, что уже въ 1865 г. насчитывало больше 400 членовъ и образовало нѣсколько отдѣленій. Это вызвало на свѣтъ появленіе двухъ первыхъ крестьянскихъ кружковъ (kółka włościańskie) въ Великопольшѣ, за которыми послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Для мелкаго ремесленнаго и торговаго класса въ Познани въ томъ же 1848 г. было учреждено общество промышленниковъ, откуда въ 1852 г. вышла мысль организаціи кассы взаимопомощи, но эта мысль не могла осуществиться сразу, и до 1860 г. самое общество едва влачило свое существованіе. Но въ этомъ году въ него вступило много новыхъ членовъ, и въ 1861 г. организовался первый познанскій банкъ взаимнаго кредита (spółka kredytowa). Примѣръ вызвалъ подражанія, и уже въ 1871 г. насчитывалось 38 такихъ кредитныхъ обществъ. Тогда зародилась мысль объединить дѣятельность этихъ обществъ въ одномъ центральномъ учрежденіи, «Союзѣ польскихъ заработныхъ обществъ» (Związek spółek zarobkowych Polskich), который долженъ былъ охватывать польскія кредитныя учрежденія не только въ Познанской области, но и въ Западной Пруссіи и Верхней Силезіи. Въ іюлѣ 1871 г. сорганизовался комитетъ союза, во главѣ съ Кантакомъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ прусскаго ландтага. Кантакъ не могъ долго исполнять свои обязанности и передалъ ихъ другимъ лицамъ. Тутъ то и обнаружилась та важная роль, которая принадлежала и принадлежитъ въ Польшѣ бездѣтному и часто самоотверженному свободному католическому духовенству. Дѣло развитія Союза пошло быстро впередъ лишь съ 1872 г., когда во главѣ его сталъ кс. Шамажевскій. Число обществъ, примкнувшихъ къ Союзу, стало быстро возрастать: въ 1873 г. оно составляло уже 74, несмотря на то, что это былъ годъ тяжелаго финансоваго кризиса, отъ котораго пострадалъ и земледѣльческій познанскій банкъ «Tellus». Но кс. Шамажевскій не терялъ надежды. Онъ говорилъ въ 1875 г. на собраніи Союза, что «золота нѣтъ, есть только мѣдяки, которые ѣстъ еще ржавчина долговъ послѣ упадка имѣній и вслѣдствіе плохого хозяйства. Положеніе измѣнилось, говорилъ онъ, отъ прошлаго намъ остались только мѣдяки, а современная жизнь даетъ въ награду за трудъ опять только мѣдяки. Вся задача нашего благосостоянія зависитъ отъ того, чтобы мы не обманывали себя и поняли, что мы живемъ въ эпоху мѣди, и научились хозяйничать съ помощью мѣдяковъ». Въ 1874 г. число обществъ составляло 79, число членовъ 8715.

«Крестьянскій банкъ», основанный Союзомъ въ 1872 г., кредитовалъ своихъ членовъ; глава союза, кс. Шамажевскій, работалъ, не покладая рукъ: онъ провѣрялъ, училъ, привлекалъ новыя общества въ Союзъ и т. д., но особенно трудился надъ тѣмъ, чтобы не рвалась связь между отдѣльными «спулками» (кружками) и ихъ организаціей, Союзомъ, такъ какъ при разрушеніи этой связи кружки легко банкротились. При всѣхъ трудностяхъ въ общемъ дѣло продолжало расти, и въ 1879 г. число членовъ поднялось до 12817, въ 1882 г. число входившихъ въ Союзъ кружковъ достигло 109, хотя и внѣ его имѣлось еще не мало такихъ народныхъ организацій. Въ 1885 году возникла мысль, высказанная кс. Вавжинякомъ, о необходимости устроить спеціальный банкъ для союзныхъ «Кружковъ», который долженъ былъ явиться притягательнымъ средствомъ для организацій, не примкнувшихъ еще къ Союзу. На съѣздѣ представителей кооперативныхъ обществъ («спулокъ») и было рѣшено основать такой банкъ, и этотъ послѣдній былъ открытъ 21 дек. 1885 г. съ капиталомъ въ 40 тыс. марокъ. Въ этомъ году союзъ «спулокъ» обнималъ уже 20,435 членовъ. Отчеты Союза, собранные В. Томашевскимъ въ его исторіи полувѣковой дѣятельности Союза, лишены, по большей части, яркихъ фактовъ. Только непрерывный ростъ числа членовъ и капиталовъ показываетъ намъ, съ какой кропотливой, упорной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся работой мы имѣемъ здѣсь дѣло. Когда въ 1890 г. патронъ Союза, кс. Шамажевскій, умеръ, число его членовъ составляло уже 26.533. Шамажевскій оставилъ свое любимое дѣло достойному преемнику, какимъ явился кс. Вавжинякъ, человѣкъ необычайной энергіи и силы воли, также недавно скончавшійся. Вліяніе кс. Вавжиняка было колоссально; его искусство сохранять въ самыя бурныя и трудныя времена кооперативный союзъ отъ вмѣшательства политики и отъ враждебныхъ намѣреній правительства поражало всѣхъ. При Шамажевскомъ намѣчался нѣкоторый расколъ въ дѣятельности Союза на почвѣ образованія нѣсколькихъ новыхъ группъ. Слить ихъ въ одно цѣлое явилось первой задачей новаго патрона, какъ назывался главный руководитель Союза. Ему удалось осуществить эту задачу въ полной мѣрѣ, и въ 1891 г. всѣ организаціи слились въ одинъ «Союзъ заработныхъ и хозяйственныхъ организацій въ Познанскомъ княжествѣ и Западной Пруссіи», который получилъ правительственное утвержденіе въ іюлѣ 1892 г. Правленіе Союза являлось, по новому уставу, уполномоченнымъ Союза передъ лицомъ власти, юридическимъ лицомъ съ извѣстными правами по отношенію къ составнымъ частямъ Союза, отдѣльнымъ организаціямъ. Такое новое устройство Союза сильно облегчило его дѣятельность и значительно послужило дальнѣйшему объединенію экономическихъ организацій. Въ 1893 г. къ Союзу примкнула и самая старинная познанская организація, «Банкъ промышленниковъ». Дѣло стояло на твердыхъ ногахъ. Число новыхъ организацій возрастало съ чрезвычайной быстротой. Въ нѣкоторые годы приростъ обществъ, примыкающихъ къ Союзу, выражался 18 (1905), 27 (1906), 28 (1907), въ другіе онъ падалъ до 3 (1908, 1903), 13 (1909) и т. д. Происходило это нерѣдко отъ того, что не было надобности въ возникновеніи новыхъ общественныхъ организацій, а имѣвшіяся на лицо уже ранѣе примкнули къ Союзу. Такимъ образомъ, въ 1909 г. число членовъ Союза достигло огромной цифры 114,732 (въ 1908 г. 105,793), при чемъ изъ этого числа 62,401 чел. принадлежалъ къ классу земледѣльцевъ, 17,098 занималось промыслами и ремеслами и къ остальнымъ профессіямъ принадлежало 9,690; относительно занятій 25,543 членовъ свѣдѣній не имѣлось. Какъ ни велики эти цифры, оказалось, что предѣлъ еще не достигнутъ: въ 1910 г. возникло еще 7 организацій, въ томъ числѣ 5

народныхъ банковъ, такъ что къ концу этого года Союзъ обнималъ уже 265 организацій и 125,108 членовъ (въ Спулкахъ взаимнаго кредита 107,707 чел., въ Спулкахъ земскихъ 3,944, въ земледѣльческихъ кооперативахъ «Рольникъ» 5,846 и въ разныхъ другихъ 7,611). Большое несчастіе постигло Союзъ 9 ноября 1910 г.: въ этотъ день умеръ неутомимый и самоотверженный слуга польскаго народа, кс. Вавжинякъ, который больше двадцати лѣтъ трудился надъ созданіемъ кооперативной дѣятельности среди населенія въ Познани, а въ 1890 г. сдѣлался, по смерти кс. Шамашевскаго, патрономъ Союза. Но патріотическій духъ, закаленный въ упорной борьбѣ съ враждебными нѣмецкими вліяніями, оказался уже настолько силенъ въ Познани, что на мѣсто умершаго кс. Вавжиняка нашелся немедленно новый дѣятель, кс. Адамскій. Отчетъ Союза за 1911 г. показалъ дальнѣйшее развитіе организацій: число членовъ поднялось до 134,161 чел. Изъ суммъ, которыя отмѣчены въ отчетѣ, особую цѣнность имѣютъ данныя, относящіяся къ сбереженіямъ, такъ какъ эти послѣднія представляютъ настоящій національный капиталъ. Несмотря на плохой урожай въ 1911 г., количество сбереженій сильно возросло: въ 1910 г. оно составляло 204,612, 829 марокъ, а въ 1911 г. 231 мил. А такъ какъ въ составъ Союза попрежнему входятъ, по большей части, земледѣльцы и мелкіе ремесленники, торговцы и т. д. (89 проц. всего числа членовъ въ 1911 г.), то смыслъ этого общественнаго явленія, непрерывнаго накопленія національныхъ средствъ, становится понятенъ; къ тому же, эти сбереженія притекаютъ со всѣхъ концовъ Познани, въ видѣ мелкихъ, иногда даже очень мелкихъ суммъ. Такъ, въ послѣдніе годы на одну кассу мелкихъ сбереженій (по системѣ Райфейзена) приходилось не многимъ болѣе 1725 марокъ. Указавъ на то, что въ 1900 г. число вкладчиковъ составляло 43,019 чел., а въ 1909 г. 156,357 и соотвѣтственно росло число депозитовъ, В. Томашевскій (II. 224) заключаетъ, что за десятилѣтіе число вкладовъ возросло на 264%, а сумма вкладовъ на 369%, и замѣчаетъ, что «процентная высота бережливости возрастаетъ очень быстро». Особую организацію представляютъ польскія земледѣльческія Сообщества (Kółka rolnicze) въ Зап. Пруссіи. На съѣздѣ ихъ въ іюнѣ 1914 г. обнаружился быстрый ростъ этихъ организацій, которыхъ насчитывалось въ данной области 117 (съ 6762 членами). Рядомъ съ этими обществами трудилась надъ той же задачей другая организація: «Экономическое земледѣльческое общество», обладавшее многочисленными филіальными отдѣленіями.

Въ странѣ, по преимуществу, земледѣльческой, гдѣ сельскимъ хозяйствомъ занимается больше половины всего населенія (въ Познани 58%, въ Запад. Пруссіи 51%), организаціи, направляющія свою дѣятельность на пріобрѣтеніе и парцелляцію земли, представляютъ особое значеніе. Число такихъ организацій (съ 1890 г., когда возникла первая въ гор. Познани), ставящихъ своей задачей снабженіе каждаго землепашца необходимымъ количествомъ земли, быстро возрастаетъ въ послѣднее время, хотя ихъ дѣятельность встрѣчается со всякими препятствіями со стороны администраціи и новыхъ жестокихъ законовъ о застройкахъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, эти чисто крестьянскія общества быстро развиваются, какъ показываютъ слѣд. данныя: 1909 г.—число «спулокъ» 17, членовъ 3434, вкладовъ 1,526,721 мар.; 1910: 19; 3502; 1,605,739; 1911: 23; 5352; 1,760,364. Дѣятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ «земскихъ» или парцелляціонныхъ организацій охватываетъ широкіе районы (всю Западную Пруссію, или Вел. Кн. Познанское и Зап. Пруссію, или еще и Поморье и т. д.), дѣятельность другихъ—отдѣльные уѣзды или области (Верхнюю Силезію, Любавскій уѣздъ и т. д.). До конца 1910 г. 20 товариществъ пріобрѣли 325 крупныхъ имѣній въ 38,775 гектаровъ,

и 1206 меньшихъ въ 17,337 гект. и распарцеллировали 66,198 гект., при чемъ пространство наименьшаго участка составляло половину морга [1]). За одинъ 1911 годъ 13 «Земскихъ спулокъ», представившихъ свои отчеты, раздѣлили на участки 1504 гект. и продали изъ этого числа 1323 гект. Съ какими препятствіями приходится бороться при развитіи этой дѣятельности, видно изъ словъ кс. Циммермана [2]), которому принадлежитъ видная и почетная роль въ защитѣ польской земли. «Парцелляціонные банки покупали сначала преимущественно большія имѣнія и фольварки, которые дѣлили на мелкіе участки и распродавали работникамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Пріобрѣтатели возводили на купленныхъ участкахъ постройки и такъ, легко и выгодно, становились собственниками. Вслѣдствіе закона о колонизаціи отъ 1904 г. теперь приходится, обычно, продавать большія имѣнія почти цѣликомъ, такъ какъ новыхъ жилыхъ помѣщеній строить не позволяютъ, а на нихъ-то, обыкновенно, и бываетъ слишкомъ мало жилыхъ зданій; да, кромѣ того, около нихъ и мало бываетъ прилегающихъ землевладѣльцевъ, между которыми можно раздѣлить землю. Парцелляціонные банки должны теперь ограничиваться раздѣленіемъ на участки среднихъ и, прежде всего, мелкихъ хозяйствъ. Поэтому теперь особенно развернули свою дѣятельность мелкія парцелляціонныя организаціи. По анкетѣ 1907 г. (д-ра Карасевича), 9 спулокъ распродали за послѣдніе шесть лѣтъ 39,639 морговъ, при чемъ въ цѣломъ кускѣ 9527 морг., а въ видѣ мелкихъ участковъ 30112. Поэтому, справедливы призывы къ обществу, чтобы оно удѣлило больше вниманія парцелляціи земли при помощи спулокъ и дало имъ необходимые для этой цѣли капиталы. Въ настоящее время 12 малыхъ спулокъ насчитываетъ только 1164 члена, оборотный капиталъ составляетъ $2^1/_2$ мил. марокъ. Въ концѣ 1911 г. только три спулки познанскія распоряжались собственнымъ капиталомъ въ 2,295,158 мар. и чужимъ въ 8,986,516 марокъ. Эти крупныя познанскія «Спулки» слѣдующія: Bank Parcelacyjny, Spółka Rolników Parcelacyjna и Spółka ziemska. Исторія этихъ организацій чрезвычайно интересна. Особенно любопытно возникновеніе и развитіе «Парцелляціоннаго банка», основаннаго въ 1897 г. И. Сикорскимъ, развившаго огромную дѣятельность и, вообще, давшаго толчокъ всему крестьянскому движенію, которое устремилось къ пріобрѣтенію земли. Къ сожалѣнію, мнѣ приходится ограничиться ссылкой на книгу Бузека и на статью А. Башмакова.

Перейдемъ къ итогамъ дѣятельности колонизаціонной комиссіи, которая вызвала въ видѣ отпора все это огромное по своему экономическому и нравственному значенію движеніе среди польскаго населенія Познани, З. Пруссіи, Поморья и В. Силезіи. Согласно отчету колонизаціонной комиссіи за 1911 годъ (см. «Głos Warszawski» 24 марта 1912 г.), ей удалось пріобрѣсти за отчетный годъ 8938 гектаровъ за 12,472,567 мар., при чемъ изъ этого количества земли лишь 1202 гект. были пріобрѣтены изъ польскихъ рукъ. Въ 1911 г. на земляхъ, пріобрѣтенныхъ комиссіей, было размѣщено 1,443 колониста, которымъ было роздано въ видѣ участковъ 18,066 гект. Вообще же, до конца 1911 г. комиссія устроила 19,788 колонистовъ, которые насчитываютъ вмѣстѣ со своими семьями 118,728 чел. Изъ этого числа колонистовъ-хозяевъ 4,842 происходили изъ той самой области,

---

[1]) 1 магдебургскій моргъ равняется 2553 кв. метр.

[2]) Ср. его статью «Powstanie i rozwój spółek zarobkowych i gospodarczych» въ юбилейной книжкѣ «Познанскаго дневника» (см. выше). Статья была написана въ 1909 г., съ ея цифрами необходимо сопоставить вышеприведенныя статистическія данныя, которыя показываютъ, что за указаніями кс. Циммермана познанское общество, дѣйствительно, пошло.

на которую простирается дѣятельность комиссіи, т. е. изъ Познани и Зап. Пруссіи; 9,738 было пріѣхавшихъ изъ Германіи и 4,990 «изъ-за границы», при чемъ названіе «заграничныхъ» имѣетъ въ виду, преимущественно, нѣмцевъ, возвращающихся изъ Россіи. Общее пространство земли, розданной колонистамъ со времени учрежденія комиссіи, составляло 283,315 г. или около 50 кв. миль, а сумма нѣмецкаго населенія въ имѣніяхъ, розданныхъ комиссіей или находившихся въ ея обработкѣ, равнялась въ 1911 г. приблизительно 141 тыс. людей. Этотъ отчетъ комиссіи вызвалъ большое неудовольствіе въ нѣмецкой націоналистической печати, которая отмѣтила «устрашающее омертвеніе» въ дѣятельности комиссіи и ея критическое положеніе. При этомъ печать доказывала, что дѣйствительное число устроенныхъ колонистовъ вдвое меньше того, что даютъ вздутыя цифры отчета. Въ 1912 году комиссія пріобрѣла для своихъ цѣлей 25,321 гект., въ 1913 году она купила 64 большія и небольшія земельныя имущества, общей сложностью въ 18.835 гект. (въ томъ числѣ 9.629 гект. въ Познанскомъ княжествѣ и 9.206 въ Зап. Пруссіи). Общая дѣятельность комиссіи до конца 1913 года выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: всего было ею куплено 438.560 гект., за которые она уплатила 448.989.949 марокъ (т.-е. круглымъ числомъ полмилліарда марокъ). Но изъ этого огромнаго числа гектаровъ лишь 124.903, т.-е. около $^1/_4$, перешло во владѣніе комиссіи изъ польскихъ рукъ. Оказалось, такимъ образомъ, что подъ угрозой продажи своей земли полякамъ нѣмцы-помѣщики особенно выгодно сбываютъ свои земли комиссіи. Возникаетъ просто афера. Съ 1886 г. комиссія истратила на свои нужды 913.872.000 марокъ, и расходъ превысилъ доходы на 621.316.000 марокъ. Естественно, что поднялась полемика и относительно дальнѣйшей дѣятельности комиссіи. Въ то время, какъ націоналистическая «Täglicbe Rundschau» настаивала на необходимости приступить къ насильственному отчужденію польскихъ земель, «Hallesche Zeitung» утверждала, что комиссія въ землѣ не нуждается, такъ какъ предложеній (изъ нѣмецкихъ рукъ) было сдѣлано за отчетный годъ на 157 тыс. гект., т. е. на 87 тыс. гект. больше того, что, вообще, комиссія имѣетъ право пріобрѣсти (Słowo 11 апр. 1912 г.). Вся эта полемика не прошла, однако, безрезультатно: на должность президента колониз. комиссіи было назначено новое лицо, Гаазе, которому былъ данъ лозунгъ «болѣе быстрой дѣятельности» (Gaz. Warsz. 29 окт. 1913 г.). Иногда ни дѣятельность организаціи «Straż», призывающей общественное мнѣніе противъ нарушителей національнаго долга, ни экономическія общества не могутъ удержать отъ сбыта имѣній за хорошія деньги въ нѣмецкія руки. Такъ, осенью 1913 г. польскія газеты («Kur. Polski» 7 авг, «Słowo» 24 окт. и др.) сообщали о нѣсколькихъ случаяхъ предложенія или продажи польскихъ земель колониз. комиссіи. Въ одномъ случаѣ не могъ притти на помощь и Bank ziemski. Тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ статистика, эти случаи очень рѣдки. Вообще, сообщаетъ познанскій корреспондентъ варшавскаго «Słowa» (5 нояб. 1913 г.), «у насъ почти не продается имѣній; ихъ всѣ можно пересчитать на пальцахъ одной руки. Никто не хочетъ продавать землю, потому что она приноситъ ему больше, нежели даетъ процентъ отъ того капитала, который можно получить при продажѣ.» Если принять еще во вниманіе, что весьма часто нѣмецкіе колонисты, поселившись среди чуждаго и враждебнаго къ нимъ населенія, бѣгутъ, что очень часто, позарившись на всяческія пособія, которыя комиссія даетъ колонистамъ, къ нимъ протягиваютъ руку люди лѣнивые, беззаботные или недобросовѣстные, то станетъ еще болѣе ясно, на какой зыбкой почвѣ стоитъ земельная захватная политика прусскаго

правительства въ польской области. [1]) Поэтому, и заключеніе Бузека въ его книгѣ звучитъ бодро и увѣренно. Народъ научился вѣрить только своимъ силамъ, объединенъ единствомъ сознанія.

Однако, не менѣе оптимистически настроенъ и авторъ книги, проникнутой идеалами гакатизма, Мичерлихъ. Онъ разсматриваетъ различныя отрасли труда, въ которыхъ поляки соперничаютъ съ нѣмцами и приходитъ къ утѣшительнымъ для него результатамъ, что съ начала XX в. нѣмцы повсюду пріобрѣтаютъ перевѣсъ. Такъ, въ области земледѣльческой промышленности въ Познани нѣмцы составляли въ 1895 г. 26,1%, въ 1907 г. уже 30,5%. То же самое наблюдается и въ области ремеслъ и обрабатывающей промышленности: съ 1882 г. по 1895 г. поляки сильно выдвигались впередъ; они сохранили здѣсь перевѣсъ и въ періодъ 1895—1907 г. «Тѣмъ не менѣе, положеніе все-таки нѣсколько улучшилось въ пользу нѣмцевъ. Это обнаруживается при сравненіи процентныхъ отношеній поляковъ и нѣмцевъ въ періоды 1882—1895 и 1895—1907. Поляки оказались не въ состояніи сохранить свой прежній процентъ; онъ упалъ (по отношенію къ общему приросту польскаго и нѣмецкаго населенія) съ 52,6 на 34,2. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ нѣмцами. Они обнаруживаютъ въ 1882—1895 г. процентное отношеніе только въ 9, и этотъ процентъ увеличился въ періодъ 1895—1907 на 2,7». Это означаетъ, что среди наѣзжаго нѣмецкаго населенія больше лицъ, занимающихся ремесломъ, чѣмъ прежде, но, такъ какъ въ общей массѣ нѣмецкаго и польскаго населенія Познани, занимающейся ремеслами, на долю поляковъ приходится 1882 г.: 48,1%, 1895: 58,3%; 1907: 62,6%, то едва-ли существуютъ серьезныя основанія для оптимизма нѣмецкаго націоналиста. Цифры показываютъ, что поляки занимаютъ все болѣе видное положеніе и въ торговой дѣятельности въ Познани: 1882: 27,6%, 1895: 37,4% и наконецъ въ 1907 г. 49,2% (тогда какъ нѣмцы 50,8%). Здѣсь нѣмецкому націонализму приходится утѣшаться сознаніемъ, что «экономическій перевѣсъ находится все-таки еще на сторонѣ нѣмцевъ, хотя, безъ сомнѣнія, и поляки сдѣлали большіе успѣхи». Кое въ чемъ, однако, поляки уступаютъ нѣмцамъ (служба на путяхъ сообщенія, содержаніе гостиницъ и т. д.),и, благодаря этому, процентныя отношенія производятъ менѣе выгодное для поляковъ впечатлѣніе. Оказывается, что въ области промышленной жизни процентное отношеніе двухъ народностей въ княжествѣ Познанскомъ измѣнилось за время съ 1895 по 1907 г. не въ пользу поляковъ, которые въ 1895 г. составляли 68,6%, а въ 1907 г. 67%. Едва-ли, однако, отсюда можно сдѣлать какой-нибудь выводъ о постепенномъ упадкѣ поляковъ въ экономической жизни этой провинціи. И самая книга характерна, прежде-всего, какъ «ученая» попытка укрѣпить націоналистическую политику Пруссіи, основавъ ее на экономической статистикѣ. Эта политика, по мнѣнію Мичерлиха, «ориентирована вполнѣ правильно. Позиція нѣмцевъ въ сельскомъ хозяйствѣ оказывается все еще болѣе слабой, чѣмъ, польская. Но колоніальная политика государства направлена на то, чтобы помочь этому горю». Если бы даже нѣмецкій элементъ, дѣйстви-

[1]) Очень любопаытныя свѣдѣнія по этому вопросу сообщилъ въ началѣ 1914 года представитель нѣмецкой власти въ Познани, Гаде, президентъ познанскаго регентства. Оказалось, что значительное число нѣмецкихъ колонистовъ пріобрѣтаетъ землю только съ цѣлями спекуляціи. Такъ, изъ нѣмецкихъ колонистовъ приблизительно 31 проц. продаетъ свои участки черезъ 4—6 лѣтъ послѣ ихъ пріобрѣтенія, при чемъ уступаетъ ихъ съ хорошей прибылью, по большей части, тѣмъ нѣмецкимъ землевладѣльцамъ, которые уже и раньше жили въ этихъ мѣстахъ. Колонизаціонная комиссія создала горячечную спекуляцію землей, но не сумѣла, дѣйствительно, устроить нѣмецкую колонизацію въ польскихъ земляхъ. Познанскіе крестьяне, какъ мнѣ не разъ приходилось замѣчать, относились къ этимъ нѣмецкимъ колонистамъ съ пренебреженіемъ, какъ къ плохимъ хозяевамъ и пустымъ людямъ.

тельно, нѣсколько подавлялъ постепенно польскій, особенно въ городахъ [1]), то все-же побѣду надъ польскимъ населеніемъ въ томъ смыслѣ, на какомъ настаиваетъ политика гакаты, онъ одержалъ бы лишь въ очень отдаленномъ будущемъ: при развитіи польскаго національнаго сознанія и духа кооперації едва-ли вообще мыслима такая побѣда.

Надо еще прибавить, что въ самой Германіи все чаще раздаются негодующія заявленія по адресу правительства, бросающаго огромныя суммы на какія-то утопическія цѣли, въ родѣ германизаціи Познани. А насколько громадны эти суммы, видно изъ приведенныхъ данныхъ: на цѣли антипольской политики прусское правительство истратило въ періодъ 1898—1907 г. 637 мил. мар., въ одномъ же 1908 году около 322 мил. мар., итого до мильярда марокъ въ 11 лѣтъ, а позже еще больше (см. выше). Если отъ дѣятельности колон. комиссіи и всей этой германизаціонной политики нѣсколько пострадали интересы поляковъ въ Познанскомъ княжествѣ въ національномъ отношеніи, то зато, съ другой стороны, изъ многихъ сотенъ мильоновъ, истраченныхъ на эту политику, не мало пошло и на пользу провинціи и, косвеннымъ образомъ, на пользу поляковъ. Такъ, съ 1902 по 1908 г. на постройку новыхъ дорогъ въ Познани истрачено до 160 мил. мар., въ самой столицѣ княжества были устроены публичныя библіотеки, гигіеническій институтъ, академія (нѣчто въ родѣ университета съ публичными лекціями), открытъ въ 1903 г. земледѣльческій институтъ, были приведены въ порядокъ водныя сообщенія (на что истрачено за время 1898—1908 свыше 21 мил. мар.) и т. д. Великолѣпно поставленное сельское хозяйство, объединеніе всего народа въ національномъ сознаніи, широко развитой духъ общественности и гражданственности, высокая умственая культура и общественная нравственность, стремленіе стоять въ экономической жизни на своихъ ногахъ, не ожидая ничьей помощи: вотъ что мы находимъ въ Познани въ результатѣ германизаціонной политики прусскаго правительства. Но это послѣднее готово ждать: оно разсчитываетъ, что его политика принесетъ свои плоды только черезъ 50 лѣтъ. (Huret. 447). Едва-ли, однако, современное положеніе вещей, наблюдаемое въ Познанскомъ княжествѣ, позволяетъ строить такія ожиданія, даже признавая извѣстные дефекты въ польской политикѣ.

Стремленія польскихъ дѣятелей въ Познани не ограничиваются работой надъ народными массами съ цѣлью пріучить ихъ къ экономичес-

---

[1]) Стремленіе захватить въ свои руки города составляло часть нѣмецкой колонизаціонной политики. Такой захватъ грозилъ матеріальнымъ ущербомъ польской интеллигенціи и увеличивалъ заработокъ мѣстныхъ нѣмецкихъ врачей, адвокатовъ и т. п. Окружать польскіе города нѣмецкими колоніями считалось особенно успѣшнымъ средствомъ въ борьбѣ съ польской интеллигенціей. Кое-гдѣ успѣхъ былъ достигнутъ: такъ, колыбель польскаго государства, городъ Гнѣзно (Gnesen), оказался окруженъ нѣмецкими деревнями (1886 изъ 23 тыс. жителей уѣзда только 4 т. нѣмцевъ, 1910 изъ 29 тыс. уже 11 тыс. нѣмцевъ), и польская промышленность и торговля попали въ чрезвычайно трудное положеніе. Однако, такъ было не вездѣ, и въ началѣ 1914 года секретарь «Ostmarkenverein'a» Фосбергъ жаловался именно на усиленіе польскаго элемента въ познанскихъ городахъ, а именно, въ 12 такихъ городахъ процентное отношеніе поляковъ возросло съ 1895 по 1910 г. на 51,5%. Развитію польской торговли въ познанскихъ городахъ не помѣшали и такія правительственныя мѣры, какъ расположеніе въ польскихъ городахъ значительныхъ нѣмецкихъ гарнизоновъ (см. подробности въ газ. «Słowo» 10 апр. 1914 г. и «Kurjer Warszaw». 28 янв. 1914 г.). Очень характерны были также усилія нѣмецкаго правительства создать въ Познани отдѣльный городъ для нѣмцевъ. За чертой стараго города были распланированы мѣста, на которыхъ были выстроены для нѣмецкаго чиновничества на льготныхъ условіяхъ чистенькіе домики немного казарменнаго вида; здѣсь былъ разведенъ паркъ съ озерами и т. д. Ни одинъ полякъ не могъ поселиться въ этомъ нѣмецкомъ раѣ, такъ какъ городское самоуправленіе, находившееся въ нѣмецкихъ рукахъ, не продавало и не отдавало городской земли въ аренду полякамъ. Слѣдуетъ надѣяться, что война 1914 года положитъ конецъ и этому ненормальному положенію вещей.

кой борьбѣ и умѣнію беречь свою землю отъ нѣмецкихъ искушеній. Помимо этого, ведется широкая культурная и политическая работа, въ которую втянуты обширные круги польской интеллигенціи. Уже въ 1857 г. было основано «Общество любителей наукъ» по образцу того, что было учреждено въ 1800 г. въ Варшавѣ. Сначала оно собиралось въ разныхъ мѣстахъ; затѣмъ какъ самому обществу, такъ и его коллекціямъ далъ помѣщеніе въ своемъ домѣ богатый помѣщикъ, гр. Рачинскій. Съ 1869 г. общество перебралось въ помѣщеніе дома, гдѣ были устроены польскіе магазины, гостиница и залы для польскихъ собраній («Базаръ»), а въ 1874 г. оно обзавелось собственнымъ зданіемъ. Общество обладаетъ прекрасной польской библіотекой, массой рукописей, обширными коллекціями и, вообще, представляетъ одно изъ крупнѣйшихъ ученыхъ и научныхъ учрежденій польскаго народа. Оно издаетъ свои труды и спеціальный медицинскій журналъ. Общество состоитъ изъ 5 отдѣленій (литературно-историческаго медицинскаго, естественнаго, техническаго и юридическо-экономическаго). Для оказанія матеріальной поддержки учащейся польской молодежи еще въ 1841 г. было учреждено К. Марцинковскимъ спеціальное общество, которое, сильно разросшись благодаря сознательности общества, воспитало тысячи будущихъ гражданъ. Такъ, въ 1907 году оно содержало 547 человѣкъ, въ томъ числѣ 88 въ университетахъ, 39 въ архитектурныхъ учебныхъ заведеніяхъ, 29 въ техническихъ, 258 въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ и т. д. Важнымъ средствомъ общественнаго и національнаго воспитанія является театръ и, естественно, польское общество, обратило вниманіе на эту отрасль національнаго искусства. Правительство ставило различныя препятствія этому предпріятію, и только въ 1870 г. въ г. Познани возникъ постоянный польскій театръ, соорудившій собственное зданіе и поддерживаемый акціонернымъ обществомъ. Это дало возможность сдѣлать спектакли доступными самымъ широкимъ массамъ. Для такихъ же массъ Общество народныхъ библіотекъ распространяетъ огромное число популярныхъ книжекъ. Періодическая печать представляетъ въ Познанскомъ княжествѣ силу, съ которой правительство оказывается не въ состояніи бороться. Рядомъ съ органами, предназначенными для интеллигенціи («Dziennik Poznański», «Kurjer Poznański», широко распространенный «Goniec Wielkopolski» и др.), существуютъ газеты для простого люда («Wielkopolanin», «Dziennik Kujawski», «Przewodnik Katolicki» и др)., насчитывающія сотни тысячъ подписчиковъ. Однако, при всей энергіи, съ которой ведется борьба съ германизаціей, польская жизнь въ Пруссіи имѣетъ значительные дефекты, которые въ дальнѣйшемъ развитіи могли бы оказать вредное вліяніе на существованіе польскаго народа въ этой части прежней Рѣчи Посполитой. Именно, наблюдается нѣкоторый идейный застой, вызванный необходимостью постоянной консервативной политики; быть можетъ, чрезмѣрно силенъ клерикализмъ. Надъ этимъ вопросомъ серьезно задумывается польская политическая мысль. Такъ, познанскій публицистъ, К. Жепецкій (Karol Rzepecki)[1]), ставитъ вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи польской политической жизни въ кн. Познанскомъ. «Выборы въ нѣмецкій парламентъ, производившіеся въ 1912 г., обнаружили такой слабый приростъ польскихъ голосовъ, что о какой бы то ни было побѣдѣ, вообще, не можетъ быть и рѣчи. Утрата двухъ депутатскихъ мандатовъ изъ 20 депутатскихъ креселъ—консерваторы и центровцы отобрали у насъ по одному—еще не представляетъ большого ущерба въ области народнаго достоянія. Горше — убѣжденіе, что въ

[1]) K. Rzepecki. Naprzód czy wstecz? 1912. *Его же.* Historya ustawy wyborczej pruskiej oraz wyniki wyborów do sejmu pruskiego z r. 1903 i 1908 r. na ziemiach polskich 1913. *Его же.* Pobudka wyborcza. 1907.

послѣднее пятилѣтіе какъ центровцы, такъ и соціалисты, отняли у насъ по 20,000 голосовъ. Эта утрата 40,000 голосовъ, которые должны были число голосовъ, полученныхъ въ 1907 г., поднять до полумилліона, тѣмъ болѣе чувствительна, что представляется вѣроятнымъ, что выше, чѣмъ въ 1912 г., это количество польскихъ голосовъ уже не поднимется». На выборахъ въ 1907 г. поляки подали 458,869 голосовъ и получили 20 мѣстъ въ рейхстагѣ, на выборахъ въ 1912 г.—461,958 (больше на 30,869 голосовъ), но мѣстъ въ парламентѣ добыли лишь 18, такъ какъ соціалисты пріобрѣли лишнихъ 991,309 голосовъ (всего 4,250,329). Причину неудачи выборовъ Жепецкій объясняетъ апатіей, которую проявили польскіе выборщики: въ очень многихъ уѣздахъ не было достигнуто средней процентной нормы поданныхъ въ имперіи голосовъ (85,4%). Вредное вліяніе оказало также усиленіе польской эмиграціи въ прирейнской области и въ Вестфаліи, гдѣ количество польскихъ голосовъ постоянно возрастаетъ (1903: $20^1/_2$ тыс., 1907: 35 тыс., 1912: 46 тыс.). Политика Польскаго кола, не достаточно поддерживавшая интересы польскаго городского населенія, не встрѣтила сочувствія въ массахъ, и голосованіе явилось выраженіемъ недовѣрія къ ней. Только полная независимость отъ вліяній парламентскихъ нѣмецкихъ партій можетъ вернуть Колу поколебленное довѣріе. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ авторъ.

Въ 1908 г. обратила на себя вниманіе «программа великополянина», напечатанная въ журналѣ «Świat Słowiański» (мартъ) и принадлежавшая перу «одного изъ самыхъ выдающихся великопольскихъ патріотовъ». Статья была проникнута глубокимъ пессимизмомъ, указывала на безнадежность расчетовъ на помощь Австріи и Россіи въ борьбѣ Познани съ нѣмцами и нѣкоторый исходъ для пессимизма находила только въ идеѣ (впрочемъ, тоже утопической) помощи со стороны русскаго общества, которое могло бы бойкотировать прусскіе товары. Уныніе, которымъ проникнута эта статья, одно изъ типическихъ выраженій политическаго настроенія извѣстныхъ классовъ Познани, представляетъ симптоматическое явленіе [1]). Въ польскомъ обществѣ этой провинціи создавался политическій расколъ на почвѣ принципіальнаго отношенія къ прусской власти. Консервативныя теченія, которыя были представлены въ продолженіе многихъ десятилѣтій польскимъ коломъ въ парламентѣ и ландтагѣ, теперь теряли свой престижъ. Участіе польской аристократіи Познани въ придворныхъ торжествахъ, сопровождавшихъ посѣщеніе осенью 1913 г. города Познани имп. Вильгельмомъ II, вызвало сильное общественное негодованіе, и оправданія, съ которыми выступила консервативная печать, видѣвшая въ поведеніи польскихъ аристократовъ актъ самоотреченія, большинствомъ общества не были приняты. На ряду съ этимъ расколомъ намѣчался другой, именно разобщеніе городскихъ и деревенскихъ классовъ, о которомъ уже было упомянуто выше, пропасть между аграріями и городскимъ населеніемъ. Однимъ словомъ, въ политической жизни познанскихъ поляковъ обнаружилось стремленіе пересмотрѣть свои политическія отношенія, консолидировать на новыхъ началахъ національныя силы и т. д. Отсюда возникъ рядъ новыхъ явленій. Въ концѣ 1912 г. явилась мысль учредить изъ представителей различныхъ партій «Народный Совѣтъ» (Rada Narodowa). Эта мысль была высказана на митингѣ 21 ноября 1912 г. (Wiec generalny w sprawie wywlaszczenia, odbyty dnia 21 listopada 1912 r. w Inowroclawiu. 1912). Собравшіеся на митингѣ постановили, что Центральный избирательный комитетъ долженъ немедленно приступить къ организаціи Національнаго Совѣта.

[1]) Въ такомъ же духѣ, напр., написана книжка Е. Старчевскаго «Sprawa Polska». 1912.

Но дѣло совершилось не такъ скоро. Только въ февралѣ 1914 года былъ созданъ «Національный совѣтъ (Rada narodowa), какъ моральное представительство всего польскаго общества въ предѣлахъ германской имперіи, которое охватываетъ своей дѣятельностью всѣ области общественной жизни. Въ этихъ областяхъ Національный совѣтъ имѣетъ право высказывать свое мнѣніе, давать совѣты и иниціативу; обязанностью его является созданіе новыхъ организацій въ областяхъ, еще не разработанныхъ. По отношенію къ обществу и его организаціямъ дѣятельность совѣта носитъ характеръ только совѣщательный». Составъ Совѣта таковъ: 9 делегатовъ Центральнаго избирательнаго комитета, въ число которыхъ должны входить представители всѣхъ областей вѣдѣнія Комитета, и 10 членовъ законодательныхъ учрежденій (5 отъ рейхстага и 5 отъ ландтага). Совѣтъ, помимо общихъ засѣданій общеполитическаго характера, раздѣляется на 4 комиссіи: 1) высшей культуры, 2) просвѣщенія молодежи и дѣтей, 3) народнаго просвѣщенія и 4) окраинъ. Совѣтъ стремится, такимъ образомъ, возстановить дѣятельность прежняго общества S t r a ż, которая упала въ послѣднее время [1]). Въ іюлѣ 1914 года, когда въ Познани я знакомился съ дѣятельностью и учрежденіями Національнаго Совѣта, я могъ замѣтить чрезвычайно интенсивную работу его. Издавались книжки и картины для народа, выработывались методы новой борьбы съ германизмомъ и т. д. Впрочемъ, крестьянское населеніе Познанскаго княжества въ такой степени проникнуто національнымъ сознаніемъ, что за него интеллигенціи опасаться не приходится. Какъ я замѣчалъ и въ 1908 и въ 1914 году, оно далеко отъ унынія и неувѣренности. Новый «Совѣтъ» сталъ на внѣпартійную почву. Онъ не отказался рѣшительно отъ политической дѣятельности, но ограничилъ ее только совѣщательной ролью и, по мѣрѣ возможности, посредничествомъ между партіями.

Учрежденіе «Народнаго Совѣта» пробудило къ жизни новую политическую партію, образованіе которой намѣчалось уже давно въ лонѣ польскаго помѣщичьяго класса. Организаціей его служило до послѣдняго времени «Помѣщичье казино» (Kasyno Obywatelskie), но, когда зашла рѣчь о созданіи «Народнаго Совѣта», молодое поколѣніе землевладѣльцевъ, горячо трудившееся надъ крестьянскими кружками и различными экономическими учрежденіями народа, рѣшило обособиться въ партійную группу «Centrum Obywatelskie». Событія осени 1913 г., именно участіе польской аристократіи въ торжественномъ пріемѣ имп. Вильгельма, заставили эту группу выступить съ заявленіемъ протеста противъ «унизительныхъ для народнаго достоинства манифестацій ничѣмъ не оправданнаго лоялизма.» Съ этимъ заявленіемъ выразило полную свою солидарность общее собраніе партіи на съѣздѣ, происшедшемъ въ Познани 17 сент. 1913 г. Вслѣдъ за тѣмъ новая партія напечатала въ своемъ органѣ («Dziennik Kujawski») свою программу, въ которой на первый планъ были выдвинуты два начала: народное и демократическое. Весьма важнымъ опорнымъ пунктомъ программы былъ ея общепольскій характеръ. «Землевладѣльческая централизація (Centrum Obywatelskie) основывается на общепольскихъ началахъ. Это значитъ, что въ своихъ стремленіяхъ она исходитъ изъ источниковъ нашего общепольскаго прошлаго и работаетъ также на благо общепольскаго будущаго... Изъ этихъ источниковъ вытекаетъ ея стремленіе къ культурно-общественной народной работѣ, основанной на творческихъ элементахъ польской культуры». Какъ сообщаетъ польская печать (см.

---

[1]) Впрочемъ, въ послѣднее время и это общество, какъ показываетъ его журналъ (Straż), проявило большую энергію.

«Kurjer Litewski» 2 окт. 1913 г.), программа новой партіи была встрѣчена «сверхъ всякаго ожиданія» очень симпатично со стороны самыхъ различныхъ органовъ познанской печати. Есть-ли это «усвоеніе народно-демократической программы» съ цѣлью распространить ее въ мягкой формѣ въ народныхъ массахъ (какъ пишетъ познанскій корреспондентъ «Kurjer'a Warszawski»), или глубокое преобразованіе всего польскаго общества на началахъ народно-демократической партіи (какъ доказываетъ «Gazeta Warszawska» 25 ноября 1913 г.) это вопросъ второстепенный. Но весьма важно, что познанское общество стремится выйти изъ своего политическаго обособленія, порвать съ узкимъ консерватизмомъ и лоялизмомъ и смѣло и открыто бороться за благо всего народа. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что въ жизни польской интеллигенціи Познани партійные счеты играютъ мало роли и мало кого занимаютъ; у нея есть болѣе важныя и неотложныя дѣла, и на ихъ почвѣ, когда приходится отстаивать самое національное существованіе народа, партійныя тренія сглаживаются. Во время поѣздки лѣтомъ 1914 г. въ Познани мнѣ разсказывали обо многомъ важномъ, но ничего не говорили о партіяхъ.

Въ предыдущемъ изложеніи рѣчь шла преимущественно о Познанскомъ княжествѣ, но, конечно, не имъ однимъ исчерпывается польская жизнь и экономическая и политическая борьба поляковъ въ Пруссіи. Тѣ организаціи, исторія которыхъ была очерчена выше, охватываютъ собой и Западную Пруссію, и другія провинціи, въ которыхъ живутъ поляки. Поэтому теперь необходимо привести статистическія данныя, относящіяся къ польскому населенію во всей Пруссіи (см. газ. «Słowo» 3 дек. 1913 г., «Gazeta Warszawska» 3 авг. 1914 г.). Въ городѣ Познани (Позенъ) на 150 тыс. населенія 80 тыс. поляковъ, въ Катовицахъ на 118 тыс. 64 тыс. поляковъ, въ Бытомѣ на 88 тыс. 45 тыс. поляковъ, въ другихъ городахъ польское населеніе повсюду сильно уступаетъ нѣмецкому: именно, на 77 тыс. жителей приходится 16 тыс. поляковъ въ Быдгощѣ (Бромбергѣ), на 47 тыс. 15 тыс. въ Торунѣ (Торнъ), на 36 тыс. 5 тыс. въ Грудзёндзѣ (Граудинженѣ) и т. д. Въ большинствѣ случаевъ это польское населеніе городовъ состоитъ изъ класса рабочаго, бѣднаго, малопросвѣщеннаго и не способнаго бороться съ германизаціей. Къ тому же между отдѣльными провинціями, въ которыхъ живутъ поляки (въ меньшинствѣ), часто нѣтъ никакого связующаго звена, кромѣ Берлина, и это, конечно, опять таки ведетъ къ германизаціи. Въ 1890 г. общую численность поляковъ въ Пруссіи Квицинскій опредѣлялъ въ 3,233 тыс. Въ Познанскомъ княжествѣ жило свыше 1 мил. поляковъ, при чемъ ихъ процентное отношеніе къ населенію составляло немногимъ менѣе 60%. Въ слѣдующее десятилѣтіе число поляковъ возросло по сравненію съ нѣмецкимъ, но въ послѣднія 10 лѣтъ (1900—1910) произошелъ сильный напоръ германизма. Въ 1910 г. общее процентное отношеніе поляковъ въ Познани опустилось на 1,11%, но уменьшилось также (на 1,10%) и процентное отношеніе нѣмцевъ, такъ какъ другія народности (евреи, литовцы) выступили также впередъ. Въ округѣ Бромбергъ (Быдгоща) мы видимъ постепенный упадокъ польской численности съ 1900 года (1900 г. нѣмц. 332,926 или 48,31%, поляк. 350,973 или 50,93%, а въ 1910 г. нѣмц. 379,488 или 49,67%, поляк. 378,831 или 49,58%); въ округѣ познанскомъ численность такова:

	Нѣмцы	%	Поляки	%
1890	382416	33,93	736134	65,34
1900	385500	32,25	805893	67,25
1905	406587	32,20	850834	67,38
1910	427232	31,98	900059	67,37

Эти цифры показываютъ, что при довольно благопріятномъ развитіи польскаго населенія ему приходится бороться съ такимъ наплывомъ нѣмецкаго населенія, что все-же его процентъ почти не измѣняется, а иногда и падаетъ.

Въ провинціи Зап. Пруссіи за пятилѣтіе 1905—1910 г. наблюдается убыль, какъ безусловная, такъ и относительная поляковъ, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	Нѣмцы	%	Поляки	%
1890	992.748	69,95	430.933	30,05
1900	1.128.742	72,19	434.916	27,81
1905	1.145.666	69,78	496.208	30,22
1910	1.227.581	72,07	475.853	27,93

При этомъ особенно силенъ былъ наплывъ нѣмецкаго элемента въ округѣ Данцигскомъ, тогда какъ въ Маріенвердерскомъ округѣ колонизаціонная комиссія оказывалась до сихъ поръ не въ силахъ задержать усиленіе польскаго элемента.

Въ провинціи Восточной Пруссіи (въ трехъ округахъ ея: Кенигсбергъ, Гумбиненъ, Алленштейнъ).

	Нѣмцы	ихъ %	Поляки	ихъ %
1890	1496451	76,40	216009	11,02
1900	1572332	78,74	155281	7,77
1905	1614724	79,53	63345	3,12
1910	1680003	81,38	81147	3,93

Если прибавить къ этимъ числамъ поляковъ мазуровъ, то процентное отношеніе поляковъ въ отдѣльныхъ округахъ окажется болѣе благопріятно для нихъ.

Оставляя пока въ сторонѣ Силезію, отмѣтимъ, что въ четырехъ провинціяхъ (Познани, Вост. и Западн. Пруссіи и Верхней Силезіи), которыя охватываются названіемъ «Ostmark», процентное отношеніе нѣмцевъ возрастаетъ, а поляковъ падаетъ (за исключеніемъ періода 1900—1905 г.) слѣд. образомъ:

	Нѣмцевъ	ихъ %	Поляковъ	ихъ %
1890	6.224.446	66,44	2.667.905	28,47
1900	6.675.808	65,98	2.850.894	28,17
1905	6.985.883	65,89	2.996.812	28,26
1910	7.359.051	66,33	3.009.434	27,12

«Нѣмцы обнаруживаютъ болѣе сильное и притомъ въ періодѣ 1900—1910 г. почти вдвое болѣе сильное возрастаніе въ числѣ, чѣмъ поляки. За весь періодъ 1890—1910 положеніе вещей оказывается также благопріятнѣе для нѣмцевъ. Такимъ образомъ, ихъ распространеніе находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ». Mitscherlich 218.

Не смотря на такую тяжесть національной борьбы, польское населеніе отстаиваетъ каждую пядь земли. Такъ, въ концѣ 1913 г. «Tägliche Rundschau» писала о польскомъ землевладѣніи въ Восточной Пруссіи слѣдующее: «По отчету администраціи Острудскаго уѣзда (Osterode), за 1912 г., въ этомъ уѣздѣ перешло до 1911 г. въ польскія руки 170 владѣній, обнимающихъ 5.436 гект. Въ 1912 г. перешло еще 9 владѣній, обнимающихъ 284 гектаровъ. Итакъ, въ настоящее время въ польскихъ рукахъ находится 179 владѣній, обнимающихъ 5720 гект. Обратно же владѣнія не переходили изъ польскихъ рукъ въ нѣмецкія. Кромѣ того, что поляки пріобрѣтаютъ землю, польскіе банки удѣляютъ очень зна-

чительныя суммы на пріобрѣтеніе въ долгъ земель. По собраннымъ пока свѣдѣніямъ эти суммы составляли въ концѣ 1912 г. 894,000 марокъ». Любопытную картину польской жизни въ той части Вост. Пруссіи, которая охватываетъ прежнюю польскую Вармію, а нынѣ 4 округа (Браунсбергъ, Хейльсбергъ, Рессель и Алленштейнъ), представляетъ сообщеніе нѣкоего «Вармяка» въ журналѣ «Świat Słowiański» (1912, мартъ). О германизаціонныхъ средствахъ нечего и говорить: городская интеллигенція, чиновничество, купечество состоитъ изъ нѣмцевъ. Въ столицѣ провинціи Ольштынъ (по нѣм. Allenstein) «польскій элементъ совершенно оттѣсненъ нѣмецкими пріѣзжими и постояннымъ онѣмеченіемъ польскаго люда. Всѣ поляки, которые немного вышли въ люди, сейчасъ же нѣмечились; вѣрны своей польской національности остались только самые низшіе классы населенія: рабочіе и мелкіе ремесленники, да и то лишь отчасти». Школа, нѣмецкое чиновничество и нѣмецкіе союзы довершали дѣло германизаціи. Попытки отстоять польскую національную жизнь оказывались довольно слабыми: основанная въ 1889 г. «Gazeta Olsztyńska» не достигла большого распространенія; общество «Zgoda», основанное въ Ольштынѣ и ставящее себѣ просвѣтительныя цѣли, не можетъ развиться вслѣдствіе отсутствія поддержки въ интеллигенціи; кое-какія библіотечки, устроенныя познанскимъ «Обществомъ народныхъ читаленъ», мало содѣйствуютъ народной жизни. Теперь вармійское простонародье знаетъ еще только церковныя польскія пѣсни, такъ какъ слышитъ и поетъ ихъ въ костелѣ; если же въ веселую минуту хочетъ запѣть свѣтскую пѣсню, то поетъ нѣмецкую. Подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка даже языкъ народа все болѣе портится, и все больше германизмовъ и нѣмецкихъ словъ съ польскими окончаніями вкрадывается въ польское нарѣчіе Варміи. Такъ польскій народъ все болѣе проникается нѣмечиной, принимаетъ нѣмецкую культуру и теряетъ польскую. «Особенно быстро германизируются интеллигентнѣйшіе классы, молодое поколѣніе представляетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе печальное явленіе, нежели старшее, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ», заключаетъ авторъ статьи, «мы должны будемъ исключить Вармію изъ числа польскихъ областей», если не наступитъ національный подъемъ подъ вліяніемъ польской агитаціи. Но возможно-ли она была въ этихъ условіяхъ быта?

На землѣ стараго прусскаго (литовскаго) населенія, истребленнаго крестоносцами, поселились мазуры. Они занимаютъ область, которая тянется полосой вдоль южной границы Вост. Пруссіи и достигаетъ границы Сувалкской губ. Эта область покрыта озерами и лѣсами. Главнымъ центромъ ея является маленькій городокъ Ортельсбургъ (или по-польски Щитно, Szczytno). Такъ какъ мазуры исповѣдуютъ евангелическое вѣроисповѣданіе, то ихъ германизація представлялась еще болѣе неизбѣжной, чѣмъ поляковъ католиковъ,—тѣмъ болѣе, что при довольно значительномъ пространствѣ, занятомъ ими и охватывающемъ 11 уѣздовъ, численность ихъ очень не велика и не превосходитъ по самымъ оптимистическимъ расчетамъ 250 тыс. чел. [1]) Здѣсь агентами германизаціи выступаютъ пасторы и учителя начальныхъ школъ, которые работаютъ въ полномъ согласіи съ правительствомъ, поддерживающимъ свою національную политику съ помощью маленькихъ народныхъ газетъ на плохомъ мазур-

---

[1]) Kościński. Sprawa mazurska. Wiadomości z dziedziny historycznej, statystycznej i politycznej. Poznań, 1908 указываетъ на то, что въ 1883 г. насчитывалось еще 327,760 мазуровъ, говорящихъ по-польски, въ 1905 г. всего 147,000 или съ мазурами, отправляющимися на заработки въ Вестфалію, около 250 тыс. По официальнымъ даннымъ за 1910 г. въ округѣ Алленштейнъ насчитывалось 175 тыс. мазуровъ. По исторіи національной литературы у мазуровъ см. еще статью Гавелка «Kalendarze dla mazurów w latach 1835—1880» въ журн. «Świat Słow». 1910. № 1.

скомъ нарѣчіи. Духъ этихъ газетокъ («Pruski Przyjaciel Ludu» 1899. «Kurek Mazurski» и т. д.) патріотическій прусскій. Попытки противопоставить имъ польскую печать оказывались довольно слабыми. Только «Gazeta Ludowa» продержалась 6 лѣтъ (1896—1902), да продолжаетъ свое существованіе уже девятый годъ газета «Mazur» (pismo z obrazkami, poświęcone Mazurom wyznania ewangielickiego, выходитъ 2 раза въ недѣлю). Повидимому, этотъ органъ, издающійся въ Щитнѣ на удовлетворительномъ польскомъ языкѣ, хотя и готическимъ шрифтомъ, пріобрѣлъ извѣстную популярность въ мазурскомъ населеніи. Онъ ведетъ довольно энергичную борьбу съ германизаціей. Такъ, въ № 42 (за 28 мая 1913 г.) находимъ горячую статью «мазура евангелика, 80-лѣтняго старца» противъ ксендзовъ, желающихъ онѣмечить мазуровъ. «Миръ съ поляками»: звучитъ пароль въ *Россіи*, «война съ поляками»: слышится пароль *въ Пруссіи»:* утверждаетъ авторъ. [1]) Духъ газеты—клерикальный; стиль пересыпанъ изреченіями и ссылками на св. Писаніе. Въ серединѣ каждаго номера красуется надпись: «Мазуры, будемъ говорить съ земляками только на материнскомъ языкѣ! Не дадимъ онѣмечить себя! Будемъ учить дѣтей говорить, читать, писать и пѣть по-польски. Будемъ молиться по-польски и водить своихъ дѣтей на польскія богослуженія!» Уже эти обращенія показываютъ, насколько плачевно обстоитъ дѣло національнаго развитія среди прусскихъ мазуровъ. Національное сознаніе едва теплится среди крестьянъ; интеллигенція, почти вся цѣликомъ, отвратилась отъ народнаго языка и быта. Едва ли въ этомъ отношеніи можетъ наступить переворотъ къ лучшему. То, что было возможно въ концѣ XVIII-го или въ началѣ XIX-го вѣка, когда къ національности, хранимой въ глубинахъ народа, возвращались и высшіе классы (у чеховъ, словенцевъ и т. д.),—для того въ современной жизни, пожалуй, нѣтъ почвы. Впрочемъ, присоединеніе Восточной Пруссіи къ Польшѣ послѣ войны могло бы, пожалуй, остановить этотъ процессъ германизаціи.

Остановимся еще на польскомъ національномъ бытѣ въ Верхней Силезіи (съ городами Бреславлемъ, Ополемъ и др.), которая входитъ уже съ 1742 г. въ составъ Пруссіи. Этотъ край, такъ давно (съ половины XIV в.) оторванный отъ Польши, долго принадлежавшій Чехіи, потомъ Австріи, уже совсѣмъ былъ лишенъ національнаго польскаго сознанія. Возстановленіе его представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ въ исторіи человѣчества, обнаруживающую поразительную жизненность національнаго чувства. Надо было совершить переходъ не только отъ нѣмецкаго къ «силезскому» самосознанію (была придумана даже особенная «силезская» народность), но и отъ «силезскаго» къ польскому. Этотъ переходъ, это возвращеніе [2]) къ польскому духу началось приблизительно съ 1836 г., когда въ Бреславлѣ (пол. Вроцлавѣ) было открыто «Литературное славянское общество», и въ семидесятыхъ годахъ 19 ст. оно уже быстро подвинулось впередъ, а съ 1890 г. начинается тѣсное единеніе съ Познанью. Къ 1907 г. національное развитіе В. Силезіи достигло, кажется, кульминаціоннаго пункта. На выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 г. поляки получили всего 44175 голосовъ, тогда какъ на выборахъ 1907 г. уже 118733. Однако, слѣдующіе выборы 1912 г. больше не достигли этого числа; поляки получили всего 111526 голосовъ, при чемъ ихъ побѣдителями явились соціалъ-демократы (1903 : 206801, 1907 : 172689; 1912 : 208334). Т. обр., польскій рабочій людъ въ В. Си-

---

[1]) Еще болѣе рѣзко и рѣшительно возстаетъ «Mazur» противъ нѣмецкой политики въ послѣдніе мѣсяцы передъ войной. Такъ, 22 іюля (нов. стиля) 1914 г. онъ сравниваетъ положеніе поляковъ въ Россіи и Пруссіи и пророчески восклицаетъ: «Душно, какъ передъ бурей».

[2]) A. Karbowiak. U źródeł odrodzenia narodowego na Śląsku Górnym. Św. Słow. 1908 г. іюль и др.

лезіи на нѣкоторое время предпочелъ національныхъ депутатовъ соціалъ-демократическимъ, но потомъ снова вернулся къ нимъ. И, вообще, въ послѣдніе годы германизація опять стала здѣсь дѣлать быстрые успѣхи. Хотя общее число поляковъ въ В. Силезіи возрастаетъ (1890 : 918728; 1900 : 1086581; 1905 : ок. 1.200.000 чел.), но съ 1905 г. началось чрезвычайно быстрое усиленіе нѣмецкаго элемента, которое справедливо ставятъ въ связь съ экономическимъ, фабричнымъ развитіемъ этой провинціи. Даже въ наиболѣе польскомъ Опольскомъ округѣ процентное отношеніе двухъ элементовъ населенія измѣнилось значительно въ пользу нѣмцевъ, какъ показываетъ таблица:

	1890	1900	1905	1910
поляк.	58,23	56,11	56,92	52,95
нѣмц.	35,90	36,63	37,19	40,03.

(чехи не приняты здѣсь въ расчетъ).

Такіе успѣхи германизаціи объясняются въ значительной мѣрѣ усиліями правительства, которое съ помощью созданія для рабочихъ различныхъ культурныхъ учрежденій, успѣшно онѣмечиваетъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть принята во вниманіе и обширная польская эмиграція, которая переноситъ на чужбину сотни тысячъ польскаго населенія, не нашедшаго дома удовлетворительныхъ условій для жизни и перебирающагося въ поискахъ заработка на другія мѣста [1]) Особенно значителенъ приростъ поляковъ въ Вестфаліи и Прирейнской области, гдѣ они поддерживаютъ своими голосами соціалистовъ. Возрастаніе польскихъ голосовъ на каждыхъ выборахъ выражается тысячами, что указываетъ на быстрое возростаніе количества эмигрантовъ изъ польскихъ областей. Именно, послѣ 1893 года, когда въ Америкѣ разразился финансовый кризисъ, эмиграція поляковъ направилась съ особенной энергіей въ область Руры, гдѣ все больше развивалась нѣмецкая промышленность. Какъ быстро совершался этотъ ростъ, показываетъ слѣдующая таблица:

	1890	1900	1905	1910
въ Вестфаліи	24.207	91.497	125.859	182.507
въ Мюнстерскомъ окр.	5.415	26.521	38.657	62.624

Въ 1913 году численность польской эмиграціи въ вестфальско-рейнской области опредѣлялось уже приблизительно въ 300.000 человѣкъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ коммунахъ колебалась между 30—43%, а во многихъ превышала 20—25. Взамѣнъ этого однако, тысяччи поляковъ покидаютъ Силезію, гдѣ недостатокъ рабочихъ рукъ долженъ восполняться пришельцами изъ-за границы (см. интересное изслѣдованіе Dr. P. Grund. Die ausländischen Wanderarbeiter in ihrer Bedeutung für Oberschlesien. 1913). Это фактъ печальный, обнаруживающій безысходность польской національной и экономической борьбы во многихъ областяхъ Пруссіи. Пока здѣсь еще держится на высотѣ, въ сущности, одно только княжество Познанское.

[1]) I. Bredt. Die Polenfrage im Ruhrkohlengebiet. 1909. Чрезвычайно тенденціозное сочиненіе, стремящееся противопоставить добродѣтельныхъ евангелическихъ мазуровъ порочнымъ католическимъ полякамъ. Какъ доказываетъ, однако, «Przewodnik informacyjny po Westfali i Nadreni» (1913), это благоволеніе нѣмецкаго автора къ мазурамъ объясняется ихъ быстрой германизаціей. Не говоря уже о томъ, что за 5 лѣтъ ихъ общая численность въ Восточной Пруссіи уменьшилась очень значительно (приблиз. съ 248 тыс. до 203 тыс.), и въ рурскомъ округѣ они убываютъ съ поразительной быстротой. Именно, число мазуровъ въ этомъ промышленномъ округѣ должно было составлять въ 1910 году около 140 тыс. человѣкъ, между тѣмъ какъ всего 20 тыс. человѣкъ признало своимъ роднымъ языкомъ мазурскій. Подробности о бытѣ польскихъ рабочихъ въ этой области, а также, вообще, о польской эмиграціи въ предѣлахъ Европы даетъ книга: «Pamiętnik wystawy przemysłowej w Bochum od 19—27 Lipca 1913 roku».

V.

Поляки въ Царствѣ Польскомъ. Поляки въ Рос. имперіи.

По первому, второму и третьему раздѣламъ Рѣчи Посполитой Россія пріобрѣла литовскія, бѣлорусскія и малорусскія губерніи (до Днѣпра), тогда какъ лѣвобережная Малороссія была присоединена къ Россіи въ XVII вѣкѣ. Вѣнскій трактатъ 1815 года создалъ новую государственную единицу, Польское королевство или, какъ оно было названо по-русски, Царство Польское, государственное цѣлое, неразрывно связанное съ Россійской имперіей, но обладающее собственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ—Сеймомъ, собственнымъ войскомъ, законами и финансами, отдѣльной конституціей, которую ему далъ имп. Александръ I. Въ предѣлахъ, установленныхъ Вѣнскимъ трактатомъ, и донынѣ сохраняется Царство Польское, такъ какъ съ учрежденіемъ въ 1911 г. Холмской губерніи, оставленной въ границахъ генералъ-губернаторства варшавскаго, эти границы не нарушены. Полусамостоятельное государственное существованіе Царство Польское вело до возстанія 1830 г., послѣ чего началось его административное сліяніе съ имперіей. Однако сохраненіе отдѣльнаго варшавскаго сената и учрежденіе таможенной границы между Польшей и Россіей при императорѣ Николаѣ I указывали на то, что въ глазахъ русскаго правительства Царство Польское еще сохраняло свое обособленное значеніе. Со вступленіемъ на престолъ Александра II это значеніе Царства Польскаго получило новое подтвержденіе въ реформахъ, которыя вели царство къ полной автономіи и заключались въ признаніи національныхъ и политическихъ требованій польскаго дворянства, составлявшаго въ то время, наряду съ духовенствомъ, единственный интеллигентный классъ въ Польшѣ. Однако, и на этотъ разъ возстаніе 1863 г. положило конецъ примирительной политикѣ русскаго правительства, и съ 1864 г. это послѣднее приступило къ системѣ полнаго сліянія «Привислинскаго края» съ остальными частями имперіи. Такъ какъ польское крестьянство отнеслось къ возстанію почти такъ же пассивно или отрицательно, какъ и въ концѣ XVIII в. къ призывамъ Кастюшки, то правительство считало благоразумнымъ опереться въ своей обрусительной дѣятельности на крестьянство, которое признавалось индиферентнымъ въ вопросѣ о національности. Для этой цѣли правительство провело крестьянскую реформу, т.-е. крестьянство, номинально свободное со временъ Герцогства Варшавскаго (1807 г.), но фактически прикрѣпленное къ помѣщичьей землѣ, оно надѣлило землей на тѣхъ же основаніяхъ, какія были положены въ основаніе крестьянской реформы въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ шло интенсивное введеніе русскаго языка въ школѣ, судѣ, администраціи. Такъ какъ оплотомъ недовольныхъ считалось католическое духовенство, то противъ него было направлено острее обрусительной системы. Уніаты въ Холмской Руси должны были отречься отъ своего подчиненія Риму и, подобно тому, какъ при имп. Николаѣ I совершилось уничтоженіе уніи въ Бѣлоруссіи, при его сынѣ и преемникѣ должны были исчезнуть послѣдніе слѣды уніи

въ Польшѣ, благодаря присоединенію къ православной церкви холмскихъ уніатовъ-малоруссовъ. Въ 70-ыхъ годахъ началось это присоединеніе, сопровождавшееся тяжкими насиліями надъ «упорствующими». Оно такъ и не дало желательныхъ результатовъ, пока, наконецъ, въ 1905 г. Высочайшій манифестъ о вѣротерпимости не ликвидировалъ этихъ сложныхъ отношеній и не далъ возможности прежнимъ уніатамъ перейти массами въ католичество. Борьба съ уніатами при имп. Александрѣ II явилась лишь однимъ изъ эпизодовъ въ той правительственной системѣ, которая зиждилась на убѣжденіи, что польскій народъ можно путемъ репрессій или же съ помощью обѣщаній крестьянской массѣ различныхъ выгодъ заставить отказаться отъ своей національности. Изгонялось все польское изъ школы или административнаго управленія; тѣмъ милѣе оно становилось населенію, тѣмъ крѣпче дѣлалось національное чувство, пока не превратилось въ настоящій культъ всего своего—польскаго, только потому, что польское, гонимое, говорило о быломъ [1]).

Въ періодъ между 1830 и 1863 годами въ польскомъ обществѣ были сильны романтическія увлеченія, поддерживаемыя геніальными поэтами эмиграціи, Мицкевичемъ, Словацкимъ, Красинскимъ и др. Послѣ возстанія начинаются совершенно иныя идейныя теченія; среди польской молодежи прокладываетъ себѣ путь позитивизмъ, который въ Польшѣ принимаетъ характеръ работы «у основъ», «органическаго труда», стремленія къ насажденію здравыхъ демократическихъ воззрѣній, привычки къ упорной практической работѣ. Лозунги возстанія или даже какой-либо иной нелегальной политической борьбы не встрѣчаютъ одобренія. Когда въ 1876—7 году, [въ эпоху русско-турецкой войны, нѣкоторые энтузіасты начинаютъ поговаривать о новой попыткѣ возстанія, они не встрѣчаютъ сочувствія, и Польша сохраняетъ полное спокойствіе и лояльность. Затѣмъ, подъ вліяніемъ революціонныхъ кружковъ русской молодежи, въ Польшу проникаютъ изъ Петербурга, Вильны и Кіева соціалистическія «народовольческія» теченія, которыя въ 80-ыхъ годахъ приводятъ къ нѣсколькимъ политическимъ процессамъ. Въ массахъ общества и даже студенчества эти революціонные замыслы все еще не встрѣчаютъ сочувствія отчасти потому, что передъ лицомъ сильной русской власти общество не вѣрило въ возможность осуществленія какой-нибудь революціонной программы, отчасти же потому, что эти программы носили слишкомъ интернаціональный характеръ. До извѣстной степени даже въ революціонныхъ партіяхъ, приходившихъ изъ Россіи и состоявшихъ въ большинствѣ своемъ изъ русскихъ, польское общество могло видѣть своеобразный фактъ «обрусенія», противъ котораго оно и боролось повсюду молчаливо, но единодушно.

Отъ пассивнаго сопротивленія этой политикѣ къ активной политической дѣятельности польское общество перешло только въ восьмидесятыхъ годахъ. За истекшія двадцать лѣтъ со времени возстанія въ его структурѣ произошли большія перемѣны: помѣщикъ старо-шляхтетскаго типа, идеалистъ или крѣпостникъ, мечтавшій о какихъ-то чудодѣйственныхъ международныхъ комбинаціяхъ, которыя возстановятъ единство и независимость Польши, шляхтичъ, который весьма мало думалъ о практической городской дѣятельности, торговалъ только хлѣбомъ и былъ окруженъ толпой евреевъ-факторовъ,— такой помѣщикъ уже вымеръ. На смѣну явилось новое поколѣніе интеллигенціи, дѣти разорившихся или разоренныхъ вслѣдствіе прикосновенности къ возстанію помѣщиковъ, люди съ большимъ запасомъ силъ, накопленныхъ поколѣніями здоровой де-

---

[1]) Исторія этихъ настроеній дана мною въ книгѣ: «Главныя теченія польской политической мысли» (1864—1907). С.-Петербургъ. 1907.

ревенской жизни, съ большой культурной силой, накопленной утонченной старо-польской цивилизаціей и шляхетской свободой. Эти люди составили теперь во множествѣ интеллигентный городской пролетаріатъ, который не могъ найти примѣненія своимъ силамъ на закрытой для него государственной службѣ, но долженъ былъ обратиться или къ свободнымъ интеллигентнымъ профессіямъ, или къ промышленности и торговлѣ. Съ другой же стороны, низшіе классы населенія, мѣщане, крестьяне, получили доступъ къ образованію, выдвинули и своихъ кандидатовъ на интеллигентное руководство обществомъ. Оставшееся около земли крестьянство, благодаря установившейся національной солидарности, стало относиться съ большей сознательностью къ тому отрицанію его народныхъ стремленій, которое оно видѣло со стороны руководителей политики «обрусенія». Такимъ образомъ, какъ въ экономической, такъ и въ духовной жизни польскаго населенія Царства Польскаго произошли крупныя перемѣны, вызванныя новымъ соціальнымъ процессомъ. Этотъ послѣдній еще не завершился донынѣ; онъ обѣщаетъ превратить и здѣсь польское общество въ тѣсно сплоченную національную массу, проникнутую живымъ національнымъ сознаніемъ, какъ въ Познани. Такія явленія, какъ борьба за созданіе національной торговли и рѣзкое обостреніе нѣкогда дружественныхъ польско-еврейскихъ отношеній, безуспѣшность всякихъ повстанческихъ призывовъ, обнаружившаяся именно въ послѣдніе годы, возникновеніе и развитіе польской школы, хотя и не дающей никакихъ государственныхъ правъ, и др. указываютъ, что процессъ консолидаціи народныхъ силъ идетъ непрерывно и успѣшно. Конечно, онъ совершается нѣсколько въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Пруссіи: въ Царствѣ Польскомъ населеніе не встрѣчается съ усиліями враждебной колонизаціонной политики, польскія національныя требованія встрѣчали съ 1905 года нѣкоторое признаніе и въ правительствующихъ кругахъ. Съ другой стороны, однако, есть условія и менѣе благопріятныя для развитія края, чѣмъ въ Познани. Общій низкій уровень матеріальной культуры въ Россіи отражается и на бытѣ Царства Польскаго: недостаточное развитіе желѣзнодорожной и телеграфной сѣти, отсутствіе грунтовыхъ дорогъ, трудность и дороговизна кредита, безграмотность и т. п. Прусское правительство, пріуготовляя Познанское княжество для нѣмецкой колонизаціи, не щадило, какъ было указано выше, средствъ на культурное развитіе страны. Экономическіе интересы Царства Польскаго, напротивъ, весьма часто страдали отъ недостаточнаго вниманія къ нимъ со стороны русскаго правительства. Весьма характерно, что во многихъ офиціальныхъ статистическихъ обзорахъ просто отсутствуютъ «Привислинскія губерніи», какъ (съ извѣстной обидой для поляковъ) офиціально называлось съ 60-хъ годовъ Царство Польское. Во всякомъ случаѣ, передъ этимъ краемъ—широкій и далекій путь развитія. Конечно, возвѣщенное съ высоты престола (въ іюлѣ и сентябрѣ 1914 года) возсоединеніе польскаго народа и возрожденіе польской государственной жизни (въ предѣлахъ автономіи) обѣщаютъ болѣе свѣтлое будущее развитію польскаго народа.

Итакъ, съ восьмидесятыхъ годовъ, благодаря общему измѣненію соціальной структуры польскаго народа, наблюдается переходъ отъ идеаловъ «органическаго труда», основаннаго на совершеннѣйшемъ лоялизмѣ, къ національной жизни, ставящей себѣ идеалъ польской государственной независимости, который можетъ быть осуществленъ, какъ говорили вожди этого движенія тогда, съ помощью только новаго возстанія. Какъ оказалось впослѣдствіи, и самый идеалъ, и средство къ его достиженію, возстаніе, представлялись довольно неопредѣленно и имѣли скорѣе принципіальное значеніе, чѣмъ практическое, т.-е. къ возстанію не

готовились, въ возможность его серьезно не вѣрили, вмѣсто независимости готовы были удовлетвориться автономіей. Именно, такую эволюцію переживало за 20 лѣтъ (1886—1905) національное направленіе, нашедшее для себя выраженіе сначала въ польской лигѣ, затѣмъ въ народно-демократической партіи. Этой послѣдней принадлежитъ чрезвычайно видная роль въ организаціи польскаго народа за этотъ періодъ: за мечтательнымъ, но всѣмъ дорогимъ идеаломъ національной свободы, который проповѣдывался въ самые тяжелые годы обрусительной политики, пошли всѣ слои народа, которые сплотились въ единомъ всесословномъ національномъ чувствѣ. Этотъ національный идеалъ влился даже въ программы, по существу своему интернаціональныя: именно, соціализмъ привился на польской почвѣ лишь тогда, когда рабочимъ массамъ былъ представленъ не обычный соціалистическій, но спеціально польскій идеалъ. Возникшая въ девяностыхъ годахъ польская соціалистическая партія поставила своей цѣлью опять-таки независимость Польши, а средствомъ для ея достиженія возстаніе или революцію. Въ то время, какъ въ 1905—6 годахъ партія народной демократіи вступила на путь лояльной парламентской борьбы, выдѣливши изъ себя только немногочисленное крайнее крыло, оставшееся вѣрнымъ первоначальной партійной программѣ, польская соціалистическая партія не признавала мирныхъ способовъ борьбы. Однако и она отказалась въ скоромъ времени отъ революціонной тактики, выдѣливъ изъ себя опять-таки «боевую» фракцію. Влеченія къ авантюрамъ, къ революціоннымъ выступленіямъ въ польскомъ обществѣ, вообще говоря, уже нѣтъ. Но стремленіе къ національному и культурному строительству здѣсь очень велико, и народъ, въ которомъ много жизненныхъ силъ, пользовался всякой возможностью создать область примѣненія для своего труда. Не вѣря въ чудеса, польское общество обнаруживаетъ большую и мудрую умѣренность въ своихъ политическихъ требованіяхъ и могло бы составить надежнѣйшую опору для развитія обще-русской государственности въ Царствѣ Польскомъ. Къ сожалѣнію, его преданность національной идеѣ учитывалась въ консервативныхъ правительственныхъ русскихъ кругахъ, какъ признакъ, опасный для укрѣпленія русской власти.

Рядомъ съ народно-демократическимъ направленіемъ чрезвычайно сильно въ польскомъ обществѣ политическое теченіе, которое до 1905 года выражалось партіей «угодовцевъ», и въ этомъ году приняло новое наименованіе партіи реалистовъ. Въ основѣ этого теченія, которое гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы судить по численности партіи реалистовъ, лежитъ признаніе необходимости строить свои политическія отношенія, примѣнительно не къ тому, что считается желательнымъ, но къ тому, что имѣется налицо, т.-е. къ реальнымъ условіямъ. Въ этомъ смыслѣ между партіями народной демократіи и реалистической существовало принципіальное противорѣчіе. Реалистами становятся люди, умудренные горькимъ житейскимъ опытомъ и склонные дорожить хоть тѣмъ немногимъ, что имѣется уже въ дѣйствительности, а также люди, дѣйствительно, имѣющіе, что хранить, т.-е. крупные землевладѣльцы, титулованные аристократы, собственники большихъ имуществъ, служащіе въ различныхъ (особенно, правительственныхъ) учрежденіяхъ и т. д. Въ народной демократіи, которая, согласно завѣту Мицкевича, мѣрила силы мѣрою цѣлей («мѣрь силы на намѣренія», mierz siłę nazamiary, говоритъ поэтъ въ знаменитой своей «Пѣснѣ филаретовъ»),— въ народной демократіи было больше идеализма, больше вѣры въ себя, въ будущее, больше молодости. Однако, когда вождямъ этой партіи пришлось перейти отъ программъ и дѣятельности нелегальной къ практической, парламентской, то между ними и реалистами разница оказалась.

по необходимости, весьма незначительной. Политическая зрѣлость польскаго народа прекрасно обнаружилась именно въ этой гибкости практической работы, въ этомъ умѣніи жертвовать теоретическими построеніями ради достиженія реальныхъ цѣлей, и потому дѣятельность Польскаго кола во всѣхъ Гос. Думахъ совершалась при такой (внѣшней) солидарности всѣхъ ея членовъ, примыкавшихъ къ обѣимъ вліятельнѣйшимъ партіямъ, что фактическая разница между ними казалась несущественной. Тѣмъ не менѣе, сліянія партій не произошло, и внѣ Гос. Думы продолжалась полемика между ними, иногда весьма рѣзкая. Такъ, напр., въ той борьбѣ съ еврейской торговлей, которую энергично повела народная демократія, реалисты участія не приняли, и одинъ изъ самыхъ выдающихся и талантливѣйшихъ представителей ихъ, Людовикъ Страшевичъ (ум. осенью 1913 г.), началъ рѣшительную борьбу съ антисемитизмомъ на столбцахъ своей газеты «Kurjer Polski».

По сравненію съ указанными политическими партіями, польской соціалистической, народно-демократической и реальной, на задній планъ отступали политическія направленія, базировавшіяся, по существу своему, на обычныхъ либеральныхъ основахъ и не выдвигавшія на первый планъ національнаго вопроса. Соціалъ-демократія насчитываетъ своихъ приверженцевъ въ Царствѣ Польскомъ преимущественно среди еврейскихъ рабочихъ массъ; «прогрессивно-демократическая партія», существовавшая въ 1907—8 год. и, повидимому, почти прекратившая свое существованіе въ послѣднее время, состояла, главнымъ образомъ, изъ еврейской интеллигенціи, изъ польской интеллигенціи, сочувствовавшей соціализму, но не входившей въ составъ соціалистическихъ партій, и т. п. Обаяніе имени ея лидера, Александра Свентоховскаго, ветерана польскаго либерализма и одного изъ вождей «органическаго труда», привлекало къ ней извѣстное число польскихъ интеллигентовъ. Но когда весной 1913 г. перешелъ на сторону антисемитизма и Свентоховскій, а другой дѣятель радикальнаго направленія, А. Немоевскій, сталъ читать пламенныя лекціи съ осужденіемъ «еврейской этики» и нравственнаго ученія Талмуда, едва ли могло продолжать свое существованіе «прогрессивно-демократическое» движеніе. Вообще исторія этого направленія съ его стремленіями ухватиться за что-нибудь общепріемлемое для всего польскаго народа весьма любопытна, какъ доказательство безпочвенности польской политической мысли, поскольку она не опирается на національный базисъ. Такъ, въ 1903—4 г. прогрессисты выставляютъ лозунгъ автономіи Польши взамѣнъ устарѣлаго лозунга независимости, а «во всякомъ соціальномъ вопросѣ» стремятся занять «наиболѣе радикальное и прогрессивное положеніе» [1]). И это, однако, не спасло партіи, наиболѣе близкой къ нашей конституціонно-демократической («партіи народной свободы») отъ забвенія.

Въ такихъ рамкахъ складывалась польская политическая жизнь въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее десятилѣтіе. Благодаря національной борьбѣ на два фронта, т.-е. противъ политики обрусенія и противъ экономическаго еврейскаго могущества, народъ и здѣсь, какъ въ Познанскомъ княжествѣ, достигъ большой концентраціи силъ.

Численность [2]) польскаго населенія въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго или генералъ-губернаторства Варшавскаго (или «Привислинскаго края», какъ назвали его въ періоды особенно враждебнаго настроенія

---

[1]) См. мою статью «Письмо изъ Польши. Прогрессивныя стремленія». «Русская Мысль». 1908. Іюнь.

[2]) Превосходнымъ статистическимъ обзоромъ экономической и культурной жизни Царства польскаго является изданный Biuro pracy społecznej Статистическій ежегодникъ (Rocznik statystyczny Królestwa Polskiego. Rok 1913. Warszawa 1914). Здѣсь приведенъ и обширный библіографическій списокъ источниковъ и болѣе старыхъ статистическихъ обзоровъ Царства Польскаго.

къ полякамъ) составляетъ, по даннымъ переписи 1897 г., около $6^1/_2$ милл. Именно, перепись указываетъ въ 1897 г. 6.987.467 католиковъ, но среди католиковъ надо отнести въ Сувалкской губерніи около 200 тыс. къ литовцамъ, такъ что поляковъ было 6.755.503 чел., что составляетъ 74,8% всего населенія Царства Польскаго. Для настоящаго времени число поляковъ въ Царствѣ Польскомъ можно опредѣлить приблизительно въ 9 милл. [1]). Кромѣ старой области польской колонизаціи, т.-е. Сѣверо и Юго-Западнаго края, поляки живутъ въ значительномъ числѣ и въ другихъ мѣстахъ Европейской и Азіатской Россіи. Такъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ, Харьковѣ поляковъ много; они живутъ въ этихъ городахъ своими колоніями, имѣютъ собственныя учрежденія, группирующіяся обычно около костеловъ. Въ южно-русскомъ горнозаводскомъ районѣ точно такъ же поляки, инженеры и рабочіе, представляютъ видный элементъ. Но, разумѣется, эта «эмиграція» польская отступаетъ на задній планъ и можетъ почти не приниматься въ расчетъ по сравненію съ той численностью и съ тѣмъ экономическимъ и политическимъ значеніемъ, которое сохранили отъ временъ Рѣчи Посполитой поляки въ юго-западной и сѣверо-западной Россіи.

Эти двѣ административныя единицы, два генералъ-губернаторства, охватываютъ районы, которые были пріобрѣтены имп. Екатериной II по тремъ раздѣламъ Польши въ концѣ XVIII в. и имп. Александромъ I по Тильзитскому миру 1807 г. (Бѣлостокскій округъ). Внѣ предѣловъ этихъ двухъ генералъ-губернаторствъ лежитъ Витебская губернія (Инфлянты Рѣчи Посполитой), гдѣ помѣщичій классъ еще въ извѣстной мѣрѣ сохранилъ также свой польскій характеръ. Предполагая, что $^3/_4$ католическаго населенія, указаннаго переписью 1897 г. въ губерніяхъ центральной и восточной Россіи, принадлежитъ къ числу поляковъ, Б. Косковскій («Opis ziem», I. 15—17) опредѣляетъ для 1904 г. численность поляковъ въ этихъ губерніяхъ не менѣе, чѣмъ въ 400 тыс. человѣкъ. Переходя къ двумъ географическимъ областямъ, которыя въ польской номенклатурѣ сохранили отъ временъ Рѣчи Посполитой названія *Русь* (Юго-западный край) и *Литва* (Сѣверо-западный край), слѣдуетъ отмѣтить, что еще до 1863 г. онѣ носили въ значительной мѣрѣ польскій характеръ. При наличности крѣпостного права крестьянская масса не оказывала вліянія на культурную жизнь страны. Земля находилась по преимуществу въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, городское населеніе состояло, главнымъ образомъ, изъ еврейскихъ массъ. Русское чиновничество не было многочисленно, такъ какъ и на государственной службѣ въ этихъ губерніяхъ находились преимущественно поляки. Такое положеніе вещей рѣзко измѣнилось съ начала шестидесятыхъ годовъ: освобожденіе крестьянъ, въ которомъ видную и благородную роль сыграли польскіе помѣщики, и затѣмъ возстаніе 1863 года отодвинули польскій помѣщичій классъ въ сторону. Множество имѣній было конфисковано и распродано

[1]) Л. Влодекъ для 1904 г. принимаетъ $7^1/2$ милл. *католиковъ* (т.-е. поляковъ и литовцевъ). Opis ziem zamieszkanych przez polaków. t. II. Królestwo Polskie. Warszawa. 1904. Стр. 224. Э. А. Вольтеръ опредѣляетъ численность населенія Сувалкской губ. въ 643.372 чел., въ томъ числѣ 371.060 литовцевъ, 123.004 поляковъ, 103.933 еврея. Литовскій языкъ является домашнимъ для 343.893 чел. См. «Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ матеріалъ для историко-этнографической географіи края, собралъ Э. А. Вольтеръ». Спб. 1901. Rocznik Statystyczny опредѣляетъ на 1 янв. 1909 г. численность католиковъ и маріавитовъ въ Царствѣ Польскомъ въ 9.074.382 человѣкъ и протестантовъ 634.619. Полагая, что среди послѣднихъ число поляковъ составляетъ 50 тыс. человѣкъ (въ 1897 г. около 33 тыс.), и что среди евреевъ около 60 тыс. признаетъ себя поляками (въ 1897 г. 46.380), получили бы 9.184.382 поляковъ въ Ц. Польскомъ. Но отсюда надо отнять до 400 тыс. литовцевъ (въ 1897 году 310.631), такъ что польское населеніе можно опредѣлить приблизительно въ 8,7 милл. въ 1909 году и въ 9 милл. въ настоящее время. Всего же численность поляковъ въ Россіи не менѣе 12 милл. ($2^1/2$ милл. въ Сѣв. и Юго-западномъ краѣ).

на самыхъ льготныхъ условіяхъ русскимъ чиновникамъ; во всѣхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ былъ введенъ исключительно русскій языкъ, множество поляковъ было выслано или подверглось различнымъ административнымъ карамъ. Былъ положенъ предѣлъ распространенію польскаго землевладѣнія закономъ о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія покупать землю не только изъ русскихъ, но и изъ польскихъ рукъ. Однимъ словомъ, польская національная жизнь въ предѣлахъ Литвы и Руси подверглась полному разгрому; она затаилась, свелась къ стремленію удержать въ польскихъ рукахъ унаслѣдованную землю; только новая эра русской государственной жизни 1904—5 года вывела эту жизнь изъ состоянія полуомертвѣнія. Опять сдѣлалось возможнымъ пріобрѣтеніе новыхъ недвижимостей внѣ городовъ лицамъ польскаго происхожденія (хотя только отъ поляковъ, что болѣе или менѣе гарантировало сохраненіе польскаго землевладѣнія, но не могло увеличить его размѣры). Польская печать получила возможность возобновиться и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ; стали возникать новыя организаціи, кооперативы, научныя общества и т. д. [1]). Были сдѣланы попытки основать польскія народныя школы, но администрація рѣшительно воспротивилась этимъ начинаніямъ, видя въ нихъ орудіе полонизаціи края. На томъ основаніи, что мѣстное крестьянское населеніе говоритъ не на польскомъ, но на литовскомъ или русскомъ языкахъ, существованіе такихъ школъ съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ было признано вреднымъ. При этомъ имѣлся въ виду клерикально-католическій характеръ школы. Это опасеніе католическаго и полонизующаго вліянія со стороны польскаго дворянскаго и интеллигентнаго классовъ въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ обусловливаетъ характеръ взаимоотношенія между польскимъ населеніемъ этихъ областей и правительствомъ. Послѣднее, допуская извѣстныя національныя уступки полякамъ въ предѣлахъ Царства Польскаго, ревниво слѣдило за тѣмъ, чтобы за эти границы польскія національныя требованія не шли. Вслѣдствіе этого польскія правительственныя организаціи подвергались нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ, для распространенія книгъ и устройства публичныхъ лекцій въ 1906 г. были учреждены въ Вильнѣ, Минскѣ и Несвижѣ общества «Просвѣщеніе» (Oświata), но уже въ 1908 г. 15 февр. было закрыто Виленское общество, а въ 1909 г. эта же участь постигла и два другія общества. Въ апр. 1906 г. совѣтъ министровъ и Гос. Совѣтъ постановили, что во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ и въ собраніяхъ всѣхъ обществъ въ 8 западныхъ губерніяхъ допускается только русскій языкъ. На этихъ же основаніяхъ и стремленіи охранить преобладающее значеніе русскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ былъ построенъ и законопроектъ 1910 г. о земствѣ въ западномъ краѣ, которое было введено въ 1911 г. [2]). Созданіе національныхъ курій, ограниченіе числа поляковъ въ земствѣ, преобладающее значеніе, предоставленное русскимъ въ управѣ и т. д. имѣли въ виду усиленіе русскаго элемента въ западномъ краѣ, приданіе земской жизни послѣдняго всецѣло русскаго харак-

---

[1]) Объ этомъ см. книгу L. Wasilewski: «Litwa i Białoruś» 1912 (здѣсь библіографія), а также «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ», подъ редакціей Д. И. Кастелянскаго. Спб. 1910.

[2]) По поводу той политики по отношенію къ польскимъ элементамъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, которая зиждется на извѣстномъ недовѣріи къ нимъ, мы находимъ заслуживающія вниманія замѣчанія въ статьѣ В. Б. «Polska Etnograficzna» (Kraj. 28 сент. 1914 г.): «Политически мы уже давно поставили крестъ надъ тѣми пространствами, хозяевами которыхъ должны быть живущіе на нихъ народы... Когда перестанутъ вытѣснять польскій элементъ изъ его позицій на окраинахъ, когда прекратится надзоръ надъ нимъ, и его замѣнитъ равноправіе, тогда сейчасъ же исчезнетъ фикція, будто бы тамъ, на этихъ спорныхъ мѣстахъ, ведется какая-то борьба во имя захватовъ все еще какъ будто бы ненасытной польскости» (polskości).

тера. Фактически, однако, эта жизнь въ значительной мѣрѣ носитъ еще во многихъ мѣстахъ польскій колоритъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ польскій элементъ въ населеніи и польское землевладѣніе распредѣляются слѣдующимъ образомъ [1]). Конечно, и здѣсь полной достовѣрности достигнуть трудно. Въ то время, какъ официальная статистика (перепись 1897 г. и перепись 1909 г., произведенная Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ при составленіи законопроекта о западномъ земствѣ), а также польскіе авторы, основывающіеся на переписи 1897 г., напр., Э. Чинскій [2]), склонны уменьшать численность польскаго населенія, особенно въ пользу смежнаго русскаго, другіе (какъ, напр., Малишевскій) обнаруживаютъ тенденцію противоположнаго характера, объединяя католиковъ-бѣлоруссовъ съ поляками. При такомъ отношеніи двухъ сторонъ къ статистикѣ, выяснить съ полной точностью дѣйствительныя отношенія представляется невозможнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду пользоваться брошюрой Е. Малишевскаго и перечисленными польскими работами, а также нѣкоторыми русскими пособіями [3]).

Въ Вильнѣ доминирующее положеніе донынѣ занимаютъ поляки, которымъ принадлежитъ недвижимой собственности, по даннымъ 1909 г., на $18^1/_2$ милл. руб., за ними идутъ евреи (17.625 тыс. руб.), далѣе русскіе (3.791 тыс.) и, наконецъ, литовцы (всего 130 тыс. руб.). Поляки владѣютъ въ этомъ городѣ нѣсколькими культурными учрежденіями: Обществомъ любителей наукъ съ обширной библіотекой, Музеемъ наукъ и искусствъ, Общественной библіотекой им. Врублевскихъ; здѣсь выходитъ около 20 журналовъ и газетъ на польскомъ языкѣ, появляются цѣнныя изданія и печатается много книжекъ, общественная жизнь развивается и во всѣхъ другихъ областяхъ. Въ Виленской губерніи при населеніи около 2 милл. (1957 тыс. въ 1911 г.) имѣется 8,2 проц. поляковъ; но это число неточно, и по даннымъ 1909 г. оно гораздо значительнѣе въ уѣздахъ со смѣшаннымъ польско-литовскимъ населеніемъ, а во всей губерніи составляетъ 17,8 проц.; по мнѣнію же Малишевскаго, значительную часть католиковъ-бѣлоруссовъ и часть литовцевъ въ Виленской губерніи надо также признать за поляковъ, численность которыхъ достигаетъ такимъ образомъ (для 1909 г.) 466.529 чел., или 26,5 проц. всего населенія. Общее количество земли, находящейся въ частномъ владѣніи, составляетъ въ Виленской губ. 1.861.524 дес., изъ которыхъ 60,3 проц. принадлежитъ полякамъ. Всего въ рукахъ дворянъ въ этой губерніи находится 1.379.739 дес., въ рукахъ же поляковъ 1.124.122 дес. (въ томъ числѣ до 1 милл. дес. въ рукахъ поляковъ-дворянъ). Эти данныя показываютъ, какъ донынѣ, несмотря на всѣ конфискаціи послѣ 1831 и 1863 г., значительно польское землевладѣніе въ названной губерніи. Иная картина раскрывается въ Ковенской губ., гдѣ на 1.800 тыс. всего населенія официальная статистика 1911 г. насчитываетъ 9 проц. поляковъ, тогда какъ Малишевскій съ помощью довольно сомнительныхъ предположеній повышаетъ эту цифру до 11,4 проц. (около 200 тыс. поляковъ). При общей суммѣ дворянскаго землевладѣнья: 1.415.974 дес. полякамъ

---

[1]) E. Maliszewski. Polacy i polskość na Litwie i Rusi. Warszawa. 1914 (здѣсь и литература). Dworzaczek. Nad Swisłoczą (Минскій календарь на 1914 г.). Спеціальную работу о польскомъ землевладѣніи въ Бѣлоруссіи издалъ въ 1913 г. І. Бартошевичъ. Кромѣ того, о польскомъ землевладѣніи въ Кіевской губ. за 40 лѣтъ (1860—1900) книга А. І. «Zmiana własności ziemskiej w gub. Kijowskiej» 1913. О польской земельной собственности въ Литвѣ. Gazeta Warszawska 24 авг. 1913 г., въ Подольской губ. Gaz. Warsz. 3 мая 1914 г., въ Минской и Могилевской Kraj 24 марта 1914 г., въ Волынской губ. Gaz. Warsz. 25 и 26 іюня 1914 г.

[2]) E. Czyński. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej. Wisła. 1887. 2 изд. отдѣльно. Warszawa. 1909.

[3]) Статистическій Ежегодникъ Россіи. 1912. *І. Логановъ.* Статистика землевладѣнія Европейской Россіи по уѣздамъ. 1906.

принадлежитъ около 890 тыс. дес. Изъ помѣщиковъ, имѣвшихъ избирательное право въ Гос. Думу въ 1907 г., было 665 поляковъ и 183 русскихъ. Въ Гродненской губ. при населеніи въ 2 милл. чел. офиц. статистика признаетъ всего 10,1 проц. поляковъ, но эта цифра, несомнѣнно, слишкомъ низка, такъ какъ католиковъ-бѣлоруссовъ въ значительной мѣрѣ (половину ли, какъ предполагаетъ Малишевскій, неизвѣстно) надо причислить къ полякамъ, такъ что процентъ поднимается свыше 15.

Польское землевладѣніе въ 1905 г., по даннымъ спеціальнаго изслѣдованія, составляло здѣсь около 569 тыс. дес. При общемъ количествѣ дворянскаго землевладѣнія (990.726 дес.) приведенное число, если предположить, что большинство землевладѣльцевъ-дворянъ поляки, даетъ около половины всей дворянской земли полякамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и выборными правами пользовались въ 1907 г. 266 поляковъ и 150 русскихъ. Въ Минской губ. польскій элементъ уже сильно отступаетъ на задній планъ: перепись 1897 г. опредѣляетъ его въ 3%, но здѣсь возможно отнести къ полякамъ и католиковъ-крестьянъ. Быть-можетъ, это по происхожденію своему бѣлоруссы, но въ этой губерніи католичество и полонизація представляютъ синонимы; католикъ чувствуетъ себя и полякомъ. Принявъ эту поправку, мы получимъ въ Минской губ. 10,26% католиковъ, т.-е. поляковъ, что составитъ около 300 тыс. чел. Въ 1905 г. въ польскихъ рукахъ было 49,5% всей болѣе крупной собственности; въ 1907 г. на 468 помѣщиковъ поляковъ приходилось 113 русскихъ избирателей. Въ 1913—4 г. поляки обладали 1.765 тыс. десят., дающими выборный земскій цензъ, не поляки—1.682 тыс.; такимъ образомъ, указанная выше цифра крупной польской собственности (49,5%) слишкомъ низка. Въ Минскѣ 20% поляковъ. Въ Могилевской губ. поляки составляютъ уже всего ок. 3% населенія (около 61 тыс., по офиц. статистикѣ еще меньше, всего 1% на 2.261,5 тыс. чел.). Здѣсь количество земли, принадлежавшей полякамъ въ 1909 г., равнялось 346 тыс. дес. (на 1.457 тыс. дес. дворянской земли), но избирательнымъ цензомъ пользовалось 233 поляка и только 165 русскихъ. Въ Сѣннинскомъ у. поляки владѣли 70% цензовой земли, въ Быховскомъ—52, въ Оршанскомъ—48%. Въ Витебской губ. часть крестьянъ-католиковъ Малишевскій причисляетъ къ полякамъ, другую же часть—къ латышамъ. Такое предположеніе допустимо лишь при отожествленіи католичества (среди бѣлоруссовъ) съ полонизаціей, что, вѣроятно, и здѣсь оправдывается дѣйствительностью, хотя бѣлорусское національное возрожденіе, обращаясь къ бѣлорусской католической массѣ съ книгой и газетой, напечатанными латинскимъ шрифтомъ, не теряетъ надежды на пробужденіе въ ней національнаго сознанія. Общее число поляковъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, Витебской и Курляндской губ. Малишевскій опредѣляетъ на основаніи указанныхъ выше принциповъ въ 1.448.549 чел. (для округленія скажемъ: $1^1/_2$ милл.). Въ Юго-западномъ краѣ польская народность почти совпадаетъ съ католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Здѣсь мы находимъ слѣд. данныя: въ Волынской губ. изъ 3.920,4 тыс. чел. поляковъ 6,2% (согласно Статист. Ежегоднику), но, по даннымъ переписи 1909 г., ихъ было 353.597 чел., или 10,5%; въ землевладѣніи полякамъ принадлежитъ 43,46%; крупная земельная собственность, дающая выборный земскій цензъ (отъ 50 дес. въ Заславльскомъ уѣздѣ до 250 въ Овручскомъ), распредѣляется здѣсь такъ: въ рукахъ поляковъ 1.026.772 дес., въ рукахъ русскихъ 908.332 десят.; въ этой губерніи находятся имѣнія многихъ представителей польской аристократіи, достигающія обширныхъ размѣровъ. Въ силу этого они менѣе подвержены раздробленію и распродажѣ, такъ что убыль польскаго крупнаго землевладѣнія совершается медленнѣе, нежели русскаго, но при существо-

вавшихъ ограниченіяхъ правъ поляковъ на пріобрѣтеніе земли въ Западномъ краѣ эта убыль не могла покрыться пріобрѣтеніями и представляла дѣйствительную національную потерю. Въ Подольской губ. на 3.812 тыс. поляковъ 2,3%, а по даннымъ 1909 г.—8,9%, въ частной собственности имъ принадлежитъ 53% (цензовой земли поляки имѣютъ 608 тыс. дес., русскіе 545 тыс.); въ Кіевской губ. на 4.604 тыс. населенія поляковъ всего 1,9% (по Стат. Ежегод.) или, по даннымъ 1909 г., 3,2%. Центромъ польской жизни въ Юго-западномъ краѣ является Кіевъ, гдѣ живетъ около 40 тыс. поляковъ. Здѣсь выходитъ нѣсколько польскихъ органовъ печати, иногда играетъ польская труппа и т. д. Въ Кіевской губ. польскому землевладѣнію принадлежитъ 639 тыс. дес. (всего въ рукахъ дворянъ 1.617 тыс. дес.)

Такимъ образомъ, и въ настоящее время польское населеніе, преимущественно польскій помѣщичій классъ, продолжаетъ играть чрезвычайно видную роль въ судьбахъ Западнаго края. Событія 1831 и 1863 г. сильно ударили по его политическому господству въ странѣ, сильно уменьшили его экономическое могущество, ослабили его культурную дѣятельность. Такъ, за время съ 1905 по 1911 годъ польское землевладѣніе въ Сѣверо- и Юго-западномъ краяхъ уменьшилось на 160 тыс. десятинъ, особенно въ Минской и Виленской губ., гдѣ было продано свыше 90 тыс. дес. не полякамъ. Въ четырехъ уѣздахъ Кіевской губ. (Таращанскомъ, Уманьскомъ, Каневскомъ и Сквирскомъ) поляки владѣли въ 1861 г. 474 тыс. дес., а въ 1901 г. уже всего 284 тыс. и соотвѣтственно съ этимъ возросло русское землевладѣніе. Но, какъ элементъ высоко культурный, польскій дворянскій классъ сохранилъ свое значеніе въ мѣстной жизни, и выборы въ законодательныя учрежденія до сихъ поръ обнаруживаютъ, что его представители хранятъ живое національное сознаніе и, несмотря на это, пользуются довѣріемъ и сочувствіемъ со стороны мѣстнаго населенія, въ томъ числѣ и русскаго. При этомъ дворянскій землевладѣльческій классъ польскаго происхожденія отличается консервативнымъ направленіемъ, твердо стоитъ на стражѣ русской государственности и ея охранительныхъ началъ, и представляется печальнымъ недоразумѣніемъ то подозрительное отношеніе, которое онъ иногда встрѣчалъ къ себѣ со стороны правительства. Едва ли есть основаніе опасенія того, что оно стремится къ полонизаціи и католической пропагандѣ окрестнаго русскаго православнаго крестьянства (бѣлоруссовъ и малороссовъ), а вѣдь только на опасеніи такой дѣятельности и могла основываться эта политика недовѣрія. Другое дѣло—католическое крестьянское населеніе Сѣверо- и Юго-западнаго края. Какъ показываетъ достаточно ярко уже брошюра Э. Малишевскаго, на католиковъ-бѣлоруссовъ поляки склонны смотрѣть, какъ на поляковъ. Но, надо сказать, въ этой области столкновенія двухъ религій принципы національный и религіозный совпадаютъ въ глазахъ самого населенія, или, по крайней мѣрѣ, совпадали до недавняго времени. Въ настоящее время литовское и бѣлорусское національное возрожденіе рѣзко обособилось отъ польскаго вліянія, и это явленіе замѣчается даже въ области литовской колонизаціи. Такъ, въ Могилевской губ. [1]) въ одномъ приходѣ живетъ до 2 тыс. литовцевъ, которые, какъ ревностные католики, привлекаютъ на свою сторону и индиферентныхъ къ религіи крестьянъ-бѣлоруссовъ. «Вообще,—замѣчаетъ литовскій авторъ,—распространеніе литовцевъ по Бѣлоруссіи значительно содѣйствовало подъему здѣсь католичества».

Литовское національное возрожденіе, руководимое въ сильной степени ксендзами-литовцами, выступило противъ польскаго преобладанія

[1]) Ср. литовскій журналъ «Dirva Žinynas». 1903. № 8 (Skatikas. Lietuviai ukininkai Mogilevo gubernioje).

въ костелѣ Литвы. Довольно сложное національное движеніе, приведшее въ 1904—5 годахъ къ ряду политическихъ выступленій [1]), въ настоящее время выражается особенно стремительно въ борьбѣ за назначеніе литовскихъ ксендзовъ и устройство литовскаго добавочнаго богослуженія и проповѣди въ приходахъ съ преобладающимъ литовскимъ населеніемъ. «Языкъ, какъ даръ Божій, надо любить и цѣнить», такъ заявляетъ литовскій клерикализмъ (см. журналъ «Aušra». 1911. № 1). Эта борьба принимаетъ все болѣе обостренный характеръ и дошла даже до папской куріи, которой въ октябрѣ или ноябрѣ 1912 г. (см. Kurjer Litewski. 8 нояб. 1912 г.) литовскіе ксендзы подали жалобу на «профанацію костеловъ» и на обиды со стороны «всеполяковъ». Пока еще не видно, къ какому компромиссу могутъ прійти борющіяся стороны, которыя не щадятъ силъ въ отстаиваніи своихъ взглядовъ, и даже подлежитъ сомнѣнію, дѣйствительно ли литовцы эмансипировались отъ польскаго культурнаго вліянія. Означаетъ ли эта эмансипація культурную побѣду, вопросъ другой. Быть можетъ, призывы литовской печати къ интеллигенціи: «говорите по-литовски», не увѣнчаются успѣхомъ, и эта интеллигенція, почти не находя заработка дома, будетъ вынуждена замѣнить польское вліяніе русскимъ; быть можетъ также, что при значительности польскаго землевладѣнія и зависимости отъ него сосѣдняго крестьянства, крестьянскія дѣти-литовцы, подымаясь надъ своей крестьянской средой, будутъ попрежнему тяготѣть къ полякамъ. Во всякомъ случаѣ борьба, поднятая ксендзами, необходима для роста національнаго движенія, для привлеченія къ ея понятнымъ массѣ лозунгамъ новыхъ приверженцевъ, и разумѣется, она будетъ еще долго возобновляться по новымъ и новымъ поводамъ [2]).

Что касается другихъ національныхъ движеній, происходящихъ въ Сѣверо- и Юго-западномъ краѣ, т.-е. среди бѣлоруссовъ и малоруссовъ (украинцевъ), то ни то, ни другое пока не вступаютъ въ конфликтъ съ поляками. Правда, на столбцахъ бѣлорусской печати мы встрѣчаемъ иногда рѣзкіе выпады противъ допускаемаго поляками отожествленія національнаго и религіознаго принциповъ, т.-е. противъ зачисленія бѣлоруссовъ -католиковъ въ поляки, однако въ общемъ слѣдуетъ признать, что поляки относятся сочувственно къ бѣлорусскому національному движенію. Конечно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при оборонительномъ положеніи, которое занимаютъ поляки въ Бѣлоруссіи, движеніе, оппозиціонное по отношенію къ централизаціи, является для нихъ желательнымъ союзникомъ. Однако бѣлорусская печать уже не разъ заявляла, что бѣлорусскій національнизмъ стремится къ полной культурной независимости отъ кого бы то ни было и протестуетъ противъ польской опеки. Быть-можетъ, и здѣсь произойдетъ конфликтъ, но не въ религіозной, а въ аграрной области. Нѣсколько сдержаннѣе отношеніе поляковъ къ украинскому движенію въ Юго-западномъ краѣ, такъ какъ оно близко къ враждебному имъ движенію въ Галиціи, но группа польской молодежи въ Кіевѣ, группи-

---

[1]) Ср. M. Römer. Litwa. 1908, а также мои статьи о «Литовскомъ національномъ возрожденіи» въ «Русской Мысли». 1909 г.

[2]) Въ концѣ 1913 года виленская литовская газета «Aušra» съ удовлетвореніемъ отмѣчала успѣхи литовскаго національнаго движенія. Она констатировала развитіе литовской печати (уже около 20 изданій) и, между прочимъ, писала слѣдующее: «Въ школахъ учатся тысячи литовскихъ дѣтей. По окончаніи низшей школы нѣкоторые продолжаютъ учиться, и такимъ образомъ число образованныхъ литовцевъ все возрастаетъ. Теперь уже они не превратятся въ поляковъ. Безъ мала каждый ученикъ или ученица едва начинаетъ учиться, уже считаетъ своей обязанностью работать для своей родины... Нужно стремиться къ тому, чтобы въ школахъ дѣтей учили читать и писать по-литовски. Съ русскимъ и литовскимъ языками литовецъ найдетъ себѣ, сколько угодно, хлѣба и разума».

ровавшаяся около журнала «Przegląd Krajowy» (въ 1909 г.), горячо сочувствовала украинскому движенію.

Въ послѣднее время чрезвычайно обостренный характеръ приняли польско-еврейскія отношенія въ предѣлахъ Царства Польскаго. Эти отношенія нѣкогда носили чрезвычайно дружелюбный характеръ, и «поляки Моисеева закона», какъ поляки называли евреевъ въ добрую минуту, дѣйствительно, были хорошими польскими патріотами, принимавшими участіе и въ наполеоновскихъ войнахъ, и въ возстаніяхъ. Однако наплывъ изъ Россіи евреевъ («литваковъ», т.-е. изъ Литвы, по своему происхожденію) сильно измѣнилъ эти отношенія въ концѣ XIX вѣка и особенно въ началѣ XX вѣка, а 1905 г. показалъ глубокую духовную рознь между этими пріѣзжими еврейскими массами и польскимъ народомъ. Политическія требованія, оцѣнка политическаго положенія, ближайшія задачи, предъявляемыя депутатамъ, оказывались совершенно различными, часто несогласимыми. «Литваки» стояли на стражѣ «обрусительной политики», поддерживали русскую книгу, газету, публичныя лекціи на русскомъ языкѣ [1]). За ними въ значительной мѣрѣ пошли и мѣстные, искони осѣдлые евреи, такъ что «литваки», рѣшительно не желавшіе считаться съ національными запросами поляковъ, сильно раздражили противъ себя польское общество. Когда же на выборахъ въ IV Гос. Думу евреи, воспользовавшись распрями между польскими политическими партіями, провели своими голосами соціалъ-демократа Ягелло, чуждаго національнымъ польскимъ программамъ, расколъ превратился въ глубокую пропасть, и на сторону антисемитизма перешли и такіе выдающіеся дѣятели польскаго либерализма, какъ Свентоховскій и Немоевскій. И въ это время поляки почувствовали особенно остро экономическій гнетъ, которому ихъ подчинили еврейская торговля, еврейскіе банки и т. д. Противъ еврейства открыла походъ партія народной демократіи. Уже въ 1909 г. Р. Дмовскій выступилъ съ анализомъ происшедшаго: «Страна (Польша) поднялась (вслѣдствіе развитія въ ней промышленности) экономически, но утратила свою экономическую самостоятельность. Въ еврейскомъ вопросѣ это имѣло то слѣдствіе,что сильнѣйшія или, вѣрнѣе, единственныя узы, соединяющія еврейское населеніе съ нашимъ обществомъ, сильно ослабѣли. Изъ всѣхъ областей экономической жизни евреи всего болѣе связаны съ торговлей и промышленностью, а въ этой именно области возникло множество интересовъ, которые, хотя и прикрѣплены по мѣсту своей локализаціи къ нашей почвѣ, однако оказались въ своемъ развитіи независимыми отъ края, отъ польскаго общества, но зато зависимыми отъ Россіи, а въ извѣстной мѣрѣ и отъ Берлина. Этой перемѣнѣ экономическихъ отношеній должна была сопутствовать у евреевъ неизбѣжная перемѣна нравственнаго отношенія къ нашему обществу...» (Separatyzm żydów i jego źródła. 1909). Лозунгъ, данный Р. Дмовскимъ, заключался въ созданіи экономической независимости отъ еврейства. Искра антисемитизма, тлѣвшая уже въ 1909 г., вспыхнула яркимъ пламенемъ осенью 1912 г., когда на выборахъ въ IV Думу кандидатъ «концентраціи» польскихъ партій не про-

---

[1]) Эту связь между польскими несимпатіями къ евреямъ и политикой обрусенія рѣшительно отрицаетъ лидеръ народной демократіи, Р. Дмовскій (Gazeta Warszawska. 25 сент. 1913 г.): «Евреи намъ непріятны, какъ евреи, ибо они вступаютъ въ борьбу съ нами именно, какъ евреи. Они организуются здѣсь не какъ русскіе, но какъ евреи, основываютъ газеты не русскія, но еврейскія, даютъ въ своихъ театрахъ представленія еврейскія. Роль пришельцевъ съ востока заключается въ организаціи еврейства и руководствѣ еврейскимъ дѣломъ». Однако это руководство заключается, въ значительной мѣрѣ, именно въ разрушеніи стараго понятія: «полякъ Моисеевой вѣры», въ созданіи типа еврея, тяготѣющаго всѣми своими интересами на Востокъ, къ Россіи, и поддерживающаго въ Царствѣ Польскомъ всякія русскія начинанія, будь то Высшіе женскіе курсы или русскій театръ и т. д.

шелъ, и вмѣсто него былъ избранъ полякъ соціалистъ. Напрасно евреи доказывали [1]), что они могли бы выбрать въ представители Варшавы еврея, и что свое уваженіе къ польскимъ правамъ они засвидѣтельствовали избраніемъ поляка-христіанина. Польское общество отвѣтило на это упреками, засыпало евреевъ обвиненіями въ провокаціи, въ развращеніи польской молодежи радикализмомъ и т. д. И. Грабовскій утверждалъ, что «наступилъ крайній моментъ; евреи въ Царствѣ Польскомъ сдѣлались агрессивнымъ элементомъ; если мы не освободимъ отъ нихъ торговли и промышленности, то мы будемъ для Россіи и политическихъ силъ Европы quantité negligeable». Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче становился тонъ въ полемикѣ противъ евреевъ, тѣмъ большее число людей и органовъ печати стало примыкать къ антисемитизму, въ лагерь его переходили и прежде колебавшіеся. Съ осени 1912 г. былъ данъ лозунгъ экономическаго бойкота евреевъ. Онъ продолжался весь 1913 годъ и до самой войны. Обращеніе Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ вызвало со стороны еврейской варшавской печати рядъ добрыхъ словъ по отношенію къ полякамъ, но эти слова были встрѣчены съ недовѣріемъ и нѣкоторое время недружелюбное отношеніе польской печати къ евреямъ еще продолжалось.

По даннымъ 1860 г. евреевъ было въ Польшѣ 612 тыс., въ 1888 г. уже 1.176 тыс. (приростъ 92% объясняющійся мѣрами выселенія евреевъ въ черту осѣдлости), въ 1892 г. 1.225 тыс., въ 1897 г. 1.316 тыс. При этомъ ежегодный приростъ евреевъ опредѣляется свыше 3%, а приростъ поляковъ около 2,5% (съ 1860 по 1897 г. 2,31%, съ 1860 по 1888 г. 2,78%). Перепись 1897 г. установила для всего Царства Польскаго 14% евреевъ. Повидимому, съ тѣхъ поръ процентное отношеніе евреевъ ко всему населенію нѣсколько уменьшилось: «Статистическій Ежегодникъ за 1911 г.» опредѣляетъ его въ 13,5% (стр. 64), хотя въ другомъ мѣстѣ (стр. 74) повторяетъ цифру 1897 г., а статистика вѣроисповѣданій страннымъ образомъ опредѣляетъ къ 1 янв. 1909 г. процентное отношеніе евреевъ въ населеніи Ц. Польскаго въ 14,64 (1.747.655 чел.). Въ 1860 г. евреи составляли $12^3/_4$% всего населенія, въ 1888 г. около 14,3%, въ 1892 г. ок. 14%, въ 1897 ок. 14,1%. Во всякомъ случаѣ, эти цифры показываютъ, что послѣ 1888 г. количество евреевъ въ процентномъ отношеніи въ Царствѣ Польскомъ возрастаетъ. Излишекъ прироста его, не находя благопріятныхъ условій для своего устройства въ предѣлахъ Царства Польскаго, эмигрируетъ или, по мѣрѣ возможности, переселяется въ Россію. Въ городахъ соотношенія остались, по всей вѣроятности, безъ значительныхъ перемѣнъ въ смыслѣ уменьшенія или увеличенія еврейства съ 1897 г., составляя около 40% населенія. Не въ статистикѣ населенія заключались источники того антисемитскаго движенія, которое охватило польское населеніе королевства. Это движеніе, въ длительность котораго евреи сначала не вѣрили, приняло мало-по-малу характеръ такой упорной экономической борьбы, которая можетъ постепенно видоизмѣнить соотношенія силъ и заставить еврейскій капиталъ эмигрировать изъ Польши, что едва ли послужитъ этой послѣдней на пользу, такъ какъ именно своими капиталами польское населеніе бѣдно.

[1]) Изъ очень обширной литературы по еврейско-польскому вопросу приведу нѣсколько книгъ: R. Dmowski (см. выше), I. Grabowski. Niewdzięczn i goście. 1912. St. Pienkowski. Dwa żywioły (Głos w sprawie żydowskiej). 1913. W. Wasiutyński. Z listów do przyjaciela. 1913. J. Moszczeńska. Stosunki polsko-żydowskie w ostatniem dziesięcioleciu, въ изданіи календаря на 1914 г. газеты «Goniec». По исторіи антисемитизма въ Польшѣ интересна монографія Бартошевича «Wojna żydowska w roku 1859 (Początki assimilacyi i antisemityzmu)». 1913. Какъ защита еврейской точки зрѣнія, интересна брошюра B. Margules. W sprawie żydowskiej. 1912.

О результатахъ бойкота еврейской торговли нѣкоторыя свѣдѣнія уже имѣются. По даннымъ анкеты, произведенной Обществомъ поощренія земледѣльческаго и промышленнаго труда среди евреевъ, относящейся къ 40 городамъ и мѣстечкамъ Варшавской губ. и обнародованной въ «Nowa Gazeta» и «Przegląd Codzienny» (см. «Gaz. Warsz.» 18 окт. 1913 г.), въ октябрѣ 1913 г. бойкотомъ были охвачены 38 пунктовъ изъ 40, при чемъ руководителями движенія явились ксендзы, помѣщики, адвокаты, доктора, даже чиновники; рабочіе, въ зависимости отъ своихъ политическихъ партійныхъ отношеній, одни относились къ бойкоту отрицательно (въ 8 пунктахъ), въ другихъ — положительно (въ 9 пунктахъ), кое-гдѣ довольно равнодушно. Однако количество польскихъ магазиновъ продолжало оставаться ничтожнымъ: на 2111 еврейскихъ приходилось всего 336 польскихъ; послѣ объявленія бойкота возникли польскіе магазины въ 21 пунктѣ, другіе, прежде существовавшіе, стали развивать болѣе энергическую дѣятельность. Но оптовая торговля пребываетъ попрежнему всецѣло въ еврейскихъ рукахъ. Въ общемъ, какъ показываетъ анкета, экономическое положеніе еврейства въ Варшавской губ., если и ухудшилось кое-гдѣ, то не очень въ значительной степени. Болѣе утѣшительные для проповѣдниковъ антисемитизма результаты представила мѣстность Zagłębie (Сосновцы, Бендзинъ и т. д.): по даннымъ «Kuryer'a Zagłębia» (Gaz. Poranna 21 нояб. 1913 г.), первый же годъ бойкота принесъ много измѣненій. Именно, въ Сосновцахъ за годъ передъ тѣмъ имѣлось 680 еврейскихъ фирмъ и 272 польскія, въ ноябрѣ 1913 г.—813 польскихъ и 437 еврейскихъ. Въ Бендзинѣ, гдѣ евреи составляютъ до 70% населенія, также убавилось число еврейскихъ лавокъ (съ 515 до 485) и увеличилось число польскихъ (со 130 до 169). Таковы же, болѣе или менѣе, отношенія и въ другихъ населенныхъ пунктахъ этой мѣстности. Переходъ промышленности и торговли въ Польшѣ въ польскія руки составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ современности для партіи народной демократіи, которая въ своемъ органѣ «Gazeta Poranna», предназначенномъ для широкихъ массъ, тщательно слѣдитъ за польскими успѣхами въ этомъ отношеніи. Она сообщаетъ о возникновеніи новыхъ христіанскихъ магазиновъ и фабрикъ, оповѣщаетъ своихъ читателей о томъ, что тотъ или другой городокъ «освобождается» отъ евреевъ (odżydza się) и т. д. Съ чрезвычайной послѣдовательностью и настойчивостью, изо дня въ день эта газета проводитъ лозунги антисемитизма. Такъ, 3 дек. 1913 г. отъ имени группы работниковъ въ Пабіаницахъ было напечатано обращеніе къ русскимъ рабочимъ организаціямъ, осудившимъ бойкотъ. Указывая на то, что на многихъ еврейскихъ фабрикахъ отдается предпочтеніе еврейскимъ работникамъ передъ польскими, эти послѣдніе, между прочимъ, заявляютъ: «И мы должны быть имъ благодарны за это! Мы, сыны этой земли! Мы, граждане этого, и безъ того столь несчастнаго края, должны позволить, чтобы сотни тысячъ нашихъ братьевъ эмигрировали за моря въ поискахъ куска хлѣба? Отъ 1 VII 1912 до 30 IV 1913 эмигрировало 150.000 чел. А чтобы здѣсь, на нашей собственной землѣ, еврейство распространялось и навязывалось намъ, этого мы совершенно не желаемъ». Въ такихъ тонахъ ведется эта антисемитическая проповѣдь въ Польшѣ. Даже та роль, которую польскій рабочій классъ сыгралъ въ событіяхъ 1904—5 г., получила въ новѣйшее время антисемитическое освѣщеніе въ книгѣ польскаго эмигранта Уншлихта, который выступилъ съ обвиненіемъ «соціалъ-литвацтва» (какъ онъ называетъ еврейскій элементъ въ соціалъ-демократіи) въ нравственномъ искаженіи польскихъ благородныхъ стремленій къ свободѣ. Еврейство обвиняется въ книгѣ Уншлихта въ томъ, что оно подзадоривало польскихъ работниковъ въ Лодзи къ братоубій-

ственной борьбѣ, въ томъ, что оно старалось сдѣлать невозможными легальныя собранія рабочихъ, желая революціонизировать ихъ, что оно искусными мѣрами поддерживало еврейскую торговлю, разрушая подвозъ въ извѣстныя мѣстности, когда евреи успѣвали собрать въ своихъ лавкахъ достаточное количество товаровъ, и т. д. Я отказываюсь входить здѣсь въ критику всѣхъ этихъ обвиненій, но достаточно ихъ отмѣтить, какъ чрезвычайно характерный симптомъ времени, когда антисемитизмъ развивается даже въ польскихъ революціонныхъ партіяхъ. Съ другой стороны, противъ этого теченія рѣшительно выступили польскія консервативныя партіи. Считая всякую ненависть ограниченіемъ человѣческой душевной дѣятельности, покойный выдающійся польскій публицистъ Людовикъ Страшевичъ боролся съ антисемитизмомъ, призывая общество къ братолюбію и добрымъ чувствамъ ко всѣмъ людямъ. Съ антисемитизмомъ во имя общей человѣческой культуры вступила въ борьбу и партія реальной политики въ своей газетѣ «Слово». Дѣло дошло даже до обращенія къ церковному авторитету. Стали толковать каноническія предписанія, запрещающія общеніе съ іудеями, и «Gazeta Poranna» извлекла отсюда соотвѣтствующіе ея стремленіямъ выводы. Тогда авторитетный въ этой области, католическій офиціозъ, «Przegląd Katolicki» (см. «Słowo» 7 дек. 1913 г.), нашелъ необходимымъ возразить, что церковь не воспрещаетъ католикамъ вступать въ общеніе съ евреями, если отъ этого общенія не страдаетъ ихъ религіозное правовѣріе.

Трудно предвидѣть, чѣмъ закончится современное антисемитическое движеніе въ Царствѣ Польскомъ. Причины экономическаго преобладанія евреевъ слишкомъ сложны, чтобы бойкотъ еврейской розничной торговли смогъ побѣдить его. Онѣ кроются, главнымъ образомъ, въ экономическомъ отношеніи Царства Польскаго ко всей имперіи, въ ея тарифной и таможенной политикѣ. Главнымъ агентомъ въ этихъ отношеніяхъ является давно и хорошо организованное еврейское посредничество, безъ котораго сама Польша обойтись не можетъ. Еврейство Россіи привыкаетъ видѣть въ Царствѣ Польскомъ лишь одну изъ частей имперіи, весьма мало считаясь съ его національными особенностями. Если польскій торговый классъ сумѣетъ самъ создать это посредничество съ имперіей, то, конечно, еврейская торговля въ Польшѣ потеряетъ свой господствующій характеръ. Возможно ли это, покажетъ будущее. Думается, что при современномъ экономическомъ отношеніи Царства Польскаго къ имперіи роль евреевъ настолько важна для поляковъ, что антисемитизмъ въ области торговли едва ли полезенъ для самихъ поляковъ, экономическая же программа его неосуществима, поскольку рѣчь идетъ о перенятіи оптовой торговли изъ еврейскихъ рукъ въ польскія. Въ началѣ іюля 1914 г. польская печать («Gazeta Warsz.» 2 іюля 1914 года) сообщила отчетъ информаціоннаго бюро по еврейской эмиграціи. Изъ него видно, что эмиграція возросла, и бюро объясняетъ это увеличеніе эмиграціи, между прочимъ, бойкотомъ еврейской торговли въ Царствѣ Польскомъ. Поэтому въ составѣ эмиграціи сильно возросло участіе торговцевъ (до 17%), тогда какъ прежде эмигрировали почти исключительно ремесленники [1]). Быть-можетъ, однако, что иниціаторы «бойкота» имѣли въ виду не столько самый бойкотъ, сколько пробужденіе торговой самодѣятельности въ польскомъ населеніи, обостреніе національнаго сознанія ея? Какъ мнѣ приходилось слышать отъ людей, близко стоящихъ къ національному польскому движенію, не исключена и эта воз-

[1]) О положеніи еврейской эмиграціи см. книгу П. Херша «Le Juif errant d'aujourd'hui». 1913.

можность. Конечно, бойкотъ охватываетъ еврейско-польскія отношенія: такъ, на выборахъ правленія въ Варшавскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ, въ февралѣ 1914 г., не прошелъ ни одинъ еврей, хотя въ числѣ членовъ этого общества 40% евреевъ.

Въ рамки моего сочиненія не входитъ подробное изученіе политическихъ партійныхъ стремленій польскаго народа. Но мимоходомъ я считаю полезнымъ указать на то, что польская политическая мысль передъ войной переживала извѣстный кризисъ. Въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ борьбы за свое существованіе, въ которыхъ даже программа minimum оказывалась иногда непріемлемой для противной стороны, усилія польскихъ политическихъ дѣятелей сводились иногда просто къ теоретической разработкѣ программъ, которыя они не имѣли возможности осуществить на дѣлѣ. Всюду встрѣчая передъ собой закрытыя двери, терпя неудачи въ своихъ законнѣйшихъ надеждахъ, польская политическая мысль стремилась найти новые пути, поддержать въ народѣ вѣру въ конечное торжество упорнаго мирнаго труда. Такой характеръ носитъ книга проф. Милевскаго «Задача національной политики» (Zagadnienie Narodowej Polityki), первое изданіе которой вышло въ 1909 г., а второе появилось въ 1913 г. Самый фактъ появленія второго изданія этой книги представляетъ событіе значительное: онъ обнаруживаетъ, что въ польскомъ обществѣ распространялось убѣжденіе въ необходимости стойкой, совершенно лояльной борьбы за народныя начала. Прекрасная книга проф. Милевскаго проникнута бодрой вѣрой въ успѣшность такой борьбы, которая ведется не на почвѣ ненависти и вражды къ сосѣдямъ или вообще другимъ народамъ, но на почвѣ уваженія къ тому, что у нихъ есть хорошаго, и что слѣдуетъ ввести въ свой національный организмъ. Бодрость [1]) этой книги, ея лозунгъ: «будемъ учиться», производитъ чрезвычайно свѣтлое впечатлѣніе рядомъ съ той грустью, которой проникнута польская публицистика. «Необходимо твердо заявить, что мы вступаемъ въ періодъ борьбы за послѣднія основы нашего національнаго быта, за землю и людей. И эта борьба будетъ вестись уже не только съ тѣми силами, которыя ведутъ ее въ настоящее время, но одновременно съ этимъ и съ общественными силами народовъ, которые желаютъ на нашъ счетъ пріобрѣсти для себя больше простора для существованія и увеличить свои жизненныя силы» (St. Kozicki. Polityka polska w Dumie. 1912).

Приведенныя слова принадлежатъ одному изъ лидеровъ народной демократіи, но убѣжденіе, высказанное въ нихъ, раздѣлялось широкими массами польскаго общества и помимо этой партіи и выливалось въ необозримомъ множествѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, годовыхъ обзоровъ и т. д. Тосклива билась польская мысль, чтобы выяснить, какъ жить въ современныхъ условіяхъ. Но, какъ справедливо говоритъ тотъ же публицистъ, «прекраснѣйшія статьи въ журналахъ, самые возвышенные лозунги, самыя патетическія національныя проповѣди не могутъ выработать общество въ политическомъ отношеніи, если оно лишено возможности дѣятельной политической работы». Поэтому и за то немногое, что дали польскому народу реформы 1905 года, онъ долженъ крѣпко держаться, ибо здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ или иныхъ реальныхъ

---

[1]) Такъ, представивъ совершенно реально положеніе польскаго народа незадолго до войны, проф. Милевскій продолжаетъ (стр. 288): «Кругъ этихъ обязанностей (гражданина) я опредѣлялъ реалистически, смотря на наше теперешнее положеніе. Но это не представляется ни опроверженіемъ, ни забвеніемъ нашего наивысшаго идеала—возвращенія независимости. Но, по моему мнѣнію, плохо служитъ этому идеалу тотъ, кто, грезя о немъ и мысля о великой минутѣ, забываетъ о трудовыхъ обязанностяхъ настоящаго дня, наполняетъ свою жизнь не реальной работой, но грезами».

добычахъ, но «о моральномъ здоровьѣ народа, о томъ, станемъ ли мы обществомъ, способнымъ къ развитію и пріобрѣтенію въ борьбѣ условій полнаго народнаго быта, или пойдемъ дальше по пути ликвидаціи нашей матеріальной и моральной наличности...» Другой основной недостатокъ польской общественности, кромѣ не имѣющихъ никакой реальной цѣнности «протестовъ», «деклараціи» и т. д. (о чемъ съ возмущеніемъ пишетъ Ст. Козицкій), заключался, какъ полагали его критики, въ «измельчаніи» народной жизни, въ отсутствіи въ ней смѣлыхъ и широкихъ замысловъ. Этой «дробницѣ» (drobnica), какъ общественному злу, посвятилъ любопытную статью С. Пеньковскій (Tygodnik Ilustrowany» 1913. № 33). Въ результатѣ многихъ и горькихъ разочарованій, которыя пережило польское общество, тѣхъ обидъ, которымъ подвергались со стороны демагоговъ и идущей за ними толпы чуть не всѣ выдающіеся дѣятели, а также отсутствія арены для развитія и примѣненія общественныхъ силъ, образовался типъ человѣка, для котораго интересы народа и общества значатъ довольно мало. «Мы боязливы въ нашихъ начинаніяхъ и мысляхъ, мы уступчивы, пригнетены, слишкомъ осторожны, слишкомъ бережливы, узки, мелочны, недовѣрчивы къ другимъ и себѣ, мы не мѣтимъ далеко, мы боимся большихъ разстояній», жалуется Пеньковскій. Все это являлось, конечно, результатомъ тѣхъ совершенно ненормальныхъ условій, въ которыхъ жило польское общество. Отсутствіе здоровой политической атмосферы порождало, какъ и въ нашемъ обществѣ, мелкую партійную свару, взаимныя обвиненія, злорадство при неудачѣ той или другой партіи, хотя эти неудачи ложились иногда бременемъ на весь народъ. Въ одномъ изъ новогоднихъ итоговъ («Jedność i warcholstwo». Kurjer Poranny. 30 дек. 1913 г.) неназванный авторъ въ сильныхъ выраженіяхъ обрушивается на партію народной демократіи за то, что въ призывахъ «составить одну оборонительную линію и вмѣстѣ обдумать средства для защиты отъ новаго напора денаціонализаціи» (рѣчь идетъ о требованіи употребленія русскаго языка въ городскомъ самоуправленіи) эта партія увидѣла только «интригу», направленную противъ нея. Къ сожалѣнію, mutatis mutandis то же можно было сказать и про другія политическія партіи въ Царствѣ Польскомъ [1]).

Условія, въ которыхъ польскому народу приходилось бороться за свое экономическое будущее, становились все болѣе тяжелыми не только вслѣдствіе сплоченности, организованности и давности экономической жизни еврейства, но и вслѣдствіе того положенія, которое занимаютъ промышленность и торговля Царства Польскаго въ общеимперскомъ хозяйствѣ. Согласно меморіалу, представленному польскими промышленниками въ комиссію по пересмотру русско-нѣмецкаго торговаго договора, это положеніе рисовалось довольно печально (см. рефератъ въ газ. «Kur. Warszaw». 15 нояб. 1913 г.). «Факты и цифры, тщательно подобранные въ этомъ меморіалѣ, свидѣтельствуютъ непреложно, что теперешній таможенный договоръ (1904 г.) отдаетъ насъ (т.-е. Царство Польское) въ нѣкоторыхъ областяхъ всецѣло въ жертву нѣмецкихъ производителей и посредниковъ». Сюда относятся такія важныя отрасли

[1]) О партійныхъ и политическихъ условіяхъ жизни въ Царствѣ Польскомъ см., кромѣ названной выше моей книги, на русскомъ языкѣ еще слѣдующее: *Вл. Студницкій.* Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней. СПБ. 1908. *Л. Василевскій (Плохоцкій).* Современная Польша и ея политическія стремленія. СПБ. 1906. *Э. Пильцъ.* Русская политика въ Польшѣ. Варшава. 1909. *А. Жванъ.* Политическіе очерки. Варш. 1908 *А. Осуховскій.* Поляки и народоистребительная политика. Варшава. 1908. *О. Карповскій.* Къ польскому вопросу. Четверть вѣка назадъ. Москва. 1909. Какъ болѣе старое, цѣнное изданіе газеты «Русь» 1905 г. (Польскій вопросъ въ газетѣ «Русь». Томъ I, 28 марта 1904 г.—18 февраля 1905 г.).

промышленности, какъ химическая, кожевенная, писче-бумажная, электротехническая и т. д. Меморіалъ польскихъ промышленниковъ перечисляетъ 46 такихъ видовъ производства, которые при дѣйствовавшемъ до войны таможенномъ договорѣ находились всецѣло въ нѣмецкихъ рукахъ. Съ другой же стороны развивающаяся русская промышленность заливаетъ Польшу своими издѣліями. Тѣмъ не менѣе, польское общество обладаетъ слишкомъ большимъ запасомъ жизненныхъ силъ, чтобы отказаться отъ борьбы за свое экономическое будущее. Желая по возможности черпать матеріалъ изъ устъ народа, о которомъ идетъ рѣчь, приведемъ и здѣсь одну изъ новогоднихъ исповѣдей («Kurjer Warszawski» 1 янв. 1914 г.). Авторъ отмѣчаетъ невзгоды польскаго существованія и затѣмъ продолжаетъ: «Въ ужасномъ вихрѣ національныхъ распрь, въ самомъ центрѣ которыхъ стоитъ Польша, ставшая цѣлью неслыханнаго въ исторіи натиска, не раздается ни одинъ голосъ отчаянія, не видно ни одного проявленія жалкой тревоги. Что это: слѣпота, легкомысліе, апатія? Нѣтъ. Это только народъ, исполненный вѣры въ себя, потому что онъ исполненъ жизненныхъ силъ. Если мы оторвемъ свой испытующій взглядъ отъ политическихъ условій и обратимъ его на внутренній бытъ общества, хотя бы только въ Царствѣ Польскомъ, на его жизнь въ границахъ, лишь слабо зависимыхъ отъ государственно-политическихъ рамъ, то мы убѣдимся, что въ немъ существуютъ сотни проявленій неутомимой жизненности. Только что минувшій годъ не былъ въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ. Наоборотъ: почти на каждомъ поприщѣ свободной общественной дѣятельности дѣло подвигалось впередъ или обнаруживало стремленіе къ развитію. Это единственное на свѣтѣ основаніе для оптимизма, и нашъ народъ обладаетъ имъ. Мы развиваемся подъ знакомъ: *сами себѣ*... По самому существу вещей общественная самопомощь обнаруживается прежде всего въ области экономической. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія кооперативное движеніе, развитіе котораго безусловно превышаетъ обычныя, такъ сказать, нормы и становится знаменемъ прямо исключительныхъ народныхъ способностей. Между тѣмъ, что было десять лѣтъ тому назадъ, и теперешнимъ положеніемъ—настоящая пропасть».

Приступая теперь къ обзору экономической жизни населенія Царства Польскаго, остановимся прежде всего на финансовомъ состояніи этого послѣдняго [1]). Польскіе фанансисты доказываютъ, что Царство Польское вноситъ въ казну значительно больше того, что само получаетъ изъ нея на свои хозяйственныя нужды. Именно, за время 1900—1904 г. оно дало 667 милліон. р. обыкновенныхъ доходовъ, получило же на расходы обыкновенные и чрезвычайные всего 561 милл. руб., такъ что чистый доходъ, который государство получило отъ этой провинціи, составилъ за пять лѣтъ 106 милл. руб. Весьма тщательныя вычисленія А. Р. имѣли цѣлью доказать, что нерѣдко раздающіяся указанія на то, что отъ Царства Польскаго русское государственное хозяйство терпитъ только убытки, лишены фактическаго основанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если можетъ считаться доказаннымъ, что государственная казна беретъ отъ Польши больше, чѣмъ сама даетъ ей на ея экономическія и культурныя нужды, то не могутъ быть признаны неосновательными указанія польскихъ депутатовъ на нѣкоторое пренебреженіе къ развитію Царства Польскаго. Очень мягко это было отмѣчено въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго [2]).

---

[1]) *A. P.* Stan finansów królestwa Polskiego въ приложеніи «Praca» къ журналу «Biblioteka Warszawska» за 1907 г. Т. I и т. II.

[2]) «Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго», составилъ Л. Б. Скаржинскій. СПБ. 1905.

Указывая на экономическія и національныя особенности этого послѣдняго, комитеты отмѣтили, что, напр., является «весьма необходимымъ примѣненіе спеціальныхъ мѣръ по отношенію къ этому краю для поднятія сельско-хозяйственной промышленности, при чемъ нельзя не обратить особеннаго вниманія на умственное развитіе мѣстнаго сельскаго населенія». Рядомъ быстро и упорно развивается Германія. «Не только одна обыкновенная земледѣльческая техника, но и содержаніе скота, молочное хозяйство, птицеводство, садоводство, огородничество, кустарные и отхожіе промыслы требуютъ, въ виду развитія культуры и прогресса сельско-хозяйственной промышленности въ сосѣдней Германіи, *немедленнаго и всесторонняго обновленія*. Экономическая жизнь при такихъ условіяхъ требуетъ широкаго участія мысли и знаній; чтобы пустить въ ходъ новые пріемы производства и удовлетворить вновь возникающія потребности, нѣтъ иного пути, кромѣ усиленнаго труда, идущаго рядомъ какъ съ общимъ культурнымъ, такъ и въ особенности съ умственнымъ развитіемъ населенія. Между тѣмъ Комитеты указываютъ, что съ начала 80-хъ годовъ ростъ числа учащихся въ народныхъ училищахъ задерживается, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *замѣчается даже уменьшеніе числа учащихся*». При томъ взаимно благожелательномъ настроеніи, которое господствовало въ польско-русскихъ отношеніяхъ въ эпоху дѣятельности «Высочайше учрежденнаго особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» (22 янв. 1902 г.), не было ни надобности, ни возможности говорить болѣе настойчиво. Нѣсколько лѣтъ спустя эти указанія замѣнились уже настойчивыми жалобами на то, что населеніе Царства Польскаго несетъ на себѣ гораздо болѣе тяжелую налоговую тяжесть, чѣмъ въ Имперіи. Именно, по даннымъ Госуд. Контроля на одного жителя Царства Польскаго приходилось въ 1910 г. 12 р. 16 коп. разнаго рода налоговъ и въ 1911 г. 12 р. 81 коп., тогда какъ въ остальной имперіи, исключая Финляндію, эти цифры равнялись 5 р. 81 к. (для 1910 г.) и 6 р. 8 коп. (для 1911 г.) [1]). Эта разница происходила, главнымъ образомъ, отъ высшаго обложенія земли и недвижимости въ Польшѣ: именно на одного жителя Царства Польскаго приходится 1 р. 30 к. земельныхъ налоговъ въ годъ, на одного жителя въ остальной Европ. Россіи всего 27 к. Такая несоразмѣрность объясняется тѣмъ, что въ Европ. Россіи имѣется одинъ видъ земельнаго обложенія, а въ Польшѣ цѣлый рядъ, каковы основной усадебный, дополнительный усадебный, крестьянскій, подымный, налогъ, предназначенный для содержанія гминныхъ судовъ. Так. обр., земельный налогъ въ Польшѣ далъ 8.957.839 руб. въ 1911 г., а во всей остальной Европ. Россіи 13.397.454 руб. Принимая за процентное отношеніе населенія Ц. Польскаго къ населенію всей имперіи въ 1906 г. 7,3, въ 1911 г. 7, 5, мы видимъ (Rocznik Stat. 226—227), что участіе Польши въ обыкновенныхъ доходахъ казначейства составляло въ 1905 г. 6%, но, постепенно возрастая, достигло въ 1911 г. 10,9%. Изъ расходовъ же государственнаго казначейства на Ц. Польское приходится въ 1911 г. по министерству финансовъ 9,3%, юстиціи 9,9%, военному 8,7, по другимъ же меньше того, что слѣдовало бы ожидать отъ процента польскаго населенія въ общеимперскомъ: именно, по народному просвѣщенію 4,5%, землеустройству 1,3%, государственному коннозаводству 5,6%, министерству торговли и промышленности 2,4% и т. д. Слѣдующая таблица показываетъ, сколько копеекъ производительныхъ государственныхъ расходовъ приходится на 1 жителя въ Ц. Польскомъ и во всей Европейской Россіи.

[1]) W. Grabski. Bilans Król. Polskiego w finansach Państwa Rosyjskiego. 1909. W. Żukowski. Wydatki państwowe w Król. Polskiem. 1910.

Годъ.	Общая сумма производительныхъ расходовъ казначейства въ Ц. Польскомъ.	Процентное отношеніе этой суммы къ таковой же суммѣ во всей Имперіи.	Сумма производ. расходовъ казнач. въ Ц. Польскомъ на человѣка въ коп.	Такая же сумма въ Европейской Россіи.
1905	22.197.147 р.	4,0	190	357
1906	23.596.941 »	3,9	202	399
1907	26.148.032 »	4,9	224	338
1908	28.072.928 »	4,9	241	362
1909	30.522.933 »	5,0	252	384
1910	31.749.932 »	5,0	262	392
1911	31.137.376 »	4,7	246	411

По вычисленію выдающагося польскаго экономиста, А. Сулиговскаго [1]), на каждую десятину Царства Польскаго приходится 102 коп. общей суммы государственныхъ налоговъ и мѣстныхъ сборовъ. Эта сумма чрезвычайно высока по сравненію съ налогами, которые ложатся на одну десятину въ другихъ губерніяхъ Россіи: именно, они не превышаютъ 36 коп. въ средней черноземной полосѣ, 35,1 коп. въ сѣверной черноземной и т. д. Въ соединеніи съ чрезвычайно неблагопріятными условіями для промышленнаго развитія Польши, объясняющимися тарифной и таможенной политикой имперіи, мы видимъ, какъ трудно польскому населенію Царства Польскаго обезпечить себѣ экономическое благосостояніе. Перейдемъ теперь къ аграрнымъ отношеніямъ въ Польшѣ. Прежде всего необходимо отмѣтить распредѣленіе землевладѣнія по классамъ.

По статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1907 году, всего въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго было 11.266.729 десятинъ, изъ которыхъ въ частной дворянской, церковной, общественной и т. д. собственности состояло 5.020.208 дес. (или 44,56%), крестьянамъ принадлежало надѣльной и покупной земли 5.134.921 дес. (или 45,58% всего количества), городамъ и посадамъ 453.526 дес. (4,02%), казнѣ 11.266.729 дес. (5,84%). Изъ частновладѣльческой земли крупному дворянскому землевладѣнію принадлежало 3.881.488 дес., мелкошляхетскому 690.582, майоратамъ, гминамъ, школамъ, церквамъ, благотворительнымъ учрежденіямъ, заводамъ, фабрикамъ, желѣзнымъ дорогамъ и т. д. 448.158 дес. Царство Польское край, по преимуществу, земледѣльческій: на 1000 челов. населенія здѣсь приходится въ среднемъ 566 человѣкъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, лѣсоводствомъ и т. под. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Кѣлецкой и Радомской) это число превышаетъ 700, въ другихъ (Люблинской, Сѣдлецкой, Плоцкой) выше 670, и только въ нѣсколькихъ, гдѣ особенно развита обрабатывающая промышленность (въ Варшавской и Петроковской губерніяхъ), это число людей, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, немногимъ меньше 400 на 1000 человѣкъ населенія.

Приведенныя статистическія данныя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на аграрный вопросъ въ Царствѣ Польскомъ [2]). Происхожденіе этого

---

[1]) Приведено въ «Сводѣ трудовъ», гдѣ указана и другая литература, относящаяся къ экономическому положенію Царства Польскаго. При всѣхъ дальнѣйшихъ статистическихъ расчетахъ не принято во вниманіе недавнее образованіе Холмской губерніи, такъ какъ въ статистическіе обзоры она не вошла еще.

[2]) Изъ литературы этого вопроса приведу здѣсь: Statystyka rolna Królestwa Polskiego. Warszawa. 1906. I. Езіоранскій. Аграрное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Варшава. 1907. Zjazd Rolników w Warszawie dnia 27, 28 i 29 listopada 1906 roku. Warszawa. 1907. I. Grabiec Współczesna Polska w cyfrach, Kraków. 1911. Wł. Studnicki. Problemat agrarny w guberniach wielkorosyjskich i u nas. Bibliot. Warszawska. 1906, tom IV. *Труды* Варшавскаго статистическаго комитета. т. 17. Крестьянское землевладѣніе въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго. Варшава. 1900. Opis ziem, zamieszkanych przez polaków. Tom II. Królestwo Polskie. Warszawa. 1904. W. Grabski. Materjały w sprawie włosciańskiej. I—II. Warszawa. 1907. G. Cleinow. Die Zukunft Polens I Band Wirtschaft. Leipzig. 1908. St. Staniszewski.

вопроса сводится здѣсь въ краткихъ чертахъ къ слѣдующему. Конституція Герцогства Варшавскаго, созданная въ 1807 г. Наполеономъ по образцу французской, устанавливала равенство и свободу всѣхъ сословій, юридически уничтожала крѣпостное право, но фактически оставляла крестьянъ въ прежнемъ подневольномъ положеніи, такъ какъ въ земельныя отношенія между крестьянами и помѣщиками конституція не вмѣшивалась, и за помѣщиками укрѣплялось право собственности на землю, находившуюся въ крестьянскомъ пользованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлялась и значительная юридическая власть, такъ какъ въ новоучреждаемой административной единицѣ, гминѣ, начальникомъ управленія, войтомъ, назначался именно землевладѣлецъ дворянинъ. И сеймъ Герцогства Варшавскаго за все время его существованія не внесъ никакихъ перемѣнъ въ положеніе крестьянъ, тогда какъ правительство созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ Царства (королевства) Польскаго, несомнѣнно, ухудшило участь крестьянъ. По конституціи 1807 г., они имѣли право свободнаго переселенія на новыя земли; теперь противъ такихъ переселеній были приняты суровыя мѣры: крестьянинъ, самовольно покинувшій свою деревню, разсматривался, какъ бродяга, и подлежалъ наказанію. Русская власть, однако, не относилась къ положенію польскаго крестьянина равнодушно: имп. Николай I ввелъ въ Польшѣ чиншевыя (оброчныя) отношенія. Так. обр., въ 1846 г. изъ 207.882 крестьянскихъ поселеній (не менѣе 3 морговъ) уже 44.117 было переведено на чиншъ, а 28.750 должны были, кромѣ чинша, исполнять и нѣкоторыя обязательныя работы. Это была политика отдѣленія польскаго крестьянства отъ дворянства, которая въ эпоху возстанія 1863 г. принесла извѣстные результаты, отстранивъ крестьянство отъ участія въ возстаніи, и затѣмъ была продолжена имп. Александромъ II. Крестьянская реформа, проведенная въ Царствѣ Польскомъ Ник. Милютинымъ, явилась въ земельномъ отношеніи продолженіемъ реформы 1846 г., которая укрѣпляла за крестьяниномъ собственность въ 3 морга, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшала ему переселяться при извѣстныхъ условіяхъ на новую землю. Проведеніе этой реформы было отсрочено до изданія инструкцій, которыя появились только въ 1858 г. Но тогда отношенія въ Ц. Польскомъ уже сильно измѣнились подъ вліяніемъ общественныхъ событій. Аграрная реформа перешла въ руки самихъ поляковъ, и здѣсь уже въ 1861 г. обнаружилась трагическая пропасть, раздѣлявшая ихъ въ это время. Крестьяне не довѣряли помѣщикамъ и ждали улучшенія своей судьбы отъ русскаго правительства. Указъ 19 февраля 1864 г. предоставилъ крестьянамъ всю собственность, которой они пользовались раньше, до изданія этого закона. Указомъ 1864 г. вводились болѣе справедливыя отношенія. До 2 милл. крестьянъ (считая въ томъ числѣ и ихъ семейства) получали землю, которой они пользовались и раньше, а изъ 1.330.000 крестьянъ безземельныхъ (тоже съ семействами) громадное большинство также получило надѣлы на казенныхъ и конфискованныхъ у духовенства и монастырей земляхъ, такъ что количество безземельныхъ крестьянъ сводилось къ 220 тыс. душъ. Самый характеръ реформы былъ не тотъ, что въ Россіи: тамъ была сохранена община, въ Царствѣ Польскомъ ея не было; при томъ здѣсь «крестьяне при реформѣ не отдали изъ бывшихъ въ ихъ пользованіи земель ни одной грядки; напротивъ,

---

Parcelacya. (Труды съѣзда юристовъ въ Краковѣ въ 1906 г.). P. Górkowski. Przyczynek do kwestji rolnej w Królestwie Polskim. 1908 (крайне радикальная программа польской соціалистической партіи, стремящаяся уничтожить земельный пролетаріатъ). Исчерпывающій статистическій матеріалъ въ названномъ изданіи: Rocznik Statystyczny. При счетѣ на морги слѣдуетъ имѣть въ виду, что моргъ составляетъ приблизительно половину десятины.

они получили въ собственность много временныхъ арендъ и пользованій» (Езіоранскій). Какъ это обстоятельство, такъ и особый характеръ польской деревни, менѣе крупной, чѣмъ русская, и потому лежащей ближе къ полямъ, придаютъ аграрному вопросу въ Польшѣ иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется та рѣшительная оппозиція, съ которой выступило польское общество противъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, принятаго въ Первой Гос. Думѣ. На съѣздѣ землевладѣльцевъ въ ноябрѣ 1906 г. С. Годлевскій заявилъ слѣдующее: «Нужно имѣть мужество сказать, что мы выступаемъ противниками принудительной экспропріаціи однихъ въ пользу другихъ, ибо это есть беззаконіе, насиліе, противное божескимъ и человѣческимъ законамъ, разрушеніе основъ общественнаго строя и цивилизаціи». Несомнѣнно, таково же было общее настроеніе съѣзда. Въ такомъ же духѣ высказывалась почти вся польская пресса. Тамъ, гдѣ крестьянинъ является частнымъ собственникомъ, мелкимъ помѣщикомъ, тамъ, дѣйствительно, представляется нарушеніемъ общегражданскихъ правъ принудительное отобраніе земли у однихъ, болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, для распредѣленія ея между болѣе мелкими землевладѣльцами, крестьянами. И почему только крестьянами? Классъ мелкаго дворянства, отдѣльно выступающій въ статистическихъ обзорахъ, по существу, мало чѣмъ отличается отъ крестьянскаго. Что касается послѣдняго, то онъ значительно увеличилъ размѣры своего землевладѣнія путемъ покупки новыхъ земель: именно, по указу 1864 г. крестьяне получили 4.590.225 дес. и къ 1904 г. прикупили еще 917.767 дес. (т.-е. 20% надѣльной) [1]), за послѣднее десятилѣтіе это количество должно было сильно возрасти. Крестьяне пріобрѣтаютъ землю съ помощью крестьянскаго банка, который за время съ 1890 по 1903 г. распродалъ около 354 тыс. десятинъ. Слѣдовательно, почти $^2/_3$ пріобрѣтенной крестьянами земли было куплено безъ помощи банка. «Значительность числа крестьянъ, пріобрѣтающихъ землю въ Царствѣ Польскомъ, укрѣпляетъ въ умѣ крестьянина представленіе о покупкѣ земель, какъ вещи естественной, желанной, вытекающей изъ самой природы отношеній. Въ виду этого аграрная политика края должна выражаться въ процессѣ добровольной покупки и продажи земли, парцелляціи» (Вл. Студницкій).

Тѣмъ не менѣе, аграрный вопросъ стоитъ довольно остро въ Польшѣ и заключается онъ, какъ вездѣ, въ недостаточномъ количествѣ земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Результаты его также обычны: созданіе земельнаго пролетаріата, который идетъ на фабрики или въ деревенскіе батраки, эмиграція и т. д. Какъ пишетъ хорошо освѣдомленный авторъ брошюры о земледѣльческой статистикѣ въ Польшѣ, земельное хозяйство на пространствѣ менѣе 10 морговъ, т.-е. 5 десятинъ, совершенно не въ состояніи прокормить крестьянина и его семью. Владѣлецъ такого маленькаго надѣла не можетъ выжить своимъ трудомъ и долженъ продавать свой трудъ на фольваркѣ, не переставая быть землевладѣльцемъ, и становится наемникомъ, на половину пролетаріемъ. Крестьянинъ, обладающій отъ 10 до 20 морговъ, оказывается уже въ состояніи выжить на этой землѣ, а владѣлецъ болѣе, чѣмъ 20 морговъ, является уже зажиточнымъ человѣкомъ. Въ 1904 году крестьянскія хозяйства распредѣлялись на слѣдующія категоріи. Мелкихъ карликовыхъ хозяйствъ, до 3 морговъ, было

[1]) Эти цифры (5.507.092 дес. крестьянской земли) не совпадаютъ съ вышеприведенными данными статистики 1908 г.,—образчикъ той неточности, съ которой ведется наша офиціальная статистика (особ. въ Царствѣ Польскомъ), такъ какъ объ цифры заимствованы изъ трудовъ Варшавскаго статистическаго комитета. Въ 39 вып. Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета («Землевладѣніе въ 10 губерніяхъ Ц. Польскаго въ 1909». Варшава, 1912) указана опять-таки другая цифра крестьянскаго землевладѣнія, именно: 5.505.707 дес.

205.836, или 18,7% (особенно много ихъ въ Кѣлецкой губ.); эти хозяйства имѣютъ тенденцію непрерывно уменьшаться; далѣе слѣдуетъ категорія хозяйствъ мелкихъ, отъ 3 до 6 морговъ (201.622, или 18,4%). Карликовыхъ и мелкихъ хозяйствъ вмѣстѣ насчитывается 37,1%. Типичнѣйшей же формой для крестьянскаго землевладѣнія въ Ц. Польскомъ является мелкое хозяйство, въ 6—15 морговъ, уже достаточное для прокормленія семьи (485.103, или 44,3% всѣхъ хозяйствъ; эта собственность занимаетъ 32,2% всей мелкой земельной собственности). Хозяйствъ въ 15—30 морговъ, дающихъ крестьянину уже нѣкоторую зажиточность, въ Ц. Польскомъ 149.941 (или 13,7%), и имъ принадлежитъ 28,5% всей земельной собственности. По «Свѣдѣніямъ особой комиссіи для изслѣдованія современнаго состоянія крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ», крестьянъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, было 6.234.429; изъ нихъ къ разряду безземельныхъ было отнесено 1.250 тыс. Остальныя жили на 852.108 хозяйствахъ, изъ которыхъ владѣло 3—6 моргами 132.751 хозяйство, 6—12 моргами 255.976, такъ что къ числу малоземельныхъ слѣдовало бы отнести около 388 тыс. хозяйствъ. Какъ видимъ, и въ этомъ случаѣ наши статистическіе источники даютъ разныя цифры. Во всякомъ случаѣ, количество крестьянскихъ семей, нуждающихся въ землѣ, очень велико: Ст. Станишевскій (Parcelacya 5) опредѣляетъ его въ 743 тыс. Это составляетъ огромный процентъ въ общей массѣ крестьянскаго населенія. Естественно, что количество совсѣмъ безземельныхъ крестьянъ, деревенскаго пролетаріата, сильно возрастаетъ. Въ 1864 г. оно немногимъ превышало 200 тыс. чел., въ 1891 г. достигало уже 900 тыс. чел., въ настоящее время оно, конечно, уже перешагнуло за 1½ милл. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ положеніе крестьянъ особенно тяжело: такъ, въ Кѣлецкой губерніи на 100.000 хозяйствъ, имѣющихъ менѣе 15 морговъ, приходится лишь 5.000 съ 15—50 морг. (Cleinow. 181). Какъ мы видѣли выше, парцелляція съ помощью крестьянскаго банка сильно отстаетъ отъ дѣйствительной потребности крестьянскаго населенія въ землѣ. Покупная способность его, пріобрѣтаемая путемъ ухода на заработки въ сосѣднюю Пруссію или на другіе промыслы, оказывается также недостаточной. На заработки въ Пруссію ежегодно выходитъ изъ Калишской губ. 0,089% крестьянъ, изъ Плоцкой 0,057% и т. д. Положеніе крестьянъ, имѣющихъ менѣе 3 морговъ земли, является (по свидѣтельству Ст. Станишевскаго) болѣе тяжелымъ, нежели положеніе деревенскаго рабочаго, о которомъ заботится владѣлецъ фольварка. Поэтому такой крестьянинъ обнаруживаетъ тенденцію къ переходу въ классъ безземельныхъ, въ классъ батраковъ.

Обратимся къ этому классу, основываясь на спеціальныхъ изученіяхъ I. Канскаго (I. Kanski. Robotnicy rolni w Król. Polskiem. Praca. № 2, прилож. къ Bibliot. Warsz. 1906, т. I). Безземельное крестьянское населеніе распадается на двѣ основныя группы: на работающихъ на землѣ и на живущихъ трудомъ неземледѣльческимъ. Къ первой группѣ относятся: 1) постоянные рабочіе на хуторахъ и въ усадьбахъ 369.400 (43,5% всѣхъ безземельныхъ), 2) постоянные рабочіе у крестьянъ 18.400 чел. (24%), 3) поденщики 317.900 чел. (37,4%): всего 705,730 чел., или 83,1% всѣхъ безземельныхъ. Во вторую группу входятъ ремесленники, фабричные рабочіе, торговцы и т. д., всего 143.600 чел., или 16,9% всѣхъ безземельныхъ крестьянъ. Матеріальное положеніе первой, многочисленнѣйшей группы опредѣляется по слѣдующему расчету. Средняя норма расходовъ крестьянской семьи равняется въ годъ 154 руб., одного взрослаго работника въ 52 руб., женщины въ 48 р. въ годъ. Необходимыя для удовлетворенія своихъ нуждъ средства безземельный крестьянинъ можетъ добыть путемъ временныхъ или постоян-

ныхъ заработковъ, которые въ средней годовой нормѣ даютъ взрослому мужчинѣ 90 руб., женщинѣ 60 руб., а это въ общей сложности даетъ всего 150 руб., т.-е. меньше того, что необходимо для крестьянской семьи. Если въ этой послѣдней есть еще работникъ (норма годового заработка несовершеннолѣтняго работника составляетъ 38 руб.), то семья можетъ жить безбѣдно; въ противномъ случаѣ получаются недоборы, покрываемые разными способами. Крестьяне, живущіе постоянно на хуторахъ, находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: они получаютъ помѣщеніе, топливо, постоянное жалованіе, участокъ земли для огорода, пастбище лѣтомъ: въ общей сложности все это оцѣнивается за годъ въ 160 р. Такая семья обычно должна содержать на собственный счетъ дополнительнаго рабочаго, подростка, называемаго «посылкой». Существованіе постоянныхъ сельскихъ рабочихъ (43,5% безземельнаго крестьянства) обезпеченнѣе поденщиковъ. Вообще участь послѣднихъ горше судьбы даже тѣхъ рабочихъ, которые служатъ у крестьянъ-хозяевъ за 12—24 руб. въ годъ и столъ и помѣщеніе вмѣстѣ съ хозяиномъ. Вообще же положеніе всѣхъ этихъ безземельныхъ крестьянъ находится въ сильной зависимости отъ множества разнообразныхъ условій, какими являются количество предлагаемыхъ рукъ, спросъ на трудъ и т. д. Отсюда возникаетъ обширная эмиграція работниковъ въ поискахъ труда какъ изъ одной мѣстности Царства Польскаго въ другую, такъ и за границу, и на фабрики. Какъ быстро возрастаетъ уходъ на заработки въ Пруссію, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1890 г. оно составляло 19.836 чел. (изъ 84 гминъ), въ 1900 г. уже 118.175 чел. (изъ 396 гминъ), въ 1901 году 139.798 чел. (изъ 402 гминъ), въ 1904 г. 137.701 чел. и въ 1908 г. 235.074 чел.; всего же въ 1908 г. эмигрировало на заработки 268.446 чел. (почти половина ихъ, 108 тыс. изъ Калишской губ.).

Чрезвычайно печальную картину крестьянскаго землевладѣнія нарисовали «мѣстные комитеты по губерніямъ Ц. Польскаго» (гл. XXXV «Свода»). «62% собственниковъ усадебъ, представляющихъ не менѣе 3 милл. населенія (кромѣ приблизительнаго числа 2 милл. безземельныхъ), необходимо нуждаются въ постороннемъ доходѣ, котораго фабрики и крупныя хозяйства края всѣмъ имъ доставить не могутъ». На 7.400 тыс. чел. сельскаго населенія (по переписи 1897 г.) приходится такимъ образомъ 5 милл. земельнаго пролетаріата. «Число безлошадныхъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ доходитъ до 78%». Коровъ держатъ, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ сохранились сервитутныя отношенія, «чтобы пользоваться полнотою своихъ правъ», во многихъ же изъ остальныхъ хозяйствъ коровъ уже не имѣется совсѣмъ. По указаніямъ Варшавскаго комитета, «сельское хозяйство, подавленное, съ одной стороны, конкуренціей востока, благодаря желѣзнодорожнымъ тарифамъ, съ другой—закрытіемъ западной границы пошлинами и нѣмецкими полицейско-ветеринарными уставами, прекратившими почти совершенно вывозъ мяса, находится въ затруднительномъ положеніи... и не можетъ использовать имѣющагося въ краѣ *избытка рабочихъ рукъ*». При такомъ положеніи, въ которомъ находится земледѣліе во всемъ Царствѣ Польскомъ, мелкое землевладѣніе находится въ критическомъ состояніи, тогда какъ крупное, сумѣвъ поднять производительность земли, нѣсколько выпуталось изъ него. Во всякомъ случаѣ, если въ тяжелыхъ условіяхъ находится торгово-промышленная конкуренція польскаго населенія съ еврейскимъ, то въ довольно трудномъ положеніи находится, повидимому, и земледѣліе. Изъ рядовъ крестьянства выходитъ массовое предложеніе рабочихъ рукъ на фабрики и заводы, и промышленность въ Царствѣ Польскомъ создана руками прежде всего земельнаго пролетаріата, который превратился въ городской рабочій классъ.

Прежде, чѣмъ остановиться на рабочемъ вопросѣ, который въ Польшѣ имѣетъ острый характеръ, бросимъ взглядъ на состояніе промышленности въ Царствѣ Польскомъ [1]). Исторія ея развитія не входитъ въ рамки настоящаго моего изслѣдованія, такъ же, какъ и спорный вопросъ о томъ, что именно создало подъемъ фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ близъ германской границы. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣмецкіе капиталы, перейдя черезъ русско-германскую границу въ предѣлы Польши, нашли для себя прекрасное примѣненіе именно въ этой послѣдней, и мелкіе населенные пункты превратились, благодаря имъ, въ громадные центры фабричной промышленности [2]). Въ зависимости отъ этихъ центровъ всю промышленность Царства Польскаго можно раздѣлить на три района: Лодзинскій, Сосновицкій и Варшавскій. Первый изъ нихъ, начало которому было положено въ 20-ыхъ годахъ минувшаго столѣтія путемъ привлеченія иностранныхъ промышленниковъ, занимаетъ наиболѣе важное мѣсто въ современной польской промышленности; онъ является главнымъ мѣстомъ шерстяного и хлопчато-бумажнаго производства въ Польшѣ. Сосновицкій фабричный округъ занимаетъ южную часть Петроковской губерніи (уѣзды Бендинскій, Ченстоховскій и Новорадомскій); его развитіе относится къ гораздо болѣе позднему времени, приблизительно къ концу семидесятыхъ годовъ XIX стол.: здѣсь прядильно-ткацкая промышленность достигла громаднаго размѣра; происхожденіе здѣсь фабричнаго производства находилось въ связи съ открытіемъ въ окрестностяхъ Сосновицъ залежей каменнаго угля, давшихъ дешевое топливо промышленности; «въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ значительное возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на выдѣланные предметы (на нефть, хлопокъ, желѣзо и др. *въ дѣлѣ)* побудило многихъ иностранныхъ предпринимателей перенести свои фабрики и заводы по эту сторону государственной границы, дабы привозить изъ-за границы сравнительно мало обложенное сырье, обрабатывать его по сю сторону въ товары, платящіе высокую пошлину, и такимъ образомъ обойти таможенныя постановленія» (Янжулъ). И еще другія благопріятныя условія содѣйствовали тому, что именно въ Сосновицахъ оказался дешевъ женскій и дѣтскій трудъ, необходимый для этой отрасли промышленности, нашлась возможность перевозить сырецъ прямо съ таможенъ на фабрики и т. д. Третьимъ фабричнымъ округомъ является Варшавскій, гдѣ промышленность носитъ болѣе разнородный характеръ: на ряду съ Жирардовской мануфактурой, выдѣлывающей полотняныя и бумажныя вещи, и другими заведеніями того же рода здѣсь имѣются огромныя металлическія предпріятія. По даннымъ Янжула, относящимся къ 1886 году, «общій размѣръ производительности польской промышленности, кромѣ горнозаводской, составлялъ 191 милліонъ рублей въ годъ для всѣхъ десяти губерній Царства», при чемъ большая половина сбыта этого производства находила себѣ мѣсто въ предѣлахъ Россіи, но не въ самой Польшѣ. Отвѣтомъ русскаго правитель-

---

[1]) Изъ литературы предмета: *И. Янжулъ.* Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. «Юридич. Вѣстн.». 1887. *Роза Люксембургъ.* Промышленное развитіе Польши. L. Zanowicz. Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskiem. Warszawa. 1907 (перев. съ рус. статьи изъ «Научнаго Обозрѣнія»). N. Radziszewski. Zarys rozwoju przemysłu w Król Pols. («W naszych sprawach». II). Кромѣ того, обширный матеріалъ по текущей промышленности представленъ въ журналѣ «Ekonomista. Kwartalnik poświęcony nauce i potrzebom życia» (съ 1900 г.), а также въ журналѣ «Przemysł Krajowy» (съ 1910 г.).

[2]) Объ участіи нѣмецкихъ капиталовъ въ созданіи польской промышленности см. книгу *А. Н. Зака.* Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. 1914 (здѣсь и литература предмета Frida Bielschowsky, Б. Ф. Брандтъ и др). Закъ утверждаетъ, что «большое число польскихъ фабрикъ представляетъ собою просто филіальныя отдѣленія нѣмецкихъ фирмъ».

ства на эту политику иностранной промышленности служило повышеніе таможенныхъ пошлинъ на ввозимыя сырье и машины, которое особенно усилилось за время 1879—1894 г. Это вызвало переносъ производства машинъ и сельско-хозяйственныхъ орудій изъ Царства Польскаго въ предѣлы имперіи, поближе къ мѣстамъ добычи руды. Такимъ образомъ, въ 1879 г. Цар. Польское произвело машинъ и орудій на 1.088.000 руб., а южная Россія на 557 тыс. руб., тогда какъ 15 лѣтъ спустя отношенія уже рѣзко измѣнились: въ Польшѣ производство тѣхъ же предметовъ дало въ 1894 году всего 381.000 руб., въ южной Россіи 6.183.000, и въ это время промышленность Царства Польскаго уже не вырабатывала больше жатвенныхъ машинъ. Зато продолжала возрастать добыча угля и рудъ, а также бумажная промышленность. Если сравнить цифру, приведенную Янжуломъ для 1886 г., съ таковыми же за 1894—5 гг., то все же обнаружится приростъ (приблизительно въ 30%). Именно въ 1894—5 г. Польша произвела шерстяныхъ и смѣшанныхъ издѣлій на 74.334 тыс. руб. (40% имперскаго производства), издѣлій бумажныхъ, льняныхъ, металлическихъ, керамическихъ и т. д. на 117.418 тыс. руб. (14,5%), издѣлій шелковыхъ, питательныхъ веществъ, химическихъ продуктовъ и т. д. на 55.770 тыс. руб. (8,3%).

Въ первую группу фабрикатовъ входятъ предметы, предназначенные, главнымъ образомъ, для вывоза въ имперію и представляющіе въ виду обширности рынка область промышленности, гдѣ наиболѣе возможно дальнѣйшее развитіе. Бѣдность путями сообщенія (судоходными рѣками, желѣзными дорогами) и недостатокъ капиталовъ оказываютъ также задерживающее вліяніе на развитіе польской промышленности, и если, при всемъ этомъ, послѣдняя болѣе или менѣе быстро развивается, то это происходитъ отъ огромнаго предложенія рабочихъ рукъ вслѣдствіе вышеизложенныхъ аграрныхъ отношеній. Кошутскій приводитъ любопытные факты, указывающіе на то, какъ польская промышленность справилась съ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ на сырые продукты. Онъ ссылается при этомъ на балансъ прядильно-ткацкой промышленности за 1898 г., составленный А. Верхлейскимъ, и на балансъ земледѣлія за 1897 г., обработанный В. Жуковскимъ. Оказывается, что сырой матеріалъ для ткацко-прядильной промышленности Польша стала получать, по преимуществу, съ востока Россіи; но вывозъ попрежнему направляется, главнымъ образомъ, въ Россію. Именно, изъ производства ткацко-прядильной промышленности 75%, желѣзодѣлательной 60% и т. д. идутъ на востокъ въ имперію. Общая сумма производства заводско-фабричной промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго составляла въ 1897 г., по вычисленію Кошутскаго, уже 505 милл. руб. (300 милл. въ Петроковской губ., 140 милл. въ Варшавской и затѣмъ сразу мелкія цифры въ другихъ губерніяхъ: 21 милл. въ Радомской, $13^1/_2$ въ Калишской и т. д.). По даннымъ «Свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1911 годъ», Варшавскій округъ, къ которому относятся, кромѣ Царства Польскаго, губерніи Виленская и Гродненская, уступаетъ только Московскому въ области обработки волокнистыхъ веществъ: въ первомъ было въ 1911 г. 1387 заведеній со 167.147 рабочихъ, тогда какъ во второмъ 1.008 заведеній съ 542.827 рабочихъ. Также вслѣдъ за Московскимъ округомъ (473 заведенія и 398.300 рабочихъ) слѣдуетъ Варшавскій и въ области обработки хлопка (280 заведеній и 67.409 рабочихъ), тогда какъ въ обработкѣ шерсти Варшавскій округъ стоитъ на первомъ мѣстѣ (848 завед. и 87.448 рабоч. въ Московскомъ же 188 заведеній и 45.235 рабочихъ). Сильно опережаетъ Московскій округъ всѣ остальные въ обработкѣ шелка, льна, пеньки и джута. Варшавскому же опять-таки принадлежатъ первыя мѣста въ

нѣсколькихъ другихъ отрасляхъ промышленности: въ «смѣшанныхъ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ» (218 заведеній: 55%, съ 16.393 рабочими: 41,7%), въ производствахъ по обработкѣ металловъ (по числу заведеній выше всего Варшавскій округъ, по числу рабочихъ Петербургскій) и то же самое въ обработкѣ минеральныхъ веществъ. Итоги выражены Сводомъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: «Округа Московскій и Варшавскій характеризуются особенно значительнымъ развитіемъ мануфактурной промышленности, при чемъ Московскій округъ далеко превосходитъ Варшавскій по размѣрамъ обработки хлопка, льна, пеньки и джута, а также шелка, Варшавскому же округу принадлежитъ первое мѣсто въ шерстеобрабатывающей промышленности и въ смѣшанныхъ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ». Въ области обрабатывающей промышленности губерніи Царства Польскаго, несмотря на неблагопріятную конъюктуру въ 1911 г., вредно отразившуюся на нѣкоторыхъ видахъ промышленности, въ общемъ, продолжаютъ развиваться. Мелкія предпріятія падаютъ, крупныя укрѣпляются: такъ, къ концу 1911 г. въ Петроковской губ. мелкая и средняя хлопчатобумажная промышленность должна была сократить или пріостановить производство, тогда какъ нѣкоторыя крупныя предпріятія продолжали развивать свою дѣятельность. Изыскиваются новые способы и формы производства. Въ Калишской губ., въ самомъ городѣ Калишѣ, возникло новое мастерство механическаго прошивочнаго дѣла съ помощью сложныхъ заграничныхъ машинъ, воспроизводящихъ узоръ по выбитому на картонѣ шаблону. Это производство дало въ 1911 г. 2 милл. руб., тогда какъ въ 1909 г. всего 1.134 тыс. руб. Въ Кѣлецкой губ. увеличилось производство эмалированной посуды. Эти мелкія подробности указываютъ на усилія польской промышленности найти новыя формы и новыя отрасли производства передъ лицомъ все усиливающейся конкуренціи русской промышленности. Между тѣмъ эта конкуренція по различнымъ причинамъ становится очень тяжела; уже теперь русская промышленность начинаетъ заливать своими издѣліями Царство Польское, когда же она достигнетъ своего расцвѣта, то восточный рынокъ будетъ еще болѣе закрытъ для польскаго производства; западные же рынки, куда могутъ направляться продукты сельскаго хозяйства, были закрыты, какъ мы знаемъ, аграрной политикой обоихъ смежныхъ государствъ, Германіи и Австро-Венгріи.

Однимъ изъ грозныхъ симптомовъ надвигающейся русской конкуренціи представляется участь горной промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ нѣсколько относящихся сюда фактовъ, заимствованныхъ изъ книги инженера Ип. Гливица: «Желѣзная промышленность Россіи». Спб. 1911. Что придаетъ особенный интересъ названному сочиненію Гливица, это его указанія на связь экономическаго развитія Польши въ послѣдніе годы съ политическими событіями, ознаменовавшими 1905 и ближайшіе послѣ него годы. Къ этимъ отношеніямъ я еще вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Добыча руды въ Царствѣ Польскомъ за послѣдніе годы сильно упала: сокращеніе добычи въ 1900 — 9 г. равняется 73%, а въ 1909 г. вся добыча желѣзной руды въ Польшѣ составляла 7.509 тыс. пуд., т.-е. почти столько же, сколько въ 1870 г. (6.657 тыс. пуд.). Но въ 1870 г. добыча руды въ Царствѣ Польскомъ равнялась 14,4% добычи ея во всей Россіи, тогда какъ въ 1909 г. этотъ процентъ упалъ до 2,4. Теперь получилъ полное преобладаніе югъ Россіи, гдѣ получалось 73,5% всей русской добычи желѣзной руды. Южная металлургическая промышленность оказывается не въ состояніи справиться со всей добываемой рудой, и часть ея проникаетъ даже на заводы Польши. «*Подвозъ* криворогской руды

на заводы Ц. Польскаго *превосходитъ въ настоящее время добычу* ея въ этомъ районѣ... Металлургія Ц. Польскаго потребляетъ во все большихъ относительно размѣрахъ высокопроцентную криворогскую руду. Паденіе же вывоза ея въ Ц. Польское объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные заводчики предпочитаютъ привозить чугунъ, а не руду съ юга, и доменное производство въ краѣ медленно замираетъ». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что качество каменнаго угля, добываемаго въ Ц. Польскомъ, низкое; этотъ уголь не превращается въ коксъ, и оказывается поэтому непригоденъ для металлургической промышленности; онъ долженъ быть замѣненъ привознымъ коксомъ изъ Австрійской Силезіи или съ нашего юга, тогда какъ послѣдній работаетъ на собственномъ коксѣ. Болѣе того, «заводы Ц. Польскаго начинаютъ находить болѣе выгоднымъ для себя получать сравнительно дешевый южный чугунъ, чѣмъ проплавлять привозную криворогскую руду на привозномъ заграничномъ коксѣ». Вслѣдствіе этого желѣзное производство Польши начинаетъ играть весьма скромную роль въ обще-русскомъ: именно, по указанію Гливица (loc. cit., 50), «половина всѣхъ изготовляемыхъ въ Россіи готовыхъ продуктовъ желѣзнаго производства приходится на югъ Россіи, 22% на Уралъ, 10% на Центральный районъ, 6% на Сѣверный и 12% на Царство Польское». Какъ утверждаетъ тотъ же авторъ, металлургической промышленности этого края тяжелый ударъ былъ нанесенъ «революціонными волненіями 1905—6 г.» (ibd., 106). Доходность предпріятій понизилась весьма значительно: она составляла въ среднемъ 7,8% чистой прибыли въ 1901 году, 7% въ 1905 и всего 1,1% въ 1908 и 1,4% въ 1909 г. Упало и число рабочихъ, занятыхъ металлургической промышленностью въ Ц. Польскомъ (съ 17.494 въ 1900 г. до 15.354 въ 1910), и производительная способность одного рабочаго (съ 1.041 пуд. въ 1900 г. до 749 въ 1908 г.). Въ то время, какъ конецъ XIX-го и начало XX в. ознаменовались развитіемъ металлургическихъ заводовъ въ Варшавѣ (1897—заводъ Гантке въ Ченстоховѣ, 1902—заводъ въ Заверцѣ и т. д.), впослѣдствіи, какъ видимъ, эта отрасль промышленности начала постепенно падать. Весьма характернымъ явленіемъ былъ переносъ одного изъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ изъ Польши со всѣмъ его штатомъ и рабочими въ с. Каменское, Екатеринославской губ.

По даннымъ, недавно опубликованнымъ З. Петкевичемъ и относящимся къ 1910 г. [1]), въ этомъ году было 643 фабрики, обрабатывающія волокнистыя вещества (число рабочихъ 116.944, цѣнность производства 268.498 тыс. руб.). Вся же волокнистая промышленность въ Польшѣ за 1910 г. представляетъ иныя числа, обнаруживающія большой прогрессъ въ этой области. По словамъ З. Петкевича, «за восемь лѣтъ (съ 1902 г.) число фабрикъ почти удвоилось (622 и 1166), цѣнность производства возросла почти на $^1/_3$ (207.663.000 и 341.266.000 руб.), наконецъ, число рабочихъ (150,305) возросло на 28.824, или почти на 25%». Въ области сахарнаго производства констатируется также значительный подъемъ: 1910 г. 49 заводовъ, 21.018 рабочихъ и 64.713.660 руб. цѣнности производства, въ 1902 г.: 49 завод., 16.715 раб. и 35.169 тыс. руб. Къ горнозаводской промышленности я возвращаться здѣсь не стану, ограничившись приведеніемъ итоговъ работы З. Петкевича въ таблицѣ, относящейся къ 1910 г.:

---

[1]) «Stan przemysłu w Król. Polsk. według danych z r. 1910», opracował Zenon Pietkiewicz. Odbitka z VIII—go rocznika «Przemysł i handel Królestwa Poskiego» na rok 1912. Для изученія польской промышленности и ея подъема сталъ издаваться съ 1913 г. журналъ «Rola i przemysł polski» и съ 1910 г. журналъ «Przemysł Krajowy». Стат. Ежегод. Россіи даетъ нѣсколько иныя цифры.

Фабрикъ и заводовъ.		Цѣнность производства.	Число рабочихъ.
Промышленность волокнистая .	1.166	341.266.000 руб.	150.305 чел.
Производство пищевыхъ веществъ	3.032	154.724.115 руб.	42.458 чел.
Пром. горнозаводская . .	479	60.139.419 руб.	45.697 чел.
Обработка металловъ . . .	1.510	110.301.000 руб.	62.627 чел.
Пром. минеральная . . .	520	30.433.000 руб.	23.075 чел.
Пром. химическая	264	29.831.000 руб.	9.153 чел.
Обраб. животн. продуктовъ .	284	29.378.000 руб.	7.034 чел.
Пром. обраб. дерева . . .	879	23.215.000 руб.	17.259 чел.
Бумага и полиграфія . . .	672	25.695.784 руб.	15.402 чел.
Готовое платье и проч. под.	1.918	47.919.600 руб.	25.438 чел.
Все остальное (dział mieszany)	229	7.246.000 руб.	3.074 чел.
Итого . .	10.953	860.148.918 руб.	400.922 чел.
Для 1901—2 г. тѣ же цифры	1.933	454.898.000 руб.	264.843 чел.
Для 1904 г.	3.469	500.655.000 руб.	298.750 чел.

Въ 1913 г. металлургическая промышленность Ц. Польскаго находилась въ благопріятномъ положеніи («Przemysł Krajowy». 1914. № 9), что состояло въ связи съ общимъ подъемомъ экономической жизни Польши въ этомъ году. «Ускоренный темпъ работы во всѣхъ почти безъ исключенія отрасляхъ нашей промышленной производительности долженъ былъ поднять общее употребленіе желѣзныхъ издѣлій, и вслѣдствіе этого принудить чугунные и стальные, а также желѣзопрокатные заводы Ц. Польскаго къ максимальной продуктивности». Дѣйствительно, общее производство металла возросло въ 1913 г. на 7% (25.541.284 пуд.). Въ такой же мѣрѣ возросла и угольная промышленность (1912 г.: 63 милл. метрич. центнеровъ; 1913: 68 милл.). Этотъ излишекъ пошелъ на увеличенную дѣятельность разныхъ отраслей промышленности (на 47% въ 8 мѣсяцевъ возросла дѣятельность сахарныхъ заводовъ, на 24%—металлургическихъ и т. д.); вмѣстѣ съ тѣмъ больше угля стали потреблять желѣзныя дороги, больше вывозилось его внутрь имперіи (Przemysł Krajowy. 1914. № 6). Гораздо менѣе утѣшительную картину представляютъ данныя Варшавскаго биржевого комитета, опубликованныя въ печати («Варшавская Мысль». 1914 г. 5 іюля). Они констатируютъ напряженное состояніе денежнаго рынка, стѣсненную дѣятельность биржи, продолжающійся упадокъ въ торговли шерстью, но улучшеніе въ области каменноугольной и металлургической промышленности. Въ общемъ, положеніе невеселое. Не останавливаясь подробно на торговлѣ Ц. Польскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что для сбыта своихъ промышленныхъ издѣлій оно нуждается въ русскомъ рынкѣ, тогда какъ въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства, повидимому, можетъ обойтись безъ него. Нѣкоторые изъ этихъ продуктовъ (какъ, напр., ячмень для пива) вывозится изъ Польши за границу и вообще съ измѣненіемъ таможенныхъ отношеній къ Германіи Царство Польское можетъ пріобрѣсти важный для его сельскаго хозяйства западный рынокъ. Стремленію взять въ свои руки торговлю и фабричными издѣліями, и колоніальными товарами, которая теперь находится въ значительной мѣрѣ въ рукахъ евреевъ, препятствуетъ (по свидѣтельству видныхъ представителей польскихъ торгово-промышленныхъ круговъ, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу въ іюлѣ 1914 года) отсутствіе у поляковъ врожденнаго интереса къ торговлѣ и нѣкоторое пренебреженіе къ ней, сохранившееся въ польскихъ традиціяхъ отъ

временъ, когда шляхта занималась только сельскимъ хозяйствомъ и съ презрѣніемъ смотрѣла на торговцевъ-евреевъ. Конечно, сознаніе необходимости поднять національную торговлю живо въ польскомъ обществѣ въ настоящее время, но въ нравахъ его сохранилось неуваженіе къ торговлѣ. Среди поляковъ мало коммивояжеровъ, класса «мальчиковъ» (въ лавкахъ), изъ которыхъ въ Россіи выходитъ большая часть самостоятельныхъ и даровитыхъ купцовъ, въ Польшѣ почти нѣтъ. Вслѣдствіе этого соперничество съ такимъ конкурентомъ, какимъ является еврейскій торговецъ съ его вѣковыми торговыми традиціями, обширнѣйшими международными связями и большими капиталами, является для польскаго общества очень труднымъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, какъ общее явленіе, неблагопріятное для развитія торговли въ Ц. Польскомъ, недостаточность желѣзныхъ дорогъ и плохое состояніе грунтовъ, неиспользованность и неустройство водныхъ путей. Послѣднимъ вопросомъ польское общество живо заинтересовалось, и съ 1914 г. открыло свои дѣйствія варшавское Общество торговли и судоходства, которое выстроило нѣсколько судовъ для транспорта по Вислѣ. Въ первый же годъ своей дѣятельности при оборотѣ въ 3.818 тыс. руб. оно дало нѣкоторый доходъ (свыше 12 тыс. руб.) [1]).

Рабочій вопросъ пріобрѣлъ въ Царствѣ Польскомъ большую остроту, какъ вслѣдствіе многочисленности рабочаго класса, такъ и вслѣдствіе его относительно-высокой развитости и классового сознанія. Соціалистическія ученія, какъ чисто соціалъ-демократическія, такъ и окрашенныя извѣстнымъ національнымъ оттѣнкомъ («Польская соціалъ-демократическая партія»), получили здѣсь большое распространеніе. И здѣсь цифры даютъ блестящія указанія на то, въ какихъ формахъ здѣсь выразилась борьба фабричнаго пролетаріата съ капитализмомъ. Число рабочихъ возрастало чрезвычайно интенсивно [2]). Именно, оно составляло въ Лодзи въ 1880 г. 16.368 чел., въ 1892 г. уже 30.237 чел., въ 1900 г. обработка хлопка, шерсти и такъ наз. смѣшанныхъ матеріаловъ заняла въ Лодзи 49.587 рабочихъ, въ 1902 г. 54.074 чел., въ 1911 г. въ Петроковской губ. (т.-е. главнымъ образомъ въ Лодзи) было занято обработкой хлопка 64.141 чел., обработкой шерсти 53.555 и смѣшанными производствами 5.824 чел. Т. обр. на Лодзь приходится только въ этихъ областяхъ производства свыше 100 тыс. рабочихъ. Всего же, по даннымъ 1911 г. («Сводъ отчетовъ»), количество рабочихъ, занятыхъ главными отраслями фабрично-заводской промышленности въ предѣлахъ Царства Польскаго, составляетъ 285.909 лицъ, подчиненныхъ надзору фабричной

---

[1]) О торговлѣ Ц. Польскаго см. Rocznik Statystyszny, а также слѣд. труды: I. Gościcki. Import zboża niemieckiego do Król. Polskiego. 1910. M. W. Nestorowicz. Stan dróg kołowych Król. Polskiego. 1913. I. Gościcki. Badania nad statystyka handlu zbożowego w Król. Polskiem. 1914. Z. Pietkiewicz. Drogi wodne w Król. Polskiem i ich znaczenie gospodarcze. 1914. Э. А. Кржижановскій. Экономическое значеніе Днѣпро-Вислянскаго водпаго пути (докладъ, прочитанный на совѣщаніи, бывшемъ при правленіи кіевскаго округа путей сообщенія. 1—3 іюня 1911 года въ гор. Кіевѣ. 1911). Отчетъ правленія Варшавскаго Акц. Общества торговли и судоходства за первый операціонный 1913 годъ. Bilans handlowy Królestwa Polskiego (рядъ статей въ журналѣ «Przemysł Krajowy» за 1914 годъ). См. также «Gaz. Warsz.» 5 февр. 1914 г. (Zboże niemieckie w Król. Polskiem) и 20 апр. 1914 г. (Traktat handlowy z Niemcami a nasze rolnictwo).

[2]) Ср. мою книгу «Главныя теченія польской политической мысли», стр. 220—221, гдѣ указаны труды Кошутскаго и Радзишевскаго по исторіи польской промышленности, а также см. книгу А. В. Погожева: «Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи». 1906. Изъ нея я заимствую данныя, относящіяся къ 1902 и 1903 г. Позднѣйшія данныя взяты мною изъ «Свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1911 годъ», «Ежегодника министерства финансовъ. Выпускъ 1912 года» и «Статистическаго Ежегодника Россіи». Ср. также. A. Woyciski. La classe ouvrière dans la grande industrie du Royaume de Pologne. Louvain. 1909 и его же статью въ журналѣ «Ekonomista» за 1914 г. P. W. Ruch robotniczy w r. 1913 w oświetleniu pracodawców. Przemysł, Krajowy. 1914. № 14.

инспекціи. (Ср. выше болѣе общія цифры въ изслѣдованіи г. З. Петкевича.) По губерніямъ эта армія рабочихъ расположена очень неравномѣрно: въ то время, какъ на Петроковскую губ. приходится 164½ тыс., на Варшавскую 78½ тыс., въ нѣкоторыхъ губерніяхъ промышленность развита очень слабо (въ Ломжинской всего 3.262 раб., въ Сѣдлецкой 3.783, а въ Сувалкской 1.638). Скученность рабочихъ въ нѣсколькихъ немногихъ центрахъ должна была сильно обострить рабочій вопросъ. Предпріимчивость нѣкоторыхъ ловкихъ людей позволяетъ имъ уклониться отъ надзора фабричныхъ инспекторовъ, такъ что общая численность рабочей массы болѣе значительна, чѣмъ это указано въ «Сводѣ» (см. о такихъ «наемныхъ» фабрикахъ Cleinow. I. 223). «Статист. Ежегодн. Россіи» за 1910 г. насчитываетъ общее число рабочихъ въ Ц. Польскомъ въ 400.922 чел., что составляетъ 3,3% всего населенія края (въ Петроков. губ. 207.820 чел., или 10,7%, въ Варшавской 116.406 чел., или 4,7%). Въ правильно организованныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ заработокъ рабочихъ въ Царствѣ Польскомъ въ общемъ оказывается выше, чѣмъ въ другихъ русскихъ фабричныхъ округахъ, уступая только Петербургскому. Именно, таблица, представленная въ «Сводѣ отчетовъ» (стр. LV), даетъ слѣдующія цифры:

С.-Петербургскій округъ. 1911 годъ (средній годовой заработокъ рабочаго) 316 р.; 1910—309 р.

Московскій округъ. 1911 годъ: 213 р.; 1910 г.: 209 р.

Варшавскій округъ. 1911 годъ: 307 р.; 1910 г.: 300 р. (См. Кошутскій въ 1904 г. опредѣлялъ ее въ 239 руб.).

Кіевскій округъ. 1911 годъ: 191 р.; 1910 г.: 179 р.

Въ области мануфактурной промышленности польскій рабочій зарабатываетъ также сравнительно много: именно въ Петроковской губ. средній заработокъ составлялъ въ 1911 г. 328 р., въ С.-Петербургской 365 р., въ Московской 241 р. и во Владимірской всего 192 руб. То же явленіе наблюдается и въ области желѣзной промышленности, въ которой польскіе рабочіе (ихъ численность составляла въ 1909 г. 15.354 чел. См. Гливицъ, loc. cit. Табл. 17) обезпечены лучше южно-русскихъ.

Въ дальнѣйшемъ указаніи на заработныя платы и т. п. я пользуюсь статьей Ст. Гурскаго [1]). Разсмотрѣвъ прогрессивное увеличеніе этихъ платъ за послѣднее полустолѣтіе, авторъ анализируетъ потребности рабочей семьи и приходитъ къ печальному убѣжденію, что даже заработокъ средняго размѣра оказывается недостаточнымъ для скромнаго содержанія семьи въ 5 человѣкъ, т.-е. мужа, жены и троихъ дѣтей. Если работаютъ и мужъ и жена, а за хозяйствомъ присматриваетъ какая-нибудь женщина, то при заработкѣ обоихъ въ 7 руб. въ недѣлю нужды семьи еле-еле покрываются имъ. Такъ было въ 1904 году, до массоваго стачечнаго движенія, которое сильно подняло заработныя платы. Стачечное движеніе, которое имѣло не только соціальный, но и политическій характеръ въ годы 1905—6, было болѣе подробно изложено въ моей книгѣ «Главныя теченія польской политической мысли» (1907), и къ этому времени я возвращаться не буду. Стачечное движеніе въ 1913 г. имѣло опять катастрофическій характеръ: въ то время, какъ въ первое полугодіе 1912 г. число стрейкующихъ рабочихъ составляло 16.700, за тѣ же мѣсяцы 1913 г. оно равнялось 52.462 рабочимъ, при чемъ число дней, утраченныхъ для промышленности, вслѣдствіе этихъ стачекъ, превышало 455,5 тыс. (Słowo. 21 ноября 1913 г.). Всего же въ

[1]) Ed. Strasburger. Zur Entwicklung der Arbeiterfrage im Königreich Polen. Warszchau. 1907, также «Patryotyzm Polski Przemysłowy, Handlowy i Fabryczny, czasopismo miesięczne pod kierownictwem I. Ursyna», № 1, окт. 1908 и др. St. Górski. Sprawa robotnicza. Bibliot. Warszaw. 1906. T. I. (особенно цѣнное суммирующее изслѣдованіе).

1913 г. число стрейкующихъ рабочихъ составляло въ польскомъ фабричномъ округѣ 69.400 (въ 1912 г. 24.800 чел.). Стачечное движеніе охватило, главнымъ образомъ, лодзинскую мануфактуру, гдѣ бастовало въ первое полугодіе 1913 года 48.682 рабочихъ и было пропущено 428.952 рабочихъ дня. Причины стрейка были экономическія: именно, упадокъ лодзинской промышленности въ послѣдніе два года вызвалъ пониженіе заработныхъ платъ на 20—30%, и въ 1913 г., когда положеніе вещей измѣнилось къ лучшему, оно было использовано рабочимъ классомъ для предъявленія повышенныхъ требованій. На извѣстной части фабрикъ, занимающихъ 13.649 рабочихъ, движеніе привело къ 1 іюля 1913 г. къ удовлетворенію нѣкоторыхъ рабочихъ требованій, и заработныя платы поднялись въ предѣлахъ 5—15 проц.

Выдержитъ ли польская промышленность постоянно возобновляющіяся стачки? На это приходится отвѣчать, къ несчастію, скорѣе отрицательно. Польская промышленность переживаетъ слишкомъ тяжелую для нея конкуренцію со все возрастающей русской, которая отбираетъ у нея восточные рынки. Г. Радзишевскій (въ журналѣ «Patriot. Pol. Przem.», № 1) указываетъ на то, что ни хорошаго угля, ни водной силы, ни обилія сырыхъ продуктовъ Царство Польское не имѣетъ, но что оно обладаетъ неоцѣненнымъ богатствомъ въ видѣ «природныхъ способностей (народа) и обилія человѣческихъ рукъ». Польская промышленность должна обратиться къ такимъ отраслямъ производства, въ которыхъ можетъ проявиться высшая культурность рабочаго класса: это въ земледѣліи селекція, въ промышленности галантерейные товары, готовое платье, предметы дешевой роскоши и т. д. Въ этихъ областяхъ промышленность польская должна не только вытѣснить привозные заграничные товары, но и работать на восточныхъ рынкахъ.

Экономическія и политическія движенія рабочихъ руководятся въ Польшѣ, какъ и повсюду, соціалистическими организаціями. Но, кромѣ этихъ послѣднихъ, среди польскихъ рабочихъ имѣются довольно многочисленные приверженцы народно-демократическихъ стремленій, стоящіе, напр., на почвѣ бойкота еврейской торговли, а въ послѣдніе годы возникло и широко распространилось среди рабочей массы чрезвычайно любопытное теченіе. Оно группируетъ массы рабочихъ около общества и журнала «Будущее» (Przyszłość), которые пропагандируютъ борьбу съ алкоголизмомъ и физическій и нравственный подъемъ человѣка, чуждаясь всякой политической окраски. Католическое духовенство сначала относилось къ этому обществу подозрительно, но потомъ рѣшило примкнуть къ нему, и съ этого времени «Przyszłość» стала развиваться особенно быстро. Какъ я могъ убѣдиться въ бесѣдахъ съ рабочими, принадлежащими къ этой организаціи, они относятся къ ней съ какимъ-то почти религіознымъ почтеніемъ. Видимо, этическія потребности рабочей массы удовлетворяются этой формой отказа отъ водки, грубыхъ удовольствій и т. под. и стремленіями къ духовному и физическому возрожденію. Правленіе общества находится въ Варшавѣ, отдѣленія его раскинуты по всему Ц. Польскому. Изъ нихъ старѣйшія (въ Люблинѣ, Лодзи, Ломжѣ) возникли въ 1907 году. Всего въ началѣ 1913 г. имѣлось 25 отдѣленій Общества съ 1180 членами. Журналъ «Przyszłość» горячо ратуетъ особенно противъ алкоголизма. Число новыхъ членовъ общества непрерывно возрастаетъ, но не повсюду отдѣленія смогли уцѣлѣть, и кое-гдѣ они закрылись вслѣдствіе бездѣятельности. Отчетъ за 1913 г. насчитываетъ уже не 25, но 24 отдѣленія, при чемъ отдѣленіе на Прагѣ (часть Варшавы), напр., перестало существовать.

Для улучшенія своей участи польскій рабочій прибѣгаетъ къ экономическимъ организаціямъ, каковыми являются прежде всего промышлен-

ные союзы, различныя потребительныя и иныя подобныя общества, организація производства на артельныхъ началахъ и т. п. Ст. Гурскій который писалъ свою статью о рабочемъ классѣ въ Польшѣ въ 1906 г., сообщаетъ, что уже въ это время, т.-е. вскорѣ послѣ того, какъ рабочіе получили возможность легально организоваться въ промышленные союзы, возникло свыше десятка послѣднихъ. Они преслѣдовали слѣд. цѣли: а) объединеніе рабочихъ данной профессіи, б) развитіе и укрѣпленіе чувства рабочей солидарности, в) защиту моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ членовъ, г) борьбу за раціональныя, матеріально выгодныя и гигіеническія условія труда, д) культурное и профессіональное развитіе членовъ. Для достиженія этихъ цѣлей профессіональные союзы устраиваютъ кассы на случай безработицы, на случай забастовки, бюро посредничества, товарищескіе суды и т. под. Сверхъ того, не маловажное значеніе имѣютъ, учрежденныя въ Польшѣ уже въ 1821 г., по иниціативѣ знаменитаго Сташица, кассы для обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни, хотя въ ихъ организаціи есть значительные дефекты, иногда грозящіе банкротствомъ той или другой кассѣ. Наконецъ въ послѣднее время возникли рабочія артели для добычи извести, камня, песку и т. д. По даннымъ, относящимся къ 1913 г. (Kur. Warsz. 14 окт.), въ Петроковской, Кѣлецкой, Люблинской и Радомской губ. существовало уже 28 такихъ товариществъ, охватывающихъ до 300 членовъ. Въ Воломинѣ, благодаря усиліямъ одного инженера, образовался даже товарищескій стеклянный заводъ; такой же рабочій заводъ существуетъ и процвѣтаетъ въ Вышковѣ.

Мы видимъ, что трудящіеся классы въ Царствѣ Польскомъ усердно борются за свое существованіе, но условія, какъ экономическія, такъ и политическія, настолько тяжелы, что подчасъ для безземельнаго крестьянина и фабричнаго рабочаго не остается другого выхода, кромѣ *эмиграціи* [1]). Размѣры эмиграціи поляковъ изъ Царства Польскаго въ Соед. Штаты Сѣв. Америки возрастаютъ непрерывно въ годы 1900—$190^{6}/_{7}$ (съ 21.475 до 73.122 чел.) и затѣмъ рѣзко падаютъ въ $190^{7}/_{8}$ г. до 37.947. Но это паденіе не имѣло ничего общаго съ пріостановкой эмиграціи польскаго населенія изъ Польши, такъ какъ эмиграція производилась и въ другія страны, особенно въ одну изъ провинцій Бразиліи, Парану, гдѣ существуетъ многолюдная польская колонія. За время съ 1 іюля 1912 г. по 30 іюня 1913 г. статистика Соед. Штатовъ представила поистинѣ удручающія цифры польской эмиграціи: оказывается, что за это время прибыло 174.368 поляковъ, выбыло 24.107. Такимъ образомъ, въ $191^{2}/_{3}$ г. польская эмиграція въ Соед. Штаты превзошла наивысшую до того времени цифру (1907 г. 136.729). Правда, эти числа относятся не къ одному Ц. Польскому, но соотвѣтственно должна была возрасти эмиграція и отсюда. Именно, въ 1913 г. общее число эмигрантовъ въ Соед. Штаты изъ Россіи составило 291.040 чел.; въ томъ числѣ было поляковъ 112.335 чел., или 38,6% (евреевъ 74.032 чел., или 25,4%).

На помощь промышленности и торговлѣ приходитъ кредитъ, объ организаціи котораго необходимо сказать и здѣсь. Разумѣется, я ограничусь на страницахъ этого сочиненія самыми общими свѣдѣніями о главнѣйшихъ польскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ Ц. Польскаго. На первое мѣсто здѣсь слѣдуетъ поставить Земское Кредитное Общество, отдѣленія котораго раскинуты по всѣмъ губернскимъ городамъ Ц. Поль-

[1]) W. Szukiewicz. Sprawa wychodźtwa. Bibliot. Warsz. 1910. T. II. Ср. газеты Gazeta Poranna. 6 ноября 1913 г. Słowo. 30 окт. 1913. Gaz. Warsz. 8 мая 1914 г., Ekonomista. 1914 г., Głos Polski. 15 іюня 1914 г. и др. Объ организаціи помощи польскимъ эмигрантамъ въ Берлинѣ см. ст. «Los wychodzców polskich w Niemczech». (Kur. Warsz. 26 янв. 1914).

ского. Оно было основано еще въ 1825 г., съ цѣлью предоставленія землевладѣльцамъ долгосрочнаго кредита, и явилось въ печальные годы политики обрусенія однимъ изъ немногихъ прибѣжищъ, гдѣ могла развиваться польская самодѣятельность, почему этотъ банкъ представляетъ въ глазахъ польскаго общества далеко не исключительно финансовое учрежденіе, но и извѣстное сосредоточіе національной дѣятельности. Въ продолженіе многихъ лѣтъ во главѣ его стоялъ одинъ изъ самыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Польши XIX вѣка, маститый старецъ Людвикъ Гурскій, хранитель консервативныхъ началъ польской аристократіи, сумѣвшій сочетать съ требованіями полнѣйшей лояльности широкій розмахъ общественной самодѣятельности. Балансъ Земскаго Кредитнаго Общества Ц. Польскаго составилъ къ концу 1906 г. 167.869.016 руб. (въ томъ числѣ выданныя ссуды составляли свыше 153 тыс.), къ 1 мая 1911 г. уже 170.667 тыс. руб., къ 1 мая 1913 г. 192.2 тыс. руб. Для поддержанія торговли и промышленности большія услуги оказалъ учрежденный въ дек. 1827 г. Польскій банкъ, который, однако, палъ также жертвой ассимиляціонной политики, бывшей въ самомъ своемъ расцвѣтѣ въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ 1878 г. Польскій банкъ подвергся ликвидаціи и превращенію въ одно изъ отдѣленій Гос. Банка. Но къ этому времени пробудилась уже иниціатива и въ польскомъ обществѣ, такъ что навстрѣчу требованіямъ кредита со стороны возникающей промышленности выступилъ Торговый банкъ, учрежденный финансистомъ Леопольдомъ Кронепбергомъ въ 1870 году. Позже возникло Городское Кредитное Общество въ Варшавѣ и такія же общества въ другихъ губернскихъ городахъ Ц. Польскаго. Дѣятельность ихъ возрастаетъ быстро: именно, общая сумма закладныхъ листовъ, выпущенныхъ 12 городскими кредит. Обществами, составляла въ 1906 г. 131.179 тыс. руб., а въ 1909 году уже 148.95 тыс. руб. Это составляетъ приростъ въ 13,02%, тогда какъ 19 городскихъ кредит. обществъ въ другихъ городахъ Европ. Россіи дали за тѣ же годы приростъ лишь въ 8,82%. Польскій экономистъ Ф. Расиньскій [1]) объясняетъ этотъ болѣе быстрый темпъ въ дѣятельности городскихъ кредитныхъ обществъ Ц. Польскаго тѣмъ, что города застраиваются въ Польшѣ скорѣе, чѣмъ въ остальной Россіи, и что послѣ долгихъ стараній кред. Общество города Варшавы получило возможность расширить свою дѣятельность, направивъ ее на всѣ уѣздные города Варшавской губ. [2]), такъ что для Влоцлавска, Кутна, Ловича и др. были выпущены закладные листы на сотни тысячъ рублей.

Помимо крупныхъ финансовыхъ учрежденій и множества кооперацій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, Царство Польское не имѣетъ недостатка въ общественныхъ организаціяхъ, ставящихъ своей задачей культуру той или другой областей промышленности. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ этихъ организаціяхъ, не имѣя возможности посвятить имъ болѣе детальное изложеніе. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, какъ мнѣ кажется, «Центральное общество сельскаго хозяйства въ Ц. Польскомъ» (Centralne towarzystwo rolnicze w Królestwe Polskiem) и «Музей

---

[1]) F. Rasiński. Prace Statystyczne. I Towarzystwa Kredytowe Miejske w Król. Polskiem i Ces. Rosyjskiem w latach 1906—1909. Warszawa 1913 и другія работы того же экономиста на русскомъ языкѣ.

2) О городскомъ хозяйствѣ въ Польшѣ я не буду здѣсь говорить въ виду отсутствія въ этомъ краѣ городского самоуправленія. Но проекты таковаго, находившіеся въ законодательныхъ учрежденіяхъ, заставили польскихъ экономистовъ выяснить финансовое положеніе польскихъ городовъ, и по этому вопросу появились фундаментальныя изслѣдованія, которыя особенно полезны будутъ теперь, при введеніи въ Ц. Польскомъ автономіи. E. Strasburger. Gospodarka naszych wielkich miast: Warszawa, Łódź, Kraków, Lwów, Poznań. Kraków. 1913. B. Markowski. Finanse Królestwa Polskiego. t. 1. Kielce. 1913.

промышленности и земледѣлія въ Варшавѣ» (Muzeum przemysłu i rolnictwa w Warszawie). Первое изъ этихъ обществъ возникло сравнительно недавно, лишь въ концѣ *1906 г.* Въ 1911 году закончилось первое пятилѣтіе его существованія, и обширный отчетъ подвелъ итоги дѣятельности этой организаціи, принявшей за короткое время весьма значительные размѣры. Общество ставило своей задачей поднятіе сельско-хозяйственной промышленности, объединеніе мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ кружковъ, устройство курсовъ, школъ домашняго хозяйства и т. д. Однимъ словомъ, въ кругъ дѣятельности общества входило все, что касается сельско-хозяйственной промышленности. Общество распадается на отдѣлы: *земледѣльческій* (съ секціями по почвовѣдѣнію, сѣмянной, школьной, полевыхъ опытовъ, скотоводства, коноводства, свиноводства, овцеводства), *экономическій* (въ который входятъ сельско-хозяйственная секція, комиссія путей сообщенія и комиссія по дѣламъ перехода крестьянъ къ отрубному землевладѣнію), *научно-опытный* (съ секціями опытныхъ станцій и зоотехнической), *лѣсной* и *отдѣлъ сельско-хозяйственныхъ кружковъ* (съ постоянными комиссіями: издательской, секціей меліораціонной, комиссіей по пожарному дѣлу и огнестойкому строительству, комиссіей по кредитнымъ дѣламъ, комиссіей по дѣламъ крестьянскаго животноводства, издательской комиссіей, комиссіей сахарнозаводскихъ сельско-хозяйственныхъ полей, комиссіей коллективныхъ опытовъ), наконецъ, *отдѣлъ по молочному дѣлу* и *отдѣлъ по рыболовству.* Естественно, что отчеты по дѣятельности общества представляютъ цѣлые томы; такъ, отчетъ за 1911 годъ обнимаетъ свыше 500 страницъ, отчетъ за 1912 г.—около 400. Во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности общества достигнуты значительные результаты. Опытныя поля, аренда и покупка производителей, изданіе спеціальныхъ журналовъ, организація кружковъ и т. д.; трудно даже перечислить, какъ всеобъемлюща дѣятельность Общества. Департаментъ земледѣлія и землеустройства приходитъ къ ней на помощь, оказывая денежную и иную поддержку различнымъ отдѣламъ Общества, балансъ котораго выразился въ 1911 г. суммой въ 177.266 руб., въ 1912 г. въ 220.840 р. Общій приходъ общества въ 1911 году равнялся 253.945 руб., а въ 1912 г. 412.509 р. Организаціонная дѣятельность этого общества распространялась въ 1911 году на 36 мѣстныхъ Сельско-хозяйственныхъ Обществъ, изъ которыхъ 34 представили отчеты, число членовъ въ нихъ приближалось къ 3900; деревенскіе сельско-хозяйственные кружки развивались очень успѣшно. Полученные въ 1911 г. отчеты, числомъ 487, показываютъ въ общемъ 23.244 членовъ изъ 3605 деревень. Maximum числа членовъ въ кружкѣ—400, minimum—12, maximum деревень—18, minimum—1. Изъ числа этихъ 487 кружковъ до 1906 года основано было 22, въ 1906 г.—95, въ 1907—81, въ 1908—49, въ 1909—58, въ 1910—70, въ 1911—95. Предсѣдателями кружковъ состояли 63 мелкихъ землевладѣльцевъ, 78 ксендзовъ, 185 крупныхъ землевладѣльцевъ и 39 разныхъ лицъ (арендаторовъ, учителей и пр.); въ 124 отчетахъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Опыты съ искусственными удобреніями производились въ 274 кружкахъ; искусств. удобренія выписывались сообща въ 372 кружкахъ, при чемъ вагонными партіями въ 129. Сѣмена выписывались сообща въ 292 кружкахъ, сельско-хозяйственныя машины и орудія въ 338 и т. д. Отчетъ центральнаго общества сельскаго хозяйства за 1912 годъ насчитываетъ уже 924 сельско-хозяйственныхъ кружка съ 30 тыс. членовъ (0,4% сельскаго населенія въ соотвѣтствующей мѣстности). Значеніе этого общества ясно само собой. Разумѣется, это не первая польская организація этого рода въ XIX вѣкѣ. Еще въ 1811 г. закончило свое существованіе «Земледѣльческое Общество», а послѣдующія событія надолго прекратили всякія попытки легальныхъ органи-

зацій въ Ц. Польскомъ. Только во второй половинѣ 80-хъ годовъ начинаетъ складываться новая сельско-хозяйственная организація, сначала въ видѣ отдѣленія при «Обществѣ поощренія промышленности и торговли», потомъ въ концѣ XIX вѣка въ видѣ цѣлаго ряда земледѣльческихъ обществъ въ отдѣльныхъ городахъ.

Какъ очень важную организацію, слѣдуетъ назвать «Музей промышленности и сельскаго хозяйства» («Muzeum przemysłu i rolnictwa»). Дѣятельность этого учрежденія [1]), возникшаго задолго до Центральнаго сельско-хозяйственнаго Общества, еще въ 1875 г. до извѣстной степени совпала съ кругомъ интересовъ этого послѣдняго. Судя по даннымъ отчета за 1912 годъ, при музеѣ состоялъ цѣлый рядъ лабораторій: химическая, физическая, бродильной промышленности, станція оцѣнки сѣмянъ, геологическая лабораторія. Въ 1912 г. «вслѣдствіе договоровъ, которые были заключены между Комитетомъ музея, правленіемъ мѣстной винокуренной компаніи и обществомъ винокуренныхъ служащихъ, — договоровъ, касающихся соединенія дѣятельности, относящейся къ бродильной промышленности и земледѣльческой бактеріологіи, постановлено общими силами учредить Институтъ бродильной промышленности». Бюджетъ общества, существующаго почти исключительно на членскіе взносы и пожертвованія, составлялъ въ отчетномъ 1912 году солидную сумму въ 27.643 руб. Общество Музея содержало, кромѣ выше перечисленныхъ лабораторій и института, какъ указано въ томъ же отчетѣ, спеціальное учебное заведеніе, фондъ котораго равнялся 162.177 р., винокуренные курсы, курсъ для обслуживанія земледѣльческихъ машинъ, электро-техническіе курсы, ремесленно-промышленные классы и т. д. Насколько живо польское общество интересуется Музеемъ, видно изъ того, что за одинъ 1913 годъ въ число новыхъ членовъ его было принято до 200 человѣкъ.

Къ числу довольно старыхъ Обществъ относится «Towarzystwo ogródnicze Warszawskie» (Общество варшавскихъ садоводовъ), которое было основано въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ 1913 г. оно обладало бюджетомъ свыше 50 тыс. руб., изъ которыхъ на опытные сады, на научную лабораторію и содержаніе инструкторовъ тратило ок. 40 тыс. руб. Чрезвычайно важной стороной дѣятельности этого общества, какъ и сельско-хозяйственнаго, является работа въ деревнѣ для обученія крестьянъ современнымъ пріемамъ садоводства и огородничества, а также учрежденіе спеціальныхъ курсовъ по этимъ отраслямъ хозяйства. Различныя комиссіи, станціи (охраны растеній и др.), выставки, изданія (журналъ «Ogródnik») и т. д. указываютъ на разносторонность и практичность дѣятельности общества [2]). Въ томъ же году, что и Общество варшавскихъ садоводовъ, возникло «Общество взаимопомощи служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ города Варшавы», которое въ 1910 г. также праздновало свой юбилей и по этому поводу составило очеркъ своей дѣятельности. И здѣсь, какъ въ другихъ областяхъ польской общественности, обнаружился ея живой организаціонный духъ. При этомъ обществѣ функціонируютъ отдѣлы доставленія заработка, пособій (за 1885—1909 г. выдано заимообразно пособій на сумму 95 тыс. руб.), общественныхъ собраній (кружки драматическіе, музыкальные и т. д.), отдѣлъ распространенія коммерческихъ и экономическихъ знаній и т. под. Такимъ образомъ въ кругъ дѣятельности общества входитъ взаимопомощь не только матеріальная, но и духовная, объединеніе профессіональныхъ служащихъ. Изъ учрежденій крестьянскихъ особаго вниманія заслуживаютъ два

[1]) Исторія его изложена К. Косинскимъ въ журналѣ «Głos Polski». 1914. № 7, 8 и 9.

[2]) Въ 1900 г. былъ изданъ историческій обзоръ дѣятельности общества за первыя 25 лѣтъ. Историческій очеркъ былъ составленъ Э. Янковскимъ.

общества, которыя ставятъ своей задачей экономическій, моральный и интеллектуальный подъемъ польскаго крестьянина. Первое изъ нихъ, Штабинское (въ Сувалкской губ.), было основано еще землевладѣльцемъ гр. К. Бржостовскимъ, который уничтожилъ крѣпостное право въ 1820 г. въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и роздалъ ихъ крестьянамъ за низкую плату, а умирая, завѣщалъ все свое имущество и землю крестьянамъ. Въ эту «фундацію» вошло 26 деревень съ 7200 морг. земли. Въ 1880 г. завѣдываніе капиталами «фундаціи» перешло въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Имущество ея составляло къ 1 янв. 1913 г., кромѣ лѣсовъ, 569.987 руб. наличными деньгами и бумагами. На эти средства содержится школа, врачъ, производятся меліораціонныя работы; наконецъ, въ настоящее время, по желанію гминнаго собранія, министерство разрабатываетъ проектъ низшей земледѣльческой школы въ Штабинѣ, на что ассигнуется 200 тыс. руб. Въ Люблинской (Холмской) губ. существуетъ еще болѣе старая (съ 1816 г.) «фундація» знаменитаго дѣятеля Польши Ст. Сташица, средства которой превышаютъ милліонъ руб. Ея назначеніе—взаимопомощь крестьянъ, но дѣятельность Общества встрѣчала задержку въ томъ политическомъ характерѣ, который былъ ей приданъ Сташицемъ (Ср. Kur. Warsz. 30 дек. 1913 г.). Въ 1913 году возникло «Towarzystwo rozwoju przemysłu, rzemiosł i handlu» (Общество поощренія промышленности, ремеслъ и торговли), которое ставитъ свой задачей развитіе польской дѣятельности въ указанныхъ областяхъ. Это общество развило энергичную дѣятельность, создавъ за одинъ годъ 16 отдѣленій и 11 мѣстныхъ комиссій. Число его членовъ къ концу апрѣля 1914 г. превысило 2300. Общество задумало устроить подвижную показательную выставку, организовало въ концѣ мая публичныя лекціи въ деревняхъ и мѣстечкахъ о торговлѣ и промышленности, давало всѣ необходимыя свѣдѣнія лицамъ, желающимъ поддерживать національную промышленную производительность; провинціальныя отдѣленія его основывали различные кооперативы и т. д. Представители крупной польской промышленности организовали въ 1912 г. «Towarzystwo przemysłowców guby. Królestwa Polskiego», какъ учрежденіе, призванное къ охранѣ польской промышленности. Это общество разсматриваетъ торговые договоры, таможенные и провозные тарифы, фабричное законодательство и т. д. [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что сельско-хозяйственныя общества Ц. Польскаго пользуются поддержкой Министерства Земледѣлія. Такъ, оно ассигновало въ видѣ пособія Центральному обществу свыше 300 тыс. руб. на постройку зданія и учрежденіе Научной сельско-хозяйственной станціи въ Варшавѣ; ежегодно правительство ассигнуетъ на содержаніе этого огромнаго дѣла 108 тыс. руб., а такъ какъ оно будетъ оставаться въ полномъ вѣдѣніи Центральнаго общества, то, несомнѣнно, польскій народъ пріобрѣтетъ въ этой станціи обширное поприще для примѣненія своихъ силъ.

Какъ во всей имперіи, такъ и въ Ц. Польскомъ послѣдніе годы ознаменовались чрезвычайнымъ ростомъ и размноженіемъ различнаго рода кооперативовъ, мелкихъ кредитныхъ, потребительныхъ и иныхъ этого рода обществъ, товариществъ для сбыта тѣхъ или иныхъ продуктовъ и т. д. О сельско-хозяйственныхъ кружкахъ, связанныхъ съ Центральнымъ обществомъ, и рабочихъ организаціяхъ для разработки извести, уже шла рѣчь выше. Здѣсь я отмѣчу прежде всего дѣятельность «Общества поощренія народной промышленности» (Towarzystwo popierania przemysłu ludowego), которое ставитъ своей задачей поощреніе вообще

[1]) Отчетъ объ его дѣятельности за 1913 г. даетъ «Przemysł Krajowy» 1914 г. № 12.

слабо развитой кустарной промышленности въ польскомъ крестьянствѣ. Въ послѣднія пять лѣтъ, съ 1908 г., этому обществу удалось легализировать 188 крестьянскихъ мастерскихъ различныхъ «спулокъ» (товариществъ). Благодаря пожертвованію г-жи Кербедзь, общество пріобрѣтаетъ собственный домъ для устройства выставокъ, помѣщенія постояннаго бюро, музея, складовъ и т. д. (Kur. Warsz. 7 дек. 1913 г.). Отмѣчу нѣкоторыя черты изъ дѣятельности этого общества. Такъ, оно стремится учреждать образцовыя школы ручного труда и содержитъ школу ткацкихъ инструкторовъ въ Варшавѣ, школу для выдѣлки корзинъ, мебели, игрушекъ въ Наленчовѣ, столярную въ Злотомъ Потокѣ, столярно-художественную въ Сулошовѣ, портновскую и шапочную въ Шимановѣ и т. д. Отдѣльнымъ частнымъ лицамъ принадлежитъ также весьма видная роль въ организаціи крестьянской промышленности. Особенно дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принимаютъ ксендзы, близкіе къ народной массѣ: одни организуютъ общества ткачей, другіе какія-либо иныя ремесла; дворянство также идетъ на помощь народу: такъ, гр. Шептицкая устроила въ своемъ имѣніи кружевную мастерскую, гр. Мельжинская такую же мастерскую и т. под. Названное общество поощренія народной промышленности принимаетъ на комиссію товары кустарей, само обладаетъ складомъ матеріаловъ, необходимыхъ для кустарей, и благодѣтельное дѣло постепенно развивается [1]). Пробудившаяся крестьянская самодѣятельность прокладываетъ себѣ самые разнообразные пути; такъ, въ одной деревнѣ близъ Ченстохова крестьяне устраиваютъ у себя электрическое освѣщеніе, электрическіе двигатели, заводятъ мастерскія, строютъ шоссе и т. д. (Kur. Pol. 22 нояб. 1913 г.); и о подобныхъ явленіяхъ приходится нерѣдко читать въ польской печати, которая любовно и тщательно слѣдитъ за развитіемъ потребности самодѣятельности во всѣхъ кругахъ польскаго общества и народа.

Въ январѣ 1910 г. открылъ свои дѣйствія спеціальный банкъ для поддержки кооперативныхъ учрежденій (Bank towarzystw spółdzielczych w Warszawie). Къ 1 марта 1911 г. акціонерами этого банка являлись 197 обществъ мелкаго кредита, 60 обществъ взаимнаго кредита, 4 кассы—ссудъ для промышленниковъ, 13 потребительныхъ обществъ, 17 земледѣльческихъ товариществъ и 10 различныхъ ремесленныхъ и иныхъ кооперацій, наконецъ, 266 частныхъ владѣльцевъ акцій. Всего было выпущено 4000 акцій по 250 руб. Акціи почти всѣ были сейчасъ же разобраны, и къ 31 дек. 1910 г. банкъ имѣлъ уже оборотный капиталъ въ 3.704.213 руб.; въ первый годъ же акціонеры получили дивидендъ, по 10 руб. на акцію. Послѣдній отчетъ этого банка, за 1913 г., указываетъ какъ на быстрое развитіе этого учрежденія, такъ и на успѣшность дѣятельности кооперативовъ, особенно потребительскихъ обществъ и лавокъ. Оборотный капиталъ Банка составлялъ 31 дек. 1912 г. уже огромную сумму 8.113.708 руб. (въ концѣ 1911 г. 5.933. тыс., въ концѣ 1910 г. 3.654 тыс. руб.). Банкъ пріобрѣлъ собственный домъ. За два года число кооперативовъ, примкнувшихъ къ банку, сильно возросло: въ концѣ 1912 г. въ него входило уже 287 обществъ мелкаго кредита, 87 обществъ взаимнаго кредита, тогда какъ потребительныя и земледѣльческія товарищества не намного возросли въ числѣ. Вообще кооперативы кредитные обнаруживаютъ во всемъ Ц. Польскомъ тенденцію къ развитію и укрѣпленію. Въ 1913 г. оборотъ банка достигъ 271 милл. руб., сумма вкладовъ 7,3 милл. руб., своимъ акціонерамъ банкъ выдалъ въ 1913 г. $6\frac{1}{2}$ проц. дивиденда. Между тѣмъ, по заявленію годового от-

[1]) Подробности см. «Głos Polski» 1914 г. № 27. Kurjer Warszawski 6 іюня 1914 г. Dziennik Polski 21 апр. 1914 г. Gazeta Warszawzka 20 апр. 1914 (большая статья А. В-цкаго), Kraj 13 іюня 1914 г. и др.

чета, этотъ годъ былъ вообще тяжелымъ для земледѣлія и отчасти для промышленности. Банкъ стремится быть не только источникомъ денежныхъ средствъ для кооперативовъ, но и посредникомъ между ними: изъ 800 обществъ мелкаго кредита, имѣвшихся въ Ц. Польскомъ, въ 1913 г. 328 состояло въ числѣ акціонеровъ банка. Такую же тенденцію проявляютъ и потребительныя общества, тогда какъ торговыя и промышленныя еще не вышли изъ первыхъ стадій возникновенія. Интересныя данныя о развитіи кооперативовъ по обработкѣ и продажѣ молочныхъ продуктовъ (stowarzyszenia mleczarskie) даетъ ихъ отчетъ за 1912 годъ (Gaz. Warsz. №№ 8 и 9 за 1914 г.). Въ отчетномъ году въ соотвѣтствующій отдѣлъ Центральнаго общества входило 107 молочныхъ хозяйствъ и 5311 членовъ, и обороты этого отдѣла достигали сотенъ тысячъ рублей.

Широкое развитіе пріобрѣли потребительныя общества, которымъ посвящена спеціальная монографія Э. Страсбургера: «Kooperacja spożywcza i jej rozwój w Król. Polskiem». 1909. Начало этого рода кооперацій относится ко временамъ «органическаго труда», къ 1869 г., когда въ Варшавѣ, Плоцкѣ и Радомѣ возникли три потребительныя общества. Сначала они развивались благопріятно, но недостатокъ спеціально подготовленныхъ людей и отсутствіе дѣятельной поддержки со стороны членовъ ихъ задержали эти первыя организаціи въ ихъ развитіи, и онѣ съ трудомъ дотянули свое существованіе до начала новаго столѣтія, когда начинается новая эра въ ихъ жизни. Постепенно къ числу существующихъ организацій стали присоединяться новыя, группирующіяся, между прочимъ, около мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ 1906 года все это движеніе принимаетъ новые размѣры. «Только съ 1905 г. для основанія новаго общества оказывается достаточнымъ разрѣшеніе губернатора, и въ этомъ отношеніи Ц. Польское приравнивается къ Россіи, гдѣ общества можно было основывать съ разрѣшенія губернатора уже съ 1897 г... Здѣсь мы отмѣтимъ только, что правительство въ общемъ довольно благосклонно относится къ кооперативному движенію, полагая, что кооперація отвлекаетъ массы отъ политики». (Strasburger 77). По утвержденію этого изслѣдователя, послѣ 1906 г. возникло около 500 кооперацій, при чемъ характерной чертой современнаго кооперативнаго движенія является тотъ фактъ, что въ немъ главное участіе принадлежитъ теперь классамъ малосостоятельнымъ: фабричнымъ рабочимъ въ городахъ, мелкимъ сельскимъ хозяевамъ въ деревняхъ, тогда какъ интеллигенція держится въ сторонѣ отъ движенія. Въ іюнѣ 1908 г. Страсбургеръ насчитываетъ уже 670 потребительныхъ обществъ. Наибольшее число (155) приходится на Петроковскую губернію, затѣмъ слѣдуетъ Варшавская (125). Т. обр. промышленный районъ опережаетъ въ этомъ отношеніи другія губерніи, изъ которыхъ земледѣльческія, Сѣдлецкая и Сувалкская, занимаютъ послѣднее мѣсто въ таблицѣ: 31 и всего 9.

Въ 1908 г. состоялось первое собраніе представителей потребительныхъ обществъ, на которомъ состоялось постановленіе учредить союзъ этихъ обществъ. Въ слѣдующемъ году на съѣздѣ уполномоченныхъ былъ выработанъ уставъ союза, который, однако, вылеживался въ канцеляріяхъ весьма долго и былъ утвержденъ въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства лишь 18 янв. 1911 г. Между тѣмъ потребность такого объединенія была настолько велика, что въ 1910 г. состоялся второй съѣздъ представителей потребительныхъ обществъ, для котораго утвержденное въ началѣ 1912 г. Информаціонное бюро подготовило статистическія свѣдѣнія. На съѣздѣ 1910 г. С. Войцеховскій, которому принадлежитъ выдающаяся роль въ созданіи польскихъ кооперативовъ, привелъ балансы 179 обществъ, сообщившихъ бюро свои счеты: ихъ общій балансъ превышалъ уже 1.221 тыс. руб., при чемъ изъ 179 обществъ

170 получили прибыль. Идея учрежденія общаго склада (hurtowni) для потребительныхъ обществъ разбиралась особенно энергично на этомъ съѣздѣ. Наконецъ въ 1911 г. уставъ союза былъ утвержденъ. Цѣль его была опредѣлена такъ: «Цѣлью союза является проведеніе принципа честности и порядка въ обмѣнѣ и производствѣ потребительныхъ товаровъ, съ помощью: a) объединенія потребительныхъ обществъ и усовершенствованія ихъ дѣятельности, направленной къ благопріятному осуществленію ихъ задачъ, b) доставленія потребительнымъ обществамъ товаровъ, входящихъ въ кругъ ихъ операціи, по оптовымъ цѣнамъ, а также различныхъ облегченій, основанныхъ на ихъ совмѣстной дѣятельности». Статистика общества за 1911 г., обработанная С. Войцеховскимъ, указываетъ уже 240 обществъ, изъ которыхъ отчеты представили 219. Наибольшее число ихъ относится опять-таки къ Петроковской и Варшавской губ., а по годамъ наибольшее количество восходитъ къ 1907 и 1908 г., когда изъ 219 обществъ возникло 114. Общій оборотъ обществъ составилъ 5.432.981 руб., общее число членовъ 28.313, составъ ихъ въ большинствѣ рабочіе, крестьяне, вообще низшіе классы населенія. Во всемъ Ц. Польскомъ на одного члена потребительныхъ обществъ приходится на 32 руб. товара. 1 окт. 1911 г. былъ открытъ оптовый складъ союза, на что было ассигновано 50 тыс. руб. кооперативнымъ банкомъ и собрано рублевыми взносами свыше 20 тыс. руб. «Потреб. Общества сдержали свои обѣщанія до послѣдняго слова. Они всѣ обнаружили громадную солидарность», пишетъ С. Войцеховскій въ кооперативномъ журналѣ Społem» (Słowo. 19 янв. 1912 г.). Наконецъ 3-ій Съѣздъ уполномоченныхъ, собравшійся въ Варшавѣ 14 іюня 1913 г., принялъ въ числѣ другихъ постановленій и рѣшеніе организовать на средства въ 50 тыс., пожертвованныя г-жой Керведзь, практическіе курсы по кооперациіи. Въ 1912 г. въ союзѣ состояло 239 потребительныхъ обществъ съ 33.378 членами и оборотомъ въ 6.679.158 руб. За первую половину 1913 года къ союзу примкнуло еще 27 обществъ, такъ что къ іюню 1913 г. въ союзѣ состояло уже 266 обществъ, насчитывающихъ 35.782 членовъ и 6.908.418 руб. оборота. Къ концу 1913 г. въ союзѣ принимало участіе 274 общества съ общимъ числомъ членовъ 36.909, акціонернымъ капиталомъ въ 629.949 р. и товарнымъ оборотомъ на 7.055.525 р. въ годъ. Всего же потребительныхъ обществъ въ Польшѣ, и не входящихъ въ союзъ, насчитывается около тысячи (см. подробности Kur. Warsz. 26 іюня 1914 г., Kraj 21 марта 1914 г.).

Накопленная за долгіе годы невольнаго застоя энергія польскаго общества устремляется въ равной мѣрѣ и на цѣли культурныя и просвѣтительныя, гдѣ она встрѣчалась, однако, съ гораздо болѣе значительными препятствіями, нежели въ области экономической. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, съ 1864 г. до 1904 г., цѣлью русской политики въ Цар. Польскомъ признавалось обрусеніе, а потому и все школьное преподаваніе, на всѣхъ ступеняхъ его, велось на русскомъ языкѣ. Исключеніе дѣлалось только для католическаго Закона Божія и (необязательныхъ) уроковъ польскаго языка. Эта система, проводившаяся не только съ большой послѣдовательностью, но нерѣдко и съ явнымъ подчеркиваніемъ ея задачъ и съ оскорбленіемъ польскаго національнаго сознанія, привела къ крайне враждебному отношенію польскаго общества къ правительственной школѣ. Это было неудивительно. Какъ писалъ ген.-губ. Гурко во всеподданнѣйшей запискѣ 1890 г., «въ правительственной школѣ Царства, къ польскому ребенку относятся не только не любовно, но прямо враждебно; въ ней ему ставятъ въ упрекъ его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся презрительно, его родному языку даютъ мѣсто лишь послѣ ино-

странныхъ, французскаго и нѣмецкаго и т. д.» [1]). Результатомъ этого настроенія явился невиданный до того времени бойкотъ правительственной школы, университета, гимназій, городскихъ училищъ и т. д., начавшійся въ Польшѣ въ январѣ 1905 г. и продолжавшійся до осени, когда были опубликованы новыя правила о національныхъ языкахъ въ школахъ. Объ этомъ движеніи я подробно говорилъ въ книгѣ «Главныя теченія польской политической мысли» 1907 г., и здѣсь я не могу возвращаться къ нему. Все же слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время школьное дѣло въ Ц. Польскомъ находится, несомнѣнно, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ до 1905 г. Если и нельзя назвать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ прекрасно постановленная средняя школа не даетъ своимъ воспитанникамъ никакихъ правительственныхъ правъ (даже по отбыванію воинской повинности), только потому, что въ ней преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ ведется на польскомъ языкѣ, если, точно такъ же, нельзя считать справедливымъ ограниченіе права преподаванія на польскомъ языкѣ только небольшимъ кругомъ предметовъ (математики, естествовѣдѣнія и т. д.); то все же обрусительскихъ или иныхъ политическихъ задачъ такая частная средняя школа не преслѣдуетъ. Между тѣмъ дѣлать школу орудіемъ политики является одной изъ самыхъ гибельныхъ ошибокъ, послѣдствія которой, по большей части, обращаются на того, кто это дѣлаетъ. По даннымъ переписи 1897 г., грамотность въ Ц. Польскомъ стояла выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи: она составляла здѣсь 305 чел. на 1000 (342 мужчины и 268 женщинъ), тогда какъ въ 50 губерніяхъ Европ. Россіи не превышала 229 въ среднемъ (321 мужч. и 137 женщ.). Грамотность стояла бы выше, если бы потребность населенія въ школѣ была удовлетворена. Между тѣмъ, по вычисленіямъ А. Сулиговскаго, эта потребность въ высокой мѣрѣ остается неудовлетворенной, и въ то время, какъ въ періодъ 1880—1898 г. число начальныхъ школъ возросло въ Европ. Россіи въ три раза (съ 20.483 до 66.792), въ Польшѣ оно увеличилось всего на 60% (съ 2.287—3.646). Въ самой же Варшавѣ армія дѣтей, не могущихъ попасть въ школу, настолько велика, что А. Сулиговскій назвалъ столицу Польши «городомъ безграмотныхъ». Сознаніе необходимости поставить начальное народное образованіе на должную высоту и придать ему національное направленіе было очень живо въ польскомъ обществѣ, но что оно могло сдѣлать, будучи лишено земскаго и городского самоуправленій?

Поэтому съ наступленіемъ времени большей гражданской свободы польское общество поспѣшило предпринять необходимые шаги для созданія спеціальнаго общества, которое могло бы взять въ свои руки народное образованіе. Съ этой цѣлью былъ составленъ уставъ общества «Польской Матицы школьной» (Polska Macierz Szkolna), который былъ утвержденъ 21 іюня (н. ст.) 1906 г. Замыслъ общества принадлежалъ инженеру Свентковскому, который собралъ 28 апр. 1905 г. первое совѣщаніе по этому вопросу. Подготовительное собраніе 16 іюня 1905 г. поручило временно избранному правленію составить уставъ общества, а послѣ октябрьскаго манифеста правленіе оповѣстило польское общество черезъ газеты о возникшемъ обществѣ и приступило къ организаціи кружковъ въ столицѣ и провинціи Царства Польскаго. До перваго организаціоннаго собранія Польской Матицы, т.-е. до 8 іюля 1906 г., временное правленіе успѣло создать до 100 кружковъ (20 въ Варшавѣ и 77 въ другихъ мѣстахъ) и собрать значительныя средства, свыше 90

[1]) Приведено въ книгѣ Э. И. Пильца: «Русская политика въ Польшѣ» 1909, гдѣ даны важнѣйшія свѣдѣнія объ обрусительной роли правительственной школы въ Ц. Польскомъ въ этотъ печальный періодъ русской политики въ Польшѣ.

тыс. руб. Уставъ Матицы [1]) ставилъ цѣлью общества распространеніе просвѣщенія и содѣйствіе его развитію въ національномъ направленіи; онъ ставилъ Матицу внѣ всякихъ партій; средствами для достиженія ея цѣлей признавались начальныя школы, дѣтскіе сады, курсы для неграмотныхъ взрослыхъ, курсы для обученія учителей и учительницъ, народныя библіотеки, средне-образовательныя и высшія школы всякихъ типовъ, собесѣдованія и лекціи, разумныя развлеченія, изданіе руководствъ по разнымъ предметамъ на польскомъ языкѣ, педагогическіе, научные и популярные журналы, субсидіи и пособія недостаточнымъ учащимся, конкурсы и т. под. Короче говоря, въ лицѣ Польской Школьной Матицы польское общество пріобрѣтало организацію, которая должна была взять въ свои руки все дѣло національнаго воспитанія. Естественно, что Матица привлекла въ свои ряды всѣхъ патріотически настроенныхъ польскихъ гражданъ, которымъ, наконецъ, давалась возможность послужить просвѣщенію своего народа. Съ громаднымъ порывомъ идеализма они устремились на служеніе задачамъ Матицы, и результаты этого порыва оказались сразу чрезвычайно велики. Отчетъ за 1906—1907 г. (до 1 іюля 1907 г.) перечисляетъ 781 отдѣльныхъ кружковъ Матицы, въ которые входило 116.341 членовъ (въ томъ числѣ 106.613 дѣйствительныхъ), доходы общества составили 810.673 руб. 60 к., расходы—398.537 руб. 40 к. Число дѣтей, которыхъ Школьная Матица содержала въ отчетномъ году въ своихъ пріютахъ, составило огромную сумму—14.401; библіотеками Матицы, заключавшими до 222 тыс. томовъ, воспользовалось 59.914 человѣкъ; лекцій и собесѣдованій было устроено за одинъ годъ 2708; въ школахъ Матицы (317) училось 61.908 чел. Если принять во вниманіе, что вся эта интенсивная дѣятельность была развита обществомъ въ первый же годъ его существованія, то станетъ ясно, до какой степени въ польскомъ народѣ назрѣла потребность въ національномъ просвѣщеніи, и какъ онъ былъ готовъ итти на матеріальныя пожертвованія ради этой возвышенной цѣли. О степени этой готовности даютъ, между прочимъ, представленіе размѣры пожертвованій на Матицу, связанныхъ съ памятнымъ для поляковъ днемъ 3 мая (годовщины знаменитой конституціи 3 мая 1791 г.). Именно, «народный даръ 3 мая» составилъ за время съ 3 мая по 15 ноября 1907 г. 197.488 руб. 48 коп. Предварительный бюджетъ на 1907—8 уч. годъ былъ сведенъ въ суммѣ 247.175 руб., и все предсказывало Польской Школьной Матицѣ столь же блестящій успѣхъ и въ будущемъ. Центральное правительство смотрѣло на эту національную дѣятельность Матицы не очень одобрительно. Школы разрѣшались не безъ труда; учебный персоналъ въ нихъ утверждался не всегда. Въ іюлѣ 1907 года правленіе Матицы ходатайствовало объ открытіи 1247 новыхъ школъ, но получило разрѣшеніе лишь на 681. Націоналистическій курсъ политики П. А. Столыпина старался задержать развитіе Матицы, и попечитель Варшавскаго округа разрѣшалъ открытіе школъ Матицы лишь въ такихъ пунктахъ, гдѣ не было казенныхъ школъ. Славились и всяческія иныя помѣхи развитію дѣятельности Матицы, но одушевленіе, ею созданное, покрывало всякій ущербъ, какой наносило то или другое ограничительное распоряженіе властей. Наконецъ правительство признало необходимымъ прекратить всякій дальнѣйшій ростъ этого благодѣтельнаго для польскихъ народныхъ массъ учрежденія, и 15 дек. 1907 г. оно было закрыто распоряженіемъ генералъ-губернатора. Какой упадокъ просвѣщенія это вызвало, видно изъ того, что къ 1 янв. 1910 г. во всемъ Царствѣ Польскомъ числилось только 3415 низшихъ школъ (съ 284.363 учащимися). Перейдемъ къ средней школѣ.

[1]) Для исторіи этого замѣчательнаго учрежденія важны отчетъ его за 1906—7 г., затѣмъ Preliminarz Budżetowy zarządu Głównege P. M. na rok 1907 — 8 и др., а также книга г. Радзишевскаго «L'instruction publique au Royaume de Pologne». Paris. 1910.

По указу 1 окт. 1905 г. были учреждены польскія средне-учебныя заведенія съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, но безъ всякихъ правъ для учащихъ и учащихся. Позднѣйшіе годы до закона 1914 г. принесли рядъ ограниченій и въ этомъ дѣлѣ, но не прибавили польской національной школѣ ни одного права. Существованіе ея признавалось терпимымъ, но оно не было желательно для націоналистическаго курса, продолжавшаго господствовать въ Польшѣ. Абитуріенты этихъ школъ, изъ которыхъ многія поставлены очень солидно, не имѣли права поступать въ русскія высшія учебныя заведенія, но ихъ принимаютъ за границей, и, такимъ образомъ, польское юношество было вынуждено или передерживать всѣ экзамены въ русскихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ на правахъ экстерновъ, или эмигрировать въ поискахъ высшаго образованія за границу. Такая борьба за существованіе должна была закалить польскую молодежь и сдѣлать ее очень стойкой при столкновеніи съ жизненными препятствіями. Исторія частной польской школы представляетъ огромный интересъ, но я вынужденъ здѣсь пройти мимо нея и ограничиться только нѣсколькими статистическими данными. Именно, по даннымъ, относящимся къ концу 1913 г. (Каменскій въ «Tygodnik Polski» № 38), въ Ц. Польскомъ имѣлось 66 мужскихъ среднеучебныхъ частныхъ школъ, которыя ежегодно выпускали изъ своихъ стѣнъ около 1000 абитуріентовъ. Какъ растетъ потребность въ общемъ образованіи, видно изъ того, что въ 1904 г. во всемъ Ц. Польскомъ было 425 частныхъ школъ различныхъ категорій съ 30 тыс. учащихся, а въ 1912 г. уже 1074 школы съ 108 тыс. учащихся. Правительственная средняя школа оказалась не въ состояніи бороться съ естественной потребностью населенія въ національной школѣ. Цифры показываютъ это весьма краснорѣчиво: въ то время, какъ въ 1904 г. въ этихъ школахъ было 15.195 учениковъ (при чемъ поляки составляли ок. 66 проц.), въ 1912 г. это число поднялось всего до 17.359 (поляковъ около 49 проц.). Очевидно, частная школа приспособилась къ суровой дѣйствительности. Ея абитуріенты не гибли въ жизненной борьбѣ и безъ «правъ». Законъ о частныхъ школахъ, прошедшій въ нашихъ законодательныхъ палатахъ въ іюнѣ 1914 года, былъ принятъ польскимъ обществомъ съ удовлетвореніемъ, хотя далеко не разрѣшалъ даже насущнѣйшихъ нуждъ польскаго образованія. Во всякомъ случаѣ, точно опредѣляя, какіе именно учебные предметы должны преподаваться на государственномъ языкѣ, новый законъ предоставлялъ право преподаванія остальныхъ наукъ на языкахъ національныхъ. Онъ опредѣлялъ также юридическое положеніе школы, которая такимъ образомъ освобождалась отъ произвольнаго вмѣшательства въ ея жизнь со стороны той или другой мѣстной власти [1]).

Что касается Варшавскаго университета, который былъ бездѣятеленъ съ января 1905 года до осени 1908 г., то польская молодежь «бойкотировала» его, несмотря на энергичные и многократные призывы печати прервать этотъ губительный для мѣстной культуры бойкотъ. Въ 1908 г. университетъ былъ заполненъ русскими семинаристами, которые получили право поступленія въ него, между тѣмъ какъ не могли поступать безъ аттестата зрѣлости въ большинство другихъ русскихъ университетовъ, а также еврейской молодежью, не признававшей «бойкота». На почвѣ этого бойкота и борьбы съ нимъ произошелъ рядъ печальныхъ столкновеній, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Мало-по-малу,

[1]) Biuro Pracy społecznej немедленно издало разъясненіе новаго закона «Nowa ustawa szkolnictwa prywatnego» 1914. О тѣхъ свѣтлыхъ надеждахъ, которыя польское общество возлагало и возлагаетъ на свою школу, см. исполненную идеализма и энтузіазма книгу Корыцкаго (Wł. Korycki. Odrodzona szkoła, 1914).

однако, сила вещей заставила польскую молодежь двинуться не только за границу и въ русскіе университеты, за предѣлами Ц. Польскаго, но въ Варшавскій. Такъ, въ 1913 г. здѣсь было уже около 570 поляковъ на 2500 студентовъ.

Для народнаго образованія польское общество, помимо Матицы и частныхъ школъ, поработало немало. Къ глубокому сожалѣнію, о большинствѣ учрежденій, созданныхъ имъ въ 1906 и послѣдующіе годы, приходится сказать: «были», такъ какъ они были закрыты по постановленіямъ центральной или мѣстной власти. Такъ, эта участь постигла «университетъ для всѣхъ», «курсы для взрослыхъ» и т. д., а также общество «Культуру», которое ставило своей цѣлью распространеніе знаній въ рабочихъ и интеллигентныхъ массахъ. Одни изъ этихъ учрежденій носили національстическій народово-демократическій, другія извѣстный соціалистическій оттѣнокъ. Зато продолжаетъ функціонировать и развиваться рядъ другихъ учебныхъ обществъ, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать «Общество высшихъ научныхъ курсовъ въ Варшавѣ» (съ секціями математики и естествовѣдѣнія, гуманистической, технической, земледѣльческой и садоводческой). Въ среднемъ за годы $190^{6}/_{7}$—$19^{12}/_{13}$ число слушателей было въ среднемъ 874 чел. (исторія общества Głos Polski . 1914. № 11). Изъ ученыхъ обществъ надо поставить на первый планъ основанное въ 1907 г. «Ученое Варшавское общество» (Towarzystwo Naukowe Warszawskie), которое, по справедливости, можетъ быть названо второй (послѣ Краковской) польской академіей наукъ. Это общество встрѣтило щедрую поддержку со стороны нѣкоторыхъ представителей старинной польской аристократіи; особенно много сдѣлалъ для общества въ этомъ отношеніи гр. І. Потоцкій, благодаря которому общество пріобрѣло и собственное зданіе.

Отчетъ Ученаго общества за 1912—3 г. подчеркиваетъ «значительное развитіе учрежденія, умноженіе силъ, работающихъ въ немъ, расширеніе отношеній въ международномъ ученомъ мірѣ, а что для насъ, можетъ-быть, наиболѣе утѣшительно, увеличеніе интереса и поддержки со стороны собственнаго общества, въ чемъ заключается гарантія дальнѣйшаго существованія учрежденія и самый смыслъ его существованія». При обществѣ состоитъ 12 лабораторій, рядъ комиссій и т. д. Все, что есть болѣе замѣтнаго въ польской наукѣ (въ Ц. Польскомъ), такъ или иначе примыкаетъ къ Варшавскому Ученому Обществу. Въ 1906 году возникло Варшавское географическое общество (Polskie Towazystwo Krajoznawcze w Warszawie), которое съ 1908 г. перешло въ собственное зданіе и открыло отдѣленіе популяризаціи отчизновѣдѣнія среди польской молодежи, а въ 1910 г. стало издавать свой органъ «Ziemia». Это общество обнаруживаетъ чрезвычайную энергію (исторія его въ журналѣ «Głos Polski». 1914. № 16). Въ томъ же 1906 г. образовалось еще одно благодѣтельное для польскаго просвѣщенія учрежденіе, именно: Общество для устройства Публичной библіотеки въ Варшавѣ (Towarzystwo Biblioteki Publicznej w Warszawie). Какъ быстро развернуло свою дѣятельность это общество, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1912 г. библіотека состояла уже изъ 87.243 томовъ, а въ 1912 г. въ нее поступили библіотеки покойнаго писателя Б. Пруса (А. Гловацкаго) и нѣсколькихъ другихъ лицъ; въ читальнѣ библіотеки занималось въ 1912 г. 29.477 человѣкъ. Въ 1914 г. библіотека была устроена въ собственномъ помѣщеніи. (Исторія этого учрежденія въ журналѣ «Głos Polski». 1914. № 13).

Въ интересномъ изслѣдованіи о развитіи обществъ въ Ц. Польскомъ Ф. Расинскій [1]) отмѣчаетъ ихъ непрерывный ростъ, а въ послѣдніе годы

[1]) F. Rasiński. Prace statystyczne. 2. Społecznowładztwo w Królestwie Polskiem, na Litwie i Rusi w roku 1910. Warszawa. 1913.

и усилившійся процессъ децентрализаціи, т.-е. развитіе всевозможныхъ обществъ за предѣлами Варшавы, въ другихъ мѣстностяхъ Ц. Польскаго. Я приведу здѣсь небольшое извлеченіе изъ этого изслѣдованія, гдѣ упоминаются и такія учрежденія и общества, которыя я долженъ былъ по недостатку мѣста обойти молчаніемъ (напр., Филармонія и др.). «Наибольшій ростъ бюджета съ 1908 на 1910 г. мы наблюдаемъ въ области школьнаго дѣла, именно 44,6%. Съ 1906 по 1908 г.—эта цифра была 38,8%, въ области хозяйственной культуры (пожарныя команды, цехи, экономическія и профессіональныя общества) эти процентныя отношенія выражаются цифрами 42,5 и 26,2; бюджетъ страховой кооперацiи, потребительныхъ и кредитныхъ обществъ возрастаетъ на 35,3 и 26,5%; соотвѣтствующія цифры для религіознаго культа—27 и 33,4%, для жизни общественной и спорта 15,1 и 4,9%. Бюджетъ культуры этической, научной и художественной уменьшился въ послѣдній періодъ на 6% (въ предшествующій мы имѣли здѣсь—14,3%), бюджетъ благотворительности на 3,4% (въ предшествующій періодъ—18,1%). Послѣднія двѣ аномаліи объясняются принятіемъ на городской счетъ части больницъ города Варшавы и значительнымъ уменьшеніемъ бюджета Филармоніи варшавской съ 159.307 р. до 65.540 р., вызваннымъ перемѣной системы въ веденіи этого учрежденія. Если же мы исключимъ изъ второй группы Филармонію, то мы получимъ сумму бюджета 272.857 р. и 369.869 р., въ этомъ случаѣ мы устанавливаемъ ростъ дѣятельности въ области этической, научной и художественной на 35,5%. Если сдѣлать соотвѣтствующее исправленіе по отношенію къ больницамъ, перешедшимъ на городской счетъ, то мы получимъ процентъ роста 38». Эти числа, которыя въ подробностяхъ представляютъ много чрезвычайно интереснаго, обнаруживаютъ, что энергія польскаго общества не ослабѣваетъ, несмотря на всѣ неудачи и препятствія, съ которыми ему приходится считаться. Здоровый идеализмъ и несокрушимый оптимизмъ позволяютъ ему оправляться удивительно быстро послѣ каждаго перенесеннаго удара, приспособляться ко всякимъ условіямъ существованія и работать непрерывно и неустанно въ духѣ народнаго объединенія и укрѣпленія. И въ этомъ заключается наилучшая гарантія благопріятнаго развитія польскаго народа и въ далекомъ будущемъ.

Въ 1905 г. произошло событіе, которое грозило разорвать религіозное единство польскаго народа. Именно, въ промышленной области, въ окрестностяхъ Згержа, возникла секта *маріавитовъ* (манкетниковъ, какъ ихъ называли за тѣ воротники, которые носятъ ихъ священники). Религіозное значеніе этой секты заключалось въ протестѣ противъ ненаціональнаго характера католической церкви, а также недостатковъ ксендзовъ: маріавиты особенно ставили послѣднимъ въ вину корыстолюбіе. Они вводили въ свое богослуженіе народный языкъ, отрицали безбрачіе духовенства, требовали отъ него безкорыстія, окружали особымъ благоговѣніемъ культъ Божьей Матери. Враги маріавитовъ разсказывали о грубыхъ суевѣріяхъ, господствующихъ въ этой сектѣ, о томъ, что они будто бы почитаютъ, какъ Божью Мать, одну изъ основательницъ секты, «матушку Козловскую», о томъ, что въ видѣ причастія они проглатываютъ бумажные образки Божьей Матери и т. п. Ко всѣмъ этимъ разсказамъ слѣдуетъ относиться съ такой же долей скептицизма, какъ и къ сообщеніямъ о томъ, будто бы секта маріавитовъ приближается къ православію, тогда какъ правильнѣе сопоставлять ее, какъ это дѣлаетъ Керенскій, со старокатолическимъ движеніемъ.

Польское общество игнорировало существованіе маріавитизма, и разсказы о преслѣдованіяхъ маріавитовъ со стороны католиковъ,—разсказы, которые усиленно раздувала маріавитская литература (см., напр.,

Kalendarz Maryawicki na rok 1909), не производили сильнаго впечатлѣнія на массу или потому, что были вымышлены, или потому, что относились къ отдѣльнымъ мѣстностямъ и случаямъ. Представленный самому себѣ, маріавитизмъ не получилъ распространенія и въ послѣднее время быстро падаетъ. Керенскій утверждаетъ, что «въ одной Россіи количество маріавитовъ къ 1912 г. возросло до большой цифры въ 500.000». Эта цифра совершенно невѣроятна, такъ какъ 1 янв. 1909 г. число маріавитовъ во всемъ Ц. Польскомъ составляло 73.033 чел., а съ этого времени маріавитизмъ, по общимъ указаніямъ, падаетъ. Въ польскомъ обществѣ, какъ я могъ замѣтить въ іюлѣ 1914 года, съ этимъ явленіемъ совершенно перестали считаться [1]). Очевидно, у г. Керенскаго надо читать не 500.000, а лишь 50.000 (см. ниже). Духовенство маріавитовъ не удовлетворило моральныхъ запросовъ массы, новаго идеала секта не дала, и ея право на существованіе стало непонятно для массъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается число возвращающихся въ лоно католической церкви, не только мірянъ, но и вліятельнѣйшихъ священниковъ (Жебровскаго, Маркса и др.). За послѣдніе два года маріавитизмъ дошелъ до матеріальнаго разоренія, число вѣрующихъ уменьшилось, по крайней мѣрѣ, на 20 тыс. (изъ 50 тыс., которыя офиціальная статистика насчитывала въ началѣ 1912 г.). Въ настоящее время маріавиты имѣютъ всего около 30 священниковъ; ихъ благотворительныя учрежденія, кассы взаимопомощи и т. д. гибнутъ или ведутъ самое жалкое существованіе. Въ маѣ 1913 г. одинъ изъ маріавитскихъ священниковъ обратился къ вождю гакатизма, Вегенеру, съ просьбой о матеріальной помощи. Извѣстіе объ этомъ, облетѣвшее польскую печать (см., напр., Kur. Warsz. 29 дек. 1913 г.), еще болѣе дискредитировало маріавитизмъ въ глазахъ польскаго общества. Полный крахъ маріавитской секты дѣло ближайшаго будущаго.

---

[1]) В. А. Керенскій. Съ Запада. Очерки современной западно-церковной жизни. Православный собесѣдникъ 1913. Февраль (о маріавитахъ, стр. 281—291). К. И. Ровинскій. Маріавиты въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1910.

VI.

Поляки въ Австріи и Венгріи. Галиція и Силезія. Поляки въ Венгріи.

Изъ литературы предмета: Fr. Bujak. Galicya. I томъ 1908, 2 томъ 1910 (чрезвычайно цѣнный, основанный на первоисточникѣ обзоръ природы и экономической жизни Галиціи, къ сожалѣнію, сдѣлавшійся сразу по выходѣ библіографической рѣдкостью; несмотря на всѣ старанія достать эту книгу, мнѣ удалось добыть только второй томъ, обнимающій лѣсное хозяйство, горный промыселъ и промышленность). St. Głąbiński. Stosunki społeczne i ekonomiczne w Galicyi (въ изданіи «Polska. Obrazy i opisy». II томъ. 1909). Mich. Bobrzyński, Wlad. Leop. Iaworski i Ióz. Milewski. Z dziejów odrodzenia politycznego Galicyi. 1859—1873. Warszawa. 1905. Stan. Starzyński. Kodeks prawa politycznego czyli Austryackie Ustawy Konstytucyjne. 1848—1903. Lwów. 1903. Wilhelm Feldman. Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi. 1848—1906. 2 тома. Krakow. 1907. A. Hausner, Odrodzenie Galicyi a drogi wodne. Kr. 1911. Żuraw. Jak my pracujemy. Szkice z zycia naszego przemysłu. Lwów. 1912. I. Buzek. Rozsiedlenie ludności Galicyi według wyznania i języka. Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych wydane przez krajowe Biuro Statystyczne. t. XXI. Zeszyt II Lwow. 1909. В. Охримовичъ. З поля національної статистики Галичини. Студіі з поля суспільних наук і статистики. Т. I. 1909. W. Choroszewski. Mapa językowa i wyznaniowa Galicyi. Lwow. 1911. I. Spett. Mapa rozsiedlenia ludności polskiei w Galicyi. 1910. I. Olszewski. Zastój gospodarczy Galicyi w czasie ostatniego przesilenia. 1913. I. Stokłosa Zeszłoroczne klęski Galicyi w świetle cyfr. Ekonomista. t. I. 1914. U. Diamand. Tablice statystyczne gospodarstwa społecznego w Austryi ze szczególnem uwzględnieniem Galicyi. Kr. 1913. L. Kolankowski. Kościół a Cerkiew w Galicyi wschodniej. Kr. 1909. M. Uarosz. Śląsk Cieszyński. 1910. G. Smólski. Polszczyzna na górnych Węgrzech i stosunki polsko-słowackie. Bibliot. Wars. 1909, т. III. Ср. также общіе труды проф. Т. Флоринскаго и Л. Нидерле и нижеуказ. сочиненія.

Общая численность поляковъ въ Галиціи опредѣляется, по даннымъ народной переписи 31 декабря 1910 г., въ 4.672.500 чел. Въ австрійской Силезіи (Śląsk Ciezyński, какъ она называется поляками) число поляковъ равнялось 235.224 чел., въ Буковинѣ—36.210 [1]). Въ другихъ земляхъ Австріи точно такъ же насчитываются большія или меньшія цифры польскаго населенія, которыя создаются естественнымъ распространеніемъ представителей всякой народности въ предѣлахъ одного государства, однако безъ связи съ этнографическимъ цѣлымъ. Такимъ образомъ имѣются поляки и въ Нижней Австріи (т.-е., собственно, въ

[1]) По другимъ даннымъ (см. ниже), 50 тыс.

Вѣнѣ), и въ Чехіи, и въ другихъ краяхъ. Всего офиціальная австрійская статистика насчитываетъ въ концѣ 1910 г. около 5 милл. поляковъ (4.907.894 чел.), что даетъ значительный приростъ по сравненію съ 1900 г. (4.252. 483 чел.). Въ Венгріи весьма трудно опредѣлить число поляковъ, такъ какъ офиціальная венгерская статистика этихъ послѣднихъ не признаетъ, присоединяя ихъ безъ дальнихъ разговоровъ къ словакамъ или русинамъ и отрицая у нихъ всякое національное право. Смульскій утверждаетъ, что «наибольшія сплошныя польскія территоріи находятся въ сѣверной части Тренчинскаго жупанства, на Оравѣ и на Спижѣ, въ такъ называемомъ Замагурѣ; въ другихъ верхне-венгерскихъ жупанствахъ польскія поселенія представляютъ уже только большіе или меньшіе этнографическіе оазисы». Общую численность венгерскихъ поляковъ опредѣляютъ между 30 и 50 тыс. [1]).

Статистика 1910 г. опредѣляетъ въ Галиціи 7.980.477 чел., въ томъ числѣ поляковъ 4.672.500, русскихъ (русиновъ, Ruthenen) 3.208.092, нѣмцевъ 90.114, чеховъ, моравянъ и словаковъ 8.718, румынъ 750 и т. д. Такимъ образомъ большинство въ населеніи все еще на сторонѣ поляковъ, которые подвигаются на востокъ, въ область съ русскимъ большинствомъ въ населеніи. Западная Галиція съ центромъ Краковомъ, столицей духовной жизни поляковъ въ Галиціи, считается въ обычномъ представленіи польскимъ краемъ, Восточная Галиція за р. Саномъ, съ центромъ Львовомъ, административной столицей всего края, признается русской (украинской) областью. Но такъ какъ въ продолженіе многихъ вѣковъ государственная власть находилась въ польскихъ рукахъ, и польское помѣщичье землевладѣніе въ рукахъ польской шляхты давало тонъ всей политической жизни Галиціи, то естественно, что польскій этническій элементъ глубоко проникъ и въ глубь Восточной Галиціи. Положеніе вещей мало измѣнилось въ этомъ отношеніи къ худшему для поляковъ и послѣ паденія Рѣчи Посполитой. Германизируя управленіе, не созывая польскихъ сословныхъ учрежденій, существовавшихъ лишь на бумагѣ, относясь враждебно ко всему польскому, австрійское правительство все же не скоро, не ранѣе половины XIX вѣка, пришло къ мысли воспользоваться русинскимъ національнымъ движеніемъ для усмиренія польской строптивости. Когда же послѣ знаменитаго польскаго (1866) «Przy Tobie stoimy i stać chcemy» (около тебя, государь, мы стоимъ и хотимъ стоять) закончилась въ 60-хъ годахъ долгая польско-австрійская борьба, то Вѣна вручила управленіе Галиціей той консервативно-шляхетской партіи, которая выступила съ этимъ заявленіемъ лояльности. И до самаго конца австрійскаго владычества въ Галиціи, несмотря на глубокія и сложныя перемѣны, произошедшія въ соціальной и національной группировкѣ галиційскаго населенія, завѣдываніе краемъ оставалось въ рукахъ поляковъ, и лишь изъ нихъ избирался, какъ начальникъ земскаго самоуправленія, маршалъ сейма, такъ и главный административный органъ, представитель короны, намѣстникъ королевства Галиціи и Лодомеріи (т.-е. Галицко-Владимирскаго). При такихъ условіяхъ польское населеніе имѣло гораздо большую возможность подвигаться на востокъ, нежели русское на западъ. Офиціальная австрійская статистика не признаетъ за отдѣльную народность евреевъ, которыхъ причисляетъ по ихъ домашнему языку къ той или другой народности. Насколько мнѣ извѣстно, донынѣ галиційскіе евреи еще почти не причисляли себя къ русинамъ, но по необходимости относили себя къ полякамъ или нѣмцамъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ статистическихъ данныхъ. И вотъ мы видимъ, что польскій

[1]) Подробнѣе и другая литература объ этомъ ниже.

элементъ разбросанъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ по всей Галиціи, тогда какъ русскій ограничивается въ Западной Галиціи лишь немногими южными гминами.

На основаніи данныхъ переписей 1880, 1890 и 1900 г., Бузекъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (стр. 191—196 назв. соч.). «Въ уѣздахъ, преимущественно русскихъ, Восточной Галиціи (т.-е. безъ уѣздовъ языковой пограничной полосы, безъ города Львова и безъ Львовскаго уѣзда) насчитывалось въ 1880 г. 3195 гминъ, въ томъ числѣ 2739 гмины греко-католическія [1]), 319 гминъ римско-католическихъ, 91 гмина израелитская и 46 гминъ евангелическихъ. Изъ всего населенія этихъ уѣздовъ въ 1880 г. въ гминахъ уніатскихъ жило 77,2%, въ гминахъ израелитскихъ 13,5%, въ гминахъ католическихъ 8,9% и въ гминахъ евангелическихъ 0,4%. Двадцать лѣтъ спустя въ гминахъ уніатскихъ жило 77,5% населенія этихъ уѣздовъ, въ гминахъ израелитскихъ 13, 2%, въ католическихъ 9%, евангелическихъ 0,3%. Другими словами, перемѣны, происшедшія за двадцать лѣтъ, настолько незначительны, что, можно сказать, всѣ четыре вѣроисповѣдныя категоріи гминъ обнаружили за этотъ срокъ почти одинаковый приростъ населенія. Повидимому, за эти 20 лѣтъ не произошло почти никакой перемѣны въ разселеніи уніатскаго населенія этихъ уѣздовъ. Зато довольно значительныя измѣненія произошли въ разселеніи католическаго элемента, а еще большія въ разселеніи израелитскаго. Именно, въ католическихъ гминахъ въ 1880 г. жило 6,9% израелитскаго населенія этихъ уѣздовъ, а въ 1900 г. уже 7,5%, въ уніатскихъ же гминахъ въ 1880 г. 38,4%, а въ 1900 г. уже 40,6%, тогда какъ въ гминахъ израелитскихъ въ 1880 г. 54,6%, а въ 1890 г. уже только 51,8%. Это доказываетъ, что израелитское населеніе возрастало въ теченіе этихъ 20 лѣтъ всего скорѣе въ уніатскихъ и католическихъ гминахъ, наименѣе же быстро въ израелитскихъ гминахъ. Так. обр. разселеніе іудейскаго племени оказывается въ 1900 г. въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели въ 1890 г. Что касается католическаго населенія, то оно скорѣе всего возрастало въ израелитскихъ гминахъ и въ гминахъ съ относительнымъ большинствомъ католическимъ и уніатскимъ или, другими словами, по преимуществу въ гминахъ городскихъ, менѣе же въ гминахъ съ абсолютнымъ большинствомъ католическимъ или уніатскимъ. Развитіе католическаго элемента въ смыслѣ его разселенія оказывается поэтому неблагопріятнымъ въ томъ отношеніи, что слабѣе всего католическое населеніе возрастаетъ въ гминахъ съ абсолютнымъ католическимъ большинствомъ, и, напротивъ, благопріятнымъ въ томъ отношеніи, что католическое населеніе возрастаетъ въ гминахъ израелитскихъ и смѣшанныхъ (съ относительнымъ большинствомъ католическимъ или уніатскимъ) гораздо скорѣе, чѣмъ въ гминахъ съ абсолютнымъ уніатскимъ». Въ этомъ послѣднемъ фактѣ заключается весьма важное указаніе на то, что польское населеніе постепенно пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ Восточной Галиціи. Раздѣляя эту послѣднюю (безъ пограничной языковой полосы, Львова и его уѣзда) на 8 округовъ (по географическому принципу и по проценту русскаго населенія выше или ниже 66%), Бузекъ приходитъ къ оптимистическимъ для польскаго національнаго сознанія выводамъ: «Во всѣхъ указанныхъ 8 частяхъ Восточной Галиціи процентъ католическаго населенія возросъ за время съ 1880 по 1900 г., за исключеніемъ города Львова съ его уѣздомъ, гдѣ этотъ процентъ уменьшился съ 46,5 до 46,2. Всего сильнѣе процентъ католическаго населенія возросъ съ 1880 г. въ уѣздахъ подкарпатскихъ (съ 9,3 до 11,1) и подоль-

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи для сокращенія я буду называть ихъ просто уніатскими, а римско-католическія просто католическими. Израелиты — офиціальный терминъ для обозначенія евреевъ.

скихъ (съ 26,5 до 28,1), затѣмъ въ уѣздахъ Яворовскомъ, Равскомъ и Жолкевскомъ (съ 13,0 до 14,2) и въ уѣздахъ приднѣпровскихъ (съ 14,4 до 15,6%), нѣсколько слабѣе въ уѣздахъ пограничной языковой полосы (съ 45,7 до 46,7%), въ уѣздахъ къ западу отъ Львова съ русскимъ населеніемъ ниже 66% (съ 27,3% до 27,9) и въ уѣздахъ къ сѣверо-востоку отъ Львова (съ 21% до 21,5). Обобщая эти данныя, можно сказать, что приростъ процента католическаго населенія въ уѣздахъ, отличающихся низкимъ процентомъ католическаго населенія, былъ болѣе великъ, нежели въ уѣздахъ съ болѣе значительнымъ процентомъ этого населенія; иначе дѣло обстояло только въ подольскихъ уѣздахъ». Въ связи съ этимъ стоитъ и равномѣрное увеличеніе польскаго населенія во всей Восточной Галиціи (безызвѣстныхъ уѣздовъ, указанныхъ выше): именно, въ 1880 г. здѣсь было 18,1% поляковъ, въ 1890 г. 18,4% и въ 1900 уже 19,3%. Притомъ этотъ приростъ польскаго населенія наблюдается во всѣхъ гминахъ Вост. Галиціи. Что касается Западной, то здѣсь положеніе вещей также благопріятно для поляковъ: въ 1900 г. 99,5% польскаго населенія жило сплошной массой въ польскихъ гминахъ, при чемъ въ этихъ гминахъ поляки составляли 98,7% населенія, такъ что, можно сказать, представляли почти несмѣшанное этнографическое цѣлое. На сплошной территоріи польскаго населенія въ Западной Галиціи, обнимающей 2500 гминъ и населенной въ 1900 г. 2.618.628 чел., приходилось поляковъ 2.348.871, уніатовъ-русиновъ 51.384, евреевъ 209.178 и другихъ 9.195 чел. Въ Восточной Галиціи всего гминъ 3746, населенія въ 1900 г. 4.814.171 чел.; въ томъ числѣ поляковъ-католиковъ 1.131.330, уніатовъ-русиновъ 3.022.929, евреевъ 618.801 и другихъ 41.111 чел.

Вышеприведенныя статистическія данныя обнаруживаютъ благопріятныя отношенія для все возрастающей польской колонизаціи Вост. Галиціи. Украинскіе статистики объясняютъ это явленіе тремя факторами: большей смертностью у русиновъ, нежели у поляковъ; эмиграціей русиновъ изъ Вост. Галиціи и имиграціей сюда поляковъ; наконецъ тѣмъ, что «больше людей пристаетъ къ польской народности и латинскому обряду, нежели къ русской народности и греческому обряду». (Охримовичъ, назв. стат. 157). Однако Охримовичъ утверждаетъ, что фактическій приростъ русскаго населенія въ Вост. Галиціи идетъ все болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ раньше, и что, такимъ образомъ, положеніе вещей постепенно измѣняется въ пользу русскаго элемента. Бросимъ взглядъ на числа, съ которыми оперируетъ В. Охримовичъ.

Такъ, оказывается, что процентное отношеніе русиновъ въ Восточной Галиціи съ каждымъ десятилѣтіемъ уменьшается въ пользу поляковъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Численность населенія.	Католиковъ.	Ихъ %	Уніатовъ.	Ихъ %	Евреевъ.	Ихъ %
Въ концѣ 1869 г.	3.399.000	707.000	20,8	2.234.000	65,8	425.000	12,5
Въ концѣ 1880 г.	3.794.000	814.000	21,4	2.421.000	64,3	522.000	13,7
Въ концѣ 1890 г.	4.235.000	916.000	21,7	2.699.000	63,8	583.000	13,8
Въ концѣ 1900 г.	4.735.000	1.071.000	22,6	3.011.000	63,6	614.000	13,0

Оптимистическій выводъ В. Охримовича основанъ, такимъ образомъ, не на вышеприведенныхъ данныхъ, которыя обнаруживаютъ за тридцать лѣтъ довольно сильный регрессъ русскаго элемента въ Восточной Галиціи въ процентномъ отношеніи, но на иныхъ цифрахъ. Этими послѣдними оказываются данныя, опредѣляющія относительный приростъ различныхъ этническихъ элементовъ въ населеніи страны и обнаруживающія, что съ каждымъ десятилѣтіемъ приростъ русиновъ становится бо-

лѣе сильнымъ (для двухъ послѣднихъ десятилѣтій, однако, слѣдуетъ прибавить, эта разница почти незамѣтна). Именно, мы находимъ:

Относительный приростъ населенія.

	Всего населенія.	Русиновъ.	Поляковъ.	Евреевъ.
въ 1869—1880 г.	11,6%	8,4%	15,1%	22,5%
въ 1880—1890 г.	11,6%	11,5%	12,4%	11,7%
въ 1890—1900 г.	11,8%	11,6%	16,9%	5,3%

Если изъ этихъ данныхъ можно почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе для національнаго сознанія, встревоженнаго непрерывно растущимъ относительнымъ уменьшеніемъ русскаго элемента въ населеніи страны, то едва ли все же возможно строить на основаніи ихъ какія-либо надежды на ближайшее будущее. Поляки, составляющіе въ Западной Галиціи 88,2% въ населеніи (при 7,7% евреевъ и 3,8% русскихъ), все время усиливаются и въ Восточной. Слѣдовательно, если въ политическихъ построеніяхъ исходить изъ дѣйствительныхъ національныхъ отношеній, существующихъ въ странѣ, то эти построенія должны быть признаны въ настоящее время для русскихъ уніатовъ въ Вост. Галиціи не болѣе благопріятными, чѣмъ десятки лѣтъ тому назадъ. Это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки политической борьбы, происходящей въ этой странѣ. Именно, требованіе раздѣленія Галиціи на двѣ административныя, автономныя и національныя области, на Восточную, гдѣ долженъ господствовать русскій (украинскій) элементъ, и на Западную, которая признается всецѣло польской,—это требованіе встрѣчается съ указаніями статистики на все возрастающую численность польскаго элемента и въ Вост. Галиціи. Такимъ образомъ рѣшительный отказъ польскихъ политическихъ партій отъ программы раздѣленія Галиціи объясняется, въ сущности, такъ же, какъ и отказъ чеховъ отъ раздѣленія Чехіи на нѣмецкую и чешскую половины.

Благодаря компромиссу съ верховной властью, поляки Галиціи пріобрѣли свободу національнаго развитія. Конституція 1867 г., для всѣхъ странъ одинаковая, на практикѣ дала полякамъ Галиціи гораздо большія права національнаго самоуправленія, чѣмъ, напр., словинцамъ или даже чехамъ. Вліяніе, которое оказывало парламентское польское «коло» на ходъ общегосударственной политики, ставило автономную національную жизнь Галиціи внѣ всякихъ подозрѣній въ лойяльности, и этимъ обстоятельствомъ поляки широко воспользовались для того, чтобы превратить Галицію въ «Пьемонтъ», гдѣ ярко пылало пламя національной жизни, пригашенное въ княжествѣ Познанскомъ и въ Царствѣ Польскомъ. Краковъ, сдѣлавшійся центромъ духовной жизни всего польскаго народа, благодаря старому Ягеллонскому университету, Академіи наукъ и цѣлому ряду другихъ учрежденій, привлекалъ къ себѣ паломниковъ изъ всѣхъ частей Польши. Здѣсь постоянно происходили польскіе ученые и національные съѣзды, здѣсь складывались политическія программы партій національной борьбы [1]). Имп. Францъ-Іосифъ поддерживалъ эту ключомъ бьющую политическую жизнь, и, конечно, поступалъ весьма предусмотрительно, такъ какъ польской преданности къ старому императору, казалось, не было границъ.

Въ 1879 г. въ Краковѣ былъ устроенъ юбилей Крашевскаго, на который собираются тысячи народа изъ всей Польши. Затѣмъ въ Краковѣ происходили такія общепольскія національныя торжества, какъ открытіе памятника Мицкевича, перенесеніе его праха въ древній соборъ Ва-

[1]) Какъ это волновало русскіе офиціальные круги, видно изъ возмущеній В. Гурко (В. Р.) въ «Очеркахъ Привислянья». 1897.

вель, гдѣ покоятся тѣла польскихъ королей, юбилей возстанія Костюшки, 500-лѣтній юбилей битвы при Грюнвальденѣ и открытіе памятника Ягеллѣ и др. Въ то время, какъ Львовъ становился, чѣмъ дальше, тѣмъ больше очагомъ самой ожесточенной національной борьбы между поляками и украинцами и между польскими и русскими партіями, Краковъ сохранялъ свое значеніе невозмутимаго національной распрей средоточія народной жизни. Но общая перемѣна въ структурѣ польскаго народа, происходившая за послѣднія 50 лѣтъ, отразилась и на политической жизни Галиціи и на партійныхъ отношеніяхъ въ самомъ Краковѣ. Именно, господство консервативной и клерикальной партіи, которой въ пріобрѣтеніи автономіи для Галиціи принадлежатъ крупнѣйшія заслуги, мало-по-малу стало колебаться, и одна за другой возникали радикально-національначеская, прогрессивная буржуазная, крестьянская народная, соціалистическая рабочая партіи. Правительство Галиціи до самой войны принадлежало къ названной консервативной партіи; ей же было присуще еще значительное вліяніе въ автономномъ Галиційскомъ сеймѣ и въ Вѣнскомъ парламентѣ, но это вліяніе ей уже приходилось раздѣлять съ другими партіями.

Бросимъ взглядъ на исторію этихъ партій. По значеніи ея и по хронологическому старшинству первое мѣсто принадлежитъ консервативной, и на ней я остановлюсь сначала, пользуясь при изложеніи времени до 1906 г. названной выше книгой В. Фельдмана. Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда образовалась эта партія, Галиція была почти всецѣло земледѣльческой страной; 83,5% ея населенія были заняты земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ и лишь 9% промышленностью и торговлей, тонъ жизни давали дворянское землевладѣніе и элементы, сумѣвшіе подчинить его своему политическому вліянію. Такими были представители польской интеллигенціи, Смолька, Земялковскій и др., которые сумѣли укрѣпить въ общественномъ сознаніи представленіе объ автономномъ строѣ страны, при сохраненіи полной лойяльности по отношенію къ цѣлому государству. При конституціонномъ равенствѣ всѣхъ сословій дворянство сохранило, однако, много имущественныхъ привилегій, какъ пережитокъ прежнихъ дворянскихъ землевладѣльческихъ отношеній; оно осталось политически господствующимъ сословіемъ, и ему же служили важныя финансовыя учрежденія. Служебная карьера, вліяніе при дворѣ—все это осталось привилегіей дворянства. При этомъ въ самомъ послѣднемъ не было ни политическаго, ни культурнаго единства: именно, типъ западно-галиційскаго шляхтича отличался отъ типа «подоляка», шляхтича изъ Вост. Галиціи, окруженнаго въ своемъ помѣстьи русинскимъ населеніемъ. Это были два различные типа, и послѣдній отличался большей косностью, большимъ сословнымъ единствомъ, меньшей приспособленностью къ требованіямъ политической жизни. Вождями консервативно-шляхетской мысли дѣлались, однако, мало-по-малу почти безраздѣльно «станчики» (партія, принявшая названіе «шутовъ» stanczyk'овъ отъ оскорбительнаго замѣчанія, брошеннаго имъ противниками, напоминавшими имъ о шутѣ одного изъ польскихъ королей Stanczyk'ѣ). Станчики группировались около газеты «Czas» (Время), которая возникла еще въ 1848 г. и выходитъ донынѣ, сохраняя значеніе весьма вліятельнаго партійнаго органа. Дѣятельность станчиковъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: «На (этомъ) пути мы получимъ, кажется, все, что можетъ пріобрѣсти для себя народъ, не пользующійся полнотою правъ независимости». Такъ писалъ одинъ изъ основателей польскаго политическаго консерватизма П. Попель, и хотя изъ противныхъ лагерей постоянно раздавались возраженія противъ того, что Галиція обязана именно станчикамъ своими національными завоеваніями, тѣмъ

не менѣе, въ созданіи чрезвычайнаго довѣрія, съ которымъ корона стала относиться къ польской аристократіи Галиціи, несомнѣнная заслуга принадлежала именно станчикамъ, а изъ этого довѣрія вытекало, въ свою очередь, благопріятное для Галиціи настроеніе въ Вѣнѣ. Эта побѣда досталась галиційскому консерватизму не сразу: только къ половинѣ 70-хъ годовъ лагерь консерваторовъ окончательно консолидировался. И въ продолженіе десятилѣтій тонъ всей жизни Галиціи, не только политической, давалъ этотъ консервативный лагерь.

Въ его тактикѣ и программѣ были и важныя достоинства, и отрицательныя стороны. «Мы поставили своимъ непремѣннымъ требованіемъ,— говорилъ Козьмянъ, одинъ изъ важнѣйшихъ руководителей партіи,— дѣлать всегда и вездѣ то, что можно сдѣлать, и никогда не хвататься за то, что невозможно. Это былъ очень простой принципъ, а между тѣмъ проведеніе его въ жизни создавало переворотъ въ нашей народной политикѣ послѣ раздѣловъ, перемѣну во взглядахъ и даже въ психологическомъ настроеніи общества, уже потому, что этотъ принципъ ставилъ разсужденіе выше увлеченія, расчетъ выше порыва». Здѣсь дана совершенно правильная оцѣнка общественнаго значенія консервативнаго принципа въ жизни галиційскаго общества. Онъ ознаменовывалъ конецъ романтизма, разрывъ съ требованіемъ «мѣрить свои силы мѣрою замысловъ». Общество дѣлалось трезвымъ и разумнымъ, подъ вліяніемъ этого требованія, но, можетъ-быть, только ужъ слишкомъ трезвымъ и разсудительнымъ, ужъ слишкомъ благоразумнымъ. Вслѣдствіе этого, партія недостаточно энергично отстаивала необходимыя для края экономическія реформы, оставивъ Галицію безъ каналовъ, безъ промышленности; вслѣдствіе этого въ обществѣ создался слишкомъ матеріальный складъ мысли, или, какъ выражается одинъ изъ галиційскихъ публицистовъ, «параличъ духа массы» [1]). Однако это обнаружилось и создалось не сразу, и въ продолженіе десятилѣтій станчики работали надъ подъемомъ политическаго сознанія въ обществѣ. Въ своей «Рѣчи о 1863 годѣ» Ст. Козьмянъ высказалъ прекрасную, здоровую мысль о цѣли консервативной партіи: «Она стремится къ тому, чтобы повсюду поляки стали, вмѣсто элементовъ разложенія, анархіи и бунта, элементомъ труда, политическаго строительства и общественнаго порядка». Поколѣнія, воспитанныя въ этомъ духѣ, обѣщали на всѣхъ поприщахъ приложенія труда выйти знающими и усердными работниками, хотя, можетъ-быть, и лишенными живыхъ общественныхъ интересовъ и слишкомъ легко мирящимися съ положеніемъ народной массы у себя дома и сородичей въ другихъ частяхъ прежней Рѣчи Посполитой. Въ своемъ стремленіи къ лойялизму консерваторы иногда впадали въ крайности, которыя отзывались уже просто реакціонностью. «Czas» и отдѣльные станчики опасались, напр., революціонизированія народной школы. Тарновскій, будучи ректоромъ, запретилъ студентамъ устраивать лекціи въ деревняхъ. Когда въ 1892 г. въ Краковѣ возникло «Общество народнаго просвѣщенія», то «Czas» началъ противъ него страстную атаку, опасаясь, что Общество недостаточно энергично будетъ поддерживать католическую церковь и т. д. (W. Feldman. I. 183). Позже, въ 1896 г., повторилось то же при созданіи «народнаго университета имени Мицкевича». Уже въ 1896 г. одинъ изъ консервативныхъ политиковъ, проф. Яворскій, заявилъ при основаніи «Консервативнаго клуба», что партія «въ настоящее время является представительницей одного класса, и потому ея общая программа не можетъ быть чужда классовыхъ интересовъ». Въ этомъ духѣ были

[1]) Psychopatya kraju przez lat 25 od stanczykostwa do skoncentrowanej demokracyi. Napisał autor «Polityki nerwów». Kraków. 1901.

проведены и нѣкоторыя мѣры, дававшія крупному землевладѣнію извѣстныя выгоды, и т. под.

Но, по мѣрѣ того, какъ консервативная политика становилась классовой шляхетской, она теряла свой престижъ въ демократическихъ массахъ, въ толщѣ буржуазіи, образовавшейся въ Галиціи съ семидесятыхъ годовъ. «Скупость большинства сейма въ вопросахъ школы,—говоритъ В. Фельдманъ, ссылаясь на тенденціозную брошюру Святломира «Ciemnota Galicyi w świetle cyfr i faktów»,—представляетъ просто что-то непостижимое. Въ то время, какъ 3.294 наши гмины не имѣли (въ 1884 г.) собственной школы, въ то время, какъ 1.349.692 жителей не могло пользоваться даже окрестными школами, и страна блистала въ статистикѣ печальной цифрой 3.787.298 безграмотныхъ въ возрастѣ выше 6 лѣтъ, въ это время галиційскій сеймъ назначилъ на расходы по просвѣщенію 370 тыс. гульденовъ, т.-е. сумму въ десять разъ меньше той, которую въ ту же пору назначилъ на нужды тамошнихъ народныхъ школъ чешскій сеймъ» [1]). Вообще, станчиковъ В. Фельдманъ обвиняетъ въ томъ, что они рѣшительно боролись противъ перепроизводства интеллигенціи, отъ котораго будто бы и безъ того страдаетъ Галиція. Упадокъ популярности консервативной партіи ко второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка вызвалъ необходимость созданія чего-нибудь новаго, сохранявшаго, по существу, старые лозунги, но выступающаго подъ новымъ флагомъ. Такой новой группой явился основанный въ 1896 г. «Консервативный клубъ». Самая программа его представляла нѣчто весьма скользкое, неопредѣленное и, по справедливому замѣчанію Фельдмана, софистическое. Дѣйствительно, «новая партія называла себя консервативной, потому что хотѣла пользоваться только легальными средствами для достиженія общественнаго блага, демократической потому, что стремилась гарантировать каждой индивидуальности равныя общественныя условія для развитія, и, наконецъ, противницей либерализма, потому что благопріятныхъ условій для развитія общества она не ожидала отъ свободной конкуренціи, но полагала, что найдетъ ихъ только въ организованной и обставленной правовыми нормами общественной дѣятельности». Какъ сочетать этотъ страхъ передъ свободной конкуренціей съ гарантіей равныхъ условій для развитія каждой личности? Не правъ ли Фельдманъ, упрекая создателей новой консервативной партіи въ неискренности, и указывая на то, что для консерватизма въ Галиціи въ эту пору уже не было ни нивы, ни круга дѣятельности?

Дѣятельность новой консервативной группы, которая начала съ сокрушительной критики прежней станчиковской политики, но вскорѣ пошла по тому же пути и расплылась въ старомъ консерватизмѣ, не принесла Галиціи ни экономическаго облегченія, ни внутренняго успокоенія. Она не могла уберечься и отъ нѣкотораго реакціоннаго оттѣнка, который обнаруживался особенно ярко въ страхѣ передъ демократіей, передъ новой демократической избирательной реформой выборовъ въ сеймъ и т. д. Въ Вост. Галиціи, гдѣ партія консерваторовъ получила нѣсколько иной характеръ и называлась «Подольской» (podolacy), къ лозунгамъ, которые руководили дѣятельностью западно-галиційскихъ «станчиковъ», присоединились еще національные, заключавшіеся въ организаціи польской земельной собственности и польскаго господства надъ русинскимъ населеніемъ. «Двойной антагонизмъ съ народомъ, экономическо-соціальный и національный, сдѣлался основой политики восточно-галиційской шляхты. Она раздѣляетъ всѣ недостатки, предразсудки

[1]) Слѣдуетъ прибавить, что съ тѣхъ поръ сеймъ давно измѣнилъ свое отношеніе къ народной школѣ, и «темнота Галиціи» сдѣлалась уже просто печальнымъ воспоминаніемъ, хотя, въ общемъ, положеніе народныхъ массъ осталось все же очень печальнымъ.

и общность интересовъ съ западно-галиційскими собратьями, но вдобавокъ чувствуетъ себя еще не на своей собственной почвѣ и постоянно опасается, что эта почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Отсюда вытекаетъ ея стремленіе сохранить status quo, которое превратилось въ консерватизмъ страстный, фанатическій, зачастую доходящій до обскурантизма. Классовая тенденція отождествила себя съ національной и создала высокій валъ, «о который разбиваются всякія стремленія и требованія духа времени» (Feldman. I. 229). Такую рѣзкую оцѣнку консерватизма въ Галиціи даетъ соціалистическій лагерь. Что касается народной демократіи, то въ виду того кризиса политической жизни, который пережила въ 1913 г. вся Галиція, она выставила, со своей стороны, весьма важныя обвиненія противъ консервативной партіи (ср. Gazeta Warszawska 22 нояб. 1913 г., 27—30 янв. 1914 г.). Именно, консерватизму со стороны народной демократіи ставится въ упрекъ его непониманіе того факта, что въ настоящее время политика уже не можетъ быть кабинетной, когда она опирается на придворныя связи и отношенія, но должна быть народной, считаться съ требованіями народныхъ массъ и выдвигать подлинныя народныя требованія. Хозяйничаніе станчиковъ въ Галиціи привело страну къ темнотѣ и бѣдствію, отдало всю ея промышленную жизнь въ руки евреевъ. Наконецъ, «польская политика въ рукахъ галиційскихъ консерваторовъ должна была все болѣе и болѣе терять свою независимость. Она оказывалась польской лишь настолько, насколько это позволяло австрійское правительство, и нерѣдко, приспособляясь къ видамъ этого послѣдняго, должна была внушать себѣ и публикѣ, что то, что является интересомъ правительства, оказывается таковымъ же и для народа». Политика станчиковъ была, по мнѣнію народной демократіи, прежде всего политикой классовыхъ интересовъ, интересовъ крупной земельной собственности. Ради этого» заставляли епископовъ запрещать съ церковной каѳедры сочиненія, невыгодныя для партіи; иногда даже препятствовали ксендзамъ произносить проповѣди противъ пьянства, такъ какъ трезвость могла отразиться на паденіи доходовъ корчмы, содержимой помѣщикомъ, и т. п. Насколько эти факты имѣютъ общее значеніе, я не знаю. Во всякомъ случаѣ, нападки различныхъ враждебныхъ партій на консерватизмъ въ Галиціи не лишены основанія, но не слѣдуетъ все же забывать и большихъ историческихъ заслугъ этой партіи въ эпоху борьбы за автономію. Если польское населеніе пріобрѣло здѣсь такія права, какихъ безнадежно требовало чешское населеніе Чехіи, то этимъ оно было обязано тѣмъ вліяніямъ, какія пріобрѣли въ Вѣнѣ польскіе аристократы, родоначальники галиційскаго консерватизма. Но всему приходитъ срокъ, и консерватизмъ, сыгравъ свою роль, долженъ будетъ уступить свое мѣсто инымъ. Однако на послѣднихъ выборахъ въ рейхсратъ консерваторы пріобрѣли много новыхъ голосовъ (въ 1907 г. 16 депутатовъ, въ 1911 г. 25), что все еще указываетъ на жизненность этой партіи. Но въ общей политической смутѣ, ознаменовавшей жизнь Галиціи въ 1913 г., не вышли безъ изъяна и консерваторы. Именно, вслѣдствіе указаній на причастность проф. Яворскаго къ дѣлу Стапинскаго и къ партійнымъ денежнымъ подкупамъ ему пришлось отказаться отъ мандата.

Консервативная партія получила въ 1911 г., во время послѣднихъ выборовъ, 137.199 голосовъ и провела 25 своихъ представителей. Вслѣдъ за ними идетъ «людовая» партія, которая получила 185.674 голосовъ, но провела лишь 24 члена (въ 1907 г. 17). Исторія этой партіи и ея современное положеніе также заслуживаютъ вниманія. Если консерваторы опирались по преимуществу на крупное помѣщичье землевладѣніе и на шляхту, то людовцы обратились къ народной массѣ, къ крестьянству, положеніе котораго оставалось долго и послѣ уничтоженія крѣпостного

права (1848) чрезвычайно тяжелымъ. Бѣдность и невѣжество висѣли надъ крестьянствомъ, помѣщикъ относился къ крестьянину враждебно и презрительно, крѣпко оберегалъ свои сервитутныя права, заставлялъ работать на себя сосѣда-мужика и т. д. Постепенно, однако, и въ этомъ отношеніи наступила перемѣна къ лучшему. Съ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія крестьянинъ просыпается для политической жизни; его будителемъ былъ ксендзъ Стояловскій, который почерпнулъ изъ Познани примѣры дѣятельности на поприщѣ экономической организаціи крестьянъ. Самому Стояловскому было далеко до тѣхъ высокихъ, самоотверженныхъ людей, которые создали національную оборону въ Познани. Онъ далеко не чуждался личныхъ цѣлей, но задача его была своевременной, и дѣло, которое онъ началъ, продолжали другіе. Среди нихъ надо поставить на первый планъ Б. Вислоуха, который съ 1886 г. сталъ редактировать журналъ «Przegląd Społeczny» и объединилъ около этого журнала демократически настроенныхъ радикаловъ. Широкая идея народности, основанной на пробужденіи низшихъ классовъ и ихъ привлеченіи къ національному строительству, составляла основу программы новой политической группы. Особенно удачно пошла пропаганда новыхъ идей, когда въ 1889 г. былъ основанъ журналъ «Przyjaciel Ludu», нашедшій доступъ къ сердцамъ крестьянъ. Изъ среды этихъ послѣднихъ выдвинулись люди, которые оказались въ состояніи взять на себя представительство народныхъ массъ въ парламентѣ. Это были Бойко и Станинскій. Послѣдній въ 1913 г. едва не погубилъ и самую партію, и внесъ большое замѣшательство въ политическую жизнь Галиціи. Бойко-идеалистъ и мечтатель, Станинскій, практикъ, не останавливающійся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Самая партія основалась только въ 1895 году. Ея программа выставляетъ *подготовку* къ введенію всеобщаго избирательнаго права, *стремленіе* къ равномѣрной раскладкѣ общественныхъ налоговъ, а прежде всего къ льготамъ для земледѣлія, промышленности и ремеслъ, *стараніе* провести демократическую реформу гмины и *поддержку* просвѣщенія народныхъ массъ. Въ этой программѣ нѣтъ ни опредѣленности, ни твердости. Это всеобщіе постулаты, которые должны были объединить около вождей низшіе классы народа. Но такъ какъ программа была лишена клерикальнаго характера, то кс. Стояловскій долженъ былъ выйти изъ нея, а епископская власть начала въ союзѣ со свѣтской преслѣдовать по деревнямъ сторонниковъ новой партіи, въ которой видѣли близкое родство съ ненавистнымъ соціализмомъ. Однако, преслѣдованія «панєвъ» только пробудили въ крестьянствѣ интересъ къ *своей* партіи, и на выборахъ 1895 г. крестьянская партія выбрала уже въ сеймъ 7 своихъ представителей. Но черезъ два года, при выборахъ въ рейсхратъ, людовцы потерпѣли сильное пораженіе; ихъ забивали соціалисты, которые выступали съ ясной классовой программой, и людовцы примыкали то къ одному, то къ другому изъ политически видныхъ и демократически настроенныхъ людей, даже къ своему недавнему противнику, кс. Стояловскому. Въ 1901 г., подъ вліяніемъ фанатика вредной и сумасбродной идеи государственнаго выдѣленія Галиціи (т. наз. wyodrębnienie Galicyi), Вл. Студницкаго, партія приняла и этотъ лозунгъ и выставила нѣсколько опредѣленныхъ національныхъ требованій. Наконецъ, въ 1903 г. была окончательно установлена программа «ludowo-demokratyczn»'ой партіи, которая стремилась превратиться въ партію всѣхъ низшихъ трудящихся классовъ, но на первый планъ выставляла все-таки требованія политическія и національныя. Съ этого времени людовцы получили большое распространеніе въ народныхъ массахъ, что объясняется, по мнѣнію В. Фельдмана (II 77), тѣмъ, что «программа и дѣятельность людовой партіи отвѣчала какъ разъ тѣмъ

настроеніямъ и тому слою, которые за послѣднія десять слишкомъ лѣтъ выдвинулись на первый планъ въ галиційской (мазурской) деревнѣ. «О томъ, что за ними есть еще другіе крестьяне, безземельные, батраки, поденщики, объ этомъ не очень-то и заботятся ни состоятельный крестьянинъ, ни партія. Вѣдь самъ крестьянинъ является своего рода аристократомъ, и его чувства выражаетъ партія людовцевъ». Симпатіи къ этой партіи съ этого времени были очень велики именно среди «аристократической» части деревенскаго населенія, зажиточныхъ крестьянъ, лавочниковъ, учителей и т. под. Въ то время, какъ Фельдманъ писалъ свою книгу, т.-е. около 1907 г., людовцы завладѣли уже до тысяча гминъ, цѣлымъ рядомъ финансовыхъ и просвѣтительныхъ деревенскихъ учрежденій; они создали во Львовѣ крестьянскій банкъ для распродажи земли мелкими участками (Bank Parcelacyjny). Наконецъ, они превратили крестьянство въ политическую силу, которая стала добиваться избирательной реформы на основахъ всеобщаго и равнаго права. Людовцы пользовались большимъ вліяніемъ на массы черезъ свою печать (Przyjaciel Ludu, Kurjer Lwowski) и черезъ учащуюся молодежь [1]). Вліяніе партіи настолько возросло, что ея вождь Стапинскій былъ избранъ вице-предсѣдателемъ парламентскаго Польскаго кола. Но здѣсь его ожидала бѣда. Его единомышленникъ по партіи, министръ для Галиціи Длугошъ, не вынесъ той атмосферы демагогіи и фальши, которая царила около Стапинскаго, и разоблачилъ этого послѣдняго, указавъ на его темную дѣятельность въ канадской колоніальной кампаніи, вербовавшей для себя жертвы въ Галиціи, на его подкупность, на ту роль, которую сыграла въ многочисленныхъ субсидіяхъ, получавшихся Стапинскимъ, и сама консервативная партія. Политическій скандалъ, созданный этими разоблаченіями, былъ настолько великъ, что Стапинскому пришлось сложить съ себя вице-предсѣдательство въ колѣ и предсѣдательство въ партіи (ноябрь 1913 г.). Въ концѣ же 1913 г. вышелъ въ отставку и министръ Длугошъ, который получилъ при отставкѣ всемилостивѣйшій рескриптъ. Разоблаченія вызвали расколъ въ партіи людовцевъ, изъ которой часть членовъ вышла. Вообще въ политической жизни Галиціи наступилъ кризисъ, который отразился на составѣ кола. «Въ настоящее время за предѣлами кола», писала «Gazeta Warsz.» (1 янв. 1914 г.), «стоятъ многочисленная группа польскихъ депутатовъ и украинцы. Можетъ дойти до того, что коло не будетъ обнимать большинства депутатовъ изъ Галиціи, что оно не будетъ имѣть рѣшающаго голоса при выборахъ въ делегаціи, что правительство перестанетъ съ нимъ считаться. Вѣдь подъ вліяніемъ послѣднихъ событій авторитетъ кола сильно упалъ. Польское общество въ Галиціи стоитъ передъ важной задачей возстановленія своего утраченнаго политическаго положенія въ Австріи. Эта задача чрезвычайно трудна, вслѣдствіе того, что польское общественное мнѣніе разбито, вслѣдствіе двусмысленнаго положенія консерваторовъ, въ виду интересовъ правительства, которое предпочитаетъ имѣть дѣло съ мелкими и зависящими отъ него группами, а не съ обширными, хорошо спаянными клубами». Изъ партіи людовцевъ, послѣ провала Стапинскаго, выдѣлилась на съѣздѣ въ Тарновѣ (21 дек. 1913 г.) новая группа, во главѣ съ Длугошемъ. Она поставила своей задачей объединить членовъ прежней около газеты «Kurjer Lwowski», возстановить моральный престижъ людовцевъ. Самъ Стапинскій былъ исключенъ на партійномъ съѣздѣ людовцевъ въ Тарновѣ изъ партіи, но изъ оставшихся ему вѣрными приверженцевъ образовалъ въ февралѣ 1914 г. новую партію «Союзъ лю-

[1]) Въ 1910 г. изъ партіи выдѣлилась незначительная группа, «Fronda ludowców niezawisłych», но этотъ расколъ не отразился на вліяніи Стапинскаго.

довцевъ», которому передалъ свой пай въ изданіи «Иллюстрированнаго курьера», купленный на тѣ 80 тыс. кронъ, которыя онъ получилъ отъ гр. Штюргка.

Изъ позднѣйшей исторіи людовцевъ въ Галиціи мы знаемъ слѣдующее. Партія разбилась на двѣ части, изъ которыхъ лучшіе элементы, сгруппировавшись около Длугоша и Бойки, стали издавать новый органъ «Piast», провозгласивъ необходимость безусловной борьбы со всяческимъ реакціонерствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрекаясь отъ связи съ соціализмомъ и стремясь привлечь въ своей лагерь демократично настроенное католичество. Въ мартѣ 1914 г. галиційская деревня превратилась въ арену жесточайшей борьбы между приверженцами Стапинскаго и сторонниками Длугоша. Стапинскій примкнулъ къ соціалистамъ и обрушился на правительство, не щадя рѣзкой брани и крайнихъ демагогическихъ пріемовъ. Галиційскій муравейникъ закипѣлъ. Варшавская печать (Kur. Warsz. 14 марта) не безъ юмора отмѣчала, какой грандіозный характеръ въ глазахъ мѣстныхъ политикановъ приняла эта борьба. Такъ, «пястовцы» спасали «честь польскаго народа въ глазахъ Европы», предлагали вступить въ политическій союзъ со Швеціей. Мало-помалу, однако, Стапинскій сталъ возвращать свое потрясенное вліяніе и сумѣлъ представить себя невинной жертвой враговъ, не понявшихъ его благородныхъ стремленій. «Пястовцы» оказались плохими организаторами и никакъ не могли выработать единой программы (еще въ маѣ 1914 г.), тогда какъ приверженцы Стапинскаго вели самую широкую агитацію. Наконецъ, 22 мая на собраніи въ Тарновѣ, гдѣ съѣхалось до 2000 человѣкъ, рѣшили организовать новую партію «Stronnictwo katolicko-ludowe», находящееся подъ руководствомъ ксендзовъ. Если къ этому прибавить образованіе въ концѣ 1913 г. еще одной политической группы «Związek społeczno-narodowy» (Kur. Warsz. 12 нояб. 1913 г.), стоящій въ союзѣ съ народной демократіей и близкій къ духовенству, то станетъ ясенъ разбродъ политической мысли въ Галиціи. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ та демагогія и неразборчивость въ средствахъ, которыя господствовали въ лагерѣ галиційскихъ украинцевъ.

Ожесточеніе въ борьбѣ дошло до того, что въ маѣ 1914 г. противники Стапинскаго схватили его на одномъ митингѣ и потащили въ поле, чтобы тамъ повѣсить. Въ полѣ произошелъ споръ, какъ казнить Стапинскаго: повѣсить или бросить въ рѣку, и это спасло несчастнаго демагога. Прибѣжавшіе изъ деревни люди отбили его. Картинка, въ высшей степени характерная для политической жизни Галиціи. Перейдемъ, однако, къ другимъ галиційскимъ партіямъ.

Вслѣдъ за консерваторами и людовцами наибольшее число голосовъ на выборахъ въ рейхсратъ въ 1911 г. получили народные демократы (demokracya narodowa): именно, 98.460 голосовъ. Это дало партіи 10 мандатовъ, что является значительнымъ упадкомъ по сравненію съ выборами 1907 г., когда партія пріобрѣла въ рейхсратѣ 14 своихъ представителей. Исторія народной демократіи въ Галиціи, главнымъ органомъ которой служило «Słowo Polskie», не представляетъ интереса. Главной ареной дѣятельности этой партіи служило Царство Польское, гдѣ народная демократія сумѣла организовать обширныя народныя массы на опредѣленныхъ національныхъ лозунгахъ. До 1905 г. это политика вражды къ Россіи, которая даже не удостаивается этого названія, а фигурируетъ только подъ именемъ «Москвы». Съ 1905 г. это политика реальной работы на открывшейся парламентской почвѣ и на столбцахъ легальной прессы. Уже въ концѣ 1904 г. партія устроила во Львовѣ съѣздъ, на которомъ приняла программу дѣйствій въ австрійской имперіи. Основнымъ положеніемъ ея явилось требованіе развитія націо-

нальной польской жизни во всѣхъ отрасляхъ самодѣятельности, политическаго и культурнаго существованія, и отстаиваніе принципа единства польскаго народа. Въ составъ партіи, которая перестала отпугивать своимъ революціоннымъ характеромъ консервативно-шляхетскіе элементы, вошли и выдающіеся политическіе дѣятели (С. Гломбинскій, впослѣдствіи министръ), и ученые, и др. Народная демократія требовала признанія полноты польскихъ національныхъ правъ и въ Вост. Галиціи; она враждебно относилась къ еврейству. Въ концѣ-концовъ, и эта партія не привела Галиціи ни къ успокоенію, ни къ обогащенію; ея представитель, С. Гломбинскій, потерпѣлъ крахъ въ своей политикѣ и долженъ былъ выйти въ отставку. Въ моментъ политическаго кризиса, пережитаго страной въ концѣ 1913 года, эта партія обнаружила такое же безсиліе взять на себя руководящую роль, какъ и другія. А партій въ Галиціи развилось чрезвычайно много, слишкомъ много для такой небольшой страны. Мы находимъ здѣсь и просто демократовъ (84.181 гол. на выборахъ 1911 г.), и прогрессивныхъ демократовъ (всего 2.933 голоса на выборахъ въ рейхсратъ), и безпартійныхъ демократовъ (4.302 голоса, полученные только въ городахъ) и др. Болѣе значительную величину представляютъ соціалистическія партіи, раздѣляющіяся на національную (польскую соціалистическую партію съ отдѣлившейся отъ нея и враждебной ей «боевой» фракціей, которая съ большимъ или меньшимъ правомъ именно себя и считаетъ настоящей соціалистической партіей) и на соціалъ-демократическую. На послѣднихъ выборахъ въ рейхсратъ соціалистамъ удалось провести 7 своихъ представителей. Повидимому, ихъ успѣхъ въ странѣ возросталъ, такъ какъ на послѣдующихъ дополнительныхъ выборахъ проходили опять соціалисты: такъ, когда Корытовскій, назначенный послѣ Бобржинскаго намѣстникомъ Галиціи, сложилъ свой мандатъ, вмѣсто него былъ выбранъ соціалистъ (Słowo, 29 дек. 1913 г.). Въ послѣднее время Польское коло въ Вѣнѣ представляло мало національной солидарности, что отражало общее тревожное и печальное состояніе Галиціи [1]).

Перейдемъ къ обзору экономическаго состоянія Галиціи. Вся эта страна въ польской и въ русской своихъ частяхъ является краемъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ какъ сельскимъ хозяйствомъ здѣсь занято 77 проц. населенія. Галиція занимаетъ около 8 милл. гектаровъ, изъ которыхъ на долю пахатной земли приходится почти половина (3.800 тыс. гект.). Всего же занято годной для хозяйства землей, включая сюда лѣса, озера, пастбища, луга и т. д., 7576 тыс. гектаровъ. На этомъ количествѣ земли устроилось хозяйствъ 1.008.541 (всѣ эти данныя относятся къ статистикѣ 1910 г.), такъ что, въ среднемъ, на одно хозяйство приходится 7,8 гектара. При обширныхъ размѣрахъ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ владѣній это среднее ариѳметическое указываетъ на очень низкое количество земли въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ. Дѣйствительно, изъ этого милліона хозяйствъ почти 42 проц. обладаетъ количествомъ земли меньше 2 гектаровъ (т.-е. 1,83 десят.): 426.501 хозяйствъ. Затѣмъ, около 38 проц. (376.574 хоз.) хозяйничаетъ на пространствѣ 2—5 гектаровъ (т.-е. 1,83—4,58 дес.). Слѣдовательно, 80 проц. всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ обладаетъ ничтожнымъ количествомъ земли, не достигающимъ 5 десятинъ. Отъ 5 до 20 гект. (4,58—18,3 дес.) владѣетъ 189.138 хозяйствъ (т.-е. ок. 19%) и отъ 20 до 100 гект. (отъ 18,3 до 91,5 дес.) уже всего 10.861 хозяйствъ (т.-е. 1,1%). Такимъ образомъ, на 79—80 проц. сельско-хозяйственной

[1]) Чрезвычайно яркой картиной того общаго политическаго и экономическаго упадка, въ которомъ событія войны 1914 года застали Галицію, является прекрасная и сильная статья В. Б. «Трагедія Галиціи» въ журналѣ «Kraj». (5 сент. 1914 г.).

бѣдноты приходится около 20—21 проц. зажиточныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Если бы при такихъ неолагопріятныхъ условіяхъ въ Галиціи была развита крупная фабричная промышленность, то указанное малоземелье еще не представляло бы такого непоправимаго зла для населенія. Однако, наблюдается совершенно противоположное. Ст. Гломбинскій осторожно замѣчаетъ (Polska. Obrazy i opisy. II. 824), что «общее экономическое состояніе населенія въ Галиціи менѣе благопріятно, нежели въ Царствѣ Польскомъ или въ Пруссіи. Главной причиной такого положенія вещей является прежде всего недостатокъ развитія общественнаго раздѣленія труда, именно: слабое развитіе крупной промышленности, недостаточное использованіе естественныхъ и національныхъ силъ края въ земледѣліи и горномъ промыслѣ, въ связи съ значительной густотой населенія и низкимъ уровнемъ просвѣщенія во многихъ мѣстностяхъ края». Статистика подоходнаго обложенія подтверждаетъ эти выводы: именно, лицъ, имѣющихъ годовой доходъ свыше 200 тыс. кронъ (80 тыс. руб.), въ Галиціи оказывается всего 16 человѣкъ, а людей съ доходомъ, превышающимъ 8 тыс. руб., всего было (1906) 904. Конечно, въ дѣйствительности эти числа надо нѣсколько увеличить, такъ какъ не всѣ доходы поддаются фиксаціи, но во всякомъ случаѣ, на населеніе въ 8 милл. какая-нибудь тысяча сравнительно богатыхъ людей представляетъ процентъ чрезвычайно низкій. Капиталистическія формы производства еще весьма слабо задѣли Галицію, и въ этомъ отношеніи Галиція представляетъ еще въ большей мѣрѣ страну будущаго, нежели, напр., Царство Польское.

Ст. Гломбинскій въ цитированной выше статьѣ своей высказываетъ оптимистическія предположенія о постепенномъ подъемѣ экономическаго положенія Галиціи и, между прочимъ, указываетъ на «сильное парцелляціонное теченіе охватившее также фольварочное землевладѣніе, прежде всего въ Западной Галиціи, а въ послѣдніе годы равнымъ образомъ и въ Восточной». Обращаясь къ спеціальному изслѣдованію Ст. Грабскаго о парцелляціи въ Галиціи [1]), мы находимъ здѣсь менѣе бодрое настроеніе. За восемь лѣтъ (1897—1904) Земское Кредитное Общество въ Галиціи утвердило парцелляцію 102.651 морга, но, въ дѣйствительности, этотъ процессъ распродажи крестьянскихъ участковъ шелъ болѣе интенсивно, и, по мнѣнію Ст. Грабскаго, онъ долженъ былъ охватить по меньшей мѣрѣ 203½ тыс. морговъ, при чемъ съ начала XX вѣка этотъ процессъ идетъ все болѣе быстро. Общее количество раздѣленной на участки земли составляетъ за 15 лѣтъ съ 1890 г. всего 11,9% земли, пригодной для этой цѣли, тогда какъ въ одномъ 1904 г. распарцеллировано до 50 тыс. морговъ, или 2,5% всей земельной собственности, подходящей для парцелляціи. Если такъ пойдетъ дальше, замѣчаетъ Ст. Грабскій, то въ теченіе 30—40 лѣтъ окончательно будетъ уничтожена путемъ парцелляціи средняя фольварочная земельная собственность. Въ странѣ останутся только, съ одной стороны, рядомъ съ общественной собственностью крупныя помѣщичьи владѣнія, съ другой—мелкія крестьянскія хозяйства. Такихъ мелкихъ хозяйствъ, имѣющихъ менѣе 2 гектаровъ земли, оказывается въ Галиціи, какъ указано выше, 426.501 на общее число 1.008.541 хозяйствъ вообще. Это число по сравненію съ Западной Европой оказывается еще не слишкомъ велико, такъ какъ въ Пруссіи въ общемъ оно составляетъ до 61½% всей земельной собственности, въ Вестфаліи доходитъ до 70%, въ княжествѣ Позпанскомъ до 60%. Такимъ образомъ Галиція еще только подвигается впередъ по тому пути, на которомъ

[1]) Parcelacya w Galicyi (оттискъ изъ трудовъ юридическаго съѣзда въ Краковѣ въ 1906 году).

такъ далеко зашла Зап. Европа, и на который едва вступило Царство Польское. Но при низкой культурѣ крестьянскаго населенія Галиціи и при традиціонномъ стремленіи выдѣлить каждому сыну участокъ земли получается дальнѣйшее, еще болѣе мелкое, дробленіе земли, возникаетъ чрезвычайная черезполосица и т. д. «Вся Польша отличается отъ Зап. Европы тѣмъ, что она обладаетъ только двумя крайними формами землевладѣнія, мелкой и крупной, что въ ней совершенно отсутствуютъ среднія звенья между мелкими крестьянскими хозяйствами и фольварками, владѣлецъ или арендаторъ которыхъ является только руководителемъ предпріятія, самъ не прилагая рукъ къ сельской работѣ». Между тѣмъ, такое разрушеніе фольварочнаго хозяйства посредствомъ парцелляціи не представляетъ при галиційскихъ земельныхъ отношеніяхъ большого шага впередъ. Въ значительной мѣрѣ этотъ процессъ сопровождается не устройствомъ новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ на новоприобрѣтенныхъ участкахъ земли, какъ въ Познани или въ Царствѣ Польскомъ. Отсюда вытекаетъ, какъ послѣдствіе такого способа землеприобрѣтенія, ненормально быстрый ростъ цѣнъ на земли, нужныя крестьянству, а также создаются различныя формы хищнической спекуляціи землей. Поэтому даже Парцелляційный банкъ во Львовѣ, имѣющій своей задачей предохранять крестьянство отъ такихъ спекулянтовъ, долженъ былъ поднять цѣны на земли несоразмѣрно съ тѣмъ, что стоитъ она, напр., въ Познани. Именно средняго достоинства земля продавалась по 616 кронъ (въ среднемъ) за моргъ, тогда какъ пахатная земля оцѣнивалась въ 1800 кронъ (т.-е. 720 р. за моргъ, или 1400 р. за десятину). Въ Познани же высококультурная земля продавалась по 462 кроны за моргъ (т.-е. всего 370 р. за десятину). «Дѣйствительная цѣнность земли у насъ,—говоритъ С. Грабскій,—въ соотвѣтствіи съ доходами, которые она даетъ, и съ капиталомъ, вложеннымъ въ ея культуру, должна быть, по крайней мѣрѣ, на 50% ниже, чѣмъ въ Кн. Познанскомъ. Между тѣмъ, фактическая цѣна ея у насъ выше на 33%» (т.-е. 462—616 кр.). Изучая данныя, относящіяся къ парцелляціонной дѣятельности двухъ учрежденій (Bank Parcelacyjny во Львовѣ и Towarzystwo Wzajemnej pomocy obywatelskiej въ Краковѣ), Ст. Грабскій указываетъ на то, что размѣры участковъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами для расширенія своихъ владѣній, въ среднемъ составляютъ 2,7 морга; иными словами, «около 80% совершонныхъ (въ Галиціи) сдѣлокъ съ землей было заключено безъ всякаго вниманія къ тому, получитъ ли страна какую-нибудь компенсацію за уничтоженіе такого сельско-хозяйственнаго предпріятія, какимъ былъ фольваркъ, и *дѣйствительно, съ общей экономической точки зрѣнія имѣло, по преимуществу, только разрушительный характеръ*». Въ результатѣ, земледѣльческая культура значительно понижается. По вычисленію автора доклада о парцелляціи въ Галиціи, окончательный результатъ операцій, совершонныхъ (двумя названными выше учрежденіями) въ области распродажи сосѣднихъ участковъ, оказывается съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной техники и производства понижеміемъ на 20% культуры распарцеллированной земли. Не лучше представляется дѣло и при распродажѣ участковъ для колонизаціи (przy parcelacyach osadniczych), совершонной Парцелляційнымъ банкомъ. Здѣсь 34% идетъ на поселенія карликовыя, такъ что 34% распроданной земли понижается въ своей культурѣ. Наконецъ, что налагаетъ еще болѣе мрачные оттѣнки на всю эту печальную картину, большая часть земельныхъ сдѣлокъ совершается не по иниціативѣ крестьянства, но вслѣдствіе уговоровъ банковскаго агента, спекулирующаго землей. Такимъ образомъ, полагаетъ г. Грабскій, парцелляція въ Галиціи не смягчаетъ экономическихъ контрастовъ въ области землевладѣнія, но только

углубляетъ ихъ. Какъ же высока производительность земледѣлія въ Галиціи? Какъ высокъ ея культурный уровень? Какъ докладывалъ въ Парижѣ львовскій экономистъ А. Щепанскій въ маѣ 1914 г., положеніе Галиціи въ экономическомъ отношеніи очень печально: только крестьянское хозяйство въ 8 морговъ (4 десят.) можетъ обезпечить въ этой странѣ сносное существованіе крестьянину и его семьѣ, между тѣмъ, какъ 62% всѣхъ хозяйствъ не достигаетъ даже 3 морговъ. Крупная земельная собственность обрабатывается также небрежно, и на всю Галицію приходится только 2 сахарные завода. Дренажъ и интенсивная обработка земли рѣдкость. Между тѣмъ Галиція вовсе не бѣдна естественными богатствами; ея залежи каменнаго угля превышаютъ всѣ вмѣстѣ взятыя залежи угля въ Австріи; соль найдена болѣе чѣмъ въ 500 мѣстахъ, но разрабатывается всего въ 11. Водная сила, которая могла бы создать крупную промышленность, совершенно не эксплуатируется (см. Kur. Warsz. 9 мая. 1914 г.). Это положеніе страны, для которой австрійское правительство сдѣлало слишкомъ мало, внушало уже передъ войной опасеніе въ смыслѣ симпатій угнетеннаго населенія русскому завоеванію (см. докладъ проф. Нейрата въ Вѣнѣ Kurjer Warszawski. 26 апр. 1914 г.).

Всего было собрано въ Австріи, западной и восточной частяхъ Галиціи въ среднемъ за 1900—1911 г. и въ 1911 г.:

Родъ хлѣба и пр. (въ центнерахъ).	Сборъ съ гектара въ Австріи:		Сборъ съ гектара Запад. Галиція.		Сумма зъ т. кр.	Сборъ съ гектара Восточ. Галиція.		Сумма зъ т. кр.
	въ 1900—1910 гг.	въ средн. въ 1911 г.	въ 1900—1910 гг.	въ 1911 г.	въ 1911 г.	въ 900—1910 гг.	въ 1911 г.	въ 1911 г.
Пшеница	13,2	13,2	10,0	11,5	29,773	11,4	12,7	108,344
Рожь	13	13,1	97	11,2	52,762	9,9	12,2	86,111
Ячмень	14	14,8	9,6	11,1	19,760	9,7	13,3	47,832
Овесъ	12,5	12,1	10,0	11,1	48,138	8,6	12,5	84,024
Картофель	—	107	98,9	105,7	—	117,2	135,9	—
Бураки	250	152,2	**вся Галиція съ гектара въ 1911 г. въ среднемъ 323,2 центнера.**					
Кукуруза	—	10,0	**вся Галиція съ гектара въ 1911 г. въ среднемъ 11,5 центнера. 1 центнеръ = 100 килограм.**					

Изъ этой таблицы видно, что производство хлѣбовъ въ Восточной Галиціи оказывается болѣе выгоднымъ, чѣмъ въ Западной, или что въ первой культура земли стоитъ выше, чѣмъ во второй, но что въ общемъ Галиція по своей продукціи съ гектара уступаетъ большинству другихъ австрійскихъ земель. Однако, цифры для 1911 г оказываются во всѣхъ рубрикахъ выше, чѣмъ въ среднемъ, за первое десятилѣтіе XX вѣка. Въ общемъ же и языкъ цифръ гласитъ такія же печальныя вещи, что и приведенный выше докладъ Ст. Грабскаго, но все же даетъ возможность для болѣе оптимистическихъ ожиданій, такъ какъ указываетъ на приростъ производительности сельскаго хозяйства. Что касается скотоводства въ Галиціи, то статистика его обнаруживаетъ плачевный упадокъ и этой отрасли хозяйства, который, впрочемъ, распространяется не на одну Галицію, но и на всю Австрію. Именно, во всѣхъ австрійскихъ земляхъ насчитывалось въ 1910 году 9.159.807 штукъ рогатаго скота, что представляетъ уменьшеніе его сравнительно съ 1900 г. на 3,7 проц. Въ Галиціи насчитывалось въ 1910 г. 2.505.079 штукъ рогатаго скота съ убылью по сравненію съ 1900 г. на 7,8%; въ это же время въ Чехіи, въ

Моравіи, въ Истріи наблюдался непрерывный ростъ этой отрасли скотоводства. Зато сильно возросло свиноводство, приростъ котораго въ Галиціи составилъ въ 1910 году сравнительно съ 1900 г. 46,3 проц. (во всей же Австріи 37,4), при чемъ число свиней въ Галиціи равнялось въ 1910 г. по даннымъ Даманда 1.835.464 штукъ, по даннымъ же «Statist. Handbuch» за 1911 г. 1.835.935. Разведеніе овецъ, наоборотъ, упало и продолжаетъ падать съ угрожающей быстротой, впрочемъ, не въ одной Галиціи, но и въ Чехіи и почти во всѣхъ другихъ земляхъ Австріи. Въ этой области скотоводства возрастаетъ только производство въ Буковинѣ и Далмаціи; съ переходомъ же къ высшей культурѣ овцеводство, повидимому, повсюду падаетъ. Число овецъ въ Галиціи равнялось въ 1880 г. 609.253, а въ 1910 г. всего 358.953 штукъ. Повидимому, уменьшилось по сравненію съ 1900 г. и количество лошадей въ Галиціи, составлявшее въ 1900 г. въ Галиціи 905.807 головъ, но въ этой области у меня нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Нѣкоторый свѣтъ на жизнь галиційской деревни проливаетъ дѣятельность Общества «Сельско-хозяйственныхъ кружковъ» (Kółka rolnicze), которое было основано въ 1882 г. Въ уставѣ общества (по изд. 1910 г.) «членомъ кружка можетъ *и должно* стать каждое лицо христіанскаго происхожденія, живущее въ мѣстѣ пребыванія сельско-хозяйственнаго кружка, ведущее безукоризненную жизнь и добровольно заявляющее о готовности своей вступить въ кружокъ и участвовать въ его дѣятельности». Взаимная помощь въ матеріальныхъ дѣлахъ и въ моральныхъ вопросахъ ставится основной цѣлью кружковъ, идея которыхъ была заимствована изъ Познани. Крупное землевладѣльческое дворянство, высшее духовенство и т. д. оказали поддержку кружкамъ, которые пріобрѣли, такимъ образомъ, консервативный и такъ сказ. «государственный» характеръ. Въ 1909 г. (послѣдній отчетъ, который былъ у меня въ рукахъ) въ обществѣ участвовало 1470 кружковъ, приславшихъ отчеты. Предсѣдателями ихъ были сами крестьяне (57%), ксендзы (23%), владѣльцы имѣній (5,85%), учителя (7,34%) и др. Въ указанныхъ кружкахъ насчитывалось 62.203 члена. На развитіе Общества бросаютъ свѣтъ нѣкоторыя цифры: въ 1906 г. кружковъ было 1.235, въ 1907 г. 1.295, въ 1908 г. 1.340 и въ 1909 г. 1.470; число членовъ въ 1907 г. 51.079, въ 1908 г. 52.375. Кружки пріобрѣтали машины, сѣмена, плодовыя деревья, искусственное удобреніе и т. д.; они вводили улучшенные способы обработки земли, дренажъ; устраивали пожарныя команды; основывали потребительскія лавки, выписывали газеты и журналы и т. д. Для ознакомленія крестьянъ съ улучшенными формами сельскаго хозяйства устраивались публичныя лекціи и цѣлые курсы, продолжающіеся три дня, а также сельско-хозяйственныя выставки. Насколько крупные размѣры принимаетъ дѣятельность главнаго управленія общества, видно изъ того, что въ 1909 г. его торговое посредничество выразилось въ суммѣ 3.225.730 кронъ. Просвѣтительныя цѣли обслуживаются Обществомъ, какъ кажется, не столь энергично, какъ хозяйственныя: такъ, за 27 лѣтъ своего существованія (въ 1909 г.) оно выпустило въ свѣтъ всего 45 брошюръ, и въ 1909 г. пріобрѣло для кружковъ книгъ на сумму всего 540 кронъ (затѣмъ въ 205 кружковъ разослало 12.987 книжекъ); крестьянскіе хоры и любительскіе спектакли устраивались во многихъ кружкахъ, но едва ли этой сторонѣ дѣятельности ихъ можно придавать сколько-нибудь серьезное значеніе. Подъемъ сельскаго хозяйства, сама по себѣ цѣль въ высокой степени важная, и общество чрезвычайно полезно, поскольку трудится надъ осуществленіемъ этой задачи. Отчетъ за 1909 г. констатируетъ глубокій переворотъ, наблюдающійся въ галиційской деревнѣ. «Перемѣнились въ деревнѣ и продолжаютъ из-

мѣняться прежде всего люди. Нашъ крестьянинъ становится въ полномъ значеніи этого слова гражданиномъ страны и членомъ народа. Крѣпнетъ съ каждымъ днемъ народное сознаніе, а вмѣстѣ съ нимъ становится могущественнѣе чувство единства. Вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ вырастаетъ потребность коллективной работы, которая распространяется на всѣ поприща труда». Подъ вліяніемъ мѣстнаго правительства въ послѣднія 10 лѣтъ среди крестьянства сталъ просыпаться интересъ къ садоводству, завелись школы (всего 15), но взять въ свои руки торговли плодами не удалось; русины, наоборотъ, сумѣли сами организовать кое-гдѣ эту фруктовую торговлю, прежде находившуюся всецѣло въ еврейскихъ рукахъ (Dziennik Polski. 21 іюня 1914 г.).

Обратимся теперь къ галиційской промышленности. Въ своемъ очеркѣ: «Какъ мы работаемъ?», вышедшемъ въ 1912 г., Журавъ (псевдонимъ) рисуетъ не менѣе печальную картину, чѣмъ та, которую набросалъ въ своемъ докладѣ о парцелляціи Ст. Грабскій. «Въ послѣдніе годы,—разсказываетъ авторъ въ предисловіи,—я совершалъ поѣздки по Галиціи пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ, отъ мѣстечка къ мѣстечку, чтобы изучить для удовлетворенія собственной любознательности положеніе нашей торговли и промышленности. Я видѣлъ картины печальныя, очень печальныя. Въ странѣ повсюду раздается горячій призывъ поддерживать мѣстную промышленность; все общество настойчиво требуетъ изгнанія чужихъ товаровъ; даже дитя понимаетъ важность этого вопроса. А то сословіе, которое могло бы извлечь отсюда важнѣйшія выгоды, которое должно было бы съ напряженіемъ всѣхъ силъ, всей энергіи и трудоспособности развить эту программу, держится не только равнодушно, но даже пессимистически и враждебно по отношенію къ этимъ стремленіямъ. Причины заключаются въ политикѣ національной, религіозной и финансовой». Галиційской промышленности авторъ ставитъ въ вину прежде всего косность, отсутствіе хорошей организаціи торговли, недостатокъ коммерческой добросовѣстности, сознанія своего достоинства и долга, наконецъ, пренебрежительное отношеніе общества къ торговлѣ. Вслѣдствіе этого притока живыхъ и интеллигентныхъ силъ въ область торговли нѣтъ, и она обречена на отсталость и застой. Ту же картину подтверждаетъ въ своей парламентской рѣчи (29 нояб. 1911 г.) Гётцъ-Окоцимскій, который говоритъ слѣдующее: «Безъ щедрой помощи со стороны правительства мелкая промышленность, и безъ того борющаяся съ большими трудностями, должна была бы безспорно въ короткое время погибнуть; обѣдненіе бѣднаго ремесленника и промышленника въ маленькихъ галиційскихъ мѣстечкахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ путей сообщенія, представляетъ явленіе прямо угрожающее». Помогутъ ли призывы и предостереженія Журава?

Обратимся опять къ статистикѣ. Добыча каменнаго угля въ Галиціи занимала въ 1910 г. всего 6.421 рабочихъ (въ томъ числѣ мужчинъ 5.977), тогда какъ судетскій районъ (Чехія, Моравія и Силезія) занималъ свыше 63 тыс. рабочихъ. И производство каменнаго угля въ Галиціи было также скромно: всего $13^1/_2$ милл. центнеровъ (меньше 10% всего австрійскаго производства) на сумму 10 милл. кронъ. Притомъ это число оказалось наиболѣе высокимъ за весь періодъ 1901—1910 гг. Добыча бураго угля производится въ еще болѣе ничтожныхъ размѣрахъ: въ 1910 г. она занимала всего 441 рабочаго (въ Чехіи 35.656), и стоимость добычи не достигала 480 тыс. кронъ (во всей Австріи свыше 251 милл. кр.). Добыча рудъ желѣза, олова и цинка была равнымъ образомъ ничтожна: въ то время, какъ одна Чехія въ 1910 г. дала этихъ рудъ на 162 милл. кронъ, производство Галиціи едва превышало $11^1/_2$ милл. кронъ. Зато Галиція занимаетъ первое мѣсто въ Австріи по

добычѣ соли: изъ 45 милл. кронъ стоимости этой добычи во всей Австріи на долю Галиціи приходится $17^1/_2$ милл., при чемъ эта отрасль добывающей промышленности даетъ заработокъ 3.200 рабочимъ. Обрабатывающая горная промышленность сосредоточивается почти исключительно на обработкѣ цинка (только въ Галиціи и Штиріи изъ всѣхъ австрійскихъ земель) на сумму около 4 милл. кронъ. Въ общей сложности горная промышленность въ Галиціи давала въ десятилѣтіе 1897—1906 въ среднемъ по 50 милл. кронъ въ годъ, и едва ли она превышаетъ эту скромную цифру и теперь. Между тѣмъ, Галиція вовсе не бѣдна естественными богатствами, такъ, напр., еще въ 1908 г. было констатировано, что страна обладаетъ залежами каменнаго угля въ 25 милліардовъ тоннъ, и что этотъ уголь вполнѣ могъ бы выдержать конкуренцію верхнесилезскаго. По словамъ Буяка (Bujak. II 183), «центръ тяжести австрійскихъ залежей угля лежитъ въ Западной Галиціи. Дальнѣйшія изслѣдованія, несомнѣнно, покажутъ, что наши запасы значительно богаче даже верхнесилезскихъ, которыя до глубины 1000 м. насчитываютъ 62,8 милліардовъ тоннъ. Въ виду этого и главное значеніе австрійской добычи каменнаго угля долженъ будетъ понемногу переселяться въ Галицію». Но для успѣшнаго сбыта этого угля и развитія его добычи Галиція должна обладать дешевымъ транспортомъ по каналу въ направленіи къ Вѣнѣ и Альпамъ. Къ тому же, непрерывно возрастающая добыча угля во всемъ мірѣ, а прежде всего въ Соед. Штатахъ, должна еще болѣе помѣшать развитію каменноугольной промышленности въ Галиціи, которая и теперь уже не можетъ поглотить для своихъ надобностей добываемый въ ней уголь. Тѣмъ не менѣе, она вынуждена для цѣлей своей фабричной промышленности ввозить уже теперь угля больше, чѣмъ сама производитъ его. Это объясняется качествами галиційскаго угля, который не даетъ коксу. Буякъ указываетъ на то, что лишь съ 1909 г. желѣзнодорожные тарифы перестали препятствовать распространенію галиційскаго угля. Если Галиція разовьетъ у себя фабричную промышленность, и приспособитъ фабричныя печи къ мѣстному углю, то, пользуясь этимъ послѣднимъ, она можетъ сильно поднять свое промышленное производство.

Для характеристики промышленнаго развитія Галиціи прибѣгнемъ опять къ статистикѣ. Она показываетъ, что количество фабричныхъ заведеній здѣсь непрерывно возрастаетъ въ такой пропорціи: 850 (1903), 889 (1905), 926 (1907), 991 (1909) и 1067 (1909). Если сравнить этотъ приростъ хотя бы съ чешскимъ (1903: 4.827; 1911 : 6.203), то онъ не покажется значительнымъ, онъ втрое слабѣе чешскаго, гдѣ въ концѣ 1910 г. работало 15.256 паровыхъ котловъ (въ Галиціи всего 5.204), но все же нѣкоторый прогрессъ наблюдается и здѣсь. Общее число рабочихъ и ремесленниковъ въ Галиціи составлялъ (въ 1902 г.) 310.385 человѣкъ, при чемъ на Краковскій округъ приходилось 102.347, т.-е. всего около $^1/_3$ всѣхъ рабочихъ и ремесленниковъ области. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что польская, западная часть Галиціи еще бѣднѣе въ промышленномъ отношеніи, нежели восточная, русская часть. «По сравненію съ цѣлымъ государствомъ,—говоритъ Буякъ (II. 241),—Галиція чрезвычайно бѣдна въ промышленномъ отношеніи. Занимая 26% всей поверхности государства и будучи населена 28% всѣхъ его жителей, эта страна обладаетъ только $15{,}8\%$ промышленныхъ заведеній, $10{,}1\%$ людей занятыхъ въ промышленности и, наконецъ, только $5{,}5\%$ паровыхъ конскихъ силъ, обслуживающихъ промышленность. По этимъ даннымъ приходится признать галиційскую промышленность чрезвычайно слабо развитой и крайне отсталой въ техническомъ отношеніи. Галиція имѣетъ почти въ два раза меньше промышленныхъ заведеній, нежели Че-

хія; галиційскія заведенія очень мелки, и въ нихъ работаетъ въ $2^1/_2$ раза меньше народа, а стоятъ они, въ общемъ, на уровнѣ прежняго ремесла, разъ обладаютъ въ $6^1/_2$ разъ меньшимъ числомъ двигательныхъ силъ, нежели Чехія». Еще рѣзче эти черты галиційской промышленности выступили въ годы экономическаго кризиса, вызваннаго нѣсколькими мобилизаціями передъ войной 1914 г. въ 1908—1913 г. Ольшевскій констатируетъ въ это время ростъ числа фабричныхъ заведеній при чрезвычайномъ ихъ раздробленіи, что представляло явленіе ненормальное и опасное. Вслѣдствіе основного различія въ характерѣ промышленности въ Галиціи и въ другихъ австрійскихъ земляхъ, иначе распредѣляются по спеціальностямъ и рабочія силы. Въ то время, какъ во всей австрійской имперіи на первомъ планѣ стоитъ ткацкая промышленность, занимающая 16,5% всѣхъ рабочихъ силъ, въ Галиціи это мѣсто принадлежитъ портняжному ремеслу (21,9%), а ткацкая промышленность поглощаетъ лишь 10% рабочихъ рукъ. Зато всѣхъ опережаетъ Галиція въ промыслѣ гостиничномъ (съѣстные припасы: 15.600 заведеній, 42.622 трудящихся; гостиницы и харчевни: 17.277 заведеній, 39.455 занятыхъ лицъ). Но эта послѣдняя рубрика скорѣе даетъ представленіе о развитіи мелкихъ кабачковъ въ Галиціи, корчемъ и т. п., нежели о дѣйствительномъ подъемѣ промышленной жизни.

Что касается сравненія промышленнаго развитія двухъ частей Галиціи, то Буякъ полагаетъ, что западная польская часть, хотя и не представляетъ большаго развитія промышленности, но стоитъ выше по оборудованію этой послѣдней: изъ предпріятій, которыя занимаютъ лишь по 1 человѣку, на Западную Галицію приходится всего 19%. Въ то время, какъ въ среднемъ въ Краковской торговой палатѣ на одно заведеніе приходится по 3 трудящихся, въ Львовской палатѣ это отношеніе выражается числомъ $2^1/_2$, а въ самой отсталой, Бродской, всего 2. И домашняя кустарная промышленность развита въ Западной Галиціи значительно больше, чѣмъ въ Восточной. Вообще сами по себѣ неблагопріятныя, все же западно-галиційскія промышленныя отношенія оказываются лучшими, чѣмъ восточно-галиційскія. Вообще же, по грустному замѣчанію Буяка, «галиційской промышленности безконечно далеко до порядковъ, господствующихъ въ (австрійскомъ) государствѣ». Мелкія предпріятія, занимающія одного-двухъ человѣка и переходящія въ разрядъ, скорѣе кустарнаго промысла, отсутствіе капиталовъ и т. д., составляютъ ея характерныя особенности.

Между тѣмъ, попытки поднять промышленность Галиціи дѣлались не разъ. Въ 1877 г. во Львовѣ была устроена выставка, въ 1881 г. маршалъ края (т.-е. глава исполнительной комиссіи сейма) Зыбликевичъ содѣйствовалъ учрежденію мѣстнаго банка, промышленной комиссіи, профессіональныхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ въ 1894 г. новая выставка во Львовѣ, въ 1901 г. промышленный союзъ въ Краковѣ, положившій начало Союзу фабричной промышленности въ Галиціи, должны были содѣйствовать той же цѣли, но, въ дѣйствительности, принесли мало результатовъ. Помѣхой для развитія промышленности въ Галиціи являются недостатокъ водныхъ путей и отдаленность отъ моря, а также зависимость отъ тарифной и таможенной политики Австріи. Съ другой стороны, увеличеніе населенія, огромный запасъ рабочихъ силъ, наличность внутренняго рынка, удовлетворительное оборудованіе сухопутныхъ путей и средствъ сообщенія говорятъ за возможность развитія извѣстнаго уровня промышленности и въ Галиціи. До сихъ поръ дѣло обстоитъ, однако, плохо, и противъ имѣющихся профессіонально-промышленныхъ учебныхъ заведеній Буякъ выдвигаетъ рядъ возраженій.

Какъ мы видѣли выше, въ обзорѣ политической жизни Австріи, въ Галиціи сильное возбужденіе общественнаго мнѣнія вызвалъ вопросъ о каналахъ. Этотъ вопросъ возникъ еще въ 1901 г., когда Керберъ, желая заручиться необходимымъ большинствомъ для парламентской работы, предложилъ рейхсрату грандіозный проектъ сѣти каналовъ для соединенія Эльбы съ Дунаемъ, Одера съ Вислой и Вислы съ Днѣстромъ. Работы должны были начаться въ 1904 году и закончиться въ 1915 г. На первый періодъ строительныхъ работъ, который долженъ былъ продолжаться до 1912 г., правительство должно было добыть путемъ займа 250 мил. кронъ. Но шелъ годъ за годомъ, а работы не начинались. Новыя вычисленія обнаружили, что стоимость работъ будетъ колоссальна. И вотъ въ 1910 г. бар. Бинертъ откровенно признался въ невозможности выполнить этотъ грандіозный планъ. Палата господъ согласилась съ его соображеніями, въ палатѣ депутатовъ большинство партій отнеслось къ нимъ индиферентно, но поляки, ближайшимъ образомъ задѣтые, были возмущены и грозили сдѣлать отсюда политическіе выводы. Осенью 1910 г. они и сдѣлали эти выводы: когда Бинертъ отказался дать имъ гарантію, что каналы будутъ выстроены, поляки голосовали противъ временнаго бюджета, и бар. Бинертъ былъ вынужденъ выйти въ отставку (12 дек. 1910 г.). Чего ждало польское общество отъ проведенія названной сѣти каналовъ, видно изъ брошюры инженера Хауснера: «Возрожденіе Галиціи и водные пути» [1]). Авторъ вычисляетъ относительную стоимость провоза различныхъ товаровъ по водѣ и по желѣзной дорогѣ и указываетъ, что провозъ хлѣба по водѣ оказывается на 42% дешевле, дерева 27%, угля 29%, желѣза 51% и т. д. Для земледѣлія каналы были бы полезны, кромѣ того, при доставкѣ искусственныхъ навозовъ; водою каналовъ можно было бы наполнять пруды, заливать луга и выгоны; но особенно цѣнны были бы эти сооруженія для подъема въ странѣ промышленности, безъ которой населеніе Галиціи уже не находитъ для себя заработка. Какъ ни справедливы доводы инженера, 637 мил. кронъ, нужныхъ для проведенія каналовъ въ одной Галиціи, не находилось.

Въ 1913 г. редакція газеты «Słowo Polskie» предприняла анкету о положеніи мѣстечекъ, которыхъ множество разбросано по Галиціи. Было получено немало типическихъ отвѣтовъ. Однимъ изъ такихъ является картина жизни въ мѣстечкѣ Стшижовѣ (Strzyżów), лежащемъ въ Зап. Галиціи на рѣкѣ Вислокѣ. Число жителей въ мѣстечкѣ составляетъ 2 238, въ томъ числѣ евреевъ 1.150; на предмѣстьѣ жителей 591, въ томъ числѣ евреевъ 36. За время съ 1900 по 1910 г. численность поляковъ упала на 2,2 проц., численность евреевъ, наоборотъ, возросла на 2 проц. Изъ 24 гласныхъ мѣстнаго самоуправленія 10 польскихъ интеллигентовъ, 4 мѣщанина и 10 евреевъ. Въ мѣстечкѣ имѣется кредитное общество съ оборотомъ въ 4 мил. кронъ, ссудо-сберегательная касса съ оборотомъ въ 600 тыс. кр., 13 культурныхъ католическихъ учрежденій и 7 еврейскихъ. Почти вся торговля находится въ еврейскихъ рукахъ: на 91 еврейскую мелочную лавочку приходится всего 4 христіанскія; вообще, въ ремеслѣ и торговлѣ отношеніе евреевъ къ христіанамъ выражается пропорціей 7—2. Въ мѣстечкѣ имѣются начальная школа и частное реальное училище. О настроеніяхъ населенія даютъ представленіе слѣдующія слова корреспондента: «Общественное самолюбіе (ambicya) слишкомъ развито, пренебреженіе къ крестьянину сказывается на каждомъ шагу: быть-можетъ, это осталось по традиціи

[1]) Inżynier Artur Hausner. Odrodzenie Galicyi a drogi wodne. Kraków. 1911, съ картой каналовъ, задуманныхъ въ Галиціи.

отъ лучшихъ временъ, отъ былого достатка и королевскихъ привилегій. Національнаго сознанія очень мало, нравственныхъ силъ никакихъ; праздность, лѣность, недобросовѣстность и неаккуратность являются обычными чертами характера; надежда только на младшее поколѣніе, которое теперь обучается въ вечерней промышленной школѣ». Конечно, ставить крестъ надъ Галиціей еще слишкомъ рано: польскій народъ настолько даровитъ, что онъ еще сможетъ возродить и Галицію для новой экономической жизни. Но пока положеніе ея, дѣйствительно, весьма печально; впрочемъ, скорѣе уже только въ экономическомъ, нежели въ общекультурномъ отношеніи. Понемногу въ странѣ исчезаетъ безграмотность. Согласно проекту сейма, съ 1 янв. 1914 г. уже не должно было существовать гминъ, лишенныхъ школы, но фактически еще оставалось до 300 такихъ гминъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается около 40 тыс. дѣтей. Съ каждымъ годомъ изъ университета выходятъ новые ряды молодежи. Куда имъ итти? «Бюрократическія стремленія, какъ проклятіе, висятъ надъ обществомъ, говоритъ львовскій корреспондентъ «Gazety Warszawskiej» (16 нояб. 1913 г.). Интеллигенція, чисто польская, происходитъ по большей части изъ чиновничьихъ сферъ, и сыновья ея опять-таки втягиваются въ кадры чиновничества. Они сторонятся отъ свободныхъ профессій. Молодежь создаетъ чиновничій пролетаріатъ. А вскорѣ для нея и совсѣмъ уже не хватитъ мѣстъ... Бываютъ случаи, что юноша даже по окончаніи университета хватается за должность писаря, чтобы имѣть хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба». Нѣтъ заработка и для фабричныхъ рабочихъ. Лѣто 1913 года оказалось особенно несчастно для Галиціи. Дожди и наводненія погубили много полей, и сборъ хлѣбовъ и овощей былъ ничтоженъ. По вычисленію Стоклосы (см. выше), потери только въ сборѣ составили 578 милліоновъ кр (или 65% общей стоимости), а, если къ этому убытку присоединить ущербъ, причиненный стихійными несчастіями дорогамъ, мостамъ, пчельникамъ и т. д., то общій убытокъ, понесенный Галиціей въ этомъ году, достигнетъ 635 милл. кронъ. Краевое управленіе (Wydział Krajowy) опредѣлялъ убытокъ въ меньшей суммѣ, но, повидимому, онъ былъ склоненъ къ оптимизму, не оправдываемому обстоятельствами [1]).

Въ концѣ января 1914 г. во Львовѣ наступилъ полный застой, какъ писали газеты, «вслѣдствіе того, что правительство, которое много обѣщало, не исполнило своихъ обязательствъ». Именно, Львову было обѣщано 500 тыс. кронъ правительственной субсидіи, а дано только 300 тыс. Работники не могли добиться работы, и городской совѣтъ сталъ имъ раздавать даромъ картофель и дрова. Страна была совершенно разорена той внѣшней политикой, которую въ продолженіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ вела Австро-Венгрія. Аннексія Босніи и сопровождавшая ее мобилизація въ 1908—9 году, затѣмъ новая мобилизація во время балканской войны въ 1912—13 году поглотили мильярды кронъ непроизводительныхъ расходовъ, оторвали десятки тысячъ людей отъ полезной дѣятельности; событія остановили сбытъ товаровъ на Балканскомъ полуостровѣ, и общій экономическій упадокъ Австріи наиболѣе болѣзненно отозвался на одной изъ бѣднѣйшихъ австрійскихъ провинцій. «Słowo Polskie» сообщало грустныя вещи о безработицѣ въ Галиціи. Такъ, во Львовѣ въ 1909 и 1910 г. выдавали по 200 разрѣшеній на постройки, а въ одинъ изъ прежнихъ годовъ даже 400; между тѣмъ, въ 1912 г. было выдано всего 10 съ чѣмъ-то разрѣшеній, а въ 1913 г. всего 3. Какъ выяснилось, правительство еще болѣе уменьшило обѣщанную субсидію, доведя ее до совершенно ничтожной суммы въ 150 тыс. кронъ,

[1]) См. подробности Kurjer Warszawski 27 февр. 1914, Gazeta Warsz. 14 февр. 1914 г. и др.

которую, однако, до февраля не выдали. Гр. Штюргкъ обѣщалъ дать на постройку каналовъ 350 тыс. кронъ, но изъ этихъ денегъ въ половинѣ февраля 1914 г. не было еще ничего получено. И вотъ 12 февр. (по нов. ст.) во Львовѣ вспыхнули рабочіе безпорядки, приведшіе къ кровавому столкновенію съ полиціей. Толпа разбивала лавки со съѣстными припасами и грабила ихъ. На слѣдующій день безпорядки возобновились. Тогда во Львовскомъ городскомъ совѣтѣ была принята характерная резолюція, послѣ того, какъ президентъ города представилъ отчаянное положеніе края, вызванное неурожаемъ, наводненіями и балканскими событіями. Резолюція гласила слѣдующее: «Такъ какъ правительство не ассигновало обѣщанныхъ вспомогательныхъ кредитовъ и не начало возводить необходимыхъ общественныхъ построекъ, то городской совѣтъ проситъ правительство начать весною самыя неотложныя постройки, а также вносить регулярно пособія, назначенныя на исправленіе шоссейныхъ дорогъ, испорченныхъ наводненіями, и, наконецъ, усилить полумилліономъ кронъ городскую сберегательную кассу на удѣленіе помощи разореннымъ ремесленникамъ».

Въ результатѣ того тяжелаго экономическаго положенія, въ которомъ находятся въ Галиціи всѣ классы населенія, здѣсь развилась сильная эмиграція, съ одной стороны, и ослабилась національная самооборона, съ другой. Ежегодно, въ Бразилію и въ Сѣверную Америку (въ Соединенные Штаты и въ Канаду) эмигрируютъ тысячи польскихъ и русскихъ бѣдняковъ; извѣстный классъ земледѣльческихъ рабочихъ уѣзжаетъ въ Германію на лѣтнія работы и т. п.

Пользуясь обстоятельнымъ изслѣдованіемъ З. Кузели [1]), мы видимъ, какъ значительна эмиграція вообще изъ Австро-Венгріи и въ частности изъ Галиціи. За годы 1906—1909 г. въ Соединенные Штаты эмигрировали больше всего поляки, затѣмъ мадьяры, словаки, нѣмцы, русины, евреи; всего за время 1901—1909 г. въ Соед. Штаты выѣхало 337.672 поляка, 297.479 словаковъ, 287.962 мадьяра, 266.504 хорвата, 227.828 нѣмца, 139.669 евреевъ, 113.090 русиновъ и т. д. Изъ этого перечисленія видно, что первое мѣсто въ эмиграціи австро-венгерскихъ подданныхъ въ Соед. Штаты принадлежитъ полякамъ и лишь седьмое русинамъ. Уже это характеризуетъ тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ находится польское населеніе Галиціи. Общее число поляковъ въ Соед. Штатахъ опредѣлялось въ январѣ 1907 г. около 3 милл; за десять лѣтъ до 30 іюня 1908 г. на территорію этого государства эмигрировало свыше 743 тыс. поляковъ изъ разныхъ государствъ [2]). Число русиновъ не поддается такой точной регламентировкѣ. Бальчъ считаетъ его между 200—350 тыс. чел. Точно опредѣлить это число тѣмъ болѣе трудно, что русины во множествѣ перебираются въ Канаду, гдѣ находятъ для своихъ земледѣльческихъ потребностей большій просторъ, и гдѣ они составляютъ значительный процентъ въ населеніи западныхъ провинцій. Далѣе, эмигрируютъ галичане (поляки и русины) въ Бразилію; относительно этой эмиграціи мы также лишены точныхъ свѣдѣній; извѣстно, что она направляется по преимуществу въ провинцію Парану и въ 1909 г. изъ 2.683 австрійскихъ эмигрантовъ въ Бразилію приходилось на долю Галиціи 2.550 человѣкъ, по происхожденію поляковъ и русиновъ. Въ Аргентину эмиграція направлялась изъ Австро-Венгріи сравнительно слабо:

---

[1]) *Зенон Кузеля.* Причинки до студій надъ нашою еміграціею. Записки науковаго товариства імени Шевченка. 1911, кн. 1. и особенно 1912, кн. 1.

[2]) E. G. Balch. Slavische Einwanderung in den Vereinigten Staaten. 1912. См. статьи: «Immigracya polska w Stanach Zjednoczonych» (Gazeta Warsz. іюнь—іюль 1914 г.). О русскихъ въ Америкѣ книжка В. Королева «Українці в Америци» (Товариство Просвіта у Київі. № 28. 1909 р.).

такъ въ 1906 г. на 366.309 эмигрантовъ приходилось 6.130 человѣкъ изъ Австро-Венгріи, въ 1907 г. на 329.122 всего 4.659, и въ этихъ числахъ поляки и русины составляютъ меньшинство: въ 1905—6 г. оказалось въ числѣ 5.346 эмигрантовъ изъ Австро-Венгріи 389 поляковъ и лишь 60 русиновъ. Относительно 1913—14 года свѣдѣній еще нѣтъ, но слѣдуетъ думать, что эмиграція изъ Галиціи еще возросла, такъ какъ лѣто 1913 года ознаменовалось для сельскаго хозяйства этой страны небывалыми бѣдствіями (наводненіями и т. д.), принесшими убытки на сотни милліоновъ. Мѣстное правительство могло лишь въ слабой степени возмѣстить съ помощью общественныхъ работъ то, что утратило населеніе. За послѣдніе годы прибавился еще новый факторъ въ устройствѣ политическихъ и національныхъ отношеній въ Галиціи. Это все усиливающаяся германизаторская дѣятельность какъ правительства, такъ и берлинскаго «Ostmarkenverein»: такъ, пріобрѣтая угольныя копи въ Галиціи (въ Бржостѣ), австрійское правительство замѣнило польскихъ инженеровъ нѣмецкими, о чемъ Польское коло въ рейхсратѣ внесло запросъ (Gaz. Warsz. 19 нояб. 1913). Въ 1907 г. былъ основанъ «Bund der christlichen Deutschen in Galizien» и журналъ «Deutsches Volksblatt für Galizien», который въ 1911 г. насчитывалъ уже свыше 6 тыс. членовъ и имѣлъ 94 филіальныя отдѣленія. Съ 1909 г. это общество дѣятельно работаетъ надъ основаніемъ нѣмецкихъ школъ въ Галиціи (см. отчетъ объ этомъ Kurjer Warszawski. 8 февр. 1914 г.). Нѣмецкихъ колоній въ Галиціи 220, въ томъ числѣ два города: Бяла и Липнишки, при чемъ нѣмецкое населеніе городовъ быстро полонизуется (1880—6.998, 1910—917 чел. назвали себя нѣмцами). Въ 1902—1906 г. наблюдалось сильное выселеніе нѣмцевъ и изъ деревенскихъ гминъ Галиціи; въ эту пору выѣхало въ Познань и Пруссію до 10 тыс. человѣкъ.

Надъ участью польскихъ эмигрантовъ имѣется нѣкоторая опека въ лицѣ основаннаго въ 1908 г. «Польскаго эмиграціоннаго общества въ Краковѣ», которое беретъ на себя посредничество въ добываніи работы (1910 : 3.803 рабочихъ было устроено обществомъ въ разныхъ земляхъ Австріи и въ другихъ европейскихъ государствахъ; 1911 : 7.256; 1912 : 8.355; 1913, съ 1 янв. по 30 апр.: 5397). Общество оказываетъ помощь какъ полякамъ, такъ и русинамъ; оно издаетъ съ 1912 г. спеціальный журналъ «Praca» (Трудъ), посвященный просвѣщенію и вопросамъ заработка и эмиграціи бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Стремясь сохранить польское національное сознаніе среди польскихъ эмигрантовъ, общество разсылаетъ польскія книжки по колоніямъ, основываетъ школы и церкви для колонистовъ и т. д. [1]). Въ послѣднее время, однако, какъ это полезное общество, достигшее уже довольно значительнаго развитія (его доходы въ 1912 г.—113 тыс. кронъ, расходы—104 тыс.), такъ и, вообще, эмиграція изъ Австріи встрѣчались съ препятствіями со стороны правительства, которое, вѣчно нуждаясь при своей бурной заграничной политикѣ въ лицахъ, годныхъ для отбыванія военной службы, задерживало таковыхъ и входило въ договоры съ пароходными компаніями, перевозящими эмигрантовъ, объ отказѣ вывозить «рекрутовъ» (см. сообщеніе Gaz. Warszaw. 15 февр. 1914 г.). Эти мѣры только увеличивали бѣгство черезъ границу.

Перейдемъ къ вопросамъ просвѣщенія и церкви въ Галиціи. Какъ мы видѣли выше, В. Фельдманъ въ своей исторіи польскихъ политическихъ партій въ Галиціи упрекаетъ консерваторовъ, управляющихъ кра-

[1]) Czwarty rok działalnosci Polskiego Towarzystwa emigracyjnego w Krakowie (1912). Kraków. 1913.

емъ, въ пренебреженіи къ народному образованію. Этотъ упрекъ несправедливъ въ примѣненіи къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, когда мѣстное правительство горячо принялось за обученіе народа. Расходы Галиціи въ 1909 г. составляли 54.814.975 кронъ, изъ которыхъ на цѣли народнаго просвѣщенія, на потребности искусства и науки было ассигновано 25.051.053 кр., т.-е. почти половина всѣхъ расходовъ. Въ этомъ отношеніи Галиція не уступала другимъ австрійскимъ землямъ и расходный бюджетъ на цѣли народнаго образованія непрерывно возросталъ, составивъ въ 1912 г. уже 26.393 тыс. кронъ. Конечно, Галиція еще далека отъ того уровня народнаго образованія, на которомъ стоитъ, напр., Чехія, и количество безграмотныхъ здѣсь очень велико (достигая 56% всего населенія въ 1910 г.). [1]) Число народныхъ школъ въ Галиціи равнялось въ 1910 г. 13.992; изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста (1.489.924), дѣйствительно, посѣщало школу 1.241.417, а въ 1913 г. даже 1,368,826, что представляетъ опять-таки весьма благопріятное явленіе. Лѣвыя партіи польскихъ политиковъ ставятъ въ вину духовенству, что оно будто бы держитъ народъ намѣренно въ полномъ невѣжествѣ (ср. I. Grabiec. Współczesna Polska, стр. 151), но едва ли этотъ упрекъ справедливъ.

И самому польскому обществу принадлежитъ большая заслуга въ организаціи народнаго просвѣщенія. Основанное въ 1881 г. Общество народной школы (Towarzystwo Szkoły ludowej) [2]) немало потрудилось на этомъ поприщѣ. Народный университетъ имени Мицкевича, Общество Народнаго Просвѣщенія, Общество имени Петра Скарги, Союзъ народныхъ хоровъ и театровъ, Общедоступные университетскіе курсы, Польскій школьный музей (основанный въ 1903 г.) и другія учрежденія стремятся внести образованіе въ народныя массы. Общество народной школы, начавшее свою дѣятельность съ 1892 г., поставило задачей основаніе и поддержку польскихъ народныхъ школъ и тому подобныя народно-просвѣтительныя цѣли. Въ началѣ 1911 г. общество состояло изъ 277 кружковъ съ общимъ числомъ членовъ около 30 тыс. человѣкъ, при чемъ кружки (koła) пользуются автономіей. По типу своему Общество Народной школы больше всего напоминаетъ наши общества грамотности, но, помимо чисто просвѣтительныхъ задачъ, оно преслѣдуетъ и цѣли, совершенно чуждыя нашимъ обществамъ грамотности, именно: «работу на окраинахъ» въ націоналистическомъ духѣ, при чемъ подъ окраинами подразумѣваются какъ Силезія, такъ и Восточная Галиція, и, наконецъ, Буковина. Какъ ведется въ этой послѣдней дѣятельность общества, видно изъ слѣдующихъ указаній отчета: «Въ послѣднее время главное управленіе общества народной школы назначило для Буковины странствующаго учителя, который долженъ объѣзжать польскія колоніи для основанія въ нихъ библіотекъ, чтенія публичныхъ лекцій и освѣдомленія населенія о національныхъ нуждахъ. Странствующій учитель находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ черновицкимъ Коломъ, которое руководитъ просвѣтительной польской дѣятельностью въ Буковинѣ. Въ настоящее время всѣ польскія стремленія въ Буковинѣ направлены на основаніе въ Черновицахъ польской гимназіи». Общество основало въ Галиціи множество школъ, народныхъ домовъ, библіотекъ и др.

Подобно тому, какъ низшая школа, растетъ въ числѣ изъ года въ годъ и средняя. Такъ, въ 1907—8 уч. году въ Галиціи имѣлось 49 гимназій и реальныхъ гимназій, въ 1908—9 г. уже 57 и 1909—10 г. 66, т.-е. за два года учебныхъ заведеній этого типа прибавилось почти

[1]) Гминныхъ школъ въ Галиціи было на 6.243 гмины въ 1898 г. 4.117, въ 1908 г. 5195, въ 1913 г. 5963 (см. K. Bartoszewicz. Ciemnota Galicyi. Głos Polski. 1914. № 23).

[2]) M. Stępowski. Towarzystwo szkoły ludowej. Jak powstało, co zrobiło, do czego dąży (1891—1911). Krakow. 1911.

на 35%, не считая 43 реальныхъ училищъ. Училось въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1909—10 уч. году 30.745 человѣкъ. Изъ 79 средне-учеб. заведеній Галиціи въ одной гимназіи (во Львовѣ) преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, въ 57 гимназіяхъ и 13 реальныхъ училищахъ по-польски, въ 2 гимназіяхъ на обоихъ языкахъ и въ 6 на украинскомъ. Женскихъ средне-учебныхъ заведеній (гимназій) въ Галиціи было въ 1909—10 уч. году всего 9 съ 1723 учащихся, женскихъ лицеевъ 13 съ 1.819 ученицъ. Отсюда видно, что женское образованіе въ Галиціи (какъ и въ другихъ земляхъ Австріи) сильно отстаетъ отъ мужского. Изъ высшихъ школъ въ Галиціи принадлежатъ полякамъ два университета, древній Краковскій и болѣе поздній Львовскій, въ которомъ рядъ каѳедръ принадлежитъ украинцамъ (см. ниже), политехника во Львовѣ, Академія художествъ, двѣ торговыя академіи, Ветеринарный институтъ и т. д.

Нѣсколько общихъ свѣдѣній о полякахъ въ Венгріи было дано выше, при подсчетѣ поляковъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи. Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе, пользуясь исчерпывающимъ изслѣдованіемъ Э. Колодзейчика [1]), а также замѣтками К. Кротоскаго и Р. Завилинскаго. «Польскій народъ живетъ неразрывной полосой на склонахъ Карпатъ, Бескидъ и Татръ, въ комитатахъ (жупанствахъ) Тренчинскомъ, Оравскомъ, на Спишѣ, въ комитатахъ Абауйскомъ и Земплинскомъ, заходя за Прешовъ и Кошицы; сверхъ того, онъ составляетъ языковые острова въ среднесловацкихъ комитатахъ, Липковскомъ и Гемерскомъ. По своему происхожденію польскія поселенія распадаются на двѣ группы: 1. Поселенія въ верхне-венгерскихъ «столицахъ»: Тренчинъ, Орава, Липтовъ, Спишъ, Сарышъ, Земплинъ, Гемеръ и Абауй, въ которыхъ поляки составляютъ населеніе сплошное и отчасти исконное. 2. Поляки спорадически въ разныхъ «столицахъ». Статистики подробной поляковъ, разбросанныхъ по комитатамъ центральнымъ и восточнымъ, мы не имѣемъ, и о нихъ мы не можемъ ничего сказать. Количество поляковъ въ Будапештѣ превышаетъ 30.000, а польскихъ горно-рабочихъ въ рудникахъ около Кошицъ насчитывается около 5.000. Однако все это поселенія менѣе значительныя и отчасти недавняго происхожденія. Генезисъ польскихъ поселеній еще не достаточно выясненъ. Однако рѣшительно можно утверждать, что въ главной своей части это населеніе не пришлое, но исконное. О разселеніи его въ документахъ нѣтъ никакихъ упоминаній, что свидѣтельствуетъ объ его первоначальности». Минимальное число поляковъ въ верхней Венгріи Колодзейчикъ опредѣляетъ въ 125 тыс. человѣкъ. Въ Спишскомъ комитатѣ количество поляковъ прибываетъ, но, по свидѣтельству Кротоскаго и Колодзейчика, поляки здѣсь лишены національнаго сознанія. Какъ выразился одинъ изъ нихъ, «здѣсь мы (поляки) должны быть всѣмъ: для мадьяръ—мадьярами, для нѣмцевъ—нѣмцами, для словаковъ—словаками». Послѣдніе годы въ Спишъ направилось значительное число эмигрантовъ изъ Галиціи, которые при недостаткѣ рабочихъ рукъ представляютъ для мадьярскихъ землевладѣльцевъ элементъ желанный; но просвѣщеніе его въ національномъ польскомъ духѣ встрѣчаетъ сильныя препятствія со стороны мадьяръ, которые стараются не допустить ни поселенія польской интеллигенціи въ Спишѣ, ни польскаго культурнаго вліянія, идущаго изъ Галиціи: такъ, польскимъ крестьянамъ и рабочимъ не передаютъ газетъ, приходящихъ оттуда. Вообще, поляки въ Венгріи не пользуются никакими національ-

[1]) K. Krotoski. Stosunki etnograficzne na Spiżu. Św. Słow. 1908, апр. E. Kolodziejczyk. Ludność polska na Górnych Węgrzech. Św. Słow. 1910, ноябрь. *Его же.* O słowaczeniu i madiaryzacyi. Św. Słow. 1913, авг.—сент. R. Zawiliński. Stosunki wzajemne polaków i Słowaków. Św. Słow. 1913, апр.

ными правами; здѣсь нѣтъ ни одного польскаго духовнаго, ни одной польской школы. И этимъ обстоятельствомъ объясняется отсутствіе польской книжки у венгерскихъ поляковъ, ихъ быстрое словаченіе. Правда, Р. Завилинскій энергично протестуетъ противъ приписываемаго словацкой интеллигенціи стремленія словачить поляковъ, но самый фактъ пренебреженія ея, особенно ксендзовъ-словаковъ, къ польской національности несомнѣненъ.

Если въ Венгріи, особ. въ Спишскомъ комитатѣ, граничащемъ съ Галиціей, разселенія поляковъ относятся къ древнѣйшимъ, эпохѣ, можетъ-быть, еще ко временамъ перваго разселенія славянъ, то въ Босніи польскія колоніи относятся, конечно, къ позднѣйшему времени [1]). Первая волна поляковъ хлынула въ Боснію послѣ ея оккупаціи Австро-Венгріей и состояла изъ чиновниковъ; число этихъ послѣднихъ равнялось въ концѣ 1910 г. 516. Вмѣстѣ съ семьями ихъ это уже само по себѣ составляетъ довольно значительный элементъ въ населеніи Босніи и Герцоговины, которое насчитываетъ 1.855.835 чел. А въ 1890 г. сюда двинулась уже иного рода польская колонизація, крестьянство, привлеченное обѣщаніями правительства раздавать землю даромъ при извѣстныхъ условіяхъ. За время 1890—1905 г. было роздано 21.893 гект. земли 1.817 семьямъ, изъ которыхъ польскихъ оказалось 830. «Ядро боснійской Польши составляютъ гмины въ Прняворскомъ уѣздѣ; второе мѣсто занимаютъ колоніи въ сосѣднихъ уѣздахъ Баньялуцкомъ и Градишскомъ. Незначительнымъ числомъ колоній обладаютъ уже уѣзды Дервентскій и Тешанскій» (Я. Магера. 1912). Національное сознаніе среди этого польскаго населенія, численность котораго доходила, по мнѣнію Магеры, до 12 тыс., поддерживается довольно слабо, и австрійское правительство далеко не сочувствуетъ стремленіямъ поддержать его. При неустройствѣ аграрныхъ и политическихъ отношеній въ Босніи колонистамъ приходилось выносить такія неудобства, къ которымъ они не привыкли на своей родинѣ, и кс. Черминскій, указавъ на небрежность властей въ распредѣленіи земли между колонистами и на неудобства въ уплатѣ повинностей въ видѣ устарѣлой десятины, прибавляетъ, что «въ польскихъ и русскихъ (изъ Галиціи) колоніяхъ дороги во многихъ мѣстахъ почти непроѣзжія, до сихъ поръ нѣтъ ни одной школы, никакой медицинской помощи, и правительство ни разу не пришло на помощь въ построеніи каплицъ». Съ этого времени положеніе поляковъ въ Босніи, повидимому, нѣсколько улучшилось. Въ 1912 г. боснійскій Соборъ провелъ законъ о школахъ, въ силу котораго допускается учрежденіе народныхъ школъ съ національнымъ языкомъ преподаванія въ низшемъ классѣ въ такихъ поселеніяхъ, гдѣ имѣется 40 дѣтей школьнаго возраста. Этотъ законъ обезпечиваетъ до извѣстной степени сохраненіе польской народности въ Босніи, но являются два вопроса: будетъ ли польскому населенію боснійскихъ колоній по средствамъ содержать такую школу, и, во-вторыхъ, захочетъ ли оно ея. «До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ,—говоритъ Я. Магера,—мы имѣемъ въ этомъ отношеніи печальный опытъ. Боснійское правительство утверждаетъ, что польскія дѣти изъ Грабашницы ходятъ въ сербско-хорватскую школу въ Бос. Свиняры, хорошо усвоили себѣ сербско-хорватскій языкъ, и родители ихъ этимъ вполнѣ удовлетворены. Колонія эта насчитываетъ 222 души поляковъ». Теперь поляки въ Босніи имѣютъ всего три школы, въ которыхъ допускается польскій языкъ. Наибольшей польской колоніей является Новый Мартинацъ, гдѣ поляковъ насчитывается свыше 1.400,

[1]) X. M. Czermiński. Kolonie polskie w Bośni. 1903. I. Magiera. Ludność polska w Bośni. Św. Słow. 1912, февр. и *его же*. Sprawa szkolna polaków w Bośni. Św. Słow. 1913, май. Въ статьѣ Магеры перечислена литература предмета.

и гдѣ имѣется двухклассная казенная школа съ преподаваніемъ польскаго языка и закона Божія на польскомъ языкѣ. Въ другихъ колоніяхъ поляковъ 817 (Раковацъ), 621 (Кунова) и т. д.

Больнымъ мѣстомъ польско-чешскихъ отношеній является вопросъ Силезскій. Острее его заключается въ томъ, что чехи все болѣе колонизуютъ этотъ горнопромышленный край, тогда какъ поляки играютъ здѣсь роль малокультурной рабочей силы, съ національными и иными интересами которой считаются мало. Ростъ промышленности въ княжествѣ Цешинскомъ, подвигается чрезвычайно быстро: въ 1896 г. здѣсь насчитывалось 22.256 промышленныхъ предпріятій, въ 1906 г. уже 26.922, число фабрикъ составляло въ 1902 г. 608, въ 1911 г. 672. Въ австрійской Силезіи производится въ громадныхъ размѣрахъ добыча угля, которая занимала въ 1910 г. болѣе 30 тыс. рабочихъ, и которая дастъ почти половину всей австрійской добычи каменнаго угля. Благодаря этому обстоятельству, Силезія сдѣлалась однимъ изъ главныхъ центровъ чугунной промышленности въ Австріи, а также областью широкаго развитія хлопчатобумажной промышленности, торговли и т. д. Цешинское княжество (съ главнымъ городомъ Cieszyn, нѣм. Teschen) въ административномъ отношеніи соединено въ одну автономную область Силезію съ княж. Опавскимъ, которое уже вполнѣ онѣмечено. Въ Опавѣ (нѣм. Troppau) находится центръ Силезіи и собирается сеймъ, въ который Цешинское княжество посылаетъ 13 депутатовъ. Хотя оно насчитываетъ 361.118 чел. населенія, изъ которыхъ на долю поляковъ приходится около 219 тыс. (нѣмцевъ 56.243, чеховъ 85.550), однако полякамъ удается въ сеймъ посылать весьма незначительное число своихъ соплеменниковъ. Зато всеобщее избирательное право позволяетъ имъ теперь посылать въ Вѣнскій парламентъ большинство поляковъ. Въ то время, какъ чехи, приносящіе съ собою повсюду свое развитое національное сознаніе и свои національныя требованія, и нѣмцы занимаются по преимуществу промышленностью, исконное польское населеніе, по крайней мѣрѣ, еще наполовину, предано земледѣлію и старается продержаться на своихъ крошечныхъ участкахъ земли. Силезія въ значительной мѣрѣ—область крупнаго землевладѣнія; одинъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ и гр. Ларишъ-Мёнихъ обладаютъ почти половиной всего княжества. Не со стороны этого бѣднаго крестьянства, но изъ лона рабочаго польскаго класса вышли національныя требованія, приведшія польское общество къ рѣзкому столкновенію съ чешскимъ. Именно, оно потребовало устройства достаточнаго количества польскихъ школъ. Составляя свыше 60% населенія, поляки имѣютъ изъ 609 только 338 польскихъ школъ (менѣе 40%). Правительство, поддерживая въ Силезіи чеховъ и нѣмцевъ, поляковъ держитъ въ черномъ тѣлѣ. А въ послѣднее время (См. «Dziennik Polski». 5 янв. 1914 г.) обнаружились упорныя стремленія нѣмецкихъ школьныхъ организацій (Schulverein, Nordmark, фондъ Розеггера) германизировать Цешинскую Силезію. Однако польское общество оказываетъ упорное сопротивленіе этимъ попыткамъ. Тѣмъ не менѣе, главное учрежденіе, которое должно было поддерживать въ польскомъ населеніи Силезіи національное сознаніе, «Матицу Цешинскую» (Macierz Śląska), едва удалось спасти въ 1913 г. отъ полнаго крушенія вслѣдствіе безденежья [1]).

---

[1]) О чехахъ въ Силезіи см. главу, посвященную чехамъ.

VII.

Русское племя въ Австро-Венгріи. Галиція. Буковина. Венгрія.

Официальная австрійская перепись 1910 г. опредѣляетъ число русиновъ въ Галиціи въ 3.208.092 человѣкъ, въ Буковинѣ 505.101 и во всей Австріи, гдѣ русины рабочіе, прислуга, мелкіе торговцы и т. д. разбросаны во всѣхъ провинціяхъ, въ 3.518.854. По сравненію со статистикой 1900 г. это представляетъ абсолютное увеличеніе на 137.284 чел., но относительное уменьшеніе: именно, въ 1900 г. русины составляли 13,21% въ населеніи; въ 1910 г. всего уже 12,58%. Относительно національныхъ отношеній въ самой Галиціи было уже говорено выше, и къ этому вопросу я не стану здѣсь возвращаться: достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что поступательнаго движенія русскаго племени въ области польскаго поселенія не видно, тогда какъ обратное явленіе замѣчается. Въ Буковинѣ русины (1910) составляютъ 38,38% въ населеніи, за ними идутъ по численности румыны (273.254 чел. или 34,38%), нѣмцы (168.851 чел. или проц. 21,24), поляки (36.210, или 4,55%, въ дѣйствительности, вѣроятно нѣсколько больше) и др. Объединеніе нѣмцевъ и румынъ для общей политической дѣятельности даетъ имъ численное большинство, не говоря уже о культурномъ перевѣсѣ, чѣмъ и объясняется безправное положеніе русиновъ въ Буковинѣ. Еще хуже ихъ положеніе въ Венгріи, о чемъ я буду говорить подробнѣе въ концѣ этой главы. Зато въ Галиціи русины достигли большого политическаго явленія и добились въ недавнее время выгоднаго для себя соглашенія съ поляками. Правда, они еще не выработали внутренняго національнаго единства, и между двумя частями русскаго племени въ Галиціи, Буковинѣ и отчасти Венгріи ведется борьба на почвѣ національнаго сознанія: въ то время, какъ одна часть русиновъ сознаетъ свою принадлежность къ отдѣльной русской народности, обособляя себя отъ русскаго народа, создавшаго русское государство, какъ отъ великорусскаго, и въ силу этого настаивая на созданіи и сохраненіи иного литературнаго языка,—другая часть русиновъ, напротивъ, видитъ въ себѣ только малорусскую вѣтвь единаго русскаго народа, отстаиваетъ идею своего культурнаго единства съ нимъ, борется за употребленіе русскаго литературнаго языка въ письменности и общественно-правовой жизни Галиціи и т. под. Слѣдуетъ признать, что совокупность условій, образующихъ народъ, имѣлась у тѣхъ галиційскихъ русиновъ, которые называли себя украинцами, обособляя себя отъ русскаго народа. Эти условія слѣдующія: національное сознаніе себя, какъ отдѣльнаго народа; иная вѣра, нежели у русскаго народа (уніатская); иной

литературный языкъ, иная государственность и, наконецъ, иная исторія, Галиція оторвалась отъ другихъ земель, занятыхъ русскимъ (малорусскимъ) народомъ, уже по первому раздѣлу Польши. Буковина составляла турецкую провинцію, лишь при имп. Екатеринѣ II присоединенную къ Австріи. Поэтому, галиційскіе украинцы могли быть признаны за отдѣльный народъ, образовавшійся въ теченіе XIX вѣка въ предѣлахъ Австрійской имперіи, но имѣвшій въ основѣ своей то же племенное начало, которое лежитъ въ основѣ малороссовъ, представляющихъ часть единаго въ національномъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ русскаго народа. Что касается русиновъ, признающихъ свою національную связь съ русскимъ народомъ, то ихъ нельзя, конечно, причислить къ украинцамъ, а надо называть русскими, такъ же какъ нѣмцами мы называемъ сильно обособившуюся вѣтвь нѣмецкаго народа въ Седмиградіи, давно порвавшихъ политическую и даже культурную связь съ нѣмцами Германіи. Поэтому, можетъ-быть, правильнѣе всего было бы излагать отдѣльно исторію украинскаго народа въ Австро-Венгріи и отдѣльно же исторію русскаго народа въ предѣлахъ этого государства Но, такъ какъ процессъ диференціаціи русскаго племени здѣсь еще не завершился, и постоянно наблюдались переходы изъ одного національнаго лагеря въ другой, то такое обособленіе внесло бы излишнюю сложность въ изложеніе. Передъ нами происходилъ одинъ изъ интереснѣйшихъ процессовъ народообразованія, который совершался довольно бурно, и, естественно, не обходился безъ эксцессовъ. Удалось ли бы украинцамъ украинизировать все русское населеніе Восточной Галиціи, или, наоборотъ, притягательная сила русской государственности и русской культуры привлекла бы на свою сторону массы русскаго племени въ Австро-Венгріи,—этотъ вопросъ остался не разрѣшеннымъ, такъ какъ съ завоеваніемъ Галиціи всѣ національныя и партійныя отношенія русскаго населенія въ этой странѣ подверглись полному измѣненію. Крестьянская масса, которая склонялась къ украинству, пользовавшемуся покровительствомъ властей, можетъ быстро перейти на сторону «москвофильства»: она будетъ съ тѣми, кто ее защититъ и дастъ ей хлѣбъ. Что же касается украинской интеллигенціи, то съ присоединеніемъ Галиціи къ Россіи она теряетъ всякую почву для обособленнаго развитія и, вѣроятно, найдетъ для себя и болѣе выгоднымъ, и болѣе разумнымъ примкнуть къ общегосударственному языку и русской культурѣ.

Во всякомъ случаѣ, еще въ настоящее время приходится изучать положеніе русскаго народа въ предѣлахъ Австро-Венгріи генетически, въ связи съ тѣмъ, какъ совершалось образованіе въ русскомъ племени обособленнаго украинскаго народа. При этомъ я совершенно не буду касаться отношеній украинства къ культурной политической жизни русской Малороссіи (Украины): ея населеніе, связанное со всѣмъ русскимъ народомъ единствомъ религіи и государственнаго сознанія, играющаго все болѣе могущественную роль въ жизни современныхъ народовъ, представляетъ иныя черты развитія, нежели у украинцевъ Галиціи. [1])

Когда Австрія присоединила въ 1772 г. Галицію, то австрійское правительство естественно стремилось обособить враждебно настроенное по отношенію къ нему польское дворянство и сдѣлаться популярнымъ въ средѣ низшаго, крестьянскаго населенія, которое было по происхожденію, языку и религіи (уніатской) чуждо шляхтѣ. Лучшимъ средствомъ для такого обособленія шляхты было пробужденіе національнаго сознанія въ русинской крестьянской массѣ. Съ 1772 г. въ этомъ направленіи

[1]) Подробнѣе объ этомъ процессѣ см. въ моей книжкѣ «Зарубежная Русь». 1914.

былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ [1]): учреждаютъ въ Вѣнѣ духовную семинарію для уніатовъ Австріи, т.-е. для русиновъ; обнародываютъ указъ о допущеніи этихъ послѣднихъ на государственную службу наравнѣ съ поляками; требуютъ отъ помѣщиковъ болѣе гуманнаго отношенія къ крестьянству и затѣмъ точно опредѣляютъ барщинныя повинности этого послѣдняго. При учрежденіи въ 1784 г. Львовскаго университета было устроено нѣсколько каѳедръ съ преподаваніемъ на «народномъ церковно-русскомъ языкѣ» (съ 1787 г.). Современники съ восторгомъ отмѣчали это новое явленіе. «Се было истиннымъ восхищеніемъ слухати, якъ молодыи таланты свое быстроуміе въ науковыхъ упражненіяхъ на своемъ роднома языцѣ изъясняли и якъ превосходно въ такъ важномъ дѣлѣ поступали». Несмотря на то, что съ наступленіемъ реакціи въ Австріи послѣ смерти имп. Іосифа положеніе русинскаго духовенства и крестьянства ухудшилось, однако еще и въ началѣ XIX в. галицко-русская интеллигенція съ восхищеніемъ говорила о милостяхъ австрійскаго правительства и не находила словъ для выраженія своей преданности и благодарности династіи. Но эта послѣдняя все болѣе становилась на сторону дворянства, все отрицательнѣе относилась къ русинскимъ національнымъ правамъ. И вотъ ок. 1820 г. уже начинается въ Галиціи національная борьба. Когда въ 1816 г. вводится польскій преподавательскій языкъ въ русинскихъ народныхъ школахъ, высшее уніатское духовенство выступаетъ съ протестомъ противъ этой мѣры. Со своей стороны крестьяне, не видѣвшіе со стороны власти защиты отъ помѣщичьихъ злоупотребленій, начинаютъ волноваться, и въ 1824 г. въ одномъ изъ округовъ Галиціи вспыхиваютъ крестьянскіе безпорядки. Недовѣріе къ русинскому населенію составляетъ теперь одну изъ характернѣйшихъ особенностей австрійскаго режима въ Галиціи. Возможныя притязанія Россіи на Галицію, не прекращавшіеся въ русскихъ правительственныхъ кругахъ съ 1815 по 1846 г. толки о присоединеніи къ Россіи этой области (въ виду того, что «Галичина была и раньше русскимъ краемъ, и нынѣ живутъ въ ней православные и уніаты», какъ писалъ ген. Паскевичъ): все это создавало атмосферу, въ которой для національнаго развитія русиновъ не было мѣста. Въ это время, кажется, впервые ставится вопросъ о томъ, что же именно представляетъ тотъ русскій языкъ, на которомъ говоритъ русинское населеніе Галиціи? Отъ того или иного разрѣшенія этого вопроса зависѣло политическое положеніе русиновъ въ Галиціи. Губернаторъ этой послѣдней доносилъ въ 1816 г., что «рутенскій» (ruthenisch, отъ лат. ruteni, какъ назывались въ средне-вѣковой латинской письменности русины) языкъ есть лишь разновидность (abart-ung, нарѣчіе) русскаго языка, и потому благоразумнѣе вводить въ народныхъ школахъ польскій языкъ, нежели русскій. Русинскія каѳедры во Львовскомъ университетѣ, преобразованномъ въ 1805 г. въ лицей, были уничтожены уже въ 1808 г.; воспитанники «русскаго института» получали меньше жалованія, чѣмъ другіе священники-уніаты.

И вотъ, какъ сообщаетъ въ своихъ «Annales ecclesiae rutenae» (1862) Мих. Харасевичъ (стр. 997—998), уніатскій митрополитъ долженъ былъ доказывать, что «греко-католическое населеніе Галиціи не русскіе (великоруссы), но по своему происхожденію русины (Ruthenen, малороссы),

[1]) По исторіи галицкихъ русиновъ въ 18—19 в. см. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. изд. 2. 1906. Егоже. Иллюстрированная исторія Украины. 1903. И. Филевичъ. Изъ исторіи Карпатской Руси. 1907 L. Wasilewski. Ukraina i sprawa ukraińska. 1911. С. Ефремовъ. Исторія украинського письменства. Изд. 2, 1912. О. Огоновскій. Исторія литературы русской, ч. II и III. 1889, и дал. Въ указанныхъ сочиненіяхъ приведена и литература по исторіи и исторіи литературы галицкой Руси. Очень интересна статья И. С. Свѣнцицкаго. Обзоръ сношеній карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую пол. XIX в. 1906. (Извѣстія отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XI, кн. 3).

и представляютъ не русскій, но русинскій народъ, поэтому и языкъ, которымъ пользуется тотъ народъ, не русскій, но русинскій» и т. п. Такимъ образомъ политика національной обороны создала необходимость подчеркнуть иное происхожденіе малорусскаго народа, нежели «русскихъ», и указать на то, что русинскій языкъ не есть русскій. «Русскій языкъ», говорилъ въ своемъ донесеніи (1818) митрополитъ, «не только очень отличенъ отъ употребляемаго въ странѣ русинскаго, но и даже чуждъ греко-католическому населенію Галиціи». Начало противопоставленія русскаго языка малорусскому было положено въ этомъ знаменательномъ обращеніи митрополита къ высшимъ австрійскимъ властямъ. Нѣсколько лѣтъ спустя митрополитъ опять доказываетъ самостоятельность русинскаго языка; и въ такомъ же духѣ составляется трактатъ по этому вопросу каноникомъ И. Могильницкимъ. Русское вліяніе проникало въ Галицію чрезвычайно слабо, и даже русская азбука стала постепенно вытѣсняться и замѣняться латинской. «20—30 лѣтъ спокойнаго хода такой жизни,—говоритъ И. Филевичъ, и пестрота ея сгладилась бы незамѣтно; русскій языкъ исчезъ бы такъ же точно, какъ исчезли русскія буквы». Но для такой «спокойной жизни» не было мѣста въ тогдашнихъ европейскихъ отношеніяхъ и прежде всего въ Галиціи, которая не могла не отозваться на событія возстанія Польши, въ 1830 году. Въ связи съ планами революціонной польской молодежи и русское населеніе Галиціи, въ лицѣ нѣсколькихъ интеллигентныхъ семинаристовъ, выступило съ заявленіемъ о своемъ національномъ правѣ. Со стороны польскаго общества эти притязанія были встрѣчены очень враждебно, что еще углубило пропасть между начинавшимся русскимъ національнымъ возрожденіемъ и польскими общественными симпатіями. Самое же это русинское движеніе было еще такъ слабо, что опредѣлиться въ какомъ-нибудь направленіи не могло. Естественно, что оно радостно хваталось за всякую поддержку, откуда бы она ни шла. А шла она теперь изъ Россіи, откуда въ 1822 г. во Львовъ пріѣхалъ первый русскій ученый, П. И. Кеппенъ. Въ 1835 г. сюда же пріѣхалъ М. П. Погодинъ, который живо заинтересовался Галицкой Русью, сталъ давать о ней свѣдѣнія въ своихъ журналахъ и самъ присылалъ въ Галицію русскія книги, будившія здѣсь оживленное умственное движеніе. Правда, Погодинъ нѣсколько преувеличивалъ, утверждая, будто бы русины мечтаютъ о воссоединеніи съ Россіей, но, несомнѣнно, онъ опирался въ этихъ своихъ утвержденіяхъ на томъ національномъ сознаніи галичанъ, которое рѣзко противопоставляло себя полякамъ и австрійцамъ. Поѣздки русскихъ ученыхъ въ Галицію шли одна за другою, создавая среду для постояннаго духовнаго обмѣна. Нѣкоторые изъ литературно-образованныхъ галичанъ уже настаивали на созданіи одного литературнаго языка для всѣхъ русскихъ, при чемъ одни (Бережанинъ, Венелинъ) стояли на сторонѣ русскаго литературнаго языка, другіе полагали, что такимъ языкомъ долженъ быть церковно-славянскій. «Простонародный, мужицкій» языкъ внушалъ нѣкоторыя опасенія даже сторонникамъ національнаго развитія, какими были Могильницкій, Лозинскій, Вагилевичъ и др. Въ тридцатыхъ годахъ XIX стол. уже образуется кружокъ людей, стремящихся создать литературу на чисто народномъ языкѣ. Во главѣ его сталъ бѣдный семинаристъ, М. Шашкевичъ, который въ 1835 г. издалъ первое произведеніе, написанное на народномъ языкѣ, «Голосъ Галичанъ въ пресвѣтлый, прерадостный $\frac{3}{3}$ (66) день рождества Его Императорскаго Величества Франца I, цесаря австрійскаго, короля Ихъ наймилостившаго». Въ слѣдующемъ году Шашкевичъ произнесъ первую рѣчь на малорусскомъ языкѣ въ музеѣ семинаріи, затѣмъ проповѣдь въ каѳедральномъ Львовскомъ соборѣ, и такъ постепенно, одно за другимъ, стали по-

являться произведенія на малорусскомъ языкѣ. Однако все еще не было достаточно яснаго представленія о томъ, какимъ долженъ былъ быть литературный языкъ для галицкихъ русскихъ, царила «язычная путаница». И въ идейномъ отношеніи многое оставалось невыясненнымъ. Прежде знакомство галичанъ съ русской литературой сводилось къ увлеченію торжественными одами ложно-классиковъ и подобными имъ произведеніями. Отъ русской литературы ждали «пеановъ древней и самодержавной Россіи» (по выраженію Свѣнцицкаго). Такихъ пеановъ не давали ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни иные писатели 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ. Но зато они въ изобиліи шли изъ лагеря московскихъ славянофиловъ, встрѣчая горячій откликъ въ сердцахъ галичанъ. «Славянофильскія начала стоило галичанамъ только перенначить на «цесарь, вѣра—обрядъ, нашъ народъ», чтобы увидать въ статьяхъ московскихъ славянофиловъ собственныя мысли и убѣжденія. Романтическое увлеченіе идеей народности, преклоненіе передъ давнопрошедшимъ, традиціонный консерватизмъ и клерикализмъ—были слишкомъ благодатной почвой, чтобы не воспринять столь родственнаго галичанамъ московскаго славянофильства».

Эру въ развитіи національной жизни Галицкой Руси создали событія 1848 г. и польская революція 1846 г. Послѣдняя вызвала со стороны австрійской бюрократіи репрессіи въ видѣ крестьянскихъ волненій, направленныхъ противъ помѣщиковъ. Такъ называемая «галиційская рѣзня» (подробности см. въ книгѣ B. Limanowski. Historja ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r. Krak. 1913) едва задѣла Восточную Галицію, но она и здѣсь должна была вызвать сильный откликъ въ сердцахъ подавленной крестьянской массы. Въ томъ же 1846 г. была уничтожена автономная Краковская республика. Съ присоединеніемъ ея къ Галиціи возникъ впослѣдствіи оставленной правительственный проектъ о раздѣленіи этой области на двѣ части, восточную и западную, въ соотвѣтствіи съ ея этнографическими границами [1]). Гораздо значительнѣе оказалось движеніе, созданное 1848 годомъ. Польскіе политическіе дѣятели составили адресъ коронѣ, въ которомъ просили о полонизаціи галицкаго управленія и школы. Когда русины, которымъ предложили подписать адресъ, указали на полное умолчаніе въ немъ о національныхъ правахъ русскаго населенія Галиціи, то произошло нѣсколько бурныхъ сценъ, и здѣсь впервые, можетъ-быть, русины рѣзко обособились отъ поляковъ въ вопросахъ чисто политическихъ. Пути дальнѣйшей дѣятельности поляковъ и русиновъ разошлись. Въ то время, какъ поляки отстаивали свои національныя требованія, русины обратились къ представителю высшей власти въ Галиціи, гр. Стадіонусъ «петиціей къ монарху», гдѣ заявляли объ исконныхъ русскихъ правахъ на Восточную Галицію. «Ядро народа, масса населенія, сохранило крѣпко и непоколебимо и русскую вѣру, и русскую народность. Вѣрно сохранить эту дорогую каждому русину народность и передать ее невредимой нашимъ потомкамъ составляетъ нашу священную обязанность». Правительство пошло на уступки: оно разрѣшило изданіе органа на русскомъ языкѣ («Галиційская Заря») и учрежденіе законнаго галицкорусскаго представительства, «Головной Рады русской». Въ октябрѣ того же года въ Львовѣ собрался «съѣздъ русскихъ ученыхъ», который долженъ былъ установить литературный языкъ для Галицкой Руси. Признавая близость двухъ нарѣчій русскаго языка, великорусскаго и малорусскаго, и даже настаивая на введеніи преподаванія перваго изъ нихъ во 2-мъ классѣ гимназіи, съѣздъ стоялъ,

[1]) *Иванъ Кревецкій.* Справа поділу Галичини въ рр. 1846—1850. Записки наукового товариства імени Шевченка. 1910. *Его же* статья на ту же тему. Литературно-науковий Вістник 1910.

однако, на почвѣ самостоятельности послѣдняго. Основной задачей съѣзда было «установить для русскаго (т.-е. малорусскаго) языка постоянныя грамматическія формы, а для русскаго письма принять наиболѣе подходящее правописаніе, а также указать отличіе русскаго (рускаго) языка какъ отъ церковно-славянскаго, такъ и отъ россійскаго и отъ польскаго». Затѣмъ съѣздъ ставилъ своей цѣлью «создать народный институтъ по образцу чешской матицы, который былъ бы центромъ русской литературной жизни». *Ученыхъ* русскихъ въ Галиціи, собственно, еще не было, но имѣлась въ нѣкоторомъ количествѣ духовная и свѣтская интеллигенція, и всего на съѣздъ собралось 99 человѣкъ. Быть-можетъ, важнѣйшимъ дѣломъ съѣзда было учрежденіе галицкорусской матицы, первое собраніе которой состоялось, однако, только въ 1850 г., а правительственное утвержденіе явилось лишь въ 1861 г. Дальнѣйшимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ 1848 г. было рѣшеніе славянскаго пражскаго съѣзда (въ іюнѣ) относительно Галиціи. Представителями галицкой Руси на этомъ съѣздѣ явились «Русская головная Рада» и «Русскій соборъ» (организація, составленная изъ польскихъ помѣщиковъ Галиціи). Поляки и русины составили въ Прагѣ секцію, которая признала въ принципѣ возможность раздѣленія Галиціи на двѣ части (въ согласіи съ этнографическимъ дѣленіемъ населенія) и постановила полное равноправіе языковъ, религій и народностей польской и русской въ предѣлахъ этой области. Такъ совершилось возрожденіе Галицкой Руси, которое потомъ двинулось быстрыми шагами впередъ. Исторія этого движенія выходитъ за рамки моего настоящаго изслѣдованія, и я долженъ, указавъ на общіе очерки его въ трудахъ Грушевскаго, Огоновскаго и др., ограничиться немногими замѣчаніями.

Проектъ раздѣленія Галиціи на двѣ части не осуществился, но въ 1849 г. изъ Галиціи была выдѣлена въ особую область Буковина, вслѣдствіе чего численное соотношеніе двухъ народностей Галиціи пришло въ большее равновѣсіе. Въ концѣ 1851 г. намѣстникъ Галиціи подалъ имп. Францу-Іосифу докладную записку, въ которой выступалъ противъ преподаванія въ гимназіяхъ на галицко-русскомъ языкѣ въ виду невыработанности этого послѣдняго. Съ наступленіемъ реакціи въ Австріи національныя притязанія галицкихъ русскихъ оставались въ совершенномъ пренебреженіи, а въ 1858 г. намѣстникъ Голуховскій предложилъ планъ, вообще, полной ликвидаціи русскаго языка въ университетѣ, гдѣ лекторомъ былъ Головацкій, и въ гимназіи, гдѣ онъ преподавался въ низшихъ классахъ. И снова всплылъ вопросъ о разъединеніи галицкорусскаго и литературнаго русскаго языковъ съ помощью азбуки. Опять, какъ до конституціи 1848 г., задумали ввести въ русскую письменность латинскій алфавитъ. Высшее Вѣнское правительство ограничилось, однако, полумѣрами и не рѣшилось прекратить преподаваніе русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій. Зато въ вопросѣ объ азбукѣ Голуховскій могъ продолжать политику, которая велась уже съ тридцатыхъ годовъ [1]). Въ маѣ 1859 г. была созвана комиссія подъ предсѣдательствомъ намѣстника для обсужденія вопроса о введеніи новой азбуки. Предполагалось просто ввести латинскій алфавитъ, даже не измѣненный на манеръ чешскаго, но точно соотвѣтствующій польскимъ комбинаціямъ буквъ для выраженія такихъ звуковъ, какихъ не зналъ латинскій языкъ. Предполагая, что русская оппозиція въ достаточной мѣрѣ обезсилена, галицкія власти не ожидали встрѣтить сопротивленія со стороны комиссіи и думали съ будущаго учебнаго года, т.-е. съ осени

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. статью Ив. Франко «Азбучна війна въ Галичини 1859 р.» Записки наукового товариства імени Шевченка 1913. кн. 2 и дал. Статья охватываетъ болѣе широкое содержаніе, чѣмъ указываетъ заглавіе.

ввести новую азбуку. Самъ Голуховскій заявилъ собравшимся, что мѣра имѣетъ въ виду политическія цѣли: необходимо разобщить Галицію и Россію, а сами галичане, жаловался онъ, ничего не сдѣлали для того, чтобы «надлежащимъ образомъ обособить свой языкъ отъ великорусскаго, и потому теперь за это вынуждено взяться правительство». Оппозиція, однако, оказалась настолько сильна, что сразу обнаружился полный провалъ затѣи Голуховскаго. Тогда этотъ послѣдній прибѣгъ къ запретительнымъ мѣрамъ, которыя постигли русскую «гражданскую» азбуку, а въ августѣ 1857 г. предписалъ употреблять азбуку, составленную однимъ изъ угодливыхъ русиновъ, Черкавскимъ, и представлявшую попытку фонетическаго правописанія, хотя и кирилловскими буквами. Это предписаніе осталось безъ отзвука, и во второй половинѣ 1859 г. наступило полное затишье въ галицко-русской духовной жизни. Только событія 1859 г., заставившія австрійское правительство вернуться къ конституціонному режиму, рѣзко измѣнили положеніе вещей. Правительство назначило уніатскимъ митрополитомъ Яхимовича, одного изъ епископовъ, котораго Голуховскій признавалъ однимъ изъ опаснѣйшихъ вожаковъ «русофильства». Яхимовичъ обратился къ императору съ представленіемъ по дѣламъ Галиціи, настаивая на удовлетвореніи цѣлаго ряда нуждъ русскаго народа въ области преподаванія и управленія. Это была уже цѣлая политическая программа, основанная на убѣжденіи, что восточная Галиція представляетъ русскій край. Русское національное возрожденіе совершилось почти такъ же скоро, какъ чешское, и если дальнѣйшее развитіе русиновъ пошло иначе, чѣмъ чеховъ, то это происходило какъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ обстоятельствъ, не позволявшихъ русинамъ развить въ Галиціи (какъ въ Чехіи) культурную промышленную жизнь, такъ и вслѣдствіе отсутствія внутренняго единенія въ самомъ галицко-русскомъ народѣ. Наличность единоплеменной Россіи послужила для этого развитія, скорѣе, задерживающимъ, нежели поощряющимъ началомъ, такъ какъ разногласіе между основными теченіями народной жизни, намѣчавшееся уже раньше, теперь, съ наступленіемъ конституціонной эры, обозначилось гораздо болѣе рѣзко. Оно заключалось въ различіи воззрѣній на Россію и отношенія къ ея литературному языку, а также въ принятіи той или другой азбуки. «Народовцы русскіе стали съ 1864 г. пользоваться по большей части фонетическимъ правописаніемъ» (Огоновскій. II. 154), т.-е. правописаніемъ, введеннымъ Кулишемъ, тогда какъ «Соборъ ученыхъ» 1848 г. остановился на этимологическомъ правописаніи, принятомъ Максимовичемъ. Оба эти правописанія во многомъ разнились отъ русскаго литературнаго, и каждое изъ нихъ отдаляло галицко-русскую письменность отъ «россійской», т.-е. русской въ Россіи. Галичане были привлечены и къ созданію новой австрійской государственности; изъ безправнаго и презираемаго населенія, вѣчно подозрѣваемаго въ коварныхъ сношеніяхъ съ Россіей, они превращались въ одну изъ опоръ новаго строя. Создавая автономный галиційскій сеймъ въ 1861 г., правительство ввело въ него 40 русскихъ депутатовъ, которые выступали противъ поляковъ, поддерживая правительственную политику. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ русины имѣли нѣкоторую поддержку въ лицѣ Шмерлинга, бывшаго премьеромъ въ теченіе пяти лѣтъ (1860—1865). Шмерлингъ ввелъ въ Львовскомъ университетѣ двѣ русинскія каѳедры, въ то время, когда польскихъ совсѣмъ не было; онъ настаивалъ на уваженіи къ правамъ русскаго языка въ Восточной Галиціи [1]) и т. д. Но все это измѣнилось послѣ 1865 г.

[1]) См. главу «Obozy ruskie» въ книгѣ В. Фельдмана «Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi. 1846—1906». T. II.

когда во главѣ Галиціи опять былъ поставленъ намѣстникомъ Голуховскій, особенно послѣ конституціи 1867 г., когда все управленіе Галиціей на долгіе годы перешло въ руки польской консервативной партіи. Русинскія національныя требованія, признанныя официально конституціей, фактически встрѣчались съ противодѣйствіемъ со стороны мѣстной польской власти.

Между тѣмъ, и въ самомъ русинскомъ народѣ должна была наступить диференціація, неизбѣжная при его дальнѣйшемъ политическомъ развитіи. Стоитъ взглянуть на тотъ литературный языкъ, которымъ писали въ то время верхи галицко-русской интеллигенціи, чтобы увидѣть въ немъ нѣчто промежуточное, неестественное, не имѣвшее никакихъ видовъ на будущее. Дѣйствительно, этотъ языкъ вовсе не русскій литературный, но въ то же время онъ далекъ и отъ малорусскаго. Вотъ образчикъ этого языка, заимствованный мною изъ «Отчетовъ общества литературнаго Галицко-русской матицы» (за 1864 г. «Науковый Сборникъ» 1865, вып. 1). Отрывокъ взятъ мною изъ главы, носящей названіе: «Програмъ дѣланій общего собранія членовъ литературного соединенія Галицко-русской Матицы въ Львовѣ въ дняхъ 7 (19), 8 (20), 9 (21) липця 1864». Говорится объ открытіи общества. «По службѣ Божей соберутся члены общества въ народномъ Домѣ въ призначеной на тое салѣ за оказаніемъ вступныхъ картъ. О десятой годинѣ открываетъ предсѣдатель теперѣшнёго выдѣла засѣданіе отвѣтною промовою; потому читаетъ секретарь дотеперѣшнёго матичного выдѣла справозданіе до тѣхчасовыхъ дѣланій Матицы и дотычныи рахунки, которыи членамъ общества въ печатныхъ оттискахъ пороздаются». Такъ писали люди, отнюдь не думавшіе объ отдѣленіи своего языка отъ литературнаго русскаго; напротивъ, они, видимо, старались къ нему приблизиться, но, не будучи съ нимъ знакомы и выросши на литературной польской рѣчи, они создали въ своемъ языкѣ нѣчто приближающееся болѣе къ этой послѣдней, чѣмъ къ русскому языку. Между тѣмъ, заподозрѣть составителей отчета въ какихъ-нибудь «сепаратическихъ» намѣреніяхъ мы не имѣемъ права. Напротивъ, въ Галицкой Руси все болѣе укрѣплялась симпатія къ могущественной Россіи, и чувства преклоненія передъ ней, созданныя русской дѣятельностью въ 1849 г. и послѣдующими событіями, еще подогрѣвались усмиреніемъ польскаго возстанія, вслѣдъ за чѣмъ въ Галицію пріѣхали русскіе чиновники въ поискахъ новыхъ агентовъ для обрусительной политики въ Ц. Польскомъ.

Въ кругахъ русинскихъ политиковъ господствовало убѣжденіе (для котораго при имп. Николаѣ I, пожалуй, и было нѣкоторое основаніе), что Россія займетъ своими войсками Восточную Галицію, и что самая Австрія разлагается. Представлялось естественнымъ и желательнымъ скорѣе слиться съ Россіей, и распространяется взглядъ, что галицкіе русины одинъ народъ съ великоруссами, что не для чего трудиться подъ сознаніемъ своей литературы, когда уже есть русская и т. д. (Грушевскій. 432—433. Feldman. II. 329). Въ рукахъ этихъ политиковъ, которыхъ поляки прозвали намѣренно обиднымъ словомъ «москвофиловъ» (отъ слова *москаль*, которое на этомъ шовинистическомъ жаргонѣ означало русскаго), находились и важнѣйшія культурныя учрежденія Галицкой Руси, очень старое львовское церковное братство съ его «Ставропигійскимъ институтомъ», а также Народный домъ и Галицко-русская матица. Поэтому, ихъ вліяніе было весьма велико. Послѣ московскаго славянскаго съѣзда 1867 г., когда надежды всего славянства (кромѣ поляковъ) устремились на Россію, это значеніе партіи еще возросло. Естественная эволюція ея должна была направиться къ все болѣе и болѣе тѣсному единенію съ Россіей, къ сознательному воспріятію ея

литературнаго языка, къ образованію, однимъ словомъ, въ галицко-русскомъ населеніи такой партіи, группы или даже части народа, которая правильнѣе всего была бы названа не «москалефильской», но *русской* въ томъ же смыслѣ, какъ мы говоримъ о русскомъ народѣ въ Россіи. Въ этомъ направленіи и пошло тяжелое, не лишенное ошибокъ и заблужденій развитіе галицкаго «москалефильства», пока въ 1908 г. оно не превратилось въ настоящую русскую партію, дѣятели которой стали говорить и писать уже не на томъ странномъ языкѣ, образчикъ какого былъ приведенъ выше, но на чистомъ литературномъ русскомъ языкѣ. Эта эволюція представляетъ совершенно естественный путь развитія основной точки зрѣнія «москалефильства», выяснившейся въ 1866 году. И если «Галичанинъ», какъ органъ старой партіи, отрекся отъ этого новѣйшаго направленія, то онъ обнаружилъ только непониманіе неизбѣжнаго историческаго процесса. Выжила ли бы или нѣтъ образовавшаяся въ лонѣ Галицкой Руси русская группа, это другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, принципіально она не была лишена жизнеспособности, тогда какъ старое промежуточное «москалефильство», само не представлявшее себѣ ясно, чего оно хочетъ, несомнѣнно, было обречено на вымираніе. Учрежденія, оказавшіяся въ его рукахъ, или прекратили свое существованіе, или прозябали самымъ жалкимъ образомъ. Его политическіе союзники, какими оказывались иногда, въ виду общей, связующей ихъ вражды къ украинцамъ, польскіе націоналисты различныхъ оттѣнковъ, разочаровались въ жизнеспособности и народномъ значеніи «старорусиновъ» (какъ въ смягченной формѣ называли также «москалефиловъ») и отступились отъ нихъ. На выборахъ въ Галиційскій сеймъ и рейхсратъ обнаружилось, что безъ поддержки власти это политическое теченіе не могло пріобрѣсти большого вліянія. Однако, предсказать упадокъ русскому политическому движенію мы не имѣли основанія.

Шевченко умеръ въ 1862 г. Его смерть отозвалась громкимъ эхомъ въ Галиціи. Его поэзія, воспѣвающая славное прошлое Украины, пробуждала живое національное сознаніе въ молодежи, какъ по сю, такъ и по ту сторону русско-австрійской границы. Создается новое національное настроеніе, которое ищетъ себѣ выраженія въ сознаніи себя, какъ отдѣльнаго народа. Новому народу нужно и новое національное названіе, и таковымъ является «Украина, украинскій народъ». Если вѣрить О. А. М-ому [1]), то въ 1863 г. въ Галицкой Руси это названіе не было распространено. «Его принесъ къ намъ польскій повстанецъ Павлинъ Стахурскій-Свѣнцицкій (Павло Свій), получившій отъ тогдашняго намѣстника Галиціи, гр. Агенора Голуховскаго, мѣсто преподавателя малорусскаго языка въ академической гимназіи во Львовѣ. Этотъ Стахурскій-Свѣнцицкій усердно распространялъ среди галицко-русской молодежи украинофильскій сепаратизмъ и фонетическое правописаніе и пытался ввести употребленіе латинскихъ буквъ вмѣсто русскихъ» и т. д. Онъ ввелъ, по словамъ М-аго, терминъ «украинско-русскій» и распространилъ его въ своемъ журналѣ «Sioło», который былъ посвященъ «народнымъ (украинско-русскимъ дѣламъ».

Такъ или нѣтъ обстояло дѣло въ дѣйствительности, я не знаю, но самый фактъ появленія названія въ 60-хъ годахъ и все большаго его распространенія до послѣдняго времени не подлежитъ сомнѣнію. Онъ очень характеренъ, какъ выраженіе новаго украинскаго національнаго сознанія. Въ примѣненіи къ этому послѣднему терминъ «украинофильство»

---

[1]) Научно-литературный сборникъ. Повременное изданіе Галицко-русской матицы 1904, томъ 3, кн. 2. Стоитъ сравнить хорошій русскій языкъ этихъ томовъ съ языкомъ 60-ыхъ годовъ, чтобы увидѣть, что предъ нами уже другой народъ, русскій народъ въ Галиціи.

неправиленъ, такъ какъ дѣло идетъ не о симпатіяхъ, не о любви къ Украинѣ, а объ образованіи новаго народа, украинскаго народа, въ лонѣ котораго возможны различныя партіи, какъ и въ лонѣ каждаго отдѣльнаго народа. И такъ случилось дѣйствительно: сначала, въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, существовали еще просто два политическіе лагеря, два «фильства», москалефильство и украинофильство. Въ слѣдующее десятилѣтіе процессъ ихъ раздѣленія и связанный съ этимъ процессъ національной дифференціаціи уходитъ уже гораздо дальше; здѣсь господствуютъ уже совершенно разные національные и политическіе идеалы, и самые вожди двухъ лагерей, Наумовичъ на одной сторонѣ, Драгомановъ на другой, представляютъ политическихъ антиподовъ: первый находится въ близкихъ связяхъ съ правительственной и офиціальной Россіей и кончаетъ свою жизнь въ Россіи, второй—русскій ученый, эмигрантъ изъ Россіи, умираетъ внѣ ея, въ Софіи, гдѣ занимаетъ каѳедру въ университетѣ. Въ концѣ 80-хъ годовъ украинцы уже не «украинофилы», но отдѣльный украинскій народъ.

Въ этомъ народѣ возникаютъ различныя партіи. Сначала это народники (въ смыслѣ національстовъ), отстаивающіе принципъ самостоятельнаго національнаго существованія украинцевъ. Какъ говоритъ Л. Василевскій (Ukraina. 141), «вліяніе радикальной молодежи отразилось на направленіи перваго органа народниковъ, «Ділa», основаннаго въ 1880 г. Владиміромъ Барвинскимъ. Этотъ послѣдній пробуетъ воплотить въ жизни идеи, пропагандируемыя молодежью, организуетъ публичные митинги съ участіемъ крестьянъ, торопитъ основывать всѣ новыя и новыя библіотеки (для народа) и т. д. Радикальная молодежь, встрѣчая со стороны народниковъ желаніе работать въ томъ направленіи, которое она указывала, принимаетъ участіе въ ихъ предпріятіяхъ, пишетъ статьи въ «Батькивщинѣ», «Ділѣ» и основанномъ въ 1880 г. литературномъ еженедѣльникѣ «Заря». Этимъ путемъ часть радикальной молодежи сливается съ лагеремъ народниковъ, тогда какъ меньшинство ея стремится создать собственную отдѣльную крестьянскую партію съ аграрно-соціалистической программой. Такая партія создается, при сильномъ воздѣйствіи со стороны Драгоманова, подъ самый конецъ девятаго десятилѣтія». Главный напоръ тогдашнихъ украинскихъ партій былъ направленъ не противъ поляковъ, но противъ «москалефиловъ», которые представляли въ то время значительную силу, обладали цѣлымъ рядомъ учрежденій, устроили въ 1873 г. «общество имени Михаила Качковскаго» для распространенія просвѣщенія въ крестьянской массѣ, гдѣ имя Наумовича пользовалось въ это время широкой популярностью, и т. д. Украинцы тогда еще не были достаточно хорошо организованы, а ихъ «Научное общество имени Шевченки», основанное въ 1872 г., вело довольно жалкое существованіе. Въ борьбѣ со своимъ главнымъ врагомъ, «москалефилами», украинцы нуждались въ поддержкѣ, и эту послѣднюю они думали найти въ союзѣ съ польскими консерваторами. Органъ Барвинскаго «Правда» и сталъ пропагандировать это сближеніе. Въ результатѣ его пропаганда принесла украинцамъ реальныя выгоды: въ отвѣтъ на заявленіе депутата Романчука (1889) въ Львовскомъ сеймѣ о лойяльности украинскаго движенія по отношенію къ Австріи, украинцы получили рядъ уступокъ, изъ которыхъ важнѣйшими явились введеніе фонетическаго правописанія въ офиціальной перепискѣ и въ школѣ, разрѣшеніе открыть кредитное общество «Дністер» и т. д. Но и въ самомъ украинскомъ обществѣ было много недовольныхъ офиціальнымъ «примиреніемъ» Барвинскаго, и союзъ съ поляками въ виду старыхъ традицій борьбы былъ, дѣйствительно, чѣмъ-то противоестественнымъ. Требовалась новая группировка партій. Ее совершилъ выдающійся украини-

скій дѣятель, авторъ многотомной исторіи Малороссіи, львовскій профессоръ М. С. Грушевскій, который въ 1894 г. переѣхалъ изъ Кіева во Львовъ и занялъ здѣсь каѳедру всеобщей исторіи съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ. Грушевскому удалось превратить «Общество имени Шевченки» въ крупное ученое учрежденіе, изданія котораго пользуются заслуженной извѣстностью, сплотить вокругъ себя кружокъ хорошо образованной молодежи и съ нею начать изданіе журнала въ духѣ русскихъ толстыхъ журналовъ, «Литературно-Науковаго Вістника». Политика примиренія съ поляками уже успѣла обнаружить свою несостоятельность, а выборы въ сеймъ въ 1897 г., объединившіе въ одномъ чувствѣ вражды къ полякамъ украинцевъ и «москалефиловъ», внесли полный разбродъ въ украинскую политическую мысль. Грушевскій нашелъ выходъ изъ этого положенія, сплотивъ въ 1900 г. національные оппозиціонные элементы въ новую партію, которая получила названіе народно-демократической. Какъ названіе ея, такъ и программа чрезвычайно близко напоминали польскую народно-демократическую партію, которая именно въ эту пору пріобрѣтала все больше значенія какъ на почвѣ Галиціи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Обѣимъ этимъ партіямъ, украинской и польской, принадлежала видная роль въ теченіе перваго десятилѣтія XX вѣка. Но ничто не обладаетъ такой непрочностью, какъ политическія партіи, и народная демократія въ Галицкой Руси устарѣла, въ концѣ-концовъ, такъ же, какъ въ Польшѣ. Рядомъ съ народной демократіей и въ Галицкой Руси возникла соціалъ-демократическая партія, не чуждая, какъ и польская соціалистическая партія, національстическаго колорита. Такъ приблизительно обстояло дѣло въ половинѣ перваго десятилѣтія новаго вѣка: украинцы и «москалефилы» стояли другъ противъ друга, какъ два враждебные лагеря; поляки представлялись врагами обоихъ лагерей и съ ними заключались только практическіе компромиссы. Польскіе консерваторы, все еще сохранявшіе свою власть въ Галиціи, готовы были сдѣлать украинцамъ ту или другую національную уступку, чтобы отдалить моментъ разговоровъ о введеніи новой избирательной системы или уступокъ на почвѣ соціальнаго законодательства (Wasilewski. 170). Точно такъ же эти политики не чуждались компромисса съ русскими партіями («москалефилами»), когда надѣялись съ помощью этихъ консервативно настроенныхъ партій задержать натискъ украинской оппозиціи. Все это создавало въ продолженіе многихъ лѣтъ въ галиційской политической жизни атмосферу смуты. Конечно, съ присоединеніемъ восточной Галиціи къ Россіи многое должно измѣниться въ политической жизни страны. Крестьянская масса поддерживала на выборахъ украинскихъ дѣятелей потому, что на ихъ сторонѣ была сила, и они могли больше, чѣмъ преслѣдуемые «москалефилы», сдѣлать для облегченія матеріальнаго положенія бѣдствующаго крестьянства. Но когда эта правительственная поддержка будетъ отнята у украинскихъ партій, когда русская власть пойдетъ навстрѣчу массѣ галицкорусскаго населенія, картина измѣнится: крестьянство по всей вѣроятности, явится горячимъ сторонникомъ и объединенія съ Россіей, и даже православной церкви. Конечно, все это должно произойти безъ насилій.

Украинская интеллигенція не многочисленна; она состоитъ изъ лицъ свободныхъ профессій, изъ духовенства, изъ учителей, тогда какъ масса населенія занята сельскимъ хозяйствомъ и можетъ играть роль политическаго фактора только во время выборовъ или извѣстныхъ массовыхъ выраженій своихъ чувствъ. Среди украинскихъ дѣятелей замѣчалось стремленіе противопоставлять чисто политическую работу культурному органическому труду, и слѣдуетъ признать, что этому послѣднему принадлежитъ почетная роль въ области созидательной работы.

Въ политикѣ же украинскіе радикалы и народные демократы, постоянно сталкиваясь съ поляками и препятствуя имъ въ сеймѣ и въ рейхсратѣ, добились, наконецъ, того, что вынудили у нихъ уступки въ важнѣйшихъ вопросахъ, о чемъ ниже.

Любопытную эволюцію въ эти послѣдніе годы пережило «москалефильство» [1]). Дѣло въ томъ, что всеобщіе выборы въ рейхсратъ въ 1907 г. обнаружили упадокъ вліянія этой партіи въ русскомъ населеніи Галиціи; изъ 22 депутатовъ отъ Галиціи 17 оказались избранниками украинцевъ. Разумѣется, рѣшающаго принципіальнаго значенія такимъ выборамъ нельзя придавать, потому что масса не настолько сознательна, чтобы дѣлать тонкія различія между партійными отношеніями, и на выборахъ часто побѣждаетъ тотъ, кто больше пообѣщаетъ, или тотъ, кто болѣе искусно очернитъ своего противника. Въ примѣненіи къ галицкорусскому крестьянству это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и представители «москалефильства» говорили съ народомъ по-малорусски, а не на томъ своеобразномъ «язычіи», на которомъ издавался «Галичанинъ». Такимъ образомъ, избиратель, конечно, далеко не всегда могъ разобраться въ томъ, «украинофилъ» или «москалефилъ»—будущій выразитель его желаній и думъ. Тѣмъ не менѣе, крахъ «москалефильства» оказался слишкомъ чувствителенъ. Къ тому же лидеры этой партіи давно обнаружили полное отсутствіе энергіи и всякой иниціативы, учрежденія ихъ пришли въ совершенный упадокъ. Между тѣмъ, въ правительственной жизни Россіи именно въ эти годы взяло верхъ націоналистическое движеніе, выразителемъ и защитникомъ котораго явился такой яркій политическій дѣятель, какъ П. А. Столыпинъ. Естественно, что все жизнеспособное въ «москалефильствѣ» стало выдѣляться изъ него, потянуло къ Россіи и къ тѣмъ ея политическимъ элементамъ, которые шли подъ знаменемъ новой націоналистической партіи, пріобрѣвшей въ 3 Гос. Думѣ доминирующее значеніе. Поѣздка послѣ пражскаго съѣзда лѣтомъ 1908 г. пяти русскихъ «делегатовъ» по Галиціи составила эру въ развитіи новаго національнаго направленія въ Галицкой Руси [2]). Послѣ этой поѣздки молодежь, примыкавшая къ «москалефильству», и нѣкоторые болѣе зрѣлые политическіе дѣятели, члены рейхсрата или сейма, рѣшительно примкнули къ русскому націонализму и стали издавать на русскомъ языкѣ нѣсколько газетъ. Правда, это теченіе подготовлялось уже давно, и еще въ 1904 г. на чистомъ русскомъ языкѣ выходилъ журналъ «Живая мысль», но только послѣ съѣзда партіи, 2 ноября 1909 г., произошелъ окончательный расколъ между двумя теченіями «москалефильства» и съ этого времени можно говорить о созданіи русской народной группы въ Галицкой Руси. Въ маѣ 1908 г. бар. Бинертъ заявилъ, что «русскихъ въ Галиціи нѣтъ»; въ видѣ отвѣта изъ разныхъ мѣстностей Галицкой Руси поступило 70 тыс. подписей подъ протестомъ противъ этого заявленія. Однако, согласно изложенному выше, я не сталъ бы придавать особенное значеніе этимъ крестьянскимъ протестамъ, организованнымъ политическими агитаторами. Нѣсколько болѣе показательнымъ явленіемъ служитъ дальнѣйшая неудача русской партіи, обнаружившаяся на выборахъ 1911 г. въ рейхсратъ. Именно, «москалефилы» (Russophile) получили 128.160 голосовъ, украинскіе народные демократы 326.955 голосовъ, украинскіе радикалы 54.701 и украинскіе соціалдемократы 21.618 го-

---

[1]) См. *Л. Цегельскій.* Галицьке москвофильство в останній його фазі. Літературно-науковий Вістник. 1910, томъ 50, стр. 389—406. При очень субъективномъ, враждебномъ отношеніи къ «москвофильству» эта статья требуетъ критическаго отношенія со стороны читателя. Я заимствую изъ нея лишь нѣкоторыя хронологическія данныя.

[2]) *Г. В. Комаровъ.* «По славянскимъ землямъ послѣ Пражскаго съѣзда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси». 2 изд. 1909 (отдѣльные оттиски изъ газеты «Свѣтъ»).

лосовъ [1]). Такимъ образомъ, при всеобщемъ выборномъ правѣ, украинцы имѣли основаніе разсчитывать на полную побѣду надъ своими русскими противниками. Естественно, что реформа избирательной системы для выборовъ въ Галиційскій сеймъ представляла одинъ изъ краеугольныхъ камней ихъ программы. Послѣдніе годы ознаменовались упорной борьбой ихъ съ поляками, которая лишь незадолго до войны завершилась компромиссомъ, впрочемъ, очень шаткимъ.

Основными требованіями украинцевъ служили слѣдующія три: созданіе отдѣльнаго украинскаго университета во Львовѣ взамѣнъ тѣхъ «русскихъ» каѳедръ, которыя тамъ существовали, реформа избирательныхъ законовъ, административная реформа управленія Галиціей въ смыслѣ большаго допущенія украинскаго элемента. Впрочемъ, этотъ послѣдній вопросъ никогда не игралъ такой роли, какъ первые два, борьбой за которые объясняется тотъ кризисъ галиційскихъ политическихъ отношеній, который ознаменовалъ собою 1912 и 1913 годы. Уже въ 1910 г. галиційскій сеймъ не могъ провести ни одного законопроекта, кромѣ бюджета, вслѣдствіе оппозиціи украинскихъ депутатовъ, несмотря на то, что эти послѣдніе представляли ничтожное меньшинство. Такую же обструкцію украинцы устроили (впрочемъ, не одни), и въ вѣнскомъ парламентѣ, и результатомъ ихъ дѣйствій явилось неудовольствіе монарха на польскую политику въ Галиціи. Подъ давленіемъ этого монаршаго неудовольствія (извѣстная фраза императора Франца-Іосифа: «Что-то теперь въ галиційскомъ сеймѣ дѣло не идетъ такъ гладко, какъ раньше») поляки считали себя вынужденными пойти навстрѣчу украинцамъ.

5 окт. 1911 г. должна была открыться октябрьская сессія парламента, которую украинцы встрѣтили съ большимъ недовѣріемъ, и которая, дѣйствительно, привела въ самомъ скоромъ времени къ отставкѣ Гауча. Въ декабрѣ того же года стало извѣстно, что на январь 1912 г. назначена сессія сейма. Сообщая объ этомъ, «Діло» предсказывало неудачу этой сессіи и совѣтовало готовиться къ новымъ выборамъ. Дѣйствительно, сеймъ засѣдалъ всего около пяти недѣль (съ 11 янв. до 14 февр.) и имѣлъ всего 6 засѣданій, которыя продолжались въ совокупности своей 8 ч. 45 мин., но все же дали нѣсколько важнѣйшихъ, неотложныхъ законовъ. Галиційская украинская печать торжествовала по тому поводу, что 12 депутатамъ-украинцамъ удалось разрушить дѣятельность почти 140 польскихъ членовъ сейма, и видѣла въ этой побѣдѣ «музыкантовъ», которую она описывала въ восторженныхъ выраженіяхъ, залогъ будущихъ успѣховъ. Въ 1912 г. украинскіе члены рейхсрата про-

[1]) По поводу этихъ украинскихъ партій мы находимъ въ одномъ изъ обзоровъ Л. Цегельскаго весьма интересныя замѣчанія: «Характерна для времени мертвой зыби партійная жизнь галицкихъ русиновъ или, вѣрнѣе, отсутствіе этой жизни. Офиціально въ Галиціи существуютъ три украинскія партіи: національно-демократическая, радикальная и соціал-демократическая, однако въ дѣйствительности онѣ, какъ партіи, уже не существуютъ или еще не начали существовать. Въ программахъ, тактикѣ, организаціи и, наконецъ, въ личныхъ отношеніяхъ эти «партіи» до такой степени перепутались, что рѣшительно нельзя разобрать, кто кому ближе: націоналдемократъ *А* націоналдемократу *Б* и радикалъ *В* радикалу *Г*, или, можетъ-быть, націоналдемократъ *А* радикалу *В*, а радикалъ *Г* націоналдемократу *Б* и т. д.? Фактъ — тотъ, что среди національно-демократической партіи обнаружились такія сильныя программныя, тактическія и личныя противорѣчія, что, какъ одна цѣльная фаланга, она уже не существуетъ, съ другой стороны, и радикалы точно такъ же дѣлятся и рознятся»... Отсюда г. Цегельскій дѣлаетъ выводъ: «Формальное существованіе партій (въ ковычкахъ) въ такихъ условіяхъ оказывается, скорѣе, вреднымъ и отрицательнымъ явленіемъ, нежели полезнымъ и положительнымъ, ибо оно вводитъ путаницу въ политическіе взгляды массы, дизорентируетъ общественное мнѣніе и деморализуетъ единицы». См. «Літер.-Наук. Вістник», 1910, т. 52, стр. 179. Послѣдніе выборы въ сеймъ, происходившіе 30 іюня 1913 г., дали украинцамъ огромный перевѣсъ надъ «москалефилами»: изъ нихъ прошелъ всего одинъ, да и то голосами украинцевъ, тогда какъ этихъ послѣднихъ 31, такъ что вмѣстѣ съ вирилистами украинскій клубъ въ сеймѣ состоялъ изъ 34 членовъ.

должали свою обструкцію и препятствовали прохожденію важнѣйшихъ военныхъ законовъ, что вынудило правительство вступить съ ними въ переговоры и предъявить къ полякамъ требованіе сдѣлать украинцамъ уступки для созданія въ Галиціи мирныхъ національныхъ отношеній. Украинцы прекратили обструкцію, за что удостоились отъ императора чрезвычайно милостиваго обращенія, глубоко взволновавшаго поляковъ. Осенью 1912 г. польское сеймовое большинство сдѣлало попытку собрать сеймъ на осеннюю сессію, для чего требовалось соглашеніе поляковъ съ украинцами по вопросу объ избирательной реформѣ. 10 сент. намѣстникъ Галиціи объявилъ президіуму украинскаго клуба въ сеймѣ, что поляки предлагаютъ совершить реформу на основаніи предоставленія украинцамъ 26 проц. всѣхъ мѣстъ въ сеймѣ и созданія соотвѣтствующаго числа избирательныхъ округовъ. Украинцы настаивали на 30 проц., и соглашеніе не состоялось, и въ октябрѣ 1912 г. центральный политическій органъ украинской народно-демократической партіи, Народный комитетъ, опубликовалъ заявленіе, что, несмотря на всю уступчивость въ избирательномъ и университетскомъ вопросахъ, проявленную украинцами, поляки не желаютъ итти на соглашеніе («Діло» 16 окт. 1912). Такъ осенняя сессія сейма и не состоялась и дѣло затянулось до апрѣля 1913 г., когда 2 числа открылась сессія; немедленно начались переговоры объ избирательной реформѣ, которые, однако, и на этотъ разъ не привели къ желательнымъ результатамъ. Уже черезъ двѣ недѣли выяснилась невозможность соглашенія, намѣстникъ Бобржинскій вышелъ въ отставку, и его преемникомъ былъ назначенъ Корытовскій. Лѣтомъ, въ связи съ учрежденіемъ чешскаго комиссаріата, стали говорить о примѣненіи такой же мѣры и къ Галиціи; вообще, положеніе настолько обострилось, что компромиссъ сталъ совершенно необходимъ. И здѣсь опять вопросы университетскій и избирательный стали ребромъ, тѣмъ болѣе, что новые выборы значительно увеличили число украинскихъ голосовъ въ сеймѣ.

Вопросъ университетскій насчитывалъ уже довольно большое число лѣтъ своего существованія. Впервые онъ рѣзко выдвинулся въ 1901 году, и затѣмъ онъ не сходилъ съ арены политической борьбы украинцевъ съ поляками, принимая не разъ характеръ настоящихъ столкновеній: такъ, въ 1910 году на этой почвѣ произошло побоище между студентами, и одинъ изъ украинцевъ погибъ въ стычкѣ. Убійство студентомъ Сичинскимъ галиційскаго намѣстника гр. Андрея Потоцкаго было связано какъ съ выборами, во время которыхъ украинцы считали себя обиженными правительствомъ, такъ и ожесточеніемъ, вызваннымъ университетскимъ вопросомъ. Украинцы настаивали на учрежденіи украинскаго университета именно во Львовѣ, тогда какъ поляки требовали сохраненія польскаго характера за Львовскимъ университетомъ и соглашались на учрежденіе украинскаго университета въ другомъ городѣ. Казалось, что, вообще, между польскими и украинскими національно-политическими партіями не можетъ наступить никакого соглашенія. Необходимость найти modus vivendi оказалась, однако, настолько сильна, что предсказанія пессимистовъ, полагавшихъ, что соглашенія украинцевъ съ поляками такъ и не будетъ, не оправдались. Новый галиційскій сеймъ собрался 5 дек. 1913 г., и снова начались переговоры о реформѣ. Польское украинское общество, равно какъ и общественное мнѣніе всей Австріи, и самъ престарѣлый монархъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ переговоровъ. Еще въ октябрѣ народнодемократическая партія выступила съ новой программой, въ которой она настаивала не на частичныхъ компромиссахъ, но на осуществленіи русскихъ требованій 1848 г. о раздѣленіи Галиціи на двѣ части, пользующіяся

національной автономіей. «Діло» начало очень энергично отстаивать эту программу (ср. сводъ цитатъ изъ «Діла» въ Kurjer Warszaw. 21 ноября 1913 г.) уже въ октябрѣ, и польскіе политики, учитывая необходимость для Австріи внутренняго спокойствія и ту поддержку, которую украинцы (Gaz. Warszaw. 13 окт. 1913 г.) могутъ ждать отъ Германіи, всегда враждебной по отношенію къ полякамъ, считали положеніемъ очень серьезнымъ. Въ ноябрѣ предварительные переговоры о польско-украинскомъ соглашеніи казались окончательно неудавшимися, но на этотъ разъ энергія партій побѣдила всѣ трудности. Правда, и послѣ собранія сейма лозунгъ раздѣленія Галиціи опять всплылъ въ концѣ декабря 1913 г. во время Львовскаго съѣзда народно-демократической партіи. Но все это были, въ сущности, уже послѣднія тучи разсѣянной бури. Переговоры продолжались, и въ началѣ февраля 1914 г. привели къ положительнымъ результатамъ. По закону, принятому сеймомъ, составъ его опредѣлялся въ 227 человѣкъ (45 депутатовъ на крупное землевладѣніе, 8 на среднее, 44 на города, 5 на торговыя палаты, 99 на сельскія гмины, 12 на курію всеобщаго избирательнаго права въ городахъ и т. д.). Конечно, это далеко не то, чего хотѣли и на чемъ настаивали въ своихъ программахъ украинскіе депутаты, но это все же давало имъ гораздо болѣе твердую позицію для дальнѣйшихъ политическихъ пріобрѣтеній. 14 февраля 1914 г. львовскій сеймъ единогласно принялъ проектъ избирательной реформы, при чемъ два противника ея вышли изъ залы. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ др. Марковъ, который видѣлъ въ реформѣ побѣду «Берлина» и протестовалъ противъ нея на русскомъ литературномъ языкѣ, за что былъ лишенъ голоса, и затѣмъ удалился. Что касается Львовскаго университета, то на этой почвѣ, конечно, еще предстояла борьба украинцевъ съ поляками. Послѣдніе видѣли въ существованіи польскаго университета въ предѣлахъ Восточной Галиціи одно изъ наиболѣе сильныхъ свидѣтельствъ своихъ державныхъ правъ и на Вост. Галицію. Это былъ крупнѣйшій послѣ Вѣны университетъ въ Австріи, насчитывавшій въ зимнемъ семестрѣ 1913 года до 5.600 слушателей. Значительную часть ихъ составляли поляки, какъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Львова. Отношенія между украинцами и поляками остались враждебными до самой войны 1914 года. Еще въ маѣ 1914 года польское общественное мнѣніе негодовало по поводу того, что украинцы видятъ въ компромиссѣ съ поляками только новое средство для дальнѣйшей завоевательной политики. «Przegląd Narodowy» (май 1914 г.) формулировалъ эти требованія въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) пріобрѣтеніе Львовскаго университета, 2) школьная автономія, т.-е. обособленіе управленія украинскими школами отъ польскихъ, 3) измѣненія въ администраціи, 4) новыя пріобрѣтенія въ области языковыхъ правъ и т. д. Но, прежде всего, опять-таки раздѣленіе Галиціи на двѣ автономныя части. Съ той же враждой украинцы относились въ это время къ «москалефиламъ». Извѣстный процессъ Бендасюка, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, но оправданнаго присяжными засѣдателями поляками и евреями, вызвалъ въ австрійской делегаціи выступленіе украинскаго лидера Левицкаго, который требовалъ отъ правительства окончательной расправы съ ненавистной партіей «москалефиловъ».

Съ другой стороны, не оставались въ долгу и поляки. Въ концѣ 1913 года въ польской печати появились разоблаченія украинскихъ связей съ «Ostmarkenverein», руководящимъ антипольской политикой въ Пруссіи. Добытые изъ архива этого общества документы, перепечатанные во всѣхъ польскихъ газетахъ, обнаруживали, что еще въ 1903 году представитель народнаго комитета, какъ таковой, ксендзъ Ганицкій,

вступилъ въ сношенія съ ферейномъ съ цѣлью общей борьбы украинцевъ и нѣмцевъ съ поляками. Этотъ страшный союзъ пользовался особеннымъ покровительствомъ со стороны германскаъо консула во Львовѣ Фаутера и продолжался до 1913 г., а можетъ-быть, и позже, даже послѣ разоблаченій. Пользуясь имъ, нѣмецкія націоналисты стремились поддерживать въ Галиціи постоянное состояніе смуты. Ни ферейнъ, ни украинская печать (по крайней мѣрѣ, украинская радикальная партія) не отрицали достовѣрности документовъ, которые выставляли украинскую политическую жизнь въ крайне невыгодномъ свѣтѣ не только въ смыслѣ отсутствія въ ней патріотизма, но даже въ смыслѣ элементарной честности. Ганицкій содѣйствовалъ замѣнѣ въ Германіи польскихъ рабочихъ украинскими и ихъ германизаціи. Его партія матеріально обогащалась на этой операціи, и доходъ ея, какъ высчитывали, оказывался очень солиднымъ. Не вдаваясь ближе въ эти печальныя отношенія, отмѣтимъ, что они могли создаться только въ нездоровой политической атмосферѣ австрійской Галиціи, гдѣ всѣ пылали взаимной національной и партійной ненавистью и не разбирались въ средствахъ борьбы. Разоблаченія не щадили и «москалефиловъ», и яркимъ свидѣтельствомъ политической деморализаціи, господствовавшей въ русинскихъ партіяхъ Галиціи, остается книга Редлитца, сама по себѣ книга, производящая тономъ своихъ сообщеній отталкивающее впечатлѣніе [1]).

Обратимся къ культурному и экономическому положенію русскаго населенія въ Галиціи. Какъ я уже указывалъ выше, «москалефилы» не сумѣли поставить принадлежащія имъ учрежденія на должную высоту, не сумѣли сохранить ихъ отъ упадка. Это происходило, какъ кажется, отъ недостатка увѣренности въ томъ, чему же именно они служатъ, какой государственности и какому народу? Не зная Россіи, не владѣя русскимъ литературнымъ языкомъ, незнакомые въ достаточной мѣрѣ съ русской литературой, они, однако, отрицали право на существованіе за отдѣльнымъ украинскимъ языкомъ и возмущались украинской тенденціей полнаго обособленія отъ Россіи. Получалось какое-то странное, промежуточное положеніе, и фактически «москалефиламъ» не осталось больше мѣста въ Галиціи. На смѣну имъ пришла настоящая русская партія, провозгласившая единеніе Галицкой Руси съ Россіей и избравшая своимъ языкомъ русскую литературную рѣчь. Отрицать моральное и политическое право на существованіе у этой группы, оставшейся до войны сравнительно немногочисленной, конечно, нельзя. Если Германія вела свою политическую борьбу среди чешскихъ и другихъ австрійскихъ нѣмцевъ, если за нею могло быть признано право поддерживать украинцевъ, какъ противниковъ поляковъ, и какъ враговъ русскаго вліянія въ Галиціи,—то почему же было лишать этого права Россію, которая, во всякомъ случаѣ, была не менѣе заинтересована въ привлеченіи галицко-русскаго населенія на свою сторону. Опредѣленность позиціи обѣщала той партіи, во главѣ которой стоялъ депутатъ рейхсрата Марковъ, и къ которой примыкала довольно значительная группа молодежи, гораздо больше успѣха, нежели прежнее неясное положеніе «москалефиловъ». На этой почвѣ передъ русской партіей открывалось возможность практической работы въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя находились долгое время въ рукахъ «москалефиловъ». Среди этихъ послѣднихъ было нѣсколько замѣчательныхъ людей, какъ, напр., Наумовичъ, но въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ какихъ развивалось это движеніе, энергія его вождей постепенно замирала. Даже «Об-

[1]) A. von Rädlitz. Unter uns ohne Maske. Eine Antwort auf die Ruthenenfrage, von den Ruthenen selbst gegeben, 2 части. Wien. 1912.

щество имени Михаила Качковскаго», основанное въ 1874 году для распространенія народныхъ книгъ, развившее сначала весьма энергичную дѣятельность [1]), мало-по-малу отстало отъ украинской «Просвиты». Языкъ его отчетовъ—то же удивительное «язычіе», какимъ пользовался «Галичанинъ». По даннымъ отчета 1899 г. членами общества были 559 народныхъ библіотекъ, въ 1908 г. это число возросло уже до 1400, что указывало на возможность дальнѣйшаго развитія и этого общества, если бы оно вступило на какой-нибудь опредѣленный путь. Въ области экономической политики теоретики и кабинетные люди—«москалефилы» оказались совсѣмъ слабы: основанное въ 1873 г. «Общее рольничо-кредитовое заведеніе» было приведено къ разоренію; хозяйственная часть «Народнаго дома» и «Ставропигійскаго института» также была совершенно запущена. Въ 1909 г. не имѣлось даже каталога музея Ставропигіи.

Украинскія партіи обнаруживали несравненно большую энергію какъ въ своей просвѣтительной, такъ и въ экономической дѣятельности. Положеніе галицко-русскаго крестьянина, какъ и вообще галиційскаго, тяжко, и въ помощи интеллигенціи, которая бы его организовала, онъ нуждается. Между тѣмъ, ни польскій помѣщикъ, ни «москалефилъ», ждавшій спасенія отъ мнѣческаго вмѣшательства Россіи, не приходили къ нему на помощь. И въ этомъ отношеніи украинцамъ принадлежитъ, несомнѣнно, большая заслуга [2]). Галицко-русское населеніе еще въ большей мѣрѣ, нежели польское, представляетъ земледѣльческую массу: въ то время, какъ 8,6% галиційскихъ поляковъ питается отъ промышленности, у галицко-русскаго населенія это отношеніе падаетъ до 1,4%, а земледѣліемъ занято (по статистикѣ 1900 г.) 94,4% его, тогда какъ торговлей всего 0,4%. Въ предшествующей главѣ я уже приводилъ данныя землевладѣльческой статистики и относительной урожайности земли въ Галиціи. Всѣ эти данныя оказываются мало благопріятными для населенія. «Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, говоритъ А. Жукъ, что земля галицкаго хлѣбопашца сильно раздроблена и отягощена долгами. Долги съ каждымъ годомъ возрастаютъ, и ростъ этотъ во всякомъ случаѣ не пропорціонально великъ по сравненію съ ростомъ урожайности. За послѣднія десять лѣтъ, съ 1901 по 1910 г., ипотечная задолженность крестьянской собственности поднялась больше, чѣмъ вдвое, съ 291.263.061 кронъ до 629.476.605 кронъ. Однако ипотечными долгами не исчерпываются долги крестьянъ-хлѣбопашцевъ. Въ Галиціи еще и теперь не исчезло ростовщичество, и личныя долговыя обязательства крестьянъ, навѣрное, составляютъ не меньшую сумму, нежели ипотечныя. Страшно разоряетъ галицкаго земледѣльца также лихва товарная—при продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и закупкѣ предметовъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Если еще прибавить, что Галиція представляетъ типичный край безграмотности, то этотъ штрихъ прибавитъ еще больше выразительности печальной картинѣ экономическихъ отношеній въ странѣ». Причину этого грустнаго явленія украинская публицистика (см. статью Сид. Кузика «Задолжене сельськоі посілости в Галичині». Діло. 1911. № 199) видитъ прежде всего въ низкомъ уровнѣ земледѣлія, и именно на подъемѣ этого послѣдняго должна сосредоточиться работа государства и общества. «Если же сельское хозяйство не будетъ себя окупать, если хозяинъ не будетъ получать отъ земли дохода, на который онъ могъ бы жить, а напротивъ долженъ будетъ для своего существованія еще приплачивать на хозяйство и та-

[1]) Памятная книжка въ 25-лѣтній юбилей общества имени Михаила Качковскаго (1874—1899), списана О. А. Мончаловскимъ. Львовъ. 1899.

[2]) Пользуюсь для изложенія этого вопроса недавно появившейся книжкой *А. Жука* «Українська кооперація в Галичині» (Київ. Львів. 1913).

кимъ образомъ все глубже залѣзать въ долги, самъ онъ и его земля, то упадокъ крестьянскаго сословія станетъ неизбѣжнымъ, и его не удержатъ даже самые лучшіе законы о кредитѣ».

Кооперативное движеніе и ставило своей цѣлью помощь крестьянству въ его трудной борьбѣ за существованіе. По сравненію съ другими народами Австріи украинцы въ этомъ отношеніи нѣсколько отстаютъ, такъ какъ въ процентномъ отношеніи къ населенію страны нигдѣ количество кооперативовъ не оказывается столь низкимъ, какъ въ Галицкой Руси, гдѣ на 3.308 тыс. человѣкъ приходится всего 1.117 кооперативовъ. Изъ 3.788 кооперативовъ въ Галиціи, зарегистрированныхъ въ 1911 г., русскому населенію принадлежитъ, такимъ образомъ, всего 29.5%, польскому 65,8% и нѣмецкому 4,7%. Правда, къ числу польскихъ отнесены и еврейскіе кооперативы (числомъ до 1.000). Кромѣ того, по утвержденію А. Жука, «большая часть кооперативовъ, зарегистрированныхъ на польскомъ языкѣ (польскихъ и еврейскихъ), съ мѣстомъ управленія въ Восточной Галиціи (а ихъ здѣсь около 2.000) состоитъ въ значительной части, а иногда и въ большинствѣ своемъ, изъ украинскаго сельскаго населенія. Но это не лишаетъ названныхъ кооперативовъ польскаго или еврейскаго характера, ибо при темнотѣ, незнакомствѣ со своими правами и пассивности массы членовъ, вопросъ о національности этихъ кооперативовъ рѣшаетъ не масса членовъ, но единицы и группы, которыя основали эти кооперативы и стоятъ во главѣ ихъ. Большая часть галицкихъ кооперативовъ объединена въ 7 ревизіонныхъ союзахъ, въ томъ числѣ въ Патронатѣ для земледѣльческихъ кружковъ при земской комиссіи. Во всей Австріи было въ 1911 г. 92 союза, изъ этого числа въ Галиціи 21, но между этими послѣдними было 14 союзовъ спеціальныхъ, а не ревизіонныхъ. Патронатъ насчитывалъ въ 1911 году 1.378 кооперативовъ, украинскій мѣстный (ревизіонный) союзъ во Львовѣ 511, польскій Związek stowarzyszeń zarobkowych i gospodarczych во Львовѣ 278 кооперативовъ (въ 1910 г.), еврейскій Powszechny Związek na własnej pomocy opartych galicyjskich stowarzyszeń zarobkowych i gospodarczych во Львовѣ 464 кооператива (въ 1910 г.); остальные же кооперативы принадлежали къ другимъ союзамъ, или, вообще, стояли внѣ всякихъ союзовъ... Украинскихъ кооперативовъ, т.-е. зарегистрированныхъ на украинскомъ языкѣ, было въ 1911 году 1.117. Изъ нихъ принадлежало къ національному кооперативному союзу 495 (Областный ревизіонный союзъ въ Львовѣ), и около 120 кооперативовъ было заявлено, но еще не принято въ члены союза. Около 400 украинскихъ кооперативовъ входило въ Патронатъ, а остальные стояли внѣ національныхъ и областныхъ кооперативныхъ союзовъ». Въ 3.788 галиційскихъ кооперативахъ общее число членовъ составляло (въ кредитныхъ обществахъ) въ 1911 г. 1.253.809, которые обладали въ видѣ паевъ имуществомъ въ 82.302.969 кронъ, а общая задолженность членовъ составляла огромную сумму въ 601 милл. кронъ. Кооперативы некредитные, всего 486 (на общее число 3.788), имѣли въ общей сложности 52.333 члена съ паевымъ капиталомъ въ 9 милл. кронъ. На галицко-русское населеніе приходится, вѣроятно, около третьей части указанныхъ чиселъ.

Сельско-хозяйственное общество «Сільский господарь» было основано въ 1898 г. въ мѣстечкѣ Олескѣ Золочевскаго уѣзда, и здѣсь оно просуществовало до 1905 года, какъ мѣстное общество, ставящее своей цѣлью подъемъ земледѣлія и особенно плодоводства въ окрестностяхъ. Въ 1905 г. правленіе общества было перенесено во Львовъ, дѣятельность его распространена на всю восточную Галицію, а въ Олескѣ оставлено филіальное отдѣленіе. До 1909 г. общество развивалось медленно, и только украинская сельско-хозяйственная выставка въ Стрыѣ въ

1909 г. дала толчокъ его развитію. Былъ выработанъ новый уставъ, во главѣ общества стали новыя лица, наконецъ, отъ правительства была получена субсидія, которая въ законодательномъ порядкѣ была гарантирована на девять лѣтъ по 133.333 кронъ ежегодно. Благодаря энергіи лицъ, ставшихъ во главѣ «Господаря», общество разрослось въ нѣсколько лѣтъ въ весьма крупную величину. Въ концѣ 1912 года оно насчитывало уже 90 филіальныхъ отдѣленій, 1.151 кружокъ и 26.612 членовъ. Все, что относится къ подъему сельско-хозяйственной промышленности, т.-е. распространеніе спеціальныхъ знаній, устройство съѣздовъ, выставокъ, образцовыхъ хозяйствъ, проведеніе въ законодательныхъ учрежденіяхъ необходимыхъ мѣръ, посредничество въ пріобрѣтеніи земли и сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д., все это входитъ въ кругъ дѣятельности «Сельскаго Господаря», который пользуется поддержкою какъ министерства земледѣлія, такъ и исполнительной сеймовой комиссіи (Виділ краевий, Wydział krajowy, Landesausschuss). Главный совѣтъ общества сообщаетъ свои соображенія по вопросамъ аграрной политики и законодательства, имѣетъ своихъ представителей въ различныхъ мѣстныхъ и государственныхъ органахъ управленія. Одной изъ главнѣйшихъ задачъ его является, какъ уже упомянуто, распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія въ населеніи, и для достиженія этой цѣли общество устраиваетъ систематическіе курсы, съѣзды, выставки. О размѣрахъ этой дѣятельности общества могутъ свидѣтельствовать цифры: именно, въ 1911 г. лекціи устраивались въ 733 мѣстностяхъ, и 1.154 лекціи посѣтили 53.865 слушателей, въ 1912 г. было лекцій меньше (1.095), но слушателей больше, 64 тыс. «Въ лекціяхъ первое мѣсто занимаютъ темы организаціонно-агитаціонныя, о значеніи сельско-хозяйственной организаціи, а сверхъ того, лекціи по скотоводству и обработкѣ земли» (Жукъ. 24). Кромѣ устной пропаганды своихъ идей, общество широко пользуется и печатью, издавая еженедѣльный журналъ «Господарська Часопись» и различныя брошюры, распространяя даромъ по филіальнымъ отдѣленіямъ чужія изданія и учреждая библіотеки. Далѣе, весьма интенсивно общество работаетъ надъ созданіемъ образцовыхъ полей, которыхъ устроено въ два года (1911—1912) до 15 тыс. на разнообразныхъ почвахъ и съ различными формами сельскаго хозяйства. Въ области организаціи сельско-хозяйственной торговли общество проявило не менѣе интенсивную дѣятельность, создавъ рядъ кооперативовъ по сбыту продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Трудно, однако, рѣшить, сколько въ дѣятельности этого общества посвящалось просвѣщенію и экономическому подъему народной массы, и сколько здѣсь было политики («организаціонно-агитаціонной» дѣятельности), направленной все на тѣ же цѣли: на борьбу съ поляками и «москалефилами» и на пропаганду украинскихъ партій. Самая же народная масса все больше бѣднѣла и запутывалась въ неоплатные долги; галиційскій крестьянинъ фактически все больше становился крѣпостнымъ помѣщика, чаще всего еврея и рѣже поляка.

Учрежденіемъ, вѣдающимъ правильное развитіе кооперативовъ, является «Областный ревизіонный союзъ» (Краевий Союз ревізійний). Возникновеніе его объяснялось стремленіемъ ускорить медленный темпъ учрежденія кооперативовъ въ Галицкой Руси. По сообщенію А. Жука, «исторія зарегистрированныхъ украинскихъ кооперативовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исторія національнаго кооперативнаго движенія, какъ массового явленія, спеціально же исторія кредитной кооперації начинается съ 1894 г. Въ этомъ году, благодаря усиліямъ д-ра Т. Кармоша, возникло въ Перемышлѣ общество взаимнаго кредита «Вѣра», и за этимъ примѣромъ пошли другія мѣста. Но безъ центральнаго учрежденія, ко-

торое заботилось бы о кооперативахъ и доставляло имъ кредитъ, начавшееся движеніе обнаруживало довольно слабое развитіе. Въ виду этого и былъ основанъ въ 1898 г. Областной Ревизіонный Союзъ, который взялъ на себя задачу приходить на помощь при основаніи кооперативовъ, заботиться о нихъ и доставлять имъ кредитъ». Въ первый же годъ возникновенія Союза въ него вступило 17 кооперативовъ. Въ концѣ 1904 г. въ вѣдѣніи Союза состояло 84 кооператива, въ концѣ 1912 года уже 557, причемъ развитіе дѣла обнаруживаетъ бросающуюся въ глаза равномѣрность и послѣдовательность: очевидно, дѣло развивалось вполнѣ нормально, въ связи съ растущей потребностью въ кооперативной организаціи. Въ 1909 году Союзъ выработалъ новый уставъ, который опредѣляетъ цѣли его слѣдующимъ образомъ: производство ревизій въ кооперативахъ и ихъ союзныхъ объединеніяхъ, представительство и защита интересовъ кооперативовъ передъ властями и законодательными учрежденіями, созданіе новыхъ кооперативовъ, пріобрѣтеніе для нихъ кредита и т. п. Однимъ словомъ, все, что относится къ области внутренняго дѣлопроизводства и внѣшнихъ сношеній кооперативовъ, все, что можетъ содѣйствовать развитію интереса къ нимъ въ обществѣ и ознакомленія его съ кооперативнымъ дѣломъ, входитъ въ кругъ задачъ Союза. Для объединенія кооперативовъ по спеціальностямъ существуютъ союзы частные: «Краевый Союз кредитовий» для обществъ взаимнаго кредита, «Народна Торговля» для потребительныхъ и торговыхъ кооперативовъ, а также союзы для продажи скота, для сбыта молочныхъ продуктовъ, для покупки и продажи продуктовъ сельскаго хозяйства, машинъ и т. под. Спеціальные кооперативы, число которыхъ составляло въ 1911 году 511, раздѣляются на нѣсколько группъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ сельско-хозяйственные (477), изъ которыхъ большинство преслѣдовало кредитныя цѣли. Вообще же, на 511 кооперативовъ со спеціальными задачами 320 являются обществами взаимнаго кредита, что указываетъ на громадную потребность населенія въ доступномъ кредитѣ. Среди кооперативовъ мы находимъ самые разнообразные: это не только потребительныя товарищества, но и общества кровельныя, арендаторскія, домостроительныя. Совсѣмъ одиноко стоитъ среди кооперативовъ парцелляціонный: *единственное* учрежденіе среди 578 кооперативовъ, упомянутыхъ въ отчетѣ. Очевидно, задача подъема сельскаго хозяйства, использованія той земли, которая уже есть, стоитъ на первомъ планѣ. Это совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ въ Познани.

Среди украинскихъ кредитныхъ учрежденій, на которыхъ я не стану останавливаться болѣе подробно, первое мѣсто занимаютъ общество взаимнаго кредита «Дністер» (Днѣстръ), основанное во Львовѣ въ 1895 году и имѣвшее въ концѣ 1912 года 5.968 членовъ, и «Кредитный союзъ», какъ центральный органъ кредитныхъ обществъ, удѣляющій имъ на льготныхъ условіяхъ необходимый кредитъ. Сумма этого послѣдняго составляла въ 1912 году свыше 3 милл. кронъ. Необходимо упомянуть о сберегательныхъ кассахъ (Українська Щадниця, имѣвшая капиталъ въ концѣ 1912 г. почти въ 6 милл. кронъ), объ Ипотечномъ банкѣ, удѣляющемъ ссуды, главнымъ образомъ, мелкой земельной собственности. Наконецъ, внѣ Ревизіоннаго Союза подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстной сеймовой комиссіи находится еще свыше 400 украинскихъ кредитныхъ обществъ. Такимъ образомъ, общее число всѣхъ кредитныхъ учрежденій, обслуживающихъ галицко-русское населеніе, достигаетъ по вычисленію А. Жука, 1.011. Быть-можетъ, эти учрежденія помогутъ крестьянству Галиціи выбраться изъ цѣпкихъ лапъ ростовщиковъ, опутавшихъ его, его бѣдный скарбъ и плохо воздѣланную землю его.

Для борьбы съ дороговизной и недобросовѣстностью торговцевъ было учреждено уже въ концѣ 1883 года общество «Народная торговля», которое начало свое существованіе чрезвычайно скромно, съ «капиталомъ» всего въ 648 гульденовъ (т.-е. около 500 р.), но стало развиваться очень быстро. На юбилейномъ торжествѣ «Народной торговли» (8 дек. 1908 г.) директоръ Нагорный, служившій обществу съ самаго его основанія, произнесъ прекрасную рѣчь, [1]) въ которой охарактеризовалъ постепенный упадокъ былой мѣстной торговли вслѣдствіе западно-европейской конкуренціи. Прежде торговлю фруктами и сластями велъ «синеводскій бойко», теперь и онъ все рѣже появляется на свѣтъ; «его вытираетъ купецъ новомодный, купецъ западнаго края, передъ которымъ консервативное купечество должно отступать. Иначе и не можетъ быть въ такомъ краѣ, какой населяютъ наши народныя массы, въ краю, гдѣ, кромѣ небольшого количества хлѣба, ничто не производится, въ краю потребителей. Правда, кромѣ хлѣба, наша земля даетъ и иные продукты, какъ, напр., соль, нефть, а лѣса наши даютъ громадное количество всякихъ, древесныхъ матеріаловъ. Однако, все это производство не въ нашихъ рукахъ; выгоды его текутъ въ чужіе карманы, а нашъ народъ остается при всемъ этомъ производствѣ грубой рабочей силой. Въ послѣдніе годы, особенно послѣ основанія Народной Торговли, и пробудился интересъ къ купеческому, или, вѣрнѣе, къ лавочному дѣлу, и притомъ до такой степени, что и въ политическихъ, и въ экономическихъ, и въ просвѣтительныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ постоянно заходитъ рѣчь про лавки (про крамарство), и каждый думаетъ, что онъ приведетъ народъ къ полному благосостоянію. Однако на мой взглядъ это не есть единственное средство, которое, дѣйствительно, можетъ улучшить матеріальный бытъ народа, но представляетъ только маленькую частицу этихъ средствъ». Гораздо важнѣе создать собственную производительность, и общество «Народной Торговли», являясь посредникомъ между потребителемъ и производителемъ, содѣйствуетъ этой цѣли.

Съ 1885 г. «Народная Торговля» стала быстро развиваться. Ея склады и магазины возникали въ цѣломъ рядѣ городовъ Восточной Галиціи; она превратилась въ центральное учрежденіе украинской торговли, которое оказывало поддержку и частной торговлѣ, и различнымъ торговымъ кооперативамъ, возбуждало торговую иниціативу и т. п., а съ 1908 г. сдѣлалось союзомъ зарегистрированныхъ потребительныхъ обществъ. Если имѣть въ виду вышеуказанное значеніе этого учрежденія (Жукъ. 45—46), то все же приходится признать его развитіе довольно слабымъ. Именно, въ 1911—12 г. «Народная Торговля» имѣла 1.257 членовъ, поддерживала 831 торговое предпріятіе и насчитывала среди своихъ членовъ 47 потребительныхъ обществъ (въ іюнѣ 1913 г. уже 97). Какъ видно изъ отчета общества, эти торговыя предпріятія представляли весьма незначительныя торговыя величины: именно, всѣ 831 лавки пріобрѣли въ складахъ «Народной Торговли» товаровъ на сумму 919 тыс. кронъ, что даетъ въ среднемъ на одну лавку около 1.100 кронъ (немногимъ больше 400 р.). Чистая прибыль общества составила въ 1911—12 г. всего 10 тыс. руб. (25.931 кр.). Какъ мнѣ кажется, это свидѣтельствуетъ о томъ, что развить украинскую торговлю дѣло очень нелегкое. Потребуется еще много усилій въ этомъ направленіи, чтобы укрѣпить торговыя предпріятія при той конкуренціи, которую имъ приходится выдерживать, главнымъ образомъ, со стороны еврейскихъ коммерческихъ круговъ. Вѣдь въ Восточной Галиціи такъ же, какъ и въ Западной, торговля по преимуществу сосредоточена въ еврейскихъ рукахъ.

[1]) Двайцятьпятилітный Ювилей народної торговлі. 1883—1908.

При задолженности крестьянина, учрежденія «Народной Торговли» принуждены были бы открывать ему и со своей стороны кредитъ, но, такъ какъ для начинающаго предпріятія, какимъ все еще является «Народная Торговля», такой кредитъ просто не подъ силу, то оно кредитуетъ учрежденія. Въ этомъ отношеніи очень характерно слѣдующее указаніе украинскаго экономиста: «Среди кліентелы «Народной Торговли» видное мѣсто занимаютъ различныя украинскія просвѣтительныя и гуманитарныя учрежденія, каковы: бурсы, школы, пріюты и проч. Народная Торговля не только кредитуетъ эти учрежденія, давая имъ возможность существованія, но часто и списываетъ со своихъ счетовъ ихъ долги, приходя, такимъ образомъ, на помощь этимъ учрежденіямъ». Общая галиційская бѣдность и задолженность висятъ постоянной угрозой надъ самымъ существованіемъ «Народной Торговли», которая, какъ видно изъ вышеизложеннаго, играетъ видную и полезную роль и въ общекультурномъ развитіи страны. И то же самое тяготѣетъ надъ развитіемъ потребительныхъ обществъ, число которыхъ совершенно ничтожно. Такъ, 37 потребительныхъ обществъ, существовавшихъ въ 1911 году, насчитывали 3.488 членовъ (по 94 на общество) и обладали капиталомъ въ 63.443 кроны (ок. 685 руб. на общество); общій ихъ торговый оборотъ равнялся 1.442.769 кронъ, т.-е. въ среднемъ на каждое потребительное общество около 39 тыс. кронъ, или 15.600 руб.

Такъ какъ Галиція страна, по преимуществу, сельскаго хозяйства, то учрежденія, содѣйствующія развитію этого послѣдняго, должны имѣть здѣсь особенно важное значеніе. Изъ кооперативовъ, обслуживающихъ сельское хозяйство, А. Жукъ въ своей книгѣ останавливается болѣе подробно на трехъ группахъ. Во-первыхъ, это коопераціи по маслодѣланію (молочарські спілки), возникновеніе которыхъ относится къ 1901 г., а организація въ «Краєвий Союзъ господарськомолочарский въ Стрію» въ 1907 г. Въ 1911 г. имѣлся 81 такой маслодѣльный кооперативъ, который скупилъ у своихъ членовъ молока на 537.665 кронъ и выработалъ 250 тыс. килогр. масла. Кромѣ этихъ кооперативовъ, объединенныхъ въ Союзъ, имѣется еще нѣсколько десятковъ такихъ же кооперативовъ, находящихся подъ покровительствомъ комиссіи сейма. Повидимому, эта отрасль сельско-хозяйственной промышленности Галиціи развивается, такъ что въ 1912 г. Союзъ выстроилъ во Львовѣ собственный домъ. Задумано устройство спеціальнаго училища, на которое правительство обѣщаетъ выдать субсидію. Быть-можетъ, молочное хозяйство подыметъ разведеніе рогатаго скота. Какъ показываетъ статистика, количество его въ Галиціи сильно падаетъ.

Зато возрастаетъ съ большой быстротой свиноводство (цифры см. выше), которое доставляетъ галиційскому вывозу одну изъ важнѣйшихъ отраслей сбыта. И вотъ для организаціи этого дѣла общество «Сельській Господарь» стало учреждать кооперативы для продажи свиней. Первый транспортъ ихъ былъ отправленъ въ Вѣну въ ноябрѣ 1910 г., и въ Вѣнѣ за этотъ товаръ было заплачено гораздо дороже, чѣмъ на мѣстѣ. Такой успѣхъ заинтересовалъ и другихъ предпринимателей, и начали быстро возникать одно за другимъ общества для продажи свиней, такъ что въ концѣ 1911 г. ихъ имѣлось уже 62. «Въ 1912 году ростъ этихъ обществъ пріостановился, основалось всего нѣсколько новыхъ, такъ какъ общества для сбыта скота должны охватывать обширный районъ, обнимающій десятки деревень, чтобы имѣть много скота и часто высылать его на продажу; вѣдь только въ этомъ случаѣ могутъ покрыться расходы по веденію дѣла». Въ 1911 г. организовался и для этой цѣли спеціальный Союзъ (Союз для збуту худоби) во Львовѣ, гдѣ въ 1912 г. была учреждена Союзомъ колбасная фабрика. Свиноводство на грунтѣ

Вост. Галиціи, несомнѣнно, имѣетъ будущее, и это прибыльнѣйшее дѣло можетъ оказать могущественную поддержку крестьянскому хозяйству. Въ концѣ 1912 г. Союзъ насчитывалъ 83 члена, въ томъ числѣ 71 кооперативъ, которые (кооперативы) выставили на рынокъ до 73 тыс. свиней, 833 овцы и прочій скотъ (всего 73.607 штукъ) на сумму свыше 6 милл. кронъ. Далѣе, слѣдуетъ упомянуть объ «Областномъ союзѣ сельско-хозяйственно-торговыхъ обществъ» (Крайовий Союз господарсько-торговельних спілок), который возникъ въ 1911 г. для цѣлей пріобрѣтенія и сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, машинъ, искусственныхъ навозовъ и т. д. Въ концѣ 1912 г. Союзъ имѣлъ 481 члена, въ томъ числѣ 66 кооперативовъ и обществъ. Процессъ возникновенія и развитія кооперативовъ продолжался среди русскаго населенія Вост. Галиціи съ извѣстной интенсивностью. Вообще, среди украинцевъ Галиціи обнаруживалось стремленіе къ подъему національной жизни. Сельско-хозяйственная выставка въ Стрыѣ въ 1909 г. привлекла большое вниманіе экономистовъ, какъ показатель украинской сельско-хозяйственной промышленности.

Извѣстную энергію украинцы проявили и въ организаціи народнаго просвѣщенія. Главнымъ организаторомъ ихъ на этомъ поприщѣ явилось общество «Просьвита», основанное въ 1868 году [1]). Мысль учрежденія его вышла изъ круговъ молодыхъ русскихъ дѣятелей, недовольныхъ тѣмъ направленіемъ, которое сразу послѣ своего возникновенія приняла «Матица». Въ янв. 1868 г. въ газетѣ «Слово» появилась статья одного изъ вождей этихъ «молодыхъ», свящ. Квачалы, который поднялъ мысль объ учрежденіи общества, имѣющаго цѣлью «содѣйствовать народному просвѣщенію въ направленіяхъ нравственномъ, матеріальномъ и политическомъ съ помощью изданія практическихъ книжекъ, брошюръ и т. д. на томъ языкѣ, на какомъ говоритъ народъ». Эта мысль была подхвачена, составился комитетъ для разработки ея и, наконецъ, былъ выработанъ уставъ общества «Просвѣщенія», которое сошлось на первое собраніе 8 дек. 1868 г. Мало-по-малу къ числу чисто просвѣтительныхъ задачъ стали присоединяться, подъ вліяніемъ требованій жизни, и задачи экономическія, какъ, напр., учрежденіе различныхъ кооперативовъ. Потребовалось измѣнить уставъ, и по новому уставу 1891 г. цѣлью «Просьвиты» признается «просвѣщеніе и подъемъ благосостоянія русскаго народа» (руського народу). Передъ этимъ уже въ 1876 г. уставъ былъ измѣненъ въ духѣ его демократизаціи; члены платили въ годъ всего 2 кроны, за которыя получали даромъ изданія «Просьвиты». Съ этого времени количество членовъ въ обществѣ стало быстро возрастать, такъ что въ юбилейный 1908 годъ оно насчитывало уже свыше 23 тыс. членовъ и имѣло 47 провинціальныхъ отдѣленій. Кромѣ изданія общедоступныхъ книжекъ, «Просьвита» создала громадную сѣть народныхъ читаленъ, число которыхъ уже въ 1908 г. превышало 200. Наконецъ, въ 1912 г. уставъ «Просьвиты» опять подвергся измѣненію въ духѣ удовлетворенія всевозможныхъ экономическихъ, просвѣтительныхъ и національныхъ требованій украинскаго народа въ Галиціи. Учрежденія этого общества продолжали возрастать, его матеріальныя средства достигли весьма внушительныхъ размѣровъ, такъ что балансъ общества на 1912 г. превышалъ уже 471 тыс. кронъ. Въ 1913 г. Головная Управа (главное управленіе) общества устроила, по датскому образцу, высшіе и общедоступные курсы, нѣчто въ родѣ народнаго университета. Такимъ образомъ, на ряду съ широкой помощью народнымъ массамъ въ области эко-

[1]) *М. Лозинський.* «Сорок літ діяльности «Просвіти». Львів. 1908. Общество издаетъ ежегодные отчеты («Звіст») и календари, въ которыхъ въ отдѣлѣ «Наші товариства и інституції» можно найти подробный списокъ украинскихъ культурныхъ и другихъ обществъ.

номической, украинскіе дѣятели удѣляли вниманіе и подъему ихъ культурнаго уровня.

Высшимъ украинскимъ ученымъ учрежденіемъ является «Наукове товариство имени Т. Шевченко», основанное въ 1873 году для веденія типографіи и развитія украинскаго литературнаго движенія. До 1885 г. это общество развивалось очень медленно, и его содѣйствіе украинской литературѣ было почти платоническимъ. Изданіе литературнаго журнала «Заря», который «Товариство» начало въ этомъ 1885 году, измѣнило положеніе вещей. По словамъ А. С. Грушевскаго, этотъ журналъ объединилъ около себя литераторовъ не только Галиціи, но и Россіи. За отсутствіемъ украинскихъ журналовъ въ Россіи и при невозможности создать таковой, украинскіе литераторы часто посылали сюда свои произведенія. На страницахъ этого журнала появлялись всѣ тѣ новости и разсказы, которые не могли появиться въ Россіи по своему общественно-національному содержанію. «Заря» давала имъ пріютъ и такимъ образомъ являлась общеукраинскимъ литературнымъ изданіемъ, какъ и «Товариство» являлось общеукраинскимъ литературнымъ обществомъ. Съ 1892 г. «Товариство» превратилось въ ученое общество съ тремя отдѣленіями (филологическимъ, историко-философскимъ и математическо-естественно-медицинскимъ). Общество стало развивать энергичную научную дѣятельность; бюджетъ его ученыхъ изданій возросъ съ 9 тыс. кронъ въ 1895 г. до 40 тыс. въ 1908 г.; при обществѣ возникъ рядъ спеціальныхъ комиссій (археографическая, библіографическая, этнографическая и др.).

«Наукове товариство» подготовило кадръ ученыхъ спеціалистовъ для замѣщенія каѳедръ въ будущемъ украинскомъ университетѣ. Что касается украинской средней школы въ Галиціи, то, по даннымъ 1910 года, украинскія гимназіи имѣлись въ Коломыѣ, Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ и Тарнополѣ, кромѣ того, существовали частныя украинскія мужскія гимназіи въ Яворовѣ, Рогатинѣ, Городенцѣ и Копичинцахъ. Кромѣ мужскихъ, существовали и женскія средне-учебныя заведенія съ украинскимъ языкомъ преподаванія, но это были только частныя школы, содержимыя обществами и отдѣльными лицами, но не пользовавшіяся поддержкой со стороны правительства. Впрочемъ, вообще, въ Австріи количество казенныхъ женскихъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній несоразмѣрно мало по сравненію съ мужскими. Въ области средняго образованія украинцы дѣлали новыя пріобрѣтенія съ той же настойчивостью, какъ и въ области высшаго. Такъ, послѣ напряженной борьбы въ сеймѣ они добились 1 марта 1914 г. (нов. ст.) того, что правительство приняло на средства казны частныя мужскія гимназіи въ Чертковѣ, Яворовѣ и Рогатинѣ, а также обязалось открыть еще нѣсколько украинскихъ школъ въ разныхъ мѣстностяхъ Вост. Галиціи. Заканчивая этотъ обзоръ украинской и русской жизни въ Галиціи, слѣдуетъ признать, что украинцы обнаруживали большой запасъ энергіи, стремясь обезпечить своему народу полную культурную независимость отъ Польши.

Въ *Буковинѣ* [1]) составъ населенія, по переписи 1910 г., представляетъ слѣдующія національныя отношенія: 305.101 чел. принадлежитъ къ русскому племени, 273.254 къ румынскому, и эти двѣ народности представляютъ преобладающую массу въ населеніи страны. Затѣмъ слѣдуютъ

[1]) О русскихъ въ Буковинѣ см. K. Kaindl und A. Manastyrski. Die Ruthenen in der Bukowina. I—II. Theil. 1889—1890. *В. Доманицький.* «Про Буковину та життя буковинських українців». 1910. *Гр. А. Воскресенскій.* Православные славяне въ Австро-Венгріи. 1914. K. Fr. Kaindl. Geschichte der Deutschen in den Karpathenländern. III Band. 1911. Данныя, извлеченныя изъ новѣйшей буковинской официальной статистики, см. въ статьѣ М. Кордубы (Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1910, кн. VI). Кромѣ того, см. бібліографическія указанія въ книгѣ Л. Нидерле «Обозрѣніе современнаго славянства». 1909, стр. 40.

нѣмцы (168.851 чел.), поляки (36.210), мадьяры (10.391) и т. д. Евреи, которыхъ въ Буковинѣ много, причисляются къ одной изъ указанныхъ націй. Если обратиться къ статистическимъ даннымъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ, то наибольшій приростъ обнаруживаютъ нѣмцы. Такъ, въ 1851 г. въ Буковинѣ насчитывалось русиновъ и гуцуловъ 142.682, румынъ 184.718, нѣмцевъ же всего 25.592 чел. (и 11.856 евреевъ). Черезъ двадцать лѣтъ, къ 1 янв. 1870 г., число русиновъ поднялось до 186 тыс., румынъ до 207 тыс., нѣмцевъ до 47 тыс. и евреевъ также до 47 тыс. Поляковъ было въ 1851 г. 4 тыс., въ 1870 г. 5 тыс., что указываетъ на весьма слабый приростъ ихъ въ истекшее двадцатилѣтіе. Послѣ этого въ 1880 г. мы находимъ нормальное увеличеніе числа русиновъ (свыше 239,5 тыс.), уменьшеніе числа румынъ (всего до 190 тыс.) и приростъ нѣмцевъ, объясняющійся тѣмъ, что евреи и нѣмцы были отнесены, на основаніи языковаго принципа, къ одной группѣ. Наконецъ, въ 1890 г. русиновъ было уже 268 тыс., румынъ 208 тыс., евреевъ и нѣмцевъ 133 тыс., поляковъ 23,6 тыс. человѣкъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что русины развиваются численно съ полной непрерывностью. Отождествлять это буковинско-русское населеніе съ украинцами Галиціи не представляется возможнымъ уже потому, что такой важный факторъ національнаго самоопредѣленія, какъ религіозное исповѣданіе, здѣсь говоритъ противъ такого отождествленія: буковинскіе русины православные такъ же, какъ и румыны. По утвержденію В. Доманицкаго, хотя «теперь выходитъ такъ, что, напр., гуцулъ съ лѣвой стороны Черемоша или «*з Лядського*», какъ тамъ говорятъ (т.-е. изъ Галиціи или буквально съ Ляшской стороны)—уніатской вѣры, а тѣ же самые гуцулы по другую сторону рѣчки (з Волоського боку), въ Буковинѣ—православные; однако разница между православной и уніатской вѣрой такъ невелика, что люди ея даже совсѣмъ не знаютъ». Въ послѣднемъ можно усомниться уже потому, что духовенство Буковины подчинено далматинско-буковинской митрополіи, и что богослуженіе уніатское довольно значительно отличается отъ православнаго. Въ глазахъ православнаго населенія уніаты представляются скорѣе католиками, чѣмъ православными. Различна и историческая судьба русиновъ Буковины, которые были подчинены Молдавіи, а теперь также входятъ въ составъ отдѣльной автономной области и должны вести борьбу за свое національное существованіе не съ поляками, но съ румынами и нѣмцами. Такимъ образомъ, обстоятельства здѣсь складывались благопріятно для проникновенія въ сѣверную и западную Буковину, населенную русинами (русскими), русскаго вліянія, но надъ этимъ здѣсь работали такъ же мало, какъ и въ Галиціи, и результаты получались тѣ же самые: русское населеніе быстро украинизировалось. Высшее духовенство стояло обычно на точкѣ зрѣнія румынизаціи русскаго населенія; въ средѣ же русскобуковинской интеллигенціи проявлялось слишкомъ мало энергіи и иниціативы. Въ 1875 г. въ столицѣ Буковины, Черновцахъ, былъ основанъ университетъ съ «греко-восточнымъ богословскимъ факультетомъ», но и этотъ факультетъ не сдѣлался разсадникомъ русскаго національнаго просвѣщенія, но превратился въ одинъ изъ центровъ румынской образованности. Русины почти не поступали на этотъ факультетъ, такъ какъ имѣли мало шансовъ получить послѣ окончанія своего богословскаго образованія хорошій приходъ. «Затѣмъ, по словамъ проф. Воскресенскаго, немало виновата и новѣйшая антиклерикальная образовательно-воспитательная система, а также до нѣкоторой степени имѣетъ силу и вліяніе украинофильской соціалистической партіи на школьную молодежь, которая еще до поступленія въ университетъ тенденціозно проникается идеями нерасположенія къ церкви и духовенству... Къ сожалѣнію,

русскихъ буковинцевъ, въ частности принадлежащихъ къ народной старорусской партіи, неохотно принимаютъ въ университетъ, тогда какъ такъ называемые русскіе украиноманы [1]) находятъ туда свободный доступъ». Органъ русскаго населенія «Православная Буковина» горько сѣтуетъ на инертность русской интеллигенціи въ Буковинѣ. «У буковинской русской интеллигенціи, жалуется этотъ журналъ, нѣтъ охоты жертвовать на общее дѣло. Можно бы взять себѣ въ примѣръ многихъ румынскихъ священниковъ, которые стараются высылать ежегодно извѣстное число дѣтей изъ своего села въ школу». Въ то же время украинскія учрежденія, бурсы и т. под. пользовались полнымъ сочувствіемъ правительства. Особенно тяжелымъ преслѣдованіямъ русины Буковины подверглись въ 1900 г., когда созданныя съ большимъ трудомъ ихъ учрежденія (русскоправославный народный домъ съ общежитіемъ для гимназистовъ, такое же общежитіе въ Серетѣ, общество русскихъ женщинъ, общество студентовъ «Карпатъ») были закрыты по обвиненію въ руссофильской пропагандѣ. Процессы противъ дѣятелей, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ Россіей, продолжались, и въ 1914 году разыгрался одинъ изъ самыхъ значительныхъ. Украинцы съ каждымъ годомъ усиливались въ Буковинѣ. Главнымъ проводникомъ украинскаго движенія явился здѣсь съ 1885 г. профессоръ Черновицкаго университета по каѳедрѣ русскаго языка Смаль-Стоцкій. Съ 1895 г. введенъ и въ Буковинѣ фонетическій украинскій алфавитъ. Постепенно создалась въ Буковинѣ украинская литература (Федьковичъ, Воробкевичъ, Ольга Кобилянская и др.). Въ 1885 г. возникла первая политическая украинская газета «Буковина». Просвѣтительное общество «Руска Бесіда», основанное въ 1869 г., стало развивать энергичную дѣятельность только съ 1885 г., когда его взяли въ свои руки патріоты-украинцы, Смаль-Стоцкій и др. Они же организовали и первое крестьянское кредитное учрежденіе «Селянську касу» въ Черновцахъ. Это общество возникло въ 1903 году, объединило 150 сберегательныхъ кассъ по типу Райфейзена, нѣсколько потребительныхъ магазиновъ и т. д. Его обороты составляли уже въ 1907 г. 14 мил. руб. Однако, въ концѣ-концовъ, дѣло не пошло. Въ началѣ 1914 г. пришлось уже ликвидировать дѣла «Селянской кассы», и эта ликвидація равнялась полному краху (см. газ. «Рада», 23 февр. 1914 г.). Вообще, для оптимизма въ Буковинѣ мало почвы. Среди населенія все еще господствуетъ безграмотность: такъ, по даннымъ офиціальной статистики въ 1900 г. на 100 человѣкъ русскихъ въ Буковинѣ грамотныхъ приходилось всего 20,4. Упадокъ русскихъ выражается въ послѣднее время и въ уменьшеніи плодовитости среди нихъ (въ противоположность нѣмцамъ и румынамъ). Количество рогатаго скота обнаруживаетъ такія же отношенія, какъ и въ Галиціи: т.-е. уменьшается количество рогатаго скота, но зато возрастаетъ свиноводство. Промышленность въ Буковинѣ, вообще, развита слабо; промышленная статистика Австріи опредѣляетъ, напр., цѣнность буковинскаго производства въ горной промышленности за 1910 г. ничтожной суммой въ 330 тыс. кронъ. Такъ же слабо здѣсь развита и торговля. Что касается землевладѣльческихъ отношеній, то Буковина страна, по преимуществу, крайне мелкой земельной собственности: именно, на 109.170 хозяйствъ (1910) приходится здѣсь 61.850 хозяйствъ на пространствѣ меньше двухъ гектаровъ земли и 31.263 хозяйства на пространствѣ 2—5 гектаровъ. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что земля крайне задолжена. По вычисленію буковинской статистики годовой доходъ мелкой земельной собственности отягощенъ до высоты 99% процентами и рентами, такъ что мелкіе

[1]) Подъ этимъ названіемъ авторъ подразумѣваетъ молодежь, признающую себя украинцами.

земельные собственники могутъ поддерживать свое существованіе только заработками. Какъ сообщала украинская печать, въ 1913/4 г. Буковина пережила тяжелый аграрный кризисъ: банкротство болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, спекуляція землей, при которой спекулянтъ, уплативъ 10% стоимости земли, могъ получить имѣніе и т. д. Чрезвычайно жалкое положеніе русскаго населенія въ Буковинѣ открываетъ широкое поприще для дѣятельности элементовъ, болѣе культурныхъ и предпріимчивыхъ. «Нѣмецкая работа» въ Буковинѣ, по утвержденію Р. Кайндля, ведется весьма успѣшно. Меньшая смертность дѣтей въ нѣмецкихъ семьяхъ сравнительно съ румынскими и русинскими создаетъ «сравнительно быстрое нарастаніе нѣмцевъ» (Kaindl 404). Нѣмцы накопляютъ средства, скупаютъ новые участки земли и т. д. Между тѣмъ, среди русинской интеллигенціи идетъ ожесточенная борьба на почвѣ принадлежности къ украинству или «старорусской» партіи, здѣсь создается благопріятнѣйшая среда для развитія всяческаго политиканства, и русины Буковины оставались въ своемъ заброшенномъ и жалкомъ состояніи, принуждаемые къ массовой эмиграціи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что языкомъ преподаванія въ единственномъ буковинскомъ университетѣ, въ Черновцахъ (или Черновицахъ, какъ называется городъ по-польски и по-нѣмецки), служитъ нѣмецкій, что мужскихъ среднеучебныхъ заведеній здѣсь было въ 1910/11 уч. году всего 11, при чемъ на русскомъ (украинскомъ) преподаваніе велось лишь въ одномъ, а въ остальныхъ всецѣло или почти цѣликомъ господствовалъ нѣмецкій языкъ. Получалась поразительная картина германизаціи страны, въ которой нѣмцы составляли весьма незначительное меньшинство. Этими способами буковинская интеллигенція германизировалась и отчуждалась отъ своей народности.

Печально и безнадежно было положеніе русскаго племени въ Венгріи [1]). Хотя оно непосредственно граничитъ съ массой русскаго населенія въ Галиціи и Буковинѣ, занимая нѣсколько комитатовъ Венгріи въ бассейнѣ р. Тиссы, и хотя оно довольно многочисленно, оно оказывалось въ національномъ отношеніи совершенно безправнымъ. Главная территорія угроруссовъ заключается въ комитатахъ Мармарошскомъ, Бережскомъ, Ужскомъ (Ужгородъ, мад. Унгваръ является главнымъ центромъ Угорской Руси), Шаришскомъ, Земплинскомъ, Угочскомъ и Спишскомъ, гдѣ процентъ русскаго населенія колеблется между 56 (maximum) и 7 (minimum) процентами, и гдѣ общую численность русскихъ Томашевскій опредѣляетъ въ 505.294 чел. (42,6% всего населенія), тогда какъ официальная мадьярская статистика всего въ 410.544 (или 28,72% населенія). Точно опредѣлить численность угроруссовъ не представляется возможнымъ какъ по тенденціи мадьярской политики уменьшать эту численность въ статистическихъ отчетахъ, такъ и потому, что не всегда можно установить границу между русскими и словаками въ Венгріи и установить національность этого пограничнаго населенія. Кромѣ перечисленныхъ комитатовъ, угроруссы живутъ большими или меньшими

---

[1]) Старая литература объ Угорской Руси приведена въ статьѣ проф. Вл. Францева «Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси» (Русскій Филологич. Вѣстникъ. 1901). Изъ новой литературы особенно важны работы Томашевскаго *(С. Томашівський.* Етнографична карта Угорськоі Русі. Статьи по славяновѣдѣнію. Изданіе Академіи Наукъ III. 1910) и *Вл. Назарьева (Ол. Назаріів.* Етнографічна територія угорських українців-Русинів. Записки Наук. Товар. імени Шевченка. 1911. Кн. 2). Обзоръ національной жизни угро-руссовъ въ статьѣ *E.* Kołodziejczyk. Ruś węgierska. Świat Słowiański. 1911, № 74 и въ изданіи Національнаго клуба «Наши зарубежные братья въ борьбѣ за народность. Угорщина» (Отечественная библіотека. №11) 1911. По исторіи возрожденія Угорской Руси см. статью проф. Францева: «Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси» (Научно-Литературный сборникъ Галицко-русской Матицы за 1902 г., кн. 1). Весьма цѣнный фактическій матеріалъ заключается въ извѣстномъ трудѣ Сетонъ-Ватсона Racial problems in Hungary (чешск. пер. 1912).

островами въ другихъ комитатахъ, прилегающихъ къ главной территоріи угроруссовъ, и въ другихъ частяхъ Венгріи, но здѣсь ихъ численность незначительна, не доходя даже до 25 тыс. чел. (24.815 по Томашевскому). Нигдѣ, такимъ образомъ, угроруссы не живутъ сплошной національной массой, но въ большинствѣ занимаемыхъ ими комитатовъ они не составляютъ даже половины населенія. Поляки, мадьяры, словаки, евреи перемѣшиваются здѣсь съ русскимъ племенемъ. При такихъ условіяхъ добиваться національнаго признанія, особенно при мадьярскомъ режимѣ, угрорусскимъ политическимъ вождямъ было чрезвычайно трудно. Извѣстный мармарошскій процессъ въ началѣ 1914 года, закончившійся обвиненіемъ свящ. Кабалюка въ совращеніи угроруссовъ въ православіе и въ политической агитаціи въ пользу Россіи, показалъ, съ какой подозрительностью мадьярская власть относилась ко всякому проявленію національнаго сознанія въ этомъ племени. Угроруссы, какъ и галицкорусское населеніе, уніаты и малороссы. Опредѣлиться, какъ отдѣльный отъ русскаго (напр., какъ украинскій) народъ, они не успѣли, да и не хотѣли. Слишкомъ подавлена была здѣсь національная жизнь, чтобы могла образоваться стойкая въ національномъ отношеніи интеллигенція.

Однако, въ тотъ короткій промежутокъ относительной національной свободы, который былъ созданъ событіями 1848—49 годовъ, угроруссы рѣшительно заявили о своей принадлежности къ русскому народу. Какъ писалъ одинъ изъ вождей угрорусскаго національнаго движенія, І. Раковскій, «наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному единенію съ прочею Русью. У насъ, такъ сказать, никогда и вопроса не было по части образованія какого-нибудь отдѣльнаго литературнаго языка». Ту же мысль проводилъ въ 1852 г. «Вѣстникъ для русиновъ Австрійской имперіи», и на этомъ же принципѣ была основана дѣятельность главнаго проводника національной идеи въ Угорской Руси, А. И. Добрянскаго, который въ 1849 г. былъ назначенъ губернаторомъ четырехъ русскихъ комитатовъ, съ центромъ въ Ужгородѣ. Добрянскій сумѣлъ объединить около себя людей, преданныхъ народному дѣлу; изъ нихъ особенно видную роль игралъ свящ. Духновичъ, который издалъ на русскомъ языкѣ «Книжку для начинающихъ», выдержавшую рядъ изданій и получившую широкое распространеніе въ странѣ. Это движеніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ разлилось по всей Угорской Руси и обѣщало принести обильные плоды. Но русское пораженіе въ Крымской войнѣ, пошатнувъ международный престижъ Россіи, не замедлило отразиться и на судьбахъ «зарубежныхъ братьевъ». Однако, еще въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь были исполнены надеждъ на лучшее будущее, и предполагалось литературное сліяніе съ Россіей. Къ сожалѣнію, и здѣсь повторилось то же, что въ Галиціи и Буковинѣ: русскаго литературнаго языка не знали, и фактическая поддержка исходящаго изъ страны ассимиляціоннаго теченія со стороны Россіи была весьма слаба. Такъ, въ 1864 г. Яновичъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ объединенія, писалъ слѣдующее: «У насъ и теперь кто пишетъ по-русски, приблизительно къ великорусскому пишетъ; не испорчатъ корней словъ. Въ томъ дѣлѣ украйнскомъ писалъ госп. Редактору (Гал.-Рус. Матицы) Дѣдицкому, чтобъ они не кокетировали съ Украиною; далѣе, чтобы не позволяли расколъ дѣлать, корней испорчать, промишать буквы: *ѣ*, *ы*,—вмѣсто относительнаго *ся* пишутъ *ця!* Ужасъ! Я писалъ г. Дѣдицкому, что это упрямство противъ Россіи и языка русскаго, инспированное поляками, или фанатичными уніатами; я знаю такихъ, что и въ сообщеніи языка находятъ схизму и москальскаго духа». Это характернѣйшее письмо показываетъ, какъ трудно было бороться за единеніе. Созданіе австро-венгерскаго дуа-

лизма въ 1867 г., вообще, положило конецъ этой борьбѣ. Учрежденія угроруссовъ, возникшія въ годы свободы, «Общество св. Василія», газета «Свѣтъ», и т. д. должны были прекратить живую дѣятельность или и самое существованіе. Началась самая беззастѣнчивая мадьяризація, которую поддерживала и угрорусская интеллигенція, происходившая въ большинствѣ изъ семей уніатскаго духовенства. Изъ народныхъ школъ, гдѣ по закону 1868 г. языкомъ преподаванія былъ русскій, онъ все больше изгонялся. Къ этому присоединялось чрезвычайное экономическое истощеніе угрорусскаго крестьянства, которое отягощено долгами, подвергалось изгнанію изъ своей земли и трактовалось, вообще, безчеловѣчно. По поводу обращенія чиновниковъ-мадьяровъ къ русскому крестьянину въ формѣ: «Ты, русская собака», былъ даже сдѣланъ запросъ въ Венгерскомъ парламентѣ. Естественно, что русины-крестьяне утрачивали свою національность въ пользу словаковъ, поддерживаемыхъ чехами, а высшіе классы мадьяризовались, переходя въ лагерь побѣдителей. За тридцать лѣтъ (1870—1900) угроруссы потеряли для своей національности 213 общинъ (176 уступивъ словакамъ).

VIII.

Кашубы и остатки поморскихъ славянъ.

Литература: Fr. Tetzner. Die Slowinzen und Lebakaschuben. Berlin. 1899. Fr. Tetzner. Die Slawen in Deutschland. Braunschweig. 1902. А. Сиротининъ. Россія и славяне. 1913 (здѣсь прекрасная статья о кашубахъ, объ ихъ прошломъ и современномъ бытѣ). И. С. Рябининъ. О младокашубскомъ движеніи. «Голосъ Минувшаго». 1914, окт. (Здѣсь указанія и на другія статьи). B. Chrzanowski. Na kaszubskim brzegu. Poznań. 1910. K. Kościński. Kaszubi giną. Wiązanka wiadomości historycznych i statystycznych. Poznań. 1905. Его же. Idea słowiańska na Kaszubach. Poznań. 1908. K. Nitsch. Przegląd ostatnich prac, dotyczących stanowiska obszaru kaszubskiego (Materyały i prace Komisyi językowej Akad. Umiejętnosei w Krakowie. T. III. 1905). K. Kościński. Przyczynki do etnografii kaszub. Parafia Borzyszkowska. Toruń. 1905. Его же. Parafia Kaszubska Konarzyny. Toruń. 1906. Ianowicz. Stanowisko rzadu pruskiego wobec mowy kaszubskiej w ciągu ostatniego stulecia. Świat Słow. 1909, № 60. Его же. Ruch młodokaszubski. Swiat Słow. 1909. № 58. A. Wegnerowicz. Czesi o sprawach kaszubskich. Św. Słow. 1912. № 95. P. N. Boczkowski. Mladokašubské hnutí. Samostatnost. 1912. № 11—12. S. Frinta. Nejnovejši publikace o kašubech. Narodopisný věstnik československý. 1912. № 2—3. О языкѣ кашубовъ существуетъ обширная литература (Гильфердингъ, Рамултъ, Карловичъ, Бодуэнъ де-Куртенэ, Нитчъ и др.), въ которую я здѣсь входить не могу. По поводу книги Косцинскаго см. статью проф. В. А. Францева въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (1908 № 4), гдѣ указаны ошибки и тенденціозность въ этой книгѣ. Очень цѣнны изслѣдованія Ф. Лорентца о вымирающей вѣтви кашубовъ, словинцахъ, изданныя русской академіей наукъ (Slovinzische Grammatik. 1903. Slowinzische Texte. 1905. Slowinzisches Wörterbuch. I. Teil. 1908). Изъ органовъ кашубской печати наиболѣе важенъ, какъ выраженіе взглядовъ кашубской молодежи, «Gryf». Для изученія кашубской этнографіи выходитъ журналъ подъ редакціей Лорентца: «Mitteilungen des Vereins für kaschubische Volkskunde» (съ 1910 г.), въ которомъ помѣщаются матеріалы лингвистическаго и фольклористическаго содержанія. Много свѣдѣній о кашубахъ также въ познанскихъ газетахъ.

Кашубы представляютъ отрасль когда-то многочисленнаго поморскаго племени, обладавшаго собственной государственностью. Вслѣдствіе упорства въ язычествѣ и неприспособленности всей государственной жизни поморскаго княжества къ требованіямъ времени, оно не получило достаточнаго развитія, рано вступило въ борьбу съ болѣе сильными сосѣдями, поляками, нѣмцами и др., и когда нѣмецкое племя на-

чало неудержимымъ потокомъ надвигаться на востокъ, въ мѣстности, которыя оно когда-то уже занимало и которыя покинуло въ V—VI в. по Р. Х., то поморскимъ славянамъ эта борьба оказалась совершенно не подъ силу. Уже въ XI в. она, можно сказать, почти окончилась совершеннымъ пораженіемъ славянства, но Поморія еще сохраняетъ свое правящее сословіе, правда, уже онѣмеченное, а также высшіе классы, которые до извѣстной степени еще стоятъ на стражѣ славянской народности. Нѣмецкій орденъ Крестоносцевъ стремился уничтожить всякія проявленія національной славянской жизни и германизировать страну. Въ первой половинѣ XII в. страны поморскихъ славянъ принимаютъ крещеніе, нерѣдко насильственно; церковь оказалась здѣсь учрежденіемъ, совершенно чуждымъ народной массѣ [1]). «Слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ господствующее въ литературѣ мнѣніе, что своего славянопоморскаго клира страна никогда не имѣла» (Бречкевичъ. 149). Это обстоятельство еще ускорило германизацію славянскаго Поморья. Зоммерфельдъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ цѣлую эпоху съ 1124 по 1234 г. характеризуетъ какъ время «германизаціи, производившейся подъ руководствомъ духовенства». Этотъ процессъ облегчался немногочисленностью высшаго славянскаго класса, возвышавшагося надъ крѣпостной крестьянской массой. По мнѣнію Зоммерфельда (Gesch. der Germanis. 57), все населеніе герцогства Поморскаго въ эпоху его наибольшаго территоріальнаго распространенія, въ XII вѣкѣ, не превышало четверти милліона человѣкъ; число дворянскихъ семей составляло 300—400. Конечно, при такой немноголюдности поморская шляхта не могла оказать сколько-нибудь существенной задержки процессу германизаціи. «Особенно важнымъ для дальнѣйшаго проникновенія германизма событіемъ явилась иммиграція нѣмецкаго дворянства. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій существованія на родинѣ, эти дворяне нерѣдко покидали ее и заводили новый очагъ въ открывающейся колоніальной странѣ. Пути пролагало для нихъ стремленіе славянскихъ государей создать въ своей странѣ и при своемъ дворѣ нѣмецкое дворянство... Часть старой славянской шляхты извлекла отсюда указанія, что и ей слѣдуетъ принять нѣмецкіе нравы и культуру, другая же, напротивъ, упорно боролась съ ней, но вслѣдствіе этого отстала отъ своего времени и погибла» (Wehrman. I. 110). Нѣмцами же наполнились и поморскіе города, а другіе города и заново были основаны нѣмцами. На одинъ XIII вѣкъ приходится свыше 30 такихъ городовъ, прежде славянскихъ, но потомъ населенныхъ нѣмецкимъ мѣщанствомъ, не говоря уже о другихъ городахъ, имъ же и основанныхъ. Около 1300 г., продолжаетъ Верманъ, Поморье еще не было вполнѣ нѣмецкой страной; славянское населеніе здѣсь еще значительно преобладало своей численностью, но оно находилось уже въ совершенномъ упадкѣ. Повсюду тѣснимые новыми пришельцами, исключенные отъ общенія съ ними, славяне бросились въ поискахъ лучшей судьбы на востокъ. Изъ дворянства часть приняла нѣмецкую народность и слилась съ побѣдителями, часть же, повидимому, упорствуя въ своихъ старыхъ правахъ, опустилась и перешла въ ряды крестьянства. Въ городахъ славяне селились отдѣльно, иногда ихъ держали за городскими стѣнами и совсѣмъ не впускали въ города, иногда они заводили собственные поселки около нѣмецкихъ деревень; чаще всего, однако, славяне вели жалкое существованіе въ своихъ глухихъ селеніяхъ, которыя назывались виками, и постепенно, почти безъ сопротивле-

[1]) По исторіи Поморья см. M. Wehrmann. Geschichte von Pommern I—II. 1904—6. Sommerfeld. Geschichte der Germanisierung d. Herzogtums Pommern. 1896. *М. В. Бречкевичъ.* Введеніе въ соціальную исторію княжества Славіи, или Западнаго Поморья, Юрьевъ. 1911 (здѣсь и вся новѣйшая литература предмета).

нія германизировались. Наконецъ, въ 1308 г. нѣмецкіе крестоносцы, ворвавшись ночью въ Данцигъ (Гданскъ), вырѣзали тамъ почти все славянское населеніе, всѣхъ представителей высшихъ классовъ, которые еще уцѣлѣли у поморовъ. Это еще болѣе ослабило славянскій элементъ въ Поморьѣ. О славянахъ здѣсь мы слышимъ съ этихъ поръ все рѣже и рѣже.

Уцѣлѣвшіе донынѣ остатки поморскихъ славянъ, кашубы, занимаютъ поселенія вдоль Балтійскаго моря, къ сѣверу отъ Данцига на 50 километровъ (до дер. Большая Весь). Отсюда ихъ область поворачиваетъ на сѣверо-западъ до Розевья (8 килом.) и отсюда прямо на западъ, до устья р. Пясницы (17 килом.), такъ что весь этотъ узкій поясъ кашубскихъ поселеній тянется всего на 75 километровъ. Кромѣ того, они же занимаютъ длинный и узкій полуостровъ Хельскій, который выдается въ море на 35 км. «Границы кашубской области ведутъ отъ Каменя черезъ Бжезно, Бытовъ, Лемборгъ къ озеру Жарновскому, затѣмъ вдоль морского берега къ Данцигу, а оттуда мимо Скаршевы и Ленга къ Камени. Отъ сплошного поселенія кашубовъ отдѣлена часть ихъ при озерахъ Лебскомъ и Гарденскомъ» (A. Boháč въ сборникѣ Slovanstvo. 1912, стр. 143). Эта кашубская полоса мало плодородна, и вообще, убога; лишь вдоль рѣкъ тянутся болѣе плодородныя мѣста. Бѣдные земледѣльцы и рыбаки составляютъ массу кашубскаго народа. Происхожденіе названія «кашубъ» (kaszeba, kaszuba) неясно. Установившееся въ прежнее время толкованіе этого имени, какъ насмѣшливаго прозвища, производимаго отъ названія верхней одежды (кожухъ, шуба), признается въ настоящее время [1]) не удовлетворительнымъ, и дѣйствительно, оно наталкивается на рядъ затрудненій. Численность этого маленькаго народа опредѣляется лишь приблизительно, такъ какъ офиціальная нѣмецкая статистика, въ угоду германизаціонной дѣятельности прусскаго правительства, не различаетъ поляковъ и кашубовъ. На основаніи различныхъ показаній (см. у Спротинина 114—115) можно думать, что общая численность кашубовъ въ Помераніи (Pommern—Поморье) и Западной Пруссіи составляла въ 1905 г. немногимъ болѣе 135 тыс. чел. [2]), теперь же, вѣроятно, около 140 тыс. человѣкъ, не считая тѣхъ 50—60 тыс. человѣкъ, которые эмигрировали въ Америку и представляютъ для своего народа, въ сущности, уже отрѣзанный ломоть. По наблюденіямъ одного изъ выдающихся знатоковъ польской діалектологіи, проф. К. Нитча, поселенія кашубовъ простирались когда-то дальше на югъ, гдѣ они соприкасались съ великопольскимъ населеніемъ, вслѣдствіе чего на границѣ образовались переходные кашубско-польскіе говоры. Среди кашубовъ сохранились кое-гдѣ еще мѣстныя племенныя названія, но, будучи записаны нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, уже совершенно вышли изъ употребленія. Такъ, кашубы назывались въ округѣ Столпскомъ *кабатками*, насмѣшливымъ названіемъ, производимымъ отъ слова *кабатъ* (въ транскрипціи Лорентца kabot, откуда kabotkove), означающаго длинный мужской кафтанъ; въ другомъ мѣстѣ кашубской области такая же одежда носила названіе *карватки* (karvatka), откуда и мѣстное прозвище *карватки*. *Кашубами* въ узкомъ значеніи слова назывались только тѣ, которые жили на прусско-померанской границѣ отъ Царновицы до Шлохау. Въ церковныхъ приходахъ Шмольсинъ и

[1]) Различныя статьи изъ журнала «Mitteilungen des Vereins für kaschubische Volkskunde» (вып. I—VIII. 1908—1913). Здѣсь я имѣю въ виду слѣд. статьи: I. Gulgowski. Der Name Kaschubei (вып. 4); F. Lorentz. Die kaschubischen Stammesnamen. (вып 2); I. Kobliszke и F. Lorentz. Der Name Slovinzen (вып. 1); K. Nitsch. Reichte das Kaschubische einst weiter nach Süden? (вып. 5) и др.

[2]) Для 1905 г. Лорентцъ насчитываетъ 137751 кашубовъ; журналъ «Gryf» (1909) въ статьѣ «Ilu kaszubów jest na Kaszubach?» опредѣляетъ это число въ 135,199. См. Mitteilungen des Vereins für Kaschub. Volkskunde. 1910, вып. 5, стр. 225—227.

Гарде (въ округѣ Столпъ) кашубы называются *словинцами* (slovincc). Относительно происхожденія этого послѣдняго названія возникъ научный споръ, который выяснилъ его непародность: словомъ slowenski (кашуб.-діаклетич. slovinski) обозначалось въ XVI—XVII в. только славянское богослуженіе. Но «въ народномъ сознаніи съ понятіемъ словинецъ связалось представленіе о посѣщеніи славянскаго богослуженія», и это слово превратилось въ племенное названіе.

Въ послѣднее время былъ поднятъ вопросъ о научности и самого названія *кашубъ*. Этотъ вопросъ былъ поставленъ въ связь съ вопросомъ о древнѣйшемъ распространеніи кашубскаго племени. Между двумя изслѣдователями кашубской исторіи, Лорентцомъ и Коблишке, завязалась полемика, которая выяснила нѣкоторыя данныя, касающіяся историческихъ судебъ кашубскаго народа [1]). Именно, Лорентцъ доказывалъ, что среди владѣній герцоговъ поморско-штетинскихъ словомъ Cassubia называлась та область, которая охватывала самую восточную часть страны и граничила съ Восточнымъ Поморьемъ, тогда какъ въ этомъ послѣднемъ и въ Полыпѣ подъ Cassubia подразумѣвалась не только эта область, но и все западно-поморское государство. Въ доказательство этого Лорентцъ ссылается на документы 13 в., говорящіе о городѣ Бѣлградѣ (тел. Belgard близъ озера и рѣки Leba) въ Кашубіи и точно указывающіе на то, что герцоги поморскіе видѣли въ этой послѣдней лишь часть своихъ владѣній (dux slavorum et Cassubie и т. под.). Еще въ XVI в. писатель Кантцовъ считалъ Кашубію лишь частью Померапіи, а въ XVIII в. Кашубія опредѣлялась тремя городами («Kassuben, wo Neustettin, Regenwalden und Polzin» въ книгѣ «Anleitung zur gründl. u. nützl. Kenntniss der neuester Erdbeschreib». 1769). Противъ этихъ умозаключеній Лорентца выступилъ Коблишке, который утверждаетъ, что все западное Поморье, а не какая-нибудь часть его, называлось Кашубіей. По его мнѣнію, это доказывается и документомъ 1268 г., гдѣ различаются Slavia (Мекленбургъ), Cassubia (Зап. Померанія) и Pomerania (Вост. Померанія, Ost. Pommern). Самое названіе *Кашубія* ведетъ свое происхожденіе отъ поляковъ и вост. поморовъ, примыкавшихъ къ полякамъ. Въ дѣйствительности же зап. поморы никогда не называли себя, какъ полагаетъ Лорентцъ, кашубами, и этотъ терминъ вошелъ въ официальное употребленіе ради необходимости различать Восточное и Западное Поморье. Впослѣдствіи, уже въ XVI в., это названіе было перенесено на славянское протестантское населеніе и Вост. Померапіи (Stolp, Lauenburg, Butow), хотя первоначально оно такъ не называлось и въ дѣйствительности кашубскимъ не было. Затѣмъ, послѣ 1772 года, когда польское Поморье было присоединено къ Пруссіи, имя кашубовъ было перенесено и на Западную Пруссію (West Preussen), гдѣ оно не имѣетъ для себя никакой исторической почвы. «Только незнакомые съ исторіей люди, которые ставили въ упрекъ «полякамъ» (polôsze), какъ сами себя охотно называли славяне Зап. Пруссіи, жившіе у Балтійскаго моря, ихъ неправильный говоръ, окрестили ихъ кашубами (Kaszuben, Hinterpommern). Такъ какъ прозвища распространяются быстро, то и нѣмецкіе, русскіе и польскіе дилетанты заговорили о кашубахъ въ Померапіи, вмѣсто того, чтобы поизслѣдовать исторію и вернуть послѣднимъ ополяченнымъ потомкамъ восточныхъ поморовъ Святополка (герцога XIII в.) ихъ заслуженное имя поморовъ въ смыслѣ XIII вѣка»: такъ заключаетъ цѣпь своихъ доказательствъ Коблишке. Онъ предлагаетъ даже совсѣмъ исключить изъ научной терминологіи названіе кашубовъ и вернуться

[1]) Fr. Lorentz. Welches Recht haben die Kaschuben Westpreussens auf diesen Namen? (Mitteilungen. вып. 5). I. Koblischke. Zum Kaschubennamen (Mitteilungen, вып. 5. 1910).

къ поморскимъ славянамъ, потомками которыхъ являются т. наз. кашубы. Однако, даже принимая доказательства Коблишке, мы не должны итти такъ далеко и отказываться отъ крѣпко установившагося названія славянъ, живущихъ вдоль Данцигскаго залива, кашубами. И въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду говорить именно о кашубахъ (въ этомъ условномъ смыслѣ слова). Обратимся къ ихъ дальнѣйшимъ историческимъ судьбамъ.

Почему эта малочисленная отрасль поморскаго племени не вымерла и не германизировалась въ то время, когда вся масса поморскаго славянства, населеніе Мекленбурга, Восточной и Западной Пруссіи, давно уже подверглась этой участи? Это объясняется отчасти характеромъ мѣстности, гдѣ удержались кашубы, отчасти тѣмъ, что въ 1466 г. все Повисліе отъ Торна до Данцига Польша присоединила къ своимъ владѣніямъ. Кашубы въ значительной мѣрѣ полонизовались, но сохранили свою славянскую народность. По первому раздѣлу Рѣчи Посполитой вся эта область вошла въ составъ Пруссіи, которая и начала здѣсь такъ же, какъ нѣсколько позже въ Познани, политику отчужденія польскихъ земель. Въ 1772 г. земельная собственность въ кашубскомъ краѣ находилась по преимуществу въ рукахъ польскихъ и кашубскихъ. Въ брошюрѣ Коснинскаго «Kaszubi gina» подробно изложено, какъ совершался затѣмъ процессъ постепеннаго перехода польскихъ земель въ нѣмецкія руки. Въ 1772 г. всѣ дворянскія имѣнія въ уѣздѣ Тухольскомъ находились во владѣніи поляковъ, въ настоящее время такихъ польскихъ имѣній остается уже немного, и колонизаціонная комиссія скупаетъ ихъ одно за другимъ. Въ другихъ уѣздахъ дѣло обстоитъ еще хуже, и здѣсь уже приходится говорить о жалкихъ остаткахъ польскаго и кашубскаго землевладѣнія. Первое пробужденіе кашубскаго національнаго сознанія относится къ эпохѣ реформаціи въ XVI в., когда среди кашубовъ стало распространяться протестантство. Въ 1586 г. Шиманъ Крофей перевелъ на кашубскій языкъ религіозныя пѣсни лютеранства («Duchowne pieśnie D. Marcina Luthera y ynszich naboznich mężów z niemieckiego w Slawiesky język wilczone»). Какъ показываетъ и самое заглавіе, написанное на польскомъ языкѣ, здѣсь господствуетъ польское вліяніе. Въ XVII в. этотъ починъ созданія кашубской духовной литературы продолжалъ протестантскій пасторъ (въ Смолдзинѣ) Михаилъ Мостникъ, или, какъ онъ самъ себя называетъ, «Michał Mostnik alias Pontanus albo Brückmann». Онъ издалъ въ 1643 г. малый катихизисъ Лютера и стихотворную исторію Страстей Господнихъ. И въ этихъ книжкахъ находитъ свое полное выраженіе польское литературное вліяніе: эта кашубская редакція тѣхъ изданій, которыя выпускали въ то же время польскіе протестанты. И протестантство здѣсь такъ же не удержалось, какъ и въ Польшѣ.

Послѣ этого почти на два вѣка прекращается кашубская литература. Данцигскій евангелическій пасторъ Христоформъ Мронговіусъ перепечаталъ въ 1828 г. катихизисъ Мостника. Онъ собиралъ также на Поморьѣ старыя церковныя и религіозныя пѣсни, которыя въ 1803 г. напечаталъ «на добровольное иждивеніе поморскихъ обывателей» (Pieśnioksiąg czyli Kancyonał Gdański). Затѣмъ въ 1812 г. онъ издалъ книжку «Polnischer Wegweiser», гдѣ указалъ и на кашубскій языкъ, а въ 1823 г. нѣмецко-польскій словарь. Какъ полагаетъ весьма компетентный историкъ русскаго славяновѣдѣнія проф. В. А. Францевъ, этотъ трудъ Мронговіуса сдѣлался извѣстенъ въ русскихъ научныхъ кружкахъ, живо интересовавшихся славянствамъ и группировавшихся около достопамятныхъ въ исторіи русской общественности государственнаго канцлера графа Румянцева и адмирала Шишкова, много сдѣлавшаго въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія для учрежденія каѳедръ славяновѣдѣнія въ

русскихъ университетахъ. Не ограничиваясь платоническимъ сочувствіемъ, гр. Румянцевъ пользовался своими значительными средствами, чтобы возбудить и подвигать впередъ изслѣдованія по славистикѣ. Въ концѣ 1825 г. онъ переслалъ Мронговіусу свои изданія и 200 руб. съ порученіемъ, какъ сообщалъ ближайшій къ Румянцеву сотрудникъ его Кеппенъ въ своихъ «Библіографическихъ листахъ», объѣхать кашубскія селенія и «составить по возможности словарь сего погасающаго нарѣчія и собрать хоть нѣкоторыя преданія, существующія въ устахъ сихъ поморянъ». Въ 1835 г. Мронговіусъ издалъ «Ausführliches polnisch-deutsches Wörterbuch», гдѣ были помѣщены и кашубскія слова. При этомъ Мронговіусъ высказывалъ предположеніе, что кашубскій языкъ ближе къ русскому, чѣмъ къ польскому, и это предположеніе при тогдашнемъ младенческомъ состояніи славяновѣдѣнія, естественно, должно было вызвать сильный интересъ. Молодому русскому слависту, П. И. Прейсу, отправлявшемуся въ путешествіе по славянскимъ странамъ, было поручено провѣрить это показаніе на мѣстѣ. Въ своемъ отчетѣ, представленномъ въ 1840 году, онъ удостовѣрилъ, что кашубскій языкъ принадлежитъ къ западнославянскимъ («отрасль діалекта лехитовъ»). Позже, въ 1856 г., посѣтилъ кашубскую территорію знаменитый русскій славистъ Гильфердингъ, которому принадлежитъ нѣсколько важныхъ описаній кашубовъ [1]). Интересовалась кашубами и русская Академія Наукъ, печатавшая матеріалы Цейновы по кашубской этнографіи и внимательно слѣдившая за развитіемъ кашубовѣдѣнія. Естественно, что и сами кашубскіе писатели съ надеждой взирали на русское общество, тѣмъ болѣе, что поляки въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка переживали тяжелые политическіе кризисы. Но какъ Мронговіусъ, такъ и Цейнова, выросли на польской книжной и національной традиціи, хотя Цейнова позже горячо отстаивалъ идеи кашубской національной самобытности.

Цейнова—продуктъ той романтической эпохи, которая повсюду пробудила новыя національныя стремленія. Онъ родился въ 1818 году, происходилъ изъ крестьянской среды и крѣпко хранилъ до конца своихъ дней народническіе идеалы. Гимназическіе и студенческіе годы его прошли подъ сильнымъ вліяніемъ польской эмиграціонной литературы, и въ Познанскомъ возстаніи 1846 года Шейнова принялъ живое участіе, за что и былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной долголѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. 1848 годъ принесъ ему амнистію. А затѣмъ въ душѣ Цейновы произошелъ рѣзкій переворотъ въ сторону отъ польской народности къ кашубской. Близость языковъ польскаго и кашубскаго, несмотря на долголѣтнее политическое сожитіе и вліяніе польскаго народа на кашубскій, все же не настолько велика, чтобы можно было понимать свободно по-польски, зная только по-кашубски. И вотъ въ 1850 г. Цейнова выступаетъ въ мѣстной газетѣ «Школѣ народовой» (въ Хелмнѣ) со статьей, въ которой выражаетъ надежду, что кашубы сумѣютъ развить собственный литературный языкъ. Это убѣжденіе пылкій и ни передъ какими трудностями не останавливавшійся писатель положилъ въ основаніе всей своей литературной дѣятельности, въ изданіе тѣхъ кашубскихъ брошюрокъ, которыя онъ самъ печаталъ на свои собственныя средства и старательно распространялъ. Польское общество смотрѣло на эту дѣятельность Цейновы враждебными глазами, видя въ ней вредныя сепаративныя побужденія. Симпатіи Цейновы къ Россіи, его поѣздка на московскій славянскій съѣздъ 1867 года учитывались,

[1]) Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря 1862. О парѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубовъ. Извѣстія II Отдѣл. Академіи наукъ т. VIII.

какъ проявленія губительнаго «москалефильства». Конечно, мы, русскіе, можемъ только сочувствовать этимъ выраженіямъ русскихъ симпатій кашубскаго писателя, но съ точки зрѣнія той пользы, которую могла принести дѣлу кашубскаго національнаго возрожденія основная тенденція Цейновы, приходится признать, что онъ сѣялъ на пескѣ. Создать самобытную кашубскую народность при ея немногочисленности и при наличныхъ условіяхъ ея политическаго и экономическаго существованія не представлялось возможнымъ. Уберечь ее отъ германизаціи могло только присоединеніе къ польской культурѣ, при оставленіи за кашубской значенія простонароднаго языка, тогда какъ Россія была слишкомъ далека и чужда, чтобы принимать активное участіе въ народной кашубской работѣ. Наконецъ, въ безуспѣшности его дѣятельности повинны и личныя особенности Цейновы. «Проповѣдь Цейновы,—говоритъ А. Н. Сиротининъ,— не имѣла успѣха у кашубской интеллигенціи; не имѣли успѣха его листки и въ народѣ. Можетъ-быть, этому мѣшали до извѣстной степени особенности введеннаго правописанія, но главной причиной было отсутствіе въ немъ литературнаго таланта». Однако, Цейнова пробудилъ интересъ къ кашубамъ и нѣкоторое движеніе среди кашубской интеллигенціи, и дѣло его не умерло.

Только, повидимому, окончательно сошло въ могилу вмѣстѣ съ Цейновой то узко націоналистическое направленіе, которое онъ выражалъ. Третій кашубскій писатель, Ярошъ Дырда (Дердовскій), происходилъ изъ шляхетской среды и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ польско-кашубскаго единенія. По-польски онъ писалъ, пожалуй, больше, чѣмъ по-кашубски, а когда писалъ по-кашубски, вставлялъ постоянно польскія слова. Дердовскому принадлежитъ нѣсколько шуточныхъ кашубскихъ поэмъ, въ которыхъ рисуются удивительныя приключенія героевъ въ обстановкѣ простонародной кашубской жизни. Такова его поэма «О панѣ Чорлинскомъ, который ѣздилъ въ Пуцкъ за сѣтями» (1880, послѣд. изд. 1912 г.) или поэма въ духѣ исторической эпики «Kaszuby pod Widnem» (Кашубы подъ стѣнами Вѣны), вышедшая въ 1893 г. и разсказывающая объ освобожденіи Вѣны поляками въ 1683 г. Таковы же и различныя прозаическія сочиненія Дердовскаго. Въ поэзіи это явный подражатель Мицкевича. «Прекрасный край кашубскій, обѣтованная земля, всюду прославленная великой добродѣтелью твоихъ смѣлыхъ сыновъ. Нигдѣ на свѣтѣ ты не найдешь теперь уголка, гдѣ бы не осталось воспоминанія о насъ, кашубахъ»... Такъ начинается съ очевиднымъ подражаніемъ «Пану Тадеушу» поэма Гіеронима Дердовскаго «Кашубы подъ Вѣной».

Болѣе серьезное значеніе для кашубской національной идеи имѣла та политическая и національная борьба, которую вели въ Пруссіи поляки. Именно, подъ ея воздѣйствіемъ создалась кашубская молодая интеллигенція, которая объединилась около доктора Александра Майковскаго и созданнаго имъ журнала «Грифъ». Самое это названіе характерно: грифъ былъ гербомъ поморскаго княжества, который еще донынѣ сохранился на башнѣ Данцигской ратуши. Онъ выступилъ съ двумя книжками стиховъ (1899 и 1905), но, конечно, гораздо большее значеніе принадлежитъ его издательской и журнальной дѣятельности. Первая попытка издавать кашубское приложеніе къ польской газетѣ (Gazeta Gdańska, приложеніе «Drużba» 1906) натолкнулась на несочувственное отношеніе со стороны польскаго общества. Въ 1908 г. Майковскій приступилъ къ изданію посвященнаго кашубскимъ полякамъ журнала «Gryf», который опять-таки аппелировалъ къ польской интеллигенціи, приглашая ее ближе познакомиться съ родственнымъ народомъ и не довольствоваться случайными впечатлѣніями на морскомъ курортѣ Zop-

pol (пол. Sopoty). «Gryf» издавался нѣсколько лѣтъ. Въ 1913 г. Майковскому пришлось покинуть мѣстечко Косцержинъ, гдѣ онъ издавалъ журналъ, и я не знаю, издается ли онъ теперь. Но движеніе, созданное этимъ новымъ направленіемъ, т.-е. стремленіемъ къ серьезной политической работѣ, опирающейся на польско-кашубскомъ родствѣ, несомнѣнно, обладаетъ жизненностью.

Объ этомъ младо-кашубскомъ движеніи мы находимъ интересныя свѣдѣнія въ статьѣ Яновича (Ruch młodokaszubski. Świat Słowiański. 1909. № 58). Говоря о стремленіи полонизовать кашубовъ, которое считалось необходимымъ условіемъ самого сохраненія кашубской народности, Яновичъ замѣчаетъ: «Эта полонизаторская дѣятельность не осталась только просвѣтительной, но понемногу совершенно преобразилась въ экономическую. И здѣсь нашелъ свое примѣненіе принципъ: enrichissez-vous (обогащайтесь), который въ Великопольшѣ оказался такимъ сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ германизмомъ. Вполнѣ справедливо было заявлено, что только крупныя выгоды, именно созданіе самодѣятельности кашубской народности въ финансовомъ отношеніи, заставятъ ее убѣдиться въ преимуществахъ польской культуры. Это предположеніе находитъ здѣсь психологическую мотивировку, такъ какъ кашубы, можетъ-быть, величайшіе реалисты изъ всѣхъ польскихъ народовъ. Почти, какъ грибы послѣ дождя, вырастали среди кашубовъ различныя финансовыя и торговыя организаціи, каковы народные банки, союзы, «Rolniki» (земледѣльцы), «Kupcy» (купцы), основываемые и руководимые по преимуществу интеллигенціей, происходящей изъ сосѣднихъ (польскихъ провинцій) Пруссіи и изъ княжества Познанскаго, а также мѣстной интеллигенціей. Согласно съ географическимъ положеніемъ отдѣльныхъ, такъ сказать, областей кашубскихъ, образовались на кашубской территоріи извѣстные экономическіе центры, какъ-то: Брусы, Косцежина, Стежица, Сѣраковицы, наконецъ, и Картузы, а въ сѣверной Кашубіи Данцигъ, Сопоты, Вейгерово. Польза отъ этого экономическаго движенія бросается въ глаза, притомъ не только матеріальная, но и духовная польза. Именно, вслѣдствіе финансовой независимости у кашубовъ выросло чувство собственнаго достоинства, и уменьшился суевѣрный сервилизмъ передъ полицейскими органами прусской власти; съ другой стороны, наступило также извѣстное сближеніе между кашубомъ и познанцемъ. Но и непосредственно эти культурные центры вліяютъ на кашубскую среду, такъ какъ занятый въ нихъ персоналъ принимаетъ участіе въ обществахъ, устраиваетъ развлеченія, театральныя представленія и т. д., а кашубская молодежь, обучающаяся здѣсь торговому дѣлу, находитъ наилучшую польскую школу». И вотъ рядомъ съ этимъ экономическимъ движеніемъ въ послѣдніе годы среди кашубовъ складывается новое направленіе, которое и является прежде всего младокашубскимъ и ставитъ своей задачей ассимиляцію заносной польской культуры съ элементами туземной кашубской культуры. Выразителемъ этого направленія явился «Грифъ» Майковскаго со своимъ новымъ правописаніемъ, отличнымъ отъ польскаго и приспособленнымъ къ кашубскимъ звукамъ [1]). Поэтомъ этого новаго направленія явился Вось Будзышъ [2]), издавшій въ 1910 г. книжку стиховъ «Nôwotnë Spiéwë» (Новыя пѣсни), ритмъ которыхъ основанъ на дѣйствительныхъ удареніяхъ народной рѣчи. Прусское правительство не замедлило вступить въ борьбу съ этимъ новымъ движеніемъ и, основываясь на трудахъ языковѣдовъ

[1]) Это иное правописаніе было выработано при содѣйствіи д-ра Лорентца и основаннаго имъ Verein'a, куда массой вступили кашубскіе народные учителя.

[2]) О немъ см. Ant. Frinta въ журналѣ «Slovanský Přehled», 1912. №7—8. Здѣсь и образчики стиховъ Майковскаго и Будзыша.

о самостоятельности кашубскаго языка, категорически запретило пользоваться польскимъ языкомъ въ кашубскихъ школахъ при преподаваніи Закона Божія [1]). Въ отвѣтѣ министра народн. просв. на запросъ епископа Хелминскаго по этому поводу указывалось на что, что «кашубскій языкъ не одинъ и тотъ же языкъ съ польскимъ, а потому этотъ послѣдній языкъ не является знакомымъ для дѣтей уже самъ по себѣ. Для того, чтобы выяснять кашубскимъ дѣтямъ религіозныя понятія на польскомъ языкѣ требовалось бы сначала ввести обученіе этому языку. Литературный кашубскій языкъ не существуетъ». Это положеніе не мѣшаетъ однако прусской власти распространять и на кашубовъ тѣ репрессіи, какіе создаются противъ поляковъ. Дѣйствіе колонизаціонной комиссіи распространяется и на нихъ; дѣйствіе § 7 устава о собраніяхъ, имѣющаго германизаціонное значеніе, равнымъ образомъ охватываетъ и кашубовъ.

Разумѣется, вслѣдствіе этого усиливается только національное самосознаніе кашубской интеллигенціи. Среди нея возникъ проектъ тѣснѣйшаго единенія съ познанскими поляками, развитый въ „Gazeta Gdańska» (польской данцигской газетѣ). Онъ заключается въ томъ, что польскіе помѣщики Познани должны давать у себя помѣщеніе и службу кашубской молодежи, которая здѣсь будетъ готовиться для дальнѣйшей національной борьбы (см. Kurjer Warszawski. 29 ноября 1913 г.). Что такая борьба возможна, показываютъ и результаты парламентскихъ выборовъ. Количество польскихъ голосовъ въ уѣздахъ Лемборскомъ и Слупскомъ непрерывно возростаетъ: такъ, въ 1884 г. здѣсь было подано за поляка всего 53 голоса, въ 1903 году уже 361, въ 1907 году 412, въ 1912 году 451. Еще значительнѣе приростъ голосовъ въ другомъ поморскомъ округѣ, охватывающемъ уѣзды Бытовскій, Славненскій и Мястковскій. Здѣсь было всего 84 польскихъ голоса въ 1890 г. и уже 644 въ 1907 и 712 въ 1912 г. А въ Данцигскомъ округѣ кашубамъ удалось даже побѣдить на послѣднихъ выборахъ въ рейхсратъ (1912) и провести польскихъ депутатовъ. Именно, въ Картузскомъ (Karthaus), Пуцскомъ (Putzig) и Вейгеровскомъ уѣздахъ кашубы и поляки подали за своихъ кандидатовъ 17.344 голоса, а нѣмцы всего 9.450, такъ что въ результатѣ прошла три польскіе депутата. Всѣ эти данныя позволяютъ думать, что вопросъ о дальнѣйшей и окончательной германизаціи кашубовъ остается неразрѣшеннымъ. Присоединеніе къ польской культурѣ и польской политической борьбѣ является, повидимому, важнѣйшимъ оборонительнымъ средствомъ ихъ.

---

[1]) Zanowicz. Stanowisko rządu pruskiego wobec mowy kaszubskiej w ciągu ostatniego stulecia». Świat Słowiański. 1909. № 60.

IX.

Лужицкіе сербы.

Изъ литературы: A. Černý. Lužice a lužičtí Srbové. 1912. А. Сиротининъ. Самый маленькій славянскій народъ и его поэзія. Сборникъ «Россія и Славяне». 1913. Здѣсь на стран. 587—588 указана и болѣе старая литература о лужичанахъ. Гильфердингъ. Народное возрожденіе сербовъ лужичанъ въ Саксоніи. Собраніе сочиненій. т. II. 1868. Е. В. Пѣтуховъ. Лужицкіе сербы (лужичане). Юрьевъ. 1898. В. А. Францевъ о Матицѣ лужицкой (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1899). A Smietana. O serbach łużyckich. Przegląd Narodowy. 1913. № 9.

Подобно тому, какъ отъ поморскихъ славянъ остались незначительные пережитки въ видѣ кашубовъ, отъ нѣкогда обширной племенной группы приэльбскихъ (полабскихъ) славянъ, сербовъ или сорбовъ (surbi, sorabi и т. д.), сохранились ничтожные остатки въ видѣ лужицкихъ сербовъ, славянскаго населенія прусскихъ и саксонскихъ Лужицъ (Lausitz). Между Эльбой и Одеромъ жило нѣсколько славянскихъ племенъ, изъ которыхъ самыми значительными были вагры или вагиры, и оботриты, или ободриты, а южнѣе ихъ, въ среднемъ теченіи р. Эльбы, сербы. Первыя два племени совершенно вымерли или онѣмечились, послѣднее, какъ видимъ, уцѣлѣло въ незначительныхъ остаткахъ [1]). Еще въ концѣ XII в. славяне были настолько сильны, что могли оказывать сильное сопротивленіе нападавшимъ на нихъ датчанамъ (Dani Slavie vestigio prosecuti sunt, какъ указано подъ 1172 г.), а въ Любекѣ упоминаются славянскіе жители, даже бюргеры, еще въ XIV в. Однако, какъ кашубы въ Данцигѣ, такъ и полабскіе славяне встрѣчали къ себѣ со стороны нѣмцевъ высокомѣрное и презрительное отношеніе. Такъ, въ 1490 г. въ Любекѣ отказываютъ ребенку въ правѣ наслѣдовать своей матери въ виду того, что эта послѣдняя была замужемъ за славяниномъ. Въ началѣ XVI в. запрещается нѣсколькимъ цехамъ принимать въ число своихъ членовъ славянъ. Признаки существованія славянскаго населенія въ окрестностяхъ Любека тянутся до 1600 г.; въ другихъ областяхъ прежняго поселенія полабскихъ славянъ они заканчиваются нѣсколько раньше, приблизительно къ половинѣ XV в. И даже въ настоящее время уже совершенно онѣмеченное населеніе Лютовскаго округа (въ Ганноверѣ) называетъ свой языкъ вендскимъ, т.-е. славянскимъ, хотя уже говоритъ по-нѣмецки. Жизнеспособность славянства доказывается, однако, какъ тѣмъ, что въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,

[1]) W. Ohnesorge. Ausbreitung und Ende der Slawen zwischen Nieder Elbe und Oder. Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. XII (Heft 2) и XIII (Heft 1). 1911.

окруженная со всѣхъ сторонъ нѣмецкой стихіей, славянская рѣчь окончательно замолкла здѣсь только около 1760 г., такъ и тѣмъ, что донынѣ въ этой области, сохранившей названіе славянской земли (Wendland), въ быту и типѣ населенія уцѣлѣли славянскія черты. Но славянство слишкомъ далеко зашло на западъ; линія его разселеній слишкомъ растянулась, и цѣпь ихъ оказалась настолько рѣдкой, что ее легко было разорвать хорошо сорганизованному нѣмецкому напору на Востокъ. Славянство здѣсь не встрѣчало поддержки со стороны основной массы славянскихъ народовъ, жившихъ другъ около друга; прилива свѣжихъ народныхъ силъ не было, и полабское славянство изсякло и вымерло.

Въ болѣе счастливыхъ условіяхъ оказались славянскія племена, поселившіяся близъ чешскаго народа или, вѣрнѣе, тѣхъ племенъ, которыя сгруппировались вокругъ чешскаго племени, создали чешское государство. Какъ кашубы были спасены отъ денаціонализаціи тѣмъ, что вошли въ составъ Польскаго королевства, такъ и лужичане уцѣлѣли донынѣ, благодаря своему сосѣдству съ чехами, и, съ другой стороны какъ для кашубовъ единственнымъ средствомъ спасенія своей славянской народности является принятіе польской культуры и польскаго литературнаго языка, такъ и для лужичанъ необходимо тѣснѣйшее единеніе съ чехами, которое диктуется уже самой ихъ исторіей. Эта послѣдняя въ общихъ чертахъ такова [1]). Эпоха независимости сербскихъ племенъ, поселившихся въ современной Саксоніи въ VI вѣкѣ, продолжалась до начала IX вѣка. Въ VII вѣкѣ упоминается объ ихъ князѣ Дерванѣ, который вмѣстѣ съ Само принялъ участіе въ славянскихъ войнахъ съ франками. Въ концѣ VIII вѣка лужицкимъ племенамъ, какъ и другимъ полабскимъ славянамъ, приходится выносить тяжелый напоръ саксовъ, за которымъ настали войны съ Карломъ Великимъ и его преемниками. Въ 806 г. франки вошли въ страну лужицкихъ мильчанъ, взяли городъ Будышинъ и подчинили себѣ страну, гдѣ Карлъ Великій воздвигъ нѣсколько крѣпостей. Съ этого времени лужицко-сербскія племена переходятъ изъ рукъ одного государя къ другому, но туземныхъ князей здѣсь мы уже не находимъ. Для болѣе прочнаго владѣнія въ странѣ нѣмецкіе государи основываютъ крѣпости и учреждаютъ епископства. Попытки славянъ освободиться подавлялись военной силой, а въ 990 г. мильчане были подчинены Мейсенскому маркграфу. Въ началѣ XI в. лужичане втягиваются въ кругъ политики первыхъ польскихъ князей, которымъ удается въ 1018 г. присоединить къ своимъ владѣніямъ лужицкія области. Но уже въ 1032 г. кончается польское господство въ Лужицахъ, и эти послѣдніе становятся добычей различныхъ нѣмецкихъ государей. Съ начала XII в. возникаетъ сильная нѣмецкая колонизація, которая среди самихъ лужицкихъ племенъ становится особенно могучей съ XIII столѣтія. Въ Верхней Лужицѣ господствовали 1136—1254 чешскіе князья, 1254—1319 маркграфы бранденбургскіе, и затѣмъ съ 1319 г. здѣсь опять началось чешское господство, которое распространилось и на Нижнюю Лужицу. Чешскіе короли, особенно Карлъ IV, берегли славянскую народность, но нѣмецкій элементъ здѣсь уже настолько господствовалъ среди горожанъ и рыцарей, что даже къ такой національной борьбѣ, какъ гуситскія войны, лужичане отнеслись индифферентно. Пассивно они пережили и эпоху лютеранской борьбы, и послѣ 1530 г. большинство ихъ приходовъ приняло лютеранство, которое превратилось вскорѣ въ новое орудіе германизаціи. Если нѣмецкіе католическіе священники прибѣгали къ нѣмецкимъ текстамъ, то лужицкіе пользовались

[1]) Лучшей исторіей лужицкихъ сербовъ является трудъ Богуславскаго и Хорника на лужицко-сербскомъ языкѣ: Historija serbskeho naroda. Budyšin. 1884.

чешскими; теперь, съ развитіемъ реформаціи, стала господствовать нѣмецкая книга. Правда, въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. появляется нѣсколько лужицкихъ богослужебныхъ книгъ, но ихъ значеніе для сохраненія лужицкой народности не слѣдуетъ преувеличивать. Съ воцареніемъ въ Чехіи послѣ 1526 г. нѣмецкой династіи Габсбурговъ германизація уже не встрѣчала ни въ чемъ задержки. Вышеупомянутые первые лужицкіе писатели прошли безслѣдно въ исторіи лужицкой національной жизни. Нельзя не согласиться съ пессимистическимъ заключеніемъ историковъ лужичанъ, Богуславскаго и Хорника, что за сто лѣтъ, съ половины XVI до половины XVII вѣка, ни принадлежность къ Чехіи, ни присоединеніе къ Саксоніи (въ 1635 г.) не принесли никакой пользы развитію лужицкой письменности и національнаго сознанія. Онѣмеченіе лужицкихъ сербовъ подвигалось непрерывно впередъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ «германизація доброй половины сербовъ въ Лужицахъ совершалась потихоньку и не обращала на себя никакого вниманія. Нѣмецкое духовенство спокойно смотрѣло на близкую смерть сербской народности» (Hist. serb. naroda. 112). Однако этотъ процессъ сталъ совершаться не такъ быстро, какъ раньше, когда въ 1660 г., благодаря усиліямъ пастора Френцеля (Брапцеля), лужицко-сербское духовенство начало объединяться для совмѣстной дѣятельности. Возникла мысль изданія Новаго завѣта на народномъ языкѣ, и тотъ же Френцель осуществилъ ее, закончивъ въ 1706 г. начатое въ 1670 г. изданіе книгъ Новаго завѣта. Со стороны католическаго духовенства тоже началась работа надъ распространеніемъ въ лужицкой массѣ народныхъ книгъ: были напечатаны катихизисъ, молитвенникъ и т. д., появились первая грамматика (Principia linguae wendicae Свѣтлика въ 1679 г.) и латинско-сербскій словарь (1721). Лужицкій переводъ всей Библіи, сдѣланный въ эти годы (1688—1711), остался ненапечатаннымъ. Вышли кое-какія другія мелкія изданія другихъ авторовъ, и движеніе, всколыхнувшееся въ XVII вѣкѣ, стало опять замирать. Отецъ и сынъ Френцели руководились идеей ближайшаго родства лужичанъ со славянствомъ русскимъ и западнымъ, и въ немъ находили нравственное оправданіе для своей дѣятельности. Послѣ нихъ на сто лѣтъ замираетъ эта славянская идея въ Лужицахъ, но узенькій и мелкій ручеекъ національной литературной дѣятельности все же не пересыхаетъ: въ 1728 г. выходитъ Ветхій завѣтъ, въ 1710 г. конціоналъ, 1733 краткая Библія, 1735 различныя школьныя книжки и т. д. Съ другой же стороны усиливался напоръ германизаціи, который былъ особенно силенъ въ той части Нижнихъ Лужицъ, которая послѣ 1635 г. перешла подъ власть Бранденбурга и сдѣлалась такимъ образомъ владѣніемъ прусскихъ герцоговъ и потомъ королей. Здѣсь принималась одна мѣра за другой, чтобы превратить церковь въ орудіе германизаціи. Въ 1731 г. даже было предписано отказывать въ причастіи тѣмъ лужицкимъ сербамъ, которые не знаютъ нѣмецкаго языка. Легче было положеніе тѣхъ сербовъ, которые остались вѣрны католической церкви, но ихъ было всего нѣсколько тысячъ. Необходимость воспитывать священниковъ для этой небольшой группы католиковъ заставила учредить въ Прагѣ спеціальное общежитіе, сербскую семинарію (1725—1726), гдѣ хранилось національное сознаніе, и откуда выходили священники, знающіе сербско-лужицкій языкъ и способные проповѣдывать на немъ.

Лютеранское духовенство въ свою очередь начало проявлять интересъ къ національной дѣятельности. Въ 1716 г. нѣсколько студентовъ Лейпцигскаго университета учредило «верхнелужицкое сербское проповѣдническое общество», въ 1749 г. возникло такое же общество въ Виттенбергѣ. Въ этихъ учрежденіяхъ теплилась лужицкая національная жизнь. Искра не разгоралась яркимъ пламенемъ, но и не угасала.

Не прекращалась и лужицкая письменность, и даже стали слышаться призывы къ очищенію лужицкой рѣчи отъ ненужныхъ германизмовъ. Въ началѣ XIX в. дѣлаются уже попытки изданія на лужицкомъ языкѣ ежемѣсячнаго журнала, попытки слабыя и не долговѣчныя. «Въ своей глупой гордости», какъ говоритъ лужицкій патріотъ Дейка, «многіе считали нѣмецкій языкъ выше сербскаго». Онѣмеченіе охватывало одинъ приходъ за другимъ. Тяжесть положенія лужичанъ еще усиливалась вслѣдствіе того, что ихъ страна находилась въ срединѣ Европы, гдѣ разыгрывались продолжительныя и кровопролитныя войны. Тридцатилѣтняя, Семилѣтняя, наполеоновскія войны съ нѣмецкими государями происходили въ Лужицахъ, сильно истощали ихъ экономически, распугивали и разгоняли ихъ населеніе. Все складывалось, такимъ образомъ, неблагопріятно для сохраненія лужицкосербской народности, и она неудержимо шла по тому роковому пути, который привелъ къ полному исчезновенію другихъ полабскихъ славянъ. На короткое время Лужицы, раздѣленныя пражскимъ миромъ 1635 года между Саксоніей и Бранденбургомъ, были снова объединены. Тильзитскій миръ (1807), вообще благопріятный для вѣрнаго союзника Наполеона, саксонскаго короля, передалъ этому послѣднему и Котбусскій (Хотебужскій) округъ, принадлежавшій Бранденбургу. Но Вѣнскій конгрессъ 1815 г. рѣзко измѣнилъ это положеніе вещей: Саксонія должна была уступить Пруссіи большую половину Верхней Лужицы и всю Нижнюю (въ общей сложности 125 кв. миль), тогда какъ за Саксоніей осталась лишь небольшая часть Верхней Лужицы (всего 39 кв. миль). Съ этими новыми своими пріобрѣтеніями Пруссія поступила слѣдующимъ образомъ: Нижняя Лужица была присоединена къ Бранденбургу, Верхняя къ Силезіи. Ни въ Пруссіи, ни въ Саксоніи нисколько не считались съ особенностями національнаго быта лужичанъ, которыхъ трактовали повсюду наравнѣ съ нѣмцами. Однако это же обстоятельство позволило и лужичанамъ пользоваться общими благами прогресса: въ 1820—1835 г. наступило въ Пруссіи и Саксоніи освобожденіе крестьянъ. Съ 1825 г. и прусскіе лужичане получили право посылать своихъ представителей въ ландтагъ; въ Саксоніи была введена конституція въ 1831 г. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ начинается дѣятельность Смолера и Мосига Клосопольскаго, которые пробудили національное сознаніе и въ массахъ лужицкаго крестьянства.

Съ этого времени національное движеніе уже не прекращалось. Въ связи съ современнымъ положеніемъ лужичанъ рѣчь будетъ о немъ ниже. Здѣсь же остановимся на статистикѣ и области распространенія лужицкихъ сербовъ. Какъ уже указывалось, названіе лужичанъ не соотвѣтствуетъ первоначальному распространенію того племени, которое упоминается въ концѣ IX в. въ сочиненіи анонимнаго баварскаго географа (Lunsizi, civitates XXX). Названіе распространилось на племена голешинцевъ (Golensizi въ томъ же сочиненіи), нисовцевъ, требованъ, мильчанъ и др. Только въ XIV—XVI в. выработалось современное подраздѣленіе лужичанъ, живущихъ по р. Шпрее, на Нижнихъ (Lusatia inferior, Niederlausitz) и Верхнихъ (Lusatia superior, Oberlausitz). Это страна равнинъ и озеръ, болотъ (Błota въ Нижн. Лужицѣ), возвышенностей и долинъ; въ общемъ, прусская часть Лужицъ примыкаетъ къ сѣверно-нѣмецкой низменности, а саксонская входитъ въ систему Судетскихъ горъ. Въ области «Болотъ», которая привлекаетъ нѣмецкихъ дачниковъ изъ Берлина, сильно содѣйствующихъ германизаціи края, главнымъ источникомъ доходовъ является рыболовство. Въ Верхней Лужицѣ, въ восточной части около Мускау (Мужакова), тянется песчаная равнина, заросшая сосной и совершенно безплодная. Въ общемъ, страна,

довольно скудно одаренная природой, мало привлекательна для пришельцевъ. Здѣсь и уцѣлѣли эти немногочисленные остатки полабскихъ славянъ, какъ на непривѣтливыхъ равнинахъ Балтійскаго племени остатки поморовъ, кашубы. Численность лужичанъ, можно сказать, съ каждымъ годомъ убываетъ, и та статистика ихъ и точное опредѣленіе лужицкой территоріи, которыя были выяснены Мукой въ 1880—84 г., теперь уже не могутъ считаться соотвѣтствующими истинѣ. Съ другой стороны, и официальная статистика лужичанъ склонна уменьшить ихъ численность. Именно, по официальнымъ даннымъ, лужичанъ насчитывалось въ 1849 г. 140 тыс., въ 1861 г. 136 тыс., въ 1880 г. $131^1/_2$ тыс., въ 1890 г. 130.865 чел., въ 1900 г. уже всего 116.811. Здѣсь констатируется непрерывная убыль лужичанъ, что, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ истинѣ. Однако, данныя официальной статистики слишкомъ низки: Мука, лужицкій ученый, составившій лучшую научную грамматику лужицкихъ языковъ (верхне- и нижнелужицкій языки во многомъ настолько различаются, что въ основаніи двухъ народностей лужичанъ, соединенныхъ исторіей, должны лежать различныя полабскія племена),— Мука по своимъ изслѣдованіямъ опредѣляетъ число лужичанъ для 1880—1884 г. въ $172^1/_2$ тыс. чел. Для 1900 г. какъ Черный, такъ и Нидерле принимаютъ цифру 152 тыс. (Черный 152.489, Нидерле 152.300). Убыль лужицкаго элемента въ Пруссіи и Саксоніи, все глубже проникающій процессъ германизаціи, обусловленный школой, военной службой и т. д., не подлежатъ сомнѣнію. Особенно неутѣшительно въ этомъ смыслѣ положеніе вещей въ Нижней Лужицѣ.

Въ живомъ очеркѣ Гильфердинга о «Народномъ возрожденіи сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи» [1]) мы находимъ свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ лужицкихъ студентовъ вернуться къ своей народности и языку. Съ 1830 г. эти попытки принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ, благодаря Смолеру, поступившему въ это время въ гимназію, и старшему поколѣнію лужичанъ, воспитанниковъ лужицкой семинаріи въ Прагѣ. Смолеръ сталъ записывать народныя пѣсни, которыя послѣ долгихъ мытарствъ вышли въ 1842 — 3 г. великолѣпнымъ изданіемъ, сразу обратившимъ на себя вниманіе ученыхъ. Съ 1 янв. 1842 г. молодой лужичанинъ Іорданъ задумалъ издавать лужицкій еженедѣльникъ, который, однако, не пошелъ и черезъ полгода прекратился. Лучше пошелъ другой органъ «Новина», который издавали Смолеръ и Зейлеръ. Успѣхъ его окрылилъ надеждами издателей, и они стали уже подумывать объ учрежденіи спеціальнаго издательства дешевыхъ народныхъ книгъ, лужицкой «Матицы» по образу Чешской и Иллирійской. Въ 1845 г. устраивается первый лужицкій концертъ, который внесъ огромное воодушевленіе въ лужицкую среду. Мысль объ учрежденіи Матицы казалась осуществимой, и 26 февр. 1847 г. правительство дало разрѣшеніе основать ее. При самыхъ скромныхъ средствахъ и при незначительномъ числѣ лужицкой интеллигенціи «Матица» могла развить довольно слабую дѣятельность, но эта послѣдняя не прекращается и донынѣ. Революціонный 1848 г. далъ сильный толчокъ лужицкому національному движенію, такъ какъ позволилъ ему принять политическій характеръ. При этомъ лужичане предпочли избрать легальный путь для выраженія своихъ національныхъ требованій и апеллировали къ коронѣ, а не къ ландтагу. Требованіе лужичанъ свелось къ равноправію сербской рѣчи въ предѣлахъ Лужицъ съ нѣмецкой, «а именно въ школахъ, церквахъ, передъ властями и въ судѣ». Правительство въ извѣстной мѣрѣ признало эти тре-

[1]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. II 1868. Цѣнный матеріалъ представляетъ автобіографія Смолера (Slovanský Přehled. T. XII. 1909—1910).

бованія, а саксонская династія долго сохраняла чувства особеннаго расположенія къ лужичанамъ, которымъ въ предѣлахъ Саксоніи жилось легче, чѣмъ въ Пруссіи. «Въ 1849—50 г. сербо-лужицкая народность достигла полнаго, офиціальнаго признанія въ Саксонскомъ королевствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное довѣріе сословій, которыя не мѣшали другъ другу развивать свою дѣятельность и предпріимчивость, привело къ небывалому прежде благосостоянію. Общества сельскаго хозяйства, дотолѣ почти безполезныя, потому что классъ землевладѣльцевъ ихъ чуждался, процвѣли удивительно, когда произошло совершенное сближеніе рыцарей съ селянами. Потомки феодальныхъ властителей-наѣздниковъ сдѣлались теперь передовыми вождями народа въ мирныхъ завоеваніяхъ прикладной науки». Такую идиллическую картину рисовалъ Гильфердингъ въ 1858 г., впрочемъ, уже тогда отмѣчая, что у прусскихъ лужичанъ положеніе несравненно хуже.

Исторія лужицкаго національнаго движенія сводится, въ сущности, къ исторіи дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, посвящавшихъ свой самоотверженный трудъ довольно безнадежному дѣлу сохраненія и подъема угасающей народности. Нужна была неисчерпаемая энергія Смолера, чтобы поддерживать это движеніе. Въ 1850 г. онъ взялъ на себя изданіе «Новинъ», для чего долженъ былъ сдѣлать долгъ, съ 1849 по 1870 г. онъ издавалъ «Slawische Jahrbücher» (а потомъ Slawisches Centralblatt), съ 1860 г. ежемѣсячникъ «Lužičan». Наконецъ, Смолеръ взялся пріобрѣсти собственный домъ для библіотеки, коллекцій и различныхъ учрежденій «Сербской Матицы», и въ 1873 г., снова сдѣлавъ большой долгъ, купилъ домъ. Смолеръ разсчитывалъ на помощь со стороны славянъ, и, дѣйствительно, нѣкоторая помощь изъ Россіи явилась: Башмаковъ, Хомяковъ и др. помогли расплатиться съ долгами. Въ 1875 г. Смолеръ основываетъ въ томъ же домѣ сербскую типографію. Въ томъ же году сербо-лужицкая учащаяся молодежь собирается въ первый разъ на «Сходъ» (skhadžowanka), какіе съ тѣхъ поръ устраиваются ежегодно, въ разныхъ мѣстахъ, чтобы національная идея могла получить наибольшее распространеніе. Около Имиша, Хорника, Смолера и немногихъ другихъ сосредоточились всѣ, могущіе работать для народа, но ихъ было немного, и къ тому же все это были люди малосостоятельные, не могущіе поддерживать своими средствами начатыхъ изданій и созданныхъ учрежденій. Въ началѣ 80-ыхъ годовъ «Матица» пережила тяжелый финансовый кризисъ. Опять Смолеръ поѣхалъ въ Россію, но здѣсь онъ уже не встрѣтилъ того сочувствія къ національной славянской идеѣ, какое встрѣчалъ въ 1867 г. и въ 70-ыхъ годахъ. Смолеръ не дождался лучшихъ дней. Онъ умеръ въ 1884 г. «Матица» кое-какъ выпуталась изъ своихъ затрудненій. Она и теперь еще влачитъ свое существованіе, все болѣе слабое и печальное. Тѣмъ не менѣе, благодаря національному движенію, начавшемуся въ 40-хъ годахъ, создалась и лужицкая поэзія (ея лучшіе представители Як. Тишинскій и Ник. Андрицкій), и журналистика, и наконецъ, политическая мысль: въ 1910 г. было учреждено для выборовъ въ Саксонскій ландтагъ избирательное общество, которое и одержало побѣду надъ нѣмецкими избирателями, проведя въ ландтагъ лужичанина Коклю. Въ Нижней Лужицѣ пробужденіе народной мысли относится къ 1850 г., когда было основано «Сербское общество Нижней Лужицы» [1]) съ центромъ въ Котбусѣ. Но это общество не встрѣтило поддержки въ народѣ, просуществовало всего года два и погибло. Только въ 1880 г., по иниціативѣ польскаго писателя и политическаго дѣятеля, А. Парчевскаго (члена Гос. Думы), много сдѣлавшаго для развитія лужичанъ.

[1]) A. Černý. Matice dolnolužická (Slovanský Přehled. T. VIII. 1906).

было учреждено нижне-лужицкое отдѣленіе Сербско-лужицкой Матицы, гдѣ главнымъ дѣятелемъ сдѣлался писатель Іорданъ. Недостатокъ интеллигенціи, которую всю цѣликомъ Ад. Черный насчитывалъ въ 1905 году въ 200 человѣкъ, и народная бѣдность сдѣлали развитіе Матицы здѣсь еще болѣе слабымъ, чѣмъ въ Верхней Лужицѣ.

При всей энергіи и самоотверженности отдѣльныхъ лужицкихъ дѣятелей препятствія, съ которыми имъ приходится бороться, слишкомъ значительны, чтобы ихъ могли преодолѣть слабыя силы бѣдной средствами и интеллигенціей народности. Однимъ изъ такихъ препятствій является германизирующее вліяніе народной школы. Правда, въ Саксоніи въ лужицкой народной школѣ допущенъ мѣстный языкъ, но въ Пруссіи его допущеніе зависитъ отъ инспекторовъ и учителей, тогда какъ въ Нижней Лужицѣ нѣмецкій языкъ всецѣло господствуетъ и въ низшей школѣ. Затѣмъ сильно препятствуетъ развитію лужицкой интеллигенціи недостатокъ интеллигентныхъ женщинъ. Люди, поднявшіеся до извѣстнаго культурнаго уровня, ищутъ себѣ и женъ, стоящихъ на томъ же уровнѣ. Вслѣдствіе этого въ лужицкія семьи часто входятъ нѣмки, для которыхъ національныя чувства ихъ мужей совершенно чужды, и которыя воспитываютъ и своихъ дѣтей въ другомъ духѣ.

Бросимъ взглядъ на развитіе лужицкой національной жизни за послѣднія десять лѣтъ [1]). Въ этой жизни наблюдается нѣкоторый подъемъ: напр., Куковскій съ удовольствіемъ цитируетъ нѣмецкихъ писателей, утверждающихъ, что «народъ, столь здоровый душой и тѣломъ, съ такими яркими и постоянно вновь возникающими народными пѣснями, народъ, создавшій такую оригинальную поэзію, не представляется близкимъ къ вымиранію». Въ полномъ согласіи съ этими бодрыми словами и Ад. Черный въ своемъ обзорѣ лужицкой литературы за 1905 г. констатируетъ особенное оживленіе въ ней, точно вдругъ раскрылись глаза на грозящую опасность денаціонализаціи. Въ началѣ XX вѣка И. Куковскій находитъ у лужицко-сербской литературы уже извѣстное почетное прошлое. Изъ поэтовъ достойны вниманія Зейлеръ (ум. 1872), писавшій въ духѣ народной пѣсни, Тишинскій (псевд. Якова Барта), лучшій изъ лужицкихъ поэтовъ (1856—1909) и др. Въ области драмы, новеллы и т. д. отличились Андрицкій (ум. 1908), Вингерь и др. Имѣлась у лужицкихъ сербовъ и журналистика, представленная журналомъ «Casopis Maćicy Serbskeje», довольно крупный газетой «Serbske Nowiny», тиражъ которой достигалъ 4 тыс., еженедѣльникомъ, предназначеннымъ для католическихъ лужичанъ «Katholski Posol» (до 800 экземпляровъ), ежемѣсячнымъ журналомъ «Serbski Hospodaŕ» и лучшимъ изъ лужицкихъ журналовъ, также ежемѣсячникомъ «Лужица» (Lužica. Měsačnik za zabawu a powučenje. Zhromadny časopis hornjo-a delnjolužiskich serbow). Этотъ журналъ, объединяющій лучшія силы лужицкой интеллигенціи, выходитъ тетрадками въ 16 страницъ, издается въ духѣ широкаго ознакомленія со всѣмъ славянствомъ и печатаетъ какъ беллетристику, такъ и политическія статьи. Для Нижней Лужицы издается малоудовлетворительный еженедѣльный журналъ («ein karger Nothbehelf aus alter Zeit», по выраженію Куковскаго) «Bramborski Casnik» (Бранденбургскій журналъ). Есть также нѣсколько журналовъ для дѣтей.

То, что въ условіяхъ нормально развивающейся національной жизни представляетъ обычное, будничное явленіе, пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ быту сербовъ лужицкихъ. Здѣсь появленіе новой книжки, возникновеніе новаго изданія, какое-нибудь національное сборище отмѣча-

[1]) См. ежегодные обзоры лужицкой жизни въ чешскомъ журналѣ «Slovanský Přehled», а также I. B. Kukowski. Die Literatur der Lausitzer Serben zu Anfang des XX Jahrhunderts. Статьи по славяновѣдѣнію. Петрогр., т. I. 1904.

ются, какъ событія радостныя и выдающіяся. Такъ, въ 1906 г. въ Нижней Лужицѣ былъ устроенъ народный праздникъ: утромъ собраніе, на которомъ произносились рѣчи, вечеромъ концертъ, на которомъ исполнялись національные пѣсни и танцы, и въ которомъ участвовали крестьянскія пѣвческія общества. «Наплывъ публики былъ необычайный» [1]) отмѣчаетъ хроникеръ (Slov. Přehl. IX. 87). Не лишено значенія, что при всѣхъ финансовыхъ и иныхъ затрудненіяхъ продолжаютъ свое существованіе не только Матица, но и два другія, основанныя въ 1863 году литературныя общества: Serbske lutherske knihowne towaŕstwo и католическое Towaŕstwo swjateju Cyrilla a Methodija, издающее журналъ «Katholski Posol». Въ 1906 г. это послѣднее общество устроило засѣданіе. «Было хорошо, что въ этомъ собраніи участвовалъ народъ. Пусть онъ знаетъ, что дѣлается для его блага, и какъ ведется работа въ духѣ Хорника» (IX. 172). Для воспитанія интеллигенціи было основано въ 1880 г. Towaŕstwo Pomocy za studowacych serbow. Въ 1906 г. его капиталъ достигъ 23.405 мр., и помощь оказывалась 9 воспитанникамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 1910 г. капиталъ составлялъ 24.894 мар., членовъ было 120, поддержка оказана 20 учащимся. Къ сожалѣнію, многіе изъ получившихъ образованіе лужичанъ впослѣдствіи поворачиваются спиной къ родной странѣ (IX. 174). «Важнымъ факторомъ въ пробужденіи народа являются національные кружки, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить пѣвческія общества, занимающіяся также театральными представленіями. Особенно выдавались (1908) ральбицкая Лилія (Lilia) и радоворская *Межа* (Meja)». (IX. 175). Пробужденіе національнаго сознанія сказывается и въ томъ, что люди, поддерживающіе германизацію и нѣмецкія торжества въ Лужицахъ, теперь встрѣчаются съ общественнымъ осужденіемъ, чего раньше не было. Въ 1907 г. въ Прагѣ былъ учрежденъ лужицкимъ и чешскимъ студенчествомъ «Lužisko-serbske towaŕstwo Adolf Černý w Prazy». Это общество ставило своей задачей поддерживать «чешско-лужицкую взаимность» (X. 271). Прага, вообще, становится однимъ изъ важнѣйшихъ очаговъ лужицкой народной жизни: въ университетѣ здѣсь имѣется лектура лужицко-сербскаго языка, здѣсь образуется лужицкая библіотека и т. д. Хотя германизація уже врѣзалась клиномъ между лужицкой и чешской языковой областью, однако только въ тѣснѣйшемъ духовномъ единеніи съ чехами лужицкіе сербы могутъ бороться за свое національное существованіе, и самый фактъ основанія названнаго общества представляется чрезвычайно знаменательнымъ. Лужичане не хотятъ сдаваться, и постоянно возникаютъ новые очаги національной жизни.

Но и энергичнѣйшихъ лужицкихъ дѣятелей гложетъ червь сомнѣнія въ возможности борьбы. Послѣдняя предсмертная статья Ник. Андрицкаго (XI. 173—176) носитъ названіе: «Наше тяжелое положеніе» и проникнута глубокимъ пессимизмомъ. Лужичанамъ грозитъ, по его словамъ, не только германизація, которой дышетъ все, и отъ которой можно гигантскими усиліями воли нѣсколько оградиться, но совершенно освободиться отъ которой невозможно. Еще страшнѣе оказывается для сохраненія этой маленькой кучки людей, насчитывающей всего 135—140 тыс. чел. среди многомилліоннаго нѣмецкаго моря, современный культурный и политическій прогрессъ. Онъ приноситъ идеи соціализма и космополитизма, къ которымъ охотно прислушивается простой людъ. Что можно противопоставить этому? Организацію собственныхъ союзовъ и обществъ. Но Андрицкій отмѣчаетъ слабость общественнаго движенія среди лужичанъ.

[1]) Взятыя въ ковычки слова здѣсь и ниже въ этой главѣ заимствованы изъ разныхъ годовъ журнала «Slovanský Přehled». Тамъ, гдѣ нѣтъ другого указанія, цифра отмѣчаетъ томъ и страницу этого журнала.

Исключеніемъ является только основанный пасторомъ Вингеремъ кружокъ «Jednota» (въ Будышинѣ), который, въ концѣ-концовъ, является также лишь литературнымъ и пѣвческимъ кружкомъ, чуждымъ экономическимъ стремленіямъ (ср. XI. 175). Также пессимистически звучитъ отчетъ о студенческой «сходкѣ» (skhadžowanka) и общемъ собраніи Сербской Матицы за 1910 г. О «сходкѣ» нечего было и сказать. «Представляется такъ, какъ будто бы сходка была собрана только ради нея самой, какъ будто бы студенчество не преслѣдовало никакихъ дальнѣйшихъ цѣлей» (XII. 385). Такой же характеръ имѣло и годовое засѣданіе Матицы. Но въ слѣдующемъ году въ лужицкой жизни наблюдается опять подъемъ. Въ 1911 г. умеръ членъ саксонскаго ландтага лужичанинъ Зоба, и происходили дополнительные выборы, которые дали рѣшительную побѣду лужицкому же кандидату Эрн. Барту, получившему 7.355 изъ всѣхъ 9.146 поданныхъ голосовъ. Оживленіе политической жизни создало «Деревенское избирательное общество» (Wjesne wólbne towaŕstwo), и въ различныхъ мѣстностяхъ Лужицъ стали возникать «сербскія общества» по деревнямъ. И въ засѣданіи Матицы былъ поднятъ вновь важный вопросъ объ учрежденіи народныхъ библіотекъ, «который, повидимому, близокъ къ практическому осуществленію» (XIII. 369). Вообще, какъ студенческая ежегодная сходка, такъ и собраніе Матицы говорили о необходимости единенія, борьбы со школьной и церковной германизаціей и т. д. Впрочемъ, посколько можно судить по краткому отчету, это были скорѣе жалобы на непосильную борьбу, нежели самая организація борьбы. Констатируются два факта, имѣющіе трагическое значеніе для лужицкой жизни: это распродажа нѣмецкимъ обществамъ угольныхъ залежей въ различныхъ мѣстахъ Лужицъ и, во-вторыхъ, упадокъ спроса на лужицкую Библію, указывающій на проникновеніе германизаціи даже въ интимнѣйшую, религіозную область народной жизни. Между прочимъ, въ Вослинкѣ (въ прусской части Верх. Лужицъ) въ 1911 г. было устроено пѣвческое собраніе и произносились рѣчи. Выяснилось, что мѣстность почти совершенно германизировалась. «Повидимому, крестьянскія дѣти здѣсь уже пришли къ убѣжденію, что сербскій языкъ есть языкъ только необразованныхъ людей» (XII, 460). Съ такой школьной германизаціей пробуетъ бороться названное выше «Wjesne wólbne towaŕstwo». На одномъ изъ собраній его (лѣтомъ 1911 г. въ Радворѣ) была принята резолюція слѣд. содержанія: «Собраніе сербовъ въ Радворѣ требуетъ обязательнаго выполненія законныхъ постановленій о сербскомъ языкѣ при обученіи дѣтей сербскихъ родителей въ школахъ сербскаго края въ продолженіе всѣхъ 8 школьныхъ лѣтъ» (XIV. 36). Но на одномъ такомъ собраніи учитель на плохомъ луж.-сербскомъ языкѣ заявилъ, что сербскому языку дѣтей не учитъ, и сербской хрестоматіи въ школѣ не употребляетъ (XIV, 87).

Какъ это ни странно послѣ тѣхъ пессимистическихъ нотъ, которыя постоянно звучали въ сообщеніяхъ о лужицкой жизни, слѣдуетъ отмѣтить въ послѣдніе годы небывало сильный подъемъ лужицко-сербской національной жизни. Что особенно важно, этотъ подъемъ распространяется и на экономическую жизнь лужичанъ. Въ январѣ 1911 г. на собраніи Матицы возникла мысль созданія союза сербскихъ ссудо-сберегательныхъ обществъ, и возникшій въ 1909 г. «Союзъ сербскихъ крестьянъ» (Towaŕstwo serbskich hurow), объединившій сельско-хозяйственныя общества лужичанъ, поставилъ своей задачей учредить сербскій банкъ для экономическаго освобожденія крестьянъ отъ нѣмецкой зависимости. «Повидимому, новое движеніе встрѣчаетъ отзвукъ прежде всего въ народной массѣ, что представляется особенно утѣшительнымъ явленіемъ. Если бы удалось повсюду пробудить народъ къ участію въ національномъ движеніи и къ самодѣятельности въ національной жизни, это имѣ-

ло бы огромныя послѣдствія для будущности лужицкихъ сербовъ. При недостаткѣ сознательной сербской интеллигенціи такое народное движеніе имѣло бы тѣмъ большее значеніе. Всевозможныя письма и проявленія народныхъ чувствъ, публикуемыя въ «Serbske Nowiny» и въ «Лужицѣ» (которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится центромъ народнаго движенія), свидѣтельствуютъ объ этомъ» (XIV. 283). Поговариваютъ объ избраніи лужичанина въ рейхстагъ, объ охранѣ лужицкихъ «menšin» (областей съ національнымъ меньшинствомъ), и во всемъ чувствуется здоровое и бодрое чешское вліяніе. Особенно усилилось и здѣсь кооперативное движеніе. «Чаще, чѣмъ когда-либо, сербскія газеты сообщаютъ намъ теперь объ учрежденіи новыхъ обществъ» (XIV. 239, въ началѣ 1912 г.). Въ октябрѣ 1912 г. собрался учредительный съѣздъ «Союза лужицко-сербскихъ обществъ», который принялъ названіе «Domowina» (Родина). Союзъ долженъ охватывать какъ прусскую, такъ и саксонскую Лужицы, и въ него сразу вступило 31 общество съ 3 тыс. членовъ (XV. 136). Младо-лужицкое движеніе торжествуетъ свою весну. Оно торжественно справило въ 1912 г. юбилей «Общества св. Кирилла и Меѳодія» (1862—1912), затѣмъ юбилей парламентской дѣятельности лужицкаго крестьянина Михаила Кокли (1887—1912); студенческія «схаджованки» въ послѣдніе годы принимаютъ характеръ настоящаго національнаго праздника для тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ устраиваются (по уставу, каждый годъ въ новомъ мѣстѣ) [1]).

---

[1]) «Сходка» 1913 года описана живо Ч. Конечнымъ въ журналѣ «Swiat Słowiański» 1913. № 106 (окт.).

X.

Чехи въ Чехіи и Моравіи. Чехи въ Силезіи.

Отъ народовъ маленькихъ, гибнущихъ и отчаянно борющихся за остатки своего національнаго существованія особенно разителенъ переходъ къ чешскому народу, который развиваетъ исключительную мощь своей національной энергіи. По силѣ и глубинѣ національнаго сознанія, по проникновенности его идеалами славянскаго культурнаго единенія, по солидарности чешскій народъ представляетъ среди славянскихъ исключительное явленіе. Въ этомъ отношеніи къ нему ближе всего подходятъ познанскіе поляки, но эти послѣдніе значительно отстаютъ отъ чеховъ своей духовной культурой: литературное, научное и художественное развитіе какъ будто остановилось въ Познани, тогда какъ среди чеховъ всѣ эти отрасли духовной жизни находятся въ полномъ расцвѣтѣ. Очень старая западно-европейская культура, въ созданіи которой участвовали съ X вѣка и чехи, выработала здѣсь такую народную и общественную сознательность, съ какой мы болѣе не встрѣчаемся ни у одного изъ славянскихъ народовъ, хотя, напр., русская или польская литература стоитъ, несомнѣнно, выше чешской. Зато чехи дали міру великую національную и религіозную идею гуситства, педагогическія идеи Коменскаго, идеалы братства, нашедшіе выраженіе въ сокольствѣ, и т. д. И по самому содержанію своей національной жизни чехи заслуживаютъ названіе великаго народа.

Бросимъ взоръ на процессъ образованія національной идеи въ чешскомъ народѣ. На самой зарѣ своего существованія и народнаго объединенія чехи были вовлечены въ кругъ интересовъ западно-европейской политики. Уже въ X вѣкѣ первые чешскіе князья борются противъ зависимости отъ имперіи и противъ поползновеній баварскихъ герцоговъ на чешскія области. Для надзора за славянами учреждается австрійская марка, и австрійскіе герцоги становятся на многіе вѣка, въ сущности, непримиримыми противниками всѣхъ великодержавныхъ чешскихъ стремленій. Славяне, какъ таковые, представляютъ предметъ ненависти и отвращенія для нѣмца, и даже монахъ, проповѣдникъ Евангелія, встрѣтившись въ лѣсу съ купающимися славянами, вспоминаетъ съ гадливостью о нихъ. Только отреченіемъ отъ своего славянства чешскіе князья (и потомъ короли) и чешское рыцарство могли искупить вину своего происхожденія и стать въ равныя отношенія съ западно-европейскими государями и рыцарями. Здѣсь впервые національность служила основаніемъ для нарушенія равноправія.

Сами чешскіе князья, желая стать въ добрыя отношенія съ Западной Европой, спѣшили обнаружить свое пренебреженіе къ славянству. Примѣровъ этого не мало. Уже въ половинѣ XI в. князь Спытигнѣвъ пре-

кращаетъ традицію славянскаго богослуженія въ Сазавскомъ монастырѣ, гдѣ славянскія книги были введены въ концѣ X или началѣ XI в. Но въ эту пору славянскій духъ въ странѣ оказался еще настолько силенъ, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ новый чешскій князь Вратиславъ возстановилъ славянское богослуженіе въ Сазавѣ. Такая національная оппозиція представляетъ, однако, въ исторіи Чехіи до XIV вѣка явленіе чрезвычайно рѣдкое. Такъ, въ первой половинѣ XIII в. король Вацлавъ возбудилъ противъ себя знать чрезмѣрнымъ покровительствомъ нѣмецкому бюргерству, селившемуся въ чешскихъ городахъ, но та же самая знать соревновала съ королемъ въ привлеченіи на свои земли нѣмецкой колонизаціи и въ осыпаніи ея различными привилегіями, которыхъ не имѣло чешское крестьянство. И возстаніе противъ Вацлава, поднятое его сыномъ Пржемысломъ Оттокаромъ (1248), имѣло характеръ не національнаго, но династическаго переворота. Именно, Пржемыслъ Оттокаръ является во все свое царствованіе (1254—1278) ревностнѣйшимъ насадителемъ нѣмецкаго вліянія. Такая политика настойчиво диктовалась самымъ международнымъ положеніемъ чешскаго короля, который, завладѣвъ нѣсколькими австрійскими герцогствами, долженъ былъ, по замѣчанію Бахмана [1]), «совершенно отодвинуть на задній планъ въ своемъ управленіи и при дворѣ національный элементъ и держаться по возможности своимъ человѣкомъ среди населенія Австріи и Штиріи». Въ Чехіи господствуютъ въ это время нѣмецкіе феодальные нравы, здѣсь процвѣтаетъ нѣмецкая рыцарская поэзія. Среди крестьянства также падаютъ старыя славянскія учрежденія, замѣняясь новыми, проникнутыми западно-европейскимъ духомъ. Вообще, въ государствѣ создаются новыя правовыя отношенія, знаменующія дальнѣйшее развитіе феодализма. Но и это не помогло чешскимъ королямъ получить признаніе со стороны европейскихъ государей. Когда въ нѣмецкой имперіи наступило междуцарствіе, и могущественный чешскій король, потомокъ славянскихъ Пржемысловичей, выставилъ свою кандидатуру на императорскій престолъ, папа первый иронически отозвался: «Неужели, нѣтъ больше нѣмецкихъ государей, что надо выбирать славянина?» Совсѣмъ измѣнилось положеніе вещей, когда послѣ гибели послѣдняго Пржемысловича въ началѣ XIV в. вступила на чешскій престолъ породнившаяся съ ней Люксембургская династія. Еще при жизни отца, чешскаго короля Яна, его сынъ, моравскій маркграфъ Карлъ, избирается на императорскій престолъ (1346), и, сдѣлавшись чешскимъ королемъ, онъ остается императоромъ Карломъ IV. Чехія въ это время является однимъ изъ сильнѣйшихъ европейскихъ государствъ, оказывающимъ могущественное вліяніе на образованіе европейскихъ отношеній.

А между тѣмъ основная масса этого населенія, славянство, находится въ пренебреженіи и загонѣ, и высшіе классы его, рыцарство и духовенство, встрѣчаютъ признаніе лишь постольку, поскольку принимаютъ нѣмецкіе обычаи и нѣмецкій языкъ. Такое яркое противорѣчіе между реальной силой чешскаго народа и его національнымъ положеніемъ не могло не вызвать, наконецъ, протеста. Національное самолюбіе было задѣто. Въ средне-вѣковой жизни мы не часто встрѣчаемся съ живыми проявленіями національнаго сознанія. Любовь къ родинѣ и гордость ею, правда, явленія не рѣдкія и въ народной, и въ искусственной литературѣ Средневѣковья, но чаще всего это выраженія самой естественной, непосредственной любви къ родинѣ. Французская эпопея говоритъ о «милой Франціи», англосаксонскіе поэты воспѣваютъ доблесть и богатство своихъ государей, провансальскіе трубадуры восхищаются своей стра-

[1]) Ad. Bachmann. Geschichte Böhmens. I Band (1899), стр. 580.

ной. Но національное *сознаніе*, какъ таковое,—сознаніе своей національной отдѣльности съ вытекающими отсюда послѣдствіями,—нѣчто иное: это уже продуктъ извѣстнаго политическаго міросозерцанія. Какъ таковой, какъ пѣснь торжествующей національной любви, замѣчательнымъ памятникомъ представляется извѣстная пѣсня нѣмецкаго поэта Вальтера фонъ Фогельвейде (конецъ XII или начало XIII в.) о Германіи «Tiuschiu zuht gât vor in allen» (нѣмецкій языкъ выше всѣхъ), и его увѣреніе, что «отъ Эльбы до Рейна и отсюда до Венгерской страны живутъ лучшіе люди, какихъ я только зналъ на свѣтѣ», обнаруживаетъ въ нѣмецкомъ миннезингерѣ сознательнаго и убѣжденнаго націоналиста. Такого настроенія у чешскаго рыцарства не могло быть. Оно чувствовало себя постоянно «менѣе цѣннымъ» (minderwertig, употребляя постоянное выраженіе современныхъ нѣмецкихъ націоналистовъ о славянствѣ). Такъ впервые въ Европѣ создалось національное сознаніе народовъ, обиженныхъ въ національномъ отношеніи, но не чувствующихъ себя ниже въ культурномъ отношеніи и борющихся за равноправіе. Такое сознаніе оказалось однимъ изъ крупныхъ нравственныхъ завоеваній человѣчества на пути къ борьбѣ за человѣческія права вообще. Здѣсь впервые выступила сознательная любовь къ своему языку, какъ къ языку, вытѣсняемому господствующимъ рыцарскимъ классомъ, а также обнаружилась привязанность къ своему національному прошлому, какъ къ оправданію народныхъ правъ на признаніе его національности. Все это были новые факторы въ развитіи человѣчества, создавшіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи явленія громаднаго общечеловѣческаго значенія. Отсюда пошли начала того національнаго протеста, который уже въ первой половинѣ XIV в. пробивается съ большой энергіей въ хроникѣ перваго чешскаго историка, пишущаго на народномъ языкѣ, Далимила. Уже у его предшественника, чешско-латинскаго хрониста Козьмы Пражскаго, сказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія, но у Далимила оно достигаетъ уже сильнаго напряженія: легендарное прошлое чешскаго народа облекается въ его глазахъ покровомъ древности и славы, нѣмцы рисуются постоянно, какъ наглые пришельцы и насильники. Точка зрѣнія Далимила еще не была всеобщей въ чешскомъ обществѣ, и самъ императоръ Карлъ IV не раздѣлялъ ея, не былъ, видимо, удовлетворенъ сочиненіемъ Далимила, и историки, писавшіе подъ его вліяніемъ, стоятъ на нейтральной въ національномъ отношеніи почвѣ. Но созданіемъ Пражскаго университета и въ немъ «чешской націи» (одной изъ четырехъ географическихъ группъ, на которыя было разбито все студенчество) имп. Карлъ IV положилъ твердыя основы для созданія крѣпкаго національнаго сознанія въ чешскомъ обществѣ. Вся вторая половина XIV в. рисуетъ любопытную картину его назрѣванія и созданія національной чешской литературы, и въ началѣ XV в. этотъ процессъ зашелъ уже такъ далеко, что Янъ Гусъ какъ-то незамѣтно для самого себя превратился изъ религіознаго протестанта противъ испорченности и злоупотребленій папства въ національнаго вождя. Гусъ, который сначала идетъ по стопамъ нѣмецкихъ и латинскихъ пражскихъ проповѣдниковъ противъ испорченности католической церкви, который и самъ пишетъ по-латински, обильно черпая изъ латинскихъ сочиненій Виклефа, оказывается вынужденъ апеллировать къ народной массѣ и обратиться къ ней въ своихъ проповѣдяхъ уже на чешскомъ языкѣ. И чѣмъ болѣе національной дѣлается его борьба съ папствомъ, съ епископствомъ, съ запутаннымъ богословской схоластикой профессорствомъ Пражскаго университета и съ дворянствомъ, отвернувшимся отъ своей національности,—тѣмъ съ большей необходимостью Гусъ обращается къ чешскому языку, для котораго вырабатываетъ и правописаніе. Гуситство

становится сразу національнымъ движеніемъ. Оно показало, что всякая реформа католичества, стремящаяся сблизить церковь съ народностью и вернуть церковную жизнь къ ея евангельскимъ первоосновамъ, должна будетъ превратиться въ реформу національную. Лютеранство, обратившееся къ массамъ и создавшее первую письменность кашубовъ, лужичанъ, словинцевъ, національную литературу у поляковъ, явилось не только идейнымъ, но и историческимъ преемникомъ гуситства. Такимъ образомъ, чешскій народъ долженъ быть признанъ творцомъ національной идеи, какъ принципа равноправія всѣхъ народностей.

Это свое сознаніе онъ пронесъ до эпохи возрожденія народности въ XIX вѣкѣ. Гонимый за свою приверженность къ идеѣ религіознаго обновленія, такъ тѣсно сливавшейся въ его сознаніи съ идеей національной, лишенный высшихъ классовъ, которые охотно переходили въ лагерь побѣдителей-нѣмцевъ, подверженный германизаціи съ помощью школы, войска и администраціи, чешскій народъ превратился во второй половинѣ XVII вѣка въ народъ крестьянства и мелкаго мѣщанства, а въ XVIII вѣкѣ въ эпоху планомѣрной германизаціи и централизаціи, казалось, ничто уже не воскреситъ чеховъ къ національной жизни. Но, въ дѣйствительности, онъ таилъ въ себѣ много живыхъ народныхъ соковъ, которые хранились не только въ крестьянской массѣ, но и въ мѣщанствѣ, буржуазіи, которая повсюду является тѣмъ резервуаромъ, гдѣ скопляются источники національной жизни. Когда, благодаря реформамъ имп. Іосифа, образовательный уровень этой буржуазіи нѣсколько повысился, она стала доступна и новымъ культурнымъ и политическимъ вѣяніямъ. Къ тому же усилившійся въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка интересъ къ филологическимъ наукамъ заставилъ и чешскихъ, полуонѣмеченныхъ ученыхъ обратиться къ изученію родственныхъ славянскихъ и самого чешскаго языковъ къ ознакомленію съ прошлымъ чешскаго народа. Наконецъ, и внѣшнія событія толкали чеховъ къ осмысленію своего положенія въ Австріи. Наполеонъ повсюду вызвалъ пробужденіе національнаго сознанія; на сцену исторіи выступали вмѣсто разбитыхъ и пораженныхъ королей, охотно заключавшихъ соглашенія съ великимъ завоевателемъ, ихъ народы, которые не такъ-то легко мирились съ позоромъ пораженій. Національный романтизмъ не могъ не коснуться и чеховъ, какъ они не были забиты. Но здѣсь обнаружилъ свое значеніе еще одинъ факторъ, оказавшій могущественное вліяніе на образованіе именно чешскаго національнаго сознанія. Этимъ факторомъ явилось осознанное чехами свое національное родство съ русскимъ народомъ. Въ книгѣ проф. В. А. Францева «Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX ст.» (Варшава. 1902) представлена яркая картина русско-чешскихъ ученыхъ отношеній. содѣйствовавшихъ въ сильной степени образованію патріотической чешской интеллигенціи. Права чеховъ на національное признаніе базировались на томъ, что они принадлежатъ къ громадному славянскому племени, создавшему много государствъ и достигшему такой громадной силы въ Россійской имперіи. Какъ утверждалъ въ 1783 г. одинъ изъ чешскихъ патріотовъ, тамъ («Obrana jazyka českého») чешскій языкъ распространенъ не только въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Силезіи, но и въ Венгріи, Славоніи, Хорватіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи, Валахіи, Украйнѣ, Руси и т. п. вплоть до предѣловъ Арменіи и Персіи. Такъ можно было говорить, только принципіально отожествивъ чеховъ съ другими славянами.

Въ томъ же смыслѣ высказывались и другіе чешскіе ученые этой эпохи, призывавшіе къ единенію со славянствомъ. Прохожденіе русскихъ войскъ черезъ Чехію вызывало въ чешскомъ населеніи радостное со-

знаніе своего «братства» съ могущественнымъ русскимъ народомъ, какъ въ ту же пору появленіе русскаго флота на Далматинскомъ побережьѣ натолкнуло русскихъ офицеровъ на мысль о близкомъ родствѣ русскихъ и сербовъ. Такимъ образомъ, національное пробужденіе чеховъ сложилось подъ угломъ всеславянскаго единенія, и это разъ навсегда опредѣлило характеръ чешскихъ національныхъ движеній. Въ славянствѣ чехи воскресли для своей національности, и славянству они оставались вѣрны и впослѣдствіи, сдѣлавшись главными носителями идей славянской культурной взаимности и всеславянскаго политическаго единенія. Столѣтія упорной національной борьбы закалили тѣхъ, кто остался вѣренъ народности. Люди шатающіеся давно уже ушли къ нѣмцамъ; преданными своей чешской народности остались только крѣпкія и выносливыя поколѣнія, сумѣвшія выдержать борьбу съ германизаціей и не покорившіяся ей. И это опредѣлило на все будущее время характеръ чешскаго народа, чрезвычайно упорный. Онъ закалился именно для борьбы съ германизаціей, въ той спеціальной обстановкѣ, которая была создана условіями XVII—XVIII в. Приспособившись для борьбы съ нѣмецкимъ напоромъ, чехи сдѣлались такъ же непобѣдимы, какъ черногорцы для турокъ, къ борьбѣ съ которыми они, какъ народъ, приспособлялись также въ теченіе столѣтій. Это факты чрезвычайно любопытные, напоминающіе то естественное приспособленіе къ средѣ, которое наблюдается въ борьбѣ зоологическаго вида за свое существованіе. Чехи выработались въ опредѣленный культурно-національный типъ, въ которомъ сознаніе народное сплетается въ одно неразрывное цѣлое съ сознаніемъ славянскимъ и съ извѣстной симпатіей къ Россіи. Ихъ наука создалась на почвѣ этихъ славянскихъ интересовъ, которымъ служили и Добровскій, и Шафарикъ, и другіе; ихъ политика, начиная съ перваго народнаго выступленія въ 1848 г., руководится стремленіемъ защитить славянство свое и своихъ австрійскихъ согражданъ, дать ему перевѣсъ въ устройствѣ судебъ Австріи и подготовить въ ея лонѣ славянскую федерацію. Вслѣдствіе этого Прага сдѣлалась съ 1848 г. городомъ, гдѣ устраивались всевозможные славянскіе съѣзды, гдѣ радушный пріемъ встрѣчали представители всѣхъ славянскихъ народовъ, гдѣ находили для себя пріютъ славяне въ годы угнетенія (какъ, напр., студенты Загребскаго университета въ 1908 году) и т. д. Въ Прагѣ составляются планы широкой всеславянской культурной дѣятельности, а такъ какъ чехи по натурѣ своей отличные практики, то и эта дѣятельность облекается у нихъ въ такія практическія формы, которыя чужды многимъ другимъ славянскимъ народамъ, мечтателямъ по своей натурѣ [1]).

До сороковыхъ годовъ XIX ст. чешское возрожденіе сдѣлало довольно мало успѣховъ. Оно ограничивалось литературнымъ и научнымъ движеніемъ или романтической поэзіей. Событія наполеоновскихъ войнъ внушили чехамъ надежду на прекращеніе германизаціоннаго правительственнаго курса, и правительство Австріи сначала поддерживало эту надежду. Въ 1816 году оно издало нѣсколько постановленій, которыя открывали чешскому языку доступъ въ школу. Это вызвало ликованіе среди чеховъ. Юнгманъ, ученый славистъ, писалъ по этому поводу: «Быть-можетъ, страшная рана, которую нанесъ нашему языку Іосифъ II, будетъ заживлена въ наше время, а со временемъ, если Богу будетъ угодно, и совершенно зарубцуется. Со временемъ лучшіе изъ чеховъ будутъ занимать обществен-

---

1) По исторіи чешскаго возрожденія см. E. Denis. La Bohême depuis la Montagne Blanche, 2 тома. 1903. L. Leger. La renaissance tchèzue. 1911. Bilý. Od kolebky našeho obrození. 1904. Важно также I. Malý. Naše znovuzrození. 1860, а цѣльный и прекрасный очеркъ развитія чешской политической жизни съ 1848 г. данъ въ недавно вышедшей книжкѣ проф. Яна Хейдлера «České politické strany Čechách, na Moravě a ve Slezsku». Praha. 1914.

ныя должности, и такъ нашъ народъ процвѣтетъ!» Однако, въ это время и эти скромныя надежды казались просто смѣлыми мечтами, такъ какъ германизація проникла ужъ очень глубоко въ нѣдра общества. Всякая попытка чеховъ объединиться для какой-нибудь національной дѣятельности внушала правительству опасенія; «всякій чехъ казался подозрительнымъ», и благоразумные элементы, не желая навлекать на себя правительственное неудовольствіе, сторонились отъ энтузіастовъ. «Безумно бросаться на опасность, когда не имѣется никакихъ шансовъ на побѣду, когда можно разсчитывать только заслужить вѣнецъ мученичества», такъ говорили даже лучшіе изъ тогдашнихъ патріотовъ. Императоръ Францъ I оказался совершенно не пригоденъ для какихъ-либо реформъ; его канцлеръ, Меттернихъ, крѣпко хранилъ консервативныя традиціи, и такъ для чешскаго національнаго движенія уже скоро миновало время самыхъ скромныхъ надеждъ. Вмѣсто этого наступила пора всеобщей испуганности: боялись всевластной полиціи, управляемой гр. Седльницкимъ, шпіонства; печать томилась подъ гнетомъ капризной и безтолковой цензуры. Народная школа находилась въ полномъ пренебреженіи, средняя была въ рукахъ духовенства и не давала почти никакого образованія, а правительство, со своей стороны, заботилось о томъ, чтобы гимназій было не слишкомъ много, и чтобы число учениковъ въ нихъ было ограничено. Въ университетахъ студенты жадно прислушивались къ голосамъ тѣхъ немногихъ профессоровъ, которые рѣшались говорить болѣе либерально. Такимъ былъ, напр., профессоръ Пражскаго университета, Больцано, вѣрующій католикъ, получившій нѣмецкое образованіе и умолявшій чеховъ образовать одинъ народъ съ нѣмцами. Но Больцано требовалъ отъ студентовъ самостоятельности мышленія, и за это былъ лишенъ каѳедры. Вліяніе его на молодежь было очень велико, и поэтъ Гавличекъ, самъ погибшій жертвой австрійской реакціи, писалъ въ 1848 г., что «либеральное движеніе въ Чехіи является въ значительной мѣрѣ всходами того сѣмени, которое посѣялъ Больцано». А между тѣмъ этотъ послѣдній еще не имѣлъ никакихъ представленій о національныхъ задачахъ чешскаго народа.

Среди той молодежи, которая выступила съ новыми національными требованіями, наиболѣе выдающимися людьми были Палацкій, Шафарикъ и Колларъ, первые два ученые, третій поэтъ. Національное движеніе пріобрѣтало, такимъ образомъ, сначала характеръ исключительно культурныхъ стремленій, которыя должны были возстановить права чешскаго народа на національное существованіе. Въ этомъ смыслѣ возвращенія къ народному прошлому Палацкій и Шафарикъ открыли кампанію противъ старшаго поколѣнія, исказившаго чешскій языкъ и отводившаго чехамъ только роль въ прошломъ. Съ этимъ молодые патріоты, выступившіе теперь на сцену, не хотѣли примириться: они требовали, чтобы чехи приняли дѣятельное участіе въ современной жизни Европы. И вотъ возникаетъ цѣлый кружокъ молодыхъ ученыхъ, который разрабатываетъ на чешскомъ языкѣ различныя отрасли науки и приступаетъ къ изданію научно-популярнаго журнала «Krok» (1820—1848). За предшествующія столѣтія почти совсѣмъ прервалась традиція чешской письменности, и теперь приходилось создавать литературный языкъ, сочинять слова, приспособленныя къ современнымъ научнымъ понятіямъ. Въ эту же пору возникаетъ мысль о созданіи чешскаго музея, въ задачи котораго входитъ, между прочимъ, изученіе чешскаго языка. Юнгманъ горячо привѣтствовалъ его идею: «Патріоты, вотъ исполнилось желаніе, которое мы питали такъ давно; основано общество съ цѣлью сохранить и облагородить нашъ языкъ. Благодаря могущественному покровительству нашего дворянства, будетъ учрежденъ музей, главной за-

дачей котораго явится сохраненіе нашего языка, нашей національности». Въ 1821 г. общество чешскаго музея начало свою дѣятельность, но долго и здѣсь господствовалъ нѣмецкій духъ. Энергіи Палацкаго удалось преодолѣть это препятствіе; онъ добился того, что съ 1827 г. музей сталъ издавать на чешскомъ языкѣ свой органъ, Casopis (Лѣтопись). Молодежь, болѣе пылкая и нетерпѣливая, группировалась около Ганки, хранителя музея, открывшаго курсъ чешскаго языка въ Пражскомъ университетѣ. Въ своемъ патріотизмѣ Ганка не останавливался ни передъ чѣмъ; такъ, онъ пустилъ въ оборотъ нѣсколько подложныхъ рукописей, выдавъ ихъ за древнѣйшія произведенія чешской поэзіи, т. наз. «Краледворскую рукопись» и др. Несомнѣнно, это была грубая поддѣлка, но въ свое время и еще долго спустя она служила добрую службу пробужденію чешскаго національнаго сознанія. Въ 1824 г. вышла поэма Коллара «Дочь Славы», посвященная восторженному описанію славянскихъ народовъ и встрѣченная чешской молодежью съ большимъ воодушевленіемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя начинаетъ писать Челяковскій, изучившій и толковавшій славянскую народную поэзію. Но до 1840 г. въ общество чешское національныя идеи проникали еще очень слабо; все, что поднималось надъ низшими классами населенія, тянулось къ нѣмецкому языку и стыдилось своего чешскаго происхожденія.

Какъ разъ за годъ до революціи 1848 г. вышло сочиненіе польскаго писателя, Э. Хоецкаго «Чехія и чехи въ концѣ первой половины XIX стол.» [1]), которое характеризуетъ чешскія общественныя настроенія въ эту эпоху. Зная современный розмахъ чешской національной жизни, трудно себѣ представить, въ какомъ мизерномъ положеніи находился еще въ эту пору чешскій народъ. Собранія чешскаго музея были еще крайне немногочисленны («отдѣлъ этнографическій еще почти совершенно пустъ; предметы, находящіеся здѣсь, ... съ точки зрѣнія исторической не заслуживаютъ даже упоминанія; что же касается промышленныхъ издѣлій и образцовъ машинъ, то о нихъ еще и не думаютъ». Chojecki II, 244). Что касается книжной торговли, то по этому предмету Хоецкій дѣлаетъ нѣсколько любопытныхъ сообщеній, показывающихъ, что въ чешскомъ обществѣ уже начинали складываться новыя настроенія. «Книжная торговля въ Чехіи находится еще всецѣло въ нѣмецкихъ рукахъ, такъ какъ собственное чешское книгоиздательство еще не развилось, и лишь въ послѣдніе годы пражскіе книготворцы начали обращать больше вниманія на чешскую литературу. Съ 1820 г. только одинъ Яромиръ Поспишилъ, книгоиздатель и книгопродавецъ, издавалъ чешскія книги. Однако, какъ эти книги, такъ и другія, которыя иногда выпускалъ издатель Нейрейтеръ, были, какъ можно думать, исключительно такого рода, на который предъявлялось больше всего спроса въ странѣ, при чемъ никто не думалъ о хорошемъ вкусѣ, содержаніи и цѣнности произведенія. Такимъ образомъ, масса книгъ состояла изъ молитвенниковъ, изъ книжекъ для дѣтей, изъ повѣстей или сборниковъ пѣсенъ, отъ которыхъ литература ровно ничего не пріобрѣтала. Сочиненія научныя или имѣющія серьезное содержаніе, обыкновенно, не находили издателя; авторъ долженъ былъ печатать ихъ на собственный счетъ, и тутъ-то оказалась особенно полезной дѣятельность чешской Матицы. Стремленіе воскресить чешскій языкъ сдѣлало то, что нерѣдко стали покупать чешскія книги не для того, чтобы читать ихъ, но для того, что содѣйствовать развитію народнаго дѣла, а въ такомъ случаѣ лучше было для желающихъ чему-нибудь научиться, чтобы большинство

[1]) Czechija i czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX go stulecia przez Edmunda Chojeckiego. 2 тома. Berlin 1847.

чешскихъ сочиненій могло подниматься надъ кругозоромъ беллетристики. Рѣшили использовать любовь чешскаго народа къ чтенію, и для облегченія продажи книгъ устроили въ разныхъ мѣстахъ въ Чехіи и Моравіи конторы (склады) чешскихъ книгъ. При основаніи Матицы журналъ музея и другія сочиненія, издаваемыя этимъ учрежденіемъ, печатались въ количествѣ 600 экземпляровъ; но съ 1845 г. всѣ книги выходятъ уже въ 2.000 экземпляровъ, а нѣкоторыя изданія, какъ, напр., «Поэзія» Коллара или «Славянскія древности» Шафарика, эта немногочисленная чешская публика, состоящая изъ простого народа, сельскаго духовенства и бѣдныхъ литераторовъ, раскупила до послѣдняго экземпляра. Періодическія изданія, какъ, напр., «Пчела» или «Цвѣты», имѣютъ значительное распространеніе. «Цвѣты» расходятся въ 1.200 экземпляровъ, «Пчела», нѣсколько упавъ подъ редакціей Степанка, имѣетъ меньше подписчиковъ». Свой разсказъ Хоецкій заканчиваетъ рѣзкимъ выпадомъ по адресу польскаго общества, которое слабѣе поддерживаетъ свою литературу, нежели чешское.

Матица, общество для изданія чешскихъ книгъ, была основана въ 1831 г. по образцу возникшей въ 1830 г. Сербской матицы въ Новомъ Садѣ (въ Венгріи). На чешской почвѣ она стала довольно быстро развиваться, и въ концѣ 1840 г. капиталъ Матицы равнялся уже 20.416 флоринамъ (см. отчетъ чешскаго музея за 1842 г., еще на нѣмецкомъ языкѣ, «Das vaterländische Museum in Böhmen im Jahre 1842», стр. 18). Черезъ пять лѣтъ онъ поднялся до 29 тыс. флор., и общество насчитывало уже около 1.300 членовъ. Появилась и нѣкоторая потребность въ чешскомъ театрѣ, стали устраиваться регулярныя народныя представленія, охотно посѣщаемыя невзыскательной публикой, тогда какъ болѣе образованная оставалась вѣрна нѣмецкому театру. И, наконецъ, въ 1840 г. произошло событіе, чрезвычайно взволновавшее мѣстное общество; въ Прагѣ былъ устроенъ *первый* чешскій балъ, на которомъ, къ величайшему восхищенію національной печати, говорили по-чешски. «Какъ пріятно было видѣть прелестныхъ танцорокъ, которыя безъ всякаго принужденія и безъ стыда разговаривали на своемъ родномъ языкѣ», писали въ газетахъ. Примѣръ вызвалъ подражанія не только въ Прагѣ, но и въ чешской провинціи. Къ начинавшемуся національному движенію стали приглядываться и крестьяне, а съ другой стороны, съ другого края общества, къ нему начали присоединяться и аристократы. Въ 1842 г. графъ Л. Тунъ издалъ брошюрку о современной чешской литературѣ; другой Тунъ доказывалъ, что Австрія представляетъ федерацію народовъ; кое-кто изъ аристократовъ внесъ большія денежныя суммы на созданіе первыхъ чешскихъ учрежденій. И среди представителей власти возникаютъ представленія о томъ, что нѣкоторыя національныя уступки чехамъ сдѣлать слѣдуетъ. Но и требованія самихъ чеховъ были еще очень скромны: они не шли дальше пожеланія, чтобы въ народныхъ школахъ преподаваніе велось на языкѣ большинства населенія, и чтобы въ гимназіи Законъ Божій преподавался по-чешски въ низшихъ классахъ. По мѣрѣ приближенія къ 1845 г. надежда на осуществленіе этого скромнаго желанія возростала. На сцену выступаютъ выдающіеся политическіе умы, Палацкій, еще юный Л. Ригеръ и крупнѣйшій изъ чешскихъ публицистовъ и, вообще, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ чешскихъ людей, К. Гавличекъ [1]), который съ января 1846 г. сдѣлался редакторомъ единственной чешской политической газеты «Národní Noviny». Гавличекъ уже побывалъ въ Россіи, вынесъ оттуда правильное

---

[1]) О Гавличкѣ см. К. Tůma. Karel Havlíček Borovský. 1890. T. G. Masaryk. Karel Havlíček. 2 vydání. 1904. E. Chalupný. Karel Havlíček. 1911.

представленіе о Россіи, не могъ быть слѣпымъ руссофиломъ и смотрѣлъ на вещи прямо и трезво.

Таковы были первые шаги чешскаго народа на новомъ пути. Къ нему относились тогда болѣе или менѣе такъ, какъ теперь къ лужицкому или кашубскому національному движенію, т.-е. безъ всякой увѣренности въ томъ, что это движеніе можетъ привести къ какимъ-нибудь серьезнымъ результатамъ, и что съ нимъ придется считаться въ политикѣ. Но, во-первыхъ, чешскій народъ былъ и тогда уже сравнительно многочисленнымъ, во-вторыхъ, онъ не утратилъ своихъ историческихъ воспоминаній, а среди этихъ послѣднихъ были и славныя воспоминанія о Гусѣ и гуситскихъ войнахъ. Тонкій наблюдатель 1847 г., какимъ былъ Хоецкій [1]), набросалъ уже въ это время такую характеристику чешскаго крестьянина, по которой уже можно было представить его ближайшее развитіе. Онъ констатируетъ (II. 159), что «еще не явился въ Чехіи человѣкъ, который сумѣлъ бы въ простомъ народѣ вернуть прелесть загрубѣлымъ струнамъ чешскаго языка и разбудить въ немъ пламенный интересъ къ отечественнымъ воспоминаніямъ». Но въ то же время Хоецкій отмѣчаетъ, что этотъ чешскій народъ сильно отличается отъ нѣмецкаго, и что «въ немъ осталось еще много добраго». Уже въ это время среди крестьянъ обнаруживались яркіе случаи живого интереса къ родной книгѣ. «Посмотрите, какъ чешскій крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, сумѣлъ подчиниться спасительному вліянію прошлаго поколѣнія, какими толпами онъ собирается на торжество св. Яна въ Прагѣ, и какъ онъ мѣшками уноситъ купленныя, недавно вышедшія книжки, какъ онъ расхватываетъ новости Тыля (одного изъ посредственныхъ чешскихъ писателей, новелиста и драматурга) и съ наслажденіемъ находитъ въ «Цвѣтахъ» извѣстія о распространеніи чешскаго языка. Посмотрите на вашихъ сосѣдей? Гдѣ вы найдете столько доказательствъ истиннаго самоотреченія? Въ Болеславскомъ округѣ, въ деревнѣ Катусицахъ, крестьянинъ Кроускій закупилъ для спекуляціи хлѣбъ изъ гминнаго магазина. Торговля пошла счастливо, Кроускій выручилъ почти 1000 польскихъ злотыхъ прибыли, и всю эту прибыль вручилъ гминѣ на пріобрѣтеніе сельской библіотеки».

Какъ мы видимъ, почва для національной работы была уже разрыхлена. Съ такимъ упорнымъ и трудолюбивымъ народомъ, какъ чехи, можно уже было начинать національную работу, стоило только внушить въ немъ довѣріе къ себѣ. Къ тому же, по утвержденію того же наблюдателя, чешскій крестьянинъ находился сравнительно въ благопріятномъ экономическомъ положеніи. Широкій демократическій духъ вѣялъ надо всей Чехіей. «Не разъ я дивился, говоритъ Хоецкій, на привязанность крестьянина къ его сословію, мнѣ случалось встрѣчать за плугомъ пахаря, который окончилъ гимназію». Такимъ образомъ, уже въ 1848 г. имѣлись на лицо всѣ тѣ данныя, которыя вызвали послѣ этого такой быстрый ростъ чешской народности. Слѣдить за нимъ подробно я, конечно, здѣсь не могу и ограничусь изложеніемъ только важнѣйшихъ моментовъ. Эту новѣйшую исторію чешскаго народа надо начинать съ 1848 г. [2]).

---

[1]) Такъ Хоецкій еще въ 1847 г. отмѣтилъ (II. 270), что «Венгрія является зерномъ грядущихъ преобразованій въ Австріи». Подобныхъ вѣрныхъ замѣчаній въ его книгѣ много.

[2]) Исторія политической жизни чешскаго народа съ 1848 до 1909 г. изложена въ книгѣ Dejiny české politiky nové doby. Díl III (1909), написанной З. Тоболькой и К. Крамаржемъ (здѣсь приведена и обширная литература). Кромѣ того, очень цѣнны труды Адольфа Срба «Politické dějiny Národa Českého, od r. 1861». Praha. 1897 и «Šedesát let politického zápasu o práva národa českého »1848—1908. Обширная литература по исторіи чешскихъ политическихъ партій приведена въ вышеупомянутомъ трудѣ Тоболькы и Крамаржа, исторія самыхъ партій въ названной выше книгѣ Я. Хейдлера. О съѣздѣ 1848 г. см. книгу Тоболькы «Slovanský sjezd v Praze roku 1848», v Praze. 1901 (также мою статью въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» за 1910 г.).

Послѣ полученія извѣстій о революціонномъ движеніи въ Парижѣ, Италіи, Германіи и Венгріи, чешскіе радикалы устроили 11 марта 1848 года многолюдный народный митингъ, на которомъ были приняты, кромѣ общихъ пожеланій конституціоннаго характера, требованія національныя, именно полное равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ во всѣхъ чешскихъ земляхъ, основанное на постановленіи сейма 1627 г. Д-ръ Браунеръ, выработавшій эту программу, сталъ на точку зрѣнія чешскаго государственнаго права и указалъ на необходимость государственнаго объединенія всѣхъ земель чешской короны. Митингъ 11 марта принялъ эту программу и дополнилъ ее нѣкоторыми требованіями, не имѣвшими спеціальнаго національнаго характера. Программа Браунера подверглась нѣкоторой переработкѣ въ смыслѣ смягченія ея требованій, и черезъ нѣсколько дней была направлена къ имп. Фердинанду I. Но не успѣло дойти до него обращеніе чешскаго народа, какъ положеніе вещей въ Австріи рѣзко перемѣнилось: 15 марта императоръ согласился дать конституцію, Меттернихъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ либеральнымъ сановникомъ Коловратомъ. Императоръ отвѣтилъ на требованія чеховъ рескриптомъ, въ которомъ признавалъ равноправіе языковъ въ школахъ и управленіи, но, въ общемъ, уклонялся отъ прямыхъ отвѣтовъ. Этотъ рескриптъ былъ замѣненъ вслѣдствіе этого 8 апр. новымъ, въ которомъ подтверждались національныя права чеховъ, но ихъ государственноправовыя требованія не были удовлетворены. Тѣмъ не менѣе, этотъ новый рескриптъ былъ встрѣченъ обществомъ съ удовлетвореніемъ. Вскорѣ начались выборы въ первый конституціонный чешскій сеймъ. Объ этой политической дѣятельности чеховъ я не буду здѣсь говорить, потому что, во-первыхъ, она не привела тогда къ положительнымъ результатамъ, а, во-вторыхъ, ея значеніе заключалось преимущественно въ дальнѣйшемъ развитіи уже намѣченнаго выше національнаго движенія. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ этого послѣдняго явился созванный весной 1848 г. въ Прагѣ первый славянскій съѣздъ, какъ необходимая славянская реакція на Франкфуртскій конгрессъ нѣмцевъ и на государственныя стремленія мадьяръ. Въ этомъ съѣздѣ участвовали выдающіеся представители поляковъ, галицкихъ русиновъ, сербовъ, хорватовъ, словаковъ, изъ чеховъ же крупнѣйшіе представители народа, какъ напр. Шафарикъ, Гавличекъ, Палацкій и др. Чехи на этомъ съѣздѣ выставили опять требованіе государственнаго единенія Чехіи и Моравіи въ лицѣ общаго совѣщанія членовъ чешскаго и моравскаго сеймовъ. При этомъ съѣздъ крѣпко стоялъ на почвѣ сохраненія Австріи, какъ государства, и удовлетворенія славянскихъ національныхъ требованій именно въ предѣлахъ Австріи. Такъ была создана основа т. наз. «австрославизма».

Безпорядки, происшедшіе въ Прагѣ въ теченіи іюня, прекратили дѣятельность славянскаго съѣзда. Въ дѣятельности рейхстага (въ Вѣнѣ и потомъ Кромержѣ) чехи приняли видное участіе, но въ 1849 г. абсолютизмъ въ Австріи былъ возстановленъ. Наступила эпоха сильнѣйшей реакціи, но чешскій народъ теперь былъ уже не тѣмъ, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Въ это время поддерживаетъ національное чешское движеніе и чешско-нѣмецкое дворянство, «историческое» чешское дворянство, связанное своимъ прошлымъ съ Чехіей, но давно онѣмеченное. Оно раздѣляется на двѣ партіи: часть оставалась вѣрна своимъ нѣмецкимъ отношеніямъ, другая же часть, руководимая гр. Кламомъ-Мартиницемъ, стояла на почвѣ государственныхъ правъ, признанныхъ за Чехіей въ 1627 году, и хотя сама придерживалась нѣмецкаго языка, требовала въ Чешскомъ королевствѣ, на основаніи его государственнаго права, равноправія языковъ. Эта дворянская партія вступила позже (уже въ

1860 г.) въ сношенія съ вождями чешскаго національнаго движенія, Ригеромъ и др., и создала такимъ образомъ реальную силу въ дальнѣйшемъ развитіи чешской политической жизни (см. ниже). «Реакція, которая наступила, сильно угнетала тогда уже въ большинствѣ своемъ свободомыслящій, противоклерикальный и національно-сознательный чешскій народъ, такъ какъ это была реакція не только въ направленіи къ абсолютизму, но и реакція, опирающаяся на милитаризмъ, іерархію и аристократію и вводящая своимъ централизмомъ завѣдомую германизацію. Въ организаціи австрійскихъ дѣлъ правительство дѣйствовало безъ всякихъ оглядокъ, въ духѣ централизаціи и германизаціи, а также въ духѣ угожденія интересамъ буржуазіи, особенно же въ угоду классовымъ тенденціямъ аристократіи. Во второй половинѣ 1851 г. былъ изданъ декретъ, въ которомъ было заявлено, что въ Силезіи земскими языками не служатъ ни чешскій, ни польскій; 23 мая 1852 г. въ чешскомъ королевствѣ нѣмецкому языку было предоставлено исключительное право во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ государственныхъ учрежденій; патентомъ 27 дек. 1852 г. было установлено, что имперскій сводъ законовъ долженъ выходить только на нѣмецкомъ языкѣ, и что единственнымъ подлиннымъ текстомъ служитъ нѣмецкій. Въ гимназіяхъ преподавательскимъ языкомъ былъ уже всецѣло нѣмецкій, да и въ народныхъ школахъ было предписано (въ 1853 г.) «нѣсколько болѣе широкое обученіе нѣмецкому языку». Эта клерикально-феодальная, милитаристическая противочешская реакція вступила въ бой съ радикализмомъ и либерализмомъ, и на нѣкоторое время ей удалось взять верхъ съ помощью насилій». (Dějiny české polit. 174). По отношенію къ чешскимъ публицистамъ и политикамъ были примѣнены различныя репрессивныя мѣры: «Národní Noviny» Гавличка была закрыты, самъ Гавличекъ арестованъ и сосланъ въ Тироль; Палацкій публично заявилъ, что онъ отказывается отъ политической дѣятельности; Ригеръ, которому не позволили реабилитироваться въ Пражскомъ университетѣ, выѣхалъ за границу и т. д. Гавличекъ не сразу сложилъ оружіе: когда его газета была закрыта, онъ приступилъ къ изданію дешевыхъ и доступныхъ народу политическихъ брошюръ («Духъ народныхъ Новинъ» и «Кутногорскія посланія»). Но и онъ почувствовалъ свое безсиліе въ неравной борьбѣ, уже въ августѣ 1851 г. прекратилъ свою журнальную дѣятельность, а въ декабрѣ того же года былъ арестованъ и увезенъ въ маленькое тирольское мѣстечко Бриксенъ, гдѣ оставался почти до самой своей смерти въ 1856 г. Крахъ австрійской реакціи наступилъ лишь въ концѣ 1859 г.

Чѣмъ была въ это время Чехія? Для характеристики ея мы имѣемъ весьма цѣнный матеріалъ въ книгѣ Ф. Ригера «Čechy, země i národ», которая вышла въ 1863 г. Численность чешскаго населенія онъ опредѣляетъ для 1846 г. въ 2.598.774, для 1851 г. въ 2.635.887 и для 1857 г. 2.925.982 чел. (нѣмцевъ въ тѣ же годы, 1.679.151; 1.703.105; 1.766.372 и евреевъ 70.037; 70.938; 76.339). Такимъ образомъ, въ 1857 г. чехи составляли 61,23%, нѣмцы 36,96% и евреи 1,81% всего населенія. Что касается національныхъ отношеній, то Ригеръ пишетъ очень осторожно: вѣдь его книга составляла часть научнаго энциклопедическаго словаря и отнюдь не предназначалась для широкой агитаціи. Но и въ этой книгѣ обнаруживается, что чехи за минувшія десятилѣтія сдѣлали большіе шаги въ своемъ развитіи. Такъ, въ обзорѣ литературы онъ оптимистически замѣчаетъ, что въ «послѣднее время (чешская) литература достигла такого расцвѣта, что всѣ ея отрасли разрабатываются широко и съ еще небывалой подробностью, и ежедневно прибываетъ число усердныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ. Она начала воскресать въ отчаянныхъ условіяхъ, патріотической мыслью и непреклонной силой своихъ

дѣятелей одержала побѣду надъ всѣми препятствіями. На неискоренимой энергіи народнаго духа основывается и ея будущность». Объ экономическомъ положеніи чешскаго народа въ эту эпоху мы находимъ у Ригера точныя и подробныя свѣдѣнія. Онъ констатируетъ быстрый ростъ земледѣлія послѣ уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ крѣпостного права въ 1848 г. Ригеръ отмѣчаетъ и пробужденіе гражданскаго сознанія въ крестьянской массѣ. «Пріобрѣтенная свобода оказываетъ облагораживающее вліяніе на земледѣльца; вмѣсто прежней подобострастности появилось гордое самосознаніе; онъ ожидаетъ, что теперь онъ самъ будетъ пользоваться всѣми плодами своей заботливости и трудолюбія, и это ожиданіе поднимаетъ его силы и даетъ ему охоту браться за новыя предпріятія. Такъ и классъ мелкихъ землевладѣльцевъ оказался сразу охваченъ духомъ экономическаго прогресса, что́ особенно обнаружилось, когда усиленная реакція уступила мѣсто бодрому и свѣжему духу времени, а вслѣдъ за октябрьскимъ патентомъ опять забрезжило признаніе національной равноправности, и явилась бо́льшая возможность объединенія. Чешскіе крестьяне поняли свою задачу, а патріотически настроенное Экономическое общество, понимая свое назначеніе, отдалось теченію, которое все болѣе увлекало его и которому оно уже больше не могло сопротивляться. Добившись же возможности болѣе широкой дѣятельности, Общество потребовало и болѣе справедливаго отношенія къ чешскому языку, какъ языку основной массы крестьянства; по всей странѣ оно раскинуло густую сѣть филіальныхъ союзовъ и ихъ окружныхъ отдѣленій». Въ этихъ замѣчаніяхъ Ригера (цит. соч. стран. 546) слышится уже совершенно другой духъ, нежели въ скромныхъ петиціяхъ 1848 г. Чешскій народъ уже твердо сталъ на путь своего національнаго развитія.

Съ этого времени борьба его за національное право ведется уже неустанно и непрерывно, вплоть до послѣднихъ дней. Въ 1859 г. была возстановлена конституція, въ 1860 г. императоръ привлекъ къ участію въ государственномъ совѣтѣ 38 новыхъ членовъ, среди которыхъ не оказалось, однако, ни одного чеха. Въ это время политическое сознаніе чешскаго народа было уже настолько пробуждено, что этотъ фактъ не могъ пройти безъ протеста. Чешскіе политики, съ Ригеромъ и Палацкимъ во главѣ, выработали обращеніе къ монарху, и когда въ засѣданіяхъ рейхсрата, какъ стало очевидно, никто не думалъ поднять голосъ въ пользу національныхъ чешскихъ требованій, они добились аудіенціи у императора и подали ему петицію, которая выставляла какъ общеполитическія, такъ и національныя требованія чешскаго народа. Въ первой части указывалось на желательность представительства отъ среднихъ промышленныхъ и низшихъ, земледѣльческихъ, классовъ народа, при чемъ государственно-правовая точка зрѣнія не была намѣренно подчеркнута. Въ области же національныхъ требованій чехи проявили большую умѣренность: они ограничились пожеланіемъ введенія чешскаго языка въ преподаваніе, требованіемъ разрѣшить чешскую газету и дальнѣйшую дѣятельность общества, учрежденнаго съ цѣлью постройки чешскаго народнаго театра; при сношеніяхъ представителей власти въ Чехіи съ чехами они требовали употребленія чешскаго языка, для чего нужно было назначать чиновниковъ, знающихъ два мѣстные языка. Но и эти требованія чешскихъ политиковъ не встрѣтили въ правительственныхъ кругахъ сочувствія, а вскорѣ они подверглись уже и нѣкоторымъ измѣненіямъ со стороны чеховъ. Характернымъ выраженіемъ чешскихъ настроеній явилась въ 1860 г. книга Кампелика на чешскомъ языкѣ: «Состояніе Австріи и ея будущее» (Stav Rakouska a jeho budoucnost'). Эта книга проникнута австрофильствомъ, нынѣ чуждымъ австрійскому славянству, и почтеніемъ къ «геройскому мадьярскому дворянству, которое весьма

благородно стремится ко всеобщему и національному благу». Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже считаетъ возможнымъ въ категорической формѣ требовать признанія славянскихъ національныхъ правъ въ Австріи. «Если Австрія хочетъ, говоритъ онъ (назв. соч. 253), вліять интеллектуально и морально на своихъ гражданъ и увеличить свою энергію и силу для того, чтобы всѣми силами и возможностями добиться благосостоянія внутри государства и могущества во внѣшнихъ отношеніяхъ,—то она должна относиться къ своимъ не нѣмецкимъ народамъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, какъ справедливая мать,—особенно къ большинству, проникнутому центростремительными желаніями». Дальше идетъ перечисленіе чешскихъ національныхъ требованій, поражающее своей скромностью. Надо прибавить, что и самая книга написана еще довольно плохимъ, не выработаннымъ чешскимъ языкомъ.

Подъ вліяніемъ того направленія, которое приняла политика рейхсрата, чешскія требованія подверглись уже въ скоромъ времени измѣненію. Такъ какъ основнымъ вопросомъ австрійской политической жизни являлся тогда мадьярскій, то естественно, что въ эту сторону направилось вниманіе и чешскихъ политиковъ. Вождь народно-либеральной партіи, Ригеръ, видѣлъ въ господствовавшемъ тогда признаніи австрійскихъ земель за историко-политическія индивидуальности принципъ децентрализаціи, близкій его партійной программѣ, и принялъ въ эту послѣднюю требованіе автономіи для Чехіи при сохраненіи ея территоріальнаго и административнаго единства. При этомъ онъ настаивалъ на полномъ уравненіи Чехіи въ правахъ съ Венгріей, на совершенно одинаковой конституціи для этихъ двухъ государствъ, которыя стоятъ на одинаковой культурной ступени и одинаковымъ образомъ присоединились къ Австріи. Далѣе, Ригеръ требовалъ одного чешскаго земскаго сейма, которому должны быть подчинены исполнительные органы въ странѣ; равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ подразумѣвалось само собой, какъ естественное послѣдствіе государственнаго права чешскаго народа. Взгляды Ригера были приняты чешской печатью (газетами «Čas» и «Posel z Prahy») и распространены въ брошюрѣ Малаго; они получили широкое признаніе. Вскорѣ (1861 г.) произошелъ еще одинъ важный моментъ въ политической жизни Чехіи, объединеніе чешскихъ политиковъ съ исторически-чешскимъ дворянствомъ на основѣ требованій возстановленія чешскаго государственнаго права и равноправія языковъ въ Чехіи.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, отдѣляющихъ два важнѣйшіе конституціонные акта Австріи (1859—1867), чехи отстаивали въ рейхсратѣ, сеймѣ и печати свою государственно-правовую точку зрѣнія, но ихъ интересы все болѣе отодвигались на задній планъ по сравненію съ мадьярскими, не говоря уже о нѣмецкихъ. Всѣ успѣхи чеховъ ко времени паденія Шмерлинга (въ іюнѣ 1864 г.) свелись къ признанію въ сеймѣ (въ маѣ 1864 г.) равноправія чешскаго и нѣмецкаго языка въ народныхъ и средне-учебныхъ школахъ. Поднятъ былъ вопросъ и объ «утраквизаціи» Пражскаго университета (т.-е. о введеніи въ немъ параллельныхъ чешскихъ и нѣмецкихъ каѳедръ), и большинство сейма просило правительство разсмотрѣть соотвѣтствующую чешскую петицію. Паденіе Шмерлинга, котораго чехи когда-то встрѣтили съ радостью и надеждами, теперь вызвало въ чешскихъ политическихъ кругахъ ликованіе. Создавалось новое положеніе вещей, и чехи подготовились къ нему: политическая программа, соотвѣтствующая важности минуты, была выработана однимъ изъ патріарховъ чешскаго возрожденія, участникомъ первыхъ политическихъ организацій чешскаго народа, Ф. Палацкимъ, который въ газетѣ Ригера «Národ» формулировалъ (въ маѣ 1865 г.) «Идею Австрійскаго государства» (Idea státu rakouského).

Основныя идеи этой программы заключались въ слѣдующемъ: равноправіе народностей въ Австріи, при непремѣнномъ сохраненіи этой послѣдней, и децентрализація. Видя главныхъ непріятелей чешскаго національнаго равноправія въ нѣмцахъ, Палацкій высказывался противъ подготовлявшагося дуализма, который раздѣлялъ управленіе имперіей между нѣмцами и мадьярами въ ущербъ инымъ австро-венгерскимъ народамъ. Австрійскій федерализмъ представлялся Палацкому единственнымъ правильнымъ разрѣшеніемъ австрійской проблемы. Программа Палацкаго сдѣлалась «программой всѣхъ чешскихъ политиковъ того времени» (Tobolka. Назв. соч. 248). Съ 1865 г., когда портфель премьера перешелъ къ гр. Белькреди, наступила новая эпоха въ австрійской государственной жизни. Выдвинулось, какъ одна изъ необходимыхъ задачъ государственнаго управленія Австріи, требованіе чешско-нѣмецкаго соглашенія. Уже тогда сталъ обнаруживаться тотъ фактъ, все значеніе котораго выяснилось въ послѣдующіе годы, именно: что правильное конституціонное развитіе Австріи не возможно безъ такого соглашенія [1]). Въ чешскомъ сеймѣ было опубликовано 12 дек. 1865 г. правительственное сообщеніе, въ которомъ подчеркивалось стремленіе правительства содѣйствовать развитію автономіи и учрежденію «дѣйствительно автономныхъ административныхъ органовъ». Сочетаніе рейхсрата, призваннаго охранять идею государственнаго единства, съ ландтагами (сеймами), «которые должны укрѣплять и усиливать управленіе болѣе узкимъ отечествомъ», представлялось идеаломъ правительства въ эту пору. О національныхъ правахъ чешскаго народа спеціальнаго упоминанія здѣсь не было, какъ и въ отвѣтѣ короны на адресъ, переданный сеймовой депутаціей императору 8 янв. 1866 г. Императоръ, выразивъ свое удовлетвореніе адресомъ, заявилъ о намѣреніи при первой возможности прибыть въ Прагу, чтобы «согласно праву и священному обычаю совершить актъ коронаціи». Идея государственнаго права Чехіи получала, такимъ образомъ, подтвержденіе съ высоты престола. Между тѣмъ чешскіе политики вели оживленные переговоры какъ съ Белькреди, такъ и съ представителемъ консервативной дворянской партіей (Кламъ-Мартиницемъ), и съ представителями польской и южно-славянской федералистическихъ партій. Въ запискѣ, выработанной въ іюлѣ 1861 г. и подписанной выдающимися чешскими политиками, проводилась программа государственнаго объединенія земель, принадлежащихъ къ чешской коронѣ, т.-е. Чехіи, Моравіи и Силезіи. Эти земли должны были получить отдѣльную конституцію путемъ соглашенія короны съ сеймами названныхъ земель; группа чешскихъ земель должна была занимать въ предѣлахъ Австріи совершенно равноправное положеніе со всякой другой группой; разумѣется, полнымъ равноправіемъ должны были пользоваться и мѣстные языки.

Программа федералистическаго устройства Австрійской имперіи разсматривалась также въ іюлѣ и августѣ 1866 г. на совѣщаніяхъ чешскихъ политиковъ съ польскими и южно-славянскими вождями партій. Эта программа, обнаружившая значительное сходство взглядовъ у составителей ея, была передана Белькреди и поднесена императору. Первое положеніе ея гласило слѣдующее: «Внѣшняя и внутренняя политика Австріи должна впредь быть исключительно австрійской, не прислѣдуя никакихъ специфически національныхъ стремленій и не нося таковой же окраски. Не отрекаясь отъ симпатій къ тѣмъ частямъ своихъ народностей, которыя живутъ за предѣлами ея, Австрія должна прежде всего имѣть въ виду то, что можетъ быть полезно для совокупности государства,

---

[1]) Попыткамъ соглашенія посвящена интересная работа Цейтгамера «Zur Geschichte der böhmischen Ausgleichsversuche (1865—1871)», 2 выпуска. 1912—1913.

для его единства и державнаго положенія, а также для его укрѣпленія во внѣ. Австрія должна воздерживаться отъ всякаго союза съ внѣавстрійскими землями, союза, который выходилъ бы за предѣлы обычныхъ международныхъ договоровъ и могъ бы привести ее къ столкновенію съ иностранными державами». Къ вопросу о положеніи національностей въ имперіи программа обращалась въ 7-омъ пунктѣ. «Согласно октябрьскому диплому,—говорилось здѣсь,—конституція должна базироваться на государственно-правовой исторической основѣ, однако при сохраненіи историческихъ границъ отдѣльныхъ земель, при справедливомъ уваженіи къ правамъ всѣхъ національностей и удовлетвореніи всѣхъ обоснованныхъ требованій нашего времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ при сохраненіи центральнаго управленія во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыми обезпечиваются единство и могущество государства. Отсюда, какъ правило, вытекаетъ во всѣхъ государственно-правовыхъ вопросахъ автономія государственно-правовыхъ индивудуальностей и группъ, т.-е. исторически-политическихъ націй» и т. д. Въ дальнѣйшихъ частяхъ августовской программы подробно изображались основанія будущаго федералистическаго государства, въ которомъ нужды отдѣльныхъ странъ должны были обслуживаться мѣстными законодательными сеймами, и въ которыхъ національности пользовались совершеннымъ равноправіемъ. Программа эта не была осуществлена. Побѣдила мадьярская точка зрѣнія, которую съ особенной энергіей отстаивалъ Андраши. «Дуализмъ долженъ зиждиться на нѣмцахъ и мадьярахъ, какъ на двухъ опорахъ монархіи», доказывалъ Андраши. Мадьярская программа была принята въ австрійскомъ совѣтѣ министровъ 3 февр. 1867 г.; на слѣдующій же день ея противникъ, Белькреди, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ бар. Бейстомъ. На горе Австріи водворился дуализмъ, который привелъ и самое государственное существованіе Австро-Венгріи къ безвыходному кризису.

Конституція 1867 г. признала за чехами, какъ и за другими народами имперіи, извѣстныя національныя и автономныя права, но она далеко не удовлетворила чешскихъ государственно-правовыхъ требованій, и чехи начали ту борьбу, которая была изложена въ общихъ чертахъ въ третьей главѣ этой книги. На почвѣ прежде всего этой борьбы развилась чешская партійная политическая жизнь. Старочешская партія, во главѣ которой стоялъ Ригеръ, начала утрачивать свое вліяніе, такъ какъ не только ея федеративная программа была далека отъ осуществленія, но и болѣе узкія національныя требованія встрѣчались съ непреодолимымъ сопротивленіемъ нѣмцевъ, поддерживаемыхъ правительствомъ. На выборахъ въ сеймъ въ 1889 г. старочехи потерпѣли пораженіе, которое подготовлялось уже давно. Борьба между двумя теченіями австрійской жизни, федералистическимъ и централистическимъ, не прекращавшаяся съ 1866 г. и не прекратившаяся донынѣ, привела въ 1871 г. къ новой побѣдѣ Бейста и Андраши. Для чеховъ эта побѣда была равносильна полному отрицанію всѣхъ усилій къ чешско-нѣмецкому соглашенію. Отказъ чешскихъ политиковъ отъ участія какъ въ сеймахъ, такъ и въ рейхсратѣ, продолжавшійся уже нѣсколько лѣтъ, превратился наконецъ въ угрозу, что у сеймовъ будетъ отнято право посылать своихъ представителей въ рейхсратъ, какъ это случилось вскорѣ. Кромѣ того, крупнымъ недостаткомъ въ тогдашнемъ политическомъ положеніи чеховъ явилось то обстоятельство, что нѣмцы получили возможность распоряжаться средствами страны для своихъ германизаціонныхъ цѣлей. Въ виду этого въ самомъ чешскомъ обществѣ образовалась оппозиція[1]) Ригеру и его партіи, которые

[1]) См. очеркъ возникновенія и роста младочешскаго движенія въ юбилейномъ изданіи газеты «Národní Listy», Půl století «Národních Listů» (1860—1910). Almanach.

были близки къ узко-консервативнымъ и клерикальнымъ кругамъ и, дѣйствительно, все менѣе отвѣчали прогрессивнымъ настроеніямъ большинства чешскаго общества. Расколъ въ народной партіи намѣтился уже въ 1862 году. Здѣсь образовалось радикальное и демократическое крыло, во главѣ котораго сталъ Юлій Грегръ, основатель вліятельной и распространенной газеты «Národní Listy». Это крыло относилось несочувственно къ связи партіи съ крупной земельной собственностью, выступавшей подъ флагомъ исторически-чешскаго дворянства, и препятствовало осуществленію его проектовъ, вредныхъ для демократическаго устройства общины. Въ 1863 году оно отнеслось съ сочувствіемъ къ польскому возстанію, на которое, напротивъ, консервативная часть партіи смотрѣла враждебными глазами. Еще большій расколъ вызвала мѣстная политика партіи. Видя неуспѣхъ федералистическаго теченія въ рейхсратѣ, на сторонѣ котораго было лишь 50 изъ 200 членовъ, чешскіе депутаты сложили свои полномочія. Благодаря правительственному вмѣшательству въ выборы, чехи оказались въ меньшинствѣ и въ Чешскомъ сеймѣ. Какъ эта правительственная политика, такъ и крушеніе федералистическихъ стремленій въ 1867 году вызвали сильное броженіе въ чешскомъ народѣ, который давалъ волю своему возмущенію на множествѣ митинговъ. Въ народной партіи едва опять дѣло не дошло до развала, но объединительныя стремленія и теперь одержали верхъ, и чехи выработали совмѣстно «декларацію» (1868) противъ конституціи. Въ 1871 г. чехи вмѣстѣ съ историческимъ дворянствомъ выступили съ новымъ заявленіемъ о государственномъ правѣ Чехіи, и казалось, что на этотъ разъ ихъ стремленія увѣнчаются успѣхомъ. Противныя теченія, исходившія отъ мадьярскихъ магнатовъ и нѣмецкихъ централистовъ, одержали, однако, верхъ, и тогда чешскіе представители вышли и изъ сейма, гдѣ они имѣли большинство. Все это вызвало реакцію въ чешскомъ политическомъ лагерѣ, гдѣ чувствовалось стремленіе къ болѣе реальной политикѣ, и изъ народной партіи въ 1874 г. выдѣлилась «свободомыслящая (младочешская) партія». Еще въ 1872 г. Ригеръ и его единомышленники учредили отдѣльный «Старочешскій клубъ», въ который свободомыслящіе и противоклерикальные депутаты не были приняты. Болѣе того, противъ нихъ былъ выставленъ упрекъ въ «гуситствѣ», которое, такимъ образомъ, превратилось въ знамя національнаго и противоклерикальнаго протеста. Тогда представители этого послѣдняго, съ братьями Греграми во главѣ, положили начало народной свободомыслящей партіи, органомъ которой сдѣлалась газета «Národní Listy». Такъ въ 1872 г. отъ старочеховъ отдѣлилась пока еще не формально младочешская партія, какъ носительница національныхъ и либеральныхъ идеаловъ демократическаго чешскаго народа. Подъ давленіемъ его же требованій старочехи вернулись къ парламентской дѣятельности, при чемъ сдѣлались въ глазахъ правительства его важнѣйшими защитниками, что не помѣшало ему, однако, нарушить всѣ обѣщанія, данныя старочехамъ.

Младочешское движеніе организовалось формально въ видѣ политической партіи въ 1874 г. 25 декабря. Въ то время, какъ старочехи представляли, несмотря на свою оппозиціонность по отношенію къ австрійскому правительственному курсу, теченіе консервативное, правое, младочехи, напротивъ, выступали, какъ представители лѣвыхъ настроеній въ чешскомъ народѣ. Ихъ побѣда на сеймовыхъ выборахъ 1889 г. разсматривалась именно, какъ побѣда «лѣвыхъ» стремленій, и правительство отвѣтило на нее рядомъ репрессій, а новому намѣстнику, гр. Ф. Туну, было предписано подавить младочешское движеніе. Нѣмецкіе націоналисты торжествовали побѣду; чешско-нѣмецкія конференціи доказали только невозможность соглашенія. Въ 1891 г. младочешская партія

стала всенароднымъ борцомъ за національную свободу. Рядомъ съ ней существовало съ 1887 г. въ интеллигентныхъ кругахъ движеніе, во главѣ котораго стоялъ извѣстный политико-экономъ и философъ, профессоръ чешскаго пражскаго университета Масарикъ (Masaryk). Это движеніе выработалось на своеобразной научной почвѣ. Дѣло въ томъ, что поддѣланныя въ началѣ 19 вѣка будто бы древнѣйшія чешскія рукописи (Краледворская, «Любушинъ Судъ» и т. д.) представлялись въ глазахъ старшаго поколѣнія неприкосновенной національной святыней, но фальсификація ихъ казалась позорящей чешскую науку представителямъ новаго болѣе позитивнаго поколѣнія, которое требовало дѣйствительнаго знанія и права на научную критику во всѣхъ областяхъ науки. Началась чрезвычайно характерная «борьба за рукописи», при чемъ проф. Масарикъ, проф. Гебауеръ и др. горячо стали на сторону реалистическаго направленія. Эта борьба была, конечно, гораздо глубже того, чѣмъ она казалась, такъ какъ дѣло шло, вообще, о новомъ міровоззрѣніи, свободномъ отъ стараго романтизма и проникшемъ также въ оцѣнку политическихъ отношеній. Какъ таковые, реалисты, во главѣ которыхъ стояли профессора Масарикъ и Кайзль, выработали свою программу, которая въ то время, въ концѣ 1890 г., оказалась настолько близкой къ младочешской, что реалистическое направленіе (směr realistický, но не партія) вошло цѣликомъ въ свободомыслящую (младочешскую) партію, однимъ изъ главныхъ представителей которой сдѣлался К. Крамаржъ [1]). Съ 1891 г. старочехи перестали существовать, какъ вліятельная политическая парламентская партія. На выборахъ 2 и 4 марта 1891 г. младочехи побѣдили во всѣхъ округахъ, какъ въ городскихъ, такъ и въ деревенскихъ (кромѣ одного, Таборскаго). Эта побѣда означала уже полное пробужденіе чешскаго народа для самобытной политической дѣятельности, независимой отъ придворныхъ, дворянско-феодальныхъ или клерикальныхъ вліяній,— уже полную его готовность бороться за свое національное право. Но это же пробужденіе повело за собой новыя политическія дробленія.

Старочешская партія, потерпѣвшая нѣсколько пораженій, ограничилась дѣятельностью въ общинахъ и экономическихъ организаціяхъ но она утратила свое вліяніе не только въ рейхсратѣ, но и въ сеймахъ. Кромѣ этихъ партій, въ чешской политической жизни нынѣ существуютъ еще слѣдующія: *чешская аграрная партія* въ 1896 г. (кромѣ политической программы, въ которую входитъ и защита чешскаго государственнаго права, требованія соціальныя, заключающіяся въ объединеніи земледѣльческаго класса), *чешско-словацкая рабочая соціалдемократическая партія*, основанная въ 1878 г. и объединяющая большинство фабричныхъ рабочихъ и значительную часть сельскохозяйственныхъ, при чемъ въ программѣ ея національный вопросъ занимаетъ видное мѣсто («Австрія должна быть превращена въ демократическое національное федеративное государство»), *чешская народно-соціальная партія*, основанная въ 1897 г. и объединяющая высшіе классы среди фабричныхъ рабочихъ, мелкую буржуазію и т. д., *чешская прогрессивная партія*, созданная въ 1906 г. Масарыкомъ и стремящаяся прежде всего къ политикѣ внутренне-народной, культурной и либеральной, *государственно-правовая прогрессивная партія*, возникшая въ 1908 г. и объединяющая радикальные элементы, и, наконецъ, *христіанско-соціалистическая партія*, клерикальная партія, образовавшаяся въ 1904 г. и уже осенью 1911 г. разбившаяся на нѣсколько теченій. Такое дробленіе на партіи является естественнымъ послѣдствіемъ чрезвычайно раз-

---

[1]) Объ этомъ важномъ моментѣ чешской жизни любопытны мемуары К. Крамаржа, помѣщенные въ названномъ выше юбилейномъ сборникѣ газеты «Народные Листы».

витой политической жизни въ Чехіи. Въ главномъ, отстаиваніи единства и равноправія чешскаго народа, всѣ эти партіи сходятся. Но, конечно, младочехи не безъ грусти видѣли, какъ ихъ вліяніе на народныя массы, когда-то нераздѣльное, стало растекаться и по другимъ партіямъ.

«Уже въ 1894 г.,—съ грустью замѣчаетъ обозрѣватель пятидесятилѣтней дѣятельности «Народныхъ Листовъ», — нашъ народъ въ Чехіи былъ раздробленъ на пять партій: рядомъ съ свободомыслящей (т.-е. младочешской) партіей стали международная соціалъ-демократическая, отрицавшая государственное право чешскаго народа, затѣмъ партіи клерикальная, старочешская и радикально-прогрессивная. Не прошло года, какъ образовался зародышъ шестой чешской политической партіи, и при томъ въ лонѣ нашего земледѣльческаго сословія, именно: ядро классовой аграрной партіи». Руководство политической жизнью страны принадлежало однако еще младочехамъ, которые на выборахъ въ рейхсратъ весной 1897 г. одержали полную побѣду, но въ Моравіи прошло нѣсколько чешскихъ соціалъ-демократовъ, которые въ парламентѣ рѣзко выступили противъ государственно-правовой точки зрѣнія чешскихъ депутатовъ. Между тѣмъ въ рейхсратѣ вопросъ о мѣстныхъ языкахъ, прежде всего о чешско-нѣмецкихъ отношеніяхъ, всталъ уже во весь свой ростъ: кабинеты Бадени и Гауча пали одинъ за другимъ. 7 марта 1898 г. образовался кабинетъ гр. Туна, «министерство концентраціи», въ которое должны были войти представители важнѣйшихъ парламентскихъ партій. Въ качествѣ министра финансовъ вошелъ въ новый кабинетъ и чехъ, проф. Кайзль, но назначеніе въ то же время нѣмецкаго націоналиста Беренрейтера министромъ торговли показывало, что новый кабинетъ далеко не будетъ такъ благопріятенъ для чеховъ, какъ министерство Бадени. Это вызвало въ чешскихъ политическихъ кругахъ волненіе, которое еще усилилось, когда чешскіе члены рейхсрата пошли на нѣкоторый компромиссъ въ языковомъ вопросѣ. «А такъ какъ, замѣчаетъ д-ръ Крамаржъ (Česká politika. 632) всякое безпокойство въ области политики проявляется у насъ въ раздробленіи существующихъ партій и въ основаніи новыхъ, то это явленіе, печальное и столь вредное для чешскаго дѣла, стало обнаруживаться теперь прямо въ опасныхъ размѣрахъ». Въ январѣ 1899 г. окончательно сложилась уже ранѣе (съ 1896 г.) намѣчавшаяся аграрная партія, которая своей классовой политикой, защитой спеціально сельскохозяйственныхъ интересовъ въ противоположность городскимъ, нарушала единство политики. Чешскіе аграріи шли весьма часто рѣзко въ противоположную сторону, нежели другія чешскія національныя партіи. Въ то же время образовалась радикальная государственно-правовая партія, относившаяся отрицательно къ участію чешскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ. Въ апрѣлѣ 1898 г. развилась еще одна партія народно-соціалистическая, поставившая своей задачей сорганизовать національно-настроенные слои рабочаго класса. Наконецъ, въ 1900 г. реалисты выдѣлились изъ младочешской группы въ отдѣльную «Чешскую народную партію» (Česká strana lidová). До нѣкоторой степени это изобиліе партій объяснялось не только разницей программъ, но и честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ, мечтавшихъ о руководительствѣ въ собственныхъ политическихъ партіяхъ. Уже образовался типъ профессіонала-политика, который, конечно, не желалъ оставаться въ тѣни, но стремился къ видной роли.

При такихъ условіяхъ положеніе младочеховъ становилось все болѣе тяжелымъ. На выборахъ въ сеймъ въ 1902 г. аграріи получили уже 21 голосъ, старочехи 6, радикалы 3 и младочехи 68 голосовъ. Въ парламентѣ же продолжались и при новомъ министрѣ-президентѣ Кёрберѣ попытки какъ-нибудь наладить чешско-нѣмецкое соглашеніе, разбивавшіяся на этотъ разъ объ упорство нѣмцевъ. Въ сеймѣ нѣмцы начали обстру-

кцію, которая была своего рода отвѣтомъ на чешскую обструкцію въ парламентѣ. Подъ вліяніемъ этихъ событій младочехи, старочехи и аграріи объединились для борьбы противъ Кербера, и въ рейхсратѣ къ нимъ присоединились словаки и далматинскіе хорваты. Началась упорная борьба, въ результатѣ которой Керберъ былъ вынужденъ подать въ отставку. Его преемникъ, бар. Гаучъ, началъ болѣе примирительный курсъ. Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ др. К. Крамаржъ, что бар. Гаучъ сдѣлалъ-бы весьма серьезную попытку разрѣшить вопросъ о языкахъ въ чешскихъ земляхъ, если бы вслѣдствіе тяжелой болѣзни всѣ его планы не потерпѣли значительной перемѣны. Исполненіе ихъ опоздало, а позже все его вниманіе поглотили совѣщанія объ избирательной реформѣ. Какъ уже было указано выше, съ проведеніемъ этой послѣдней чешско-нѣмецкія отношенія вступили въ новую фазу. Славянство сдѣлало крупныя пріобрѣтенія въ составѣ парламента, объединилось отчасти въ «славянскую унію». Общія политическія событія, связанныя съ созданіемъ неославизма, съ аннексіей Босніи и Герцеговины и т. д., сильно подняли темпъ чешской политической жизни. Однако, въ области чешско-нѣмецкихъ отношеній продолжался кризисъ, который принялъ столь затяжную форму, что не осталось уже никакой надежды на разрѣшеніе его въ ту или другую сторону. Это вызвало созданіе лѣтомъ 1913 г. комиссаріата для управленія чешскими земскими финансами и другими дѣлами. Новая сессіи рейхсрата началась 21 окт. (нов. ст).. Въ это время положеніе Австрія было еще болѣе запутаннымъ, чѣмъ весной. Украинцы продолжали борьбу съ поляками изъ-за избирательной реформы; чехи были оскорблены введеніемъ комиссаріата. При такихъ условіяхъ дѣятельность рейхсрата ограничилась нѣсколькими пустячными законами, тогда какъ передъ правительствомъ стояли важнѣйшія государственныя задачи: повышеніе контингента новобранцевъ на 31.500 человѣкъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Босніи, на что требовалось 270 мил. кронъ, наконецъ обычная забота австрійскаго правительства: проведеніе въ конституціонномъ порядкѣ, безъ необходимости прибѣгнуть къ пресловутому 14 параграфу, государственнаго бюджета. На этотъ разъ и эта послѣдняя задача осложнялась тѣмъ, что правительство требовало разрѣшенія заключить въ первой половинѣ 1914 г. новый заемъ въ 369 мил. кронъ на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ войнами на Балканскомъ полуостровѣ. Положеніе кабинета гр. Штюргка было весьма тяжко.

Чешскіе депутаты добивались отъ правительства объясненія по поводу іюльскаго патента о комиссаріатѣ. Только 11 ноября Штюргкъ рѣшился выступить въ рейхсратѣ со своими объясненіями, которыя сводились къ тому, что при отсутствіи сейма теряетъ смыслъ своего существованія и сеймовая исполнительная комиссія, и тогда, естественно, власть переходитъ всецѣло къ монарху, который и назначаетъ своей волей комиссаріатъ. При этомъ Штюргкъ ссылался и на то отчаянное положеніе, въ которое пришелъ государственный бюджетъ Чехіи вслѣдствіе многолѣтней бездѣятельности сейма. Необходимо было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ (какъ введеніе новаго обложенія пива), а на это сеймовая комиссія, какъ органъ, отвѣтственный передъ сеймомъ, не могла пойти. Между тѣмъ, такія мѣры слѣдовало провести, хотя бы безъ согласія сейма и, единственнымъ выходомъ оказалось назначеніе комиссаріата. Ненормальность такого положенія вещей глава австрійскаго правительства призналъ въ полной мѣрѣ, выражая пожеланіе, чтобы соглашеніе чеховъ и нѣмцевъ наступило возможно скорѣе, и указывая на необходимость избирательной реформы въ Чешскомъ королевствѣ. Послѣ рѣчи Штюргка чехи потребовали дебатовъ, тогда какъ

нѣмцы настаивали на обратномъ; большинствомъ 16 голосовъ рейхсратъ сталъ на сторону чешскихъ требованій. Въ дебатахъ выяснились двѣ основныя непримиримыя точки зрѣнія. Нѣмецкій депутатъ Лоджманъ заявилъ, что «для нѣмцевъ вопросъ о разграниченіи является непремѣнной основой при устройствѣ отношеній въ Чехіи». Раздѣленіе сеймовъ, сеймовыхъ комиссій, всего управленія страной по принципу національностей представлялось для нѣмецкихъ націоналистовъ Чехіи единственнымъ выходомъ изъ положенія. При всей непріемлемости этой точки зрѣнія для чеховъ, которые массами поселились и въ той части Чешскаго королевства, которая прежде была занята исключительно нѣмцами, правительство было рѣшительно вынуждено приступить къ устройству чешско-нѣмецкихъ отношеній, безъ котораго оно не могло провести бюджета. Уже въ концѣ ноября 1913 г. появились извѣстія (см. Národní Listy. 26 нояб.), что въ декабрѣ правительство приступитъ само къ переговорамъ отдѣльно съ чехами и нѣмцами, которымъ и предложитъ свой планъ примиренія. Однако, только 23 янв. 1914 г. правительство приступило къ переговорамъ, и тогда же былъ опубликованъ правительственный проектъ соглашенія. Въ главныхъ чертахъ онъ сводился къ слѣдующему: языкъ правительственныхъ органовъ въ каждомъ округѣ долженъ быть такимъ, на какомъ говоритъ большинство населенія даннаго округа; оба языка признаются официальными въ тѣхъ управленіяхъ, дѣятельность которыхъ распространяется на все королевство. При этомъ каждому гражданину представляется право въ предѣлахъ всего королевства подавать заявленія и требовать отвѣтовъ и на другомъ земскомъ языкѣ; въ округахъ, гдѣ меньшинство населенія составляетъ не менѣе 35% (такихъ округовъ всего 8), внутреннимъ правительственнымъ языкомъ служитъ языкъ большинства, а во внѣшнихъ сношеніяхъ власти съ гражданами употребляются оба языка.

Начались переговоры, которые вскорѣ натолкнулись на обычныя препятствія, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не считала возможнымъ отступить отъ своихъ національныхъ требованій, успѣвшихъ за долгіе годы чешско-нѣмецкой борьбы выкристаллизоваться окончательно. Такъ, органъ чешскихъ нѣмцевъ, «Prager Tageblatt», мотивировалъ непріемлемость проекта двумя соображеніями: «нѣмцы должны будутъ, принявъ соглашеніе, отказаться отъ всякаго раздѣленія государственныхъ учрежденій, какъ въ Deutschböhmen, такъ и въ чешской части Чехіи, равно какъ и отъ раздѣленія контингента чиновниковъ, которое въ будущемъ окажется такимъ образомъ еще болѣе подъ чешскимъ вліяніемъ; кромѣ того, нѣмцы должны будутъ отказаться отъ признанія замкнутаго нѣмецкаго района съ собственнымъ языкомъ и съ законом ѣрностью только нѣмецкаго официальнаго языка». Со стороны чешскихъ партій правительственный проектъ также встрѣтилъ рѣзкій отпоръ. 28 февр. 1914 г. гр. Штюргкъ снова обратился къ партіямъ съ просьбой сообщить ему свои возраженія, чтобы детали проекта могли быть заново переработаны. Но чехи рѣшительно стояли на той точкѣ зрѣнія, что равноправіе обоихъ языковъ должно быть признано во всемъ Чешскомъ королевствѣ, и безъ удовлетворенія этого своего требованія не шли ни на какіе дальнѣйшіе переговоры. Въ этотъ вопросъ вступились и представители высшихъ учебныхъ заведеній Чехіи. 26 февр. нѣмецкія газеты напечатали меморіалъ нѣмецкихъ пражскихъ университета и политехники, 1 марта на него отвѣтила профессура чешскаго пражскаго университета, а 3 марта профессура чешской же пражской политехники. Нѣмецкія учебныя заведенія настойчиво указывали на то, что осуществленіе правительственнаго проекта лишитъ пражскихъ нѣмцевъ всѣхъ національныхъ правъ. Чешская профессура въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, чуждыхъ на-

ціональнаго шовинизма, утверждала, что никакое соглашеніе, отрицающее единство Чехіи, не можетъ быть прочно. Эти характернѣйшія проявленія двухъ точекъ зрѣнія, выраженныхъ двумя одинаково культурными и одинаково сознающими свое историческое право народностями, не повлекли за собой примирительной тактики. 3 же марта всѣ нѣмецкія партіи отказались вести дальнѣйшіе переговоры на почвѣ правительственнаго проекта. Неудача переговоровъ повела къ обструкціи и въ Вѣнѣ, и 16 марта сессія парламента была снова закрыта, и возобновленіе ея было отсрочено до неопредѣленнаго времени. Политика Австріи до такой степени завязла въ національныхъ отношеніяхъ, что возстановленіе парламентской жизни превратилось въ какую-то несбыточную мечту. Въ концѣ марта возобновились слухи о новой попыткѣ соглашенія, которую теперь предприняли будто бы чешскіе аграріи совмѣстно съ нѣмецкими аграріями. Но эти слухи были встрѣчены съ сомнѣніемъ въ чешскихъ кругахъ и вызвали отрицательное отношеніе въ нѣмецкихъ. Повидимому, съ обѣихъ сторонъ было вынесено рѣшеніе выжидать, когда наступитъ болѣе благопріятный моментъ для компромисса. До самой войны это соглашеніе такъ и не наступило. Еще въ началѣ іюня 1914 г. (по нов. ст.) мы читали въ чешскихъ газстахъ сообщенія о томъ, что конференція бывшихъ чешскихъ депутатовъ сейма рѣшила отстаивать свою прежнюю точку зрѣнія, именно необходимость урегулировать прежде всего вопросъ объ употребленіи въ Чехіи языковъ. Газеты считали, что и на этотъ разъ попытка уладить отношенія встрѣтилась съ непреодолимыми затрудненіями. Такъ оно и было въ дѣйствительности: война должна была вывести Австрію изъ неразрѣшимаго внутренняго кризиса.

На внутренне-партійныхъ чешскихъ отношеніяхъ всѣ эти неудачи не могли не отразиться. Хотя за эту политику являлись отвѣтственными уже не одни младочехи, но и чешскіе аграріи, и реалисты, и другія партіи, однако естественнымъ образомъ возникала мысль о необходимости переработки политическихъ программъ. Политическая статистика Австріи указываетъ, что на выборахъ въ рейхсратъ, происходившихъ въ 1911 году, число чешскихъ партій достигло 12, при чемъ наибольшее число голосовъ получили соціалъ-демократы (376.608 голосовъ изъ 1.094.021 всѣхъ поданныхъ голосовъ). За ними слѣдовали аграріи съ 257.717 голосами, далѣе католическіе націоналисты, христіанскіе соціалисты, народные соціалисты и лишь на пятомъ мѣстѣ младочехи, получившіе исключительно въ городахъ 56.673 голоса; еще дальше стояли реалисты, получившіе также лишь въ городахъ 4.984 голоса. Между тѣмъ аграріи собирали свои голоса исключительно въ деревняхъ. Уже этотъ фактъ обнаруживалъ рѣзкій расколъ, происшедшій въ чешской политической жизни и обособившій на почвѣ экономическихъ и классовыхъ интересовъ деревенскихъ избирателей отъ городскихъ. Въ виду этого естественнымъ представляется замыселъ, высказанный въ газетѣ «Národní Politika» въ мартѣ 1914 г. «Современныя политическія партіи,—говорится здѣсь, не могли привести къ исправленію положенія. Ихъ наилучшія программы являются только позолотой, за которой скрываются ихъ личные интересы и эгоистическія взаимоотношенія. Принадлежность къ теперешнимъ партіямъ не столько является послѣдствіемъ зрѣлаго и обдуманнаго жизненнаго опыта, сколько объясняется вербовкой малосознательныхъ людей, уловленныхъ партійными организаціями... Такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ измѣненію положенія должна быть идейная эмансипація отъ деспотизма теперешнихъ политическихъ партій». Газета стала доказывать необходимость всенародной новой партіи, образованной изъ городскихъ элементовъ. Иниціатива новой партіи, исходящая изъ старо-

чешскихъ круговъ, повидимому, не встрѣтила особаго сочувствія въ чешскомъ обществѣ, но самые дебаты по этому поводу обнаружили, что чешская политическая жизнь попала въ тупикъ, который наполнялъ общество тревогой. Глубоко проникнутое національнымъ сознаніемъ, чешское общество во всѣхъ своихъ классахъ требовало отъ правительства такихъ реформъ, которыя исходили бы изъ признанія національныхъ правъ всѣхъ австрійскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи чешскіе соціалисты не отставали отъ другихъ чешскихъ партій. На декабрьскомъ съѣздѣ (1913) чешская соціалдемократія выступила съ требованіемъ признанія Австріи, какъ государства, необходимаго для существованія чешскаго народа. Но это заявленіе о своей австрійской лойяльности она снабдила указаніемъ на невозможность дальнѣйшаго сушествованія дуализма и на необходимость преобразованія Австріи въ федерацію автономныхъ народовъ. Такъ обстояли дѣла чешской политики въ концѣ марта 1914 г. Обратимся къ культурной жизни чешскаго народа.

Точныя опредѣленія чешской этнографической области въ Чешскомъ королевствѣ даны въ извѣстныхъ трудахъ проф. Нидерле и проф. Флоринскаго, и здѣсь достаточно отмѣтить, что въ предѣлахъ чешскаго королевства чехи живутъ сплошной массой. Этнографическая территорія чеховъ представляется вполнѣ закругленной [1]), и только нѣсколько нѣмецкихъ острововъ, изъ которыхъ крупнѣйшій лежитъ вокругъ Будѣйовицъ (Budweis), нарушаютъ до извѣстной степени цѣлостность этой территоріи. На юго-востокѣ эта послѣдняя тянется до границы съ Моравіей, куда и переходитъ. Самый южный выступъ чешской территоріи достигаетъ сѣверной границы округа Каплицкаго; на западѣ, у Домажлицъ, граница чешской области, почти совпадаетъ съ границей Баваріи, не доходя до нея лишь на 2 клм., на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ предѣлъ этой области приближается или совпадаетъ съ прусской границей. Такимъ образомъ, чешская этнографическая территорія занимаетъ еще и въ настоящее время, послѣ нѣскольковѣковой эпохи германизаціи, значительную часть Чешскаго королевства съ центромъ Прагой. Очевидно, германизируясь на окраинахъ, чешскій народъ по мѣрѣ приближенія къ своему центру все крѣпче ощущалъ себя чешскимъ, и естественнымъ образомъ наиболѣе крѣпкая и сознательная въ національномъ отношеніи масса сгрудилась на сомкнутой этнографической территоріи. Это такой же результатъ многовѣковаго національнаго развитія, какъ и приспособленность чеховъ для національной борьбы съ нѣмцами. На западѣ, сѣверо-западѣ и сѣверѣ Чехіи простираются нѣмецкіе округа, которые, однако, перерѣзаны многочисленными чешскими островами и, въ общемъ, занимаютъ незначительное пространство. Послѣдній проектъ гр. Штюргка можетъ дать живое представленіе о томъ, до какой степени и теперь еще нѣмцы и чехи въ Чешскомъ королевствѣ живутъ обособленно. На 133 судебныхъ участка съ меньшинствомъ инороднаго населенія въ 1% (38 нѣмецкихъ, 95 чешскихъ) приходится всего 20 такихъ, въ которыхъ національное меньшинство колеблется между 1—2 проц., 24 отъ 2—5% и т. д., и всего 4 съ 30—35%, свыше же 35%—8 участковъ. По даннымъ двухъ переписей 1900 и 1910 г. приростъ населенія въ Чехіи выражается въ 7,2%, тогда какъ для всей Австріи процентъ прироста равняется 9,2. Изъ общаго числа населенія 6.712.944 чел. приходится 2.467.724 на нѣмцевъ и говорящихъ по-нѣмецки евреевъ, 4.241.918 чел. на чеховъ. По своимъ занятіямъ чехи королевства распредѣляются такъ (въ 1900 г.): 40,82% живутъ земледѣліемъ, 37,10% промышленностью, 10,3% тор-

[1]) Ср. T. Živanský. Národnostní statistika rakousko-uherská. Česká politika. I. 1906. Здѣсь мы находимъ весьма детальныя исчисленія статистическихъ отношеній двухъ народностей, на чемъ въ настоящей книгѣ нѣтъ возможности остановиться подробно.

говлей и транспортомъ, 11,78% общественной и государственной службой и свободными профессіями. Нѣмцы же въ Чехіи представляютъ другія отношенія: у нихъ промышленность привлекаетъ большее число населенія, нежели земледѣліе. Какъ показываютъ данныя статистики за 1880—1900 годы, легенда о большой плодовитости чеховъ по сравненію съ нѣмцами должна быть отвергнута: въ послѣднія десятилѣтія эти отношенія измѣнились довольно значительно въ пользу нѣмцевъ, что можетъ быть поставлено въ связь съ нѣсколько бо́льшей культурностью чешскаго населенія. Новѣйшая статистика Австріи за 1910 годъ показала во всемъ государствѣ уменьшеніе числа земледѣльцевъ: именно, за десятилѣтіе 1900—1910 населеніе, занятое лѣснымъ и сельскимъ хозяйствомъ, умножилось всего на 9,3%, тогда какъ въ промышленности и торговлѣ на 15%, и 17%, но больше всего прибыло людей, занятыхъ на государственной или общественной службѣ, свободными профессіями или вовсе лишенныхъ опредѣленныхъ занятій (на 28% [1]).

Обзоръ политической жизни чешскаго народа обнаруживаетъ здѣсь далеко зашедшій процессъ соціальной дифференціаціи: однѣ политическія партіи рекрутуются цѣликомъ въ деревняхъ, другія исключительно или преимущественно въ городахъ. Классъ земледѣльческій [2]) достигаетъ въ Чехіи большого развитія и пользуется поддержкой различныхъ учрежденій, снабжающихъ его кредитомъ, помогающихъ сбыту земледѣльческихъ продуктовъ и т. под. Но такое явленіе, какъ спеціальная забота о крестьянскомъ благосостояніи, попеченіе о которомъ беретъ на себя изъ общихъ патріотическихъ стремленій та или другая интеллигентная группа, въ Чехіи представилось бы анахронизмомъ: крестьянство здѣсь уже крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ и одушевлено національнымъ сознаніемъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ другія сословія и профессіи. Чехія въ цѣломъ, т.-е. въ ея нѣмецкой и чешской частяхъ, между которыми большой культурной разницы, конечно, нѣтъ, представляетъ страну мелкаго землевладѣнія. Общее пространство пахотной земли составляетъ здѣсь 2.621.890 гектаровъ, на которыхъ было расположено въ 1896 г. 869.886 хозяйствъ. Если къ обработаннымъ полямъ присоединить луга, пастбища, лѣса, огороды, пруды и т. д., то все количество земли, занятой сельскимъ хрзяйствомъ, составитъ 5.019.313 гектаровъ, такъ что, въ среднемъ, на одно хозяйство приходится 6 гектаровъ. Но эта послѣдняя цифра указываетъ на то, что въ Чехіи расположены латифундіи отдѣльныхъ лицъ, и что крестьянская земля раздроблена въ сильной степени. Именно, мелкая земельная собственность составляетъ въ Чехіи 80,9% всей собственности (отъ 0 до $^1/_2$ гект. 373.088 участковъ или 42,9%, отъ $^1/_2$ до 5 гект. 330,489 участковъ или 38,0% всей земельной собственности), средняя: отъ 5 до 50 гект. 18,6% и отъ 50 до 200 гект. 0,4%, тогда какъ землевладѣній въ 200—1000 гект. всего 521 (0,1%), а свыше 1000 гект. 255. Въ числѣ наименьшихъ участковъ значится около 175 тыс. такихъ, при которыхъ обработанной земли совсѣмъ нѣтъ: все владѣніе ограничивается домомъ. При этомъ вся мелкая земельная собственность въ Чехіи обнимаетъ лишь 12,5% культурной земли (или около 634 тыс. гект.), средняя около 52% и т. д. На 250 латифундій свыше 1000 гектаровъ приходится 1.586.651 га., или 31,3% всей земельной собственности. При такомъ незначительномъ количествѣ земли, какое, обычно, составляетъ крестьянское хозяйство, для существованія послѣдняго необходима высокая земледѣльческая культура, и въ этомъ отношеніи Чехія, дѣйствительно, стоитъ высоко: здѣсь одинъ гектаръ земли даетъ въ среднемъ за 10 лѣтъ (1900—1910) 16,9

[1]) Statistische Monatsschrift 1913. Декабрь.

[2]) Объ аграрномъ вопросѣ въ Чехіи обстоятельная статья Ш. Коларжика напечатана въ изданіи Česká politika. т. IV. 1911.

цент., тогда какъ для всей Австріи это количество составляетъ лишь 13,2 цент. Для отдѣльныхъ хлѣбовъ соотвѣтствующія цифры таковы: для ржи въ Чехіи 14,9, для всей Австріи 13; для ячменя 16,4 (для всей Австріи 14), для овса 12,9 (для всей Австріи 12,5) и т. д. Насколько высоко стоитъ сельское хозяйство въ Чехіи, видно и изъ данныхъ, относящихся къ скотоводству: въ то время, какъ за 1900—1910 г. количество рогатаго скота во всей Австріи уменьшилось на 3,7%, въ Чехіи оно не только не уменьшилось, но даже возросло на 1,4%, и этотъ приростъ идетъ непрерывно съ 1890 г. Приростъ свиного хозяйства въ тотъ же срокъ выражается въ Чехіи огромнымъ процентомъ 47%, и только для овцеводства Чехія не представляетъ благопріятныхъ условій, и здѣсь оно быстро падаетъ. При этомъ въ области сельскаго хозяйства чехи, какъ показываетъ статистика, находятся въ лучшихъ условіяхъ, нежели нѣмцы: именно, на 100 самостоятельныхъ хозяевъ приходится (1900) 68,3 чеховъ и лишь 31,7% нѣмцевъ, и изъ нѣмцевъ, живущихъ въ Чехіи, земледѣліемъ занимается только 27,7%. По даннымъ 1900, всего земледѣліемъ занимается въ Чехіи 948.985 чеховъ и 375.328 нѣмцевъ, изъ нихъ самостоятельныхъ хозяевъ 219.494 (или 23,2%) чеховъ и 101,764 (или свыше 29,5%) нѣмцевъ. Считая батраковъ, слугъ и рабочихъ, которые лишь случайно заняты земледѣліемъ, слѣдуетъ для 1900 года принять за общее число населенія, живущаго сельскимъ хозяйствомъ, 1.604.194 чеховъ и 647.425 нѣмцевъ. Эта преданность чеховъ землѣ представляетъ крупный культурный факторъ.

Для развитія и объединенія дѣятельности сельско-хозяйственныхъ кооперативовъ, начало которыхъ восходитъ уже къ сравнительно отдаленному времени (о нихъ разсказываетъ уже Ригеръ въ вышеупомянутой книгѣ), въ 1846 г. былъ учрежденъ Центральный союзъ (Ústřední Jednota českých hospodářských společenstev v Království Českém), который развилъ весьма обширную дѣятельность по объединенію разнообразнѣйшихъ кооперативовъ [1]). Сберегательныя кассы по образцу Райфайзена возникли въ Чехіи въ 1858 г., но въ продолженіе сорока лѣтъ ихъ развитіе совершалось чрезвычайно медленно. Толчокъ ихъ дальнѣйшему возникновенію и дѣятельности положило учрежденіе Центральнаго союза, который былъ задуманъ еще въ концѣ 1895 г., но разрѣшенъ только весной 1896. Послѣ этого новыя сберегательныя товарищества, получившія въ Чехіи названія кампеличекъ, стали расти одно за другимъ чрезвычайно быстро, такъ что въ 1911 году имѣлось уже 1607 «кампеличекъ» съ оборотомъ въ 275 милл. кронъ и съ 137.574 членами. Что касается другихъ земледѣльческихъ обществъ, то ихъ начало восходитъ къ семидесятымъ годамъ минувшаго столѣтія: въ 1874 г. возникъ кружокъ подъ названіемъ «Общественная молотильная машина во Вшестарахъ», еще въ 1872 г. «Общественная фабрика для выработки крахмала». Мало по малу къ этимъ начинаніямъ присоединились другія, а съ 1903 г., когда былъ изданъ законъ о ревизіи обществъ, союзы начали объединяться около Центральнаго союза, который послѣ этого получилъ огромный размахъ. Въ него вступили, кромѣ кредитныхъ обществъ, союзы для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій, удобреній и т. д., союзъ для продажи продуктовъ сельскаго хозяйства, союзы, занимающіеся обработкой земледѣльческихъ продуктовъ, и наконецъ, различныя вспомогательныя общества. Всего въ 1912 г. Центральный союзъ обнималъ 2064 общества,

---

[1]) Обширный матеріалъ для изученія этой области экономической жизни Чехіи представляютъ слѣдующія изданія: A. Blažek a B. Treybal. Zemědělské družstevnictví v království českém. 1913. A. Blažek. O družstevní organisaci zemědělství. 1913. A. Blažek. České spořitelní a založní spolky dle vzoru Raiffeisenova. II vydání. Jednota издаетъ ежемѣсячные отчеты, дающіе прекрасные обзоры развитія кооперативовъ въ Чехіи.

въ томъ числѣ 1652 кредитныхъ и 412 различныхъ сельско-хозяйственныхъ. Оборотъ Центральнаго союза превысилъ въ 1912 г. 402 милліона кронъ. Общество имѣетъ свои органы, устраиваетъ лекціи, курсы и т. п.

Въ 1891 г. былъ учрежденъ «Земледѣльческій совѣтъ чешскаго королевства» (Zemědělská rada pro království České), который состоялъ изъ трехъ отдѣленій: чешскаго, нѣмецкаго и центральнаго для общихъ дѣлъ. Задачи совѣта опредѣлялись его обязанностью защищать интересы земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ Чешскомъ королевствѣ. «Въ виду этого земледѣльческому Совѣту надлежитъ: 1. въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, а) подавать правительству или земскому представительству добрые совѣты (dobrá zdání); b) предлагать правительству или земскому представительству самостоятельные проекты; 2. поддерживать правительство и земское представительство во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринимаются для блага земледѣлія въ Чешскомъ королевствѣ, 3. поддерживать дѣятельность сообществъ, которыя по своимъ уставамъ имѣютъ цѣлью охранять и поощрять земледѣліе, отдѣльныя отрасли его или, вообще, сельско-хозяйственную промышленность; 4. заботиться о дѣятельности сельско-хозяйственныхъ училищъ, поскольку это относится къ компетенціи Совѣта; 5. устраивать или управлять учрежденіями, которыя ему поручены». За двадцать лѣтъ своего существованія Земледѣльческій Совѣтъ развился въ громадное учрежденіе, которое охватываетъ своей дѣятельностью всѣ отрасли сельскаго хозяйства въ Чехіи. Годовые отчеты его разрослись въ толстые томы: такъ, отчетъ за 1912 г. содержитъ до 600 страницъ большого формата. Въ вѣдѣніи Совѣта состоятъ многочисленныя сельско-хозяйственныя школы, дающія дополнительное сельско-хозяйственное образованіе крестьянамъ. Такихъ школъ въ вѣдѣніи Совѣта имѣлось въ 1911—12 году свыше 100. Совѣтъ устраиваетъ лекціи, библіотеки, обсуждаетъ условія, на которыхъ можетъ быть заключенъ тотъ или другой торговый договоръ, раздаетъ стипендіи для изученія сельскаго хозяйства, устраиваетъ спеціальныя выставки скотоводства и земледѣлія, содѣйствуетъ разведенію племеннаго скота, домашней птицы и т. д. Можно сказать, что, если Центральный союзъ сельско-хозяйственныхъ обществъ оказываетъ могущественную поддержку чешскому земледѣлію и сельскому хозяйству путемъ организаціи кредита, покупки и сбыта различныхъ продуктовъ и машинъ, то земледѣльческій Союзъ умѣло руководитъ всей сельско-хозяйственной жизнью Чехіи и внимательно оберегаетъ ея интересы передъ законодательными учрежденіями Австріи. Но этими двумя крупными обществами не ограничивается чешская національная работа въ области поощренія сельскаго хозяйства. Имѣются, кромѣ того, и союзы съ болѣе спеціальными задачами. Таковъ, напр., учрежденный въ 1893 г. Союзъ чешскихъ хмелеводовъ (Český Chmelařský spolek), который въ 1913 г. насчитывалъ до 4 тыс. членовъ. Онъ обладаетъ спеціальной школой въ Раковникѣ, ведетъ борьбу съ вредителями хмеля, содѣйствуетъ улучшенію его сортовъ и т. д. [1]).

Обратимся къ добывающей и обрабатывающей промышленности Чехіи [2]). Въ этомъ отношеніи Чешское королевство находится въ особен-

[1]) Chmelařství. Napsal A. Mohl. 1906. Zpráva o činnosti a účetní závěrka českého odboru jednoty chmelařské v Žatci za rok 1902 и др.

[2]) Весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія этой отрасли являются каталоги (съ таблицами) выставки торговой и ремесленной палаты въ Прагѣ въ 1908 г., а также изданіе земскаго статистическаго комитета чешскаго королевства. Вып. 9. «Z výsledků sčítání živnostenských závodů ze dne 3 června 1902 v království českém». 1907. Ср. также статистическія данныя изъ Oesterreichisches statistisches Handbuch за 1912 и др. Цѣльный обзоръ промышленной жизни Чехіи представляетъ монографія Грубера въ книгѣ « eská Politika» т. IV. (1911. Здѣсь приведена и обширная литература предмета).

но счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ оно обладаетъ и залежами руды, и каменнаго угля, и большой судоходной рѣкой Эльбой, и находится къ тому же въ центрѣ Европы. Чешская промышленность занимаетъ особенно видное мѣсто въ Австріи. Такъ, въ 1911 г. изъ 1.379 горнозаводскихъ предпріятій, имѣющихся въ Австріи, на одну Чехію приходилось 911. Изъ нихъ въ дѣйствіи находилось 415 во всей Австріи, или 209 въ Чехіи (въ 1912 году 421 въ Австріи, или 214 въ Чехіи). Все золото и серебро, которое находится въ Австріи, принадлежитъ чешскимъ рудникамъ; изъ 1568 милл. метрич. центнеровъ каменнаго угля, добытаго во всей Австріи въ 1912 году, приходится на долю Судетскихъ странъ (Чехіи, Моравіи и Силезіи) почти 137 милл., при чемъ въ одной Чехіи найдено 44 милл. Затѣмъ, бураго угля добыто было въ Австріи въ 1912 году около 263 милл. метрич. центнеровъ; въ томъ числѣ въ Судетскихъ странахъ 220,5 милл., въ одной же Чехіи 218 милл. Изъ 29 милл. метр. центн. желѣзняка, добытаго въ Австріи, на Чехію приходится 10 милл., тогда какъ на Моравію всего 63 тыс., на Силезію всего 160 метр. центн. Такимъ образомъ, даже среди Судетскихъ странъ, доставляющихъ Австріи наибольшее количество каменнаго угля и рудъ, Чехія занимаетъ первое мѣсто, уступая только Силезіи въ добычѣ каменнаго угля; въ нѣкоторыхъ же отрасляхъ добывающей промышленности, напр. въ добычѣ золота и серебра, она и вообще представляетъ единственную въ Австріи страну добычи. Далѣе, видное мѣсто занимаютъ Чехія и Моравія въ добычѣ графита: изъ 454 тыс. метр. центр. графита, добытаго въ Австріи въ 1912 г., Чехіи принадлежитъ 191 тыс., Моравіи 104 тыс., остальное количество Штиріи и Нижней Австріи. Еще болѣе внушительное впечатлѣніе производятъ данныя, указывающія на цѣнность чешской и, вообще, судетской добычи продуктовъ горной промышленности. Эта цѣнность выразилась для всей Австріи въ 1912 году въ 352,5 мил. кронъ, при чемъ на Судетскія страны приходится 267,2 мил. (или около 76%), а на одну Чехію 167,3 мил. кронъ, т.-е. около половины. Естественно, что Чехія и Моравія представляли особенную приманку для пангерманскихъ стремленій присоединить Чехію къ нѣмецкой имперіи. Если въ прежнее время эти стремленія выражались въ болѣе элементарной формѣ войнъ, захватовъ и договоровъ, то впослѣдствіи они приняли характеръ національной борьбы между чехами и нѣмцами. Еще въ 1866 г. въ нѣмецкой печати и политикѣ проводилась мысль, что Чехія должна признаваться нѣмецкой страной, которая ни въ какомъ случаѣ не должна быть предоставлена «чешскимъ варварамъ» (слова извѣстнаго критика, В. Менцеля). А въ настоящее время, по заявленію нѣмецкаго націоналиста, члена рейхсрата Іессера, «національная борьба есть не что иное, какъ борьба за пространство», а чехи болѣе интенсивно завоевываютъ это пространство, нежели нѣмцы [1]). Между тѣмъ, цѣнность Чехіи, страны металловъ, лѣсовъ и прекрасной пахотной земли, такъ велика, что отказъ отъ нея для нѣмцевъ слишкомъ непріятенъ.

Обратимся къ обрабатывающей промышленности. И здѣсь Чехія занимаетъ первое мѣсто въ имперіи. Изъ 16.929 фабрикъ, насчитанныхъ въ Австріи въ 1912 году, въ Чехіи находится 6.479, или ок. 38%. За Чехіей слѣдуютъ въ этомъ отношеніи Нижняя Австрія (3.478 фабрикъ) и затѣмъ Штирія и Моравія. Конечно, значительная часть этихъ предпріятій находится не въ чешскихъ, но въ нѣмецкихъ рукахъ, и рабочій персоналъ, обслуживающій ихъ, рекрутируется изъ обоихъ на-

[1]) Ср. F. Slavík. Pruské usilování o země české. 1901. Iesser. Das Wesen des nationalen Kampfes in den Sudetenländern. 1912. E. Hasse. Deutsche Grenzpolitik. 1906. I. Hejret. Pangermanismus a slovanstvo. 1909. G. Weil. Le pangermanisme en Autriche. 1904.

родовъ даже съ бо́льшимъ перевѣсомъ въ сторону нѣмцевъ, но общій высокій уровень обрабатывающей промышленности является достояніемъ всей Чехіи, подталкивая культурный и экономическій ростъ какъ нѣмцевъ, такъ и чеховъ. За десять лѣтъ (1903—1912) число фабрикъ въ Чехіи возросло съ 4827 до 6479, т.-е. свыше, чѣмъ на 34%. И въ этомъ отношеніи съ Чехіей можетъ конкурировать только Нижняя Австрія (съ Вѣной). Впрочемъ, и это быстрое развитіе промышленности въ Чехіи не удовлетворяетъ чешскихъ экономистовъ. Проф. Груберъ жалуется на то, что въ этомъ отношеніи чехами сдѣлано еще слишкомъ мало, что чешскому рабочему не всегда удается найти заработокъ на мѣстѣ, но приходится покидать свое родное село и подвергаться опасности потерять свое національное чувство среди нѣмцевъ. Онъ указываетъ также и на то, что донынѣ почти во всѣхъ городахъ Чехіи, кромѣ Праги, Пильзена и Будейовицъ, большинство населенія принадлежитъ къ числу нѣмцевъ и т. д. Какъ я отмѣчалъ выше, я вижу въ этой большей приверженности чешскаго народа къ земледѣлію и родной землѣ, скорѣе, силу, нежели слабость его въ борьбѣ за будущее преобладаніе въ странѣ и за экономическое благополучіе.

Въ области текстильной промышленности Чехіи на первомъ мѣстѣ стоитъ хлопчатобумажная, которая стала здѣсь развиваться уже съ конца 18 вѣка (первая фабрика была основана на Кутной Горѣ въ 1796 г.). Уже въ половинѣ 19 вѣка эта промышленность находилась въ Чехіи въ полномъ расцвѣтѣ; въ Прагѣ, въ Устьѣ надъ Орлицей и другихъ мѣстахъ создавались центры ея, и въ концѣ 19 столѣтія (во время выставки въ Прагѣ въ 1908 г.) розмахъ хлопчато-бумажнаго производства опредѣлялся 8.000 заведеніями съ 400 тыс. веретенъ и 10 тыс рабочихъ. Далѣе, къ текстильной промышленности относится изготовленіе ситцевъ, которымъ въ настоящее время въ Пражской торговой палатѣ занята лишь одна фабрика, «одна изъ самыхъ крупныхъ и налучше оборудованныхъ во всей имперіи», по свидѣтельству составителя отчета, инжен. Урбана. Во всякомъ случаѣ, ни эта, ни другія отрасли текстильной промышленности, кромѣ хлопчато-бумажной, не играютъ особенной роли въ экономической жизни Чехіи. Можетъ-быть, только выдѣлка сукна въ Хумпольцѣ, поставляющая ежегодно форменнаго сукна на 5—6 милл. кронъ, представляетъ нѣкоторое исключеніе. Развитую отрасль чешской промышленности представляетъ фабричное изготовленіе бѣлья, начало котораго относится въ Чехіи (въ Клятовцахъ) къ 1807 году. Ростъ этой промышленности восходитъ къ семидесятымъ годамъ минувшаго столѣтія, и въ настоящее время Чехія въ этой отрасли превосходитъ всѣ другія австрійскія земли. Ею занято около 4 тыс. рабочихъ, вывозъ бѣлья въ Венгрію и за границу даетъ свыше 20 милл. кронъ. Сверхъ того, около 3000 работницъ занято ручной вышивкой бѣлья, которая предоставляетъ женщинамъ нѣкоторый заработокъ. О ничтожествѣ его можно судить по замѣчанію отчета, что «за послѣднія пять лѣтъ (съ 1903 г.) условія производства значительно улучшились; средній дневной заработокъ (работницы) можно опредѣлить въ 1 крону и выше (т.-е. 40 коп.); общая стоимость сдѣланныхъ вышивокъ составляетъ приблизительно 1.300.000 кронъ». Выдѣлка перчатокъ, изготовленіе музыкальныхъ инструментовъ, математическихъ и другихъ приборовъ, стеклянной и керамической посуды и т. д. достигли въ Чехіи значительныхъ размѣровъ и совершенства, о которомъ живое представленіе давала выставка 1908 г., поражавшая изяществомъ и дешевизной чешскихъ издѣлій.

Машиностроительная промышленность Чехіи заняла на выставкѣ 1908 г. отдѣльный огромный павильонъ. Возникновеніе ея относится

къ концу 18 столѣтія; первый паровой котелъ былъ сдѣланъ въ Чехіи въ 1824 г., первая паровая машина въ 1825 г. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Прагѣ имѣлось уже 15 машиностроительныхъ заводовъ; въ 1905 г. въ вѣдѣніи Пражской торговой палаты находилось 277 такихъ заводовъ, которые давали работу 16.706 рабочимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, къ 1908 г., это число уже значительно поднялось: число рабочихъ превысило 30 тыс., стоимость производства оцѣнивалась въ 80 милл. кронъ ежегодно. Приготовлялись разнообразнѣйшія машины, локомотивы, сельско-хозяйственныя орудія, машины для обработки дерева и металловъ и для различныхъ отраслей обрабатывающей и добывающей промышленности. Какъ болѣе мелкія, но далеко не лишенныя значенія въ экономической жизни Чехіи отрасли промышленности, должны быть названы слѣдующія, представленныя на выставкѣ 1908 г.: бумага и издѣлія изъ бумаги, графическая промышленность, фотографія и т. д., шлифовка драгоцѣнныхъ камней (въ Чехіи добывается чрезвычайно красивый красный камень гранатъ), промышленность химическая, возникшая здѣсь только въ 60-хъ годахъ, но быстро развивающаяся (въ 1890 г. 53 фабрики, въ 1902 г. 126), обработка кожи, дерева и т. п. Уже изъ этого перечня видно, какъ широка промышленная инициатива въ Чехіи. Надо при этомъ имѣть въ виду, что округъ Пражской тороговой палаты охватываетъ не все Чешское королевство (объ этомъ ниже), но, по преимуществу, ту его часть, которая заселена чехами. Это даетъ болѣе правильное представленіе объ экономическомъ и промышленномъ развитіи чешскаго народа, чѣмъ обще-австрійская статистика. Такъ, пивоварство, представляющее въ Чехіи одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности, производится какъ въ западной Чехіи, въ Пильзенѣ, который находится уже почти на границѣ распространенія чешскаго населенія, такъ и въ Прагѣ (въ ея предмѣстьѣ Смильтенѣ), и въ Таборѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Развитіе пивоварства въ Чехіи двинулось быстрымъ шагомъ съ 1848 г. Въ 1848 г. въ предѣлахъ Пражской палаты было выварено 595.437 гектолитровъ пива, въ 1906—7 г. 2.932.357 гектол. Всего же въ Чехіи за время съ 1 сент. 1911 г. по 31 авг. 1912 г. имѣлось 555 пивоваренныхъ заводовъ (во всей Австріи 1.111), т.-е. ровно половина всѣхъ заводовъ Австріи; всего же было выпущено пива изъ чешскихъ заводовъ 10.668.139 гект., или 46,98% всего количества въ Австріи. На одного человѣка въ Чехіи приходилось 157 литровъ пива. Естественно, что всякая попытка повысить обложеніе пива вызываетъ въ Чехіи большое волненіе. Въ среднемъ, на одного человѣка въ Австріи приходится 81 литръ пива.

Таковы важнѣйшія отрасли чешской добывающей и обрабатывающей промышленности. Какъ показываетъ статистика населенія, и среди чешскаго, и среди нѣмецкаго населенія эта промышленность вербуетъ гораздо большій процентъ, нежели, напр., въ Галиціи. Чехія является страной промышленной, а не аграрной, и вопросъ рабочій имѣетъ здѣсь очень жгучій характеръ [1]). Перепись 3 іюля 1902 г. насчитала 1,370,806 лицъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ производствѣ, при чемъ сравнительно наибольшее число рабочихъ рукъ (22,65%) было занято текстильной промышленностью. Для позднѣйшаго времени такого подсчета, насколько мнѣ извѣстно, не было произведено, но по отдѣльнымъ отраслямъ труда эти данныя установлены. Именно, въ горной промышленности Чехіи (по добычѣ каменнаго угля, бураго угля, желѣзняка) было занято въ 1911 г. 62,584 человѣкъ, въ чугунно-плавильной 2,271

---

[1]) О рабочемъ вопросѣ въ Чехіи исчерпывающая монографія Л. Винтера напечатана въ изданіи «Česká politika», 4 томъ, 1911.

(въ 1902 г. 1,730) и т. д. Общее число лицъ, занятыхъ въ промышленности, вѣроятно, достигаетъ въ настоящее время 2 милліоновъ. Заработокъ фабричнаго рабочаго въ Прагѣ, по даннымъ 1911 года, сильно колеблется въ зависимости отъ его спеціальности. Ниже всего онъ въ хлопчатобумажной промышленности: 2,41 крон. въ день (ок. 1 руб.). Около 3 кронъ (1 р. 20 к.) въ день зарабатываютъ рабочіе на мельницахъ, въ транспортѣ, на строительныхъ работахъ, въ обработкѣ химическихъ веществъ, въ приготовленіи одежды и т. д. На высотѣ около 4 кронъ держится дневной заработокъ въ горнозаводской промышленности, а также въ такихъ отрасляхъ производства, гдѣ требуются особыя знанія и способности (предметы освѣщенія и отопленія, полиграфическая промышленность и т. д.). Наивысшій дневной заработокъ составляетъ 4,17 кроны въ Прагѣ. Этотъ размѣръ заработной платы недостаточенъ для сколько-нибудь обезпеченной жизни рабочаго, и ему приходится перебиваться со дня на день. Такія учрежденія, какъ страхованіе рабочихъ на случай инвалидности, бюро посредничества труда и т. п., могутъ приходить на помощь рабочему классу только въ исключительныхъ случаяхъ. При дороговизнѣ же жизни въ Австріи указанные размѣры рабочей платы не могутъ быть признаны достаточными. На этой почвѣ и получаетъ широкое распространеніе соціализмъ, который объединяетъ рабочую массу и ведетъ борьбу за ея классовые интересы. Въ 1910 году число рабочихъ забастовокъ въ Австріи составило 657, въ 1911 г. 706, въ 1912 г. 761, т.-е. все больше съ каждымъ годомъ. Въ Чехіи число забастовокъ равнялось въ 1910 г. и въ 1911 г. 251 и въ 1912 г. 325 и охватило свыше 56 тыс. рабочихъ и 1,148 предпріятій. Изъ этихъ забастовокъ (251) въ 1911 г. увѣнчались полнымъ успѣхомъ 42, неполнымъ 135 и совсѣмъ безуспѣшны оказались 74. Во время забастовокъ процентное отношеніе стрейкующихъ рабочихъ къ не участвующимъ въ забастовкѣ выразилось числами 55,1 (въ 1910 г.), 69,6 (въ 1911 г.) и 55,7 (въ 1912 г.). Это сравнительно невысокія цифры, обнаруживающія отсутствіе полной солидарности въ рабочемъ классѣ. Дѣйствительно, чешскій рабочій классъ примыкаетъ не только къ соціалдемократіи, но и къ національнымъ партіямъ, чуждымъ тактикѣ рабочаго соціалдемократическаго пролетаріата.

При такомъ развитіи земледѣльческой, сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности Чехія нуждается въ организаціи кредита и сбереженій, а также торговли. Всѣ эти отрасли народнаго денежнаго хозяйства поставлены въ Чехіи на такую высоту, какъ ни у какого другого славянскаго народа. Пражская торговая и промышленная палата [1]) была учреждена въ 1850 г. на основаніи закона 26 марта 1850 г., создавшаго въ австрійскихъ земляхъ 26 палатъ съ довольно широкими полномочіями. Чехія получила 5 палатъ (въ Прагѣ, Либерцѣ, Хебѣ-Эгерѣ, Пильзенѣ и Будейовицахъ), изъ которыхъ по размѣрамъ дѣятельности и по широтѣ иниціативы первое мѣсто заняла Пражская (учрежденіе биржъ, собираніе спеціальной статистики, хлопоты о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, обсужденіе таможенныхъ договоровъ и т. д.). Помимо своей спеціальной коммерческой дѣятельности чешская торговая палата не упускала изъ виду національныхъ и политическихъ интересовъ: такъ, въ 1851 г. Пражская палата послала на свой счетъ нѣсколько ремесленниковъ на лондонскую всемірную выставку, чтобы они присмотрѣлись къ успѣхамъ чужой промышленности и перенесли ея методы на свою почву; съ 1864 г. она выступила съ требованіемъ равноправія чешскаго языка

[1]) I. Gruber. Obchodní a živnostenská komora v Praze v prvním půlstoletí svého trvání 1850—1900. v Ptraze. 1900.

въ совѣщаніяхъ палаты, въ 1866 г. подали петицію императору объ измѣненіи закона о выборахъ въ сеймы и т. д. Съ этого времени дѣятельность Пражской торговой палаты сплелась такъ тѣсно съ жизнью чешскаго народа, что въ его національномъ, промышленномъ и соціальномъ развитіи она играла всегда чрезвычайно крупную роль. Законодательство о рабочихъ, борьба за избирательную реформу, за національныя права, созданіе сѣти коммерческихъ и промышленныхъ училищъ, устройство выставокъ: все это вызывалось ростомъ народнаго сознанія и само, въ свою очередь, давало сильные толчки этому развитію. Характерно, что политическіе вожди чеховъ, Ригеръ, Грегръ и др., являлись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнѣйшими членами Пражской торговой палаты. Поэтому, она не упускала, кажется, ни одного случая заявить о національныхъ требованіяхъ чеховъ, которыя иногда были довольно мелочны сами по себѣ, но не лишены общаго принципіальнаго значенія (Gruber, назв. соч. 274—275). Подводя итоги 50-лѣтней дѣятельности палаты, историкъ ея отмѣчаетъ благодѣтельное вліяніе палаты на развитіе благосостоянія населенія и даже его численности. Въ 1855 г. на 228,8 кв. миль, составлявшихъ районъ палаты, жило 1,236,237 чел., въ 1900 г. 1,931 тыс., т.-е. на 52% больше; число заведеній, подчиненныхъ палатѣ, составляло въ 1857 г. 65,148, въ 1897 г. 79,225; бюджетъ палаты составлялъ въ 1850 г. 6700 гульденовъ, въ 1900 г. 308,563 кр. Ни одна торговая палата въ Австріи не сдѣлала такъ много для развитія художественной промышленности, какъ Пражская (Gruber. 434), устроившая въ Прагѣ два промышленные музея и т. д. Въ 1908 г. палата устроила въ Прагѣ громадную выставку, которая и обнаружила, какой розмахъ пріобрѣла чешская промышленность.

Торговыми палатами, конечно, не ограничивается организація чешской тоговли, которая обнаруживаетъ сильное стремленіе къ объединенію въ союзы съ тѣми или иными задачами. Такъ слѣдуетъ назвать союзъ «Меркурій», преслѣдующій цѣли заграничнаго экспорта, особенно въ южно-славянскія страны, а также «Vývozní Spolek pročechy, Moravu a Slezsko», основанный въ 1892 г. Вообще же, на этой сторонѣ чешской экономической жизни я не могу останавливаться подробно. Также лишь бѣгло я могу изложить исторію развитія банковъ въ Чехіи, пользуясь, преимущественно, капитальной монографіей I. Хорака [1]). Первыя кредитныя учрежденія въ Чехіи были созданы нѣмецкими капиталистами и представляли по большей части филіальныя отдѣленія большихъ вѣнскихъ предпріятій. Съ 1857 г. стали пропагандировать мысль учрежденія обществъ взаимопомощи, и съ 1858 г. начали возникать такія взаимнокредитныя общества съ миніатюрными капиталами. Но дѣло начало быстро расти, и уже въ 1869 г. оборотный капиталъ 180 ссудо-сберегательныхъ кассъ доходилъ до 20 мил. гульденовъ. Для объединенія этихъ первыхъ чешскихъ кредитныхъ учрежденій былъ учрежденъ въ 1865 г. Промышленный банкъ, который послѣ всѣхъ формальностей началъ свою дѣятельность 1 марта 1869 г. Эмиссіонный капиталъ банка составлялъ 1 мил. гульденовъ, и банкъ пережилъ сравнительно легко и финансовый кризисъ 1872—3 г. Еще до начала дѣятельности промышленнаго банка открылъ свою дѣятельность Сельскохозяйственный кредитный банкъ для Чехіи, а въ 1869 г. къ двумъ уже существующимъ присоединился третій банкъ «Всеобщій чешскій банкъ» (Allgemeine böhmische Bank). Затѣмъ въ 1871 г. былъ учрежденъ Чешскій народный банкъ, въ 1872 г. Чешскій банковскій Союзъ и

[1]) О чешскихъ банкахъ см. I. Horák. Přehled vývoje českých obchodních bank. V Praze. 1913. Также отдѣлъ: «Банки» въ каталогѣ № 1 выставки 1908 г., Zemská banka království Českého. 1911 и др.

чешскій банкъ для торговли, промышленности и недвижимости и т. д. Но въ слѣдующемъ году вся Австрія пережила чрезвычайно тяжелый финансовый кризисъ; бумаги упали крайне низко; нѣкоторые банки окончательно разорились и т. д. Тогда для организаціи помощи кредитнымъ учрежденіямъ возникла мысль о созданіи Земскаго банка Чешскаго королевства съ правомъ эмиссіонной дѣятельности и со значеніемъ центральнаго денежнаго учрежденія для всей Чехіи. Во главѣ группы финансистовъ, разработавшихъ эту идею, сталъ Ригеръ, и въ 1890 г. былъ учрежденъ названный банкъ. Въ настоящее время онъ обладаетъ громаднымъ капиталомъ, и рядомъ съ нимъ работаютъ другіе крупнѣйшіе банки. Нѣкоторыя цифры могутъ дать представленіе о размѣрахъ всей этой дѣятельности: такъ, активъ Промышленнаго банка (Živnostenská banka) Чехіи и Моравіи составлялъ въ 1912 г. 386.750 тыс. кр., оборотъ Пражскаго кредитнаго банка въ 1912 г. равнялся 2.622.195.000 кронъ, оборотъ Чешскаго промысловаго банка (Česká průmyslová banka), учрежденнаго Чешскимъ народно-экономическимъ обществомъ и открывшаго свои дѣйствія въ сентябрѣ 1898 г., достигъ въ 1912 г. колоссальной суммы въ 9.115 милл. кронъ. Въ 1903 г. былъ учрежденъ Центральный банкъ Чешскихъ сберегательныхъ кассъ, оборотъ котораго превысилъ уже въ 1911 г. 7 милліардовъ кронъ; балансъ Земскаго Кредитнаго Банка къ 31 дек. 1910 г. составлялъ 1.053.029.896 кронъ, къ 31 дек. 1912 г. 1.148.317.466 кронъ.

Выше уже было упомянуто о Центральномъ банкѣ чешскихъ сберегательныхъ кассъ, который былъ учрежденъ въ 1903 году, какъ акціонерное общество съ основнымъ капиталомъ въ 2 милл. кронъ и съ обязанностью работать въ интересахъ чешскихъ сберегательныхъ кассъ и для поддержки ихъ финансовыхъ задачъ. Банкъ развился быстро и широко, такъ что уже въ 1905 г. открылъ отдѣленіе въ Брнѣ, въ 1906 г. въ Вѣнѣ, въ 1909 г. въ Черновицахъ, въ 1910 г. въ Краковѣ. Слишкомъ быстрое развитіе вызвало, однако, въ слѣдующемъ 1911 году остановку и даже реакцію, которая еще увеличилась въ 1912 г. въ годъ денежной дороговизны и политическихъ осложненій. Оборотъ банка достигъ наивысшей цифры въ 1910 и 1911 г., когда онъ превысилъ 7 милліардовъ кронъ. О чешскихъ сберегательныхъ кассахъ даетъ много свѣдѣній Ч. Кліеръ въ каталогѣ Пражской выставки 1908 г. Начало этихъ кассъ въ Чехіи восходитъ къ 1852 г., когда въ Пильзенѣ, по иниціативѣ правительства, открылась первая сберегательная касса, начавшая свою дѣятельность только въ 1857 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1860 г., открылась вторая чешская касса въ Млад. Болеславѣ, и съ этого времени, изъ года въ годъ, все больше стали основываться новыя и новыя сберегательныя кассы. Въ 1908 году число ихъ равнялось 103; изъ нихъ 100 принадлежало общинамъ, одна округу и двѣ отдѣльнымъ коопераціямъ. Въ Моравіи кассъ (въ концѣ 1906 г.) было 46, въ Силезіи чешскихъ кассъ было 3. Въ концѣ 1906 г. въ 103 чешскихъ сберегательныхъ кассахъ состояло членовъ 432.083, капиталъ которыхъ составлялъ 570.372.254 кр. Въ 1906 г. было внесено 205.853.200 кронъ, а взято 196.867.951 кр., такъ что прибыль кассъ составила около 9 милл. кр. Въ томъ же году было назначено изъ средствъ кассъ свыше 920 тыс. кр. на благотворительныя и культурныя цѣли, всего же до этого времени чешскія сберегательныя кассы ассигновали на эти культурно-національныя задачи до 20 милл. кронъ. Уже въ 1900 г. возникла мысль объединить всѣ чешскія кассы Чехіи, Моравіи и Силезіи въ одинъ союзъ (Svaz českých spořitelen), который и открылъ свою дѣятельность въ іюлѣ 1901 года. О дѣятельности чешскихъ кассъ можно судить по балансу Чешской сберегательной кассы въ Прагѣ къ 31 дек. 1907 г. Вкла-

ды составили къ этому времени 214.900.820 кронъ. Стремленія къ сбереженіямъ настолько распространены въ чешскомъ народѣ, что они проникаютъ всѣ его слои. Въ мартѣ 1913 г. было учреждено общество: «Единеніе чешскихъ сберегателей» (Jednota českých střádalů), которое пропагандируетъ идею сбереженій въ школахъ, въ семьяхъ, повсюду. Во множествѣ брошюрокъ, рѣчей, въ журналѣ «Střádal» доказывается спасительность привычки къ сбереженіямъ. При этомъ союзъ ставитъ своимъ членамъ патріотическія и національныя задачи: обезпеченіе существованія чешскаго народа и въ будущемъ. «Великія пространства чешскихъ земель находятся донынѣ въ чужихъ рукахъ. Въ потѣ своего чела и мозолями своихъ рукъ мы хотимъ выкупить эту утраченную почву. Каждая сбереженная крона приближаетъ насъ къ этой цѣли, и только такъ мы научимся видѣть въ деньгахъ орудіе прогресса и культуры». Въ такихъ словахъ Союзъ сберегателей обращается къ чешской интеллигенціи.

Этотъ мотивъ выступаетъ въ чешской національной жизни все громче. «Любовь къ землѣ — лучшая защита отечества»: такъ заявляетъ «Центральное единеніе чешскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ». И, повидимому, уже близко время, когда чешскія народно-экономическія организаціи приступятъ къ такой же упорной дѣятельности парцелляціи среди чешскаго крестьянства имѣній, купленныхъ изъ нѣмецкихъ рукъ, какую ведутъ поляки въ Познани. Въ настоящее время эта дѣятельность въ Чехіи еще не достигла большихъ размѣровъ. Она была сосредоточена въ названномъ сейчасъ обществѣ, откуда въ 1911 году вышла иниціатива учрежденія спеціальнаго Аграрнаго банка. Хотя этотъ банкъ началъ свою дѣятельность при неблагопріятныхъ условіяхъ денежнаго рынка, однако, на помощь ему пришло общественное сочувствіе, и Аграрный банкъ, начавъ свою дѣятельность съ основнымъ капиталомъ въ 2 милл. кронъ, уже въ мартѣ 1912 г. могъ увеличить свой основной капиталъ до 4 милл. Въ 1911 г. банкъ распарцеллировалъ 4 крупныхъ имѣнія и 8 меньшихъ, въ 1912 г. 6 крупныхъ имѣній въ 10.321 гект. Кромѣ того, Аграрный банкъ оказывалъ поддержку и разнымъ отраслямъ сельско-хозяйственной дѣятельности.

«Внутренняя колонизація», цѣли которой преслѣдуетъ Аграрный банкъ, не можетъ, однако, въ полной мѣрѣ удовлетворить матеріальные запросы населенія. Экономическое положеніе низшихъ классовъ тяжело, и выходъ изъ него многіе находятъ въ эмиграціи, направляющейся какъ за море, такъ и въ различныя европейскія государства, между прочимъ и въ Россію, гдѣ положеніе чешскихъ эмигрантовъ оказывается, къ сожалѣнію, далеко незавиднымъ. Народный чешскій совѣтъ занялся и вопросомъ объ эмиграціи, стараясь выяснить причины ея и общій характеръ [1]). Къ сожалѣнію, точными статистическими данными въ этой области я не располагаю. Въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки чеховъ выселяется значительно меньше, нежели поляковъ, русиновъ или нѣмцевъ. Это число колеблется по годамъ между 8 и 9 тыс. чел. въ годъ (1910 : 8162, 1911 : 8673, 1912 : 8031). Но тѣ, кто переселяется въ Америку, повидимому, прочнѣе селятся здѣсь, чѣмъ нѣкоторые другіе австрійскіе народы: такъ, въ 1912 г. на 8031 чел. эмигрантовъ при-

[1]) Anketa o českém vystěhovalectví, uspořádaná zahraničním odborem národní rady české, Přehled odpovědí padávají Dr. Ian Auerhan, Ian Hejret a Alois Svojsík. 1912. Fr. Drtina. Kulturní styky amerických Čechů s domovinou. Adressář zahraničních Čechů. IV doplněné vydání. 1911 (съ дополненіемъ,)—обзоръ чешскихъ организацій за границей. Подробный обзоръ чешскихъ колоній въ Сѣв. Американскихъ Соед. Штатахъ представляетъ вышедшая въ 1912 г. книжка. Adresář Čechů ve Spojených státech severoamerických, opatřila Českoamerická Národní rada v Chicagu. II. Praha. 1912. Число американскихъ чеховъ опредѣляется здѣсь въ 713,660. Здѣсь же литература предмета.

ходится 1088 человѣкъ, возвратившихся на родину изъ Америки, тогда какъ у поляковъ это отношеніе иное: 30649 уѣхавшихъ и 22546 вернувшихся, у мадьяръ 23174 уѣхавшихъ и 17387 вернувшихся и т. д. Но при этомъ чешскіе эмигранты не порываютъ связей съ родиной и съ чешскимъ языкомъ. Въ книгѣ Чапка «Пятьдесятъ лѣтъ чешской печати въ Америкѣ» 1911 указано, что число чеховъ, живущихъ въ Америкѣ, превышаетъ 700 тыс. Здѣсь издается 7 газетъ, 32 еженедѣльника, 22 ежемѣсячныхъ журнала и т. д. Число подписчиковъ достигаетъ 135 тыс. человѣкъ. Національныя торжества на родинѣ всегда привлекаютъ депутаціи американскихъ чеховъ. Вообще, за чехами, живущими за границей, слѣдятъ, записываютъ ихъ адреса, поддерживаютъ съ ними отношенія. Такимъ образомъ, здѣсь даже эмиграція не разрушаетъ народнаго единства.

Та же способность и потребность въ организаціи національной чешской жизни привела въ 1906 году къ учрежденію «Чешскаго общенароднаго совѣта», какъ высшаго и объединяющаго органа чешской политики [1]). Происхожденіе и задачи этого учрежденія опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «Чешскій народъ, несмотря на его неоспоримый прогрессъ, не имѣлъ центральнаго общенароднаго учрежденія, которое бы, пользуясь желательнымъ авторитетомъ и полнымъ довѣріемъ цѣлаго народа безъ различія партій и спеціальныхъ интересовъ и располагая одновременно необходимыми для достиженія своихъ цѣлей матеріальными средствами, добросовѣстно правило широкимъ теченіемъ чешской жизни и ея нуждами. Этотъ огромный, часто чувствуемый недостатокъ, причинившій много бѣдъ и зла чешскому народу, былъ, наконецъ, устраненъ основаніемъ извѣстнаго рода общенароднаго сената, народнаго авторитетнаго учрежденія, Чешскаго общенароднаго совѣта (Národní rada česká). Девизъ его: «Народъ себѣ» ясно опредѣляетъ его значеніе. Цѣлями Чеш-Общенар. Совѣта являются: забота о содѣйствіи (сотрудничествѣ) всѣхъ элементовъ чешскаго народа, особенно же чешскихъ политическихъ партій, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ его какъ въ предѣлахъ земли Королевства Чешскаго, такъ и во всѣхъ иныхъ частяхъ (государства) *Соединенныхъ штатовъ Габсбургскихъ*, а также и чеховъ, живущихъ за границею, стремленіе къ достиженію обдуманной и хорошо составленной чешской общенародной организаціи, этого идеала общенародной работы, дисциплины и силы. Чешскій общенародный совѣтъ занимается только вопросами, являющимися *общими стремленіями* чешскаго народа, безъ различія программъ и тактики отдѣльныхъ политическихъ партій, входящихъ въ его составъ, а именно: 1) добываніемъ и защитою закона о государственности (государственномъ правѣ) земель королевства Чешскаго, Богеміи, Моравіи и Силезіи, являющагося нашимъ неоспоримымъ дѣдовскимъ наслѣдіемъ; законъ этотъ долженъ быть приспособленъ къ требованіямъ нашего времени и убѣжденіямъ народа; 2) достиженіемъ и защитою полнаго равноправія чешскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ, школахъ и всей общественной жизни; 3) народно-политическимъ, просвѣтительнымъ, экономическимъ и соціальнымъ улучшеніемъ жизни народа, а также проведеніемъ въ жизни автономическаго устройства; 4) защитою притѣсняемыхъ меньшинствъ; 5) правильнымъ информированіемъ иностранцевъ о чешскомъ народѣ, образцовымъ чешскимъ представительствомъ и такою же дисциплиною, информаціонною канцеляріею печати, нуждами заграничныхъ чеховъ и народнымъ чешскимъ архивомъ; 6) всѣми остальными вопросами, касающимися народной че-

[1]) Пользуюсь русскимъ изданіемъ (Прага 1907) брошюры о Чешскомъ общенародномъ Совѣтѣ, хотя ея русскій языкъ не всегда ясенъ.

сти и дисциплины; 7) добываніемъ средствъ для достиженія цѣлей Чешскаго общенароднаго совѣта; средствами является, кромѣ ежегодныхъ вспомоществованій и пожертвованій чешскихъ корпорацій, добровольная, наложенная народною дисциплиною подать въ видѣ чешскихъ національныхъ марокъ; 8) устройствомъ усовершенствованной финансовой національной организаціи и достиженіемъ образцовой подписки пожертвованій». Совѣтъ состоитъ изъ семи организацій: «1) *общаго совѣта*, носящаго характеръ всенароднаго Чешскаго сейма; въ составъ его входятъ представители всѣхъ сословій и корпорацій Чешскаго народа, число коихъ достигаетъ 500 душъ обоего пола, которыхъ нѣкоторыя корпораціи высылаютъ самостоятельно, нѣкоторыя же предлагаютъ ихъ центральному комитету для утвержденія; 2) *Центральнаго комитета*, состоящаго центральнымъ органомъ съ исполнительною властью; 3) областныхъ комиссій земель королевства чешскаго: а) Моравской комиссіи Чеш. Общенарод. Совѣта съ мѣстопребываніемъ въ Брнѣ (Brünn); б) Силезской комиссіи Чеш. Общенар. Совѣта съ мѣстопребываніемъ въ Опавѣ (Troppau); 4) областной нижнеавстрійской комиссіи Чеш. Общенар. Совѣта съ мѣстопребываніемъ въ Вѣнѣ; 5) депутатовъ чеховъ, живущихъ въ остальныхъ частяхъ Соединенныхъ штатовъ Габсбургскихъ и внѣ границъ ихъ; 6) губернскихъ (уѣздныхъ и городскихъ) организацій Чеш. Общенар. Совѣта при автономныхъ корпораціяхъ чешскихъ; 7) разработочныхъ (подготовительныхъ) комиссій пражскаго центра и приобластныхъ комиссій въ Брнѣ, Опавѣ и Вѣнѣ». Такова въ главныхъ чертахъ программа совѣта [1]).

Какъ мы видимъ, она стоитъ рѣшительно на точкѣ зрѣнія чешскаго государственнаго права и федерализма, называя даже самую Австрію Соединенными штатами Габсбурговъ. Такое рѣзкое подчеркиваніе этой точки зрѣнія указываетъ на полное отрицаніе всякой компромиссной политики, отъ которой отказывались старочехи, и которую должны были вести ихъ политическіе преемники, младочехи. Если теперь Общенародный совѣтъ такъ твердо вступилъ на почву государственной обособленности Чехіи и государственнаго объединенія всѣхъ земель Чешской короны, то это обнаруживаетъ у вождей чешской политики гордое сознаніе національной мощи чешскаго народа. Какъ объединенный органъ чешскихъ партій, Совѣтъ выступилъ уже въ цѣломъ рядѣ вопросовъ. Онъ защищалъ интересы чешской промышленности и торговли, когда поднимался вопросъ о сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ земляхъ Чешской короны; онъ производилъ «анкету по вопросу о необходимости совмѣстной славянской дѣятельности» и разрабатывалъ планъ устройства славянской выставки въ Прагѣ въ 1914 г. (выставки, которой не было суждено состояться); онъ отстаивалъ права чешскаго языка въ администраціи и объяснялъ въ общедоступныхъ изданіяхъ значеніе тѣхъ или другихъ событій древней чешской исторіи, тѣхъ или другихъ новѣйшихъ законопроектовъ (напр., задуманнаго Бинертомъ раздѣленія Чехіи на національные округа) и т. д. Однимъ словомъ, Чешскій Общенародный совѣтъ являлся государственно-правовымъ представительствомъ чешскаго народа во всѣхъ проявленіяхъ его національной жизни, подобно такому же учрежденію познанскихъ поляковъ.

«Меньшины» (Menšiny), т.-е. тѣ области, гдѣ чешское населеніе представляетъ меньшинство, привлекаютъ издавна особенное вниманіе чешскихъ партій и всѣхъ національно сознательныхъ людей. Упорная борьба съ нѣмцами, за каждую пядь земли, за каждую школу вызвала съ

---

[1]) Пользуюсь различными изданіями Совѣта: Informace odborům Národní rady české зди ными брошюрами, вышедшими из ѣ лона Рады.

обѣихъ сторонъ необходимость различныхъ организацій. Этотъ вопросъ играетъ такую крупную въ чешской народной жизни, что ему необходимо удѣлить вниманіе. Борьба, которая ведется этими организаціями, объясняется различными мотивами, какъ государственнаго права на земли чешской короны, такъ и практической необходимости въ тѣхъ областяхъ, гдѣ чехи являются позднѣйшими колонистами [1]). Старѣйшей изъ этихъ организацій оказывается Národní Jednota severočeská (Сѣверночешское народное единеніе), возникшая въ 1885 г. вслѣдствіе того факта, который обнаружился въ 1880 г., когда впервые при переписи населенія былъ принятъ во вниманіе языкъ, какъ національный признакъ. Перепись 1880 г. обнаружила наличность значительнаго чешскаго населенія въ Сѣв. Чехіи. Цѣлью общества является «содѣйствіе національному, духовному и матеріальному преуспѣянію областей въ Сѣверной Чехіи»; средствами служатъ различные способы ознакомленія чеховъ съ жизнью «меньшинъ» и поддержка этихъ послѣднихъ путемъ облегченія кредита, раздачи книгъ и образцовъ, созданія кооперативовъ и т. п., особенно же съ помощью увеличенія здѣсь чешскаго землевладѣнія. Сѣверночешской Еднотѣ удалось развить весьма широкую дѣятельность: въ 1906 году въ ея вѣдѣніи состояло 725 мѣстныхъ отдѣловъ, въ которыхъ насчитывалось 37,358 членовъ, 274 библіотеки, выдававшихъ свыше 121 тыс. книгъ; лекцій было устроено въ 1906 г. 781, театральныхъ представленій 372 и различныхъ другихъ увеселеній 566. Въ 1912 г. былъ 761 отдѣлъ и 52 тыс. членовъ. Отдѣлы содержали школы, библіотеки и т. д. Не менѣе важна экономическая дѣятельность Едноты: въ 1897 г. при ней былъ учрежденъ земельный фондъ, который въ 1909 г. превышалъ уже 225 тыс. кр. «Съ этого времени Еднота покупаетъ дома, создаетъ общественные центры въ меньшинахъ, покупаетъ земельные участки, хотя часто жертвы, приносимыя въ этомъ направленіи Еднотой, превышаютъ ея силы. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отстаивать то положеніе, что безъ этой экономической дѣятельности меньшинамъ пришелъ бы конецъ. Въ послѣднее время Еднота сохранила для чешскаго народа недвижимаго имущества болѣе, чѣмъ на 800 тыс. кр. И это еще отдѣльныя не систематическія дѣйствія ея въ экономической области. Теперь въ Еднотѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что эта экономическая дѣятельность ея должна быть ядромъ работы на окраинахъ. Теперь ясно понимаютъ, что вопросъ о меньшинствахъ восходитъ своими корнями къ экономическимъ отношеніямъ» (Čechové a jejich práce obranná. 11—12). Южночешскія окраины взяло на свое попеченіе другое общество, Národní Jednota Pošumavská (Пошумавское Народное Единеніе).

Это общество возникло въ 1884 г. съ цѣлью борьбы съ германизаторскимъ обществомъ «Deutscher Böhmerwaldbund» (въ Будейовицахъ). Районъ дѣятельности Пошумавской Едноты распространяется на южную половину Чехіи. По отчету за 1908—9 г. общество насчитывало 552 отдѣла съ 39 тыс. членовъ; отдѣлы объединяются въ свой дѣятельности болѣе крупными организаціями (skupiny), которыхъ было за указанный

---

[1]) Изъ литературы по вопросу: Čechové a jejich práce obranná. Soubor Článků o obranných Jednotách a korporacích. Knihovna Student. obzoru menšinového. Číslo 2, Praha. 1912. Ant. Boháč. Boj o české menšiny v zemích českých v posledních dvou letech. 1909 (подробнѣйшій обзоръ всего, что сдѣлано для охраны чешскихъ меньшинъ въ отдѣльныхъ городахъ и мѣстечкахъ). Výroční zpráva Národní Jednoty Severočeské 1906—1907. V Praze. 1907. Zpráva o činnosti Národní Jednoty pošumavské. 1908—1909, — Stanovy menšinového Musea v Praze. — Výstava české obrany pořádana Menšinovym Museem. 1913. Výrocní zprava Komenského, spolku ku zařizování a vydržování českých škol pro Dolní Rakousy ve Vídni. 1908. Kdějinam českého školství v Dolních Rakousích (Informace odborům Národní rady české. čis. 3) и т. д.

отчетный годъ 28. Съ этого времени общество увеличивалось, повидимому, довольно слабо: за 1912—3 г. оно насчитывало всего 39,899 членова въ 744 отдѣлахъ. Но сильно возросла его дѣятельность: именно въ 1908 г. на цѣли экономическія и промышленныя было израсходовано 10,686 кр., въ 1912 г. 26,754 кр., на цѣли просвѣтительныя въ 1908 г. 25,443 кр., въ 1912 г. 81,888 кр., на пріобрѣтеніе имущества въ 1908 г. 18,879 кр., въ 1912 г. 63,652 кр. и т. д. Особенное вниманіе Пошумавская Еднота посвящаетъ школамъ, которыя она строитъ и содержитъ на собственный счетъ. Вообще, это общество обнаруживаетъ огромный запасъ энергіи; библіотеки, лекціи, различныя собранія, организація плодоводства и т. д., поглощаютъ его вниманіе. Здѣсь «каждый работаетъ за троихъ», какъ гласилъ девизъ общества на меньшиновой выставкѣ 1913 г. Эти два общества, Сѣверночешское и Пошумавское, дѣйствуютъ въ Чехіи, но, кромѣ нихъ, существуютъ общества единенія чешскословацкаго, а также для охраны чешскихъ интересовъ въ Моравіи. О нихъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ.

Наплывъ чеховъ въ Вѣну и въ Нижнюю Австрію вызвалъ и здѣсь возникновеніе охранной организаціи, направленной прежде всего противъ нѣмеченія чешскихъ дѣтей. Этихъ послѣднихъ перепись 1910 г. насчитала въ одной Вѣнѣ 14,546, учащихся въ общинныхъ и городскихъ школахъ. Всего же Народная Чешская рада опредѣляетъ число чеховъ въ Вѣнѣ въ 400 тыс. чел. Въ 1872 г. въ Вѣнѣ возникло чешское общество «Коменскій» (по имени знаменитаго чешскаго педагога), которое устроило въ 1882 г. вѣ Вѣнѣ чешскую частную школу. Въ этой школѣ, какъ и въ другихъ чешскихъ школахъ Нижней Австріи, учащіеся не пользуются правами, такъ называемымъ das Oeffentlichkeitsrecht, котораго они были лишены по закону, принятому нижнеавстрійскимъ ландтагомъ 4 марта 1912 г. [1]). Борьба съ чешской школой велась въ Австріи уже очень давно, съ 1896 г., когда впервые выступилъ противъ нея съ ограничительнымъ законопроектомъ депутатъ Колиско (отсюда названіе lex Kolisko). Но эта борьба, конечно, еще не кончилась, и при упорствѣ чешскаго народа она должна завершиться побѣдой послѣдняго. По крайней мѣрѣ, общество «Коменскій» продолжаетъ основывать и вести свои безправныя школы (въ Вѣнѣ и Пошторнѣ, гдѣ произошелъ чуть не разгромъ чешской школы). Въ школахъ «Коменскаго» и въ его учрежденіяхъ обучалось въ 1912 г. 2650 дѣтей. Какое значеніе имѣетъ эта дѣятельность, видно ужъ изъ того, что для германизаціи чешскихъ дѣтей въ Нижней Австріи существуютъ 4 нѣмецкія общества, тратящія ежегодно около 750 тыс. кронъ на цѣли «ассимиляціи».

Для защиты національной чешской жизни на окраинахъ въ 1909 г. былъ учрежденъ спеціальный «Музей меньшинъ» (Menšinové museum), который поставилъ своей задачей всестороннее ознакомленіе общества съ жизнью окраинъ. Въ 1913 г. Музей устроилъ выставку, въ которой приняли участіе всѣ общества, работающія надъ дѣломъ національной борьбы на окраинахъ. Кромѣ названныхъ выше двухъ обществъ, Сѣверночешскаго и Пошумавскаго, въ выставкѣ участвовали еще Чешская народная Рада, Центральная Школьная матица, Общество для югозападной Моравіи (Národní Iednota pro jihozapádní Moravu), Общество для сѣверо-восточной Моравіи (Národní Iednota pro severovýchodní Moravu), Опавская Матица, Матица народнаго просвѣщенія въ польской Остравѣ,

[1]) Kann die so genannte «Lex Kolisko» sanktioniert werden? Gutachten der Národní Rada česká vom 23 Dezember 1912. Prag 1912 (то же по чешски). Также Dr. F. Loun. Die Sperrung der Privatschule des Komenskysvereines im III Wiener Gemeindebezirke im Lichte des Rechts. 1912.

Союзъ «Коменскій» въ Вѣнѣ, Чешско-словацкое общество въ Прагѣ (Ceskoslovanská Jednota v Praze) и окраинный отдѣлъ Сокольской организаціи. Такимъ образомъ, какъ показываетъ самый перечень, дѣлами національной охраны окраинъ занято 11 обществъ. Но очень силенъ и хорошо организованъ и противникъ, нѣмцы, стремящіеся германизировать или ослабить чеховъ, а въ Венгріи мадьяры, отрицающіе національныя права словаковъ. И въ спеціальной чешской печати мы постоянно встрѣчаемся съ жалобами на недостаточность охранной окраинной организаціи и съ призывами къ новой формѣ борьбы, къ новымъ пожертвованіямъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить то участіе, которое принимаетъ во всемъ этомъ движеніи университетская молодежь. Она издаетъ спеціальный журналъ «Studentský Obzor Menšinový», посвященный выясненію нуждъ и слабыхъ мѣстъ окраинъ и борьбѣ за сохраненіе здѣсь національной чешской жизни; она взяла на себя устройство Меньшинаго Музея; въ Сѣверно-чешскомъ обществѣ образовался уже въ 1885 г. студенческій отдѣлъ. Въ «Студенческихъ альманахахъ» статьи, посвященныя окраинному вопросу, занимаютъ видное мѣсто: такъ, въ «Альманахѣ», изданномъ въ 1906 г. Союзомъ чешско-словацкаго студенчества, отстаивается польза студенческихъ экскурсій на окраины. И свободомыслящіе политики, какъ напримѣръ, Масарыкъ, призываютъ студенчество къ борьбѣ за народность и доказываютъ, что «и большія, и малыя народности должны объединиться въ федераціи, въ которыхъ каждая народность должна получить признаніе и пользоваться одинаковыми правами». [1]) Благодаря всѣмъ этимъ усиліямъ, чешское національное объединеніе достигло полнаго развитія; всѣ классы народа, всѣ возрасты принимаютъ горячее участіе въ борьбѣ за свои національныя права, за народную школу и т. д. Народныя манифестаціи, связанныя съ торжественными событіями, въ родѣ открытія или закладыванія памятниковъ, съ историческими юбилеями и т. п., еще болѣе обостряютъ это чувство національной солидарности. Лѣтомъ по улицамъ Праги тянутся длинныя вереницы дѣтей, привозимыхъ съ окраинъ посмотрѣть на столицу Чехіи, и надо видѣть, какъ всѣ радушно принимаютъ ихъ.

При такихъ условіяхъ національная школа является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ борьбы за народность. Офиціальная статистика школьнаго дѣла въ Чехіи представляетъ слѣдующія данныя. Въ Прагѣ имѣются чешскій и нѣмецкій университеты, раздѣлившіеся въ 1881 г., но сохранившіе нѣкоторыя общія учрежденія (напр., библіотеку): первый изъ нихъ богаче числомъ преподавателей и студентовъ, но пользуется, несмотря на это, меньшей поддержкой со стороны правительства. Какъ утверждаетъ проф. Срдинко [2]), «за десять лѣтъ 1893—1903 курсы нѣмецкаго университета посѣщались въ среднемъ 1290 студентами, а курсы чешскаго университета 2806, что представляетъ перевѣсъ въ 1516 человѣкъ или, другими словами, больше, чѣмъ вдвое. Между тѣмъ, ординарные и экстраординарные кредиты достигаютъ въ этотъ періодъ въ среднемъ 1.022.897 кр. для нѣмецкаго университета и всего 982.824 кр. для чешскаго». Въ зимнемъ семестрѣ 1910—11 г. въ нѣмецкомъ университетѣ было прочитано 243 леціи, состояло 247 преподавателей, число всѣхъ слушателей равнялось 1847; въ то же время въ чешскомъ университетѣ было прочитано 400 лекцій, имѣлось 269 преподавателей, состояло 4.457 слушателей. Уже изъ сопоставленія этихъ данныхъ о числѣ преподавателей и слушателей явственно вытекаетъ, насколько болѣе покровительствуютъ нѣмецкому университету въ Прагѣ. Перейдемъ къ

---

[1]) Prof. Dr. G. Masaryk. Student a politika. Knihovna studentské Revue. 1909.
[2]) Prof. Dr. Otakar Srdinko. L'Université tchèque—l'enfant gaté. 1909.

техническимъ школамъ. Въ Прагѣ дуализмъ распространился и на нихъ: здѣсь существуютъ чешскія и нѣмецкія инженерное, архитектурное, машиностроительное, химико-техническое училища. Кромѣ того, въ Чехіи имѣются всецѣло чешскія спеціальныя высшія школы: земледѣльческая академія въ Таборѣ, лѣсная въ Писекѣ. Средняя школа въ Чехіи въ настоящее время уже почти не служитъ предметомъ національной борьбы, которая ведется въ этой области развѣ только на окраинахъ. Вопросъ о языкѣ преподаванія уже давно разрѣшенъ: изъ 73 гимназій въ 1910—11 уч. году въ 39 преподаваніе велось по-чешски, въ 33 по-нѣмецки и въ 1 на двухъ языкахъ, а изъ 45 реальныхъ училищъ 28 чешскихъ и 17 нѣмецкихъ. Нечего и говорить, что симпатіи центральнаго правительства на сторонѣ нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, которыхъ соразмѣрно съ числомъ учащихся больше, чѣмъ чешскихъ. Именно, на 7148 нѣмецкихъ учениковъ приходится 50 гимназій и реальныхъ училищъ, на 10.584 чешскихъ 67, т.-е. одна школа на 143 нѣмца и на 158 чеховъ. Фактически это означаетъ, что въ нѣмецкихъ школахъ (на окраинахъ съ національнымъ меньшинствомъ) обучаются и чехи. Обратное едва ли встрѣчается часто. Какъ во всей Австріи, и въ Чехіи на женское среднее образованіе обращено правительствомъ несоразмѣрно мало вниманія: въ 1910—11 г. во всей Чехіи существовали только 4 гимназіи для дѣвушекъ, при чемъ 3 изъ нихъ содержались частными лицами и учрежденіями и 1 духовнымъ орденомъ; въ 3 велось преподаваніе по-чешски, въ 1 по-нѣмецки; всѣхъ учащихся, *только чешекъ*, было всего на всего 96. Въ женскихъ лицеяхъ, которыхъ было 14 (9 чешскихъ, 5 нѣмецкихъ), обучалось во всей Чехіи 2141 ученицъ (изъ нихъ 757 въ нѣмецкихъ лицеяхъ).

На цѣли народнаго просвѣщенія бюджетъ чешскаго королевства на 1914 г. назначаетъ 53.988.452 кр. (въ 1913 г. 50.038.015 кр.), изъ общей суммы расходовъ въ 106.130.047 кр., и, кромѣ того, на науки или литературу 290.223 кр. (въ 1913 г. 237.317 кр.). Такимъ образомъ, и этотъ бюджетъ, составленный комиссаріатомъ и утвержденный монархомъ безъ участія сейма, принимаетъ близко къ сердцу нужды народнаго просвѣщенія, ассигнуя на нихъ почти половину всего бюджета. По даннымъ, относящимся къ 1912—13 уч. году, Чехія раздѣляется на 67 чешскихъ и 54 нѣмецкіе школьные округа, въ которыхъ насчитывается 5640 начальныхъ общинныхъ школъ (3284 чеш. и 2356 нѣмец.) съ 18.806 классами. За 1912 годъ прибыла 31 школа, за послѣднія 5 лѣтъ 184. «Причина малаго прироста школъ въ послѣдніе годы заключается въ разстроенныхъ политическихъ и финансовыхъ отношеніяхъ въ странѣ, которыя препятствуютъ создавать новыя школы по мѣрѣ возникновенія потребности въ нихъ». Одна школа приходится на 205 дѣтей обязательнаго школьнаго возраста. Наблюдается здоровая тенденція къ увеличенію числа классовъ въ школахъ. «Изъ вышеприведеннаго числа 5640 общинныхъ школъ преподаваніе ведется на чешскомъ языкѣ въ 3313, на нѣмецкомъ въ 2327, при чемъ 53 чешскія школы находятся въ нѣмецкихъ округахъ и 24 нѣмецкія школы въ чешскихъ округахъ. Въ процентахъ это отношеніе выражается такъ: 58,74 : 41,26, что даетъ за послѣдній годъ приростъ на чешской сторонѣ на 0,19%, а за послѣднее пятилѣтіе 0,58. На чешской сторонѣ приростъ оказывается прочнымъ, хотя и не одинаково большимъ въ каждый годъ,—тѣмъ не менѣе, отношеніе школъ не достигаетъ соотношенія двухъ народностей въ странѣ, которое, согласно переписи 1910 г., выражается отношеніемъ 63,22 : 36,78». Общественныхъ мѣщанскихъ школъ было во всей Чехіи 615 (352 для мальчиковъ и 263 для дѣвочекъ) съ 2457 классами; здѣсь было чешскихъ школъ 377, нѣмецкихъ 238, при чемъ прибыло въ 1912 году всего 3

школы. Это положеніе представляется плачевнымъ и объясняется опять-таки разстройствомъ политической жизни въ Чехіи, отсутствіемъ сейма въ теченіе пяти лѣтъ. Кромѣ земскихъ школъ, на помощь народу приходитъ общественная иниціатива: въ 1912 г. было 163 частныхъ школъ съ правами, чешскихъ 97, нѣмецкихъ 66. Часть этихъ школъ находится въ области второго земскаго языка (47 чешскихъ въ нѣмецкихъ округахъ, 18 нѣмецкихъ въ чешскихъ). Отношеніе дѣтей школьнаго возраста къ дѣйствительно обучающимся оказывается въ высшей степени удовлетворительнымъ. Именно, всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ было въ Чехіи въ концѣ 1912 года 1.157.810, изъ нихъ обучалось въ это время въ низшихъ школахъ различныхъ типовъ 1.119,023, а, если исключить обучающихся дома или въ среднихъ школахъ или немогущихъ учиться по болѣзни, то окажется, что во всей Чехіи оставалось безъ обученія *105 здоровыхъ дѣтей*. Естественно поэтому, что грамотность въ Чехіи стоитъ очень высоко; по переписи 1910 г. оказывается, что лишь 4,3% населенія старше 6 лѣтъ не умѣютъ читать [1]).

Необходимость національной обороны создала и одно изъ энергичнѣйшихъ чешскихъ обществъ, Центральную школьную Матицу (Ústřední Matice Školská). Въ 1880 г. нѣмцы основали для распространенія нѣмецкаго образованія Schulverein, и чехи отвѣтили на это созданіемъ въ томъ же году (5 дек.) Школьной Матицы. Уже черезъ годъ чешское общество имѣло 5737 членовъ и доходъ въ 69,775 гульденовъ; въ первый же годъ своей дѣятельности Матица устроила 6 школъ съ 11 классами, гдѣ училось свыше 640 дѣтей. Въ 3-емъ отчетномъ году Матица имѣла уже 101 мѣстный отдѣлъ, изъ которыхъ 79 приходилось на Чехію и 22 на Моравію. Согласно отчету Матицы за 1913 г., дѣятельность ея рисуется въ слѣдующихъ чертахъ (см. Národní Listy 25 марта 1914 г.). Доходы Матицы за 1913 г. составили 1.113.545 кронъ, кромѣ субсидіи въ 33 тыс. кронъ, которую Общество ежегодно получаетъ изъ казны Чешскаго королевства. Расходы Матицы превысили ея доходы, составивъ 1.287.698 кронъ; перерасходъ былъ покрытъ изъ запасныхъ фондовъ и изъ нѣсколькихъ суммъ, полученныхъ по завѣщанію. Въ 1913 г. Матица содержала 295 классовъ, въ которыхъ училось 15.576 дѣтей (въ 1912 г. 15.315). Въ Чехіи учебныхъ заведеній, содержимыхъ Матицею, было 105, въ Моравіи и Силезіи 34. Несмотря на всѣ усилія Матицы обезпечить національной школой дѣтей всѣхъ тѣхъ областей, гдѣ чехи составляютъ національное меньшинство и должны посѣщать нѣмецкія учебныя заведенія, остается донынѣ не мало мѣстностей, гдѣ она не могла создать школы. Но и среди дѣтворы національное сознаніе достигаетъ такого развитія, что школьники предпочитаютъ посѣщать болѣе отдаленныя школы, но только содержимыя Матицей и обучающія ихъ на родномъ языкѣ. Насколько полагается Матица на содѣйствіе со стороны общества, видно изъ того, что расходный бюджетъ ея на 1914 годъ опредѣленъ въ 1.986 тыс. кронъ, тогда какъ доходъ съ имѣющихся капиталовъ составляетъ всего 226.320 кр., такъ что путемъ сборовъ членскихъ взносовъ и пожертвованій Матица должна добыть 1.759.714 кронъ. Отчетъ Матицы за 1913 годъ кончается гордыми словами: «До сихъ поръ никто не побѣдилъ Центральной Школьной Матицы, потому что она была сильна и единодушна». Несомнѣнно, это учрежденіе можетъ жить и развиваться съ той же энергіей и въ буду-

1) Národní Školství v Čechach v r. 1912. Z kulturního života. Приложеніе къ газетѣ «Národní Listy» за 30 ноября и 7 декабря 1913 года. Спеціально о школахъ въ областяхъ съ національнымъ меньшинствомъ см. Národní Listy 26 авг. 1913 г. (здѣсь указывается на то, что 25 тыс. чешскихъ дѣтей въ Чехіи посѣщаетъ нѣмецкія школы). Рядъ превосходныхъ монографій о чешской школѣ въ изданіи «Česká Politika» т. V, 1913.

щемъ. Упомянемъ здѣсь же еще объ одномъ обществѣ, преслѣдующемъ просвѣтительныя цѣли. Это «Просвѣтительный союзъ» (Svaz Osvětový), учрежденный въ 1905 г. Центромъ союза является Прага, районъ его дѣятельности: Чехія, Моравія, Силезія и Вѣна, цѣль—«распространять и поднимать народное образованіе въ чешско-словацкомъ народѣ, исключая политическую сторону». Средствами являются лекціи, собранія, библіотеки и т. д. Какъ развивалась дѣятельность этого Союза, и чѣмъ она отличается отъ дѣятельности родственныхъ обществъ, я не могу сказать: въ выставкѣ Окраиннаго музея Союзъ не участвовалъ. Быть можетъ, вообще, для этой организаціи уже не было надобности въ чешской жизни, и безъ того насыщенной національными интересами.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ чешскихъ учрежденій относится организація «Соколъ», охватившая въ настоящее время, въ большей или меньшей степени все славянство. Собственно, это—гимнастическое общество, но по тѣмъ завѣтамъ, которые оно получило отъ своихъ основателей, и по тому духу, который въ немъ господствуетъ, это общество можно съ полнымъ правомъ назвать національнымъ братствомъ [1]). Основаніе сокольства относится къ героической эпохѣ въ жизни чешскаго народа, къ началу 60-хъ годовъ 19 столѣтія, когда возникли и столь многія другія чешскія учрежденія. Нѣсколько человѣкъ, обучавшихся и занимавшихся въ гимнастическомъ заведеніи Малипетра, задумали образовать кружокъ для физическихъ упражненій. Когда эта идея сдѣлалась извѣстна, вожди національнаго движенія, братья Грегры, Шимачекъ, д-ръ Тиршъ и др., рѣшили использовать ее для національно-патріотическихъ цѣлей. Какъ пишетъ глава современнаго сокольства, д-ръ Шейнеръ, «староста союза славянскаго сокольства», въ своей русской брошюрѣ, «въ Чешскомъ народѣ, который находится на западной границѣ Славянства, и который наитяжелѣй ведетъ свою борьбу за свое существованіе, уже безъ мала 50 лѣтъ тому назадъ, д-ръ Мир. Тиршъ указалъ на опасность, грозящую народу и на необходимую потребность тѣлеснаго воспитанія». Идея сокольства, по его мнѣнію, «ставя высокую цѣль возвышенія всего народа, ведетъ молодежь къ самовоспитательной работѣ, дисциплинѣ и подчиненію своихъ мѣстныхъ интересовъ великимъ общественнымъ задачамъ». Учредительное собраніе новаго общества, которому было дано названіе «Соколъ»,—слово, встрѣчающееся въ южнославянскихъ богатырскихъ пѣсняхъ для означенія душевнаго и физическаго героизма,—состоялось 26 февр. 1862 г. Во главѣ сокольства стали Фюгнеръ и Тиршъ, первый, какъ идейный вождь общества, придавшій ему широкій демократическій національный характеръ, второй, какъ руководитель его гимнастической стороны. Въ 1866 г. сокольство своей военной организаціей пріобрѣло большія народныя симпатіи, но преслѣдованія, которымъ подвергалось это общество со стороны правительства, сильно препятствовало его развитію, и когда въ 1871 г. Тиршъ приступилъ къ изданію журнала «Соколъ», число его приверженцевъ было уже невелико. Пришлось ограничиться почти исключительно гимнастикой. Но уже первый съѣздъ, или «слетъ» соколовъ въ Прагѣ (1882 г.), привлекшій 1600 участниковъ, опять вызвалъ къ этой организаціи общественныя симпатіи. Въ 1889 г. была проведена новая организація сокольства, децентрализовавшая его; начались одинъ за другимъ «слеты», и «Соколъ» сталъ развиваться прямо гигантскимъ образомъ. 1 янв. 1914 г. чешскій «Соколъ», охватывающій области Чешской короны, а также вѣнскихъ чеховъ, состоялъ изъ 1526 дружинъ, въ которыхъ вхо-

[1]) Статья Шейнера «Sokolstvo» въ сборникѣ «Slovanstvo» 1912 и его же русская брошюра, изданная въ Прагѣ въ 1908 г.: «О расширеніи сокольскихъ организацій въ славянскихъ земляхъ».

дило 119.183 члена (въ томъ числѣ около 20 тыс. женщинъ). Сокольство въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ стало распространяться и среди другихъ славянъ, сначала австро-венгерскихъ, потомъ и другихъ. Оно получало все больше характеръ обще-славянскій и стало устраивать съѣзды въ разныхъ славянскихъ городахъ: 1888 г. въ Люблянѣ, 1892 г. во Львовѣ и т. д.

Вообще, современные чехи являются самыми пламенными и упорными носителями идей обще-славянской культурной взаимности. Имъ удалось, хотя пока въ довольно узкихъ границахъ, объединить даже славянскую журналистику. Въ «Всеславянскій союзъ журнальныхъ дѣятелей» (Všeslovanský Svaz novinarů) входятъ различныя организаціи славянскихъ журналистовъ: чешскихъ, галицко-русскихъ, украинскихъ львовскихъ, польскихъ, словинскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и хорватскихъ. Svaz создалъ инициативу политическихъ курсовъ для журналистовъ, какіе и возникли въ Прагѣ, Брнѣ, Краковѣ; онъ устраивалъ періодическіе съѣзды славянскихъ журналистовъ въ Прагѣ, Люблянѣ, Бѣлградѣ, Софіи и т. д. Особенно горячее участіе въ объединеніи славянской журналистики принималъ выдающійся чешскій писатель Іосифъ Холечекъ (Josef Holeček) [1]). Всего въ Австріи на чешскомъ языкѣ выходило въ 1910—11 г. 315 ежедневныхъ газетъ и всего 1400 періодическихъ изданій. Конечно, громадное большинство ихъ выходило въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, и больше всего въ Прагѣ. Количество чешскихъ дѣятелей періодической печати значительно, и они объединяются въ различныя организаціи (Spolek českých žurnalistů, Jednota českých novinarů, Syndikat českých denníkarů и др). Цѣлямъ чешской науки служитъ Чешская академія наукъ (Královská Česká Společnost nauk), сначала нѣмецкая, потомъ раздѣлившаяся, какъ и университетъ, на двѣ отдѣльныя національныя академіи. Какъ объ особенно важномъ и старомъ литературномъ обществѣ надо упомянуть о «Сватоборѣ» [2]), который былъ учрежденъ, какъ и «Соколъ», въ 1862 г. «Пражская Мѣщанская Бесѣда начинала преобразовываться изъ утраквистической въ чешскую, и напряженіе народныхъ силъ, естественно, обращалось и на литературные вопросы. Печальная участь Карла Гавличка Боровскаго, І. К. Тила и ихъ семей глубоко запала въ душу благородныхъ національныхъ дѣятелей, когда голосъ великаго чеха Палацкаго предложилъ имъ объединиться въ союзъ, который долженъ былъ бы заботиться о бѣдныхъ писателяхъ, о ихъ вдовахъ и сиротахъ, а, кромѣ того, побуждать писателей преміями и наградами къ дальнѣйшей дѣятельности и помощью, облегчающею ихъ изученія, дѣлать для нихъ возможной зачастую тяжелую работу, которая превышала ихъ финансовыя силы. » (Památnik). Общество сразу стало развиваться успѣшно; оно получило нѣсколько капиталовъ, на проценты съ которыхъ могло довольно широко развернуть свою дѣятельность. Къ 17 мая 1913 г. Общество владѣло денежными средствами въ 942 тыс. кр. Въ 1912 г. оно выдало пособій писателямъ и ихъ вдовамъ 14.484 кр., на стипендіи для путешествій и занятій наукой 3000 кр. изъ основного капитала и цѣлый рядъ пособій изъ другихъ капиталовъ. «Сватоборъ» поддерживалъ

[1]) О славянской журналистикѣ см. статью І. Хейрета въ сборникѣ «Slovanstvo». О Холечкѣ книжка І. Воборника «Josef Holeček». Praha. 1913.

[2]) Památnik Svatobora. 1862—1912 a zpráva výroční za rok 1911. Praha 1912. Výroční zpráva ředitelství Svatobora podaná valnému shromáždění dne 17 května 1913. V Praze. 1913. Всего въ Чехіи офиціальная австрійская статистика за 1912 годъ насчитываетъ 2904 кружка для образованія и распространенія книгъ (Bildungs-und Lese-vereine), 1736 музыкальныхъ и пѣвческихъ кружковъ, 2563 кружка для совмѣстнаго развлеченія, 43 художественные кружка и т. д. Всѣхъ же кружковъ въ 1912 г. было въ Чехіи 30346. Это число уже само по себѣ доказываетъ высокую культурность чешскаго и нѣмецкаго населенія Чешскаго королевства.

національную идею, устраивая паломничества на могилы великихъ умершихъ писателей, ставя имъ памятники и т. д. Это высоко-идейное общество, играющее большую роль въ организаціи умственной жизни чешскаго народа.

Въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Чехіей, охваченная вмѣстѣ съ нею однимъ государственнымъ правомъ, находится Моравія, или, какъ официально гласитъ ея названіе ,маркграфство Моравское со столицей Брномъ (или Брюнномъ, по-нѣмецки), гдѣ собирается сеймъ, и съ другимъ крупнымъ центромъ моравской національной жизни, Оломоуцемъ (нѣм. Ольмюцъ). Исторія Моравіи восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ исторической жизни славянства, и Великоморавское королевство, впервые привлекшее къ себѣ славянскую проповѣдь св. Кирилла и Меѳодія, было однимъ изъ первыхъ государственныхъ образованій славянства. Оно погибло подъ натискомъ мадьярскимъ и затѣмъ переходило изъ рукъ въ руки, пока въ 1029 г. не было крѣпко соединено съ Чехіей; въ ней господствовали удѣльные князья, подчиненные чешскому князю. Когда Чехія въ концѣ 12 в. получила титулъ королевства, то Моравія была возвышена въ маркграфство, и первымъ маркграфомъ былъ братъ короля Пржемысла Оттокара, Владиславъ. По своему положенію маркграфства Моравія получала до 1253 г. въ государи кого-нибудь изъ принцевъ династіи Пржемысловичей; затѣмъ сами чешскіе короли нерѣдко соединяли съ своимъ титуломъ и титулъ моравскихъ маркграфовъ. Точнаго подраздѣленія функцій чешскихъ и моравскихъ органовъ управленія страной, повидимому, не было въ средніе вѣка; Моравія считалась какъ бы переходной ступенью къ чешскому королевскому престолу: такъ, сынъ Яна Люксембургскаго, Карлъ IV, былъ при жизни отца Моравскимъ маркграфомъ и въ этомъ званіи удостоился избранія на императорскій престолъ; когда же Карлъ IV сдѣлался чешскимъ королемъ, то маркграфство перешло къ его брату Яну Генриху. Въ 1348 г. епископство Ольмюцское, маркграфство Моравское и герцогство Опавское были объявлены ленными владѣніями (feudum insigne) чешской короны, и такимъ образомъ юридически было закрѣплено то, что исторически сложилось уже очень давно. И въ дальнѣйшемъ Моравія приняла ближайшее участіе въ судьбахъ Чехіи; она вынесла на своихъ плечахъ и гуситское движеніе, и эпоху католической реакціи, и германизацію. Въ 18 в. культурное положеніе чешскаго народа въ Моравіи было весьма угнетено: школы находились въ рукахъ духовенства, особенно іезуитовъ; наука была заброшена, и, по справедливому выраженію историка Моравіи, только историографія сохранила кое-какую связь съ минувшимъ. Національное пробужденіе совершилось здѣсь одновременно съ чешскимъ и подвигалось по тѣмъ же самымъ путямъ [1]). Только здѣсь этотъ процессъ подвигался еще болѣе туго: простой людъ окончательно, повсюду истощенный рабствомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, научившійся по миссіонерскимъ проповѣдямъ говорить съ отвращеніемъ о собственномъ своемъ прошломъ, и въ Прагѣ видѣлъ только городъ, гдѣ утопили св. Яна (Непомука), убѣждался, глядя на силу германизированной церковной и свѣтской власти въ могуществѣ нѣмецкаго народа и, особенно, въ южной Моравіи льнулъ къ Вѣнѣ [2]).

Тѣмъ не менѣе, общее національное движеніе, охватившее всѣ народы Австріи, не миновало и Моравіи, и хотя Ольмюцкій университетъ былъ постепенно (1852 — 1872) уничтоженъ, да и преподаваніе

[1]) По исторіи Моравіи лучшимъ трудомъ является книга Rudolf Dvořak «Dějiny Markrabství Moravského. Stručne vydání». 1906.

[2]) О возрожденіи Моравіи см. интересное изслѣдованіе: Miloslav Hyšek. Literární Morava v letech 1849—1885. V Praze. 1911.

въ немъ велось по-нѣмецки, однако научное движеніе, особенно въ области исторіи, пошло здѣсь довольно быстро. Въ 1848 г. стали возникать одно за другимъ моравско-чешскія общества («Савянская липа», «Моравскій Дубъ», «Народное единство св. Кирилла и Меѳодія»). Правительство смотрѣло на эти общества враждебно, закрывало ихъ, но дѣло національнаго возрожденія все же подвигалось впередъ, и уже стала возникать чешская политическая печать въ Моравіи. Въ 1853 г. изъ прежней «Národní Jednota» образовалась Моравская матица въ Брнѣ, существующая и понынѣ. Въ слѣдующія два десятилѣтія во главѣ народной жизни становится національно сознательное католическое духовенство. Конституція 1867 г. выдѣлила Моравію въ отдѣльную автономную область съ сеймомъ. Нарушеніе государственно-правового принципа, на который имѣлъ право чешскій народъ, вызвало здѣсь такія же послѣдствія, какъ въ Чехіи: чешскіе моравскіе депутаты вмѣстѣ съ консервативной шляхтой и духовенствомъ представили декларацію, въ которой указали на невозможность для себя признать законность Моравскаго сейма. Политическое и національное раздраженіе въ Моравіи было такъ же сильно, какъ и въ Чехіи, но здѣсь было гораздо больше оптимизма, охоты къ соглашенію и т. под. Въ общемъ, крѣпко хранилась идея тѣснѣйшаго единенія съ Чехіей, и отдѣльные голоса, протестовавшіе противъ этого, встрѣчались съ общимъ негодованіемъ. Такъ, моравскій журналистъ Црха заявилъ въ 1862 г. въ журналѣ «Моравія»», что существуетъ только самостоятельное маркграфство Моравія, обладающее полнотою своихъ правъ и могущее поступиться ими только въ угоду единству и могуществу Австрійской имперіи, но отнюдь не Чехіи. Это заявленіе было встрѣчено съ ненавистью, которая крѣпко связалась съ именемъ Црхи. А, когда этотъ послѣдній сталъ обливать грязью чешскихъ патріотовъ и рекомендовать нѣмецкихъ депутатовъ при выборахъ въ парламентъ, то стало ясно всему обществу, въ чьихъ интересахъ такое обособленіе Моравіи отъ Чехіи. А такъ какъ въ началѣ 70-хъ годовъ правительство всѣми возможными средствами поддерживало германизацію, то среди молодого поколѣнія тѣмъ горячѣе кипѣло національное чувство. И Моравія осталась вѣрна своему единенію съ Чехіей, хотя здѣсь оказалась неизбѣжной нѣкоторая политическая обособленность, не идущая, однако, далеко въ глубину народной жизни.

Населеніе Моравіи по переписи 1910 г. состоитъ изъ 2.604.857 чел., изъ которыхъ 71,75% или 1,868.971 чел. принадлежатъ къ чехамъ, моравамъ или словакамъ, 27,62% или 719.435 чел. къ нѣмцамъ и затѣмъ 0,57%, или 14.924 чел. къ полякамъ. Нѣмцы въ Моравіи не представляютъ въ территоріальномъ отношеніи сплошной массы, какъ въ Чехіи; здѣсь они занимаютъ узкую полосу вдоль южной границы (округа Зноимскій, Микуловскій и части другихъ) и болѣе широкую полосу на сѣверо-востокѣ, вдоль силезской границы; на границѣ съ Чехіей нѣмцамъ принадлежатъ два болѣе значительные національные острова (Иглавскій и Моравско-Будѣйовицкій). Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ Моравіи разбросаны другіе болѣе или менѣе значительные нѣмецкіе острова среди чешскаго населенія; къ ихъ числу относятся и главные города Моравіи, Брно и Оломоуцъ, гдѣ господствуютъ нѣмцы. Въ общемъ, все же можно сказать, что чехи живутъ болѣе сплошной массой, нежели нѣмцы, такъ какъ въ 22 изъ 36 округовъ (Bezirkshauptmannschaften), на которые раздѣляется Моравія, ихъ процентное отношеніе къ населенію превышаетъ 80, а въ 15 округахъ оно выше 94%. Между тѣмъ изъ округовъ, въ которыхъ нѣмцы составляютъ свыше 80 проц. населенія, только въ Микуловскомъ они достигаютъ (1900) 94% и въ Римаров-

скомъ 99,81, но первый изъ этихъ округовъ примыкаетъ къ Нижней Австріи, составляя ея естественное продолженіе, а второй подходитъ съ запада къ онѣмеченной части Силезіи, а на сѣверѣ граничитъ съ Германіей (съ прусской Силезіей). Въ городѣ Брнѣ, по переписи 1900 г., нѣмцы составляли около 64%, чехи около 36% населенія, въ Оломоуцѣ нѣмцы около 66%, чехи около 32%. Общее заключеніе, къ которому приходитъ статистика населенія въ Моравіи (ср. česká politika. I. 327), сводится къ тому, что въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ постоянно прибываетъ количество лицъ въ той группѣ, къ которой принадлежитъ большинство. Что касается соціальной статистики въ Моравіи, то она обнаруживаетъ, что здѣсь чешское населеніе гораздо болѣе связано съ земледѣліемъ, чѣмъ чехи въ Чешскомъ королевствѣ, не говоря уже о нѣмцахъ. Именно, изъ 100 чеховъ въ Моравіи 51,62% занято земледѣліемъ (изъ нѣмцевъ только 33,83%), 31,84% промышленностью (изъ нѣмцевъ 38,62%), 4,97% торговлей и транспортомъ (изъ нѣмцевъ 11,91%) службой, свободными профессіями и т. д. 9,57% (изъ нѣмцевъ 15,67%). Изъ 100 лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, среди чеховъ оказывается 23,4% самостоятельныхъ хозяевъ, 17,6 работниковъ (среди нѣмцевъ первыхъ 27,5%, вторыхъ 16,7%). въ промышленности число самостоятельныхъ хозяевъ чеховъ 15,9%, нѣмцевъ 16,7%, а въ торговлѣ чеховъ 33,9%, нѣмцевъ 37,8%. Отсюда слѣдуетъ, что во всѣхъ этихъ отрасляхъ труда участіе чеховъ «равнозначительно съ нѣмецкимъ», и что «современный важнѣйшій переворотъ въ экономическомъ значеніи двухъ главныхъ и часто борющихся классовъ населенія, земледѣльческаго и промышленнаго, совершается въ Моравіи значительно медленнѣе и съ меньшей интенсивностью, чѣмъ въ Чехіи. Поэтому, и многія изъ тѣневыхъ сторонъ быстрой индустріализаціи лишены въ Моравіи своей остроты и мрачности, которыя обнаружились въ смыслѣ національномъ въ жизни Чехіи».

Входя въ районъ Судетской промышленной области, Моравія богата металлами и углемъ, хотя въ обоихъ этихъ отношеніяхъ она уступаетъ Чехіи и Силезіи. Какъ и Чехія, это—область мелкаго землевладѣнія и крупнѣйшихъ дворянскихъ и великогерцогскихъ латифундій: на 290.678 сельскихъ хозяйствъ приходится 147.180 (или около половины всѣхъ), которыя имѣютъ менѣе 2 гектаровъ земли, 66.059 до 2—5 гект. и 63.718 отъ 5 — 20. Другими словами, 276.957 земельныхъ участковъ ниже 20 гектаровъ составляютъ свыше 95% всего землевладѣнія въ Моравіи; участковъ отъ 20 до 100 гектаровъ 12.752 и свыше 100 гектаровъ всего 969. Въ ихъ число и входятъ громадныя земельныя имущества немногихъ лицъ. Лѣсное и сельское хозяйство Моравіи, а также ея промышленность представляютъ много сходнаго съ чешскими (такъ, и здѣсь текстильная промышленность занимаетъ относительно наивысшее число рабочихъ рукъ). Въ виду этого подробно останавливаться на этой сторонѣ моравской жизни въ этой книгѣ нѣтъ надобности. Общій культурный уровень населенія здѣсь таковъ же, какъ и въ Чехіи, и почти такъ же сильно бьется національный пульсъ. Многія изъ національныхъ учрежденій, распространяющихъ свою дѣятельность на всю территорію чешскаго народа, имѣютъ свои отдѣленія и въ Моравіи, но есть и такія Общества, которыя предназначены спеціально для дѣятельности въ Моравіи. Таково «Народное Единеніе для юго-западной Моравіи» (Národní Iednota pro jihozápadní Moravu), основанное въ 1886 г. въ Тельчѣ (на югѣ Моравіи, близъ чешской границы) и перенесенное въ 1888 г. въ Брно. Общество распространяется на 38 округовъ юго-западной Моравіи, имѣетъ 510 отдѣловъ, и число его членовъ превышаетъ $26^1/_2$ тыс. человѣкъ. Общество охватываетъ своей дѣятельностью всѣ «формы общественной и частной жизни, которыя содѣйствуютъ народному, духовному и матері-

альному процвѣтанію окраинъ на югѣ и западѣ Моравіи». Съ цѣлью уберечь населеніе отъ матеріальной зависимости отъ нѣмецкаго кредита «Iednota» предложила ему національный кредитъ и учредила банкъ, оборотъ котораго въ 1912 году превысилъ 10 милл. кронъ. Она содержитъ сѣть различныхъ школъ, на которыя тратила ежегодно около 60 тыс. кронъ, и въ которыя входило въ 1912 г. 5810 дѣтей, и вообще ведетъ энергичную и плодотворную борьбу въ дѣлѣ національнаго воспитанія юго-западныхъ окраинъ Моравіи. Другое общество посвящено интересамъ другого угла Моравіи, примыкающаго къ Силезіи и представляющаго въ національномъ отношеніи элементы, не вполнѣ надежные. Для удержанія ихъ въ лонѣ чешской народности было основано въ 1885 г. спеціальное общество «Národní Iednota pro severovýchodní Moravu», которое въ 1912 г. обладало 474 отдѣлами съ 36.996 членами. И это общество содержитъ школы, библіотеки, устраиваетъ лекціи и т. д. Всего въ Моравіи на 9206 обществъ и кружковъ приходилось въ 1912 г. 2261 общество, преслѣдующее разнообразныя культурныя цѣли. И это опять-таки показатель высокаго культурнаго уровня обоихъ элементовъ въ населеніи Моравіи, чешскаго и нѣмецкаго. Въ іюнѣ 1914 года чешскія газеты сообщали, однако, тревожное извѣстіе, что дѣла Моравской Матицы въ Брнѣ находятся въ упадкѣ, что она можетъ оказаться не въ состояніи поддерживать свои школы и т. д. Въ лучшемъ состояніи находились дѣла такого же учрежденія въ Ольмюцѣ, гдѣ Матицей содержался цѣлый рядъ ремесленныхъ и профессіональныхъ школъ. Разумѣется, война остановила совершенно дѣятельность всѣхъ этихъ учрежденій.

Со времени закрытія университета въ Ольмюцѣ вопросъ объ учрежденіи второго чешскаго университета (кромѣ Пражскаго) въ Моравіи не сходилъ съ политическаго горизонта, но дальше принципіальнаго согласія австрійскаго правительства на учрежденіе его дѣло не шло. Зато въ Брнѣ существуетъ утраквистическая политехника, въ которой, однако, въ противоположность Прагѣ, нѣмецкій элементъ сильно выступаетъ на первый планъ: въ зимній семестръ 1910—11 уч. года въ нѣмецкой политехникѣ былъ 741 слушатель, въ чешской 541. Въ томъ же учебномъ году изъ 32 гимназій въ 14 преподаваніе велось по-нѣмецки, въ 18—по-чешски, а изъ 32 реальныхъ училищъ въ 16—по-нѣмецки и въ 16—по-чешски. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, достаточно констатировать, что школьныя отношенія въ Моравіи представляютъ приблизительно такую же картину, какъ въ Чехіи. Грамотность высоко стоитъ и здѣсь.

Представляя отдѣльную имперскую область, моравское маркграфство во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялось сеймомъ. Естественно, что этотъ фактъ отдѣльнаго самоуправленія долженъ былъ отразиться въ извѣстной мѣрѣ и на политическомъ самосознаніи моравской интеллигенціи, создавъ нѣкоторую политическую обособленность отъ Чехіи. Чешское общественное мнѣніе внимательно и не-сочувственно слѣдило за проявленіями этой обособленности, и «моравскій сепаратизмъ» [1]) представляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ чешской политики. Повидимому, извѣстное отчужденіе между моравскимъ и чешскимъ обществомъ, дѣйствительно, существуетъ. Оно объясняется различіемъ въ отношеніи къ церкви, такъ какъ мораване гораздо болѣе преданы католическимъ вліяніямъ, нежели довольно индиферентные въ дѣлахъ церкви чехи. На этой почвѣ руководящіе католическіе круги Моравіи и возбуждаютъ въ обществѣ недовѣріе къ Чехіи. «Мы, мо-

[1]) Dr. H u š e k. Dějiny t. zv. moravského separatismu. Časopis Matice Moravské. 1909. Объ этомъ же статья Ф. Конечнаго въ журналѣ «Świat Słowiański». 1910, апр.

раване, говоримъ на чешскомъ языкѣ, но отъ этого вовсе не должны дѣлаться чехами; напротивъ, мы отстанемся чешскославянскими моравanами»: такъ опредѣлилъ это настроеніе въ 1903 г. органъ архіепископа «Morav.an». Однако, необходимость бороться сообща и непрерывно противъ общаго врага, „германизаціи," конечно, не давала возможности развиться сколько-нибудь серьезному и глубокому «сепаратизму». Моравско-нѣмецкія политическія отношенія были урегулированы въ 1905 г. такъ наз. «Моравскимъ пактомъ», соглашеніемъ относительно выборовъ въ сеймъ, употребленія языковъ въ самоуправленіи и раздѣленія школъ по народностямъ. Этотъ пактъ установилъ три избирательныя куріи: нѣмецкую, чешскую и общую крупноземлевладѣльческую, по существу также нѣмецкую. Такъ какъ сеймъ состоитъ изъ 149 членовъ, изъ которыхъ 2 занимаютъ свои мѣста по должности, то избирается 147 человѣкъ: чехами 73. Слѣдовательно, большинство голосовъ имъ все же не принадлежитъ, и это вызываетъ для моравскихъ чеховъ много неудобствъ; при единеніи нѣмецкихъ партій сейма они оказываются безсильны. Уже въ 1910 г. обнаружилось, что нѣмцы, пользуясь «пактомъ», могутъ по своему произволу нарушать національныя права моравскихъ чеховъ.

Въ послѣдующіе годы еще болѣе ярко обнаружилось, что соглашеніе 1905 г. не удовлетворяетъ ни чеховъ, ни нѣмцевъ. Послѣдніе требовали новаго договора и грозили обструкціей, ограничиваясь пока отклоненіемъ тѣхъ законовъ, которые должны были улучшить финансовое положеніе Моравіи. Моравія оказывалась не въ состояніи покрыть своими средствами бюджетъ, не изыскавъ новыхъ источниковъ доходовъ. Такъ, въ 1913 г. дефицитъ составлялъ свыше 16 мил. кронъ, на 1914 г. бюджетъ расходный составленъ на сумму 52,905,534 кр., а приходный всего на сумму 35,804,302 кр., такъ что дефицитъ превосходилъ уже 17 мил. кронъ. На одну школу требовалось 23,581 тыс. кр.; увеличеніе жалованья учителямъ дѣлалось неотложной задачей земскаго правительства. Такъ наз. «санація земскихъ финансовъ», представлявшая во всей Австріи неотложную задачу для автономныхъ сеймовъ, въ Моравіи диктовалась настойчивѣйшимъ образомъ. Между тѣмъ надежды на это было мало. Какъ писалъ въ концѣ февраля 1914 г. ольмюцскій органъ «Pozor», «теперешняя сессія (сейма) окончится тѣмъ, что на будущую останется свыше 33 мил. кронъ недобора съ фантастическимъ обѣщаніемъ, что осенью будетъ проведена дополнительная санація. До этого времени нѣмцы будутъ имѣть свободныя руки въ Чехіи, не будутъ имѣть никакихъ обязательствъ по отношенію къ учителямъ» и т. д. Такое безвыходное положеніе заставило уже въ началѣ марта 1914 года моравскихъ членовъ сейма вступить въ договоры съ нѣмецкими партіями относительно новаго соглашенія. «Пактъ» 1905 г. долженъ былъ подвергнуться пересмотру, при чемъ нѣмцы настаивали на правѣ veto во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ моравской національной политики. Моравская нѣмецкая газета, выходящая въ Зноймѣ, «Der Deutsche Mahnruf», опубликовала въ концѣ марта условія новаго пакта, которыя клонились, несомнѣнно, къ ущербу для чешской народной жизни въ Моравіи. Съ одной стороны обнаруживалось стремленіе точно разграничить двѣ народности: «нѣмецкая и чешская школы должны быть совершенно избавлены отъ взаимовліянія», «общества должны быть раздѣлены на основаніи національнаго принципа»; съ другой же стороны, нѣмцы вступали въ борьбу съ чешской работой въ «меньшинахъ», требуя, чтобы въ общинахъ съ представительствомъ нѣмецкимъ не устраивались чешскія школы (и наоборотъ). При распредѣленіи субсидій на національныя учрежденія нѣмцы требовали для себя несоразмѣрно крупную часть. Этотъ послѣдній вопросъ былъ уже по соглашенію 7 февр. 1912 г. раз-

рѣшенъ не въ пользу чешскихъ учрежденій (соглашеніе было опубликовано въ Nár. List. 3 апр. 1914 и въ пражскомъ органѣ аграріевъ Venkov). На собраніи моравскихъ представителей (7 апр.) было рѣшено передать вопросъ о соглашеніи на обсужденіе партій. Политическая слабость Моравіи вытекала отчасти изъ сорганизованности нѣмецкихъ партій и значенія городского нѣмецкаго населенія въ городахъ и крупнаго нѣмецкаго землевладѣнія въ странѣ, отчасти-же изъ политической обособленности Моравіи отъ Чехіи.

Польско-чешскія отношенія, осложнившіяся въ Силезіи, за послѣднее время выступали и въ Моравіи. Въ янв. 1914 г. исполнительный комитетъ польской соціалъ-демократіи въ Моравской Остравѣ, гдѣ сосредоточена крупная каменно-угольная и чугунно-литейная промышленность, подалъ сеймовой комиссіи Моравіи заявленіе о томъ, что фактическое количество поляковъ въ районѣ М. Остравы достигаетъ 25—30 тыс. чел. (перепись 1910 г. опредѣляетъ это число въ 12.845 чел.), и что въ виду этого поляки имѣютъ право на признаніе здѣсь польскаго языка третьимъ земскимъ языкомъ, на признаніе правъ за польскими школами и т. д. Чешскіе соціалъ-демократы Остравы заявили свою солидарность съ этимъ польскимъ требованіемъ (см. Národní Listy. 6 янв. 1914 г.).

Менѣе благополучно обстояло дѣло въ Силезіи, гдѣ польско-чешскія отношенія, какъ уже было указано выше, имѣли довольно острый характеръ. Чехи заявляютъ свои права на Силезію въ виду историческихъ воспоминаній. Выразитель чешскихъ взглядовъ, членъ Силезскаго сейма въ Опавѣ, I. Лукешъ [1]), указываетъ на то, что «нынѣшнее герцогство Силезское, отъ XIV столѣтія неразрывная часть земель Чешской короны, которая соединяетъ, какъ мостъ, чешскій народъ съ восточнымъ славянствомъ, составляетъ теперь двѣ, узкой полосой моравской земли отдѣленныя области сѣверной Моравіи, Опавскую и Тешинскую». Южная часть Опавской области занята преимущественно чехами, сѣверная нѣмцами, поляковъ здѣсь немного (всего 1374 по переписи 1910 г.), они не живутъ вмѣстѣ, но разбросаны по разнымъ фабрикамъ и не имѣютъ своихъ школъ. Въ Тешинскомъ герцогствѣ южная часть остается чешской, «какой она и прежде была» (Лукешъ), въ сѣверной же постоянный приливъ поляковъ изъ Галиціи и Царства Польскаго превращаетъ прежнія чешскія общины въ польско-чешскія. Опавское герцогство—страна земледѣльческая, Тешинское—горно-промышленная. Все населеніе Силезіи состояло, по переписи 1910 г., изъ 741,456 чел., изъ которыхъ нѣмцевъ было 43,9% (325,524 чел.), поляковъ 31,7% (235,224 чел.) и чеховъ 24,3% (180,347 чел.). По профессіямъ населеніе раздѣлялось, по переписи 1900 г., на земледѣльческое (238,732), промышленное (313,262 и торговое (51,679), а также служащихъ, лицъ свободныхъ профессій и т. д. (76,747). Лукешъ утверждаетъ, что официальная національная статистика Силезіи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: «чешскаго населенія въ Силезіи значительно больше, нежели было насчитано на основаніи чешскаго разговорнаго языка. Въ Тешинскомъ герцогствѣ правительственные органы оказываютъ болѣе расположенія полякамъ, отчасти вслѣдствіе вліянія польской политики въ Вѣнѣ, отчасти потому, что силезскіе поляки, которые менѣе чувствуютъ себя славянами или менѣе намъ симпатизируютъ, оказываются болѣе пріятными для нѣмецкихъ властей. Эти вліянія обнаруживаются и при подсчетѣ населенія». Какъ мы уже видѣли, поляки обвиняютъ правительство какъ разъ въ обратномъ: въ томъ, что оно покровительствуетъ силезскимъ чехамъ въ ущербъ полякамъ. Тѣмъ не менѣе, бывали случаи, когда и чехи, и поляки одинаково становились на за-

[1]) I. Lukeš. Obraz Slezska v číslech. 1913.

щиту славянства противъ германизаціонныхъ стремленій. Такъ, въ февралѣ 1914 года славянское меньшинство Опавскаго сейма, состоявшее всего изъ 3 чеховъ и 2 поляковъ, покинуло залу совѣщаній и обратилось къ своимъ избирателямъ съ горячимъ возваніемъ. Это послѣднее заключало жалобу на полное нежеланіе нѣмецкаго большинства считаться со славянскими національными требованіями и провести избирательную реформу (для выборовъ въ сеймъ), которой уже давно домогалось славянское населеніе Силезіи.

Вслѣдствіе этого было бы по меньшей степени несправедливо упрекать чеховъ за то, что они обратили всю свою энергію на защиту и организацію національной жизни своихъ собратьевъ [1]). Въ этомъ отношеніи чехи сдѣлали не мало въ послѣдніе годы. Въ 1908 г. возникъ «Силезскій отдѣлъ чешскаго народнаго совѣта въ Опавѣ», который объединилъ всѣ чешскія партіи и всѣ чешскіе органы печати въ Силезіи. Онъ ставилъ своей задачей созданіе болѣе выгоднаго для чеховъ представительства въ общественныхъ учрежденіяхъ, защиту ихъ національности въ смѣшанныхъ областяхъ и т. д. Въ 1905 г. возникъ «Центральный союзъ чешскихъ предсѣдателей общинъ въ Опавѣ», по образцу такого же учрежденія въ Моравіи, для проведенія на мѣстахъ тѣхъ общихъ постулатовъ, которые выставлялись Народнымъ совѣтомъ. Главной цѣлью этихъ учрежденій являлась борьба за полное равноправіе чешскаго языка какъ въ правительственныхъ, такъ и въ автономныхъ органахъ управленія, а также подъемъ національнаго сознанія въ Силезіи. Съ упорствомъ, характернымъ для чешской національной борьбы, начальникамъ общинъ отчасти уже удалось осуществить свою задачу: около 100 общинныхъ начальниковъ отказалось принимать документы, написанные на нѣмецкомъ языкѣ, и въ 1907 г. сеймъ издалъ распоряженіе, въ силу котораго автономныя единицы сами могли опредѣлять свой языкъ. При сеймовой исполнительной комиссіи было заведено бюро переводовъ, такъ что фактически равноправіе языковъ до извѣстной степени оказалось осуществлено. Вопросами народнаго просвѣщенія въ Силезіи занимаются три чешскія учрежденія: Школьная матица въ Прагѣ, Опавская Матица и Матица народнаго просвѣщенія. Дѣятельность этихъ обществъ распространяется и на польскія общины. Не удивительно, что съ 1900 г. чехи выиграли 2% отъ поляковъ въ населеніи Силезіи. То же слѣдуетъ сказать про чешскія экономическія организаціи въ Силезіи. Въ то время, какъ польскія организаціи ведутъ довольно вялое существованіе, а польская школьная Матица Цешинская переживала въ 1913 г. весьма тяжелый кризисъ, изъ котораго она едва вышла, чешскія общества живутъ полной жизнью, и за силезскими чехами стоитъ вся масса чешскаго народа, сѣдящая за каждымъ ихъ шагомъ на пути ихъ національной дѣятельности, поддерживающая ихъ не одними совѣтами, но и матеріально, ведущая въ печати и на разныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ упорную борьбу съ «полонизаціей» чешскихъ общинъ и т. д. Въ подробности этой разносторонней работы я не могу здѣсь входить. Достаточно просмотрѣть, напр., отчеты «Matice Osvěty lidové pro knižestvi Těšinske», чтобы видѣть, съ какой тщательностью разработана программа этого учрежденія. Это общество было основано въ 1897 г., а въ 1912 г. оно уже содержало собственное реальное училище, и бюджетъ его превышалъ 130 тыс. кронъ. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что и на этой территоріи своей національной дѣятельности муравьиная работа чешскаго народа достигнетъ всѣхъ намѣченныхъ ею цѣлей.

[1]) E. Niebrój. Polacy i Csesi w Cieszyńskiem. Świat Słowiański. 1914, янв. Въ томъ же журналѣ за мартъ 1914 г. помѣщена весьма интересная статья Фр. Попѣлка: «Działalność towarzystw germanizacyjnych na Śląsku Austryackiem».

XI.

Словаки.

– Изъ литературы: E. Stodola. Statistika slovenska. 1912. Slovensko. Sbornik statí věnovaných kraji a lidu slovenskému. Prémie umělecké besedy na rok 1901. В. Доманицькій. Словаки. Видавництво «Украінський учитель». У Київі. 1909. Scotus Viator. Racial problems in Hungary (чешскій переводъ: Národnostní otázka v Uhrach. V Brně. 1912). Здѣсь литература, касающаяся старыхъ политическихъ стремленій словаковъ. Dr. Lubor Niederle. Národopisná Mapa uherských slovaků na základě sčítání lidu z roku 1900. Praha. 1903. I. Vlček Literatura na Slovensku, jeji vznik, rozvoj, vyznam a úspěchy. V Praze. 1881. I. Botto. Slováci. Vývin ich národného povedomia. Dejepisný nákres. 2 выпуска. 1906—1910. Sbornik slovenskej mládeže 1909. K. Kálal. Proč se o slováky staráme. 1906 (официальное изданіе общества: Česko-slovanska jednota v Praze).

Словаки [1]) представляютъ одну изъ вѣтвей западнаго славянства, находясь въ ближайшемъ родствѣ съ чехами. Въ языкѣ ихъ столько глубокихъ, основныхъ отличій отъ чешскаго, что простое причисленіе словаковъ къ чехамъ, какъ къ одному съ ними народу, едва ли возможно. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что по своему происхожденію словаки и чехи составляли нѣкогда одно и то же племя, раздѣлившееся съ теченіемъ времени, но сохранившее еще очень много общихъ особенностей въ языкѣ. Въ то время, какъ чехи и моравне составили одно государственное образованіе, словаки никогда не входили въ это послѣднее, но искони были оторваны отъ него, будучи покорены мадьярами и пребывая въ ихъ власти восемьсотъ лѣтъ. Политическое стремленіе чеховъ спасти словацкую народность отъ гибели путемъ внѣдренія въ словацкую интеллигенцію чешской культуры и письменности вполнѣ оправдывается какъ уже доказаннымъ мастерствомъ чеховъ въ дѣлѣ національной борьбы, такъ и близкимъ родствомъ чеховъ и словаковъ, дѣлающимъ для послѣднихъ вполнѣ доступнымъ чешскій литературный языкъ. Отъ будущаго устройства словацкой земли послѣ войны зависитъ, удастся ли чехамъ осуществить эту задачу. Если и Моравія обнаруживаетъ стремленіе итти собственнымъ культурнымъ и политическимъ путемъ, то въ еще большей мѣрѣ это стремленіе замѣчается въ извѣстной части словацкой интеллигенціи. Но въ Моравіи, гдѣ чехи такъ значительно преобладаютъ надъ нѣмцами, и гдѣ чешская культура достигла уже высокаго развитія, опасность отъ такого разобщенія

[1]) Сами словаки называютъ себя словаками, но прилагательное отсюда образуютъ Slovenski. У насъ принято другое образованіе: *словацкій*, котораго придерживаюсь и я «Словенскій» имѣетъ слишкомъ общее значеніе.

съ Чехіей менѣе грозна и менѣе очевидна. Въ интересахъ національной борьбы словаковъ за существованіе сохраненіе ихъ единства съ чехами диктуется жизнью весьма настойчиво, и мнѣ кажется слишкомъ категорическимъ утвержденіе проф. Л. Нидерле («Обозрѣніе современ. славян.» 1909, стр. 69), что судьба, значительно расшатавшая чешско-словацкое единство, «очевидно, еще болѣе раздѣлитъ ихъ со временемъ». Вполнѣ возможенъ, по моему мнѣнію, и обратный процессъ возсоединенія. Статистика словаковъ показываетъ, что въ этомъ заключается, быть можетъ, единственное спасеніе словаковъ, какъ народности. Именно, офиціальная венгерская статистика опредѣляетъ число словаковъ въ 1900 г. въ 2.019.641 чел., а въ 1910 г. уже всего въ 1.967.976 чел.

Въ дальнѣйшемъ, при характеристикѣ словацкой жизни, мнѣ придется оперировать съ данными 1900 г., на которыхъ построены доступныя мнѣ работы о культурѣ словачины. Точно опредѣлить границы разселенія словацкой народности въ Венгріи оказывается невозможнымъ. Проф. Нидерле, разсмотрѣвъ различныя этнографическія карты Венгріи, предшествовавшія его изслѣдованію 1903 г., пришелъ къ убѣжденію, что это «граница неопредѣленная, постоянно измѣняющаяся, мѣстами выдвигающаяся впередъ, мѣстами отступающая назадъ по отношенію къ сосѣднимъ элементамъ». Сплошной массой словаки занимаютъ слѣдующіе комитаты Венгріи: Оравскій, Тековскій, Хонтянскій, Липтовскій, Нитрянскій, Прешпорскій (Прессбургскій), Тренчинскій, Турчанскій, Зволенскій, Шаришскій и Спишскій. Процентное отношеніе словаковъ къ инымъ народностямъ сильно колеблется по комитатамъ. Только въ четырехъ изъ нихъ словаки составляютъ почти исключительное населеніе: въ Оравскомъ 94,7% словаковъ, 2,5% нѣмцевъ и 1,8% мадьяръ; въ Тренчанскомъ 92,7% словаковъ, 3,6% нѣмцевъ и 2,9% мадьяръ; въ липтовскомъ 92,5% словаковъ, по 3% нѣмцевъ и словаковъ, 1,2% другихъ; въ Зволенскомъ 89,3% словаковъ, 7,3% мадьяръ и 2.3% нѣмцевъ. Эти четыре комитата составляютъ сплошную область на сѣверѣ Венгріи, но какъ разъ въ серединѣ между ними находится Турчанскій комитатъ, гдѣ словаки составляютъ уже всего 73,6% населенія, рядомъ съ 21,3% нѣмцевъ и 4,2% мадьяръ. Съ юга къ этой болѣе или менѣе сплошной словацкой области подходитъ комитатъ Тековскій, гдѣ словаки уже едва составляютъ большинство населенія: 57,5% при 31,7% мадьяровъ и 10,5% нѣмцевъ. Въ Нитрянскомъ комитатѣ, граничащемъ на сѣверъ съ Тренчинскимъ, словаковъ 73%. Далѣе къ востоку процентное отношеніе словаковъ къ населенію убываетъ: въ Спишскомъ комитатѣ оно составляетъ 57,9%, въ Шаришскомъ 66%. Кромѣ того, словаки живутъ въ другихъ венгерскихъ комитатахъ, гдѣ и представляютъ маленькіе этнографическіе островки. Въ то время, какъ въ сплошной словацкой полосѣ Венгріи жило (1900) 1,273,629 чел. (въ общемъ 62,2% населенія этихъ комитатовъ), въ другихъ районахъ Венгріи они составляли уже значительное меньшинство въ населеніи: въ задунайскихъ комитатахъ 0,7% (19,270 чел.), между Дунаемъ и Тисой отъ 4,7% до 0,1% (всего 90,952 чел.), до Тисы (въ комитатахъ Шаришскомъ, Спишскомъ, Гемерскомъ, Унгварскомъ и др.) 29,5% (493,606), за Тисой 3,3% (77,732 чел.), между Тисой и Марушей 2,2% (или 44,651 чел.), въ Седмиградіи 0,1% (2196 чел.), въ Хорватіи и Славоніи 0,7% (17,476 чел.). Такимъ образомъ, изъ 2,019,641 словаковъ сплошной полосой живетъ 1,767,235, остальные же разбросаны по Транслейтаніи. Для сохраненія національнаго существованія эти отношенія весьма неблагопріятны, и естественно, что при безцеремонной политикѣ мадьяризаціи, которая такъ ярко изображена въ извѣстныхъ книгахъ Сетонъ-Ватсона (Scotus Viator), словаки таютъ. Лишь такими

путями достигается столь невѣроятное увеличеніе мадьяръ, которые въ 1850 г. составляли всего 36,5% населенія Венгріи, а въ 1900 г. уже 45,4%, при чемъ въ 1850 г. число мадьяръ равнялось 4,818,170, а въ 1900 г. 8,742,361 чел., такъ что численность мадьяръ возросла за 50 лѣтъ на 81%, тогда какъ численность не мадьярскихъ народностей всего на 25,8%. Тотъ же фактъ, что процентное отношеніе мадьяръ увеличилось лишь на 9, объясняется только довольно крупнымъ приростомъ нѣмецкаго населенія (на 57,3%), которое, благодаря своему происхожденію, находится въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ: съ нѣмцами, защищаемыми общественнымъ мнѣніемъ могущественной Германіи, а отчасти и Австріей, мадьярское правительство не позволяетъ себѣ такой упрощенной политики угнетенія, какая примѣнялась по отношенію къ словакамъ, румынамъ или русскимъ, не находившимъ достаточно сильной защиты за границей. Поэтому, за 50 лѣтъ численность словаковъ увеличилась всего на 16%, румынъ на 25%, а численность русскихъ уменьшилась на 4%. Въ послѣднее же десятилѣтіе (1900—1910) не поздоровилось и нѣмцамъ: число мадьяръ подскочило невѣроятнымъ образомъ на 15%, численность румынъ, хорватовъ, русиновъ немножко возросла, тогда, какъ и нѣмцы, и словаки убыли. Уменьшилась численность и другихъ «немадьярскихъ народностей» (т.-е. поляковъ и др.). Такихъ блестящихъ результатовъ мадьярская политика достигла тѣмъ путемъ, что сотни прежде не мадьярскихъ общинъ подверглись процессу мадьяризаціи. За 50 лѣтъ словаки потеряли 89 общинъ въ пользу мадьяръ, 12 въ пользу нѣмцевъ и еще нѣсколько въ пользу другихъ сосѣдей. Со своей стороны, они оказались болѣе сильными въ національномъ отношеніи по сравненіи съ русинами (176 общинъ), а иногда и другими народностями. Процессу разселенія словаковъ на новыя мѣста, ихъ распространенію по всей Венгріи надо приписать и тотъ фактъ, что изъ мадьярскихъ общинъ за время 1850—1900 г. пословачилось 56 общинъ. Хотя въ результатѣ національной статистики Венгріи за 50 лѣтъ словаки оказались въ выигрышѣ 147 общинъ (главнымъ образомъ на счетъ русскихъ), но едва-ли такой результатъ представляетъ для словаковъ большое національное пріобрѣтеніе: по сравненію съ мадьярами они оказались теперь только въ худшихъ условіяхъ, такъ какъ словацкіе островки среди мадьярскаго населенія обладаютъ слишкомъ малой отпорной силой противъ мадьяризаціи.

Обратимся къ обзору словацкой народной жизни. Историческихъ свѣдѣній о прошломъ словацкаго народа у насъ нѣтъ. Великая Моравія была покорена мадьярами въ 907 г. Нитра, городъ словацкій, извѣстенъ уже въ 9 в., какъ резиденція епископа Викинга, врага славянскаго богослуженія. Покоривъ Великоморавское королество, мадьяры не распространили своихъ владѣній на Сѣв. Венгрію, гдѣ среди холмовъ и лѣсовъ жили словаки. Еще просвѣтитель мадьяръ, Св. Стефанъ, не имѣлъ яснаго представленія о Словачинѣ, которая гораздо болѣе привлекала къ себѣ зарождающееся польское государство. Въ концѣ 10 в. польскій князь, Болеславъ Храбрый, присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ часть территоріи словаковъ, которая, повидимому, по какимъ-то договорнымъ отношеніямъ вошла въ составъ его владѣній. Но во второй половинѣ 11 в. вся Словачина была присоединена къ Венгріи, съ которой осталась соединена до сихъ поръ, какъ одна изъ ея органическихъ частей. Есть, однако, указанія, что эта страна, цѣликомъ или частью, пользовалась довольно долго правами автономіи. Теперешніе комитаты, наиболѣе густо заселенные словаками, входили въ составъ великой жупы Зволенской, во главѣ которой стоялъ въ началѣ 13 в. родъ Качичей. Великому жупану изъ этой династіи были подчинены на-

чальники округовъ. Самъ же онъ признавалъ только верховную власть венгерскаго короля; резиденціей его былъ теперешній Пустой городъ-развалины котораго лежатъ недалеко къ югу отъ Зволена. Такъ дѣло обстояло до половины 14 в., когда венгерскій король Людовикъ уничтожилъ самостоятельность словацкой земли. Въ нее вторглась нѣмецкая эмиграція; славянское православное богослуженіе, существовавшее кое-гдѣ, также было уничтожено; самая система управленія, дѣлавшая возможной концентрацію словацкихъ національныхъ силъ, подверглась коренному измѣненію: такъ, напр., самая великая жупа, представлявшая единое административное цѣлое, была раздѣлена на рядъ мелкихъ комитатовъ. На этомъ, собственно закончилась исторія словацкаго народа, какъ отдѣльной государственной націи. Словаки вошли въ исторію Венгріи, и только отъ времени до времени доходятъ извѣстія объ ихъ національномъ существованіи. Въ Венгріи постоянно вспыхиваютъ междуусобныя войны, въ которыхъ приходится принимать участіе и словакамъ. Въ 1604 г. словаки вмѣстѣ съ мадьярами добились равноправія съ ихъ общими угнетателями, нѣмцами. Послѣ Бѣлогорской битвы 1620 г. масса чешскихъ эмигрантовъ укрылась въ словацкой землѣ. Все это столѣтіе прошло въ постоянныхъ буряхъ, ареной которыхъ была Венгрія и, между прочимъ, Словачина, и въ которыхъ участвовала и словацкая шляхта, еще имѣвшаяся въ ту пору. Послѣ усмиренія возстанія Ракочи (1703—1710) словацкая земля пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ, которое нарушалось только усиленной іезуитской дѣятельностью, стремившейся уничтожить дѣло религіозной реформаціи, которая пустила глубокіе корни въ 16 в. Необходимость обратиться въ этой католической проповѣди къ народной массѣ вызвала къ жизни и первые попытки словацкой литературы [1]).

Начала литературнаго развитія словацкой письменности восходятъ къ 1678 г., когда появилась книга евангелическаго священника Даніила Горчички: «Neoforum latino-slovenicum», въ которой авторъ, восхваляя благозвучіе словацкаго языка, жалѣетъ, что некому позаботиться объ его развитіи. Призывъ его не остался безъ отзвука, и кое-кто повторилъ его. Но только сто лѣтъ спустя возникаетъ настолько сильное національное теченіе, что съ этихъ поръ словацкій языкъ не выходитъ изъ письменности. Въ концѣ 18 в. пишутъ Хрдличка, Рибай и особенно Бернолакъ, который своей словацкой грамматикой (Grammatica slavica 1790) какъ бы санкціонировалъ употребленіе словацкаго языка въ литературѣ. Въ 1803 г. въ Пресбургскомъ лицеѣ была учреждена каѳедра чешско-словацкаго языка и литературы, которую занялъ представитель стараго поколѣнія, Палковичъ, не признававшій за словацкимъ языкомъ правъ литературнаго языка, но все же подготовившій ряды будущихъ борцовъ за національное развитіе словаковъ. Самый лицей отличался схоластическимъ направленіемъ и мало содѣйствовалъ развитію словацкой молодежи. Однако, отсюда вышли Палацкій и Колларъ; здѣсь вырабатывали свое національное міровоззрѣніе вмѣстѣ съ Колларомъ Палацкій и Шафарикъ, въ Пресбургѣ написавшіе знаменитое изслѣдованіе «О началахъ чешской поэзіи, особенно, прозодіи». Но для словацкаго пробужденія имѣли выдающееся значеніе прежде всего сочиненія Коллара: его поэма «Дочь Славы», разсужденіе «О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями славянскими». За Колларомъ двинулась плеяда его единомышленниковъ, не крупныхъ самихъ по себѣ, но чрезвычайно значительныхъ по своимъ стремленіямъ, писателей. Въ 30-хъ годахъ появляются словацкіе альманахи; въ эту же пору возникаетъ ли-

[1]) Очеркъ исторіи словаковъ данъ П. Крижко въ сборникѣ «Slovensko». 1901.

тературная школа, во главѣ которой становится Людевитъ Штуръ. Еще въ 1828 г. въ Пресбургѣ студенты богословы учредили кружокъ «Литературный союзъ» (Jednota literárna). Штуръ, вступивъ въ этотъ кружокъ и посвятивъ всего себя служенію народу, превратилъ литературный кружокъ въ «Институтъ (Ustav) для изученія языка и литературы чешско-словацкихъ», гдѣ велось уже болѣе систематическое преподаваніе (1837). Мадьяры все болѣе косо смотрѣли на возникшее среди словаковъ національное движеніе; но они еще не пользовались такимъ могущественнымъ вліяніемъ, чтобы уничтожить «Институтъ», и онъ продолжалъ существовать. Около Штура группировалось все больше воодушевленной народной идеей молодежи (Гурбанъ, Дакснеръ, Францисци). Въ 1843 г. мадьярамъ удалось внушить правительству подозрѣніе, что дѣятельность Штура на каѳедрѣ словацко-чешскаго языка въ Пресбургѣ, которую онъ занялъ послѣ Палковича, вредна; противъ Штура было возбуждено слѣдствіе, и онъ былъ отстраненъ отъ преподаванія. Но его дѣятельность уже принесла желательные плоды; народное возрожденіе словаковъ быстро подвигалось впередъ; въ 1844 г. возникаетъ общество «Татринъ» для поддержки словацкаго языка, съ 1 авг. 1845 г. стала выходить подъ редакціей Штура газета на словацкомъ языкѣ «Slovenskje Národňje Noviní» съ беллетристическимъ приложеніемъ «Татранскій орелъ». Къ стремленіямъ литературнымъ стали присоединяться уже и политическія, и экономическія. Такъ, въ 1842 г. словацкіе патріоты подали императору Фердинанду V просьбу о словацкихъ національныхъ нуждахъ. Они просили оградить ихъ отъ обвиненій въ панславизмѣ и отъ обидъ со стороны мадьяръ, а также учредить въ Будапештскомъ университетѣ каѳедру славянскихъ языковъ и литературъ, утвердить въ Пресбургскомъ лицеѣ каѳедру словацкаго языка и литературы, назначить двухъ цензоровъ для словацкой печати, ввести *латинскій языкъ* въ составленіе метрикъ и церковныхъ протоколовъ. Какъ ни скромны были эти требованія, въ нихъ все же заключался зародышъ политическихъ стремленій, грозившихъ подорвать мадьярское господство въ странѣ. Преслѣдованіе Штура вызвало сильное движеніе среди молодежи и вообще къ 1847 году словаки во многихъ мѣстахъ обнаруживали уже многочисленые признаки національной жизни: «въ Словачинѣ возникло невиданное дотолѣ движеніе кооперативное, образовалось 500 кружковъ бережливости, создавались сельско-хозяйственныя общества, воскресныя школы, общественныя библіотеки. («Botto. I. 62).

Революціонный 1848 годъ выдвинулъ и изъ рядовъ словаковъ политическія силы. Мартовская конституція 1848 года поставила словаковъ по отношенію къ мадьярамъ въ униженное, неравноправное положеніе, и словаки устроили 10 мая 1848 г. политическій съѣздъ въ Липтовскомъ комитатѣ. Здѣсь выставленъ былъ уже во всей широтѣ принципъ національнаго равноправія и народной самостоятельности. Въ первомъ же параграфѣ резолюціи рѣчь шла о «всеобщемъ сеймѣ братскихъ народовъ, живущихъ подъ венгерской короной, на которомъ каждый народъ долженъ быть представленъ, какъ народъ». Мадьяры отвѣтили на эти требованія новыми преслѣдованіями. Вѣнское правительство старалось какъ-нибудь примириться съ мадьярами и уже тогда охотно жертвовало ради этой цѣли національными интересами другихъ народностей Венгріи. Какъ извѣстно, эта политика не привела къ благопріятнымъ для Австріи результатамъ: въ Венгріи произошло возстаніе противъ династіи; словацкіе добровольцы, какъ и хорваты, выступили на защиту ея, организовавъ словацкое возстаніе противъ мадьяръ. Когда эти послѣдніе были подавлены, то реакція, наступившая до 1859—1861 г., одинаково угнетала и немадьярскія народности Венгріи. Но теперь словаки уже

привыкли считать себя отдѣльнымъ и самостоятельнымъ народомъ. И когда наступила пора большей политической свободы, въ 1861 году, они выступили на народномъ собраніи въ Турчанскомъ городкѣ Св. Мартинѣ съ политической программой, составленной Дакснеромъ и настаивавшей на выдѣленіи Словачины въ отдѣльное сѣверно-венгерское «Околье» и на признаніи въ этой области полноты національныхъ правъ за словаками (программа, Свято-мартинскій меморандумъ, напечатана у Ботто. I. 158—160)

Одновременно съ этимъ возникла мысль учредить Матицу словацкаго народа. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мытарствъ, это общество было, наконецъ, утверждено центральнымъ правительствомъ въ 1863 г., но съ извѣстными перемѣнами въ уставѣ. Оно получило названіе Матицы Словацкой, его зданіе должно было носить названіе дома не Словацкаго народа, а Словацкой Матицы, и, наконецъ, задача общества была ограничена изданіемъ полезныхъ народныхъ книгъ. Впрочемъ, и въ этомъ своемъ видѣ, Матица колола очи мадьярамъ [1]).

Австро-Венгерское соглашеніе 1867 г., создавая дуализмъ, отдавало словаковъ на произволъ мадьярскаго правительства, которое сейчасъ же принялось за ту политику мадьяризаціи и уничтоженія словацкой культурной самобытности, какую оно вело неотступно до сихъ поръ. Тѣ учебныя заведенія, какія въ промежутокъ между 1861 и 1867 годами успѣли ввести у себя словацкій языкъ преподаванія, подверглись мадьяризаціи. Въ 1868 г. венгерскій парламентъ принялъ законъ, по которому языкомъ государственнымъ признавался только мадьярскій. Немадьярскимъ языкамъ венгерскихъ народностей были предоставлены нѣкоторыя скромныя права, и они сохраняли свое значеніе, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ школахъ. Но съ 1907 г., по закону Аппоньи, они вытѣснены и оттуда. До назначенія въ 1875 г. министромъ-президентомъ Тиссы немадьярскія народности вели еще болѣе или менѣе сносное національное существованіе, но съ той поры всякія проявленія національнаго сознанія у нихъ разсматривались, какъ государственное преступленіе. Печать была подавлена, и противъ ея дѣятелей возбуждались постоянныя преслѣдованія; школа превратилась въ орудіе мадьяризаціи; избирательный законъ далъ громадный перевѣсъ мадьярскимъ округамъ передъ немадьярскими, да, притомъ, и самые выборы обставлялись такими пріемами, при которыхъ нежелательный правительству кандидатъ не могъ пройти въ парламентъ; о какомъ-либо самоуправленіи народностей, какое создалось въ Австріи въ видѣ сеймовъ, въ Венгріи не было и рѣчи. Благородная книга Сетонъ Ватсона, возбудившая въ европейскомъ общественномъ мнѣніи негодованіе противъ мадьярскаго режима, даетъ систематическій обзоръ тѣхъ преслѣдованій, какимъ подвергались въ Венгріи, по преимуществу, словаки, сербы и румыны. Русины и поляки представлялись въ глазахъ мадьяръ просто своего рода quantité negligeable; съ нѣмцами приходилось нѣсколько церемониться. Изъ книги Сетонъ-Ватсона, основанной на документахъ, полученныхъ изъ первыхъ рукъ, я приведу нѣсколько данныхъ для характеристики положенія словаковъ въ Венгріи въ послѣднія десятилѣтія. Подробности мнѣ придется оставить въ сторонѣ, хотя для выясненія положенія немадьярскихъ народностей въ Венгріи онѣ имѣютъ существенное значеніе, иначе трудно охарактеризовать всю мелочность и жестокость этихъ преслѣдованій.

---

[1]) О пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Словацкой Матицы см. «Славянскія Извѣстія» 1912—1913 г. № 43, стр. 604 и дал.

О школѣ нечего и говорить. По восхищенному выраженію одного мадьярскаго политика, она превратилась въ машину, въ одно отверстіе которой входили словаки, а изъ другого отверстія выходили мадьяры. Словаки называли эту низшую школу тюрьмой для словацкихъ дѣтей. Что касается избирательнаго права, то оно было построено всецѣло на аристократическомъ принципѣ: низшіе классы даже мадьярскаго населенія почти такъ же пренебрежены, какъ и немадьярскія народности. Отсюда и получается такой странный фактъ, что иногда населеніе въ 6000 человѣкъ получаетъ больше представителей, чѣмъ округъ въ 100.000 человѣкъ. Пущено въ ходъ все, чтобы однимъ дать побольше избирательныхъ правъ, а другимъ поменьше, и однажды даже мадьярскій офицеръ, не могши распутаться въ венгерской избирательной системѣ, назвалъ ее «вавилонскимъ столпотвореніемъ». Но это столпотвореніе преслѣдуетъ совершенно опредѣленную цѣль: устранить изъ парламента все враждебное мадьярской централизаціи и аграрнымъ вожделѣніямъ венгерскихъ магнатовъ; рабочій классъ, даже мадьярскій, какъ враждебный аристократическимъ и классовымъ интересамъ магнатовъ, преслѣдуется. Надо прибавить, что на просвѣщеніе мадьярской кресьянской массы правительство Венгріи обращало еще меньше вниманія, чѣмъ на школу въ краяхъ немадьярскихъ народностей Венгріи, такъ какъ тамъ стояла передъ глазами политика мадьяризаціи. Типичной страной крайняго запустѣнія, до какой можетъ довести только такое преступное правительство, какимъ обладала Венгрія, являлось Седмиградіе, откуда населеніе эмигрировало въ поискахъ куска хлѣба даже въ Румынію.

Такъ какъ, по выраженію Аппоньи (1896), «законъ есть приборъ, которымъ прикрывается правительственный произволъ», то и законы о собраніяхъ и обществахъ давали мѣстнымъ и центральнымъ властямъ весьма растяжимое право закрывать или воспрещать всяческія общества и собранія. Но главное вниманіе правительства удѣлялось все-таки печати и различнымъ политическимъ процессамъ, которые возникали по доносамъ агентовъ-провокаторовъ, мѣстной полиціи и т. д. Съ каждымъ годомъ число такихъ процессовъ и число подсудимыхъ возростали, какъ лавина: въ 1898 г. было привлечено 3; въ 1899 г. былъ большой процессъ: судилось 23 человѣка за то, что одного выпущеннаго изъ тюрьмы «политическаго преступника» встрѣчали на станціи, при чемъ его старый другъ произнесъ привѣтствіе, а двѣ дѣвочки подали цвѣты; обвиняемые были приговорены къ тюремному заключенію до 6 мѣсяцевъ и къ штрафу. Въ 1906 и 1907 годахъ процессовъ множество: здѣсь фигурируютъ обвиненія и въ возбужденіи противъ мадьярской народности, и въ незаконныхъ выступленіяхъ на предвыборныхъ собраніяхъ, и laudatio criminis, преступленіе весьма растяжимое и часто встрѣчающееся въ мадьярскомъ судопроизводствѣ и мн. др. За время 1898—1909 г. (авг.) всего было приговорено къ различнымъ наказаніямъ по политическимъ преступленіямъ 500 словаковъ; при этомъ число процессовъ было 89, общая сумма лѣтъ, которую пришлось отсиживать въ тюрьмахъ этимъ 500 «преступникамъ», составляетъ 82 года 10 мѣсяцевъ. Противъ газеты «Народныя новины», важнѣйшаго словацкаго органа, за время 1892—1904 г. было произнесено 17 обвинительныхъ приговоровъ; всякій процессъ завершался обвинительнымъ приговоромъ. Въ сентябрѣ 1913 года сотрудникъ газеты «Словацкій Дневникъ» былъ приговоренъ къ годичному тюремному заключенію и штрафу въ тысячу кронъ за статью, въ которой разсказывалъ о дѣятельности мадьяризаторскаго школьнаго общества. Въ такихъ условіяхъ приходилось жить и работать словакамъ. Но пробужденная у нихъ національная энергія не падала, и въ области экономической и культур-

ной они дѣлали успѣхи, которыхъ не могли дѣлать въ политической жизни вслѣдствіе перевѣса мадьяръ, поддерживаемыхъ Австріей.

Такъ какъ словаки народъ, по преимуществу, земледѣльческій, то для выясненія ихъ экономическаго положенія слѣдуетъ обратиться прежде всего къ аграрной статистикѣ. По исчисленію 1895 г. вся поверхность Трансильваніи обнимала 56.186.327 катастральныхъ ютровъ (1 кат. ютро—57,55 ара.). Изъ этого пространства 95,6% приходилось на культурную землю, при чемъ въ составъ послѣдней входили пахотныя поля (43,5%), сады (1,4%), луга (10,7%), виноградники (1,1%), пастбища (13,8%), лѣса (29,2%). Словацкіе комитаты обладаютъ, въ общемъ, бо́льшимъ количествомъ лѣса, чѣмъ въ среднемъ вся Трансильванія, и нѣсколько меньшимъ количествомъ пахотной земли (40%). Въ этомъ отношеніи словацкіе комитаты стоятъ между мадьярскими (50,3% пашни и 18,3% лѣсовъ) и румынскими (28,8% пашни и 37,8% лѣсовъ), и такое же мѣсто они занимаютъ по процентному количеству, дѣйствительно, обработанной земли. Что касается раздѣленія земли между собственниками, то Венгрія представляетъ страну столь же мелкаго землевладѣнія, какъ Чехія или Галиція. Статистика 1895 г. признавала хозяйства меньше 5 кат. ютръ (т.-е. 2,88 гектар. или 2,64 дес.) мелкими, хозяйства въ 5—100 ютръ (т.-е. 2,68 дес.—52,7 дес.) малыми, хозяйства въ 100—1000 ютръ (52,7 дес.—527 дес.) средними, свыше 1000 ютръ крупными. Какъ мы видимъ, мѣра для опредѣленія степени хозяйства здѣсь принята болѣе высокая, чѣмъ въ Чехіи или Австріи. Оказывается при этомъ, что въ Венгріи мелкая собственность составляетъ 6,15% землевладѣнія, малая 48,40%, средняя 14,22% и крупная 31,19%. Въ словацкихъ комитатахъ число мелкихъ землевладѣльцевъ 149.554 (или 50,7%); имъ принадлежитъ 6,2% всей земли, или 281.560 ютръ, что составляетъ въ среднемъ на человѣка нѣсколько менѣе 2 ютръ (или 1,05 дес.). Другими словами, половина всѣхъ словацкихъ землевладѣльцевъ обладаетъ количествомъ земли, не превыщающимъ десятины въ среднемъ. Въ этомъ отношеніи словацкіе крестьяне оказываются опять-таки въ худшихъ условіяхъ, нежели землевладѣльцы всей Венгріи, взятые въ среднемъ. Малыхъ хозяйствъ въ словацкихъ комитатахъ 143.230, или 48,4%, и имъ принадлежитъ 2.102.670 ютръ, или 45,7% всей земли. Въ среднемъ на одно малое хозяйство приходится 14,68 ютръ (или 7,7 дес.). Такимъ образомъ, въ словацкихъ комитатахъ мелкое и малое землевладѣніе (т.-е. въ среднемъ между 1,05 дес. и 7,7 дес.) составляетъ 99,1% всего землевладѣнія и обладаетъ 51,9% всей земли (въ румынскихъ комитатахъ еще хуже: 99,3% землевладѣнія относится къ разряду мелкаго и малаго). Далѣе, въ словацкихъ комитатахъ лишь 2185 среднихъ хозяйствъ (0,75%) и 419 крупныхъ (0,15%), но этимъ послѣднимъ принадлежитъ 32% всей земли. Изъ этихъ статистическихъ данныхъ явствуетъ, какъ велика въ области словаковъ пропасть между крестьянскимъ и помѣщичьимъ землевладѣніемъ. Послѣднее имѣетъ магнатскій характеръ и держитъ въ подчиненіи себѣ убогое крестьянство, вынужденное питаться на мелкихъ участкахъ своей земли.

По производительности земли словацкіе комитаты стоятъ между мадьярскими и румынскими. Въ среднемъ, въ малоурожайный 1901 годъ, за который была произведена подробная аграрная статистика, приходилось на душу 162,5 кронъ урожая или на 1 ютръ 53,5 кр. (или на десятину 42 р.). Самыми плодородными оказываются комитаты Нитранскій, Пресбургскій, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе густо заселенные. Картофель, который представляетъ главную пищу для крестьянства, лучше всего родится въ Тренчинскомъ комитатѣ. Хозяйство словаковъ ведется еще довольно примитивно. «Величайшимъ несчастіемъ для нашего земледѣ-

лія является то, что оно некультурно», пишетъ Паулини-Тотъ [1]). «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ простой народъ, за немногими исключеніями, вообще не умѣлъ писать и читать. Безграмотные и теперь еще составляютъ 51,44% всего населенія. Въ 12 словацкихъ комитатахъ этотъ процентъ, пожалуй, еще болѣе великъ, и только въ четырехъ (Тренчинскомъ, Земплинскомъ, Шаришскомъ, Унгскомъ) ниже,—и все же около половины всего нашего населенія не умѣетъ читать. А тѣ, кто въ послѣднее время научился грамотѣ, вслѣдствіе того, что языкомъ преподаванія былъ мадьярскій (исключая нѣкоторыя школы, содержимыя церквами), не пріобрѣли отъ этого никакой пользы для себя и забываютъ оба языка. Къ тому же, народъ вездѣ ужасно консервативенъ, не хочетъ хозяйничать иначе, чѣмъ отцы и праотцы, и никакъ не подвинешь его впередъ. Народъ оставляетъ поле лежать подъ паромъ (16% всей пахотной земли у словаковъ пропадаетъ напрасно), не уноваживаетъ его, вообще хозяйничаетъ совершенно примитивно, и соотвѣтственно съ этимъ собираетъ урожаи. Отъ невѣжества и косности народа сохранились и многія повѣрія, вредящія развитію земледѣлія. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ общинахъ Оравы луговъ не косятъ передъ Иваномъ Крестителемъ. Къ общимъ причинамъ упадка хозяйства относится у насъ и подушная система. Поля раздѣлены по своей урожайности на 12 податныхъ классовъ, но это распредѣленіе совершается неправильно. Ужасно то, что народъ платитъ разнообразнѣйшія подати: и поземельную, и домовную, и на общинные расходы, и на дороги, и на церковь, и на нотаріуса, и на повивальную бабку и т. д. При этомъ подати вносятся въ трехъ мѣстахъ, на что тратится масса времени, и въ общемъ получается огромная сумма. Такъ, одинъ бѣднякъ изъ Конскаго, бѣднѣйшей общины въ Турчанскомъ комитатѣ, платилъ ежегодно, имѣя всего имущества на 120 гульденовъ (деревянный домикъ и кусокъ земли), 18 гульденовъ. самъ не зная за что». Много еще другихъ печальныхъ подробностей мы находимъ въ литературѣ о словацкой экономической жизни. Отсталость народности—естественное послѣдствіе мадьярскаго хозяйства въ странѣ. Словакамъ не давали вздохнуть свободно, и они нищали, вымирали, эмигрировали. За два года (1905—1906) эмигрировало въ Соед. Штаты Сѣв. Америки 71.674 словаковъ, а вернулось оттуда на родину 10.600. Много словаковъ переселялось также въ Чехію, Моравію, Австрію, Россію.

Промышленность у словаковъ находится на самой низшей ступени развитія. А между тѣмъ, область словацкаго разселенія, обильная лѣсами и водами, представляетъ благопріятныя условія для созданія фабрично-заводской промышленности. «При невыработанности и недостаткѣ широкихъ взглядовъ (у словаковъ) всѣ важныя отрасли крупной промышленности заняли нѣмцы и евреи съ огромнымъ міровымъ капиталомъ. Тогда народники пришли къ убѣжденію, что въ настоящее время въ ихъ распоряженіи остались только сельско-хозяйственное поприще и мелкая промышленность, по преимуществу агрикультурная дѣятельность, гдѣ необходимо, во что бы то ни стало, доставить трудящемуся словацкому люду необходимыя средства, т.-е. землю и дешевый кредитъ. Въ послѣднее время, благодаря основанію свыше 30 денежныхъ учрежденій, въ этомъ отношеніи дѣло приняло болѣе благопріятный оборотъ. Денежныя учрежденія въ рукахъ словацкихъ народныхъ дѣятелей сдѣлались, съ одной стороны, крѣпостями для защиты словацкаго сознанія, съ дру-

[1]) Въ сборникѣ «Slovensko». Къ сожалѣнію, статья Фрича «Narodohospodařské poměry na Slovensku», помѣщенная въ сборникѣ «Naše Slovensko», была мнѣ недоступна. Изъ нея Сетонъ-Ватсонъ извлекъ таблицу словацкихъ денежныхъ учрежденій. Въ дальнѣйшемъ пользуюсь гл. IV въ книгѣ Ботто (вып. 2): «Дѣятельность финансовая и промышленная».

гой же стороны, орудіями дѣятельнаго и успѣшнаго распространенія словацкой идеи; они не только высвобождаютъ словацкій народъ изъ душевнаго и тѣлеснаго порабощенія, но и организуютъ для общественной экономической работы массы словацкаго народа. Каждое словацкое денежное учрежденіе превратилось въ народный домъ извѣстнаго округа, изъ котораго вытекаетъ не только матеріальное благосостояніе, но и словацкая культура, разливающаяся по окрестнымъ деревнямъ и мѣстамъ» (Botto. II. 153) [1]). Идея экономической помощи народу возникла уже въ сороковыхъ годахъ 19 столѣтія, но только въ 60-хъ г., ее удалось до извѣстной степени осуществить, благодаря усиліямъ писателя Лихарда. Дѣло подвигалось довольно медленно и получило довольно широкій розмахъ только въ 20-мъ вѣкѣ. Въ концѣ 1907 г. банкъ Татра, Турчанская сберегательная касса и еще нѣсколько подобныхъ учрежденій имѣли вкладовъ около 21 милл. кронъ. Основанный въ 1895 г. выдающимся словацкимъ патріотомъ Марковичемъ «Народный Банкъ» (L'udová Banka) посвятилъ свою дѣятельность по преимуществу распродажѣ земли участками крестьянамъ, и въ 1908 г. стоимость земельной собственности, распарцеллированной банкомъ, равнялась уже полу-милліону кронъ. Въ 20-омъ же вѣкѣ начали возникать общественныя промышленныя предпріятія и различные кооперативы. Въ словацкомъ народѣ пробуждается живое сознаніе своей народности, которое проникаетъ и въ дѣтскую среду. Уже попадаются случаи массовыхъ отказовъ словацкихъ дѣтей отъ обученія мадьярскому языку. Какъ ни жестоки и ни послѣдовательны преслѣдованія словаковъ со стороны мадьяръ, но и самое господство этихъ послѣднихъ въ Венгріи поддерживалось искусственно и могло неожиданно и сразу рухнуть. Поэтому словацкое движеніе не теряло надежды на окончательное свое торжество. Точно выработанныхъ политическихъ постулатовъ оно въ настоящее время, повидимому, еще не имѣетъ: программа словацкой народной партіи, принятая на собраніи въ Турчанскомъ св. Мартинѣ въ 1905 г., смѣшиваетъ политическія требованія съ экономическими. Такъ, она требуетъ единства, независимости и нераздѣльности венгерскихъ земель, равноправія словацкаго языка въ школѣ и судѣ съ мадьярскимъ, упорядоченія податей и т. д., а рядомъ исправленія рѣчныхъ путей въ Сѣверной Венгріи и т. д. Но все это отголоски живой дѣйствительности, которая представляетъ свои права. Не ясно также отношеніе словацкаго національнаго движенія къ чешскому. Съ одной стороны, между чехами и словаками имѣется извѣстная пропасть, основанная на отличіи религіозномъ (среди словаковъ 70% католиковъ, около 24% евангеликовъ, около 5% уніатовъ), языковомъ и на исторической раздѣльности. Съ другой же стороны, наличность словаковъ въ юго-восточной части Моравіи, гдѣ въ прикарпатской области словаки сохранили еще ближайшую этнографическую связь съ венгерскими, а также несомнѣнное сходство языковъ словацкаго и чешскаго, а главнымъ образомъ горячая поддержка, которую оказываютъ словацкимъ національнымъ стремленіямъ чехи, сдѣлали то, что значительная часть словацкой интеллигенціи готова примкнуть къ чешской. Въ 1897 г. было учреждено общество подъ названіемъ «Чешско-словацкаго единенія» (Česko-slovanská Jednota v Praze). Идея общества -духовное, культурное и экономическое объединеніе двухъ вѣтвей одного народа. Если въ прежнее время въ чешскомъ обществѣ раздавались протесты противъ стремле-

[1]) Въ окт. 1913 г. словацкій корреспондентъ чешской газети «Národní Listy» описывалъ то неожиданно радостное впечатлѣніе, какое произвелъ на него крестьянскій земледѣльческій съѣздъ въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Венгріи. Вопреки всѣмъ препятствіямъ и словацкая печать дѣятельно работала надъ просвѣщеніемъ массъ въ экономическимъ отношеніи и трудилась надъ созданіемъ національной экономической организаціи.

нія словаковъ выработать самостоятельный литературный языкъ, то теперь наблюдается поворотъ въ общественномъ мнѣніи: чѣмъ сильнѣе въ національномъ отношеніи будутъ словаки, тѣмъ легче они устоятъ въ борьбѣ съ мадьяризаціей. Своимъ лозунгомъ Единеніе сдѣлало слѣдующее положеніе: «Словацкая молодежь (должна итти) въ чешскія школы». Поэтому, въ 1912 году оно содержало на свой счетъ въ различныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Чехіи 120 словацкихъ дѣтей. Затѣмъ оно отдавало въ обученіе чешскимъ мастерамъ словацкихъ подмастерьевъ, основывало библіотеки и т. под. «Мы стремимся къ культурному единенію съ словаками, и если оно удастся намъ, то мы сдѣлаемся сильнѣе въ культурномъ и національномъ отношеніяхъ», говоритъ К. Калалъ, утверждая, что «будущность словаковъ опирается только на культурную взаимность съ чехами». Я думаю, что внѣ такого тѣснаго единенія съ чехами, вплоть до принятія общаго литературнаго языка, дѣйствительно, словаки не имѣютъ національнаго будущаго, если даже событія измѣнятъ къ лучшему ихъ политическое положеніе въ Венгріи.

XII.

Тріединое королевство Хорватія, Славонія и Далмація.

Изъ *литературы:* А. Л. Липовскій. Хорваты Спб. 1900. М. Марјановић. Савремена Хрватска. 1913. Tad. Stan. Grabowski. Współczesna Chorwacya. I—II. 1905—1908 (Studya literackie). Seton-Watson (Scotus Viator). Die südslawische Frage im Habsburger Reich. 1913 (здѣсь и литература предмета). M. Mayer. Die Landwirtschaft der Königreiche Kroatien und Slavonien nebst einer kurzen Darstellung ihrer natürlichen und wirtschaftlichen Verhältnisse. 1908 (здѣсь использована и недоступная мнѣ хорватская экономическая литература). Iosip Lakatoš. Narodna Statistika. Zagreb. 1914. I. Bojničić. Zakoni o ugarsko-hrvatskoj nagodi. Zagreb. 1907.

Отступая здѣсь отъ національнаго принципа, котораго я держался при изложеніи судебъ западнаго славянства (поляковъ, чеховъ, кашубовъ, лужичанъ, словаковъ), здѣсь я долженъ прибѣгнуть къ другому началу: государственному. Славянское населеніе Тріединаго королевства составляютъ сербы и хорваты, образующіе по своему національному сознанію, по религіи и исторіи два народа, но настолько близко родственные, что ихъ объединяетъ даже (со временъ иллиризма) одинъ литературный языкъ, а со времени возникновенія въ хорватскомъ сеймѣ сербско-хорватской коалиціи и одна политика. Національное объединеніе этихъ двухъ народовъ, ближайше родственныхъ, не представляетъ чего-либо невозможнаго, хотя оно и можетъ натолкнуться на весьма существенныя препятствія, каковы разница въ религіи и письмѣ, соперничество столицъ Загреба и Бѣлграда, но прежде всего государственная граница, отдѣляющая Австро-Венгрію отъ Сербскаго королевства. Въ послѣднее время стремленіе сербско-хорватскаго племени къ національному и государственному объединенію приняло настолько стихійный характеръ, что такъ или иначе оно можетъ сломать всѣ эти препятствія, приведя къ созданію новаго государственнаго сербско-хорватскаго образованія. Въ основѣ его лежатъ здоровыя стремленія къ защитѣ своего національнаго *я* отъ покушеній на него со стороны враждебныхъ государственныхъ и національныхъ тенденцій. Какъ опредѣлялъ это современное теченіе сербско-хорватской жизни одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сербскихъ писателей, недавно умершій I. Скерличъ [1]), «новый націонализмъ представляетъ жизненный стимулъ жизнеспособной расы, самозащиту сильнаго національнаго организма, проявленіе безспорнаго права народа жить своей жизнью и быть хозяиномъ своей судьбы, обостренное чув-

[1]) Iovan Skerlić. Današnji srpskohrvatski nacionalizam. 1913.

ство солидарности, которая объединяетъ въ одно сложное цѣлое всѣ поколѣнія и всѣ классы одного народа». Это сознаніе особенно живо въ новомъ поколѣніи, которое, по справедливому указанію Скерлича, вырабатываетъ новыя воззрѣнія на жизнь и создаетъ новый идеалъ сильнаго физически и нравственно человѣка. «Наконецъ—а практически это такъ важно, что это можно было бы поставить на первое мѣсто—отличіе новаго поколѣнія заключается въ томъ, что оно болѣе глубоко и послѣдовательно усвоило идею народнаго сербско-хорватскаго единства, чѣмъ это имѣло мѣсто у прежнихъ поколѣній. То, что нѣкогда оставалось филологическимъ и историческимъ положеніемъ или платформой отдѣльныхъ политическихъ партій, скорѣе прекрасной мечтой, нежели живой реальностью, то превратилось у новѣйшаго поколѣнія въ аксіому, отъ которой все идетъ, въ первый членъ ея символа вѣры...» Молодежь чувствуетъ себя однимъ національнымъ цѣлымъ. Выраженіе сербо-хорватъ замѣняется новымъ названіемъ *Сербохорватъ* (какъ одно цѣлое).

Съ этими стремленіями австро-венгерскія правительства вели ожесточенную борьбу, которая становилась все болѣе упорной и все болѣе опредѣляла характеръ національной жизни въ предѣлахъ сербско-хорватскихъ земель короны Габсбурговъ. Однимъ изъ пріемовъ такой борьбы служило разобщеніе земель: Тріединое королевство фактически не существуетъ, такъ какъ Далмація, номинально входящая въ его составъ, обособлена въ отдѣльную австрійскую землю, автономную провинцію съ сеймомъ въ Дубровникѣ (Рагузѣ). Боснія и Герцоговина управляются отдѣльнымъ органомъ, подчинены не Австріи и не Венгріи, но одновременно Австро-Венгріи. Наконецъ, сербы Венгріи обособлены, и у нихъ «велико-сербская» идея преслѣдуется столь же ревниво, какъ въ другихъ областяхъ. Развитіе Сербскаго королевства, его экономическое и политическое освобожденіе отъ Австро-Венгріи вызывало въ этой послѣдней глубокія опасенія и явную враждебность и создавало стремленіе оказывать всяческія помѣхи этому развитію. Въ такомъ же положеніи по отношенію къ Австро-Венгріи находилось въ послѣднее время и Черногорское королевство, для распространенія котораго такъ же, какъ и Сербіи, былъ положенъ камень преткновенія въ видѣ Албанскаго княжества. Вслѣдствіе этихъ причинъ обозрѣніе жизни сербско-хорватскаго народа легче всего сдѣлать по государствамъ, въ которыхъ онъ жилъ до войны 1914 года и я разобью изложеніе его на четыре главы. Въ первой я разсмотрю, какъ одно цѣлое, признанное, по крайней мѣрѣ, юридически, Тріединое королевство; во второй (XIII) положеніе сербовъ въ Венгріи, а также въ Босніи и Герцоговинѣ, въ третьей (XIV) Сербское королевство и въ четвертой (XV) Черногорское королевство. При этомъ на такія явленія сербско-хорватской національной жизни, которыя подготовили созданіе современной объединительной тенденціи, именно на иллиризмъ и велико-сербскую идею, я укажу въ этой же (XII) главѣ, иначе были бы не понятны и тѣ политическіе процессы, которые происходили въ 1909 году въ столицѣ Хорватіи, Загребѣ. Необходимо прежде всего выяснить, въ какомъ положеніи по отношенію въ Венгріи находится Тріединое королевство, и почему въ это послѣднее не входитъ Далмація. Для выясненія этихъ вопросовъ обратимся къ исторіи хорватскаго народа, изъ которой необходимо извлечь нѣкоторые важнѣйшіе моменты. Болѣе подробная исторія хорватскаго народа, какъ и другихъ славянскихъ народовъ, въ рамки настоящей книги не входитъ.

Хорваты и сербы, отрасли одного племени, возникшія лишь въ историческомъ развитіи его, появились на Балканскомъ полуостровѣ и къ сѣверу отъ него, по теченію рѣкъ Дуная и Савы, не сразу. Они под-

вигались, по всей вѣроятности, волнами, гонимыми отъ Карпатскихъ горъ нашествіями различныхъ восточныхъ тюркскихъ кочевниковъ, съ первой половины 6 в. Славяне заняли въ теченіе этого столѣтія значительную часть Балканскаго полуострова и дошли до берега Адріатическаго моря. Въ 7 вѣкѣ, при императорѣ Гераклiи, хорватамъ удается добиться политической независимости отъ тюркскихъ аваровъ (обровъ нашей лѣтописи), притѣснявшихъ и подчинявшихъ балканское славянство, и распространить свои поселенія на нынѣшнюю Славонію и Хорватію. Такимъ образомъ, вѣроятно, къ первой половинѣ 7 в. восходитъ осѣдлость хорватовъ въ предѣлахъ нынѣшняго Тріединаго королевства. Распространеніе могущества новой франкской монархіи въ концѣ 8 в. должно было коснуться и хорватовъ, у которыхъ оно вызываетъ, повидимому, первыя попытки болѣе обширной государственной организаціи, уже выходящей за предѣлы племенныхъ объединеній съ князьями во главѣ. Теперь начинается тяжелая борьба съ франкскимъ владычествомъ, захватившимъ посавскую долину. Въ началѣ 9 в. извѣстны уже поименно нѣкоторые хорватскіе князья, воевавшіе съ франками, но только вторженіе мадьяръ (896) нарушило франкское господство и замѣнило его мадьярскимъ. Въ 9 вѣкѣ посавская Хорватія принимаетъ христіанство, создаетъ княжескую власть. Въ это время на Далматинскомъ побережьи между Византіей и Венеціей идетъ борьба за власть, за обладаніе этимъ важнѣйшимъ берегомъ Адріатическаго моря. Такое соперничество, всегда выгодное для меньшихъ, изъ-за которыхъ, собственно, и ведется борьба, позволило далматинскимъ хорватамъ въ концѣ 9 в. достигнуть почти полной самостоятельности. Въ эту же пору они подчиняются въ религіозномъ отношеніи папѣ, при чемъ вводятъ у себя славянское католическое богослуженіе и глаголическую письменность. Въ 10 в. хорватское княжество представляетъ уже значительную силу, о которой имп. Константинъ Багрянородный разсказываетъ съ большимъ уваженіемъ. Мутимиръ (892 — 900) называетъ себя dux Croatiae dei gratia; его преемникъ, Томиславъ (900—930) провозгласилъ себя въ 924 г. въ присутствіи семи бановъ королемъ (rex) Хорватіи (Кроаціи) и Далмаціи. Константинъ перечисляетъ, сколько войска можетъ выставить это королевство, и судя по этимъ даннымъ, численность населенія въ тогдашней Хорватіи доходила приблизительно до 2 мил. человѣкъ. Одиннадцатый вѣкъ поднялъ хорватское королевство еще на большую высоту. Съ избраніемъ на престолъ герцога Димитрія Звонимира (1076—1089) было связано покровительство Далмаціи со стороны Венеціи, которая опасалась здѣсь преобладанія норманновъ. Папа Григорій VII послалъ королю на коронацію регаліи, и «корона Звонимира», освященная такимъ образомъ международнымъ признаніемъ, сдѣлалась историческимъ символомъ державныхъ правъ хорватскаго народа. Со смертью Звонимира въ странѣ начались смуты; смѣняются узурпаторы. Венгерскіе короли, издавна находившіеся въ родственныхъ или пріязненныхъ отношеніяхъ съ хорватскими государями, выступаютъ со своими притязаніями на престолъ, и въ 1102 г. король венгерскій Коломанъ былъ призванъ хорватскими рыцарями на королевскій престолъ [1]). Для переговоровъ съ венгерскимъ королемъ въ его лагерь отправилось «двѣнадцать мудрѣйшихъ вельможъ изъ 12 племенъ Хорватіи» (duodecim nobiles sapientiores de XII tribubus Croatiae), которые и заключили съ нимъ личную унію при условіи почти полной независимости Хорватіи. Коронова-

[1]) Подробный обзоръ хорватско-венгерскихъ договоровъ представленъ въ книгѣ Г. Хорна «Le compromis de 1868 entre la Hongrie et la Croatie et celui de 1867 entre Autriche et la Hongrie». Paris. 1907 (здѣсь приведена и литература предмета).

вшись въ 1102 г. въ Бѣлградѣ (теперь Зара Веккія) на Адріатическомъ морѣ, Коломанъ принялъ титулъ Dei gratia rex Hungariae, Croatiae atque Dalmatiae и въ грамотѣ, санкціонировавшей соглашеніе его съ хорватскими вельможами, онъ призналъ, что эти послѣдніе добровольно (salvo habito consilio) вручили ему корону. Нѣсколько лѣтъ спустя (1108) въ грамотѣ, сохранившейся донынѣ и носящей названіе Privilegium libertatum, король подтвердилъ политическую независимость Хорватіи, гдѣ, безъ разрѣшенія хорватскихъ гражданъ, не имѣлъ права поселиться ни одинъ венгерецъ или другой иностранецъ. Хорватскими дѣлами вѣдали исключительно хорватскіе сановники, непосредственно подчиненные королю; этотъ послѣдній долженъ былъ короноваться въ Хорватіи, какъ хорватскій король, по національному обряду. Такъ въ Хорватіи воцарились венгерскіе короли изъ династіи Арпада, которые господствовали здѣсь до 1301 г. Во внутреннемъ управленіи Хорватія пользовалась широкой автономіей; дѣла ея рѣшались парламентомъ, который носилъ названія: Diaeta, или Congregatio generalis, или Generalis congregatio totius Sclavoniae; во главѣ управленія стоялъ банъ. Съ половины 13 в. въ отношеніи венгерскихъ королей къ Хорватіи обнаружиавается стремленіе разорвать единство хорватскихъ земель; король Бела около 1260 г. вноситъ крупное измѣненіе въ административную жизнь ихъ: всѣмъ хорватскимъ королевствомъ управляетъ dux (князь) изъ королевскаго рода, ему подчиняются два бана, хорватско-далматинскій и славонскій. Славонія (Хорватія между Дравой и Савой до горъ Била) представляла въ это время уже нѣкоторыя особенности въ управленіи: она пользовалась судебными и автономными правами согласно венгерской «Золотой буллѣ» (1222), которая не распространялась на другія области королевства Хорватскаго. Такимъ образомъ, Славонія оказывалась въ болѣе тѣсномъ единеніи съ Венгріей, и славонскій банъ при отсутствіи князя изъ королевской династіи получалъ власть надъ всей Хорватіей (banus totius Sclavonie). Ему подчинялся второй банъ для Хорватіи и Далмаціи, который иногда назывался приморскимъ (banus maritimus). Такъ было разрушено прежнее единство Хорватіи и образовались два королевства: regnum Croacie и regnum Sclavonie. Около того же времени подверглось попранію еще одно право Хорватіи: имѣть своего короля, коронованнаго короной Звонимира. Король Бела короновался въ 1236 г. въ Бѣлградѣ (на морѣ) сразу внгерскимъ и хорватскимъ королемъ, и съ этого времени прекратился обычай коронованія отдѣльной хорватской короной. Венгрія все болѣе пріучалась видѣть въ Хорватіи только одну изъ своихъ составныхъ частей, и короли ея распоряжались хорватскими землями по своему усмотрѣнію: такъ, тотъ же Бела присоединилъ къ области Мачвѣ (къ югу отъ Дравы до сербской возвышенности) нѣкоторыя хорватскія владѣнія. Такъ образовалось Мачванское банство, въ которомъ Венгрія видѣла свои законныя владѣнія. Тѣмъ не менѣе, до конца династіи Арпадовичей Хорватія сохраняла свое значеніе отдѣльнаго государства, связаннаго съ Венгріей только королевскимъ домомъ. Преемника послѣднихъ Арпадовичей, Карла Анжуйскаго, признали хорваты и часть Венгріи, тогда какъ другая часть Венгріи и далматинскіе города отказывали ему въ признаніи. Въ долго затянувшейся борьбѣ (до 1330 г.) хорватское единство было еще болѣе разбито. Венеціанская республика завладѣла всей Далматіей (отъ р. Зрманьи до устья р. Цетины); нѣсколько старыхъ хорватскихъ областей, между рѣками Цетиной и Неретвой, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ боснійскій банъ Степанъ Котроманичъ и т. д. Въ той же части Хорватіи, которая признала Карла Анжуйскаго, этотъ послѣдній правилъ спокойно, какъ въ Венгріи, ведя только борьбу съ олигархическими стремленіями хорватскихъ

вельможъ. Людовикъ Венгерскій сумѣлъ изгнать Венецію съ Балканскаго полуострова; по миру 1358 г. онъ возстановилъ свою власть надъ Далмаціей, и городъ Дубровникъ (Рагуза), представлявшій уже въ это время внутренно самостоятельную торговую республику, призналъ его своимъ верховнымъ повелителемъ. Но старая связь между Хорватіей и Далмаціей, разъ порванная, уже не могла прочно возстановиться, и Далмація явилась страной не свободно присоединившейся, но завоеванной.

Въ смутную эпоху, которой ознаменовалась исторія Венгріи въ концѣ 15 в., судьбы Хорватіи и Венгріи часто сплетаются нераздѣльно. Такъ, въ 1403 г. король Владиславъ Неаполитанскій коронуется въ Задрѣ (Зарѣ) хорватской короной венгерско-хорватскимъ королемъ; въ послѣдній разъ происходитъ коронація на хорватской почвѣ. Отстаивать Далмацію становится все болѣе трудно, и въ 1433 г. король венгерскій Сигизмундъ заключилъ съ Венеціей миръ, по которому Далмація подчинялась политическому вліянію Венеціи. Государственная связь Хорватіи съ Далмаціей была окончательно разрушена; она сохранилась только въ исторической традиціи и въ титулѣ венгерскаго короля. Между тѣмъ Венгрія все тѣснѣе объединялась съ Хорватіей вслѣдствіе необходимости совмѣстной борьбы съ общимъ грознымъ врагомъ, турками. Это единеніе уже давно вышло изъ рамокъ династической уніи, и когда на престолъ Венгріи былъ избранъ Владиславъ Ягеллоновичъ, онъ сдѣлался этимъ самымъ и хорватскимъ королемъ, но, какъ таковой, онъ долженъ былъ признать хорватское государственное право и присягнуть сохранять всѣ прежнія права королевства Славоніи (inter caetera sua Regna, dictum Regnum Sclavoniae). Еще болѣе опредѣленно Хорватія выступила, какъ отдѣльное государство, въ критическую минуту, когда сынъ Владислава, Людовикъ, палъ въ битвѣ съ турками при Могачѣ (1526), и вопросъ о престолонаслѣдіи снова былъ поставленъ ребромъ. Еще при жизни его хорватскіе вельможи, недовольные юнымъ королемъ, вступили въ переговоры съ чешскимъ королемъ Фердинандомъ Габсбургскимъ. Теперь они, какъ представители Хорватіи, единогласно избрали его хорватскимъ королемъ, отдѣлившись такимъ образомъ отъ Венгріи, гдѣ, напротивъ, господствовало крайнее возмущеніе противъ нѣмецкой династіи. 1 янв. 1527 г. состоялся актъ избранія (Status et Ordines... sua sponte Regem Croatiae eligunt). Принимая избраніе, Фердинандъ присягнулъ соблюдать всѣ тѣ права, которыя были дарованы его предшественниками хорватскому королевству и отдѣльнымъ его жителямъ. Теперь Хорватія и Славонія (но не Далмація) были подвластны династіи Габсбурговъ непосредственно, а не въ силу ихъ королевской власти надъ Венгріей. Хорвато-венгерское единеніе было уничтожено; оно заключалось лишь въ томъ, что какъ Хорватія сразу, такъ и Венгрія нѣсколько позже признали одно и тоже лицо своимъ королемъ, при чемъ это признаніе со стороны хорватовъ явилось добровольнымъ актомъ, вытекавшимъ изъ государственнаго права хорватскаго королевства. По стольку, по скольку одно и тоже лицо было королемъ для Хорватіи и Венгріи, эти страны были соединены общей связью. Поэтому, хорватскій парламентъ былъ совершенно правъ, подчеркивая въ засѣданіи 27 апр. 1527 г. юридическую природу соглашенія съ Габсбургами, утверждая, что посредника между Хорватіей и ея королемъ нѣтъ (nullus Dominus potencia mediante Croatiam occupasset). Далѣе, говорилось здѣсь, «послѣ смерти нашего послѣдняго короля, блаженной памяти Звонимира, мы въ силу свободнаго рѣшенія присоединились къ священной коронѣ королевства венгерскаго, а послѣ этого, теперь къ вашему величеству». И въ самой присягѣ на вѣрность, которую принесли новому королю

хорваты и венгерцы, заключалось существенное различіе: первые присягнули Фердинанду, какъ наслѣдственному королю, вторые только, какъ пожизненному. И, въ дѣйствительности, до 1687 г. Венгрія пользовалась правомъ избранія короля, тогда какъ въ Хорватіи преемственность совершалась по праву наслѣдованія. И въ своей государственной жизни Хорватія была обособлена отъ Венгріи: за время съ 1527 по 1593 г. ни одна хорватская делегація не отправляется въ Венгрію. Рѣшенія хорватскаго парламента входятъ въ законную силу, получая санкцію монарха, хорватскаго короля.

Объединила Хорватію съ Венгріей опять-таки общая опасность, грозившая со стороны мусульманъ. Это объединеніе совершалось постепенно, выражалось цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ договоровъ и ни въ малѣйшей степени не наносило ущерба государственнымъ правамъ договаривающихся странъ. Попытка императора Рудольфа II въ 1578 г. покончить съ политическимъ обособленіемъ Хорватіи, подчинивъ ее Венгріи, встрѣчалась съ такимъ рѣшительнымъ протестомъ со стороны не только хорватовъ, но и мадьяръ, что императору пришлось отступить. Естественно, что въ Венгріи хорваты были склонны видѣть свою естественную защитницу отъ вѣнскихъ покушеній на ихъ государственность. И вотъ въ 1593 г. они посылаютъ въ Венгерскій парламентъ своихъ представителей (solemnes oratores), которые должны были освѣдомлять венгерскихъ депутатовъ о положеніи вещей въ Хорватіи. Рѣшеніе венгерскаго парламента пріобрѣтало для этой послѣдней силу закона лишь въ томъ случаѣ, если утверждалось и хорватскимъ сеймомъ. Это соединеніе двухъ странъ въ законодательномъ отношеніи, хотя число хорватскихъ делегатовъ было весьма незначительно (всего три), послужило въ дальнѣйшемъ развитіи къ подчиненію слабѣйшей: право Хорватіи стало мало-по-малу толковаться, какъ ея обязанность, какъ проявленіе ея зависимости отъ Венгріи. Уже въ 1655 г. хорваты, увидя, куда зашло дѣло, отправили къ имп. Леопольду I посольство съ цѣлью протестовать противъ терминологіи, введенной въ Венгріи, Hungaria et partes eius annexae (Венгрія и страны, ей принадлежащія). Вскорѣ послѣ этого самой Вѣнѣ, которая такъ охотно поддерживала антихорватскую политику Венгріи, пришлось вспомнить о хорватскомъ государственномъ правѣ. Вопросъ шелъ о престолонаслѣдіи послѣ императора Карла, который не имѣлъ сыновей и имѣлъ основаніе опасаться, что Венгрія и Хорватія, заключившія унію съ династіей Габсбурговъ, теперь откажутся отъ нея. Для того, чтобы выговорить право престолонаслѣдія по женской линіи, императоръ вступилъ въ переговоры съ законодательными учрежденіями отдѣльно Хорватіи и отдѣльно Венгріи. Съ той преданностью династіи Габсбурговъ, которую хорваты обнаруживали постоянно, они и теперь охотно пошли навстрѣчу желаніямъ императора и заключили съ нимъ договоръ, извѣстный подъ названіемъ Прагматической санкціи, т.-е. основного закона, санкціонированнаго короной и представителями націи. Хорватскій парламентъ, собравшійся въ столицѣ королевства Загребѣ (Аграмѣ) [1]), принялъ 9 марта 1712 г. Прагматическую санкцію. Венгрія и на этотъ разъ, какъ въ выборѣ Габсбурга на свой престолъ, послѣдовала примѣру Хорватіи, но лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1723 г. Самостоятельно заключивъ этотъ важнѣйшій актъ въ исторіи объединенія австро-венгерскихъ земель, Хорватія опять подчеркнула свою независимость.

---

[1]) Форма нѣмецкая Agram происходитъ изъ латинской Zagrabia черезъ промежуточныя формы Zagrambia, Agrambia. По венгерски названіе звучитъ Zagrab.

Прагматическая санкція установила недѣлимость Австріи и престолонаслѣдіе не только по мужской, но и по женской линіи, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ престолъ переходитъ лишь къ принцессѣ, пребывающей въ Австріи и владѣющей не только Австріей, но и провинціями Штиріей, Каринтіей и Карніоліей (non modo Austriae, sed provinciarum etiam Styriae, Carinthiae et Carnioliae possessionem habebit et in modo fata Austria residebit). Сверхъ того, Прагматическая санкція подтвердила права Хорватскаго королевства, которое является союзнымъ Венгріи, но не подчиненнымъ ей, и въ этомъ качествѣ представители Хорватіи подписали санкцію независимо отъ Венгріи. Верховная власть Австріи стала на ту же точку зрѣнія, и, когда императрица Марія Терезія, вступивъ на престолъ, обратилась въ 1740 г. къ подвластнымъ ей народамъ, она трактовала съ хорватами на основаніи хорватскаго договора 1712 г., а не венгерскаго 1723 г. Только Славонія до 1745 г., когда ея государственная связь съ Хорватіей была возстановлена, была подчинена Венгріи, какъ ея область.

Такая безусловная лояльность Хорватіи не спасла ея отъ тяжести централизаторскаго и германизаторскаго режима, который господствовалъ въ Австріи при Маріи Терезіи и Іосифѣ II. Послѣ окончанія Семилѣтней войны императрица Марія Терезія направила свое вниманіе на внутреннее управленіе страной и обнаружила тенденцію, которая была высказана въ одной офиціозной брошюрѣ, издавать законы безъ согласія парламентовъ. Это возбудило глубокое неудовольствіе въ Хорватіи и Венгріи и вызвало протестъ, который въ свою очередь привелъ въ негодованіе императрицу. Послѣдствіемъ этого явилось укрѣпленіе абсолютизма и въ связи съ этимъ стремленіе къ германизаціи высшихъ классовъ, привлекаемыхъ ко двору. Въ 1767 г. въ Хорватіи было учреждено (сначала въ Вараждинѣ, потомъ въ Загребѣ) совѣщаніе (consilium regium) изъ бана и пяти совѣтниковъ для управленія королевствомъ. Сеймъ былъ признанъ излишнимъ и не созывался. Когда же въ Хорватіи раздались протесты противъ такой системы, то въ 1779 г. императрица упразднила хорватскій «королевскій совѣтъ» и подчинила Хорватію такому же венгерскому учрежденію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и городъ Фіуме (Рѣка), исконно хорватское владѣніе, послѣ различныхъ перепитій, о которыхъ здѣсь не будемъ говорить, оказался въ числѣ венгерскихъ владѣній. При имп. Іосифѣ II (1780—1790) еще усилилась тягость централизаціи. Желая устроить свое государство на прусскій образецъ, императоръ настаивалъ на знаніи нѣмецкаго языка всѣми чиновниками, на раздѣленіи Хорватіи и Венгріи на такіе же округа (Verwaltungsbezirke), какъ и Австрія, и этимъ вызвалъ такое возмущеніе, что оба королевства, Хорватское и Венгерское, были близки къ возстанію. Тогда, не задолго до своей смерти, Іосифъ II возстановилъ конституцію, обѣщалъ созвать парламенты и короноваться въ Венгріи. Его преемникъ, Леопольдъ II (1790—1792), выполнилъ эти обѣщанія. Теперь опять предстояло рѣшить вопросъ о взаимоотношеніяхъ Хорватіи и Венгріи.

Съ созданіемъ австрійскаго абсолютизма этотъ вопросъ, дѣйствительно, надлежало поставить заново. Какъ утверждаетъ проф. Редслобъ [1]), «абсолютная монархія, по самому своему существу, не можетъ вмѣщать въ себѣ никакихъ (отдѣльныхъ) государствъ; чистымъ произволомъ оказывается представленіе объ абсолютномъ королевствѣ, какъ о личной уніи абсолютныхъ государствъ. Если Хорватія-Славонія является государствомъ, то она могла сдѣлаться таковымъ только въ эпоху послѣ періода

[1]) R. Redslob. Abhängige Länder. Eine Analyse des Begriffs von der ursprünglichen Herschergewalt. Leipzig. 1914, стр. 176—177 (глава Kroatien-Slavonien).

абсолютизма, въ эпоху, когда имперія стала вновь конструпроваться въ одно государство». Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ пониманіемъ находится и тотъ фактъ, что въ этотъ періодъ австрійскаго абсолютизма Хорватія въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ то входитъ въ составъ Венгріи, то разсматривается, какъ образованіе съ отдѣльнымъ историческимъ правомъ. Такъ, въ 1790 г., согласно постановленію хорватскаго дворянства, венгерскій парламентъ рѣшилъ принять въ управленіе «намѣстническаго совѣщанія» (consilium locumtenantiale) Хорватію, «которая, по заявленію современнаго событіямъ нѣмецкаго юриста, тогда перестала быть государствомъ» [1]). Вскорѣ, однако, событія дали новый оборотъ вещамъ. Въ Хорватіи все болѣе укорѣплялось недовольство мадьярскимъ режимомъ, выставлялась уже въ 1791 г. необходимость ввести хорватскій (или) какъ уже тогда говорили, «иллирійскій») языкъ во всѣ учебныя заведенія Хорватіи и т. д. Однимъ словомъ, уже начинались явленія, получившія наименованіе «хорватскаго возрожденія» [2]). Войны Австріи съ Франціей дали новый, могущественный толчокъ этому движенію. По Кампоформійскому договору 1797 г. Австрія получила въ замѣнъ за лѣвый берегъ Рейна Венецію и Далмацію, такъ что для дальнѣйшаго объединенія хорватскихъ земель былъ сдѣланъ крупный шагъ. Нѣсколько времени спустя, по Шенбрунскому миру 1809 г., Франція получила часть австрійскихъ владѣній: именно, часть Хорватіи, Истрію, Далмацію и Крайну, которыя она объединила подъ названіемъ Иллирійскаго королевства. По отношенію къ новому королевству, столица котораго находилась въ Далмаціи, въ Дубровникѣ (Рагузѣ), французское правительство обнаружило большую заботливость. Какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, созданномъ по Тильзитскому миру, такъ и въ Иллирійкомъ королевствѣ французская власть стремилась опереться на національномъ сознаніи населенія: она вводила народный языкъ въ школу и управленіе и издавала газеты на этомъ же языкѣ. Чтобы понять, какое дѣйствіе должна была оказывать такая политика, нужно помнить, что въ концѣ 18 вѣка, сдѣлавшись господами положенія, мадьяры съ чрезвычайной стремительностью бросились искоренять все хорватское и вводить свой языкъ въ школы и учрежденія Хорватіи. Естественно, что идея «иллирійскаго» объединенія крѣпко пустила корни въ сознаніи интеллигентныхъ классовъ, и когда по Вѣнскому трактату 1815 г. Австрія вернула земли «Иллирійскаго королевства», то хорваты стали добиваться (безнадежно) соединенія Хорватіи съ Далмаціей.

Режимъ Меттерниха сдѣлалъ невозможнымъ, какое бы то ни было, политическое движеніе, и иллиризмъ [3]) получилъ характеръ литературно-общественнаго направленія, стремившагося къ объединенію сербско-хорватскаго племени, къ созданію для южныхъ славянъ общаго литературнаго языка, къ пріобрѣтенію необходимыхъ политическихъ условій для культурнаго развитія народности. Людевиту Гаю, главному дѣятелю иллиризма, и его товарищамъ въ значительной мѣрѣ удалось добиться успѣха. Мадьяры старались ввести въ Хорватіи свой языкъ, какъ государственную рѣчь: такъ, въ 1830 г. загребская жупанія постановила ввести мадьярскій языкъ, какъ обязательный предметъ, въ хорватскихъ училищахъ; такое же постановленіе, обязательное для всей Хорватіи,

---

[1]) F. Šišić. Hrvatska Povijest. II dio. 1908, стр. 152 (Also da hört auf Croatien ein Staat zu sein).

[2]) Dj. Surmin. Hrvatski Preporod. I ч. 1790—1836. II ч. 1836—1843. U. Zagrebu. 1903—1904.

[3]) Объ иллиризмѣ, кромѣ Шурмина, см. изслѣдованіе П. Кулаковскаго: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія» 1894, а также M. Zdziechowski. «Odrodzenie Chorwacyi».

сдѣлалъ въ 1837 г. хорватскій сеймъ и т. п. Однако, среди хорватскихъ дѣятелей нашлось не мало такихъ, которые вступили въ горячую борьбу съ подобными постановленіями. Эта борьба была тѣмъ труднѣе, что даже среди хорватскихъ патріотовъ народный языкъ былъ еще мало распространенъ. Какъ первые дѣятели чешскаго возрожденія начали съ нѣмецкаго языка, на которомъ писали въ защиту чешской національности, въ такомъ же положеніи находились и хорватскіе патріоты, даже наиболѣе видные изъ нихъ, Л. Гай и Кукулевичъ. И они «въ началѣ своей дѣятельности охотнѣе и лучше говорили и писали по-нѣмецки, чѣмъ по-хорватски. Патріотамъ-хорватамъ предстояло или создать письменность на (кайкавскомъ) нарѣчіи провинціальной Хорватіи, или примкнуть къ имѣющему уже значительную литературу штокавскому нарѣчію, выдвинутому столь благожелательно сербской письменностью. Они избрали послѣднее, и это въ извѣстной степени усилило трудности замѣны латинскаго языка славянскимъ въ Хорватіи» (П. Кулаковскій. 30). Въ половинѣ 30-хъ годовъ начинаютъ выходить «иллирскія» изданія Гая, «Даница» и «Новина», восторженно пропагандирующія литературное объединеніе хорватовъ, сербовъ и словинцевъ. Въ сороковыхъ годахъ дѣлу національнаго возрожденія посвящаетъ свои силы цѣлый рядъ хорватскихъ дѣятелей. Еще въ 1836 г. сеймъ берется ходатайствовать передъ королемъ объ учрежденіи «общества друзей народнаго иллирскаго просвѣщенія»; въ 1840 г. сеймъ хлопочетъ о созданіи каѳедры «національнаго языка» (lingua nationalis) въ Загребской академіи и въ гимназіяхъ Тріединаго королевства. Выставляются и политическія требованія: сеймъ уполномочиваетъ своихъ представителей въ венгерскомъ парламентѣ требовать отдѣленія Хорватіи отъ Венгріи и введенія въ первой особаго правительства, если мадьяры будутъ продолжать свою политику мадьяризаціи. Въ началѣ 1843 г. запрещается употребленіе слова: «иллирскій», которое съ половины 18 в. было широко распространено для обозначенія славянъ западной половины Балканскаго полуострова [1], а также Хорватіи и Славоніи, но это запрещеніе только подлило масла въ огонь. Въ томъ же 1843 г. Кукулевичъ на сеймѣ въ Загребѣ произнесъ политическую рѣчь, сказанную впервые въ хорватскомъ сеймѣ на національномъ языкѣ. Любопытно, что и Кукулевичъ, подобно чешскимъ, словацкимъ, кашубскимъ и лужицкимъ дѣятелямъ народнаго возрожденія, исходилъ въ своей идеологіи изъ общеславянскаго начала. «Мы—сыновья матери Славы, говорилъ онъ, которая населила своими дѣтьми весь міръ, и которая, глубоко приниженная нынѣ, лежитъ во тьмѣ и неправдѣ только потому, что угнетенъ языкъ ея потомковъ» Съ каждымъ годомъ хорватская національная концентрація усиливалась, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло взаимное раздраженіе между хорватами и мадьярами. Въ 1847 г. хорватскій сеймъ принялъ постановленіе, встрѣченное въ народѣ чрезвычайно восторженно, о введеніи хорватскаго языка вмѣсто латинскаго во всѣ училища и учрежденія Хорватіи. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ революціонная эпоха быстро произвела переоцѣнку цѣнностей, и послѣ 1848 г. прежняя идиллія хорватско-мадьярской дружбы уже никогда не возстановлялась. За время до 1848 года хорватами было все же кое-что сдѣлано въ смыслѣ національныхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Въ 1838 г. была учреждена первая хорватская «Читальня», общество для изданія и распространенія полезныхъ книгъ и поощренія торговли и сельскаго хозяйства. Въ ближайшіе годы это общество, по совѣту виднаго хорватскаго дѣятеля гр. Драшковича, посвятила свое

[1]) Впервые названіе *иллирійскій* было примѣнено, однако не къ хорватамъ, но къ сербамъ изъ Старой Сербіи, Рашки (Illyrici seu Rasciani въ документѣ 1706 г.).

вниманіе основанію школъ; въ 1840 г. возникла мысль о созданіи хорватскаго театра въ Загребѣ (Šurmin. II. 248), въ 1841 г. рѣшили учредить общество «для развитія и исправленія сельскаго хозяйства въ Хорватіи» (ibd. 255). Въ слѣдующемъ году изъ лона хорватской «Читальни» вышла мысль объ основаніи хорватской Матицы, по примѣру уже существовавшей Новосадской. «Главной цѣлью нашего общества является, говорилъ Драшковичъ, распространять на нашемъ народномъ языкѣ науки и книжность и показывать нашей молодежи примѣръ національнаго самоопредѣленія (da se domorodno izobrazi). А для достиженія этихъ цѣлей наилучшее средство печатать подходящія книги и продавать ихъ по доступной цѣнѣ» (Šurmin. II. 256). Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого для «Матицы Иллирской», какъ было названо новое общество, было собрано 2500 флориновъ (гульденовъ). Наконецъ, въ журналѣ Л. Гая, «Иллирской Даницѣ», печатался уже цѣлый рядъ хорватскихъ поэтовъ, призывавшихъ къ національному самосознанію. «Пусть знаетъ проклятый врагъ, что Илиръ не дастъ себя заковать въ позорныя цѣпи», говоритъ одинъ изъ этихъ поэтовъ, Антунъ Нѣмчицъ. Для хорватскаго національнаго возрожденія, дѣйствительно, уже пришло время, но для торжества идеи иллиризма было еще слишкомъ рано. Хорваты приняли сербскій литературный языкъ Вука Караджича, но сами сербы Австро-Венгріи смотрѣли на иллиризмъ, какъ на секту, относились къ нему враждебно, опасались католической пропаганды. Потребовались десятилѣтія мадьярскаго гнета и австрійской несправедливой политики по отношенію къ Сербіи, чтобы стало возможно образованіе сербско-хорватской коалиціи въ Загребскомъ соборѣ.

1848 годъ ознаменовался для Хорватіи чрезвычайно бурными событіями. Въ Венгріи кипѣло возстаніе, которое правительство хотѣло подавить вооруженной силой; на сторону правительства стали сербы, ненавидѣвшіе своихъ угнетателей-мадьяръ, а когда въ апрѣлѣ 1849 г. венгерскій парламентъ объявилъ низложеніе на вѣчныя времена династіи Габсбурговъ, то хорватскій банъ Елачичъ, бывшій уже съ половины 1848 г. фактически полновластнымъ хозяиномъ страны, примкнулъ со своимъ войскомъ къ нѣмецкимъ и русскимъ войскамъ, усмирявшимъ возстаніе. Въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ хорваты и сербы Венгріи приняли горячее участіе, при чемъ сербы настаивали на выполненіи требованій Карловацкаго собора (см. ниже), а хорваты выступили, однако, въ довольно неопредѣленной формѣ, съ напоминаніемъ о государственномъ правѣ Тріединаго королевства и съ рѣзкимъ протестомъ противъ мадьярской политики. Въ планѣ будущаго федеративнаго устройства Австріи, разработанномъ Палацкимъ, нашла себѣ мѣсто и иллирійская мечта; предполагалось учрежденіе, въ качествѣ одной изъ федеративныхъ областей, Иллирійской Австріи, состоящей изъ Истріи, Крайны, частей Штиріи и Коринтіи, а также Славоніи, и въ качествѣ другой области южно-славянской Австріи изъ Хорватіи, Далмаціи и воеводины. Такимъ образомъ, въ планахъ федералистовъ южное славянство объединялось въ двѣ пограничныя области. Сами хорваты выдвинули на сеймѣ Тріединаго королевства (5 іюня 1848 г.) требованіе полнаго равноправія съ Венгріей и составили конституцію, которая однако не получила одобренія императора. Сохраняя монархическій принципъ, эта конституція настаивала на правѣ свободнаго избранія бана, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть. Такой избирательный вице-король являлся, какъ бы его ни называть, почти независимымъ отъ короны государемъ Хорватіи. Нечего и говорить, что съ этимъ требованіемъ была связана полная внутренняя автономія Тріединаго королевства и полная свобода національнаго развитія. Только въ международ-

ныхъ отношеніяхъ признавалось необходимымъ соглашеніе съ другими частями федеративной монархіи. При этомъ всѣ акты центральнаго правительства должны были снабжаться подписью министра для Хорватіи, отвѣтственнаго передъ сеймомъ. Венгерское сербство должно было получить организацію въ видѣ княжества, которое должно было находиться въ союзѣ съ Хорватіей. Что касается послѣдней, то воприсоединеніе къ ней Далмаціи признавалось необходимымъ и естественнымъ актомъ. Проектъ хорватской конституціи не вышелъ изъ области мечтаній, но и дарованная всей имперіи конституція 4 марта 1849 г. обѣщала вернуть Далмацію Хорватіи. Она установила сеймъ въ Загребѣ, признала хорватскій языкъ внутреннимъ языкомъ управленія, оставивъ нѣмецкій для сношеній съ центральной властью. Такую же конституцію получила Венгрія, отъ которой Хорватія, такимъ образомъ, юридически обособлялась. Въ Венгріи это, естественно, вызвало негодованіе, но для Хорватіи конституція 4 марта не имѣла практическихъ послѣдствій, такъ какъ вскорѣ была отмѣнена, и самый хорватскій сеймъ былъ распущенъ. Возстановился режимъ абсолютизма, при которомъ нечего было и думать о новыхъ государственныхъ и національныхъ завоеваніяхъ хорватскаго народа. Съ 1859 г. начались новыя колебанія въ конституціонномъ устройствѣ имперіи, и въ этотъ моментъ понадобилось снова опредѣлить природу связи, соединяющей Хорватію съ Венгріей. Въ хорватскомъ адресѣ, поданномъ императору-королю 10 февр. 1866 г., указывалось на то, что событія 1848 г. разрушили прежде существовавшую связь. Для выясненія вопроса о дальнѣйшемъ характерѣ этого единенія была образована комиссія изъ 24 членовъ, по 12 съ каждой стороны, и въ апрѣлѣ 1866 г. она уже открыла свои дѣйствія. Во главѣ хорватскихъ делегатовъ стоялъ одинъ изъ самыхъ выдающихся хорватскихъ политиковъ, епископъ І. Штросмайеръ [1]), который, подобно чешскимъ политикамъ, выступилъ послѣ 1859 г. горячимъ сторонникомъ федеративнаго начала и вмѣстѣ съ тѣмъ правъ хорватскаго народа. Въ комиссіи 1866 г. Штросмайеръ отстаивалъ нераздѣльность Хорватіи, ея соединеніе съ Далмаціей и даже права Хорватіи на Боснію; на переговоры съ мадьярами онъ смотрѣлъ, какъ на совѣщаніе представителей двухъ равноправныхъ народовъ. Мадьярскіе представители стояли на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, и соглашеніе едва ли было бы возможно. Впрочемъ, уже въ половинѣ іюня началась новая война Австріи съ Пруссіей, и комиссія разъѣхалась, а 12 дек. 1866 г. хорватскій сеймъ выработалъ въ адресѣ коронѣ основы соединенія королевства съ Венгріей. Эти основы сводились къ слѣдующимъ положеніямъ (T. Smičiklas. Назв. соч. 71): «Тріединое королевство не имѣетъ ни права, ни обязанности, ни законнаго способа вступить въ парламентъ Венгерскаго королевства. Такъ какъ Венгрія рѣшила сама, не обращая вниманія на Хорватію, разсуждать объ общихъ дѣлахъ монархіи, то Хорватія на основаніи своего государственнаго права считаетъ правильнымъ и нужнымъ самостоятельно вступить въ соглашеніе съ короной. Комиссія приняла за исходный пунктъ прагматическую санкцію и признаетъ общими дѣлами (для Хорватіи и Венгріи) цивильный листъ, общую оборону, внѣшнее представительство, мѣры, касающіяся иностранной торговли, тѣ основныя начала, на которыхъ покоятся монополіи, таможенный та-

[1]) Для эпохи 1860—1867 гг. важно сочиненіе Смичикласса «Nacrt života i djelâ biskupa I. I. Strossmayera» I Томъ. 1906 (глава 3-я: «Труды Штросмайера въ народной политикѣ»). Важнѣйшія сочиненія по исторіи этой эпохи: I. Pliverić. Beiträge zum ungarisch-kroatischen Bundesrechte. 1866. B. Šulek. Naše pravice. 2 части. 1868. Рядъ статей З. Стефанскаго въ журналѣ «Świat Słowiański» (съ 1905 г.). Tomašić. Fundamenta juris publici regni Croatiae.

рифъ и финансовыя дѣла, поскольку на нихъ тратятся общія средства. Комиссія предлагаетъ объединяющій органъ, который долженъ гарантировать королевствамъ и землямъ одинаковое вліяніе въ общихъ дѣлахъ, при чемъ ихъ государственная обособленность должна быть сохранена. Этому органу должно быть отвѣтственно общее министерство. Сеймъ проситъ нераздѣльности Тріединаго королевства и отвѣтственнаго правительства».

Какъ извѣстно, политика Австріи пошла въ направленіи дуализма и при такомъ ея направленіи хороватскія притязанія на государственное право представлялись нежелательными. Адресъ, переданный императору Штросмайеромъ, былъ принятъ немилостиво. Загребскій сеймъ, собравшійся 29 дек. и выступившій съ протестомъ противъ готовившагося дуализма, былъ распущенъ 9 янв. 1867 г. Такимъ образомъ, хорваты оказались вынуждены вступить въ непосредственные переговоры съ Венгріей; оппозиція была устранена съ помощью примѣненія избирательнаго закона (20 нояб. 1867 г.) и черезъ годъ, 24 сент. 1868 г., хорватскій сеймъ принялъ безъ преній компромиссъ съ Венгріей, сохранившій въ основныхъ чертахъ свое значеніе до нашихъ дней. Первая статья его въ хорватскомъ текстѣ, кое въ чемъ отличающемся отъ венгерскаго, гласитъ: «Королевство Венгрія, въ соединеніи съ Трансильваніей, и королевства Далмація, Хорватія и Славонія образуютъ одно государственное единство (Staatsgemeinschaft) какъ въ отношеніи къ другимъ странамъ, находящимся подъ властью королевствъ Его Величества, такъ и въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ». Изъ этой статьи вытекаетъ, что «король Венгріи и Далмаціи, Хорватіи и Славоніи долженъ короноваться одной и той же короной и въ одномъ и томъ же обрядѣ коронаціи» (ст. 2), и что «для всѣхъ дѣлъ, общихъ всѣмъ *королевствамъ венгерской короны* [1]) и другимъ землямъ Его Величества, или для такихъ дѣлъ, которыя требуютъ общаго соглашенія, королевство Венгрія и королевства Далмація, Хорватія и Славонія должны имѣть одно и то же законное представительство, одно и то же законодательство и, поскольку это касается исполнительной власти, общее правительство» (ст. 3). Такими общими дѣлами были признаны иностранная политика, общіе финансы, армія и флотъ, а также государственный долгъ, торговые и таможенные договоры, монетная система и желѣзныя дороги. Экономически такимъ образомъ Венгрія получила возможность держать Хорватію въ полной зависимости отъ себя, что она и сдѣлала, создавъ, напр., такую желѣзнодорожную сѣть, которая была выгодна для венгерской промышленности и торговли и убійственна для хорватской [2]). Въ цѣломъ рядѣ статей компромисса опредѣляется политическая зависимость Тріединаго королевства отъ Венгріи. Ст. 34 гласитъ: «Королевства избираютъ делегатовъ, которыхъ посылаютъ въ общій парламентъ (число ихъ изъ Хорватіи и Славоніи ст. 32 опредѣляла въ 29, но въ 1881 г. она подверглась измѣненію въ томъ смыслѣ, что число хорватскихъ делегатовъ было опредѣлено въ 40), изъ числа членовъ собственнаго парламента, и при томъ на все время, пока продолжается законодательная власть представителей общей палаты депутатовъ». Въ венгерской делегаціи, *по выбору венгерскаго парламента*, соглашеніе (ст. 41) устанавливало участіе пяти депутатовъ

---

[1]) Иначе эта корона называется «короной св. Стефана» (ст. 3 соглашенія 1868 г.). Въ венгерскомъ текстѣ порядокъ странъ всегда иной: Хорватія, Славонія и Далмація, а въ § 2 слова королевствъ нѣтъ, но противопоставленіе Венгріи, какъ одного цѣлаго, другимъ частямъ болѣе выразительно (Magyarország и Horvát, Szlavon és Dalmátországok). Подобныхъ мелкихъ, но очень знаменательныхъ отступленій одного текста отъ другого много. Всѣ они указаны въ названномъ выше изданіи Бойничича.

[2]) См. объ этомъ подробно въ названной книгѣ Scotus Viator гл. 13, а также ниже.

изъ Хорватіи и Славоніи отъ обѣихъ палатъ; но какое значеніе они могли имѣть при такихъ условіяхъ?

По вопросамъ внутренняго управленія Хорватіей и Славоніей соглашеніе 1868 г. устанавливало слѣдующія начала: «Во всемъ, что относится къ дѣламъ, не предоставленнымъ настоящимъ соглашеніемъ общему парламенту и центральному правительству, признается право полной автономіи, въ областяхъ какъ законодательной, такъ и исполнительной» (ст. 47). Точнѣе опредѣлялся кругъ такихъ дѣлъ въ ст. 48 «законодательствомъ и управленіемъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, вѣроисповѣданіяхъ, народномъ просвѣщеніи и юстиціи, включая компетенцію всѣхъ инстанцій». Исключеніе было сдѣлано только для морской юрисдикціи, что не помѣшало, однако, Венгріи въ 1908—9 г. предпринять и провести въ Загребѣ нѣсколько политическихъ процессовъ, продиктованныхъ отнюдь не автономными учрежденіями, но центральнымъ венгерскимъ правительствомъ. Точно также пустой фразой оказалась отвѣтственность главнаго административнаго органа въ Хорватіи и Славоніи, бана, передъ «парламентомъ этихъ королевствъ». Банъ, назначаемый «Его Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ, по предложенію и при контрассигновкѣ президента общаго королевскаго венгерскаго совѣта министровъ», являлся уже въ силу этого соглашенія орудіемъ венгерской политики въ Хорватіи. При этомъ банъ по самой своей должности «оставался членомъ палаты магнатовъ общаго парламента». Національныя права хорватовъ получили по соглашенію 1868 года признаніе, которое могло подлежать ограниченію даже въ послѣдующіе тяжелые годы лишь въ сферѣ дѣлъ общаго хорватско-венгерскаго вѣдѣнія (напр., въ области желѣзнодорожной службы, гдѣ сталъ господствовать мадьярскій языкъ). Статьи 56—59 устанавливали, что въ хорватскомъ законодательствѣ, въ юрисдикціи и въ администраціи офиціальнымъ языкомъ служитъ хорватскій, что тѣмъ же языкомъ должны пользоваться въ предѣлахъ Тріединаго королевства и органы общаго правительства, что они должны отвѣчать по-хорватски на предложенія и документы, написанные по-хорватски и исходящіе изъ Хорватіи и Славоніи (Далмація здѣсь не упомянута, хотя обычно фигурируетъ въ силу фиктивнаго историческаго права въ соглашеніи 1868 г.). То же государственное право Хорватіи и Славоніи получаетъ признаніе въ предоставленномъ депутатамъ этихъ королевствъ правѣ пользоваться хорватскимъ языкомъ какъ въ общемъ парламентѣ, такъ и въ делегаціяхъ, въ опубликованіи на хорватскомъ языкѣ законовъ и въ «употребленіи въ автономныхъ дѣлахъ соединенныхъ цвѣтовъ и гербовъ (vereinigte Farben und Wappen) этихъ королевствъ, надъ которыми должна быть помѣщена корона св. Стефана». Въ общихъ дѣлахъ устанавливается употребленіе «соединенныхъ гербовъ» всѣхъ четырехъ королевствъ; во время «обсужденія общихъ дѣлъ» надъ венгерскимъ парламентомъ должно развиваться рядомъ съ венгерскимъ знаменемъ «соединенное знамя королевствъ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи». На металлической монетѣ венгерской короны къ королевскому титулу присоединяется титулъ короля Далмаціи, Хорватіи и Славоніи. Ст. 65 глухо обѣщаетъ выставить притязанія на возсоединеніе (реинкорпорацію) Далмаціи, но ст. 66, опредѣляя территоріи Хорватіи и Славоніи, оставляетъ за Венгріей городъ и округъ Рѣку (Фіуме) въ качествѣ «separatum sacrae regni coronae adnexum corpus». По этому пункту шла особенно оживленная борьба между двумя комиссіями, и основной текстъ конституціи 1868 г. прибавляетъ, что относительно города Фіуме и его округа соглашеніе «между двумя королевскими комиссіями» не состоялось. Таково въ главныхъ чертахъ соглашеніе 1868 г., скрывающее за каждой изъ статей его долгую и страстную борьбу. Мадьяры стремились поставить Хор-

ватію въ полную зависимость отъ себя, хорватское общественное мнѣніе требовало признанія и осуществленія государственнаго права Хорватіи и Славоніи. Проигравшей стороной оказались, несомнѣнно, хорваты, но лишь на текущій моментъ, такъ какъ завоеванная ими свобода національнаго развитія должна была, непремѣнно, въ дальнѣйшемъ будущемъ привести къ торжеству и государственныхъ стремленій хорватскаго народа. Но ему пришлось прожить тяжелые сорокъ лѣтъ, чтобы сконцентрировать силы хотя бы для нѣкотораго отпора мадьярамъ. Въ блестящей главѣ, посвященной «Хорватіи въ эпоху дуализма» (1868—1905), Сетонъ-Ватсонъ отмѣчаетъ, что «Хорватія подверглась неизбѣжной участи всякой слабой и забытой націи».

Однако хорваты не легко мирились съ этой участью, и оппозиція мадьярскому режиму началась немедленно послѣ соглашенія 1868 г. Первому же бану, бар. Рауху, пришлось вступить въ ожесточенную борьбу съ хорватской оппозиціей, во главѣ которой стала народная либеральная партія. Въ 1872 г. хорватская депутація, во главѣ которой стоялъ Штросмайеръ, представила венгерской делегаціи рядъ требованій: хорватскіе делегаты должны избираться хорватскими членами парламента, а не всѣмъ составомъ его; бана назначаетъ самъ король, безъ представленія венгерскаго министра-президента, и банъ носитъ титулъ «министра для Хорватіи, Далмаціи и Славоніи», занимая положеніе австрійскаго министра-земляка, и т. д. Разумѣется, мадьяры отвѣтили категорическимъ отказомъ на всѣ эти требованія. Тѣмъ не менѣе, въ 1873 г. на должность бана былъ назначенъ выдающійся хорватскій патріотъ и поэтъ Ив. Мажураничъ, при которомъ Хорватія сильно шагнула впередъ въ своемъ культурномъ и политическомъ развитіи. Такъ, 19 окт. 1874 г. былъ открытъ Загребскій хорватскій университетъ. Это было второе крупное культурное учрежденіе въ Хорватіи. Первымъ явилась задуманная въ 1860 г. Штросмайеромъ и историкомъ Рачкимъ «Южнославянская Академія Наукъ и Искусствъ», открытая 28 іюля 1867 г. съ большимъ торжествомъ. Мажураничъ стремился поднять народное образованіе и ввести строгую законность въ управленіе страной, но въ бурную эпоху боснійскаго возстанія, русско-турецкой войны, Берлинскаго конгресса ему приходилось съ трудомъ удерживать южно-славянское населеніе Хорватіи и Славоніи отъ выраженій недовольства центральнымъ правительствомъ. Ненавистная военная граница все еще не была окончательно уничтожена, несмотря на настоянія Мажуранича, и въ 1880 г. онъ подалъ въ отставку, обезсиленный борьбой съ мадьярской властью. Отставка его была принята съ радостью, и онъ былъ замѣненъ гр. Пеячевичемъ.

При Пеячевичѣ мадьяризація сдѣлала большой шагъ впередъ. Въ 1880 же году, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Пеячевича, директоромъ хорватскаго финансоваго отдѣла былъ назначенъ мадьярскій чиновникъ Давидъ, который сталъ явно покровительствовать лицамъ, знающимъ мадьярскій языкъ, и даже устроилъ курсы для изученія его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соглашеніе 1868 г. стало сплошь и рядомъ третироваться венгерскимъ правительствомъ. Въ хорватскомъ обществѣ все это вызвало сильное возмущеніе, которое привело къ основанію новой политической партіи, независимой національной партіи. Между тѣмъ Давидъ продолжалъ свою систему пренебреженія къ хорватской конституціи; въ 1883 г. онъ потребовалъ замѣны только хорватскихъ надписей на официальныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ двуязычными. Это вызвало крупные безпорядки въ Загребѣ и провинціи, Пеячевичъ протестовалъ въ Будапештѣ, но когда его протестъ не былъ принятъ, подалъ въ отставку. Тогда венгерское правительство прибѣгло къ средству, въ

спасительность котораго оно съ тѣхъ поръ твердо вѣрило. Конституція была отмѣнена, и для управленія страной былъ назначенъ королевскій комиссаръ (4 сент.—1 дек. 1883 г.). Этотъ незаконномѣрный актъ правительства разрушилъ послѣднюю нравственную связь, соединявшую Хорватію съ Венгріей, и съ тѣхъ поръ въ Хорватіи не было ни одной честной политической партіи, которая отстаивала бы унію. Людей, стоявшихъ на сторонѣ мадьяръ, «мадьяроновъ», въ обществѣ глубоко презирали, но венгерское правительство пользовалось ими для своихъ цѣлей, чтобы образовывать изъ нихъ политическія «партіи», проводить ихъ въ хорватскій сеймъ («саборъ») и прикрывать ихъ подкупленными голосами свою ненавистную хорватамъ политику. Объ этой политической борьбѣ я не могу здѣсь подробно говорить и долженъ сослаться на соотвѣтствующій очеркъ въ названной книгѣ Сетонъ-Ватсона. Результатомъ борьбы было сближеніе хорватовъ съ сербами, съ которыми предшествующее поколѣніе находилось въ остромъ антагонизмѣ на почвѣ религіозной и національной. Въ 1905 г. въ хорватскомъ и сербскомъ обществѣ создалось настроеніе, облегчающее возможность соглашенія. Если и раньше были сторонники сближенія и сохраненія народнаго сербско-хорватскаго единства, то они оставались въ крайнемъ меньшинствѣ [1]), но теперь вождемъ новаго движенія сдѣлался выдающійся хорватскій публицистъ Супило и его газета «Novi List». Одновременно наблюдается поворотъ въ хорватско-венгерскихъ отношеніяхъ. Мадьяры, ведя упорную политику борьбы съ Австріей, нуждались въ союзникахъ. «Далматинскіе вожди, движущія силы этого (сербско-хорватскаго) движенія, были настолько проницательны, что увидѣли выгоды, которыя хорваты могутъ извлечь изъ мадьярской партійной распри» (Seton-Watson. 167). Начались переговоры о новомъ соглашеніи; въ октябрѣ 1905 г. сорокъ пять хорватскихъ депутатовъ изъ Хорватіи, Далмаціи и Истріи съѣхались въ Фіуме и выработали знаменательную резолюцію.

Основнымъ положеніемъ резолюціи [2]) является признаніе, что «всякій народъ имѣетъ право свободно и вполнѣ независимо располагать своимъ собственнымъ существованіемъ и опредѣлять свою судьбу». Это признаніе, получавшее примѣненіе по отношенію къ мадьярской борьбѣ противъ австрійскаго «угнетенія», тѣмъ болѣе было примѣнимо къ хорватско-мадьярскимъ отношеніямъ. Резолюція призывала къ устройству этихъ послѣднихъ въ такомъ духѣ, чтобы хорватскій и мадьярскій народы оказывали другъ другу взаимную поддержку. При этомъ, однако, хорватскіе депутаты выставили нѣсколько условій, именно: полное соблюденіе соглашенія 1868 г., избирательную реформу, несмѣняемость судей, учрежденіе особаго трибунала для суда по дѣламъ печати, присоединеніе Далмаціи къ Хорватіи и т. д. Венгерская оппозиція, боровшаяся съ Австріей и объединительными стремленіями Вѣны, встрѣтила этотъ документъ съ распростертыми объятіями, и глава ея, Фр. Кошутъ, привѣтствовалъ «хорватскихъ и далматинскихъ братьевъ», напоминая хорватамъ, «что они (мадьяры) всегда дѣлились съ этими послѣдними завоеванными для себя правами». Что касается самихъ хорватовъ, то въ Хорватіи почти всѣ партіи примкнули къ Фіумской резолюціи, кромѣ австрофильской крестьянской партіи, тогда какъ въ Далмаціи большинство хорватскихъ членовъ Вѣнскаго рейхсрата отказалось подписать резолюцію въ виду ея антиавстрійскаго характера.

---

[1]) Какъ сторонникъ сближенія, уже въ 1895 г. выступилъ сербскій писатель Миованъ Миловановичъ, въ началѣ XX в. выдающійся государственный дѣятель Сербскаго королевства, министръ иностранныхъ дѣлъ и т. д. См. его статью «Срби и хрвати» (Дело. 1895).

[2]) О фіумской резолюціи, кромѣ Сетонъ-Ватсона, см. современное изложеніе дѣла въ книгѣ René Henry. Des Monts de Bohême au Golfe Persique. 1908, стр. 170 и дал.

Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣло присоединеніе 26 сербскихъ депутатовъ Далмаціи къ резолюціи, такъ какъ оно ознаменовывало впервые, послѣ десятилѣтій сербско-хорватской ожесточенной вражды, эру братскаго единенія двухъ народовъ. Тотъ принципъ, который легъ въ основу дальнѣйшаго развитія этого единенія и привелъ къ созданію сербско-хорватской коалиціи, былъ однимъ изъ самыхъ прогрессивныхъ принциповъ міровой политики, которая все болѣе строится на единеніи родственныхъ народовъ. Онъ гласилъ: «Сербы и хорваты составляютъ по языку и крови одинъ народъ». Зимой 1905 г. образовалась и самая коалиція. Это былъ положительный результатъ Фіумскаго съѣзда. Но имѣлись и весьма отрицательныя послѣдствія его: хорватскіе депутаты Загребскаго сейма слишкомъ неосторожно обнаружили свои анти-австрійскія чувства и слишкомъ повѣрили венгерской оппозиціи. Эта послѣдняя довольно скоро примирилась съ Вѣной и стала управлять судьбами Транслейтаніи; хорваты же оказались въ глазахъ Австріи опасными мятежниками, а сербско-хорватская коалиція и просто нѣкоторымъ пугаломъ. Мадьяры не замедлили измѣнить ей, а Вѣна не считала нужнымъ поддерживать хорватовъ. А когда въ 1906 г. на выборахъ въ Саборъ сербско-хорватская коалиція получила сравнительно наибольшее число голосовъ и этимъ обнаружила свою силу, то она представилась опаснымъ факторомъ политической жизни и для мадьярскихъ, и для австрійскихъ политиковъ. Уже въ маѣ 1907 г. обнаружилось, что венгерское правительство и не помышляетъ о какихъ-либо правахъ хорватовъ. Кошутъ, привѣтствовавшій фіумскую резолюцію, провелъ законъ (прагматику) о введеніи въ желѣзнодорожную службу всей Транслейтаніи въ качествѣ служебнаго языка мадьярскаго. Это означало окончательный разрывъ добрыхъ отношеній между Хорватіей и Венгріей.

Послѣдствія не заставили себя ждать. 6 янв. 1908 г. баномъ былъ назначенъ бар. Раухъ, пріѣхавшій въ Загребъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ подавить оппозицію. Съ 1908 г. до конца 1913 г., въ продолженіе шести лѣтъ, Хорватія была ареной величайшаго политическаго гнета. Саборъ былъ разгромленъ; студенческіе безпорядки въ Загребѣ привели къ закрытію университета и къ эмиграціи массы хорватскаго студенчества въ Пражскій университетъ; печать была подавлена. Когда же Австро-Венгрія приступила къ наступательной политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ, то сербско-хорватская коалиція, пользовавшаяся громаднымъ сочувствіемъ общества, представилась въ глазахъ управляющихъ политическихъ круговъ реальной опасностью на случай возможныхъ осложненій въ международныхъ отношеніяхъ. Послѣдствіемъ той подозрительности, съ которой австро-венгерскіе государственные дѣятели относились къ сербско-хорватской коалиціи, явились много нашумѣвшіе политическіе процессы 1908—1909 годовъ. Первый изъ нихъ былъ начатъ вскорѣ послѣ аннексіи Босніи и Герцоговины, осенью же 1908 г. Къ 15 янв. 1909 г. имѣлось налицо уже 53 серба, обвиняемыхъ въ «великосербской» пропагандѣ, которая съ 1848 г. сдѣлалась для Австріи однимъ изъ грозныхъ призраковъ грядущаго и неизбѣжнаго разложенія. Этотъ процессъ былъ созданъ съ помощью провокаціи, позоръ которой легъ на «государственнаго свидѣтеля» (Kronzeuge) Настича. Обвиняемымъ ставилась въ вину государственная измѣна въ пользу сербскаго короля Петра, имя и личность котораго подвергались глумленію на процессѣ и въ австрійской печати. Процессъ закончился массой обвиненій, вызвавъ глубокое возмущеніе въ европейскомъ общественномъ мнѣніи. Благородный энтузіастъ, чешскій профессоръ и членъ рейхсрата Масарикъ заявилъ въ засѣданіи рейхсрата, что «ирредентизма сербскаго и хорватскаго въ Хорватіи, въ Венгріи или даже на словинской почвѣ, какъ онъ сконструи-

рованъ Настичемъ и обвинительнымъ актомъ, не было и нѣтъ». Съ этой оговоркой положеніе Масарика [1]) можно принять, но наличности «великосербской идеи» нельзя отрицать. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ присоединяюсь къ заключеніямъ извѣстнаго знатока Сербіи А. Мале [2]), который отмѣчаетъ близкое племенное сродство между различными сербско-хорватскими народами и продолжаетъ такъ: «Всѣ эти народы въ настоящее время вполнѣ сознаютъ фактъ своего родства, и это самое важное. Сказать, что между ними, въ самой народной массѣ, существуетъ пан-сербское движеніе, было бы абсолютно неправдой. Я думаю, что только крестьяне Сербскаго королевства имѣютъ представленіе о Великой Сербіи. Но если эта идея еще не вездѣ вполнѣ популярна, то среди интеллигенціи (dans l'élite) она встрѣчается повсюду. И это самое существенное: не лаццарони Неаполя или гондольеры Венеціи создали единство Италіи, но мыслители. А всѣмъ тѣмъ, кто въ сербскомъ мірѣ мыслитъ, идея Великой Сербіи очень близка». Какъ бы то ни было, процессъ о великосербской пропагандѣ и послѣдовавшіе процессы (Фридьюнга, Супило) только усилили значеніе сербско-хорватской коалиціи и укрѣпили ее въ оппозиціонномъ настроеніи. Въ отвѣтъ на это и мадьярское правительство принимало все болѣе суровыя мѣры притѣсненія. Раухъ оказался недостаточно суровъ и былъ замѣненъ ничтожнымъ, лишеннымъ всякаго моральнаго престижа человѣкомъ, который былъ готовъ на все. Такимъ оказался Цувай, который 3 апр. 1912 г. былъ назначенъ королевскимъ комиссаромъ [3]) въ королевствахъ Хорватіи и Славоніи. «Всякая дѣятельность автономной законодательной корпораціи», какъ было сказано въ приказѣ объ его назначеніи, прекращалась, и устанавливался такимъ образомъ, бюрократическій абсолютизмъ. Противъ Хорватіи были одинаково враждебно настроены и австрійское, и венгерское правительства, и единственной цѣлью Цувая было усмиреніе страны, особенно же коалиціи.

Какими мѣрами достигалась эта цѣль? Прежде всего строжайшей цензурой. «Съ апрѣля 1912 г. общественное мнѣніе страны не находило уже никакого выраженія; вообще, не терпѣлась никакая критика; о законодательствѣ или реформахъ никто не думалъ, экономическая эксплуатація Хорватіи Венгріей продолжалась безъ всякаго удержа; въ финансовыхъ дѣлахъ царилъ полный хаосъ; хорватскій бюджетъ и отвѣтственные за него чиновники оставались безъ контроля уже 5 лѣтъ». Такъ писалъ въ своей книгѣ, вышедшей въ 1913 году, Сетонъ-Ватсонъ. Наконецъ, этотъ режимъ сталъ уже настолько позорно невыносимъ, что о немъ заговорили и въ австрійскомъ рейхсратѣ, гдѣ засѣдали хорватскіе и сербскіе представители Далмаціи. Сдѣлать косвенный упрекъ мадьярскому правительству рѣшился и австрійскій министръ-президентъ, гр. Штюркъ, который въ засѣданіи рейхсрата 18 апр. 1912 г. высказалъ опасеніе, не повліяетъ ли на внутреннія и внѣшнія отношенія монархіи «столь глубоко проникающее исключительное положеніе» Хорва-

---

[1]) О Загребскомъ процессѣ имѣется большая литература: Veleizdajnički proces (изданіе защитниковъ). 1909. Le procès d'Agram et l'opinion européenne. Paris 1909 (сборникъ статей французскихъ корреспондентовъ). Th. G. Masaryk. Der Agramer Hochverratsprozess und die Annexion von Bosnien und Herzegowina. 2 Auflage. 1909. Въ связи съ этимъ стоитъ другая брошюра Масарика: Vasić-Forgách-Aehrental. Einiger Material zur Charakteristik unserer Diplomatie. 1911. Прекрасно изложены всѣ эти процессы въ книгѣ Сетонъ-Ватсона. Русская печать также живо интересовалась Загребскимъ процессомъ (см., напримъ., «Московскій Еженедѣльникъ» за 1908—1909 г.).

[2]) Les aspirations autonomistes en Europe. Leçons faites à l'Ecole des Hautes Etudes sociales. Paris. 1913 (La nationalité serbo-croate, par A. Malet).

[3]) T. S. Grabowski. Komisaryat Królewski Chorwacyi wobec jej odrębności państwowej. 1912.

тіи. Это замѣчаніе вызвало въ Венгріи сильное возбужденіе, такъ какъ въ немъ увидѣли вмѣшательство австрійскаго правительства во внутреннія дѣла самостоятельнаго Венгерскаго королевства. Цувай почувствовалъ, что у него еще болѣе развязаны руки: 12 іюня онъ учредилъ «постоянную комиссію для законодательной дѣятельности», 11 іюля былъ изданъ королевскій рескриптъ, уничтожавшій автономію сербской православной церкви (объ этомъ ниже) и т. д. Но удерживать Хорватію становилось все болѣе трудно. Созданіе Балканскаго союза и его побѣдоносныя дѣйствія въ войнѣ съ турками отозвались настолько громкимъ эхомъ въ сердцахъ южно-славянскихъ соплеменниковъ воюющихъ сербовъ, что никакіе аресты и штрафы не могли сдержать проявленій общественнаго воодушевленія. И это воодушевленіе принимало все болѣе непріязненныя формы по отношенію къ Австро-Венгріи. Играть съ огнемъ, наконецъ, показалось опаснымъ. Комиссаріатъ не былъ отмѣненъ, но 27 дек. 1912 г. ненавистный Цувай получилъ долговременный отпускъ и потомъ отставку, а 21 іюля 1913 г. онъ былъ замѣненъ бар. Скерлечемъ.

Съ назначеніемъ Скерлеча въ Хорватіи наступилъ режимъ большей законности, но возвращеніе къ конституціонному режиму наступило не сразу. Въ королевскомъ рескриптѣ, обнародованномъ при назначеніи бар. Скерлеча, ему ставилось въ обязанность «возможно скорѣе подготовить столь желательное возстановленіе нормальныхъ отношеній въ королевствахъ Хорватіи и Славоніи и своевременно представить (на разсмотрѣніе верховной власти) свои соображенія по этому поводу». Прошло, однако, три мѣсяца, во время которыхъ и Скерлечъ, и венгерскій министръ-президентъ Тиса вели переговоры съ хорватскими партіями, а положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Необходимо было, прежде всего, подготовить большинство для будущаго сейма, но изъ всѣхъ партій, къ которымъ могъ обратиться Скерлечъ, нравственный престижъ сохраняла только коалиція. Подкупность или легкомысліе другихъ партій слишкомъ скомпрометировали ихъ въ глазахъ не только страны, но и самого правительства. Между тѣмъ коалиція сама не шла навстрѣчу власти, да и трудно было послѣ всего происшедшаго сразу вступить въ союзъ съ ней, потому что такой союзъ власти съ коалиціей означалъ бы очень рѣзкій поворотъ въ политикѣ Венгріи по отношенію къ Хорватіи. Но венгерскіе политики вообще не смущались такими неожиданными переходами отъ одной крайности къ другой. Въ концѣ-концовъ, именно съ сербско-хорватской коалиціей и пошелъ новый банъ Тріединаго королевства. 21 октября 1913 года бар. Скерлечъ получилъ высочайшую аудіенцію, на которой доложилъ императору о положеніи вещей въ Хорватіи. Это былъ первый опредѣленный шагъ въ направленіи къ лучшему. Впрочемъ, онъ диктовался необходимостью, такъ какъ соглашеніе 1868 г. устанавливало на извѣстный срокъ финансовое участіе Хорватіи въ бюджетѣ Трансильваніи, и въ концѣ 1913 г. какъ разъ истекалъ срокъ договора. Но мадьярское правительство не желало управлять страной въ союзѣ только съ коалиціей, настаивая на сотрудничествѣ послѣдней съ мадьяронскими «уніонистами». Между тѣмъ, партійная борьба въ Хорватіи была слишкомъ остра для такого соглашенія. Какъ бы то ни было, съ начала ноября стали упорно говорить о предстоящемъ разрѣшеніи Хорватскаго кризиса и, прежде всего, объ измѣненіи желѣзнодорожной прагматики въ пріемлемомъ для хорватовъ смыслѣ. Гр. Тиса сдѣлалъ въ венгерскомъ парламентѣ (26 ноября 1913 г.) опредѣленныя заявленія этого рода, отмѣтивъ при одобреніи палаты, что «въ законѣ о желѣзнодорожной прагматикѣ вопросы о языкѣ будутъ обойдены молчаніемъ», и что на службу на хорватскихъ линіяхъ будутъ

приниматься и лица, знающія только по-хорватски. Съ другой стороны, хорватская печать стала припоминать объ имѣющихся налицо и не потерявшихъ своей силы договорныхъ отношеніяхъ между партіями. «Хорватъ», органъ партіи права, и «Хорватскій Покретъ» (см. номера за 26 и 27 нояб. 1913 г.), органъ хорватской объединенной самостоятельной партіи, главный выразитель идей коалиціи, обнародовали договоръ, заключенный между коалиціей и партіей права 12 марта 1912 г. на случай избирательной компаніи. Все это были ясные признаки предстоящаго возстановленія нормальныхъ конституціонныхъ отношеній. И, дѣйствительно, 1 декабря 1913 г. конституція была возстановлена, а королевскій комиссаръ баронъ Скерлечъ-де Ломница былъ назначенъ баномъ. Одновременно съ этимъ были устранены мадьярскія офиціальныя названія хорватскихъ городовъ на станціяхъ и штемпеляхъ и были точно установлены ихъ хорватскія названія. Задачей новаго финансоваго соглашенія сербско-хорватская коалиція (см. Pokret. 25 дек. 1913 г.) признала установленіе новыхъ доходовъ въ пользу Хорватіи и Славоніи, исключеніе изъ общаго бюджета такихъ расходовъ, которые не имѣютъ общаго назначенія, и «обезпеченіе права контроля и вліянія хорватской власти и хорватскаго собора на общій бюджетъ». На 27 декабря сеймъ, который былъ распущенъ 16 марта 1911 г., былъ опять созванъ. Конституція въ Хорватіи была въ полной мѣрѣ возстановлена.

Выборы въ сеймъ происходили 16 дек. 1913 г. Они дали яркое доказательство того, что народъ и общество въ Хорватіи остались вѣрны коалиціи, и что пятилѣтнее угнетеніе не сломило ея энергіи и вліянія. Одержали блестящую побѣду на выборахъ хорватская объединенная и сербская самостоятельная партіи, получившія вмѣстѣ, какъ коалиція, 44.447 голосовъ (въ 1911 г. всего 27.910 голосовъ) и проведшія 47 своихъ кандидатовъ (въ 1911 г. 28). Другія партіи получили слѣд. количество депутатовъ: безпартійные—1 (проведенъ съ помощью коалиціи), центральный независимый клубъ 1, партія права 13, партія Франка 9, крестьянская партія Ст. Радича 3, уніонисты безпартійные 13 и т. д. Характерно здѣсь отсутствіе соціалистовъ, которые собрали во всей Хорватіи и Славоніи 800 голосовъ. Къ коалиціи принадлежали также нѣсколько лицъ, участвующихъ въ Саборѣ по своей должности, такъ что изъ 88 избранныхъ депутатовъ коалиція получила 47 креселъ, а всего 50, что составляло уже значительное большинство. Это послѣднее еще увеличивалось 13 голосами правительственныхъ «уніонистскихъ» депутатовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ скомпрометированъ связью съ Раухомъ или Цуваемъ, и которые поэтому могли вступить въ блокъ съ коалиціей. Но эта оппозиціонная группа, превратившись въ правительственное большинство, рисковала потерять свою популярность въ народныхъ массахъ, такъ какъ ей приходилось считаться съ реальными условіями жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ своего радикализма. И вотъ скоро уже послышались голоса [1]), что коалиція ведетъ двойственную политику: «старается быть радикальной въ глазахъ массъ для увеличенія своей популярности, въ отношеніи же къ мадьярамъ выказываетъ раболѣпную лойяльность и искреннюю преданность уніонизму». Со своей стороны правительство продолжало хранить нѣкоторое недовѣріе къ коалиціи и не вручало ей управленія страной, не видя, сверхъ того, среди дѣятелей коалиціи людей съ достаточно авторитетнымъ политическимъ именемъ. Хорватская часть коалиціи состоитъ изъ «хорватской объединенной самостоятельной партіи», которая образовалась въ 1910 г. изъ сліянія «хорватской прогрес-

[1]) Э. П-а к ъ. Хорватскія политическія партіи (Славянскія Извѣстія 1913. № 45 и слѣд.).

сивной партіей» съ «хорватской партіей государственнаго права». Сама послѣдняя партія создалась въ 1902 г. изъ сліянія основанной въ 1868 году Старчевичемъ и Кватерникомъ «партіи права» (органъ «Hrvatska Domovina») и выдѣлившейся отсюда въ 1895 г. «чистой партіи права» (во главѣ съ самимъ А. Старчевичемъ и др. Франкомъ, съ органомъ «Hrvatsko Pravo»). «Чистое крыло партіи права, во главѣ котораго стоялъ д-ръ Франкъ, слилось въ 1911 г. съ христіанскими соціалистами (органъ «Hrvatska») въ христіанско-соціалистическую партію права. Еще передъ этимъ, въ 1908 г., выдѣлился изъ чистой партіи права др. А. Старчевичъ, въ 1912 году онъ съ нѣсколькими друзьями слилъ всѣ правашскія (историческо-правовыя) фракціи опять въ единственную партію права, которая въ 1913 г. вновь раздробилась» (Марьяновичъ. 206). Этого извлеченія изъ сочиненія знатока современныхъ политическихъ отношеній Хорватіи достаточно для характеристики партійнаго хаоса, который господствовалъ въ Хорватіи. Партійныя отношенія здѣсь было крайне неустойчивы; личные счеты, честолюбіе вождей и т. д. измѣняли постоянно всю партійную группировку. Поэтому изучать хорватскую партійную жизнь такъ же серьезно, какъ, напр., чешскую или польскую, не представляется никакой надобности. Зато политическимъ аферистамъ въ Хорватіи раздолье, и Ст. Радичъ, создавшій крестьянскую партію, сильно упавшую, однако, на послѣднихъ выборахъ въ «Саборъ», попадаетъ въ этотъ послѣдній, несмотря на свое полное политическое ничтожество. «Вожди аграріевъ, справедливо замѣчаетъ Э. П-акъ, знаютъ слабыя стороны своихъ приверженцевъ и, играя на этихъ отрицательныхъ сторонахъ, увлекаютъ темную и наивную массу несбыточными обѣщаніями, добиваясь такимъ путемъ избирательныхъ голосовъ». Понятны пессимистическіе выводы П-ака о политической жизни хорватовъ. Сессія новаго Собора продолжалась до 28 марта 1914 года и прошла чрезвычайно оживленно. Прежде всего нужно было возстановить упущенное за два года абсолютическаго режима: было продолжено финансовое соглашеніе съ Венгріей, былъ принятъ временный бюджетъ и законъ о томъ, что бюджетный годъ продолжается съ 1 іюля до конца слѣдующаго іюня, далѣе была избрана комиссія для урегулированія экономическихъ отношеній и экономической политики мѣстнаго правительства и т. д. Это была необходимая, но негромкая работа, и оппозиція старалась мѣшать ей, внося радикальныя предложенія о разрывѣ «уніи» между Хорватіей и Венгріей (Радичъ) или требуя, чтобы соборъ отказался посылать делегатовъ въ Будапештъ, пока въ Венгріи не примутъ всѣхъ государственноправовыхъ требованій Хорватіи. Представителямъ парламентскаго большинства приходилось вести упорную борьбу съ коалиціей и прибѣгать даже къ такимъ способамъ борьбы, какъ разоблаченіе двуличной игры различныхъ партій. Тѣмъ не менѣе, политическая жизнь страны все-таки налаживалась.

Здоровымъ зерномъ въ ней можетъ быть признано то явленіе, которое базируется на старыхъ иллирскихъ стремленіяхъ и оказывается своего рода «нео-иллиризмомъ». Введеніе всеобщаго алфавита—одно изъ средствъ для этого, и сербскій ученый Скерличъ и хорватскій Томичъ высказываются за употребленіе во всей южно-славянской письменности латинской азбуки («Pokret», 1 марта 1914 г.), съ чѣмъ, конечно, не согласится сербское православное славянство, какъ литовское-католическое крестьянство упорно отказывалось принять русскій алфавитъ. Для объединенія со словинцами въ Люблянѣ былъ устроенъ въ августѣ 1913 г. словинско-хорватскій съѣздъ, на который собралось болѣе 20 тыс. человѣкъ, и который санкціонировало своимъ присутствіемъ высшее хорватское и словинское духовенство. Реальныхъ послѣдствій съѣздъ, прошедшій въ

религіозныхъ и національныхъ торжествахъ, не имѣлъ, но сѣмена сближенія продолжали взрастать, и съ конца марта 1914 года въ Загребскомъ университетѣ была введена доцентура словинской литературы и языка, встрѣченная оваціями со стороны хорватскаго студенчества. Это явленіе новое и знаменательное. Всего же въ Загребскомъ университетѣ уже три доцента-словинца.

Другое теченіе, которое сильно пробивалось въ современной хорватской жизни, заключалось въ стремленіи къ «Тріализму», т.-е. выдѣленію Тріединаго королевства въ его полномъ объемѣ, вмѣстѣ съ Босніей и Герцоговиной, въ отдѣльную государственную область, независимую отъ Венгріи и отъ Австріи и представляющую такую же единицу, какъ Австрія или Венгрія. Однимъ словомъ, мѣсто «дуализма» долженъ занять «тріализмъ». Сетонъ-Ватсонъ представилъ въ своей книгѣ подробный разборъ возможности осуществленія «тріализма» и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ, но будущее политическихъ отношеній Хорватіи къ Австро-Венгріи едва ли поддается въ настоящее время предвидѣнію, такъ какъ помимо даже войны 1914 года, измѣнившей, вообще, всѣ южнославянскія отношенія въ Австро-Венгріи, самое объединеніе сербскаго и хорватскаго народа въ одной политической программѣ могло привести ко многимъ неяснымъ теперь результатамъ. Во всякомъ случаѣ, славянскіе народы Австріи видѣли въ «тріализмѣ» нѣкоторую опасность для своихъ національныхъ политическихъ цѣлей, такъ какъ выдѣленіе Хорватіи ослабило бы остающійся славянскій элементъ въ Австро-Венгріи (Hrvatski Pokret, 28 апр. 1914 г.). Особенно, это было бы неудобно для чеховъ.

По даннымъ Лакатоша населеніе Хорватіи и Славоніи составляло 2.621.954 чел. Изъ этого числа на хорватовъ приходилось 1.638.354 (62,50%), на сербовъ 644.955(24,60%), т. - е. въ общемъ около 87%. При такихъ благопріятныхъ статистическихъ отношеніяхъ для развитія сербско-хорватской народности она все же оказывается не въ состояніи дать отпоръ вселеніямъ и распространенію другихъ народовъ, каковы, прежде всего, мадьяры (4,1%) и нѣмцы (5,1%), опирающіеся на свои многочисленныя національныя организаціи. Бѣдность и темнота крестьянскаго населенія служитъ той почвой, на которой пышно расцвѣтаетъ режимъ мадьярскаго произвола. Католики хорваты и сербы православные живутъ во многихъ округахъ смѣшанно. Различіе между хорватами и сербами носитъ условный характеръ. «Вѣроисповѣданіе является однимъ изъ главныхъ признаковъ, по которому различаются хорваты отъ сербовъ; первые католики, вторые православные и отчасти магометане (часть послѣднихъ признаетъ себя хорватами). Но этотъ признакъ не совсѣмъ точный. Есть православные, которые считаютъ себя хорватами, но это бываетъ довольно рѣдко, и обыкновенно, что православный, то сербъ» (Л. Нидерле. Обозр. современ. слав. 123). Такимъ образомъ, все сводится здѣсь къ *традиціонному* самоопредѣленію себя съ той или другой національностью, при чемъ память о своемъ происхожденіи отъ предковъ сербовъ или хорватовъ связывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ принадлежностью къ опредѣленной религіи, а эта принадлежность, въ свою очередь, соединяется съ той или другой азбукой, съ цикломъ историческихъ воспоминаній. Все это образуетъ въ достаточно прочной мѣрѣ базисъ для національнаго самоопредѣленія, при отсутствіи антропологическаго или языкового критерія. Хотя діалектъ, на которомъ говорятъ хорваты, отличается отъ сербскаго литературнаго языка, принятаго и хорватской письменностью, однако и въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ значительныя діалектическія разновидности. Но въ общемъ сербы и хорваты различаютъ другъ друга вполнѣ опре-

дѣленно. Такъ, въ избирательной борьбѣ это различіе соблюдается строго. На картѣ избирательныхъ округовъ Хорватіи и Славоніи (Hrv. Pokret, 6 дек. 1913 г.), указано въ каждомъ округѣ процентное отношеніе избирателей хорватовъ къ сербамъ; въ національной статистикѣ Лакатоша даны для каждаго округа точныя цифры хорватовъ и сербовъ. Изъ 88 избирательныхъ округовъ хорватскіе избиратели составляютъ свыше 80 проц. всѣхъ избирателей въ 31 округѣ, т.-е. въ округахъ, занимающихъ западную и юго-западную часть Хорватіи и Славоніи. Въ нѣкоторыхъ округахъ хорваты составляютъ 99% всѣхъ избирателей (Sv. Ivan Zelina, Dol. Stubica, Krapina, Pregrada, Klanjec). Эти округа подходятъ на сѣверо-западѣ Хорватіи къ словинской территоріи. Къ востоку отъ сплошной территоріи, занятой хорватами, тянутся округа, гдѣ хорваты составляютъ уже менѣе значительное большинство, смѣшиваясь съ сербами, мадьярами и нѣмцами. Сербы ни въ одномъ изъ округовъ не достигаютъ такого перевѣса въ населеніи. Въ наиболѣе заселенномъ сербами округѣ Мартинцы ихъ избиратели составляютъ всего 80,4%; въ сосѣднемъ округѣ Шимановцы 79,9% и т. д. Съ этой политической статистикой въ общемъ согласуется и національная: въ Срѣмской жупаніи хорваты составляютъ 26,9%, сербы 44,7, въ отдѣльныхъ же округахъ ея процентъ сербовъ значительнаго выше (Землинъ 79,9%, Митровица 84,4% и т. д.). Въ другихъ жупаніяхъ сербовъ меньше, чѣмъ въ Срѣмской.

По своимъ занятіямъ населеніе Хорватіи и Славоніи распадается на нѣсколько группъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ земледѣліе, которымъ было занято 1910 82%, 1900 82,19%, 1890 84,67% населенія. Какъ мы видимъ, процентъ все уменьшается, что, повидимому, находится въ связи не столько съ переходомъ мѣстнаго крестьянскаго населенія къ другимъ отраслямъ труда, сколько съ наплывомъ новыхъ элементовъ, чуждыхъ земледѣлію. Дѣйствительно, процентное отношеніе населенія, занятаго промышленностью и торговлей, возрастаетъ съ 9,63% въ 1890 г. до 10,15% въ 1900 г. и 11,5% въ 1910. Возрастаетъ также процентная численность лицъ, занятыхъ государственной службой и либеральными профессіями, т.-е. интеллигенціи : такія лица (46,676 чел.) составляли въ 1890 г. 1,94% населенія, въ 1900 г. (53,675 чел.) 2,22% и въ 1910 г. (69 тыс. чел.) 2,5%. Крестьянство представляетъ еще глубоко неграмотную патріархальную массу, сохранившую старинный укладъ жизни. Здѣсь еще удержалась въ быту *задруга*, которую законъ 1870 г. опредѣляетъ слѣд. образомъ: «Нѣсколько семействъ или домочадцевъ, которые живутъ въ одной усадьбѣ и подъ властью одного домохозяина, совмѣстно хозяйничая, т.-е. воздѣлывая нераздѣльно недвижимое имущество и сообща пользуясь его плодами, образуютъ ту патріархальную общину. которая называется задругой». Задружный бытъ, сохранившійся также въ Сербіи и Болгаріи, обладаетъ значительными достоинствами: онъ дисциплинируетъ семью, поддерживаетъ духъ солидарности въ массахъ, позволяетъ въ значительной степени избѣгать остроты аграрнаго вопроса, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ и очень отрицательныя стороны: онъ задерживаетъ развитіе индивидуальной собственности и личности, отучаетъ человѣка вѣрить въ собственныя силы и надѣяться только на себя, и является, такимъ образомъ, консервативнымъ учрежденіемъ, чуждымъ духу современной культуры и экономической борьбы. Поэтому задруга не обладаетъ жизнеспособностью. Но результаты ея сказываются въ склонности населенія къ «задружнымъ» (просто уже кооперативнымъ) формамъ быта. Еще въ 1895 г. число родовыхъ задругъ доходило до 18 тыс. Наибольшая масса ихъ была распространена въ пограничныхъ округахъ. Но съ тѣхъ поръ число задругъ значительно уменьшилось, и правитель

ство не противится раздѣламъ, такъ что въ нѣкоторыхъ комитатахъ задруги совершенно исчезли. На ряду съ офиціальными раздѣлами, производимыми съ вѣдома мѣстной власти, весьма обычна и другая форма раздѣла частнаго, «тайнаго», основаннаго на стремленіи миновать законъ, запрещающій черезчуръ мелкое дробленіе земельной собственности. Упадокъ задруги въ Хорватіи вызвалъ такія же послѣдствія, какія наблюдаются повсюду при разрушеніи земельнаго общиннаго владѣнія, т.-е. сильную задолженность крестьянства, эмиграцію, развитіе деревенскаго пролетаріата. Несмотря на это, въ интересахъ будущаго Хорватіи слѣдуетъ привѣтствовать распадъ задруги, представлявшей своей косностью сильное препятствіе для культурнаго развитія сербскохорватскаго народа. Естественно, поэтому, что въ современной хорватской политической жизни наблюдается сильное теченіе въ пользу введенія новаго наслѣдственнаго права, разрушающаго задругу. Какъ высказался одинъ изъ сторонниковъ задруги, это требованіе составляетъ «ceterumcenseo» почти всѣхъ ораторовъ, выступавшихъ въ новомъ хорватскомъ сеймѣ (Hrv. Pokret. 23—27 янв. 1914 г.).

Общая поверхность Хорватіи и Славоніи составляетъ 42.533 кв. км. (или 7.349.684 катастр. ютовъ). По даннымъ послѣдней поземельной переписи, произведенной въ 1895 г., подъ пахотной землей находилось 32,3% всей поверхности, плодородной и равнинной въ южной части Хорватіи и Славоніи и гористой, малоплодородной въ сѣверной; лугами и пашнями было занято 24,5%, лѣсами 35,7% поверхности; остальная часть составляла негодную для культуры область. Обращаясь къ крестьянскимъ хозяйствамъ, мы видимъ, что въ 1895 г. они въ числѣ 407,403 занимали общую поверхность 4.662.995 ютръ (M. Zorićić. Gospodarstva u kralj. Hrv. i. Slav. 31 prosinca 1895 po obsegu njihovu. Vjesnik Статист. бюро въ Загребѣ. 1900, цитир. у М. Майера. 61). Въ различныхъ комитатахъ или жупаніяхъ среднее количество земли, приходящееся на отдѣльное хозяйство, сильно варіируется: такъ, въ Лика-Крбавскомъ комитатѣ, представляющемъ гористую мѣстность, къ сѣверу отъ Далмаціи, у Адріатическаго моря, задруга уже почти совершенно разрушилась, и на хозяйство приходится въ среднемъ 6,85 ютръ (3.861 гектара). Къ сѣверу отсюда, въ комитатѣ Модрушъ-Рѣка, не отличающемся по устройству поверхности отъ Лика-Крбавскаго, но, повидимому, представляющемъ все же болѣе благопріятныя условія для земледѣлія, задруга сохранилась крѣпче, и въ связи съ этимъ количество земли, приходящее на одно хозяйство, больше 9,93 ютръ (5,67 гтр.). Мелкое землевладѣніе преобладаетъ также въ трехъ остальныхъ комитатахъ Хорватіи (Загребскомъ, Вараждинскомъ и Бѣловаръ-Крижевецкомъ), тогда какъ въ трехъ комитатахъ Славоніи (Пожега, Вировитица и Срѣмъ) господствуетъ крупное землевладѣніе. Статистика землевладѣнія въ Хорватіи и Славоніи въ силу указанныхъ особенностей этого послѣдняго не представляетъ такой яркой картины крестьянскаго быта, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ личное землевладѣніе. Тѣмъ не менѣе, и по имѣющимся даннымъ можно судить о томъ, какое ничтожное количество земли приходится на одного работника. Именно, изъ 407.403 хозяйствъ 4,52% обладали землей менѣе половины ютра, всего же хозяйствъ съ землей отъ $^1/_2$ до 1 ютра (ютро=0,572 гектара) было 53.886 на пространствѣ 24.374 ютръ (или 13.942 гектара). Это составляло 13,24% всѣхъ хозяйствъ и лишь 0,51% пространства земли, находящейся въ сельско-хозяйственной культурѣ. Затѣмъ, отъ 1 до 5 ютръ имѣло 30,99% всѣхъ хозяйствъ (7,95% всей земли), отъ 5 до 20 ютръ 47,30% хозяйствъ и 41,46% земли. Слѣдовательно, мелкія хозяйства, приблизительно до 10 десятинъ, составляли 91,53% всѣхъ хозяйствъ и занимали 49,92%

всей земли. Хозяйства отъ 20 до 200 югръ составляли 8,33% хозяйствъ и занимали 23,97% земли. Наконецъ, болѣе крупное землевладѣніе, свыше 200 югръ (100 дес.) состоитъ всего изъ 589 хозяйствъ (10,14%), которымъ принадлежитъ 1.217.251 югръ (26.11% всей земли). Съ 1895 года съ уничтоженіемъ многихъ задругъ количество малоземельныхъ крестьянъ должно было сильно возрости. При такихъ условіяхъ естественно образованіе кадра сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но уже въ 1908 году потребности болѣе крупнаго землевладѣнія не могли обслуживаться имъ; безземельники и неудачники предпочитали искать счастья за границей и массами эмигрировали, предпочитая новую неизвѣданную жизнь жалкому заработку, который имъ давала родина. Дѣлались попытки привлечь сельско-хозяйственныхъ работниковъ съ помощью основанія крестьянскихъ колоній на арендныхъ началахъ; однако эти попытки оказались безуспѣшными, и М. Мейеръ утверждаетъ, что кризисъ въ обслуживаніи сельскаго хозяйства рабочими можетъ быть устраненъ только измѣненіемъ культурнаго и экономическаго положенія рабочихъ. Сравненіе цѣнъ за наемный сельско-хозяйственный трудъ въ періодъ 1895—1905 г. указываетъ на значительный ростъ ихъ во всѣхъ комитатахъ.

Главнымъ продуктомъ, который даетъ земледѣліе въ Хорватіи и Славоніи, является пшеница. Такъ, цѣнность всего урожая была опредѣлена въ 1904 г. въ 120 милл. кр., на долю пшеницы изъ этой суммы пришлось 50 милл. Затѣмъ слѣдуютъ кукуруза (39 мил.), овесъ (8,5 мил.) и другіе злаки сравнительно въ ничтожныхъ размѣрахъ. Хорватія и Славонія могутъ быть названы странами пшеницы и кукурузы, какъ Румынія, сѣверная Болгарія или Малороссія. Южная часть королевства, дѣйствительно, очень напоминаетъ наши степи. Луговое хозяйство также представляетъ важнѣйшую отрасль сельско-хозяйственной промышленности, давъ сѣна въ 1904 г. на сумму свыше 87 милл. кр. Показателемъ уровня сельско-хозяйственной культуры можетъ служить урожайность полей. Въ Крижевцахъ имѣется высшее сельско-хозяйственное училище, на поляхъ котораго пшеница даетъ урожай 18,23 (1903)—13,30 (1905) центнеровъ на гектаръ, овесъ 17,12 (1903)—13,01 (1905) центн., кукуруза 41,12 (1902)—30,45 (1904) центн., озимый ячмень 14,80 (1903)—9,30 (1905) и яровой 16,66 (1905)—6,60 (1904) центн., картофель 270 (1903)—196 (1902) и рѣпа 291 (1902)—240 (1904) центн. на гектаръ. Эта урожайность при сравненіи со средней австрійской за 10 лѣтъ (1900—1910), оказывается слѣдующей:

	Средн. австрійская (1900—1910).	Наибольшая австр.	Средн. венгерская (1901—1907).	Ср. крижев. (1902—5).
Пшеница	13,2 цент.	16,9 въ Чехіи	11,68	15,48
Овесъ	12,5 цент.	12,9 въ Чехіи	11,17	14,46
Ячмень	17,0 цент.	16,6 въ Моравіи	10,71	12,32 (яров.)
Картофель	107 цент. (въ 1911 г.)	161,7 въ Верх. Авст. (1900—10)	около 90 цент. (1901)	227,2

Эти данныя показываютъ, что производительность венгерскаго земледѣлія уступаетъ, въ общемъ, австрійскому, но что при той высотѣ сельско-хозяйственной культуры, которая можетъ быть достигнута на поляхъ спеціальнаго учебнаго завденія, она можетъ дать блестящіе результаты. Тѣмъ болѣе печальную картину представляетъ хорватская сельско-хозяйственная культура въ обычныхъ своихъ условіяхъ. Возьмемъ производительность за годы 1901 и 1905 въ Хорватіи и Славоніи въ сравненіи съ данными, относящимися къ другимъ частямъ Транслейтаніи.

За единицу мѣры здѣсь служитъ урожайность на 1 ютрѣ (=0,572 гект.) Оказывается, что въ 1901 году уродилось:

	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	Картофеля.	Кукурузы.
въ Хорв.-Славоніи:	6,2 центн. на 1 ют.;	4,9;	5,3;	4,8;	40,0;	7,6.
въ словацкихъ комитатахъ:	6,2 » » » »	5,7;	6,4;	5,0;	49,03;	9,07.
въ мадьярскихъ комитатахъ:	5,9 » » » »	5,7;	5,9;	5,7;	51,10;	8,05.
въ румынскихъ комитатахъ:	5,3 » » » »	5,6;	6,0;	5,7;	39,0;	7,03.

Выводы, которые даетъ эта таблица, представляются не слишкомъ утѣшительными для хорватскаго земледѣлія. 1904 годъ былъ, повидимому, неурожайнымъ, и его результаты производятъ еще болѣе печальное впечатлѣніе. Для 1905 года мы находимъ слѣдующія данныя:

пшеницей были засѣяны 530.510 ютровъ, урожай далъ 3.559.015 центнер.; слѣд. 6,7 цент. на 1 ютрѣ;

рожью	134.436	644.421	4,8
ячменемъ	119.797	623.624	5,1
овсомъ	173.489	881.820	5,1
кукурузой	695.602	4.670.034	6,7 цент. на 1 ютрѣ

Наконецъ, въ 1908 году было собрано 11.172.547 центнеровъ хлѣба, что представляло вмѣстѣ со сборомъ овощей и сѣна стоимость 381.900.000 кронъ. Перейдемъ къ хорватскому животноводству. Эта область сельскаго хозяйства представляетъ особенно важное значеніе для Хорватіи и Славоніи какъ въ силу географическаго положенія этихъ странъ, такъ и вслѣдствіе исконной склонности ихъ населенія къ скотоводству. Самое слово «blago» (благо) означаетъ въ хорватскомъ языкѣ и скотъ, и богатство. Если бы вывозъ Хорватіи находился въ нормальныхъ отношеніяхъ и не встрѣчалъ препятствія со стороны венгерской конкуренціи, поддерживаемой государствомъ, то, несомнѣнно, на равнинахъ Славоніи скотоводство должно было бы получить громадный розмахъ. Почва чрезвычайно благопріятствуетъ этому; такъ, самъ собой родится въ большомъ количествѣ клеверъ, и только лѣтнее безводіе является здѣсь задерживающимъ факторомъ. Въ Хорватіи и Славоніи разводятся по преимуществу рогатый скотъ и свиньи; овцеводство и коневодство отступаютъ передъ этими отраслями на задній планъ. Въ 1908 году было продано 453.709 головъ крупнаго рогатаго скота (въ 1905: 514 тыс.), 129,458 овецъ (въ 1905 г. 107 тыс.), 539.844 свиней (въ 1905 г. изъ 1.127.432 свиней, пригнанныхъ на рынокъ, было продано 479.910). Характерно, что по отношенію къ одной изъ своихъ частей Австро-Венгрія вела совершенно такую же политику, какъ и по отношенію къ враждебной Сербіи; именно, съ помощью торговыхъ договоровъ и желѣзнодорожной сѣти вывозъ скота изъ Хорватіи-Славоніи направляется на сѣверъ, въ Австрію, откуда транзитомъ идетъ изъ рукъ перекупщиковъ въ другія страны, ввозящія мясо. Разумѣется, и здѣсь выгодами положенія пользуются не столько хорватскіе скотовладѣльцы, сколько посредники въ этой торговлѣ. По отчету о торговлѣ скотомъ за 1907—1911 годъ хорватскій вывозъ скота превосходитъ весь австрійскій. За эти пять лѣтъ онъ выразился въ суммѣ 300,5 милл. кронъ, тогда какъ австрійскій достигъ всего 280 милл., но венгерскій превзошелъ этотъ уровень, давъ 966,6 милл. кронъ.

При томъ значеніи, какое имѣетъ сельское хозяйство въ экономической жизни Хорватіи, забота объ его подъемѣ и организаціи должна стоять на первомъ мѣстѣ въ политической жизни страны. Естественно,

поэтому, что въ обновленномъ сеймѣ она немедленно выступила въ проектѣ созданія спеціальнаго правительственнаго учрежденія, которое бы вѣдало нужды сельскаго хозяйства. Въ чрезвычайно компетентной рѣчи, произнесенной депутатомъ Полякомъ (21 марта 1914 г.), были указаны недостатки современной сельско-хозяйственной жизни, задолженность мелкаго землевладѣнія, возрастающая съ каждымъ годомъ почти на 20 милл. кронъ, крайняя раздробленность землевладѣнія («семейныя задруги распадались и теперь такъ распались, что въ нихъ мы видимъ въ настоящее время только неопредѣленное юридически, вредное и разорительное экономически состояніе»), перевѣсъ скотоводства надъ земледѣліемъ, находящимся въ застоѣ, и т. д. Лозунгомъ новой экономической жизни Хорватіи должно быть возвращеніе къ земледѣлію съ цѣлью поднять его производительность и обезпечить массѣ населенія нормальныя условія существованія. Тогда была образована, какъ уже отмѣчено выше, спеціальная комиссія по сельскому хозяйству. Поможетъ ли бѣдѣ созданное новое бюрократическое учрежденіе, въ этомъ можно сомнѣваться, такъ какъ Хорватія, вообще, находится въ состояніи нѣкотораго застоя. Вѣдь и въ прежнее время въ Тріединомъ королевствѣ имѣлось учрежденіе, которое при большей энергіи общества могло бы развить большую дѣятельность. Именно, общее кооперативное движеніе, охватившее Европу, не прошло мимо Хорватіи. Въ 1901 г. возникла первая сельско-хозяйственная «задруга» (союзъ), и съ того времени ежегодно возникалъ рядъ новыхъ кооперативовъ, которые въ 1910 году объединились въ общій союзъ, находящійся подъ покровительствомъ «Хорватскаго Земледѣльческаго банка въ Загребѣ», возникшаго еще въ 1900 г. Союзъ поставилъ своей задачей не только экономическую организацію задругъ, но и распространеніе въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. По отчету [1]) 1912 г., всѣ задруги распадались на четыре сообщества (skupine). Общее число задругъ, объединенныхъ союзомъ, составляло въ 1911 г. 243 съ 36.564 членами, но въ общемъ, съ ничтожнымъ капиталомъ въ 171.557 кронъ въ наличности и 131 тыс. кронъ въ бумагахъ. Задолженность этихъ задругъ была довольно высока: она превышала 10 милл. кронъ. Во всякомъ случаѣ, Союзъ задругъ явился важнымъ экономическимъ факторомъ, и отчетъ за 1912 г. (органъ союза «Hrvatski Udrugar». 1913, № 9) уже отмѣчалъ результаты его дѣятельности. По отчету за 1912 г. (ср. Hrv. Pokret. 1913. № 198) число задругъ увеличилось до 253, при чемъ основывались и скотоводческія, и виноградарскія, и коневодческія задруги. Но число членовъ задругъ *упало* съ 37.901 (въ концѣ 1911 г.) до 37.777; возросъ и долгъ Союза. Едва ли можно признать положеніе хорватскихъ задругъ удовлетворительнымъ.

На развитіе промышленности въ Хорватіи тяжелымъ гнетомъ легъ политическій застой, которому подчинилась вся жизнь страны. Для проявленія свободнаго духа и иниціативы здѣсь нѣтъ мѣста, и хорватскимъ предпринимателямъ остается только вести торговлю сырыми продуктами. Крупная фабричная и заводская промышленность находится еще въ такомъ положеніи, что кадръ людей, занятыхъ ею, представляетъ, какъ мы уже указывали, ничтожное меньшинство въ населеніи. Въ нѣкоторыхъ комитатахъ (Вараждинскомъ или Ликскомъ) свыше 90% населенія занимается сельскимъ хозяйствомъ и какіе-нибудь 2—3% промышленностью или, вѣрнѣе, ремесленной дѣятельностью. Въ славонскихъ комитатахъ промышленность нѣсколько болѣе развита, и ею занято 10—12% населенія. Въ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ городахъ

---

[1]) Spomen—Knjiga središnje sveze Hrvatskih seljačkih zadruga pod okriljem Hrvatske Poljodjelske Banke u Zagrebu. Zagreb. 1912.

промышленность достигаетъ извѣстнаго развитія. Характерно, что наибольшее относительно число людей, занятыхъ въ промышленности, приходится на портняжничество (23,69% въ 1900 всѣхъ занятыхъ въ промышленности, или 21.097 человѣкъ). Слѣдующее мѣсто занимаетъ древодѣльная промышленность (14.738 чел., или 16,55%); за ней слѣдуетъ приготовленіе питательныхъ продуктовъ (11.402 чел., или 12,81%), и далѣе идутъ такія важнѣйшія отрасли обрабатывающей промышленности, которыя въ индустріальныхъ странахъ занимаютъ огромное число рабочихъ рукъ, въ Хорватіи же ими заняты совершенно ничтожныя количества рабочихъ: такъ, желѣзной промышленностью 8.053 чел., машиностроительной 3.848, текстильной 1.983 и т. п. Насколько ничтожны промышленныя предпріятія Хорватіи, видно изъ того, что изъ 38.215 (1900) предпріятій 26.320 (68,87%) обслуживались самимъ хозяиномъ дѣла безъ всякихъ помощниковъ, т.-е., иначе говоря, это были бѣдные ремесленники съ ничтожными мастерскими. Всего въ 205 предпріятіяхъ (0,53%) число рабочихъ превышало 20 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, при сравненіи данныхъ, относящихся къ хорватской промышленности за 1907 и 1910 г., обнаруживается извѣстный прогрессъ въ этомъ отношеніи. Такъ, напр., въ 1907 г. различными промышленными предпріятіями Хорватіи было выпущено акцій на 44.678 тыс. кронъ и оплачено 13.417 тыс., а въ 1910 г. было выпущено акцій на сумму 90.403 тыс. кронъ и оплачено ихъ на сумму 33.883 тыс. кр. Число акціонерныхъ обществъ составляло въ 1907 г. 40, въ 1910 г. 53. Возросла и цѣнность производства: такъ, 1906 текстильная промышленность дала товаровъ на 6.250 тыс. кр., въ 1908 г. на 8.573 тыс. кр. Важной отраслью торговли является лѣсная: въ 1908 г. было продано 145.870 куб. м. дуба на сумму до 4.760 тыс. кр. Палки и трости приготовляются въ огромномъ количествѣ и дали Хорватіи въ 1908 г. свыше 8 мил. кр. Самая большая фабрика, какая есть въ Хорватіи, занимаетъ 1.000 рабочихъ. Конечно, все это цифры — совершенно ничтожныя, если принять во вниманіе численность населенія Хорватіи и Славоніи.

Такъ какъ главные предметы хорватско-славонскаго вывоза, скотъ и хлѣбъ, тѣ же самые, что и въ Венгріи, то эта послѣдняя не постѣснилась, насколько возможно, задавить торговлю Хорватіи и Славоніи. По справедливому указанію Сетонъ-Ватсона, вся желѣзнодорожная сѣть этихъ королевствъ должна была служить цѣлямъ венгерскаго вывоза. «Одного взгляда на желѣзнодорожную карту Европы достаточно, чтобы увидѣть, что Хорватія обладаетъ только двумя линіями, которыя могутъ быть признаны магистралями, именно: линіей изъ Дьекеньеша черезъ Загребъ въ Фіуме (Рѣку) и линіей изъ Сомбора черезъ Далью въ Босній-скій Бродъ. Первая соединяетъ Будапештъ съ моремъ, вторая съ Босніей. Все было сдѣлано для того, чтобы соединить земледѣльческую Хорватію съ ея опаснѣйшей земледѣльческой конкуренткой Венгріей и такимъ образомъ воспрепятствовать ея соединенію съ ея важнѣйшими потребительницами, Крайной, Каринтіей и Штиріей. Соединеніе Загреба съ Будапештомъ безупречно, такъ какъ Загребъ находится на главной линіи изъ столицы Венгріи въ Фіуме. Зато соединеніе Загреба съ Вѣной оказывается самымъ плачевнымъ, и пускались въ ходъ всѣ средства, чтобы разъединить Австрію и Хорватію». Надо прибавить, что въ такомъ же жалкомъ состояніи находятся желѣзнодорожные пути въ Далмаціи. По соглашенію 1907 г. между Австріей и Венгріей послѣдняя обязывалась соединить хорватскія желѣзнодоорожныя линіи съ австрійскими и далматинскими, но къ осуществленію этого предпріятія венгерское правительство и не думало приступать до лѣта 1912 г., когда недовольство всѣхъ партій въ Австріи вынудило его начать работы. «Соединеніе Далмаціи, Хорватіи

и Австріи новой желѣзной дорогой», замѣчаетъ по этому поводу Сетонъ-Ватсонъ: «представляется мадьярамъ просто новымъ звеномъ въ созданіи хорватско-сербскаго единства; они были совершенно равнодушны къ нуждамъ отсталой области Лика, къ противоестественной изоляціи Далмаціи отъ всей Европы. Удивительная иронія судьбы, что Далмація обязана своимъ соединеніемъ съ остальной монархіей единственно и исключительно милитаризму». Цѣлямъ венгерской промышленности служила и тарифная система, примѣняемая на венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Она должна была сосредоточить всю торговлю въ Будапештѣ и преградить пути для распространенія хорватской торговли на востокъ и въ еще большей степени на западъ. Вся торговля должна была направляться или въ венгерскій портовый городъ Фіуме, исторически принадлежащій Хорватіи, но отторгнутый отъ нея мадьярами по соглашенію 1868 года, или въ Будапештъ. Такъ, лѣсные матеріалы, которые могли поступать на хорватскую лѣсопильную фабрику въ Дугоселѣ, оказывалось выгоднѣе направлять, напр., изъ Брода въ Будапештъ (на разстояніе 360 кл.), нежели въ Дугосело (171 кл.). Такого рода махинаціи должны были служить цѣлямъ не только политическаго, но и экономическаго порабощенія Тріединаго королевства Венгріей.

Обратимся къ банковскимъ учрежденіямъ Хорватіи [1]), которыя до извѣстной степени могутъ служить показателями ея экономическаго положенія. Самымъ старымъ изъ этихъ учрежденій является основанная въ эпоху иллиризма, въ 1846 г., «первая хорватская сберегательная касса» (štedionica). Въ первый же день ея существованія въ нее было внесено около 500 флориновъ, но потомъ, до конца 50-хъ годовъ, банкъ развивался медленно. Съ этихъ поръ, однако, дѣло стало подвигаться непрерывно впередъ, такъ что въ послѣднее время «хорватская сберег. касса» располагала капиталомъ въ 6 милл. кр. и имѣла цѣлую сѣть отдѣленій. «Хорватскій Земельный банкъ» съ управленіемъ въ Осѣкѣ и отдѣленіями въ Загребѣ и Суботицѣ представлялъ учрежденіе, особенно важное въ хорватской экономической жизни. Загребское отдѣленіе его являлось представителемъ пароходнаго общества «Cunard Line» и пользовалось покровительствомъ власти. «Хорватскій Земельный банкъ значительно содѣйствовалъ тому, что въ моментъ теперешняго всеобщаго экономическаго кризиса хозяйственная жизнь нашего народа не была подвержена опаснымъ испытаніямъ. Онъ давалъ ссуды и тогда, когда денежный кризисъ находился въ полномъ разгарѣ» (Hrv. Pokret. 25 дек. 1913 г.). Въ 1868 г. былъ основанъ съ капиталомъ въ 360 тыс. фл. Хорватскій банкъ (Hrvatska eskomptna banka), обладающій теперь акціонернымъ капиталомъ въ 8 милл. кр. и объединяющій въ своихъ рукахъ почти всю хорватскую промышленность, которая и самымъ своимъ возникновеніемъ въ значительной мѣрѣ обязана ему. Въ концѣ 1901 г. былъ учрежденъ Хорватскій земледѣльческій банкъ въ Загребѣ съ капиталомъ въ 800 тыс. кр. Дѣятельность этого банка, обладающаго нѣсколькими отдѣленіями въ разныхъ хорватскихъ городахъ, развернулась очень быстро, и уже въ концѣ 1910 г. его имущество составляло 15 милл. кр., а въ цѣломъ оборотъ названнаго банка въ это время достигалъ 370 милл. кр. Земледѣльческій банкъ производилъ слѣдующія операціи: 1) обычныя банковскія, 2) обслуживаніе сельско-хозяйственныхъ задруг и сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, 3) парцелляцію земли между крестьянами (всего до конца 1912 г. онъ распарцеллировалъ и распродалъ крестьянамъ до 12 тыс. ютровъ), 4) шелководство, 5) эмиграцію (подъ фирмой «Путникъ»). Кромѣ этихъ учрежденій, имѣется еще рядъ дру-

[1]) См. обстоятельную статью; «Naša novčana poduzeća» въ «Hrvat. Pokret» 25 дек. 1913 г.

ихъ, значеніе которыхъ въ мѣстной экономической жизни довольно велико. Такъ, въ городѣ Ловинцѣ возникла въ 1904 г. «Народная акціонерная сберегательная касса», балансъ которой 31 дек. 1913 г. равнялся 362 тыс. кр. Вообще же, въ концѣ 1913 г. сберегательныхъ кассъ въ Хорватіи имѣлось около 140, но огромное большинство ихъ находилось не въ славянскихъ рукахъ, всего изъ 690 сберег. кассъ въ Австріи (т.-е. въ Цислейтаніи, въ составъ которой Тріединое королевство не входитъ) 21 принадлежали хорватамъ и словинцамъ. Важнѣйшими сербскими банковскими предпріятіями въ Хорватіи и Славоніи являются «Сербскій банкъ» въ Загребѣ и «Центральное Кредитное учрежденіе въ Новомъ Садѣ», располагающіе вмѣстѣ капиталомъ въ 56 милл. кронъ и слившіеся въ февралѣ 1914 г. въ одинъ банкъ. Сербская печать въ Австро-Венгріи отмѣчаетъ благопріятное экономическое развитіе сербовъ и исчисляетъ ихъ національный капиталъ, лежащій въ банкахъ и другихъ учрежденіяхъ, въ 200 милл. кронъ (Hrv. Pokret. 1914. № 48 съ извлеченіями изъ сербскихъ газетъ «Српство» и «Србобран»).

Дѣло народнаго просвѣщенія въ Хорватіи и Славоніи находится въ нѣкоторомъ забросѣ. Изъ хорватскаго бюджета, составлявшаго въ 1910 г. солидную сумму въ 1.721.564.000 кронъ, на просвѣщеніе расходовалось всего 95 милл. кронъ (или 5,5%). Количество безграмотныхъ было громадно, достигая въ общемъ 60%; постепенно оно все-таки понемногу уменьшается, такъ какъ въ 1890 г. равнялось 73,3, а въ 1900 г. 63% населенія. Возростаетъ также число дѣтей школьнаго возраста, дѣйствительно посѣщающихъ школу; такъ, въ 1901—1905 г. оно равнялось 62%, въ 1907 г. 65,1%, въ 1910 67% (или 263.872 дѣтей). Главная масса начальныхъ школъ содержится общинами, при чемъ наблюдается поразительный фактъ уменьшенія коммунальныхъ школъ, которыхъ было въ 1907 г. 1405, а въ 1910 г. всего 1381, хотя число учителей возросло съ 2608 до 2766. Среднихъ школъ имѣлось несоотвѣтственно мало; всего ихъ насчитывалось въ 1909—10 уч. году 21, въ томъ числѣ 9 гимназій, 6 реальныхъ училищъ, 5 низшихъ реальныхъ училищъ и 1 лицей для дѣвицъ; общее число учащихся составляло въ 1908—9 уч. году 6349, что является слишкомъ незначительнымъ числомъ для почти 3-хмилліоннаго населенія Хорватіи и Славоніи. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ послѣднее время о состояніи народнаго просвѣщенія въ королевствѣ, производятъ прямо удручающее впечатлѣніе. Такъ, 22 авг. 1913 г. «Pokret» сообщалъ изъ офиціальнаго источника (« Službeni Glasnik»), что на лицо имѣлось 130 свободныхъ учительскихъ мѣстъ; изъ другихъ данныхъ мы знаемъ, что въ ново-пріобрѣтенныя сербскимъ королевствомъ территоріи, въ Черногорію и др. сербскія земли предложили свои услуги до 300 учителей изъ Хорватіи, такъ какъ матеріальное положеніе народнаго учителя въ Хорватіи очень тяжело. Между тѣмъ, въ Загребскомъ комитатѣ количество неграмотныхъ людей въ возрастѣ 15—49 лѣтъ составляло (1910) 65%; такъ же обстоитъ дѣло въ Вараждинскомъ комитатѣ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ положеніе было лучше; въ Личко-Крбавскомъ комитатѣ пѣтъ мѣстности, гдѣ было бы въ общемъ хоть 10% грамотныхъ, въ Модрушко-Рѣчскомъ комитатѣ 20%. Нѣсколько позже, 10 сент. 1913 г., та же газета «Pokret» сообщала, что закрыто за неимѣніемъ учителей 150 школъ, и что причина бѣгства учителей заключается не только въ недостаточности ихъ жалованія, но и въ ихъ невыносимомъ соціальномъ положеніи. Достаточно сказать, что народный учитель получаетъ пенсію только черезъ 40 лѣтъ службы. Все болѣе тяжелымъ становится положеніе и преподавателя средней школы, который по новому закону (1913) долженъ будетъ для полученія пенсіи служить 35, а не 30 лѣтъ, какъ прежде, при чемъ и эти годы исчисляются къ невыгодѣ

для него. Наконецъ, надо прибавить, что и въ матеріальномъ отношеніи посѣщеніе школы дѣтьми связано съ большими издержками, недоступными бѣдной семьѣ. Конечно, все это идетъ на пользу мадьяризаціи, и съ каждымъ годомъ число мадьярскихъ школъ возрастаетъ. Такъ, въ 1911—12 уч. г. существовало 30 хорватскихъ и сербскихъ приходскихъ школъ, 8 нѣмецкихъ и 10 мадьярскихъ, частныхъ школъ было 60 мадьярскихъ, 3 нѣмецкія и 13 хорватскихъ, основаніе мадьярскихъ школъ правительство всячески поддерживало.

Что же дѣлаетъ общество для народнаго образованія [1])? Для распространенія полезныхъ знаній и поощренія хорватской изящной литературы была основана въ 1874 г. «Хорватская матица» (переименованная изъ «Матицы Иллирской»), которая продолжала до послѣдняго времени свою дѣятельность и за дешевую плату выпускала ежегодно значительную массу книгъ въ общество. Активъ этого общества за 1910 годъ составлялъ свыше 754 тыс. кр., за 1913 г. 840.865 кр. Въ томъ же 1913 году число членовъ основателей доходило до 3.000, а членовъ соревнователей до 8.300. Расходы по изданію книгъ и содержанію общества составили въ 1913 г. 193.532 кр. (Hrv. Pokret. 27 апр. 1914 г.). Судя, однако, по отчету годового засѣданія Матицы, выносишь впечатлѣніе, что живой дѣятельности это общество не проявляетъ, и что оно развивается только по инерціи. Конечно, благодаря изданіямъ Матицы, хорватскіе писатели находятъ нѣкоторый, хотя, въ общемъ, и ничтожный заработокъ (такъ, въ 1913 г. было куплено новыхъ рукописей на 5.450 кр., т.-е. на 2.000 р.). Но этотъ матеріалъ, который даетъ Матица, вѣроятно, народной массѣ недоступенъ и идетъ въ интеллигенцію. Какъ проявленіе новѣйшихъ политическихъ стремленій, слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1911 г. «Хорватская Матица» слилась въ своей издательской дѣятельности съ «Далматинской Матицей». Еще болѣе чисто интеллигентскимъ обществомъ является «Общество хорватскихъ писателей», которое издаетъ журналъ «Современникъ» (Savremenik), коллекцію «Современные хорватскіе писатели» и отдѣльныя книги. Общій расходъ на изданія составилъ въ 1910 г. 7.277 кр. (т.-е. не достигалъ даже 3 тыс. р.). Для распространенія въ народѣ полезныхъ, поучительныхъ и благочестивыхъ книгъ существовало съ конца 60-хъ годовъ, эпохи пробужденія хорватскаго народа, «Книжное Общество св. Іеронима», которое въ послѣднее время влачило довольно жалкое существованіе. Оно учреждало библіотеки и раздавало книги уже существующимъ народнымъ читальнямъ. Въ 1911 г. Общество выпустило слѣд. 5 книгъ: 1) Календарь на 1912 г.; 2) «Какъ надо воспитывать дѣтей»; 3) «Гербъ хорватскаго королевства», 4) Библію и 5) «Береги родную землю». Несомнѣнно, гораздо болѣе крупная роль принадлежитъ «Обществу (Дружбѣ) св. Кирилла и Меѳодія въ Истріи», которое было основано въ 1892 г. и поставило своей цѣлью распространеніе хорватской начальной школы въ Истріи. Въ 1910 г. это общество содержало въ Истріи 41 школу. Наконецъ, въ 1904 г. предсѣдатель «Общества хорватскихъ писателей», бар. Трнскій, поднялъ мысль объ учрежденіи спеціальнаго общества для распространенія въ народѣ знаній. Венгерское правительство, конечно, не слишкомъ охотно пошло навстрѣчу этому желанію. Тѣмъ не менѣе, въ 1906 г. разрѣшеніе было дано, и «Hrvatsko Društvo za pučku prosvjetu» открыло свои дѣйствія. Это общество оказалось очень жизненнымъ и проявило энергичную дѣятельность. Оно успѣло основать множество народныхъ библіотекъ, устраивало публичныя лекціи, издавало журналъ

[1]) Нижеприводимыя свѣдѣнія заимствованы какъ изъ хорватскихъ газетъ, такъ и изъ календаря Хорватской Матицы на 1912 г. (Stross mayer koledar). Отдѣлъ объ обществахъ, работающихъ для просвѣщенія народа, разработанъ здѣсь детально.

«Народное Просвѣщеніе». Наконецъ, въ 1905 г. студенты Загребскаго университета учредили общество для борьбы съ безграмотностью въ Хорватіи.

Если благороднымъ усиліямъ перечисленныхъ обществъ удастся разбить кору невѣжества и косности, въ которой, къ несчастью, заключена народная жизнь Хорватіи, во всякомъ случаѣ, это удастся сдѣлать лишь постепенно и не скоро. При настоящемъ же положеніи вещей народная масса эмигрируетъ, интеллигенція германизируется и мадьяризируется. Оба эти явленія созданы тѣми ненормальными условіями, въ которыхъ задыхается Хорватія. Особенно много ѣдетъ людей съ далматинскаго побережья, чтобы вернуться домой съ накопленными деньгами. По офиціальнымъ даннымъ, приводимымъ Лакатошемъ, общее число хорватовъ и сербовъ, эмигрировавшихъ изъ Хорватіи и Славоніи, составило за время 1889—1913 г. 165.156 чел., при чемъ наибольшая эмиграція приходилась на годы 1905—1907. Но этимъ офиціальнымъ даннымъ противорѣчатъ собранныя инымъ путемъ и указывающія на размѣры всей эмиграціи (въ томъ числѣ и нелегальной). Эти данныя опредѣляютъ фактическое число эмигрантовъ изъ Хорватіи и Славоніи въ 527.535 чел. (въ томъ числѣ 329.251 чел. въ Америку). По офиціальной статистикѣ, за время 1902—1911 г. въ Соед. Штаты переселилось изъ Австро-Венгріи 351.473 чел. сербовъ, хорватовъ и словинцевъ, при чемъ изъ нихъ 34,5% было неграмотныхъ. Эта темная армія эмигрантовъ отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ и своей бѣдностью: въ то время, какъ въ среднемъ эмигрантъ-нѣмецъ, сходя съ борта парохода, имѣлъ при себѣ 41 долларъ, чехъ 28 дол. и т. д., южный славянинъ привозилъ всего 16 дол., впрочемъ, все же опережая въ этомъ отношеніи и мадьяра, и словака, и еврея, и русина, и поляка, самаго бѣднаго изъ эмигрантовъ (всего 12,8 дол.). Довольно значительное число южныхъ славянъ возвращается изъ Америки на родину: за 5 лѣтъ (1908—1912) этотъ возвратъ выразился числомъ 79.147. Въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки хорваты образуютъ союзъ (Hrvatski savee) и нѣсколько другихъ организацій благотворительнаго и національнаго характера. Кромѣ того, хорватскіе эмигранты составляютъ довольно значительныя группы въ Канадѣ, въ различныхъ государствахъ Южной Америки и въ Австраліи. Такъ, въ Розаріо-де-Санта Фэ (Бразилія) выходитъ два раза въ недѣлю большая хорватская газета «Zajednica», въ Оруро (Боливія) существуетъ хорватскій клубъ и т. д. Въ Новой Зеландіи также издается хорватская газета «Zora».

Рядомъ съ этимъ, на родинѣ хорватскаго народа, наблюдается явленіе совершенно противоположнаго порядка, упадокъ національной энергіи. Въ предѣлахъ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи проявляютъ усиленную дѣятельность слѣдующія нѣмецкія организаціи: «Deutscher Schulverein», основанный въ 1880 г., имѣющій ежегодный приходъ до милліона кронъ и насчитывающій около 165 тыс. членовъ, «Südmark» (съ 1889 года, ок. 80 тыс. членовъ, 600 отдѣленій, 750 тыс. кр. прихода), недавно основанный «Bund der Deutschen in Croatien und Slavonien». Этотъ союзъ принялся очень энергично за работу; 75 тыс. чел. обязались ежегодно вносить на его нужды по 1 кр. Союзъ купилъ типографію и газету «Slavonische Presse», основывалъ отдѣленія и т. д. Въ хорватской печати раздаются тревожные призывы: «Спасемъ Славонію» (Pokret. 12 февр. 1914 г.). Отмѣчается, что Загребъ становится все болѣе и болѣе нѣмецкимъ городомъ, гдѣ повсюду слышится нѣмецкая рѣчь («Pokret. 3 мая 1914 г.), и что такой же характеръ начинаетъ пріобрѣтать словинская Любляна («Pokret». 7 мая 1914 г.). Хорваты организуютъ для борьбы за свою народность «Хорватскую Народную Стражу». Но причины германизаціи и мадьяризаціи лежатъ слишкомъ глубоко; онѣ кроются въ общей оцѣпенѣлости національной жизни.

Какъ уже было отмѣчено выше, немалая доля вины въ этомъ лежитъ на пережиткахъ, которые оставила въ народномъ сознаніи нынѣ упраздненная военная граница (Militärgrenze, Vojna krajina). Образованіе ея относится къ началу XVII вѣка, когда необходимость постоянной защиты южныхъ границъ отъ турецкаго натиска заставила придать хорватскому и позже приселившемуся сербскому населенію военную организацію въ родѣ русскаго казачества. При имп. Фердинандѣ II (1619—1637) была образована особая область Военная граница, раздѣленная на два генералата: Карловецкій (Хорватская крајина) и Вараждинскій (Словонская крајина). Въ 1630 г. была установлены основы управленія въ Крајинѣ, въ силу которыхъ каждый «граничаръ» обязывался военной службой съ 18-лѣтняго возраста. Зато эти граничники получали извѣстныя права самоуправленія и свободу вѣроисповѣданія, а управлялись начальниками, которые назначались самимъ императоромъ и были подчинены только ему. Но привилегіи эти, которыя давались граничникамъ довольно щедро въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, рѣдко исполнялись; а при имп. Маріи-Терезіи, въ эпоху крайняго развитія австрійскаго централизма, военная граница была превращена въ нѣчто близко напоминающее военныя поселенія Аракчеева. Здѣсь насильственно поддерживалась задружная форма быта; отъ проникновенія всякихъ «новыхъ идей» Граница была застрахована, и Австрія спокойно брала отсюда людей для своихъ военныхъ предпріятій. Такъ, въ 1848 г. для усмиренія возстанія въ Ломбардіи отсюда было отправлено войско въ 35 тыс. чел. Но Хорватія не могла примириться съ такимъ положеніемъ вещей, и среди хорватскихъ требованій 1848 г. фигурируетъ и уничтоженіе Военной Границы. Но только послѣ возстановленія конституціоннаго режима, въ 1860 г., опять былъ поднятъ вопросъ объ упраздненіи Границы и включеніи ея въ составъ Тріединаго королевства. Это наступило, однако, не сразу: только въ 1881 г. завершился процессъ соединенія Границы съ Хорватіей. Насколько важно было оно для Хорватіи и Славоніи, видно изъ того, что оба эти королевства содержали вмѣстѣ 23.157 кв. кил., а одна Граница 43.464 кв. км., и въ 1840 г. здѣсь жило свыше 1 милл. человѣкъ, тогда какъ въ гражданской Хорватіи и Славоніи всего 484 тыс. Но упраздненіе военнаго строя, имѣвшее для населенія Военной Границы значеніе освобожденія отъ крѣпостного права, не скоро принесло благодѣтельные результаты. Сначала наступилъ упадокъ хозяйства; жизнь въ странѣ не могла наладиться. «Воинское настроеніе еще долго оказывало свое вліяніе на политическую и соціальную жизнь. Избирательные округа Военной Границы долгое время давали правительству наибольшее число правительственныхъ депутатовъ. Но и этотъ кризисъ счастливо миновалъ, и наконецъ, граничаръ освободилъ свой духъ, и теперь онъ представляетъ хозяйственный и бережливый элементъ и обнаруживаетъ все бо́льшую силу сопротивленія». (Марјановић Савремена Хрватска. 180).

Продолжавшаяся много лѣтъ и еще теперь не окончательно исчезнувшая обособленность сербскаго населенія въ Хорватіи и Славоніи кроется въ историческомъ происхожденіи его [1]). Сербы стали переселяться въ восточную Славонію въ концѣ XIV, но въ особенности въ теченіе всего XV вѣка. Однако, и это не охранило сербовъ отъ турокъ, которые въ первой половинѣ XVI в. совершенно опустошили Славонію и, занявъ ее, удержали въ своей власти до конца XVII столѣтія. Въ Славонію турки переселили массу сербскаго народа изъ Сербіи и Босніи, но и отсюда сербы во множествѣ эмигрировали на сѣверъ (въ теперешній Бѣловарско-

[1]) Прекрасный новый обзоръ положенія сербовъ въ Хорватіи и Славоніи представляетъ книга Груича: «Апологија Српскога народа у Хрватској и Славонији и његових главних обележја». 1909 (здѣсь и литература вопроса).

Крижевскій комитатъ), а на ихъ мѣсто турки приводили новыхъ сербскихъ колонистовъ. Эти послѣдніе получили, послѣ образованія сербскаго патріаршества (1557) въ Печѣ, своего митрополита, который жилъ въ Пажегѣ. Новыя испытанія выпали на долю Славоніи въ концѣ XVII в.: послѣ освобожденія Вѣны во время австрійско-турецкой войны, населеніе Славоніи возстало противъ турокъ; множество его погибло, часть эмигрировало въ Вараждинскую окраину, многихъ отступающіе турки увели съ собой въ Боснію, такъ что Славонія опять опустѣла. Австрійское правительство было озабочено заселеніемъ ея, и съ 1689 по 1692 г. имп. Леопольдъ издаетъ нѣсколько привилегій сербскимъ поселенцамъ въ Славоніи. Осенью 1690 г. огромное количество сербскихъ бѣглецовъ двинулось во главѣ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ въ предѣлы Австріи, и часть ихъ расположилась въ Славоніи, прельщенная обѣщаніями австрійской власти. Обѣщанія выполнены не были, и люди разбѣгались, «расипају и беже куд који може». И опять Славонія опустѣла. Тогда спохватились и въ Вѣнѣ. Была отправлена комиссія, которая установила угнетеніе чиновниками сербскаго населенія, и въ 1737 г. имп. Карлъ VI издалъ законы («Урбарій») о гражданскихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Но населеніе все же слабо увеличивалось, часто эмигрировало въ Боснію или Военную Границу, гдѣ его воинственныя наклонности находили себѣ удовлетвореніе. Съ конца же XV в. распространяется сербское населеніе и въ тѣхъ мѣстахъ Хорватіи, гдѣ оно живетъ теперь.

Главной привилегіей, которую австрійская власть обѣщала сербскимъ эмигрантамъ, переселившимся съ 1690 г., являлась гарантія религіозной свободы и право на созданіе народноцерковной организаціи. «Вамъ будетъ позволено избрать между собой, по вашей волѣ, архіепископа серба по рожденію и языку, при чемъ избирать его будутъ свѣтское и духовное сословія». Согласно привилегіи 1691 г. сербскій архіепископъ признавался главой сербскаго народа («jubemus, ut omnes ab Archiepiscopo, tanquam capite ecclesiastico, tam in spiritualibus, quam saecularibus dependeant»). А на соборѣ 1690 г. патріархъ Арсеній подтвердилъ, что его духовная власть простирается на весь сербскій народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ. Такимъ образомъ, именно въ Австріи возникло важнѣйшее сербское національное учрежденіе. Въ концѣ XVII в. весь сербскій народъ въ Хорватіи и Славоніи имѣлъ единую и сильную народноцерковную организацію, во главѣ которой стоялъ архіепископъ съ народноцерковнымъ соборомъ.

Въ XVIII вѣкѣ сербамъ пришлось много крови пролить въ войнахъ съ турками, и императоры не разъ подчеркивали въ своихъ манифестахъ заслуги сербскаго народа въ Хорватіи и Славоніи. Но, какъ жалуется въ 1849 г. А. Стоячковичъ [1]), «ово голо признаніе была е досадъ (до сихъ поръ) Србльима сва (вся) награда за заслуге њіове». Привилегіи, обѣщанныя въ XVII вѣкѣ, постоянно нарушались, и народное недовольство достигло такихъ размѣровъ, что правительство, наконецъ, сочло нужнымъ пойти навстрѣчу сербскимъ національнымъ требованіямъ, и издало въ 1779 г. «Rescirptum Declaratorium Illyricae Nationis», которымъ опредѣлялись народноцерковныя отношенія сербовъ въ Хорватіи и Славоніи до 1869 г. У этихъ сербовъ національное сознаніе было сильно развито, и 1848 годъ ихъ не засталъ врасплохъ. Хорваты, возставшіе противъ мадьярскаго владычества, обратились съ воззваніемъ къ сербамъ Тріединаго королевства, обѣщая имъ полное равноправіе въ устрой-

[1]) Черте живота народа србскогъ у унгарскимъ областима. Списао и издао Александеръ Стоячковићъ. У Бечу. 1849.

ствѣ дальнѣйшихъ судебъ Хорватіи и Славоніи. Хорватскій соборъ 1848 г. «на основаніяхъ свободы и совершеннаго равенства принимаетъ всѣ желанія сербскаго народа и признаетъ ихъ своими собственными». Однако, уже въ 1861 г. хорваты, какъ бы забывъ о существованіи сербскаго народа, говорили о чисто хорватскомъ народѣ, который населяетъ Военную Границу, и нужно было энергичное вмѣшательство сербскаго патріарха Раячича, чтобы заставить Соборъ заговорить о сербахъ другимъ тономъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1867 г., Соборъ подтвердилъ, что «Тріединое королевство признаетъ, что сербскій народъ, который живетъ въ немъ, совершенно равноцѣненъ и равноправенъ съ хорватскимъ народомъ». Однимъ изъ національныхъ правъ сербскаго населенія Хорватіи и Славоніи было право пользоваться кирилловскимъ письмомъ, которое въ 1861 г. на мѣстническимъ совѣщаніемъ было предположено къ введенію и въ хорватскихъ школахъ для того, чтобы молодежи была доступна какъ хорватская, такъ и сербская книжность. Значеніе кирилловскаго письма во внутренно-сербскихъ отношеніяхъ Хорватіи и Славоніи подчеркивалось не разъ и впослѣдствіи (въ 1888, 1889, 1901 г.). «И то же самое было проведено со всѣми своими послѣдствіями, говоритъ Грујичъ (стр. 213), и въ другихъ частяхъ нашей монархіи, гдѣ православный сербскій народъ живетъ большими массами. Такъ именно обстоитъ дѣло въ Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ и языкъ нашъ официально называется сербско - хорватскимъ». Признавая сербское населеніе Хорватіи и Славоніи отдѣльнымъ государственнымъ народомъ, законодательство Тріединаго королевства согласилось съ требованіемъ Сербскаго Народноцерковнаго собора 1864-5 г. ввести въ начальныхъ сербскихъ школахъ сербскій преподавательскій языкъ (въ 1868 г.), но законъ 1874 г. о комунальныхъ школахъ измѣнилъ положеніе вещей къ невыгодѣ для сербскаго національнаго развитія, введя во всѣхъ этихъ школахъ полное равноправіе двухъ азбукъ и языковъ. За чисто сербскую школу велась и позже борьба, которая еще не закончилась. Во всякомъ случаѣ, сербы въ Хорватіи и Славоніи имѣли возможность національно-политическаго развитія, и объединеніе сербовъ и хорватовъ въ коалицію создало новую политическую силу, которая оказалась чрезвычайно нежелательной для Венгерскаго правительства.

Номинальная часть Тріединаго королевства, Далмація составляетъ одно изъ королевствъ, представленныхъ въ рейхсратѣ, или, иначе говоря, составляетъ часть Австріи. Она занимаетъ пространство въ 1.283.071 гектаръ и обладаетъ населеніемъ, по переписи 1910 г., въ 634.885 чел. Громадное большинство этого населенія (610.669 чел. или 96,19%) принадлежитъ къ сербско-хорватскому народу; изъ другихъ же народовъ болѣе значительными единицами являются здѣсь итальянцы (18.028 чел. или 2,84%) и нѣмцы (3.081 чел. или 0,49%). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ славянскихъ странъ Австріи Далмація обладаетъ наиболѣе чистымъ славянскимъ населеніемъ; нѣмцы не могутъ здѣсь играть большой роли по своей малочисленности, итальянцы, нѣкогда обладавшіе большимъ политическимъ и культурнымъ вліяніемъ на далматинскомъ побережьи, точно такъ же все болѣе теряютъ его. «Руководители правительства не замѣчаютъ опасности, которая заключается въ возрастающемъ со дня на день числѣ славянъ. Они не видятъ, какъ была бы цѣнна для угрожаемаго германства помощь итальянскихъ семействъ. Опираясь на покровительство теперешняго правительства, славяне становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе, и именно съ итальянцами они любятъ сталкиваться, такъ какъ они чувствуютъ, что именно среди нихъ могъ бы образоваться отпоръ все болѣе напирающему славянству». Эти слова принадлежатъ поверхностному итальянскому наблюдателю, Бер-

толини[1]), и заслуживаютъ вниманія, лишь какъ выраженіе сербско-итальянскихъ отношеній въ Далмаціи. Въ настоящее время эти отношенія еще болѣе обострились, и Jl Mattino (14 апр. 1914 г.), посвящая длинную статью итальянцамъ въ Далмаціи, съ горечью замѣчаетъ, что съ 1910 г. итальянцамъ буквально нѣтъ житья въ Далмаціи. Борьба ведется со всѣми эксцессами южнаго темперамента. Въ 1910 г. толпа врывается ночью въ помѣщеніе итальянскаго далматинскаго союза въ Чивитавеккіи и производитъ здѣсь разгромъ. Въ Шибеникѣ на итальянца, который не отвѣтилъ на обращенный къ нему по-сербски вопросъ, нападаютъ и убиваютъ его. И при этомъ совѣтуетъ задрцамъ: «поступайте такъ, какъ мы въ Шибеникѣ; выходите на улицу съ пистолетами въ рукахъ и стрѣляйте; тогда итальянцы станутъ ласковы». Въ Салонѣ хорватскіе рабочіе громятъ итальянскую фабрику цемента. Нѣсколько дней спустя уничтожаютъ итальянскую библіотеку въ Спалато. Хроника сербско-итальянской распри въ Далмаціи насыщена взаимными оскорбленіями, ненавистью и кровью. Съ 1912 г., со времени сербскихъ побѣдъ надъ турками, сербо-хорваты Далмаціи обнаруживаютъ такой подъемъ національныхъ чувствъ, что австрійское правительство испугалось не на шутку. На органы самоуправленія посыпались кары за малѣйшія проявленія симпатіи къ сербамъ, много отдѣльныхъ лицъ и органовъ печати было привлечено къ суду. Съ другой стороны, въ сербской печати мы встрѣчаемъ указанія на то, что Далмація всегда шла впереди въ сербскихъ національныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, бытъ этой страны представляетъ значительный интересъ для ознакомленія съ одной изъ надежнѣйшихъ крѣпостей сербо-хорватскаго племени. Распредѣленіе сербо-хорватскаго населенія Далмаціи между сербами и хорватами представляетъ большія затрудненія. Главнымъ признакомъ принадлежности къ тѣмъ или другимъ служитъ религія. Хотя въ Дубровничскомъ и Которскомъ округахъ есть нѣкоторое количество сербовъ католиковъ, однако даже Лакатошъ въ своей подробной статистикѣ отказывается исчислить ихъ и признаетъ, что православное исповѣданіе совпадаетъ съ принадлежностью къ сербамъ, католическое съ принадлежностью къ хорватамъ. Такимъ образомъ въ 1901 г. число хорватовъ въ Далмаціи опредѣляется въ 505.334 чел., число сербовъ въ 105.335.

Обратимся къ статистическимъ даннымъ, рисующимъ бытъ этого населенія. Страна горъ и морского побережья, Далмація мало пригодна для земледѣлія. Количество пахотныхъ полей составляетъ здѣсь всего 137.216 гектаровъ (изъ 1.283.494 гектаровъ всей поверхности или 1.255.160 гектаровъ, занятыхъ нивами, пастбищами, лѣсами, огородами, прудами и т. д.). Число самостоятельныхъ хозяйствъ равнялось въ 1910 году 83.455, въ томъ числѣ ниже одного гектора было 49.379 и отъ 2 до 5 гектаровъ 22.503 хозяйства; въ совокупности, это составляетъ 85,87% всѣхъ хозяйствъ Далмаціи. Насколько здѣсь преобладаетъ мелкое землевладѣніе, видно изъ того, что хозяйствъ, владѣющихъ болѣе, чѣмъ 20 гектарами, имѣется всего 1.155. Урожайность хлѣбовъ въ Далмаціи чрезвычайно низка: такъ, въ среднемъ за 10 лѣтъ (1900—1910) сборъ пшеницы съ гектара равнялся 5,8 центнеровъ (въ Австріи въ среднемъ 13,2); соотвѣтственно съ этимъ ничтоженъ сборъ другихъ хлѣбовъ. Зато Далмація даетъ много вина: въ 1911 г. 1.056.920 гектолитровъ (изъ 3.863.652 во всей Австріи), и она представляетъ одну изъ немногихъ странъ Австріи, гдѣ овцеводство развивается сравнительно быстро. Въ то время, какъ во всей Австріи число овецъ упало съ 3.841 тыс. въ 1880 г. до 2.429

[1]) Gino Bertolini. Balkan-Bilder. Eine Studienreise durch den Hexenkessel von Europa. 1909, стр. 90.

тыс. въ 1910 г., въ Далмаціи мы видимъ обратное отношеніе: въ 1880 г. здѣсь было 824 тыс. овецъ, въ 1910 г. 1.028 тыс. (т.-е. приростъ въ 204 тыс. овецъ). Значительная часть населенія Далмаціи добываетъ себѣ пропитаніе рыбной ловлей: въ лѣтній сезонъ 1911 г. ею занималось 12.166 сербовъ и хорватовъ и 62 итальянца, при чемъ за $19^{11}/_{12}$ г. было изловлено 150 тыс. губокъ и около 33 мил. рыбъ (едва ли, однако, эти данныя офиціальной австрійской статистики могутъ разсчитывать даже на приблизительную точность). Цѣнность далматинскаго улова превысила въ $19^{11}/_{12}$ г. 5 мил. кронъ. Промышленность горнозаводская находится въ Далмаціи еще въ самомъ жалкомъ состояніи; въ 1911 г. во всей Далмаціи дѣйствовали два предпріятія по добычѣ бураго угля и одно по разработкѣ асфальта. Затѣмъ здѣсь добывается незначительное количество морской соли на сумму 527 тыс. кронъ, тогда какъ въ маленькой Истріи вываривается морской соли почти въ четыре раза больше, чѣмъ въ Далмаціи. О промышленности фабричной въ этой странѣ почти нечего и говорить, ея почти не существуетъ. Страна не встрѣчаетъ со стороны центральнаго вѣнскаго правительства никакой поддержки въ осуществленіи своихъ естественныхъ экономическихъ требованій [1]). На постройку гаваней, маяковъ и сигналовъ, на развитіе рыбной ловли кредиты сокращаются; изъ 600 далматинскихъ деревень въ половинѣ нѣтъ даже сносной питьевой воды. Какъ сѣтовалъ въ рейхсратѣ (3 дек. 1910 г). представитель Далмаціи, Смодляка, далматинскій крестьянинъ не имѣетъ ни лѣса, ни хлѣба. «Но мы не имѣемъ не только дровъ, воды и хлѣба, говорилъ онъ; у насъ нѣтъ даже почвы для сельскаго хозяйства. Вся площадь производительной почвы затоплена водой. Это равнина долинъ Наренты, Вргораца, Синя, Имотски,—чтобы ограничиться только болѣе значительными плоскогоріями, такъ наз. полями. Мы могли бы вывозить отсюда даже зерно, но эта единственная плодородная почва во всей странѣ лежитъ подъ водой. Мы не имѣемъ ни дорогъ ни другихъ путей сообщенія. Здоровье населенія падаетъ. Въ то время, какъ еще въ эпоху французскаго владычества, сто лѣтъ тому назадъ, далматинцы были на удивленіе здоровымъ и крѣпкимъ народомъ, теперь населеніе, особенно въ сѣверной Далмаціи, гдѣ господствуетъ малярія, вырождается и вымираетъ. Нѣтъ у насъ также никакого народнаго образованія. Свыше 300 далматинскихъ деревень не имѣютъ никакой народной школы; въ половинѣ всей страны число безграмотныхъ составляетъ не 50, не 60, не 80, не $90^0/_0$, но $99^0/_0$ и $100^0/_0$. Я являюсь представителемъ отъ центральнаго округа страны, относительно наиболѣе богатой и культурной мѣстности, и въ моемъ округѣ имѣется 48 деревень, изъ которыхъ въ 28 нѣтъ никакой школы, въ 20 имѣются одноклассныя школы и въ какой-нибудь парѣ деревень есть двухклассныя училища». Слѣдуетъ прибавить, что въ Далмаціи еще сохранились полукрѣпостныя земельныя отношенія: крестьянинъ, сидя на землѣ землевладѣльца, обязанъ уплачивать ему половину или третью часть всего урожая. «У насъ средневѣковыя отношенія дожили до настоящаго дня», съ горечью отмѣтилъ представитель Сплѣта (Spalato). Къ этимъ бѣдамъ присоединяется еще изоляція Далмаціи. Не только вся Далмація, но и примыкающія къ ней области южной Хорватіи и западной Босніи совершенно лишены желѣзнодорожнаго соединенія съ монархіей и съ остальной Европой. При такихъ условіяхъ, чтобы попасть изъ Сплѣта въ Баньялуку (въ Босніи), на что по желѣзной дорогѣ достаточно было бы 3—4 часовъ, теперь приходится тратить 44 часа. Къ нуждамъ Далмаціи вѣнское правительство

---

[1]) См. рѣчь Смодляки въ названной выше книгѣ Сетонъ-Ватсона: «Die südslawische Frage im Habsburgischer Reich», стр. 547—562.

относится или совершенно равнодушно, или явно враждебно; чтобы получить какую-нибудь маленькую пристань или церковь, деревнѣ приходится ждать разрѣшенія 20, 30, 40 лѣтъ; въ 1835 г. было задумано проведеніе небольшой дороги изъ Альмиссы на востокъ, и эта дорога была проведена только въ 1900 году. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой политики является крайнее обнищаніе далматинскаго населенія, массовая эмиграція, наконецъ, глубокое недовольство населенія правительствомъ. На этой почвѣ, естественно, вырастаетъ стремленіе къ соединенію съ единоплеменниками. Такому стремленію содѣйствуютъ какъ національное пробужденіе далматинскаго сербско-хорватскаго населенія, восходящее къ началу шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, такъ и тотъ фактъ, что при разности вѣроисповѣданій католическое населеніе Далмаціи пользуется въ богослуженіи славянскимъ языкомъ и такимъ образомъ находится въ гораздо болѣе тѣсномъ единеніи съ православнымъ населеніемъ, нежели въ другихъ странахъ, гдѣ рядомъ живутъ православные и католики (напр., въ Хорватіи и Славоніи).

Безграмотность и беззащитность православнаго населенія Далмаціи внушили еще въ 1818 г. австрійскому правительству мысль ввести здѣсь унію [1]), и оно вызвало епископа Кралевича въ Вѣну, подъ предлогомъ учрежденія въ Далмаціи семинаріи для обученія православнаго духовенства. Вскорѣ послѣ этого въ Шибеникъ пріѣхали четыре уніатскіе священника изъ Галиціи, что вызвало въ народѣ подозрѣнія. Но губернаторъ Томашичъ строго запретилъ «роптать о таковой царской наредби (распоряженіи) и милости», и въ семинаріи начались правильныя занятія. Между тѣмъ, была открыта тайная переписка Кралевича, и негодованію далматинцевъ не было предѣла. Директоръ семинаріи, одинъ изъ учителей ея и комендантъ города были убиты. «По убіенію истіе,—пишетъ современникъ,—епископъ Кралѣвићъ остави свою ресиденцію и побѣгне у Задаръ ради сигурације свога живота, и по немногомъ истеченію времена отправи се у Италію, гдѣ и по нынѣ живи. Семинаріумъ уничтожи се, професори уніяти оставшіи у животу врате се у Галицію, а народъ остане по прежнѣму. Али многи страдалису и подпали подъ судъ (или справедливіе казати инквизицію), као созаклетницы истога убиства». Этотъ эпизодъ изъ исторіи православной церкви въ Далмаціи былъ не единственнымъ случаемъ, когда обнаружилось пренебреженіе къ ней со стороны австрійскаго правительства (см. А. Симича, стр. 91—93). Симичъ жалуется, что до 1848 г. законъ запрещалъ принимать на государственную службу православныхъ. «Ихъ гнали и притѣсняли всегда, и со всѣхъ сторонъ и на всякомъ мѣстѣ, и во всякомъ дѣлѣ, гдѣ только можно было, чтобы православные отказались отъ своей православной вѣры, отъ своего племени и имени». Тѣмъ не менѣе, далматинско-истрійская православная епархія, учрежденная Наполеономъ въ 1808 г., была признана австрійскимъ правительствомъ въ 1814 г. и сохранила свою самостоятельность до сихъ поръ, какъ одна изъ трехъ епархій Буковинско-далматинской митрополіи. При ней имѣется высшая богословская школа. подготовляющая священниковъ (Православни богословки завод у Задру). Кромѣ этой епархіи, къ той же митрополіи принадлежитъ епархія боко-которская, дубровницкая и спичанская, учрежденная въ 1870 г., съ резиденціей епископа въ Которѣ (Катарро).

Если православная церковь въ Далмаціи разсматривалась долгое время, какъ едва терпимая, то католическая находилась въ приви-

[1]) Алекса Симићъ. Преписка о уніи далматинскогъ епископа Венедикта Кралѣвића са аустрійскимъ правителствомъ. У Београду. 1863. Проф. Воскресенскій въ своей книгѣ «Православные славяне въ Австро-Венгріи» 1914, стр. 85 неправильно считаетъ годомъ введенія уніи 1823.

легированномъ положеніи. Однако развитіе сербской идеи въ послѣдніе годы вызвало въ Вѣнѣ опасенія, которыя отразились и на католической церкви. Въ сентябрѣ 1913 г. папа Пій X, который раздѣлялъ итальянскія антипатіи къ далматинскимъ хорватамъ, поддерживаемый австрійскимъ правительствомъ, запретилъ въ церквахъ Спалато совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ по католическимъ книгамъ. Епископъ Дживое, который старался отстоять его, долженъ былъ уступить настояніямъ папы, но это вызвало страшное раздраженіе въ далматинскомъ духовенствѣ.

Въ октябрѣ перешли отъ ходатайствъ къ угрозамъ. На съѣздѣ духовенства въ Сплѣтѣ было рѣшено прекратить поминовеніе въ молитвахъ папы и епископа Дживое, устранить изъ всѣхъ церквей латинскіе мисалы и другія богослужебныя книги. Кризисъ грозилъ закончиться массовыми обращеніями въ православіе. 28 янв. 1914 г. сербская газета «Одјек» сообщила по этому предмету слѣдующее: «Конференція далматинскихъ епископовъ въ Задрѣ завершила разсмотрѣніе проекта. которымъ регулируются извѣстные церковные вопросы, и теперь разсуждаетъ о глаголицѣ. Участники конференціи избѣгаютъ гласности. Въ церковныхъ кругахъ утверждаютъ, что положеніе католическаго духовенства тяжко, такъ какъ папа лично относится враждебно къ глаголицѣ и желаетъ ограничить ея употребленіе. Съ этой цѣлью онъ назначилъ изъ собственныхъ средствъ пожизненное вознагражденіе священникамъ—«глаголашамъ», которые перестанутъ употреблять глаголицу въ церквахъ. Это ограниченіе глаголицы опять возбудило народъ». Чтобы не возвращаться къ этому вопросу въ дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ онъ почти также остро стоитъ и въ Истріи, я здѣсь же приведу нѣкоторыя относящіяся къ нему данныя [1]). Эта борьба началась въ Истріи еще въ концѣ XIX вѣка, когда въ 1898 г. папа разрѣшилъ епископамъ Горицы, Задра и Загреба употреблять церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи лишь въ тѣхъ церквахъ, гдѣ такая служба совершалась, по крайней мѣрѣ, уже 30 лѣтъ. Вслѣдствіе вмѣшательства врага глаголическаго богослуженія, епископа истрійскаго (порѣчско-пульскаго) Флаппа, это послѣднее было совсѣмъ запрещено въ Истріи. несмотря на доводы прихожанъ. «Политическое общество хорватовъ и словинцевъ въ Истріи» въ 1904 г. возобновило хлопоты о возстановленіи церковно-славянскаго богослуженія, но ничто не помогало. Въ 1906 г. папа еще въ болѣе рѣзкой формѣ подтвердилъ свое запрещеніе. Наконецъ, начались на этой почвѣ настоящіе народные безпорядки (въ дек. 1909 г.) и подъ вліяніемъ народныхъ требованій священники рѣшили самовластно совершать богослуженіе только на славянскомъ языкѣ. На этотъ разъ папа уступилъ, и въ январѣ 1910 г. и въ Истріи, и въ Далмаціи этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ благополучно, по крайней мѣрѣ, въ Тріестской епархіи. Его возобновленіе въ 1913 г. могло имѣть весьма серьезныя послѣдствія, такъ какъ народное недовольство папствомъ и австрійскимъ режимомъ въ Далмаціи достигло значительнаго напряженія. По поводу столѣтія оккупаціи Австріей Далмаціи въ 1914 г. «Südslawische Rundschau», подчеркивая равнодушіе населенія къ офиціальнымъ торжествамъ, указывала на то (Kurjer Warszawski. 10 марта 1914 г.), что именно въ этотъ юбилейный годъ Далмація сдѣлалась классической страной политическихъ преслѣдованій и издѣвательствъ. Все Адріатическое побережье взято подъ подозрѣніе, и каждый интеллигентный человѣкъ находится подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи. Хорватская печать использовала этотъ юбилей, чтобы напомнить, что

[1]) Смотр. статью «Z walki o głagolicę». Świat Słowiański. 1914, апр., стр. 234—236.

еще въ 1811 г. императоръ Францъ-Іосифъ высказывался за соединеніе Далмаціи съ Хорватіей. Правда, на хорватскомъ соборѣ 1861 г., гдѣ шла рѣчь объ этомъ соединеніи, перевѣсъ взяли автономисты, настаивавшіе на автономной самостоятельности Далмаціи, но эти времена давно миновали. Теперь же Далмаціи грозила еще новая опасность [1]) въ видѣ подготовки ея къ соединенію съ Албаніей, на которую не переставала зариться Австрія. Какъ сообщалъ въ рейхсратѣ далматинскій депутатъ Біанкини, «австрійскія власти предполагаютъ ввести въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Далмаціи обязательное обученіе албанскому языку». Такого рода надругательства надъ національнымъ и религіознымъ чувствами далматинскаго населенія должны будутъ рано или поздно привести къ взрыву и, въ сущности, подготовляютъ торжество «великосербской» идеи. Можно думать, что со смертью папы Пія X энергія борьбы противъ глаголицы упала. Въ результатѣ же войны Австріи съ Сербіей такъ или иначе измѣнится и положеніе Далмаціи. Въ политической жизни Далмаціи передъ войной особенной остроты достигъ общеавстрійскій вопросъ о реформѣ избирательныхъ законовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ сеймъ (Dalmatinski Sabor) не созывался, и въ маѣ 1914 года, наконецъ, правительство выступило съ предложеніемъ реформы. Однако, это предложеніе не удовлетворило ни одной изъ сербо-хорватскихъ партій Далмаціи, такъ какъ чрезмѣрно покровительствовало итальянцамъ, которымъ гарантировало семь мѣстъ вмѣсто прежнихъ шести, при чемъ, по утвержденію хорватской печати (Sloboda, Smotra Dalmatinska и др.), славяне надѣялись отобрать у итальянцевъ часть и этихъ шести мѣстъ (именно четыре мѣста, оставивъ итальянцамъ всего два, а то и одинъ въ городѣ Задрѣ). Подъ конецъ мая основы соглашенія все же были намѣчены, соглашеніе представлялось возможнымъ, но понадобились нѣкоторыя статистическія данныя. Совѣщаніе было отложено, а потомъ вспыхнула война, положившая конецъ всѣмъ переговорамъ.

---

[1]) Э. П—акъ. Албанизація славянской Далмаціи. Славянскія извѣстія. 1913 г. 24 ноября.

XIII.

Сербы въ Венгріи. Боснія и Герцеговина.

Главная масса православныхъ сербовъ, живущихъ въ южныхъ комитатахъ Венгріи, по р. Дунаю и Тисѣ, является, какъ и сербы Славоніи и Хорватіи, элементомъ позднѣйшимъ, пришельцами изъ земель, покоренныхъ турками. Привлеченные на свои новыя мѣстожительства привилегіями, которыя давались австрійскими императорами и гарантировали сербамъ сохраненіе ихъ національной свободы и религіознаго самоуправленія, сербы перешли въ 1690 г. въ количествѣ около 100 тыс. человѣкъ въ Венгрію и Славонію. Они разселились преимущественно въ южной части Венгріи, въ комитатахъ Торонтальскомъ, Бачско-Бодрожскомъ и Темешварскомъ, но распространились также и на сѣверъ, до самаго Будапешта. Положеніе сербовъ сдѣлалось скоро очень тяжелымъ; о соблюденіи обѣщанныхъ имъ правъ никто не думалъ; въ XVIII вѣкѣ обнаружилась явная тенденція австрійскаго правительства ввести здѣсь унію и германизацію. Но все же пріемы управленія здѣсь были болѣе мягки, нежели въ Турціи, по ту сторону Дуная, и это обстоятельство позволило сербамъ Венгріи создать у себя довольно многочисленный и зажиточный классъ буржуазіи, которая крѣпко стояла за церковное просвѣщеніе, сумѣла уберечь народъ отъ проникновенія въ него католической струи и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ создала національную письменность. Со временъ императрицы Елизаветы Петровны въ эту сербскую среду проникаетъ все болѣе сильное русское книжное вліяніе; Мих. Суворовъ, одинъ изъ раннихъ энтузіастовъ славянскаго дѣла, заводитъ здѣсь русскую школу; литературный языкъ этихъ венгерскихъ сербовъ слагается, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ церковно-славянскаго языка русскихъ изданій св. письма, въ своеобразный славяно-сербскій языкъ, который господствуетъ въ сербской письменности чуть не до половины XIX в. Центрами просвѣщенія въ этой части сербскаго народа становятся городки Новый Садъ и Карловцы (на Дунаѣ), резиденція патріарха. Въ то время, какъ за Дунаемъ господствовало еще турецкое варварство, и никто не могъ быть спокоенъ за завтрашній день, въ Сербіи венгерской уже складывалась новая литературная и культурная жизнь. Съ начала XVIII вѣка здѣсь выступаетъ рядъ писателей, сначала узкоцерковнаго направленія, продолжатели дотурецкой традиціи сербской письменности, потомъ писатели новаго направленія, свѣтскіе, переводчики. Все сильнѣе пробивается національное сознаніе, и Джефаровичъ составляетъ (по нѣмецкому образцу) гербовникъ сербскихъ земель, сопровождая изображенія гербовъ патріотическими стихами. І. Рајичъ пишетъ исторію сербскаго народа. Наконецъ, и идеи энциклопедистовъ, правда

въ очень смягченномъ видѣ, проникаютъ въ Сербію, благодаря талантливому Досифею Обрадовичу, первому истинному писателю Сербіи [1]).

Въ девятнадцатое столѣтіе сербы вступаютъ съ живымъ сознаніемъ своей національной обособленности, основанной, прежде всего, на церковной автономіи. Митрополитъ—патріархъ являлся, по существу верховнымъ вождемъ сербовъ не только въ церковныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ ихъ, и австрійское правительство своимъ подозрительнымъ и недружелюбнымъ отношеніемъ къ автономной сербской церкви только поднимало ея авторитетъ въ національной жизни венгерскихъ сербовъ. Ихъ культурнымъ центромъ въ XIX вѣкѣ является до 1848 г. Будапештъ, но съ освобожденіемъ задунайской Сербіи и образованіемъ Сербскаго княжества государственные и культурные запросы его начинаютъ постепенно передвигать центръ тяжести на югъ, въ Бѣлградъ. Князь Милошъ нуждается въ чиновникахъ, и таковыхъ поставляетъ въ достаточномъ количествѣ венгерская Сербія; ему нужно выработать законодательство, и въ составъ «законоправительной» комиссіи приглашаются образованные сербы Іованъ Хаджичъ и Вас. Лазаревичъ, которые съ 1837 г. и принялись довольно неудачно насаждать въ Сербіи новые принципы правовой жизни [2]). Вообще то движеніе, которое происходило за Дунаемъ, всколебало и довольно сонную жизнь венгерскихъ сербовъ. Еще въ 1794 г. въ Карловцахъ (въ провинціи Срѣмской) была основана семинарія, православная сербская «Богословія», куда принимали только лицъ со среднимъ образованіемъ, и откуда выходило духовенство съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Въ 1791 г. была учреждена въ Карловцахъ же гимназія для предоставленія православной сербской молодежи свѣтскаго образованія. Оба эти учебныя заведенія существуютъ донынѣ. Затѣмъ въ 1810 г. была основана, не безъ препятствій со стороны австрійской власти, гимназія въ другомъ центрѣ венгерскаго сербства, Новомъ Садѣ, гдѣ уже существовала маленькая католическая гимназія [3]). Наконецъ, венгерскіе сербы могутъ гордиться тѣмъ, что у нихъ первыхъ возникло то учрежденіе, которое потомъ породило столько подобныхъ въ другихъ славянскихъ странахъ. Это была Сербская Матица (матица—пчелиная матка), «общество, имѣющее своей задачей матеріальными и духовными средствами поддерживать, развивать и распространять сербскую книжность и науку, и этимъ путемъ поднимать просвѣщеніе сербскаго народа» (§ 1 устава). Матица была учреждена въ 1826 г. уже упомянутымъ Хаджичемъ, которому удалось собрать среди шести будапештскихъ купцовъ-сербовъ по 100 флориновъ. Это общество, первоначально имѣвшее своимъ мѣстопребываніемъ Будапештъ, претерпѣло немало превратностей, такъ какъ оно сразу проникло въ глубину сербской національной жизни и сохранило донынѣ свое руководящее значеніе въ жизни австро-венгерскаго сербства. Въ 1835 г. Матица была закрыта правительствомъ, но въ 1837 г. удалось добиться разрѣшенія на возобновленіе ея дѣятельности. Съ 1844 г., на средства, внесенныя однимъ сербскимъ патріотомъ Накой, началось изданіе книгъ для народа, которое продолжается и до нынѣ. Въ 1839 г. Матица получаетъ крупное пожертвованіе отъ С. Текеліи. Во время возстанія 1848 г. Матица на время прекратила свою дѣятельность, затѣмъ,

[1]) Исторія сербской жизни въ Венгріи въ XVIII в. превосходно изложена въ книгѣ недавно умершаго сербскаго ученаго Скерлича: «Српска књижевност у XVIII веку». 1909. О русской школѣ въ Сербіи изслѣдованіе П. Кулаковскаго. 1903. Кромѣ того, см. литературу о положеніи сербовъ въ Венгріи въ XVII—XVIII вв. въ книгѣ Ст. Станојевича «Историја српскога народа». 2-е изд. 1910, стр. 260—262.

[2]) Объ этомъ см. любопытную статью Слоб. Іовановича въ его сборникѣ «Политичне и правне расправе». Београдъ. 1908 (Іован Хаджић, српски законописац).

[3]) Т. Остојић. Оснивање новосадске гимназије. 1810—1910. Нови Сад. 1810.

послѣ учрежденія Войводины, въ собраніи Матицы (1851) дѣлается постановленіе о перенесеніи ея дѣятельности въ Новый Садъ, но лишь въ 1864 г. это постановленіе приводится въ дѣйствіе. Въ настоящее время Матица владѣетъ въ Новомъ Садѣ прекраснымъ зданіемъ, выдаетъ много стипендій на цѣли образованія молодежи, выпускаетъ ежегодно календарь съ обзоромъ культурной и политической жизни сербства, издаетъ прекрасный научный журналъ «Лѣтопись Сербской Матицы» и серію общедоступныхъ книгъ.

Если имѣть въ виду, что еще до 1848 г. венгерскіе сербы обладали рядомъ учебныхъ заведеній и учрежденій для воспитанія молодежи и народныхъ массъ въ національномъ направленіи, то слѣдуетъ признать, что они значительно обогнали въ этомъ отношеніи хорватовъ, какъ иногда (см. выше) это признавали и сами хорваты. Революціонное движеніе 1848 г. приняло у сербовъ такой же характеръ, какъ и у хорватовъ: оно вылилось въ стремленіе къ освобожденію отъ венгерской власти съ ея презрительнымъ отношеніемъ къ южнославянскимъ народамъ. Въ маѣ 1848 г. въ Карловцахъ сербы провозгласили образованіе отдѣльнаго герцогства (Войводины), въ составъ котораго должны были войти Срѣмъ, примыкающая часть Военной Границы, банатъ Темешварскій, Бачскій комитатъ Венгріи (Бачка) и комитатъ Баранья [1]). Съ тѣмъ же требованіемъ выступили представители сербовъ и на пражскомъ славянскомъ съѣздѣ: они настаивали на утвержденіи въ званіи патріарха Раячича, архіепископа Карловецкаго, и въ званіи воеводы эрцгерцога Стефана, а также на объединеніи сербскихъ земель Австріи въ отдѣльное воеводство подъ верховнымъ господствомъ венгерской короны. Правительство не было склонно къ выполненію этихъ требованій, но оно нуждалось въ сербахъ для борьбы съ мадьярами, и потому 3 дек. 1848 г. имп. Францъ-Іосифъ удовлетворилъ всѣ сербскія желанія. Однако, съ наступленіемъ новой эры, въ 1860 г., воеводство было уничтожено, но патріаршество осталось. Съ реакціей послѣ 1849 г. замерла политическая жизнь имперіи. Съ возстановленіемъ конституціи пробудились и сербы, которые на Благовѣщенскомъ соборѣ 1861 г. рѣшительно напомнили о своихъ національныхъ правахъ. На этотъ разъ ихъ требованія нашли себѣ подтвержденіе въ венгерской конституціи 1868 г., одна изъ статей которой гласитъ слѣдующее: «Вѣрующіе карловецкой митрополіи имѣютъ полномочіе самостоятельно устраивать и организовывать свои церковныя школьныя дѣла, а также дѣла по управленію имуществами, назначенными на содержаніе церквей и школъ, на своихъ конгрессахъ, періодически собираемыхъ въ предѣлахъ законовъ и по докладу его величеству, и независимо управлять ими посредствомъ своихъ органовъ, на основаніи нормъ, установленныхъ на этихъ конгрессахъ и утвержденныхъ его величествомъ» (Проф. Воскресенскій. Православ. слав. въ Австро-Венгріи. 1914, стр. 34). Такимъ образомъ, въ самой конституціи венгерскаго королевства сербы получили чрезвычайно важныя гарантіи своего національнаго развитія, и дѣятельность народно-церковныхъ соборовъ, обозрѣніе которой мы находимъ въ упомянутой книгѣ проф. Воскресенскаго, обнаруживаетъ, что для мадьяризующей работы венгерскаго правительства сербская народноцерковная автономія была большимъ камнемъ преткновенія. Понятное дѣло, что оно старалось убрать этотъ камень со своей дороги. Конгрессъ 1897 г. былъ закрытъ за нежеланіе принять навязанную ему королевскимъ комиссаромъ организацію сербской церкви; въ мартѣ

[1]) Важнѣйшая литература о сербскомъ національномъ движеніи въ Венгріи въ 1848 г. и въ послѣдующіе годы Д. Павловић. Србија и српски покрет у јужној Угарској. 1904. І. Скерлић. Омладина и њена књижевност (1848—1871). 1901. І. Адамовић. Привилегије српског народа у Угарској и рад Благовештенског сабора 1861. 1902.

1908 г. былъ утвержденъ безъ согласія высшаго сербскаго духовенства статутъ объ управленіи монастырскими имуществами. Наконецъ, въ 1912 г. высочайшимъ указомъ автономныя права сербской церкви подверглись сильному ограниченію: всѣ тѣ узаконенія, которыя были изданы послѣ 1868 г., отмѣнялись, и возстановлялись учрежденія, «прежде дѣйствовавшія». Созывъ народноцерковнаго собора отодвигался на неопредѣленное будущее. Императоръ Францъ-Іосифъ ограничился повелѣніемъ венгерскому министру предсѣдателю, «чтобы онъ въ свое время сдѣлалъ распоряженіе о созваніи въ исполненіе IX статьи закона 1868 г. [1]) сербскаго православнаго церковнаго собора съ тѣмъ, чтобы этому собору было поставлено первой задачей—выработать надлежащее устройство и представить его на высочайшее утвержденіе». Указъ 11 іюля 1912 г. былъ вызванъ какъ враждебнымъ отношеніемъ венгерскаго правительства къ національносербскимъ требованіямъ, такъ и треніями, происходившими между народомъ въ лицѣ народноверховнаго конгресса и высшей духовной властью, обнаружившей чрезмѣрную угодливость передъ правительствомъ. «Свое время», о которомъ говорилъ высочайшій указъ, не наступило до сихъ поръ. Разслѣдованіе, произведенное венгерскимъ чиновникомъ, обнаружило лѣтомъ же 1912 г. такіе недостатки въ управленіи церковными имуществами патріаршества, что о возстановленіи автономіи не могло быть и рѣчи. Правительство прибѣгло къ спасительному средству, цѣлебность котораго оно провѣрило на Хорватіи, а позже на Чехіи. Именно, для управленія имущественными дѣлами патріаршества былъ назначенъ королевскій комиссаръ. Своеобразной ироніей явилось назначеніе комиссаромъ самого же патріарха, Лукіана Богдановича, вызвавшаго недовольство народа своей политикой. Оппозиція объясняла это назначеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что Богдановичъ обѣщалъ купить на 15 мил. кронъ государственныхъ бумагъ, чтобы удержать ихъ отъ паденія, а для такого шага онъ долженъ былъ имѣть развязанныя руки (Św. Słow. 1912, окт.). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя патріархъ Богдановичъ погибъ таинственной смертью. Престолъ его остался не замѣщеннымъ до сихъ поръ. Въ мартѣ 1914 г. (Nár. Listy 11 мар.) гр. Тиса велъ переговоры съ будапештскимъ сербскимъ епископомъ Зубковичемъ и нѣкоторыми сербскими политиками о возстановленіи сербскаго церковнаго самоуправленія въ связи съ назначеніемъ новаго патріарха. Предполагалось возстановить избирательный законъ 1871 г. Позже, въ концѣ іюня 1914 г., опять появилось извѣстіе о переговорахъ венгерскаго министра президента гр. Тисы съ представителями сербскихъ партій относительно созыва церковнаго собора и возстановленія сербской церковной автономіи. Дѣло и на этотъ разъ затормозилось, такъ какъ сербы не могли сойтись относительно лица, которое могло бы быть избрано въ патріархи. Дальнѣйшее теченіе событій было прекращено вспыхнувшей вскорѣ войной. Обратимся къ сербской статистикѣ въ Венгріи, къ сербскимъ школамъ и культурнымъ учрежденіямъ на венгерской почвѣ.

По даннымъ статистическаго отдѣленія канцеляріи патріарха за 1905 г. (Л. Нидерле назв. соч. 118—120), число православныхъ сербовъ въ епархіяхъ Карловецкой, Бачской, Будимской (Будапештской), Темишварской, Вершецкой, входящихъ въ составъ Венгріи, равняется 635,949 чел. Если къ нимъ причислить сербовъ въ Славоніи и Хорватіи (въ епархіяхъ Пакрацкой и Горно-Карловецкой), то общее число православныхъ сербовъ въ Транслейтаніи достигнетъ 1.149.314 чел. Умножается или уменьшается численность сербовъ въ Венгріи, это вопросъ

[1]) Это та статья венгерской конституціи, которая касается сербовъ и приведена выше.

спорный; по даннымъ венгерской статистики, пришлось бы отмѣтить, если не положительную, то относительную убыль, наплывъ мадьярскаго элемента. «Богословскій Гласникъ», резюмируя впечатлѣніе отъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ, съ сокрушеніемъ отмѣчаетъ, что «волна мадьярскаго элемента устремляется съ сѣвера и постоянно увеличивается; отъ этого число сербовъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ падаетъ во много большей мѣрѣ, чѣмъ въ южныхъ» (см. книгу проф. Воскресенскаго, стр. 8—9). Между тѣмъ, православные сербы, благодаря своей народноцерковной автономіи, пользуются такими правами, которыхъ лишены словаки или румыны Венгріи. Они имѣютъ высшее духовное училище («Богословія» въ Карловцахъ), двѣ сербскія православныя гимназіи, въ Карловцахъ и Новомъ Садѣ, четыре учительскія школы, три высшія женскія школы. Однако, въ атмосферѣ мадьярскаго режима всякая національная дѣятельность встрѣчалась съ препятствіями, разрушавшими плодотворность ея. Такъ, въ 1904 г. венгерскіе сербы имѣли начальныхъ школъ съ сербскимъ преподавательскимъ языкомъ 859 (въ томъ числѣ 459 вѣроисповѣдныхъ). Но вѣроисповѣдныя школы подвергались различнымъ притѣсненіямъ, и православныхъ учениковъ ихъ старались обратить въ уніатство или подчинить вліянію католическаго духовенства. Вотъ одинъ изъ примѣровъ этого рода (Воскресенскій, 35): «Три сербскихъ прихода въ банскомъ (Темешварскомъ) округѣ: бердянскій, яворенскій и любинскій съ населеніемъ больше 6.000 душъ, при 1.000 дѣтей, способныхъ къ ученію, не имѣютъ ни одной школы. Народъ жаждетъ школы и сдѣлалъ съ своей стороны все, что можно. Въ первомъ приходѣ начали было строить школу, но, не получивъ ни откуда пособія, остановились, во второмъ приходѣ имѣется, правда, школьное зданіе, но за крайней ветхостью (существуетъ съ 1838 г.) совершенно не пригодно для своей цѣли. Правительственная власть не только не содѣйствуетъ открытію сербскихъ школъ, но даже не позволило мѣстному священнику третьяго прихода (въ Любинѣ), гдѣ до 400 дѣтей, обучать ихъ въ своемъ домѣ впредь до постройки особаго зданія для школы». При такихъ условіяхъ особенно важное значеніе пріобрѣтаютъ сербскія просвѣтительныя и экономическія организаціи въ Венгріи.

О просвѣтительной дѣятельности Сербской матицы я уже говорилъ. Созданіе эпохи предреволюціонной, эпохи пламенныхъ надеждъ, Матица должна была ограничиться въ послѣдующіе годы просвѣтительной работой въ области изданія книгъ и выдачей стипендій на обученіе юношества, заграничныя поѣздки съ образовательными цѣлями и т. д. Такая дѣятельность при всей своей полезности не можетъ служить факторомъ крупнаго народнаго движенія и не можетъ быть его русломъ. Повсюду тамъ, гдѣ для національно развитой жизни нѣтъ иныхъ основъ, эта литературно-просвѣтительная дѣятельность Матицъ и подобныхъ имъ учрежденій не можетъ предотвратить ея замиранія, но именно благодаря ей, при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ національная жизнь народа вновь зарождается. Матица была лишь однимъ изъ общественныхъ выраженій той эпохи, когда складывались политическія требованія венгерскихъ сербовъ. Когда патентомъ 13 ноября 1849 г. было учреждено сербское Воеводство, и сербы (какъ сказано въ адресѣ [1]) Сербскаго національнаго конгресса 8 апр. 1861 г.), основываясь на смыслѣ этого патента, выставляли «притязанія на собственную внутреннюю администрацію, соотвѣтствующую ихъ характеру и ихъ нуждамъ, во главѣ съ избраннымъ воеводой»,—въ это время Матица была лишь

[1]) Petitionen der Serben und Slowaken vom Jahre 1861. Wien. 1862.

однимъ изъ рычаговъ всей этой сложной общественной машины. Разумѣется, сдѣлавшись чуть не единственной народной организаціей, стоящей внѣ офиціальной народно-церковной автономіи, Матица уже не могла въ полномъ объемѣ поддерживать чувство національной солидарности. Жизнь выставляла настоятельное требованіе создать новыя организаціи, которыя могли бы выступить на почвѣ концентраціи народныхъ производительныхъ силъ. Для этой цѣли особенно пригодны были кооперативы (задруги), которыя стали возникать въ концѣ XIX столѣтія. Въ 1897 г., когда было учреждено 10 такихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ (земљорадничке задруге), приступили къ организаціи ихъ въ Союзъ (29 дек. 1897 г.). Цѣлью Союза явилось объединеніе задругъ, распространеніе кооперативной идеи въ массахъ и помощь имъ, для чего была образована центральная касса задругъ. Въ концѣ 1901 г. Союзъ насчитывалъ уже 85 задругъ съ 2.268 членовъ. На первомъ мѣстѣ стояли земледѣльческія задруги, которыя стремились доставить за доступную цѣну землю малоземельному крестьянству. Арендныя цѣны въ южной Венгріи настолько высоки, что отдѣльнымъ крестьянамъ онѣ оказываются не подъ силу. Задруги стремились скупать или арендовать земли и раздавать ихъ на сносныхъ условіяхъ своимъ членамъ (въ концѣ 1901 г. Союзъ обладалъ землей свыше 23 тыс. ютровъ). Другими видами задругъ служатъ маслодѣльческія (млекарске задруге) и ремесленныя (занатлиске) для совмѣстнаго пріобрѣтенія сырого матеріала и совмѣстной продажи продуктовъ производства. По даннымъ, относящимся къ октябрю 1913 г., въ Венгріи имѣлось уже 138 сербскихъ кооперативовъ (всего же сербскихъ въ Венгріи ,Хорватіи и Славаніи было 354, которыя арендовали свыше 47 тыс. ютръ земли). Дѣятельность задругъ, несомнѣнно, поддерживала связь въ населеніи и усиливала его сознательность, безъ которой была невозможна борьба съ напоромъ мадьяризаціи и уніатскими стремленіями Австро-Венгріи. Однако, по общимъ свидѣтельствамъ, духовная жизнь венгерскихъ сербовъ переживала кризисъ: «модернизмъ» пустилъ здѣсь глубокіе корни [1]).

Сербо-хорваты составляли основную массу населенія также въ двухъ провинціяхъ Австро-Венгріи, недавно къ ней присоединенныхъ, въ Босніи и Герцеговинѣ. Судьбы этихъ областей, которыя Берлинскимъ трактатомъ 1878 г. были отданы въ управленіе Австро-Венгріи со спеціальной задачей устроить въ нихъ аграрныя отношенія, вызвавшія своей несправедливостью возстанія сербскихъ крестьянъ противъ турецкихъ помѣщиковъ, не могло не интересовать европейскаго общественнаго мнѣнія тѣмъ противорѣчіямъ, какое обнаружилось между заявленіями австрійской дипломатіи на конгрессѣ и дѣйствительнымъ отношеніемъ австрійской власти къ оккупированнымъ провинціямъ. Выраженіемъ этого интереса явилось нѣсколько обстоятельныхъ сочиненій, изъ которыхъ я назову здѣсь: Ал. Харузина. «Боснія-Герцеговина» (Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи). 1901, изданіе журнала «Revue Générale des sciences pures et appliquées»: «La Bosnie et l'Herzégovine» (ouvrage publié sous la direction de L. Olivier) и своего рода обвинительный актъ, произнесенный австрійскому правительству, книгу французскаго писателя Андрэ Бара: «Боснія и Герцеговина, австрійское

[1]) Такъ, по словамъ «Слав. Изв.» (1913, 16 іюня), «модернистическія идеи завладѣли почти всѣмъ духовенствомъ митрополіи, въ особенности молодымъ, явно проповѣдуются именно въ томъ учебномъ заведеніи, которое предназначено приготовлять будущихъ священнослужителей, и распространяются чрезъ духовный журналъ, который издается при той же школѣ, такъ что будущіе сербскіе священнослужители въ Венгріи и Славоніи явятся представителями не православія, а какого-то иного ученія». Въ такомъ же духѣ выражается и «Świat Słowiański».

управленіе отъ 1878 до 1903 года» (серб. пер. 1906). О политическомъ положеніи провинцій передъ ихъ аннексіей писалъ по личнымъ наблюденіямъ П. Н. Милюковъ въ книгѣ «Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго», (1910), приложивъ къ своей книгѣ обзоръ литературы о провинціяхъ Босніи и Герцоговинѣ. Историческій обзоръ судебъ ихъ данъ на сербскомъ языкѣ въ книгѣ Ст. Станојевича «Историја Босне и Херцеговине» (1909). Національную статистику населенія представляетъ перепись 1910 г. «Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Hercegovina vom 10 Oktober 1910» (Sarajevo 1912). Здѣсь, однако, мы не находимъ данныхъ относительно матеріальнаго положенія населенія. Этотъ пробѣлъ восполняется весьма цѣннымъ изданіемъ торгово-промышленной палаты для Босніи и Герцеговины, содержащимъ обзоръ экономической жизни аннектированныхъ провинцій въ 1911 и 1912 годахъ (Sumarni izvještaj trgovačke i obrtničke komore za Bosnu i Hercegovinu o stanju obrta, trgovine i prometa njezinog područja u godinama 1911 i 1912. Sarajevo. 1913). Помимо этихъ сочиненій, о Босніи-Герцеговинѣ существуетъ обширная литература книгъ, брошюръ и статей, полное перечисленіе которыхъ было бы невозможно на страницахъ настоящаго изслѣдованія [1]).

Между тѣмъ, какъ Австро-Венгрія состоитъ изъ двухъ государствъ, Австріи и Венгріи, а Австрія, въ свою очередь, состоитъ изъ автономныхъ «королевствъ и земель», Венгрія же или, вѣрнѣе, земли короны св. Стефана образуются собственной Венгріей, гдѣ сербы пользуются церковно-народной автономіей, и изъ обладающаго государственнымъ правомъ Тріединаго королевства (Хорватіи и Славоніи), юридическое положеніе аннектированныхъ въ 1908 г. провинцій представляется неяснымъ: онѣ не были завоеваны, но не были также присоединены по собственному побужденію. При этомъ провинціи, аннектированныя Австро-Венгріей, представляли не обособленныя государственныя образованія, но просто отдѣльныя губерніи Турецкой имперіи, не обладавшія никакимъ автономнымъ строемъ. При точномъ подраздѣленіи государственныхъ владѣній Австріи и Венгріи принадлежность Босніи и Герцеговины тому или другому государству также оставалась неясна: онѣ были оккупированы въ 1878 году Австро-Венгріей въ ея совокупности, какъ она выступала въ международныхъ отношеніяхъ, и опять-таки Австро-Венгрія же ихъ и аннектировала.

Сложность этой проблемы заставила новѣйшаго изслѣдователя, проф. Р. Редслоба (Abhängige Länder». 1914, стр. 216), обратиться отъ юридическихъ разсужденій къ психологическимъ. «Если мы хотимъ дать себѣ ясный отчетъ относительно существа государственной власти въ

---

[1]) Вотъ часть литературы: Сима Трояновић. Босна и Херцеговина. Бѣлградъ. 1898 Босанско-Херцеговачки Зборник. I. Нови Сад. 1902. Игнат. Димић. Босанске финансије. 1892. I. Holeček. Bosna a Hercegovina za okkupace. Прага. 1901. П. А. Лавровъ. Аннексія Босніи и Герцеговины и отношеніе къ ней славянства С.-Пб. 1909 (хорошій обзоръ жизни провинцій въ эпоху оккупаціи). Аннексія Босніи и Герцеговины. Разныя мнѣнія, собранныя Ч. Іоксимовичемъ. 1909. Д. Васильевић. О Босни и Херцеговини. Београд. 1909. Цвијић. Анексија Босне и Херцеговине. Београд. 1909. Р. Кошутичъ. Сербскій народъ и аннексія Босніи и Герцеговины. С.-Пб. 1908. X. M. Czerminski. T. S. Z podróży po Bośni i Hercegowinie. 1899. Никашиновић. Босна и Херцеговина подъ управом Аустро-Угарске монархије и аустро-угарска балканска политика. 1901. Его же. Политика осиромашења народа у Босни и Херцеговини. 1903. Шилбурдек. Економско-просвјетно стане у Босни и Херцеговини. Загреб. 1908. A. Puntigam S. I. Unsere Zukunft in Bosnien. 1909. Обзоръ церковной и національной жизни православныхъ сербовъ въ Босно-Герцеговинской митрополіи въ книгѣ проф. Воскресенскаго «Православные славяне въ Австро-Венгріи». 1914. Обширная этнографическая монографія о Герцеговинѣ Іевта Дедијера» «Херцеговина» въ изданіи «Насела српских земаља» кн. 6, 1909. Въ различныхъ томахъ того же изданія рядъ монографій о Босніи.

Босніи-Герцоговинѣ, то мы должны базироваться не на выводахъ международнаго права, но на фактахъ народной психологіи, наблюдаемыхъ въ предѣлахъ новоприобрѣтенныхъ странъ и въ дуалистической монархіи». Эти факты психологіи заключались, какъ полагаетъ авторъ, въ сознаніи австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, что послѣ возстанія 1879 г. въ оккупированныхъ провинціяхъ, не желавшихъ подчиниться австрійскому режиму, Австро-Венгрія получаетъ права завоевателя. Если до самаго 1908 г. она оттягивала осуществленіе этого права, то въ этомъ заключалось «противорѣчіе между фактическими отношеніями властованія и международнымъ правомъ». Такъ же софистически Редслобъ обосновываетъ превращеніе оккупаціи въ аннексію: «Одновременно съ оккупаціей монархъ осуществляетъ полноту правъ государя. Изъ чего исходитъ его власть? Изъ безмолвнаго, созданнаго самими обстоятельствами расширенія законовъ о соглашеніи (между Австріей и Венгріей)». Однако, и для него «кондоминатъ австрійской и венгерской монархіи» надъ Босніей и Герцоговиной представляется жизнеспособнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока оба эти государства дѣйствуютъ согласно, и это согласіе гарантируется тѣмъ «механизмомъ, который обслуживаетъ уже въ другой области совмѣстную работу Австріи и Венгріи». Въ концѣ концовъ, однако, все сводится къ тому, что «Боснія-Герцоговина не обладаетъ достаточной силой, чтобы самой рѣшать свои судьбы». Другой юристъ, Елинекъ, признаетъ аннектированныя провинціи какимъ-то промежуточнымъ образованіемъ (eine Zwischenbildung), «сконструированнымъ наподобіе фрагментарнаго государства». Въ настоящее время неопредѣленность государственно-правового положенія Босніи и Герцоговины не можетъ, конечно, имѣть никакого фактическаго значенія, но эта неопредѣленность можетъ сыграть весьма крупную роль, когда при неизбѣжномъ переустройствѣ австро-венгерскихъ государственныхъ отношеній придется рѣшать и участь этихъ провинцій. Если самъ Редслобъ допускаетъ, что эта страна могла образовать «третье королевство, соединенное съ двумя первыми только договорными, международными узами», и если сама австро-венгерская дипломатія настояла на образованіи Албанскаго государства въ виду правъ албанскаго населенія на національное существованіе и государственное признаніе, то на какомъ основаніи можно будетъ отказать Босніи и Герцоговинѣ, объединеннымъ съ 1910 г. общей конституціей, въ правѣ на государственность. Съ точки зрѣнія цѣлости имперіи было бы правильнѣе присоединить эти области въ силу какого-либо внутренне-австро-венгерскаго соглашенія къ Австріи, или Венгріи, или даже къ Тріединому королевству. Разумѣется, съ началомъ войны международное положеніе аннектированныхъ провинцій поставлено уже передъ другой трибуналъ, не внутренне-австро-венгерскій, но общеевропейскій. Участь провинцій будетъ рѣшена исходомъ войны 1914 г. Справедливымъ рѣшеніемъ могло бы быть только присоединеніе ихъ къ Сербскому королевству.

Первый періодъ въ исторіи сербскихъ земель, извѣстныхъ теперь подъ названіями Босніи и Герцоговины, представляетъ эпоху Византійскаго владычества и борьбы Византіи за обладаніе этими землями какъ съ иностранными государствами (напр., съ Венгріей, завладѣвшей сѣверной Босніей около 1135 г.), такъ и съ сербскими князьями, стремившимися къ независимости. Герцоговина называлась до 15 в. Холмской или Захолмской землей (Ζαχλούμων χώρα у Константина Багрянороднаго, Chelmania, Chulmia, terra de Chelmo въ латинскихъ источникахъ); ея политическимъ центромъ служилъ замокъ Благой (лат. Bonus), лежавшій на р. Бонѣ, которая впадаетъ въ Наренту. Боснія называлась по рѣкѣ, которая здѣсь протекала (Basanius въ римскую эпоху, Bosona

или Bossina въ Средніе вѣка, Βόσωνα у Константина въ 10 в.). Эта страна имѣла собственную княжескую династію, которая въ 10 в. была подчинена сербскимъ (рашскимъ) князьямъ, но въ 12 в. представляется уже независимой отъ нихъ [1]). Надъ всѣми этими областями господствовала, хотя иногда лишь номинально, Византійская имперія. Послѣ смерти имп. Мануила Комнена въ 1180 г. быстро совершился процессъ распаденія сѣверныхъ владѣній Византіи, и Рашка (Сербія), какъ и Боснія, получила возможность добиться полной самостоятельности. На Боснію выступили со своими притязаніями венгерскіе короли, поддерживаемые папами, которые хотѣли ввести здѣсь католичество. «Кромѣ того, Боснію отъ самаго начала ея самостоятельной жизни терзали религіозныя распри, и вся боснійская исторія до второй половины 14 в. заключается только въ монотонной борьбѣ противъ завоевательныхъ стремленій Венгріи и папской куріи, исполненной внутреннихъ религіозныхъ кризисовъ, изъ которыхъ Боснія такъ и не выходила» (Станојевић. 16). Именно, Боснія сдѣлалась очагомъ богомильства, религіознаго раціонализма, соединеннаго съ извѣстными мистическими началами восточнаго происхожденія и съ разрушительными для государственной жизни тенденціями. Въ то время, какъ въ Сербіи богомильство было уже въ концѣ 12 в. окончательно осуждено церковнымъ соборомъ при Стефанѣ Нѣманѣ и не привилось здѣсь, а въ Болгаріи оно затерялось среди другихъ религіозныхъ исканій, въ Босніи богомилы составили крѣпкую группу, которая продержалась до турецкаго завоеванія и затѣмъ создала контингентъ боснійскихъ сербскихъ магометанъ, состоявшій изъ дворянства, которое, не принадлежа къ христіанской церкви, легко подчинилось мусульманству. Во второй половинѣ 14 в. Боснія оказывается на вершинѣ своего могущества: боснійскій банъ Твртко вѣнчается въ 1377 г. боснійскимъ и рашскимъ королемъ, въ 1388 г. онъ овладѣваетъ почти всей Хорватіей, затѣмъ далматинскими городами и присоединяетъ къ своему титулу названіе короля Далмаціи и Хорватіи. Но все это могущество было непрочно; Венгрія, съ одной стороны, турки, уже утвердившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой, подрывали постоянно государственное существованіе Босніи. Въ 1411 г. она была покорена императоромъ Сигизмундомъ, но уже нѣсколько лѣтъ спустя турки утвердились въ одной части Босніи. Теперь все болѣе опредѣленно за обладаніе Босніей боролись уже не мѣстные государи, но Венгрія и Турція, и эта борьба, какъ повсюду, окончилась въ пользу послѣдней. Турки дѣйствовали не только силой, но и агитаціей среди угнетеннаго боснійскаго крестьянства, которому они сулили лучшую будущность при покореніи страны. Въ половинѣ 15 в. отъ боснійскаго королевства отдѣляется въ качествѣ независимаго герцога Захлумья, Стефанъ, и съ этого времени возникаетъ, какъ отдѣльная государственная единица, Герцеговина (или, вѣрнѣе, Герцоговина, герцогство). Но славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ доживали свои послѣднія минуты: Болгарія была уже давно превращена въ турецкій пашалыкъ, въ Сербіи автономія, которой пользовались земли деспота Стефана Лазаревича, держалась на волоскѣ; въ 1463 г. была покорена Боснія, а въ 1482 г. и Герцоговина.

Съ турецкимъ владычествомъ многое измѣнилось въ судьбахъ населенія этихъ провинцій; православные и католики (которыхъ было здѣсь не мало) оказались подъ одинаковымъ гнетомъ мусульманства; богомильское дворянство, перейдя въ магометанство, сохранило свои привилегіи и пріобрѣло еще болѣе могущественное положеніе вслѣдствіе своей принадлежности къ правовѣрнымъ. Но постепенно это господство серб-

[1]) C. Jireček. Geschichte der Serben. I, 117—123. Gotha. 1911.

скихъ мусульманскихъ магнатовъ въ Босніи и Герцоговинѣ становится настолько сильно, что Порта не безъ основанія опасается сепаратическихъ стремленій ихъ и пытается, но, обыкновенно, безъ успѣха, ограничить автономныя права этихъ областей. Турецкое завоеваніе захватило страну въ эпоху внутреннихъ смутъ; оно внесло извѣстное успокоеніе и спасло массы населенія отъ денаціонализаціи, которой грозили и венгерское завоеваніе, и католическое вліяніе. Весьма интересную картину быта населенія рисуетъ въ 1810 г. неизвѣстный авторъ книги о Босніи [1]). О количествѣ населенія имѣлись самыя колеблющіяся представленія: утверждали, что въ случаѣ необходимости Боснія можетъ выставить 80 тыс. воиновъ, и въ то же время признавали все населеніе въ 85 тыс. человѣкъ. Сходились въ томъ, что босняки люди сильные и здоровые, привычные къ лишеніямъ и особенно пригодные къ военной службѣ. Экономическая жизнь Босніи была неразвита, хотя страна обладала естественными богатствами. Но населеніе слишкомъ хорошо знало, что у него отберутъ все лишнее, и потому оно не стремилось къ улучшенію своего существованія. Объ аграрныхъ отношеніяхъ въ Босніи авторъ не говоритъ, ограничиваясь общими указаніями на неупроченность христіанскаго владѣнія въ этой странѣ. Однако, изъ разсказа его не видно, чтобы населеніе очень бѣдствовало: напротивъ, постоянное подчеркиваніе силы, выносливости и долговѣчности босняковъ обнаруживаетъ, что страна находилась далеко не въ бѣдственномъ состояніи. Скотоводство и земледѣліе въ достаточной степени удовлетворяли несложныя потребности населенія при обычномъ натуральномъ хозяйствѣ въ странѣ.

Съ начала 19 столѣтія, когда разложеніе европейской Турціи пошло быстрыми шагами впередъ, общія волненія, пронесшіяся по турецкой имперіи и приведшія къ освобожденію Сербіи, коснулись и Босніи и Герцоговины Здѣсь они имѣли, однако, совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Сербіи: народныя массы находились еще въ безпробудномъ снѣ, и возставали противъ Турціи не крестьяне, но мусульманскіе земледѣльцы, недовольные робкими попытками Порты провести кое-какія реформы и требовавшіе еще новаго увеличенія своихъ привилегій. Турціи приходилось бороться противъ самовластія боснійскихъ «великашей», и въ Босніи господствовала анархія, отъ которой прежде всего срадала христіанская «райа». Наконецъ, въ 1833 г. и она возстала противъ турецкой власти. Это было первое возстаніе боснійскихъ христіанъ противъ турокъ, но оно не имѣло достаточно силы, и было жесточайшимъ образомъ подавлено. Въ 1851 г. потерпѣли пораженіе и боснійско-герцоговинскіе великаши, и теперь въ качествѣ борцовъ за свободу выступаютъ православные сербы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы они добиваются изданія въ 1859 г. аграрнаго закона, который облегчилъ бы участь христіанскихъ земледѣльцевъ, если бы исполнялся. Герцоговинцы объединяются съ черногорцами и въ 1863 г. добиваются отъ турокъ признанія самоуправленія.

Турки никогда не исполняли обѣщаній, которыя подъ вліяніемъ необходимости они давали своимъ христіанскимъ подданнымъ, и потому положеніе вещей въ Босніи и Герцоговинѣ становилось все болѣе тяжелымъ. Между тѣмъ создатель «великосербской» идеи, князь Михаилъ Обреновичъ, готовилъ планъ совмѣстной борьбы всего сербства противъ турецкаго владычества, и потому поддерживалъ оживленныя сношенія съ босняками. Дѣйствительно, ему удалось сдѣлать сербское княжество вполнѣ независимымъ отъ Турціи, но осуществленію его дальнѣйшихъ широкихъ задачъ помѣшала неожиданная смерть отъ руки убійцы (1868). «Послѣ этого босняки и герцоговинцы были опять вполнѣ предоставлены

[1]) Historisch-Topographische Beschreibung von Bosnien und Serbien. Wien. 1810.

сами себѣ, пока турецкія насилія, несправедливые суды и аграрный вопросъ не заставили ихъ снова взяться за оружіе». (Станојевић. 82). Это возстаніе было вполнѣ въ интересахъ Австріи, которая уже съ шестидесятыхъ годовъ все болѣе опредѣленно строила планы о присоединеніи въ той или другой формѣ Босніи и Герцоговины [1]).

За оружіе взялись сначала герцоговинцы, потомъ босняки. На этотъ разъ такъ легко расправиться съ ними, какъ раньше турки, не могли. Движеніе распространялось все шире, перешло на Болгарію, привело къ войнѣ Турціи съ Сербіей, потомъ съ Россіей. Боснія и Герцоговина такъ же, какъ Болгарія, были въ 1878 году уже вполнѣ свободны отъ турецкаго владычества и ждали окончательнаго рѣшенія своей судьбы отъ дипломатическаго ареопага, засѣдавшаго въ Берлинѣ и собравшагося съ опредѣленной задачей «судить» Россію за ея побѣды и умалить ихъ значеніе. Вслѣдствіе глубокаго пренебреженія тогдашней русской дипломатіи къ интересамъ Сербіи и сербовъ обѣ провинціи были переданы въ оккупацію Австро-Венгріи. Боснійскому вопросу было посвящено засѣданіе 16 іюля 1878 г. Уполномоченный Австро-Венгріи, гр. Андраши, прочелъ записку, изъ которой слѣдуетъ привести здѣсь нѣсколько мѣстъ: «Не нужно забывать, говорилось здѣсь, что движеніе, вслѣдствіе котораго вспыхнула война, началось въ Босніи и Герцоговинѣ. Всѣмъ извѣстны несчастія и опасности, которыя внесло въ Европу это движеніе. Австро-Венгрія потерпѣла больше всего. Войска, расположенныя въ большомъ числѣ вдоль границы, не были въ состояніи помѣшать переходу повстанцевъ и сношеніямъ съ обѣихъ сторонъ. Какъ ни были сначала многочисленны турецкія войска въ Босніи, они не могли положить конца возстанію и постоянной эмиграціи. Болѣе 200.000 человѣкъ оставило свои жилища, и правительство Австро-Венгріи должно было въ теченіе трехъ лѣтъ оказывать поддержку этимъ бездомнымъ людямъ. На эту цѣль до сихъ поръ было истрачено 10 мил. флориновъ. Опасаясь участи, которая ждетъ этихъ бѣглецовъ на родинѣ, они отказываются вернуться назадъ». Андраши заявилъ, что такому положенію вещей долженъ быть положенъ конецъ. Ст.-Стефанскій прелиминарный договоръ намѣчалъ автономное устройство областей, но, принимая во вниманіе національныя, религіозныя и географическія условія ихъ, правительство Австро-Венгріи признало на Берлинскомъ конгрессѣ такое рѣшеніе вопроса неудовлетворительнымъ. Всякое автономное устройство Босніи и Герцоговины создастъ поводъ для новой агитаціи, и только «сильное правительство можетъ разрѣшить задачу умиротворенія этой страны, гдѣ вся земля находится въ рукахъ мусульманъ, а христіанское большинство вынуждено работать по найму и на унизительныхъ условіяхъ». Заявленіе Андраши было горячо поддержано англійскимъ дипломатомъ Салисбюри, который тоже указывалъ на необходимость сильнаго правительства въ Босніи для успокоенія волненій. Онъ выдвинулъ и другой мотивъ: «если значительная часть этихъ областей попадетъ въ руки одного изъ сосѣднихъ княжествъ, въ такомъ случаѣ образуется цѣлый рядъ славянскихъ княжествъ, который будетъ тянуться черезъ весь Балканскій полуостровъ, и военная сила котораго будетъ пугать иные народы южной части полуострова. Такое положеніе дѣлъ болѣе опасно для независимости Порты, нежели всякое другое сочетаніе». Слѣдовательно, кромѣ «успокоенія» Босніи и Герцоговины съ помощью «сильной власти», Берлинскій конгрессъ считалъ еще нужнымъ спасать Балкан-

---

[1]) О возстаніи въ Босніи и Герцоговинѣ и австрійскихъ и сербскихъ отношеніяхъ къ этимъ провинціямъ см. J. Ристић. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875—1878. 2 книги. 1896—1898. Р. Пророковић-Невесињац. Невесињска буна 1874 и почетак устанка у Херцеговини 1875 године. 1905 *С. Горяиновъ.* Босфоръ и Дарданеллы. 1907. *Ю. С. Карцовъ.* За кулисами дипломатіи. 1908 и др.

скій полуостровъ и разсматриваемыя области его отъ славянства. Вопросъ о благополучіи самого населенія этихъ странъ отодвигался на задній планъ, и только Бисмаркъ счелъ необходимымъ высказать, что «лишь сильное и богатое средствами государство можетъ возстановить тамъ порядокъ и обезпечить судьбы и будущее тамошняго населенія». Турки возражали. Горчаковъ, русскій уполномоченный, заявилъ, что «Россія мало интересуется этимъ вопросомъ», и что, «дѣйствительно, конгрессъ долженъ предохранить христіанское населеніе отъ вѣковыхъ злоупотребленій; съ этой точки зрѣнія предложеніе лорда Салисбюри согласуется съ общими взглядами Россіи, и кн. Горчаковъ его *вполнѣ одобряетъ*».

Такимъ образомъ, Боснія и Герцеговина, какъ одна область, были поручены международнымъ ареопагомъ Австро-Венгріи. Но населеніе этихъ провинцій, безъ различія вѣроисповѣданій, было возмущено такимъ рѣшеніемъ. Подъ начальствомъ Хаджи-Лойе объединились не только мусульмане, но и православные и католики, и австрійскимъ войскамъ приходилось шагъ за шагомъ подавлять возстаніе, пользуясь громаднымъ перевѣсомъ своихъ силъ. 28 іюля 1878 г. имп. Францъ-Іосифъ провозгласилъ оккупацію въ манифестѣ, содержавшемъ милостивое и многообѣщающее обращеніе къ народу; только 7 авг. удалось взять столицу Босніи Сараево и лишь послѣ мобилизаціи пяти корпусовъ, въ концѣ октября возстаніе было подавлено, и оккупація введена. Какъ мы видѣли выше, задачей Австріи было, прежде всего, введеніе въ оккупированныхъ провинціяхъ «сильной власти» съ цѣлью «умиротворенія» не столько ихъ, сколько самой Европы, опасавшейся новыхъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ. До того, какими средствами осуществитъ эти цѣли Австро-Венгрія, и какъ она будетъ управлять въ Босніи и Герцеговинѣ, европейской дипломатіи не было никакого дѣла. Но передъ Австріей стояла, дѣйствительно, задача нелегкая: самый важный по своему политическому вліянію и имущественному положенію классъ состоялъ изъ мусульманъ-землевладѣльцевъ. Часть ихъ не могла примириться съ христіанскимъ господствомъ и эмигрировала въ Турцію, но остальные готовы были на компромиссъ при условіи предоставленія имъ старыхъ правъ. Для австро-венгерскаго правительства такой исходъ дѣла былъ удобенъ, и такимъ образомъ остро стоявшій аграрный вопросъ, нѣкогда приведшій къ возстанію, остался неразрѣшеннымъ и при оккупаціи. Законъ 1859 г., которымъ до оккупаціи регулировались аграрныя отношенія, устанавливалъ сборъ съ крестьянскаго урожая на земляхъ помѣщиковъ одной десятой части въ пользу казны и одной трети въ пользу мусульманина-землевладѣльца. Эти взносы оккупаціонное правительство сохранило, замѣнивъ, однако, патуральное обложеніе денежнымъ и введя предварительное, канцелярское предопредѣленіе, каковъ будетъ урожай. На этой почвѣ возникало безчисленное множество всякихъ злоупотребленій, которыя приводили всѣ къ одной цѣли: къ разоренію крестьянскаго населенія, къ возраставшему съ каждымъ годомъ обѣднѣнію страны. «Сильная власть» выразилась и въ томъ, что уже въ декабрѣ 1878 г. были уничтожены всѣ органы мѣстнаго самоуправленія, существовавшіе въ турецкую эпоху. Вилайетская скупштина прекратила также свое существованіе. Надзоръ правительства надъ всѣми проявленіями гражданской жизни дошелъ до того, что даже на собраніяхъ акціонерныхъ обществъ долженъ былъ присутствовать представитель власти.

Съ мусульманскимъ элементомъ австрійская власть наладила отношенія, предоставивъ ему прежнія имущественныя права на крестьянскій земледѣльческій трудъ. Католическому населенію она покровительствовала, и католическая церковь и пропаганда попали въ благопріятное положеніе. Такъ, въ 1882 г. была основана іезуитская гимназія въ Трав-

никѣ (въ Босніи) и закрыта сербская гимназія въ Сараевѣ; начальныя народныя школы учреждались по преимуществу въ мѣстахъ поселенія католическихъ сербовъ (или хорватовъ); православное населеніе должно было содержать школы на собственный счетъ. «Кириллица не терпится и запрещается, не разрѣшается игра и пѣніе сербскихъ народныхъ пѣсенъ, не допускаются курсы для безграмотныхъ, сербскія школы закрываются и сербы учителя подвергаются изгнанію, сербскія книги и историческія картины изъ сербскихъ школъ выбрасываются, запрещена была даже сербская исторія, которую написалъ бывшій министръ Каллай». Такъ жалуется одинъ изъ видныхъ сербскихъ дѣятелей Босніи, Душанъ Васильевичъ. Впрочемъ, вообще, для просвѣщенія народныхъ массъ въ Босніи и Герцеговинѣ австро-венгерское правительство сдѣлало очень мало; въ экономическомъ же отношеніи оккупированныя провинціи были всецѣло подчинены Венгріи и съ нею соединены, какъ и Хорватія, желѣзными дорогами, выгодными только для венгерскаго вывоза въ Боснію и ввоза изъ нея въ Венгрію. Результаты были поразительны: за 1895—1906 г. количество овецъ и козъ уменьшилось на 13%, количество свиней на 43%, за время 1895—1905 г. производительность важнѣйшихъ предметовъ сельскаго хозяйства уменьшилась на 11%. Богатства страны, которыя заключались въ лѣсахъ и рудникахъ, расхищались безпощадно; кредитъ въ учрежденіяхъ, поддерживаемыхъ правительствомъ и не допускавшихъ конкуренціи, былъ крайне дорогъ. Однимъ словомъ, все дѣлалось для того, чтобы страна разорилась, обезлюдѣла и открыла просторъ для колонизаціи нѣмецкой и католической. Это была политика планомѣрная, притомъ безпощадно жестокая: до конца 1905 г. 1817 нѣмецкимъ семьямъ колонистовъ было роздано 21.892 гектара самой плодородной земли. Въ то же время эмиграція въ Америку приняла ужасающіе размѣры. Наконецъ, и сербское населеніе стало организовываться для національной борьбы. Въ 1900 г. возникло общество «Просвјета», которое уже въ 1908 г. имѣло свыше 50 отдѣленій и около 5000 членовъ; учреждались и другіе просвѣтительные, гимнастическіе и др. кружки. Стали учреждаться и экономическія организаціи, задруги, сберегательныя кассы. Въ 1903 г. возникла газета «Српска Ријеч». Политическое броженіе приняло такіе размѣры, что въ 1907 г. правительство допустило избраніе народныхъ представителей для обсужденія политическаго положенія. Такъ, въ октябрѣ 1907 г. въ Сараевѣ было положено основаніе «Сербской народной организаціи въ Босніи и Герцоговинѣ».

Требованія, которыя были выставлены этой организаціей, сводились къ полной автономіи, таможенному обособленію Босніи, отбыванію воинской повинности въ предѣлахъ страны, рѣшенію аграрнаго вопроса, введенію въ качествѣ офиціальнаго языка сербскаго и т. под. Мусульмане и католики также выступали съ національными и политическими требованіями. Первые формулировали ихъ въ меморіалѣ, представленномъ австро-венгерскому министру финансовъ, какъ главѣ боснійскаго правительства. Требованія сводились какъ къ вопросамъ религіозной жизни (прекращенію іезуитской пропаганды), такъ и къ общимъ конституціоннымъ стремленіямъ (однако, съ признаніемъ суверенитета султана) и разрѣшенію аграрнаго вопроса. Католики, подъ руководствомъ ревностнаго дѣятеля въ области католической пропаганды, архіепископа Стадлера, объединились въ очень умѣренную и близкую къ правительству партію, «херватска народна заједница». Однимъ изъ требованій ея программы было соединеніе съ «хорватской матерью-землей», но и это требованіе сопровождалось оговоркой, что для осуществленія его требуется согласіе Вѣны и Будапешта. Такимъ образомъ, всѣ этническіе элементы страны, православные сербы, католическіе хорваты, мусульмане (тѣ же сербы, но

только отуреченные) проявляли политическую дѣятельность, которая показывала, что австро-венгерскому правительству уже трудно будетъ въ дальнѣйшемъ удержать Боснію-Герцоговину въ ея прежнемъ безгласномъ и безправномъ положеніи. Оно пробовало прибѣгнуть къ испытанному средству различныхъ репрессій; процессы по государственнымъ преступленіямъ, огромные штрафы на газеты и различныя организаціи посыпались на сербовъ, какъ изъ рога изобилія. Приходилось, однако, подумать и о будущемъ. Въ какомъ направленіи должно было развернуться оно, на это мы находимъ намеки уже въ программѣ названнаго «Хорватскаго союза», несомнѣнно правительственной партіи. Здѣсь говорилось о томъ, что «естественной задачей боснійскихъ хорватовъ является соединеніе Босніи и Герцоговины съ Хорватскимъ королевствомъ, а *слѣдовательно* и съ Габсбургской монархіей». Уже 27 января 1908 г. австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, бар. Эренталь, заявилъ о намѣреніи Австріи соединить Боснію желѣзнодорожнымъ путемъ съ Солунью черезъ Новобазарскій санджакъ, оккупированный австрійскими войсками по договору 1878 г. Всѣмъ было ясно, говоритъ П. Н. Милюковъ, что «Австрія готовится получить крупный кушъ на Балканахъ». Какъ извѣстно, рѣчь Эренталя вызвала сильное возбужденіе въ европейскомъ общественномъ мнѣніи. Лѣтомъ 1908 г. была провозглашена конституція въ Турціи. Турецкая имперія становилась государствомъ, построеннымъ на современныхъ правовыхъ началахъ, вслѣдствіе чего оккупація Босніи и Герцоговины теряла свое оправданіе. Въ странѣ кипѣла политическая борьба за конституцію. И вотъ подъ предлогомъ введенія ея имп. Францъ-Іосифъ въ сент. 1908 г. объявляетъ о присоединеніи (аннексіи) Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи. Еще въ 1780 г., на свиданіи имп. Екатерины съ австрійскимъ императоромъ въ Могилевѣ, шла рѣчь о присоединеніи этихъ областей къ Австріи. Послѣ долгой проволочки цѣль была достигнута.

Со времени аннексіи прошло свыше 5 лѣтъ, и теперь уже представляется возможнымъ подвести нѣкоторые итоги того, что было достигнуто за эти годы. 10 Окт. 1910 г. была произведена перепись населенія, которая дала слѣдующіе результаты: общая численность населенія равнялась. 1,898,044 чел. (гражданскаго населенія). По сравненію съ 1895 г. (1,568,092 чел.) приростъ его выражался въ 21,04% или въ годъ 1,4%. Съ 1879 по 1885 г. ежегодный приростъ населенія равнялся 2,56 %, съ 1885 по 1895 г. 1,74%. Такимъ образомъ, уменьшеніе этого прироста съ каждой переписью не подлежитъ сомнѣнію и должно объясняться тѣми печальными условіями, въ которыхъ живетъ народная масса. По вѣроисповѣданіямъ населеніе Босніи и Герцеговины распредѣляется такъ: 825,418 чел. (43,49%) православные, 612,317 чел. (32,25%) мусульмане, 434,061 (22,87%) католики; далѣе слѣдуютъ въ незначительныхъ количествахъ, не достигающихъ даже половины процента, представители другихъ вѣроисповѣданій: уніатскаго, евангелическаго, іудейскаго и др. Въ городахъ преобладаютъ мусульмане, составляющіе 50,76% всего городского населенія; наименьшую склонность къ городской жизни обнаруживаютъ сербы православные, изъ которыхъ лишь 6,71% живетъ въ городахъ. Количество мусульманъ быстро и сильно падаетъ вслѣдствіе значительной эмиграціи ихъ въ Турцію. Безграмотность въ странѣ чрезвычайная: 87,84%, при чемъ даже среди населенія въ учебномъ возрастѣ (7—20 лѣтъ) она достигаетъ 87,25%. Среди мужчинъ безграмотныхъ 82,89%, среди женщинъ 93,35%. Наиболѣе грамотнымъ является католическое населеніе, особенно покровительствуемое правительствомъ, наименѣе мусульманское (94,65% безграмотныхъ). При пестротѣ вѣроисповѣданій босно-герцоговинское населеніе представляетъ однообразную массу по языку: сербо-хорватскій языкъ является роднымъ для 96,02% населенія; при

этомъ, въ округѣ Сараевскомъ на немъ говорятъ 92,81%, въ Тузлѣ 97,36%, въ Банялукѣ 92,68%, въ Бихачѣ 99,19% въ Травникѣ 97,62% и въ Мостарѣ 98,91%. На нѣмецкомъ языкѣ, какъ на родномъ, говоритъ во всей странѣ 22,968 чел. (1,26%). Въ громадномъ своемъ большинствѣ населеніе занимается сельскимъ хозяйствомъ (86,57%, въ 1895 г. 88,34%). Остальныя профессіи насчитываютъ сравнительно ничтожные проценты населенія: именно, лѣсное хозяйство 0,28%, торговля 1,72%, изготовленіе одежды 1,18%, общественная и государственная служба 1,85% и т. д. Какъ мы видимъ, статистическія данныя рисуютъ картину очень первобытной культуры. Интеллигенція составляетъ дѣйствительно небольшую горсточку: лицъ, занятыхъ свободными профессіями (стало быть, журналистовъ, художниковъ и т. д.), статистика 1910 г. насчитывала всего 185 человѣкъ. Этой горсточкѣ людей, да еще немногочисленной буржуазіи приходится выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть политической борьбы, будить гражданское и національное сознаніе въ народной массѣ и т. д. Православное духовенство вслѣдствіе бюрократической системы, введенной правительствомъ, оказалось чуждо народу [1]).

Что же сдѣлано съ 1908 года? 17 февр. 1910 г. Боснія-Герцоговина получила конституцію, которая была торжественно провозглашена въ Сараевѣ главой правительства [2]). Она заключала въ себѣ органическій уставъ, избирательный законъ, законъ о Саборѣ, законы объ обществахъ и собраніяхъ, а также объ окружныхъ совѣтахъ. Согласно конституціи 1910 г., Боснія и Герцоговина составили отдѣльную административную область, подъ управленіемъ и контролемъ общаго императорскаго и королевскаго правительства. Этому общему правительству подчинено мѣстное босно-герцеговинское, съ резиденціей въ Сараевѣ. Для сотрудничества въ законодательствѣ созывается Саборъ, состоящій изъ 92 членовъ, изъ коихъ 20 занимаютъ свои кресла по должности, а 72 избираются на пять лѣтъ по тремъ куріямъ (землевладѣльческой, платящей высокіе налоги, со среднимъ и высшимъ образованіемъ; городской; сельской). Саборъ вѣдаетъ только исключительно босно-герцеговинскія дѣла, но въ этихъ предѣлахъ его компетенція довольно широка. Саборъ созывается императоромъ ежегодно, одинъ разъ въ годъ; законопроекты, прошедшіе черезъ Саборъ, получаютъ силу закона по одобреніи ихъ императоромъ, при чемъ на одобреніе его законопроекты представляются австровенгерскимъ правительствомъ черезъ общаго министра, которому ввѣрено управленіе Босніей и Герцоговиной. Юридическое положеніе этой послѣдней опредѣляется въ конституціи, какъ страны *аннектированной*, надъ которой оба государства дуалистической монархіи осуществляютъ право c o n d o m i n i u m. Это положеніе страны лишаетъ ея участія въ управленіи монархіей. Своихъ представителей ни въ одномъ изъ парламентовъ, ни въ делегаціяхъ Боснія не имѣетъ. При этомъ остаются въ силѣ законы объ управленіи страной (подчиненіе ея австро-венгерскому министерству финансовъ и т. д.), введенные въ 1880 г. послѣ оккупаціи. Это непризнаніе за аннектированными провинціями политическихъ правъ въ предѣлахъ дуалистической монархіи составляютъ одинъ изъ пунктовъ, въ которыхъ австро-венгерское правительство не желаетъ сдѣлать никакой уступки. Тщетно хлопочутъ представители Босніи о допущеніи ихъ въ делегаціи. Дѣла аннектированныхъ провинцій разсматриваются въ особой комиссіи делегацій, и, когда въ маѣ 1914 года босній-

---

1) «Нужно было прежде всего взять въ руки духовенство: воспитать его въ государственной школѣ, сдѣлать правительственными чиновниками и установить надъ ними строгій надзоръ». Милюковъ. «Балканск. кризисъ». 275.

2) Она напечатана въ Wiener Zeitung 22 февр. 1910 и подробно изложена въ изданіи «La politique dans les deux mondes» IV. 177—182.

скіе депутаты ѣздили въ Будапештъ хлопотать объ измѣненіи конституціи 1910 г., имъ были обѣщаны кое-какія уступки, но было заявлено, что измѣненія конституціи не предстоитъ, и что въ делегаціи представители боснійскаго Сабора не будутъ допущены. Характерно также, что Боснія не называется въ конституціи тѣмъ титуломъ, какимъ пользуются другія части имперіи: рядомъ съ Чешскимъ королевствомъ, Хорватскимъ королевствомъ и т. д. мы видимъ простыя наименованія Боснія (Bosnien) и Герцеговина (Hercegovina). Такое опущеніе титуловъ этихъ областей указываетъ на то, что Австро-Венгрія не признаетъ за ними государственноправовыхъ началъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ обнародованія конституціи имп. Францъ Іосифъ лично посѣтилъ Сараево и былъ встрѣченъ населеніемъ настолько сердечно, что былъ тронутъ и обратился къ своимъ новымъ подданнымъ съ завѣреніемъ своего росположенія. Первая сессія Сабора была открыта 2 (15) іюня 1910 г. Ея открытіе ознаменовалось печальнымъ событіемъ: на главу мѣстнаго правительства, ген. Варешанина, было произведено покушеніе молодымъ человѣкомъ. Покушеніе оказалось неудачнымъ и вызвало во всемъ населеніи негодованіе, которое еще укрѣпило связь между правительствомъ и Саборомъ. Послѣдній въ засѣданіи 10 іюня принялъ резолюцію, указывающую на недостатки введенной конституціи, но это не помѣшало его работѣ и, въ общемъ, политическое положеніе въ аннектированныхъ провинціяхъ приняло гораздо болѣе благопріятный характеръ, чѣмъ раньше, въ эпоху оккупаціи. Конечно, и теперь дѣло не обходилось безъ рѣзкихъ столкновеній народностей и партій, безъ различныхъ внутреннихъ «кризисовъ», имѣющихъ однако довольно маловажное значеніе, но отъ этого, какъ извѣстно, не застраховано ни одно контституціонное государство. Правительство стремилось выразить свое довѣріе къ правительственной партіи, и одинъ изъ ея видныхъ представителей, Мандичъ, былъ назначенъ въ началѣ 1914 г. замѣстителемъ бана (подбаномъ), т.-е. фактически генералъ-губернаторомъ провинцій. Въ сент. 1913 г. дѣлались попытки объединить дѣятельность хорватовъ, сербовъ и мусульманъ на почвѣ общей программы, въ октябрѣ нѣсколько членовъ Сабора (сербы) отказались отъ своихъ мандатовъ, и попытку создать организацію большинства въ палатѣ взялъ на себя сербскій депутатъ Димовичъ. Всѣ эти событія волновали политическую жизнь страны, но масса населенія живетъ по прежнему въ сторонѣ отъ нея; отъ Сабора крестьянство ожидало разрѣшенія наболѣвшаго аграрнаго вопроса, но, разумѣется, Саборъ лишенъ былъ возможности провести радикальную реформу и за это поплатился своей популярностью. Зато Саборъ провелъ (30 дек. 1913 г.) весьма важный законъ объ употребленіи языковъ во внутреннемъ и внѣшнемъ управленіи: офиціальнымъ языкомъ признанъ сербскохорватскій при полномъ равноправіи алфавитовъ; на службу принимаются только лица, знающія этотъ языкъ; во внутренней службѣ желѣзныхъ дорогъ сербскохорватскій языкъ употребляется лишь настолько, насколько это допускается военными интересами. Правительство было весьма довольно проведеніемъ этого закона, противъ котораго голосовала оппозиція, и въ боснійской комиссіи делегацій (15 мая 1914 г.) министръ финансовъ Билинскій, главный начальникъ Босніи и Герцеговины, выразилъ Сабору свою благодарность. Слѣдуетъ отмѣтить, что и комиссія обнаружила живой интересъ къ боснійскимъ дѣламъ, особенно къ желѣзнодорожному строительству, составлявшему вопросъ дня въ аннектированныхъ провинціяхъ. Однако, послѣдующія событія показали, что все это внѣшнее благополучіе было лишь кажущимся; въ сербскомъ лагерѣ кипѣло негодованіе на явное предпочтеніе, которое правительствомъ оказывалось

католическому хорватскому населенію. Въ странѣ возникло революціонное движеніе, которое, повидимому, поддерживало связи съ нѣкоторыми дѣятелями, «великосербскаго» лагеря въ Сербскомъ королевствѣ. Покушеніе на наслѣдника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу, графиню Хохенбергъ, происшедшее въ іюлѣ 1914 года, было той искрой, которая взорвала накопившійся порохъ въ сербско-австрійскихъ отношеніяхъ.

Положеніе аннектированныхъ областей рисуется въ правительственномъ сообщеніи делегаціямъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1912 г. бюджетъ составлялъ 84,2 мил. кронъ, въ 1913 г. уже 92,9 мил.; на 1914 г. онъ составленъ въ суммѣ 105,2 мил. кр. Изъ этого видно, что податныя способности населенія возрастаютъ; для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ придется сдѣлать заемъ въ 100 мил. кр. въ два срока. Количество школъ незначительно, и въ 1912—3 г. было основано 45 новыхъ школъ, а всего школъ 378, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Для удовлетворенія ихъ и для введенія обязательнаго обученія необходимо открывать школы во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется до 40 дѣтей школьнаго возраста, а на это потребуется новый заемъ въ $24^1/_2$ мил. кронъ. При этомъ условіи, открывая въ годъ около 40 школъ, можно покрыть Боснію и Герцеговину достаточно густой школьной сѣтью въ 16 лѣтъ. Недостаточно также число среднихъ школъ, которыя переполнены. Въ Сараевѣ есть торговая академія, въ Мостарѣ высшая торговая школа. Что касается судовъ, то правительство готовитъ законъ о несмѣняемости судей. Для подъема сельскаго хозяйства проектируется рядъ мѣръ (улучшеніе расъ скота и т. д.).

«Сообщеніе» босно-герцоговинской торговой палаты за 1911 и 1912 г.г. показываетъ возрастаніе земледѣльческаго производства и пробуетъ удостовѣрить благопріятное состояніе скотоводства въ странѣ, но статистическія данныя говорятъ краснорѣчиво противъ этого (1895: 6.996.978; 1910: 5.956.991 головъ разнаго скота). Не менѣе оптимистически оно смотритъ на развитіе торговли, которое должно обнаруживать «экономическую мощь» аннектированныхъ провинцій. Далѣе сообщеніе останавливается подробно на состояніи лѣсной и рудничной промышленности въ Босніи и Герцоговинѣ. И здѣсь мы повсюду встрѣчаемъ умолчанія, лирическія восхищенія и т. п. Если отнять этотъ тонъ, то все-же можно признать, что въ извѣстной мѣрѣ оптимистическіе выводы министра оправдываются. Несмотря на рядъ неурожайныхъ годовъ съ 1906 г. и на холеру, помѣшавшую вывозу сырыхъ фруктъ (сливъ) изъ страны, Боснія не пережила того экономическаго кризиса, какой постигъ другія земли Австро-Венгріи въ періодъ аннексіи и балканскихъ войнъ. Напротивъ, расположеніе здѣсь значительнаго числа войскъ послужило, скорѣе, на пользу мѣстной промышленности и торговли. Денежныя учрежденія развиваются: хорваты имѣли въ концѣ 1912 г. 9 банковъ (2.807,472 кр. капитала, 303.959 кр. прихода, вкладовъ сдѣлано на 4.159.672 кр.), сербы 23 (8.095.492 кр. капитала, 744.731 кр. чистаго дохода, вкладовъ на 13,294,098 кр.), мусульмане 7 (2.116.104 кр. капитала, 135.801 кр. дохода, 1.282.567 кр. вкладовъ). Дальнѣйшее развитіе экономической жизни страны находится въ тѣсной зависимости отъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Мусульмане-беги, владѣльцы помѣстій высказываются, какъ и представители другихъ религій, за принудительный выкупъ, который можетъ дать до 200 мил. кронъ и предоставить городскому мусульманскому населенію, наиболѣе склонному къ торговлѣ, значительный капиталъ. По даннымъ, относящимся къ октябрю 1913 г., крестьяне выкупили съ помощью кредита, который имъ удѣляетъ правительство, до этого времени 106,570 гект. земли. По сравненію съ тѣмъ требованіемъ на землю, которое выставляется многочис-

леннымъ крестьянскимъ населеніемъ, это количество, конечно, весьма незначительно. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что и въ этомъ отношеніи аннектированныя провинціи находились теперь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ эпоху оккупаціи. Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, т.-е. о передѣлкѣ узколейныхъ дорогъ на широколейныя и о постройкѣ новыхъ нормальныхъ линій, былъ разрѣшенъ въ порядкѣ 14 статьи 9 апрѣля 1914 г. По этому закону Боснія еще тѣснѣе соединяется съ Венгріей, тогда какъ Австрія пріобрѣтаетъ только болѣе удобное сообщеніе съ Герцеговиной. «Вся большая, плодороднѣйшая восточная часть Босніи останется и въ будущемъ предоставлена исключительно венгерской торговлѣ, такъ какъ для Австріи она будетъ доступна лишь черезъ Будапештъ, тогда какъ Австріи предоставляется западная, горная часть страны безъ прямого соединенія съ главнымъ городомъ Сараевымъ. Для того же, чтобы австрійская торговля не могла воспользоваться болѣе дешевымъ морскимъ путемъ черезъ Сплѣтъ (Спалато) и новой дорогой Аржано-Бугойно, эта дорога должна, по закону, быть узкоколейной, и всѣ товары придется въ Бугойнѣ перегружать въ другіе вагоны и т. д.» (Národní Listy. 10 апр. 1914 г.). Передъ сербскимъ народомъ въ Босніи-Герцеговинѣ исторія ставитъ, такимъ образомъ, трудныя задачи борьбы съ католической пропагандой, которая ведется іезуитами чрезвычайно ревностно и искусно [1]), съ нѣмецкимъ наплывомъ, который поддерживается правительствомъ [2]), и съ мадьяризаціей. Естественно, что сербская политика въ сербскомъ королевствѣ направлена на привлеченіе симпатій сербскаго православнаго, отчасти и мусульманскаго населенія къ Сербіи. Поэтому, сербская печать изображаетъ положеніе вещей въ аннектированныхъ областяхъ слишкомъ мрачными чертами. Если хорватскія правительственныя партіи постоянно подчеркиваютъ свой лоялизмъ и высказываютъ пожеланія, чтобы Боснія-Герцеговина была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ монархіей Габсбурговъ и, прежде всего, съ Хорватіей [3]), то для сербовъ этой страны рисуются перспективы желаннаго соединенія съ одноплеменниками, живущими въ королевствѣ. Здѣсь еще въ далекой мѣрѣ не наступило то сербскохорватское сближеніе, которое организуется въ Тріединомъ королевствѣ, и самое это сближеніе можетъ разбиться о боснійскій вопросъ такъ же, какъ балканская унія разрушилась на македонскомъ вопросѣ. А здѣсь эта борьба еще обостряется религіознымъ моментомъ.

---

[1]) P. Anton Puntigam Soc. Iesu. Unsere Zukunft in Bosnien. 1909 (изложеніе состоянія католической пропаганды въ Босніи и призывъ къ пожертвованіямъ для католиковъ).

[2]) Сербская газета «Одјек» 25—26 іюля 1913. «Немачки колонисти у Босни».

Въ маѣ 1914 г. Сербско-нѣмецкія отношенія до того обострились, что на улицахъ Сараева начались безпорядки. Ученики сербскихъ школъ ходили по ночамъ по городу и замазывали нѣмецкія вывѣски, газеты пропагандировали бойкотъ нѣмецкой торговли. Когда полиція арестовала двухъ гимназистовъ, въ городѣ произошли новые безпорядки; абитуріенты среднихъ школъ забастовали и потребовали освобожденія арестованныхъ, что и было выполнено. Объ всемъ этомъ не безъ тревоги сообщала вѣнская офиціозная газета «Reichspost». Наконецъ въ іюлѣ того же года это настроеніе привело къ извѣстной катастрофѣ.

[3]) 31 янв. 1912 г. императорской канцеляріи былъ переданъ отъ имени «хорватскихъ представителей изъ всѣхъ хорватскихъ земель» слѣдующій адресъ: «Нижеподписавшіеся представители хорватскаго народа, члены партіи права изъ Хорватіи, Славоніи, Босніи, Герцеговины, Далмаціи и Истріи, убѣжденные, что всѣ нужды хорватскаго народа могутъ быть удовлетворены не только въ согласіи, но и въ интересахъ монархіи и династіи, рѣшаются покорнѣйше просить ваше величество, чтобы согласно съ рескриптомъ 26 февр. 1861 г., даннымъ хорватскому собору, были созваны представители отъ всѣхъ этихъ земель для совѣщанія въ Загребѣ. Этотъ соборъ долженъ имѣть своей цѣлью устройство, по соглашенію съ вашимъ величествомъ, своимъ законнымъ королемъ, своихъ внутреннихъ отношеній и отношеній къ цѣлой монархіи такъ, какъ это отвѣчаетъ правамъ и нуждамъ хорватскаго народа, блеску и могуществу династіи».

XIV.

Сербское королевство.

Названіе *сербы* принадлежало первоначально небольшому славянскому племени, жившему въ нынѣшнемъ Новобазарскомъ санджакѣ. Оно составляло лишь одно изъ племенъ, впослѣдствіи образовавшихъ сербскій народъ, и упоминается впервые въ 822 г. во франкскихъ лѣтописяхъ. Страна сербовъ, какъ полагаетъ Иречекъ, охватывала бассейнъ рѣки Лима и верхняго теченія Дрины, долину Ибра и верхнее теченіе Западной Моравы. По своему положенію на восточномъ склонѣ горной цѣпи отъ албанскихъ Альпъ до источниковъ Наренты, сербы господствовали надъ прилегающими долинами и могли успѣшнѣе другихъ родственныхъ племенъ защищаться отъ враждебныхъ натисковъ аваровъ, болгаръ и мадьяръ. И вотъ въ 9/10 вѣкахъ сербы становятся могущественнѣйшимъ изъ горныхъ племенъ, вступаютъ во враждебныя отношенія съ Захлуміемъ, овладѣваютъ долиной рѣки Босны и подчиняютъ своей зависимости травуніевъ, жившихъ вдоль морского берега. Такимъ образомъ, уже въ 10 в. Сербія становится обширной областью, а въ 12 в. она раздѣляется на двѣ области, которыя, по указанію современнаго историка простираются «a magno flumine Drina» къ Западу (Боснія) и «ab eodem flumine Drina» до рѣки Лаба, у Приштины (Rassa [1]). Уже въ половинѣ 10 в. имя сербовъ начинаетъ становиться общимъ именемъ для другихъ родственныхъ племенъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи это имя охватываетъ уже рядъ западно-сербскихъ племенъ. На востокѣ живутъ тимочане и другія племена, имена которыхъ не сохранились въ старыхъ источникахъ (Браничевцы или Морава и др.), и на которыхъ названіе сербовъ распространилось лишь впослѣдствіи.

Боснія и Рашка пошли въ своемъ государственномъ развитіи обособленно. Первыя сербскія государственныя образованія возникали на западѣ, у Адріатическаго моря. И эти государства, несмотря на то, что въ 10—11 в. они достигали значительнаго могущества при королякъ Бодинѣ и Михаилѣ, не оставили никакихъ слѣдовъ въ историческихъ воспоминаніяхъ сербскаго народа: они были подвержены болѣе вліянію Запада, нежели Византіи, и въ религіозномъ отношеніи были подчинены Риму, а не Константинополю. Позднѣйшія государства сербовъ, тѣ, которыя были созданы Нѣманями и ихъ преемниками, рѣзко отвернулись отъ Запада, приняли цѣликомъ культуру и политическія стремленія Византіи, и только съ ними связалась народная память. Пѣсни гусляровъ вспоминаютъ, по традиціямъ житійнымъ, церковнымъ и монастырскимъ, объ основателяхъ православнаго сербскаго государства,

[1]) C. Iireček. Geschichte der Serben. 1911. I Band (bis 1371). Еще по исторіи Сербіи, какъ университетскія руководства, А. Погодинъ. Исторія Сербіи. 1909 и Ст. Станојевић. Историја српскога народа. 2 изд. 1910.

о Стефанѣ Нѣманѣ и сынѣ его, первомъ сербскомъ архіепископѣ Св. Саввѣ, но онѣ ничего не знаютъ о временахъ предшествующихъ имъ [1]). Между тѣмъ какія-то, донынѣ невыясненныя связи должны были соединять эпоху первыхъ сербскихъ государствъ съ выступленіемъ на историческую арену великихъ жупановъ (князей) Рашки.

Византія такъ сильно давила на мелкія славянскія племена, что ихъ государственное объединеніе въ болѣе прочныя образованія стало возможно лишь тогда, когда могущество имперіи переживало критическую эпоху. Подъ конецъ 12 в. могущество Византіи начинаетъ колебаться, и этимъ пользуется ловкій автономный владѣтель Рашки, великій жупанъ Стефанъ Нѣманя, для того, чтобы добиться фактически полной независимости. При немъ совершается и распространеніе власти жупана на рядъ восточно-сербскихъ племенъ, и окончательная побѣда восточной церкви надъ западной. Сынъ его, Св. Савва, становится вождемъ религіозной жизни въ сербскомъ жупанствѣ въ духѣ строго православномъ, византійскомъ, а другой сынъ Нѣмани, Стефанъ, достигаетъ въ 1217 г. королевской короны. Теперь это уже сильное Сербское королевство, которое успѣшно борется со своими врагами, Венгріей и Латинскимъ царствомъ, создавшимся на берегахъ Босфора. Опасность государственнаго разложенія, грозившая со стороны богомиловъ, устраняется церковнымъ соборомъ, который вывелъ богомильскую ересь съ помощью казней и ссылокъ. Сербія вступаетъ въ свое государственное существованіе, какъ королество аристократическое: здѣсь сильный классъ вельможъ (властелей), который постоянно вступаетъ въ борьбу съ монархической властью, подчиняетъ ее себѣ, иногда превращаетъ ее въ игрушку своихъ стремленій, но иногда самъ сгибается передъ могуществомъ отдѣльныхъ кралей. На престолѣ Нѣмани въ 13—14 в. мы видимъ нѣсколько высокоодаренныхъ личностей, Милутина, Стефана Дечанскаго и наконецъ, въ половинѣ 14 в., Стефана Душана, крупнѣйшее лицо въ династіи Нѣманей. Политика этихъ государей однообразна: она диктуется стремленіемъ захватить Константинополь, чтобы превратиться въ греческихъ императоровъ, и пріобрѣсти въ борьбѣ съ Болгаріей гегемонію на Балканскомъ полуостровѣ. А такъ какъ Болгарія была царствомъ, то и первый сербскій краль, достигшій дѣйствительнаго могущества на полуостровѣ и захватившій значительную часть Македоніи, Стефанъ Душанъ, объявилъ себя царемъ сербовъ и грековъ (1346), учредилъ патріаршество, какъ символъ полной независимости сербской церкви, и издалъ законникъ для управленія государствомъ и суда надъ преступниками. Этотъ законникъ окончательно подавлялъ права и безъ того угнетенной народной массы. Когда же Стефанъ умеръ, его царство быстро развалилось на отдѣльныя области, попавшія въ руки его вельможъ и полководцевъ. Турки, вызванные въ борьбѣ Сербіи съ Византіей изъ Малой Азіи, почувствовали себя господами положенія, и подвигали свои завоеванія все дальше на сѣверъ. Въ 1389 г. они нанесли страшное пораженіе сербамъ на Косовомъ полѣ (въ Старой Сербіи), и послѣ этого отъ прежняго сербскаго государства осталась только тѣнь: автономное «деспотство» дожило до половины 15 в., и въ 1459 г. послѣднее убѣжище сербской независимости, городъ Смедерево на Дунаѣ, перешло въ руки турокъ.

Но Сербія погибла, какъ государство съ обширными международными отношеніями, съ литературно разработаннымъ языкомъ, который именно въ послѣднія деястилѣтія передъ паденіемъ деспотіи достигъ особаго развитія, и потому туркамъ пришлось считаться съ національ-

[1]) Maretić. Naša narodna epika. 1908.

ными правами сербскаго народа. Гибель государственности объединила народъ, пробудила въ немъ живое сознаніе, и это отразилось и на лѣтописаніи, и въ произведеніяхъ народной эпики. Турки приняли для сношеній съ Венеціей, Венгріей и Дубровникомъ сербскій языкъ, они возстановили въ 16 в. патріаршество, погибшее въ эпоху смутъ, и среди выдающихся государственныхъ людей Турціи было не мало сербовъ, которые помнили свое сербское происхожденіе и, даже обратившись въ исламъ, поддерживали связи съ родиной. Но для развитія сербской культуры столѣтія турецкаго рабства были эпохой полнаго безплодія. Съ начала 17 вѣка начинаются попытки организаціи народныхъ движеній, которыя не удавались, и за которыя сербамъ приходилось платиться потоками крови и денегъ. Когда же Австрія, послѣ освобожденія Вѣны Собѣскимъ, приступила къ наступательнымъ дѣйствіямъ на Балканскомъ полуостровѣ, она вызвала крупное возстаніе среди сербскаго населенія, которому пришлось массами бѣжать въ Австрію, такъ какъ Австріи было не подъ силу нанести Турціи рѣшительный ударъ, и сербы опасались мести своихъ разъяренныхъ угнетателей. Сербія опустѣла, и жизнь здѣсь совсѣмъ замерла. Новымъ несчастіемъ для сербскаго народа явилась недолговременная оккупація Австріей придунайской Сербіи (1718—1739). Австрійское правительство немедленно приступило здѣсь къ политикѣ германизаціи и католической пропаганды, и сербы такъ возненавидѣли режимъ «швабовъ», что свободно вздохнули, когда имъ пришлось снова вернуться подъ власть грубыхъ, но лѣнивыхъ варваровъ—турокъ, которымъ не было никакого дѣла до религіозной и національной жизни подвластной райи [1]). Но эпохѣ турецкаго владычества въ сѣверной части Балканскаго полуострова, а также въ придунайскихъ княжествахъ, Валахіи и Молдавіи, гдѣ хозяйничали греки-фанаріоты, наступалъ конецъ: то Россія, то Австрія, то оба государства вмѣстѣ наносили Оттоманской имперіи одинъ ударъ за другимъ. Въ концѣ 18 в. Турція была вынуждена дать Бѣлградскому пашалыку автономію, и съ этой поры начинается постепенное освобожденіе сербскаго народа отъ турецкаго ига. Въ 1804 г. произошло возстаніе, подъ руководствомъ одного изъ волостныхъ старшинъ, Кара-Георгія (Георгія Чернаго), и въ нѣсколько лѣтъ Сербія достигла полной внутренней независимости.

Сербія могла добиться такихъ результатовъ только потому, что Турція была занята войной съ Россіей. Маленькій сербскій народъ былъ очень полезнымъ помощникомъ для русскихъ войскъ, воевавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, и потому въ русскихъ правительственныхъ кругахъ интересовались Сербіей, посылали на помощь Кара-Георгію дипломатическихъ совѣтниковъ, и Порта была вынуждена считаться съ сербскими требованіями и признать по Бухарестскому миру 1812 г. право Сербіи на автономію. Это право, признанное международнымъ трактатомъ, имѣло большое принципіальное значеніе для будущаго развитія сербскаго народа, такъ какъ впервые сербское дѣло становилось не внутреннимъ дѣломъ Оттоманской имперіи, но вопросомъ международныхъ отношеній. Во время русско-французской войны 1812 г., Россія не могла оказать дѣятельной поддержки сербамъ, и турки этимъ воспользовались для того, чтобы вновь подчинить ихъ своей власти. Въ сентябрѣ 1813 г. Кара-Георгій бѣжалъ, въ Сербіи господствовалъ турецкій терроръ, напоминавшій самыя печальныя времена турецкаго ига. Всѣ попытки возстанія подавлялись жестоко, и могло казаться,

---

[1]) Объ этой эпохѣ австрійскаго владычества см. статью Драг. Павловича «Административна и црквена политика Аустриска у Србији» (Глас Срп. Акад. 62., 1901).

что на дѣлѣ сербской свободы надо поставить крестъ. Имп. Александръ I, подъ вліяніемъ идей Священнаго союза, смотрѣлъ враждебно на народныя движенія, и сербамъ приходилось дѣйствовать на свой страхъ.

Въ 1815 г., въ одномъ изъ глухихъ уголковъ лѣсистой и холмистой Сербіи, началось новое возстаніе, во главѣ котораго сталъ очень умный и тонкій дипломатъ, одинъ изъ мѣстныхъ старшинъ (князовъ) Милошъ Обреновичъ. Возстаніе пошло удачно, а русская дипломатія потребовала въ то же время, чтобы Порта осуществила условія Бухарестскаго договора. До 1820 г. тянулись переговоры, при чемъ Сербія требовала признанія наслѣдственнаго княжескаго титула въ потомствѣ Милоша, внутренняго самоуправленія и т. д. Въ новой войнѣ Россіи съ Турціей сербы и на этотъ разъ нашли могущественную поддержку своимъ стремленіямъ. Имп. Николай I настаивалъ рѣшительнымъ образомъ на исполненіи Бухарестскаго договора, и Адріанопольскій миръ 1829 г., имѣвшій громадное значеніе не для одной Сербіи, но и для придунайскихъ княжествъ, судьбы которыхъ во многомъ напоминаютъ сербскія, установилъ новыя отношенія между Сербіей и Турціей. Въ 1830 г. Порта признала Сербію автономнымъ наслѣдственнымъ княжествомъ подъ верховной властью султана; предѣлы княжества охватывали уже въ это время почти всю современную Сербію (безъ пріобрѣтеній 1913 г.); внутри его устраивалось правильное управленіе, заводились школы, организовалось въ 1825 г. постоянное войско. Но самъ Милошъ, сумѣвшій объединить народъ въ эпоху тяжелой борьбы, оказался не на высотѣ своей задачи въ мирное время. Онъ запутался въ такихъ непримиримыхъ распряхъ со старѣйшинами, что въ странѣ поднялась междоусобная война, и въ 1838 г. Милошъ отрекся отъ престола въ пользу старшаго сына, больного Милана, который черезъ нѣсколько недѣль скончался.

Первороднымъ грѣхомъ сербскаго княжества явилась двойственность и вражда династій, участвовавшихъ въ освобожденіи Сербіи. Кара-Георгій поднялъ знамя перваго возстанія, но онъ покинулъ свою страну въ минуту отчаянія и, когда возвращался домой, чтобы примкнуть къ возстанію гетеристовъ, былъ убитъ (1817) не безъ участія Милоша. Тѣмъ не менѣе, въ народной памяти имя Кара-Георгія было окружено благодарностью, и когда Милошъ своимъ корыстолюбіемъ, интригами и безнравственностью въ семейной жизни оттолкнулъ отъ себя народъ, было естественно, что вспомнили о Кара-Георгіи. У этого послѣдняго былъ сынъ Александръ, у Милоша оставался (послѣ смерти Милана) сынъ Михаилъ. И вотъ между этими представителями двухъ династій ведется въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій упорная борьба, наполнившая исторію Сербіи въ 19 в. смутами. Рядомъ съ лицами борются и два политическія вліянія, русское и австрійское. Въ государство, которое только что начинаетъ устраиваться, проникаютъ элементы, для которыхъ открывается возможность карьеры и наживы: австрійскіе сербы, привыкшіе къ австрійскимъ бюрократическимъ пріемамъ, смотрятъ съ пренебреженіемъ на сѣрую народную массу и стремятся ввести въ Сербіи австрійскіе порядки. Однимъ словомъ, въ культурной и политической жизни молодой Сербіи наступаетъ неизбѣжный хаосъ, который нѣсколько разъ едва не доводилъ Сербію до гибели. На этой почвѣ создаются партіи, которыя, по большей части, вовсе не имѣютъ принципіальныхъ различій, но просто группируются около того или другого лица, борются за власть подъ флагомъ, называющимся партійнымъ, но имѣющимъ очень мало сходства съ дѣйствительными партійно-политическими отношеніями народа. Только при королѣ Петрѣ, уже въ 20 вѣкѣ, въ Сербіи начинаетъ складываться болѣе принципіальная партійная группировка. Но до сихъ поръ ни въ Сербіи, ни, тѣмъ болѣе, въ Болгаріи полити-

ческія партіи не представляютъ такихъ опредѣленныхъ теченій политической мысли, какими онѣ являются въ Польшѣ или въ Чехіи. Поэтому о нихъ я не буду говорить болѣе подробно [1]). Въ княженія Михаила, затѣмъ Александра Карагеоргіевича, потомъ опять Михаила Обреновича Сербія вырабатываетъ конституціонный строй, достигаетъ полной независимости отъ Турціи, пріобрѣтаетъ культурныя учрежденія и формы правительственной жизни. Движеніе южныхъ славянъ въ Австріи въ 1848 г. захватило и сербовъ. Княжества, которыя переходили за Дунай и помогали своимъ соплеменникамъ въ борьбѣ за свободу [2]). Здѣсь были посѣяны сѣмена «великосербской идеи». Князь Михаилъ, добившійся въ 1867 г. признанія полной независимости Сербіи отъ Турціи, явился ревностнымъ проповѣдникомъ идеи политическаго объединенія всего сербскаго племени и готовился къ войнѣ съ турками, но въ 1868 г. онъ былъ убитъ измѣнической рукой.

Бѣлградъ становится политическимъ и культурнымъ центромъ всей сербской жизни вмѣсто Новаго Сада (въ Венгріи), все болѣе терявшаго это значеніе. И въ литературѣ упрочивается господство языка и письменности, основанныхъ на народности и введенныхъ послѣ долгой борьбы Вукомъ Караджичемъ. Признаніе этого чистонароднаго литературнаго языка и азбуки, порывавшей съ традиціями церковности (безъ ъ, *й* и т. д.), было со стороны сербскаго правительства рѣшительнымъ шагомъ въ направленіи культурной самобытности сербскаго народа. Поэтому такое признаніе наступило поздно, лишь въ 1868 г., когда уже давно всѣ образованные люди приняли реформу Караджича. Смѣна литературныхъ направленій является, обыкновенно, выраженіемъ глубокихъ измѣненій въ общественномъ самосознаніи, и потому, когда на смѣну романтизма Бранка Радичевича и Змая Іовановича является постепенно позитивизмъ, введенный въ 70-ыхъ годахъ С. Марковичемъ, а затѣмъ и реализмъ, это означало, что сербская интеллигенція стремится стать на уровнѣ современной европейской мысли [3]). Этотъ процессъ усвоенія европейской культуры и политическихъ идей не могъ пройти безболѣзненно и въ Сербіи, какъ и въ другихъ странахъ, быстро воспринимающихъ чужую культуру. Здѣсь оказалось много наноснаго, поверхностнаго, часто люди гнались за ложнымъ блескомъ, увлекались самообольщеніемъ. Но это были неизбѣжныя «дѣтскія» болѣзни, и организмъ сербской народности и государственности, перенеся много испытаній, окрѣпъ. Событія принесли немало такихъ испытаній. Послѣ убійства Михаила на престолъ былъ избранъ его племянникъ, еще юноша Миланъ, кото-

---

[1]) О времени первыхъ сербскихъ князей имѣется обширная литература, указанная Станоевичемъ. Основнымъ сочиненіемъ о Кара-Георгіи является еще неоконченное изслѣдованіе Вукичевича и о Милошѣ также неоконченное изслѣдованіе Гавриловича (въ нѣсколькихъ томахъ). Подробное изложеніе исторіи Сербіи до 1856 г. въ книгѣ Н. Попова «Россія и Сербія» (1804—1856). 2 тома. 1869 и въ его же различныхъ дополненіяхъ къ этому сочиненію, печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Для исторіи установленія гражданскихъ учрежденій въ Сербіи важно официальное изданіе, сочиненіе М. Петровича «Финансије и установе обновљене Србије до 1842». 1897. О партіяхъ см. Č. Šlepanek. Srbsko od prvého povstání 1804 do dnešní doby. 2 изд. 1913.

[2]) Драг. М. Павловић. Србија и српски покрет у јужној Угарској. 1848 и 1849. Београд. 1904.

[3]) О реформѣ Караджича и борьбѣ за его идеи см. А. Гавриловић. Историја српске и хрватске књижевности народнога језика. Београд. 1910 (прва свеска). О развитіи сербской литературы 19 в. см. І. Скерлић. Омладина и њена књижевност (1848—1871). 1906. Его же. Историја нове српске књижевности. 1912. Его же. Историјски преглед штампе. 1791—1911. Београд, 1911. Его же. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје. 1910 и сборники критическихъ статей, выходившіе подъ общимъ заглавіемъ «Писци и Књиге». По этимъ трудамъ (и литературѣ, въ нихъ указанной) можно составить себѣ ясное представленіе о развитіи сербской литературы въ XIX в. Ср. также мою статью «Современная сербская литература» (въ журналѣ «Новое Слово» 1913. № 10).

рый оставилъ такую грустную память по себѣ въ исторіи Сербіи. Въ первые годы своего правленія человѣкъ энергичный и преданный отечеству, Миланъ пережилъ глубокое разочарованіе, когда послѣ войны съ Турціей 1878 г., въ которой сербы взяли города Нишъ и Пиротъ, берлинскій конгрессъ не захотѣлъ признать за Сербіей завоеваній, и именно русская дипломатія обнаружила особенное равнодушіе къ законнымъ сербскимъ требованіямъ [1]). Австрія выручила Милана. Она поддержала его, но зато потребовала для себя въ Сербіи такихъ правъ (торговыхъ и желѣзнодорожныхъ), которыя фактически превращали Сербію въ австрійскую колонію. Борьба за свободу теперь должна была вестись уже не съ Турціей, но съ Австріей. Однако Миланъ уже не былъ способенъ на эту борьбу. Онъ удовольствовался тѣмъ, что Австрія тайными договорами обезпечила свою поддержку его династіи, что въ 1882 году Сербія была провозглашена королевствомъ. Миланъ запутывался въ долги, обнаруживалъ въ управленіи крайнія деспотическія стремленія, устроилъ семейный скандалъ (вражда съ королевой Наталіей), обезславившій его на всю Европу и, наконецъ, въ 1889 г. долженъ былъ отречься отъ престола.

Конституція Сербіи ведетъ свое начало съ «Органическаго устава» 1835 г. [2]). До признанія Турціей наслѣдственнаго княжескаго сана въ династіи Милоша (1830) государственный строй Сербіи являлся въ международномъ отношеніи революціоннымъ порядкомъ. Если, по различнымъ соображеніямъ, съ этимъ послѣднимъ считались, то юридически это все же было не что иное, какъ повстанческая власть. Прочный государственный строй въ сербскомъ княжествѣ былъ установленъ сначала султанскимъ хати-шерифомъ 1830 г., въ которомъ (по настояніямъ русской дипломатіи) было введено представительное начало: князь долженъ управлять въ согласіи съ совѣтомъ народныхъ старѣйшинъ, при чемъ эти послѣдніе пользуются несмѣняемостью. Этотъ принципъ былъ совершенно непріемлемъ для Милоша, который въ совѣтѣ оказался окруженъ враждебно къ нему настроенными старшинами, имъ же выдвинутыми изъ рядовъ народа. Поэтому съ закономъ 1830 г. князь считался чрезвычайно мало, и это вызвало среди старѣйшинъ возстаніе въ январѣ 1835 г. Милошъ сразу пошелъ на уступки и уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ издалъ конституцію (уставъ), составленную по французскимъ образцамъ австрійскимъ сербомъ Д. Давидовичемъ. Однако и этотъ Уставъ оказался недолговѣчнымъ: противъ него высказалась австрійская дипломатія, ненавидѣвшая французскій конституціонализмъ; не былъ доволенъ имъ и имп. Николай, желавшій для Сербіи вовсе не западно-европейской либеральной конституціи, но просто «внутренней организаціи». Уставъ уже въ мартѣ былъ отмѣненъ, и на мѣсто его выступилъ изданный въ іюлѣ того же 1835 года. Здѣсь обнаружилась уже другая крайность: если февральская конституція, въ сущности, совсѣмъ упраздняла волю князя, дѣлая его совѣтъ и высшимъ законодательнымъ, и высшимъ исполнительнымъ органомъ и вводя рядомъ съ нимъ народную скупштину для установленія ежегоднаго размѣра податей, то іюльскій Уставъ превращалъ совѣтниковъ въ простыхъ княжескихъ чиновниковъ, смѣняемыхъ и назначаемыхъ имъ. Русское правительство наложило свое вето на эту оригинальную конституцію, и по его настоянію въ Уставъ былъ включенъ принципъ несмѣняемости

---

[1]) І. Ристић. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875—1878. 2 книги. 1896—1898.

[2]) Слоб. Јовановић. Наше уставно питање у XIX веку (Политичке и правне расправе). 1908. E. Tkalac. Das staatsrecht des Fürstenthums Serbien. 1858 (здѣсь напечатаны хатишерифы 1830 и 1838 гг.

членовъ Совѣта. Въ такомъ видѣ Уставъ былъ изданъ въ 1838 г. въ видѣ новаго султанскаго хаттишерифа. Этотъ Уставъ ограничивалъ волю князя; онъ былъ встрѣченъ радостно княжескими совѣтниками, упорно боровшимися за свою несмѣняемость (они получили названіе «уставобранителей», т.-е. защитниковъ устава), тогда какъ Милошъ увидѣлъ въ этой конституціи позоръ для себя, съ которымъ онъ не могъ примириться. На этой почвѣ и разыгрались послѣдующія событія, приведшія Милоша и затѣмъ сына его Михаила къ отреченію отъ престола. Сынъ Кара-Георгія Александръ, избранный княземъ въ 1842 г., согласился на этотъ Уставъ, который вводилъ «внутреннее правленіе въ (турецкой) провинціи Сербіи» съ гарантіей несмѣняемости совѣтниковъ, гарантіей, которую давала Порта.

Уставъ 1838 г. опредѣлялъ «единственной задачей совѣта служеніе общимъ интересамъ народа и оказаніе помощи и службы князю». Никакое распоряженіе не можетъ быть дано, никакое дѣло не можетъ быть начато, если первоначально оно не было одобрено совѣтомъ (ст. 10 и 11). Затѣмъ этотъ послѣдній контролируетъ дѣятельность министровъ и т. д. Однимъ словомъ, по справедливому замѣчанію Ткалаца, въ Сербіи вводилась олигархія (изъ 17 человѣкъ). Александръ Карагеоргіевичъ терпѣливо выносилъ это положеніе вещей: Сербія организовалась, устраивала свою культурную жизнь, создавала законодательство, и большой заслугой со стороны князя Александра, спокойный темпераментъ котораго унаслѣдовалъ его сынъ король Петръ, что онъ сумѣлъ примириться съ конституціей, представлявшей такъ мало правъ его власти. Мало-по-малу, однако, онъ попалъ въ руки честолюбцевъ, которые заставляли князя поступать вопреки Уставу при назначеніи ихъ на высшія государственныя должности и этимъ создали разрывъ между нимъ и Совѣтомъ. Парижскій конгрессъ 1856 г. подтвердилъ права Сербіи на независимость. Ст. 28 его гласила слѣдующее: «Княжество Сербское остается, какъ прежде, подъ верховною властью Блистательной Порты, согласно съ императорскими хаттишерифами, утверждающими и опредѣляющими права и преимущества онаго при общемъ совокупномъ ручательствѣ договаривающихся державъ. Вслѣдствіе сего означенное княжество сохранитъ свое независимое и національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства». Ст. 29: «Блистательная Порта сохраняетъ опредѣленное прежними постановленіями право содержанія гарнизона. Безъ предварительнаго соглашенія между высокими договаривающимися державами не можетъ быть допущено никакое вооруженное въ Сербіи вмѣшательство».

Между ст. 28, гарантирующей свободу сербскаго законодательства, и уставомъ 1838 г., допускавшимъ смѣщеніе членовъ совѣта лишь вслѣдствіе преступленія противъ Порты и нарушенія мѣстныхъ законовъ (ст. 17), имѣется противорѣчіе, которое Турціи было выгодно толковать въ свою пользу. Поэтому, воспользовавшись не конституціоннымъ поведеніемъ сербскаго князя въ дѣлѣ назначенія совѣтниковъ, Порта внесла протестъ противъ него и въ 1858 г. добилась измѣненія конституціи въ такомъ духѣ, что совѣтъ получилъ и въ законодательствѣ и въ администраціи больше власти, нежели князь. Но и этого оказалось мало: въ 1858 г. совѣтъ собралъ народную скупштину и предложилъ ей законъ о скупштинѣ, которая раньше собиралась просто на основаніи народныхъ обычаевъ. Впервые, такимъ образомъ, сербское народное представительство было введено въ законныя рамки. Составъ его былъ опредѣленъ такимъ образомъ, что часть членовъ скупштины избирается городами и округами, другая же часть входитъ въ составъ народнаго собранія по самому своему положенію (предсѣдатели судовъ, окружные

начальники, окружные протоіереи). «Свято-Андреевская скупштина» 1858 г. свергла съ престола Александра Карагеоргіевича и на мѣсто его призвала къ власти стараго Милоша Обреновича. Но затѣмъ она выработала новый законъ о народномъ представительствѣ. Здѣсь были выставлены три основныя требованія: ежегодный, а не произвольный созывъ скупштины, составъ ея исключительно изъ народныхъ представителей и, наконецъ, ея право не просто разсматривать, но утверждать важнѣйшіе государственные и финансовые законы. Совѣтъ не принялъ этого законопроекта въ томъ видѣ, какъ его выработала скупштина: онъ призналъ только второй пунктъ, трактовавшій о составѣ скупштины изъ народныхъ представителей; созывъ народнаго собранія долженъ былъ происходить не ежегодно, но разъ въ три года, и, наконецъ, совѣтъ сохранилъ прежній, законосовѣщательный характеръ скупштины. Какъ доказываетъ Сл. Іовановичъ, эта реформа народнаго представительства была тѣмъ болѣе необходима, что совѣтъ, представлявшій первоначально также собраніе людей изъ народа, превратился къ половинѣ XIX в. въ чисто бюрократическую коллегію. Въ 1858 г. было положено начало парламентской политической жизни въ Сербіи; народная скупштина становится важнымъ факторомъ въ государственной жизни княжества. И это новое политическое движеніе сопровождается созданіемъ новыхъ оттѣнковъ политической мысли: сторонники Обреновичей и вмѣстѣ съ тѣмъ либеральныхъ идей начинаютъ организоваться въ либеральную партію, задача которой заключается въ борьбѣ съ бюрократическимъ режимомъ Карагеоргіевича.

Вернувшись на престолъ, Милошъ намѣревался, прежде всего, совершись актъ, который когда-то стоилъ ему трона, т.-е. отмѣнить конституцію 1838 г. Однако это нелегко было сдѣлать, такъ какъ Порта, утвердившая уставъ 1838 г., настаивала на своемъ правѣ утвердить и всякую новую конституцію Сербіи. Между тѣмъ вассальныя отношенія княжества къ Оттоманской имперіи становились все болѣе наминальными и сводились почти цѣликомъ къ праву Порты содержать въ Бѣлградѣ турецкій гарнизонъ и вывѣшивать свой флагъ на Бѣлградской крѣпости. Поэтому Милошъ не могъ пойти на требованіе Турціи и не измѣнилъ конституціи. Когда послѣ его смерти престолъ перешелъ къ князю Михаилу, то и этотъ послѣдній, поставившій своимъ девизомъ полное освобожденіе Сербіи отъ всякой турецкой зависимости, не ввелъ новой конституціи, но провелъ нѣсколько важнѣйшихъ законовъ, которые по значенію своему равнялись основнымъ конституціоннымъ законамъ. Они коренным образомъ измѣняли положеніе совѣта въ государствѣ, превращая его просто въ коллегію чиновниковъ, назначаемыхъ и отставляемыхъ по усмотрѣнію князя и, такимъ образомъ, возстановляя верховную власть этого послѣдняго. Совѣту было предоставлено право вырабатывать законопроекты и разсматривать бюджетъ; но министры не принадлежали, какъ прежде, къ его составу.

Скупштина имѣла значеніе совѣщательной палаты и, слѣдовательно, также не ограничивала верховной власти князя. Такой абсолютизмъ верховной власти вызвалъ въ средѣ сербской молодежи, настроенной радикально, какъ вся тогдашняя европейская молодежь, негодованіе: она была убѣждена, что Сербія нуждается въ парламентаризмѣ и свободѣ печати, и вмѣстѣ съ либеральной партіей начала борьбу за новую конституцію. Между тѣмъ князь Михаилъ полагалъ, что горсточка интеллигенціи не можетъ быть выразительницей нуждъ массы простого крестьянскаго люда, не помышлявшаго о парламентаризмѣ и нуждавшагося въ сильной и просвѣщенной власти. Такая власть была, дѣйствительно, представлена въ лицѣ самого князя Михаила, одного изъ са-

мыхъ выдающихся государственныхъ людей Сербіи; но когда въ 1868 г. онъ былъ убитъ, вопросъ о конституціи немедленно выдвинулся впередъ съ тѣмъ большей силой, что въ малолѣтство вновь избраннаго князя Милана было необходимо учредить регентство. И вотъ, какъ компромиссъ между регентами и либеральной партіей, была создана конституція 1869 г. Ея стремленіе, по замѣчанію Сл. Іовановича, заключается въ сочетаніи либеральныхъ требованій съ бюрократическими. Однако перевѣсъ взяли послѣднія. Правда, по статьѣ 4, «князь осуществляетъ законодательную власть совмѣстно съ народной скупштиной», но эта послѣдняя составлялась и избиралась такъ, что не могла слишкомъ препятствовать княжескому произволу. Члены скупштины раздѣлялись на избираемыхъ и назначаемыхъ. «Князь избираетъ на каждые три народные представителя (посланника) по одному со своей стороны изъ людей, которые отличаются своими знаніями или опытностью въ общественныхъ дѣлахъ» (науком или искуством у народним пословима) (ст. 45). При этомъ, вся служащая интеллигенція, даже пенсіонеры и адвокаты, были лишены права избранія, такъ что немногочисленная группа лицъ, назначаемыхъ княземъ, должна была руководить темной массой крестьянскихъ и мелкобуржуазныхъ народныхъ представителей. Скупштина пріобрѣтала, по конституціи 1869 г., законодательную власть, но и здѣсь она была сильно ограничена дополнительными статьями. Именно, она «не могла вносить на свое разсмотрѣніе никакихъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, какіе были опредѣлены ей конституціей, и тѣхъ, которые бы передалъ ей нарочно князь». Законодательной инициативы скупштина была лишена. Срокъ ея созыва указывался довольно глухо (ст. 75. «Скупштина созывается правильно всякій годъ»). Это положеніе, какъ указываетъ Іовановичъ, могло допускать такое толкованіе, что скупштина созывается для сужденія о всякомъ годѣ, но она можетъ быть собрана въ одинъ годъ два раза, въ другой ни разу. Независимости судовъ и конституціонныхъ свободъ (кромѣ свободы печати, формулированной опять-таки довольно неопредѣленно) Уставъ 1869 года не предоставлялъ. Либералы не могли быть довольны имъ, но не были довольны и представители высшей бюрократіи, такъ какъ совѣтъ, который по конституціи князя Милоша вырабатывалъ законы, теперь былъ сведенъ къ роли совѣтчика въ тѣхъ случаяхъ, когда князю угодно было обратиться къ нему, и къ роли судьи между министрами «въ спорныхъ административныхъ вопросахъ». Къ тому же членовъ государственнаго совѣта назначаетъ князь. Они входятъ въ ряды остальныхъ чиновниковъ. Число ихъ не можетъ быть менѣе 11 и болѣе 15.

Какъ пишетъ въ своихъ интересныхъ мемуарахъ маститый государственный человѣкъ и выдающійся ученый Сербіи Стоянъ Новаковичъ [1]), «конституція 1869 г. не удовлетворила ни одной стороны, и оппозиція противъ нея среди интеллигенціи началась сейчасъ же, но благодаря своимъ постановленіямъ, выгоднымъ для короны и для правительства, она держалась дольше, чѣмъ это казалось возможнымъ. Сообразительному королю Милану съ его самодержавными притязаніями эта конституція понравилась больше, нежели первымъ творцамъ. Только въ концѣ своей власти, когда король Миланъ, увлекшись Артемизой Христичъ, задумалъ развестись съ королевой Наталіей и, ради этого, отказаться и отъ престола, онъ объявилъ о намѣреніи измѣнить конституцію, созвалъ

[1]) Ст. Новаковић. Двадесет година уставне политике у Србији 1883—1903. Београд. 1912 (одна изъ интереснѣйшихъ сербскихъ книгъ, важнѣйшій источникъ для изученія новѣйшей сербской исторіи).

учредительное собраніе (уставотворни одбор) и Великую Народную Скупштину и съ большой помпой обнародовалъ Уставъ 1888 года. Король Миланъ не искренно относился къ этому Уставу. По его мнѣнію, онъ не годился для Сербіи и на практикѣ скоро долженъ былъ привести къ ретрограднымъ теченіямъ въ пользу самодержавной королевской власти, къ которой онъ стремился». Оказалось, однако, что Миланъ ошибся. Конституція 1888 г. обнаружила чрезвычайную жизненность. Правда, она была отмѣнена въ 1895 г. самимъ Миланомъ, возстановившимъ уставъ 1869 г., и потомъ конституція еще разъ была измѣнена въ 1901 г., когда неуравновѣшенный сынъ Милана, несчастный король Александръ, задумалъ своей властью измѣнить конституцію и законъ о престолонаслѣдіи. Но послѣ его смерти Великая Народная Скупштина, обсуждавшая вопросъ о возвращеніи Карагеоргіевичей на престолъ Сербіи [1]), возстановила Уставъ 1888 г., внеся въ него нѣкоторыя незначительныя измѣненія (іюнь 1903 г.), и на эту конституцію присягнулъ новый король Петръ Карагеоргіевичъ. Эпоха смутъ, превратившая Сербію въ эпоху 1888—1903 г. въ арену династическихъ скандаловъ и ожесточенной борьбы политическихъ честолюбцевъ, закончилась. Сербія вступила въ періодъ спокойнаго государственнаго развитія, омрачавшагося только тяжелыми пережитками прежнихъ смутъ.

Конституція Сербскаго королевства въ томъ видѣ, какъ она дѣйствуетъ теперь, отводитъ королевской власти очень мало мѣсто. Характерно, что о правахъ короля здѣсь говорится только въ четвертой главѣ, послѣ опредѣленія конституціонныхъ правъ сербскихъ гражданъ, которые пользуются свободой слова, собраній, совѣсти, неприкосновенностью личности и жилища и т. д. Народной Скупштинѣ принадлежитъ законодательная власть совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, что и королю, т.-е. съ правомъ инціативы. Только исполнительная власть принадлежитъ королю, который осуществляетъ ее черезъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ Скупштиной. Король и его династія должны принадлежать къ православной церкви, но король является защитникомъ всѣхъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій. Онъ назначаетъ министровъ, созываетъ обычную и въ необходимыхъ случаяхъ Великую Народную Скупщину, которая по количеству членовъ вдвое превышаетъ обыкновенную. Хотя конституція 1903 г. предоставляетъ королю извѣстныя права, однако личный режимъ Александра Обреновича привелъ къ тому, что король не пользуется и этими правами: слишкомъ ненавистенъ сталъ сербскому народу произволъ, который обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ король Александръ, и его преемнику пришлось для примиренія народа съ королевской властью придать этой послѣдней особенно мягкія формы. Сербія превратилась въ первые годы царствованія Петра I въ своеобразную республиканскую монархію, но такое положеніе вещей не можетъ отличаться здѣсь прочностью, и съ перемѣной личности короля на престолѣ королевская власть въ Сербіи должна будетъ пережить извѣстную эволюцію.

Народное представительство, въ противоположность конституціи 1869 г., требовавшей явнаго голосованія, избирается прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, съ расчетомъ, чтобы на 4500 человѣкъ мужского населенія («пореских глава») приходился одинъ представитель. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ сербамъ, свыше 21-лѣтняго возраста, при условіи обложенія прямымъ налогомъ въ 15 динаровъ (франковъ). Только офи-

[1]) Уставъ 1869 г. говорилъ, что «никогда не можетъ быть избранъ сербскимъ княземъ никто изъ фамиліи и потомства Кара-Георгія, на которое наложено народное проклятіе». Эта рѣзкая выходка, не имѣвшая, какъ показала исторія, никакого фактическаго результата, объясняется тѣмъ, что въ убіеніи князя Михаила подозрѣвали участіе Карагеоргіевичей.

церы и солдаты, находящіеся на дѣйствительной службѣ, не могутъ принимать участіе въ выборахъ. Народная скупштина собирается ежегодно 1 ноября, и ея сессія не можетъ продолжаться менѣе шести недѣль. Кабинетъ министровъ (Министарски Савет) назначается королемъ; предсѣдатель его можетъ быть министромъ безъ портфеля. Въ то время, какъ совмѣстительство какой-либо должности на государственной службѣ съ депутатствомъ не допускается конституціей (за нѣкоторыми исключеніями), возможность назначенія министровъ изъ членовъ народной скупштины при сохраненіи ими депутатскихъ полномочій прямо предусматривается закономъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ принципомъ судебной отвѣтственности министровъ передъ скупштиной, приводитъ къ тому, что фактически въ Сербіи установился со времени избранія короля Петра I парламентаризмъ.

Населеніе королевства Сербскаго, по переписи 1910, равняется 2.911.700 чел. По сравненію съ данными переписи 1905 г. (2.688.747 чел.) за пять лѣтъ населеніе увеличилось приблизительно на 8,3%, или на 1,6% въ годъ. Земледѣліемъ и скотоводствомъ было занято 2.100.387 чел., или 72,1% всего населенія, промышленностью 166.599 чел., торговлей 109.988 чел., службой и свободными профессіями 116.566 чел. Такимъ образомъ, крестьянское населеніе составляетъ основную массу сербскаго народа. Это населеніе сохранило въ своемъ быту еще много архаическихъ особенностей, какъ, напр., недѣлимое владѣніе землей и скотомъ, находящееся во владѣніи рода и управляемое главой рода, домачиномъ. Происхожденіе такой родовой общины, носящей у южныхъ славянъ названіе *задруги*, остается спорнымъ. Въ то время, какъ Ст. Новаковичъ отмѣчаетъ въ старыхъ сербскихъ документахъ дотурецкаго времени лишь немноголюдныя задруги, не превосходящія 20 человѣкъ мужчинъ, и полагаетъ, что задружный бытъ широко развился въ Сербіи уже подъ властью Турціи, большинство другихъ изслѣдователей (Іовановичъ, Кадлецъ, Бальцеръ и др.) видятъ въ задругѣ пережитки древнѣйшихъ правовыхъ отношеній славянства [1]). Въ началѣ XIX в. задружный бытъ доминировалъ въ Сербіи, но затѣмъ онъ началъ быстро падать, и послѣ изданія въ 1844 г. гражданскаго законника задруга находится въ состояніи быстраго разложенія, опирающагося на законодательство о наслѣдованіи. Для характеристики современнаго положенія вещей имѣется громадный матеріалъ, собранный въ многотомномъ, чрезвычайно цѣнномъ изданіи сербской академіи наукъ: «Насеља српских земаља» (т. I—IX. 1902—1913) и въ ея же изданіяхъ «Обичаји народа спрскога» (2 тома) и «Етнолошка грађа и расправе» (2 тома). Первый выводъ, который невольно дѣлается при ознакомленіи съ этимъ матеріаломъ, заключается въ томъ, что населеніе Сербіи въ каждой мѣстности происхожденія чрезвычайно смѣшаннаго: повсюду наравнѣ со старыми поселенцами живутъ позднѣйшіе пришельцы, явившіеся сюда во время различныхъ бѣдствій, постигавшихъ Балканскій полуостровъ во время турецкаго гнета, когда населеніе въ поискахъ безопасности и куска хлѣба находилось въ состояніи постояннаго броженія, металось изъ стороны въ сторону. Такъ, въ Пожаревачскомъ округѣ, въ мѣстности Млава, расположено 27 деревень, гдѣ живетъ 630 семействъ. Изъ этихъ послѣднихъ лишь 32 восходятъ къ періоду до австрійскаго владѣнія страной (1718) въ Сербіи, а остальныя приселились въ разныя эпохи.

---

[1]) Ст. Новаковић. Село. 1891. O. Balzer. O zadrudze słowiańskiej. Uwagi i polemika. 1899. K. Kadlec. Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. 1898. М. Родосављић. Еволуција српске задруге. 1886 (экономическое изслѣдованіе). А. Іовановић. Историјски развитак српске задруге. 1896 (обзоръ законодательства о задругѣ). Ср. также Т. Радивојевић. Лепеница. Насеља српских земаља. Кн. VII, 61 и дал.

При этомъ Млава получила обитателей изъ разныхъ областей Сербіи, а также изъ Старой Сербіи, Черногоріи, Босніи, Македоніи, Болгаріи, Австро-Венгріи и Валахіи. Такую же пеструю картину находимъ и въ другихъ областяхъ современной Сербіи.

Раздѣлы задругъ сопровождаются нерѣдко своеобразными формами землевладѣнія. Такъ, очень распространенъ обычай оставлять при раздѣлѣ задругъ извѣстную часть земли въ общемъ пользованіи прежней задруги на извѣстное число лѣтъ, и пользованіе этой землей совершается согласно тому или другому уговору. И этотъ обычай приводитъ къ возникновенію «заедницъ» не вслѣдствіе родовой связи, но съ помощью общинной покупки или аренды, такъ что возникаетъ родъ задружнаго владѣнія землей. Относительно одной мѣстности, гдѣ населеніе издавна обладаетъ извѣстной устойчивостью (Лепеница, область по теченію рѣки Лепеницы, Насеља српских земаља. т. VII), мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія: «Задружный бытъ гибнетъ съ каждымъ днемъ. Задруги не только дѣлятся, но и просто распадаются, и нѣтъ никакой возможности остановить этотъ процессъ». И все же въ Лепеницѣ имѣется еще довольно значительное число задругъ, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда въ Шумадіи задружный бытъ былъ сильно развитъ, чѣмъ въ сильной степени объясняется и типъ поселеній. Самая большая задруга насчитываетъ 38 человѣкъ. Далѣе слѣдуютъ задруги, состоящія изъ 27—23 человѣкъ, и такихъ немало. Всего же въ области Лепеница (безъ Крагуевца) имѣется 2.304 семьи, изъ нихъ задружныхъ съ 20 и болѣе членовъ 79. То же самое сообщается изъ другихъ мѣстностей Сербіи. Въ срезѣ (округѣ) Лужницкомъ и у рѣки Нишавы большихъ задругъ въ 40 и больше душъ теперь больше нѣтъ, хотя еще недавно онѣ существовали. «И теперь въ горныхъ селахъ Лужницы и Нишавы можно кое-гдѣ встрѣтить мѣста, гдѣ задруга поражаетъ своей численностью, но это уже послѣдніе остатки нашихъ задругъ, хотя и эти остатки каждый день уменьшаются вслѣдствіе дѣлежей, происходящихъ по разнымъ причинамъ, и такъ возникаютъ маленькія задруги» (Етнолошка грађа и расправе. В. Николић. Из Лужнице и Нишаве. 1910). При этомъ здѣсь наблюдается любопытное раздѣленіе труда; тамъ, гдѣ задруга больше, тамъ у каждаго своя спеціальность: одинъ овчаръ, другой «козарь», третій приглядываетъ за домомъ. «Всѣ они точно исполняютъ свои обязанности,—говоритъ Николичъ,—но никто изъ нихъ не думаетъ, что такое положеніе вещей нормально. Нужно заглянуть въ его душу, чтобы убѣдиться, что у каждаго изъ нихъ есть свои основательные мотивы для раздѣла. Овчарю непріятно, что онъ мало бываетъ дома и не знаетъ, какъ ведется домашній счетъ. Другой постоянно хранитъ въ своей душѣ ненависть противъ того, кто управляетъ домомъ, и подозрѣваетъ, что онъ утаиваетъ деньги. Одинъ случайно имѣетъ дѣтей только женскаго пола и откровенно высказывается, что ему не хочется думать о зятьяхъ. Да и остальные члены задруги были бы рады, если бы онъ отдѣлился» и т. д. Подобныхъ указаній въ современной этнографической литературѣ Сербіи мы находимъ множество. Всѣ они сводятся къ тому, что для современнаго человѣка задружное существованіе становится уже невыносимо. Да и нѣтъ теперь рѣшительно никакихъ побужденій къ сохраненію этого стараго строя, отрицающаго индивидуальныя права каждаго на свободный трудъ и свободное пользованіе заработкомъ.

Можно сказать, что сербская задруга отходитъ въ область прошлаго, а вслѣдствіе этого и передъ сербскимъ земледѣльцемъ долженъ въ скоромъ времени стать аграрный вопросъ. Какъ распредѣляется въ настоящее время въ Сербіи земельная собственность? Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ такимъ хаосомъ, изъ котораго еще не успѣло выдѣлиться

сколько-нибудь опредѣленное положеніе вещей. Разложеніе задруги, послѣдствія турецкаго землевладѣнія, не успѣвшія сгладиться еще въ современномъ крестьянскомъ быту, низкая сельско-хозяйственная культура, не господствующая надъ условіями обработки почвы, но всецѣло подчиняющаяся имъ, и т. п.; при такой общественной обстановкѣ характеризовать земледѣльческія отношенія одними цифровыми данными оказывается недостаточнымъ, и для иллюстраціи ихъ приведу нѣсколько фактовъ изъ различныхъ географическихъ областей Сербіи. «Этнографическая мѣшанина южныхъ балканскихъ земель», которую блестяще проанализировалъ сербскій географъ, проф. Цвиjичъ [1]), обнаруживается во всей своей силѣ и въ этой области.

Еще во многихъ мѣстахъ Сербіи населеніе живетъ смѣшанной формой сельскаго хозяйства, представляющей, по всей вѣроятности, пережитокъ чрезвычайно древнихъ балканскихъ отношеній и заключающейся въ соединеніи земледѣлія со скотоводствомъ. Почти исключительно скотоводствомъ занимаются кочующіе волохи (аромуны, румыны), потомки древнихъ румынъ, сыгравшіе видную роль въ средневѣковой исторіи Балканскаго полуострова. Теперь ихъ осталось въ Сербіи уже немного, около 500 человѣкъ; ихъ называютъ здѣсь Црновунцами (отъ «црна вуна», черная волна, т.-е. шерсть). Что же касается самого сербскаго населенія, то оно уже соединяетъ скотоводство съ земледѣліемъ, уходя лѣтомъ на горы и спускаясь осенью въ долины. Но такое кочевое хозяйство ведутъ уже не сами земледѣльцы-крестьяне (какъ это еще уцѣлѣло въ Черногоріи), но только пастухи, состоящіе въ задругѣ или нанимаемые; да и въ этой формѣ подобный кочевой бытъ становится все большей рѣдкостью. Во многихъ мѣстахъ скотоводство вслѣдствіе все большаго захвата пастбищъ подъ культуру хлѣбовъ оказывается уже невозможнымъ въ своемъ прежнемъ видѣ, и сельское хозяйство должно переходить къ новымъ формамъ его, пока еще не получившимъ достаточнаго распространенія. И самое земледѣліе находится въ такомъ же переходномъ состояніи.

Такъ, въ области Заглавакъ (въ восточной Сербіи, въ долинѣ рѣкъ Трговишскаго Тимока и др.), «всякое село имѣетъ свой опредѣленный районъ (*атар* или *синор*), и обыкновенно село находится въ серединѣ этого района. Земля подраздѣляется на пахотную, пастбища и находящуюся подъ лѣсомъ, но всѣ эти разряды земли совершенно перемѣшаны, такъ что въ одномъ краѣ можно найти всѣ три рода земли. Пахотная земля все болѣе расширяется въ ущербъ пастбищамъ и лѣсамъ. Пастбища, частныя или сельскія, находятся около села, такъ какъ мѣстность почти всегда холмиста и болѣе пригодна для скотоводства, нежели для пашни. Сельскій районъ около нѣкоторыхъ поселеній очень малъ, особенно около нижнихъ селъ, вслѣдствіе чего жители (особенно вслѣдствіе довольно значительной густоты населенія) не имѣютъ достаточно земли для пашни и тѣмъ болѣе для скотоводства. Верхнія села, напротивъ, обладаютъ довольно обширнымъ райономъ, съ радіусомъ въ 1—2 часа, тогда какъ у нижнихъ районъ можно пройти изъ края въ край въ какіе-нибудь $^1/_2$—1 часъ. Главное занятіе жителей земледѣліе и скотоводство. Земля очень холмиста, камениста и неплодородна. Слой плодородной земли весьма тонокъ, и при всякой грозѣ часть его сносится водой, такъ что остаются голые камни... Земля обрабатывается примитивнымъ способомъ. Плугъ, какъ рѣдкость, можно видѣть только въ нижнихъ селахъ. Вмѣсто плуга употребляется

[1]) I. Цвиjић. Антропогеографски проблеми Балканскога полуострва. (Насеља српских земаља. Кн. I. 1902).

деревянная соха (рало). Плугомъ трудно и пользоваться здѣсь, потому что слой земли чрезвычайно тонокъ, въ 1—2 пяди. Даже въ самые плодородные годы мало домовъ, гдѣ не покупаютъ хлѣба. Когда бываютъ сухіе годы, яровые хлѣба засыхаютъ; когда же дождливые, то хлѣбъ или смываетъ вода, или выбиваетъ градъ. Очень важную отрасль хозяйства составляетъ скотоводство. Нѣкогда, по разсказамъ старыхъ людей, скотоводство въ Заглавкѣ славилось. Въ Турцію гоняли десятки тысячъ барановъ. И теперь еще, особенно въ нѣкоторыхъ селахъ, разводится очень много овецъ и козъ, особ. овецъ, такъ какъ козы вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ все больше переводятся. Скотъ: ягнятъ, овецъ и козъ народъ продаетъ, и на полученныя деньги покупаетъ себѣ пищу. Молочные продукты, сыръ и масло, также идутъ въ продажу, какъ и довольно значительное количество овечьей и козьей шерсти» [1]).

Въ западной Сербіи, въ низменной котловинѣ (Радьевина и Ядаръ), «во многихъ селахъ стало слишкомъ мало земли для пропитанія населенія и скота. Тогда въ *дополненіе* стали занимать пространства, которыя удалены отъ самихъ селеній. Этой отдаленностью вызывается двоякое экономическое движеніе: земледѣльческое и скотоводческое. Кромѣ того, въ этой области обнаруживается извѣстное скотоводческое движеніе, которое приходитъ сюда изъ сосѣднихъ областей. Въ Радьевинѣ крестьяне изъ всѣхъ селъ работаютъ изъ половины въ Лозничскомъ полѣ. Нѣкоторые и нивы купили пополамъ. Это стремленіе гораздо чаще встрѣчается въ горныхъ селахъ, нежели въ тѣхъ, которыя лежатъ у Радьева поля и равнины Ядра. По нѣсколько человѣкъ изъ всякаго дома уходятъ и работаютъ на нивахъ по одному разу въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ. Въ четвертый разъ они уходятъ въ концѣ сентября и собираютъ кукурузу. Обширныя пространства Лозничскаго поля составляютъ собственность шабачскихъ и лозничскихъ торговцевъ. Земля отдается въ аренду на слѣдующихъ условіяхъ: крестьяне вспахиваютъ своимъ скотомъ и засѣваютъ своими сѣменами поля, а урожай дѣлится пополамъ съ собственникомъ земли, кромѣ того, на всякій «плугъ» прибавляютъ по сту килограммовъ «вышка». Прежде условія аренды были болѣе льготны для крестьянъ, такъ какъ собственнику давали прежде четвертую часть урожая, потомъ стали платить третью, затѣмъ половину и, наконецъ, половину и еще «вышекъ» (вишак). Условія становились все болѣе тяжелыми по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число крестьянъ, которые приходили и арендовали нивы». [2]).

Въ области Тамнава (все теченіе рѣки Тамнавы и лѣвый берегъ нижняго теченія рѣки Колубары) еще ясно сказываются послѣдствія турецкой эпохи. Когда-то «села здѣсь были такъ мало населены, что, можно сказать, они были почти пусты. Помѣщики (спахіи) были вслѣдствіе этого очень предупредительны къ крестьянамъ, охотно ихъ удерживали и селили. Поселенцамъ давалось все, что нужно, и помѣщики старались не только ихъ удержать, но и привлечь кого-нибудь изъ ихъ родственниковъ. Когда крестьянинъ видѣлъ, что онъ останется безъ потомства и наслѣдниковъ, и хотѣлъ поэтому побратимиться съ кѣмъ-нибудь или усыновить кого-нибудь, то помѣщикъ охотно соглашался на это. Усыновленные и задругари послѣ смерти своихъ отцовъ имѣли тѣ же права на собственность, какъ и при жизни ихъ. Въ эту пору старый Милошевичъ изъ Дьякова въ Старой Сербіи побратимился со Смильяничемъ изъ Чучуга и остался въ задругѣ до сихъ поръ» (еще

[1]) Маринко Т. Станојевић. Заглавак. Насеља српских земаља. Кн. 9. 1913, стр. 12—13.

[2]) Боривоје Милојевић. Рађевина и Јадар. Насеља српских земаља, кн. 9, 1913, стр. 668—669.

нѣсколько подобныхъ примѣровъ). Такимъ образомъ, въ Вальевской Тамнавѣ образовался рядъ задругъ, и это обстоятельство наложило свой отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе землевладѣнія. Когда задруга раздѣляется, то пахотныя поля рѣжутся на участки вдоль, такъ что получаются длинныя и узкія полосы [1]). Мѣстная система раздѣленія земель приводитъ къ образованію участковъ, чрезвычайно мелкихъ и неудобныхъ для пользованія.

Въ области Темничъ (подходящей съ востока къ р. В. Моравѣ), какъ и повсюду въ Сербіи, «земля является частной собственностью крестьянъ. Сельскій районъ (атар) находится около села, и чѣмъ больше село, тѣмъ значительнѣе районъ. Изъ этого правила составляютъ исключеніе села Маскаре и Суваја, которыя обладаютъ очень маленькими районами. Владѣнія отдѣльныхъ домовъ, за рѣдкими исключеніями, находятся на той же сторонѣ атара, на какой и села. Иногда атары отдѣльныхъ селъ перемѣшаны... Общихъ владѣній (заједница) нѣтъ, за исключеніемъ того, что нѣкоторыя села имѣютъ совмѣстно извѣстное пространство лѣса» [2]). Какъ видимъ, здѣсь господствуютъ совершенно иныя земельныя отношенія, нежели въ Вальевской Тамнавѣ. Почти невозможно земледѣліе на р. Ибарѣ, гдѣ только около самой рѣки встрѣчаются болѣе плодородные участки, и гдѣ населеніе, не будучи въ состояніи прокормиться земледѣліемъ, получаетъ главныя средства пропитанія отъ скотоводства. Главное вниманіе обращается здѣсь на пастбища и луга [3]). Въ среднемъ, количество скота, приходящагося здѣсь на одинъ дворъ, очень велико: 12,3 овцы, 4,8 козы, 3,9 крупнаго рогатаго скота, 0,74 лошади, 0,23 свиньи, такъ что главное и весьма солидное богатство населенія составляютъ овцы, козы и крупный рогатый скотъ.

Соединеніе земледѣлія со скотоводствомъ породило во многихъ мѣстахъ Сербіи оригинальный обычай, происхожденіе котораго должно относиться къ очень отдаленнымъ временамъ: именно, обычай унаважіванія полей съ помощью стадъ, перегоняемыхъ съ мѣста на мѣсто. Въ Нишавѣ (у р. Нишавы) «существуетъ обычай продавать «навозъ», удобреніе. И за это платится по счету ночей. Кто хочетъ «наложить», «нагноить» свою ниву, тотъ уговаривается съ владѣльцами стада относительно количества скота и опредѣляетъ количество ночей, и владѣльцы скота велятъ пастухамъ гнать его на ночлегъ на условленное мѣсто» [4]). Эти отношенія, какъ и приведенныя выше, указываютъ на переходное состояніе землевладѣнія въ нынѣшней Сербіи. Сколько земли необходимо имѣть крестьянину для прокормленія семьи, здѣсь нельзя установить, какъ сколько-нибудь общее правило, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ культура земли стоитъ выше и производится съ помощью земледѣльческихъ орудій, въ другихъ же мѣстахъ крестьяне еще орудуютъ съ помощью первобытной сохи. Формы землевладѣнія такъ же не установились, какъ и способы обработки земли. Но, несомнѣнно, уже близко время, когда въ Сербіи начнетъ складываться классъ безземельнаго пролетаріата, когда дробленіе земельной собственности приведетъ къ уходу, къ скупкѣ большихъ количествъ земли другими, и передъ Сербіей встанетъ аграрный вопросъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, сербскій крестьянинъ привыкъ для цѣлей земледѣлія распоряжаться большимъ просторомъ: вѣдь еще такъ недавно Сербія была заселена слабо, и

---

[1]) Л. Павловић. Антропогеографија Вальевске Тамнаве. Насеља. Кн. 8, 1912, стр. 414 и 441.

[2]) Станоје М. Мијатовић. Темнић. Насеља. Кн. 3, 1905, стр. 257.

[3]) Радомир М. Илић. Ибар. Насеља, кн. 3, 1905, стр. 562—563.

[4]) Владимир М. Николић. Изъ Лужнице и Нишаве. Српски Етнографски зборник. Кн. 16, 1910, стр. 25.

каждый могъ имѣть столько земли для обработки, сколько хотѣлъ. Придется совершенно измѣнить исконные земледѣльческіе навыки. Для содержанія семьи въ 10 душъ (въ Поляницѣ и Клисурѣ, мѣстностяхъ по теченію р. Встерницы, лѣваго притока Южной Моравы) нужно въ зависимости отъ плодородія почвы имѣть отъ 5—6 до 20 гектаровъ земли, а скота требуется 30—50 овецъ и козъ, около 10 головъ крупнаго рогатаго скота, 2 ярма воловъ, 1—2 лошади, 5—10 свиней и т. д. [1]).

Несмотря на уже развивающійся процессъ скопленія болѣе крупной земельной собственности въ нѣсколькихъ рукахъ и пролетаризаціи безземельнаго крестьянскаго населенія, Сербское королевство можетъ быть названо донынѣ страной почти исключительно мелкаго и средняго землевладѣнія. Статистика землевладѣнія, относящаяся къ 1897 году, насчитывала общее количество земельныхъ собственниковъ въ Сербіи 293.421. Изъ нихъ 54,65% всѣхъ земельныхъ собственниковъ обладали количествомъ обработанной земли до 5 гектаровъ (0,0—1 : 9,08%; 1,5 : 5,78%; 1,5—2 : 6,18%; 2—5: 6,28; 2,5—3: 6,17; 3—3,5: 5,73; 3,5—4: 5,56; 4—4,5 : 5,14%; 4,5—5 гектар.: 4,73%). Затѣмъ количествомъ земли отъ 5 до 10 гектаровъ обладало 27,55% всѣхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ на мелкое землевладѣніе въ Сербіи приходилось 82,2% всей земельной собственности. Считая среднимъ землевладѣніе въ 10—50 гектаровъ, мы получаемъ для него 14,93%, такъ что всего 2,87% приходилось на земельную собственность свыше 50 гектаровъ. Какъ незначительна и эта сравнительно крупная земельная собственность, видно изъ того, что статистика 1897 г. насчитывала всего 75 владѣльцевъ земельныхъ участковъ въ 100—200 гектаровъ, лишь 5 владѣльцевъ участковъ отъ 200 до 300 гектаровъ и лишь 3 свыше 300. Что касается крестьянъ, совсѣмъ безземельныхъ, то пока и ихъ число крайне незначительно. Вопросъ о сельскихъ работникахъ, столь остро стоящій въ западно-славянскихъ странахъ, еще едва поставленъ въ Сербіи. Между тѣмъ, въ недалекомъ будущемъ придется поставить и его. Вотъ что мы читаемъ въ брошюрѣ Мих. Аврамовича, одного изъ наиболѣе энергичныхъ проводниковъ кооперативной идеи въ Сербіи [2]). «Въ Сербіи уже есть области, гдѣ уже не хватаетъ всѣмъ рабочимъ силамъ дѣла и мѣста для приложенія своего труда. По большей части въ этихъ мѣстахъ почва уже оскудѣла или вслѣдствіе хищническаго истребленія лѣсовъ, или вслѣдствіе отсутствія регуляціи рѣкъ и потоковъ, непринятія мѣръ противъ наводненій и т. п.; въ песокъ и камень превращены многія мѣста, прежде бывшія плодородными и годными для пахоты. Тамъ, гдѣ нѣкогда жило 30—40 человѣкъ, теперь не можетъ прокормиться и половина. Излишекъ населенія волей-неволей долженъ уходить въ болѣе пригодныя мѣста или, если это невозможно, искать себѣ хоть временнаго заработка въ другихъ округахъ, а иногда и за границей. Ежегодно около 10.000 сельскихъ работниковъ уходитъ за границу, въ поискахъ труда». Исходъ изъ этого положенія М. Аврамовичъ ищетъ въ организаціи наемнаго сельскаго труда съ помощью кооперативовъ (задругъ). И сербскій крестьянинъ горячо хватается за все, что можетъ улучшить его участь. «Вообще говоря, нашъ крестьянинъ, говоритъ одинъ сербскій публицистъ [3]), не можетъ считаться консервативнымъ въ своемъ дѣлѣ. Его только надо убѣдить словомъ и примѣромъ, и тогда онъ охотно вводитъ полезныя новинки. Примѣромъ можетъ служить обновленіе винограда на американской основѣ. Полагаемъ, что нѣтъ другого народа, который бы въ та-

[1]) Риста Н. Николић. Пољаница и Клисура. Насеља српских земаља, кн. 3 1905, стр. 43—44.

[2]) Мих. Аврамовић. Сеоски радници. Београд. 1908. «Земљорадничка Задруга».

[3]) Статьи «Наш данашни сељак». въ газетѣ «Одјек» (14 февр. 1911 г.).

кое короткое время обновилъ свои виноградники. То же наблюдается и въ отношеніи введенія лучшихъ породъ свиней и рогатаго скота. Пусть кто-нибудь въ селѣ пріобрѣтетъ хорошаго быка или свинью, и сейчасъ же начнутъ спорить, кто заведетъ лучшее. Нерѣдко случается, что за теленка въ 6 мѣсяцевъ платятъ 200—300 фр.»

Чрезвычайно важнымъ подспорьемъ въ развитіи сельскаго хозяйства является кооперативъ, задруга, какъ въ память прежней, родовой задруги называется и новый экономическій союзъ. Сербскій народъ, воспитанный на задружномъ началѣ, чрезвычайно легко освоился съ новымъ кооперативнымъ началомъ. При настоящемъ уровнѣ сельскаго хозяйства въ Сербіи производительность почвы оказывается довольно слабой. Главными продуктами земледѣлія служатъ кукуруза и пшеница. Оцѣнивая урожай хлѣбовъ и овощей 1905 г. въ 214 милл. фр., мы получаемъ почти 76 милл. фр. для кукурузы и свыше 41 милл. для пшеницы (т.-е. 117 милл. изъ 214 милл., въ которые оцѣнивается весь урожай), но съ 1 гектара было получено лишь 14,16 метр. центн. кукурузы, 13,86 пшеницы, 11,41 ржи, 11,17 ячменя, 10,21 овса и т. д. Для подъема земельной производительности, для пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ, навозовъ и т. д., для наиболѣе выгоднаго сбыта продуктовъ и для доставленія кредита сельскому хозяйству въ Сербіи, какъ и повсюду въ Европѣ, получило широкое развитіе кооперативное начало. Первая сербская задруга была основана 24 марта 1894 г. въ селѣ Врановѣ (около Смедерева), и въ томъ же году были учреждены еще 4 задруги. Въ слѣдующемъ 1895 году было заведено 13 новыхъ задругъ, и въ томъ же году для объединенія ихъ дѣятельности былъ созданъ «Главный союзъ сербскихъ земледѣльческихъ задругъ», который до 1898 г. находился въ Смедеревѣ, а съ 1898 г. переселился въ столицу королевства Бѣлградъ. Задачи союза заключались въ объединеніи существующихъ задругъ, основаніи новыхъ, заботѣ о направленіи дѣятельности задругъ, защитѣ ихъ интересовъ, объединеніи ихъ въ уѣздные (срезскіе), окружные и общеземскіе союзы, и, наконецъ, въ контролѣ ихъ дѣятельности. Съ 1897 г. задруги стали пользоваться государственной денежной поддержкой: на основаніи закона 1897 г. онѣ получаютъ 25% изъ чистаго прихода государственной лотереи (пока сумма не достигнетъ 2 милл. фран., потомъ эта сумма была увеличена до 4 милл.), и на основаніи закона 26 янв. 1900 г. имъ выдается ежегодно по 50 тыс. фр. изъ суммъ Главной Государственной Сберегательной кассы. Въ 1899 г. былъ созданъ спеціальный банкъ для кооперативовъ (Земаљски Савез земљорадничких Задруга или Главна Земљорадничка Кредитна Задруга) для кредитованія задругъ, продажи ихъ продуктовъ, помѣщенія въ выгодныя предпріятія ихъ сбереженій [1]), и т. д.

Сербскія задруги пережили нѣсколько періодовъ въ своемъ развитіи. Правительство короля Милана относилось къ нимъ подозрительно и враждебно, опасаясь политической и партійной дѣятельности ихъ. Дошло до того, что задругамъ приписывали намѣреніе совершить покушеніе на самый тронъ. Однако въ 1898 г. человѣкъ, близкій къ Милану, сумѣлъ убѣдить его въ томъ, что подозрѣнія, выставленныя противъ задругъ, лишены основанія, и въ 1899 г. число вновь основанныхъ задругъ быстро подскочило. Однако, дѣйствительный ростъ потребности въ нихъ не отвѣчалъ этому быстрому подъему, и потому оказалось велико и число разложившихся задругъ. Съ 1900 г. дѣло стало развиваться опять бо-

[1]) По исторіи задругъ см. Мих. Аврамовић. Српске земљорадничке задруге у 1905 години. Београд. 1907. Годишњак Главнога савеза српских зем. задруга (ежегодно) и др.

лѣе нормально, и въ 1905 г. оно приняло настолько широкіе размѣры, что торговцы начали жаловаться на разореніе, которымъ грозятъ имъ потребительскія лавки. Вопросъ получилъ острый общественный характеръ; объ стороны не щадили взаимныхъ обвиненій; въ пылу полемики было сказано много лишняго, но все это движеніе, проникши изъ городовъ въ деревни, вызвало здѣсь среди крестьянъ сильный интересъ къ кооперативной идеѣ, и въ одинъ годъ было основано 125 новыхъ задругъ. Въ концѣ 1910 г. въ составъ Главнаго Союза входили 694 самостоятельныя задруги и 244 филіальныхъ отдѣленія; оборотъ земледѣльческихъ кредитныхъ задругъ въ 1910 г. составлялъ 12.624.949 фр. Вообще среди задругъ преобладаютъ кредитныя. 30 іюня 1908 г. имѣлось 636 задругъ, въ томъ числѣ кредитныхъ и сберегательныхъ 589, потребительскихъ 30, маслодѣльныхъ (млекарскихъ) 9, виноградарскихъ 2 и т. д. Сельскохозяйственный кредитъ составляетъ большое мѣсто въ современной экономической жизни Сербіи. Приблизительно до 1830 г. въ Сербіи велось натуральное хозяйство, и только съ созданіемъ новой государственности сталъ совершаться въ интенсивной формѣ переходъ къ денежному хозяйству, послѣдствіемъ чего явилась сильная задолженность землевладѣнія. Чтобы помочь горю, въ 1837 г. былъ изданъ законъ о ростовщичествѣ, воспрещавшій брать свыше 12 проц. годовыхъ, но, какъ всѣ такіе законы, и этотъ оказался безсильнымъ для борьбы съ крестьянской задолженностью. Тогда въ 1862 г. былъ учрежденъ земельный банкъ для ипотечнаго кредита (Управа Фондова). Но дешевый и доступный кредитъ все еще остается мечтой сербскихъ политиковъ, и предлагаются для созданія его различныя мѣры [1]). Во всякомъ случаѣ, Союзъ земледѣльческихъ задругъ совмѣстно съ сельско-хозяйственнымъ обществомъ (Пољопривредно Друштво) сдѣлалъ чрезвычайно много для подъема не только экономической, но и культурной жизни сербскаго крестьянина. «Возникаютъ спеціальныя задружныя школы, задружные курсы, съѣзды и экскурсіи, которые стремятся поднять, усовершенствовать и усилить въ культурномъ отношеніи земледѣльца» (Одјек. 16 нояб. 1913 г.).

Одной изъ важнѣйшихъ сторонъ въ дѣятельности задругъ является ихъ работа надъ просвѣщеніемъ народныхъ массъ. Среди членовъ задругъ распространяются книги, устраиваются библіотеки. Въ журналѣ «Народне Новине», который издаетъ одинъ изъ горячихъ приверженцевъ кооперативнаго движенія, Ж. О. Дачичъ [2]), дается на простомъ народномъ языкѣ обширный матеріалъ для чтенія. Дѣло начальнаго народнаго просвѣщенія стоитъ въ Сербіи еще довольно низко. Въ 1900 г. процентное отношеніе грамотныхъ къ неграмотнымъ выражалось цифрой 33,84, но официозъ «Самоуправа» (8 мая 1914 г.) утверждаетъ, что это число ниже дѣйствительнаго. По вѣнчальнымъ книгамъ 1908 г. въ Бѣлградѣ было лишь 12,57% неграмотныхъ среди мужчинъ и 31,55% среди женщинъ. Въ деревняхъ картина иная: процентное отношеніе грамотныхъ оказалось всего 6,06%. Однако, по увѣренію «Самоуправы», положеніе вещей съ каждымъ годомъ улучшается: такъ, въ 1908 г. изъ 19 тыс. новобранцевъ оказалось 50,40% грамотныхъ. За послѣдніе три года (1911—1913) изъ 85 тыс. новобранцевъ почти 58% было грамотныхъ. При этомъ въ моравской области, наиболѣе поздно освобожденной отъ Турціи, грамотность была всего слабѣе (40%), въ другихъ мѣстахъ она достигала 62,8%. Выше всего стояла грамотность въ Шабацкомъ, Бѣл-

[1]) «Земљорадници Кредит», предавање Николе Станаревића. Одјек. 6 марта 1914 г. П. Атанацковић. О кредиту земљорадника. 2 апр. 1914 г. Д. Јовановић. Државна помоћ земљорадничким задругама. Самоуправа. 13 марта 1914 г.

[2]) Ж. О. Дачић. Наше земљорадничке задруге и рад на народном просвећивању. 1908. Књижнице и читаонице земљорадничких задруга. 1909.

градскомъ, Пожаревацкомъ округахъ, гдѣ она была близка къ 80%. Всего же, по статистическимъ даннымъ 1908 г., на низшія народныя школы было истрачено 4.480.987 фр.; въ нихъ преподавало 2.470 учителей (1903: 2135) и училось 136.113 дѣтей (1903: 111.664). Обученіе въ основныхъ школахъ продолжается шесть лѣтъ, изъ которыхъ 4 года приходятся на обязательное обученіе [1]). Въ нихъ преподаются не только начальныя свѣдѣнія по ариѳметикѣ, Закону Божію и грамотность, но даются и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. Отъ учителя и учительницы, которые пользуются въ Сербіи одинаковыми служебными правами, требуется окончаніе философскаго факультета университета или учительской школы. Основнымъ жалованіемъ является плата въ 800 фр. съ шестью прибавками за 5 и 4 года, такъ что по истеченіи 26 лѣтъ службы начальный учитель получаетъ 3.000 фр. въ годъ; прослуживъ еще 5 лѣтъ, онъ можетъ выйти въ отставку, при чемъ все свое жалованье получаетъ въ пенсію, или остается на службѣ съ прибавкой еще въ 300 фр., такъ что максимальное жалованіе, которое можетъ получить народный учитель, составляетъ 3.300 фр. (или 1.236 руб.). Такая оплата труда народнаго учителя указываетъ на то высокое положеніе, которое онъ занимаетъ въ народѣ. Но и это положеніе, созданное закономъ 1904 г., не удовлетворяетъ учителей, и уже въ 1911 г. на одномъ изъ своихъ собраній («Учительское Общество») они выступили съ требованіемъ коренной реформы въ устройствѣ народной школы и измѣненія учительскихъ жалованій. Проектъ такой реформы вырабатывался министерствомъ народнаго просвѣщенія, но война 1912 г. остановила дальнѣйшее развитіе этого вопроса.

Въ послѣднее время поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ десяти главныхъ городахъ Сербіи народныхъ домовъ, гдѣ могли бы найти пріютъ культурныя учрежденія этихъ городовъ, библіотеки, театры и т. п. Если въ самомъ Бѣлградѣ имѣется постоянный театръ, гдѣ играютъ сербская труппа и различные гастролеры (приходъ этого театра въ 1912 г. 140.000 фр., 1913: 200.000), то въ другихъ сербскихъ городахъ спектакли даются въ помѣщеніяхъ ресторановъ и гостиницъ. Между тѣмъ, какъ жалуются газеты (см. «Одјек». 4 нояб. 1913 г.), кинематографъ все болѣе вытѣсняетъ театры и изъ этихъ жалкихъ пріютовъ ихъ. Автору этихъ строкъ приходилось бывать на театральныхъ представленіяхъ въ провинціальныхъ сербскихъ городахъ; жалкая обстановка, приподнятая ходульная игра, разсчитанная на эффекты, дѣйствующіе на наивныхъ зрителей, заставляютъ желать подъема драматическаго искусства въ Сербіи и созданія для него болѣе благопріятныхъ условій. Народные дома должны отвлечь народъ и отъ злоупотребленія спиртными напитками. Данныя, недавно обнародованныя д-ромъ Поповичемъ въ его рефератѣ объ алкоголизмѣ въ Сербіи (см. рефератъ газеты «Pokret». 23 ноябр. 1913 г.), представляютъ весьма печальную картину. Др-ъ Поповичъ отмѣтилъ несоразмѣрно большое число питейныхъ заведеній и въ связи съ этимъ сильное развитіе преступности въ Сербіи и пришелъ къ выводу, что алкоголизмъ въ Сербіи существуетъ въ одной изъ своихъ опаснѣйшихъ формъ, т.-е. въ видѣ хроническаго употребленія спиртныхъ напитковъ, при чемъ въ народныхъ массахъ распространено потребленіе водки-ракіи. Референтъ сравнилъ алкоголизмъ въ Сербіи съ австро-венгерскимъ (вино), который достигаетъ такихъ же страшныхъ размѣровъ, и указалъ, что въ этомъ отношеніи гораздо ниже стоятъ Голландія, Россія, Швеція, Норвегія и Финляндія. Дѣйствительно, мѣстное вино, чрезвычайно дешевое, составляетъ постоянный напитокъ мужского населенія, и нѣкоторые изъ сортовъ его (напр., неготинскій) отличаются довольно значи-

[1]) М. Шевић. Преглед школа. 1906. Ср. Самоуправа. 26 апр. 1914 г.

тельной крѣпостью. Работа надъ просвѣщеніемъ народныхъ массъ является, такимъ образомъ, неотложной задачей сербскаго правительства.

Что касается средней школы [1]), то она управляется на основаніи закона 1898 г. (съ дополненіями 1900 и 1902 г.) и министерскихъ циркуляровъ и распоряженій. За образецъ приняты австрійскіе школьные порядки, и школы раздѣляются на гимназіи и реальныя гимназіи и училища. Начальство и преподаватели среднихъ школъ матеріально обставлены удовлетворительно: учитель получаетъ сразу 2.400 фр. въ годъ и періодическія прибавки, такъ что черезъ двадцать лѣтъ службы онъ имѣетъ 6.000 фр. жалованія; директоръ начинаетъ съ 5 тыс. и достигаетъ 7 тыс. фр. въ годъ. Школа пользуется очень значительной свободой; надзоръ министерства ограничивается командированіемъ своего представителя на испытанія зрѣлости, но и это случается далеко не всегда.

Въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ 8 классовъ, въ женскихъ 6, въ нѣкоторыхъ частныхъ и въ одной казенной гимназіи допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Учебный годъ продолжается съ 11 авг. по 15 іюня, экзаменовъ въ младшихъ классахъ нѣтъ. По даннымъ 1908 г. въ Сербіи было 20 гимназій и реальныхъ училищъ съ 368 учителями и 7.141 ученикомъ; высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, казенныхъ, имѣлось всего 2 (71 учит., 1.112 учен.).

Забота о народномъ образованіи занимала уже первыхъ сербскихъ государей послѣ освобожденія, Карагеоргія и Милоша. Уже въ 1838 г. въ Крагуевцѣ былъ основанъ лицей, какъ высшее учебное заведеніе, переименованное въ 1844 г. въ «Великое училище» и переведенное въ Бѣлградъ. Здѣсь были введены сначала два отдѣленія, философское и юридическое, а въ 1853 г. «Устројеннијемъ княжевско-српског лицеја» были учреждены уже три отдѣленія, православное, «јестествословно-техническое» и общее. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи училище было названо (1863) «Великой школой» или Академіей и получило три факультета, философское, техническое и юридическое, и, наконецъ, 27 февр. 1905 г. Великая школа была переименована въ университетъ. По университетскому уставу 1 окт. 1905 г., университетъ пользуется полной внутренней автономіей. Ежегодно происходятъ выборы ректора, который можетъ избираться только изъ ординарныхъ профессоровъ, прослужившихъ въ этомъ званіи не менѣе 5 лѣтъ. Никто не можетъ быть избранъ ректоромъ больше трехъ разъ. Студенты выбираютъ тѣ предметы, какіе хотятъ слушать, и за ученіе ничего не платятъ. Ординарные профессора получаютъ основное жалованіе въ размѣрѣ 6.000 фр. и затѣмъ прибавки, которыя послѣ 20 лѣтъ службы доходятъ до 3 тыс. фр. Ростъ высшаго образованія въ Сербіи обнаруживается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1903 г. въ Бѣлградскомъ университетѣ состояло 57 профессоровъ, 485 студентовъ, бюджетъ равнялся 347,322 фр.; въ 1905 г. 65 профессоровъ, 618 студентовъ, бюджетъ 351,300 фр.; въ 1908 г. 82 профес., 985 студ., бюджетъ 476,891 фр. Женщины принимаются въ университетъ на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами. Высшимъ ученымъ учрежденіемъ Сербіи служитъ Сербская королевская академія въ Бѣлградѣ, возникшая въ 1891 году. Она раздѣляется на нѣсколько отдѣленій и насчитывала въ 1905 г. 33 ординарныхъ академика. Изданія Академіи, «Глас», «Споменик» (Памятникъ) и другія, пользуются заслуженной почетной извѣстностью въ наукѣ. Для изданія ученыхъ трудовъ, которые не могутъ разсчитывать на большой сбытъ, и потому не находятъ частныхъ издателей, въ Сербіи имѣется нѣсколько фондовъ, завѣщанныхъ просвѣщенными людьми (т. наз. «задужбине», т.-е. «за

[1]) М. Шевић. Средње школе у Србији. 1906.

душу»): это фонды Н. Чупича, Коларца, стипендіи на поѣздки по Сербіи съ цѣлью изученія ея, завѣщанныя Каричемъ, которому принадлежитъ въ семидесятыхъ годахъ первое полное описаніе сербскаго княжества, и др.

Такъ же либеральны, какъ школа, въ Сербіи церковныя учрежденія. Необходимость устроить церковныя отношенія въ областяхъ, освобожденныхъ отъ турецкой власти, заставила издать уже въ 1836 г. первый законъ о церкви, «Начертаніе о духовной власти», которое было въ силѣ до 1847 г. и затѣмъ замѣнено новыми законами, изданными подъ названіемъ «Устройства духовной власти». Въ 1862 г. церковное законодательство подверглось новымъ измѣненіямъ, а дѣйствующіе теперь законы были установлены въ 1890 г. и затѣмъ многократно дополнялись въ разные годы (1894—1900). Православная вѣра признается въ Сербіи государственнымъ вѣроисповѣданіемъ, при чемъ «сербская церковь автокефальна, не зависитъ ни отъ какой иностранной церкви, но въ догматахъ сохраняетъ единство съ Восточной вселенской церковью.» Внутреннее управленіе сербской церковью принадлежитъ архіерейскому собору, который состоитъ изъ всѣхъ пяти епархіальныхъ епископовъ, при чемъ Бѣлградскій носитъ названіе архіепископа бѣлградскаго и митрополита Сербіи. Собору принадлежитъ право избранія епископовъ и архіепископа; выборъ послѣдняго долженъ быть подтвержденъ королемъ. – Всѣ прихожане составлютъ одну церковную общину, которая управляетъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ приходской церкви. Священниковъ назначаетъ епархіальный архіерей, но только по конкурсу [1]). Монастырей въ Сербіи, по даннымъ 1905 г., 54, и имъ принадлежатъ значительныя земельныя имущества. Сербское правительство сильно озабочено тѣмъ, чтобы монастыри вели раціональное прогрессивное сельское хозяйство, и указываетъ имъ на подходящія отрасли его, молочное хозяйство, виноградарство, пчеловодство и т. д. [2]). Свѣтскими отношеніями церкви завѣдуетъ министръ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ.

Перейдемъ къ сербскимъ финансамъ, промышленности и торговлѣ. Бюджетъ королевства представляетъ на 1914 годъ 213,970 тыс. фр. (динаровъ) расходовъ и 153,670 тыс. фр. прихода изъ старыхъ областей и 60,426 тыс. фр. приходовъ изъ новоприсоединенныхъ областей, такъ что ожидалась даже нѣкоторая перевышка прихода надъ расходомъ. Годы войны и устройства новыхъ отношеній послѣ войны потребовали значительнаго увеличенія бюджета военнаго министерства. Въ 1913 г. этотъ бюджетъ составлялъ 28,200 тыс. фр., на 1914 годъ онъ исчисленъ въ суммѣ 48,800 тыс. или вмѣстѣ съ жандармеріей и пограничными войсками въ суммѣ 54 мил. фр. Мин. финансовъ, д-ръ Пачу, подробно изложилъ въ засѣданіи Народной Скупштины 22 февр. 1914 г., какъ этотъ военный бюджетъ былъ постепенно сведенъ съ первоначальной цифры въ 100 мил. фр. почти на половину. «При сведеніи военнаго бюджета, сказалъ министръ, мы руководились слѣдующими положеніями. Старыя области могутъ ежегодно давать извѣстное число рекрутовъ соразмѣрно съ ихъ населеніемъ. Это число составляетъ въ старыхъ границахъ самое большее 30 тыс. человѣкъ. Въ такой же пропорціи мы взяли и утвердили число рекрутовъ въ новыхъ областяхъ и, разумѣется, на первое время безъ мусульманскаго населенія; по нашему

[1]) См. «Зборник правила, уредаба и наредаба Архијерејског Сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од. 1839—1900 г.)». Београд. 1900. Чед. Митровић. Први српски закон о црквеним властима. 2 изд. 1909.

[2]) З. Влајинац. О напреднијем пољопривредном раду наших манастира. Додатак «Тежаку». Београд. 1911.

расчету, число такихъ рекрутовъ можетъ составлять самое большее 14—15 тыс. человѣкъ». Общее число нижнихъ чиновъ, которое придется содержать, составляетъ 50—52 тыс. человѣкъ. Чѣмъ же можетъ быть покрытъ этотъ бюджетъ? Прежде всего, прямыми налогами, которые дали государству въ 1911 г. 32 мил. фр., а въ 1912 г. всего 25 мил.; такъ сильно отразилась на этой статьѣ прихода война. Въ 1913 г. приходъ отъ прямого обложенія упалъ еще ниже, до 12,769 тыс. фр. Въ годы войны понизился и таможенный сборъ (1910—16,341 тыс. фр., 1911—20 мил., 1912 и 1913 г. по 17 мил. фр.). Слѣдующей важной статьей государственнаго дохода являются государственныя монополіи, каковыми въ Сербіи служатъ табакъ, соль, керосинъ, спички и папиросная бумага, гербовая бумага, акцизъ на пиво и т. д. Монополіи дали сербскому казначейству въ 1913 году ничтожный доходъ въ 372,867 дин., тогда какъ въ 1911 г. эта статья дохода выразилась въ суммѣ 41,5 мил. дин., а въ 1912 г. въ суммѣ почти 40 мил. Особенно же уменьшился приходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ перевозка товаровъ и частныхъ пассажировъ за время войны почти прекратилась. Такимъ образомъ, война очень тяжело легла на сербскіе финансы, и эта тяжесть еще усилилась неурожайностью 1913 г., года необычайно дождливаго; не уродились ни хлѣба, ни фрукты, а вывозъ сливъ всегда составлялъ одну изъ важнѣйшихъ статей сербскаго экспорта. Въ 1911 г. ввозъ равнялся 115 мил. фр., а вывозъ 116; въ 1912 г. вывозъ сильно упалъ, составивъ лишь 84 мил., тогда какъ ввозъ понизился до 106 мил. Въ годъ войны, 1913, сумма ввоза еще не была подсчитана къ концу февраля 1914 г., но, по заявленію министра финансовъ, она должна была превзойти 120 мил., при чемъ очень многое было ввезено на военныя цѣли, безъ оплаты таможеннымъ сборомъ. Вывозъ въ 1913 г. изъ Сербіи едва превысилъ 78 мил. фр. Въ дальнѣйшей своей рѣчи, которою я пользуюсь здѣсь для изложенія состоянія передъ войной 1914 г. сербскихъ финансовъ [1]), министръ указалъ на то, что сербскіе финансы постоянно укрѣплялись, [2]), такъ что перевѣсъ доходовъ надъ расходами сталъ обычнымъ явленіемъ. Но накопились такія культурныя потребности, удовлетвореніе которыхъ становится неотложно: это постройка больницъ, новаго зданія для почты и телеграфа въ Бѣлградѣ, дополненіе университета двумя новыми факультетами, сельскохозяйственнымъ и медицинскимъ, и постройка, вообще, новаго зданія для университета, расширеніе желѣзнодорожной станціи въ Бѣлградѣ. совершенно не удовлетворяющей современному объему торговли (что вызвало однажды скопленіе 1600 вагоновъ на станціонныхъ путяхъ). Несмотря на всѣ тѣ трудности, которыя стоятъ передъ Сербіей въ устройствѣ новыхъ государственныхъ и аграрныхъ отношеній въ завоеванныхъ краяхъ, правительство и Нар. Скупштина смѣло смотрѣли впередъ, ожидая, что время и трудъ возстановятъ потерянное.

Въ дебатахъ, которые развернулись въ Скупштинѣ при обсужденіи бюджета, было отмѣчено удовлетворительное финансовое состояніе Сербіи. Такъ, М. Бранковичъ отмѣтилъ, что «лишь благодаря тому, что финансы Сербіи находились въ добромъ порядкѣ, ея войска были отлично подготовлены, достаточно снабжены всѣмъ нужнымъ и имѣли прекрасныхъ вождей. И рядомъ съ этимъ въ самой странѣ финансы не подверглись никакому разстройству. Все чиновничество получало жалованье самымъ правильнымъ образомъ. Государство расплачивалось

[1]) См. рѣчь г. Пачу, строго дѣловую и основанную на многочисленныхъ числовыхъ данныхъ, въ «Самоуправѣ» 25 и 26 февр. 1914 г.

[2]) Въ 1911 г. приходъ составилъ 131.710.187.65 дин., расходъ 108.587.252.29 дин. «Самоуправа». 21 марта 1912 г.

за все, что было нужно для войны. Не остановились во время войны и работы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ». Эти факты указываютъ, дѣйствительно, на удовлетворительность финансоваго положенія Сербіи. Уже 17 янв. 1914 г. она отмѣнила мораторіумъ, и экономическая жизнь страны вступила въ нормальныя отношенія. Конечно, война и устройство новыхъ порядковъ въ присоединенныхъ областяхъ должны были поглотить много денежныхъ средствъ и потребовать займовъ. Къ этимъ послѣднимъ Сербія должна была прибѣгнуть не разъ со времени своихъ первыхъ подготовленій къ преобразованію арміи и со времени своей борьбы противъ Австріи во имя экономической и тѣсно съ нею связанной политической независимости. Въ 1906 г. былъ заключенъ заемъ въ 95 мил. дин., въ 1909 г. въ 150 мил. динаровъ, въ 1913 г. въ 250 мил., въ ближайшемъ будущемъ предстояло заключить новый заемъ въ 400 мил. дин. Однако, присоединеніе новыхъ областей открывало передъ сербскимъ королевствомъ настолько значительныя экономическія перспективы, что эта необходимость прибѣгнуть къ займамъ не грозила государству кризисомъ. Какъ полагало сербское правительство (Одјек. 13 авг. 1913 г.), въ Новой Сербіи, какъ официально называются завоеванныя области, особенно значительнаго развитія должны достигнуть скотоводство (въ Новобазарскомъ санджакѣ крупный рогатый скотъ, въ другихъ мѣстахъ овцы, свиньи и т. д.) и плодоводство. Если до войны Сербія вывозила свѣжихъ и сушеныхъ фруктовъ на 30 мил. дин., то черезъ три года эта сумма должна была дойти до 80 мил. Что касается вывоза скота, то министръ промышленности К. Стояновичъ, высказалъ слѣдующія соображенія: «Когда нашъ вывозъ скота былъ ограниченъ торговыми договорами съ Австро-Венгріей, и когда мы не имѣли другихъ источниковъ для вывоза, то мы ежегодно вывозили до 180 тыс. свиней; мы полагаемъ, что въ скоромъ времени удесятеримъ эту цифру, благодаря легкости прокормленія, нашимъ четыремъ скотобойнямъ, которыя находятся въ полномъ порядкѣ, и транспорту живыхъ свиней облегченными путями къ Адріатическому морю и Солуни. Черезъ три-четыре года мы будемъ въ состояніи ежегодно выставлять на рынокъ 100 — 200 тыс. головъ рогатаго скота, тогда какъ до войны эта цифра составляла 70 тыс.».

Какъ показываютъ приведенныя здѣсь данныя, главными предметами сербскаго вывоза являлись продукты добывающей промышленности, именно пшеница, кукуруза, черносливъ, живой и битый скотъ и т. д. Въ общей сложности, вывозъ Сербіи въ 1910 г. опредѣлился суммой въ 98,4 мил. дин, а въ 1911 г. суммой въ 112,8 мил. (черносливъ 1910—10,5 мил. дин., 1911—15,9 мил.; кукуруза 1910—21,85 мил. дин., 1911—13,94 мил.; пшеница 1910—12,48 мил. дин., 1911—15,33 мил.; мясо 1910—2,61 мил. дин., 1911—15,67 мил.; живой скотъ 1910—9,43 мил. дин., 1911—6,64 мил. и т. д.). Уже отсюда видно, какъ неустойчивъ былъ сербскій вывозъ, и въ какой тѣсной зависимости онъ находился отъ урожая или отъ торговыхъ договоровъ. Дѣло въ томъ, что на вывозѣ мяса и живого скота изъ Сербіи отражались самымъ непосредственнымъ образомъ отсутствіе или наличность соотвѣтствующаго договора между Сербіей и главной страной для ея вывоза скота, Австро-Венгріей. Перейдемъ къ сербскому импорту, который равнялся въ 1910 г. 84,69 мил. дин. и въ 1911 г. 111,38 мил. Ввозились, по преимуществу, бумажныя ткани (1910—7,3 мил. дин., 1911—9,5 мил.), бумажная пряжа (1910—7 мил., 1911—6 мил.), машины, соль (изъ Румыніи) и т. д. Мануфактурные и галантерейные товары, кондитерскія издѣлія, бумага и т. д.: все это шло въ Сербію изъ-за границы. Между тѣмъ, страна далеко не бѣдна естественными рессурсами и при большемъ развитіи обрабатывающей промышленности въ значительной мѣрѣ могла бы обходиться внутрен-

нимъ производствомъ. Каменный уголь, мѣдь, даже золото, цементъ, обширныя пространства, заросшія прекраснымъ лѣсомъ, лигнитъ позволяли бы Сербіи развить собственную промышленность и удержать ее въ рукахъ домашнихъ капиталистовъ. Теперь, за отсутствіемъ таковыхъ, Сербія вынуждена обращаться къ иностраннымъ капиталамъ. Бельгійскіе, а въ послѣднее время французскіе капиталы принимали особено дѣятельное участіе въ созданіи сербской промышленности. Въ концѣ 1910 г. въ Бѣлградѣ былъ основанъ французско-сербскій банкъ, который ссужалъ сербскимъ денежнымъ учрежденіямъ капиталы по 6 процентовъ, а торговцамъ по $6^1/_2$ и $7^0/_0$. Что касается странъ, ведущихъ коммерческія отношенія съ Сербіей, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить относительный упадокъ Австро-Венгріи, съ которой все болѣе серьезно начинала конкурировать Германія. Въ то время, какъ въ 1884 г. участіе Австро-Венгріи въ ввозѣ въ Сербію составляло $62^0/_0$, а Германіи $15^0/_0$, въ 1910 г. первое отношеніе упало до $10^0/_0$, а второе поднялось до $41^0/_0$. Впрочемъ, и здѣсь сказались ненормальныя договорныя отношенія двухъ сосѣднихъ государствъ, и уже въ 1911 г., когда вступилъ въ силу сербско-австрійскій договоръ, Австро-Венгрія ввезла въ Сербію товаровъ на 45,79 мил. дин. Но и Германія успѣла завоевать прочное положеніе во время сербско-австрійской таможенной войны, и въ 1911 г. она ввезла своихъ товаровъ въ Сербію на 30 мил. дин. (въ 1910 г. почти на 35 мил. дин.). Участіе другихъ странъ въ торговлѣ Сербіи довольно слабо: только Бельгія вывозила много сербскаго скота въ пору сербско-австрійской торговой борьбы.

Колебаніе цифръ сербскаго экспорта и импорта въ 1910—11 г. находилось въ тѣсной зависимости, какъ уже было упомянуто, отъ торговыхъ договоровъ, связывающихъ Сербію съ европейскими державами. Особенно важны для Сербіи были договоры, соединявшіе ее съ Австро-Венгріей, такъ какъ другого выхода, кромѣ какъ на сѣверъ, для сербской торговли до недавняго времени не было. Везти товары на Солунь было и дорого, и безполезно, такъ какъ проторенный путь для сербскаго экспорта шелъ искони въ области, примыкающія къ Дунаю, а для морской торговли не было завязано никакихъ отношеній. Точно также направлять экспортъ черезъ Болгарію съ цѣлью нагрузки товаровъ на черноморскіе суда не представляло никакой надобности. Такимъ образомъ, и для экспорта, и для импорта Сербія являлась естественнымъ контрагентомъ Австро-Венгріи. Казалось, что только торговлей съ этой послѣдней Сербское королевство можетъ существовать, и со времени Берлинскаго конгресса, когда Сербія, отвергнутая русской дипломатіей, бросилась въ объятія Австріи, здѣсь стали считать рѣшенымъ дѣломъ, что рано или поздно Сербія сдѣлается владѣніемъ династіи Габсбурговъ. Для этого слѣдовало, прежде всего, окончательно подчинить страну экономическому вліянію Австро-Венгріи, а затѣмъ перейти и къ политическому подчиненію ея. По тайнымъ договорамъ съ королемъ Миланомъ, Австрія гарантировала престолъ династіи Обреновичей, но обусловливала эту гарантію такими требованіями, которыя превращали Сербію въ вассальное государство. И самый Берлинскій трактатъ, расширяя владѣнія сербскаго княжества завоеванной областью съ Нишемъ и Пиротомъ, принудилъ Сербію провести для выгоды австро-венгерской торговли желѣзнодорожную линію отъ Бѣлграда до Ниша. Гибель, грозящую сербской независимости, удалось предотвратить, благодаря содѣйствію европейскихъ державъ (особенно, Англіи), заключившихъ въ началѣ 80-хъ годовъ съ Сербіей рядъ торговыхъ договоровъ, къ которымъ должна была присоединиться и Австрія. Тѣмъ не менѣе, обставивъ сербскій вывозъ скота рядомъ стѣснительныхъ условій, которыя въ

совокупности своей доставляли огромную выгоду Австро-Венгріи, а отъ Сербіи, все болѣе нуждавшейся въ деньгахъ, требовали громаднаго напряженія силъ,—Австрія постоянно все болѣе захватывала въ свои руки экономическую жизнь Сербіи. Нужно было чрезвычайное усиліе, какъ проявленіе большой жизнеспособности, чтобы Сербія смогла выступить противъ этого гнета. Борьба началась съ 1906 года и закончилась въ 1910 г., когда былъ заключенъ на 7 лѣтъ (1 янв. 1911 г.—31 дек. 1917 г.) договоръ, обезпечивавшій Сербіи полную экономическую независимость. Это было громадное завоеваніе, не уступавшее по своему значенію побѣдамъ 1912—13 г. [1]). Въ дальнѣйшемъ Сербія должна была стремиться къ пріобрѣтенію права ввоза и провоза живого скота (а не мяса) въ Австро-Венгрію, но могущественная партія австрійскихъ аграріевъ и венгерскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ собиралась этому препятствовать, и, какъ полагаютъ (A. Hassman въ чеш. «Národní Listy», 16 окт. 1913 г.), Сербія могла получить право на провозъ, но не на ввозъ живого скота въ Австро-Венгрію. Такимъ образомъ ей пришлось бы направить вывозъ скота въ Италію и Египетъ, куда онъ былъ направленъ въ годы таможенной войны съ Австріей (1906—9), а вслѣдствіе этого сохранялъ всю свою остроту вопросъ о выходѣ Сербіи въ Адріатическое и Эгейское моря, вопросъ, который долженъ былъ получить свое разрѣшеніе во время сербско-турецкой войны 1912—3 г. Объ этомъ мы еще поговоримъ ниже.

При незначительности сербской торговли и промышленности страна не богата капиталами. Крупнѣйшій изъ сербскихъ земельныхъ банковъ, государственный земельный банкъ (Управа фондова), свелъ въ 1905 г. балансъ въ суммѣ 70 мил. дин. (1901—56 мил.). Основанный въ 1884 г. «Привиллегированный народный банкъ Сербскаго королевства» съ номинальнымъ капиталомъ въ 20 мил. дин. имѣлъ въ 1905 г. оборотъ въ 136 мил. дин. (чистой прибыли 259,482 дин.); учрежденный въ 1901 г. Экспортный банкъ (извозна банка) оборотъ (1905) 476 мил. дин., чистой прибыли 222,105 дин.; Бѣлградскій торговый банкъ (основ. 1894 г.) оборотъ 269 мил. дин., чистой прибыли 120 тыс. дин. Всего въ 1905 г. 24 банка, въ томъ числѣ и Народный банкъ, имѣли оборотъ въ 2 милльярда динаровъ, т.-е. меньшій, чѣмъ оборотъ одного изъ крупнѣйшихъ банковъ Чехіи. Настолько мало еще развито денежное хозяйство въ Сербскомъ королевствѣ. Послѣ войны и въ этомъ отношеніи наступила быстрая и рѣзкая перемѣна. Сербія переживала періодъ такъ называемаго грюндерства, основанія фабрикъ, банковъ, желѣзнодорожнаго строительства и т. под. Русскіе финансовые круги, наконецъ, также присоединялись къ экономической дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ. Три большіе петербургскіе банка и одинъ московскій складывались и составляли капиталъ въ 20 мил. руб. для учрежденія банковъ въ Бѣлградѣ, Софіи и Солуни съ филіальными отдѣленіями въ Сербіи, Болгаріи и Македоніи. Первымъ предположено было открыть банкъ въ Бѣлградѣ; къ сожалѣнію, война прекратила всю эту дѣятельность. Бѣлградская торговая палата для развитія торговыхъ отношеній въ Новой Сербіи открыла филіальное отдѣленіе въ Скоплѣ, Битоліи и въ Призренѣ. Повсюду въ королевствѣ возникали новыя акціонерныя общества, фабрики и заводы. Съ 1 янв. 1914 г. въ Бѣлградѣ функціонировало «Сербское торговое общество» (съ основнымъ капиталомъ въ 1 мил.

[1]) Объ этой борьбѣ см. въ моей исторіи Сербіи съ 1900 г. въ главѣ II «Борьба съ Австріей», въ изданіи «Исторія нашего времени», вып. XII (здѣсь и новая литература вопроса). О болѣе старыхъ сербско-австрійскихъ торговыхъ отношеніяхъ см. обстоятельное изложеніе К. Грюнберга «Die Handelspolitischen Beziehungen des Österreich-Ungarns zu den Ländern an der unteren Donau». 1902.

дин.). Бо́льшая половина акцій находилась въ рукахъ французовъ, итальянцевъ и голландцевъ, и общество ставило своей задачей развитіе торговыхъ отношеній съ странами, участвующими своими капиталами въ Обществѣ. Несомнѣнно, Сербія вступала въ новый фазисъ своего государственнаго и экономическаго развитія.

Идеей, движущей современное развитіе Сербіи, является стремленіе къ объединенію всего сербства, а, можетъ быть, и всего южнаго славянства. Если первое, т.-е. «великосербская идея», остается внутреннимъ дѣломъ сербскохорватскаго племени. то второе, сближеніе всѣхъ южныхъ славянъ, возможно лишь на почвѣ славянской взаимности. Поэтому, новая Сербія оказалась ревностной участницей славянскихъ съѣздовъ, и еще до начала ихъ, въ 1905 году, дѣлались попытки торговаго сближенія съ Болгаріей, взаимныхъ визитовъ сербской и болгарской молодежи и т. д. Только энергичное вмѣшательство австровенгерскаго правительства, чрезвычайно опасливо взиравшаго на это движеніе, на нѣкоторое время задержало его, но, тѣмъ не менѣе, Болгарія активно поддержала Сербію во время ея таможенной войны съ Австро-Венгріей, открывъ свой морской портъ Варну для сербскаго экспорта и назначивъ удешевленные тарифы для провозки сербскихъ товаровъ къ морю по болгарскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Съ 1908 г., когда произошелъ памятный славянскій съѣздъ въ Прагѣ, между сербами и болгарами завязывались все болѣе дружественныя отношенія. На Софійскомъ съѣздѣ 1910 г. манифестировалась уже вполнѣ опредѣленно сербско-болгарская дружба и солидарность: здѣсь дѣлались доклады въ одинъ и тотъ же день о Сербіи и Болгаріи и т. п. Изъ Софіи часть членовъ съѣзда проѣхала въ Бѣлградъ, а въ слѣдующемъ 1911 году (въ концѣ іюня и началѣ іюля) въ Бѣлградѣ же имѣлъ мѣсто 10-й юбилейный съѣздъ славянскихъ журналистовъ. Король Петръ подчеркнулъ свое расположеніе къ славянской идеѣ, принявъ какъ въ 1910, такъ и въ 1911 году членовъ съѣзда въ особой ауденціи. Съ 1910 г. открылъ свои дѣйствія «Сербско-болгарскій комитетъ для изученія экономическихъ вопросовъ, касающихся обоихъ государствъ». Задачей своей комитетъ ставилъ «соглашеніе двухъ государствъ», созданіе, съ помощью сердечныхъ отношеній, самыхъ тѣсныхъ связей между ихъ гражданами (см. болгар. газет. «Рѣчь», 10 окт. 1910 г.). Наконецъ, между правительствами Сербіи и Болгаріи былъ заключенъ военный договоръ для совмѣстной борьбы съ Турціей, возникъ Балканскій союзъ, который и одержалъ полную побѣду надъ Турціей. Затѣмъ, на почвѣ раздѣла завоеванной территоріи между союзниками вспыхнула новая балканская война (въ іюнѣ 1913 г.). Послѣ этой войны сербско-болгарскія отношенія оказались совершенно испорченными. Тѣмъ не менѣе, потребность въ единеніи южныхъ славянъ диктовалась такъ настойчиво, что мысль о примиреніи болгаръ съ сербами опять выдвинулась уже въ концѣ 1913 г., и сербская печать поспѣшила отмѣтить, что и братья иногда ссорятся при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, но что примиреніе должно рано или поздно наступить (см. «Одјек», 27 нояб. 1913 г.).

Для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ характеромъ сербскихъ и болгарскихъ притязаній на Македонію, не могло быть сомнѣнія, что мирнымъ путемъ македонскаго вопроса не разрѣшить. Сущность раздора заключалась въ томъ, что какъ сербы, такъ и болгары признавали своими единоплеменниками славянское населеніе Македоніи и на этомъ основаніи выставляли свои притязанія на завладѣніе этой страной. Въ составъ турецкихъ владѣній въ Европѣ послѣ Берлинскаго конгресса входили Старая Сербія и Македонія, двѣ этнографическія области съ различной судьбой. Когда-то Старая Сербія со своимъ городами Призреномъ и

Скоплѐмъ (Ускюбомъ) составляла основную часть государства Нѣманичей, и ея населеніе по своему происхожденію должно было бы признаваться сербскимъ, если бы мы не знали о массовыхъ передвиженіяхъ населенія на Балканскомъ полуостровѣ въ турецкую эпоху. Сербы, какъ и болгары, тысячами эмигрировали, на смѣну имъ являлись албанцы, влахи (румыны), турки и др., такъ что скорѣе можно говорить о сербской традиціи въ Старой Сербіи и Македоніи, нежели о сербскомъ происхожденіи ихъ славянскаго населенія. Съ другой стороны, вполнѣ оправданы исторіей болгарскія притязанія на Македонію, гдѣ и въ X, и въ XIV в. Болгарія владѣла обширными областями. Война 1912/3 г. распредѣлила области между сербами и болгарами почти такъ же, какъ онѣ были распредѣлены въ XIV в., во время войнъ съ Византіей сербскаго царя Стефана Душана и болгарскаго царя Ивана Александра, и какъ тогда Солунь осталась за греками, такъ и теперь она была получена ими. Это распредѣленіе земель, повидимому, наиболѣе соотвѣтствуетъ и этнографическому распредѣленію населенія. Въ Старой Сербіи и въ сѣверной части Македоніи нарѣчія болѣе близки къ сербскимъ, нежели къ болгарскимъ говорамъ. Однако, вопросъ разрѣшался, конечно, не по филологическимъ соображеніямъ. Русскіе дипломаты, составители Санъ-Стефанскаго договора, желали создать «Великую Болгарію» и отводили ей Македонію и часть округовъ Старой Сербіи. Берлинскій конгрессъ не осуществилъ этихъ плановъ, и Македонія были оставлена во власти Турціи, которая обязывалась ввести здѣсь автономію. Въ дѣйствительности же, все осталось по прежнему, и съ начала новаго вѣка, когда Болгарія стала опредѣленно стремиться къ завоеванію Македоніи, страна превратилась въ арену постоянной національной борьбы: сербы и болгары взаимно истребляли другъ друга, турки истребляли и разоряли тѣхъ и другихъ, общая ненависть, постоянныя (съ 1903 г.) возстанія, неудачныя попытки осуществить европейскій контроль въ Македоніи и наконецъ въ 1912 г. война союзниковъ съ Турціей: таковы были развитіе и сущность Македонскаго вопроса [1]).

Первая балканская война [2]) началась 25 сентября 1912 г. открытіемъ военныхъ дѣйствій Черногоріей противъ Турціи. Этому предшествовали переговоры между державами Балканскаго союза, Черногоріей, Греціей,

---

[1]) Сербская точка зрѣнія на Македонію изложена въ книгахъ А. Белича «Сербы и болгары въ Балканскомъ союзѣ». С.-Петербургъ. 1913, Цвијића Основе за геогрфију и геологију Македоније и Старе Србије. Београд. 1906, М. Вукичевича и Д. Семиза. Сербы и болгары въ борьбѣ за свободу и культуру. 1913 и Поповича-Липовца «Жгучій вопросъ дня. Македонскія реформы и русско-англійскіе проекты». 1908. Кромѣ того, см. H. Marcuse. Serbien und die Revolutionsbewegung in Makedonien. 1908 (отстаиваетъ права сербовъ на Македонію); М. Р. Степановић. Срби и Бугари у прошлости и садашњости. 1913 (книга написана въ моментъ сербско-болгарскихъ счетовъ). L'Association patriotique et humanitaire. Frères serbes. Memorandum sur la situation des serbes en Macedoine et en Vieille Serbe. Belgrade. 1907. М. Андоновић. Македонски су словени Срби. 1913 (въ приложеніи литература, подтверждающая основной взглядъ автора, указанный въ заглавіи; ссылки на не называемыя мною здѣсь сочиненія Новаковича и др.) Б. Нушић. Косово. Опис земље и народа. Књиге Матице Српске. Број 6. У Новом Саду. 1906. А. Станојевић. Две недеље у Старој Србији. Београд. 1898. Обширныя литературныя указанія въ трудѣ Л. Нидерле. Обозрѣніе современнаго славянства. 1909 (стр. 156—158), а также въ очень интересной книгѣ Н. С. Державина «Болгарско-Сербскія взаимоотношенія и Македонскій вопросъ» (1914, авторъ отстаиваетъ болгарскія притязанія на Македонію). Для пропаганды Сербской идеи издавался календарь «Вардар» (издање друштва Кола српских сестара) съ 1907 г. Недавно это изданіе запрещено сербскимъ правительствомъ. Съ осужденіемъ сербской политики въ Македоніи Дримколовъ. Сръбскитѣ претенции въ Западна България. 1897.

[2]) Обстоятельный очеркъ этой войны сдѣланъ на чешскомъ языкѣ въ книгѣ А. Срба «Válka na Balkáně v roce 1912—1913». Praha. 1913. Послѣдствія войны изложены также въ чешской книжкѣ I. Данеша «Balkán po válce r. 1913».

Болгаріей и Сербіей, съ одной стороны, и Турціей, съ другой. Союзъ требовалъ сначала немногаго: выполненія 23 статьи Берлинскаго трактата, гарантировавшей автономію Македоніи. Отказъ Турціи, видимо, разсчитывавшей на вмѣшательство Австро-Венгріи, которая не допуститъ никакихъ измѣненій на Балканскомъ полуостровѣ, вызвалъ начало военныхъ дѣйствій. Обнародованные въ декабрѣ 1914 года итальянскіе дипломатическіе документы удостовѣряютъ, что, дѣйствительно, только несочувствіе Италіи (и, можетъ быть, Германіи) къ выступленію Австріи противъ Сербіи удержало Австрію отъ войны. Самый договоръ между балканскими державами былъ заключенъ 16 февр. 1912 г. Онъ заключалъ въ себѣ тайное добавленіе о раздѣлѣ территоріи между Сербіей и Болгаріей, при чемъ однимъ изъ основныхъ положеній этого добавленія было признаніе суперарбитража Россіи. Здѣсь говорилось о томъ, что «Сербія признаетъ за Болгаріей права на территоріи къ востоку отъ Родопы и рѣки Струмы; Болгарія же признаетъ права Сербіи на территоріи, которыя находятся къ сѣверу и западу отъ Шаръ планины». 6 іюня 1912 года между Сербіей и Болгаріей была заключена конвенція съ точнымъ указаніемъ количества войскъ, выставляемыхъ обѣими державами; конвенція должна была обезпечить дѣйствія Балканскаго союза отъ вмѣшательства не только Австріи, но и Румыніи. Оба эти документа (отъ 16 февраля и отъ 6 іюня 1912 г.) хранились въ большой тайнѣ. Они были обнародованы только въ концѣ 1913 г. (25 нояб.) въ парижской газетѣ «Le Matin», при чемъ, несомнѣнно, были обнародованы *болгарскіе* оригиналы, такъ какъ Болгарія всюду упоминается здѣсь на первомъ мѣстѣ. Въ Сербіи этотъ актъ нескромности болгарскаго правительства вызвалъ большое негодованіе, но австрійская печать выразила по этому поводу свое удовлетвореніе. Она указывала на то, что тайная конвенція оправдала дѣйствія австрійскаго правительства, направленныя противъ Сербіи. Какимъ образомъ, однако, содержаніе документа 6 іюня стало извѣстно въ Австріи? Сербская печать винила въ этомъ двуличность главы Болгаріи, который велъ двойную игру: съ Сербіей и противъ нея во имя достиженія эгоистическихъ выгодъ.

Сербія приняла участіе въ войнѣ лишь 5 окт., когда король Петръ издалъ въ Нишѣ манифестъ, весьма сдержанный по содержанію и осторожный въ выраженіяхъ. Онъ излагалъ попытки сербскаго правительства повліять на улучшеніе сербскаго положенія въ Старой Сербіи, указывалъ на неудачность мирныхъ попытокъ и заканчивался призывомъ «къ доблестнымъ войскамъ двинуться въ святой бой за свободу братьевъ и лучшее будущее Сербскаго королевства». 9 окт. сербы заняли городъ Приштину, 10-го—Новый Базаръ, 11-го—Куманово, 13-го—Скопле (Ускюбъ), 14-го—Штипъ (Иштибъ), 15-го—Велесъ, 18-го—Призренъ, 23-го—Демиръ Капу и Гевгели съ побѣдой при Прилѣпѣ, 25-го окт.—Дьяково. Изъ Старой Сербіи и внутренней Албаніи сербскія войска двинулись на завоеваніе столь желанной прибрежной полосы Адріатическаго моря, гдѣ уже 24-го окт. черногорцы завладѣли городомъ Алессіо и гаванью Санъ-Джіовани ди Медуа. 2 ноября сербы заняли всю прибрежную полосу отъ Медуи до Алессіо. Мечта многихъ поколѣній, пробиться къ свободному морю, была, наконецъ, осуществлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, продолжались сербскія завоеванія и въ Македоніи. 5 ноября сербы взяли городъ Битолію (Монастырь), 10-го Рѣсну, 11-го—Охриду, 15-го—Эльбассанъ, Тирану и Дибру. Пробная мобилизація, произведенная въ Россіи, не позволила Австро-Венгріи сразу прекратить побѣдоносное шествіе сербскихъ войскъ, но теперь она воспользовалась моментомъ, чтобы не допустить Сербію хотя бы до Адріатическаго моря. Передъ угрозой войны съ Австріей Сербія должна была отступить и увести свои войска, но уже тогда

было ясно, что это приведетъ къ измѣненію предположенной карты раздѣла завоеванныхъ областей. Совершенно справедливо И. Бербенко писалъ (18 дек. 1912 г. «Славянскія Извѣстія», № 5) слѣдующее: «Если Австрія путемъ шума и запугиванія воспрепятствуетъ выходу Сербіи къ Адріатическому морю, то Сербія начнетъ искать себѣ компенсацій на востокѣ за счетъ предусмотрѣнныхъ для Болгаріи земель въ Македоніи. Это опять вызоветъ раздоры и вражду между двумя славянскими государствами, Сербіей и Болгаріей, обезсилитъ ихъ, а это и есть та цѣль, къ которой стремятся Австрія и Германія». Русская дипломатія сдѣлала нѣсколько довольно слабыхъ попытокъ отстоять интересы Сербіи [1]), но уже 27 окт. 1912 г. министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ посланнику въ Бѣлградъ, что «уступка Сербіи въ вопросѣ пріобрѣтенія въ собственность Адріатическаго порта дастъ намъ возможность настаивать на другихъ для нея выгодахъ. Мы полагаемъ, что Сербія, которая выйдетъ изъ короткой войны съ такими пріобрѣтеніями, о коихъ едва ли могла мечтать, должна понять, что слишкомъ большими притязаніями она только скомпрометируетъ достиженіе и этихъ результатовъ». Въ Лондонѣ засѣдала конференція представителей великихъ державъ, которая должна была выработать совмѣстно съ уполномоченными воюющихъ государствъ условія мира, но выработать эти послѣднія не удавалось, такъ какъ Турція не желала отказаться отъ Адріанополя, осажденнаго болгарскими и сербскими войсками. 21 ноября было подписано перемиріе, 30 ноября начались лондонскія совѣщанія; 6 декабря «сербскіе делегаты получили инструкціи не настаивать на требованіи территоріальнаго выхода къ Адріатическому морю, въ виду выяснившейся невозможности достигнуть этого дипломатическимъ путемъ». Порта упорствовала въ вопросѣ объ Адріанополѣ, и державы тройственнаго согласія (Россія, Англія и Франція) побуждали ее къ уступкамъ, доказывая, что въ случаѣ возобновленія войны «опасность будетъ грозить даже столицѣ, а, можетъ-быть, военныя дѣйствія перейдутъ на азіатскія провинціи имперіи» (4 янв. 1913 г.). Не будучи въ состояніи отстоять для Сербіи всѣ ея завоеванія, русская дипломатія употребила не мало усилій на то, чтобы по возможности увеличить размѣры этой территоріи. 28 янв. 1913 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ сообщаетъ слѣдующее: «Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ, что, соглашаясь на передачу Сербіи Призрена и Ипека съ прилегающей долиной, которая для Россіи имѣетъ большое значеніе въ виду Дечанъ [2]), Австрія дѣлаетъ огромныя уступки и едва ли можетъ итти далѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія настаивала на томъ, чтобы сербскія войска были немедленно уведены изъ Албаніи, и ни въ коемъ случаѣ не соглашалась на передачу Скадра (Скутари) Черногоріи, которой помогала своими войсками Сербія (2 марта 1913 г.). Сербское правительство согласилось принять эти требованія, но Австрія продолжала держаться по отношенію къ Сербіи заносчиво и угрожающе, такъ что русское правительство сочло нужнымъ сдѣлать объ этомъ представленіе въ Вѣнѣ (8 марта). Нѣсколько дней спустя, 13 марта, Адріанополь былъ взятъ союзными войсками, и это не могло не повліять на исходъ войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже назрѣвавшая рознь между сербами

[1]) Министерство Иностранныхъ дѣлъ. Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ полуостровѣ (авг. 1912—іюль. 1913). С.-Петербургъ. 1914 (такъ наз. Оранжевая книга). Въ дальнѣйшемъ изложеніи я пользуюсь этими данными, ограничиваясь указаніями на число и мѣсяцъ.

[2]) Дечанскій монастырь въ Старой Сербіи, находящійся въ вѣдѣніи Россіи и занятый нѣсколькими русскими монахами. Описаніе монастыря съ видами его см. въ книгѣ L. I a r a y L'Albanie inconnue. 1913. (Collection des voyages illustrés). О русско-сербскихъ отношеніяхъ на почвѣ «дечанскихъ» недоразумѣній см. статью К. Кораблева въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» 1912. № 7.

и болгарами получила въ этой побѣдѣ новую пищу: сербы ссылались на то, что главное участіе въ ней принадлежитъ сербскимъ войскамъ, которыхъ было больше, чѣмъ требовалось договоромъ, болгары издѣвались надъ сербскими притязаніями. 17 марта послы великихъ державъ передали Портѣ коллективную ноту, содержащую предложеніе предварительныхъ условій мира. Для Сербіи имѣли значеніе общее опредѣленіе области, уступаемой Турецкой имперіей союзникамъ («граница Турецкой имперіи въ Европѣ пройдетъ по прямой линіи отъ Эноса къ Мидіи; Турція уступаетъ союзникамъ всю территорію къ западу отъ этой линіи, за исключеніемъ Албаніи, установленіе границы и управленія въ Албаніи будетъ принадлежать державамъ»), а также вопросъ о контрибуціи. По этому предмету нота пословъ заключала слѣдующія указанія: «Державы не могутъ высказаться за требованіе военнаго вознагражденія, но онѣ допускаютъ союзниковъ къ участію въ засѣданіяхъ международной комиссіи въ Парижѣ, въ цѣляхъ справедливаго разрѣшенія вопроса объ ихъ участіи въ турецкомъ долгѣ и въ финансовыхъ обязательствахъ, падающихъ на территоріи, которыя они пріобрѣтутъ». Турецкое правительство 19 марта 1913 г. приняло эти условія, и война прекратилась, продолжались военныя дѣйствія только на сѣверо-западѣ у Скутари, которое было взято 10 апрѣля. Однако рѣшеніе державъ «присудить Скутари Албаніи» осталось неизмѣннымъ. Только 1 мая союзныя государства заявили о своей готовности прекратить военныя дѣйствія и выбрать (какъ и Турція) Лондонъ мѣстомъ для конференціи. 17 мая былъ подписанъ предварительный договоръ о территоріи, уступаемой Турціей непріятельскимъ союзнымъ державамъ. Хотя же дальнѣйшіе переговоры и теперь не привели къ желательнымъ результатамъ и 27 мая были прерваны, однако фактически Сербія не выступала больше враждебно противъ Турціи. Лишь 2 марта 1914 г. возобновились дипломатическія отношенія между Сербіей и Турціей, и былъ подписанъ договоръ о мирѣ.

Въ маѣ 1913 г. назрѣвалъ уже во всей своей остротѣ конфликтъ между Сербіей и Греціей, съ одной стороны, и Болгаріей, съ другой. Указывая на то что Сербія гораздо большими силами участвовала въ союзной войнѣ, чѣмъ должна была по договору, что она помогла Болгаріи взять Адріанополь, что она лишилась Албаніи, взятой сербскими войсками, что на Вардарскомъ театрѣ войны Болгарія выставила всего 10% войскъ вмѣсто договорныхъ 40% и. т. д., сербы требовали пересмотра условій союзнаго договора[1]). Уже съ начала апрѣля 1913 г. отношенія между союзниками достигли черезвычайнаго напряженія, и въ Болгаріи, не стѣсняясь, говорили, что «болгары въ нѣсколько дней сметутъ союзниковъ и займутъ Салоники и Южную Македонію. Болгарская главная квартира принимаетъ всѣ мѣры на случай братоубійственной войны» (6 апр. 1913 г.). Сербы требовали часть территоріи, лежащей къ югу отъ Шаръ-Планины до р. Струмицы и далѣе по правой сторонѣ Вардара до Салоникскаго залива, въ общей сложности около 10 тыс. кв. кил., включая въ нихъ желѣзнодорожную линію Скопле-Салоники до предѣловъ новой греческой территоріи. Русская дипломатія усиленно стремилась къ предотвращенію войны, при чемъ уже въ началѣ апрѣля 1913 г. она боялась, что Болгарія начнетъ войну неожиданнымъ нападеніемъ на союзниковъ, какъ это и случилось впослѣдствіи. Русская дипломатія предлагала съѣздъ премьеровъ балканскихъ государствъ для выработки соглашенія, основаннаго на прежнемъ договорѣ. Нѣсколь-

---

[1]) Докладъ І. П. Т а б у р н о. Вопросъ о распредѣленіи завоеванной у Турціи территоріи между Болгаріей и Сербіей. 1913.

ко оптимистически русскій посланникъ въ Бѣлградѣ прибавлялъ: «Союзники сумѣютъ прійти къ примирительному результату, а на случай неудачи имѣется другой выходъ: верховный арбитражъ Россіи» (19 апр.). Болгарскому правительству указывали на то, что въ случаѣ новой балканской войны Румынія не останется безучастной свидѣтельницей событій. Наконецъ, 26 мая 1913 г. русскій Императоръ обратился непосредственно къ болгарскому царю и сербскому королю съ французской телеграммой, въ которой упоминалъ о своемъ правѣ и своемъ долгѣ (въ силу упомянутой выше конвенціи) быть суперарбитромъ [1]). Къ несчастію, и это обращеніе, вызвавшее въ австрійской печати градъ новыхъ нападокъ на Россію, не повліяло на возбужденное настроеніе болгарскихъ правительственныхъ круговъ, и 16 іюня 1913 г. «болгарская армія къ количествѣ 90 баталіоновъ съ артиллеріей и конницей, перейдя зону у Брегальницы и Злетова, совершила ночное нападеніе съ трехъ различныхъ пунктовъ на всю линію сербскихъ передовыхъ позицій, имѣя въ виду отбросить сербовъ и проложить себѣ путь въ Скопле. Несмотря на внезапность нападенія и громадныя потери, сербы устояли». Военныя дѣйствія Болгаріи были встрѣчены сербами и греками такимъ дружнымъ отпоромъ, что объ осуществленіи болгарскихъ плановъ не могло быть и рѣчи, а когда съ сѣвера вступили въ Болгарію для занятія Добруджи румынскія войска, дѣло Болгаріи было окончательно проиграно, и ей грозилъ совершенный разгромъ, такъ какъ войска были деморализованы. На этотъ разъ русская дипломатія выступила на защиту Болгаріи, и г. Сазоновъ телеграфировалъ 28 іюня 1913 г. русскому посланнику въ Бухарестѣ слѣдующее: «Благоволите высказать румынскому правительству, что въ фактѣ предоставленія намъ болгарскимъ правительствомъ полномочій мы усматриваемъ основаніе мирнаго разрѣшенія вопроса о территоріальной компенсаціи Румыніи. Надѣемся поэтому, что въ цѣляхъ укрѣпленія болѣе тѣсныхъ отношеній между Румыніей и Болгаріей Бухарестскій кабинетъ признаетъ возможнымъ выказать умѣренность и не продвигать впередъ своихъ войскъ». Румынія настаивала на территоріи по линіи Туртукай—Бальчикъ, съ отнесеніемъ границы на нѣсколько километровъ къ западу отъ Туртукая и со включеніемъ Добрича (30 іюня). 2 іюля Болгарія заявила о своемъ согласіи уступить Румыніи требуемую территорію и заключила перемиріе съ Сербіей и Грецією, а три недѣли спустя открыла свои дѣйствія Бухарестская конференція, состоявшая изъ представителей воюющихъ державъ и собравшаяся для урегулированія территоріальныхъ отношеній. 28 іюля 1913 г. былъ подписанъ Бухарестскій миръ. Третій пунктъ этого договора устанавливалъ слѣдующую границу между Сербіей и Болгаріей: «Пограничная линія пройдетъ отъ горы Патарицы на старой границѣ и будетъ итти по старой турецко-болгарской границѣ и по водораздѣлу между Вардаромъ и Струмой, исключая верхнюю часть Струмичской долины, которая останется на сербской территоріи; затѣмъ граница выходитъ на планину Бѣлашицу, гдѣ она сойдется съ греческо-болгарской границей». Сербія получила значительную часть Косовскаго вилайета, части Монастырскаго и Солунскаго вилайетовъ; въ общей сложности 39 тыс. кв. килом. съ 1,200 тыс. жителей. Въ составъ Сербскаго королевства вошли, такимъ образомъ, историческія области, въ которыхъ лежала колыбель сербской государственности, Стара Рашка, косовская старая Сербія,

[1]) Вотъ одно изъ мѣстъ этой телеграммы: «Considérant les fonctions d'arbitre non pas comme une prérogative, mais comme une obligation pénible à laquelle je ne saurais me soustraire, je crois devoir prévenir Votre Majesté qu'une guerre entre les alliés ne pourrait me laisser indifférent. Je tiens à établir que l'Etat qui aurait commencé cette guerre en serait responsable devant la cause slave...»

а также области, изъ-за которыхъ вели войну, которыя добывали силою оружія старые Нѣманичи: Битоль, Охрида, Прилѣпъ [1]) и т. д. Сербія получила земли обширныя, но мало населенныя.

По Бухарестскому миру Сербія получила общую границу съ Черногоріей, съ которой на почвѣ дѣлежа области произошло быстро ликвидированное дипломатическое столкновеніе, и съ Грецією. Вопросъ албанскій, созданный искусственно и спеціально для ослабленія Сербіи, вызывалъ въ Сербіи довольно сильное возбужденіе тѣмъ болѣе, что албанцы совершали вторженія въ сербскіе предѣлы. Мало-по-малу всѣ эти неизбѣжныя послѣдствія войны улеглись. Теперь открывалось поле для мирной дѣятельности въ новыхъ земляхъ.

Какъ ни много пріобрѣла Сербія, выхода въ открытое море она не добилась и теперь. Вопросъ объ Адріатической гавани былъ разрѣшенъ конференціей пословъ въ Лондонѣ (8 іюня 1913 г.), которая дала свое толкованіе статьѣ, принятой конференціей 7 дек. 1912 г. Тогда было рѣшено, что «Сербіи будетъ предоставленъ торговый выходъ къ морю чрезъ свободный и нейтральный албанскій портъ, который будетъ обслуживаемъ международной желѣзнодорожной линіей подъ европейскимъ контролемъ и подъ охраной спеціальной международной стражи съ обезпеченіемъ свободнаго транзита и безпошлиннаго ввоза всѣхъ товаровъ, въ томъ числѣ и военныхъ припасовъ». Теперь, въ іюнѣ 1913 г., это право Сербіи было подвергнуто извѣстнымъ ограниченіямъ, которыя свелись къ нѣсколькимъ «толкованіямъ» формулы 7 дек. 1912 г. 1) «Если нейтралитетъ будущей Албаніи допуститъ возведеніе укрѣпленій для защиты страны, то относительно торговаго порта, обслуживаемаго международной желѣзной дорогой, будетъ установлено особое положеніе, запрещающее укрѣпленіе этого порта». Самый портъ оказывался уже вовсе не сербскимъ: въ постройкѣ желѣзной дороги должны были участвовать шесть великихъ державъ, Сербія и Албанія, при чемъ гарантировалось «всѣмъ государствамъ свободное пользованіе указанной желѣзной дорогой и портомъ одинаковымъ образомъ, на равныхъ условіяхъ и во всякое время». И надъ дорогой, и надъ портомъ устанавливался международный контроль, и даже право Сербіи на провозъ военныхъ припасовъ было совершенно уничтожено «толкованіемъ» рѣшенія, вынесеннаго 7 дек. 1912 г., которое гласило: «Свобода транзита военныхъ припасовъ не вызываетъ возраженій въ принципѣ, пока воюющими государствами признаются права осмотра и призовое по отношенію ко всѣмъ торговымъ судамъ, до входа ихъ въ портъ, обслуживаемый международной желѣзной дорогой». Естественно, что сербское общественное мнѣніе отнеслось совершенно отрицательно къ перспективамъ такого выхода въ Адріатическое море. «Мы не можемъ забывать, что въ новой албанской столицѣ часто можетъ дѣлаться то, что угодно Вѣнѣ. А мы знаемъ, чего тамъ желаютъ сербскому народу. Поэтому прежде всего нужно обезпечить сербскому ввозу и вывозу свободный проходъ черезъ *сербскія* земли (т.-е. Черногорію)». Это мнѣніе сербской газеты (Одјек. 27 февр. 1914 г.), несомнѣнно, раздѣлялось широкими кругами сербскаго общества.

Въ виду такого положенія вещей, Сербія была вынуждена искать другой выходъ для своей торговли. Она надѣялась найти его въ Солуни, для чего сербское правительство вступило въ сношенія съ греческимъ. Въ результатѣ переговоровъ, которые велись весной 1914 г., было достигнуто (въ началѣ мая) полное соглашеніе на слѣдующихъ основа-

---

[1]) Описаніе новоприобрѣтенныхъ земель, названныхъ Новой Сербіей, см. въ обстоятельномъ трудѣ І. Дедијера. «Нова Србија». Београд. 1913. (Српска Књижевна Задруга. Коло XXII, број 154).

ніяхъ: Сербія сохраняла всѣ тѣ льготы, какими пользовалась по конвенціи 1 окт. 1883 г. между Австріей, Болгаріей, Сербіей и Турціей (эта конвенція была отмѣнена въ 1910 г.), часть Солунской гавани предназначалась спеціально для сербской торговли, при чемъ Сербія получала право пользоваться этой частью лишь для экономическихъ, но не для политическихъ цѣлей; циркуляція вагоновъ изъ Сербіи могла совершаться безъ всякаго осмотра на сербско-греческой границѣ; предполагалось проведеніе новой желѣзнодорожной линіи для соединенія Старой Сербіи съ Гюменджи и Солунью; наконецъ, Сербія получала извѣстныя уступки при вывозѣ скота и продуктовъ земледѣлія изъ Солуни. До извѣстной степени это облегчало сербскую торговлю, но въ политическомъ отношеніи ставило Сербію въ зависимость отъ Греціи, тѣмъ болѣе что конвенція имѣла лишь сербско-греческое значеніе и была лишена международнаго характера. Особенно труднымъ оставалось положеніе Сербіи въ вопросѣ о провозѣ военныхъ припасовъ: со всѣхъ сторонъ окруженная на сушѣ, Сербія, естественнымъ образомъ, должна была стремиться къ государственному или, по крайней мѣрѣ, тѣсному политическому единенію съ родственной Черногоріей, прилегающей къ морю. И дѣйствительно, въ іюнѣ 1914 года появились въ иностранныхъ газетахъ («Figaro», «Vossische Zeitung») сообщенія о предстоящей въ ближайшемъ будущемъ уніи между Сербіей и Черногоріей. Согласно этимъ сообщеніямъ, предстояло объединеніе финансовъ и военнаго дѣла двухъ королевствъ. Въ Австріи эти извѣстія вызвали большую тревогу и рѣшимость помѣшать осуществленію уніи, какимъ бы то ни было способомъ.

Послѣ войны пришлось заняться устройствомъ новоприобрѣтенныхъ областей, въ населеніи которыхъ королевство пріобрѣло многочисленный чужеродный элементъ, мусульманъ сербовъ, турокъ и албанцевъ и католиковъ албанцевъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Сербіи мусульманское населеніе издавна славилось своей фанатичностью и приверженностью къ Турціи, такъ что передъ сербскимъ правительствомъ стояла весьма трудная задача умиротворенія страны съ необычайно пестрымъ этнографическимъ составомъ. Здѣсь есть и румыны (аромуны), и турецкіе переселенцы изъ Малой Азіи (коніяры въ Македоніи изъ г. Коніи), и полуэллинизированные сербы, и албанцы, и обалбанившіеся славяне и др. Среди же славянъ часть признаетъ себя сербами, часть болгарами [1]). Противъ этихъ послѣднихъ сербская власть въ новыхъ областяхъ допустила не мало насилій, которыя вызвали негодованіе въ кругахъ, интересующихся славянствомъ [2]). Точно такъ же въ борьбѣ съ мусульманскимъ фанатизмомъ сербскія военныя власти примѣнили чрезвычайно суровыя мѣры, которыя, повидимому, имѣли цѣлью сразу показать мусульманамъ, что имъ придется склониться передъ новой твердой властью и отвыкнуть отъ прежнихъ пріемовъ и произвола.

Формально конституція 5 іюня 1903 года была введена въ Новой Сербіи уже 20 ноября 1913 года, послѣ того какъ 25 августа король сербскій провозгласилъ аннексію завоеванныхъ областей (до подписанія мирнаго договора съ Турціей). Вмѣстѣ съ конституціей 1903 г. были введены и сербскіе законы о податяхъ, таможенныя пошлины и т. п.: однимъ словомъ, весь тотъ государственный аппаратъ, который посте-

---

[1]) Населеніе сѣверной части Косовскаго вилайета, распредѣленнаго между Сербіей и Черногоріей, состояло въ 1908 г. изъ 676 тыс. чел. (480 тыс. мусульманъ, 180 т. православныхъ сербовъ, 1.100 цинцаръ-румынъ и 15 тыс. католиковъ-албанцевъ). Ср. «Слав. Изв.». 1913. № 53.

[2]) См., напр., рѣзкій, страстный выпадъ въ «Славянскихъ извѣстіяхъ» (№ 49 за 1913 г.) или статьи о Македоніи въ органѣ совершенно другого направленія, «Вѣстникѣ Европы», и т. п.

пенно вырабатывался на почвѣ сербскаго королевства, и который оказывался иногда совсѣмъ непригоднымъ для земельныхъ и частноправовыхъ отношеній Старой Сербіи. Вслѣдствіе этого получились кое-гдѣ результаты, совершенно неожиданные для сербскаго правительства. Какъ сообщаетъ бѣлградскій корреспондентъ чешской газеты «Národní Listy» (4 февр. 1914 г.), «сербскій элементъ вмѣсто того, чтобы усилиться, падаетъ и уступаетъ мѣсто греческому, такъ что не исключена возможность, что кадръ сербскаго мѣщанства останется только въ деревняхъ, а города пріобрѣтутъ въ торговомъ отношеніи греческую окраску». Сверхъ того, слѣдуетъ отмѣтить, что распространеніе конституціи на новыя области имѣло довольно узкій характеръ: вводились права гражданина, какъ личности, но политическія права сербскихъ гражданъ вовсе не распространялись на жителей Новой Сербіи. Напротивъ, правительство хотѣло сохранить за собой законодательную власть въ этихъ провинціяхъ, и въ декабрѣ 1913 г. внесло въ Скупщину «Законъ о присоединеніи Старой Сербіи къ Сербскому королевству и объ управленіи въ ней». По этому закону правительство получало право вводить въ Старой Сербіи въ теченіе 10 лѣтъ своей властью распоряженія, имѣющія силу закона, съ обязательствомъ лишь сообщать о нихъ Народной Скупщинѣ въ началѣ каждаго созыва; кромѣ того, власть получала право измѣнить даже, отчасти или цѣликомъ, конституцію и законы королевства въ примѣненіи къ новымъ областямъ, хотя всякая такая перемѣна должна была пройти обычнымъ законодательнымъ путемъ. Правительство могло назначать чиновниковъ безъ обязательныхъ квалификацій, освобождать ихъ отъ налоговъ и т. п. Однимъ словомъ, за блестящими словами о введеніи конституціи въ Новой Сербіи скрывалась весьма неказистая подкладка полнаго произвола, который долженъ былъ господствовать въ Новой Сербіи въ продолженіе десяти лѣтъ. Послѣ громкихъ словъ сожалѣнія о Босніи и Герцеговинѣ это производило впечатлѣніе особенно рѣзкаго контраста. Если гражданское правительство сербскаго королевства, видя такое ненормальное положеніе вещей, стремилось скорѣе покончить съ нимъ и перейти къ конституціоннымъ формамъ управленія въ завоеванныхъ областяхъ, то, напротивъ, военная партія страны настаивала на сохраненіи исключительнаго положенія въ нихъ. Это уже привело къ парламентскому кризису весной 1914 года и могло явиться для Сербіи источникомъ дальнѣйшихъ внутренне-политическихъ осложненій.

Однимъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, который всталъ передъ новой Сербіей, сдѣлался желѣзнодорожный. Желѣзнодорожная сѣть сербскаго королевства очень невелика: кромѣ двухколейнаго пути, магистрали между Вѣной и Константинополемъ, въ Сербіи имѣются три ширококолейныя желѣзныя дороги (В. Плана—Смедерево, Лапово—Крагуевацъ, Сталацъ—Крушевацъ) общей сложностью 88 километровъ, да нѣсколько узкоколейныхъ путей. Строилась желѣзная дорога изъ Ниша въ Крушевацъ. Съ пріобрѣтеніемъ Новой Сербіи королевство получило около 350 килом. желѣзнодорожныхъ путей, которые находились въ эксплуатаціи «Общества восточныхъ желѣзныхъ дорогъ». Это послѣднее обстоятельство оказалось чрезвычайно неудобнымъ для сербскаго правительства, такъ какъ на новой сербской территоріи, благодаря ему, хозяйничали иностранцы. Желая фактически осуществлять права хозяина въ этой области, Австрія скупила большую половину акцій восточныхъ дорогъ и пріобрѣла возможность такимъ образомъ вліять на установленіе тарифовъ и вообще эксплоатацію этихъ линій. А такъ какъ послѣднія направляются на югъ, къ открытому для Сербіи Солунскому порту, то австрійское вмѣшательство въ сербскія желѣзнодорожныя дѣла могло грозить по-

стоянными осложненіями. На этой почвѣ, какъ и въ албанскомъ вопросѣ, дѣло дошло (въ дек. 1913 г.) до остраго столкновенія между Сербіей и Австріей, которая настаивала на введеніи на восточныхъ дорогахъ тарифа, какой былъ передъ войной. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ переговоровъ, чтобы, наконецъ, и этотъ вопросъ перешелъ въ стадію мирнаго разрѣшенія. Именно, къ концу мая 1914 года выяснилось, что Сербія выкупаетъ по договоренной цѣнѣ эти дороги и становится ихъ полной собственницей. Однако, помимо этого, сербское правительство (въ засѣданіи кабинета 7 марта 1914 г.) пришло къ рѣшенію провести еще 6 желѣзнодорожныхъ линій: 1. Скопле—Тетово—Гостиваръ—Кичево—Прилѣпъ—Битоль; 2. Мрдаре—Приштина—Призренъ; 3. Митровица—Рашка—Новый Базаръ—Сѣница—Прибой—Ужицъ; 4. Битоль—Прилѣпъ—Кавадарце—Неготинъ—Грацко—Штипъ—Кочане; 5. Пожаревацъ—Майданъ Пекъ—Милошева Кула—Штубикъ—Неготинъ—Прахово; 6. Штубикъ—Брза Паланка—Мостъ. Для проведенія этихъ линій потребовалось бы около 300 мил. дин., которые сербское правительство думало достать путемъ внѣшняго займа. При этомъ считалось спѣшнымъ и неотложнымъ дѣломъ созданіе этой сѣти, обѣщавшей Сербіи богатое экономическое будущее. Для стремленія сербскаго королевства возможно скорѣе устроить всѣ свои важнѣйшія дѣла этотъ грандіозный планъ былъ очень характеренъ: Сербія старалась освободиться со всѣхъ сторонъ отъ австрійскаго гнета. Съ той же цѣлью она поспѣшила заключитъ конкордатъ съ Ватиканомъ объ устройствѣ католической церкви. Покровительство католикамъ въ Оттоманской имперіи принадлежало австрійскому императору, и потому, заключеніе непосредственныхъ дипломатическихъ отношеній съ Ватиканомъ имѣло для Сербіи большее значеніе. Вопросъ былъ рѣшенъ въ маѣ 1914 года въ томъ смыслѣ, что учреждалось одно архіепископство въ королевствѣ и два въ Новой Сербіи, языкомъ богослуженія служилъ славянскій, дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ производились на итальянскомъ языкѣ. Заключенъ конкордатъ 11 (24) іюня того же года, при чемъ вѣнская печать не скрывала, что заключеніе его представляетъ новое дипломатическое пораженіе Австріи въ ея длящемся конфликтѣ съ Сербіей. При столь энергичной и быстрой работѣ, которая совершалась въ Сербіи въ послѣдніе годы, всѣ принципіальныя противорѣчія выступали съ особенной силой. Кабинетъ Пашича, который провелъ войну и всѣ дальнѣйшія перипетіи сложныхъ международныхъ отношеній, столкнулся съ военной партіей, не желавшей введенія гражданскаго управленія въ Старой Сербіи, а также съ либеральной оппозиціей радикальной демократіи, ставившей въ вину кабинету неконституціонное поведеніе при обсужденіи бюджета. Уже въ декабрѣ 1913 г. дѣло дошло до парламентскаго кризиса. Вождь радикальной партіи, Л. Давидовичъ, въ объясненіяхъ съ королемъ (18 дек. 1913 г.) указалъ на то, что «проектъ закона (объ управленіи Старой Сербіи) противенъ конституціи», и что роспускъ палаты и новые выборы не дали бы правительственной партіи большинства. На этотъ разъ кризисъ удалось затушить, и Пашичъ остался у власти. Но въ дѣйствительности кризисъ парламентской жизни продолжался и 5 мая 1914 г. вспыхнулъ съ новой силой. На этотъ разъ дѣло дошло до рѣзкаго столкновенія между оппозиціей и правительствомъ, хотя послѣднее имѣло за собой большинство. Представитель оппозиціи указывалъ на недовольство офицерства правительствомъ, на безсиліе послѣдняго открыть злоупотребленія въ офицерскомъ обществѣ (Офицерска Задруга). А когда министръ юстиціи въ своемъ опроверженіи рѣзко высказался объ оппозиціи, въ Скупщинѣ разыгрались такія дикія сцены, что засѣданіе ея пришлось закрыть. Въ разыгравшейся борьбѣ радикально-демократическая партія

выступила противъ правительства съ обвиненіемъ, что оно намѣренно преслѣдуетъ офицерство изъ ненависти къ нему, и кабинету пришлось оправдаться, а органу правительства «Самоуправѣ» напоминать (20 мая 1914 г.) о режимѣ до іюньскаго переворота 1903 г., предостерегать противъ «экспериментовъ, которые въ прошломъ всегда давали отрицательные результаты». Въ виду происходившаго, кабинетъ Пашича подалъ въ отставку, но король (28 мая) выразилъ свое довѣріе Пашичу, который, такимъ образомъ, остался во главѣ правительства. Этимъ кризисъ былъ разрѣшенъ. 11 іюня Скупштина была распущена съ назначеніемъ новыхъ выборовъ на 1 августа и созывомъ новой сессіи Скупштины въ началѣ сентября [1]).

17 декабря 1914 года сербскій регентъ, королевичъ Александръ, провозгласилъ конституцію въ новоприсоединенныхъ областяхъ. Это провозглашеніе мотивировалось преданностью солдатъ изъ этихъ областей сербскому королевству. Какъ доказательство благодарности правительства къ нимъ, имѣлось въ виду «предоставленіе имъ политическихъ правъ, совершенно равныхъ тѣмъ, которыми пользуются граждане Сербіи-Освободительницы».

---

[1]) Изъ болѣе старыхъ сочиненій о Сербіи особенно цѣнны ген. Обсянаго. «Сербія и сербы», 1898; I. Mallat. La Serbie contemporaine. 2 тома. 1902, описанія Сербіи (на сербскомъ языкѣ) Миличевича (1876 и 1884) и Карича (1888). Обширное этнографическое и археологическое описаніе Сербіи въ трехтомномъ сочиненіи Kanitz. «Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart». 3 тома. 1904 и дал. Это, скорѣе, путешествіе по Сербіи, нежели систематическое описаніе ея быта, и пользоваться трудомъ Канитца довольно мудрено, такъ какъ свѣдѣнія о бытѣ населенія почерпнуты имъ въ разное время и сообщаются попутно при описаніи исторіи и археологіи разныхъ мѣстъ.

XV.

Черногорское королевство.

Изъ литературы: *П. Ровинскій.* Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. I—II. 1888—1905. изданіе Имп. Акад. Наукъ (подробное географическое описаніе, этнографія, археологія и исторія; «настоящее», т.-е. современный политическій и экономическій бытъ Черногоріи, не описанъ въ колоссальномъ трудѣ Ровинскаго, проведшаго многіе годы своей жизни въ странѣ; сочиненіе его представляетъ весьма цѣнный, единственный въ своемъ родѣ трудъ по точности и детальности описанія страны и населенія). *М. Петровичъ.* По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. 1903. *Т. Божовићъ и І. Джоновићъ.* Црна гора и напредни покрет. 1911. *А. Погодинъ.* Черногорія. 1900—1910 въ изданіи «Исторія нашего времени». Вып. XIII *В.* Современная Черногорія. Славянскія Извѣстія. 1913. №№ 42, 46, 47. Iv. Hoic. Slike iz obcega zemljopisa. Кн. V, dio II. Bugarska. Srbija. Crna Gora. Zagreb. 1900. I. Svátek. Černá Hora a Skadar. 1914 (довольно поверхностное описаніе путешествія). Въ «Сербскомъ этнографическомъ сборникѣ» нѣсколько монографій посвящено Черногоріи. По старой исторіи Черногоріи рядъ весьма цѣнныхъ монографій (Томича, Вл. Джорджевича и др.) въ изданіяхъ Сербской Корол. Академіи: «Гласъ», «Зборник за историју, језик и књижевност српскаго народа» и др. См. литературныя указанія *въ трудахъ проф. Нидерле и Флоринскаго.*

Прошлое Черногоріи тѣсно связано съ исторіей Сербіи. Зета, упоминаемая Константиномъ Багрянороднымъ и другими историками, какъ одна изъ сербскихъ областей, была наслѣдіемъ Нѣманичей. Ею владѣли и Стефанъ Нѣманя, и послѣдній славный представитель династіи, Стефанъ Душанъ. Когда же послѣ смерти его сербское царство стало распадаться, то намѣстникъ Душана, Балша, былъ провозглашенъ зетскимъ государемъ. Такъ Черногорія—Зета въ половинѣ XIV в. становится самостоятельнымъ господарствомъ, во главѣ котораго стоятъ потомки Балши, Балшичи, принимающіе дѣятельное участіе въ борьбѣ сербскаго племени съ надвигающейся турецкой опасностью. Со смертью послѣдняго Балши (1421) Зета попадаетъ подъ власть сына князя Лазаря, деспота и поэта Стефана Лазаревича. Турки все болѣе тѣснятъ сербовъ, и они массами стремятся въ неприступныя горы Черногоріи, которыя получаютъ значеніе крѣпости сербскаго національнаго и религіознаго самосознанія. Черногорцы не идутъ ни на какіе компромиссы съ турками, и выбираютъ своимъ господаремъ, послѣ смерти Стефана Лазаревича, человѣка, не признающаго турецкой власти, Степана Черноевича. О Черноевичахъ до сихъ поръ хранитъ память сербская народная эпика, какъ о большихъ геройхъ. Они покидаютъ равнинныя мѣста, переселяются въ самыя неприступныя мѣсности Черногоріи, которая

съ этого времени получаетъ свое названіе, основываютъ монастырь и замокъ въ Цетиньѣ. Черноевичи ревностно борются за сохраненіе православія въ своей странѣ, тщательно обособляются отъ малодушныхъ членовъ рода, принимающихъ мусульманство; въ Черногоріи, въ городѣ Ободѣ, выходитъ первопечатная православная кирилловская книга Октоихъ въ 1494 г.

Однако Черносвичи не могли вынести тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ протекала ихъ дѣятельность въ горномъ гнѣздѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ врагами. Они передали свою власть черногорскому митрополиту, а сами уѣхали въ Венецію. Номинально Черногорія въ 1516 г. вошла въ составъ турецкой имперіи. Положеніе славянства на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіе двухъ вѣковъ было безнадежно; это было время наибольшаго расцвѣта османскаго государства. Но Черногорія сумѣла отстоять свою внутреннюю независимость подъ единственно возможной тогда властью церковной: митрополиты одинъ за другимъ передавали свою власть надъ страной. Въ концѣ XVII в. на Востокѣ поднимается заря свободы; побѣды Петра Великаго надъ турками внушаютъ радостныя, еще несбыточныя надежды угнетеннымъ славянскимъ народамъ, а въ Черногоріи есть свое внутреннее бѣдствіе, отъ котораго стремятся освободиться вѣрные православію и народности люди: это потурченные, предатели родины. Въ 1703 г. владыка Данило Нѣгошъ, сговорившись со старѣйшинами народа, рѣшилъ вырвать съ корнемъ эти злые ростки: потурченные были окружены, перебиты или обращены въ христіанство. Это событіе, воспѣтое, какъ важнѣйшій актъ національной исторіи, черногорскимъ митрополитомъ, поэтомъ Петромъ Петровичемъ Нѣгушемъ (поэма «Горски Вијенац»), составляетъ эпоху въ національномъ пробужденіи Черногоріи. Съ владыки Данила начинаются также оживленныя отношенія между Черногоріей и Россіей, которыя выразились въ денежной и книжной помощи черногорскимъ митрополитамъ со стороны Россіи. И черногорцы платили Россіи горячей преданностью. Въ Черногоріи господствовалъ совершенно патріархальный строй; племена управлялись своими старѣйшинами. Венеція питала какія-то претензіи на Черногорію, но онѣ сводились лишь къ тому, что одинъ изъ старѣйшинъ носилъ наслѣдственный титулъ «guvernadur» (управитель). Въ продолженіе двухъ вѣковъ, съ владыки Данила, во главѣ страны, какъ объединяющее начало, стоитъ митрополичья династія Нѣгушей Петровичей, гдѣ власть переходила отъ дяди къ племяннику. Въ половинѣ XIX в. власть переходитъ къ чрезвычайно даровитому человѣку, выше упомянутому Петру Петровичу Нѣгушу, который вводитъ въ странѣ нѣкоторыя новыя учрежденія (напр., законникъ) и одерживаетъ рядъ побѣдъ въ борьбѣ съ турками. Онъ задумалъ превратить Черногорію въ свѣтское княжество и послалъ своего родственника, Данило, въ Петроградъ. Имп. Николай I согласился признать Данило свѣтскимъ княземъ. Сопротивленіе Турціи было сломлено битвами и усиліями австрійской и русской дипломатіи, и съ 1853 г. Черногорія превратилась въ княжество. Новое княжество сразу ознаменовало свое возникновеніе блестящей побѣдой надъ турками при Граховцѣ. Съ Черногоріей начали считаться и въ Европѣ, благодаря осторожной и тонкой политикѣ князя Данила. Когда же этотъ послѣдній былъ убитъ, и на престолъ вступилъ въ 1860 г. его племянникъ, князь Николай, здравствующій и понынѣ, Черногорія получила въ лицѣ его чрезвычайно искуснаго дипломата. Правда, князь Николай Черногорскій былъ человѣкомъ стараго закала, оставался чуждъ конституціоннымъ стремленіямъ, смотрѣлъ на управленіе черезчуръ патріархально, и въ княжествѣ видѣлъ, собственно, свою вотчину, но его заслуги передъ родиной, особенно въ прошломъ, громадны: онъ

наполнилъ весь міръ славой черногорскаго оружія и заставилъ видѣть въ Черногоріи одно изъ важнѣйшихъ адріатическихъ государствъ, дружба котораго покупается иногда дорогой цѣной. Деспотъ въ восточномъ духѣ, не допускающій противорѣчія своей волѣ и смотрящій на государственную казну почти, какъ на свою собственную, князь Николай былъ идеальнымъ государемъ для Черногоріи въ періодъ ея элементарной борьбы за независимость, но когда эта независимость была добыта (по Берлинскому трактату), когда вообще наступила эпоха мирнаго культурнаго строительства, тогда князь Николай оказался уже не на высотѣ задачи. Лавируя между Россіей и Австріей, получая денежную помощь отъ обоихъ государствъ, прикидываясь пламеннымъ поклонникомъ Россіи и вѣрнымъ другомъ ея, удостоившись отъ имп. Александра III памятнаго заявленія дружбы, Черногорскій князь не брезговалъ весьма двусмысленными отношеніями съ Австро-Венгріей. [1]) И, тѣмъ не менѣе, признавая всѣ отрицательныя стороны этого долголѣтняго царствованія, все несоотвѣтствіе его современнымъ культурнымъ требованіямъ, нельзя не отмѣтить, что при немъ Черногорія достигла прямо невѣроятнаго значенія. Онъ сильно расширилъ предѣлы княжества. Еще въ 1853 г. при князѣ Данилѣ Черногорія пріобрѣла Никшичскую жуну, въ 1878 г. по Берлинскому трактату она получила Подгорицу, Никшичъ и Антивари, а въ 1880 г. еще заливъ Дульциньо Адріатическаго моря, съ общимъ протяженіемъ берега въ 25 км. Онъ же въ 1905 г. далъ Черногоріи и конституцію; въ 1909 г., во время аннексіоннаго кризиса, Антивари было освобождено отъ всякаго австрійскаго контроля, тяготѣвшаго на немъ по Берлинскому трактату; въ 1910 г., въ юбилейный годъ пятидесятилѣтія княженія Николая Черногорскаго, онъ провозгласилъ себя, по просьбѣ Народной Скупщины, королемъ. Наконецъ, по Бухарестскому миру 1913 года послѣ геройской войны, въ которой престарѣлый король сумѣлъ проявить свой военный даръ, Черногорія пріобрѣла 7 тыс. кв. килом. съ населеніемъ въ 200 тыс. человѣкъ; королю черногорскому удалось мирно размежеваться съ Сербіей, хотя одно время отношенія между этими государствами становились натянутыми. Все это такія заслуги, передъ которыми долженъ замолкнуть голосъ справедливаго осужденія личности и деспотизма Николая Черногорскаго.

Поверхность Черногорскаго королевства послѣ войны занимаетъ 16 тыс. кв. кл., населеніе его составляетъ около 500 тыс. душъ. Главнымъ занятіемъ населенія является сельское хозяйство, стоящее еще на очень примитивномъ уровнѣ. На планинахъ пасутся стада овецъ и скотъ. Русскій путешественникъ, М. Петровичъ, слѣдующими чертами описываетъ одну изъ типическихъ мѣстностей Черногоріи (около с. Нѣгушей). «Обработанныя подъ хлѣбъ и овощи мѣста здѣсь очень невелики; они разбросаны по Нѣгушской равнинѣ и по склонамъ окружающихъ ее горъ. Здѣсь сѣютъ ячмень, рожь, пшеницу и кукурузу, разводятъ капусту и картофель. Послѣдній сталъ извѣстенъ въ Черногоріи не такъ давно: именно, въ концѣ прошлаго XVIII столѣтія, при владыкѣ Петрѣ I. Въ короткое время, впрочемъ, картофель вошелъ во всеобщее употребленіе, и теперь составляетъ весьма важный жизненный продуктъ для Черногоріи. Суровый климатъ, вслѣдствіе высокаго положенія Нѣгушской равнины, лежащей болѣе, чѣмъ на 900 м. надъ уровнемъ моря, и каменистая почва препятствуютъ развитію земледѣлія, и жители занимаются больше торговлею, перевозкою и переноскою товаровъ изъ Кат-

[1]) Объ Австро-Черногорскомъ тайномъ договорѣ 1907 г. см. Herzog von St.-Sava. Livre Noir Livraison I. 1912.

таро въ Цетинье и обратно. Что же касается покосовъ, то ихъ здѣсь совсѣмъ не существуетъ, а вмѣсто того жнутъ серпомъ и вяжутъ въ снопы особенную траву вишъ (Lasiagrostis или Calamagrostis), растущую клочками между скалъ, добываніе которой крайне затруднительно и сопряжено даже съ опасностью для жизни: случается, что женщина, карабкаясь за вишемъ, обрывается и получаетъ увѣчья, а иногда убивается до смерти. Вишъ довольно питательная, но очень жесткая трава, такъ что лошади, не привыкшія къ ней, сначала не ѣдятъ ея». О характерѣ земледѣлія въ Черногоріи М. Петровичъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей: «Нерѣдко черногорецъ приготовляетъ ниву въ какомъ-нибудь небольшомъ углубленіи между скалъ, куда переноситъ плодородную почву изъ сосѣднихъ трещинъ, рытвинъ, и такимъ образомъ создаетъ крошечную ниву. Иногда весь склонъ горы покрывается нѣсколькими десятками маленькихъ нивъ, расположенныхъ террасами. Встрѣчаются такія маленькія площадки обработанной земли, что онѣ болѣе походятъ на ящички или корзинки съ насыпанною землею, чѣмъ на нивы». Скотоводство Черногоріи точно такъ же лѣпится по склонамъ горъ и на горныхъ равнинахъ. Растительность скудна. «Изъ деревянистыхъ растеній по пути встрѣчаются дубъ, китайскій ясень, кленъ, карликовая бузина, букъ, можжевельникъ и особенно почитаемое въ Черногоріи каменное дерево. Послѣднее растетъ на самыхъ голыхъ каменистыхъ мѣстахъ и своею чрезвычайно богатою листвою даетъ густую тѣнь,—единственное убѣжище отъ лѣтняго знойнаго солнца въ этихъ голыхъ мѣстностяхъ. Подъ нимъ нерѣдко встрѣчаются отдыхающими рядомъ и человѣкъ, и стадо овецъ и козъ...»

Однако, имѣются въ Черногоріи и очень плодородныя мѣстности. Такъ на плоскогоріи Затрѣбачъ (на высокомъ плато Кучскомъ-Повершьѣ) «земли для хлѣбопашества весьма мало, но земля чрезвычайно плодородна» (Ровинскій I. 91); въ горной области Кома «въ послѣднее время сильно принялись за хлѣбопашество и всюду, гдѣ только есть малѣйшая возможность, устраиваютъ орошенье своихъ нивъ»; въ долинѣ средней Зеты расположена, по словамъ того же знатока Черногоріи, «роскошнѣйшая равнина съ толстымъ земляным слоемъ, подъ которымъ на глубинѣ сажени и болѣе не найдешь камня; вся она покрыта самою сочной травянистой растительностью и лѣсомъ»... Пейзажъ Черногоріи поражаетъ своей пустынностью. «Живя долго тамъ, привыкаешь къ этому и какъ-то не замѣчаешь, но на новаго человѣка это производитъ впечатлѣніе», говоритъ Ровинскій (I. 305).

Въ тѣхъ условіяхъ патріархальной жизни, въ какихъ живетъ громадное большинство черногорскаго населенія, государственный строй долгое время оставался столь же патріархальнымъ. Фактически полнымъ распорядителемъ судебъ страны, вождемъ и судьей, законодателемъ и вершителемъ исполнительной власти являлся князь. Лишь постепенно въ Черногоріи складывался нѣсколько иной режимъ, менѣе патріархальный. Въ 1879 г. Николай учредилъ въ своей странѣ государственный совѣтъ, министерства и великій судъ. Въ совѣтѣ участвовали всѣ министры и другія высшія должностныя лица по назначенію князя; на немъ лежала законодательная и высшая наблюдательная власть; засѣданія собирались княземъ и происходили подъ его предсѣдательствомъ, такъ что по существу государственный совѣтъ составлялъ личный совѣтъ князя. Министровъ было шесть (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и военный); всѣ они входили въ составъ совѣта и были лишь исполнителями воли князя. Наконецъ, великій судъ судилъ всѣ преступленія, выходившія за предѣлы компетенціи низшихъ, срезскихъ (уѣздныхъ) судовъ. Такимъ образомъ, вся власть въ странѣ

находилась въ близкомъ и непосредственномъ подчиненіи у князя. Этотъ послѣдній немало сдѣлалъ и для улучшенія правосудія въ странѣ, гдѣ господствовало обычное право. По его порученію извѣстный изслѣдователь южно-славянскаго обычнаго права, проф. Богишичъ, разработалъ гражданскій законникъ, торжественно введенный въ Черногоріи въ 1888 году подъ названіемъ «Општи имовински закон за Црну Гору».

Когда въ 1905 г. въ Россіи было введено народное представительство, то и князь Николай почти немедленно (6 декабря) обнародовалъ конституцію для Черногоріи [1]). Этому акту предшествовало 18 октября обращеніе къ народу (проглас народу Црногорскоме). Въ тронной рѣчи (престольной бесѣдѣ) князя 6 декабря сказалось весьма характерное отношеніе его къ акту, который онъ обнародовалъ: «Я дарую моему народу конституцію (уставъ), чтобы онъ пользовался ею мудро и почтенно, чтобы онъ гордился и славился ею, какъ мирнымъ и Богомъ благословеннымъ пріобрѣтеніемъ, о которомъ никто въ моей землѣ (раньше) и не думалъ, что является наилучшимъ доказательствомъ, что самодержавіе никому не было тяжко, кромѣ меня, въ виду огромной моей отвѣтственности. И пусть всякій будетъ увѣренъ, что эта конституція не есть дѣло одной ночи или результатъ подражанія современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, какъ могли бы подумать иные непросвѣщенные люди. Это исключительно произведеніе моего личнаго убѣжденія...» При такой точкѣ зрѣнія князю Николаю ничто не мѣшало и взять назадъ то, что онъ далъ. Это была просто игра въ конституцію, игра, которая должна была привести къ немедленному конфликту князя съ обществомъ, принимавшимъ всерьезъ государственное дѣло. Борьба за конституцію въ дѣйствительности велась черногорской интеллигенціей уже давно, еще съ 1882 г. Послѣ того, какъ законодательствомъ 1879 г. была уничтожена первоначальная форма народнаго представительства, скупщина, началась борьба за возстановленіе ея; появились политическіе эмигранты, пошли политическіе процессы. Этотъ общественный протестъ все возросталъ къ концу вѣка: двусмысленная политика князя Николая, лавировавшаго между Россіей и Австріей, безобразное состояніе государственныхъ финансовъ, обремененныхъ иностранными займами, которые князь заключалъ самовольно, тратилъ безконтрольно и уплачивалъ неаккуратно; упорное сопротивленіе его культурнымъ нововведеніямъ подъ предлогомъ, будто бы черногорскій народъ ничего лучшаго не желаетъ,— все это для молодыхъ поколѣній дѣлало пребываніе въ Черногоріи невыносимымъ; они эмигрировали за границу, въ Бѣлградъ, увозя ожесточенную ненависть къ режиму и къ князю Николаю; простой народъ эмигрировалъ въ Америку, не находя заработка дома. И вотъ въ 1905 г. издается наспѣхъ составленная по сербскимъ образцамъ конституція.

«Устав за кньажевину Црну Гору» состоитъ изъ 122 статей. Черногорское княжество (съ 1910 г. королевство) объявляется здѣсь «наслѣдственной конституціонной монархіей съ народнымъ представительствомъ». Статья 41, опредѣляя народное представительство, какъ народную скупщину, которая замѣняетъ прежнія народныя собранія, вѣче и т. д., стремится связать конституцію 1905 г. съ народно-обычнымъ правомъ. Народные представители избираются на 4 года, но скупщина состоитъ не только изъ нихъ, но и изъ лицъ, назначаемыхъ княземъ, право голосованія имѣетъ всякій совершеннолѣтній черногорскій гражданинъ, но быть избираемымъ можетъ лишь тотъ, кто достигъ 30-лѣтняго

[1]) Кромѣ упомянутой выше книги «Црна гора и Напредни Покрет», представляющей точку зрѣнія непримиримой оппозиціи, о конституціи Черногоріи см. соотвѣтствующій отдѣлъ въ книгѣ «Slovanstoo», а также С. С. Бобчевъ «Държавният строй и новата конституция въ Черна-Гора» (Юридически прѣгледъ. 1906).

возраста, уплачиваетъ не менѣе 15 кронъ (Черногорія пользуется австрійской денежной системой) прямыхъ налоговъ и постоянно живетъ въ Черногоріи. Что касается законодательной инициативы скупщины, то объ этомъ конституція 1905 года говоритъ довольно туманно: «Формальные законопроекты исходятъ *только* отъ правительства, но и скупщина можетъ предлагать таковые правительству». Правительство имѣетъ право брать назадъ законопроекты, которые въ скупщинѣ будутъ снабжены исправленіями или дополненіями, непріемлемыми для него; отвергнутые законопроекты скупщина можетъ опять внести въ скупщину, но съ измѣненіями. Само собой разумѣется, что министерской отвѣтственности передъ скупщиной черногорская конституція не признаетъ, хотя не отрицаетъ прямо права запросовъ. Между строкъ во всей черногорской конституціи проходитъ стремленіе сохранить за княземъ побольше безотвѣтственной власти. Такъ, очень чувствительный къ праву заключать займы безъ согласія скупщины князь обусловилъ ст. 93 устава право дѣлать сверхсмѣтные займы на сумму до 50 тыс. кронъ съ обязательствомъ только сообщать объ этомъ народному представительству. Это право князя не ограничено никакимъ срокомъ: онъ можетъ производить такіе займы хоть 365 разъ въ году. Черезъ нѣсколько времени послѣ изданія конституціи, въ 1906 году былъ обнародованъ избирательный законъ, и 18 окт. 1906 г. собралась первая скупщина [1]).

Послѣ этого, на нѣсколько лѣтъ Черногорія становится ареной ожесточенной политической борьбы: князь Николай, считавшій себя отцомъ и благодѣтелемъ народа, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что кто-нибудь вторгнется въ его права, которыя въ его глазахъ оставались неизмѣнными и послѣ изданія конституціи. Что же касается тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые вошли въ скупщину, особенно прежнихъ политическихъ эмигрантовъ, вернувшихся изъ Сербіи, то они менѣе всего склонны были къ этой точкѣ зрѣнія. Конфликтъ народнаго представительства съ княземъ былъ неизбѣженъ. Онъ выразился въ довольно рѣзкой формѣ. Скупщина требовала отчетности въ расходованіи суммъ, хотѣла произвести разслѣдованіе государственнаго хозяйства, и это было самое больное мѣсто для князя. Въ чемъ, собственно, было дѣло, это явственно видно по статистикѣ «вѣроятныхъ» приходовъ и доходовъ Черногоріи за время 1880—1910 г., которая приложена къ названной выше оппозиціонной книжкѣ Божовича и Джоновича. Выходило такъ, что за эту пору князь получилъ около 200 мил. кронъ (въ томъ числѣ около 108 мил. изъ Россіи), а израсходовалъ самое большее 122 мил. или, если прибавить еще до 26,5 мил. на «представительство и другія нужды», то приблизительно 150 мил. Слѣдовательно, не менѣе 50 мил. кронъ князь Николай долженъ былъ попросту положить въ свой карманъ, и вотъ до этого-то кармана и добиралось оппозиціонное большинство скупщины. Князь пробовалъ поладить съ нимъ съ помощью кое-какихъ уступокъ, назначилъ одного изъ членовъ оппозиціи премьеръ-министромъ, но скупщина, подбодренная нерѣшительностью князя, была неумолима. Тогда на мѣсто этого премьера Радуловича былъ назначенъ родственникъ княжеской династіи Радовичъ, но и онъ оказался на сторонѣ «анкеты», которая должна была охватить послѣднія десять лѣтъ царствованія князя Николая, и также долженъ былъ выйти въ отставку. Весной 1907 г. въ Черногоріи кипѣла настоящая революція,

[1]) Составъ скупщины: 56 представителей отъ округовъ (56 капитанатовъ), 6 отъ городовъ (Цетинье, Подгорица, Никшичъ, Колашинъ, Антивари, Дульциньо), 12 членовъ ex officio (православный митрополитъ, римско-католическій архіепископъ Антиварскій, Черногорскій Мусульманскій Муфтій, 6 высшихъ сановниковъ государства, 3 генерала, назначаемые королемъ). Всего скупщина, по избирательному закону 1906 года, состояла изъ 74 членовъ.

но около князя крѣпко стояла военная партія, и онъ могъ въ апрѣлѣ 1907 г. сперва назначить реакціонный кабинетъ, потомъ отсрочить и, наконецъ, въ іюнѣ, совсѣмъ распустить скупщину. Въ своихъ поѣздкахъ по Европѣ князь жаловался на «великосербскую пропаганду», угрожающую Черногоріи, и такъ подготовилъ жестокую расправу съ оппозиціей. Новые выборы, производившіеся подъ сильнымъ давленіемъ правительства, дали въ октябрѣ того же года скупщину, какая была нужна князю Николаю. Въ октябрѣ же начинается большое политическое дѣло: именно, съ помощью провокаторовъ удалось организовать цѣлый заговоръ на жизнь монарха, и всѣ люди, неугодные князю, попали въ тюрьмы, если не успѣли бѣжать. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулись слѣдствіе и процессъ. Нѣсколько человѣкъ было приговорено къ смертной казни, но негодованіе въ Европѣ противъ режима короля Николая было настолько велико, что онъ считалъ себя вынужденнымъ «помиловать» осужденныхъ и замѣнить смертную казнь тюремнымъ заключеніемъ. Весной 1912 г. кое-кому удалось убѣжать изъ тюрьмы, но разладъ между правительствомъ и народомъ продолжался. Общественное мнѣніе страны ставило въ вину прямо королю убійство среди бѣлаго дня въ Антивари П. Вукчевича, воспитанника пражскаго коммерческаго училища и т. д. Осенью 1911 года были произведены новые выборы въ скупщину, давшіе опять-таки полную побѣду правительству при воздержаніи оппозиціонныхъ круговъ общества отъ участія въ выборахъ. Но при самомъ открытіи новой скупщины правительство встрѣтилось съ неожиданностью: предсѣдателемъ ея вмѣсто правительственнаго кандидата былъ избранъ прежній министръ Пламенацъ. Этому послѣднему пришлось офиціально заявить, что онъ не врагъ правительства. Тѣмъ не менѣе, недовольство скупщиной осталось, и хотя теперь отставка реакціоннаго кабинета Томановича не была принята княземъ, тѣмъ не менѣе ему становилось ясно, что при наступающихъ международныхъ отношеніяхъ въ странѣ слѣдуетъ установить болѣе мирныя отношенія. Поэтому въ іюнѣ 1912 г. кабинетъ Томановича былъ замѣненъ кабинетомъ генерала Мартиновича. Впрочемъ, по существу дѣло мало измѣнилось. Король Николай слишкомъ запутался въ своихъ интригахъ между Австріей и Россіей и слишкомъ зависѣлъ отъ обѣихъ, чтобы дать какое-нибудь опредѣленное направленіе своей политикѣ. При этомъ онъ убѣдился, что всякая побѣда оппозиціи будетъ означать для него лично оскорбительныя обвиненія въ не патріотической и корыстолюбивой политикѣ. Наконецъ, король былъ слишкомъ склоненъ къ капризнымъ выходкамъ произвола, чтобы терпѣть противорѣчіе своей волѣ. Еще многимъ памятно произведенное королемъ въ 1913 году закрытіе единственнаго женскаго учебнаго заведенія, русскаго института въ Цетиньѣ. Это было «наказаніе» Россіи за ея политику въ скутарійскомъ вопросѣ. Конечно, вскорѣ послѣ этого начались новыя декламаціи на тему о преданности «матушкѣ» Россіи.

Событія заставили Черногорію принять дѣятельное участіе въ балканской войнѣ. Начавшіяся вслѣдъ за провозглашеніемъ турецкой конституціи волненія въ Албаніи не могли не касаться и пограничной Черногоріи. Уже лѣтомъ 1911 г. положеніе этой страны, которая должна была содержать массы бѣглецовъ изъ возставшихъ албанскихъ провинцій, было настолько тяжело, что правительство должно было обратиться къ иностраннымъ государствамъ съ просьбой о принужденіи Турціи ввести, наконецъ, порядокъ въ своихъ албанскихъ провинціяхъ. Несмотря на вмѣшательство Россіи и Австріи, изъ этихъ попытокъ ничего не вышло, и такъ же обстояли дѣла въ 1912 г., когда на черногорскихъ финансахъ еще болѣе тяжелымъ бременемъ тяготѣла обязанность содержать бѣгле-

цовъ изъ Албаніи. Поэтому Черногорія имѣла прямой расчетъ участвовать въ балканскомъ союзѣ, и король Николай первый объявилъ войну Турціи манифестомъ 26 сент. 1912 г., гдѣ война мотивировалась слѣдующими соображеніями: «Печальные вопли, которые доносятся до насъ изъ Старой Сербіи, отъ угнетенныхъ нашихъ братьевъ, далѣе переносить нельзя. Тамъ безжалостно убиваютъ не только сербскихъ мужей, но и беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Голодные, измученные, запуганные сербскіе рабы скитаются по горамъ и вокругъ пожарищъ испепеленныхъ своихъ очаговъ, моля васъ о защитѣ и избавленіи». Въ первый періодъ войны успѣхи черногорцевъ были такъ же быстры и велики, какъ и ихъ союзниковъ. Военныя дѣйствія Черногоріи начались 25 сентября, а 1 октября ея войска взяли городъ Тузи, 30 окт.—городъ Бераны; затѣмъ совмѣстно съ сербскими войсками черногорцы занимаютъ въ концѣ октября побережье Адріатическаго моря и нѣсколько городовъ Старой Сербіи. Наконецъ, они осаждаютъ городъ Скутари, знаменитый въ старой исторіи Сербіи Скадръ. Если бы этотъ городъ былъ взятъ такъ же скоро, какъ и прежде осажденные, то, вѣроятно, вопросъ о присоединеніи его къ Черногоріи былъ бы этимъ самымъ рѣшенъ. Но въ Скутари, обладающемъ великолѣпной естественной крѣпостью на возвышенности, черногорцы натолкнулись на сильное сопротивленіе, и этимъ воспользовалась враждебная сербамъ Австрія, которая уже въ серединѣ ноября 1912 г. увѣдомила короля Николая, что «Скутари не можетъ остаться за Черногоріей, если и будетъ взято, такъ какъ находится въ той части Албаніи, которая заселена исключительно албанцами-католиками». Всѣ старанія русской дипломатіи внушить австрійской иную точку зрѣнія оказались безуспѣшны. 21 февр. 1913 г. король Николай «рѣшительно заявляетъ о нежеланіи отказаться отъ завладѣнія Скутари. Нашему (русскому) посланнику въ Цетинье поручено заявить черногорскому правительству, что на него въ этомъ случаѣ всецѣло падетъ отвѣтственность за принимаемыя рѣшенія». Державы предприняли (18 марта) демонстрацію въ Антивари; русское правительство должно было согласиться на нее «въ интересахъ мира», но «сама, понятно, не могла бы принять въ ней участіе». Наконецъ, въ половинѣ апрѣля 1913 г. Скутари капитулировало, а 22 апр. черногорское правительство было согласно «передать участь Скутари въ руки державъ».

Несмотря на эту неудачу, которая глубоко оскорбила національное чувство сербовъ и черногорцевъ, Черногорія много выиграла отъ войны: она получила часть Старой Сербіи и Новобазарскаго санджака, около 7 тыс. кв. килом. съ населеніемъ свыше 250 тыс. человѣкъ. Черногорія и Сербія, прежде раздѣленныя санджакомъ, получили теперь общую границу, что сдѣлало возможнымъ ихъ будущее сліяніе въ одно государство съ выходомъ въ Адріатическое море. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ новыхъ провинціяхъ черногорское королевство пріобрѣло равнины, годныя для земледѣлія. Такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ изъ балканскихъ государствъ, въ Черногоріи мы стоимъ передъ такими перемѣнами, которыя обѣщаютъ совершенно измѣнить политическій и экономическій характеръ государства. Изучать современное культурное состояніе Черногоріи, т.-е. той маленькой и бѣдной страны (9 кв. кил., 280 тыс. населенія), какой она была до войны, не представляетъ интереса, въ виду указанныхъ обстоятельствъ. Поэтому остановимся вкратцѣ лишь на финансахъ, промышленности и торговлѣ страны. Бюджетъ Черногоріи на 1912 г. былъ сведенъ въ суммѣ 4,021 тыс. перперовъ или кронъ. По настоянію державъ бюджетъ страны сталъ публиковаться, но лишь съ 1901 г. Прямые налоги состоятъ изъ «пореза» (обложенія предпріятій, строеній и т. д.) и «даціи» (обложенія спеціально сельскаго хозяйства). Съ 1885 г. стали вводить косвенные

налоги. Таковыми являются монополія продажи соли и табачная монополія, введенная 1 янв. 1904 г. и давшая Черногоріи въ 1911 и 1912 гг. по 1,200 тыс. перперовъ отъ мѣстной продажи и по 60 тыс. перперовъ отъ вывоза. «Площадь табачныхъ плантацій доходитъ до 390 гектаровъ; въ 1910 г. она занимала 222 гект., а въ 1908 г.—163 гект. Доходъ съ гектара колеблется между 2,200 и 150 перп. За послѣднія шесть лѣтъ потребленіе табака въ странѣ увеличилось болѣе, чѣмъ на 25% » («Слав. Изв.» № 46). Монополію представляетъ также продажа папиросной бумаги и письменныхъ принадлежностей. Въ 1909 г. введенъ налогъ на спиртные напитки; въ 1910 г. налогъ на «исполненіе судебныхъ приговоровъ», въ 1912 г. введенъ усиленный гербовый сборъ и т. д. Что касается государственныхъ долговъ Черногоріи, то общая сумма ихъ составляла въ 1912 году свыше 9 мил. кронъ, займы обставлялись гарантіями (доходами съ соляной или какой-либо иной монополіи). Съ 1906 г. Черногорія начала чеканку собственной монеты, при чемъ номинально перперы и пары приравнены къ австрійскимъ кронамъ и геллерамъ. Изъ всего населенія страны лишь 6% заняты промышленностью и торговлей. Характерно, что съ 1903 по 1912 гг. не увеличилось ни количество пахотной земли (около 35 тыс. гект.), ни количество скота. Очевидно, въ прежнихъ своихъ предѣлахъ Черногорія была лишена возможности дальнѣйшаго экономическаго развитія.

XVI.

Словинцы, хорваты въ Истріи и Италіи.

Маленькій словинскій (или, какъ онъ самъ называетъ себя, словенскій) народъ составляетъ болѣе или менѣе значительныя части въ населеніи слѣдующихъ земель Австріи, представляющихъ отдѣльныя автономныя единицы: Штиріи, Каринтіи, Крайны, Тріеста, Горицы и Градишки, Истріи. Въ этихъ шести автономныхъ областяхъ процентное отношеніе словинцевъ къ населенію колеблется между 14,26 и 94,36. По даннымъ переписи 1910 года, количество словинцевъ по землямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Штирія 409,684 чел. (29,37%), Каринтія 82.212 чел. (21,24%), Крайна 490.978 (94,36%), Тріестъ и его округъ 56.916 чел. (29,81%) Горица и Градишка (Görz und Gradisca, по-словински: pokneżena grofija Goriška in Gradiščanska, т.-е. возведенное въ княжество графство Горишка и Градишчанско) 154.564 чел. (61,85%), Истрія 55.134 чел. (14,26%). По нѣсколько сотъ или десятковъ словинцевъ живетъ и въ другихъ австрійскихъ земляхъ, составляя здѣсь весьма незначительныя доли процента въ населеніи. Въ общемъ статистика 1910 года насчитала во всей Австріи 1.252.940 словинцевъ, или 4,48% въ населеніи. По сравненію съ 1900 годомъ, это обнаруживаетъ абсолютный приростъ, но относительное уменьшеніе числа словинцевъ (1900: 1.192.780 чел. или 4,85%). Борьба съ германизаціей на сѣверѣ и усиленіемъ итальянскаго элемента на югѣ становится все болѣе тяжелой для раздробленнаго и малоимущаго, хотя высококультурнаго словинскаго народа. Современная его раздробленность между нѣсколькими областями объясняется историческими судьбами народа, который никогда въ продолженіе всей своей исторіи не составлялъ единаго государства. Причина этого заключалась въ томъ, что словинцы продвинулись слишкомъ далеко на западъ въ области, занятыя германскими или иными племенами и находившіяся подъ властью аваровъ. Они, первые изъ южныхъ славянъ, вошли въ кругозоръ французскихъ политиковъ и были втянуты въ водоворотъ событій, приведшихъ къ созданію обширной франкской монархіи. Но это же обстоятельство, помѣшавшее политическому объединенію и государственному развитію словинскаго народа, дало ему очень рано блага европейской культуры, христіанство и письменность. Какъ полагаетъ словинскій историкъ, Ф. Косъ [1]), словинцы заняли свои теперешнія мѣста жительства между 568 и 595 годами; они захватили всѣ земли до истоковъ рѣкъ Дравы и Муры. Еще въ 770 г. граница между словинской и баварской областью находилась у Иннихена въ теперешнемъ восточномъ Тиролѣ. Въ прежнемъ Норикѣ и другихъ сосѣднихъ странахъ словинцы селились такъ, что подвигались

[1]) Fr. Kos. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku. I. knjiga. l. 501—500. V Ljubljani 1903. II knjiga. l. 801—1102. V Ljubljani. 1906.

вверхъ по теченію рѣкъ. Достигая долинъ и равнинъ, годныхъ для земледѣлія, они основывали здѣсь поселенія. Такъ они заняли постепенно теперешнюю Крайну, Каринтію, Штирію и большую часть Приморья. Далѣе они овладѣли теперешнимъ восточнымъ Тиролемъ и сольноградскимъ (Salzburg) Лунгау. Ихъ поселенія распространялись по теперешнимъ Нижней и отчасти Верхней Австріи и въ западной части Паннониі. Въ VII и VIII вѣкахъ область, занятая словинцами, была особенно обширна, но удержать ее они не могли: значительная часть народа германизировалась, другая выселилась. Борьба съ баварскими герцогами начинается съ 595 г. Въ эту же пору словинцы были подчинены аварамъ, которые играли огромную роль въ Паннониі. Слишкомъ мало историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ времени дошло до насъ, чтобы возстановить сколько-нибудь достовѣрную исторію словинцевъ въ VII — VIII вѣкахъ. Мы встрѣчаемъ ихъ имена въ борьбѣ съ различными окрестными народами, лонгобардами, баварцами и др. Попадаются указанія на словинскихъ князей, которые ведутъ самостоятельную политику. Такъ, въ первой половинѣ VIII в. славянскій герцогъ Борутъ призналъ верховную власть франковъ; послѣ него, около 750 г., упоминается его сынъ Гораздъ, бывшій, повидимому, уже христіаниномъ, а потомъ племянникъ Хотимиръ, уже несомнѣнный и ревностный христіанинъ. При немъ христіанство получаетъ широкое распространеніе въ Карантаніи, области, охватывавшей значительную часть современной Каринтіи, почти всю Штирію, восточную часть Тироля и юго-восточную сторону Нижней Австріи. Герцоги Карантанскіе играютъ извѣстную роль въ событіяхъ IX—X вѣковъ, а въ X в. съ Карантаніей соединяется и Крайна. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ старославянской письменности, Фрейзингенскіе богослужебные отрывки (по католическому обряду), написанъ на древне-словинскомъ языкѣ. Необходимость обращаться къ населенію при крещеніи его на родномъ ему языкѣ не мѣшала процессу германизаціи, которая съ начала IX в. пошла быстрымъ ходомъ впередъ. Оружіемъ германизаціи явилась, прежде всего, церковь (Kos. II, стр. XIX). Слабая населенность областей, занятыхъ словинцами, содѣйствовала наплыву инородныхъ элементовъ, и часть ихъ земель была заселена нѣмцами. «Въ то время, когда словинцы перешли во власть франковъ, земля ихъ была населена слабо. Нѣкоторыя области были совершенно пусты, и не имѣли никакого государя. Вся такая земля сдѣлалась государственной областью, и франкскіе государи охотно отдавали ее, кому угодно. Особенно мало обитателей имѣли горныя страны въ Сѣверной Штиріи и сѣверной Каринтіи. Поэтому, понемногу незаселенная земля перешла въ нѣмецкія руки. Лучшія и плодороднѣйшія части южной Штиріи и южной Каринтіи остались славянскими, а горныя и пустынныя земли, лежавшія на сѣверѣ этихъ областей, получили нѣмецкое населеніе». (Kos.). То же самое происходило и въ Крайнѣ. И политически страна уже въ X в. становится частью имперіи, управляемою вовсе не славянскими, но германскими государями. Въ концѣ X в. герцогомъ Карантанскимъ является Генрихъ, братъ императора Оттона I. Въ образованіи Австріи словинскія земли приняли, какъ мы уже видѣли выше, особенно дѣятельное участіе. Потерявъ національныя династіи, раздробившись на мелкія области, герцогства и графства, которые вели каждое свою политику, словинскій народъ велъ незамѣтное существованіе. Національнаго сознанія не было; національность хранилась только въ низшихъ классахъ населенія, все же, что поднималось надъ ними, примыкало къ нѣмцамъ. Этотъ процессъ денаціонализаціи совершался здѣсь еще интенсивнѣе, нежели въ Чехіи, гдѣ бывали эпохи высокаго національнаго подъема. Только въ XVI в. появляется нѣсколько словинскихъ книгъ, вышедшихъ изъ

подъ пера протестантскаго [проповѣдника Примуса Трубера и его приверженцевъ. Но это движеніе прошло почти безъ всякаго слѣда въ народной жизни словинцевъ.

Первые признаки пробужденія словинскаго народа относятся къ концу XVIII вѣка, къ тому удивительному времени, когда заговорили о правахъ человѣка, и сталъ создаваться, сначала въ ученыхъ кругахъ, интересъ къ народности, къ истиннымъ «голосамъ народовъ». Первая эпоха словинскаго возрожденія охватываетъ время отъ 1765 до 1810 г. [1]). Начатки этого движенія были чрезвычайно скромны и закончились на изданіи нѣсколькихъ учебниковъ для крестьянскихъ дѣтей (букварь 1765, ариѳметика 1781 и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается потребность придать нѣкоторое единообразіе письменному языку, который еще не подвергся литературной обработкѣ. Съ этой цѣлью Похлинъ (Pohlin) составляетъ въ 1768 г. книгу: «Kraynska Grammatika, das ist: Die crainerische Grammatik». Въ томъ же стремленіи обработать языкъ для литературы этотъ писатель составляетъ словинскую метрику и просодію и самъ пишетъ стихотворенія, которыя вышли въ 1779 г. подъ названіемъ «Pisanice». Подъ конецъ вѣка къ Похлину присоединяются и другіе поэты, но особенно важное значеніе имѣлъ кружокъ, собравшійся около барона Сигизмунда Цойса, широко образованнаго человѣка, попавшаго подъ вліяніе новыхъ національно-романтическихъ идей Гердера и Бюргера. Съ большимъ воодушевленіемъ Цойсъ сталъ работать надъ созданіемъ словинской письменности, въ чемъ ему помогали Линхартъ (историкъ, драматургъ, идиллистъ и т. д.) и особенно Валентинъ Водникъ, первый выдающійся поэтъ словинскаго народа. Съ 1798 г. сталъ выходить первый словинскій журналъ «Lublanske Novice», наполненный беллетристикой и научно-популярными свѣдѣніями: политикой онъ не имѣлъ права заниматься. Но событія начала XIX вѣка были такъ грандіозны, что онѣ втягивали въ политику всякаго мыслящаго человѣка. Для словинцевъ они имѣли тѣмъ большее значеніе, что Наполеонъ, создавъ Иллирію, выступилъ рѣшительнымъ противникомъ германизаціи. Словинскій языкъ, такъ долго гонимый и приниженный, вдругъ сдѣлался языкомъ преподаванія въ народной школѣ, и однимъ изъ языковъ, на которыхъ велось преподаваніе и въ среднихъ школахъ, даже въ гимназіяхъ. Водникъ принялся писать учебники, а свою душевную радость излилъ въ стихотвореніи «Ilirija oživlena», гдѣ онъ уже проводилъ идею языкового объединенія всѣхъ южныхъ славянъ. За то Воднику пришлось поплатиться отставкой отъ учительской службы, когда вернулась австрійская власть и съ нею водворилась лютая Меттерниховская реакція. Нѣсколько лѣтъ спустя (1819) Водникъ умеръ, а въ словинской литературѣ, которую теперь уже можно было считать существующей, возникаетъ новое направленіе, романтическое, продолжающееся до революціи 1848 года. Во всѣхъ словинскихъ областяхъ пробуждается національное сознаніе, особенно среди молодежи. Въ 1810 г. въ Грацѣ возникаетъ среди студентовъ богословскаго факультета «Societas slovenica» со скромной цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ среди штирійскихъ словинцевъ; нѣсколько лѣтъ спустя въ Грацскомъ лицеѣ (позже университетѣ) создается словинская каѳедра, впослѣдствіи превратившаяся въ каѳедру славистики съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Словинецъ Копитаръ, бывшій въ Вѣнѣ цензоромъ, явился однимъ изъ главныхъ вождей нововозникающей науки, славистики, а его ученикъ Метелько получилъ въ 1817 г. каѳедру словинскаго языка въ Люблянской духовной семинаріи. Въ Каринтіи особенно круп-

[1]) Ivan Grafenauer. Zgodovina novejšega slovenskega slovstva. I del. Od. Pohlina do Prešerna. 1909. II del. Doba narodnega prebujenja (1848—1868). Ljubljana. 1911.

ная роль будителя національнаго сознанія выпала на долю Урбана Ярника, поэта и языковѣда. Младшее поколѣніе относится съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ идеямъ хорватскаго иллиризма и исполнено политическихъ интересовъ. Прежде всего иллиризмъ на словинской почвѣ укрѣпился въ Штиріи около 1830 года. Представителемъ его былъ Станко Вразъ, еще въ Грацѣ проникшійся славянофильствомъ Коллара, собиравшій народныя пѣсни и самъ писавшій стихи въ славянскомъ духѣ. Сонеты и нѣкоторыя другія стихотворенія С. Враза пользовались большой популярностью и сильно содѣйствовали распространенію національной поэзіи въ кругу словинской молодежи. Рядомъ съ Вразомъ, какъ самый выдающійся изъ словинскихъ поэтовъ этой эпохи, стоитъ Прешернъ, перенесшій литературное движеніе въ столицу Крайны, Любляну. Здѣсь попытки создать литературный органъ относятся къ 1825 г.,—попытки неудачныя, наткнувшіяся на полицейское запрещеніе. Съ 1830 г. начинается эпоха альманаховъ, «Крайнскихъ Пчелъ», которыя издавались молодымъ писателемъ Чопомъ и Прешерномъ для образованнаго общества, воспитаннаго на нѣмецкихъ образцахъ. При взглядѣ на эти крошечныя, жалкія книжечки, плохо напечатанныя, на скверной бумагѣ, трудно представить себѣ, какое значеніе онѣ имѣли для своего времени. Между тѣмъ онѣ явились не только сборниками стиховъ, но и знаменами, подъ которыми велась борьба за новый литературный стиль и алфавитъ. Пять выпусковъ «Пчелы» (1830—1848) сдѣлали важное культурное дѣло. Въ Штиріи въ это же время трудились Ярникъ и Сломшекъ. Послѣдній, будучи преподавателемъ въ Целовской семинаріи (1829—1838), велъ преподаваніе словинскаго языка, побуждалъ молодежь сочинительствовать на своемъ родномъ языкѣ, знакомилъ ее съ новыми словинскими писателями, распространялъ мысль объ изданіи книгъ для народа и т. д.

Въ сороковыхъ годахъ къ этимъ литературнымъ стремленіямъ присоединяются все болѣе отчетливо и сознательно политическія. Вождемъ словинскаго народа становится ея выдающійся человѣкъ Блейвейсъ [1]), который съ 1843 г. редактируетъ газету «Novice» (Новости), поставившую одной изъ своихъ задачъ выработку словинскаго литературнаго языка. Въ своей программѣ газета намѣчала созданіе общаго языка для всѣхъ словинцевъ, объединеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, въ этой области. Однако, ни самъ Блейвейсъ, ни его сотрудники не были еще сами настолько знакомы со своимъ роднымъ языкомъ, чтобы писать на немъ свободно, и, какъ сообщаетъ Прешернъ въ 1843 г., ихъ статьи переводились на словинскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе этой газеты было очень велико: она превратилась въ центръ, около котораго сосредоточилась вся духовная жизнь народа. Постепенно складывалось и политическое міровоззрѣніе, которое нашло себѣ выраженіе въ первой національно-политической программѣ словинцевъ, обнародованной въ 1848 г., когда всѣ народы Австріи выставили свои національныя требованія. Словинцы выступили съ требованіемъ національной свободы объединенія словинскихъ земель (zedinjena Slovenija). Въ этомъ духѣ писали «Novice», а 29 марта 1848 г. 40 вѣнскихъ словинцевъ, въ томъ числѣ Миклошичъ и нѣсколько про-

---

[1]) О политической жизни словинцевъ до 1881 г. новѣйшимъ и лучшимъ руководствомъ является статья Д. Лончара «Dr. Ianez Bleiweis in njegova doba» въ сборникѣ «Bleiweisov Zbornik». 1909. Въ этомъ же сборникѣ важна статья Локара «Bleiweis in Novičarji». Объ участіи словинцевъ въ движеніи 1848 г.—книга I. Апиха (Ios Apih) «Slovenci in 1848 leto» 1888 и его же статьи на нѣмецкомъ языкѣ въ изданіи Хельферта «Oesterreichisches Iahrbuch» 1890—1896. О дальнѣйшей политической жизни словинцевъ — обстоятельная статья К. Кадлеца въ сборникѣ «Slovanstvo». 1912. Брошюра Лончара «Politično življenje Slovencev» (Ljubljana 1906) была мнѣ недоступна. О нѣкоторыхъ изъ дѣятелей словинскаго возрожденія см. I l e š i č. Slovanski spomini in jubileji. Izdaje Matica slovenska. 1911.

фессоровъ университета, подписали адресъ «Крайнскимъ сословіямъ», въ которомъ просили поддержать словинскую народность въ Крайнѣ, Штиріи, Каринтіи и Приморьѣ. Центрами политической жизни словинцевъ въ 1848 г. были Вѣна и Грацъ, тогда какъ Любляна была еще слишкомъ мало подготовлена для этой роли. Вообще, дѣло политическаго объединенія и просвѣщенія словинцевъ подвигалось очень туго. Между массой крестьянства, составлявшей почти весь словинскій народъ, и небольшой группой интеллигенціи, не онѣмечившейся всецѣло, не было взаимнаго пониманія: мѣщанства, которое было важнѣйшимъ политическимъ элементомъ въ развитіи чеховъ, у словинцевъ не было. Возникшіе въ эту пору органы печати вели каждый свою политику и этой разноголосицей подчеркивали политическую незрѣлость народа: призванныхъ вождей, какими были у чеховъ Палацкій и др., у словинцевъ не было, и даже Блейвейсъ пріобрѣтаетъ особенно крупное значеніе лишь въ послѣдующіе годы. Но національное движеніе не останавливается; оно углубляется и все больше проникаетъ въ сознаніе народа. Только по замѣчанію Лончара «словинцы, какъ и, вообще, всѣ южные славяне еще не были въ состояніи вести самостоятельную политику. Они представляли правительственную партію, и отъ правительства ждали помощи». Наступившая послѣ 1848 г. реакція на время задержала дальнѣйшее политическое развитіе словинцевъ; изъ газетъ уцѣлѣли консервативные «Novice» Блейвейса, на которые правительство также смотрѣло очень косо, и церковный органъ «Zgodnja Danica», не пользовавшійся никакимъ общественнымъ значеніемъ.

Нельзя, однако, сказать, что 1848 годъ имѣлъ маловажное значеніе въ политической жизни словинцевъ. Въ это время въ первый разъ ими была выставлена программа государственнаго права словинскаго народа, выразившаяся въ требованіи образованія цѣльнаго Словинскаго королевства. Надо, однако, сказать, что исторіей народа такое право не подкрѣплялось. Зато лояльность словинцевъ и ихъ твердое намѣреніе оставаться въ предѣлахъ австрійскаго государства были вознаграждены даже въ реакціонные годы. Равноправіе языковъ въ словинскихъ земляхъ, на чемъ настаивали словинскіе кружки, конечно, не было осуществлено, но въ 1849—1850 г. было издано нѣсколько циркуляровъ о допущеніи обоихъ языковъ въ различныхъ учрежденіяхъ. Послѣ этого до возстановленія конституціи словинцы ничего не получили. Съ наступленіемъ новой эры центромъ словинской политической жизни становится Крайна, а главнымъ органомъ выраженія ея—газета Блейвейса, «Novice». Здѣсь и публикуется 1 мая 1861 г. меморандумъ на имя Шмерлинга, снабженный 19.386 подписей, съ требованіемъ равноправія мѣстныхъ языковъ въ школѣ и управленіи и соединенія словинскихъ земель въ одно королевство. Народная программа 1861 г., выставленная Блейвейсомъ, сводится къ двумъ основнымъ пунктамъ: 1) народное равноправіе, и 2) расширеніе областной автономіи въ предѣлахъ единой конституціонной Австріи (Novice. 6 нояб. 1861 г.). «Внутренне-австрійское объединеніе» всѣхъ словинскихъ странъ было выставлено, какъ основной пунктъ программы, выработанной на съѣздѣ словинскихъ дѣятелей въ Мариборѣ и принятой 25 сент. 1865 г. Эта программа была уже яснымъ признакомъ политическаго пробужденія народа. Рядомъ съ нимъ шла дѣятельность въ области культурнаго просвѣщенія массъ. «Все народно-политическое движеніе этого времени сконцентрировалось въ читальняхъ и періодическихъ изданіяхъ». (Лончаръ. 90). Читальни начали возникать съ 1861 г. и скоро покрыли цѣлой сѣтью всѣ словинскія земли. Около нихъ группировались пѣвческія общества, любительскіе кружки и т. д. Лончаръ придаетъ имъ огромное значеніе въ національномъ воспитаніи народа. Онѣ «учили и подготовляли словинскій народъ къ общественнымъ

выступленіямъ (za javnost), и этимъ осуществили свою миссію». Изъ періодическихъ изданій этого времени, кромѣ прежняго еженедѣльника «Novice», который уже не удовлетворялъ растущимъ потребностямъ общества, возникаютъ на нѣмецкомъ языкѣ «Stimmen aus Inneröstterreich» (1861—1863) съ федералистической программой, первая словинская ежедневная газетъ «Naprej» («Впередъ», отстаивающая объединеніе и равноправіе словинцевъ),—а также газета «Slovenec» (1865—67) и др. Чрезвычайно важнымъ событіемъ было основаніе въ 1863 году въ Люблянѣ «Словинской Матицы».

Такимъ образомъ, въ 1867 г., когда наступила новая конституціонная эпоха, словинцы представляли уже довольно сплоченный и сильный политическій элементъ. Съ апр. 1868 г. сталъ выходить первый крупный политическій органъ, «Slovenski Narod», въ которомъ приняли участіе всѣ выдающіеся политическіе дѣятели словинцевъ, рѣшительно выступившіе противъ австро-венгерскаго дуализма. Старшее поколѣніе, напротивъ, не считало полезнымъ то оппозиціонное положеніе, которое заняли «молодые», и между ними разгорѣлась борьба. Вообще, политическая жизнь въ это время идетъ быстрымъ темпомъ, на мѣстныхъ ландтагахъ словинскіе депутаты выступаютъ съ требованіями объединенія словинскихъ земель и равноправія мѣстныхъ языковъ; народныя массы привлекаются на многолюдные митинги. Возникаютъ политическія общества для защиты словинской народности: въ Люблянѣ, Горицѣ, Целовцѣ, Тріестѣ, Мариборѣ, а также «католическія общества» съ благотворительными и религіозными цѣлями. Одновременно учреждаются товарищества съ экономическими и промышленными задачами («Пчела» въ Тріестѣ 1869, «Славянская Липа» въ Люблянѣ 1870, «Рабочее больничное общество» 1871 и т. д.). Давно начавшееся сближеніе съ сербско-хорватскими политиками привело въ 1870 г. къ важному акту: на съѣздѣ въ Люблянѣ была выработана такъ наз. «Люблянская южно-славянская программа», требовавшая отъ словинцевъ, хорватовъ и сербовъ Габсбургской монархіи сосредоточенія силъ для достиженія единства въ экономической, литературной и политической областяхъ. «Молодые» были реальнѣе въ своихъ требованіяхъ и не шли такъ далеко; они выступили противъ государственно-правовой программы и настаивали на удовлетвореніи требованій національнаго равноправія. Борьба между двумя теченіями словинской политической мысли привела словинцевъ къ нѣсколькимъ чувствительнымъ пораженіямъ (напр., на выборахъ въ рейхсратъ въ 1873 г.) и заставила ихъ объединяться въ извѣстныхъ вопросахъ. Вообще же, уже тогда намѣтились тѣ два основныя теченія, которыя и донынѣ господствуютъ въ словинской политической жизни: либеральное интеллигентское и болѣе консервативное клерикальное, руководимое духовенствомъ, которое имѣло огромное вліяніе на крестьянскія массы въ болѣе глухихъ горныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, «старые» отстаивали клерикализмъ, «молодые» были на сторонѣ государства и отъ него ожидали для словинскаго народа лучшаго будущаго. Въ рейхсратѣ словинцы примыкали къ правымъ группамъ, въ мѣстныхъ сеймахъ они также вели умѣренную политику. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оба основныя политическія теченія словинцевъ принимаютъ болѣе выразительный характеръ. Въ крайнскомъ сеймѣ возникаютъ три клуба, представляющіе уже настоящія политическія партіи: консервативный, либеральный и нѣмецкій. Первый изъ нихъ держится съ нѣмецкимъ, либералы во главѣ со своимъ теперешнимъ вождемъ, Иваномъ Грибаремъ, и Тавчаремъ ведутъ оппозиціонную политику. Такое дробленіе силъ, оказавшееся уже въ 1873 г. и въ слѣдующіе годы гибельнымъ для словинцевъ, заставило обѣ партіи искать компромисса. На съѣздѣ 1890 г. эти партіи, назвавшіяся консер-

вативной или католической и либеральной или національно-прогрессивной, постановили дѣйствовать сообща и въ рейхсратѣ, и на мѣстныхъ сеймахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1894 г., либеральная партія организовалась въ «народную», включивъ въ свою программу національную автономію, всеобщее избирательное право и конфессіональную школу. Эта партія привлекла въ свои ряды городскую буржуазію и интеллигенцію, тогда какъ католическая нераздѣльно господствовала надъ крестьянской массой. Это обнаружилось на выборахъ въ крайнскій сеймъ въ 1895 г., и почти безъ перемѣнъ дѣло оставалось до сихъ поръ. Въ самоотверженной дѣятельности словинскаго духовенства, близкаго къ народу и не щадившаго силъ для его экономическаго подъема, для его культурнаго и національнаго просвѣщенія, для утѣшенія бѣдныхъ трудовыхъ массъ въ тяжелой жизненной борьбѣ, слѣдуетъ видѣть главную причину успѣховъ католической партіи, насчитывавшей и насчитывающей донынѣ въ своихъ рядахъ многихъ лучшихъ людей.

Въ 1897 г. обѣ партіи въ Крайнѣ стали сближаться и устроили «всесловинскій» съѣздъ, который высказался въ пользу требованія національной автономіи, а въ области экономической за кооперативную идею. Въ слѣдующемъ году партіи рѣшили дѣйствовать совмѣстно въ духѣ съѣзда 1897 г. и на почвѣ христіанскаго сознанія. Идея государственно-правовая, давно уже покинутая словинцами, возродилась въ модифицированной формѣ требованія объединенія словинскихъ земель съ политическимъ центромъ въ Люблянѣ. Въ 1901 г. либеральная (народная) партія высказалась за свободную, независимую отъ церкви школу, хотя и основанную на христіанскихъ началахъ. Настоящаго объединенія партій не произошло, и въ 1905 г. католическая партія переименовала себя въ «словинскую народную партію», а либеральная партія приняла старое свое названіе «прогрессивно-національной». И до сихъ поръ эти партіи ведутъ между собой борьбу, принадлежа и въ рейхсратѣ къ различнымъ политическимъ группировкамъ: въ то время, какъ прогрессивная партія приняла живѣйшее участіе въ образованіи въ рейхсратѣ «Славянской уніи» и въ славянскомъ политическомъ движеніи, католическая партія держалась въ сторонѣ отъ всего этого. Во всякомъ случаѣ, многолѣтняя борьба дала словинцамъ большія пріобрѣтенія въ національной области, больше всего въ Крайнѣ, гдѣ равноправіе языковъ въ сеймѣ и управленіи признано закономъ, и гдѣ въ школахъ преподаваніе ведется на словинскомъ языкѣ, въ меньшей мѣрѣ въ Штиріи, гдѣ государственнымъ языкомъ фактически признается только нѣмецкій, и еще въ меньшей въ Каринтіи, гдѣ словинскій языкъ находится въ совершенномъ загонѣ. Въ виду этого словинцы продолжаютъ вести повсюду энергичную политическую и культурную борьбу, къ которой мы еще вернемся ниже.

Свою политическую борьбу словинскому народу приходится вести въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Крупное землевладѣніе находится въ нѣмецкихъ рукахъ; мелкое, ютящееся по горамъ и долинамъ,— въ словинскихъ. Земледѣліе составляетъ главное занятіе жителей (75,4% въ Крайнѣ въ 1900 г. 71,2%). На общее число хозяйствъ 75.477 въ Крайнѣ, 33.294 въ Каринтіи и 150.426 въ Штиріи приходится хозяйствъ на участкахъ до 5 гектаровъ въ Крайнѣ 38.283, въ Каринтіи 12.923 и въ Штиріи 83.571, хозяйствъ отъ 5 до 20 гектаровъ въ Крайнѣ 25.596, въ Каринтіи 10.891 и въ Штиріи 47.904. Иными словами, на общее число 259.197 хозяйствъ въ трехъ главныхъ словинскихъ странахъ приходится 134.777 хозяйствъ до 5 гектаровъ и 219.168 хозяйствъ до 20 гектаровъ. Спеціально о земельныхъ отношеніяхъ въ Крайнѣ знатокъ мѣстнаго быта,

Ороженъ [1]), сообщаетъ данныя мало утѣшительныя: до половины 19 в. земледѣліе въ Крайнѣ было занятіемъ прибыльнымъ въ виду торговли Тріеста хлѣбомъ съ сосѣдними австрійскими землями, но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ эта отрасль торговли упала; земля воздѣлывается не въ полномъ размѣрѣ и не очень старательно, крестьянскія владѣнія слишкомъ раздѣлены и разбросаны; крупнаго землевладѣнія съ образцовой обработкой земли въ странѣ мало. Въ Горенскомъ [2]) (округа Radmannsdorf, Krainburg, Stein, окрестности Любляны на сѣверѣ) приходится, въ среднемъ, на одно крестьянское землевладѣніе 18—20 гект., но изъ нихъ свыше половины подъ лѣсомъ. Въ Нотранскомъ (Логатецъ, Adelsberg и ихъ окрестности въ направленіи къ Люблянѣ) владѣнія достигаютъ 28 гект., изъ которыхъ обработано не больше $^3/_5$, а пахотной земли не болѣе 3 гектаровъ. Въ Доленскомъ (Хочевье, Черномель, Новомѣсто, Gurkfeld, Littai и окрестности Любляны на югѣ) положеніе вещей, въ общемъ, таково же, какъ въ Горенскомъ, хотя значительная часть пахотной земли принадлежитъ крупному владѣнію. «Когда населеніе много зарабатывало перевозкой хлѣба, работниковъ было достаточно, хотя страна не имѣла отдѣльнаго рабочаго класса, за исключеніемъ т. наз. кучеровъ (kočarjev). Недостатокъ рабочихъ рукъ чувствовался только во время жатвы, но ихъ добывали изъ сосѣднихъ областей. Въ 1890 г. на 55.682 самостоятельныхъ хозяевъ приходилось уже всего 14.179 земледѣльческихъ поденщиковъ, т.-е. одинъ на 26 гектаровъ поля, луговъ, садовъ и виноградниковъ; а въ послѣднее десятилѣтіе эти отношенія сдѣлались еще болѣе неблагопріятны. Въ Крайнѣ земледѣліе приноситъ, по преимуществу, пассивные результаты, и вслѣдствіе этого изъ 55.682 хозяевъ 10.386 должно было заниматься еще какимъ-нибудь постороннимъ заработкомъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ отношеній быстро возрастаетъ также эмиграція, особ. въ Сѣверную Америку, и въ нѣкоторыхъ краяхъ эмигрировало уже большинство самостоятельныхъ хозяйствъ. Особенно яркій свѣтъ на наши экономическія отношенія бросаетъ тотъ фактъ, что ежегодные расходы на земледѣльческія предпріятія превышаютъ на три милліона кронъ доходъ съ нихъ».

Въ 1913 г. словинскій депутатъ рейхсрата, священникъ Крекъ, далъ характеристику экономическаго состоянія Краины въ рѣчи, которая представляетъ, собственно, цѣлую монографію. Чтобы не дробить изложенія, приведу здѣсь же важнѣйшія мѣста изъ нея [3]). Отмѣтивъ, что за время 1896—1911 г. выселилось не меньше 80 тыс. словинцевъ, Крекъ продолжалъ: «Во главѣ этого шествія находимъ округъ Хочевье (Gottschee), притомъ обѣ его части: нѣмецкую и словинскую. По этому вопросу проф. Obergföll напечаталъ въ журналѣ Charitas очень интересную статью, въ которой онъ сообщаетъ, что изъ Хочевья въ Америкѣ пребываетъ около 9 тыс. человѣкъ. Такимъ образомъ, третья часть хочевяковъ оказалась въ Америкѣ. Однѣхъ дѣвушекъ, ищущихъ службы въ Нью-Іоркѣ, Бруклинѣ, Санъ-Франциско и т. д., около тысячи. На второмъ мѣстѣ послѣ Хочевья стоитъ Ново Мѣсто, фигурирующее въ таблицѣ числомъ 7755. Это винодѣльческая мѣстность, и когда вино-

[1]) Fr. Orožen. Vojvodina Kranjska. 1901. Въ изданіи Словинской Матицы, «Slovenska Zemlja». 4 часть. Первыя три части: (S. Rutar Pokneženа grofija Goriška in Gradiščanska. 1892. S. Rutar. Samosvoje Mesto Trst in meina grofija Istra. 1896. S. Rutar. Beneška Slovenija. 1899. Къ сожалѣнію, о Штиріи и Каринтіи такихъ монографій не имѣется. О Крайнѣ есть небольшая монографія Харузина «Австрійская Крайна». 1902 и его же статьи о домашнихъ постройкахъ въ Крайнѣ въ «Живой Старинѣ».

[2]) Л. Нидерле. Обозр. соврем. славянства. Стр. 104. Такъ какъ обычно на географическихъ картахъ означаются нѣмецкія названія мѣстностей, то ихъ я привожу здѣсь.

[3]) «Obraz Krainy». Streszczenie mowy ks. Dra Kreka. «Świat Słowiański». 1913, дек. № 108.

градъ родится плохо, а люди не приспособлены къ другому дѣлу, не имѣютъ скота, не имѣютъ лѣса, имъ остается только эмигрировать. Окрестности Любляны даютъ цифру 6.830, а потомъ слѣдуютъ Логатецъ съ 6.361 эмигрантомъ и Черномель съ 5.974. Такое незначительное число эмигрантовъ изъ Черномеля объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что уже ихъ много издавна въ Америкѣ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что многіе отправляются безъ паспортовъ... Эта эмиграція имѣетъ роковое значеніе, и благодаря ей мы стоимъ передъ тѣмъ печальнымъ фактомъ, что въ послѣднее десятилѣтіе приростъ населенія въ Краинѣ далъ только 3,3%». Объясняется эта массовая эмиграція, по мнѣнію Крека, высокимъ культурнымъ уровнемъ словинскаго крестьянина, который томится, не находя дома соотвѣтствующихъ условій для удовлетворенія своихъ экономическихъ и человѣческихъ потребностей. Онъ томится, пока не достанетъ нужныхъ для переѣзда въ Америку, 200—300 кронъ. Состояніе фабричной промышленности въ Краинѣ неудовлетворительно. Здѣсь всего 145 фабрикъ, тогда какъ въ Чехіи въ 1901 г. было 6203, въ Нижней Австріи 3327 фабрикъ. Хотя страна сильно выдвинута къ морю, желѣзныхъ дорогъ въ ней чрезвычайно мало; только Далмація уступаетъ въ этомъ отношеніи Краинѣ. Несмотря на это страна вывозитъ больше, чѣмъ ввозитъ (1911 г. импортъ 141.600.000 кр., экспортъ 222.100.600 кр.). Вывозъ заключается преимущественно въ лѣсѣ, но лѣсная промышленность, которая должна была бы стоять въ Краинѣ особенно высоко, находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Вывозится также мелкій скотъ, а изъ продуктовъ земледѣлія бобы, картофель, наконецъ, грибы.

«А теперь еще нѣсколько данныхъ для дополненія картины. Крестьянское хозяйство въ нашемъ краѣ находится въ отсталомъ состояніи. У насъ воздѣлывается четыре рода хлѣба (пшеница, рожь, ячмень и овесъ), въ среднемъ, въ годы 1900—1910, по 8,8 цент. на гектаръ, въ то время, какъ въ Австріи въ среднемъ это число составляетъ 15 центнеровъ. Въ этомъ направленіи намъ слѣдуетъ направить наши усилія, чтобы крестьянинъ узналъ и испробовалъ всѣ современные способы и принципы земледѣлія, а такое искуственное удобреніе. Что касается самой земли и климата, то въ этомъ отношеніи мы счастливѣе, чѣмъ другія страны. Мы имѣемъ высокія горныя равнины, гдѣ скотъ пасется на высотѣ 2000—2400 м. надъ уровнемъ моря, мы имѣемъ также южный климатъ, не уступающій итальянскому, напр., въ випавской долинѣ или въ Бѣлой Краинѣ. И въ области земледѣлія мы видимъ только отсталость, и болѣе ничего»... Только картофеля въ Краинѣ добывается достаточно, а кое-гдѣ больше даже, чѣмъ въ сосѣднихъ областяхъ. Важной отраслью хозяйства могло бы стать скотоводство, но и въ этой области сдѣлано пока еще очень мало. Съ горькой иронiей д-ръ Крекъ отмѣтилъ, что данныя, относящіяся къ подоходному налогу, указываютъ на чрезвычайную бѣдность населенія; всего обязано платить подоходный налогъ 13,267 чел., изъ нихъ огромное большинство (8,319 чел.) обладаетъ доходомъ, колеблющимся между 1200 и 2400 кр. (т.-е. между 500 и 1000 руб.). «Но кто бы, что бы ни говорилъ, среди народа крѣпнетъ духъ прогресса, и желаніе подняться выше проснулось повсюду: у работника, крестьянина, промышленника и купца. Родная земля не можетъ удовлетворить это желаніе. Не слѣдуетъ оставлять на произволъ судьбы этотъ народъ, такой здоровый, крѣпкій, добрый, честный, способный къ просвѣщенію, чтобы онъ изнывалъ въ такой маленькой странѣ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ словинскаго депутата заключался ясный намекъ на идеи южно-славянскаго объединенія, которыя пускаютъ все болѣе глубокіе корни въ словинской интеллигенціи.

Обращаясь къ экономическимъ отношеніямъ въ Штиріи и Каринтіи, гдѣ живетъ столько же словинцевъ, сколько въ Краинѣ (приблизит. по 1/2 милліона), мы находимъ въ этихъ областяхъ болѣе высокую земледѣльческую культуру: въ то время, какъ въ Краинѣ, средній сборъ четырехъ видовъ хлѣба даетъ 8,8 цент. съ гектара, въ Штиріи онъ равняется 11,7, а въ Каринтіи 12,5, сильно уступая Чехіи, но почти приближаясь къ Верхней и Нижней Австріи. Зато нѣсколько ниже оказывается сборъ картофеля, одного изъ главныхъ богатствъ Краины (65,7 цент., въ Каринтіи 62,4, въ Штиріи 51,4). Въ области скотоводства Штирія занимаетъ одно ихъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, хотя количество рогатаго скота падаетъ здѣсь, какъ и во всей Австріи (въ Штиріи 1900—718,841, 1910—683,443; въ Каринтіи 1900—256,220, 1910—222,383; въ Краинѣ 1900—253,839, 1910—226,977). И точно такъ же, какъ во всей Австріи, въ этихъ словинскихъ провинціяхъ угрожающе быстро уменьшается количество овецъ, и возрастаетъ свиноводство. Въ области фабричной промышленности Штирія (1911—1044 фабрики) и Каринтія (1911—311) стоятъ значительно выше Краины (145), которая въ этомъ отношеніи превышаетъ только Далмацію и Буковину. Впрочемъ, и по размѣрамъ своимъ Штирія (2,242,623 га, 1,441,604 чел.) и Каринтія (1,032,734 га, 394,735 чел.) превышаютъ Краину (995,526 га, 525,083 чел.).

Въ общемъ, словинскія области, кромѣ Штиріи, не богаты продуктами горной промышленности. Каменнаго угля въ нихъ нѣтъ или почти нѣтъ (1901—3 ничтожное количество было найдено въ Штиріи), зато есть нѣкоторое количество бураго камня (особенно въ Штиріи, гдѣ въ 1910 г. было добыто 28,5 мил. центн., тогда какъ въ Каринтіи и Краинѣ вмѣстѣ всего 5,1 мил. цент. при 211,7 мил. цент. въ Судетскихъ странахъ). Штирія даетъ большую половину всей австрійской добычи желѣза, но ея желѣзо малоцѣнно. Именно, изъ всей добычи желѣза въ Австріи въ 1911 г. (27,658,147 цент.) на долю Штиріи приходилось 17,602,240 цент., а на долю Чехіи 9,271,009 цент., но въ то время, какъ добыча Чехіи оцѣнивалась въ 11,114,913 кр., добыча Штиріи, превосходящая чешскую почти вдвое, оцѣнивалась въ 13,174,666 кр. Въ Краинѣ были найдены въ 1912 г. мѣдныя, антимоніевыя и др. руды, но все въ незначительныхъ количествахъ, въ Каринтіи желѣзо, свинецъ, олово также въ небольшихъ количествахъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Штиріи, имѣющей горнозаводскую и фабричную промышленность, словинскія земли являются областями сельскаго хозяйства. И этимъ, конечно, объясняются многія особенности словинскаго быта: его консервативность, связанная съ чрезвычайно высокимъ моральнымъ уровнемъ населенія и преданностью его церкви, отсутствіе соціализма, ведущаго совершенно искусственное существованіе въ главныхъ городахъ страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдность крестьянскихъ массъ, немногочисленность интеллигенціи и объясняющаяся этимъ особенная трудность національной и политической борьбы.

Вслѣдствіе этого усилія вождей народа были направлены съ особенной энергіей на созданіе болѣе благопріятныхъ условій для экономическаго развитія народа [1]), т.-е. для организаціи дешеваго кредита, выгоднаго сбыта продуктовъ и т. д. Въ этой дѣятельности достойнымъ образомъ соперничаютъ между собой партіи. «Борьба этихъ партій, говоритъ въ своей пражской публичной лекціи тріестскій словинскій депутатъ Рибаръ (см. Národ. Listy, 1 марта 1914 г.), была перенесена изъ области политической въ экономическую. Католическая партія

[1]) Изображенію этой борьбы посвящена книга А. Шиманскаго «Wśród Słowieńców, Szkice z dziejów uspołecznionych pobratymców». Warszawa. 1908. Поправки къ ней Э. Воронецкаго въ журналѣ «Świat Słowiański». 1909, янв., № 49.

основывала потребительскіе кооперативы и съ ихъ помощью подрывала политическое и экономическое значеніе прогрессивныхъ элементовъ. Позже и народная партія поняла важность кооперацiи, но въ это время уже повсюду въ словинскихъ земляхъ, и помимо Краины, имѣлась цѣлая сѣть католическихъ обществъ. Д-ръ Шустершичъ (глава клерикальной партіи) воспользовался идеей всеобщаго избирательнаго права для полнаго подрыва политическаго вліянія прогрессивныхъ элементовъ, что ему въ значительной мѣрѣ и удалось, особенно въ виду побѣды словинской людовой партіи на выборахъ въ рейхсратъ въ 1911 году. Политическая борьба была перенесена и въ область культурную, школьную, въ литературныя и пѣвческія общества; даже противъ соколовъ (прогрессивной партіи) было основано общество орловъ (католической партіей) и т. д.».

Земледѣльческая крестьянская Краина находится почти всецѣло во власти католической партіи; болѣе промышленная Штирія составляетъ, напротивъ, оплотъ для дѣятельности либеральныхъ партій и огранизацій. Католическая партія для смотра своихъ силъ устраиваетъ періодическіе съѣзды въ Люблянѣ, которые собираются подъ руководствомъ высшаго духовенства и дѣлу религіознаго объединенія народа удѣляютъ не меньше вниманія, нежели его національному воспитанію. О томъ, какъ возрастаетъ движеніе, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: на съѣздъ въ августѣ 1906 г. собралось около 7 тыс. человѣкъ (такъ что «либералы и соціалъ-демократы.., видя такое множество католическихъ мужей, не рѣшились мутить ихъ собранія», какъ сказано въ отчетѣ о съѣздѣ 1906 г.); въ августѣ 1913 года число собравшихся превысило 16 тыс., и съѣздъ имѣлъ уже обще-южно-славянскій католическій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣчи его устроителей ясно показывали, что католическая партія («Slovenska Ljudska Stranka») есть, прежде всего, партія крестьянская. Либералы преобладаютъ тамъ, гдѣ есть промышленность и рабочій классъ, т.-е. въ Штиріи, въ намѣстничествѣ Приморскомъ (Горица и Градишка; Тріестъ; Истрія) и т. д. Такъ, въ рукахъ либераловъ находятся «народная рабочая организація» (Narodna delavska organizacija), «союзъ задругъ въ Цельѣ» (въ Штиріи, Zadružna zweza v Celju), «союзъ крестьянскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ», «Адріатическій банкъ» въ Тріестѣ и «Люблянскій кредитный банкъ» съ рядомъ филіальныхъ отдѣленій въ Далмаціи и Каринтіи и т. д. Клерикалы владѣютъ такими обширными учрежденіями, какъ «Союзъ задругъ въ Люблянѣ», «Хозяйственнымъ союзомъ» «Народной ссудо-сберегательной кассой» (Ljudska Posojilnica) и т. д. Чтобы дать представленіе о размѣрѣ этихъ организацій, укажемъ, что клерикальный «Союзъ задругъ» охватывалъ въ концѣ 1906 г. 341 задругу въ словинскихъ земляхъ и Далмаціи (въ томъ числѣ 183 кредитныхъ, 88 сельско-хозяйственныхъ и потребительскихъ, 46 маслодѣльныхъ, 6 виноградарскихъ и т. д. съ общимъ балансомъ въ 7,084,364 кр. и дивидендомъ въ 900 кронъ). Въ томъ же 1906 г. либеральный «Союзъ задругъ» въ Цельѣ обнималъ 167 задругъ (55 райффейзеновскихъ кассъ, 72 ссудо-сберегательныхъ обществъ, 19 маслодѣльныхъ и т. д.). По «Лѣтописи» этого союза всего задругъ въ Каринтіи, Краинѣ, Приморьѣ, Штиріи и Далмаціи имѣлось въ концѣ 1906 года 720, такъ что свыше 100 кооперативовъ не входило ни въ клерикальный, ни въ либеральный союзы. Эти два союза охватываютъ сотни тысячъ людей, доставляя имъ кредитъ и возможность сбыта своихъ продуктовъ. Громадное экономическое значеніе этихъ учрежденій не подлежитъ сомнѣнію. А такъ какъ Краина далеко еще не использована въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, то вспомогательныя учрежденія, типа этихъ задругъ, могутъ дать сильный толчокъ ея экономическому развитію.

Кромѣ экономическихъ организацій, словинскія земли богаты обществами, работающими надъ просвѣщеніемъ сельскихъ массъ. Въ этой области достигнуто очень много, и первенство принадлежитъ клерикальной партіи. Грамотность въ народѣ стоитъ высоко. Въ то время, какъ среди сербовъ и хорватовъ Австріи процентъ неграмотности очень высокъ, у словинцевъ онъ составляетъ всего 15,4, тогда какъ еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ равнялся 34,33. Молодежь почти поголовно грамотна. Въ возрастѣ между 10 и 20 годами процентъ грамотности составляетъ 95,91 у мужчинъ и 95,94 у женщинъ, приближаясь, такимъ образомъ, къ положенію грамотности у чеховъ. Въ возрастѣ между 20 и 30 годами соотвѣтствующія числа равняются 93,49 и 92,89%. Изъ просвѣтительныхъ обществъ на первомъ мѣстѣ по старшинству надо поставить Словинскую матицу (съ 1863 г.), которая издаетъ научный журналъ, посвященный словинскому языкознанію, исторіи и этнографіи («Лѣтопись»), отдѣльныя книги, разсылаемыя членамъ, и т. д. Повидимому, въ послѣднее десятилѣтіе дѣятельность Матицы начинаетъ нѣсколько падать. Ее вытѣсняютъ общества, находящіяся въ рукахъ духовенства и распространяющія среди крестьянства массу дешевыхъ книгъ [1]). «Общество Св. Кирилла и Меѳодія», основанное въ 1885 г., распространяетъ свою дѣятельность по преимуществу на такія области, гдѣ словинцамъ грозитъ опасность потери народности. Для распространенія католической печати («Domoljub» 24 тыс. подписчиковъ, «Bogoljub» 18 тыс, главный органъ партіи «Slovenec», борющійся съ либеральнымъ органомъ «Slovenski Narod», 6 тыс. подписчиковъ и т. д.) былъ учрежденъ въ 80-хъ годахъ «Католическій Союзъ», который въ собственномъ огромномъ домѣ печатаетъ и редактируетъ свыше 10 періодическихъ изданій, въ томъ числѣ очень хорошо издающійся литературный и художественный журналъ «Dom in Svet». Другимъ католическимъ просвѣтительнымъ обществомъ, пользующимся огромнымъ значеніемъ въ народныхъ массахъ, является основанное въ 1852 г. епископомъ Сломшекомъ «Общество Св. Могорія» съ резиденціей въ Целовцѣ (въ Каринтіи). На первомъ съѣздѣ католическихъ словинцевъ въ 1892 году возникло общество, названное въ честь папы Льва XIII, «Леоновымъ» (Leonova Družba). Оно стремится распространять преданность католической церкви въ интеллигентскихъ кругахъ. Кромѣ названныхъ выше, въ словинскихъ земляхъ, среди словинцевъ, мы находимъ множество всевозможныхъ организацій, сообществъ съ разными цѣлями и т. д. Въ одной Краинѣ, почти чисто словинской странѣ, насчитывалось въ 1912 году 1,294 сообществъ, въ томъ числѣ съ образовательными цѣлями 349, музыкальныхъ и пѣвческихъ 75, гимнастическихъ 77 и т. д. Надо прибавить, что либеральное теченіе среди словинцевъ поддерживаетъ живыя связи съ чехами, католическое съ польскими консерваторами, и что всѣ, вообще, словинцы горячіе сторонники идей южнославянскаго культурнаго единенія. Если «иллиризмъ» имѣлъ среди нихъ мало успѣха, то «нео-иллиризмъ», напротивъ, очень популяренъ.

Въ каждой изъ областей, гдѣ живутъ словинцы, имъ приходится вести свою политическую національную борьбу въ различныхъ условіяхъ. Въ Краинѣ равноправіе языковъ, нѣмецкаго и словинскаго, въ школѣ и судѣ, а также въ сношеніяхъ властей съ населеніемъ, достигнуто, и здѣсь ведется внутренняя междупартійная борьба. Въ февр. и мартѣ 1908 г. были произведены выборы въ Краинскій сеймъ, который состоитъ изъ 49 избирательныхъ членовъ и 1 вирилиста, люблянскаго епископа. Выборы дали 9 мѣстъ либеральнымъ депутатамъ, 16 клери-

[1]) См. объ этомъ, Ks. M. Szkopowski. Słowieńcy. Gazeta Warszawska. 23—27 іюля 1913 г.

кальнымъ и 11 нѣмецкимъ. Но 19 іюня 1908 г. сеймъ принялъ избирательную реформу, въ силу которой куріи всеобщаго избирательнаго права дано 10 мандатовъ и еще 1 мандатъ городу Люблянѣ. Выборы по этимъ дополнительнымъ куріямъ были произведены 22 дек. 1908 г. и дали полную побѣду клерикаламъ, которыхъ теперь насчитывалось въ сеймѣ 27. Они использовали это благопріятное положеніе для предоставленія своей партіи и своимъ организаціямъ всяческой поддержки и для борьбы съ «либеральцами». Городъ Любляна, оплотъ либераловъ, такъ пострадалъ отъ этой борьбы, что лишился даже своего словинскаго театра, но клерикамъ и этого было мало: опасаясь, что выборы весной 1914 г. не дадутъ имъ полнаго успѣха, они добились роспуска сейма, и 10 ноября 1913 г., до истеченія шестилѣтняго срока, Краинскій сеймъ былъ распущенъ. Въ декабрѣ же были произведены новые выборы, на которыхъ клерикаламъ не удалось вырвать у прогрессистовъ ни одного мандата. Клерикалы негодовали и старались помѣшать дальнѣйшему развитію народно-прогрессивной партіи съ помощью такого избирательнаго закона, который предоставилъ бы вѣрному имъ крестьянству право голосованія и въ городахъ. На это, однако, не пошли ни либералы ни представители нѣмецкаго крупнаго землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе, клерикалы со своими 27 голосами представляли абсолютное большинство въ сеймѣ и являлись господами положенія. Едва ли, однако, примыкая въ рейхсратѣ къ правымъ партіямъ, клерикамъ удалось бы осуществить завѣтную мечту словинцевъ—получить, наконецъ, давно обѣщанный словинскій университетъ въ Люблянѣ. [1]). Опасаясь сближенія хорватовъ со словинцами, о чемъ усиленно пишетъ печать обоихъ южнославянскихъ католическихъ народовъ, правительство препятствуетъ этому теченію: такъ, уроженцы словинскихъ земель лишены права держать государственные экзамены въ хорватскомъ Загребскомъ университетѣ (въ апр. 1914 г.). Такими мѣрами городское сознательное населеніе Крайны только озлобляется, и съ осени 1908 года въ Люблянѣ не разъ происходили бурныя столкновенія словинцевъ съ нѣмцами.

Гораздо хуже въ національномъ отношеніи обстоитъ дѣло словинцевъ въ Каринтіи, которой посвящена весьма любопытная книжка: «Изъ Каринтійскаго вилайета», представляющая настоящій обвинительный актъ противъ нѣмецкаго хозяйничанія въ странѣ [2]). Въ 1907 г. представитель каринтійскихъ словинцевъ въ рейхсратѣ, Графенауеръ, назвалъ эту страну «австрійской Турціей», гдѣ словинскій народъ долженъ бороться за свои первѣйшія человѣческія права. Дѣйствительно, данныя, приводимыя въ названной книжкѣ, обнаруживаютъ, какъ тяжела для словинцевъ Каринтіи борьба за національное существованіе Въ 1861 году здѣсь было 28 чисто словинскихъ школъ и 56 школъ, гдѣ въ первомъ классѣ учили и словинской, и нѣмецкой азбукамъ, а дальше преподаваніе велось на словинскомъ языкѣ. Въ настоящее время словинскихъ школъ лишь 3, двуязычныхъ 84 и чисто нѣмецкихъ 30.

---

[1]) Вопросъ о словинскомъ университетѣ былъ поднятъ еще въ 1868—69 г. Затѣмъ вопросъ былъ надолго похороненъ и поднятъ вновь только въ 1898 г. Въ Городскомъ совѣтѣ Любляны за него голосовали даже нѣмецкіе члены. Императоръ обѣщалъ (1 марта 1899 г.) принять словинскую депутацію, но не назначилъ срока, и аудіенція не состоялась. Съ тѣхъ поръ вопросъ постоянно поднимался вновь, и, наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія Гартель заявилъ (24 іюня 1905 г.), что правительство готовится къ открытію словинскаго университета въ Люблянѣ. Съ тѣхъ поръ офиціальные вѣнскіе круги молчали объ этомъ дѣлѣ, несмотря на постоянныя выступленія молодежи, заявленія словинскихъ парламентскихъ дѣятелей и т. д. См. статью France Stele. Sprawa uniwersytetu Slowieńskiego. Świat Słowiański. 1909, апрѣль, № 52.

[2]) Aus dem Wilayet Kärnten. Verlag des «Slov. katoliško-politič. in gospodarsko društvo zaslovence na Koroškem» in Klagenfurt. 1913.

Школы служатъ, какъ въ Познани, орудіемъ германизаціи; дѣтей бранятъ и наказываютъ, если они говорятъ между собой по-словински. Учителей—словинцевъ почти нѣтъ въ Каринтіи; въ учительской семинаріи въ Целовцѣ (Клагенфуртѣ) изъ 200 воспитанниковъ всего 20—25 словинцевъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ при громадномъ словинскомъ большинствѣ живетъ нѣсколько нѣмцевъ (иногда даже бездѣтныхъ), заводятся двуязычныя школы, какъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Та же система подавленія словинскаго національнаго сознанія проводится и въ средней школѣ, исключительно нѣмецкой. «Неестественныя школьныя условія, жалуются авторы книги, нанесли словинскому народу еще другую, не менѣе глубокую рану. Словинское населеніе въ Каринтіи, за исключеніемъ духовенства, бѣдно интеллигенціей. При поступленіи въ исключительно нѣмецкія среднія школы къ словинскимъ ученикамъ предъявляются тѣ же требованія, что и къ нѣмецкимъ». Вслѣдствіе этого учениковъ-словинцевъ въ среднихъ школахъ несравненно меньше, чѣмъ нѣмцевъ: первыхъ было въ 1910/11 уч. году всего 132, вторыхъ 1423. Такимъ образомъ, ростъ свободной и служащей интеллигенціи среди каринтійскихъ словинцевъ оказывается задержаннымъ, а нѣмецкая интеллигенція (окружные врачи, ветеринары, чиновники) служитъ вполнѣ опредѣленно цѣлямъ германизаціи. Тѣмъ же задачамъ соотвѣтствуетъ и распредѣленіе избирательныхъ округовъ. По этому распредѣленію, «37,600 словинцевъ могутъ въ благопріятномъ случаѣ послать одного народнаго представителя въ рейхсратъ, а 53 тыс. (или, въ дѣйствительности, 83 тыс.) словинцевъ поглощаются избирателями нѣмцами. Лишь два избирательные округа являются чисто-нѣмецкими, а 8 округовъ представляютъ смѣшанное населеніе, вслѣдствіе чего національная распря охватываетъ почти всю Каринтію». Самую австрійскую статистику словинцы обвиняютъ въ крайнемъ національномъ пристрастіи къ нѣмцамъ. Начиная съ 1880 г., каждая перепись отмѣчаетъ ихъ убыль (въ 1890 г. 255 тыс. нѣмцевъ и 101 тыс. словинцевъ, въ 1900 г. 270 тыс. нѣмцевъ и 90,5 тыс. словинцевъ, въ 1910 г. 304 тыс. нѣмцевъ и всего 82 тыс. словинцевъ). Такого рода убыль представляется совершенно неестественной: самыя статистическія данныя, при анализѣ ихъ, оказываются безвыходно противорѣчивыми. По мнѣнію авторовъ книги «Изъ каринтійскаго вилайета», число словинцевъ въ Каринтіи должно быть поднято на 30 тыс. человѣкъ, т.-е. составлять около 112 тыс.

Подобно Хорватіи намѣренно задерживается экономическое развитіе и Каринтіи. Чрезмѣрно высокое прямое обложеніе, представляющее въ 1913 г. свыше 11 кронъ на человѣка, и несоразмѣрно малыя ассигнованія на культурныя потребности страны, пренебреженіе къ охранѣ лѣсовъ, занимающихъ 44% всей поверхности страны, и т. п. постепенно все болѣе разоряютъ страну. А тѣ фонды, которые должны содѣйствовать подъему сельскаго хозяйства страны, фактически оказываются средствами для германизаціи населенія. Окончательно германизированы и суды, которые постепенно, начиная съ 1903 г., вытѣснили словинскій языкъ изъ судопроизводства (принятіе жалобъ, протоколовъ свидѣтельскихъ показаній и т. д.). Однимъ словомъ, Каринтія подвергается безудержному процессу германизаціи. Не даромъ органъ мѣстнаго «Общества для поощренія нѣмцевъ за границей», съ торжествомъ отмѣчаетъ, что за 10 лѣтъ (1900—1910) число нѣмцевъ въ словинскихъ земляхъ, въ Австріи и Тиролѣ возросло на 12,52%, тогда какъ словинцы увеличились на 5,08%, а итальянцы на 5,56%. Изъ всѣхъ же словинскихъ земель только Каринтія представляетъ быструю убыль словинскаго народа.

Въ Штиріи численность словинцевъ остается почти безъ перемѣнъ, тогда какъ процентное отношеніе нѣмцевъ возрастаетъ (1900—1910 съ

68,71% до 70,50%). Абсолютный приростъ словинцевъ въ Штиріи за десять лѣтъ составилъ 153 человѣка (или 0,04%), относительно же къ населенію произошла убыль ихъ (съ 31,18 до 29,37%). Этотъ приростъ нѣмецкаго элемента объясняется не большей плодовитостью нѣмецкихъ семей, но все возрастающей иммиграціей нѣмецкаго элемента. Именно, нѣмцы селятся въ промышленныхъ кругахъ Брукъ, Юденбургъ и Любно. Такимъ образомъ, на нѣмецкомъ языкѣ говоритъ 70,5% населенія, но изъ нихъ лишь 68,5% происходитъ отъ родителей, жившихъ въ Штиріи; 2,5% представляетъ пришлый элементъ. Вслѣдствіе этого нѣмцы не полагаютъ нужнымъ и въ Штиріи считаться съ національными требованіями словинцевъ. Въ октябрѣ 1913 г. часть словинскихъ депутатовъ Штирійскаго сейма предложила нѣмцамъ проектъ соглашенія на слѣдующихъ условіяхъ: раздѣленіе мѣстнаго школьнаго совѣта на два отдѣла (одинъ для нѣмецкой школы, другой для словинской и смѣшанной [1]), выдача безпроцентныхъ пособій на виноградарство, основаніе земледѣльческой словинской школы, раздѣленіе мѣстнаго сельско-хозяйственнаго совѣта на національныя секціи и т. д. Всѣ эти предложенія были отвергнуты нѣмецкимъ большинствомъ, и намѣстникъ, гр. Клари, выступилъ съ очень скромнымъ проектомъ соглашенія, въ которомъ предложилъ словинцамъ одну мужскую и одну женскую (для деревенскихъ хозяекъ) школы; этотъ проектъ и былъ принятъ сеймомъ. Какъ равнодушно относится правительство къ національнымъ требованіямъ штирійскихъ словинцевъ, видно изъ того, что оно содержитъ лишь одну низшую словинскую гимназію въ Цельѣ (Цилли) и словинскіе параллельные классы въ Мариборѣ (Марбургѣ). Словинская прогимназія въ Цельѣ такъ переполнена учащимися, что пріемъ въ нее закрытъ, а новаго зданія правительство не воздвигаетъ. Между тѣмъ для нѣмцевъ въ южной, словинской части Штиріи существуютъ три полныя нѣмецкія гимназіи. Естественно, что при множествѣ подобныхъ ежедневныхъ стѣсненій словинскій народъ въ Штиріи теряетъ свою жизненную энергію. Поразительный фактъ этого рода произошелъ весной 1914 года, когда наибольшая словинская община въ южной Штиріи, промышленное мѣстечко Трбовлье, упустила изъ своихъ рукъ общинную власть. Несмотря на то, что въ этомъ мѣстечкѣ на 11 тыс. жителей 10½ признаетъ себя словинцами, а лишь около 500 человѣкъ нѣмцами, на выборахъ въ общинный совѣтъ прошли нѣмцы. Пренебреженіе къ словинскому языку заставило словинскихъ адвокатовъ Штиріи и Каринтіи обратиться (въ апр. 1914 г.) въ австрійское министерство юстиціи съ жалобой и требованіемъ признавать законныя права словинцевъ. Едва ли, однако, изъ этой жалобы что-нибудь вышло бы, такъ какъ дѣятельность мѣстныхъ судовъ въ Австріи находится въ согласіи съ общей политикой министерства юстиціи.

Въ самыхъ южныхъ словинскихъ земляхъ, Горицѣ и Градишкѣ, политическое положеніе словинцевъ также не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. И здѣсь процентное отношеніе ихъ убываетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ (1890—63,13% 1900—62,37%, 1910—61,85%) въ пользу итальянскаго прироста (35,78%; 36%; 36,06%). Среди самого словинскаго населенія этой провинціи кипитъ ожесточенная партійная борьба, и въ 1913 г. мѣстный сеймъ долженъ былъ разойтись, такъ какъ одна партія за другой прибѣгала къ обструкціи. Либеральная партія пыталась пріобрѣсти популярность въ народныхъ массахъ

[1]) Въ 1911 году изъ народныхъ школъ въ Штиріи (allgemeine Volksschulen) было 626 съ нѣмецкимъ языкомъ, 49 со смѣшаннымъ нѣмецко-словинскимъ преподаваніемъ и лишь 228 словинскихъ, тогда какъ на 138.549 нѣмецкихъ школьниковъ приходилось 50.434 словинскихъ.

съ помощью основанія здѣсь, какъ въ Краинѣ, различныхъ кооперативныхъ учрежденій. Однако, здѣсь дѣло не пошло. Тогда либералы, сорганизовавшись въ «народную» партію, стали во время предвыборной борьбы возстановлять крестьянство противъ мѣстнаго духовенства. Въ свою очередь и въ католическомъ лагерѣ господствовалъ расколъ: старшее поколѣніе находилось въ соглашеніи съ итальянскими либералами, младшее считало болѣе подходящимъ компромиссъ съ католической итальянской партіей и вело органическую работу среди крестьянскаго населенія. Органъ его, «Novi Čas», пользовался наибольшимъ распространеніемъ среди словинцевъ Горицы. Кандидаты этой партіи и побѣдили въ словинскихъ округахъ на выборахъ осенью 1913 г., но на общинныхъ выборахъ, происходившихъ весною 1914 г,. итальянцы въ союзѣ съ нѣмцами вышли побѣдителями. Несмотря на то, что почти всѣ словинскіе избиратели приняли участіе въ выборахъ, ихъ голоса раздѣлились между партіями, и въ результатѣ словинскіе кандидаты получили по 339 голосовъ, тогда какъ итальянскіе по 500—512 («Świat Słow». 1914, май. № 113). Только осенью 1913 г. возникла первая словинская гимназія въ Горицѣ, и въ нее вступило сразу свыше 400 человѣкъ.

Особое положеніе южные славяне занимаютъ въ Истріи и Тріестѣ. Именно, въ Истріи на 386.463 чел. официальная статистика 1910 г., преуменьшающая численность славянъ, насчитываетъ 12.735 нѣмцевъ (3,3%), 55.134 словинца (14,26%), 168.184 сербо-хорватовъ (43,52%) и 147.417 итальянцевъ (38.15%). Въ Тріестѣ и его округѣ на 190.913 чел. приходится 11.856 на нѣмцевъ (6,21%), 56.916 на словинцевъ (29,81%), 2403 на сербо-хорватовъ (1,26%) и 118.959 на итальянцевъ (62,31%). Такимъ образомъ, въ Истріи итальянцы составляютъ очень значительный, а въ Тріестѣ преобладающій элементъ, придающій свой характеръ городу. Такъ какъ городъ Тріестъ представляетъ громадную важность для Австріи въ качествѣ ея торговой и военной гавани на сѣверѣ Адріатическаго моря, то на итальянцевъ этого города съ ихъ итальянскимъ патріотизмомъ австрійское правительство смотрѣло съ опаской, не рѣшаясь, однако, въ виду существованія Тройственнаго союза показывать свое недовѣріе къ австрійскому лоялизму своихъ итальянскихъ гражданъ. Оно готово было сдѣлать извѣстныя уступки имъ въ области просвѣщенія, не разрѣшая, однако, итальянскаго университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не поддерживало и своихъ славянскихъ гражданъ, хотя словинцы пріобрѣтали все большее значеніе въ Тріестѣ. Вслѣдствіе этого, какъ въ Истріи, такъ и въ Тріестѣ національныя отношенія на почвѣ борьбы славянъ съ итальянцами становились иногда очень враждебными. Въ Истріи, особенно, политическая жизнь дошла почти до анархіи, чѣмъ было вызвано изданіе новаго избирательнаго и автономическаго закона въ 1908 году [1]). Славянское населеніе, до того времени почти исключенное изъ участія въ автономическихъ учрежденіяхъ, должно было получить возможность участвовать въ нихъ. Однако, уже осенью 1908 г. итальянскіе члены сейма дали понять, что они не допустятъ никакихъ измѣненій въ установившемся порядкѣ вещей, и хотя въ 1909 г. наступила возможность избрать новую исполнительную комиссію ландтага, итальянцы продолжали свою борьбу. Какъ писалъ членъ истрійскаго сейма Черваръ, «наибольшая вопіющая несправедливость, наибольшее нарушеніе закона и конституціи совершается, конечно, въ области школьнаго дѣла, такъ какъ школа представляетъ главный денаціонализирующій элементъ въ рукахъ могущественнаго врага, а такимъ врагомъ славянства въ Истріи

[1]) Kr. Mieroszowski. Stosunki w sejmie istryjskim. Świat Słowiań. 1911, іюнь № 78. Ср. прокламацію славянъ по поводу университета тамъ же № 112.

является исполнительная комиссія и тріестское правительство. Здѣшняя школьная система, подъ руководствомъ школьнаго совѣта и правительственной власти, можетъ быть уподоблена развѣ только прусской системѣ и задачамъ, которыя она преслѣдуетъ по отношенію къ полякамъ». Въ Тріестѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одной словинской школы, тогда какъ на основаніе итальянскихъ мѣстное самоуправленіе не щадило средствъ. Поэтому, словинцы и хорваты Тріеста энергично высказывались противъ основанія здѣсь итальянскаго университета, «какъ противъ еще большаго усиленія воинствующей позиціи итальянцевъ» (весной1914 г.). И, вообще, противъ итальянскаго преобладанія въ Истріи со стороны славянъ велась все болѣе энергичная борьба. Вслѣдствіе продолжительной бездѣятельности истрійскій сеймъ былъ распущенъ 30 янв. 1914 г., и новые выборы были назначены на іюнь 1914 г. Они дали результаты, которые показали, что политическому господству итальянцевъ, столь же нетерпимыхъ въ національномъ отношеніи, какъ и нѣмцы, наступаетъ конецъ: изъ 57.095 поданныхъ голосовъ 30.660 пришлось на долю хорватско-словинскихъ кандидатовъ, и въ сеймъ прошелъ цѣлый рядъ славянскихъ депутатовъ (Hrvatski Pokret. 13 іюня 1914 г., Národ. Listy. 7 іюня 1914 г.).

Если во всѣхъ австрійскихъ земляхъ, гдѣ живутъ словинцы, они вели упорную борьбу за свое національное существованіе и экономическое развитіе, то этого нельзя сказать про незначительныя словинскія и сербо-хорватскія поселенія въ Италіи. Точно такъ же немногочисленны словинцы, живущіе вдоль штирійской границы въ предѣлахъ Венгріи и до недавняго времени лишенные національнаго сознанія. Въ послѣднее время, однако, подъ вліяніемъ агитаціи, идущей изъ Штиріи, они стали пробуждаться въ національномъ отношеніи, и въ Люблянѣ стала выходить газетка для нихъ (Novine). Несмотря на попытки венгерской власти задержать распространеніе этого изданія, она оказалась не въ состояніи помѣшать ему и только увеличила популярность газеты въ населеніи. Въ Италіи [1]), во Фріулѣ, словинцы живутъ, по изслѣдованіямъ проф. Бодуэна-де-Куртенэ, въ 8 чисто словинскихъ селахъ округа св. Петра, въ чисто-славянскомъ селѣ Резьѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Сербо-хорваты разбросаны въ разныхъ областяхъ Италіи уже съ древняго времени: объ ихъ наличности въ южной Италіи въ 642 г. разсказываетъ Павелъ Діаконъ; въ Сициліи славяне упоминаются съ начала 10 в. и т. д. Существующія въ настоящее время сербо-хорватскія поселенія въ Молисе восходятъ точно такъ же къ старому времени: они не позже 13 в., хотя должны были пополняться позднѣйшими приселеніями, какъ на это указываютъ данныя ихъ языка. Численность здѣшнихъ сербо-хорватовъ опредѣляется для 1901 года въ 4300 человѣкъ, изъ которыхъ около 700 находилось на заработкахъ въ Америкѣ. Національное сознаніе этого населенія довольно темно. «Хотя уже вслѣдствіе отличія въ языкѣ колонисты сознаютъ свою обособленность отъ итальянскихъ и албанскихъ сосѣдей, однако, они имѣютъ весьма смутное представленіе о томъ, кто они собственно такіе. Они слышатъ, что итальянцы называютъ ихъ славянами, и потому и сами называютъ себя Šklàvûn, šklàvûnka (славянинъ, славянка), но большинство уже и не подозрѣваетъ, что, кромѣ ихъ крошечнаго славянскаго оазиса, существуетъ еще громаднѣйшій славянскій міръ». Ни сербами, ни хорватами эти занесенные волей судебъ въ чужой міръ южные славяне себя не называютъ.

---

[1]) Milan Rešetar. Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens. Wien. 1911. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung. (Здѣсь и подробный обзоръ всей имѣющейся литературы о славянахъ въ Италіи).

XVII.

Болгарское царство.

Исторія болгарскаго народа [1]) представляетъ во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствіе исторіи сербскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ она складывалась подъ воздѣйствіемъ одинаковыхъ политическихъ факторовъ, сначала Византійской, потомъ Оттоманской имперіи, но иное положеніе на полуостровѣ, въ его восточной болѣе равнинной части, прилегающей къ Черному морю и пересѣченной только Балканскими и Родопскими горами, обусловило такое объединеніе болгарскаго народа, какого никогда до сихъ поръ не зналъ сербскій. Послѣдній съ момента, когда онъ становится извѣстнымъ въ исторіи и все болѣе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, былъ раздѣленъ между цѣлымъ рядомъ государствъ; болгарскій народъ образовался очень быстро, съ конца VII по начало IX вѣка, подъ воздѣйствіемъ болгарской орды, изъ славянскихъ племенъ, ближайше родственныхъ сербскимъ. Болгарскіе пришельцы съ береговъ Волги, повидимому, близкіе родственники чувашей, принесли съ собой аристократическій родовой строй, присущій кочевой тюркской культурѣ; они подчинили себѣ восточно-балканскихъ славянъ, объединили ихъ подъ своей властью, и создали уже въ началѣ VIII в. сильное государство, угрожавшее Византіи. Развалины первой болгарской столицы, найденныя и изслѣдованныя трудами Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, обнаруживаютъ своеобразный болгарскій бытъ и сильное раннее проникновеніе его византійскими культурными вліяніями. И это первое, еще языческое болгарское царство, въ которомъ политически господствуетъ болгарскій элементъ (со своимъ боярствомъ), обнаруживаетъ уже тѣ тенденціи, подъ вліяніемъ которыхъ слагается вся дальнѣйшая исторія болгаръ. Именно, стремленіе подчинить своей непосредственной власти всю восточную половину Балканскаго полуострова съ Солунью и завоевать самую Византію, чтобы превратить болгарскихъ государей въ «царей грековъ и болгаръ», съ одной стороны, а съ другой, полное, безусловное подчиненіе гипнотизирующему вліянію этой ненавистной, но вѣчно манящей Византіи-Царьграда, какъ до сихъ поръ болгары называютъ Константинополь: эти два теченія обнаруживаются во всей средне-вѣковой исторіи болгарскаго народа. И теперь еще Царьградъ влечетъ къ себѣ болгарскій народъ, какъ влекъ когда-то, но, какъ въ былыя времена, передъ стѣнами его и теперь остановились побѣдоносныя болгарскія войска. Историческая мечта не осуществилась.

Немногочисленная съ самаго начала, не получавшая прилива свѣжихъ силъ съ родины, болгарская орда испытала ту же судьбу, что и варяги

[1]) А. Погодинъ. Исторія Болгаріи С.-Петербургъ. 1910 (здѣсь литература предмета). Н. Овсяный. Болгарія и Болгары. 1900.

среди русскихъ племенъ: она растворилась среди славянъ. А принятіе христіанства по греческому обряду, со славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, означало окончательную политическую и культурную побѣду славянства. Болгарская аристократія попробовала сопротивляться, но была подавлена, и съ 865 г. болгарское княжество Бориса становится уже славянскимъ государствомъ. Сынъ Бориса, знаменитый болгарскій царь Симеонъ, распоряжается на Балканскомъ полуостровѣ почти самовластно: онъ диктуетъ свою волю Византіи (и все же не можетъ взять Царьградъ), распоряжается судьбами сербскихъ племенъ, только что еще организующихся для государственной жизни, и внутри своего царства онъ торопливо насаждаетъ византійскую образованность и культуру. Это настоящій южно-славянскій Петръ Великій, сумѣвшій своей желѣзной волей толкнуть Болгарію разъ навсегда по ея историческому пути, но отравившій ея жизнь заносными вліяніями. И Болгарія погибла, разложилась еще до турецкаго порабощенія вслѣдствіе глубоко-ненаціональнаго курса, который былъ данъ ея развитію. Симеонъ былъ такъ могучъ, что при немъ Болгарія господствовала на Балканахъ, но уже сынъ его, совершенно подчинившись византійскому вліянію, уронилъ болгарское могущество. Національный протестъ выразился въ религіозномъ сектантствѣ, которому съ особенной силой былъ подверженъ болгарскій народъ въ средніе вѣка. Съ первоначальными языческими вѣрованіями его соединились религіозныя дуалистическія вліянія, пришедшія съ Востока, и уже въ половинѣ X вѣка, почти одновременно съ побѣдой христіанства въ Болгаріи, мы слышимъ о распространеніи здѣсь богомильства. Въ Сербіи, куда это послѣднее также проникло, его удалось уничтожить крутыми мѣрами расправъ съ еретиками, но въ Болгаріи ничто не дѣйствовало: ни соборныя запрещенія, ни казни, ни гоненія на богомиловъ въ Византіи. Богомильство дожило до эпохи упадка Болгаріи и отразилось въ дальнѣйшей жизни ея переходомъ прежнихъ богомиловъ въ католицизмъ (особенно, около Филиппополя). Національный протестъ, который можно найти въ богомильствѣ, проявлялся здѣсь довольно стихійно и анархически; онъ заключался въ непризнаніи господствующей церкви съ ея установленіями и въ отрицаніи существующаго государственнаго строя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ богомильствѣ должны были заключаться и здоровыя струи, о которыхъ мы, конечно, ничего не слышимъ отъ противниковъ богомильства, передавшихъ намъ его ученія. Близкій къ богомиламъ южно-болгарскій македонскій князь Самуилъ возстановилъ въ концѣ X вѣка болгарское царство, но прочнаго могущества не удалось создать и ему. Съ 1018 года до 1186 Болгарія находится въ полномъ подчиненіи Византіи, и греческое правительство спѣшитъ эллинизировать свои болгарскія провинціи, вводя здѣсь византійскія аграрныя отношенія, византійское чиновничество и дѣлая церковь важнѣйшимъ орудіемъ эллинизаціи. Но въ XII в. въ Болгарію массами врываются изъ южно-русскихъ степей тюркскіе кочевники, ассимилирующіеся съ болгарскимъ славянскимъ населеніемъ; точно такъ же румынскіе пастухи-кочевники, влахи, плохо подчиняются въ своихъ горахъ греческой власти, и когда въ самой Византіи императорская власть начинаетъ колебаться, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Болгаріи, въ горной мѣстности, окружающей городъ Терново, происходитъ новое возстаніе болгаръ и влаховъ, подъ властью, кажется, неславянской династіи Асѣней. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого болгарское царство, возстановленное Асѣнями, достигло почти такихъ же размѣровъ, какіе имѣли царства Симеона и Самуила. Византія переживаетъ въ эту пору періодъ полнаго политическаго упадка: Константинополь попадаетъ въ руки крестоносцевъ, основывающихъ Латинское царство, и болгарскіе православные цари, выступая претен-

дентами на Византію, являются въ глазахъ греческаго населенія защитниками православія. Уже въ началѣ XIII в., казалось, даровитымъ Асѣнямъ было легко завладѣть Царьградомъ, который находился въ слабыхъ рукахъ латинянъ, но и на этотъ разъ судьба обманула ихъ; поднимается нѣсколько претендентовъ на престолъ Византіи изъ числа греческихъ вельможъ, и Асѣни опять оказываются врагами грековъ, когда латинское царство пало. Талантливѣйшій изъ этой династіи, Іоаннъ Асѣнь II въ первой половинѣ XIII в. возстановляетъ болгарское патріаршество, уничтоженное послѣ гибели перваго болгарскаго царства. Но послѣ его смерти въ Болгаріи наступаютъ смуты, престолъ переходитъ къ разнымъ авантюристамъ, и въ началѣ XIV в. Болгарія становится настолько слабой, что только безсиліе самого Константинополя предохраняетъ ее отъ новаго подчиненія Византіи. Зато ей грозитъ серьезная опасность со стороны быстро развивающагося сербскаго королевства Нѣманичей. Но почему-то Нѣманичи ограничиваются гегемоніей на Балканскомъ полуостровѣ, не стремясь къ завоеванію Болгаріи, и здѣсь въ тридцатыхъ годахъ XIV вѣка становится царемъ Іоаннъ-Александръ, поклонникъ греческаго образованія. При немъ Болгарія превращается всецѣло во вторую Византію, и самый официальный языкъ въ дошедшихъ до насъ документахъ этого времени переполненъ греческой юридической номенклатурой. Народная масса порабощена, ея духовная жизнь находитъ для себя исходъ только въ страстныхъ религіозныхъ исканіяхъ, напоминающихъ русское сектантство; литературы нѣтъ почти никакой; нѣтъ и государственнаго сознанія. Между тѣмъ Болгаріи грозили страшные враги съ сѣвера, мадьяры, и еще болѣе страшные съ юга, турки османы. Въ самомъ государствѣ господствовалъ развалъ; оно распадается на три самостоятельныя части. Разумѣется, при этихъ условіяхъ борьба болгаръ съ турецкимъ нашествіемъ была еще болѣе коротка, чѣмъ въ Сербіи, и завоеваніе еще болѣе полно. Послѣ Косовской битвы Сербія долго хранила свою автономію; Болгарія пала сразу и окончательно послѣ завоеванія Тернова (въ концѣ XIV в.), и самый царь ея, Иванъ Шишманъ, погибъ.

Подчиненіе болгаръ турецкому владычеству оказалось гораздо болѣе глубокимъ, чѣмъ подчиненіе сербовъ. Болгарія была ближе къ Константинополю, находилась на прямомъ пути изъ него въ румынскія княжества и Венгрію, и по той же самой причинѣ, по которой византійская культура такъ безраздѣльно захватила Болгарію, теперь овладѣлъ этою послѣдней политически Стамбулъ. Сербы поднимались нѣсколько разъ противъ турокъ; отъ усиливающейся Австріи они ожидали спасенія для себя, и въ ея предѣлахъ сербская эмиграція находила болѣе сносныя условія для существованія. У болгаръ не было ничего этого: Австрія была далеко, задунайскія страны сами были порабощены турками, Россія едва складывалась въ могущественное Московское княжество, которое уже помѣрялось силами съ татарами, но все еще продолжало страдать отъ ихъ набѣговъ. И все же всю свою надежду на избавленіе болгары перенесли на Россію, на мистическаго, таинственнаго «дѣда Ивана», подъ которымъ, повидимому, скрывается вел. князь Иванъ III. Надежда на Россію свѣтила путеводной звѣздой болгарскому народу въ теченіе его пятивѣкового турецкаго рабства. И когда эта надежда оправдалась, болгарская народная масса оказалась настолько крѣпко сросшейся съ Россіей. что ни годы Стамбуловщины, ни лукавая политика болгарскаго государя. принца Фердинанда Кобургскаго, не могли разорвать этой связи. И теперь она сохраняется, хотя болгарскій народъ безгласно внимаетъ инсинуаціямъ и брани на Россію органовъ и партій, дѣйствующихъ въ интересахъ Австро-Венгріи и Германіи.

Покоривъ болгарскій народъ, турки выдѣлили нѣкоторые классы его въ болѣе привилегированныя сословія. Они нуждались въ людяхъ, которые могли бы охранять и вести ихъ военные обозы во время походовъ, и такимъ людямъ они придали характеръ полувоенной организаціи: *войниковъ* (или *войниганъ*). Войники управлялись собственнымъ начальствомъ, не подлежали турецкой власти, были свободны отъ турецкихъ налоговъ и поборовъ, и, естественно, въ «войнишкихъ селахъ» хранилось національное сознаніе. Были и другіе менѣе значительные и менѣе привилегированные классы, которые, однако, въ совокупности своей составили важный элементъ въ болгарскомъ населеніи. Такъ было, пока сама Турція не утратила своей военной организаціи. Но съ XVII в. наступаетъ эпоха медленнаго разложенія Турецкой имперіи; привилегіи теряютъ всякое значеніе въ той анархіи, которая становится здѣсь нормальнымъ состояніемъ, и пользуясь этимъ, старые, исконные враги балканскаго славянства, никогда не могшіе примириться съ мыслью о самостоятельности и господствѣ балканскихъ славянъ, константинопольскіе греки начинаютъ распространять свое вліяніе на сербовъ и на болгаръ. Болгарія не знала періода «фанаріотскихъ князей», которые господствовали въ придунайскихъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, но она испытала [горшее: полное порабощеніе своей церкви узко-національнымъ, корыстолюбивымъ и коварнымъ фанаріотскимъ духовенствомъ. И, подъ вліяніемъ этого греческаго господства, все то въ Болгаріи, что поднималось надъ невѣжественной массой, называло себя греками, говорило и писало по-гречески, презирало все болгарское. Эта эпоха позорнаго отреченія отъ своей народности охватила Болгарію съ еще большей силой, нежели самое турецкое владычество.

Но въ послѣднія десятилѣтія XVIII в. кое-гдѣ начинаетъ уже пробуждаться національное сознаніе, протестующее въ одинаковой мѣрѣ противъ турецкаго владычества и греческаго гнета. Появляются кое-какія попытки составить исторію болгарскаго народа; возникаетъ въ первыя десятилѣтія XIX в. и литература учебниковъ для народа. Но все это были единичныя, разрозненныя попытки; господствующимъ явленіемъ оставалось полное подчиненіе греческому языку и культурѣ всего создающагося торговаго класса болгаръ, почти единственной болгарской интеллигенціи. Такія же настроенія господствовали и среди болгарской торговой колоніи въ Одессѣ, зажиточныхъ выходцевъ изъ болгарскаго городка Габрова, который пользовался любопытной привилегіей: здѣсь не могъ родиться ни одинъ турокъ. Это исключительное положеніе Габрова, уже тогда зажиточнаго, промышленнаго городка, дѣлало его жителей особенно воспріимчивыми къ идеямъ національнаго достоинства. Нуженъ былъ только толчокъ, и таковымъ явилась вышедшая въ Москвѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ книга Венелина «Древніе и нынѣшніе болгары». Она напоминала болгарамъ объ ихъ минувшей славѣ и о позорѣ турецкаго и фанаріотскаго рабства, и затрагивала такія глубокія струны въ сердцахъ болгаръ, что не прошла безслѣдно. Представители болгарской колоніи въ Одессѣ, Априловъ, Палаузовъ и др., почувствовали себя болгарами и посвятили всю остальную свою жизнь дѣлу болгарскаго національнаго воспитанія. Въ Габровѣ было заведено первое настоящее училище, около котораго сгруппировались болгарскіе патріоты, и болгарское національное возрожденіе пошло чрезвычайно быстро. Центромъ политической дѣятельности новой болгарской интеллигенціи сдѣлалась, естественнымъ образомъ, столица государства, т.-е. Константинополь, гдѣ было много вліятельныхъ болгарскихъ торговцевъ. А борьба направилась не противъ турецкаго правительства, по отношенію къ которому болгарская интеллигенція подчеркивала свой наружный

лоялизмъ, а противъ греческаго духовенства. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ вопросъ стоялъ уже очень остро; патріархъ уже не разбиралъ средствъ, чтобы подавить болгарскую «крамолу». Въ самомъ Константинополѣ среди болгаръ не было единомыслія: старшее поколѣніе стояло за компромиссъ, младшее, воспитанное по большей части во французской Константинопольской коллегіи, было настроено радикально. Во главѣ младшаго поколѣнія сталъ журналъ «Гайда», редактируемый Петко Славейковымъ. Этому послѣднему принадлежитъ также заслуга созданія болгарскаго литературнаго языка: именно, переведя, по порученію Лондонскаго библейскаго общества, Библію на болгарскій языкъ, Славейковъ воспользовался для перевода восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ [1]). «Переводъ Библіи положилъ конецъ безпорядочности, борьбѣ различныхъ говоровъ, и установилъ литературный языкъ. Послѣ выхода въ свѣтъ Библіи (1871) прекратились раздоры между разными болгарскими говорами; восточно-болгарскій сталъ общимъ для всѣхъ борцовъ за мысль и національное сознаніе». За годъ передъ тѣмъ болгары добились перваго крупнаго успѣха и въ своей національной борьбѣ. Поддерживаемые энергическими усиліями русской дипломатіи, особенно русскаго посланника въ Константинополѣ, генерала Игнатьева, болгары добились въ 1870 г. отдѣленія отъ Константинопольскаго патріархата въ качествѣ самостоятельной національной церкви. Церковный соборъ въ Константинополѣ объявилъ новую болгарскую церковь «схизматической и чуждой православной церкви Христовой» [2]).

Одновременно съ этой борьбой противъ греческаго духовнаго угнетенія болгары вели упорную борьбу за свое политическое освобожденіе отъ Турціи. Все шире стало развиваться гайдучество, какъ старый національный пріемъ борьбы съ турками и ихъ приверженцами, разбогатѣвшими и угнетавшими народную массу торговцами. Гайдуки шли въ горы, грабили и убивали этихъ «чорбаджіевъ» и турокъ, но, конечно, такія партизанскія дѣйствія не могли привести ни къ какимъ политическимъ результатамъ. Молодежь болгарская эмигрировала въ Швейцарію и особенно часто въ Бухарестъ, устраивала революціонные комитеты, боролась за революціонныя программы, пробовала пропагандировать въ народѣ идею возстанія и даже совершала нѣкоторыя попытки вооруженныхъ дѣйствій въ Болгаріи. Но и эти попытки оканчивались неудачами: повстанцевъ вѣшали, убивали, сажали въ тюрьмы. Такъ погибли дьяконъ Василій Левскій, прекрасный молодой поэтъ Христо Ботевъ и т. д. Дѣло не подвигалось ни на шагъ, и если бы не вмѣшалась Россія, предпринявшая единственную въ исторіи человѣчества послѣ крестовыхъ походовъ войну за освобожденіе христіанскихъ братьевъ, болгарская четническая борьба превратилась бы въ длительное революціонное состояніе, въ какомъ находилась десятки лѣтъ Македонія. Съ громадными усиліями, при явномъ недоброжелательствѣ Европы, Россія освободила Балканскій полуостровъ отъ турецкой власти. Миръ, заключенный побѣдителями подъ стѣнами Константинополя, т. наз. Санъ-Стефанскій договоръ, дѣйствительно, освобождалъ весь полуостровъ отъ турокъ: Болгарское княжество должно было охватить и Ѳракію, и Македонію; Боснія и Герцеговина объявлялись автономными областями. Все это было уничтожено Берлинскимъ конгрессомъ 1878 г.: Болгарское княжество, поставленное въ вассальныя отношенія къ Турціи, было ограничено

[1]) См. объ этомъ *П. Р. Славейковъ*. Избрани съчинения. Книга първа. 1901, предисловіе сына писателя, также извѣстнаго писателя Пенчо Славейкова, стр. XXV.

[2]) Изъ многихъ сочиненій о «схизмѣ» см. книгу кн. Гр. Н. Трубецкого «La politique russe en Orient. Le schisme bulgare». 1907 (Extrait de la Revue d'histoire diplomatique). См. также его статью «Россія и вселенскій патріархатъ» (Вѣстникъ Европы. 1901. апрѣль—іюнь).

линіей Балканскихъ горъ, изъ Оракіи была образована со страннымъ, не историческимъ названіемъ христіанская автономная провинція Восточная Румелія, автономная турецкая область съ христіанскимъ управленіемъ. Наконецъ, Македонія осталась попрежнему въ полной власти Турціи, хотя послѣдняя и обязывалась ввести здѣсь автономное управленіе на восточно-румелійскій образецъ. Разумѣется, такое положеніе вещей было непрочнымъ; оно грозило всевозможными осложненіями, во-первыхъ восточно-румелійскимъ вопросомъ, совершенно не разрѣшеннымъ Берлинскимъ конгрессомъ, а во-вторыхъ, македонскимъ. Прежде всего, однако, стоялъ вопросъ о дальнѣйшемъ государственномъ устройствѣ самой Болгаріи. Опасенія европейскихъ недруговъ Россіи, что освобожденіе болгарскаго народа, произведенное Россіей, есть лишь прикрытіе ея завоевательныхъ плановъ, заставляли имп. Александра II относиться особенно щекотливо къ будущей судьбѣ Болгарскаго княжества. Онъ не хотѣлъ видѣть на Болгарскомъ престолѣ ни кого-либо изъ русскихъ великихъ князей, ни кн. Дондукова-Корсакова, который устраивалъ Болгарію въ періодъ непродолжительной оккупаціи ея послѣ войны, но согласился признать княземъ принца Александра Баттенбергскаго, родственника его супруги, императрицы Маріи Александровны.

Между тѣмъ принцъ Баттенбергскій весьма мало годился для той трудной роли, которая выпала на его долю. Онъ былъ очень легкомысленъ, не безъ презрѣнія смотрѣлъ на своихъ подданныхъ, лишенныхъ всякаго европейскаго лоска и считалъ возможнымъ не считаться съ конституціей, выработанной Великимъ народнымъ собраніемъ въ Терновѣ. Но среди окружавшихъ его людей, болгарскихъ политиковъ, было не мало тонкихъ дипломатовъ, которые сумѣли подчинить неопытнаго и самоувѣреннаго князя своей волѣ и сдѣлать его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ плановъ [1]). Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ, князь самовольно измѣнилъ конституцію, потомъ вступилъ въ рѣзкій конфликтъ съ русскимъ генераломъ, бывшимъ при немъ военнымъ министромъ, оскорбилъ русскихъ офицеровъ-инструкторовъ. Дѣло дошло до разрыва между княземъ Болгарскимъ и императоромъ Александромъ III, который въ справедливомъ негодованіи потребовалъ возвращенія всѣхъ русскихъ офицеровъ домой. Принцъ Александръ превратился совершенно въ игрушку своихъ приверженцевъ, и когда они 6 сентября 1885 года задумали совершить весьма опасный переворотъ, присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгарскому княжеству, принцъ Баттенбергскій пошелъ и на этотъ шагъ, грозившій Болгаріи новой войной, а всему европейскому миру крупными международными осложненіями. Войны съ Турціей, однако, не произошло: султанъ Абдулъ Гамидъ боялся вывести изъ Константинополя войска изъ опасенія революціи и предпочелъ потерять еще одну провинцію Турецкой имперіи. Зато вспыхнула неожиданная война между Болгаріей и Сербіей. Король послѣдней Миланъ далъ исходъ оскорбленному Берлинскимъ конгрессомъ чувству сербовъ и хотѣлъ наказать болгаръ за нарушеніе Берлинскаго трактата. Онъ полагалъ, что въ нѣсколько дней дойдетъ до новой столицы болгарскаго народа, Софіи, и разгромитъ ее; однако, горько ошибся. Въ болгарской арміи и во всемъ народѣ кипѣло воодушевленіе, и сербская армія была разбита. Дальнѣйшее теченіе войны могло бы измѣнить соотношеніе силъ, но, по настоянію Австріи, болгарскія войска прекратили наступленіе, и миръ былъ заключенъ на условіяхъ status quo. Переворотъ, война, рѣз-

[1]) Объ этомъ періодѣ см. объективное и подробное изложеніе въ книгѣ ген. Паренсова «Изъ прошлаго» 1908, а также сочин. ген. Овсянаго «Болгарія и болгары» и старую книгу Матвѣева: «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса».

ко враждебное отношеніе принца Баттенбергскаго къ Россіи сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее пребываніе на тронѣ Болгаріи. Разрывъ съ Россіей былъ особенно чувствителенъ. Все это вызвало заговоръ противъ князя, и 27 августа 1886 года онъ былъ вынужденъ отречься отъ престола.

Положеніе Болгаріи было тяжко, у нея не было ни друзей, ни опоры въ международныхъ отношеніяхъ, власть перешла къ нѣсколькимъ людямъ, которые на Россію смотрѣли также враждебно. Во главѣ ихъ стоялъ Стамбуловъ, учившійся въ Россіи, анархистъ по убѣжденіямъ, въ духѣ нашихъ анархистовъ 70-хъ годовъ, врагъ русскаго правительства, мечтавшій о полномъ освобожденіи Болгаріи отъ русскаго вліянія. При такихъ условіяхъ найти новаго князя было мудрено. Наконецъ, согласился принять престолъ честолюбивый, богатый принцъ Фердинандъ Кобургскій, въ душѣ авантюристъ, какъ Стамбуловъ, но человѣкъ образованный, очень умный, хорошій дипломатъ. 2 авг. 1887 г. онъ принялъ предложенную ему Великимъ Терновскимъ народнымъ собраніемъ корону, но избраніе его не было признано ни Портой, ни Россіей. Первые годы царствованія принца Фердинанда были очень тяжелы, и если бы не супруга его, принцесса Луиза, сумѣвшая пріобрѣсти большую популярность въ народѣ, быть-можетъ, онъ и не удержался бы на престолѣ, такъ какъ, будучи невольнымъ орудіемъ въ рукахъ совершенно распустившагося деспота Стамбулова, князь долженъ былъ нести на себѣ отвѣтственность за его дѣйствія. Только укрѣпивъ свое положеніе въ странѣ, принцъ Кобургскій могъ покончить съ режимомъ Стамбулова и добиться его отставки (послѣ которой вскорѣ Стамбуловъ былъ убитъ на улицѣ), а послѣ этого наступило примиреніе съ Россіей. Послѣ смерти имп. Александра III новый императоръ Россіи примирился съ Болгаріей; принцъ Фердинандъ крестилъ своего старшаго сына по православному обряду, и русскій императоръ согласился быть его крестнымъ отцомъ. Со 2 февр. 1896 г., когда закончилась эпоха разрыва съ Россіей, Болгарія вступила въ счастливую полосу своего существованія. 24 сент. 1908 г. болгарскій князь объявилъ о прекращеніи вассальныхъ отношеній Болгаріи къ Турціи и провозгласилъ себя «царемъ Болгаръ». Однако вторая балканская война, лежащая всей своей тяжестью на совѣсти царя Фердинанда, лишила Болгарію ея перевѣса на Балканскомъ полуостровѣ.

Исторія Болгаріи послѣ освобожденія ея еще не успѣла выработать партійной политической жизни по образцу парламентскихъ странъ. Здѣсь, напротивъ, шла борьба между лицами, стремившимися къ власти, и лишь отчасти въ партійныхъ отношеніяхъ выражались основныя различія въ міровоззрѣніи. Эти различія можно свести къ двумъ основнымъ началамъ: славянофильству и западничеству. Освободительное (по отношенію къ Болгаріи) движеніе, охватившее русское общество въ семидесятыхъ годахъ, было создано выдающимися русскими славянофилами, и это обстоятельство отразилось на болгарской политической жизни особеннымъ оттѣнкомъ руссофильства. Другое теченіе политической мысли, восходящее своими корнями къ доосвободительнымъ революціоннымъ комитетамъ, чуждалось Россіи и строило свою политическую вѣру на возможно близкомъ сближеніи съ западной Европой. Но такъ какъ и это теченіе въ значительной мѣрѣ питалось русскими источниками, то въ концѣ-концовъ, духовная жизнь Болгаріи въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ находилась въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ русскими консервативными или радикальными общественными теченіями. Политическія партіи Болгаріи, если можно назвать такъ группировки людей около отдѣльныхъ выдающихся вождей, размѣщались именно ме-

жду этими направленіями [1]). Народную, прогрессивную, демократическую и другія партіи было бы правильнѣе назвать партіями того или другого лица, и такъ въ прежнее время въ Болгаріи партіи и назывались цанковистской, каравелистами, стамбуловистами и т. д. Лишь въ послѣднее время партійная жизнь пріобрѣтаетъ болѣе принципіальный характеръ или, вѣрнѣе, болѣе классовый характеръ: либеральная интеллигенція группируется около демократической партіи, зажиточное крестьянство складывается въ аграрную партію, руссофильство стараго направленія, выраженное людьми, еще заставшими событія семидесятыхъ годовъ, понемногу сходитъ со сцены. Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ политическая жизнь Болгаріи, вѣроятно, утратитъ личный характеръ и выразится въ разнообразіи принципіальныхъ классовыхъ программъ. Едва ли, однако, и тогда русское культурное и политическое вліяніе въ Болгаріи прекратится. Русская книга дѣлаетъ все новыя завоеванія въ Болгаріи. Въ національной библіотекѣ въ Софіи, первоначально созданной въ 1879 г. изъ русскихъ книгъ, изъ 100 тыс. томовъ 38 тыс. на русскомъ языкѣ, 22 тыс. переводовъ съ русскаго. Въ октябрѣ 1913 г. (т.-е. казалось бы, въ разгаръ возмущенія противъ Россіи, будто бы покинувшей болгаръ въ моментъ второй войны), было взято отсюда книгъ на болгарскомъ языкѣ 668, на русскомъ 450, на французскомъ 253, на нѣмецкомъ 57, на англійскомъ 13 и т. д. (см. Kurjer Litewski 2 марта 1914 г.). Сближеніе съ Россіей подсказывается такъ настойчиво и географическимъ положеніемъ, и исторіей Болгаріи, какъ и объединеніе сербохорватскаго племени. Въ будущемъ оно должно будетъ развиваться еще сильнѣе, когда Болгарія освободится отъ авантюристовъ, захватившихъ въ свои руки политическое господство.

Государственный строй болгарскаго царства опредѣляется Терновской конституціей 1878 г., откуда надо исключить тѣ статьи, въ которыхъ говорилось о вассальныхъ отношеніяхъ Болгарскаго княжества къ Турціи. Конституція Болгаріи [2]) предоставляетъ широкія права народному представительству (Народное собраніе) и ограничиваетъ дѣятельность государя совершеніемъ исполнительной власти. Но фактически и здѣсь личность царствующаго лица имѣетъ огромное значеніе. Самовластный царь Фердинандъ, не ограничиваясь тѣмъ, что велъ всегда свою

---

[1]) О возникновеніи первыхъ партій см. недавно вышедшую книгу *Радева* «Строители современной Болгаріи» (томъ I, на болг. яз., книга весьма субъективная), названныя выше сочиненія Паренсова и Матвѣева, статьи Гр. Жегоржевскаго въ Świat Słow. 1912 и др. Очень цѣнную характеристику первыхъ шаговъ конституціонной жизни въ Болгаріи представляетъ болгарская книга П. Н. Милюкова «Българската конституція» 1905 (изъ его статей, напечатанныхъ кажется, въ «Русскомъ Богатствѣ»). Здѣсь приведена и литература по исторіи Болгаріи до половины девяностыхъ годовъ.

[2]) Общій очеркъ конституціи, государственной и экономической жизни Болгаріи можно найти въ хорошихъ, серьезно составленныхъ книгахъ Вейсъ-Бартенштейна «Bulgariens Volkswirtschaftliche Entwickelung» 1913 и «Bulgarien. Land und Leute». 1913, а также въ книгѣ L. De Launay. La Bulgarie d'hier et de demain. 1907. Обзоръ государственнаго и народнаго хозяйства Болгаріи за двадцатипятилѣтнее царствованіе Фердинанда данъ въ изданіи болгарскаго Министерскаго совѣта. «Докладъ до Негово Величество Фердинандъ I, царь на Българитѣ по случай 25-годишнината отъ възшествието му на българския прѣстолъ 1887—1912». Изъ болѣе старыхъ трудовъ слѣдуетъ назвать ген. Овсянаго «Болгарія и болгары». 1900, Иречека «Das Fürstenthum Bulgarien». 1891 и его же книгу «Cesty po Bulharsku». 1888, переведенную съ дополненіями на болгарскій языкъ (1899). Прекрасный географическій очеркъ Болгаріи представляетъ книжка Ширкова. България. 1910. Цѣнно также неоконченное изслѣдованіе М. В. Юркевича. Двадцатипятилѣтніе итоги княжества Болгаріи. 1879—1904 Появились двѣ книги: «Землевѣдѣніе». 1904 и «Народонаселеніе». 1905. Разнообразный и многообъемлющій бытовой матеріалъ находится въ изданіи болгарскаго министерства Нар. Просв. «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», и т. д. Вообще для изученія Болгаріи матеріаловъ несравненно больше, чѣмъ для изученія, напр., Сербіи. Достаточно сказать, что официальная статистика стоитъ здѣсь на весьма большой высотѣ: она подробна и не отстаетъ отъ времени. Впрочемъ, съ 1912 г. и она, кажется, прекратилась.

внутреннюю политику, сумѣлъ добиться отъ собранія права заключать отъ своего имени тайные договоры, не испрашивая на это предварительнаго согласія министерства или народнаго представительства. Царь имѣетъ право назначать министровъ независимо отъ партійныхъ группировокъ въ собраніи, но жизнь уже давно ввела въ обычай назначеніе министерствъ въ зависимости отъ парламентскаго большинства Однако, при все еще слабомъ политическомъ развитіи народа правительству нетрудно бываетъ организовать такое большинство на выборахъ. Вручая власть той или другой партіи, царь Фердинандъ могъ быть увѣренъ, что эта партія пріобрѣтетъ и правительственное большинство въ парламентѣ. Этотъ послѣдній состоитъ лишь изъ одной палаты, представители которой избираются съ помощью всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Однимъ изъ важнѣйшихъ правъ народнаго собранія является утвержденіе бюджета, который разсматривается по статьямъ. Если собраніе не приметъ бюджета, то или оно распускается, или министерство выходитъ въ отставку. Народные представители также пользуются правомъ привлекать къ судебной отвѣтственности настоящихъ или бывшихъ министровъ, для чего изъ членовъ собранія избирается слѣдственная комиссія. Такъ, еще до недавняго времени производилось слѣдствіе о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ министровъ стамбуловистовъ, хотя теперь именно эта партія, единственная, съ которой князь Фердинандъ крѣпко связалъ свою судьбу, и на которую онъ можетъ всегда разсчитывать, какъ на людей, нуждающихся въ немъ и не пользующихся сочувствіемъ въ странѣ,—эта партія стоитъ у кормила власти. Согласно конституціи, престолъ переходитъ по праву наслѣдованія къ старшему сыну царя, но этотъ наслѣдникъ долженъ уже принадлежать къ православной церкви. Царь долженъ созывать народное собраніе ежегодно. Въ случаѣ необходимости отсрочить сессію, царю принадлежитъ право сдѣлать это, но не болѣе, чѣмъ на два мѣсяца. Въ случаѣ роспуска палаты, выборы назначаются не позже, чѣмъ черезъ два мѣсяца, а сессія должна быть возобновлена не позже, чѣмъ черезъ четыре. Обычное народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, по одному на 10 тыс. избирателей. Великое народное собраніе, созываемое для измѣненія конституціи (напр., для признанія Болгаріи царствомъ), состоитъ изъ двойного числа членовъ. Такова въ главныхъ чертахъ эта конституція.

Въ обзорѣ статистическаго матеріала, относящагося къ Болгаріи, я буду имѣть въ виду границы ея до второй балканской войны и ниже укажу на измѣненіе этихъ границъ, происшедшее по Бухарестскому миру. Дѣлаю это потому, что до несчастной войны 1913 г. экономическое и культурное развитіе болгарскаго народа происходило именно въ этихъ предѣлахъ. По даннымъ переписи 1910 г., населеніе Болгарскаго царства состояло изъ 4,329,108 чел., по переписи 1905 г.—4,035,575 чел., 1900—3,744,283. Приростъ населенія въ среднемъ годовомъ колеблется между 1,51 и 1,41%. Болгарія раздѣлялась на 12 округовъ, общее—число населенныхъ мѣстностей составляло 5023, въ томъ числѣ 64 города, 3842 села, 1101 меньшее поселеніе и т. д. Въ крестьянскомъ населеніи Болгаріи до сихъ поръ уцѣлѣла *задруга* [1]), пожалуй, въ еще большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ Сербіи. На общее число хозяйствъ (домакинства) въ 1900 г. (665,453) и 1905 г. (707.501) приходилось хозяйствъ, въ которыхъ жило 16 и больше членовъ, въ 1900 г. 2795 и въ 1905 г.

[1]) С. С. Бобчевъ. Българската челядна задруга. Историко-правни студии. 1907. Бобчевъ отмѣчаетъ постепенный упадокъ задруги, не подходящей къ новымъ юридическимъ и государственнымъ отношеніямъ.

3221. Довольно многочисленны хозяйства съ 13—15 членами (1905—10,937), что указываетъ на довольно архаическія отношенія, еще сохранившіяся въ болгарской деревнѣ. Всего хозяйства съ 10 и болѣе членами составляли въ 1905 году 8,15% (1900—7,32, 1887—7,59). Уже этотъ фактъ болѣе тѣснаго объединенія семей, вызванный прежде всего экономическими отношеніями, указываетъ на то, что населеніе Болгаріи возрастаетъ такъ быстро, что не успѣваетъ приспособиться къ новымъ формамъ производства и должно селиться болѣе скученно. Изъ всего населенія Болгаріи 96,89% (1905) принадлежитъ къ числу родившихся въ странѣ; на долю родившихся за границей приходится 3,11%; изъ нихъ 2,17% родилось въ Турціи. Очевидно, это македоняне, нашедшіе себѣ убѣжище въ Болгаріи. По своему этнографическому составу населеніе Болгаріи менѣе однородно, чѣмъ въ Сербіи. Не говоря уже о томъ, что со временъ среднихъ вѣковъ здѣсь происходили вторженія южно-русскихъ кочевниковъ, что здѣсь было больше турокъ, что славяне, занявшіе болгарскія равнины и планины, уже нашли на нихъ оракійское поселеніе влаховъ, съ которыми и смѣшались,—еще и въ настоящее время процентное отношеніе чужеродныхъ элементовъ въ болгарскомъ населеніи довольно значительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, непрерывно возрастаетъ процентъ людей, считающихъ болгарскій языкъ своимъ роднымъ (1887—73,75%; 1892—75,67; 1900—77,13; 1905—79,56). По численности за болгарами слѣдуютъ турки, легко и быстро примѣнившіеся послѣ событій 1878 г. къ новымъ условіямъ и составившіе очень лояльный элементъ населенія (1887—19,25%, 1892—17,21; 1900—14,41; 1905—12,85). Турки постоянно убываютъ, эмигрируя въ Турцію или размножаясь менѣе быстро, чѣмъ болгары. Остальные этническіе элементы въ населеніи царства немногочисленны. Это греки (1905—1,73% 1887—1,85%), евреи, медленно прибывающіе въ своемъ процентномъ возрастаніи (1887—0,75%, 1905—0,90%), цыгане, обнаруживающіе тѣ же отношенія (1887—1,59%; 1905—1,67%) и др.

Какъ уже было указано, болгарская церковь автокефальна [1]). Статья 39 конституціи гласитъ, что «Болгарское княжество въ церковномъ отношеніи, какъ нераздѣльная часть болгарской церковной области, подчиняется Св. Синоду, представляющему верховную духовную власть болгарской церкви, гдѣ и примѣняется эта власть. Черезъ послѣднюю княжество сохраняетъ единеніе съ Великой восточной Церковью во всемъ, что относится къ догматамъ вѣры». Въ развитіе этой статьи «экзархійскій уставъ» (13 янв. 1895 г.) прибавляетъ, что «самоуправляющаяся православная болгарская Церковь, подъ именемъ экзархіи, составляетъ неотдѣлимый членъ единой святой, соборной и Апостольской Церкви». Въ Синодѣ болгарской церкви предсѣдательствуетъ экзархъ, участвуютъ же четверо изъ епископовъ, избираемыхъ большинствомъ голосовъ. Если синодальное управленіе болгарской церковью восходитъ въ значительной мѣрѣ къ установленіямъ, предшествовавшимъ освобожденію Болгаріи отъ турецкаго гнета, то въ области правосудія русской оккупаціонной власти и затѣмъ гражданскимъ учрежденіямъ Болгаріи приходилось начинать все сначала. Первымъ актомъ въ этой отрасли государственной жизни явились «временныя правила объ устройствѣ судебной части въ Болгаріи» отъ 24 авг. 1878 г., которыя дѣйствовали до изданія закона 1880 г. объ устройствѣ судовъ. Уголовное законодательство Болгаріи восходитъ къ 1896 году. Одной изъ его особенностей, соотвѣтствующей принципамъ новѣйшаго уголовнаго зако-

[1]) Христо Танчевъ. Екзархийский Уставъ. 1904. Ѳ. М. и Б. Погледъ върху дѣятелностьта на Българската екзархия. 1877—1902. Leipzig. 1902.

нодательства, является досрочное освобожденіе. Въ области гражданскаго права важными законами были законы о наслѣдствѣ, о займахъ, торговый законъ и др. Принципъ несмѣняемости судей былъ введенъ въ Болгаріи закономъ о судопроизводствѣ отъ 1 янв. 1899 г. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи молодое болгарское государство обнаружило интенсивное стремленіе къ воспріятію прогрессивныхъ западноевропейскихъ нормъ. Это стремленіе взять изъ Зап. Европы все лучшее представляетъ особенно характерную особенность современнаго болгарскаго быта. Болгары охотно называли себя «японцами Ближняго Востока», подчеркивая этимъ названіемъ свою склонность къ заимствованіямъ европейскихъ образцовъ. Иногда эта склонность превращалась въ чрезмѣрную подражательность, въ некритическое преклоненіе передъ западно-европейскими образцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ излишнюю самоувѣренность, граничившую съ самомнѣніемъ. Молодой народъ, свергнувшій цѣпи рабства и увлеченный цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ и культурныхъ завоеваній, не могъ иногда не впасть въ заблужденія [1]), но та глубокая серьезность, которая лежитъ въ душѣ простолюдина болгарина и воспитана въ ней столѣтіями тяжелой нравственной борьбы, не разъ предупреждала въ критическую минуту болгарское общество отъ опасности гибели. Такъ было въ послѣднія десятилѣтія уже нѣсколько разъ, и на это слѣдуетъ надѣяться въ настоящее печальное для Болгаріи время.

Обратимся къ болгарской промышленности. Главными занятіями жителей являются земледѣліе, сельское хозяйство, скотоводство, огородничество и т. п. По переписи 1905 г., этими отраслями добывающей промышленности прокармливалось 3,102,446 чел., т.-е. 76,88% всего населенія. Характерно при этомъ, что перепись 1900 г. указывала меньшее процентное отношеніе, т.-е. всего 74,67%, такъ что, въ противоположность западно-европейскимъ странамъ, быстро идущимъ по пути индустріализаціи, Болгарія становится все болѣе сельско-хозяйственной страной. Если прибавить къ этому охоту и рыболовство (0,18% въ 1900, 0,16% въ 1905 г.), то процентное отношеніе лицъ, занимающихся примитивнымъ добывающимъ трудомъ, выразится для 1905 г. цифрой 77,04%. Статистика земледѣлія стоитъ въ полномъ согласіи съ указаннымъ процентнымъ возрастаніемъ числа лицъ, живущихъ сельскохозяйственнымъ трудомъ. Именно, по даннымъ 1897 г. пахотныя поля занимали пространство въ 2,975,386 гектаровъ земли, тогда какъ въ 1908 году уже 3,628,160 г. (на 21,94% больше). Уже въ слѣдующемъ 1909 г. статистика засѣянныхъ полей во всемъ царствѣ охватывала 3,872,777 гектаровъ, т.-е. возростаніе за одинъ годъ выразилось почти 250 тыс. г. Увеличилось также пространство луговъ, которые занимали въ 1897 г. 352,404 г., а въ 1908 г.—399,416 га. (на 13,34% больше). Чрезвычайно важнымъ для сельско-хозяйственной жизни Болгаріи явленіемъ должно было признано также увеличеніе площади плодовыхъ садовъ на 83% (1897—5020 га.; 1908—9231 га.). Одна ихъ важнѣйшихъ отраслей болгарской промышленности, выдѣлка розоваго масла, требуетъ обширныхъ розовыхъ плантацій, которыя расположены въ такъ называемой «долинѣ розъ» у подножья Балканскихъ горъ (центръ ея—городъ Казанлыкъ). Въ 1897 г. онѣ занимали пространство въ 4844 га., въ 1908 г. 7862 га., т.-е. на 62,3% больше. Это возростаніе площади нивъ, луговъ, фруктовыхъ садовъ и розовыхъ плантацій должно было отразиться на уменьшеніи иныхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ. Дѣйствительно,

---

[2]) См. мою статью «Современная болгарская литература» («Русская Мысль». 1913, сентябрь), а также мою же статью о Болгаріи (послѣ 1900 г.) въ изданіи «Исторія нашего времени».

за десятилѣтіе (1897—1908) сильно уменьшилась площадь виноградниковъ (1897—114,816 га.; 1908—94,987 га., или на 17,27% меньше). Сравнительно мало уменьшилась площадь пастбищъ (1897—970,200 г., 1908—913,189 г., меньше на 5,88%); еще меньше убавилась площадь лѣсовъ (всего на 1,25%, или 1897—2,867,871 г.; 1908—2,831,943 г.). Такимъ образомъ, для развитія сельскаго хозяйства въ Болгаріи природа представляетъ еще большой просторъ. Количество земли, не эксплуатируемой совсѣмъ, убываетъ довольно быстро: въ 1897 году оно составляло 23,05% всего пространства государства, въ 1908 году—17,17% и все еще занимало свыше 1,654 тыс. г. Распредѣленіе земельной собственности по категоріямъ обнаруживаетъ возростаніе частнаго землевладѣнія, прежде всего въ ущербъ государственному. Послѣднее занимало въ 1897 году 1,015,903 г., а въ 1908 году уже всего 759,956 г., т.-е. меньше на 25,19%. Эта убыль произошла отъ перехода части государственнаго землевладѣнія къ округамъ и общинамъ. Возросли земельныя владѣнія церквей, монастырей (на 27,45%), училищъ, мечетей и вакуфовъ.

Около 33 тыс. га. земли принадлежитъ банкамъ и различнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Вся остальная культурная земля, около 57,5%, принадлежитъ частнымъ лицамъ. Всего владѣній болгарская статистика 1908 года насчитываетъ 933,381 (1897—799,588); они занимаютъ 46,259,807 декаровъ. По размѣрамъ владѣній болгарское землевладѣніе должно-быть признано въ большинствѣ мелкимъ; мелкихъ владѣній до 5 гектаровъ, всего 637,525 (около 68,2% всего землевладѣнія) или 35% всей культурной земли. 19% всего землевладѣнія (или 1% всей земли) принадлежитъ 180,616 собственникамъ, имѣющимъ до 0,5 гектара. Это крайне мелкое землевладѣніе падаетъ: въ 1897 г. оно, составляя также 1% всей культурной земли, представляло еще 21% всѣхъ земельныхъ собственниковъ. Зато нѣсколько возросло землевладѣніе, охватывающее 0,5—1 и 1—2 г. Признавая среднимъ землевладѣніемъ такое, которое располагаетъ отъ 5 до 50 гект., мы видимъ, что оно остается въ процентномъ отношеніи почти неизмѣннымъ (1897—1908) и занимаетъ около 64% всей культурной земли (около 30% всѣхъ собственниковъ земли). При этомъ бросается въ глаза, что начиная съ 15 гектаровъ процентное отношеніе какъ землевладѣльцевъ, такъ и находящейся въ ихъ распоряженіи земли, быстро падаетъ. Всего 3% всѣхъ землевладѣльцевъ обладаютъ участками земли отъ 15 до 20 г., 2% участками отъ 20 гект. до 30 г., 1% участками отъ 30 до 40 г. Далѣе слѣдуютъ уже доли процентовъ. Количествами земли свыше 500 гект. владѣетъ въ общей сложности 936 человѣкъ, которымъ принадлежитъ 254,342 г. (или 4,5% всей земли). Страна мелкаго землевладѣнія, почти при полномъ отсутствіи крупнаго и при быстромъ ростѣ населенія, нуждается или въ увеличеніи производительности земли, или въ эмиграціи, или, наконецъ, въ разработкѣ новыхъ земельныхъ участковъ. Какъ мы уже видѣли, Болгарія усиленно прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Что касается эмиграціи, то она выражается какъ въ ежегодномъ выходѣ до 10 тыс. человѣкъ на лѣтнія работы въ сосѣднія страны и въ Россію, такъ и въ эмиграціи въ Америку. Выселяются почти исключительно мужчины: такъ, въ 1907 г. волна эмиграціи вынесла въ Америку 17.350 человѣкъ; изъ нихъ женщинъ было всего 28. Это былъ исключительный годъ; въ 1906 г. американская эмиграція выразилась цифрой 2311, въ 1905 г. 1403, въ 1904 г. всего 308. Вѣроятно, все болѣе остро ощущается земельный голодъ.

Что касается производительности земли въ Болгаріи, то это страна,— по преимуществу, пшеницы и кукурузы. Первой было занято (1909)

свыше 1 мил. г. (26,86% всей обработанной земли), второй—свыше 600 тыс. г. (15,69%); или изъ полей, засѣянныхъ зерновыми растеніями, около 43,5% было отведено подъ пшеницу и около 25% подъ кукурузу. Рядомъ съ этими растеніями почти теряются культуры другихъ злаковъ: ржи (особ., около Филиппополя и Ст. Загоры), ячменя (особ., около Варны), овса (въ округахъ Бургасскомъ, Софійскомъ и др.). Климатъ Ораклі позволяетъ воздѣлывать даже рисъ на равнинахъ, наводняемыхъ р. Марицей (до 4 тыс. г.). Статистическія данныя за время 1899—1909 г.г. указываютъ, что площадь, занятая пшеницей и кукурузой, непрерывно возрастаетъ. Но все еще производительность земли стоитъ очень низко, какъ слѣдствіе мало развитой земледѣльческой культуры. Такъ, пшеница дала (1909) на 1 г. 8,39 цент., кукуруза—8,56 цент., рожь—8,7, ячмень—8,41 и т. под. Такимъ образомъ, настоятельнѣйшей потребностью страны является подъемъ ея производительныхъ земледѣльческихъ силъ. Въ этомъ отношеніи въ земледѣліи Болгаріи наблюдается чрезвычайная неустойчивость. Утверждать, какъ это дѣлаетъ панегиристъ царствованія Фердинанда, «министерскій совѣтъ» въ своемъ докладѣ (стр. 550), будто бы «параллельно съ увеличеніемъ засѣянной площади, занятой зерновыми, масляными, промышленными и кормовыми растеніями и возрастаніемъ ихъ производства, замѣчается съ теченіемъ времени и увеличеніе количества средняго земледѣльческаго производства на гектарѣ за годы 1899 и 1903—1909»,—утверждать это на основаніи статистическихъ данныхъ совершенно невозможно. Конечно, въ 1909 г. пшеница дала на гектарѣ 8,39 цент., а 1899 г.—7,13,, но 1904—12,56, 1906—10,54, 1908—10,13 стоятъ значительно выше уровня 1909 г., а 1907—6,56, ниже даже уровня 1899 года. Что же касается производительности кукурузы, то въ 1899 г. она выразилась 11,63 цент. на гектарѣ и за весь срокъ 1903—1909 только 1903 (11,89) и 1906 (13,90) превысили этотъ уровень. Обычный же сборъ кукурузы съ гектара оказывался значительно ниже урожая 1899 года и, напр., въ 1909 г. онъ составилъ всего 8,56 центнера на гектарѣ. Такимъ образомъ, объективныя данныя приводятъ, скорѣе, къ печальнымъ выводамъ о развитіи земледѣльческой культуры въ Болгаріи. Между тѣмъ, съ тѣмъ же оптимизмомъ министерскій совѣтъ продолжаетъ въ своемъ докладѣ: «Усиленіе производительности на извѣстной площади тѣсно связано съ усовершенствованіемъ техники самого производства, съ усовершенствованіемъ употребляемыхъ орудій и машинъ. Долгіе годы болгаринъ не зналъ болѣе совершенныхъ орудій для обработки почвы, нежели соха (оралото). Новыя времена внесли перемѣну и здѣсь. Введеніе земледѣльческихъ орудій и машинъ подвигается впередъ со стремительной быстротой. Въ то время, какъ въ 1897 г. въ странѣ имѣлось всего 18.710 плуговъ, въ 1909 г. число ихъ достигало уже 84.878 штукъ» и т. д. Далѣе докладъ перечисляетъ рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для подъема земледѣлія въ Болгаріи. Одной изъ нихъ является введеніе странствующихъ инструкторовъ земледѣлія. Число ихъ, однако, признается недостаточнымъ, а результаты ихъ дѣятельности неудовлетворительными. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи наблюдается дѣйствительный прогрессъ. Въ 1906 г. было прочитано 574 агрономическихъ лекцій при 29.346 слушателяхъ, а въ 1910 г. уже 1070 лекцій при 60.060 слушателяхъ. Кромѣ того, учреждались опытныя земледѣльческія станціи (пока еще всего три), низшія земледѣльческія училища (въ общей сложности 11, выпустившія за время 1900—1912 г. 1766 учениковъ) и т. д. При всѣхъ этихъ попыткахъ, значенія которыхъ нельзя отрицать, болгарское земледѣліе стоитъ еще на очень низкомъ уровнѣ развитія: плохое удобреніе земли, слишкомъ мелкая вспашка. «Крестьяне, которымъ предлагали европей-

скіе плуги, находятъ ихъ обыкновенно слишкомъ тяжелыми для своего скота», сообщаетъ Де-Лонэ (стр. 408), рисуя въ общемъ довольно печальную картину сельско-хозяйственной жизни въ Болгаріи. То же подтверждаетъ и новѣйшій наблюдатель, очень благопріятно расположенный къ болгарскому народу, Вейсъ-Бартенштейнъ, въ книгѣ «Bulgarien» (стр. 36—37). Отмѣчая высокія душевныя качества болгарскаго крестьянина, онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на его чрезмѣрную консервативность.

Очень важнымъ средствомъ для развитія сельскаго хозяйства въ Болгаріи служитъ организація кредита [1]). Во главѣ сельско-хозяйственныхъ кредитныхъ обществъ стоитъ учрежденный въ 1881 г. Болгарскій земледѣльческій банкъ. Онъ возникъ сначала, какъ побочное учрежденіе, рядомъ съ кредитными, земледѣльческими кассами, которыя учреждались съ 1865 г., т.-е. еще во времена турецкаго владычества, съ цѣлью освобожденія земледѣлія отъ ростовщичества. Характеръ операцій въ этихъ кассахъ былъ очень примитивенъ и долго оставался такимъ и послѣ освобожденія Болгаріи. Въ 1895 г. кассы были объединены и переданы въ вѣдѣніе министерства торговли и земледѣлія, а съ 15 дек. 1897 г. центральное управленіе кассъ получило право открывать тамъ, гдѣ есть въ нихъ потребность, новыя кассы. Наконецъ, 31 дек. 1903 г. былъ изданъ законъ, въ силу котораго всѣ средства земледѣльческихъ кассъ перешли въ количествѣ 35 мил. левовъ (левъ—франкъ) въ Болгарскій земледѣльческій банкъ. Однако, дѣятельность банка не представляется особенно удачной, и г. Окуличъ справедливо высказывается по этому поводу довольно сдержанно: «Разсмотрѣніе таблицъ по активу и пассиву Болгарскаго земледѣльческаго банка даетъ нѣкоторыя указанія на то, что жизнь этого весьма серьезнаго учрежденія протекаетъ не совсѣмъ энергично, замѣтенъ черезчуръ медленный прогрессъ за послѣднее, съ 1906 года, время въ смыслѣ развитія важнѣйшихъ операцій банка (ипотека), не видно развитія вкладныхъ операцій. Если принять во вниманіе, что ростовщичество въ странѣ процвѣтаетъ (въ районѣ Балчика и Варны ростовщики съ земледѣльцевъ взимаютъ отъ 3 до 4% въ мѣсяцъ), что частные банки производятъ крупныя операціи того же рода, хотя число отдѣленій Земледѣльческаго банка для такой небольшой страны, какъ Болгарія, нужно признать весьма значительнымъ (85),—то медленный ростъ операцій надо искать въ самыхъ дѣйствіяхъ банка, такъ какъ вся совокупность данныхъ свидѣтельствуетъ о сильной нуждѣ земледѣльческой среды въ кредитѣ. Но по одному тому, что значительныя средства городскихъ имущихъ классовъ Земледѣльческій банкъ предоставляетъ для надобностей крестьянства, дѣятельность банка заслуживаетъ особаго вниманія». Основной капиталъ банка составлялъ въ 1910 г. 42.845.403 лев., число его операцій равнялось 836.889, а сумма ихъ 1.124.442.079 лев.

Начало кооперативной дѣятельности [2]) въ Болгаріи восходитъ къ сравнительно недавнему времени. Лишь въ 1900 г. возникли три рейфейзеновскія кассы, всѣ три въ округѣ г. Рущука. «Сѣмя было хорошо заброшено и быстро взошло. Скоро всѣ окрестности, сосѣднія области, а позже и вся страна пошли по этому пути, и теперь кооперативная идея вскорѣ охватитъ всѣ уголки нашего отечества»: такъ оптимистически излагаетъ г. Димовъ состояніе кооперативовъ въ Болгаріи въ 1908 году. Въ подкрѣпленіе своего тезиса онъ приводитъ слѣдующій фактъ: чрезвычайно быстрый ростъ кредитныхъ операцій. За время съ 31 дек. 1905 г. по 31 дек.

---

[1]) Іос. Окуличъ. Сельско-хозяйственный кредитъ въ Болгаріи. С.-Петербургъ. 1911.

[2]) Статья Г. Димова. Кооперативенъ прѣгледъ у насъ. Кооперативенъ Земледѣлчески колендаръ за 1908 година.

1906 г. ихъ число возросло съ 91 до 139, а до 30 сент. 1907 г.—до 210. «Въ дѣйствительности,—продолжаетъ Димовъ,—это число значительно больше, такъ какъ однѣ задруги дѣйствуютъ, не обращаясь къ кредиту земледѣльческаго банка, и не представляя ему своихъ балансовъ; другія еще ждутъ, чтобы банкъ открылъ имъ кредитъ; третьи, наконецъ, ожидаютъ утвержденія своихъ уставовъ». Въ 1908 г. количество зарегистрированныхъ кредитныхъ организацій составило 293. Изъ 210 кооперативовъ, зарегистрированныхъ къ 30 сент. 1907 г., больше всего (159) приходилось на Рущукскій округъ; за нимъ слѣдовали Терновскій (28) и Филиппопольскій (20). Общее число членовъ кредитныхъ задругъ составляло въ это время 17.230, сумма членскихъ взносовъ 272.702 лев. и сбереженій 261.865 лев. Такого развитія, какъ въ Сербіи, кооперативное дѣло въ Болгаріи еще не достигло; оно ограничивалось еще почти что кредитными задругами, кромѣ которыхъ существуютъ еще немногія (1908—6) маслодѣльныя, потребительныя (5) и др. кооперації. Въ 1908 г. былъ устроенъ и первый съѣздъ кооперативныхъ обществъ. Послѣ этого дѣло двинулось чрезвычайно быстро впередъ, такъ что къ 30 іюня 1909 г. въ Болгаріи существовало уже 505 дѣйствующихъ рейфейзеновскихъ кассъ, 40 потребительныхъ обществъ, 6 кооперативныхъ булочныхъ, 8 маслодѣльныхъ кооперацій, рядъ пчеловодныхъ, винодѣльческихъ и иныхъ синдикатовъ и т. д.: въ общей сложности 589 кооперативовъ; въ рейфейзеновскія кассы входило свыше 35 тыс. членовъ. Имущественное состояніе этихъ кассъ оцѣнивалось въ 141 милл. лев. Насколько важны для развитія сельскаго хозяйства въ Болгаріи рейфейзеновскія сберегательныя кассы, видно изъ состава ихъ членовъ: именно, почти 90% —земледѣльцы. Кассы обслуживаютъ по преимуществу среднее крестьянское землевладѣніе: въ то время, какъ крестьяне, владѣющіе 0,1—3 гект., составляютъ 18,81% участниковъ кассъ, почти все остальное число приходится на владѣльцевъ участковъ отъ 3 до 15 гектаровъ. Люди, обладающіе большимъ количествомъ земли, составляютъ всего 8,61% членовъ кассъ. По всей вѣроятности, они находятъ другіе источники кредита. Эти данныя указываютъ, что въ подъемѣ сельскаго хозяйства въ Болгаріи общество и правительство идутъ къ одной цѣли. Пока, однако, матеріальное положеніе болгарскаго крестьянина не блестяще. Дѣятельность сберегательныхъ кассъ обнаруживаетъ, что количество выплатъ по мѣсяцамъ почти ровняется суммѣ взносовъ, а иногда превышаетъ ее. (дек. 1910 г. взносовъ 2,102.249 лев., выплатъ 2.012.347 лев., и т. под.).

Кромѣ земледѣлія, другой важнѣйшей отраслью сельскаго хозяйства въ Болгаріи служитъ скотоводство. Мы уже видѣли, какое значительное пространство земли занимаютъ пастбища, и статистика указываетъ на непрерывное возрастаніе количества скота и домашней птицы въ Болгаріи, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, представляющей результаты трехъ переписей (1892, 1900, 1905 г.): лошади: 343.946; 494.557; 538.271; крупный рогатый скотъ: 1.425.781; 1.596.267; 1.695.533; буйволы: 342.193; 431.487; 476.872; овцы: 6.868.291; 7.015.385; 8.130.997; козы: 1.263.772; 1.405.190; 1.384.116; свиньи: 461.725; 367.501; 465.333. Изъ домашней птицы въ Болгаріи особенно много разводится куръ, количество которыхъ возросло за время 1892—1905 вдвое (1905: 5.725.080); сильно выросло разведеніе гусей и индѣекъ (1905: 355.175 и 185.740); значительно развилось утководство (1892: 95.139; 1905: 142.257). Такъ какъ вывозъ скота и домашней птицы составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей болгарскаго экспорта, то это развитіе животноводства представляетъ отрадное явленіе въ экономической жизни страны. Подчеркивая этотъ фактъ, министерскій совѣтъ съ удовлетвореніемъ отмѣтилъ въ своемъ юбилейномъ докладѣ царю, что при общемъ увеличеніи количества до-

машнихъ животныхъ и птицы въ странѣ не наблюдается соотвѣтствующее увеличеніе кормовой площади, такъ что скотоводство принимаетъ болѣе интенсивную форму. Онъ отмѣтилъ также улучшеніе породъ, «хотя и не повсемѣстно», лошадей и свиней, но ограничился осторожнымъ указаніемъ на то, что «въ улучшеніи качества остальныхъ домашнихъ животныхъ послѣ освобожденія сдѣланъ извѣстный успѣхъ въ нѣкоторыхъ областяхъ государства». Въ виду общаго оптимистическаго тона названнаго доклада подобное указаніе весьма краснорѣчиво говоритъ о неудовлетворительномъ состояніи дѣла: при увеличеніи количества едва ли достигается улучшеніе качества. Де-Лонэ, повидимому, болѣе близокъ къ истинѣ, говоря, «что большинство животныхъ породъ является здѣсь, какъ и въ другихъ балканскихъ странахъ, въ формахъ дегенеративныхъ». Правительство, во всякомъ случаѣ, озабочено улучшеніемъ животноводства (особенно, лошадей, необходимыхъ для военныхъ цѣлей), и въ статистическихъ графахъ, посвященныхъ ввозу животныхъ въ Болгарію, мы находимъ крупныя суммы, затрачиваемыя на ввозъ производителей, жеребцовъ и быковъ. Въ 1894—99 г. было устроено нѣсколько казенныхъ конскихъ заводовъ. Со своей стороны сельскіе хозяева были озабочены подъемомъ скотоводства, и въ послѣдніе годы было учреждено 25 скотоводческихъ обществъ. Но окружнымъ совѣтамъ и общинамъ «докладъ» ставилъ въ вину слишкомъ непостоянную и измѣнчивую дѣятельность въ этой важнѣйшей отрасли народнаго хозяйства. Вообще говоря, скотоводство въ Болгаріи производится по первобытному способу: лѣтомъ стада проводятъ дни и ночи на пастбищахъ, зимой его скудно прокармливаютъ соломой, сѣномъ, листьями. Кормовыя растенія разводятся лишь въ послѣднее время и въ ничтожныхъ размѣрахъ: въ 1909 г. культура ихъ занимала 94,206 гект., тогда какъ въ 1906 г.—95,053 г. (въ 1899 г., однако, еще всего 66,066 гектаровъ).

Промышленность Болгаріи стоитъ еще на очень низкой ступени развитія. Въ весьма высокопарныхъ выраженіяхъ министерскій докладъ говоритъ о пользѣ промышленности для земледѣльческой страны, подверженной при отсутствіи ея всяческимъ финансовымъ случайностямъ. Онъ перечисляетъ различныя правительственныя мѣропріятія въ этой области и придаетъ особенно важное значеніе закону 1894 г. о поощреніи мѣстной промышленности. Отъ этого закона ведетъ происхожденіе все современное промышленное законодательство Болгаріи. Согласно ему, производство извѣстныхъ продуктовъ пользуется особымъ покровительствомъ государства при условіи, если предпріятія работаютъ съ капиталомъ выше 25 тыс. лев. или занимаютъ не менѣе 20 рабочихъ. Такія предпріятія освобождаются отъ налога на постройки, отъ пошлины при ввозѣ машинъ, пользуются льготнымъ тарифомъ на желѣзныхъ дорогахъ; имъ оказывается при казенныхъ поставкахъ предпочтеніе, если даже ихъ товары обходятся на 15% дороже заграничныхъ и т. под. Министерскій совѣтъ находитъ, что благодаря этимъ привилегіямъ болгарская промышленность стала быстро развиваться послѣ 1905 г. Именно двинулись впередъ вагоностроительство, хлѣбная промышленность, изготовленіе консервовъ, очищеніе нефти и т. д. Въ дополненіе къ закону 1905 г., создавшему такія благопріятныя условія для развитія болгарской промышленности, въ 1909 г. прошелъ новый законъ, имѣющій силу до 1925 г. и стремящійся точно урегулировать болгарскую промышленность. Условія для пользованія привилегіями заключаются въ употребленіи опредѣленной конской силы, капитала, извѣстнаго числа рабочихъ; льготы, кромѣ перечисленныхъ выше, сводятся еще къ своего рода монополіямъ («праву пользованіемъ района въ 2—3 административные округа»). Въ 1909 г. была произведена статистическая анкета

промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ привилегіямъ, и оказалось, что число ихъ составляетъ 266 (5 казенныхъ, 261 частныхъ). Они распадаются на слѣдующія 10 группъ: 1) рудники и копи (всего 4, при 665 рабочихъ, съ капиталомъ 2,433,366 л.); 2) металлическая промышленность (16 предпріятій, 892 раб., капиталъ 2,331,674 л.); 3) керамика (10 предпріятій, 1158 раб., капиталъ 5,446,099 л.); 4) химическая промышленность (25 предпріятій, 432 раб., капит. 2,583,688 л.); 5) производство съѣстныхъ припасовъ и питей (100 предпр., 1567 рабоч., капит. 26,410,397 л.); 6) текстильная промышленность (61 предпр., 4064 раб., капит. 12,608,308 л.); 7) лѣсопильная, столярная и иная подобная промышленность (18 предпр., 1130 рабоч., 3,296,756 л.); 8) кожевенная (22 предпр., 398 раб., 1,836,344 л.); 9) бумажная (3 предпр., 152 раб., 1,836,344 л.); 10) добываніе физическихъ силъ (2 предпр., 18 раб., 6,257,450 л.). Въ вѣдѣніи казны находится 5 предпріятій (поправка локомотивовъ, рудники, копи). Такимъ образомъ, въ частной болгарской промышленности (1909) занято 10,476 человѣкъ (въ самый интенсивный періодъ производства 13,958). Капиталъ всѣхъ частныхъ предпріятій составлялъ 64,385,786 лев. Едва ли при этихъ данныхъ можно пока говорить о развитіи болгарской промышленности. Болгарія остается почти всецѣло земледѣльческой страной.

Изъ вышеприведеннаго очерка экономическаго положенія Болгаріи вытекаетъ представленіе объ ея международной и внутренней торговлѣ. Обратимся сначала опять къ даннымъ министерскаго доклада. «Быстрое экономическое развитіе страны (послѣ освобожденія), при которомъ старые торговые пріемы, связанные съ завѣтами минувшей рутины, должны были уступить мѣсто новымъ пріемамъ и навыкамъ, заставило государство предпринять рядъ мѣръ законодательнаго и административнаго характера для регламентаціи торговыхъ отношеній, для ограниченія недобросовѣстной конкуренціи, для подъема умственнаго уровня нашихъ тороговцевъ съ помощью профессіональнаго коммерческаго образованія и созданія ряда вспомогательныхъ учрежденій, которыя должны оказывать свое вліяніе на модернизацію національнаго товарообмѣна. Наибольшая дѣятельность въ этомъ направленіи была проявлена послѣ 1893 г., когда категорическая необходимость вызвала созданіе отдѣльнаго министерства торговли и земледѣлія, а еще болѣе усиленнаая дѣятельность должна начаться съ созданіемъ новаго министерства торговли, промышленности и общественныхъ работъ въ началѣ 1912 года». Торговое законодательство Болгаріи восходитъ своими основаніями къ 1880 году, когда былъ изданъ законъ о базарахъ (законъ за тържищата), предоставившій общинамъ право учреждать въ своихъ границахъ базары и ярмарки. Въ 1911 г. еженедѣльныхъ базаровъ въ Болгаріи было 230, ярмарокъ (панаири) 214. Въ 1907—1912 г. было издано нѣсколько законовъ о биржахъ, отъ которыхъ правительство ожидало весьма важныхъ результатовъ. Закономъ 1894 г. учреждались торгово-промышленныя палаты въ Софіи, Филиппополѣ, Варнѣ и Рущукѣ, позже и въ Бургасѣ. Въ 1898 г. былъ созданъ торгово-промышленный музей; съ 1892 г. устраиваются промышленныя выставки и т. д. Въ исторіи внѣшней торговой политики Болгаріи историкъ ея [1]) отмѣчаетъ три періода. Первый продолжался до 1895 и характеризовался стремленіями княжества освободиться отъ международныхъ ограниченій, пріобрѣсти свободу заключенія индивидуальныхъ торговыхъ договоровъ съ отдѣльными государствами. При этомъ, въ противоположность

[1]) Dr. Christo Abadjieff. Die Handelspolitik Bulgariens. 1910. Staats und socialwissenschaftliche Forschungen. Heft 143.

Сербіи, Болгарія нашла поддержку этимъ своимъ стремленіямъ прежде всего въ Австро-Венгріи. Слѣдующій періодъ состоитъ въ заключеніи ряда торговыхъ договоровъ въ 1896—97 г., въ которыхъ Болгарія выступаетъ уже, какъ равноправный членъ международной семьи народовъ, и наконецъ, съ 1905 года начинается новѣйшій періодъ въ торговой исторіи Болгаріи. Онъ характеризуется заключеніемъ торговыхъ договоровъ на основаніи автономно разработаннаго таможеннаго тарифа. «Теперь впервые удалось болгарскимъ государственнымъ людямъ санкціонировать, по западно-европейскому образцу, общій для всѣхъ таможенный тарифъ и принять его за основаніе въ переговорахъ о торговыхъ договорахъ» (Абаджіевъ. 52).

Международная торговля Болгаріи въ концѣ XIX столѣтія подверглась сильнымъ колебаніямъ. Особенно сильно было паденіе ввоза въ 1894—95 г. (1894—99 мил. л., 1895—69 мил.). Къ 1900 г. это паденіе достигло 46 мил. л., тогда какъ еще въ первый годъ послѣ возсоединенія Болгаріи онъ равнялся 64 мил. Съ 1901 г. начался постепенный подъемъ ввозной торговли, хотя все еще не лишенный значительныхъ колебаній. Въ послѣдніе годы передъ войной ввозъ Болгаріи возросталъ особенно быстро и регулярно, составивъ въ 1910 г. 177 мил. лев. а въ 1911 г.—197 мил. Земледѣльческая Болгарія нуждалась по преимуществу въ продуктахъ обрабатывающей промышленности; такимъ образомъ, фабричныя издѣлія составляютъ (1910) свыше 68% ея ввоза, сырые и полуобработанные товары 17,6%, съѣстные припасы и питія 13,5%. Что касается вывоза, то его статистика почти совпадаетъ со статистикой ввоза; только она представляетъ еще болѣе грозныя явленія, такъ какъ даже въ послѣдніе годы здѣсь отсутствуетъ соразмѣрность. Такъ, въ 1904 г. вывозъ составляетъ около 158 мил. л., но потомъ онъ падаетъ, и въ 1906 г. равняется уже всего 115 мил. Въ слѣдующемъ 1907 г. опять нѣкоторый подъемъ (около 126 мил.) и опять въ 1908 г. паденіе (до 112 м.). Почти на томъ же уровнѣ вывозъ держится въ 1909 г., а въ 1910 г. поднимается до 129 мил., и въ 1911 г. вдругъ подскакиваетъ до 183 мил. Эта неустойчивость болгарскаго вывоза объясняется чрезмѣрнымъ напряженіемъ вывозныхъ силъ страны: вывозятъ все, что можно и сколько можно. При болѣе детальномъ изученіи данныхъ, относящихся къ внѣшней торговлѣ Болгаріи, это особенно бросается въ глаза. Такъ, въ 1894 г. вывозъ живого скота далъ 6 мил., 1899 г.—4,7 мил., 1904—6,3 мил., 1906—4,8 мил., 1907—8,2 мил. и т. д., или зерновой хлѣбъ: 1894—55,9 мил., 1899—32,8 мил., 1904—122,2 мил., 1906—73,8 мил., 1909—67,9 мил., 1910—80,8 мил. и т. д. Подобныя рѣзкія колебанія обнаруживаются во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ болгарскаго ввоза и вывоза, свидѣтельствуя, что финансовыя силы страны перенапряжены, и что за внѣшнимъ блескомъ и дипломатическими успѣхами скрывались глубокіе дефекты въ народной экономической жизни. Продукты сельскаго хозяйства составляютъ (1910) 79,2% всего болгарскаго вывоза, сырые и полуобработанные товары—10,8% и фабричныя произведенія—10%. Изъ странъ, съ которыми Болгарія ведетъ торговлю, на первомъ мѣстѣ стоитъ Австро-Венгрія, однако, не доминирующая здѣсь настолько, какъ въ Сербіи. Ея участіе во внѣшней торговлѣ Болгаріи выражается около 27%, но безотносительно непрерывно возрастаетъ. Далѣе слѣдуетъ Германія, участіе которой въ торговлѣ страны непрерывно растетъ (1903—1907—15,49%, 1908—16,02%, 1909—18,21%, 1910—19,24%). Постепенно Германія вытѣсняетъ съ болгарскаго рынка Англію, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ (1903—1907—16,74%, 1908—17,83%, 1909—16,83%, 1910—12,79%). Торговыя отношенія съ Турціей незначительны и также падаютъ

(1909—13,14%, 1910—11,85%); торговля Болгаріи съ Россіей совершенно ничтожна (около 4%).

Въ особенную заслугу себѣ болгарское правительство ставитъ подъемъ просвѣщенія въ народѣ. Въ этомъ отношеніи [1]) нельзя отрицать дѣйствительно прогресса. Грамотность въ населеніи возрастаетъ: въ то время, какъ въ 1887 году она составляла 10,71%, въ 1892 г. это число возросло до 15,63%, а въ 1905 г. уже до 23,87%. Если откинуть дѣтей до шестилѣтняго возраста, то процентъ грамотности поднимается до 34,76, а если исключить изъ этого числа женщинъ, представляющихъ весьма низкій процентъ грамотности (18,24), то окажется, что большая половина всего мужского населенія Болгаріи (50,57%) грамотна. Конституція требуетъ всеобщаго обязательнаго обученія, а законъ опредѣляетъ, что въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе 40 домовъ, должна быть первоначальная школа, и теперь такія учебныя заведенія имѣются въ 3243 селеніяхъ (кромѣ 80 въ городахъ); не имѣется школъ почти исключительно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ инородческое или иновѣрческое населеніе, содержащее собственныя конфессіональныя и т. п. школы. Законъ 1909 г. усилилъ отвѣтственность родителей за непосѣщеніе ихъ дѣтьми четырехлѣтней начальной школы, введя за это денежные штрафы. Результаты этой мѣры не замедлили сказаться: число дѣтей, окончившихъ полный курсъ школы, оказалось въ 1910/11 уч. году 66,870, въ предшествовашемъ 54,877, тогда какъ въ 1906/7 уч. году всего 49,076. Въ 1904 г. министерство народнаго просвѣщенія заключило заемъ въ 6 мил. левовъ для постройки учебныхъ заведеній, и на эти деньги до 1910 г. было возведено свыше 450 зданій. Общее число начальныхъ школъ возросло, однако, довольно незначительно (въ 1900 г. оно составляло 4479, въ 1908 г.—4735, т.-е. за 8 лѣтъ увеличеніе всего на 256). Число средне-учебныхъ заведеній увеличилось также не особенно значительно: именно, съ 241 въ 1900 году оно поднялось до 334 въ 1908, причемъ въ это послѣднее число вошли и высшія начальныя училища (въ количествѣ 156), которыя въ статистику 1900 г. не входили. Спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ Болгаріи 27, университетъ 1. Учащихся было въ 1908/9 уч. году 502,769 чел. (въ томъ числѣ около 436 тыс. въ начальныхъ училищахъ, 53 тыс. въ средней школѣ и 1569 студентовъ въ университетѣ). Софійскій университетъ былъ основанъ подъ названіемъ Высшаго училища въ 1888 г. съ однимъ историко-филологическимъ факультетомъ. Въ 1889/90 уч. г. былъ открытъ физико-математическій факультетъ, а въ 1892/93 г.—юридическій, и въ 1903 г. Высшее училище было переименовано въ университетъ. По закону 1909 г., въ немъ должны быть открыты еще два факультета, техническій и агрономическій. Въ Софійскій университетъ принимаются и женщины; число студентовъ возростаетъ такъ быстро, что уже перешло за 2000 человѣкъ (зимній семестръ 1911/12 уч. года—2260, изъ нихъ 1701 мужчина и 559 женщинъ). Наконецъ, какъ завершеніе всей этой системы образованія, въ 1911 г. была учреждена академія наукъ, преобразованная изъ Болгарскаго литературнаго общества (основаннаго въ 1869 г. въ Браиловѣ и переведеннаго въ 1881 г. въ Софію).

---

[1]) Н. Ванковъ. История на учебното дѣло въ България отъ край врѣме до освобождението. 1903. W. Nikoltschoff. Das bulgarische Bildungswesen 1910. E. Peeters et A. Zlatanoff. L'éducation en Bulgarie. Nouvelle Bibliothèque Pédagogique. Ж. Таджеръ. Изложение за дѣятелностьта на Министерството на Народното Просвѣщение въ Царство България. София 1910. (Архивъ на Министерството на Народ. Просв. Год. II, книжка 1).

Мы уже видѣли официальный болгарскій оптимизмъ въ оцѣнкѣ явленій государственной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ неистощимъ и, какъ проявленіе нѣсколько излишней самонадѣянности, вреденъ. Очень характерна, напр., рѣчь министра финансовъ, И. Саллабашева [1]), при представленіи въ Народное собраніе бюджета на 1909 г. Бюджетъ оказался очень великъ. Государственные расходы за 1908 годъ,—годъ объявленія болгарской независимости и связанныхъ съ нимъ событій,— составили колоссальную для Болгаріи сумму 261,710 тыс. лев.; дефицитъ равнялся 114,700 тыс. лев. Пришлось прибѣгнуть къ краткосрочнымъ займамъ. Бюджетъ и на 1909 годъ пришлось составить при исключительныхъ условіяхъ и въ размѣрѣ 157 мил. лев., для чего понадобилось сильно увеличить прямое обложеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, и этотъ бюджетъ, ужасавшій народныхъ представителей, оказался слишкомъ малымъ. Возростая съ каждымъ годомъ, онъ достигъ въ 1911 г. почти 180 мил., а въ 1912 г. превысилъ 190 мил. Чтобы покрывать эти расходы, Болгаріи приходилось дѣлать новые и новые займы и увеличивать налоговую тяжесть. Однако при той имперіалистической политикѣ, на путь которой все болѣе рѣшительно вступала Болгарія, иначе и не могло быть: армія требовала все новыхъ и новыхъ расходовъ. Что касается налоговой системы царства, то мы видимъ здѣсь коренную реформу послѣ 1887 г. До этого времени господствовали въ измѣненной формѣ турецкіе порядки: прежній турецкій налогъ на продукты земли, десятина, подвергся измѣненію въ смыслѣ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ, но принципъ оставался все тотъ же. Послѣ 1887 г. болгарское законодательство употребило много усилій на то, чтобы замѣнить эту устарѣлую систему новой, но полнаго порядка въ этомъ отношеніи еще не достигнуто. Поземельный налогъ распредѣляется въ зависимости отъ качества земли на три категоріи, и размѣры его съ каждаго участка опредѣляются на пять лѣтъ. Этотъ налогъ давалъ Болгаріи до 1910 г. ежегодно около 20 мил. лев. Сверхъ того, прямымъ налогомъ въ Болгаріи обложены постройки, патенты на занятія, разведеніе овецъ и козъ поголовно (налогъ, оставшійся отъ турецкаго времени); прежній натуральный «путевой» налогъ замѣненъ въ 1887 г. денежнымъ. Въ 1891 г. былъ введенъ налогъ на лицъ, освобождаемыхъ отъ военной службы, при чемъ по закону 1910 г. онъ составилъ $2^0/_0$ съ имущества и $2^0/_0$ съ дохода. Въ 1891 г. былъ введенъ въ государственнй бюджетъ прежде общинный «училищный» налогъ. Въ совокупности своей прямые налоги давали Болгаріи до 1903 г. нѣсколько меньше 40 мил. лев.; съ этого же времени приходъ ихъ непрерывно возросталъ, достигнувъ въ 1910 г. почти 46 мил. Косвенными налогами въ Болгаріи являются таможенные сборы, акцизъ (на табакъ, спиртные напитки, колоніальные товары и т. д.), государственныя привиллегіи (соль, спички, игральныя карты и др.). Государственный долгъ царства составилъ (по займамъ съ 1892 г.) послѣ погашеній 1910 г. къ 31 дек. 1910 г. 610,199,410 левовъ.

Военный бюджетъ Болгаріи, который до 1906 г. держался еще около 30 мил. лев., съ тѣхъ поръ возросъ до огромныхъ суммъ, поглощающихъ значительную часть народныхъ средствъ. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ угрожающемъ развитіи Македонскаго вопроса

---

[1]) Рѣчь на Иванъ Саллабашевъ, министръ на финанситѣ, по финансовото положение на България (15 дек. 1908 г.). София. 1909. Критика этой системы, впрочемъ, весьма субъективная и имѣющая цѣлью оправданіе себя, дана въ книжкѣ бывшаго болгарскаго министра финансовъ Л. Паякова «Държавнитѣ финанси и министръ Салабашевъ». 1909. Подробное представленіе о системѣ финансового хозяйства въ Болгаріи даетъ «Сборникъ на дѣйствующитѣ финансови закони» (1878—1909), офиціальное изданіе министерства финансовъ,

съ начала XX столѣтія. Македонія, которая по ст. 23 Берлинскаго трактата должна была получить внутреннее самоуправленіе подъ властью христіанскаго генералъ-губернатора, оставалась въ тягчайшемъ рабствѣ у турокъ. Европа не сразу предоставила македонцевъ своей судьбѣ [1]). 11 авг. 1880 г. европейская комиссія предоставила Портѣ проектъ «Закона о вилайетахъ европейской Турціи». Турецкой власти (вали, которые могли быть и мусульманами) въ этомъ законѣ предоставлялись очень широкія полномочія, но рядомъ съ вали учреждалась должность его помощника мустешара, при чемъ или вали, или мустешаръ должны были быть христіанами, и кромѣ того создавались «генеральные совѣты вилайетовъ», въ которыхъ часть членовъ избиралась (по двое отъ каждаго округа, каза), часть (1/4 избранныхъ членовъ) назначалась вали. Совѣты пользовались довольно обширными законодательными полномочіями. Разумѣется, проектъ закона о вилайетахъ остался мертвой буквой; Порта приняла его къ свѣдѣнію, но и не подумала о выполненіи. Только передъ самой войной съ балканскимъ союзомъ она вспомнила о существованіи этого закона, но въ 1912 г. онъ имѣлъ уже лишь историческое значеніе. Послѣ 1880 г. надолго прекращаются заботы европейскихъ державъ о Македоніи. Вмѣсто требовавшихся реформъ оттоманское правительство отдѣлывалось пустыми обѣщаніями или «реформами», не имѣвшими никакого значенія. Такъ какъ уже черезъ 10 лѣтъ послѣ войны въ Македоніи господствовала анархія, то Порта задумала создать изъ «честныхъ крестьянъ» въ каждой деревнѣ мѣстную полицію, «комиссіи общественной безопасности». Эта мѣра, которая должна была совершиться въ 1887 г. въ Монастырскомъ вилайетѣ, фактически привела только къ увеличенію всеобщей смуты. Послѣ этого въ македонскихъ дѣлахъ опять на нѣсколько лѣтъ наступило молчаніе, далеко не указывавшее на успокоеніе страны. Вниманіе державъ было поглощено въ 1895—6 г. звѣрствами, которыя творились въ Арменіи. Македонскій вопросъ опять выдвигается на сцену въ началѣ новаго вѣка.

Болгарія, присоединивъ Восточную Румелію, не могла остановиться въ своемъ завоевательномъ стремленіи передъ границей Македоніи. Было совершенно естественно, что сильный и смѣлый молодой народъ, избалованный тѣми успѣхами, какіе выпали на его долю въ послѣднія десятилѣтія минувшаго вѣка, рвался къ освобожденію отъ турецкаго гнета христіанской провинціи. Кѣмъ, однако, была населена Македонія, кто имѣлъ на нее право: сербы, болгары, румыны, греки? Или болѣе спеціально, какое славянское населеніе жило здѣсь: сербское или болгарское? Выше уже была указана сербская точка зрѣнія. Болгары не могли согласиться съ ней, и въ началѣ XX вѣка въ Македоніи кипѣла страшная взаимная ненависть между людьми, которые сами себя называли, или которыхъ заставляли называть себя сербами или болгарами.

Въ 1900 г. въ Софіи выходитъ болгарская статистика Македоніи [2]), въ которой доказывается, что въ Македоніи сербовъ почти нѣтъ (въ гор. Скоплѣ около 300 душъ, да и то позднихъ колонистовъ, въ селѣ Кумановѣ, «маленькая община, состоящая изъ сотни домовъ, которая *сербится*— се сърбѣе», и т. под.). Между тѣмъ, болгары, какъ «теперь безспорно», составляютъ главный домашній элементъ въ Болгаріи. Въ трехъ вилайетахъ Македоніи, Солунскомъ, Скопскомъ и Битольскомъ (Монастырскомъ), Кънчовъ насчиталъ 2,247,574 жителей, въ томъ числѣ оказалось болгаръ-христіанъ 1,032,233 и болгаръ-магометанъ 146,803. Эта статистика оказалась прелю-

[1]) Документы собраны въ книгѣ Шопова «Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie» 1873—1904. Paris. 1904.

[2]) Македония. Етнография и статистика отъ Василъ Кънчовъ. Издава българското книжовно дружество въ София. 1900.

дѣй для дальнѣйшихъ дѣйствій. Почти въ то же время (лѣтомъ 1901 г.) по Македоніи совершилъ поѣздку русскій офицеръ, П. А. Риттихъ [1]). Проѣзжая по Скопскому вилайету, въ мѣстности, гдѣ и статистика Кàнчова согласна на нѣкоторыя уступки въ пользу сербовъ, онъ отмѣтилъ слѣдующее: «По пути все время приходилось распрашивать встрѣчныхъ по дорогѣ, — настолько онѣ (дороги) были перепутаны и затеривались. Встрѣчныхъ селяковъ мы окрикивали, такъ какъ они, замѣчая экипажъ, сворачивали въ сторону, съ явнымъ желаніемъ скрыться отъ насъ. Приходилось оглядывать ихъ, шутить съ ними, чтобы нѣсколько успокоить этихъ трусливыхъ зайцевъ, и только затѣмъ они отвѣчали на задаваемые вопросы. Лица ихъ были блѣдны, глаза разбѣгались въ стороны, и по рукамъ было видно что они дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ. На вопросы: «Сербы ли они», селяки робко отвѣчали: «Сербы». «А, може, болгары», продолжалъ тотъ же и тѣ отвѣчали: «Болгары»... Всѣ отвѣты сопровождались безчисленными поклонами, и выраженіе лицъ было настолько страдальческое, что можно было подумать, что нашими вопросами мы имъ причиняемъ жестокую боль и мученія. Пытаясь разговориться съ ними дальше, мы ничего не могли добиться, они повторяли наши слова и, какъ дикіе звѣрки, косились въ сторону». Статистика, собираемая при такой запуганности населенія, разумѣется, можетъ дать какіе угодно результаты, между тѣмъ при «разрѣшеніи» македонскаго вопроса со статистикой орудовали особенно усердно. Болѣе объективнымъ признакомъ для этническаго опредѣленія населенія является языкъ, но македонскихъ нарѣчій много, и они представляютъ переходные говоры отъ болгарскаго къ сербскому языку. Но все же эти нарѣчія въ большинствѣ своемъ ближе къ болгарскому языку, и вполнѣ можно присоединиться къ высказанной Л. Нидерле точкѣ зрѣнія, что «славяне въ Македоніи и Старой Сербіи представляютъ народъ, національное чувство котораго до сихъ поръ не вполнѣ и неравномѣрно развито въ сравненіи съ обоими славянскими сосѣдями, и что нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ славянъ чувствуетъ и признаетъ себя болгарами». [2]) Въ разгаръ сербско-болгарской распри изъ-за завоеванной территоріи лингвистическій аргументъ былъ выдвинутъ какъ сербами (проф. Беличемъ), такъ и болгарами (проф. Цоневымъ). [3]) Послѣдній утверждалъ, что Македонія раздѣляется въ языковомъ отношеніи на двѣ части, сѣверную и южную, при чемъ раздѣлительной линіей служитъ черта, соединяющая города Гостиваръ, Тетово, Скопле, Кратово и Крива Паланка. Южная Македонія обладаетъ всѣми важными особенностями болгарскаго языка, въ сѣверной «господствуетъ нарѣчіе, которое хотя и содержитъ нѣкоторыя сербскія свойства, но имѣетъ чисто болгарскія свойства». Отсюда выводъ: македонское населеніе есть «неотъемлемая часть болгарскаго народа».

Эта непримиримая точка зрѣнія заставила болгарское правительство и общество смотрѣть на македонскій вопросъ, только какъ на свой національный, болгарскій вопросъ. Къ разрѣшенію его энергично приступили съ 1902 года [4]). Въ Софіи находился близкій къ правительству «Македонскій комитетъ», руководимый весьма авторитетнымъ въ кругахъ болгар-

---

[1]) П. А. Риттихъ. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. По Македоніи лѣтомъ 1901 года. Спб. 1909. Стр. 199—200.

[2]) Л. Нидерле. Обозрѣніе современнаго славянства. 1909, стр. 152. На стр. 154—158 приведена огромная литература по македонскому вопросу. См. въ главѣ о Сербіи соотвѣтствующую литературу (особ., книгу Державина, горячо защищающаго права болгаръ на Македонію).

[3]) Б. Цоневъ. Къ какому языку принадлежатъ македонскія нарѣчія? «Славянскія Извѣстія», № 23 (21 апр. 1913 г.).

[4]) О македонскомъ вопросѣ (вкратцѣ), см. въ моей статьѣ въ «Исторіи нашего времени», вып. 13. Подробности въ книгѣ R. Pinon, L'Empire Ottoman. и др.

ской молодежи профессоромъ Софійскаго университета, С. Михайловскимъ. Въ Македоніи дѣйствовала на собственную руку «Внутренняя организація» стремившаяся къ превращенію Македоніи въ автономную область. Разумѣется, если бы эта программа, не оставленная нѣкоторыми молодыми дѣятелями и донынѣ [1]), была осуществлена, Болгаріи нечего было бы и дѣлать въ Македоніи. Вслѣдствіе этого между двумя организаціями кипѣла вражда, еще болѣе увеличивавшая на мѣстахъ анархію. Въ маѣ 1902 г. «комитетъ автономіи Македоніи и Албаніи» обращается къ султану съ требованіемъ образовать автономныя области: Албанію (изъ вилайетовъ Скутарійскаго и Янинскаго) и Македонію (изъ вилайетовъ Косовскаго или Скопскаго, Битолійскаго и Солунскаго) Конечно, этотъ вызовъ, брошенный султану, имѣлъ лишь принципіальные значеніе своего рода ультиматума, и лѣтомъ 1902 г. «Конгрессъ македонянъ» выработалъ подробную программу автономіи. Вскорѣ въ Македоніи началось возстаніе, которое, постепенно возрастая, охватило въ 1903 г. всю страну. Державы обратили вниманіе на то, что происходитъ въ этой странѣ, и оттоманское правительство сочло нужнымъ выступить въ дек. 1902 г. съ новымъ проектомъ реформъ. Съ этого времени Македонскій вопросъ уже не сходитъ съ арены. Онъ становится той почвой, на которой особенно рѣзко проявилось соперничество державъ. Мюрштегское соглашеніе Россіи съ Австріей (въ сент. 1903 г.), настоянія Франціи въ Константинополѣ и всяческія попытки ввести европейскій контроль оказывались столь же недѣйствительными мѣрами для улучшенія участи христіанскаго населенія въ Македоніи, какъ и провозглашеніе въ іюлѣ 1908 г. турецкой конституціи. Эта послѣдняя, будучи построена на узко націоналистическомъ принципѣ «оттоманскаго» подданства, дѣлала положеніе болгаръ въ Македоніи еще болѣе тяжелымъ вслѣдствіе непрактиковавшагося ранѣе преслѣдованія ихъ національнаго быта. Когда же съ весны 1909 г. въ Турціи поднялся новый жгучій вопросъ албанскій, то всѣ мѣры, принимавшіяся противъ албанцевъ, ложились новымъ бременемъ на македонцевъ, которыхъ албанцы въ отместку грабили и убивали. Порта доказала свое полное безсиліе, если не нежеланіе, внести нѣкоторый порядокъ въ измученной странѣ, и въ концѣ 1909 года Болгарія становится уже вполнѣ открыто во главѣ македонскаго движенія. «Македоно-Одринская организація» устраиваетъ въ Софіи митинги протеста; бѣглецы изъ Македоніи бѣгутъ въ Болгарію, которая оказывается вынужденной выдавать ихъ Турціи. Въ Болгаріи господствуетъ глубокое возмущеніе противъ Турціи, сильное воодушевленіе въ стремленіи освободить братьевъ, и лѣтомъ 1912 г., какъ послѣдняя попытка опять привлечь вниманіе Европы на Македонію, два софійскіе профессора, родомъ македонца, Милетичъ и Георговъ, объѣзжаютъ европейскія столицы. Но вниманіе Европы въ достаточной мѣрѣ притупилось.

Приступая къ войнѣ съ Турціей, Болгарія заключила [2]) союзный договоръ съ Сербіей (16—29 февр. 1912 г.) и военную конвенцію съ ней (6—19 іюня 1912 г.), а также союзный договоръ съ Грецiей (16—29 мая 1912 г.) и военную конвенцію съ ней (9—22 сент. 1912 г.). Въ манифестѣ, объявлявшемъ войну, царь Фердинандъ весьма искусно вставилъ напоминаніе: «Болгарскій народъ помнитъ пророческія слова царя-Освободителя о томъ, что святое дѣло должно быть доведено до конца». Въ заключеніи манифеста опять

[1]) Выраженіемъ ихъ взглядовъ является журналъ «Македонскій Голосъ. Органъ сторонниковъ независимой Македоніи».

[2]) Источники: русская Оранжевая книга (см. стр. 361). Въ настоящее время всѣ важнѣйшіе дипломатическіе акты, относящіеся къ обѣимъ балканскимъ войнамъ, собраны въ изданіи «Jahrbuch des Völkerrechts». II Band. 1 Hälfte. 1914. Здѣсь ссылки и на «Зеленую» румынскую книгу.

упоминалось о «доблести учителей-русскихъ освободителей», и, такимъ образомъ, самая война становилась какъ бы подъ защиту Россіи. Первые успѣхи болгарскаго оружія были такъ же блестящи, какъ и сербскіе. 5 окт. болгары заняли городъ Мустафа-Пашу, пограничный турецкій пунктъ; 7 они осадили Адріанополь, 11 взяли Киркъ-Килиссе, 14—Баба-Эски, 16 началось сраженіе у Люле Бургаса, который былъ взятъ уже на слѣдующій день, а 18 окт. болгары заняли Родосто, 31 окт.—Эрегли, Селемврію и Мидію, 2 ноября — Карабурну и Ильдызъ-Табію, 4 ноября—портъ Кавалу, 9 ноября—Малгару и Дедеагачъ (срав. «Слав. Изв.» 1912. № 1). 20 ноября было заключено перемиріе въ Чаталджѣ, гдѣ турки впервые оказали болгарамъ серіозное сопротивленіе. На Лондонской конференціи Болгарія оказалась въ особенно благопріятномъ положеніи: въ то время, какъ Черногоріи отказывали въ Скутари, а изъ завоеваній Сербіи хотѣли образовать автономную Албанію, для Болгаріи, напротивъ, отстаивали еще невзятый ею Адріанополь, подъ стѣнами котораго боролись вмѣстѣ съ болгарами сербскія войска, явившіяся сюда въ большемъ числѣ, чѣмъ это было обусловлено конвенціей. Одновременно съ этимъ Болгарію ограждали и отъ притязаній Румыніи, которая настаивала на допущеніи своего представителя на конференцію. Переговоры, какъ извѣстно, не привели ни къ чему, въ январѣ 1913 г. были прерваны, и военныя дѣйствія возобновились. Безуспѣшность осады Адріанополя заставила представителей великихъ державъ предложить такую болгаро-турецкую границу, которая шла бы отъ Эноса по рѣкамъ Марицѣ и Эргенэ и заканчивалась у Мидіи (7 марта).Но 13 марта Адріанополь палъ, и теперь болгары настаивали на прямой границѣ отъ Эноса къ Мидіи, въ чемъ горячо поддерживала Болгарію русская дипломатія (см. Оранжевую книгу, 99). Турція приняла прелиминарныя условія мира, предложенныя въ нотѣ пословъ, и съ 20 мар. 1913 г. наступило перемиріе. 17 мая 1913 г. былъ заключенъ предварительный Лондонскій миръ, по которому Турція уступала союзникамъ «всѣ владѣнія имперіи на европейскомъ континентѣ къ западу отъ линіи, проведенной отъ Эноса на Эгейскомъ морѣ къ Мидіи на Черномъ морѣ, за исключеніемъ Албаніи». Но благополучное завершеніе дѣла остановилось изъ-за пустяшной 7 статьи договора, толковавшей объ обмѣнѣ плѣнными, и т. под. По заявленію сербскаго представителя Павловича, было бы легче прійти къ соглашенію, «если бы мирный трактатъ былъ дополненъ актами, отдѣльно заключенными соотвѣтствующими правительствами». На этомъ переговоры о мирѣ были закончены.

Дѣлежъ завоеванной территоріи между сербами и болгарами привелъ къ конфликту, назрѣвавшему постепенно. Но уже 3 іюня 1913 г. болгарское правительство въ рѣзкой формѣ отклоняетъ требованіе сербскаго о пересмотрѣ союзнаго договора (ст. 2: «Сербія признаетъ за Болгаріей право на территорію къ востоку отъ Родопскихъ горъ и рѣки Струмы; Болгарія признаетъ за Сербіей право на области къ сѣверу и западу отъ Шаръ-Планины»). Болгарское правительство указывало Сербіи на то, что оно послало на Вардарскій военный театръ 100-тыс. армію, тогда какъ было обязано послать лишь одну дивизію; что каждый изъ союзниковъ выполнилъ только свои обязательства, и потому на большее, чѣмъ обусловлено въ договорѣ 16 февр. 1912 г., никто изъ нихъ не имѣетъ права. Въ обмѣнѣ мнѣніями между правительствами союзныхъ державъ прорываются уже въ это время не только рѣзкія, но прямо грубыя ноты. Болгарская дипломатія говоритъ о «простыхъ предлогахъ», которые выдумываетъ сербское правительство для оправданія своихъ требованій; сербская, въ свою очередь, выставляетъ требованія въ видѣ компенсаціи обязательствъ, которыя Болгарія должна была выпол-

нить, но не выполнила. Какъ извѣстно, эта переписка окончилась, несмотря на вмѣшательство Россіи, нападеніемъ болгарскихъ войскъ на сербскія. Послѣ несчастнаго для Болгаріи исхода этой войны начались разслѣдованія, кто виноватъ въ ней: главнокомандующій генералъ Савовъ или царь Фердинандъ. Повидимому, этотъ вопросъ приходится разрѣшить въ томъ смыслѣ, что увлекаемый событіями и настроеніями могущественной военной партіи, болгарскій государь не могъ противиться ея волѣ, которая такъ совпадала съ его собственными честолюбивыми планами, а также съ внушеніями Австріи и, поддавшись искушенію, взялъ отвѣтственность на себя. Онъ не разсчиталъ при этомъ той опасности, которая грозила Болгаріи съ сѣвера, со стороны Румыніи. Эта послѣдняя сильно опасалась возрастанія могущества Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ и желала возстановить равновѣсіе, вынудивъ Болгарію на извѣстныя территоріальныя уступки. Уже 2 авг. 1912 г. русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Бухарестѣ сообщалъ, что «для Румыніи всякое активное выступленіе Болгаріи явится поводомъ къ подобнымъ же дѣйствіямъ». Румынія за свой нейтралитетъ готовилась потребовать большаго или меньшаго «исправленія» границы въ Добруджѣ. Съ большими усиліями русской дипломатіи удалось удержать Румынію отъ нападенія на Болгарію во время первой балканской войны, при чемъ Болгаріи уже въ дек. 1912 г. пришлось пойти на нѣкоторыя уступки (срытіе укрѣпленій и фортовъ Добруджи, уступку Румыніи около 20 деревень и т. д.), но Румынія стремилась получить городъ Силистрію, и въ концѣ февраля 1913 г. оба государства согласились признать посредничество державъ. На условіи уступки Силистріи и состоялось такое соглашеніе пословъ великихъ державъ въ Петербургѣ 26 апр. 1913 г. Но вторая балканская война слишкомъ соблазнила Румынію возможностью легкой добычи, и 20 іюня 1913 г. королемъ румынскимъ былъ подписанъ указъ о мобилизаціи румынской арміи, и эта послѣдняя вступила въ беззащитную Болгарію, совершая по ней побѣдоносное, но безславное шествіе. Въ концѣ іюня русскому вмѣшательству удалось остановить это шествіе. Румынія твердо настаивала на своихъ требованіяхъ,которыя заключались теперь уже въ уступкѣ со стороны Болгаріи линіи Туртукай—Балчикъ, съ отнесеніемъ границы на нѣсколько километровъ къ западу отъ Туртукая и со включеніемъ Добрича. Болгаріи пришлось согласиться на эти требованія, и въ этомъ духѣ и вынесла свои постановленія Бухарестская конференція. Турція также воспользовалась войной, чтобы опять занять Адріанополь. Въ общей сложности, въ результатѣ двухъ войнъ, Болгарія получила территоріальное приращеніе въ 40 тыс. кв. кил. съ 1,060 тыс. жителей, но сама должна была уступить Добруджу, такъ что ея дѣйствительныя пріобрѣтенія выразились въ 33 тыс. кв. килом. съ 800 тыс. жителей. Но хуже всего то, что она вышла изъ послѣдней войны униженная, озлобленная и, какъ это часто бываетъ, настроенная революціонно. Винили Россію за то, что она будто бы не поддержала Болгаріи, хотя, несомнѣнно, только вмѣшательство Россіи избавило Болгарію отъ еще большаго погрома. Нападки на Россію, во всякомъ случаѣ, были нужны для царя Фердинанда, который, отказавшись отъ дружественнаго Россіи и славянству правительства Данева и Гешова, готовъ былъ вручить власть опять стамбулистамъ, Геннадіеву и его товарищамъ, и вступить въ ближайшія отношенія не съ Россіей, но съ Германіей и Австро-Венгріей. Въ народныхъ массахъ нѣкоторое отрезвленіе наступило скоро; партія преданныхъ друзей Россіи смѣло подняла свой голосъ, и мало-по-малу, уже черезъ годъ послѣ начала второй балканской войны (16 іюня 1914 г.), настроеніе сложилось настолько не въ пользу болгарскаго царя, что на улицахъ столицы произошли крупные династическіе без-

порядки[1]). Вскорѣ послѣ войны среди ненавистниковъ Россіи была поднята мысль объ обращеніи болгарскаго народа (хотя бы части его, въ Македоніи) въ уніатство, но эта безумная мысль, осуществленіе которой было совершенно невозможно при глубокой нравственной серьезности простого болгарскаго народа, какъ-то сама собой упала [2]). Во всякомъ случаѣ, правительство Болгаріи стремилось вести антирусскую политику, но дѣлало это нерѣшительно и боязливо. Такъ случилось съ займомъ, заключеннымъ болгарскимъ правительствомъ 27 іюня 1914 г. въ Германіи (Disconto-Gesellschaft). Эта мѣра была направлена противъ Россіи, которая старалась устроить для Болгаріи заемъ во Франціи, какъ въ государствѣ, принадлежащемъ къ системѣ тройственнаго соглашенія. Когда оппозиція протестовала противъ этого долга, то «Болгарское Телегр. Агентство», само о немъ сообщившее, выступило съ опроверженіемъ своего извѣстія. Между тѣмъ войны и безъ того ввели Болгарію въ огромные займы и съ займами, заключенными въ 1911—13 гг., государственный долгъ въ Болгаріи равнялся къ 7 дек. 1913 г. 720,946,149 лев. Какъ страна земледѣльческая, болгарское царство можетъ сравнительно легко оправиться экономически, но его политическое будущее темно и покрыто тучами: династія Кобурговъ слишкомъ далека отъ народа и слишкомъ проникнута своими эгоистическими стремленіями.

Война 1914 года создала особенно трудное и неопредѣленное положеніе въ Болгаріи. Явно обнаружилось, что правительство этой страны, въ главѣ съ царемъ, идетъ противъ Россіи. Такая политика какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи, всегда заканчивалась крупными неудачами, и слѣдуетъ думать, что Болгарія стоитъ передъ серьезными испытаніями.

---

[1]) Изъ мелкой политической литературы, появившейся послѣ войны, заслуживаютъ вниманія слѣд.: «Р ѣ ч ь отъ Никола Генадиевъ, произнесена на 3 XI 1913 г. въ градското Казино въ София». 1913. Б. В а з о в ъ. Държавнятъ прѣвратъ 16 іюни 1913 год. София. 1913. В е л к о Т. В е л ч е в ъ. Цѣлата истина по погрома и новитѣ опасности за България. 1913 (опасность грозитъ Болгаріи, если Россія отступится отъ нея). «И з л о ж е н и е по събитията на 16 юни 1913 година отъ централното бюро на народната партия» 1913. С. С. Б о б ч е в ъ. Прѣмеждието, що прѣкара България (изъ «Българска Сбирка», I кн. за 1914 г.) и др.

[2]) T. S a ł w a. Propaganda unicka w Bułgaryi. Świat Słowiański. 1913, дек. № 108.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ
ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ.
Масштабъ
0 50 100 200 Верстъ
ЧЕХІЯ
МОРАВІЯ
ГАЛИЦІЯ
БУКОВИНА
ШТИРІЯ
КАРИНТІЯ
ХОРВАТІЯ
СЛАВОНІЯ
БОСНІЯ и ГЕРЦЕГОВИНА
ДАЛМАЦІЯ
Адріатическое море
Трансильванск.
Венеціанскій Заливъ
Кварнеро
Ловчен
Прага
Вѣна
Брно
Краковъ
Львовъ
Будапештъ
Загребъ
Любляна
Триестъ
Венеція
Белградъ
Сараево
Софія
Нишъ
Темешваръ
Сегединъ
Клагенфуртъ
Марибор
Грацъ
Инсбрукъ
Мюнхенъ
Зальцбургъ
Линцъ
Пресбургъ
Ольмюцъ
Брюннъ
Оломуцъ
Моравская Острава
Опава
Ратиборъ
Краковъ
Тарновъ
Перемышль
Дрогобычъ
Стрый
Станиславъ
Коломыя
Черновицы
Кошицы
Ужгородъ
Мукачево
Дебрецень
Сольнокъ
Ясъ Берень
Мезёе Туръ
Сарващъ
Кечкеметъ
Феледжаза
Сегединъ
Мако
Сента
Ст. Кикинда
Бечкерекъ
Нов. Садъ
Вршацъ
Оскъ
Сомборъ
Осекъ
Загребъ
Карловацъ
Сисекъ
Ріека
Карловаг
Задаръ
Сплитъ
Шибеникъ
Макарска
Метковичъ
Рагуза
Корчула
Млѣтъ
Дубровникъ
Котаро
Требинье
Мостаръ
Невесинье
Столацъ
Ливно
Яблоница
Сараево
Зворникъ
Вишеградъ
Рогатица
Фоча
Калиновикъ
Вышеградъ
Рудо
Прозоръ
Мокрагора
Ивановица
Прыполье
Рашка
Ибаръ
Новый Базаръ
Митровица
Ипекъ
Приштина
Куршумлія
Прокупле
Лесковацъ
Пиротъ
Царибродъ
Трнъ
Брезникъ
Радомиръ
Вакарель
Самоковъ
Дупница
Ветренъ
Пиротъ
Годечъ
Ребровацъ
Княжевацъ
Алексинацъ
Ягодина
Смедерево
Панчево
Земунъ
Петроварадинъ
Илокъ
Вуковаръ
Осиекъ
Сигетваръ
Мохачъ
Барчъ
Вировитица
Дарувар
Копривница
Вараждинъ
Чаковецъ
Чуприя
Ломъ-Паланка
Оряховица
Турну-Северинъ
Турну-Магурели
Крайова
Калафатъ
Пеготина
Плевна
Ловечъ
Тырново
Габрово
Шумла
Разградъ
Русе
Силистрія
Тутраканъ
Добричъ
Варна
Бургасъ
Ямболи
Сливно
Карнобатъ
Ески-Загра
Филиппополь
Пловдивъ
Татаръ-Базарджикъ
Пазарджикъ
Перистеръ
Ахрида
Охрида
Струга
Дибра
Призренъ
Ускюбъ
Куманово
Кратово
Кюстендилъ
Радомиръ
Самоковъ
Дупница
Ветренъ
Пернико
Брезникъ
Кюстендилъ
Струмица
Гевгели
Дойранъ
Валандово
Солунь
Серресъ
Драма
Кавала
Дедеагачъ
Гюмюрджина
Ксанти
Родосто
Чорлу
Силиврія
Константинополь
Адріанополь
Кирклиссе
Мидія
Эносъ
Галлиполи
Лемносъ
Митилена
Смирна
Эфесъ
Родосъ
Кандія
Ретимо
Канея
Спалато
Сплитъ
Шибеникъ
Задаръ
Зара
Лезаро
Ливорно
Пиза
Флоренція
Ареццо
Ферара
Равенна
Форли
Римини
Чезена
Анкона
Венеція
Удине
Горица
Триестъ
Фіуме
Пола
Керсо
Карловаг
Загребъ
Любляна
Марибор
Клагенфуртъ
Боценъ
Тріентъ
Инсбрукъ
Мюнхенъ
Аугсбургъ
Регенсбургъ
Нюрнбергъ
Эрлангенъ
Байрейтъ
Эгеръ
Плзень
Будвейцы
Ландсгутъ
Зальцбургъ
Линцъ
Вѣна
Пресбургъ
Брно
Иглава
Простѣевъ
Моравская Острава
Опава
Ратиборъ
Краковъ
Тарновъ
Перемышль
Дрогобычъ
Стрый
Станиславъ
Коломыя
Черновицы
Кошицы
Ужгородъ
Мукачево
Дебрецень
Сольнокъ
Ясъ Берень
Мезёе Туръ
Сарващъ
Кечкеметъ
Феледжаза
Сегединъ
Мако
Сента
Ст. Кикинда
Бечкерекъ
Нов. Садъ
Вршацъ
Оскъ
Сомборъ
Осекъ
Загребъ
Карловацъ
Сисекъ
Ріека
Карловаг
Задаръ
Сплитъ
Шибеникъ
Макарска
Метковичъ
Рагуза
Корчула
Млѣтъ
Дубровникъ
Котаро
Требинье
Мостаръ
Невесинье
Столацъ
Ливно
Яблоница
Сараево
Зворникъ
Вишеградъ
Рогатица
Фоча
Калиновикъ
Вышеградъ
Рудо
Прозоръ
Мокрагора
Ивановица
Прыполье
Рашка
Ибаръ
Новый Базаръ
Митровица
Ипекъ
Приштина
Куршумлія
Прокупле
Лесковацъ
Пиротъ
Царибродъ
Трнъ
Брезникъ
Радомиръ
Вакарель
Самоковъ
Дупница
Ветренъ
Пернико
Брезникъ
Кюстендилъ
Струмица
Гевгели
Дойранъ
Валандово
Солунь
Серресъ
Драма
Кавала
Дедеагачъ
Гюмюрджина
Ксанти
Родосто
Чорлу
Силиврія
Константинополь
Адріанополь
Кирклиссе
Мидія
Эносъ
Галлиполи
Лемносъ
Митилена
Смирна
Эфесъ
Родосъ
Кандія
Ретимо
Канея

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ
И ПОЛЬСКІЯ ЗЕМЛИ ВЪ ПРУССІИ.
Масштабъ
0 50 100 200 Верстъ
1. Силезія. 2. Герцогство Познанское. 3. Западная Пруссія. 4. Восточная Пруссія.
Царство Польское.
Россія.

СЛАВЯНСКІЯ ГОСУДАРСТВА
БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.
Сербія.
Черногорія.
Болгарія.
Масштабъ
0 50 100 200 Верс.
БУКУРЕШТИ
БѢЛГРАДЪ
САРАЕВО
СОФІЯ
ФИЛИППОПОЛЬ
АДРІАНОПОЛЬ
САЛОНИКИ
МОНАСТИРЪ
Варна
Крайова
Призрѣнъ
Нишъ
Сересъ
Тазосъ

Того же автора вышли отдѣльными книгами:

1. „Основной курсъ общаго языкознанія". Петроградъ. 1897 г. Ц. 80 к. (Распродано).
2. „Виленскій учебный округъ". Петроградъ. 1901 г. (Вступленіе къ IV тому „Матеріаловъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи", издан. Минист. Народн. Просв.). Переведено на польскій языкъ въ журналѣ „Ognisko" за 1902 г.
3. „Къ вопросу о ераківцахъ" (изъ „Вѣстника Археологіи и Исторіи"). 1900 г. Ц. 40 к.
4. „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій". Петроградъ. 1901 г. Ц. 2 р. (Распродано).
5. „Сборникъ статей по археологіи и этнографіи" (изданіе слушателей Петроградскаго Археологическаго института). Петроградъ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
6. „Слѣды корней—основъ въ славянскихъ языкахъ". Варшава. 1903 г. Ц. 2 р. (Распродано).
7. „Религія Зороастра". Изд. О. Н. Поповой. Петроградъ. 1903 г.
8. „Боги и герои Эллады". Петроградъ. 1904 г. Изд. О. Н. Поповой.
9. „Главныя теченія польской политической мысли" (1864—1907 гг.). Изд. издательства „Просвѣщеніе". Петроградъ. 1907 г. Ц. 3 р.
10. „Очеркъ исторіи Польши". Изд. журнала „Юная Россія". М. 1909 г. Ц. 50 к.
11. „Исторія Сербіи". Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Петроградъ. 1909 г. Ц. 1 р.
12. „Исторія Болгаріи". Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Петроградъ. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
13. „Адамъ Мицкевичъ. Жизнь и творчество". Изд. В. М. Саблина. 2 тома. М. 1912 г. Ц. 4 р.
14. „Волшебный міръ". Изданіе редакціи журнала „Педагогическій Листокъ". М. 1912 г. Ц. 20 к.
15. „Языкъ, какъ творчество. Психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи" (IV томъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества", издаваемыхъ Б. А. Лезинымъ въ Харьковѣ). 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.
16. „Лекціи по исторіи польской литературы". Ч. I. Харьковъ. 1913 г. Ц. 1 р. 80 к.

Цѣна 1 р. 75 к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00037008200